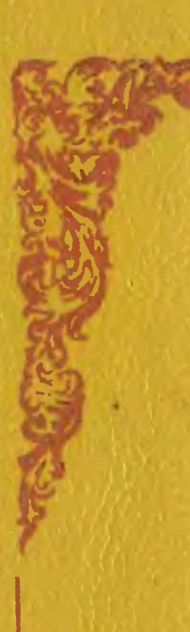
Пам'ятки історичної думки України

УКРАЇНЦІ:



народні вірування, повір'я, демонологія

Пам'ятки
історичної
думки
України

УКРАЇНЦІ:

народні вірування, повір'я, демонологія

2-е видання

КИЇВ
«ЛИБІДЬ»
1992

ББК 63.5(2Ук)
У45

Бібліотека
«ПАМ'ЯТКИ ІСТОРИЧНОЇ ДУМКИ УКРАЇНИ»
Заснована 1989 року

Рекомендовано Вченою радою Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського АН України

Упорядкування, примітки та біографічні нариси
А. П. Пономарьова, Т. В. Косміної, О. О. Боряк

Вступна стаття А. П. Пономарьова

Ілюстрації *В. І. Гордієнка*

Рецензент *М. В. Попович*
Редактор *Ю. Г. Медюк*

У $\frac{0505000000-136}{224-92}$ БЗ-24-2-92

ISBN 5-325-00371-2

ЦАРИНА НАРОДНОЇ УЯВИ ТА ЇЇ КЛАСИЧНІ РОЗРОБКИ

Мабуть, без перебільшення беремося твердити, що ця книга викличе у читачів неабиякий інтерес. Передусім тому, що вона зачіпає глибинний шар народної культури — вірування й повір'я, а відтак і увесь світ фантазії, до якої особливо чутливі були українці. Недаремно саме на українському демонологічному підгрунті виникла фольклорно-фантастична новела, що стала, можна сказати, національним жанром. Вона вабила своєю екзотичністю, неймовірністю ситуацій, незвичністю персонажів. Подібні почуття має збудити і ця книга, бо й вона випромінює світло народної уяви.

По-друге, усі вміщені у збірці матеріали протягом досить тривалого часу були важкодоступними для широкого читача, і на це існували певні причини.

Не є таємницею, що вірування та повір'я — ця основа світоглядних уявлень людей і найважливіша складова їхнього духовного життя — до останнього часу або залишалися поза увагою науковців, або ж описувалися ними досить однобічно. Ставлення до них було переважно негативним — як до пережиткових явищ культури. Постулатом вважався відомий вислів Ф. Енгельса про те, що релігійні вірування — не що інше, як фантастичні відображення в головах людей тих зовнішніх сил, котрі панують над ними в їхньому повсякденному житті.

Ця в цілому вірна теза у більшості наукових досліджень нерідко гіпертрофувалася, що призводило до звуження величезного функціонального спектра вірувань і повір'їв. Адже всі міфологічні й демонологічні уявлення, магічні обряди та ритуали не тільки пов'язані з фантастичною сферою — вони, як правило, відбивають і багатющий міжпоколінний досвід людей, а часом відтворюють їхні вікові прагнення. Вже одне це зобов'язує нас пильніше придивитися до

цього феномена, який грав неабияку роль у розвитку духовності народу.

Звернення до цієї проблеми диктує й нинішня етнонаціональна ситуація, котра характеризується зростанням національної самосвідомості населення, підвищеним інтересом до витоків традиційної культури, етнічної історії тощо. Розпочатий процес національного відродження України може бути прискорений, зокрема, через засвоєння духовних багатств народу, накопичених поколіннями. І навпаки, кожна незаповнена прогалина у системі міжпоколінної передачі етнокультурної інформації буде і далі призводити до збіднення духовності етносу, а відтак і до кризи суспільства. Саме в цьому криється практичний інтерес до вивчення народних вірувань та уявлень.

Проте є й інший, не менш важливий аспект цього інтересу — суто науковий, історичний. Народні вірування та уявлення вбирали в себе усе багатоманіття ідей, що панували в різні епохи, хоча їх не можна вважати своєрідним музеєм, де постійно зберігаються ці ідеї. Механізм їх взаємозв'язків набагато складніший: залежно від об'єктивних умов у системі вірувань та уявлень могли консервуватися, відтворюватися архаїчні шари, з'являтися іншоетнічні запозичення, конфесійні елементи і т. ін. Якщо спробувати простежити усі ці нашарування, можна «прочитати» не тільки історичну долю країни, а й духовний рух її народу.

Аналіз різночасових ідей, втілених у народні вірування, виявляє насамперед історичні зв'язки тих слов'янських племен, що колись проживали на території України, з іншими народами, дещо прояснюючи складну проблему етногенезу — формування етнічної спільності.

Вона зароджувалась у суперечливих умовах: з одного боку, в тісних етнокультурних контактах із сусідніми народами (росіянами, білорусами, молдаванами, болгарами, греками та ін.), з іншого — в умовах боротьби з численними державами, котрі зазіхали на українські землі. Такими у різні часи були і Велике князівство Литовське, і Річ Посполита, і османська Туреччина, і королівська Румунія та Угорщина, і буржуазна Чехословаччина, а деякою мірою і царська Росія. Кожна з цих держав, підкорюючи окремі землі України, привносила свій етнокультурний та конфесійний фон: чи то полонізацію, мадяризацію, румунізацію або русифікацію, чи то покатоличення, омусульманення тощо.

Як наслідок усього цього, система вірувань та повір'їв українців виявилася надзвичайно строкатою і складалася з цілого ряду регіональних варіантів. Скажімо, поліський варіант зберіг найбільш архаїчні форми, включивши до себе і певний білоруський субстрат; подільський має давньослов'янську канву із вплетенням польських та тюркських компонентів; карпатський тривалий час формувався на католицькій основі із включенням польського, а на Закарпатті —

угорського та румунського субстратів; середньонаддніпрянський найбільш повно позначений українською символікою із привнесенням компонентів загальноросійської культури і т. д.

Розкриття різноманітних нашарувань у системі світоглядних уявлень та вірувань українців дає грунт і для розуміння глибинної основи їхнього походження: стародавньої, слов'янської та первісної, індоєвропейської. Вся міфологія і демонологія українців (за винятком етнорегіональних нюансів) переважно слов'янська: і за персонажами богів, і за структурою демонів, і за природою космогонічних уявлень, і за характером зв'язків вірувань та повір'їв із типом господарства. Проте ця основа, вплив якої, за свідченням дослідників, завершився до IX ст.,— лише певний етап у загальному процесі розвитку народних вірувань і уявлень як важливого компонента етногенезу слов'ян, а відтак і українців. Аналіз системи вірувань, що формувалися на цьому етапі, прояснює механізм походження українського етносу і дозволяє визначити значну спільність походження росіян, українців та білорусів.

Більшість дослідників схиляються водночас до того, що в основі етапу інтеграції загальносхіднослов'янської міфології та демонології лежать культурні стереотипи, характерні для індоєвропейської культури. Протослов'янський компонент уявлень наших предків, на їхню думку, відноситься до XVII — XVI ст. до н. е. На цьому етапі протослов'янська культура охоплювала більш широке у порівнянні із раннім середньовіччям коло етносів, у тому числі не тільки східних, а й західних та південних слов'ян. У більш віддалені часи культурна спорідненість народів індоєвропейської групи включала й інші народи Європи.

Розвиваючи відоме положення В. Я. Проппа про широку спільність міфологічних персонажів, сучасні дослідники доводять: через те, що індоєвропейські народи розселені на таких просторах, які виключають можливість безпосередніх контактів між багатьма із них, через те, що пам'ятки літератури індоєвропейськими мовами в усній і писемній традиції збереглися нерідко від сивої давнини, ми можемо із впевненістю говорити про стародавні загальноіндоєвропейські космогонічні міфи.

Виявлення генезису міфологічних та демонологічних уявлень народів наштовхує на думку про стадіальність їхнього розвитку, що була викликана передусім соціальними умовами — різними для різних історичних періодів. Певним рубежем якісної трансформації цих уявлень було прийняття християнства, яке радикально позначилося на розумінні сутності вірувань і повір'їв. Найдавніші, дохристиянські уявлення людей, як правило, пов'язувались із нагальними господарськими інтересами і грунтувалися на вірі в особливу силу тих чи інших явищ природи, а у деяких випадках і на вірі в їх надприродну силу. Через віру, шляхом виконання магічних дій людина намагалася вплинути на досягнення поставленої мети: захистити врожай,

вилікувати хворого чи забезпечити спокій домашнього вогнища. Словом, людина тут виступала переважно як активне начало, а не тільки жертвою сил природи, як це донедавна трактувалося багатьма дослідниками. Щодо другорядних побутових проблем, то їх реалізація здійснювалася, як правило, за допомогою активних методів впливу: прикмет, віщувань, передбачень — усього того, що одержало назву повір'їв.

Із впровадженням християнства у віруваннях та повір'ях зростає елемент надприродного, але він обов'язково пов'язується з вірою в реальне його існування і, отже, з вірою в реалізацію будь-якого бажання, якщо звернутися по допомогу до надприродних сил — богів, наприклад. Усе, що стосувалося фантастичного, надприродного, але не пов'язувалося з вірою, не відносилось до релігії та вірувань; воно могло відноситись до традиції, до поезії чи до казок: в них був елемент фантастичного, вигаданого, але людьми він не сприймався за реальність.

Щодо традицій, звичаїв, обрядів і ритуалів, то в своїй першооснові вони належали до релігійно-магічних явищ, оскільки люди вірили, що вони можуть дати бажаний результат: скажімо, забезпечити родючість (через виконання обряду «кущ»), позбавитися «нечистих» сил («водіння русалки», «спалення Масляни»), зберегти врожай («спасова борода»). З часом обрядовість втрачає релігійно-магічну спрямованість, зберігши лише певний зв'язок із релігійно-магічними уявленнями. Обрядові дії все більше набувають розважального характеру, хоча за традицією мають певну магічну властивість.

Поширення християнства супроводжувалося і розщепленням надприродного у релігії та віруваннях, яке раніше було, як правило, цілісним явищем, рівною мірою характерним як для міфології, так і для демонології: як для богів та демонів, так би мовити, вищої категорії, так і для таких, тільки нижчого гатунку. Утвердження дуалізму звичайно є результатом боротьби різних релігійних систем, у даному випадку язичницької та християнської. Щоб утвердитися, християнська релігія спростовувала язичницькі уявлення й вірування, оголосивши їх «диявольським», «нечистим», «проклятим» світом, а християнський світ — священним. Відповідно ставилася вона і до язичницьких богів, вважаючи їх «нечистою силою», до демонів та язичницько-магічних обрядів і свят, називаючи їх «бісовськими ігрищами». Численні свідчення негативного ставлення стародавніх проповідників до язичницьких обрядів містяться у численних літописах, повчаннях, «словах».

Боротьба ідей не була, проте, однозначною й одномоментною, оскільки давні вірування й повір'я становили не тільки широку сферу ритуалізації життєдіяльності людей, а й основу їхньої самосвідомості. Саме тому найживучішою виявилася демонологія («нижча» міфологія) — уявлення про духів природи, домашніх духів, чаклунів, відьом, «божих людей», водяних та ін., окремі компоненти якої зберігаються й дотепер.

«Вища» ж міфологія (вірування у головних богів) дохристиянського світу виявилася менш сталою. У народній свідомості збереглося лише розмите уявлення про колись головних богів дніпровських слов'ян: Перуна, Даждьбога, Стрибога, Хорса, Волоса. Дослідники пояснюють цей феномен по-різному. Деякі, наприклад Є. В. Анічков, пов'язують швидке зникнення «Володимирових богів» з тим, що вони були об'єктами офіційного культу і не вплетені в канву народних вірувань. Ця думка знайшла пізніше обгрунтування у роботах Б. О. Рибакова, який доводив, що саме за Володимира дружинний бог Перун одержав статус верховного бога. Інші дослідники, зокрема С. О. Токарєв, вважали, що давні боги східних слов'ян, в тому числі дніпровських, не зникли, а злилися з образами християнського пантеону, продовжуючи жити під іншими, християнськими іменами. Остання позиція здається обгрунтованішою, оскільки вона враховує як подібну ситуацію, що мала місце серед інших народів (романо-германських, наприклад), так і конкретний аналіз пантеону язичницьких та християнських богів.

Трансформація божеств, як і міфологічних народних уявлень, не була раптовою: вона явила процес поступовий і спадкоємний. Адже й тепер деякі традиції та обряди зберігають сліди культу стародавніх народних вірувань: звичай залишати при стрижці овець жмутик вовни («для богині Мокуші»), приносити до церкви на день Іллі колосся жита та зелений горох («щоб Перун не спалив»). Серед українських гуцулів подекуди й нині справляється культ Перуна — «громові» свята тощо.

Але головне те, що елементи нових міфологічних уявлень формувалися ще до прийняття та утвердження християнства. Наприклад, на думку С. О. Токарєва, деякі елементи дуалізму, скажімо, уявлення про добре та зле начала, мали місце ще в надрах язичництва. Такі елементи були притаманні й численним іншим явищам, у тому числі таким важливим у системі вірувань, як уявлення про душу і тіло.

Згідно із світоглядом багатьох народів, людина мала як мінімум дві душі: одна з них уособлювала життя, друга — особистість. Остання була духовною субстанцією і залишалася після смерті людини, перша ж умирала разом із нею. Множинність душ, за гіпотезою Н. М. Велецької, характерна і для слов'янських народних уявлень. Аналізуючи цю та ряд інших гіпотез, можна припустити, що в середовищі східних слов'ян розрізняли кілька субстанцій людини, в тому числі тілесну та духовну. Щодо тілесної субстанції, то у дослідників немає особливих розбіжностей, але з приводу духовної точаться певні дискусії, що є результатом неоднозначного розуміння сутності душі самими нашими предками. Так, деякі з них розрізняли дві духовні субстанції, інші — три і т. д.

Відповідно до строкатості народних уявлень склалися і різні позиції дослідників. Наприклад, П. В. Іванов ще на початку нашого століття розрізняв три душі: таку, що зі смертю людини поверталася до свого першоджерела (Дерева, Космосу); таку, що залишалася з тілом; і, нарешті, «дух», котрий ставав покровителем нащадків. Наш сучасник Н. М. Велецька розрізняє дві духовні субстанції: «душу» як частину світового першоджерела і «дух»— енергію живої людини. Дослідники культури та побуту Карпат, як правило, виділяли у народних віруваннях лише тіло та душу, що, власне, відповідає уявленням місцевого населення, котре вважало, що смерть — не кінець існування людини, а лише перехід до іншого стану, тому факт смерті людини там не сприймався трагічно.

Більшість дослідників дотримуються думки про те, що духовна субстанція виявлялася у трьох іпостасях, відповідних найбільш поширеним уявленням людей, і розрізняють такі з них: людина як життя, як дійова сутність; людина як соціальна істота, котра ототожнюється з іменем або зовнішнім образом; людина як органічна сила, що ототожнюється з незримим «духом», «подихом». Таке припущення має, до речі, аналоги з іншими вченнями, зокрема Арістотеля, який розрізняв три види душі: розумову, почуттєву й вегетативну. Саме це, на думку сучасних учених, може бути доказом загальноіндоєвропейської основи народних уявлень, у тому числі слов'янських, про душу та тіло.

Трьохсубстанційність душі підтверджується багатьма етнографічними даними, зокрема обрядами поховання. Структура поховальної обрядовості, здається, якнайкраще розкриває триєдність народних уявлень про душу і тіло. Традиційно вона складалася з таких дій: поховання людини (тілесна смерть) та трьох поминальних акцій — третин, дев'ятин і сороковин. Перша акція — третини — відповідала народним уявленням про танення «образу», особистості та імені, дев'ятини — про щезання «духу», органічної сили, і сороковини — про зникнення того, що залишилося від людини. Але заради справедливості слід сказати, що не всюди на Україні дотримувалися тричленності поминань: в окремих районах їх відзначали чотири, а іноді і п'ять — на третій, шостий, дев'ятий, сороковий дні та у річницю.

Є й інші докази множинності душ, наприклад, ініціація (в християнському світі — хрещення) — оргіастична дія, спрямована на звільнення покійного від імені і, отже, від соціальних зв'язків. У казкових сюжетах — це мотив воскресіння, який відтворює стадіальність духовних субстанцій, але у зворотному напрямку: мертва вода повертає людині життєві функції, а жива — людський образ та ім'я.

Але то у казкових сюжетах. «Реальні» ж вірування передбачали стадіальність субстанцій людини лише в одному напрямі — від тілесного через душу до духу. Людина, як доводив, вивчаючи народні

уявлення, В. Гнатюк, продовжувала жити у двох субстанціях: у вигляді душі та духу. Ось чому таким неприродним вважалося повернення померлого до світу живих, що за народними уявленнями було можливим. Тим більше, що фізична смерть ще не означала зникнення людини. У світі живих людина — лише гість, «своєю» вона ставала на «тому світі». У районах, де особливо стійкими залишалися язичницькі уявлення, наприклад, на Гуцульщині та Бойківщині, існував навіть інститут посередників («непрості», «віщуни», «віжлуни»), які мали регулювати стосунки між живими і душами померлих. Коли душа після смерті людини спокійно покидала тіло, то й стосунки були нормальними. Душі померлих піклувалися про живих, допомагаючи їм порадами, а в особливі дні, зокрема поминальні, прилітали до живих і частувалися. У білорусів і досі зберігається релікт культу предків —«дзяди». Коли ж душа не могла покинути тіло (а це могло бути результатом неприродної смерті або смерті «опойців», нехрещених, чаклунів), то до живих не дух прилітав, а повертався мрець.

Через це стає зрозумілим різне ставлення людей до небіжчика та його душі. В цілому до мерців ставилися з певною долею страху, хоча і вважали смерть природним явищем («каби м ся не вмирали, то небо підпирали»). Куди більше боялися душі померлого, і зовсім панічний жах викликали тіло «нечистого» («заложного», «мертвяка»), а іноді й його душа.

Боязнь тіла померлого відноситься до розряду найдавніших, дещо примітивних повір'їв, згідно з якими «заложні» мерці мали властивість покидати труну і шкодити людям. Християнізовані ж повір'я визнавали існування у «нечистих» душі, приреченої, однак, блукати безпритульно, оскільки її тілесна субстанція не приймалася землею.

Найбільший жах у людей викликали упирі (вопирі, вепирі, упираки) — особливо поширений в українській демонології образ мерця, котрий виходив із труни і ссав кров живих. Цей образ має загальнослов'янську основу і зустрічається в повір'ях багатьох народів: поляків, чехів, словаків, сербів, болгар, білорусів. Росіянам він також відомий, але під іншою назвою —«еретик». Щоправда, цей дуже поширений у ранньому середньовіччі демон поступово втрачає свою виразність у багатьох народів, і лише в українській демонології він залишився головним представником «нечистих» сил.

Отже, не випадково упир найбільш повно описаний визначними українськими етнографами і письменниками кінця XIX — початку XX ст.: І. Франком, В. Гнатюком, В. Шухевичем, А. Онищуком, В. Милорадовичем, М. Сумцовим, Б. Грінченком та ін. Однак в їхніх судженнях про природу, функції та дії цих істот не було одностайності. Це можна пояснити тим, що дослідники йшли, як правило, від емпірії — записування інформації безпосередньо від

людей, котрі розповідали лише те, що було характерно для певної місцевості.

Уявлення про упирів — типовий зразок, що свідчить про явно архаїчний, дохристиянський характер народних повір'їв, пов'язаних з уявленнями про душу, смерть та потойбічний світ. І не дивно, що вони вже у минулому столітті являли собою скоріше пережиткові явища, ніж релігійно-магічну систему, переважно зберігаючись у вигляді повір'їв та марновірства. Оцей багатий шар духовної культури переважно і зафіксували українські дослідники, підкресливши помітний вплив на нього християнської релігії.

Останнє позначилося на трансформації основних понять народної міфології та демонології: сутності душі, співвідношення душі і тіла, способів буття у потойбічному світі. У свою чергу, християнське вчення проходило складний шлях становлення, з одного боку, вбираючи усталені конструкції системи народних вірувань, а з другого — створюючи свої теоретичні підвалини. Прикладом цього може бути розуміння душі.

На відміну від народних уявлень душа за християнською трактовкою становить таку духовну субстанцію, яка протиставляється тілу. На різних етапах осмислення вона розумілася і як образ Божий (Іоанн), і як дихання Боже (Антоній Великий), і як образ і дихання Великого Бога (Григорій Богослов) тощо. Проте всі ці відшліфування положень богословського вчення відбувалися в рамках єдиної концепції — протиставлення двох субстанцій, основу якої заклав ще Платон. Потім її вдосконалювали неоплатоніки, а стосовно богослов'я — Блаженний Августин, Скотт Еріугена, Йоганн Еккерт, Микола Кузанський, Іоанн Дамаскін та ін. Не поза впливом народних вірувань, а також арістотелівської філософії розроблялась богословами і вже відома нам концепція трьох душ — розумової, почуттєвої та вегетативної. Внаслідок цього були вироблені чіткі критерії душі — на противагу народним уявленням, розмитим та багатоваріантним.

Розбіжностей між народними віруваннями і християнським вченням було багато; до кінця вони так і не подолані, що свідчить, зокрема, про те, що народна свідомість у цьому плані дуже стійка. Одна з таких розбіжностей стосується концепції смерті. Християнське вчення надавало пріоритет Богові, котрий лише один вирішував долю вмираючої людини: приймати її до себе чи ні. Водночас, за народними віруваннями, живі люди могли втрутитися у цей процес, всіляко полегшуючи його різноманітними магічними прийомами: вмираючого клали на землю, давали йому в руки свічку («громницю»), свердлили сволок або черінь на печі, калатали у дзвони. Крім того, над небіжчиком виконували цілий ряд магічних обрядів, відповідних народним уявленням про потойбічне. Оскільки вважалося, що смерть людини — лише перехід до іншого стану, небіжчика споряджали так, щоб він мав усе необхідне у потойбічному світі: наприклад, клали за пазуху калачик — дарунок для душ померлих, гроші — за перевіз тощо.

Значні розбіжності між народними і християнськими віруваннями виявлялися і з питання про ідею душі та духу, в тому числі ідею душі «заложного» покійного. Трактуючи душу як духовну субстанцію, богослови відособлювали її від тіла, яке після смерті гинуло; життєва ж субстанція людини переносилася у душу, продовжуючи існувати у такій формі. Згідно ж із народними віруваннями існування людини продовжувалося як у формі душі, так і духу. Водночас дух міг за певних умов перевтілюватися у тілесну субстанцію та переміщуватися у просторі. Саме ця здатність духу відкриває цілий світ демонологічних і тотемічних уявлень, чудово описаних класиками української етнографії.

Найбільшої довершеності в українській демонології набули повір'я, пов'язані з мавками (русалками), котрих, мабуть, можна вважати етнічними символами національної демонології. Принаймні в інших народів вони не знайшли такого поширення: у білорусів цей образ має інший вигляд («кикимора»), у росіян він зустрічається, як правило, в суміжних з Україною районах. Саме на Україні його опоетизовано в літературних творах, передусім «Лісовій пісні» Лесі Українки. Створена нею Мавка є, звичайно, художнім образом; науковці ж розрізняють кілька різновидів русалок. Зокрема, Д. К. Зеленін подає такий перелік: купалка, водяниця, жартівниця, лешачиха (це, так би мовити, «звичайний» їх розряд) і навка (мавка), лоскотуха, криниця, мемодина — істоти дещо вищого гатунку.

Таке розмаїття термінів — не просто локальні назви, а, як свідчать зібрані дослідниками матеріали,— різні типи русалок. Це молоді вродливі жінки, котрі живуть у воді (типовий український варіант), у лісі (характерно для білорусів) або в полі (російський варіант) і полюбляють лоскотати перехожих. Окремому типові русалок відповідали певні своєрідні функції та природа походження. З цього питання серед науковців давно точаться дискусії, проте з них можна вилучити таку основу, яка влаштовує всіх сперечальників. Це — образ русалки, пов'язаний з «заложним» небіжчиком,— молода утоплениця або нехрещене дитя. Підтвердженням цього можуть бути особливо поширені серед українців русальні обряди, що відбувалися у формі поминань нехрещених та мертвонароджених дітей, а також молодих утоплениць. Вони мають давнє коріння: ще Начальний літопис згадує про русалії — свята, пов'язані зі вшануванням померлих.

Здається, однак, що призначення русалій набагато ширше, ніж те, що зафіксоване українською етнографічною спадщиною. Вони входили до системи вірувань, пов'язаних не тільки з «заложними» покійними, а й із заклинанням та вшануванням природи. Дійсно, вся

русальна обрядовість наповнена магією родючості: прикрашення зеленню, обливання водою, розпалювання багаття і т. ін.

Можна стверджувати, що в цілому для народних вірувань, повір'їв та уявлень характерні певні філософські узагальнення, що грунтуються не лише на обожненні сил природи, а й на багатовіковому досвіді. Водночас цей досвід нерідко сприймався у народній свідомості гіпертрофовано, із великою часткою фантазії та ірраціоналізму. Віра у надприродне — головне, що єднало суто народні та офіційно-релігійні вірування; співвідношення ж надприродного і набутого досвідом визначало різницю між цими шарами духовної культури.

* * *

Осмислити складну проблему становлення духовності народу можна лише за умови, коли відомо все, що ним накопичено, і коли відомо, як ішло це накопичення. Про особливості цього процесу дають певне уявлення наукові розвідки дослідників багатьох поколінь, які не тільки нагромаджували фактичний матеріал з народних вірувань і повір'їв, а й висловлювали своє ставлення до нього, розкриваючи власне бачення світу. Ось чому такі цінні для нас пам'ятки народної духовної культури — і як джерело народного світогляду, і як джерело наукової думки.

Апогей наукового інтересу до народних вірувань і повір'їв припадає на середину XIX — початок XX ст.— час значного національного піднесення на Україні, а відповідно до цього і час формування народознавства, зокрема етнографії, як науки. Саме у цей період розпочалася робота по збиранню зразків народної духовної культури, а на підставі їх аналізу — осмислення механізму формування національної духовності. Можна твердити, що етнографічні праці зазначеного періоду становлять квінтесенцію всього накопиченого фонду знань про народні вірування й повір'я. Отже, не випадково, що саме вони стали основою даної збірки.

Проте ми вважали би доцільним бодай побіжний екскурс у більш ранні етапи накопичення цих знань та їх осмислення. Адже кожний з них позначений певною специфікою, викликаною і своєрідністю історичних умов, і рівнем національної самосвідомості населення, і ступенем розвитку народознавства.

Загальною закономірністю взаємовідносин науки і духовної культури народу, зокрема його вірувань та повір'їв, є відповідність наукових інтересів реальним етнонаціональним ситуаціям: кожне пробудження народу, кожне національне піднесення неодмінно викликало інтерес до проблеми духовності. Значною мірою він стимулювався тривалим протиборством язичницьких уявлень і християнського вчення, що знайшло відображення, з одного боку, у літописах, з другого — у богословських працях. Причому на переламному

етапі трансформації народних світоглядних уявлень літописи віддавали перевагу народній демонології як найбільш усталеній сфері релігійно-магічних вірувань; богословські ж вчення намагалися спростовувати ці вірування, вбачаючи в них «бісовську спокусу, ворожу християнському благочестю».

У літописах раннього середньовіччя опис реальних подій, як правило, подавався на тлі всіляких пророкувань, що здійснювалися віщунами: волхвами, кудесниками, ясновидцями, пророками, старцями, «божими людьми». У літописах пізнішого періоду — скажімо, Густинському, «Кройниці» Феодосія Сафоновича, «Синопсисі», літописі Григорія Грабянки — демонологічні уявлення народу вже не пов'язувалися з розвитком історичних подій, проте вони детальніше подавалися як складові саме духовної культури. Відповідної трансформації зазнавали і богословські праці: вони стали приділяти менше уваги боротьбі з «бісовськими» поглядами, концентруючись на розробці понятійного апарату християнського вчення та створенні його теоретичних підвалин — концепції душі, смерті й безсмертя, гріха тощо.

Наступний етап пожвавленого інтересу до народних вірувань припадає на епоху Просвітництва, яка в Росії пов'язана з іменем Михайла Ломоносова, а на Україні — Григорія Сковороди та Климентія Зинов'єва. До речі, на Україні цей етап почався дещо раніше, ніж у Росії, а саме з кінця XVII ст. Це пояснюється не тільки великим значенням Києва як духовного центру східного слов'янства у цей період, а й національним піднесенням на Україні, розгортанням національно-визвольної боротьби українського народу.

Перша світська інтерпретація народних повір'їв українців міститься у віршах Климентія Зинов'єва, присвячених, зокрема, повір'ям «про немовлят, котрі вмирають нехрещеними», «про дівчат, померлих відразу після вінчання», «про велетнів, котрі негдись були так великі, як дубья». Філософські ж підвалини народної духовної культури у дусі просвітницького напряму заклав Григорій Сковорода, який розробив принципово новий підхід до її осмислення. За словами П. М. Попова, він базувався на «емансипації народної творчості від вікового гніту з боку церковно-аскетичної ідеології».

Дещо іншого спрямування науковий та літературний інтерес до народних світоглядних уявлень набуває в останній третині XVIII ст., в умовах загострення соціально-економічних та національних суперечностей. Саме в цей час на Україні повсюдно утверджується кріпосництво, скасовується Запорозька Січ, ліквідується гетьманство. Соціально-національні протиріччя активізували суспільно-політичну думку, яка торкалася переважно долі селянина. Останній ставав центральною фігурою і наукових досліджень. Певні корективи у цю ситуацію вносила дворянська інтелігенція, яка в процесі ліквідації автономії України була позбавлена своїх колишніх

привілеїв. Прагнучи обгрунтувати свої політичні домагання, вона звертається до звичаєвого права, народних вірувань та історії.

Послаблення автономії України позначилося і на втраті Києвом ролі культурного й наукового центру. Зокрема, Київська академія перетворюється на звичайний учбовий духовний заклад на противагу Московському університету та Російській Академії наук. Саме ці наукові осередки вбирали кращі інтелектуальні сили Росії і в тому числі України. Ця обставина прояснює той факт, що російська та українська наука розвивалися у цей час переважно в єдиному руслі.

Спільність наукових інтересів українських та російських учених виявилася, зокрема, при розробці міфологічних та демонологічних лексиконів слов'ян. Так, російський письменник М. Д. Чулков видає в 1767 р. «Краткий мифологический лексикон», у 1768 р. М. В. Попов — «Краткое описание славянского баснословия», український дослідник А. І. Чепа складає у 1776 р. невеличку працю «Малорусские суеверия, коим мало кто верил», яка була надрукована в «Киевской Старине», до речі, лише 1892 року.

Ці праці були першою спробою систематизації пантеону східнослов'янських язичницьких богів та структури демонів. Більш завершеного вигляду вона набула пізніше. У роботі Г. Глинки «Древняя религия славян» (1804 р.), де вперше була представлена не лише структура, а й ієрархія слов'янських богів: «всевишні», «земні», «преісподні», «водяні», «духи», «напівбоги», «озера обожнювані» та «ріки обожнювані». Проте складання переліку богів здійснювалося названими дослідниками не зовсім критично, і як наслідок — до нього потрапили деякі неслов'янські боги та вигадані демони.

Значною науковою сумлінністю відзначалися пізніші праці, скажімо, В. Я. Ломиковського – «О древних обычаях малороссийских...» та «О древнем богопочитании в Малороссии и частично в епархиях», а також цілої плеяди дослідників, котрі представляли харківську школу народознавства. Відзначимо, що з відкриттям 1805 року університету Харків поступово стає центром культурного і наукового життя України. Саме тут сформувався прогресивний метод порівняльного аналізу в народознавстві. Його започаткував Г. Успенський рефератом «О языческом предков наших богослужении и о сходстве его с богослужением египтян, греков и других древних народов», а продовжили І. І. Срезневський («Славянская мифология, или о богослужении русском в язычестве»), І. П. Котляревський («Заметки о некоторых народных обычаях»), К. М. Сементовський («Очерк малороссийских поверий и обычаев, относящихся к праздникам»).

Широко використовуючи порівняльний матеріал, К. Сементовський, наприклад, спробував поглибити порушену раніше А. Чепою і Г. Глинкою проблему походження та функціонування вірувань і повір'їв. На відміну від своїх попередників, котрі обмежувалися або констатацією того, що язичницька релігія давніх слов'ян — одна з «найчистіших», оскільки вона уособлювала «природні дії» (Г. Глинка), або визнанням її забобонного характеру (А. Чепа), К. Сементовський розрізняв у віруваннях та повір'ях дві основи. Одна пов'язана з вірою у надприродне, друга випливає з практичної діяльності людей. До останньої він, зокрема, відносив повір'я, передбачення, господарські прикмети про погоду тощо.

Зроблені К. Сементовським висновки про природну основу народних вірувань і повір'їв, про їх зв'язок з господарським життям набагато випередили свою епоху, що була позначена певною реакційністю соціально-політичного життя. Так званий романтичний напрям у науці, що утверджувався, позначався некритичним ставленням до вірувань і повір'їв, сприймав їх догматично. Основні зусилля дослідників у цей період спрямовувалися лише на збирання фактичного матеріалу, і як результат — жодної узагальнюючої роботи, як і праці теоретичного плану. Те, чого дійшли дослідники харківської школи народознавства, зокрема К. Сементовський, почало проявлятися лише в кінці XIX ст.

Проте період накопичення матеріалу з народних вірувань і повір'їв не був даремним — він підготував солідну основу для теоретичних розробок проблеми. У 60-ті роки формується «міфологічна» концепція — зведення всієї системи світоглядних уявлень, вірувань та повір'їв до опоетизованої стародавньої міфології.

Поширенню цієї концепції сприяла і соціально-політична ситуація — боротьба за скасування кріпосництва, певне національне піднесення. За таких умов розвивалися національно-романтичні настрої, які, власне, і стали основою «міфологічної» школи. На Україні вона формувалася навколо нового наукового центру — Києва, де 1834 року був відкритий університет, пізніше — відділення Російського географічного товариства, а у 1851 р.— Комісія для опису губерній Київського учбового округу. Всі ці події наукового життя на Україні не тільки сприяли об'єднанню її наукових сил, пожвавленню збирацької роботи, а й створили передумови для здійснення порівняльного аналізу етнографічного матеріалу на великому ареалі.

Перші спроби такого аналізу належали професорові Київського університету М. І. Костомарову, котрий надрукував курс своїх лекцій «Славянская мифология». Цією працею вчений продовжив порушену дослідниками кінця XVIII — початку XIX ст. (А. Кайсаровим, Г. Успенським, І. Срезневським та ін.) проблему теоретичного осмислення значного фактичного матеріалу з народних вірувань східних слов'ян. Розглядаючи його з позицій порівняльного аналізу і як такий, що становив першооснову народних світоглядних уявлень, вірувань та повір'їв, він, власне, і започаткував міфологічний підхід, розвинутий, а деякою мірою і гіпертрофований наступними дослідниками.

Публікацій такого плану було багато. Виходили ж вони залежно

від їх ідейно-теоретичної спрямованості в різних періодичних виданнях: «Университетских известиях» (1861—1917), «Трудах Киевской духовной академии» (1860—1917), «Записках Юго-Западного отдела РГО» (1874—1875), «Чтениях в Историческом обществе Нестора-летописца» (1879—1914), в «Киевской Старине» (1882—1906).

Вміщені в них статті, доповіді та реферати були передусім спрямовані на залучення якнайширшого регіонального матеріалу, просякнутого, однак, ідеєю опоетизування стародавніх слов'янських міфологічних та демонологічних уявлень. Такими були, наприклад, публікації П. С. Іващенка —«Мировоззрение южнорусского народа в его пословицах», П. П. Чубинського —«Понятия и представления южнорусского народа о светилах, выраженные в пословицах и поговорках», В. Ф. Міллера —«Великорусские былины и малорусские думы», І. В. Лучицького —«Сравнение малорусской и великорусской демонологии и колдовства с западноевропейскими». Певний вплив «міфологічної» школи відчувався в розвідках М. Задерацького, Ф. Терновського, А. Котляревського, Н. Петрова, А. Малинки, Х. Ящуржинського, І. Беньківського і навіть такого відомого представника революційно-демократичного напряму, як П. С. Єфименко.

Дещо однобічне захоплення «міфологічною» концепцією в останню чверть XIX ст. втрачає своє значення. Серйозним фактором для цього стало, крім усього іншого, величезне накопичення фактичного матеріалу, що здійснювалося за спеціальними програмами: «Планом» Д. Журавського, програмою О. Кистяківського, комплексною «Програмою для этнографического описания губерний Киевского учебного округа» В. Дабіжі та О. Метлинського.

Користуючись ними, багато дослідників поїхали «у поле», для збирання етнографічного матеріалу. Дух збирацької роботи чудово відтворений в їхніх листах. О. Афанасьєв-Чужбинський, наприклад, повідомляв, перебуваючи в експедиційній поїздці по Київщині, що він продовжує «етнографічні заняття... наскільки дозволяють засоби, збираючи всілякі повір'я, перекази й пісні про Купалу»; М. Маркевич, мандруючи по Лівобережній Україні, писав: «Я часто слухаю через річку... пісні... Так само зміг узнати я звичаї, сільський побут, перекази та повір'я малоросійські».

Різноплановий фактичний матеріал примушував дослідників відходити від усталеної схеми — штучної ув'язки вірувань та повір'їв з небесними явищами, а відтак — звужувати коло явищ, причетних до релігії. Поступово вірування відмежовувалися і від поетичної творчості. Проте методологічне розмежування в кінці XIX ст. було лише позначене; вагоме обгрунтування воно здобуло тільки тепер, хоча і не всіма визнане. На нашу думку, можна погодитись з позицією С. О. Токарєва, який стверджує, що мотиви й сюжети казкового фольклору відрізняються від релігії передусім елементом віри. В казки народ не вірить, сприймаючи їх як художні твори,

в той час як релігія цілком побудована на вірі у надприродне, що сприймається за реальність. Отже, постулат прихильників «міфологічної» концепції про те, що казка є продуктом дегенерації релігійно-міфологічного мотиву, є глибоко помилковим.

Вчені ж XIX ст. до цього висновку йшли поступово, переважно через спробу пояснити коріння міфологічних і демонологічних уявлень вірою людей в душу та духів, нарешті, через повне заперечення «міфологічної» концепції. Відхід від цієї концепції проявлявся в умовах зміцнення позитивістського напряму в науці, в тому числі в рамках самої «міфологічної» школи.

Цілковите заперечення міфологічної основи народних вірувань і повір'їв найбільш виявилось у працях О. Веселовського, Л. Колмачевського і особливо Є. Анічкова. Соціальна природа їхніх поглядів — це невіра в народ, в його культуру і, отже, в релігію. Вже сучасні критики «міфологічної» концепції доводили неправомірність таких поглядів, хоча вони й мали певне раціональне зерно. Дійсно грунтовний аналіз пантеону язичницьких та християнських богів східних слов'ян проведений лише в останні роки. Саме він дає нам право говорити про спадковість релігійних вірувань, про глибоке вкорінення в народних уявленнях стародавніх міфологічних та демонологічних культів.

Основним напрямом, яким ішов наприкінці XIX ст. розвиток поглядів на природу вірувань та повір'їв українців, був такий, що вбирав позитивні досягнення різних концепцій та методів: запозичення, позитивізму, анімістичних поглядів і того ж міфологізму. Щодо методів, то неподільне панування на той час здобув порівняльний метод.

Класичним втіленням всіх названих наукових поглядів є праці М. Ф. Сумцова, щоправда пізнього періоду. Зокрема, торкаючись проблеми походження вірувань та повір'їв, дослідник доводив еволюційність їх розвитку, застосувавши для цього метод «пережитків». Принципи цього методу були розроблені К. Д. Кавеліним ще 1848 року, але не знайшли визнання серед вітчизняних дослідників, повернувшись до них пізніше через працю англійського вченого Е. Тейлора «Первобытная культура» (1871 р.). Власне, Тейлор і ввів поняття «пережитки», під якими він розумів «обряди, звичаї, уявлення, котрі, будучи в силу звички перенесені з однієї стадії культури, якій вони були властиві, в іншу, більш пізню, залишаються живим свідченням або пам'яткою минулого».

М. Ф. Сумцов, як пізніше й інші дослідники, наприклад І. Я. Франко, під «пережитками» («переживаннями») розумів не марновірство, а «залишки давніх форм побуту й культури», які він і намагався реконструювати, виявивши їхнє первинне значення. Це дало змогу прояснити природу вірувань, повір'їв та обрядів та здійснити їх типологізацію. За Сумцовим, вона має такий вигляд: 1) вірування та повір'я, пов'язані з космогонічними уявленнями;

2) демонологічні уявлення; 3) вірування, пов'язані з людьми, наділеними надприродними властивостями; 4) вірування, пов'язані з померлими; 5) повір'я про тварин; 6) повір'я та обряди, пов'язані з рослинами; 7) вірування, пов'язані з речами реального світу; 8) магічні уявлення і обряди.

Представлена М. Ф. Сумцовим типологія народних вірувань і повір'їв була результатом величезної збирацької роботи, яку здійснили українські вчені та численні збирачі-аматори. Вона дала поштовх подальшій систематизації і, отже, більш поглибленому розумінню природи й суті вірувань та повір'їв. Основу для їх систематизації закладали такі визначні дослідники, як П. П. Чубинський, І. В. Лучицький, М. П. Драгоманов, П. С. Іващенко, П. С. Єфименко, С. Н. Ісаєвич, П. В. Іванов, В. М. Гнатюк, В. М. Милорадович, І. Ф. Беньківський та багато інших, котрі не обмежувалися суто збирацькою роботою, а створювали і теоретичні підвалини проблеми вірувань, що не втратили своєї наукової цінності і в наш час.

Показовими у цьому відношенні є розробки П. В. Іванова, наукове кредо якого яскраво висловлене у його листі до Сумцова: «...Збираючи народні перекази, я маю на увазі прояснити для себе і частково для інших спрямування народного мислення і показати, що народні марновірства та забобони є неминучий результат дії на народ керівних класів суспільства, що народне двовір'я є просто віра, котру ми самі наполегливо навіюємо йому і всіляко підтримуємо в ньому... Правда, і тепер для людини, знайомої з Четьї-Мінеями Дмитра Ростовського, обернення чортів в людей і навпаки не має нічого дивного, проте чи багато читали Четьї-Мінеї? Між тим в житіях святих є багато такого, що ми відносимо до народних забобонів і народної неосвіченості. Було б цікаво, коли б хтось із вчених зробив співставлення так званих народних забобонів з подібними фактами з життєписів святих. Я переконаний, що вийшло б щось повчальне для багатьох, хто звинувачує народ в марновірствах,— можливо, винних довелося б шукати не в селянському середовищі».

Про необмежені духовні можливості народу писав і М. А. Маркевич: «Народ всюди народ, його висновки вірні й прості; він краще за всі характеристичні описи уявляє людей, вдачу й розум їх... влучним нарисом, двома словами, одним прислів'ям точно їх визначає. Народ пам'ятає діяння своїх героїв, яким приписує подвиги легендарних діячів і чудодійні властивості».

Визначаючи елементи чудодійності в народних віруваннях та повір'ях, більшість українських народознавців доводили реалістичність їх основи, як правило, вільної від релігійної містики, але такої, що зберегла деякі міфологічні та демонологічні уявлення. «Легко переконатися в тому,— писав П. В. Іванов,— що народна пам'ять і дотепер міцно зберігає стародавні тлумачення про найпотаємніші речі. Воно й зрозуміло: народ був і є далеким від всіляких пізніших

мудрувань, поділяючи однорідні за суттю явища на можливі, прийняті нинішньою церквою, і на відхилені нею, причетні до царини апокрифічних казань».

У цих словах проглядає цінна думка про те, що та типологія, до якої так довго йшли дослідники, вже давно існувала в «реальному житті», тобто у світі народних уявлень. До речі, вона була глибшою за суттю від тієї, що розробив, скажімо, Сумцов, оскільки враховувала два головних шари культури: суто народний і офіційно впроваджений, а у суто народному виділяла міфологічний і демонологічний. Дослідники ж XIX ст. переважно обмежувалися розвідками у сфері демонології, майже не торкаючись міфологічних та світоглядних народних уявлень, саме в яких, власне, і криється природа духовності народу.

Не випадково, що наступні праці українських дослідників були присвячені саме цим аспектам. Частково вони були реалізовані в розвідках українських народознавців кінця XIX — початку XX ст.: Т. Рильського («К изучению украинского народного мировоззрения»), Х. Ящуржинського («О превращениях в малорусских сказках»), П. Житецького («Малорусские вирши нравоучительного содержания»), І. Франка («К истории южнорусских апокрифических сказаний»), І. Беньківського («Смерть, погребение и загробная жизнь по понятиям и верованиям народа»).

Власне, наукові розробки цього періоду і явили собою той фонд знань про народні вірування, повір'я та уявлення, який став джерелом для розуміння процесу розвитку духовності народу і в той же час — основою для подальших досліджень. Грунтуючись на цьому фонді знань, сучасні вчені дійшли висновку, що народні світоглядні уявлення — це надзвичайно складне переплетіння архаїчних, переважно язичницьких, християнських та більш пізнього походження уявлень, в основі яких лежить не тільки віра у чудодійність, а й величезний міжпоколінний досвід людей.

Відповідно до такої концепції розроблена і структура народних вірувань та повір'їв, прийнята сучасною етнографічною наукою. Вона включає три основні типи вірувань та повір'їв, кожен з яких у свою чергу складається з підтипів.

Перший: вірування, пов'язані з істотами реального світу (чаклуни, відьми, знахарі, «божі люди»); вірування, пов'язані з мертвими; повір'я про тварин та рослини; вірування у природні явища; вірування та обряди, пов'язані з речами.

Другий: демонологічні уявлення (домашні духи, мавки, лісовики, злі духи); вища міфологія і культ святих.

Третій: магічні обряди (лікувальна магія, любовна магія, господарська магія, шкідлива магія); інші види магії.

Представлена типологія — своєрідний етап узагальнення всього накопиченого попередніми поколіннями вчених — може дати більш чіткі уявлення про народні вірування як одну з найважливіших

складових духовної культури будь-якого етносу. Слід, проте, зазначити, що і ця типологія потребує подальшого вдосконалення й конкретизації, оскільки не враховує цілий ряд позицій і результатів новітніх досліджень. У ній відсутній, наприклад, такий важливий шар культури, як міфологія, досить невиразною є система прикмет. А без цього світоглядне сприймання людини є далеко не повним. Заповнити ці прогалини — нагальне завдання народознавців.

* * *

Головна мета цієї збірки — ввести сучасника у надзвичайно цікавий і дещо таємничий духовний світ наших предків. Причому книга побудована так, що читач матиме можливість прилучитись до світогляду різних поколінь: через ознайомлення із записами народознавців — з уявленнями українського селянства XIX ст.; через авторський виклад та осмислення етнографічного матеріалу — з рівнем тогочасної науки; нарешті, доданий до статей науковий коментар допоможе ознайомитися з сучасним баченням проблеми народних вірувань та повір'їв.

Основу збірки становлять оригінальні матеріали (статті, доповіді, реферати, книги), що належать перу відомих українських етнографів кінця XIX — початку XX ст.— цієї без перебільшення класичної доби українського народознавства. Саме тоді завершувався тривалий процес нагромадження емпіричного матеріалу, робилися перші спроби його узагальнення та систематизації, освоювався прогресивний метод порівняльного аналізу, формувалися різні наукові напрями та школи. Залучення до збірки як найбільш оригінальних і різнопланових праць, так і недостатньо відомих матеріалів, розпорошених по важкодоступних спеціальних виданнях та фондах,— це, на думку упорядників, допоможе відтворити дух наукового життя тих часів.

До розробки проблеми народних вірувань і повір'їв були причетні кращі інтелектуальні сили України: етнографи, фольклористи, історики, письменники, численні народознавці-збирачі. Саме вони і уособлювали народознавчий потенціал України в період її певного національного піднесення, дещо схожого з нинішніми суспільними процесами. Спроба ж співставлення історично віддалених, але подібних за суттю етнонаціональних ситуацій завжди була привабливою для дослідників. Вона зрештою і визначила вибір тих авторів, які найгостріше відчували необхідність національного відродження України. Тадей Рильський, Микола Маркевич, Василь Милорадович, Петро Іванов, Володимир Гнатюк, Петро Єфименко, Іван Франко, Всеволод Дашкевич, Данило Щербаківський, Хрисанф Ящуржинський — ось те ядро української етнографічної класики, твори яких і склали зміст даної книги.

Не можна сказати, що імена цих вчених широковідомі: біографії деяких із них, іноді досить трагічні, тут публікуються вперше. Їхні

праці у свій час, як правило, друкувалися, але для сучасного читача цей доробок залишається важкодоступним. Причин тому багато. Передусім він за невеликим винятком становить окремі статті та доповіді, що друкувалися у різних виданнях та у різний час, причому ці видання зберігаються переважно в центральних наукових бібліотеках, а деякі з них — у спеціальних фондах наукових установ.

Слід мати на увазі й те, що далеко не всі праці відомих народознавців побачили світ. Нерідко найзлободенніші з них не приймалися до друку; до речі, вони й тепер залишаються рукописами. Це особливо характерно для творчості П. Іванова, В. Милорадовича, М. Маркевича. Багато рукописних матеріалів українських класиків етнографії розпорошено по різних архівах.

Але куди важчими уявляються розшуки зниклих матеріалів, про існування яких свідчать листи їх авторів — М. Маркевича, П. Іванова та ін. Недолічуємося ми й частини доробку І. Франка та В. Гнатюка. Деякі з їхніх праць потрапили за кордон, і на цій основі видаються збірки. Одну з таких праць, до речі, ми використовуємо в даному виданні.

Пошукова робота триває. І треба сподіватися, що перлини української народознавчої класики будуть відновлені та ще прислужаться справі духовного відродження нашого народу. То хай першим кроком у цьому напрямі буде видання збірки пам'яток — лише невеликої частини української етнографічної спадщини.

Узвичаєно, що будь-яка пам'ятка видається передусім мовою оригіналу. Не є винятком і вміщені тут праці: вони друкуються так, як колись побачили світ,— переважно російською і частково українською мовами. Це пов'язано з відомою ситуацією, що склалася на Україні наприкінці XIX ст., коли вітчизняні вчені та письменники мали вкрай обмежені можливості друкуватися рідною мовою, а українському народові був присвоєний титул «малорусского» чи «малороссийского».

Етнографічним працям узагалі притаманне розмаїття лексики, підсилене до того ж соковитістю народної розмовної мови, численних її діалектів. Увесь цей колорит упорядники намагалися зберегти у найповнішому обсязі. Тому текстологічна обробка матеріалу була мінімальною і торкалася передусім авторського викладу, який за орфографією та пунктуацією по можливості наближений до сучасних норм (за винятком, мабуть, статті В. Гнатюка, яка сильно позначена західноукраїнською специфікою). Щодо польових етнографічних записів дослідників, то вони, як і численні суто народні терміни та вислови, що ними рясніє авторська мова, майже не зазнали втручань, окрім виділення їх курсивом. З огляду на сучасного широкого читача зроблені також незначні купюри: в основному це стосується авторських приміток і посилань, що мають вузькоспеціальне значення. Примітки упорядників містять тлумачення застарі-

лих понять, призабутих персоналій, етнографічних термінів тощо. Особливо зацікавлені читачі знайдуть у книзі відповідні списки літератури з проблеми. Поглибити читацьке сприйняття має і ілюстративний ряд видання.

Отже, пам'ятки української етнографічної спадщини тепер мають змогу наблизитись до нашого сучасника, на якого чекає незвичне й захоплююче читання. Адже він увійде до таємничого світу народної уяви, звідки є лише один вихід — через збагачення власної духовності.

А. П. ПОНОМАРЬОВ,
доктор історичних наук

Ф. Р. РЫЛЬСКИЙ

К изучению украинского народного мировоззрения

Мне хочется поделиться с читателями некоторыми наблюдениями и заметками, касающимися мировоззрения украинского народа. Не претендуя на систематический обзор народного мировоззрения, я ограничусь опытом приведения в некоторый порядок моих воспоминаний и наблюдений в этой области. Цитируя слышанные мною из народных уст рассказы, песни и т. п., я не буду особенно стесняться тем, помещены ли они в том или ином варианте в том или другом этнографическом сборнике, но, с другой стороны, я

желаю ограничиться виденным и слышанным мною, если же понадобится отступление от этого правила в интересах большей ясности мысли, то это отступление будет всегда отмечаемо указанием источника. Там, где мне кажется, что в народном мировоззрении последовали некоторые видоизменения за тридцатилетнее время моих наблюдений,— я постараюсь их отметить. Что при подобного рода исследовании я считаю для себя обязательным соблюдать елико возможно полную объективность, не умалчивать ничего сознательно из ведомого мне, не прикрашивать и не охуждать — считаю лишним прибавлять.

Я начну с понятий, связанных с религиозным мировоззрением. В этом отношении, как и во многих других, наша привычка к шаблонным обобщениям затрудняет научное объективное изучение. Мы слишком склонны воображать, что знание о принадлежности того или иного народа к тому или иному исповеданию, с одной стороны, и знакомство с главными принципами этого исповедания — с другой, исчерпывают данный вопрос. Тот поверхностный способ отношения к явлениям общественной жизни, к которому приучают нас наши школьные учебники истории, проникает нас обыкновенно глубже, чем мы предполагаем. Мы не без недоумения замечаем давний языческий склад жизни у народов, крещенных накануне, подобно тому, как мы не без труда представляем себе «легкомысленных французов» серьезно и настойчиво преданными интересам производства, науки и искусства, англичан, свершающих кой-какие деяния без помощи машин, и т. п. Раз свершилось явление, которое мы называем эпохой, и раз нам дана общая характеристика этого явления — и мы уже склонны видеть в последующем периоде общественной жизни безусловное, всепоглощающее подчинение этой жизни данному направлению. Но действительная жизнь слагается более осложненно, менее прямолинейно, чем наши обобщения; те или иные отдельные понятия не поглощают никогда всецело общественной жизни, новые не искореняют сразу давних, взаимодействие их, а также влияние посторонних причин вызывают разные модификации, а потому неудивительно, что и в понятиях народной массы, связанных с религиозными мировоззрением, мы встречаем наслоение разных исторических периодов, переработанное и перерабатываемое под влиянием общего сложного течения общественной жизни, неудивительно, что в предании мы встречаем иногда отголоски давно минувшей прямой борьбы одного мировоззрения с другим, не говоря уже о неудобосвязываемых отдельных представлениях, истекающих часто из весьма неоднородных источников.

Я не раз слышал в Киевщине следующий довольно известный рассказ: *«Був соби чоловик, що жыв у лиси и скакав з колоды на колоду, прыговоруючы: «Оце тоби, Боже, а це мени, Боже». Отак вин соби спасався, и такий вже спасенный був, що миг зверху по води ходыты. Колы тим лисом иде чернець. Прыйшов вин до того чоловика та й пытаеться: «Що це ты, чоловиче добрый, робыш?» «Спасаюся»,— каже. «То не так же треба спасаться.» И навчыв його всих молытв як треба, сказано по-церковному. Радие вже той чоловик; годи вже скакать з колоды на колоду; молыться вже так, як його научено. Колы забув вин йидно слово. Бижыть вин, доганяе ченця, щоб його навчыв того слова. Прыбигае до мора, аж бачыть — чернець вже поплыв куды йому треба. Той чоловик давай бигты по води; коли бачыть, вода йому ногы аж за кистки займае. То вин вернувся и давай знов скакать з колоды на колоду та прыговарувать: «Оце тоби, Боже, а це мени, Боже», и став вин знов ходыты по води, як перше».*

А вот другой рассказ, слышанный мною много лет тому назад в Киевском уезде в семье, обеспокоенной тем, что на принадлежащем ей поле в жите была *закрутка*[1] *. Послали за *дидом*, который умеет подобающим образом вырывать закрутки, за *горилкою* для угощения дида, а пока шла беседа о зловредности закруток. Один из собеседников рассказал следующее: *«Ото ще як Господь ходыв по свитах — бачыть вин: якась жинка закрутку закручуе. «Ах ты,— каже,— злая, необачная, щоб же тоби це жыто не далось у руки». Ото та жинка ловыть та ловыть жито, а воно все в руки не дається. «Чекай же,— каже жинка,— колы так, то щоб ты не зайшов, куды тоби треба». Иде Господь, а ногы все на йидному мисци ступають. Ото вин позволыв тейи жинци закрутыть вже ту закрутку, а сам пишов, куды намирывся».*

Здесь уже не только вопрос о том или ином значении данной формы религиозного поклонения, но о взаимном противодействии могущественных противоположных начал.

Предания вроде цитируемых крайне редки, я сомневаюсь в том, чтобы при самом тщательном их собирании можно было бы их собрать сколько-нибудь законченный цикл, и потому для данного исследования они представляли бы мало интереса, если бы они не свидетельствовали о сохранении в народном предании отголосков весьма отдаленной старины. В народной массе нет никакого сомнения в том, что она принадлежит всецело христианству, но тем не менее она сохраняет и предания, подобные цитируемым, и приписывает громадное значение так называемым сверхъестественным силам, стоящим положительно вне христианского мировоззрения. Не говоря уже о значительной, довольно самостоятельной роли черта, о его местных добродушных видах вроде *домовыкив* и т. п., я хочу обратить внимание на усвоение значительной силы разным видам ведунов и ведуний, развенчанным, но тем не менее могущественным остаткам жрецов дохристианского культа.

* Тут і далі нумеровано примітки упорядників (див. розділ «Додатки»). Примітки авторів розташовані, як і в оригіналі, посторінково.— *Прим. ред.*

Кто из нас не слышал о людях, которые умеют *замовлять* кровь, зубы, выводить крыс из дома, переводить *горобцив* с проса данного хозяина на другое или же сеять просо так, чтобы гарантировать его от *спыванья* воробьев, о «прирожденных и наученных» ведьмах и их многочисленных проделках с коровами и т. п.? И ведьмы, впрочем, не только вред, но и пользу могут приносить владельцам коров: они-то и умеют их лечить,— вот почему чрезвычайно щекотливый вопрос обращаться к сельской женщине *за порадою* по поводу болезни коровы, оттого и советы между хозяйками по этому вопросу ведутся всегда с значительною таинственностью. «*Хто се тут наплутав про мою матир?*»— говорил мне обиженно мой сосед, к матери которого я когда-то в неведении данных тонкостей обратился за советом как к опытной хозяйке. Ведьмы же, как известно, могут заставлять и летать человека, и мне случалось слышать рассказы о летании по воле ведьмы от людей, которые утверждали это вполне убежденно, так как, по их словам, они сами летали таким образом. О способностях ведьмы обращаться по произволу в разных животных слышал, вероятно, всякий, и очень многие утверждают, что они видели подобные превращения. Это происходит обыкновенно таким образом, что рассказчик видел ночью нечто женоподобное вблизи какой-нибудь *повитки* [2], это нечто потом исчезло, и он увидел собаку или свинью и т. д. Я помню разговор двух стариков, которые скептически относились ко многим *бабськым забобонам*, но по вопросу о ведьмах они не только признавали факт несомненным, но и рассказывали о виденных ими превращениях и т. п. Известно также, что если животное, в которое превратилась ведьма, избить или окалечить, то следы побоев или искалечения можно найти у женщины, чем и обнаруживается ее *видьомство*. Если ведьма — тип ведуна, главным образом приносящего вред, то другие ведуны преимущественно приносят пользу: таковы, например, все излечивающие *замовлянием* и т. п. Бывает так, что кто-нибудь умеет замовлять одну какую-нибудь болезнь,— бывают и способные излечивать разные болезни. «*Ничого вже моейи жинци не поможе, возыв вже я йийи и до планетныка* [3]— *то вин глянув у таке виконце та сказав мени, що ничого з неи не буде*». Впрочем, не только по «планетам» можно предугадывать шансы лечения; если вылить яйцо, служившее для *выкачиванья переляку* (в случае болезни, приписываемой испугу, яйцом водят по телу больного, пришептывая подобающие слова), в воду, то оно будет образовывать фигуры, по которым глаз ведающий узнает, «*чы йдеться на жывуще, чы на вмыруще*» (в последнем случае виднеются кресты). При лечении употребляются разные средства: и зелья, и купанья, и скалыванье «щенят» во рту в случае водобоязни, и другие, но все они недействительны без соблюдения некоторой обрядности и подобающего приговариванья. Это и связывает народную медицину с ведунством. Но бывает и иного рода полезное ведунство. В Сквирском уезде мне рассказывали: «*То наши люде возылы колысь кулыки* [4] *до Кыева, ще як зализнои дорогы не було, и мий такы батько йиздыв з ными. Прыйшлось им ночувать пид Фастовцем у коршми. А тут, сказано, всякий народ проийжджайе, то воны чергуються, глядять своих саней. А мороз велыкий; досадно стоять надвори. Ночував там старенький чоловичок — не знаю вже, з якого села. Ото вин каже: «Не безпокойтесь, люде добри, не буде в вас шкоды». Ото воны полягалы, спочылы трохы та й вставать раненько, щоб то вже йихать дальше, колы глянуть — стоить чоловик коло саней, на плечах кулык мукы, рукы прымерзлы, и ниг нияк не одирве од земли. Давай вин просыться в того дида, то дид вже змылувався та одпустыв його*». Слушая этот рассказ, я, признаюсь, не сразу понял, в чем сила, и предложил два-три вопроса в более реальном направле́нии, то предполагая, что дед сам стерег сани, то высказывая догадку, что он устроил нечто вроде капкана, но я скоро почувствовал, до какой степени мои вопросы не шли к делу и какое невыгодное понятие о моих познаниях составила себе аудитория, слушавшая данный рассказ. «*Я знаю, що паны цьому не вирать*,— говорил мне один знакомый в Сквирском уезде.— *Воны не вирать и тому, що можна таке зробыты, щоб чоловик полюбыв яку дивчыну чы жинку. А хиба не зробляно так; чого ж бы вин йийи полюбыв? Чы то ж в його жинкы нема, або знов вона така краса, чы що?*» «*Щось вин мени, проклятый, зробыв*,— говорила дивчына,— *що одколы його тут немайе, в мене й робота не спорыться и до йижы не маю охоты*». Данную дивчыну полюбил кто-то опять-таки потому, что у ее родителей «*не дурно ж ночувала тры ночи*» баба-ведунья. В песне дивчына оправдывается перед любящим ее парубком, что она не знает чаров:

Бодай ты так знав
З синей до хаты,
От як я знаю
Чим чаруваты.
В мене чароньки —
Чорни бривоньки,
В мене прынада —
Єама молода.

(Из песни, слышанной в Киевском и Сквирском уездах)

А все-таки «чорни бривоньки», несмотря на всю их соблазнительность, не всегда достаточны для того, чтобы заставить полюбить. Часто то дивчыни, то парубкови «*щось зробляно*». Неведомое «щось» наполняет вселенную; в одном случае — оно порождение ведающей силы, в иных оно является самостоятельно, как неопределенное существо. В нашем селе «*в глыныськy щось лякае*», то опять-таки «щось лякае» в том или ином доме и т. д.

Наши культурники и полукультурники, прислушиваясь к подобным рассказам, не находят в ответ на них ничего, кроме улыбки

высокомерного, а то и злостного презрения, несмотря на то, что и у них в мозгу, как в нашем сельском *глыныську*, «щось лякае».

Этот «переляк» чрезвычайно трудно «одмовлять»: под его влиянием все находящееся вне мира афоризмов, внушенных воспитателями, представляется пропастью бездонною, наполненною злыми духами и помышлениями. *Нализна баба* стережет огурцы и горох — внушают родители нашим сельским детям, но живая пытливость детского ума, возбуждаемая соблазнительным вкусом запрещенных плодов, побеждает страх перед «нализною бабою», стерегущей огурцы; нализна баба традиционных афоризмов оказывается весьма часто непобедимой.

Выходит довольно забавно: люди, мысль которых постоянно «щось лякае», никоим образом не могут уразумевать людей, которых тоже «щось лякае»; каждая из сторон претендует на монопольное право «ляканья» для своего нечто. Попробуем, однако, подражать нашим сельским детям (известно, *«молоде — золоте»*) и разобраться несколько во вкусе плодов, произрастающих вне нивы нашего личного мышления.

Критерий, который употребляется обыкновенно при оценке народных понятий данной категории,— это степень их правдоподобности. Находя данные представления неправдоподобными, практические наши мыслители делают вывод о крайней непригодности мыслительных способностей людей, верующих в эти неправдоподобные вещи, а если вдобавок кем-нибудь из них было преподнесено бесплодно афористическое отрицание того или иного народного понятия данной категории, то вывод этот еще обостряется и уснащается приятным сознанием личного монопольного владения «здравым смыслом».

Как ни неприятно мне расходиться с мышлением наших монополистов «здравого смысла», я осмеливаюсь значительно усомниться в пригодности критерия правдоподобности в тех широких размерах, которые ему отводятся в этих рассуждениях. Он предполагает какое-то прирожденное интуитивное существование в нашей мысли знания возможного и невозможного в природе. Смею сомневаться в том, чтобы чья-нибудь прирожденная интуиция указала на возможность мгновенной, так сказать, передачи нашей мысли на огромные расстояния при посредстве электричества, на возможность передачи каким-то аппаратом звуков нашего голоса много лет спустя после произнесения их, на возможность получения из смеси двух тел определенных свойств нового, утратившего характерные свойства составных своих частей и приобревшего новые, отсутствовавшие в них, и т. д. А произрастание растения из семени и весь процесс оплодотворения, вращение Земли около Солнца, морские течения, превращение съедаемых нами веществ в нашу плоть и кровь, наследственность — одним словом, все явления органической и неорганической жизни — разве знание всего этого приобретается

путем интуиции? Употребляя последовательно слог так называемого «здравого смысла», следует назвать все эти явления неправдоподобными. Да, они неправдоподобны, они только действительны; степень правильности понятия об этой действительности зависит исключительно от степени пригодности метода ее изучения, уменья владеть им и размеров района наблюдений.

Степень пригодности того или иного обобщения явлений нисколько не зависит от того, каким образом оно действует на нашу впечатлительность, образовавшуюся под влиянием предыдущих наблюдений и обобщений, а исключительно от того, насколько оно согласуется с фактами, лежащими в его основании; само по себе, für sich und an sich, оно не носит никакой печати пригодности или непригодности.

С этой точки зрения народные обобщения, стремящиеся к истолкованию жизненных явлений, в сравнении с научными понятиями не отличаются от этих последних как род от рода, а представляют только отдельный вид того же рода: стремление уяснить себе так называемую причинную связь явлений; вся разница между ними состоит только в степени совершенства методических приемов, при помощи которых они добыты.

Привычкой к данным методическим приемам и объясняется бесплодность партизанской войны, ведомой иногда культурниками с теми иль иными отдельными обобщениями народного мировоззрения непосредственно. Борьба обыкновенно ведется аргументами пресловутой правдоподобности, при чем забывается, что данные, на которые мы ссылаемся, представляются слушателям в такой же мере неправдоподобными, в какой аргументирующему понятия, с которыми он сражается. Мне случалось иногда пытаться дать на иные вопросы, возбужденные в разговоре крестьян, научный ответ. По вопросам, предлагаемым мне, или по уступчивому молчанию и дальнейшему ходу разговора я замечал, что объяснения мои кажутся моим слушателям настолько же неправдоподобными, насколько мне объяснение исхудания лошади тем, что *домовык* на ней ездит, или холерной эпидемии тем, что холера в образе женщины ходит из села в село, и т. п. Когда-то зашла речь о холере; я старался рассказать о микроорганизмах, о зависимости податливости на заражение от условий климатических, обстановки, личных свойств организма и т. п. Меня слушали внимательно, и вслед за тем пошли дальше разговоры о том, как ходит холера, как она душит и т. д. Объясняя как-то при случае устройство фонографа, я чувствовал по общему тону дальнейших разговоров, вошедших в область так называемого чудесного, что фонограф в воображении большинства моих собеседников явился или чем-то таким неправдоподобным, как для меня «видьомская» сила, или же обладающим сам «видьомскою» силою.

И это в порядке вещей. Для людей, не подготовленных к изучению явлений при помощи микроскопа, статистических таблиц

и т. д., результаты микроскопических исследований, медицинской статистики, акустики и т. д. должны казаться невероятными, и скептическое их отношение к ним скорее указывает на присутствие критических наклонностей ума, чем обратно.

Таким образом, те или иные объяснения явлений становятся удобоусваиваемыми или отрицаемыми в зависимости от методических привычек нашего мышления.

В сущности и методические приемы исследования в данном случае разнятся не по существу, а по степени их утонченности, вызывающей бо́льшую или меньшую чувствительность мыслительного аппарата на сходства и различия предметов наблюдения. Чем анализ тоньше, тем точнее выделяются группы аналогичных явлений, тем он грубее, тем больше смешения между отдельными группами, тем больше склонность переносить свойства, подмеченные в одной группе явлений, на другие, не заботясь особенно об установлении степени их сходства и различия, но в том или ином случае сведе́ние отдельных явлений в группы на основании общности их свойств составляет основной прием всякого исследования. Чем у́же круг наблюдений, чем меньше опытность наблюдателя, тем несовершеннее данная группировка и тем больше склонность переносить известные нам подробности исследованного типа явлений на все остальные, не заботясь особенно об установлении степени их сходства и различия.

Под влиянием этой примитивной техники исследования человек, обладающий малым запасом знаний, неизбежно склоняется к подведению всех явлений движения к наиболее известному ему типу — типу человеческих движений. Присутствие сознания и волевых ощущений, присущее значительной части человеческих движений, рассматривается как необходимое сопровождение всякого движения, и оттуда — неизбежный антропоморфизм [5] мировоззрения.

Под влиянием этого одушевляющего природу мировоззрения слагались, очевидно, понятия, приписывающие возможность воле человеческой, выраженной в форме заклинаний и т. п., влиять на явления внешнего мира: задерживать кровь, зубную боль, заставлять людей уноситься в воздух, переводить воробьев с одного места на другое, вложить в скрученные известным образом колосья зловредную силу и т. п. Под этим же влиянием труднообъяснимые или действующие поражающим образом на воображение явления приписываются действию человекоподобных, неизвестных естеств. Но если так, то цикл народных понятий, о котором здесь идет речь, не представится нам более как нечто произвольное, лишенное всякого разумного основания — напротив, мы увидим в нем результаты первобытных попыток исследовать связь явлений, т. е. стремление, различное по степени совершенства способов, но одинаковое по своей сущности с стремлением, лежащим в основе всех научных исследований.

Время зарождения этих понятий относится к далекому прошедшему, но они лишились бы жизнеспособности, если бы склонность к антропоморфическому мировоззрению исчезла бесследно и не питалась убожеством познаний, незнакомством с более тонкими методами исследования явлений.

Все языки с их безразличным перенесением слов, относящихся к жизни человеческой, на явления внешнего мира и обратно, все *стремления* пара, химические *сродства, течения* и *колебания* мысли, *тяготения* партий и т. п.— живые признаки антропоморфических наклонностей человеческого ума, но освоенное с данным условным значением терминов ухо наше не поражается ими. Иначе с народною речью; вместо условных терминов мы встречаем в ней живые выражения, носящие очевидные следы данного мировоззрения: *«Дарма, що тепер тепло — зима свого не подарує»; «Гарный овес, та чы залюбыть вин нашу землю»; «Що цього дощу слида вже немае, земля дуже прагнюча»; «Всяка всячына любыть выгоду, як чоловик, як скотына, як зерно»* и т. п.

Занимаясь в сельской школе, я был поражен тою наклонностью к драматизированию, так сказать, явлений природы, которую я замечал в ответах учеников. Пар осадился в форме капель на окне, а на стене его не заметно, потому что он *любит* холодное; вода при кипячении выливается из полного горшка, потому что она *хочет* занять больше места; зимой у отворенных дверей хаты клубится туман потому, что внешний воздух *хочет* пробраться в хату, а хатний выйти и они встречаются там; маятник *хочет* колебаться постоянно, но воздух его *не допускает*, и т. д. Несомненно, трудность подобрать более соответствующие выражения играет тут некоторую роль, но я замечал вообще трудность вызвать стремление к подыскиванию слов более подходящих. Случалось и так, что на вопросы, которыми я хотел обратить внимание на несоответственность выражения, мне отвечали наивным их подтверждением. «Что же, эти два течения воздуха так-таки борются?» «Ну да, борются». «Пар так-таки и любит холодный топор?» «Разуме́ется, он любит холодное».

Нужно при этом заметить, что между детьми, посещающими сельскую школу, есть довольно взрослые, что они сравнительно с детьми других общественных групп довольно развиты, так как они более изведали, учавствуя в трудах по хозяйству и самостоятельно развлекаясь в свободное время, что уровень их развития не так значительно разнится от уровня развития старших, чему доказательством, между прочим, служит и то, что книги, охотно читаемые старшими школярами, охотно слушаются и их родителями и что обратно: книги, доставляющие удовольствие грамотным из взрослых, читаются охотно и старшими школьными детьми.

Вследствие этих соображений я и решился дополнить наблюде-

ния над мировоззрением взрослых сельчан наблюдениями над сельскими детьми.

Таким образом, отдельные понятия по мироведению в народной массе в том виде, в каком мы их встречаем, представляются мне как естественный продукт научного стремления к исследованию связи явлений и необходимой, при данной сумме материалов исследования, склонности к антропоморфизму. Вот почему я давно перестал поражаться странностью их, почему не сомневаюсь в способности к усвоению более точных приемов исследования со стороны людей, проявивших склонность к самостоятельному исследованию явлений в форме соответствующей наличности материала, но убежден в безусловной бесплодности непосредственной борьбы с отдельными суеверными понятиями. Только долгое и постепенное освоение с более совершенною техникою исследования может приносить серьезный результат в этом отношении; отдельные понятия находятся в связи с общим мировоззрением. Конечно, данное время не есть время активного, созидательного проявления этого мировоззрения, главные его законченные понятия относятся к незапамятной старине, но тем не менее и общие наклонности этого мировоззрения, и связанные с ним отдельные понятия до сих пор живы в народной массе, появляются даже и новые приращения к традиционному материалу (о телеграфе напр., я слышал: *«Не буде вже добра, колы весь свит зализом переплутано»*, или в селах, далеких от мест распространения штундизма, образовалось поверие о вырастании рогов на головах штундистов); приращения эти свидетельствуют об общей живучести данного цикла понятий; они продукт умственной жизни народа и наличных средств исследования и способны уступить место новым только в той мере, в какой эти новые обнимут всю систему его мышления, подобно тому как старые листья на черном дубе осыпаются только по мере вскармливания его соками новых.

Тем не менее мне кажется, что несколько критическое отношение к данным понятиям начинает теперь чаще встречаться среди молодого поколения сельчан, чем прежде. То вы услышите насмешку над тем или иным *забобоном*, над тем или иным суеверным страхом *(«Не йды, дивко — вова злякайе»)*, то вам предложат серьезно скептический вопрос о силе заклинания, замовляния и т. п. Значительно более охотное, чем прежде, обращение к совету доктора, если только для этого представится не особенно дорогая возможность, указывает также на ослабление веры в *выкачуванья переляку, одмовляньа прыстриту* и т. д. Сюда же будет относиться и некоторое более свободное обращение с повязкой замужней женщины, хотя оно не везде проявляется с одинаковой силой и в одной форме; в данном отношении я имею в виду северо-восточную часть Сквирского уезда (Киевская губерния). Дело в том, что замужней женщине не подобает *свитыть волосьям*. Я помню случай, когда семилетний мальчик, играя, сбросил *очипок* замужней женщины

в обществе. Женщина расплакалась от огорчения, что он заставил ее, честную женщину, *«свитыть волосьям»*. Я помню, как напрасны были когда-то мои заботы утишить гнев одной женщины на другую ввиду главным образом того, что эта последняя ее *розчипчыла*[6]. В цикле песен, насмехающихся над разнузданностью жены и покорностью по отношению к ней мужа, есть такая:

Ой, пыла, пыла, чипця згубыла,
Прыйшла додому, ще й мужа была.
Ой, была, была, выгнала з хаты:
Ой, иды, мужу, чипця шукаты.
Прыйшов до корчмы: добрыдень, люде!
Прызнайтесь мени, перейма буде,
Перейма буде кварта горилкы,
Хто найде чипця моеи жинкы,
Кварта горилкы, ще й мирка проса,
Бо моя жинка простоволоса.

(Романовка Сквирского уезда)

Насмешка над заботливостью мужа тем язвительнее, что жена его своим поведением по отношению к нему и по отношению ко всем понятиям приличия честной женщины этого не заслуживает *(«Пыла, чипця згубыла и мужа была»)*.

Да, но эти понятия видоизменяются. Я помню время, когда замужняя женщина в нашей местности повязывала платок на верх очипка так, что никоим образом не можно было увидеть волосок, помню и то, что маленький клочок волос, выглядывавший из-под очипка и как будто нечаянно забытый, был рассматриваем как признак беззастенчивого кокетства; далее я наблюдал постепенное удаление повязки назад; в данный момент у нас она кончается более или менее на половине верхней части головы.

Целый ряд традиционных, исключительно народных праздников: *Навський велыкдень*[7], *Переплавна середа*[8], *Девятый четвер* соблюдаются что дальше, то с меньшею точностью. Это коснулось и обычного продолжения праздников христианских. В прежнее время с 25 декабря по 1 января никто не работал, теперь работают с 28 декабря; на *Великодни святки*[9] до *Провид* никто не работал, теперь работают начиная со среды.

Прямого, систематического воздействия на все эти понятия нельзя, кажется, доискаться, но косвенно видоизмененный строй жизни вызывает новые течения мысли в самой народной среде. Свобода труда и большее разнообразие экономических отношений, связанное с нею, участие в самоуправлении и связанное с ним возрастание доверия к личному суждению, более частое соприкосновение общественное с людьми иных общественных групп, *с пидупавшими панками* и *пидпанками* и с выбивающимися на поверхность *полупанками, дерыхвостами*, более смелое обращение с культурными людьми, передвижение из городов в села и обратно, облегченное железными дорогами, пребывание в разных краях солдат из мест-

ных жителей и учащенный прилив и отлив их — все это и, вероятно, многое другое, здесь упущенное, способствует расширению кругозора, возрастанию доверия к своему суждению и действует эмансипирующим образом по отношению к традиционной мудрости не чрез непосредственное насаждение тех или иных идей, а косвенно, вызывая самодеятельность мысли в народной среде. В таком виде представляется мне в общих чертах характер отношения современной народной мысли к остаткам древнеязыческой религии. Употребляя, впрочем, по принятому обычаю, это слово, не нужно забывать, что здесь мы имеем дело не с настоящею религиею в том смысле, в каком мы привыкли ее понимать под влиянием религии откровенной, что она не только не откровенна, как христианская, но даже и не принесена готовою более развитым племенем менее развитому, как в Индии или Египте, что, значит, она не только по своему содержанию, но и по способу зарождения и проникновения в умы отдельных лиц бесконечно разнится.

Религия эта вырабатывалась на месте под влиянием тех общих наклонностей мировоззрения, которые и до настоящего времени не вполне лишены жизненной силы, а потому и отдельные ее понятия являлись как продукт мысли, работающей примитивно-научным образом. Под влиянием этой генезы жрецы этой религии — ведуны, знахари — только люди более знающие по некоторым специальным вопросам; иной санкции, кроме спроса на это знание, они, вероятно, никогда не имели в глазах народа или, по крайней мере, современные их остатки пользуются в глазах народа некоторым авторитетом только в указанном смысле и границах.

Правда, формулы, к которым приводили данные исследования связи явлений, благоприятствовали эксплуатационным стремлениям прозорливых ведунов, и потому насаждение верований, рассчитанных на невежество окружающей среды с корыстною целью, встречалось, вероятно, с их стороны; быть может, что такого рода соображения действуют у иных из современных знахарей, но этого в большинстве случаев нельзя утверждать. Они вообше наивно веруют в силу своих заклинаний, замовляний и т. п. Посмотрите, как наивно-добродушно добрая женщина делает диагноз недуга и, определив, что это *пидвий, переляк* или *прыстрит* [10], предлагает соответственные *лики*. Я помню, как одна добрая старуха, замечая мое нездоровье, определила, что это *прыстрит*, и как наивно-настойчиво советовала мне взяться за *одвирок* [11] и *трейчы* плюнуть назад; я помню приятельские предложения нескольких лиц *замовить* мне зубную боль; меня поражала настойчивость предложений, несмотря на мотивированную решительность отказа; я узнал даже, что одна добродушная женщина из сострадания *замовыла* мою зубную боль *до мисяця*; я помню, как спокойно-уверенно во время зимнего ночного путешествия в лесу мой возница заявил, что раз я еду с ним, никакой опасности от волков нельзя предполагать, так как он

знает такую молитву, которая нас сделает безусловно недоступными для волков.

Мне кажется, что в огромном большинстве случаев наши народные ведающие действуют так же наивно, что, конечно, не исключает возможности сознательной эксплуатационной деятельности со стороны некоторых из них, но это исключение, а не правило. Они не особенные какие-нибудь люди, они просто кое-что знают и считают своею обязанностью помочь в беде *добрым людям*. Сознание возрастающего достоинства ввиду пользы, приносимой ими — главный, кажется, двигатель в предложении услуг, а если, кроме *щирого спасыби, перепаде* кусок сала, *мыска пшонця* или *чарочка тиеи*, то нельзя же *гордувать дякою* добрых людей.

Вышеизложенные общие соображения о данном цикле верований подтверждаются, мне кажется, и особым характером критического отношения к тому или иному из них, раз такое критическое отношение проявляется. Я говорил о том, как твердо, убежденно они принимаются огромным большинством народа, тем не менее заявление сомнений по данным вопросам не скандализирует верующих, несмотря на то, что в огромном большинстве случаев они остаются упорно при своих верованиях. Сомнение в данном случае представляется им недостатком знания или легкомысленным выводом, но во всяком случае безобидным движением мысли. Этим же характером простого, научного, так сказать, отношения к данным понятиям объясняется, мне кажется, и та простота и радикальность вопросов, которые вам иногда предлагают сомневающиеся в том или ином положении данного цикла понятий. Можно их знать или не знать, верить в них или не верить; это может определять вашу степень познаний, вашу бóльшую или меньшую умелость оценить по достоинству сообщаемые вам знания, но не влияет на определение вашей морали. С этим связывается и то, что, помимо существования зачатков критического отношения к данным понятиям, крайне редки, если не вполне отсутствуют, насмешливые рассказы и песни о данных верованиях и ведунах. Я по крайней мере таких песен или рассказов никогда, насколько помню, не слышал. Насмешка представляет мало соблазна там, где можно прямо отнестись к вопросу без всяких стеснений.

Перейду теперь к сообщению некоторых данных относительно того, в каком виде усвоилось большинством нашего сельского населения христианское учение, как оно относится к религиозному культу и к его представителям.

С догматикой вообще народ мало знаком. Бог, как создатель и держитель всего мира, насадитель добра и каратель зла, составляет основное понятие его христианско-религиозных верований; Св. Духа упоминает народ только в заученных наизусть молитвах, под словом Бог он подразумевает всегда Бога-Отца; Иисус Христос известен народу не менее Бога-Отца, как учитель христианской

религии, распятый за нее и за людей на кресте; к нему же обращается народ по преимуществу с некоторыми просьбами, обращенными к благости Господней. *«Дав бы то Сын Господний»*, чтобы прошел дождик, чтобы хлеб зародил в этом году и т. п.[12]

О создании мира и происхождении злого духа я слышал когда-то следующий своеобразный рассказ. Рассказчик, *дид Жук*, был родом из Обухова (Киевского уезда); во время моего знакомства с ним он жил в д. Маковищах (Киевского уезда). Дид был вообще молчалив и только иногда, выпив *чарку*, делался разговорчивее. В таком несколько возбужденном виде он рассказывал мне, как он в детстве своем видел запорожцев; в таком же состоянии он охотно рассказывал *божествѐнне*. Дид рассказывал о создании мира, приближаясь вначале довольно к библейскому рассказу и вызывая общее удивление своей эрудицией, далее — уклоняясь от него уже более резко, он рассказал, как Бог создал чорта. Чорт был один, и ему было досадно оставаться без прислуги. *«Ото вин иде до Бога та просыть, щоб Бог дав йому слугы. То Бог сказав: «Иды та махны рукою, то й матымеш слугы». Чорт махнув рукою, та й явылысь у нього слугы. Але чорт — сказано — ненасытный, давай махать та махать рукамы. Ото з того ти маленьки чортыки, розвелась их велыка сыла. Тоди Бог склыкайе усих ангелив, архангелив, херувымив*[13] *та й каже: «А що ж вы, хлопци-чорноморци, пиднимить мий престол повыще усих тих вражеськых сыл». Так воны и зробылы»*. Верование в загробную жизнь всеобще; соображение о том, *«як то буде на тим свити»*, высказывается очень часто. По вопросу о загробной жизни вы часто услышите фразу: *«А, Бог його знайе; нихто з того свита не вертався»*.

На некоторую своеобразность во взгляде на святых угодников указывает часто повторяемая фраза, имеющая в виду рекомендовать празднование меньших церковных праздников: *«Часом малый святый и за велыкого накарайе»*.

Значение церковных обрядов мало известно народу, но он очень дорожит ими, хотя иногда и истолковывает их своеобразно. На вопрос: почему ты называешься христианином? — начинающий школяр со слов родителей всегда ответит: потому, что я крещусь. Христиане, не употребляющие крестного знамени, для народа вообще непонятны, потому он и не признает, напр., штундистов[14] христианами. На их принцип не употреблять крестного знамения смотрят обыкновенно не как на известное религиозное учение, а несколько таинственно. Дело в том, что *злый* боится креста. Несмотря на эти и им подобные значительные неточности уразумевания христианской догматики, общий дух христианского учения довольно понятен народу, хотя и это понимание выражается иногда в своеобразных несколько формах.

В д. Маковищах Сквирского уезда я знал когда-то Иосипа Пысьменного. Это был около тридцати лет тому назад единственный

грамотный человек в селе. Иосип мало читал, но — что было крайней редкостью между современными ему сельскими грамотеями — читал сознательно. В одно из моих посещений Иосип оживился более обыкновенного, достал с *полыци* Евангелие и свои рассуждения подкреплял чтением текстов. В его мыслящую голову глубоко запала простонародная обстановка рождения и жизни Иисуса, ему казалось, что эти обстоятельства преднамеренно игнорируют в угоду *панам* (то было еще крепостное время). Доказательство этого он видел в обыкновенном способе изображения Матери Божией: *«Матир Божу малюють завше паньею, а вона була проста людына. Йийи б треба малювать у сирий свыти, а то в мищанському сыньому жупани»*[15].

Евангельская притча о Лазаре перешла в малорусскую народную песенность. Песня эта, или правильнее может быть, дума (по своему складу она вполне напоминает исторические малорусские думы), как известно, очень популярна. Всякий лирник знает ее непременно; простонародные слушатели слушают с сосредоточенным вниманием и волнением речитатив лирника, аккомпанируемый *жалибными* звуками лиры, повествующий об унижении убогого брата богатым, который *«брата свого Лазара за брата не мав»*, об утешении обиженного в загробной жизни *«в чести та в хвали»*.

К числу очень распространенных лирницких набожных песен принадлежит и песня о правде, но лирники стесняются обыкновенно петь ее перед панами или же поют со значительными сокращениями. Я слышал ее, между прочим, когда-то в Фастове (Киевской губернии) во время ярмарки. Народ столпился около лирника, певшего о том, как теперь нет на свете правды, как ее топчут под ногами в то время, когда *«тая неправда пье выно з панамы»*, о том, как напрасно бывает отстаивать правду в борьбе с более сильным: *«На суд из ным статы — правды не зыськаты, тильки срибломзлотом панив насыщаты»*. Одним словом, неправда *«увесь свит зажерла»* — надежда только на Бога. *«Бо сам Господь правда»*, он вселит правду, накажет неправду и *«смырыть гордыню»*. Среди ярмарочного шума и гама группа, окружавшая лирника, отрешилась временно от всех забот ярмарочного дня; виднелись только сосредоточенные лица, слышались от времени до времени фразы, подтверждавшие правдивость слов песни, слезы навертывались иному на глаза, медные гроши подносились отовсюду певцу правды, иной приносил стакан квасу оросить *«смажные уста чоловика Божого»*.(Один из хороших вариантов песни о правде помещен в «Записках о Южной Руси» Кулиша.)

Противопоставление Божией правды людскому *гордуванью* — живая тема для мысли народной. Я ехал когда-то из Киева. В вагоне 3-го класса ехали две киевские прачки, одетые, впрочем, барышнями, несколько крестьян, евреев и вообще разнородная публика. Вагон был для курящих. Один из крестьян закурил *люльку*,

став, впрочем, у отворенного окна так, чтобы дым его люльки улетал в окно. Барышни-прачки раздраженно настаивали на том, чтобы он вышел на платформу, и когда *курець* объяснял, что дым его трубки не входит в вагон, и вообще не уступал, то послышались презрительные с их стороны отзывы о мужиках. *«То Иисус Христос, Сын Божий,*— ответил мужик,— *страдав за нас всих, за простых и благородных, за убогих и багатых, а тут... трошки того благородья, а бач, як гордуе».*

Что касается форм религиозного поклонения, то они соблюдаются вообще тщательно, хотя обыкновенно с весьма незначительным пониманием их значения или даже вовсе без всякого иного понимания, кроме того, что так нужно делать набожному человеку. И здесь тоже есть своеобразные понятия. Так, напр., соблюдая праздничный отдых, безусловно нельзя производить некоторых работ, в то время как за другие *Бог простыть.* Во все вообще воскресения и праздники нельзя резать (кроме съестного): ни тесать дерева, ни косить, ни жать и ничего тому подобного. Но можно, в случае экстренной надобности, *«в гаряче время»*, возить снопы, гресть сено, складывать копны и т. п. Есть церковные и народно-обычные праздники, в которые можно самому, но *худобою грiшно робыты».*

Обыденные молитвы тоже значительно разнятся от молитв, употребляемых в церкви. Новичок-школяр на вопрос: умеет ли он молитвы? — отвечает обыкновенно: *«Як то? Богу? Авжеж, домашнього Богу вмию».* («Богу» — значит молитвы). Мужчины особенно из более молодого поколения, довольно часто знают *«церковного Богу»*, хотя это далеко не общее правило, женщины же почти без исключения знают только домашнего. Эти домашние молитвы часто значительно разнятся в отдельных семьях одного и того же села, а то бывает и так, что хлопци молятся по-церковному (т. е. думают, что они так молятся), а дивчата по-домашнему. В иных домашних молитвах Сквирского уезда видны сильные следы унии. Вот примеры из одного *«домашнього Богу»*. В утренних молитвах повторяется десять заповедей в таком виде: *«Есть Божих десять заповеден: перша: не мов; друга: не беры надаремне Мъя Ёго; третя: святкуй недилю святу; четверта: шануй отця и матир и всих старшых, будеш довго лит жыть на земли; пята: не убый; шоста: не чужелож; сьома: не украдь; восьма: не будь свидком фальшывым протыв блыжнього свойого; девята: не пожадай; десята: не жоднои речы, ни вола, ни осла, ни слуги, ни служевныци».* Перечень Св. Таинств встречается в таком виде: *«Сим сакраментив: первое: хрещение; друге: мыропомазание; третье: евхарыстия; четверте: покута; пяте: маслосвятие; шосте: капланство; сьоме: малжинство»* [16]. А вот перечень смертных грехов: *«Сим грихив моих головных: пыха, лакомство, нечыстота, гнив, заздрость, обжерство, линывство до хвалы до Божои».* В том же *«домашнем Богу»* встречается следующее: *«На сыньому мори, на билому камени там церковця стояла; в тий церковци престолы стоялы, на тих престолах Иисус Хрыстос седив, очыци склепыв, ручыци скрыжував, на билый каминь кровци пускав. Прыйшов до його святый Петро и Павло, плачуть-рыдають, на крыжы впадають. «Святый Петре и Павле, не плач, не рыдай, на крыжы не впадай, визьмы в праву руку хрест, в ливу кадыльныцю, пийды по всьому свиту, закажы всьому свиту — старому и малому: хто цейи молытвы вмие, нехай молыть, не забувае в четвер по вечери, в пятинку до утрени, в недилю святу до службы Божои, то не буде його ни туча, ни грим побывать, буде од Бога ласку мать; як буде помырать, будуть його грихы одпадать, як на мори писок, на дереви лысток».* Некоторые непонятные для молящегося слова в перечне, напр., Св. Таинств и т. д., не озабочивают особенно его. Молитва творится как нечто обязательное для набожного человека, с значительною даже торжественностью в позе, в выражении лица и в общем чувстве свершения важной обязанности, особенно в праздничные дни, когда заботы по хозяйству не отвлекают мысли и не вызывают переплетения слов молитвы словами, обращенными к домашним, и восклицаниями к животным, но молящийся вовсе не задается мыслью углубления в смысл произносимых слов. Это не мешает тому, что данным актом вызывается некоторое торжественное, молитвенное, так сказать, психическое настроение. Кто видел крестьянскую семью *в билых сорочках*, в праздничной одежде, заседающую за стол в большие праздники и свершающую молитву перед трапезой, кто прислушался к торжественной интонации слов, произносимых хозяином при первой чарке, кто призадумался над тем, какое громадное значение для изнуряемого постоянным физическим трудом при незатейливой, а то и скудной пище, составляет праздничный отдых и обыкновенное обилие и разнообразие праздничных яств и пития, тот уразумеет то множество разных побуждений, из которых слагается чувство набожно-торжественное, вызываемое празднованием *Риздвяных* или *Великодних святок* [17], и для того станет понятно общее торжественное настроение молящегося простолюдина, невзирая на слабое его понимание слов молитвы. То же общее настроение набожности присуще ему и в церкви, несмотря на слабое его понимание слышанных слов и символического значения обрядов. Крестьянин наш податлив на поэзию внешнего культа. Обширное, самое изящное в селе здание, множество икон, свечей, празднично одетый народ, дым кадил — все это вместе взятое производит поэтически-торжественное впечатление.

Набожный в общем смысле склонности к поэтически-торжественному религиозному настроению, но плохой богослов — народ не особенно точно различает значение тех или иных отдельных обрядов; местные народные обычаи сливаются для него в одно целое с обрядами церковными. *Святыть паскы* на 1-й день Пасхи так же важно, как и *дочытаться до Хрыста*; кутья [18] накануне Рождества,

сноп на *покути*[19], колядки[20] — такие же необходимые принадлежности рождественских праздников, как и церковное богослужение, и т. д. Насколько важен в глазах народа свадебный обряд, видно из следующего. Иногда бывает так, что молодые венчаются, желая скрепить взаимное обещание, но наближается пост или же у родителей молодых нет заготовленных средств для того, чтобы устроить *весилья*, хотя бы *«не так, як у людей, то хоч так, як коло людей»*. В таком случае после венчания *молода* не покрывает головы, ходит в *стричках по-дивоцьки*; молодой ходит к ней, как парубком ходил к своей нареченной, но супружеское сожительство не допускается.

Это взаимное проникновение понятий христианско-религиозных и самостоятельных народных понятий, интересов и жизненной обстановки сказывается, между прочим, в целом цикле колядок, приуроченных к рождественскому празднику и не имеющих никаких следов христианства. В сборнике исторических песен, изданном Антоновичем и Драгомановым, собрано множество колядок и щедривок[21], составляющих исторические песни княжеского периода. Есть много поздравительных колядок, которые, не примыкая собственно к этому историческому циклу, родственны с ним по отсутствию следов христианства; к ним относится, между прочим, одна в высокой степени поэтическая колядка, слышанная мною в Киевском уезде, в честь *дивчыны* в семье поздравляемого, где говорится, как *«хвалылася береза своими витамы перед дубами, хвалылася дивка Марийка своимы косамы перед парубками»*. А вот колядка, слышанная мною в Романовке и Кошляках (Сквирского уезда), в которой старинное, дохристианское мировоззрение выступает со всей рельефностью.

Та не гнивайся, пане господару, ой, дай, Боже!
Мы твого двора не мынайемо.
Мы твого двора не мынайемо,
Мы твий двир звелычайемо.
Вставай з постели, очыняй дверы,
Застеляй столы все тисовыйи,
Клады калачы з яройи пшеныци:
Прыбуде до тебе а тройе гостей,
А тройе гостей, тройе радостей.
Що першый гостю — ясен мисяцю,
А другый гостю — дрибен дощыку,
А третий гостю — яснейе сонечко.
Чым ся похвалыш, ясен мисяцю?
— Ой, як я зійду рано звечора,
Возрадуйеться ввесь звир у поли,
Весь звир у поли, гисть у дорози.
Чым ся похвалыш, дрибен дощыку?
— Ой, як я зийду трейчы у маю,
Возрадуйеться жыто, пшеныця,
Жыто, пшеныця, всякая пашныця.
Чым ся похвалыш, яснейе сонечко?
— Ой, як я зійду рано в недилю,

Возрадуйеться весь мыр хрещеный,
Весь мыр хрещеный, диткы маленьки,
Диткы маленькы, бабкы стареньки.
Ой, дай, Боже!

В таком виде в общих чертах уживаются в жизни народа его самостоятельные помыслы, потребности и обряды с понятиями и обрядами религиозно-христианскими; мы видели, что это не мешает ему верно уразумевать основную мысль христианского учения.

От старосветского причетника я слышал когда-то в Киевщине следующую песнь:

Сиде Адам прямо рая
И наготу свою покрываше, рыдая.
А ты, Ево, не смутыся
Та до мене прыгорныся,
Прошу я тебе!
Господь к нему глаголаше:
Де ты, Адаме, жывешы?
Осьде в кутку, ох, мий смутку,
Из Евою молодою
Тишу биду свою.
Господь к нему глас даде:
Иды з раю, Адаме.
А бач, Ево, смутна бабо,
Було жыты, не гришыты.
Выбачаймо!
Лучше було в раю жыты,
Сладки яблокы в снедь имиты;
Тепер треба працюваты,
Щоб кавалок хлиба маты
До самой смерты.
Що ж мы майемо дияты?
Чым мы будемо сияты?
И копаты я не вмию,
И не знаю, чым посию,
Бо не маю чого.
А Господь и к ным рече:
В поти лыця хлиб снисте,
Возьмы заступ та нагныся,
Копай землю, потрудыся —
Щось тоби Бог уродыть.

Встречаются, впрочем, и в народной среде в тесном смысле слова разговоры в вышеуказанном тоне — то о том, не забыл ли Господь нашу землю, не посылая ей дождя, то о святых, которые *«десь загулялы»*, не обращая внимания на просьбы людские, и т. п. В веселом тоже тоне рассказывается о человеке, который удивлялся: *«Що це такее? Колы не прыйду до церквы, то все паскы святять»*. Раз отец поучал новобрачного сына о том, что муж должен жить в полном согласии с женою. Отец был несколько ознакомлен с священною историею: *«То бачыш, як Адам спав, Бог выняв у нього ребро и создав Еву»*. *«Бо спав»*,— отозвался кто-то из компании, вызывая этим всеобщее веселие. *«А то, кажете, якбы не спав, то й*

не подався б»,— продолжал хозяин в том же тоне. Встречаются и сказки в этом шутливом тоне, как, напр., сказка «Москаль и Смерть», записанная г. Ильницким в Васильковском уезде (Киевской губернии) и помещенная в сборнике народных южнорусских сказок. В сказке этой *москаль* берется стоять у Бога на часах вместо смерти и переменяет по своему усмотрению поручения, даваемые Богом смерти, скучает в раю, так как там нет ни водки, ни трубки, устраивается более удобно в аду, находя там искомое.

Но нужно быть слишком мало знакомым с народною жизнию для того, чтобы на основании подобных юмористических разговоров, песен, сказок и т. п. выводить заключение об общем легкомысленном отношении народа к религии. Я уже указал выше на то, что несмотря на значительное невежество в вопросах богословских, народ серьезно уразумевает общие положения христианской этики и что с искреннею поэтичной торжественностью относится он к внешнему религиозному культу. Согласовать это наружное противоречие нетрудно.

Преобладание юмора составляет характеристическую черту мужских разговоров о всяких предметах — во время ли отдыха среди работы на поле или в *клуне*[22], в беседе ли *на селе* под корчмой, во время ли праздничных собеседований за столом, пока *чарка* не особенно подогреет собеседников и не приведет их к более чувствительному и песенному настроению; даже во время возбужденных собеседований об общественных потребностях и нуждах удачное юмористическое слово никогда не остается без отголоска. В этом отношении Гоголь, Котляревский, Квитка в некоторых своих произведениях верные представители в письменном слове наклонностей народного малорусского мышления. При данной силе этой наклонности понятна непреодолимость соблазна, представляемого юмористическим отношением к какому бы то ни было предмету. Наклонность эта, конечно, далеко не исключает ни сердечной теплоты, ни глубины чувства — достаточно вспомнить народную малорусскую песенность и верного, блестящего ее продолжателя в письменной форме — Шевченка.

Юмор составляет часто внешнюю, будничную оболочку сосредоточенного чувства, избегающего обнажения [...]

Этими общими свойствами народного малорусского характера и объясняются данные экскурсии в область юмора при общей серьезности религиозного чувства.

Всем известна общая заботливость народа о благолепии своей церкви; я знаю случаи, когда удовлетворение весьма настоятельных экономических потребностей *громады* было отлагаемо в интересах украшения сельской церкви, когда самообложение для этой цели было постановляемо в трудный, неурожайный год. Благолепие своего храма составляет предмет гордости селянина. Освящение новой

церкви — торжественный день в жизни села; окончание крупной ремонтировки вызывает громадный наплыв народа в церковь.

Но само благолепие храма не исчерпывает спроса на религиозно-поэтические впечатления; зависимая от личных свойств священника степень изящества в богослужении представляет живой интерес для народа. При суждении о том или ином священнике вопрос о том, *«чы вин гарно правыть»*, всегда имеет большое значение. Голос, жесты, интонация — все это весьма существенно при данной оценке. В одном селе я помню случай, когда было предположение о назначении приходским священником батюшки, не одаренного хорошим голосом и вообще не умеющего «гарно правыть». Несмотря на капитальность вопроса о вознаграждении за требы и на некоторые данные, указывавшие на умеренность в этом отношении, прихожане были крайне смущены этим предположением.

Проповедью вообще мало интересуется народ. Вращаясь в отвлеченных, мало доступных народному пониманию сферах, произносимая притом на литературном языке слогом малопонятным, проповедь вообще мало действует на слушателей. Мне ни разу не пришлось слышать рассуждений о священнике, в которых бы обращено было внимание на его проповеднический дар слова. Я знал одного священника, весьма дорожившего своей проповеднической деятельностью. *«Плетинку плете»*,— говорили его прихожане. Один священник говорил мне, что он вместо проповеди имеет обыкновение читать жития святых и что прихожане интересуются этим. Я не имел случая говорить с его прихожанами на эту тему, но мне это кажется очень вероятным. Живая, проникнутая глубоким убеждением жизнь всегда говорит незачерствевшему сердцу. Я знал когда-то старика *дзвонаря* при одной из малых киевских церквей. Старик и по языку, и по общему складу мысли близко примыкал к народной малорусской массе, хотя горизонт его был несколько шире горизонта селянина. Он был при том живописец: писал иконы, а также известное изображение запорожца с виршами: *«Хоч на мене дывышся, та ба не вгадайеш»* и пр. (Один из хороших вариантов этих виршей помещен в «Записках о Южной Руси» Кулиша.) Старик любил иногда побеседовать о казацкой старине, но самой любимой темой его разговоров были рассуждения о житиях святых угодников. Во время моего знакомства с ним он уже чуть ли не в сотый раз прочитывал Четии-Минеи[23] и находил в этом чтении высокое удовольствие. Глубокая убежденность, готовность на великие жертвы святых угодников вызывала в нем неподдельное сочувствие, высказываемое с трогательною простотой. Несмотря на его глубокую и довольно культивированную религиозность, он никогда не обращался к отвлеченному догматизированию. Мне кажется, что он был в этом отношении хорошим представителем народного типа, его впечатлительности к поэтическим образам религиозной жизни и

малой склонности к абстракции. Этим и объясняется, мне кажется, безразличное вообще отношение сельского люда к проповеди.

Это, конечно, не значит, чтобы живое слово священника было наперед обречено на бесплодность. Я знаю такой случай. В селе был крестьянин, немилосердно и грубо обижавший мать-старуху. Однажды старуха захворала чуть ли не вследствие побоев, нанесенных ей сыном. Священника призвали исповедовать старуху. Исполнив эту обязанность, священник старался обратить внимание сына на бесчеловечность его обращения с матерью; он настаивал на том, что нравственные страдания матери облегчатся, если сын, по народному обычаю, упадет ей в ноги и попросит извинения. Сын слушал нравоучения. *«Не пийду»*,— прибавил он решительно. Тогда священник упал перед упорным сыном на колени, прося его во имя спокойствия его и матери исполнить просьбу. Мужик расплакался, попросил извинения у матери. Старуха осталась жива и не имела уже причин жаловаться на отношение к ней сына. Но не всякому, конечно, проповедуемый им дух кротости и смирения умеет внушить подобные слова.

Что касается отношения к иным исповеданиям, то оно вообще чуждо фанатизма. В семьях чиншевиков[24] вы встречаете часто смешанных православных и католиков, но это никогда не бывает поводом к пререканиям. Чиншевик-католик иной раз присоединяется к православию, потому что он *незаможный чоловик*, ездить ему не на чем, а ходить в костел далеко; это не скандализирует никого из его единоверцев в народной среде. Православная выходит замуж за католика и обратно, и это не вызывает никаких щекотливых вопросов. Я говорю здесь о чиншевиках, так как в этой группе простонародной массы чаще встречаются близкие соприкосновения двух данных вероисповеданий. Впрочем, после освобождения крестьян встречаются что дальше, то чаще браки между крестьянами в юридическом смысле и чиншевиками; дело это еще несколько ново, и лет десяток тому назад я слышал чиншевика, удивлявшегося тому, что *«мужык ляхивку[25] бере»*, но я почти не слышал, чтобы по этому поводу религиозный вопрос был выдвигаем. Среди народа вы часто услышите, что католики, как и православные, *«вирать в йидного Бога и в Иисуса Хрыста, тилько в их инакше правыться»*. Впрочем, один старик объяснил мне, что католический священник читает в церкви то же самое, что и православный, *«тильки не з того кинця»*.

К еврейской религии также относятся с уважением, так как *«жыды вирать в йидного Бога»*, да притом это *«дуже стара и дуже тверда вира»*. Точное исполнение евреями предписаний религиозных и их солидарность часто ставятся в пример.

Враждебное отношение народа к *панам-ляхам* и к *жидам* имеет совсем иную, не религиозную подкладку, но об этом я поговорю в одном из дальнейших писем. С тою же веротерпимостью относится народ к людям, стоящим вне его сферы, индифферентным к религиозной обрядности, если они не ведут себя вызывающим образом по отношению к народным религиозным понятиям. Один очень набожный человек говорил о культурнике, которого отношения к местным сельчанам были довольно гуманны, но который относился индифферентно к религиозной обрядности: *«Дарма, що вин не молыться, заготовыв вин соби мисце на тим свити диламы своимы»*. Довольно дружелюбно вообще и доверчиво относилось к нему местное население.

Переходя к вопросу о тех или иных модификациях, замеченных мною за время моих наблюдений в данном отношении, я укажу на менее строгое отношение к праздничному отдыху, о котором я уже говорил, и к посту. Я помню то время, когда никоим образом нельзя было уговорить больного крестьянина перейти в интересах здоровья к скоромной пище; в более недавнее время я помню случай, когда школьный мальчик, изнуренный великопостною пищею, обомлел в школе. Я ему предлагал напиться молока в качестве лекарства, но он никоим образом на это не соглашался, точно так, как и вызванная по этому случаю его мать. Теперь больной, особенно из более молодого поколения, без особенных затруднений подчиняется совету есть скоромное. Молодежь, находящаяся в услужении в экономиях, охотно пользуется скоромною пищею в обыкновенные постные дни, и если вопрос этот предоставить на ее решение, то решает его обыкновенно в смысле скоромной пищи, за исключением великопостных дней. А то бывает и так, что кто-нибудь из молодого поколения охотно бы ел скоромное, но стестяется родителей и посторонних. Разговоры на тему, что оскверняет человека не входящее в уста, но выходящее из них, вы услышите довольно часто и среди постящихся примерно. Впрочем, я должен оговориться, что наблюдения мои в этом отношении относятся главным образом к северо-восточной части Сквирского уезда, прилегающей к железной дороге.

Но самое крупное новое явление в этой сфере за последнюю четверть столетия — это, бесспорно, штундизм. Мне ни случалось бывать дальше в местностях, где он широко распространился; в моей местности (северо-восток Сквирского уезда) он очень мало распространен небольшими группами в некоторых селениях, да, кроме того, мне случалось раза два встречаться в вагонах с штундистами из более южной Киевщины. При таких условиях сведения мои в данном отношении очень скудны, но тем не менее я думаю поделиться ими.

Не предпринимая исследования по данному вопросу, я ограничусь только сообщением двух-трех наблюдений.

У меня работал в качестве мастерового человек, который потом был пресвитером штундистским в одном соседнем селе. Я его знавал и прежде. В былое время это был веселый собеседник: мастер, да

к тому *музыка*, он при оказии далеко *«не цурався чаркы»* и веселых бесед. Я помню — на одной свадьбе, выпив немного, он был в ударе и начал рассказывать небывалое о своей якобы жизни с таким юмором, оживляемым часто словами: *«От же тут и батько йесть; воны не дадуть збрехаты»*, что кругом затих свадебный гул; все заслушались, и только гомерический смех раздавался от времени до времени. *«Якбы вы, дядьку, ще ту бурлацьку далы, а то вже в горли засохло». «Ну — очамрив трохы, дечого не згадаю, та дарма»* — и далее продолжался остроумный рассказ, сплетенный из собственных выдумок, отрывков из сказок, обращений à propos к присутствовавшим и т. д. Не таков стал мой давний знакомый в то время, когда он у меня работал. У него стала несколько перед тем происходить усиленная сосредоточенная мозговая работа. Он постоянно обращался ко мне с просьбою дать ему почитать что-нибудь. Я давал, что у меня было под рукою из книг для народного чтения. Возвращая мне их, он всегда выражал неудовлетворенность: *«Ни, це не те, я правды шукаю»*. Раз как-то он увидел у меня статью об американском сектантстве в «Заграничном Вестнике». Он просил дать ему почитать; я знал наперед, что многое останется для него непонятным ввиду научно-литературного изложения, но нужно было видеть, с каким сосредоточенным вниманием, с каким усердием он старался бороться с этими трудностями. Вечером, после напряженной дневной работы, он пристраивался к маленькой лампочке и зачитывался в глубокую ночь. Как только он завидит, бывало, меня, сейчас обращается с просьбой объяснить ему непонятные для него слова и обороты речи. Он, конечно, не сумел бы отдать систематического отчета о прочитанном, но для него, очевидно, было ясно, что и те люди, подобно ему, «шукають правды» на основании христианского религиозного учения. Мой знакомый стал впоследствии штундистским пресвитером. Веселый, несколько разгульный нрав его исчез. Я помню, с каким неподдельным сокрушением он говорил о легкомысленности своего брата, певшего под хмельком веселую песню. Разговоры его стали вращаться преимущественно в сфере религиозных вопросов. Какой-то священник дал ему историю церкви — он читал ее очень внимательно и относился с глубоким уважением и интересом к читаемому. Давний юмор если и проявлялся иногда, то на иной подкладке. Раз как-то он рассказывал про кого-то, занявшегося повседневным делом и продолжавшего молитву. *«То й я це, бувало, бувшы колысь музыкою, задримаю на весильи, а рука проте грайе»*.

Раз случилось мне быть на молитвенном собрании штундистов. Усевшись кругом стола, они слушали чтение Евангелия и беседовали о читанном, далее пели набожные песни (пение вышло довольно приятное) после того творили молитву, произносимую в голос то одним, то другим из «братии». В молитвах просили о разъяснении им истины, молились и за преследующих их.

Во взаимных отношениях между «братиею» замечается некоторая более усиленная готовность помочь друг другу и интерес к морали в своей среде. Так, напр., одному из штундистов, не имевшему своего рабочего скота, другие вспахали его поле безвозмездно. Случилось, что один из штундистов побил свою жену; штундисты долго не допускали его в свои собрания. Пьянства вообще не бывает в среде штундистов; уважение к чужой собственности и к своему слову значительно. Один рыболов рассказывал мне, что раз у него вытянули одновременно две *тони*; осмотрев одну, он спешил к другой, но его помощник из крестьян-православных обратил его внимание на то, что к другой тони спешить не нужно для контроля, так как там работают штундисты. Уважение их к своему слову настолько известно, что один из провинциальных товарищей прокурора обращал внимание присяжных заседателей на особенную известную достоверность показаний штундиста, несмотря на то, что по своему религиозному принципу присяги они не принимают.

Нечего и говорить, что эти лучшие стороны морали штундистов не есть порождение каких-нибудь специфических свойств штундистского вероучения, что они только косвенный результат возбужденного интереса к более возвышенным вопросам, а возбуждение-то это по самой узости сектантского кругозора не может быть неисчерпаемо.

Вот некоторые наблюдения, подтверждающие это общее положение.

Я старался указать на процесс возбужденной мозговой работы одного из моих знакомых, ставшего впоследствии штундистом. Этот период своей умственной жизни он сам прекрасно характеризовал словами «правды шукаю». Я встречал и других его товарищей в этом периоде. Мысль их работала беспрестанно, они выслушивали другие соображения и возражения, отыскивали усиленно аргументы в пользу своих мнений, с трепетом возбуждения отыскивали в Св. писании места, подтверждавшие, по их соображениям, мнения, к которым они склонялись. Но раз остановившись на данной доктрине, они легко впадают в сектантское высокомерие. Характерно в этом отношении слово, которым они охотно определяют переход чей-нибудь в штундизм. Это слово — *увирував*. Речь свою они охотно испещряют словами *письменными* с неумело скрываемым желанием импонировать своей начитанностью, и это делают даже неграмотные между ними. Любовь к цитированию нумеров глав Евангелия, особенно со стороны неграмотных, имеет, независимо от сектантского буквоедства, несомненно и эту подкладку. *Увирувавший* нетерпеливо выслушивает замечания и возражения, делаемые самым спокойным и дружелюбным образом; он ставит вопрос, как будто в критикующем он подозревает склонность к преследованию. Я помню, как до начала молитвенного собрания штундистов, на котором мне случилось быть, один из посторонних присутствовавших

весьма умеренным образом старался указать на то, что в их борьбе с иконами есть недоразумение ввиду неточного с их стороны уразумевания православного учения о данном предмете. Они пошли на беседу весьма неохотно и с видимым неудовольствием постарались прекратить рассуждение, приступая к чтению Евангелия. И вне молитвенного собрания я бывал свидетелем неохоты к рассуждению по вопросам их доктрины, причем как будто намекалось на фанатическую нетерпимость возражателя. Предполагалась ли она в действительности, несмотря на дружелюбный тон замечаний, или был это удобный полемический прием — не умею решать. Та же узость проявилась и в отношении их к сельской школе. В нашу сельскую школу присылали было штундисты из соседней близкой деревни своих мальчиков. Все было сделано для того, чтобы защитить их от легкомысленных насмешек товарищей. Школу между прочим посещали в то время несколько евреев и католик, и товарищеские отношения к иноверцам улаживались мирно, значит и улажение отношений к штундистам не представляло особенных трудностей. Заинтересованность нашей школой неожиданно сменилась поспешностью, с которой они прекратили высылку своих детей в школу: дело в том, что дети их научились кое-как читать, а дальнейшее чтение книг и приобретение познаний, стоящих вне строгой программы секты, не представляло уже для штундистов интереса, раз приобретено орудие, состоящее в умении читать кое-как. Случается это часто и с крестьянами-православными, но они в таком случае и вначале не особенно интересуются посещением школы, у них выходит это или по индифферентности, или по соображению, что их детям *«велыкои науки не треба»*. У штундистов, обращающихся часто в интересах секты к печатному слову, это выходит более принципиально.

С сектантскою узостью стоит в связи и устранение из жизни невинных развлечений, составляющих возвышающую душу поэзию трудовой жизни народа. Изящный наряд женщины, *улыця*, светская песня и т. п.— все это осуждается с точки зрения сектантской. Я помню, как один из штундистов увещевал певших за работою дивчат, чтобы они оставили светские песни, так как тем же усилием голоса можно петь набожные песни.

Этими свойствами штундизма (я имею всегда в виду только штундизм моей местности) объясняется, мне кажется, их отчужденность от жизни села, их отсутствие интереса к делам мира. Нужно, впрочем, признать, что негуманное, жестокое иной раз обращение с ними большинства населения поддерживает эту отчужденность. В недалеком от нас селении был случай истребления огородных продуктов у штундистов большинством односельчан, в другом селе штундиста, пришедшего в гости к знакомым, водили босым на морозе. Чем объяснить эту склонность к суровой расправе с штундистами со стороны народа, относящегося вообще веротерпимо к другим исповеданиям? Мне кажется, что здесь действует и новизна факта, всегда раздражающая малоразвитую массу, и то связанное с нею обстоятельство, что сам факт перехода в штундизм выражает уже осуждение вероисповеданию большинства населения в то время, когда принадлежность к другому, более давнему исповеданию ничего в этом отношении не выражает, и сектантское высокомерие новообращенных, и некоторые формы исповедания, резко поражающие, как устранение крестного знамения из молитвенного обряда и икон.

Объяснять появление штундизма, как это слишком часто делается, исключительно некоторыми неправильностями поведения той или иной части сельского духовенства,— мне кажется, крайне односторонне. В общем появление штундизма указывает на зарождение в народной среде спроса на более широкую умственную жизнь и на отсутствие более целесообразного предложения со стороны культурных слоев в ответ на этот спрос. Сухая протестантская формула штундизма мало отвечает наклонностям народной малорусской мысли, общему характеру и выросшим на этой почве народным обычаям. В моей местности штундизм скорее ослабевает, чем усиливается. Мне кажется, что Южная Русь не будет увлечена штундизмом, подобно тому как западноевропейский юг не увлекся протестантизмом, несмотря на ранние задатки критического отношения к католицизму. Для полноты я должен прибавить, что встреченный мною как-то на железной дороге штундист из более южной Киевщины отличался более широким взглядом от наших местных штундистов. Его замечание о том, что к штундизму склоняются более в приходах, в которых люди более *«прыхыльни до церквы»*, изобличает в нем хорошего психолога. Он осуждал *завзятость* борьбы наших штундистов с иконами, так как *«люде у тому зрослы»*, и потому *«не треба им зараз такым у вичи брызкать»*. Сущность учения он формулировал словами: *«Нам треба, щоб була любов»*.

Этими, конечно, далеко не исчерпывающими предмета заметками я окончу настоящее письмо; в следующих я постараюсь перейти к другим сторонам народного мировоззрения.

Друкується за: Киев. Старина. 1888. № 11.

* Н. А. МАРКЕВИЧ *

Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян

ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБРЯДЫ И ПОВЕРЬЯ

Пусть вообразят мои читатели, что нынче утром начался 1850 год по Р. Х. Мы с ними проживем жизнью малороссийскою со всеми прихотями, предрассудками, поверьями, обычаями, играми, перешедшими к ним от предков наших.

1 января[1]. С рассветом дня, на Новый год, мальчики идут по хатам и горстями кидают в спящих, разбрасывают по комнате разные хлебные зерна, приговаривая: *«На щастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю, без куколю, без метлыци, а нам дайте по паляныци! Будьте здорови, з Новым роком!»*

Песня посыпальная

Ходыть Илья на весилья,
Носыть пугу жытяную,
Де замахне — жыто росте.
Роды, Боже, жыто, пшеныцю,
У поли ядро, а в доми добро.

2 февраля. Теперь уж время идет *«не к Риздву, а к Великодню».* Не видно, как январь прошел, и вот день Сретения Господня. Это день, в который зима встречается с летом. Если в этот день оттепель и вода каплет с крыш, со *стрих*, то зима еще пролежит; если же мороз, то весна наступит рано. Но снег уж тает. Девушки собираются в кучки на проталинах и *закликают весну.* Они поют *веснянки.* Эти песни поются только весною, на празднике природы, т. е. тогда, когда все поется хорошо.

27 февраля — Масляница. Приходит 27 февраля, масляница; женщины *волочут колодку*, т. е. идут по домам и привязывают *парубкам и дивкам* небольшую колодку к ноге, в наказанье за то, что не вступили в брак в прошлый Мясоед. Эту колодку можно снять не иначе как за некоторый выкуп; на собранные деньги пируют и вместо блинов московских подают вареники со сметаною; на масляннице это главное блюдо.

1 марта. В этот день, т. е. день св. Евдокии, бабак пробуждается от зимнего сна, выходит из норы и свистит.

5 марта. Масляница проходит; в воскресенье перед Великим постом все благочестивые христиане идут к родным и соседям испрашивать прощения в обидах; а между тем кто хочет узнать, которые из знакомых ему женщин ведьмы, тот должен в это воскресенье взять кусок сыру в холстинку и три ночи сряду держать его за грубою во время сна; потом, завязав его в рубаху, носить на себе через весь Великий пост; в Великую субботу все ведьмы явятся к нему просить сыру, но он не должен давать, иначе сам погибнет.

9 марта. В день Сорока мучеников сорока кладет на свое гнездо сорок палочек; школьники приносят своему учителю сорок бубликов. Жаворонок вылетает из своего *вырия*; в честь его пекут из теста птичек, которых называют иногда *голубци*, иногда *жайворонки*, и дети, ходя с этими жаворонками, поют веснянки. Между прочим от этого дня должно быть еще сорок морозов, считая утренний и вечерний мороз за два.

17 марта. В день св. Алексия щука пробивает хвостом лед; малороссияне называют святого *Олекса теплый.*

25 марта. В день Благовещения какая будет погода, такая будет и на Светлый праздник. Птицы в этот праздник не вьют гнезд. Птица, которая завьет гнездо на Благовещение, лишается на не-

сколько дней способности летать и принуждена только ходить по земле.

26 марта. В день св. архангела Гавриила, вылетает ласточка из своего *вырия*; так как в народе Архангел Гавриил слывет *Благовисныком*, то в этот день все рождающееся будет *благовисне*, т. е. ягненок будет *кручак* с червем во лбу; яйцо, снесенное в этот день, неспособно к высиживанию цыпленка.

29 марта. В 1850 году 29 марта было Средопостие; т. е. среда четвертой недели; она здесь называется *средохресна*. Пекут кресты из пшеничной муки; носят их с собою при посеве мака; часть оставляют, чтоб носить при посеве пшеницы, остальное съедают.

В полночь со среды на четверг *переломится пост*; если прислушаться, то можно услышать сильный шум и треск.

15 апреля. В Лазареву субботу сеют горох, чтоб был *рясный*. Это праздник детей; они во время церковного обхода на вечерне носят вербы, и кому досталась самая большая ветвь, тот счастливее всех своих товарищей.

16 апреля. В Вербное воскресение, возвратясь из заутрени, тот, кто не ленился встать рано и принесть с собою вербу, приходит к ленивцу спящему, бьет его и приговаривает:

Не я бью, верба бье
За тыждень-Великдень;
Будь велыкый, як верба,
А здоровый, як вода,
А багатый, як земля.

Эту *свячену* вербу садят на огороде, в саду, во дворе.

Страстная неделя называется *билою*. В эту неделю наши малороссиянки белят избы, моют скамьи, полицы, столы, двери. Они говорят: *«Мыты, билыты, завтра Велыкдень»*.

20 апреля. В Великий, или, по-здешнему, *Чистый* четверг, кто имеет накожные сыпи, должен купаться до восхода солнца. Хлеб, посеянный в этот день, будет чист, без сорных трав. Обворачивают в холст кусок соли, обжигают его в печи и оставляют для подачи на стол на Светлый праздник. Эта соль хороша для овец, для коров, от боли живота, от *сглаза*. Во время отправы страстей тишина в воздухе повсеместная, молчанье торжественное. Возвращаясь из церкви, стараются принесть домой огонь со страстей, т. е. чтоб не погасла страстная свеча; в домах на сволоках накоптить должно этим огнем кресты, а свечу сберегают до будущего Чистого четверга. На ней 12 шариков сплюснутых означают число четверговых евангелий; эти шарики должно прилеплять к свече в самое время чтения евангелий. Свеча эта очень полезна от лихорадки. Для этого ее должно померять ниткою три раза в длину, сжечь нитку, золу смешать со святою водою и в четверг выпить натощак; во время трудной смерти дают ее в руки умирающему. Во время трудных

родов — зажигают ее пред иконами; во время грозы опять зажигают ее и ставят пред образа; ходят с нею в пчельник.

21 апреля. В Страстную пятницу ничего не едят до захождения солнца. Кладут ладан под плащаницу; этот ладан важен. Взятый с престола, куда переносят его вместе с плащаницею, он очень полезен от болезней — им должно подкуриться; то же против грозы: им должно во время молнии и грому весь дом окурить.

22 апреля. В страстную субботу во время обхода церкви и стояния у западных ее врат, когда в церкви никого нет, ангелы выводят Спасителя из гроба, а святые выходят из икон и целуются между собою — *христосуются*.

23 апреля. Наконец настал *Велыкдень!* Здесь-то выказывается вполне украинское хлебосольство: вокруг церкви стоят телеги, на которых привезено съестное для освящения. Уморителен бывает юмор малороссиян в их замечаниях насчет физиономий жареных поросят и недопеченных пасок. Нет хозяина, который бы не имел к этому дню поросенка, колбасу, пасху и несколько красных яиц. Но вот воскресенский стол зажиточного пана, у которого пани придерживается родной старины: две, три, даже четыре огромных сладких пасхи, из превосходной крупичатой муки, на масле, яйцах и сахаре; одна или две кислые пасхи; сырная пасха, ягненок из масла; пара поросят — один без фарша, другой — фаршированный кашей и печенкою, у них в зубах хрен; два ягненка — один без фарша, другой — фаршированный миндалем, изюмом и рисом; окорок ветчины и окорок буженины под сеткой из бумаги; кендюх; голова борова в натуре с глазами из маслин, воткнутых в сливочное масло; лук зеленый, кресс-салат зеленый; тарелка пшена, на нем соль четверговая; превосходное сало в кусках; несколько сортов сосисок и колбас, как-то: кровяные, простые малороссийские, печеночные и проч.; масло, сыр, сметана, лук в кореньях; все это обложено крашеными в синюю, желтую, мраморную, наиболее в красную краску яйцами; эти яйца гусиные и куриные. Прибавьте к этому несколько сортов водок и наливок; тут есть и перчиковка, и калгановка, и кардамонная, и кусака, и сливянка, и малиновка, и рябиновка, и терновка.

Но ключница должна прятать все съестное так, чтоб его мыши не могли тронуть; если мышь съест кусок освященного ягненка или поросенка или пасхи, тотчас у ней отрастают крылья, и она становится летучей мышью, т. е. *кажаном*.

Здесь-то начинаются катанья крашанок по лубку, игра на *вбитки*, игра в *пацы*, в *хрещика*, в *перепелочку*, хороводы, танцы, *дер-дер* и проч.

Но в 1850 году слилось два праздника в один; кроме того что 23 апреля — Велыкдень, это еще день св. победоносца Георгия. Во всех селах тогда бывают ходы на *жита* с водосвятием; хлебные всходы окропляются святою водою. Собирают росу и мочат ею глаза, у кого они болят, и другие больные части тела; окропляют ею домашнюю

птицу. Если ворона может в этот день спрятаться во ржи, ожидают урожая.

На Георгия начинает петь соловей; он поет, пока ячмень начнет колоситься. Если кукушка, т. е. *зозуля*, поет до Георгия, а деревья еще не развились, будет тяжел год для народа, люди будут болеть и падеж на скот. Кто в первый раз услышав зозулю, будет иметь при себе деньги, у того в продолжение целого года не будут они переводиться. И потому-то после Светлого праздника завязывают в рубаху грош, и следовательно, имеют всегда при себе деньги.

Первые цветы, primula veris, называются здесь *ряст*. Набрав и бросив их на землю, топчут, приговаривая: *«Топчу ряст; дай, Боже, потоптаты и того року диждаты»*. Это желанье дожить и до другой весны. От этого обычая произошла пословица: «Та вже йому рясту не топтаты». Говорится она о безнадежном больном, который наверно не доживет до следующей весны.

Лук и ячмень стараются посеять раньше того времени, когда лягушки квакать начнут. Едучи на посев конопли, берут с собою сырые яйца; приехав на место, варят их, едят и раскидывают скорлупу по полю, приговаривая: *«Роды, Боже, конопли били, як яйця»*. От этого действительно конопля родится лучшей доброты.

Земля, по давнему преданию, не растворяется вполне до первого грому, т. е. до выезда и прогулки пророка Илии в колеснице по небу. Если первый гром будет слышан на западе, будет хороший урожай хлеба. Если при первом громе подпереть спиною дерево, стену, ворота и тому подобное, то спина не будет болеть. Девушки, услышав первый гром, бегут к реке, умываются и утираются чем-нибудь красным, чтоб не терять красоты и быть богатыми. Они ловят первого гусенка, которого завидят, и трут им лицо: это уничтожает веснушки; впрочем, от веснушек есть еще и другое средство, не менее действительное: собирают снег, выпавший в марте, наполняют водой из него бутылки и потом этой водой умываются.

10 мая. В день св. апостола Симона Зилота ходят по лесам, собирая целебные травы — *зилье*, говоря по-здешнему; в иных местах ищут в этот день кладов, золота; искателям помогает Зилот.

11 июня. Наступает Пятидесятница. Эту неделю называют *зеленою, клечальною, русальною*. Первый день называется *духовым*, второй — *тройцыным*; так празднует эти дни и церковь наша, хотя в Великороссии празднуемы они наоборот. *«До святого духа держысь кожуха»*,— говорят малороссияне, не вполне доверяя весеннему солнцу и теплоте. Первые три дня этой недели называются Троицкими святками; в субботу перед духовым днем при захождении солнца натыкают ветви дерев перед дверьми построек, ставят их внутри домов по углам, посыпают полы и землю перед дверьми аером, осокой и другими травами; ветви называют клечанье, а всю неделю — клечальною и зеленою.

В эту же неделю русалки выходят из рек, нагие и прекрасные,

с распущенными волосами, хлещутся в полночь при луне на поверхности волн, бегают по полям, качаются на ветвях дерев, манят прохожих и до смерти щекочут их. Русалками становятся утопленницы и дети, родившиеся неживыми или умершие некрещеными. Эта последняя порода русалок называется *мавки*.

Начиная с Клечальной субботы девушки не выходят в поле одиночкою и не купаются целую неделю, *«щоб мавки не залоскоталы»*. Они носят с собою и за пазухой полынь и *любысток* как предохранительное средство от нападения мавок.

15 июня. Особенно страшны русалки и мавки в *Зеленый четверток*. Девушки и женщины, боясь прогневить их, в этот день не работают; если бы надобность заставила их идти в воду, то прежде должно туда полыни набросать. Этот день называется *Русалчин*, или *Мавский, велыкдень*. Эта неделя имеет свои песни.

Песни троицкие

Ой бижыть, бижыть мыла дивчына,
А за нею да русалочка.
Ты послухай мене, красна панночко,
Загадаю тоби тры загадочки:
Як угадаеш — до батька пущу,
Не угадаеш — до себе визьму:
Ой, що росте без кореня,
А що бижыть без повода,
А що цвите та без цвиту?
Каминь росте без кореня,
Вода бижыть без повода,
Папороть росте та без цвиту.
Панночка загадочки не вгадала,
Русалочка панночку залоскотала.

* * *

Ой, завью винкы та на вси святкы,
Ой, на вси святкы, на вси празныкы,
Та рано, рано на вси празныкы.
А в бору сосна колыхалася,
Дочка батенька дожыдалася.
Ой, мий батеньку, мий голубчыку,
Ты прыбудь сюды хоч на литечко;
У мене в тыну под воротьмы
Сыне море розлываеться;
Паны й гетьманы избигалыся,
Сьому дыву дывувалыся.

* * *

Прылитала зозуленька
З темного лисочку;
Сила, пала, закувала
В зеленим садочку.

Ой, як выйшла Марусенька
В йеи запытала:
Скажы мени, зозуленько,
Довго буду в батька?
Будеш, мыла Марусенько,
Сей день до вечора.
Бодай же ты, зозуленько,
Сим лит не кувала,
Що ты мени, молоденький,
Правды не сказала.

18 июня. Но вот наступает Петров пост со своими краткими ночами и днями бесконечными. *«Мала нич Петривочка! Не выспалась наша дивочка»*,— поют малороссияне, сожалея об утомленной красавице, которую сон одолевает, когда уже солнце взошло. *«Нехай в Петривку!»* или *«Се не в Петривку, щоб двичи казаты»*,— говорят они тому, кто, не дослышав, требует повторения рассказа какого-нибудь. О происхождении Петровки вот что известно у нас.

Ее в старину не было; все недели были сплошные. Мужья *ласували* на масле, на сметане и на всем ежедневно. Хозяйки посоветовались и учредили Петровку, но не умели сделать ее постоянною, а потому решились по очередям назначать ее продолжительность: от шести, пяти недель до одной.

23 июня. День Рождества св. Иоанна Предтечи посвящается празднику *Купалы.* С утра девушки идут в поле или в лес собирать травы и цветы; из них вьют они для себя купальские венки, в венках должна быть и полынь; кроме того они носят полынь весь этот день у себя подмышками: это предохранительное средство от русалок и ведьм.

К вечеру отправятся в лес или сад, срубят там дерево, предпочтительно, если есть, *черноклен*; отнесут его на место, назначенное для праздника, и дадут ему названье *марена*. Тогда приносят пуки соломы, а иногда соломенную куклу, одетую в женскую рубаху, в лентах, в монистах и в большом венке; эта кукла называется *Купала.* Пришедши на место, втыкают в землю дерево, обвешивают его венками и лентами, ставят возле него Купалу и невдалеке разводят огонь; взявшись за руки, ходят с песнями вокруг дерева и потом скачут через огонь. Иногда вместо огня употребляют крапиву, которую набрасывают в высокие кучи и потом скачут через нее. Мужчины только присутствуют, но в хороводах, плясках и в песнях не участвуют.

Песни купаловые

Иване-Йвасеньку,
Не переходь дориженьку.
Иване-Йвасеньку,
Як перейдеш, вынуват будеш.
Иване-Йвасеньку,
Зроблю я тоби у трьох зиллях.
Иване-Йвасеньку,

Прыйшлось дивкам за Дунай плысты.
Иване-Йвасеньку,
Вси дивочкы переплылы,
А сыриточка утонула.
Дойшлы слухы до мачухы.
Та не жаль мени дочки,
Та не дочкы, падчерочки.
Жаль плахточкы-крещаточкы
Й запасочки-сыняточкы.

* * *

Торох, торох по дорози;
Що за гомон по диброви?
Ой, брат сестру вбывать хоче,
Сестра в брата прохалася:
Мий братику, голубчыку,
Не вбый мене у лисочку;
Убый мене в чыстим поли;
Ой, як убьеш, поховай мене,
Обсады мене трьома зиллями:
Першым зиллям — гвоздычкамы,
Другым зиллям — васылькамы,
Третим зиллям — стрилочкамы.
Дивочкы йдуть — гвоздычкы рвуть,
Мене спомянуть.
Парубкы йдуть — васылькы рвуть,
Мене спомянуть,
Козаки йдуть — стрилочкы рвуть,
Мене спомянуть.

* * *

Стояла тополя край чыстого поля;
Стий, тополенько, стий, не розвывайся,
Буйному витроньку не пиддавайся.
На нашей тополи чотыры сокилка:
Першый сокилко — молодый Ивашко,
Другый сокилко — молодый Мыколко,
Третий сокилко — молодый Мыхайло,
Четвертый сокилко — молодый Васылько.

* * *

Ой, не стий, вербо, над водою,
Не пускай зилля по Дунаю,
Ой, Дунай-море розлывае,
И день и ничь прыбувае,
В верби коринь пидмывае,
Зверху вершок усыхае,
З вербы лыстя опадае;
Ой, стань, вербо, на рыночку,
К хрещатому барвиночку,
К запашному Васылечку.

* * *

Наши подоляны церков збудувалы,
Не так збудувалы, як намалювалы.
Та й намалювалы тры мисяця ясных:
Ой, як першый мисяць — молодыи Ивашко,

А як другый мисяць — молодый Васылько,
А як третий мисяць — молодый Мыхайло.
Наши подоляны церков збудувалы.
Не так збудувалы, як намалювалы,
Та й намалювалы тры зирочки ясных:
Ой, перщая зирочка — молода Наталка,
А другая зирочка — молода Варвара,
А третяя зирочка — молода Маруся.

* * *

Сонце сходыть, грае,
Ивась коня сидлае.
В стремена ступае,
В сидельце сидае,
Тяжко воздыхáе.
Його батечко пыта:
Що ты, сыночку, гадаеш?
На що коныка сидлаеш?
Що, батечко, до того?
Я до тестя до свого
Пущу коныка на двир;
Ой, у тестя новый двир:
Постелю барвинком двир,
Васыльком местыму двир,
Щоб тещинька похвалыла,
Щоб дивчына полюбыла.

* * *

Ой, вербо, вербо, вербыцю,
Час тоби, вербыцю, розвыться:
Ой, ще не час, не пора.
Час тоби, Иващко, женыться;
Ой, ще не час, не пора;
Ще дивчына молода.
Хай до лита, до Ивана,
Щоб дивчына погуляла;
Хай до лита, до Петра,
Щоб дивчына пидросла.

Перед Ивановым днем хозяйки загоняют на ночь коров с телятами для того, чтоб телята сосали маток и тем лишали ведьм возможности их доить.

А на самый день Иванов змея медяница, которая слепа, получает зрение на целые сутки, и тогда она необыкновенно опасна: бросясь на человека, как стрела, она может его насквозь пробить.

В полночь с 23 на 24 июня расцветает красноогненный цветок папоротника; его должно найти, сорвать, сберечь, и владелец его становится знахарем; никакой клад не утаится от него. Клады бывают двух сортов: заклятые и незаклятые. Последним может воспользоваться каждый, кто его найдет; но заклятым овладеть не так легко. Место, где он находится, известно, потому что над ним по ночам свечка горит; но кто зарывал его, тот не заклял: он может достаться нам при исполнении определенных условий. Эти условия бывают иногда очень тягостны. Иногда заклинают на мать, на отца:

добывший клад должен непременно лишиться отца или матери. Иногда условия очень удобоисполнимы, но так просты, что никому в голову не придут; а между тем стоит их исполнить, и клад дастся. Зато случалось добывать клад очень легко: во время заклинания подслушать заклятие, и клад дастся без исполнения условий. Но не зная заклятия, начните рыть то место, где свечка горит, где зарыт клад: чем глубже будете вы рыть, тем глубже будет клад входить в землю.

Клады являются в различных видах: стариком, лошадью, клубком, собакой, петухом; толкните старика, ударьте собаку — они рассыплются в виде денег; но как догадаться? Верное средство: иметь цветок папоротника; владельцу этого цветка все известно. Зато как трудно добыть его! Во-первых, должно одному, без товарища идти в лес; невыразимые страхи окружают смельчака. Все ужасы Волчьей долины во Фрейшице ничтожны в сравнении с теми, которые окружат искателя. Ведьмы, черти, вовкулаки, нетопыри, филины, домовые, мертвецы, лешие, русалки — все это общество соберется в лес с хохотом, криками, завываньями. Рев зверей, треск дерев, перекаты грома без туч, блуждающие огни. Нет, немногие решаются искать волшебного цветка.

«Колы до Йвана просо з ложку, то буде й в ложку». Это народная примета хлебопашественная. А вот примета пчеловодов; им пчелы так говорят: *«Годуй мене до Йвана, зроблю з тебе пана».* [...] Прибавлю к тому примету метеорологическую. Когда 24 июня гроза, орехи будут пусты и будет их мало; а если погода хороша, на них будет урожай. И вот косовица.

На косовицу у нас собираются целым селом: белые шаровары, белые рубахи, точило, гаман, люлька и коса напоминают одежду Святослава, а ряды косарей — древние лавы запорожцев. Табор на могиле, кругом возы, яма вырыта, в ней огонь, над огнем котлы, варится юшка, каша; тут же стоит фура с запасами — сало, соль, рыба на случай среды и пятницы и бочка с горилкою. Далее походная кузница, где отклепывают косы. Атаман ведет косарей. Когда подсохнет трава, приходят жены, сестры и дочери с граблями. Вот песня их:

А в борку на клынку
Чый же льон та неполотый?
То Марусын льон та неполотый.
А чому ж вона та не выполола?
    То за сим, то за тым
    Та не выполола.
Ой, чыя ж то синожать та не кошеная?
То Грицькова синожать та некошеная.
    То за сим, то за тым
    Та невыкошена.

29 июня. Петровка оканчивается, к этому дню пекут лепешки из сыру с мукой и яйцами и этим разговляются. Кукушки крадут их,

жадно едят и, подавившись ими, перестают петь. Эти лепешки называются *мандрыки*. Следующий затем день называется *полу-Петра*.

30 июня — 19 июля. Между тем осень приближается, уже приходят дни, предвещающие, каково будет это время года: если 19 июля, в день св. Макрины, или, по-здешнему, *Мокрины*, будет дождь, то вся осень будет дождлива.

20 июля. Многие до 20 июля считают за грех картофель есть; после Ильи уж не купаются. До Ильи облака ходят за ветром, после Ильи — против ветра; комары перестают кусать; рои пчел, вылетевшие после Ильи, ненадежны; даже пчеловоды, гонят прочь и чужой рой, к ним после Ильи залетевший.

Когда гром гремит, это Илья по небесному мосту в колеснице ездит. Когда гром зажжет избу, ее должно тушить не водою, а молоком или сывороткою.

В июле бывают сильные грозы; грозные ночи июля и августа называются *горобыными*, потому что гром и молния не дают заснуть и воробьям.

От жары бывают метеорологические явления. Огненный шар, летящий по воздуху,— это змей навещает девушек.

Перелетает ли звезда по небу? Это девушку теряет укрáина. Девушка стала хозяйкой, она замуж вышла.

Падает ли звезда и исчезает ли она, до земли не долетая? Это ведьма подхватила ее и спрятала в кувшин, в *глечык*.

Радуга, *веселка* по-здешнему, спускается в реку и сосет из нее воду для дождя.

Между тем жатва началась, и наши жницы поют:

Песни зажнивные

Ой, в чужого господаря обидать пора,
А в нашого господаря ще й думкы нема.
Ой, паночку наш, обидаты час.

У чужого господаря горилочку пьють,
А в нашого господаря воды не дають.
Ой, паночку наш, обидаты час!

У чужого господаря полуднувать пора,
А в нашого господаря ще й на думци нема.
Ой, паночку наш, полуднувать час!

У чужого господаря пополуднувалы,
А в нашого, багатого, ще й не думалы.
Ой, паночку наш, полуднувать час!

* * *

Закотылось та сонечко
За выноградный сад:
Цилуйтеся, мылуйтеся,
Та хто кому рад.

Ой, Маруся из Ивашком
Цилувалась, мылувалась
Й рученьку дала:
От се тоби, Ивасеньку,
Рученька моя:
Ой, як диждеш до осени,
Буду я твоя.

27 июля. Пантелеймон у нас носит имя *Палыкопа*. Если кто возит копны хлеба с полей своих в гумно в день Пантелеймона, то рискует, что за такое неуважение к празднику сгорят у него копы, а иногда и двор: их *«спалыть Палыкопа»*.

1 августа. На *Маковея*, т. е. в день св. мучеников *Маккавеев*, собирают созревающий к этому времени мак и пекут *шулыкы*. Это коржи из пшеничного теста, облитые густою медовою ситою с примесью растертого мака.

6 августа. В день Преображения Господня, т. е. на *Спаса*, дозревают яблоки и груши *спасовки*; их срывают и несут в церковь для освящения, равно как и вновь подрезанный кусками мед — *сцильныкы*.

Около этого времени оканчивается обыкновенно жатва ржи. В самый день окончания жатвы бывает сельский праздник — *обжынкы*. Жницы ходят по ниве, собирают случайно оставшиеся не связанные в снопы стебли жита, поют песни и сплетают из жита венок. Одна из девушек его надевает себе на голову по общему выбору, и потом все толпой идут с песнями к панскому двору. Пан приннмает венок, вешает его под образами, а девушек угощает. Иногда обжинки празднуются большим обедом, бочкою водки посреди паиского двора для всего села. Венок сохраняют до будущего года; на другой год, около 6 августа, из него выколачивают зерна и сеют иа новом лану. И наши жницы поют:

Обжинки

Ой, чые ж то поле
Зажовтило, стоя?
Иванове поле
Зажовтило, стоя.
Женци молодыи,
Серпы золотыи,
Ой, чые ж то поле
Задримало, стоя?
То Грыцькове поле
Задримало, стоя.
Женци все старыи,
Серпы все стальныи;
А мы свому пану
Изробылы славу:
Жытечко пожалы,
В снопы повязалы,
У копы поклалы.
А мы свому пану
Изробылы славу:

Ой, паночку наш,
Обжиночкив час!

О дне Спаса говорит пословица: *«Прыйшов Спас — держи рукавычкы про запас»*.

15—29 августа. Успение Пресвятыя Богородицы называется *перва Пречиста*; а день усекновения главы Иоанна Крестителя слывет *головосекою*. На головосека держут строгий пост, весь день ничего не варят и не берут ножа в руки; а главное, в этот день не рубят капусты: если же кто срубит головку, то на ней будут видны красные пятна, похожие на кровь.

1 сентября. В день Симона Столпника ласточки прячутся в колодези. Тогда же должно класть яйца впрок, заготовлять соленья, снимать с баштанов дыни и *кавуны*.

8—14 сентября. Через неделю после *другой Пречистой*, т. е. после Рождества Богородицы, птицы начинают улетать, а гадюки улезать на зиму в *вырий*; это обыкновенно начинается в день Воздвижения Животворящего Креста. Но не все змеи уползут; те, которые кого-нибудь укусили, остаются мерзнуть в холодные осенние дни в наказание.

Что касается *вырия*,— это дивная теплая сторона далеко, где-то у моря, одним птицам и змеям. Первая улетает туда и последняя прилетает оттуда — кукушка, т. е. *зозуля*. На это есть причина очень важная: у кукушки сохраняются ключи тамошние; она ключница вырия. Змеи в вырий лезут по деревьям, а потому на Воздвиженье не должно не только детей пускать, но и взрослым ходить в лес. В этот день весьма легко быть укушенным змеею.

Пятница перед Воздвиженьем заслуживает особенного уважения; есть еще и другие, тоже очень знаменитые, их счетом десять, кроме великопостных на первой и последней неделе; всех же двенадцать, а именно:

1. Пред Благовещеньем.
2. Десятая после Светлого праздника.
3. Пред Тройцыным днем.
4. Пред Успением.
5. Пред Усекновением.
6. Пред Воздвиженьем.
7. Пред Покровом.
8. Пред Введеньем.
9. Пред Рождеством Христовым.
10. Пред Крещеньем.
11, 12. Великопостные.

Впрочем, все 52 пятницы важны: *понеделковать*, т. е. поститься по понедельникам, обязаны старухи одни, молодых можно увольнить от этого; но в пятницу никому не должно ни работать, ни скоромного есть.

Что такое пятница? Это — *Свята Пятынка*; многие люди видели, как она, бедная, ходила по селам исколотая иголками, иссверленная веретенами; это швейки да пряхи сделали, шивши и прявши по пятницам. К тому же кто постится по пятницам, у того лихорадки не будет никогда.

1 октября. К Покрову работ полевых уже нет; разумеется, мы говорим не о тех хозяевах, которые в декабре копны овса с полей в гумны возят. У тех хозяев, которым уже нечего делать в полях ко дню Покрова, у них хозяйки очень счастливы: *«Як прыйшла косовыця, то й жинка кородыться; як прыйшлы жныва, жинка як нежыва; а як прыйшла Покрова, то й жинка здорова»*.

23 ноября. Но вот приходит зима. Накануне дня св. великомученицы Екатерины *парубки*, т. е. молодые люди, неженатые, постят, чтоб иметь добрых жен; если же они грамотны, то сверх того должны читать житие великомученицы Варвары.

24 ноября. В самый день св. Екатерины девушки срезывают несколько прутьев с вишен и ставят их в воду. Если на них будут цветы к Рождеству, то гадающая выйдет замуж.

29 ноября. Но настоящие гаданья начнутся через пять дней, т. е. накануне св. Андрея Первозванного; их много способов; вот те, которые вернее и, следовательно, предпочтительнее:

1. Взять горсть конопляного семени, выйти в полночь на двор, три раза обойти вокруг хаты или *повитки*, сеять в это время семя, скородить его рубахою и приговаривать:

Я, святый Андрию,
Конопельки сию;
Дай же, Боже, знаты,
З кым весилляграты.

Жених приснится неминуемо.

2. До восхода солнца скрытно от всех взять горсть конопляного семени, завязать в рубаху и носить целый день, вечером посеять, заскородить рубахой и, не сомневаясь, сказать: *«Хто мени суженый, той прыйде зи мною конопельки брать»*. Суженый непременно придет ночью дергать коноплю. Это гаданье можно употреблять и накануне Нового года.

3. Взять по наперстку соли и пшеничной муки, разболтать их в воде, перед вечером выпить это. Ночью будет хотеться пить, суженый подаст воды.

4. Взять предыдущую пропорцию тех же ингредиентов да наперсток воды, замесить и спечь коржик. Ложась спать, одну половину коржика съесть, а другую положить под подушку; суженый придет, чтоб съесть остальное.

5. Спечь большой соленый корж и съесть на ночь; суженый подаст пить.

6. Положить кусок хлеба с солью под подушку; суженый придет поделиться.

7. Выдернуть из кровли стебель соломы, чтоб только он был

3 1—1657

с колосом. Если в колосе найдется зерно — жених будет богатый; если не будет зерна — жених будет бедняк; если солома без колоса, то жениха тот год не будет. Здесь одно замечательно, что у плохого молотника дочь должна иметь непременно богатого жениха, хотя отец ее беднее хороших молотников.

8. Налить воды в тарелку, положить на нее несколько соломинок в виде мостика и поставить себе под кровать. Суженый придет перевести невесту через мост.

9. Проснувшись утром 29 ноября, подвязаться поясом, целый день молиться и не есть ничего, ложась спать, снять пояс, положить его крестом под подушку, потом сказать громко:

Живу в Кыеви на горах,
Кладу хрест в головах;
З кым винчаться,
З кым заручаться,
З тым и за руки держаться.

Ночью явится жених, или, как называют его, *судьба*, а еще иначе — *дружба*.

10. Посадить *пивня в дижу* и поставить *на покути*, на полу поставить миску с водой и тут же посыпать кучки проса, ржи, гречихи. Если петух из дижи кинется на зерно — жених будет славный хозяин, если он кинется к воде — жених будет *поганый пьяныця*.

11. Но лучший, употребительнейший, никогда не обманчивый рецепт гаданья, вот он: спечь небольшие сдобные булочки, *балабушки;* сверху примазать их маслом и положить попарно на скамье, т. е. на *ослони*, каждую пару назвать именами предполагаемых невесты и жениха. Впустить в избу собаку, которая ничего бы не ела целый день. Хотя балабушки положены попарно, но обыкновенно собака одну съест из одной пары, другую из другой, таким образом, она составляет пары по-своему. Вот то-то будет свадьба, а вовсе не так, как положено гадающими. Но если сбросит собака балабушку на пол, то это дурно: это предвещает если не смерть, то, по крайней мере, одиночество на целый будущий год.

1 декабря. В день св. Наума хорошо начинать учить детей: наука пойдет *н а у м.*

4—6 декабря. На Варвары, говорят, зима ложится: «Варочка постеле, Сава погладыть, а Мыкола стукне». А между тем «Варвара ночи вкрала, дня прытачала».

В эти же дни волки начинают бегать стаями, и разгонят их первые только выстрелы, которые раздадутся при водоосвящении в день Богоявления Господа.

23 декабря. В день Рождества Христова вечером *колядуют* [2]. Женщины, а преимущественно девушки идут толпами по улицам; часто несут они фонарь в виде месяца или звезды, который освещен разноцветным огнем с помощью крашеной бумаги, и вертится на

шесте. Девушки подходят к окнам изб и поют песни: к хозяину, к сыну, к хозяйке, к дочери. Песен таковых весьма много, názванье им *колядки.* Вот несколько из них.

Колядки

А у пана Ивана на його двори
Стояло дерево тонке, высоке;
Тонке, високе, лыстом широке;
Из того дерева церковка рублена;
А в той церковци стоять тры престолы:
На першим престоли — святее Риздво,
На другим престоли — святого Васыля,
На третим престоли — хрестытель Иван.
Святее Риздво нам радисть прынесло.
Святый Васыль Новый рик прынис,
Хрестытель Иван воду охрестыв.

* * *

Йшов, перейшов мисяць по неби
Та стрився мисяць з ясною зорею;
Ой, зоря, зоря! де в Бога була?
Де в Бога була, де маеш статы?
Де маю статы? у пана Ивана
У пана Ивана та на його двори
Та на його двори, та у його хаты.
А у його в хати дви радости е:
Першая радисть — сына женыть;
Другая радисть — дочку оддавать;
Сына женыты — молодця Мыколу;
Дочку оддаваты — молоду Наталку;
Бувай же здоров, молодый Мыколо,
Та не сам з собою, з отцем и з матирью,
Из мылым Богом, изо всим родом,
Исусом Хрыстом, святым Рожеством.

* * *

Та чому ты, дивчыно, гуляты не йдеш?
Ой як мени, дивчыни, гуляты пойты,
Що мои братыкы з вийська прыихалы;
Прывезлы мени тры подарочка:
Першый подарок — золотый перстень,
Другый подарок — зеленая сукня,
Третий подарок — перлова нытка.
Золотый перстень як огонь сяе,
Зеленая сукня слид замитае,
Перлова нытка голову обвязуе.

* * *

Ой, гула, гула крутая гора,
Що не вродыла шовкова трава,
Тильки вродыло зелене выно;
Красная панна выно стерегла,
Выно стерегла, крипко заснула.
Як налетилы райськии пташечки,
Обдзюбалы зелене выно
Та й пробудылы красную панну.

Ой, скоро ж вона тее учула,
Своим рукавцем на их махнула:
Ой, шугы в лугы! райськии пташки,
А мени вына треба й самий:
Брата женыты, сестру оддаваты,
Сама молода, заручена.

* * *

А в сього пана скамья заслана,
Та на той скамьи тры кубкы стоять:
В першому кубци медок солодок,
В другому кубци крипкее пыво,
В третьому кубци зелене выно.
Зелене выно для пана того,
Крипкее пыво для жинкы його,
Медок солодок для його диток.

* * *

Ой, заказано и загадано —
Святый вечир! —
Всим козаченькам у вийсько йты,
Пану Ивасеньку корогов несты.
    А в його ненька
    Вельмы старенька
    Выпроважала
    И научала:
Ой, сынку, мий сынку!
Не поперeжай вперед вийська,
И не оставайся позаду вийська,
Держыся ты вийська все середнього,
И казаченька все статечного.
Молодый Ивасенько не послухав неньки,
Уперeду вийська конем играе,
А позаду вийська мечем махае.
Колы вин як гляне, аж тут и сам цар:
    Ой колы б я знав,
    Чый то сын гуляв,
Та я б за його и дочку оддав
И половыну царства йому б я оддав.

* *

Из-за горы, из-за камьянои —
Святый вечир! —
Та видтиль выступа велыкее вийсько,
А попереду пан Ивашко иде,
Пан Ивашко иде, конька веде,
Хвалыться конем перед королем;
Та нема в короля такого коня,
Як у нашого пана Ивашка.
    Хвалыться стрилою
    Перед дружыною;
    Та нема у дружыны
    Такои стрилы,
Як у нашого пана Ивашка.
    Хвалыться луком
    Перед гайдуком;
    Та нема у гайдука

    Такого лука,
Як у нашого пана Ивашка.
Та бувай же здоров, пане Ивашку!
    Та не сам з собою,
    З отцем, з матирью,
    Зо всим родом,
    Из мылым Богом.
        Святый вечир!

Сыну хозяина

Ой, рано, рано куры запилы,
А ще ранише *(такой-то)* встав,
(Такой-то) встав, лучком забрязчав,
Лучком забрязчав, братив пробуждав:
Вставайте, братця, коней сидлайте,
Коней сидлайте, хортыв склыкайте,
Та пидем, братця, в чистее поле;
Ой, там я назнав куну в дереви,
Ой, вам же, братця, куна в дереви,
А мени, братця, дивка в териеми.

Ему же

У поли, поли вийсько стояло, соколе ясный,
панычу красный
(имя)!
Вийсько стояло, ладу не знало,
Ладу не знало, *(имя)* прохало.
Вывелы йому коня в наряди,
Вин його взяв, шапки не зняв,
У поли, поли вийсько стояло,
Вийсько стояло, ладу не знало,
Ладу не знало, *(имя)* прохало.
Вынесли йому мыску червинцив,
Вин йих узяв, шапки не зняв.
У поли, поли *(и проч.)*...
Вывели дивчыну йому в наряди,
Вин дивчыну взяв, шапку изняв.

Дочери

Ой, рясна, красна в лузи калына,
А ще красниша *(такого-то)* дочка:
По двори ходыть, мисяць сходыть,
В синечкы прыйшла, як зоря зийшла,
В хату прыйшла, паны стричають,
Паны стричають, шапкы знимають,
Шапки знимають, йии пытають:
Чы ты царивна, чы короливна?
Тож не царивна, не короливна,
То дивчына *(такого-то)* дочка;
    Мы ж йии поважаем,
    Святым Риздвом поздоровляем,
    З отцем, из ненькою, изо всим родом.

Малолетней дочери

У Кыеви на рыночку,
На жовтому на писочку

Там дивчинка сад саджала,
Сад саджала, полывала,
Полывавшы, примовляла:
Росты, саду, выще мене,
Выще мене, краще мене.
В саду та тры корыстонькы:
Перша корысть — оришенькы,
Друга корысть — то вышенькы,
Третя корысть — то яблучкы,
Оришками — чечоватыся,
Вышенькамы — забавлятыся,
Яблучками — пидкыдатыся.
Та бувай здорова з отцем, з матирью,
Из мылым Богом, изо всим родом,
Исусом Христом, Святым Рожеством.

Иногда в песнях этих есть юмор, например:

Хрыстос родывся,
Ирод сказывся,
И вам того бажаем,
З чым вас поздоровляем.

В колядках после каждого стиха повторяется: «Святый вечир!»

Иногда колядки имеют прекрасное назначение. В 1848 году несколько моих крестьян собрались украсить церковный престол резьбою и позолотою. Они поручили священнику просить, чтоб я позволил им колядовать и собранные деньги употребить на это украшение. Я с удовольствием увидел в этом деле их религиозность и преданность к обычаям прадедов; я им разрешил с тем, чтоб мне представлен был рисунок украшения, для поправки его, если он может обезобразить вид.

В этот же день грамотные мещане, дьяки, школьники, церковные певчие собираются и носят по домам знаменитый кукольный театр под именем *вертеп*.

ВЕРТЕП

Малороссийский вертеп есть походный театр, представляющий благочестивым христианам великое происшествие в мире: Рождество Спасителя. Нет сомнения, что также представлялись многие другие происшествия, взятые из Священного писания, но уцелел и дошел до нас только вертеп. Первоначальное происхождение вертепа можно отнести ко временам гетмана Конашевича-Сагайдачного, к 1600—1620 годам, когда он начал возобновлять Киево-братскую школу и академию. Слог кантов первой части вертепа говорит в защиту моего мнения, и кто читал стихи, сочиненные духовными лицами того времени, тот найдет в размере и даже в выражениях сходство неопровержимое. Нет сомнения, что первая часть вертепа сочинена каким-нибудь значительным духовным са-

новником для поддержания в простом народе грекороссийской веры, которую гнали тогда корыстолюбивые иезуиты и крули с магнатами. Малороссийский вертеп предшествовал театральным представлениям, бывшим при царе Алексее Михайловиче и взятым тоже из Ветхого и Нового заветов. Впрочем, слог решительно один и тот же. Эти представления названы: «Комедия Навуходоносор» и «Комидия Притча о блудном сыне». Оба напечатаны в осьмом томе «Древней российской вивлиофики». Не знаю, почему Новиков поместил комидию прежде комедии. Навуходоносор посвящен царю Алексею Михайловичу, а блудный сын — Государям благочестивым, т. е. в двоецарствие.

И Навуходоносор, и блудный сын, и вертеп написаны, очевидно, малороссиянами, а следовательно, в Академии киевской.

Это еще более подтверждается тем, что знаменитый того века стихотворец, Симеон Полоцкий, был в то время в Москве. Я имею если не подлинник, то копию его стихов на смерть царя Алексея Михайловича, и слог всех четырех творений весьма сходен между собою. Это средина между языками славянским и малороссийским. Приведу примеры: «Что, *мои вы* советники верные! Како великодушие мое сие объяти может? Быстрая река Тигр *киванием* руки моей точию установитися должна. Евфрат *возбурянет* гордыя своя волны по желанию моему даже до самых облак» *(Навуходон., с. 189)*.

«*Велеможнейший* Монарх! а ще ми *покорственнейшему* рабу твоему такожде слово изрещи к сему долженствует, тогда прежде смиренно о свободе и милостивом *повелении* молю, дабы безо всякаго опасства глаголати могл» *(Навуходон., с. 191)*.

«Братья любимая,
Испийте вина;
Силу бо дает,
Внутрь укрепляет,
Что и смерти не убоятися;
Вино же творит
Да ся — веселит
Человек во житии».

(Навуходон., с. 271, 272)

«Радости наша сынов твоих *славо*,
Между пречестных честнейшая *главо!*
Отче любезный, нам данный от Бога,
Живи в радости здрав на лета многа».

(Блуд., с. 37)

«Что стяжу в дому? чему изучуся?
Луше в странствии умом обогачуся;
Юньших *от мене* отцы посылают,
В чюждыя страны, *потом ся нехают*».

(Блуд., с. 39)

Это очевидно писал малороссиянин, и вдобавок Симеон: последние стихи так ясно применены к Петру Великому, тем более что их произносит «сын юнейший ко отцу». Теперь приведем стихи из находящейся у меня драгоценной рукописи.

«Егда изволит Господь дух мой взяти,
Повели чинно тело земли вдати;
О душе паки Господа молити,
Дабы изволил в светлый рай вселити;
Поминания обычай соблюди,
Родителей ти никогда забуди,
Православную веру да держиши,
Бога в Тройце Единого чтиши».

Я уверен, что Симеон Полоцкий писал два вышеприведенные театральные представления и что он заимствовал форму их из киевского вертепа; а в Киев занесен вертеп через Польшу с Запада, где издавна представляемы были происшествия, взятые из Священного писания. [...] Эти представления были в ходу везде на Западе, поддерживали веру, напоминали о библейских происшествиях и, снисходя к простоте народа, поучали его добродетели[3].

Наш вертеп есть походный домик в два этажа. Сделан из тонких досок и картона. Верхний этаж имеет балюстраду, за балюстрадой совершается мистерия: это Вифлеем. В нижнем этаже трон Ирода; пол оклеен мехом для того, чтоб не видно было скважин, по которым движутся куклы. Каждая кукла прикреплена к проволоке; под полом конец этой проволоки; за этот конец, придерживая куклу, содержатель вводит ее в дверь и водит по направлению, какое для нее необходимо. Разговор от имени кукол происходит между дьячками, певчими и бурсаками то пискливым голосом, то басом, смотря по надобности. Вторая часть представления происходит вся в нижнем этаже.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

1. **Пономарь**, в обыкновенном сером нанковом халате; волосы с проделом на середине головы, прямо против носа и с косою.
2. **Ангелы**, с крыльями и один из них с лилиею.
3. **Пастухи**, в обыкновенных кобеняках с видлогами.
4. **Ирод**, в парчовом кунтуше, с короною на голове и со скипетром.
5. **Телохранитель Ирода**, в чешуйчатых латах, с огромнейшим мечом и в шлеме.
6. **Три царя восточных**, в парчовых кунтушах, с коронками на

головах, вместе все три связаны друг к другу плотно и в этой позиции движутся.
7. **Сатана**, черный, с хвостом, с крыльями летучей мыши, с огромными рогами и с угольком во рту, на руках пальцы с когтями, нога лошадиная.
8. **Смерть**, скелет с косою.
9. **Рахиль**, в жидовском костюме, с ребенком на руках.
10. **Воины**, с копьями, в шлемах, в латах.

Явление первое

(Из партитуры № 1)

ХОР.

Пинию время и молитвы час,
Христе рожденный, спасы всих нас.

ПОНОМАРЬ *(говорит без пения)*.

Восстаните от сна и благо сотворите,
Рождшагося Христа повсюду возвестите,
Сие вам, людие, охотно глаголю:
И благословите: пойду да позвоню.

Он подходит к колоколу, который висит в нижнем этаже, и звонит; в то же время выдвигаются в верхнем этаже горящие свечи и освещают фон, где предполагается колыбель Спасителя; над этим местом сияние, но ни младенца, ни рождшей не видно.

ХОР, *за сценой. Голос № 2.*

Ангелы, снижайтеся,
Ко земли зближайтеся,
Бог-Господь, который з нами
Днесь,— от вика он был з нами,
Славой неба претосполны,
Вси языци претолыци,
Веселитеся, радуйтеся,
Яко с нами Бог.
Небом земля сталася,
Як Бога дождалася;
Де творец Архангелов,
Там треба и Ангелов.
Славой неба претосполны,
Вси языци претолыци,
Веселитеся, радуйтеся,
Яко с нами Бог.
Як Люцыфер спав з неба,
То там святых людей треба,

Щоб поповныть паденые,
Довжно Христу рожденые.
Славой (и проч.)...
Бог сиогодня раждается,
Небом земля зполняется,
Трепещут Архангелы,
Служат йому вси Ангелы.
Славой (и проч.)...
Яко с нами Бог.

Явление второе

Два ангела во время пения 3 и 4 стихов второй строфы входят в верхний этаж со свечами, кланяются Вифлеему, потом всем христианам, т. е. зрителям; по окончании пения один из них уходит, а другой, приблизясь к дверям, говорит без музыки.

АНГЕЛ.

Возстаньте, пастырие, и бдите зело,
Возстаньте и радуйтесь, яко се приспело
Рождество Спасово, миру пророками предреченно,
Который вже родывся от дивы совершенно;
Возстаньте и славте його повсюды,
Да узнают о нем окрестные люды.

Ангел уходит.

Разговор двух пастухов за сценою.

ПАСТУХ 1-й. Грыцьку!

ПАСТУХ 2-й. А що, Прыцьку?

ПАСТУХ 1-й. Вставай хутенько, выберы ягня маленьке, да пийдем ген-ген на гору, може, ще й мы поспиемо в пору.

ХОР, *за сценою. № 3.*

Слава буди в вышних Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну
И во яслех безсловесных положенну.
Щоб даровав златыи клиты,
Нам пожыты в ных многие литы,
Спивайте, играйте,
Вси людие рожденнаго восхваляйте,
Ты, вертепе, возвеселыся,
Се-бо в тоби Хрыстос родыся,
Во струнной псалтыри
Рожденнаго прославляйте во всем мири.
Вол и осел иого вытають,
Пастырие його прославляють,
И цари государы
От перс и Индии принесоша дары.

Явление третье

Пастухи приносят ягненка в дар Божественному Младенцу.

ПАСТУХ 1-й.

От се ж и мы, Панычу, до вашой таки мосци,
Але ж Грыцько с Прыцьком приплелыся в гости;
Ось и ягня Вам принеслы из сильского стада,
Нехай буде да здорова вся наша громада.

ПАСТУХ 2-й.

Да годи лыш, Грыцьку, тоби тут блеяты
Да нум проздравляты,
Може, кому чы не час й до стада чухраты.

ПАСТУХ 1-й.

Як так, то бувай же, Панычу, здоров,
Да й нам дай, щоб и мы такы булы здоровы,
Да из сих чижмачкив обулысь в сапьяновы.
Благословы ж сей пидарок выд нас прыняты,
А нам дозволь погуляты.

Скрыпка за сценою играет дудочку. Оба пастуха танцуют и приговаривают:

Зуба, зуба на сопилку!

ПАСТУХ 2-й.

Спасыби ж Вам, мы б довше тут гулялы,
Дак хлиба из дому не бралы.

Уходит.

Явление четвертое

В нижнем этаже начинают следующее действие: воины входят и уходят; хор за сценой начинает петь; Ирод с телохранителями тихо идет к трону через сцену.

ХОР, *за сценой. № 4.*

Днесь Ирод грядет в страны своя выфлеемския,
Плиныты вси храмы,
Дабы зыскаты Хрыста нарожденна,
От триех царей иому извещенна,
Со воинством премногым.
И велив же он во своем повити
Живущие в нем вся диты избити,
Во двоих летех и ныжайше,
Во триех летех и множайше,
О Ироде преокаянный!

Ирод гордо садится на троне, телохранители удаляются.

Явление пятое

Три восточные царя идут тихо к Ироду.

ХОР, *за сценой. № 5.*

Шедше трие цари
Ко Христу со дары,
Ирод их приглаcи,
Куда идут? испроси.

ИРОД *встает, встречает их и говорит:*

Царие и друзи, куда шествие ваше?
И кому такие драгие дары и поклон приношаше?

ЦАРИ, *со смирением:*

Ко Христу новорожденному идем поклон отдати,
Дабы в милости его век свой пребывати.

ИРОД.

Да где ж он родился? если в моем царстве,
То невозбранно идите, ищите,
Прошу же и меня вскоре о сем известите,
Ибо и аз пойду, ему поклонюся,
И яко пред сильным царем смирюся.

Цари переходят в верхний этаж; Ирод садится.

Явление шестое

ХОР, *за сценою. № 5.*

Отвещаша иому,
Идем к рожденному;
К рожденному идите
И мя возвестите.
Аз, шед, поклонюся,
Пред Христом смирюся,
Воздам честь обычну,
Цареви прылычну.

Звезда идет чудне
З восток на полудне,

здесь звезда появляется в верхнем этаже и предшествует царям,

Над вертепом сияет,
Царя Христа являет.

Цари подходят к Вифлеему и кланяются.

ЦАРИ.

Се к тебе, Христе, Царю нарожденный,
Да будем сылою твоею огражденны!
Приими труд наш,
Мы бо придохом ти витати
И смиренный поклон тебе оддати.

Цари уходят; их встречает ангел.

Явление седьмое

АНГЕЛ.

Куда, царие, мыслите идти? не к Ироду изнову?
Иным путем идите, повирьте сему слову.
Ирод вам, как вы в иого булы, говорил лукаво;
Вы же не слухайте иого, да идите направо.

ЦАРИ.

Благодарим тебе, ангеле, а найпаче Богу,
Що ты в пути нашем показал дорогу;
Проведи же нас, ангеле небесный,
Да не имать в руки нас Ирод сей лестный.

Цари с ангелом уходят.

Явление восьмое

Действие в нижнем этаже. Ирод сидит на троне.

ХОР, *за сценой. № 5.*

Ангел к ним вещает,
На путь наставляет,
Иным путем идите,
Ко Ироду нейдите.

Волфы возвратишася,
У Ирод не быша,
Вспять, вспять возвратишася,
Не вотще трудишася.

Пришли в страны своя,
Христа славословя,
Чают с ним небе жыты
Ему ж навик служыты.

ИРОД, *разъяренный, кричит:*

Какой, какой урон нашей царской славе!
Насмеялись мне дураки в моей же державе!

Я послал их в Вифлеем, чтобы испытаты
О необыкновенном сем рожденном дитяты;
Но они мне о нем весть не предложилы,
Как простого мужыка меня обольстылы.
Еще сильнее кричит.
Раскаленная утробо! не вим, что чыныты.
Аз есмь царь, на земли хто мя можеть слыты?
Пошлю вирные рабы, штоб иого убыты.
О храбрыи мои вои, предстаните зде!
Верно вы мне должны служити везде.

Явление девятое

ВОИНЫ, *входят во все двери и разом говорят:*

Государю наш, почто требуеши нас?
Мы здесь всегда предстояли
И приказы твои всегда выполняли;
Не может же сему во веки статься,
Чтоб смел кто твоей державе посмеяться.

ИРОД, *сквозь слезы:*

Однако же волфы меня осмеяли
Да и царский приказ ногами попрали;
Обойдите ж моя грады, вси мои пределы,
Убивайте всих младенцев, коих бы обрелы.

ВОИНЫ.

Государю, приказ твой выполныть готовы.
Мы на всих врагов твоих возложим оковы.

ХОР, *за сценой. № 6.*

Перестань рыдаты,
Печальная маты!
И на радость преложися,
К царю приближися.
Не имы за шкоду,
Видя, яко воду,
Кровь изливаемых
И убиваемых;
К жизни непременной,
Ко смерти нетленной,
За живота страту
Приемлють за плату. (bis)

Явление десятое

ВОИН, *ведет Рахиль с грудным ребенком и говорит со злобою:*

Ступай, баба, ступай! не вгинайся, ступай!
К царю:
Вот, царю, твой приказ мы добре спальняли,
Во всих гарадах детей убивали,
Се адин из младенцев в царстве юж застался,
Я долго за его матерью ганялся,
Се последняя жива пред тобою,
Мать хочет заминыть смерть иого собою.

ИРОД.

Я царскому слову не могу изменить
И велю тотчас не мать, а отроча убить.
Воин схватывает на копье ребенка.

РАХИЛЬ.

Ах несносная печаль дух мой снидает,
Что сей лютый воин чадо убивает:
Вырвавшы из недр моих, хощет погубиты.
О нещастие мое, что буду чыныты?
Щастливы те жены, кои не раждают,
Скорби и печали вовсе не знают.
Бьет себя в груди; воин уходит.

ХОР, *за сценой. № 6.*

Ирод несытый
Велыть убиты,
А воин терзает
И убивает.

№ 7

Маленкии чады
Вси пребудут рады,
Тым бо с неба платят,
Що живот свий тратят
За Христа и Бога;
То им мзда премнога,
Малым отрочатам,
Закланным овчатам.

РАХИЛЬ, *к Ироду:*

Умилосердысь, царь, и возвраты мни чадо!
На що иого убил? оно еще есть младо!

ИРОД.

Полно, баба, полно шуметь!
Об убитом нечего жалеть.

ХОР, *за сценой. № 6.*

Не плачь, Рахиле,
Що чадо на циле:
Не увядають,
Но процветають (bis)
Вольныи крылья
Новой святыни;
К Богу и сыну
Имиеш прычыну: (bis)

№ 7

Твое бо пернате
Небом суть узяте;
Путь прошедше тисный,
Побидныи писны
Поють Царю славы,
Иже их избавы,
От ситей ловящих,
В пагубу губящых. (bis)

РАХИЛЬ, *к Ироду прямо:*

О Ироде пребеззаконный, мучителю стопекельный,
Якую ты в дитях вину обритаеш,
Що смертию от сосцев наших отрываешь?

Явление одиннадцатое

ВОИН, *вбегает, выгоняет Рахиль и уходит за нею.*

Ступай, баба, ступай! здесь балов не точи!

ИРОД, *тихо, сам с собой:*

Увы, кая сих времен зделалась премина?
Думавшу мни вечно жить, блызыться кончына,
Однак же я с смертию сражаться буду.
Громко:
Вои вирные мои! станьте у порога,
И да смерть не убижыть, ловить якомога!

Явление двенадцатое

ВОИНЫ, *входят толпой во все двери и становятся у порогов.*
ХОР, за сценою. № 8

Тут смерть выходыть, речет к нему выну:
Почто дерзнув пролыть кровь неповынну?
За ню же, реку, стяжу твою душу
И пригласыты други свои мушу.
О Ироде преокаянный!

Явление тринадцатое

СМЕРТЬ, входит, воины, испуганные, убегают.

Що ты, Ироде несытый!
Почто се болтаеш
И мене убиты
Воям повеливаеш?
Из пропасты ада
Будеш ты знаты,
Неповынны чада
Як убиваты.
Выйды, брате, друже,
Мени пособыты,
Кровопыйцю Ирода
От земли стребыты!

Явление четырнадцатое

Сперва под полом, а потом за сценой все громче и громче, басом, слышно:

Гуп, гуп, гуп, гуп, гуп.
Потом входит чорт и продолжает: гуп, гуп.

ЧОРТ, *к Смерти:*

Почтося, моя другыня, зовеш на пораду?
Тотчас умерщвлю й препоручу аду.

К Ироду:

А покуда ты, несытый Ироде, будеш спорыться з моею сестрою?
Разви ты не хочеш брататься зо мною?

К Смерти:

Поднымы, сестро, косу! вдар иого во главу!
Щоб зналы повсюду нашую державу.
Уходит.

Явление пятнадцатое

Ирод привстает; от страху решился на смелость и дьячковским голосом кричит на Смерть:

Што мя словеси стращаеши?

СМЕРТЬ, *тем же голосом:*

Разви ты мене и до днесь не знаеши?

ИРОД.

Аз есмь богат и славен,
И несть нихто мне равен.

СМЕРТЬ.

Слава и богатство прейдуть!
Сей косы довольно взмаху,
И мертв уже человик от страху.

ИРОД.

Косы ты, баба, траву своей косою,
Не тебе, машкаро, спорыться зо мною!
Я могуществом и сылою
Заставлю тебе покорыться.

СМЕРТЬ.

Безумие! Всиого свита я сильний нахожуся,
Изначала вика никому не клонюся,
Азь есмь монархыня, всиого свита пани,
Я царыца суща на всякыи страны.
Князие и царие пид властью моею,
Усих вас я посечу косою своею.

Дает удар косы по Ироду, тот падает и долго трепещет; Смерть уходит.

Явление шестнадцатое

ХОР, *за сценой поет в то время как Ирод все еще в конвульсиях. № 8.*

Дерзай, от смерти посечен косою,
Да идет во ад и живет с тобою;
Ты будеш тамо всегда пребываты,
О Ироде преокаянный!

Сперва под сценою, потом за сценою слышно опять:

Гуп, гуп, гуп.

Явление семнадцатое

ЧОРТ, *входит, хватает в объятия Ирода и басом, отрывисто, протяжно говорит:*

Друже мий вирный, друже прелюбезный!
Довго ждав я тебе в глыбочайшей бездни.

Еще громче и скороговоркой:

От так беруть, от так несуть
Роскошникив свита!
Понеже дать не могуть
Пред Богом одвита.

ХОР, *за сценою. № 8.*

Не видав же он, що изтребыться
И царство иого вконец разорыться.
Заслуга иого знатна всим и явна,
За то й пекельна бездна изготованна.
О Ироде преокаянный!

Занавес опускается.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Действующие лица в своих национальных костюмах; действие второе в нижнем этаже.

Явление первое

Дид и баба.

ДИД.

От теперь и нам припало,
Як Ирода вже не стало;
Потанцюймо ж, молодычко,
Мий ружевый квит, хоть мало.

БАБА.

Гляды лышень, сучий диду,
Щоб не ввел танци в лыхо,
Забрались бы у тисный кут,
Да хлиб соби йилы б тыхо.

ДИД.

Да що ты мени бовтаеш,
Чого и сама не знаеш.
Ты говорыш ричь сю лишню,

А я б тоби сказав пыйты
Пид черешеньку, пид вышню.

ХОР, *поет. № 1.*

Дид с бабою танцуют.

Ой, пид вышенькою, пид черешенькою
Стояв старый з молодою,
Як из ягодою. } bis

И просылася, и молылася:
Пусты мене, старый диду,
На улыцю погулять. } bis

Ой, и сам не пиду, и тебе не пущу.
Хочеш мене, старенького,
Да покинуты. } bis

Ой, не кидай мене, бабусенько моя.
На чужой сторони
Пры лыхий годыни. } bis

Куплю тоби хатку, ище й синожатку,
И ставок, и млынок,
И вышневенький садок. } bis

Ой не хочу хатки, ани синожатки,
Ни ставка, ни млинка,
Ни вышневого садка. } bis

Ой, ты старый: кахи, кахи!
А я млада: хихи, хихи!
Да годи ж, годи ж, годи ж бо вже!

Кланяются публике и уходят, с перепугу, увидя солдата, который им кричит: «Кой чорт вас здесь развеселил» и проч.

Явление второе

СОЛДАТ, *на дида и бабу:*

Кой вас чорт здесь разносил?
Ведь тотчас патащу к ахвицеру,
Штаб вы знали крестиянску веру.

К зрителям:

А, здрастуйте, честные гаспада!
Не було ль тутечки здесь салдат?

С ними времечко правести я рад;
Но как оных здесечка тут нет,
То примить, гаспада, мой привет.

Речь:

Я салдат прастой, не богослов,
Не знаю красных слов;
Хотя я отечеству суть зашита,
Да спина в меня избита;
Читать и писать не вмею,
А гавару, што разумею;
Ноныча люди веселяться,
Да й подлина, как не удивляться:
Христос в вертепе народился,
А Ирод окаянный сказился;
Бояся царства лишиться,
Вздумал детской кровью омыться.
За то Иродушке пришлось жестоко,
Как черти тащили в ад его глубоко.
Каковую весть вам-ста сообщаю
И вас Христовым Рождеством поздравляю.

Явление третье

Солдат и Дарья Ивановна.

СОЛДАТ. А, Дарья Ивановна, каково живете?
ДАРЬЯ ИВАНОВНА. Скучаю за вами, Игнатий Парамонович.
СОЛДАТ. Благодарю вас за память.

Цалуются, скрыпки играют камарицкую, танцы, вдруг слышен барабан, № 2.

Ах, Дарья Ивановна, барабан слыхать!
Мне треба в поход ступать.

ДАРЬЯ ИВАНОВНА, *цалует его.*

Прощайте, Игнатий Парамонович.

Явление четвертое

Цыган на коне.

Монолог

Дягы, дягы; забув, батю, дугы!
На шляв да-ры-да-ты,
Бо йду проздра-вля-ты.

К зрителям:

Крыця не лошыця, кремень не кобыла,
Як бижыть, аж дрыжыть, як впаде, то й лежить.

Кобыла падает, а с нею и цыган в снег.

Пху! побыла б тебе лихая да нещастлыва годына!
Пре-пре-прекаторжного батька скотына.
Щоб тоби ни стрыло, ни брыло,
Щоб тебе на свити не було!
Одын в роти зуб держався,
Да й той тепер у снегу зостався.

К зрителям:

Панове! хто хочет, будемо миняты!
Далыби, що йейи стоить продаты.

Немного помолчав:

Нихто ни шажка, ни копиечки не хоче даты?
А тут то суча кобыла брыкуча,
Хоч ребра в йейи й дуже выдно,
Да все ж за год вона раздобрие,
Колы жыва буде, боятымутся люде,
Хутко бига.

Бьет кобылу плетью и кричит:

До шатра! до шатра! до шатра!

Кобыла вспрыгивает и убегает.

Ох, юсты ж, юсты, смадженой капусты!
Хочь бы смальцем зашароваты
Да добре попироваты.

Явление пятое

Входит цыганенок; сын.

СЫН. Йды, батько! маты казала вечерять.
ЦЫГАН. А що ж доброго вы там наварылы?
СЫН. Казала маты: ничого.
ЦЫГАН. А хлиб же ие?
СЫН. Де б то взявся? нема.
ЦЫГАН. Так дарма; я тут с людьмы добрымы погарцюю;
А вы вечеряйте соби здоровы.

Цыганенок уходит.

Явление шестое

Входит цыганка с кувшином в руке.

ЦЫГАНКА.

Гараську, Гараську!
Изйила собака порося и паску,
Да ще й перець вынюхала!
Тепер кого пеняты?
Нигде й хлиба взяты!

ЦЫГАН.

Ой, жинко, жинко; я шек-монодек,
Фун-фун-фонфора!
У мене що ни день, то копийка свижа.
Чи молочка? той на, на!
А чи сальца? то й на, на!
А теперь-то ж я з голоду вмыраю.

ЦЫГАНКА.

Э, старый котюго! ще й тоби мене
Отсе дратоваты?
А як знав бы ты соби михом подуваты
Да зализо горячее молотом коваты.
Як ударю я тебе кичвою сиею,
Не будеш ты знущатысь над бидностью моею.

Дает ему пощечину.

ЦЫГАН, *грозит ей плетью.*

Ой, жинко, як начну сергием лататы,
То вся шкура на тоби буде трищаты.

ЦЫГАНКА.

И не лай же мене,
И не бый же мене:
Прынесу я борщыку
В полывяным горщику,

ЦИГАН.

Хутко ж, жинко, да не бавсь.

Цыганка уходит и опять возвращается.

ЦЫГАНКА.

Тут-то страва, тут-то люба!
Покоштуєш, звысне губа.

ЦЫГАН.

А дай же покоштовать.

Пьет из глечика. потом плюет и говорит с досадою:

Ге, побила б тебе годына лыхая!
Така твоя й страва, як и ты, дурная:
Твий борщ да походыв на ракову юшку.

ЦЫГАНКА. Кыдала, мый мыленький, й цыбулю й петрушку;
А для свого господаря,
Й кусок сала из комара.

ЦЫГАН. Гайда ж до шатра дитей годуваты,
А колы хочь, то й вернысь, да нум танциоваты.

Скрыпка играет. № 3. Цыган поет и танцует с цыганкою.

Чом, цыгане, не ореш? Бо немаю плужка!
Тыльки в мене пояс е; за поясом пужка.
Чом, цыганко, не прядеш? Бо не вмию прясты.
Из-за гаю
Выглядаю.
Щоб сорочку вкрасты.
Ходим, стара.
До шатра.
Що мае Бог даты!
Фун, фун, фонфора!
Проживем без хаты.
Танцуя, уходят.

Явление седьмое

ВЕНГЕРЕЦ, *в гусарском платье.*

Терентенбасса, маленька басса, велыка басса,
Мои поля, моя вода, мое блато, мое в блати, мое все.

Входит мадьярка.

А, здраствуй, мадьярко!

Цалуются. Скрыпка. № 4. Поют и танцуют.

Гуссар коня наповав, Дзюба воду брала.
Гуссар писню заспивав, Дзюба заплакала.
Не плачь, Дзюбо, моя любо, доки я з тобою,
Як пойиду я од тебе, заплачеш за мною.
Ой, хто любыть печерыци, а я люблю губы,
Ой, хто любыть молодыци, я горнусь до Дзюбы.

Цалуются и уходят.

Явление восьмое

Поляк и мальчик.

ПОЛЯК.

А цо тута за галаце!
Нех дзембло везме гайдамаце!
Идьзь, хлопку, ведзь до мне кохану,
Я ту краковьянку вытанцевать стану.

Мальчик уходит.

К зрителям:

А цо, панове?
Же бы вы знали, цо я естем з дзяда,
Из прадзяда шляхтич уродзеный.
Я былем ве Львове,
Былем и в Кракове,
Былем и в Киове,
Былем и в Варшаве,
Былем и в Полтаве,
Былем в Богуславе.
Падам до ног ясневельможнего пана!...

Называет по фамилии хозяина дому.

Зычу здрувья и многа лята.

Явление девятое

Входит полька.

ПОЛЯК. А, як ся маш, моя варшавянко?
ПОЛЬКА. Будь здрув, мой коханко.

Цалуются.

Скрыпка. № 5. Поляк поет. Оба танцуют.

Сивы коник, сивы, зелиона кульбака;
Заехалем до ней — нехце ме собака.
Не жалуй, дивчина, барылечки вина,
Бо собе достанеш добрей матки сына.
Же бы ты ведзяла, цо о тобе мысле,
Скопилась бы до мне ....
Хыбабым мусяла в Кракове не бываць,
Жебым не умяла краковяка спеваць.

Во время танцев мальчик выходит из дверей и начинает танцевать вприсядку за спиною своего пана; тот, делая па назад, опрокидывается и кричит, лежа на полу:

А пудзь до дзембла, лайдак; батогами забию.

Вспрыгивает и все уходят в ту минуту, когда за сценой песня раздается:

Да не буде лучше, да не буде краще,
Як у нас да на Украини!
Нема .... нема......

Явление десятое

Запорожец.

Входит в красных шароварах, в полной одежде, с люлькою и с булавою, за спиной бандура.

ЗАПОРОЖЕЦ, *к зрителям:*

Гай-гай, панове! що то як я молод був!
То-то в мене була сыла:
.....бьючы й рука не млила.
А тепер выд .... и блоха сильниш здается,—
Плеча й руки болять, уже сыла рвется!
Ой, вы лита, лита, поганая справа,
В морду хоть зацупыш, вже на та росправа.
Ой, бандура моя золотая,
Колы б до тебе шынкарка молодая.
Танциовав бы з ею до смаку, до смиха,
Одцурався б я ею навики от лыха,
Бо бач, як заграю, не одын поскаче,
Да к тому весилью, може, хто й заплаче!..
Я козак, горилку пью, люльку я вжываю,
Е шинкаркы в мене, а жинки не маю.
А вас, панове, святками поздоровляю.

Явление одиннадцатое

Запорожец и Хвеська.

ЗАПОРОЖЕЦ.

А, здорова, шинкарко,
Здорова, полтавко,
Як я тебе давно бачыв!

ХВЕСЬКА.

Як бачылысь у Чыгрыни,
Да й доси ни.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Так, Хвесю, так! любко, голубко моя;
Як бачылысь у Чыгрыни, да й доси ни.
Поцилуй же мене по знакомосты в крутый
Мий усок! От так — цмок! поцилуй же
Ще в чупрыну хоч разок! от так цмок.
Поцилуй же мене в булаву й в бандуру. Добре!
Тепер потанцюймо!

Скрыпка. № 6. Танцуют. По окончании пляски Хвеська уходит.

Од так же! и пошла!

Явление двенадцатое

ЗМЕЯ, *ползет, и когда запорожец стоит в раздумьи, она кусает его за ногу и уползает.*

ЗАПОРОЖЕЦ.

Ой лышенько, гад, гад!
От чорт иому й рад!
От се ж и укусыла.
Ой, хоч бы цыганочка да поворожила.

Явление тринадцатое

Цыганка входит; Запорожец лежит.

ЦЫГАНКА.

Ох, мий мылый, волошыну чорнобривый!
От се ж тоби суча Хвеська нарядыла,
Що тебе гадюка укусила!

ЗАПОРОЖЕЦ.

Поворожы, будь ласкова,
Далыби отдячу.
Хоч не зручь, дак хоть не вкыдки.

ЦЫГАНКА.

Ходыла цыганка по горах, долынах,
Носыла писок на вылах.
Скильки останется на вылах писку —

Шепчет так, чтоб запорожец не слышал, но тот слышит.

Стыльки б у тебе осталось, козаченьку, духу.

Громко:

Ты зовсим здоров, вставай,

Да дохид давай.

ЗАПОРОЖЕЦ, *встает.*

Потанцюй же зо мною, бо дам прочухана.

Скрыпка. № 7. Танцуют.

ЦЫГАНКА.

Не жалуй, батеньку, копиечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Що ты кажеш, цыганко? я недочуваю.

ЦЫГАНКА.

Да я й сама, козаче, знаю.
То я кажу: не жалуй копиечки, да дай дви.

ЗАПОРОЖЕЦ.

За що, або й на що тоби, скажи, будь ласкова.

ЦЫГАНКА.

Я б соби, голубе мий сызый, рыбкы купыла.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Може б ты, цыганко, й товченыки йила.

ЦЫГАНКА.

Ох, йила б, козаче-бурлаче: да де ж то их взяты?

ЗАПОРОЖЕЦ.

Цаплено ты голова! чому давно не казала,
Я б тоби повну пазуху наклав.

Булавой бьет ее снизу под спину.

От тоби товченыкы! От тоби товченыки!

Цыганка, подпрыгивая, убегает.

Явление четырнадцатое

ЗАПОРОЖЕЦ. *Танцует. Скрыпка. № 8. Потом говорит:*

Пийты лышень до Хвеськи да выпыть хочь пивквартывку, бо дуже щось сухо на языку.

Стучится в дверь.

Хвесько, Хвесько! а Хвесько! Сердце, видчыны! видчыны, будь

ласка! хиба ты не чуеш? бодай ты зозули не чула. Кажу тоби, видчыны, бо й двери выставлю и викна побью.

Отступает несколько шагов назад, потом разгоняется и лбом высаживает двери, скрывается за сцену.

Явление пятнадцатое

ЖИД. *В нос и с протяжным ударением в словах:*

Ой, вей мир, савафияне;
Як гналыся, пак, фараоняне,
Явреев сам Бог засцысцае,
За огненным стовпом их ховае,
Цудо друге луцце ще зробыф,
В Цермном мори вийско затопыф.
Мовса, Гарун, Дувид, святыи,
Воны вси бацылы, цула тыи.
Взе скоро оттый цас пryде,
Сцо хтось то нас кругом обыйде
И сказе, пак, так:
Цесны Явреи! я Мессияс вас!
Теперь я цар, и свит вес нас.

Явление шестнадцатое

Входит жидовка.

ЖИД.

Теперь, Сюро, нум танциоваты,
А писля горилку перепродаваты.

Скрыпка. № 9. Жид танцует и поет:

Ой, вей мир, татуню!
Ой, вей мир, мамуню!

Ой, ой, ой, ой!
Було у нас вийска
Цотыри тысионцы:
На тым вийску сапки
Усе из заионцы.
Ой, вей мир, татуню!
Ой, вей мир, мамуню!

В это время запорожец стучится, перепуганный жид кричит:

Бизы, Сюро, до хаты, гросы ховаты,
Бизыть гайдамака, буде грабоваты.

Жидовка уходит.

Явление семнадцатое

Запорожец и жид.

ЗАПОРОЖЕЦ.

А, здоров, жидовыну,
Ерытычий сыну.

ЖИД.

Здоров-зе був, мылостывый пане.

ЗАПОРОЖЕЦ.

А що тсе ты в барыльци несеш?

ЖИД.

Сабасковую горилоцку-з, пане,

ЗАПОРОЖЕЦ.

А ке-ж и мени, покоштую.

ЖИД.

Ты з у мене и так, козаценьку, багато напыф.
Да й гросей не заплатыф.

ЗАПОРОЖЕЦ.

От и притулыв горбатого до стины;
Вы, бачу, вси жыды дурны.
Колы ж я у тебе горилку пыв
Да й грошей не платыв?
Мабуть, ты не знаеш, як мене й зовуть.

ЖИД.

Ты ж, пак, Максым.

ЗАПОРОЖЕЦ.

А, брешеш, поганцю: я з вику Протыс.

Махает булавою.

ЖИД.

Нехай зе будеш и прокыс!
На, на! горылоцку пый,
Да тыльки мене не бый.

Открывает чоп, запорожец пьет из барила, жид держит барило и трясется от страху.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Не трясы-бо, гадючий сыну, а то зубы побьеш.

ЖИД.

Пый, скильки дуз.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Отце, яка мицна жидывска горилка.
Але ж, як я бачу, то вже я упывся.

Падает на землю, жид становится на него и душит его коленями.

ЖИД.

А! цузои крови напывся,
Да й сам скрутывся.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Що се по мени лазыть? глянь, глянь!
Э! се жыд так на мени порается;
Чи так же в нас бьють?

Машет булавою.

ЖИД.

Ой, вей мир, гевулт, вух! вух!

ЗАПОРОЖЕЦ.

Я ще й не вдарыв, а вын крычыть — опух!

Наносит удар булавою, жид падает.

У нас як бьють, дак с прытыска, с видвагы.
Не гадючий же жид,зразу и скрутывся!
Де лыш тыи макогоны, чы правдоньку звоны?
Пийду по його душенци бевкну хоч раз.

Подходит под колокол и звонит головою.

Що воно такее? на вищо похоже?
Пид хуртовину була б добра шапка,
Ще б и брязчала з потылыци;
От тогди хоч якый машталир
То б звернув з дорогы.
Да й горобцям пид негоду добре тут ховаться,
А може, й на вершу вин прыгодыться.
Якбы то в болото його застромыв,
То-то б то ракив наловыв.
Пийты ж, да жыда заволокты,
А то залиг дорогу, нильзя й разходыться.
А да бак, як бак чорта велычають?
Авжеж неяк, як може дидько.
Гей дидьку, дидьку, дидьку — го!
Ходы, будь ласков, вызьми жида,
Твого таки ж родного дида.

Пекельным буде з його жарке;
А чи ты зроду, дидьку, йив таке!
Буде зо всих вас на цилый пист,
Видпасешся, пидымеш хвист.

Прячется за дверь.

Явление восемнадцатое

ЧОРТ.

От тепер я дождався,
Що жыд мени достався.

Долго смотрит на жида.
Запорожец подкрался и ударил его булавою.

От-се ты й доси не однис?
Який с тебе проворный бис?

Бьет чорта снова.

Несы ж, несы, да кушай на здоровье.

ЧОРТ.

Гуп, гуп, гуп.

Уносит жида.

Скрыпка. № 10. Запорожец танцует.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Ище колы б найты уньята ледащычку,
Щоб враг узяв, абы лыш не пьяныччку,
Бо я, прызнаться, й сам пьянычок не люблю.

Явление девятнадцатое

Униатский поп

ЗАПОРОЖЕЦ.

Про вовка промовка, аж дидько вовка и несе.
Высповидай мене, попе, пид попынкою.

УНИАТСКИЙ ПОП.

Признавай грихы предо мною, покайся,
Перед схизматскыми попы не признавайся.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Чого соромляться? панотче, розкажу, що знаю.

УНИАТСКИЙ ПОП.

Благо сотвориши, аще ничего не утаиши.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Я змалку мандрую по свиту;
Я быв. . . . . .
Не быв униатских я попыв,
З живых з йих кожу я лупыв.
Воны над козаком ждуть смерты,
Щоб в домовыну скорийше заперты;
Таскають, спивають, смиються,
А на помынках як попьються,
Дак тильки не танцюють,
Мов кони козацьки гарцюють.

УНИАТСКИЙ ПОП.

Треба тоби до косциола ходыть,
Часты поклоны треба быть.

ЗАПОРОЖЕЦ.

Э! Бач? я з вику в косциол не ходыв,
Поклонив не быв, хиба тебе побью.

Униат бежит со всех ног.

Явление двадцатое

Монолог запорожца.

А що? утик? а добре дуже я зробыв,
Мов десять жыдив побыв.
Утик! а то пришлось бы чорта знову зваты,
Щоб униатського попа да чортови отдаты.

Скрыпка. № 7. Танцует.

От се ж як я дуже вморывся,
Мов коло плуга день возывся.
Треба лягты да заснуты,
А ранком можно и до Хвеськи,
Де лыснуты мокрухы.

Ложится на правый бок.

Так лягты негарно.

Ложится на левый бок.

А так ище гирше.

Ложится на спину.

4 1—1657

А так то за певне який дидько задушыть,
Бо я слабовытый.
Гай-гай, панове! шо то як я молод був!

Ложится на брюхо.

Ляжу, бак, так, як мий батько колысь спав!
А я його добре знав.
Теперь нехай на шыю хто сяде,
Устану рачки да й повезу, як вил.

Явление двадцать первое

ДВА ЧОРТА. *Входят и хотят взять запорожца; одного из них он ловит за хвост; другой убежал. Запорожец тянет чорта за хвост к свету.*

Монолог запорожца.

Ух! Чорт у баклаг влиз!
Що се я пиймав? чи се птычка?
Чи перепелычка?
Чи се тая сынычка,
Що вона й не дыше,
Тыльки хвостыком колыше.
Глянь, глянь! яке воно чуднее
Да, далиби, страшнее,
Очи з пятака,
А язык вывалыв, мов та собака?
Де ты груды соби поздырав?
Може глыд да грушы крав?
Поверныся, подывлюсь, яке ты из заду.

Чорт поворачивается, запорожец его осматривает.

Эге! воно, бачу, й крыльца мае,
Се ж то те, що ничью литае,
Да куры хватае.

Стоит в раздумьи.

Се да те, кажу я,
А воно той коньк,
Що по полю скаче,
Да хрущив ловыть.
Колы скаче, то уже ж
Танциовать умие;
А може, не смие!
Ось, ну лышень, не соромляйся!
Погупцюймо трохи,
Повтикають блохы.

Скрыпка. № 8. Запорожец танцует, а чорт стоит.

А що ж се ты стоиш, як кожух замерзлый?

Бьет его булавой.

Скрыпка. № 8. Танцуют оба. Чорт в такт прыговаривает:

Гуп, гуп; гуп, гуп, гуп.

Запорожец, ударив его булавой, говорит:

А ну, лышень, геть; ты........

Чорт бежит в испуге.

А що? утик? не так було ще з йим робыты;
Колы вын.... то треба було вбыты.

К зрителям:

По сий мови, будьте здоровы
Мени прыходытся, панове,
С писни слова не выкыдать,
А що було, барзо прошу
Об тому лыхом не помынать.
Пойду тепер соби в куринь
Вику доживать.

Уходит.

Явление двадцать второе

Входит свинья, подходит к иродову трону, ложится под него так, что только зад из-под трона виден. Входит хозяин свиньи и стегает ее плетью.

Аля! аля! аля ж, кажу! вона нибы не чуе.
Що там вона рые свинячою мордою;
Эге! треба жыдам оддать;
Вона давно хотила здыхать.

Явление двадцать третье

ЦЫГАН.

Здоров був, Флыме!

КЛИМ.

Здоров був, цыгане!

ЦЫГАН.

Яку вона кару тоби зробыла?

КЛИМ.

Весь город порыла.
Капусту й пастернак поила.

ЦЫГАН.

Отдай нам еи, мы еи научым
Холянды танциоваты,
В город не буде вже скакаты.

КЛИМ.

А я думав, що вин купыть,
А вин еи даром лупыть!
Пане купче! тикай.

Явление двадцать четвертое

ЖЕНА КЛИМА.

Чоловиче, до нас, бачу,
И кондяк прыпхався.

КЛИМ.

Э! я, жинко, иого
Давно сподивався.

Жена уходит.

Явление двадцать пятое

ДЬЯЧОК.

Дай Бог здравствовать, Климе!

КЛИМ.

А дай Боже пану бакаляру!
Ты наш-таки, кондяче,
Возьмы соби отсю свыню,
Бо в город все скаче.

ДЬЯК.

Ци, ирц, ци, ирц, ферчик!
Иже, виды, аз, наш, есть,
Спыши ко мне зело.
Климий сотворил нам честь,
Дав свиняче тело.

Явление двадцать шестое

ИВАНЕЦ.

Аз путешествую, кое ваше дело?

ДЬЯЧОК.

Взем сие бремя, неси в наши клети.

ИВАНЕЦ.

Помозите ю на рамо подьяти.

ДЬЯЧОК.

Возгласи: аля, аля! в школу пирья драты.

ВСЕ.

Аля, аля!

Иванец уходит.

Явление двадцать седьмое

ДЬЯК, *благодарит Клима:*

Гевал, Амон и Амалык
И вси живущы в Тыри,
Возрадуются доброти
И воспоють в эфири.
Мы вашу обреченну жертву,
Хоть живу, хотя мертву
Со благодарностью приемлем
И выю вам объемлем.

КЛИМ.

И тоби тее ж од нас, пане кондяче.

Дьяк уходит.

Явление двадцять восьмое

КЛИМ.

Дывысь, як пресучий дьяк подяковав гарно,
Що аж в мене слезы в вичью навернулысь.
Да, правда, есть за що й дяковать:
Свыня хочь куды свыня,
Ребра так и свитяться.

Явление двадцать девятое

ЖЕНА КЛИМА.

Клыме, чоловиче!
До нас бачу из свыняки
Принеслы кондяки
Обидрану кожу.

КЛИМ.

От бач, жинко, що я можу!
Свыняка б пропала,
А платыть дьяку за сына
Пора вже настала.
Теперь вже мы роцитались:
Цилы гроши в нас зостались.

ЖЕНА.

У нас, чоловиче, з вику товаряки не було,
А теперь не стало уже и свинякы, усе загуло.
Тепер потанцюймо, як прежде водылось,
Щоб конопельки бильш народылось.

Скрыпка. № 1. Танцуют.

КЛИМ. Ходим, жинко, у нас десь козяка була.

Жена уходит.

Явление тридцатое

Входит коза.

КЛИМ. Цыцы!
КОЗА. Мееe!
КЛИМ. Цыцы!
КОЗА. Мееe!
КЛИМ. Цыцы!
КОЗА. Мееe.

Прячется под иродов трон.

КЛИМ.

Отеж, доцыкався! й козу загубыв.

К зрителям:

Панове громадо! чи не бачыли козы?
Що то було в еии солодке молоко!
По двi дыйныцы молока давала,
Теперь вона, бидна, як в воду упала.
Одна бида не мынулась,

Друга навернулась.
Вчора довелось заснуть
Пыд Лысою горою;
Макогоненко Грыцько
Выняв у мене с кышени
Люльку, крыцю, кременець
И на пугу реминный конець.
Заколупыв сердце вкрай,
Що ни в пекло, ни до жинки,
Ани в рай.
А тут козу ще згубыв,
Лучше б був еи убив.
Пойду, лышень, пошукаю.

Находит.

А, моя козонька, моя голубонько,
Бач, як вона скаче, мов танциовать хоче.

Скрыпка. № 12. Танцует. Потом полено кидает под трон, коза падает и издыхает.

А що се? скрутылась? скрутылась?

Плачет.

Бидна ж моя головонько! козу вбыв!

Подумав немного:

Понесу ж да отдам собаци шкуру.
А жинци пошыю из мяса кожух.

Уходит.

Явление тридцать первое

Артиллерист и мужик.

МУЖИК, *везет пушку.*

АРТИЛЛЕРИСТ. Вези, не отговаривайся.

МУЖИК. А вже ж бо мени та кушка!

АРТИЛЛЕРИСТ, *стреляет из пушки.*

Виват, господа!

ХОР, *за сценою:*

Многая лета! многая лета! и проч.

Занавес опускается.

ЩЕДРИВКИ

31 декабря. На *Меланки*, т. е. в день св. Мелании, накануне Новогогода, каждая хозяйка приготовляет кныши, пироги, колбасы, начиненные гречневой кашей, и вареники. Этот вечер называется *богатым, или щедрым*. Вечером хозяйка ставит на стол все съестное, засветив свечу перед образами, накурит ладаном и попросит мужа *исполнить закон*. Муж садится *на покути*, т. е. в углу под образами; это старшее место; пред ним куча пирогов; зовут детей, они входят, молятся и спрашивают: *«Де ж наш батько?»*, не видя будто бы его за пирогами. *«Хиба вы мене не бачите?» «Не бачимо, тату!» «Дай же, Боже, щоб и на той год не побачилы»*. Тут он раздает детям пироги. Между тем мальчики толпою ходят по дворам и под окнами изб поют *щедривки*:

Улетив сокол из юлыци в двир.
Щедрый вечир, добрый вечир!
(После каждого стиха)

Ой, сив же вин на оконечку,
Кватырочку одчиняе,
У свитлычку заглядае.
Ще свитлычка не метена,
Марусенька не чесана,
Не чесалась, не вмывалась,
На батенька розгнивалась:
Сукню пошылы — покоротылы,
Черевычки зшылы — да помалылы.

* * *

Щедрый вечир! Добрый вечир!
Добрым людям на здоровье!
Чи дома, дома пан господар!
Щедрый *(и проч.; оба первые стиха)*
Ой, я знаю, що вин дома *(и проч.)*...
А сыдыть вин в конци стола *(и проч.)*...
А на йому шуба люба *(и проч.)*...
На пояси калыточка *(и проч.)*...
В калыточци сим шелягив *(и проч.)*...
Сиому, тому по шелягу *(и проч.)*...
А нам, братця, по пырогу *(и проч.)*...

Или:

Щедрык, ведрык,
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Сальця, ковбаски.

Песни эти оканчиваются шутками, приговорками, например:

Вечир довгий; давайте пырог довгий,
На всю лопату, з отцюю хату.

Итак, мы прошли круглый год. Но я, проходя праздники и

относящиеся к ним обычаи, не сказал ничего о встрече весны, об обрядах и песнях, с которыми ее принимают.

ВЕСНА [4]

Чем лучше встретить весну, как не песнями, не играми, не изъявлениями любви? Она сама юность земли, юность природы, всегда восхитительной: она сама любовь, веселье, наслаждение. С ее появлением все оживает, воды сверкают под теплым небом, под лучом солнца; цветы распускаются в волшебной свежести лунных или темных, но всегда ароматных ночей; все заговорит на полях, по рощам, в водах; все голоса сольются и наполнят душу очарованием; болотные птицы, насекомые, крик домашних животных, бегущих с поля в село, сольются с щебетанием ласточки, с яркой трелью соловья. И мы встречаем весну песнями, и непременно песнями любви.

Веснянки начинают петь с марта месяца, с того дня, в который птичка овсянка запоет свою первую песню. В этой песне слышны слова: *«Покинь санки, визьмы виз»*. В тот же день щука пробивает лед хвостом.

ВЕСНЯНКИ

Нема льоду, нема льоду,
Нема й переходу;
Колы тоби люба мыла,
Бреды й через воду.
Перебрела дви риченьки
И половыну ставу,
Не вводь мене, козаченьку,
В велыкую славу.
Ой, сама ж ты, дивчинонько,
Себе в славу вводыш,
Що поздненько, не раненько
По улыци ходыш.
Ой, як мени, козаченьку,
Да раньше ходыты,
Як визьмеш ты за рученьку,
Не мусыш пустыты.

* * *

Розлылыся воды
На чотыры броды;
У первому броди
Соловейко щебетав,
Зелени сады розвывав;
У другому броди
Зозуля кувала,
Литечко казала;

У третьему броди
Конычок заржав,
Вин дороженьку почав;
А в четвертом броди
Да дивчина плаче,
За нелюбого йдучы,
Соби лыхо чуючи.

* * *

Свиты, зоре, на все поле,
Закиль мисяць зийде
Да до мене мий мыленький
Вечеряты прыйде.
Ой, чи прыйде, чи не прыйде
На вечерю тую,
А я йому ранесенько
Снидаты зготую.
Цвилы лозы при дорози
Сынесенькым цвитом;
Йшов козак из улыци
Билесенькым свитом;
Не жаль тому козаченьку
Поснидаты даты,
Що вын иде из улыци,
Як стане свитаты.

Весна требует любви; наши девушки это поняли и поют:

Гирко жыть весною
Без мылого одною,
Без мылого дружочка,
Ясного сокилочка.

Впрочем, иногда дивчата подсмеивают молодых людей, оценяя их очень невыгодно:

По три шага молодець,
По таляру дивка,
По тысячи жинка.

Или:

По тры копы дивочка,
По чотыри кисочка,
По денежци молодець,
Як печеный горобець.

В этих веснянках иногда находим мы жалобы девушки на скуку одиночества; иногда желанье узнать, кто ее суженый; иногда упреки милому за холодность, за скупость на часы свидания. В другой раз противное: наслажденье жизни девической; желанье погулять на воле; тоска молодой женщины, которой нельзя уже пользоваться увеселениями девиц, их играми, их хороводами; например:

Мисяць над водою, дивка на юлыци,
Ой, доля да доля, дивка на юлыци.
Свекорку, батеньку, пусты на юлыцю;
Ой, доля... пусты на юлыцю.

Хоч я тебе й пущу, свекруха не пустыть.
Ой, доля *(и проч.)*...
Свекорко, матинко, пусты на юлыцю;
Ой, доля *(и проч.)*...
Хоч я тебе й пущу, зовыци не пустять.
Ой, доля *(и проч.)*...

То мы находим слезы о том, что она идет за немилого; или упреки подруге в том, что та *перемовила* у ней жениха. Часто говорится о приезде сватов, бояр, о решительной минуте выхода замуж, о разлуке с подругами, о потере воли, о будущем семейном счастье, о недоле с мужем, которого приняла не по любви, о строгости и сварливости свекрови, о разнице свекрови с родной матерью, о тяжких трудах по хозяйству.

Иногда в этих песнях и молодой человек жалуется матери, что он не женат, что на нем лежат работы женские: *«Укрип сию, ромень сажу»*. Не хочет он панночки, не хочет короливны. Он любит дивчину, дочку соседа своего. Он жалуется на то, что за него не отдают дивчины; вызывает ее на тайное свидание [5]. Редко в веснянках говорится о весне. Любовь сама по себе весна.

Сравнения девушки с *зирочкою, перепелочкою, галочкою, павою, уточкою, яблонькою*, сравнения парубка с *горобейком, селезнем, соколом, голубом* — эти сравнения душевных чувств и красот с видимыми предметами местной природы беспрестанно встречаются в веснянках.

Они поются ежедневно вечером, по окончании работ, а в праздники и после обеда, дивчата и парубки собираются за селом или посреди села на выгоне; если же село велико, то на нескольких выгонах; парубки выкапывают вершков шесть глубины ров; дивчата садятся и спускают ноги; и когда они поют, когда хороводы одной части села перекликаются в темноте ночной с другими хороводами, парубки стоят за ними, прислуживаются, шутят, любезничают.[6]

ИГРЫ

Игр весенних много; опишу некоторые.

КОРОЛЬ. Хоровод девушек, взявшись за руки, становятся в круг, всередину входит король, хоровод ходит кругом и поет следующую веснянку:

Королю, край города ходыш,
Королю, дивчат оглядаеш,
Королю, прыступы близенько,
Королю, поклонысь нызенько,
Королю, поцилуйсь гарненько.

В эту минуту король целует одну из хоровода и та становится королем.

ПЕРЕПЕЛКА. Перепелка стоит в кругу, который ходит вокруг нее и поет:

Тут була, тут була перепелочка,
Тут була, тут була невелычечка!

Эти два первые стиха повторяются после каждого из следующих:

А в перепелкы да головка болыть;
А в перепелкы да животык болыть;
А в перепелкы да плечыци болять;
А в перепелкы да колина болять.

И так далее: ушки, глазки и проч.; при слове «болять» перепелка хватается за часть тела, которую называют; но когда дойдут до следующих стихов:

А в перепелки да старый мужычок,
Як иде мужычок, то нагайку несе,
Вин нагайку несе, бородою трясе.

Тут за первым стихом перепелка морщится, за вторым приготовляется плакать, за третьим плачет. Вдруг запоют:

А в перепелки молодый мужычок,
Молодый, як иде, черевычки несе.

Тогда перепелка начинает прыгать, руками плескать, и другая становится на место ее.

ВОРОН. В ней действующие лица: ворон, мать, дивчина и дети. Впереди становится мать, девушки становятся за нею и берут крепко друг дружку за плечи или за пояс, а первая из них берется за мать; эта первая называется *дивчина, красна дивчина,* остальные — дети. Они под покровительством матери идут к ворону, который, сидя, роет палочкой землю. Начинается между ним и матерью разговор:

М. Вороне, вороне, що ты копаеш?
В. Ямку.
М. Нащо?
В. Твоим дитям очи залывать.
М. За що?
В. Я понапиковав, понаваровав, а воны прыйшлы, повидалы, лысточками понакрывали та й пошлы.

М. Чы правда, диты?

Дети: Неправда, неправда.

М. Окрутнуся двичы, трычы; чы вси мои диты?

Она считает; потом, видя, что ворон хочет их ловить, кричит: «гай-гай!» Ворон начинает бегать, стараясь поймать последнюю; мать бегает так, чтоб быть впереди перед вороном, дети стараются, чтоб не они, а мать была к ворону ближе. Когда он поймает одну, то уводит ее и посадит отдельно, она уже не участвует в игре; немедленно он принимается ловить следующую и, поймав ее, отводит

к первой; этак продолжается, пока останется одна дивчина. Тогда ворон садится и опять начинает копать землю. Мать подходит к нему с дивчиною.

М. Вороне, вороне, що ты робыш?
В. Ямку.
М. А в мене есть красна дивчина, та не вдариш! Я пийду на торжок та куплю дивчыни красне намысто.

В. А я вкраду.
М. А я тоби голову пробью.
Д. Вороне, вороне, де твоя каша?
В. На полыци.
Д. Я выим.
В. А я тебе кием.
М. Вороне, вороне, що за тобою?
В. Макогин.
М. Бый же мою дивчину навздогин.

Девушка бежит, ворон за нею гоняется с хлыстом и если успеет ударить три раза, то отводит к детям.

Тогда все дети садятся рядом, *в лаву,* берут друг дружку за руки, и крепко держатся; мать приходит и старается разнять у них руки; тот, которого она оторвет от лавы, принадлежит ей; разумеется, что дети нарочно поддаются; потом садятся опять в лаву и опять сцепляются руками.

После того ворон старается оторвать их друг от дружки по порядку. Оторванные ожидают конца; когда все перейдут во власть ворона, он ложится на землю ниц; дети прячутся; мать не позволяет ему смотреть, и после он должен их отыскать; те, которых не отыскал, вправе его бить, пока он не прибежит под защиту их матери и красной дивчины.

ДУРНЕ КОЛЕСО, или УКРАВ РИПКЫ. Играющие берутся за руки, составляют круг, двое из них подымают руки, обращаются спиною друг к дружке и в паре бегут в противоположную сторону, за ними следуют их соседки; и как они прежде составляли круг лицом к лицу, теперь составится круг спина к спине, лицами наружу. Так как этою манерою бежать неловко, то иные вырвутся из круга, другие попадают, к ним хор обращается с пением двух стихов:

А що? вкрали рипкы?
Полетили диткы?

ДРОБУШКА. Игра вдвоем. Две девушки берутся крепко за руки, ноги их должны быть вместе, руки сколько можно вытянуты; они кружатся и поют:

Дробу, дробу, дробушечки;
Найившыся петрушечкы,
Найившись лободы,
Гала-гала до воды!

С этим словом одна выпускает руки подруги своей; одна из них непременно падает.

ГАЛКА. Поют следующую веснянку.

Ой, галко, галко,
Золотая клюшниця,
Стань же нам на помочы,
З молодымы молодыцямы,
З красными дивыцями;
А ты, Марусю, скочь на конець!
А ты, Наталя, веды танець!

Маруся должна была вести хоровод, а Наталя стояла за нею; во время песни все машут в такт руками; при предпоследнем стихе Маруся перебегает на самый конец. Наталя становится первою и ведет хоровод.

ЩИТКА. Все берутся за руки; одна крайняя стоит неподвижно, остальные ходят вокруг нее, мало-помалу она обвита подругами; последняя бегает вокруг этой кучи и поет:

Щитка маленька,
Де твоя ненька?
На маковци сыдила,
Дрибен мачок дзюбала;
Дзюб, дзюб, дзюбанець,
Ходы, дивко, у танець.
А за нею молодець:
Не йды, дивко, у танець.

Пропев, она становится поодаль, следующая по ней повторяет то же, и так далее. Наконец последняя станет первою, а та станет щиткою.

ПРОСО. Знаменитая игра, всем славянским народам принадлежащая. Девушки разделяются на два ряда и становятся в десяти шагах один ряд против другого; один ряд поет:

А мы просо сиялы, сиялы.
Ой, дид-ладо, сиялы, сиялы;

Второй ряд:

А мы просо вытопчем, вытопчем,
Ой, дид-ладо, вытопчем, вытопчем.
1. А чим же вам вытоптать?
2. А мы кони выпустым.
1. А мы кони переймем.
2. Да чим же вам перенять?
1. Ой, шовковым неводом.
2. А мы кони выкупым.
1. Ой, чим же вам выкупыть?
2. А мы дамо сто рублив.
1. Не треба нам тысячы.
2. А мы дамо дивчыну.
1. Мы дивчыну визьмемо.

Вторая кричит: *«Нашого полку убуде, убуде!»*; первая: *«Нашого полку прыбуде, прыбуде»*. Из второго полка девушка перебегает в первый; и это продолжается, пока все перебегут. Каждое последнее слово стиха повторяется, как выше указано, а равно и припев после каждого стиха.

Здесь должен я сказать, что участие мужчин в некоторых играх, казалось бы, необходимо; и я еще помню это участие, мне случалось видать молодых людей, игравших с девушками.

В короле прежде бывал мужчина королем, он уводил из хоровода девушку; другой мужчина вступал в хоровод; *в вороне* мужчина был вороном. *В просе* первый ряд был ряд мужчин. С порчею нравов то, что невинно, становится стыдно, потому что в ум приходят такие мысли, которые прежде не приходили. Теперь молодым людям совестно разделять с девушками увеселения, а девушки стыдятся принимать их в свой круг. Скоро перестанут и христосоваться на Светлый праздник. Не знаю, можно ли это приписать к улучшению нравственности?

Из весенних игр вот еще некоторые:

МАК. Выбирают дурачка, садят его в средине хоровода. Хоровод ходит вокруг и поет:

Ой, на горе мак,
Под горою так,
Макы, макы маковочкы,
Золотыи верховочки,
Постойте, дивчата,
Як мак на гори.

Тут хороводница спрашивает: «Чы сиялы мак?» — хор: «Тильки землю оралы». Поют ту ж песню и повторяют ее после каждого ответа. Вот вопросы и ответы на них:

— Чы сиялы мак?
— Сиялы.
— А чы зийшов мак?
— Зходыть.
— А чы зацвив мак?
— Цвите.
— А чи оцвив мак?
— Оцвива.
— А чы поспив мак?
— Поспив.

Дурачка схватывают, встряхивают, толкают, скубут за чуба и проч.

ДЕР-ДЕР. Это игра мальчишек; вбивают кол на дворе, двух мальчишек привязывают за правую ногу к колу так, чтоб они были шагов на 30 от кола и могли бы вокруг бегать; одному дают трещотку, а другому жгут; обоим завязывают глаза. Первый трещит и старается убежать от жгута; второй, слыша звук трещотки, старается ударить первого.

ГОРЕЛКИ, знаменитые во всей Руси, в ходу и в Малороссии.

ПАЦИ — то же, что русские *бабки*.

ЛАПТА — на всех великороссийских условиях; так же ЖГУТЫ, или ДЖГУТЫ, НОСКИ, а равно и КУЛАЧНЫЙ БОЙ, каждому известны; эти игры принадлежат единственно мужчинам; последняя,

т. е. кулачный бой, происходит у нас на Тройцын день иногда *один на один*, иногда *стена на стену*, иногда *село на село*. Лет тридцать пять тому назад бой один на один я несколько раз видел в селе Рудовке Прилуцкого уезда; стена на стену я видел в 1844 году в м. Ичне Борзенского уезда; село на село я видел несколько раз между селами Сокирынцы и Калюжинцы Прилуцкого уезда в 1848 году; мне рассказывали, этот бой очень был занимателен.

ПОВЕРЬЯ И СУЕВЕРИЯ ОТДЕЛЬНЫЕ

Перейдем к отдельным поверьям.

Медведи были люди, жили в лесу; угрюмые, негостеприимные, они не хотели знаться ни с кем. Зашел к ним благочестивый монах, прошел все село вдоль и поперек, просил приюта, никто дверей ему не отпер. Он проклял их, они стали медведями.

Лицо, которое видим мы в месяце,— это Каин.

Ласточки крали гвозди у жидов, когда они распинали Спасителя, и потому грех выгонять из-под кровель и беспокоить ласточек.

Белемниты, находимые в песчаной почве,— это громовая стрела.

Но домовые, ведьмы, русалки, вовкулаки играют величайшую роль у нас в краю.

Начнем с *домовых*. Они живут в домах; бывают злые и добрые; имеют большое влияние на хозяйство. Их не только не должно бранить, но даже не должно против ночи говорить о них. Если домовой не полюбит хозяина или кого-нибудь в семействе, то делает неприятности, ходит и стучит по чердаку, беспокоит детей в колыбели, пугает взрослых, не дает спать хозяйке и хозяину, наконец, без дальних церемоний душит каждую ночь и, не давая перекреститься, перестает душить только тогда, когда петухи запоют.

Есть разные домовые: одни живут в старых винокурнях, другие в развалинах или в неосвященных домах; но конюшенные домовые и мельничные проказят пуще всех.

Конюшенные запутывают гривы лошадям, по ночам на них ездят: нередко поутру рано вы находите которую-нибудь из ваших лошадей в поту; не думайте, чтоб это кто-нибудь, тайно увев ее из конюши, ездил на ней. Нет, это домовой. Один кавалерист рассказывает, будто бы он поймал на голове коня ночью зверка ласточку, которая, сидя между ушами, щекотала морду коня; это несправедливо, это домовой принял образ ласточки. Лучше всего держать на конюшне белого «цапа» (козла): это враг домовых.

Мельничные домовые стучат, кричат, бросают камнями из окон и в окны; к мельничным в гости любят сходиться и другие домовые.

Нередко домовые надоедают шалостями хозяевам до того, что

эти принуждены перейти жить на другое место. Но добрый домовой, когда он любит хозяина и его семью,— это находка, сокровище, клад. Он кормит и холит хозяйских лошадей; он любуется хозяйской дочерью, как своим дитятью, он к ней насылает женихов; самому хозяину отовсюду и беспрестанно сыплются деньги.

Домовой мохнат; на нем шерсть влажная; любит принимать на себя образ человека и чаще всего встречается в виде трубочиста.

Упырь — дело другое; он всегда зол; он родится от чорта и ведьмы или от ведьмы и вовкулака. Живет он злым человеком. В первом десятилетии нынешнего века закрасили знаменитую легенду об упыре на стене Троицкого собора в Чернигове. Не хочу назвать фамилию, которую, по этой легенде, носил при жизни упырь; он был очень богат и еще более скуп. Его хотели избрать в гетманы; князь Голицын, участник дел и верный слуга царевны Софьи Алексеевны, потребовал с упыря взятку, с тем что доставит ему гетманство, упырь не дал взятки; Мазепа, Иван Степанович, человек смышленый, любивший деньги, но знавший их употреблять, короче мой прадедушка, занял у упыря сумму, которой желал кн. Голицын; тотчас же он стал гетманом и из войсковой казны возвратил упырю деньги; вот в этом он мне не прадедушка: я бы или возвратил деньги эти из доходов с моих имений, или вовсе бы не возвратил их упырю. Как бы то ни было, упырь, по народному преданию, был злой человек. Все скряги вообще по характеру мерзавцы; это вещь давно признанная. Упырь ел скоромное в Страстную пятницу; таскал к себе дочерей и жен крестьян своих; самих крестьян одевал в медвежьи меха и травил меделянами; наконец умер. Его похоронили в Троицком монастыре. На другой день увидели, что он едет на шестерке вороных по красному мосту; кучер, форейтор, лакеи и три собеседника в карете были черти. Молва разнеслась, сделано было проклятие, упырь с поездом провалился в Стрижень; немедленно открыли гроб; нашли упыря красносиним, с открытыми глазами; его пробили осиновым колом. Все это происшествие было написано масляными красками на стене собора.

Упыри не гниют в гробах, они по ночам выходят и, из спящих высасывая кровь, засасывают их до смерти.

Вовкулаки бегают по ночам в виде волков. Они злы и хищны, как волки, имеют любовные интриги с ведьмами, и, как мы сказали выше, их дети — упыри.

Оставим ведьм наперед; мы ими заключим наши рассказы о существах сверхъестественных; мы только вскользь упомянули о русалках; мы говорили о них только в отношении к Зеленой неделе; опишем эти существа — сколько прелестные, столько и опасные. Как не вспомнить здесь эти звуки:

Сидит он час, сидит другой,
Вдруг шум в волнах притих

И влажною всплыла главой
Красавица из них.

Как, вспомня их, не вздрогнуть? как не вспомнить и этих, никем почти не замеченных:

Черны косы, рассыпаяся,
С обнаженных плеч бегут;
По волнам перегибаяся,
Вслед за девами плывут.
Грудь высокая колышется
Сладострастно между вод,—
Перед ней волна утишится
И задумчиво пройдет.

Русалки, водяные красавицы; ночью при луне они выходят на берег озер, рек, ручьев, нагие, в венках из осоки и древесных ветвей; они садятся на траве, расчесывают косы или хороводы ведут. Иногда они скрываются в кустах, в траве; всего чаще их вызывает на землю заря. На заре девушки наши идут к реке за водой; притаясь за деревьями, русалки их ждут; беда неосторожной, которая забыла взять с собой полынь или *любысток* — т. е. зорю. Русалка бросается на дивчыну, спрашивает у ней: «полынь или петрушка?» Если та ответит «полынь» русалка убежит; если же «петрушка» водяная красавица защекочет до смерти земную и увлечет ее в реку. При слове «полынь» русалка обыкновенно с досадой отвечает: *«Сама ты згынь»*. А если она к мужчине обращается, то *«Сам ты згинь, ты не мий!»* На слово «петрушка» русалка говорит: «ты моя душка!» и потом щекочет. Нельзя знать наверно, каковы подводные жилища этих красавиц. Одни думают, что они живут там в гнездах, свитых из соломы и перьев, украденных ими в селе у поселян на Зеленой неделе. Другие полагают, что в подводных дворцах у них, построенных из морских раковин, блещут жемчуга, яхонты, серебро и коралл.

Ах, если б знал, как рыбкой жить
Привольно в глубине,
Не стал бы ты себя томить
На знойной вышине.

Такая песня «манит, влечет» и в воду покупаться, и к тому, кто спел ее; я не говорю о Краевском, Панаеве и Некрасове, которых ничто прекрасное не увлечет к себе из типографии, где тискают они свои журналы.

У русалок по дну, усеянному разноцветными раковинами, катятся ручьи изумрудные и падают водопадами над хрустальными чертогами.

Русалки прелестны собой; они бледны, но черты лица восхитительны, стан волшебный, косы ниже колен. Солнце просвечивает сквозь воду в их волшебные жилища; месяц и звезды вызывают их на берег. На Тройцын день они выходят в лес; там целую неделю

они качаются по ветвям дерев, поют, играют, бегают по берегам рек и озер, катаются по росистой траве. Накануне Духова дня бегают во ржи, хлопают в ладоши, хохочут.

Однакож они бедняжки: в Духов и Тройцын день просят себе св. крещения; многие слышали голос и слова песни:

Мене маты народыла,
Нехрещену положыла.

Откуда шел этот голос — неизвестно; но сам здравый смысл говорит нам, что это русалки некрещеные поют.

Тогда истинный христианин должен сказать: «Иван да Марья! Хрещаю тебе во имя Отца и Сына и св. Духа!» Душа некрещеного младенца переносится в рай; но если до семилетнего возраста никто не нашелся вымолвить эти слова, младенец превращается в русалку. Утопленницы тоже превращаются в русалок, но их можно отличить по длинным зеленым волосам, с которых беспрерывно струится вода.

Многие из наших малороссиянок, купаясь под лотоками мельниц, видали, как русалки, сидя на вертящемся мельничном колесе, чесали себе волосы, с хохотом кидались с колеса в воду, шутя вертелись с ним и ныряли под мельницу с криком: куку!

Русские русалки, по словам г-на Сахарова, поют таинственную песню, которая так начинается:

Шивда, винза, каланда, виногама,
Ийда, ийда, акумалима, битама,
Нуффаша, зинзама, охуто ми,
Копоцо, копоцам, копоцама,
Ябудалла, викгаза, мейда,

Ио, Иа, о ио, иа цок, ио, иа, паццо, ио, иа, папаццо,
Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац.

Я полагаю, что наши малороссийские русалки этого не поют. Пятый стих немножко неблагопристоен, а седьмым наши малороссиянки кличут свиней; но зато русалки малороссийские любят задавать загадки. Если одна из них спросит вас: *«Ой, що росте без кореня?»* — отвечайте: *камень*. По-линнеевски говоря: lapides crescunt. *«Ой, що цвите, да без цвиту?»* — отвечайте: *папороть*. По-линнеевски говоря: filix. Если вы не будете отвечать, русалка вас защекочет.

По мне, все хорошенькие малороссиянки и великороссиянки, когда они купаются,— русалки. Они влекут вас в воду голосом, наружностью, не дотрагиваясь до вас, щекочут вас, и можно с восторгом для них утопиться.

Обратимся к *ведьмам,* которые в сравнении с русалками то же, что в сравнении с Жуковским — К . . . . . . Впрочем, в

Малороссии есть ведьмы и в мужеском роде: это *ведьмаки;* они, по счастью, очень редки.

Ведьма, во-первых, имеет хвост; это главный признак, по которому она узнается. По несчастью, этот признак увидеть довольно затруднительно. Случалось поймать иную ведьму; коль скоро начиналась с нею расправа, необходимая в таких случаях, оказывалось, что она не ведьма, а самозванка.

Ведьмы ходят в длинных рубахах, распустя волосы; они доят до крови коров, превращаются в клубок, в кошку, в различные и бесчисленные фантастические образы. Я помню, как в детстве моем рассказывал мне дядька мой о своей встрече с ведьмою. Он взял с барской конюшни лошадь тайком, с тем чтобы за ночь съездить из села Туровки в село Рудовку в наш тамошний господский двор и обратно. По каким делам ехал он туда, это дело постороннее. Он отъехал версту, другую, вдруг видит море перед собою; море там, где даже и лужи не бывало; испуганный, он понял тотчас, что ведьма разлилась водою; он назад, море за ним, лошадь, в свою очередь, испуганная, скачет, как не тронется грудью к земле, и только у села море оставило его, чуть не нагнало. Бывают такие же случаи.

В сказаниях г-на Сахарова списаны три песни ведьм на Лысой горе, на обыкновенном шабаше и на шабаше роковом.

Ведьмы изгоняются травой плакуном. Главные собранья их бывают в Киеве, на Лысой горе, в Ивановскую ночь: они со всей Малороссии улетают туда через трубу печи *(комын)* на помеле или вилках или *лушпе*, но сперва для этого натираются подмышками отваром ведемских трав и в особенности отваром *тырлыча.*

Поверья в *мертвецов,* возвращающихся к женам своим, навещающих родных, знакомых и хозяйство,— это поверья общие, принадлежащие всем народам в древности и в наши времена. Их существование понятно. Потеря любимого человека, разлука с ним навсегда, пустота в жилище и в обществе, которую он оставляет по себе на некоторое время,— все располагает и сердце и ум к вере, что он навещает нас, что он не совсем покинул мир. Это поверье принадлежит и малороссиянам.

Декабря 7-го в 1848 году пришел ко мне приходской священник и просил меня, чтобы я приказал расследовать, кто разрывает каждую ночь могилу войта, умершего от холеры в сентябре. Я спросил, не собака ли, если войт имел любимую собаку. Мне сказали, что войт действительно имел собаку, которая была к нему очень привязана, но что эта собака постоянно ночует в дворе у хозяйки своей. Я приказал тайно ставить достаточное количество сторожей и схватить шалуна, который тревожит село. Разошелся ли слух об этом приказании или 15-градусные морозы тому причиною, только разрытие могилы прекратилось. Но во всем селе заговорили, что покойник приходит к жене своей, шумит, стучит, разрывает кровлю, мучит скот и лошадей. Этого не довольно: жена жаловалась, что муж

действительно ее посещает и просила священника сотворить молитву над могилою.

Но, как я сказал о ведемских травах, то должно упомянуть о травнике колдунов, ведьм и знахарей.

ЗНАХАРСКАЯ БОТАНИКА

ПЛАКУН собирается на утренней заре в Иванов день; его корень выкапывается без заступа и без ножа. Он изгоняет домовых, ведьм и нечистую силу, стерегущую клады.

ПАПОРОТНИК собирается против Иванова дня; этой травы нужен цвет. Но он цветет только в полночь и охраняем нечистою силою. В глухую полночь показывается почка цветка, эта почка движется и прыгает, с каждым мгновением увеличивается, принимает цвет раскаленного угля, ровно в 12 часов с треском развертывается и пламенным цветом все освещает вокруг, но в то же самое мгновение нечистая сила срывает его. Итак, кто хочет его добыть, должен идти с вечера в лес, отыскать куст папоротника, стать возле, очертить себя и траву. Когда нечистая сила станет звать или пугать, заговорит иногда голосом родни, невесты, не должно оборачиваться, оглядываться. Кто оглянется, у того голова так и останется, а иногда еще и задушит. Кто сорвал цветок, тому бояться уж нечего; он отыскивает клады, может стать невидимкою, владеет землею, водою и даже нечистою силою. Стоит подбросить цветок вверх, и если он будет носиться звездою над каким-нибудь местом, потом прямо на землю упадет, смело начинайте рыть: под тем местом клад.

ПРЫКРЫТ, эта трава употребляется против свадебных наговоров; ее собирают с 15 августа по 1 октября, т. е. между первой Пречистою и Покрова.

НЕЧУЙ-ВИТЕР растет зимой по берегам рек и озер. Его собирают с 31 декабря на 1 января, в полночь. Зрячие не могут его находить; для этого надобно просить слепых, они чувствуют присутствие этой травы, приближение к ней им глаза колет. Она полезна при переправах чрез реки и рыбалкам.

СОН-ТРАВА; темноголубой цветок ее распускается в апреле. В 1829 году в телеграфе и в 1832 году особенной книжкою я издал описание почти всех этих трав в стихах. Цветок сон-трава должно класть под подушку, и что приснится, то сбудется.

ТЫРЛЫЧ растет и собирается только в Киеве, пред Ивановым днем, на Лысой горе; но как в эту ночь все ведьмы туда слетаются, то из партикулярных людей только тот может иметь тырлыч, кто прежде добыл плакун.

РАЗРЫВ; эта трава разрывает всякий металл в мелкие куски; замки подземельев, оберегаемые нечистою силой, могут быть отперты только разрывом. Но эта трава необыкновенно редка, и сами

знахари очень дорого за нее платят. Кто имеет плакун и папоротник, тот может найти и разрыв.

У ОСЫКИ оттого лист дрожит, что, продавши Христа, Иуда на ней удавился. С тех пор этим деревом, затесав из него кол, полезно упырей пробивать, если они выходят из гробов мучить живых.

Есть травы у нас в Малороссии, которые превращены в злак из людей; например: василек, суапеп или Иван-да-Марья.

ВАСИЛЕК, не душистый, а самородный растет на полях пахотных и наиболее во ржи, называемый у нас «волошки»; это молодой человек, прекрасный собой, один сын у матери, которого красавица русалка приманила на Тройцын день в поле, защекотала и превратила в цветок.

ИВАН-ДА-МАРЬЯ, melampyrum nemorosum, описан в следующей народной песне:

Край долыны глыбокий
Стояв терем высокий;
Из-под того терема
Выходила удова;
Выходила удова
Чорнобрива, молода,
Чорнобрива, молода!
Повирь меду и вына.
Я ж на виру не продам,
Бо на тоби жупан дран;
Хоть на мени жупан дран,
Под жупаном злат гаман.
Колы кажеш — злат гаман,
Я за тебе дочку дам;
Ой, хоч дочку не дочку —
Вирнесеньку наймычку.
В суботоньку змовлялы,
В недилоньку звинчалы.
Сталы воны винчаться,
Сталы воны й пытаться:
Козаченьку молодый,
Видкиля ты родоньком?
— Я з Киева, Йваненко,
По прозвыщу Войтенко.
— Дивчынонько молода,
Видкиля ты родоньком?
— Я з Киева, Йванывна,
По прозвыщу Войтывна.—
Який тепер свит настав,
Що брат сестры не пизнав!
Яки й попы насталы:
Сестру з братом звинчалы!
— Ходим, сестро, в темный лис,
Нехай же нас звирь изийсть».
— Ходим, брате, до бору,
Станем зильем, травою:
Ой, ты станеш жовтый цвит,
А я стану сыний цвит;
Хто цвиточка увирве,
Сестру з братом спомяне.

Барвинок, душистый василек, гвоздика — все имеет свое назначение.[7] Но одно из прелестных поэтических преданий, переданное мне молоденькою крестьянкою,— это «сочетанье душ».

Однажды я спросил у нее, почему она отказала такому-то жениху. Она отвечала: он вдовец. Так что же? «На том свете жена его у меня его отнимет; они любились». «А если б ты была вдова?» «Вышла б, а на том свете мы б разменялись». И вот причина, что холостые здесь неохотно вступают в брат с овдовелыми.

Множество секретов есть от болезней и чар. Знахари и знахарки наиболее лечат от соняшницы, сглазу, грызи, размывки, зубов, змей, переполоху и куриной слепоты. Так же надобно уметь откручивать закрутки, ловить змей, гасить пожар.[8]

БОЛЕЗНИ ОСОБЕННОГО РОДА И ЛЕЧЕНЬЯ ИХ [9]

СОНЯШНЫЦЯ, боль в желудке. Ее лечат таким образом: больному на живот ставят миску воды и три штофа; зажигают паклю пеньковую на животе; после этого кружку ставят в миску и начинают заговоры, которых не слышно, потому что больной ужасно кричит.

СГЛАЗ; эта болезнь происходит от дурного глаза, который на вас посмотрел; она еще называется *уроки*. Против этой болезни берут воды никем не питой и не отведанной, вынимают из печи три уголька, достают *четверговой* соли; все это кладут в стакан, дуют над ним три раза, плюют три раза в сторону; нечаянно сбрызгивают больного три раза; дают хлебнуть три раза; вытирают грудь против сердца, заставляют рубашкой обтереть лицо, остальную воду выливают под притолоку.

Иногда от сглазу употребляют заговор следующий: *«Помогаеш, вода явленна, очыщаеш, вода явленна, и луги, и береги, и середыну. Очыщай ты, вода явленна, от презора прыдуманна, погаданна и встричена, и водяного, и витряного, и жиноцького, и мужыцького, и дивоцького, и парубицького; пойдить вы, уроки, на сороки, на луги, на очереты, на болота, на моря»*.

Прошептавши это, дают больному напиться святой воды, преимущественно крещенской.

Вот и еще заговор от сглазу: *«У моря калына, пид калыною дивчина; вона не знала ни шыты, ни прясты, ни золотом гаптоваты; тильки умила и знала от раба Божого (имя) уроки и презоры выклыкаты й вызываты, на сухыи лиса посылаты. Уроки, урочища, чоловичи й жиночи, парубочи й дивочи, хлопячи, дивчачи й дытячи, вам уроки, урочища у раба Божого (имя) не стояты, жовтои кости не ломаты, червонои крови не пыты, серця иого не нудыты, билого тила не сушыты; вам иты на мха, на темны луги, на густы очерета, на сухы лиса»*.

Детей при рождении должно принимать со следующими предосторожностями.

Нареченная кума должна взять уголь из печки, идти с ним на перекресток и перебросить его через себя; это предохранительное средство от сглазу. Возвратясь, она берет дитя, кум берет хлеб и водку в гостинцы священнику; от священника идут оба они в церковь; окрестивши младенца, они идут к родильнице; на пороге встречают их бабка и кто-нибудь из мужчин; всех их, кроме младенца, должно быть четверо; они друг с другом поцалуются, тут кума скажет: *«Вы далы нам роженого, а мы вам молытвеного й крещеного»*; бабка принимает дитя, кладет его на черный овечий тулуп, чтоб у него скот водился; потом относит его к матери и идет обедать со всем обществом. Первые куски со своей тарелки кума отправляет к родильнице; баба подает узвар из груш, ей за это кладут деньги; у кого нет денег, тот говорит: *«Я завтра, бабусю, прыду до вас петрушку полоть»*. После узвара кума подносит водку, и ей кладут на поднос деньги; после обеда эти деньги высыпают на колени родильницы.

На другой день приносят ведро воды; бабка починает его: наливает в кувшин, всыпает туда ржи, овса и проса; на пол кладет топор обухом вниз, острием вверх; кладет на него венок из трав, наступает тихонько на острие; потом подымает топор три раза, насекает венок и сквозь этот венок из кувшина подает родильнице умыться. Спустивши воду с руки по локтю и приняв ее в другую руку, родильница из горсти прежде правой, потом левой напьется; потом ей потрут этою водой крестообразно грудь для прибавления молока и подадут полотенце, чтоб отереться. Тогда родильница садится за стол вместе с мужем; бабке подают хлеб, соль и водку; потом дают ей денег, она покупает водки и угощает всех от себя. Эта церемония называется *размывки*. Родильница и бабка очищаются от всего нечистого посредством воды; младенца же, равно как и родильницу, предохраняет от сглазу венок.[10]

ГРЫЗЬ, лом в руках или ногах. Ее лечат следующим лекарством: призывают мальчика или девочку — первенца или последнерожденного, т. е. познихырочку; дают этому ребенку кусать слегка больную ногу или руку за локоть или за колено; после каждого укушения должен ребенок плюнуть; болезнь тотчас пройдет.

УКУШЕНИЕ ЗМЕИ; это лечат заговором:

«Заклинаю вас, гадюкы, именем Господа нашего Иисуса Христа и св. великомученыка и побидоносця Георгия и всимы небесными сыламы. Заклынаю тры царыци: Куфию, Невию и Полию, щоб не вредылы (с т а р ц у и л и м л а д е н ц у п о и м е н и) волосом (ц в е т в о л о с)». Потом читают молитву: «Пресвятую Тройцу» пять раз и «Отче наш» семь раз; если змея очень ядовита, то читают заговор три раза.

ЗУБНАЯ БОЛЬ; от нее есть заговоры предостерегательные и

заговоры излечающие. Начнем с предостерегательного: *Тоби, мисяцю, сповни; мени на здоровье. Тоби, мисяцю, насвитытыся, мени по свыту надывытыся, добре находытыся».*

Это говорится к молодому месяцу, увидевши его в первый раз и с правой стороны. А вот излечающе: *«Мисяць у неби, мертвець у гроби, каминь у мори; як тры браты докупы зберуться и будуть бенкет робыты, тоди у мене зубы будуть болиты»; «Ты, мисяцю, Адаме, молодык! пытай ты мертвых и живых: у мертвого зубы не болять? у мертвого зубы николы не болять, кости задубилы, зубы занимилы; николы не будуть болить. Даруй, Господы, щоб у мене, раба Божого нарожоного, молытвеного, крещеного (и м я) зубы занимилы, николы не болилы (т р и р а з а п о в т о р и т ь)».*

КУРЫНА СЛИПОТА, hemeralopiam; человек не видит ничего по захождении солнца; этой болезни родня деготь. Надобно нагнуться над мазницею и просить деготь, чтоб он отозвал куриную слепоту, или померять ниткой страстную свечу, сжечь нитку и напиться воды, смешанной с золою нитки.

ПЕРЕПОЛОХ, болезнь, происходящая от испуга. От этой болезни зажигают страстную или обручальную свечу; ставят миску с водою и на свече льют олово в воду; пар, подымающийся в это время из воды, есть нечистая сила, бегущая от больного.

РАНЫ лечат колосьями тростника, называемыми «куныця». Пережигают, стирают в порошок и засыпают раны.

ИСПУГ детский животным или птицею лечится шерстью или перьями того животного: ими окуривают больного.

НАРЫВЫ излечаются прикладываньем заячьего меха, намазанного сметаною по шерсти.

ПОНОС — пережженным маком, посыпанным на ломоть хлеба.

ЛИХОРАДКА — горькими травами, заговорами, а в Кременчугском уезде следующим образом: должно разрезать грецкий орех пополам, вынуть зерно, посадить в скорлупу большого паука, сложить половинки вместе, залепить их воском, связать накрест ниткою и надеть больному на шею.

БОЯЗНЬ ГРОМА излечается хлебом, на котором есть цвель: надобно есть этот хлеб во время грозы.

В других болезнях очень полезны травы: петрив батиг (цикория), шевлия (шалфей), конвалия, любысток, чабрець и просерень.

Тайны — *п о ж а р г а с и т ь, р а с к р у ч и в а т ь з а к р у т к и и л о в и т ь з м е й* — принадлежат немногим, но в числе немногих и мне.

Когда уж начнет глотать жабу, схватите левою рукою ужа под жабры, а правою с помощью палочки избавьте жабу от смерти. С этой палочкой обойдите загоревшийся дом, и пожар погаснет.

Закрутку уничтожить гораздо труднее. Тут уж нечистая сила действительно замешана. Закрутку делает дурной и злой сосед по ненависти к соседу; он завивает колосья ржи на соседней ниве,

загинает колосья концами от солнца и делает завязку. Семейство хозяина в ужасе; если он съест хлеб с этой нивы — неминуемая гибель постигнет его и всю его семью.

Тотчас надобно запречь в телегу неезженную лошадь, взять подстилку из свиного логва, положить на телегу и скакать на ниву во весь дух; этою подстилкою должно накрыть закрутку, но с предосторожностью, не дотрагиваясь рукой до закрутки и до ее стеблей, не то опять беда. Сделавши это, опять скакать во весь опор домой и не оглядываться; в противном случае нечистая сила свернет голову на сторону. Приехав домой, запречь лошадь поезженную, набрать в телегу конского навозу и ехать в поле, пожалуй, хоть рысью, хоть шажком. Этим навозом обложить корни стеблей, на которых сделана закрутка.

Ловля змей — другое дело; насчет этого следовало бы сделать опыт; что, впрочем, весьма легко. Здесь чисто тайна природы, переходившая из рода в род, быть может, в продолжение веков, и ныне открытая. Но должно ее изверить, чтоб убедиться в ней. Вымыть платье в щелоке из ясеневой золы, напрыскаться отваром коры, листьев, стружек ясеневых; натереть тем же отваром руки и подходить смело к змее; она теряет способность кусать, становится почти неподвижною, вздрагивает, жмется к земле при вашем приближении. И наконец, если вы станете ее трогать, она издохнет. Капнуть на нее ясеневою настойкою — она 5 минут не переживет; от укушения змеи мазать деревянным маслом ранки и обмывать их ясеневою настойкою.

Теперь должно сказать о приметах по животным.

ПРИМЕТЫ ПО ЖИВОТНЫМ

Если **дятел** долбит стену дома, это не насекомых, не шашели он ищет; он предсказывает хозяину смерть.

Если **тараканы** вдруг оставляют избу, в которой они долго жили, будет в ней пожар.

Если **филин** кричит на доме, кто-нибудь в нем умрет.

Если **собаки** воют под окнами или роют посреди двора ямы, это значит, что опять кто-нибудь умрет. Если собаки сев, как они садятся обыкновенно, станут ездить по полу — будут гости.

Если **кот,** полизав свою лапу, умывает ею морду — будут гости.

Если **мыши** появляются в большом количестве в домах — будет холод; если же в гумнах — будет голод.

Если **конь,** выезжая со двора, станет упираться или спотыкнется — будет неудача.

Если **кукушка** в первый раз кричит и в это время есть у вас в кармане деньги, то какие есть, такого сорта будут и вестись целый год.

Если **аисты** улетают из двора неожиданно и не возвращаются в гнезда, то или будет пожар, или двор запустеет.

Если **курица** запоет петухом, то произойдет что-нибудь необыкновенное; но это очень редко случается.

ЛЮБОЩИ

Любощи составляют одно из самых интересных поверьев; это поверье у всех народов есть и никогда не истребится, потому что любовь есть и всегда будет у всех народов. Страсть пылкая, жгучая, не вознагражденная взаимностью, омрачает ум и заставляет верить всему, что может подать хоть малую надежду на блаженство, выше которого на земле нет.

Часто это желанье нравиться основано на расчетах интереса. В том и другом случае средства одни: должно прибегнуть к любощам.

Мне рассказывал один приятель, человек очень верный, следующий случай: родной дядя и лучший друг его был нездоров; служанка, очень хорошенькая, терла ему ноги; сам он сидел возле больного на кровати. Еще накануне заметил он, что девушка что-то тайком положила под голову его благодетеля; он не решался, однакож, иначе ему донести о том, как поймав «чаровницу» на деле. Весьма ловко, перед самою тою минутою, когда должно было начать трение ног больному, она мгновенно выхватила что-то из-за пазухи и начала этим тереть ноги господина; не менее ловко молодой человек схватил ее за руку под одеялом, открыл одеяло и, сжав руку девушки, притянул ее к больному. В руке нашлась какая-то лепешка; вслед за тем из-под подушки вытащили какие-то травы, локон волос этой девушки, уголек и проч. Делать было нечего, должно было признаться: она хотела *«до себе пана прывернуть»*. Разумеется, что ключница, довольно строгая, как все ключницы обыкновенно, и довольно скупая, на этот раз очень щедро подарила ее уроком против любощей.

В старину эти любощи были в большом употреблении; в особенности должно было остерегаться от них господам. Желанье быть любовницею барина, им овладеть и потом властвовать над всеми своими равными увлекало служанок употреблять знахарские тайны. Но иногда нельзя дойти до барина: никакой связи с ним нет и разве только жалобу или просьбу можно ему принести; что же тогда делать? И на это есть средство: лет за сорок пять тому назад у моего деда в доме жила служанка бабки моей, тогда уже покойницы. Необыкновенно злая, интриганка, сплетница, ненавидимая всею дворнею, она не имела случая даже приблизиться к деду моему. Напрасно она старалась обратить на себя его внимание то встречами с ним, то лишними поклонами; он даже не замечал ее. Она прибег-

нула к какому-то знахарю, вследствие чего дождалась первой ясной ночи во время полнолуния и, полагая, что в дворе спят, разделась совершенно, стала против окон спальни моего деда, в которой огни были погашены. Тут, распустя косу и раскинув руки по воздуху, она начала кружиться, сколько сил, под месяцем. Дед мой стоял у окна и видел всю проделку; он послал камердинера, который подкрался и схватил волшебницу; другой человек был послан к дворецкому, а этот, с помощью ливрейных, недалеко откладывая, тут же под месяцем дал ей довольно чувствительное наставление, которого содержание она всегда помнила. Она уже была старухой, свободной, и злее, чем когда-нибудь; мне было шестнадцать лет. Окончив курс ученья, я приехал из Петербурга в Малороссию; мне рассказали подробности жизни этой старухи, к которой я имел непреоборимую антипатию, и я не мог встретить ее, не спросив: что с нею говорил дворецкий покойного дедушки моего перед спальнею в полнолуние. Разумеется, что на вопрос она отвечала ужасными ругательствами.

Впрочем, здесь действовала только страсть к интересу; страсть истинной, несчастной любви увлекала иных до того, что они не боялись давать жестокому предмету любви любощи внутрь. Последствия так хорошо описаны в одной из наших простонародных песен, что я вместо описания прилагаю песню.

Не ходы, Грыцю, на вечорныци,
Бо на вечорницях усе чаровныци.

СВАДЬБЫ [11]

Обряд 1-й

Сын приходит к отцу и кланяется ему в ноги: *«Тату, позволте мени женытыся!» «Боже тебе благослови!»* — отвечает отец, дает ему паляницю или буханець и говорит: *«Пиды ж попросы в старосты, кого знаеш, и ступай, куда тоби вгодно. Про мене, сынку, хоч свынку, абы на мене не рохкала».*

Молодой избирает старост, приносит полкварты горелки; отец, мать, старосты и молодой пьют *могорыч;* молодой берет большой хлеб на поклон отцу невесты и ведет старост, куда знает. Старосты входят в избу; жених остается где-нибудь в скрытном месте. В избе старосты кланяются хозяину хлебом и этот хлеб кладут на стол. Хозяин говорит: *«Сядьте у мене!»* Усевшись на скамьях, после минутного молчания старосты говорят хозяину: *«Що ж, свату, мы до тебе прышлы не сыдить, а говорыть и сватать дивкы за Андрия Юрковыча Чарнышенка». «Я сей год не намирен отдавать; у мене нема ничего изготовленого, щоб свадьбу гулять». «Що ж, свату, тоби ейи довику не держать, а треба оддавать; нам вашого хлиба й достатку не щытать; а кажеться, за сього хлопця можно оддать».*

«Э, добры люде, вам то кажеться, що можно, а мени й не можно. У мене тепер и хлиба нема, й горилки ни за що купыть; я сього не ожидав». «Сього у нас николы немае, а як прыдеться, то щоб було!» «Що ж, добры люде! я не знаю, як йих любов; позовить, що вона скаже?»

Из двух старост один старший, другой младший. Старший староста говорит младшему: *«Добре, пийды, старосто меньший, поищы ейи».* Младший староста идет к невесте, берет ее и приводит к отцу. Она должна стать возле печи, *у комына.* Она говорит отцу: *«Я парубку ганьбы не даю и замуж не пойду».* Отец и мать начинают ее бранить: *«Нащо ж ты, суча дочко, старостив нам навела, а нас и не пыталась?» «Хиба я йим наказувала або за йимы посылала, щоб мене сваталы? Я сном и духом не знаю».*

Ее начинают уговаривать старосты: *«Що ж, дивчыно, так тоби не прожить, и батько й маты тебе не будуть при соби держать, а треба оддавать; то ты подумай и нас не воловодь; колы ты намирена — скажи одным словом и благословысь у батька й матери».*

Все молчат; это молчание довольно долго продолжается; его прерывает отец:

«Що ж ты, суча дочко, ничего не одвичаеш: чы ты согласна, чы ни? говоры, а людей не держи». «Що ж, тату й мамо, ваша воля оддавать и не оддавать, а мени у вас довику не жить».

Отец встает, проходит по хате взад и вперед, принимая вид задумчивости, потом обращается к дочери:

«Так, суча дочко! Сама сватаешся, а нам и не кажеш, а з чим ты пийдеш?.. Напряла? наткала? прыдбала?.. Чортового батька! а замуж рыгнеш!»

После довольно долгого молчания он обращается к старостам: *«Що ж, добри люды, уведить вашого молодого; що там такее? покажить на лыце: чы вы, може, прышлы насмияться тилькы?» «А як же то можно насмияться;* — отвечает староста,— *мы люды прохани не на смих, а казать дило; от вам позовем и молодого».* Потом говорит к младшему старосте: *«Пиды да позовы, де вин е».*

Жених входит, кланяется отцу и матери, целует их в руки; невеста, оборотясь лицом к печке, закрывает лицо, как будто стыдясь, т. е. *соромляется.* Отец ее говорит жениху: *«Ну, колы ты наш зять, прошу сисгы».* Потом невесте: *«А ты, дочко, колы його любыш, то шукай рушныки».*

Старший староста берет ее за руку, приводит к отцу и матери и говорит: *«Просы благословенья и кланяйся до ног тры раза».*

Дочь кланяется: *«Благословить, тату й мамо!» «Боже тебе благослови!»* — отвечают отец и мать. Молодая вносит старостам рушники, а жениху хустку кладет на тарелку и ставит перед ними на столе. Старосты берут рушники и перевязывают себя ими через правое плечо под левую руку, говоря: *«Спасыби свату й сваси*

й молодой княгыни, що вона вставала й рушныкы пряла старостам. Возьмы ж, батькова дочко, хустку, да пощупай у молодого ребра; ты за його йдеш, а у його, може, й ребра немае». Невеста берет хустку и затыкает ее жениху за пояс; старосты и жених кладут на тарелки по грошу и ставят полкварты горелки, т. е. могорыча. Им подают закуску: хлеб, соль, капусту, рыбку, что у кого есть. Закусивши, старосты прощаются и говорят отцу: *«Ну, свату, тепер просым до нас».* Потом, раскланявшись, уводят молодого.

Обряд 2-й

Отец и мать жениха на другой день приходят к отцу и матери невесты, т. е. к своим свату й сваси. Эти просят их сесть; кварта, а когда можно, и полведра горелки стоит на столе перед ними, они пируют и ведут обрядный разговор: *«Ну, сваты, вы мене знайте и на пидмогу горилки видра два дайте, а у мене багато не требуйте». «А що ж, свату, по нашым достаткам мени не треба ничого». «Э, ни-бо, брате свату! Так як у людей, щоб и в нас було. Ось ну лыш роспережыся да купы отсе, що мы будемо требоваты: ридному батьку полотна на сорочку, матери намытку, хрещеному батьку платок, родычам нашым десять хусток и хресной матери намытку; да щоб воны за твоею дочкою не сожалилы и очей не выбывалы, а нам за ней, для хустынкы не видцураться родынкы, то усе оддай». «Добре, свату! Що ж ты багацько так требуеш?» «А що ж, свату? Нам родни не видцураться; що треба, то що годыться». «Добре, свату, купить же й нашому роду дви пары чобит, панчохи й двадцать калачив, десять очипков, два аршына стьонжки; а молодую хоть и без очипка визьмить».* Кончив условие, сваты и свахи пьют могорыч вволю; закусывают салом, картофелем и проч., судя по состоянию и по постным или скоромным дням. Подгулявши, встают, благодарят Бога; отец и мать жениха просят свата и сваху своих к себе в гости.

Обряд 3-й

Отец и мать невесты приходят в дом к родителям жениха. Угощение происходит обыкновенное и, разумеется, с достаточным количеством горелки. В то же время невеста собирает по селу девушек, жених собирает парубков и идут к невесте в дом. Жених приносит горелки и приводит музыкантов, невеста приготовляет блины, пампушки и проч. Часа три идет у них пир, ужин и пляска.[12]

Обряд 4-й. КОРОВАЙ [13]

Собирают в дом жениха женщин делать коровай; они входят и спрашивают: *«Чи е в вас мука?» «Е»,*— отвечает *головатая маты.*

«Дак давайте ж!» Вносят муку двух сортов: пшеничную и ржаную. Коровайницы сеют и учиняют; когда взойдет тесто, они делают из пшеничной муки большой хлеб, а дно, т. е. нижнюю корку, дадут ему из ржаной; тогда коровайницы начинают петь:

Засвиты, Боже, из раю
Нашому короваю,
Щоб було выднесенько
Краяты дрибнесенько.

* * *

Ой, пийду я, погуляю,
Стану, подумаю:
Да чи мени воду браты,
Чи коровай, може, бгаты.

* * *

— Старша дружечко,
Подывысь в окошечко:
Чи высоко сонечко на неби?
Чи багато бояр надвори?
— Багато не багато, тильки з йих
Кращий Ивашко одо всих.
— Ой вы, бояре, ясные соколоньки,
Чом же вы до нас не рано прыихалы?
Чи вы, бояре, коныков добувалы?
Чи вы, бояре, жупанив позычалы?
— Ой вы, дружечки, сыви голубочки!
У нас коныки посидланы стоялы,
У нас жупаны побганы лежалы,
То у Ивасечка ласковый пан-отченько
Забарыв нас ласковыми словами,
Напував нас сладкыми медами,
Прохав нас прозьбою й грозьбою,
Щоб мы прывезли Марусеньку з собою.

* * *

Закувала зозуленька
У садочку,
Прыхылывшы головоньку
Ик лысточку:
Ой, не буде сад зымою
Зелениты,
Тилькы буде из-под снигу
Лыст чорниты,
А як буде да литечко
Да й тепленьке,
Дак и буде садовынка
Да й рясненька.
Заплакала дивчынонька
У свитлыци,
Прыхылывшы головоньку
До скамныци:
Ой, чи буде так у свекра,
Як у батька?
Ой, чи пустыть на юлыцю
Погуляты?

Лыхий свекор погуляты
Да не пустыть;
Ой, хоть пустыть молодую
Да й пригрустыть:
Иды, иды, дытя мое,
Не барыся,
У синечки, за дверечки
Да й верныся!
Увийшовши у свитлоньку,
Поклоныся:
Ой, спасыби, мий батеньку,
Погуляла,
У синечках, на дверечках
Постояла
И челядына у нычи
Не выдала.

* * *

Да Андрийкова маты
Да Андрийкова маты
Да по сонци ходить,
Да по сонци ходить
Да сусидочок просить
Да сусидочок просить.

Во время пения они лепят из муки пшеничной шишки и птички. Птички попарно прилепляют к хлебу, на минуту прерывая песню словами: *«Дай, Боже, щоб нашы диты в пари булы!»* Когда должно коровай садить в печь, тогда они зовут мужчину и дают ему прозванье *кучерявый*. Они говорят ему: *Кучерявый! выметы пич да посадыш наш коровай»*. Кучерявый выметает и после вместе с коровайницами поет:

Кучерявый пич вымитае (bis),
Вермянка в пич заглядае.
В щаслывому мисти
Короваю систы.

Посадивши коровай, он кричит: *«Жинки, до дижы!»* Женщины берут дежу, в которой творили коровай, носят ее по всей избе, подымают выше себя и бьют ею три раза в сволок, припевая вместе с кучерявым:

Ой, пич, пич на стовпах
Да дижу носят на руках,
Наша пече, наша пече,
Нам спечи коровай грече.

Потом говорят хором: *«Да целуйтеся, да милуйтеся, коровайницы»*. Коровайницы обнимают и целуют кучерявого, головата маты приносит закуску и горелку, сажает всех за стол, угощает, пока коровай спечется; встав из-за стола и Богу помолясь, вынимают из печи коровай, обертывают его длинным рушником и кладут на стол.

В это время подходят девушки, т. е. дружки, чтоб вильце вить; их впускают в избу.

Обряд 5-й. ВИЛЬЦЕ [14]

В назначенную для девич-вечера субботу в доме у невесты происходит следующее.

Поутру, в то время, когда коровай пекут, она ходит по селу, собирает подруг у дружки. Дружки поют:

Туда идут дружечки пышныи,
Несуть воны корогву як огонь,
А на тоей корогви листоньки,
То ж нашои Марусеньки мысленьки.

* * *

Ой, ходыла Марусенька по полю,
Ой, тисныи юлонки, тисныи;
Да плела винок с куколю
Да просыла матыньки просьбою.
Ой, хоть просы, доненьку, не просы,
До вечера виночок доносы,
А ввечери дружечкам отдасы.

* * *

Ой, поле, поле полечком,
Туды йихав Андриечко ковычком
Да ризав ризки з березки.
Бижы, бижы, коныченько, швыденько,
Тут наша Ганусенька близенько.

* * *

Ой, помалу, дружечки, идите,
Пылом не пылыте,
Щоб нашая пава
Пылом не припала,
Щоб нашая слава
По всем свиту стала.

* * *

Ой, город, город, городын,
Приехав Андриечко челядын,
На вороном кони,
В голубом жупане.

Подходя к избе жениха, дружки поют:

Застилайте столы,
Мостыте услоны,
Становить кубочки,
Недалеко дружечки.

* * *

Сяду, паду ластовкою
Перед синечкамы,
Перед своею матинкою
Из своимы дружечками.

Тут невеста входит с подругами в избу жениха, чтоб ему *вильце вить*.

Вот что значит вильце: молодой вырубливает сосенку, елочку,

5 1—1657

а за неимением — вишенку; но предпочитают деревья вечнозеленые: у меня в саду однажды вырубили для вильця молодой кедр! Признаюсь, что я не очень был рад свадьбе; лет пятнадцать уж прошло, и я не могу забыть этого. Итак, жених вырубит сосенку, пригласит к себе товарища или родственника и назовет *боярином*. Боярин вносит это деревцо в избу, дает ему названье — вильце и втыкает его в *великий хлиб*. Это не тот хлеб, который играет роль с начала свадьбы и на котором лежат три житних колоска и соль; хлеб лежит на столе. Молодая говорит: *«Старосто, пане подстаросто, благословить старшу квитку вильцю звыть!» «Боже, благословы!»* Молодая с дружками садится за стол, дружки поют:

Благословы, Боже,
Благословы, Боже,
Нам вилечко звыты,
Сей дом звеселиты;
Ой, мы вильце вылы
Да мы меду не пылы,
Да все тее пыво,
Зеленее выно.

Во время песни они вьют вильце; молодая подает им по чарке горелки, если нет меду; окончив дело, они встают и идут в дом молодой вить вильце таким же порядком и с тем же припевом и там. Вить вильце — значит вить венки из цветов, из калины или из разноцветных бумажных, когда нет натуральных, и увешивать букетами и увивать венками деревцо, т. е. вильце.

Обряд 6-й

В назначенную по условию и по возможностям субботу отец кличет жениха, кладет ему за пазуху паляницу и говорит: *«Пийды, сынку, попросы у дружки Степана и Грицька»*.

Сын приводит Степана и Грицка; отец просит их садиться и потчует горелкою, потом говорит:

«Услужить мому хлопцеви: сходить до свата, договориться з сватом, скильки треба поизду, за коня, за мисто й за квитку грошей, щоб зналы, з чым иты завтра до сватив».

Дружки отвечают: *«Так, батьку головатый! Ну, тепер давай нам хлиб и могорыч»*.

«Постойте, добры люде! а де стара? треба людей отправыты: а пийды, стара, да унесы пляшку горилкы, бо ты знаеш, що се дело важне, щоб нам очима не лупать; треба дать людям по чарци, бо им треба с своим делом справляться, а нич не стоить».

Дружко требует молодого; поклонясь отцу и матери, ставят *услон*, застилают его кожухом шерстью вверх; на нем садятся отец и мать и держат хлеб с куском соли и с тремя ржаными колосками, лежащими на хлебе.

Тогда дружко говорит: *«Старосто, пане подстаросто! Благословить молодого князя отцю и матери одклонить!» «Боже, благословы, дружко»*. Это требованье и ответ повторяются девять раз, или, выражаясь местным словом, *трычи по трычи, щоб було девять раз*. Дружко обвертывает свою руку хусткою, чтоб голою рукою не трогать молодого, потом берет его за голову, подводит к отцу и матери и пред ними наклоняет голову; это называется «одкланивае», с тем чтоб идти в путь к невесте; а между тем тотчас же кличет музыкантов: *«Веселы, веселы, веселы! скорий идить сюда!»*

Музыканты приходят и начинают играть, женщины поют:

Похилее дерево да ялына,
Покирнее дитяточко да Андрийко;
Отцю и матци у ниженьки поклонывся
И дрибными слизоньками да облывся.

Дружко откланивает молодого и ведет его за стол, говоря: *«Старосто, пане пидстаросто! Благословы молодого князя за стол завесты». «Боже, благословы!»* — отвечает староста. Дружко берет молодого за хустку и ведет его за стол. Женщины поют:

Ишов Андриечко на посад,
Стричае иого Господь сам,
Из долею щастливою,
Из доброю годыною.

Молодого обводит дружко вокруг стола три раза, сажает его на покути, садится сам возле него и говорит: *«Старосто, пане пидстаросто! Обыщы ты мени батька головатого або матир, чи не була б йих мылость нам по чарци горилки дать, бо мы хочем в Божу путь иты»*. Отец подходит и, поднесши каждому по чарке, ставит пляшку на стол и отходит. Дружко говорит: *«А що ж? Якбы ще и маты по одной дала на дорогу»*. Мать входит, потчует и потом обращается к мужу своему: *«Ну, старый, я не выновата, дала по чарци, и тепер, як хочеш, старый, одправляй людей»*.

Дружки встают, благодарят Бога, отца и мать, требуют у отца и матери пляшку горилки для свата на могорыч. Отец наливает полкварты или кварту в бутылку и отдает дружку. Этот говорит: *Старосто, пане пидстаросто!» «Рады слушать!»* — отвечает староста. *«Благословить в Божу путь пыйты». «Боже, благословы!»* Отец подает дружку буханець. Дружко говорит: *«А ходимо, уси прошеныи и непрошеныи, поклонытыся батькови от молодого»*.

Они идут к избе, где невеста живет; все останавливаются на дворе; одни дружки входят в избу, кланяются хозяевам хлебом и солью и говорят: *«Сват и сваха кланяются хлибом и солью и просят вас, якбы не гаять час: изыскать свое дитя и посадыть за столом, а мы ж йий и пару уведем». «Подождить!»* говорит отец невесты. Начинает ходить по избе то взад, то вперед, как будто с беспокойством, и потом посылает своих приятелей к невесте: *«Скажить, щоб вона сей час була, бо до мене люде прышлы, треба*

йим щось казать!» Приятели отыскивают и приводят девушку к отцу. Он обращается к ней.

«А що се ты, дочко, крыешся? Аже ж ты се сама завела; а через тебе и мени покою нема; щось сим людям да треба казать, що прышлы до нас; гей, хлопци, шукайте мени кожух да услын, то мы знайдем свий порядок; а ну, стара, де ты? готов дило, щоб нам всю нич людей не держать».

«А ну ж, батьку, сидайте да одклонить свое дытя!» — говорят приятели. *«Я, диты, зараз! Тильки шукайте брата молодой».*

Если она не имеет брата, то родственник или даже посторонний молодой человек принимает на себя роль брата. Его вводят; он говорит: *«Старосто, пане пидстаросто, благословить батькови й матери сестру одклоныть». «Боже, благословы!»* — отвечает староста. Это повторяется *трычи по трычи, щоб було девять раз.* Тут отклоняют невесту и зовут музыкантов, присланных молодым: *«Веселы, веселы, веселы! А йдить сюда! Грай, музыко!»*

Музыкант говорит: *«А нуте, дружки, спивайте голосом, що у молодого».* Дружки поют:

Похилее да дерево ялына,
Покирнее дитяточко Марусенька;
Отцю й матци у ниженьки поклонылась.
И дрибными слизонькамы да й облылась.

Брат просится в избу: *«Старосто, пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Благословить сестру за стыл завесты». «Боже, благословы».* Это все повторяется как и прежде: *трычи по трычи, щоб було девять раз.* Тут брат сестру заводит за стол, усаживает ее и садится возле. Видя, что жениха негде посадить, дружки просят, чтоб брат уступил место: *«Устань, брате, а мы молодшого посадымо ик Гапци в пару».* Брат требует за свое место денег или бочку горилки, *«щоб за сестрою з добрымы людьми погулять».* Дружки просят у невестиного отца пляшку горилки, *«як бы молодои брата из миста изкупыть и молодого на тому мисти посадыть».* Отец подает горилку, дружки наливают чарку и просят брата, чтоб уступил молодому место.

В это время, а иногда часа четыре, жених стоит на дворе, несмотря ни на какую непогоду. Дружки говорят, обращаясь к брату невесты: *«Молодый стоить надвори часа чотыри и просить, щоб и його у хату упустылы; то ты, брате, уступы нам мисто сее, а мы тоби и завтра подякуемо».*

Брат отвечает: *«Налыйте ж хоч чарку горилки тепер, а завтра мени оддасте бочку, щоб и я за сестрою погуляв, щоб и мене люде зналы, що сестра моя замуж иде».* Дружко подает ему чарку горилки и говорит: *«Пора, брате, на выступци, бо вже мы й так загаялись».* Брат невесты выходит из-за стола, благодарит Бога и говорит: *«Ну, сестро! Прощай до завтрого; а що ты нам у двори и в городи*

напортыла через гулянки, то я завтра изыщу. Ты мени батька годувать не будеш, а сама йдеш прыч».

Тогда дружко идет из избы за молодым, вводит его, останавливается на пороге и начинает *трычи по трычи: «Старосто, пане пидстаросто!» «Рады слушать». «Благословить у сей честный дом уступыть и молодого князя коло молодой посадыть». «Боже, благословы!»* После девятикратного повторения этой формулы дружко вводит жениха и сажает его на месте брата, по левую руку от невесты. Потом говорит:

«Старосто, пане пидстаросто; обыскайте сьому дому батька головатого або матир, чы не була б йих мылость хлиба-соли поставыть, так як мы люде дорожнии».

Отец подходит с матерью; ставят хлеб-соль на столе. Дружки продолжают: *«Що ж, батьку, мы люде дорожнии; у нас руки нечысти. Мы на беспутыци один другого ратувалы й руки свои помазалы. То не була б ваша мылость позволыть нам рукы помыть и рушныками потерты?»*

Отец и мать невесты подходят к столу, ставят *пытун;* дружки моют руки, мать подносит им рушники на тарелке и просит, чтобы они приняли их руки обтереть; дружки берут рушники и говорят:

«Спасыби свату й сваси и молодой княгыни, що вона рано вставала, подарки пряла и нам за наши труды давала. Тепер, батьку, мы за ким пьем и гуляем, а е той, що скоса поглядае, що йому подарков немае». «Требуйте,— отвечает батько,— *мы дамо». «Що ж, батьку, и ты, мамо, нам треба, молодому, боярыну й музыци; из кым прышлы, тому й требуем».* Мать подает всем названным хустки: молодому на тарелке и на стол, боярину и музыкантам в руки. Они, приняв, благодарят. Дружки обращаются к невесте:

«Ану, лышень, Марусю, возьмы отсю хустку да подывысь, чи е в його ребра, бо мы тепер поночы йшлы, погода худая, може, вин де впав и пробыв ребро — подывысь». Невеста затыкает хустку молодому сбоку за пояс. Дружки говорят: *«Спасыби батьку й матци за подарки; тепер чи не була б ваша мылость нам по чарци могорыча дать, або од нас потребувать». «Уже була од нас,*— отвечает батько,— *якбы вы свою прынеслы й поставылы, то б и я з своимы родычамы выпыв».* Дружко вынимает из кармана бутылку горелки, ставит на стол, потчует отца, мать и всех родных. Хозяева ставят на столе завтрак, все закусывают и благодарят Бога.

Тогда жених и невеста берутся за платок дружка, выходят из-за стола и за дружком идут учиться танцовать. Дружко зовет музыку: *«Иди — лыш нам заграй!»* Выходят в сени, музыка играет; дружко водит молодых вокруг себя, как будто б учит танцованью; три раза обвев, оставляет их в сенях, это бывает иногда и на дворе; сам же он идет в избу и начинает договор с отцом.

«А що ж, свату, мы тепер вамы довольны, да скажы нам, скильки завтра поизду прывезты?» «А що ж, дружки, скажить свату, щоб не

було лышнього; мени колы б так, щоб лишнього не було: видтыля девять, а мое десяте». «Добре, свату; а як же нам батько да там же й молодый захочуть прыслать и бильше по його великой родни? То не откажить!» «Скажы свату мому: як вин хоче поизду прыбавить, то нехай присыла великий капшук грошей: за коня 2 рубля, за мисто 2 рубля, за квитку руб». «Спасибо, свату; да щоб и нашему батьку гнивно не було». «Авжеж, братья, колы вы не хочете роду оставлять, дак и мени треба свий род чимсь обдилыть». «Ну, свату, из сим прощайте».

Дружко встает и говорит: *«Що ж, свату? Благодарим Богу и вам за хлиб и силь, да чи нема у вас ище по чарци горилки».* На это отвечает отец. *«Да се е!» «То-то, свату, я доволен за твоим столом, а музыка наш и доси надвори, то щоб не жаловавсь нашому батькови, а вашому свату на нас!» «Уклычте його да почастуйте».* Отец потчует музыкантов. После этого дружко говорит: *«Тепер, свату, прощай, а на завтра ожыдай».* Отец называет себя впервые сватом; дает дружку буханец и кланяется через него свату и свахе своим, прося их, чтоб и они у него побывали завтра. Прощаются все, дружко берет молодого боярина, музыку, всех родных жениховых и его приятелей, ведет их к отцу жениха на хлеб, на соль и на вечерю. Пришедши, клянется ему буханцем от свата и свахи. Отец спрашивает: *«А що вам там було в свата?»* Дружко отвечает: *«Усе добре: нема ниякой насмишки». «Добре, диты! Спасыби свату; сидайте ж, диты, за стил, и вы, приятели, да будем свое дило робыть; давай, лышень, стара, вечерять; да по чарци, а тоди кому як вгодно: хто хоче погулять, а хто й хоче спать, бо завтра треба й дило справлять».*

Садятся за ужин, обрядные разговоры и церемонии оставя на завтра.

Обряд 7-й. ВОСКРЕСЕНЬЕ

Поутру входит в избу жениха дружко и говорит отцу: *«Здраствуйте, тату, спасыби за учорашнее! а тепер чи у вас усе готово, щоб нам до Божого дому?» «Готово усе; нехай с Богом одевается и идить».* Дружко вводит молодого, просит отца и мать сесть на услон; они берут хлеб-соль и три житних колоска, чтоб отклонить в путь молодого. Дружко подводит его к ним и не голою рукою, а закрывши руку платком, наклоняет ему голову перед отцом и матерью. Отец говорит: *«Боже, благословы тебе, сыну, у закон уступыть!»* Дружко идет тогда с боярином в дом невесты; ее отец должен отклонить пару *«у Божу путь до церквы».* Невеста берет с собою сваху, чтоб стлала рушныки под ноги, и дружку — венца держать. Когда свершится венчальный обряд, молодых ведут прямо в дом молодого; музыка играет марш; отец и мать их встречают на дворе с тем же хлебом-солью и тремя колосками; они кланяются

в сенях отцу и матери; эти их поздравляют; в сенях они снова кланяются и целуют отца и мать в руку. Их вводят в избу, сажают за стол, отец приносит горелку, потчует молодых и потом и все общество; мать подает завтрак и просит закусить; молодые кланяются и «соромляются», т. е. глаза опустя, не смотрят никому в лицо и не принимаются за завтрак. Дружко, видя, что молодые соромляются, говорит: *«Давайте, мамо, и вы по чарци: то лучше будут нашы молодыи йисты».*

«Да добре ж,— отвечает мать,— *я зараз».* Попотчевавши, она отступает; отец повторяет просьбу закусить. Молодые принимаются за завтрак; потом подают обед; отец приглашает обедать, но молодые опять соромляются; тогда отец говорит: *«Клыме, пригоняй, лышень, и Гапку; чи вона так буде и дило робыть, як йисты?» «Э! Тату,—* говорит дружко,— *якбы була ваша мылость и по третий чарци дать к обиду».* Батько берет чарку и частует прежним порядком. Дружко, увидя, что все попотчеваны, говорит: *«А нуте, молодыи дыты, и вы, добры люде, обидать у нашого батька, бо нам ище дила багато, треба и в дорогу збираться, пообидавши».*

Отец просит *«выбачать»* и *«систы на мисти, де хто сыдив»;* молятся Богу, садятся и обедают. После обеда подают варенуху на стол. Старуха выпивает чарку, потом подносит по порядку каждому, начиная с старика и молодых. Тотчас после обеда все встают; мать говорит: *«Слава Богу, що я дождала невистки!»* Все благодарят стариков за хлеб за соль; старик берет буханец, подает молодой и говорит: *«Кланяйся, дочко, свому батьку, а мому сватови, и скажы йому, як прыдуть мои люде, то щоб не держалы довго, щоб менш було утраты».* Молодая целует свекра и свекровь в руки, берет сваху и дружку и идет к своему отцу. Дружко и молодой проводят ее с музыкою шагов за сто и возвращаются назад.

Вшедши в избу, дружко говорит: *«Що, тату пора и нам избираться? «Э! Пора, хлопци!» «Клыме! А йды ж по свитилкы и по свахи, да скорий».* Молодой приводит из своей родни две девушки в свитилки и две молодицы в свахи, другого боярина, двух старостов, два дружка, музыку и *возныка,* т. е. кучера; садятся все за стол; старший дружко рассчитывает, сколько нужно поезду: за столом сидит двенадцать без молодого; молодой без пары тринадцатый, а его пара, которую привезут, будет четырнадцатая; видя это, дружко говорит:

«Тату, уси наши! Тепер вы, свахы й свитилкы! Берить шапкы й пришывайте квитки, щоб наше вийско позначене було, як прыдем до свата». Свахи и свитилки берут квитки, стенжки, пришивают их к шапкам поют:

Да стоит верба
Не рик, не два;
Да рано, рано!
Не стий, вербо,
Розвывайся;

Да ранесенько!
Розвий соби
Симсот квиток;
Да рано, рано!
Симсот квиток
И чотыры;
Да ранесенько!
Всим боярам
По квиточци;
Да рано, рано!
Усим дружкам
По квиточци;
Да ранесенько!
Андриечку
Нема квитки;
Да рано, рано!
Андриечку квитка:
Марусенька дивка,
Да ранесенько.

Дружко говорит: *«Беры, свахо, пляшку горилки на столи: частуй старостив, дружкив, бояр, музыку й возныцю; нехай выкупляють шапки!»* Сваха подает на тарелке по чарке каждому; каждый, выпив, берет шапку с квиткою и кладет деньги на тарелку. Свитилки поют:

Тепер у нас да дивыч-вечир,
Рано, рано, да дивыч-вечир хороше изряжен,
Да не так изряжен, як обсажен:
У тры стины каменныи, четвертая золотая;
А на той стини терем стоить,
А на теремочку макивочка,
А на маковочци ластивочка,
Да свила гниздечко з чорного шовку
Да вывела дитки — однолиткы:
Перве дытятко — молодый Андрийко,
А друге дытятко — молода Марусенька.

* * *

Слала зоря до мисяця:
— Ой, мисяць, товарышу,
Не заходь ты раний мене,
Зайдемо обое разом,
Освитимо небо й землю,
Зрадуеться звир у поли,
Зрадуеться гость в дорози!
Слала Марья до Андрийка:
Ой, Андрийку, мий суженый,
Не сидай ты на посаду,
На посаду раний мене,
Сядемо обое разом,
Звеселимо мы два двора:
Ой, первый двир — батька твого,
А другий двир — батька мого.

* * *

Плыве утонька без утеняты
На мори ночуваты.
А проты еи сызый селезень
З чорнымы косыцямы.
— Ой, постой, утко!
Да не плывы хутко!
Щось тоби за висть скажу:
Був я на ставку,
Чув я славоньку
И про тебе, сиру утоньку,
Да плетуть ситкы
Да на твои диткы
И на тебе, сира утонько.
— Да нехай же плетуть
И прыплетують;
Я ж того не боюся:
Я на дно пирну,
Я ситкы порву
И диточок повыпускаю.
Идуть дружечки
У два рядочки,
А Маруся посереду,
Проты еи молодый Андриечко
З своимы боярамы:
— Ой, постой, постой, Марусечко,
Щось тоби за висть скажу:
Був я на мисти,
Чув же я висти
И про тебе, молода Марусечко.
Да купують чепци
Й кибалочки
Да на твою головоньку.
Да нехай торгують,
Я ж того не боюся,
Я у недилоньку, да увечери
Да у тее прыберуся.

* * *

Выйды, матинко, огляды,
Що тоби бояре прывезлы:
Да прывезлы скрыню й перыну
И молодую княгиню.

* * *

Ой, кони наши ворони,
Чи чуете на сылу?
Чи звезете княгиню
Да на тую гироньку крутую,
Да у тую свитлоньку новую?
А у тои свитлоньци мед-выно пьють
Да вже нашу Марусеньку давно ждуть.

* * *

Маты Марусеньку родыла,
Мисяцем обгородыла,
Сонечком пидперезала,
До свекорка выпровожала.

Да сказалы: Марусенька не пряха,
А матинка Марусеньки не ткаха;
Аж вона раненько вставала,
Тонкии рушныки напряла,
У тыхого Днипра билыла,
Молодых дружкив дарыла.

* * *

Да гадайте, бояре, гадайте!
Да по червоньцу складайте,
Бо тепер годынонька не тая
И дорыженька склызькая;
Треба нашому Андриечку
Чобиток
И золотых пидкивок.

Собравши деньги, сваха отдает их старшей свитилке; эта же кидает их молодому за плечи за сорочку и говорит: *«Щоб вы богаты булы!»*

Тогда дружко говорит: *«А що, ты, свахо, справыла свое дило?» «Вже!» «Ну пора в дорогу йты. Старосте й пане пидстаросто! Обыскайте сьому дому батька головатого!» «Зараз!»* Входить батько; дружко обращается к нему: *«Благословы, тату, в Божу путь пойты!» «Боже, благословы!» «Да давай, тату, по чарци горилки на дорогу: да шукайте, чого нам треба»*. Отец приказывает: *«Стара! а шукай, що у тебе там е до сватыв, а я буду частувать поизд.»*.

Тут он берет в руки хустку, хусткою берет чарку и подносит ее молодому. Молодой тоже не голою рукою, а хусткою берется за чарку; это для того, чтоб, по общей примете, молодые хозяева были богаты. Молодой потчует всех остальных из голой руки; в это время мать выносит из хижи 2 пары чобит, чулки, 10 очипков, 20 калачей и 2 аршина стенжки; все это отдает она свахе для передачи роду молодой. Дружко обращается к отцу: *«Тату! А знайды нам тры пляшки горилки до сватив на могорыч: нам одну, а старостам дви: одну на воротях, а другу йим у хату, а нам для могорыча»*. После этого требованья он ставит посреди двора услон, на услони дежу вверх дном, на деже хлеб и соль; наряжает мать молодого в кожух шерстью вверх, надевает ей на голову самую дрянную шапку; она берет овес, орехи, тыквенное семя и обсевает ими поезд; дружко требует благословения у старост: *Старосто й пане пидстаросто! Благословить у Божу путь идты!» «Боже, благословы!»* Дружко берет молодого за хустку, и весь поезд с музыкой идет за молодым вокруг дежи, поставленной на скамье. *«Весели, весели, весели! Грай!»* — кричит дружко, мать обсевает, свахи и свитилки поют:

Ой, чия то дружина
Кругом дижы ходыла
Из скрыпкамы, з цымбаламы,
З молодымы да боярамы?

По обходе мать берет молодого за руку, проводит со двора и говорит: *«Сынку, щоб ты до мене увечир з парою прышов»*. Они выходят из двора под песню:

Соколонько, да не вылеты,
Андриечко, да не выходи:
Соколонько да по галочку,
Андриечко по Марусечку.

Тотчас же отец молодого зовет возницу, частует его и говорит: *«Запрягай волы да йидь до свата за скрынею молодои да за постилью; да не жалуй сватового сина, волы годуй добре, щоб не попрыставалы»*.

Сцена у тестя

Поезд приблизился к воротам; родня молодой стоит у ворот и не впускает поезда; подымается шум. Эта родня говорит: *«Що вы за люде, що позначени? У нашого батька таких нема; давайте пашпорт, покажем батькови; колы звелыть пустыть, дак пустымо»*. Пашпортом в это время называется бутылка горелки. Староста вынимает из-за пазухи паспорт и отдает тестевой родне; те не несут его в избу, а тут же сполна прочитывают, отпирают ворота и впускают в двор.

Возле избы они опять останавливаются; дружки одни входят в избу и кланяются от свата буханцем: *Свату! Мы у вас учора булы, то пустить и сьогодни». «У мене людей багацько,*— отвечает тесть,— *я вас боюсь, що вы позначени, не знаю, хто вы». «Мы пашпорт оддалы вашым калавурным». «Ну, сядьте, добры люде!»* Усевшись, дружки продолжают: *«Що ж, свату, мы булы у вас учора поночи; то чи позналы нас? Мы тыи, що за Клыма у вас дочку полюбылы; то чи не була б ваша мылость йейи знайты й за стил посадыть; а мы й Клыма коло йейи посадым, щоб побачыть по-выдному». «Зараз, хлопци наши! Становить услын да стелить кожух, да шукайте молоду, бо людям надвори цилый день не стоять»*. Тесть и теща садятся на кожухе, вводят молодую, наклоняют ей голову перед родителями и поют: *«Похилее дерево да ялына»* (см. выше).

Брат заводит молодую за стол, старик говорит дружкам: *«Сядьте и вы, люде добрыи; а ты, стара, постав хлиба й закуску»*. Он просит закусить, но ему отвечают: *«Що ж, свату? Мы, рук не помывшы, не будем йисты: мы люде дорожни, може й рукы помаралы»*. Пред ними становят пытун воды, кладут рушники на тарелке, они моют руки, утираются рушниками, перевязываются ими через плечо, кладут по грошу на тарелку, сват потчует их водкою, они закусывают и потом говорят: *«А наряжайте матир зятя стричать!»* Сами выходят, челомкаются с поездом; свахи и свитилки поют:

Да пусты, свату,
В хату!

Да доки ж мы да стоятымем,
Сыру землю да топкатымем
Червоными да чобытками,
Золотыми да пидкивками?

Перед ними ставят услын, на услони дижу застланную, на диже хлеб и соль, а возле ведро пива. Выходят двое старост от молодой с буханцем, целуются с старостами молодого и просят их в избу: *«А йдить, товарыши, в хату, бо нам дило буде».* Входят, садятся за стол у порога, старик подносит им водку; в это время старуха наряжается в кожух шерстью вверх и в самую дрянную шапку, берет ковш воды с овсом, выходит встречать зятя, кланяется ему, целует его в лице, он ее в руку, она подает ему ковш. Он берет и выливает воду с овсом на свою палку, т. е. на *цыпок;* брат молодой садится на этот цыпок верхом, как на коня, и едет на нем от молодого к молодой. К матери выносят бутылку горелки, она потчует молодого и весь поезд. Свахи и свитилки поют:

У гордого тестя
Стий, зятю, да за воротьмы.
Ой, надвори да метиль месте (bis),
Ой, надвори дрибен дощ иде;
Крыйся, зятю, крыйся, зятю,
Й кунами й бобрамы (bis)
Й чорнымы да соболямы.

Дружко выкупает коня

Дружко говорит: *«Мамо, дай нам пляшку й чарку, выкупыть коня зятя твого».* Мать молодой потчует весь поезд, дает дружку пляшку и чарку и говорит: *«Нате вам пляшку й чарку, да спольняйте свое дило скорийше».* Дружко берет прежде тарелку с буханцем, принимает пляшку горелки и чарку, потом идет к брату молодой выкупать коня и кланяется с просьбою: *«Свату, оддай коня, бо вже ты й так його заганяв».* Тот отвечает: *«Що ж, свату, як положыш тыи грошы, що батько казав, дак и коня забереш». «Эй, свату, чы не була б твоя мылость уважыть хоч на половыну грошей! Одын руб да могорыч за сестру прынять од нас велыко!» «Эй, свату, сестра у мене дорогая, а положыть тыи грошы, що батько казав; я сього двадцять лит ожыдав».* Дружко вынимает деньги, сколько требуют, потчует и платит. Тогда брат отдает дружку вместо коня цыпок (палку) для передачи молодому и приглашает весь поезд к себе в избу. Свахи поют:

Ой, выйды, сватечку, проты нас
Да засвиты свичечку, есть и в нас;
Да стулымо свичечки у рукы,
Да звецимо диточок докупы.

Тут сваха молодой зажигает венчальную свечу и выходит против

свах молодого. Эти свахи зажигают и свою свечу, потом слепливают их вместе и целуются со всем поездом.

«Старосто, пане пидстаросто!» — говорит дружко. *«Рады слухать!» «Благословить у сей чесный дом уступыть». «Боже, благословы!»* Молодой с поездом вступают в избу, старшая дружка наклоняет сидящую с нею молодую к столу головой, а дружки поют:

Устань, устань, Марусенько,
Батенько клыче.
Ой, не встану, не встану,
Не прывитаю.
Есть у мене служка:
Старшая дружка;
Да вона устане и прывитае.
Устань, устань, Марусенько,
Матинка клыче.
Ой, не встану *(и проч.)*...
Устань, устань, Марусенько,
Андрийко клыче.
Ой, устану, устану
И прывитаю.

Дружко хочет посадить молодого возле молодой, а возле нее сидят братья и родные и не дают ему места: *«Положы нам тыи грошы за мисто, що из нашым батьком уговором положылысь». «За що ж вам грошы будемо платыть?* — спрашивает дружко. *«А як же за що? Мы йейи двадцять лит кормылы; вона у нас на городи и качаны уси поила; а що ище й добра на досивиткы выносыла! дак вам хиба даром йейи оддать?» «Гай-гай, яки сваты вы спорни!»* — отвечает дружко, кладет деньги на тарелку, подносит их и по чарке могорыча. Тогда родные, взяв деньги и выпив могорыч, встают с своих мест. Дружко усаживает молодого возле молодой и говорит: *«Старосто, пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Обыскайте нам батька головатого або матери, чи не обыскалы б нам такои швачкы молодому князю квитку прышыть, бо у нас усе вийсько, зозначене, а за кым пьем да гуляем, то тому й знака немае, бо в нашого батька такои швачкы не обыскалось». «Сейчас!»* — отвечает староста и приказывает сестре молодой пришить бант к шапке. Сестра становится на скамью, берет у молодого шапку и говорит: *«Старосто, пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Благословить молодому квитку прышыть». «Боже, благословы!»* Дружки поют:

Из Киева швачка,
Из Киева швачка,
Да кияночка;
Из города городяночка,
А из миста да мищаночка.
Вона в торгу була,
Вона вторговала
За тры копы голку,
За чотыры шовку.

Пришив бант, сестра молодой надевает шапку на себя и поет:

Ой, глянь, глянь, зятеньку, на мене,
Я краще козак от тебе,
Бо на мени шлычок,
Колпачок.
Готуй, зятеньку, шостачок,
А из того шостачка
Грывень шисть;
От тоби, зятеньку,
Ридна звисть!

Дружко берет бутылку горелки, чарку и подносит сестре молодой на тарелке. Она не хочет пить и требует рубля за квитку. Дружко вынимает рубля и кладет на тарелку; она берет деньги, выпивает чарку, снимает с себя шапку, обводит ею над головою молодых кругом три раза, надевает на молодого и целует зятя и сестру.

Дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Обыскайте нам сього дому батька головатого». «Сейчас!» «Мы прышлы, гости, да й з гостынцем, нехай благословыть на прыятелей роздать».* Батько головатый подходит к столу и говорит: *«Боже, благословы!»* Дружко вынимает чулки *(панчохы)* и калачи и подносит батьку на тарелке, матери калач и чоботы таким же порядком. Они благодарят свата, сваху и зятя за подарки. Крестному отцу и матери опять чулки одному, чоботы другой и обоим по калачу, также на тарелке; те благодарят. Дядькам и братьям по калачу, замужним теткам и сестрам по очипку. От каждого следует благодарность. Дружко вынимает две связки бубликов и подносит их молодым и дает каждому по паре, потом дружечкам за то, *«що хороше спивалы»,* потом своим старостам. Взяв бублики, староста спрашивает: *«А що, панове сваты, чы довольны од нашого батька и матери хлибом и подаркамы?» «Довольны». «Теперь же за наши подаркы давайте нам оддаркы». «Сейчас».* Дружко требует батька головатого и говорит ему: *«Давай, тату, нам по чарци горилки; за намы подаркы».* Батько потчует весь поезд и говорит своей жене: *«Стара! А готуй нам тее, що нам треба; а я буду частувать».* Тут он потчует сперва молодых, обворотя свою руку платком. Молодые принимают чарку платками и надпивают каждый понемногу. Поезд потчуется и принимает чарку голыми руками; в это время дружки поют:

Да давайте дары, задары! (bis)
Щоб наши бояре знали,
Як вышенька в лити
У билому цвити.

Кончивши потчеванье, батько подносит свитилкам, свахам и боярам платки, а дружкам и старостам рушники, каждому на тарелке; из них же каждый бросает на тарелку по грошу, приговаривая: *Спасыби свату и сваси за подаркы й молодой княгыни, що рано вставала й нам подаркы пряла».* Обделив поезд, он подносит своим старостам рушники на тарелке же. Они принимают их с тарелками, спрашивая: *«Чы вси довольны и нашого батька подаркамы? Як недовольны, дак кажить, батько наш постачыть».* Дружко отвечает: *«Ище за кым пьем да гуляем, то тому подарка немае, дак просым дать и тому».* Батько откликается: *«Зараз! А находь, стара, й зятеви платок, щоб не дывывсь изкоса на нас».* Платок на тарелке он ставит на стол перед молодым. Дружко говорит к молодой: *Марусю! А возьмы, лышень, платок, да пощупай Андрия у бока, чи е у його уси ребра, чы не выбылы парубкы, таскавшысь за тобою?»* Марья берет платок, затыкает его молодому за пояс сбоку; молодой вынимает две гривны и кладет на тарелку; старшая дружка берет деньги с тарелки и опускает их за плечи под сорочку молодой. Батько: *«А що, глядить, сваты, може ще кому треба, то кому не достало, достачым».* Дружко: *Тепер, свату, усим. Да якбы, свату, за сии оддаркы й по чарци горилки дать?»* Батько: *«Да, сваты, треба! И я б выпыв, дак тепер из вашей рукы».* Дружко вынимает из-за пазухи бутылку горелки, потчует отца, мать, молодых и всех родственников Марьи, потом подносит водку всему поезду. Дружечки поют:

Сыдилы да по недили (bis) —
Свитонька да не выдилы;
Пидемо погуляемо,
Свитонька повыдамо;
Бояр позглядаты,
Чы не крыви, чы не горбаты,
Чы умиють танциоваты.
А бояре побоялыся,
По соломах поховалыся.

Кончив частованье водкою, дружко говорит: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Довольно пылы й гулялы й добры мысли малы; благословить пойты проходытыся; може хто й потанциоваты». «Боже, благословы!»* Дружко вынимает платок, дает конец молодому, молодой дает конец своего платка молодой, дружко ведет их к музыке на двор; сам потанцовавши, оставляет их с боярами, свитилками и дружечками танцовать, идет в избу и спрашивает мать: *«А що, мамо, чы полудень у вас буде? То не гайте, бо нам ще багато дила». «Иды!* — отвечает она,— *зараз; избырай свий поизд».* При этом берет глек варенухи и просит детей и поезд в другую хату, где приготовлен полдник. Войдя, просит она всех: *«Сядьте по мистам, як у моей хати сыдилы».* Поезд садится вокруг стола. Мать потчует их варенухой порядочно, *«у порядок»,* начиная с молодых; потом встает молодая и, в свою очередь всех попотчевав, говорит сестре: *«Почастуй, моя сестрыце, й ты, щоб и ты сього дождала».* Эта, обнесши всех, обращается к молодой, садится возле нее, и все начинают закусывать; окончив, благодарят Бога, привстав с мест. Мать просит снова сесть по местам и приказывает сестре молодой поднесть еще по чарке горелки каждому.

Во все это время тесть не присутствует, он остается дома и угощает своих родных.

Когда сестра молодой кончит потчеванье, дружко говорит мате-

ри: *«Мамо! А йды, давай своей дочци худобу, бо наш батько нас ожыдае, а вы нас барыте; а вже пора до свого батька поклонытыся из дитьмы».* Мать: *«Постойте, диты! пойду до старого, тоди одправым».* Дружко с молодыми и с поездом идет к тестевой хате. Подошедши к дверям ее, берет молодых за платки и отпирает дверь: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Благословить у сей чесный дом уступыть и молодых дитей за стыл завесты!» «Боже, благословы!»* Эта церемония повторяется трижды — *трычи по трычи, що було девять раз.* Дружко палкою бьет по дверям навкрест три раза, вводит молодых в хату, усаживает их за стол и сам садится возле них: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Обыскайте сього дому батька головатого й матир». «Зараз будуть».* Входят тесть и теща, подходят к столу; дружко говорит: *«А що, тату, й вы, мамо, може у вас йе й хлиб на родычив роздать? То давайте й нас не гайте, бо вже пора й молодому искрыть».* Мать отвечает: *«Идить за мною, я оддам, що требуете».* Дружко кличет поддружего, посылает его вслед за матерью, а сам обращается к отцу: *«А ты, тату, давай по чарци нашому поизду».* Батько потчует всех подряд. Поддружий идет с матерью в комору за короваем. Мать берет из дижи *вико* и застилает двумя рушниками навкрест; кладет на рушники коровай, на коровай кладет намытку, которую будут молодую скрывать.[15] Поддружий берет вико на голову и несет его с короваем в хату; подошедши к дверям, говорит: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Благословить сей чесный хлиб у хату внесты, на столи поставыть и на родычив роздать». «Боже, благословы».* Это *трычи по трычи, щоб було девять раз.* Тогда поддружий входит с короваем на голове в избу и поет:

Да чы бачыш ты, дивко, (bis)
Що несе дружко вико?
А на вици покрывало,
То вичнее завывало.

Во время пения он оборачивается кругом три раза, становит коровай с виком на стол и окликается:

— *Старосто й пане пидстаросто!*

— *Рады слухать.*

— *Обыскайте в сьому доми брата або сестру молодой, косу розпустыть.*

— *Зараз.*

Брат и сестра подступают со словами:

— *Старосто й пане пидстаросто!*

— *Рады слухать.*

— *Благословить сестри косу розплесты.*

— *Боже, благословы!*

После девяти раз благословения брат расплетает косу Маруси, сестра подходит ее скрывать, дружки поют:

— Де ж твоя, Марусенько, маты?
Час тебе розплитаты.
— Десь моя матинка у комори,
Десь братики на вийни,
Десь мои сестрыци на сторони,
Да никому розплесты киски мени.
Прышла матинка з коморы,
Прыихалы братики из вийны,
Прыихалы сестрыци из стороны
Да розплелы кисоньку мени.
Як розплиталы — порвалы,
Пид очипок клалы — помялы
И пид серпанок сховалы.

Сестра становится возле Маруси, примочивает горелкой волосы, сваха подает очипок, сестра начинает его надевать ей на голову. Маруся вертится, не хочет, плачет, схватывает очипок с головы и бросает его на пол; это повторяется три раза. Дружко кричит: *«Бояре! До шабель!»* Бояре выхватывают ножи, перерубывают в трех местах у молодой *жертку.* А дружки поют:

Свитилка лобата (bis),
А сваха горбата;
А из того горба
Да выросла верба;
А на той же верби
Да сыдыть же сова;
Не сыдить, бояре, до ночи,
Бо выисть сова очи.

Наконец сестра надевает очипок, завязывает платком, накрывает намыткою и целует молодых, Дружко берет бутылку и чарку, потчует сестру за труд, говорят: *«За то, що нам из дивкы нарядыла молодыцю».* Выпив чарку горелки, сестра с свитилками поет:

От так да нарядылы,
Як самы схотилы;
Из хлиба да паляницю,
Из дивки да молодыцю.

Дружечки отвечают пением:

Мы схочем да розрядымо,
Коло себе да посадымо,
Поведемо да у лызоньки *(в лозы),*
Заплетемо да у кисоньки,
Поведемо да у таночок
Да надинемо виночок.

Дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Благословить сей чесный хлиб на родычив роздать!» «Боже, благословы!»* Он вырезывает из коровая главную шишку — *старшу шышку;* мать подает платок; он увязывает шышку в платок, подает старшему боярину, а молодой велит вильце брать и посылает ее к отцу: *«Кланяйся батьку хлибом и вильцем и кажы, що й мы зараз будемо».* Она приносит батьку шишку, он принимает и благодарит:

«Спасыби свату й сваси за шышку!» Вильце же становит на столе *с молодою вместе;* а дружко *у молодой* коровай начинает делить. Отрезывает половину коровая и отдает матери для далеких родных, не находящихся налицо; остальную половину разрезывает на куски и кладет на тарелки, поддружий подносит, во-первых, отцу и матери, потом братьям, сестрам, дядьям, теткам и всем налицо находящимся; каждый говорит: *«Спасыби свату й сваси и молодым дитям; як сей хлиб чесный, щоб и воны так булы чесни!»* Дружки поют:

Чогось тебе, дружбонько, попытаю:
Чы дасы ж ты мени короваю?
Як ты мени короваю не дасы,
То я в бору нажену
И коныкы отныму,
Старшому боярыну подарую.

Потом другую песню:

Дружко коровай крае (bis),
А назад поглядае,
Аж там його да жона стоить
И семеро да дитей держыть;
Да вси с кышенями,
Весь коровай забралы.

Роздав коровай, дружко спрашивает: *«Чи усим сватового хлиба достало?»* Молодые люди, стоя у порога, окликаются: *«Ни, ще запоризьцям не давалы»*. Дружко подает куски за порог, это значит *на запорожье;* он говорит: *«Запоризьци! запоризьци!»* Запорожцы хватают куски с тарелок; а музыке подает дружко сподНюю корку с грошом на ней; потом зовет батька головатого и матир: *«Давай, свату, по чарци горилки по вашому хлибу»*. Батько потчует и говорит жене: *«А ты, стара, иды, готов дочци скрыню й подушкы й там, що йий треба»*. Попотчевавши, отдает Марусе бутылку, которая налита была в субботу и заткнута тремя колосками: *«Почастуй своих дружок, щоб хороше спивалы»*. Она потчует свитилок и дружок и весь поезд. Дружки поют:

Ой, слухайте, дружечки,
Де голубка гуде,
Там наша Марусенька
Дивуванье здае;
Первее дивуванье —
Суббитнее да чесанье;
Другее дивуванье —
Недилешне прыбыранье;
Третее дивуванье —
За виночок
Да в таночок.

Дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!»* —*«Рады слухать»*. *«Мы у свата пылы, йилы й гулялы й добры мысли малы. Пора нам у Божу путь и до свого батька йты!» «Боже, благословы!*

Дружко обращается к поддружему: *«А йды скажы: нехай возныця пидийздыть до порога, да будемо выносыть скрыню й постиль»*. Он благодарит свату и свахе за хлеб и соль, берет за платки молодых, ведет их к музыке; после танцов становит их в сенях, а сам с поддружим и боярами берет скрыню и подушки, выносит их и укладывает на воз; потом ведет молодых в хату; отец и мать снимают образ, которым благословляли, берут *перепиец*, садятся на услоне, дети кладут три земные поклона перед ними, цалуют их в руки и в ноги, подают руки и дружку и идут за ним к возу. Молодая садится на воз, дружко обводит три раза молодого вокруг воза, молодой грозится и машет палкою на молодую, приговаривая: *«Покыдай батьковы и матерыны коровы, да беры мои»*. Сказав это, он садится на воз.

Дружко говорит невесте на ухо: *«А що ты, молода, надиешся на свою честь? Дак будемо просыть прыдан»*.

— *Дядюшка! Просить моих родычив! Надиюсь.*

— *Просым, родычи, из намы за своею родыною.*

Дружечки поют:

Загрибай, маты, жар, жар,
Колы дочкы жаль, жаль,
Кыдай, маты, дрова,
Зоставайсь здорова.

Пропев эту песню, они расходятся по своим домам. Остаются свахи и свитилки, чтоб провожать молодых.

Дорога к свекру

Молодые едут. Свахи и свитилки поют:

Ой, мисяць дороженьку освитыв,
Ой, брат сестрыцю выпроводыв:
От це тоби, сестрыце, дорога,
Йидь до свекорка здорова.

Кучерявый поет:

Вознице, погоняй коней швыдче!
Як не будеш погоняты,
Тут будемо ночуваты.

Возница погоняет и поет:

Рысью, коныченьки, рысью,
Идимо за корыстью
Червоною да млийкою,
З молодою да невисткою.

Приехав к избе свекра, молодые встают с воза. Дружко становит их у дверей, а сам идет в избу.

Сцена у свекра

Дружко кланяется отцу и матери буханцем: *«Берить хлиб и силь и стричайте дитей и просить у хату»*. Свахи и свитилкы поют:

Ой, выйды, матусенько, огляды,
Що тоби бояре прывезлы:
Прывезлы скрыню,
Перыну
Й молоду княгыню.

Женщины выходят из избы и поют:

Де, бояре, вы бувалы? (bis)
Що, бояре, вы чували?
Ой, мы булы в лиску
Да поймалы мы лыску
Чорную да чубатую,
Гарную да богатую.

Дружко: *«Идить, тату й мамо, благословить дитей своих уступыть у хату»*. Батько берет хлеб и соль, которыми благословляли прежде; мать берет зерна ржи в запаску, они идут к молодым; дружко, взяв молодых за платок, наклоняет их перед родителями; батько бьет их хлебом по головам; мать насыпает ржи за плечи молодой под рубашку; они приглашают молодых со всем поездом в избу. Дружко их ведет и говорит: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Благословить у сей чесный дом увесты молодых детей!» «Боже, благословы»*.

Они входят, все садятся за стол; дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!». «Рады слухать». «Обыскайте батька головатого, нехай подывытся, що мы за птыцю прывезлы». «Зараз»*.

Отец и мать входят в избу, кланяются детям, поздравляют их в паре. Отец подносит молодым и поезду по чарке водки. Женщины поют:

— Добры вечир, матусенько моя (bis)
А чы мыла дружынонька моя?
— Нехай тоби, мий сыночку, мыла,
Абы мени дило робыла,
Абы мени платтля попрала,
Абы мене матирью звала.

Дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать». «Благословить пойты одпочыть, бо вже мы й спать хочем». «Боже, благословы!»*

Батько берет закупоренную в субботу бутылку с горелкою и с тремя колосками ржи, отдает ее молодому, чтоб потчевал бояр; молодой подносит им по чарке; женщины поют:

Ой, слухайте, бояре, де голубець гуде,
Там наш Андриечко молодецьство здае:
Первее молодецьство — стрилочок пучок,
Другее молодецьство — за ципочок да в таночок,
Третее молодецьство — выводыты передочок.

Попотчевав бояр, свах и свитилок, перецаловавшись со всеми, молодой приглашает бояр придти к нему проведать о нем на другой день; затем со всеми прощается. Бояре и свитилки расходятся. Остаются дружки, свахи и старосты.

Дружко выводит молодых из-за стола, ставит их посреди избы, родители садятся у стола на услоне, берут образ, которым благословляли, и хлеб-перепиец, тем и другим благословляют и говорят: *«Идить, диты, спочываты; а щоб вы чесни булы так, як сей хлиб чесный»*.

В это время свахи постель стелют для молодых в коморе.

Комора [16]

Молодые берут от родителей образ и перепиец, идут с дружком в комору; женщины поют:

Брыды, брыды, Марусенько, брыды! (bis)
Да не бийся холоднои воды:
Высоко подымайся,
З сорому выкупляйся.

В это время родители садятся за стол в избе, берут большой кувшин *(глек)* горелки и, пока дружко не придет с известием о молодых, потчуют всех своих родных большою чаркою.

Дружко, введши молодых в комору, берет от них и ставит в головах постели образ, а на скрыне перепиец; потом велит раздеваться, кличет сваху из придан, требует для молодой чистую сорочку и приказывает молодой разуть молодого.

В каждом чоботе у молодого по гривне денег; молодая, сняв с него чоботы, встряхивает их, поднимает деньги и кидает в постель; после этого сама снимает с него и шаровары. Сваха раздевает молодую, снимает с нее сорочку, надевает на нее чистую, дружко не отходит от нее ни на шаг из предосторожности; потом берет он одеяла и говорит: *«Андрию! а як батько жыто ламне?»* Андрий дает молодой подножку, через свою ногу опрокидывает ее в постель, а дружко выходит со всеми из коморы, приговаривая: *«Андрию! не бары дила, щоб мени убытку було. А як будеш готов, то стукны у двери»*.

Женщины поют:

Ой, кит продрав стелю
Да впав у постелю;
Качався, валявся,
Пид пелену прибрався.

Когда молодой застучит в дверь, дружко берет огня для освещения и вместе с поддружим идут в комору. *«А що, як у вас?»* Молодая: *«Дывиться, дядюшка». «Устань сюды»*. Освидетельствовав и признав, что молодая была верна девической обязанности, он зовет свах и старух, которые, удостоверясь в истине показаний

дружка, снимают с нее сорочку, заменяют чистою; дружко складывает сорочку, связывает ее красною лентою, вносит в избу, зовет родных и придан; отец и мать закрывают образа и встают из-за стола; дружко с приданами поет:

Ой, не цвила калынонька о Петри,
Да зацвила калынонька об Риздви,
Да в нашого пана свата у комори,
Да в нашои Марусеньки.

Все танцуют с сорочкою вокруг стола, по лавкам и по услонам и все поют:

Ой, калына, Марусенька, калына!
Пид калыною лежала,
На калыну ниженьки поклала,
А на ейи калынонька капнула,
Да на ейи билее облычье,
Нарядыла родоньку велычье;
Да велычье ж наше велычье,
Що звелычала тры дворы:
Що первый же двир — свекоркив,
А другий же двир — батенькив,
А третий же двир — родонькив.

Тут дружко просит придан сесть вокруг стола; придане садятся и поют:

Да горилки, свате, горилки!
Да було ж не браты в нас дивкы;
А тепер же вы нас просите,
Цебром горилку носите,
Ой, хоть не цебром, дак видром:
Взялы нашу Марусеньку из добром.

Батько вносит горелку и дает дружку потчевать, этот потчует всех большою чаркою. Батько наливает в миски горелки и ставит перед приданами; эти поют:

Да горилко-сывухо,
Да чого в мысци сухо?
Да не буде писни конця,
Да не буде в мысци денця.

Дружко, попотчевав всех, отдает чарку приданам; они сами льют из мисок и пьют, сколько хочется, припевая:

Да введы, ляше, наше!
Да нехай воно пляше,
Да будемо знаты,
Якои спиваты.

Дружко, надевши шапку молодого на молодую, вводит ее в хату.

В избе

Молодая кланяется всем и целуется с приданами своими, родными. Дружко говорит: *«А чия шапка на кому, то и той був ...»* Придане поют:

Марусенько, калыно, малыно!
А на тебе дывытыся мыло.
Андриечку, повная роже!
А на тебе дывытыся гоже.

Тогда подают ужин, после ужина встают, молятся Богу и благодарят сватам. Дружко просит сесть снова, все садятся и поют:

Варенои горилочки хочу,
А сырои я й сама уточу;
А сырая да не добрая
И на жывит не здоровая;

Вареная солоденькая
И на жывит здоровенькая.

Мать наливает в миски варенуху и потчует придан большою чаркою. Дружки в коморе наряжают буханец; обвязывают его навкрест красною бумагою, называемою *«заполочью»*, украшают калиновою веточкою с ягодами, отдают брату молодой, который был в числе придан. Придане идут к отцу молодой; дружки проводят их с музыкою двора за три и возвращаются домой, а придане дорогою поют:

Темного лугу калына (bis),
Доброго батька дытына,
Ой, хоч вона по ночам ходыла,
Да пры соби черчичок носыла:
Купувалы купци — не продала;
Прохалы хлопци — вона не дала;

Потом поют:

Была, была Марусеньку маты
Червоным дубцем из хаты;
Вона того побоялася,
В комирочку заховалася,
А з комирочки в огорожу,
Да на червоную рожу.
Да не бый, да не лай, маты!
Да не я червець пролыла.

Мать молодого зовет дружков и свах в комору, потчует их горелкою и варенухою, хвалит невинность невестки, молодые кланяются в землю матери, целуют ей руки и ноги и садятся еще перекусить. В избе же батько *«частуе усих велыкою чаркою».* Гуляют целую ночь. Люди молодые берут на воз или на сани мать, возят ее на себе по селу, а она, набрав горелки и закусок, их поит и кормит на улицах; следом за нею поют и танцуют известную песню *журавля: «А внадывся журавель до бабыных конопель».*

Совершенно иное дело, когда молодая не исполняла обязанностей девических и не оправдала надежд.

Нередко первым приветствием принимает она пощечину от молодого или нагайку по спине; он говорит тогда: *«Иды, просы людей, а я за тебе не буду одвичать и прыдан твоих не хочу знать».* Она идет

к свекру и свекрови, падает им в ноги, просит ее простить. Ей отвечают: *«Як ты так поступыла, то и прыдан твоих не хочемо знаты. Хлопци! А робить прыданам насмишку за йих безчесну родыну!»* Молодые люди вяжут из соломы хомуты, надевают их на придан, завязывают им головы онучами и выгоняют из избы. Женщины поют:

Ой, щоб тоби да морозоньку! (bis)
Що зморозыв да калыноньку,
Да засмутыв да родыноньку.

Или:

Ой, гур, гур по дорози,
Батько нис отморозыв,
Наша паниматка
Не злюбыла батька,
Що короткий нис;
Нумо вал валыты,
Батьку носа доточыты!
Наша паниматка
Полюбыла батька,
Що подовшав нис.

Понедельник

Бояре и дружки приходят к молодым; молодая берет ковш с водою, взливает дружкам на руки и дает им по рушнику. Обтерши руки, они повязывают рушники через плечо; бояре получают от нее по красной стенжке и по платку. Бояре надевают на высокий шест красный платок в виде знамени; дружко вводит молодых к отцу и матери, они просят прощения; батько и мать хвалят молодую за честь. Дружки приносят блинцы, паляницы и сало на завтрак молодым, ведут их в комору, потчуют горелкой и закуской; танцуют, расходятся по домам. Молодая дарит дружкам по красному поясу; дружки перевязывают себя навкрест через плечи; молодые женщины перевязывают всем головы красною заполочью; молодая пара наряжается, ее ведут в церковь, а мать остается с старухами и пекут пирожки для свата и его родных за то, что получила невинную невестку.

Молодые заходят к свату, приносят ему склянку горелки, курицу, калач, платок и денег. Он ведет их в церковь и накрывает молодую намыткою; когда она выходит с мужем из церкви, женщины поют:

Ой, мы булы в Бога! (bis);
Да молыся Богу
И Духу Святому,
Андриечку молодому,
И святой Пятынци,
Марусиной матинци.
Вона йии да й уродыла
Хорошаго челядына.

Приходят в избу к матери и батьку, мать берет вико из дежи, застилает его платком, кладет на него хлеб и соль; батько ее берет и выходят к молодым. Они кланяются молодому, поздравляют его с женою и приглашают в избу; там усаживают за стол, сваха накрывает молодую платком; дружко говорит: *Тату! А дывысь сегодни по-выдному, бо ты учора не разглядив: може слипа або крыва?»* Батько берет палку и палкою снимает платок и намытку; он обводит молодых три раза кругом, дарит их волами или конями, мать — коровой или овцами, батько затыкает платок себе у бока, а мать подпоясывается намыткою и танцуют. Батько берет склянку горелки и потчует всех; мать вносит перепиец и стакан меду, ставит их на столе; дружко режет перепиец и, намазав медом, подносит всем; люди благодарят молодым за честь.

Дружко выводит молодых на двор; с боярами потанцовавши, подносит на тарелке боярам по чарке водки, они кладут на тарелку по грошу. В то же время дружко идет с матерью в комору готовить пирожки. Они связывают их по паре заполочью двадцать семь (тридевять) пар, кладут в миску; дружко вносит в хату, ставит на столе; молодая приносит к дружку два рушника и два красных пояса; дружко подстилает под миску рушники и пояса; батько увязывает миску и пирожки рушниками и поясами; мать подает дружку буханец, дружко обвязывает его заполочью, натыкает кистями калины и требует от батька благословения идти к сватам. Батько берет пирожки со стола, отдает их дружку, поддружему подает склянку горелки для могорыча, который должно будет там выпить после раздачи тамошним родственникам пирожков; молодая отдает свою сорочку, украшенную стенжками и калиною; дружко берет пирожки, молодого и музыку и идет к тестю.

Пришедши туда, кланяются буханцом, тесть принимает, благодарит за них свата и сваху, а детей благодарит за честность; дружко говорит: *«Свату! Прынявший малый хлиб, просым принять и велыкий».* Тогда тесть берет у дружка пирожки, ставит на стол, просит за стол дружков и молодого и потчует их горелкою. Его весильные молодые женщины поют:

Здавим дружка за жыжку (bis),
Нехай поведе у хижку,
Да будемо знаты,
Якои спиваты.

Дружко ведет их в хижу, показывает сорочку, возвращаются в избу, скачут по лавкам и услонам; молодой сидит за столом и, наклоня голову на стол, ожидает, пока кончат скакать; обскакавши, садятся за стол; дружко говорит тестю: *«Свату, благословы сей чесный хлиб на родычив роздать». «Боже, благословы!»*

Дружко: *«Старосто й пане пидстаросто!» «Рады слухать!» «Обыскайте сього дому ключныка, чи не одымкнув бы сього палоба? Мы свои дорогою ключи погубылы». «Оттож ключнык — батько голова-*

тый; у його ключи до того палоба». «Постарайсь, тесте, послухай, ключи до сього палоба, бо се ваша прыбыль, а нас не гайте». «Добре,— отвечает тесть,— *побачу, що тут за прыбыль, може й одымкну».*

Он развязывает рушники и пояса, дружко говорит поддружему: *«А шукай талирки».* Поддружий подает тарелки, на которых дружко разносит пирожки тестю, теще и их родным; женщины поют:

Ой, добри булы бережки,
Заробылы матери пырижкы,
Хоч не пшенычны, дак ялыны
Нашому родоньку з подячыны.

Тесть подносит водку всем подряд; дружки, раздавши пирожки, просят, чтоб еще теща водкою попотчевала, рушниками перевязываются *«за труда»,* поясами подпоясываются *«на красу молодой»;* тесть требует от дружков частованья, говоря им: *«Ни, сваты! Треба ще й од вас, а маты описля почастуе».* Дружко вынимает из-за пазухи склянку и потчует всех.

Теща подает обедать, после обеда наливает варенуху; женщины поют:

Шипшына чи не дерево?
Поколола усе черево;
Да будемо узвар варыть,
Да будемо черево. . . . . .

Тогда все благодарят за хлеб и соль, молодой просит тестя и тещу к своему отцу; это называется *у перезву.* Дружко туда же приглашает всех гостей. Молодой берет тещу под руку. Женщины поют:

Ой, зять тещу веде (bis)
Да за товстее ребро,
Щоб йеи дочци добро.

Приходит к батьковой избе, боярин берет вышеописанную хоругвь, обходит с нею три раза вокруг молодого и сватов, а *перезвяне* хотят ее вырвать у него, если не купить им горелки, и поют:

Де твоя, Марусенько, кытайка,
Що учора прывезла од батька?
Да постелы, Марусенько, по двору
Свойому родоньку на славу.

Тогда выходят с буханцем мать и отец, целуются с сватом, приглашают к себе их и перезвян, садятся за стол; женщины поют:

Розсунь, свату, розсунь, свату,
Велыкую перезву маеш;
Де ж ты нас да подиваеш?

Батько частует сватов и стариков; дружко — молодых людей; молодые женщины — молодого; они выходят в сени и поют:

Ой, спасыби тоби, сваточку,
За твою кудряву маточку,
За твою червону калыну,
За твою чесну дытыну.

Дружко, попотчевав, вводит в избу молодую; она целуется с своими родителями и родными, а женщины-перезвянки поют:

Знаты Марусеньку, знаты (bis),
У которой хаты
Черчыков обсыпана,
Калыною обтыкана.

Дружки ставят чарки на тарелках, батько подает молодым по склянке горелки. Молодые передают их дружкам, а сами берут тарелки с чарками; дружко наливает горелку в чарку молодого, поддружий — в чарку молодой; те же подносят всем, начиная с отца и матери; отец и мать повторяют названия подарков, ими сделанных по возвращении молодых из церкви. Потом отец и мать молодой, все родственники и посетители тоже делают подарки, кто какие может: рогатый скот, овцы, свиньи, хлеб, деньги, холст, намытки, хустки и проч. Все это дружки отмечают, а женщины поют:

Ой, роде, роде богатый,
Да даруйте товар рогатый;
А вы, приданки,—
Серпанки!
Ой, хоч не товар, дак вивци,
Бо вже наша Марусенька в намитци.

Перезвянки, сидя за столом, в то же время поют:

Тут наша родына
Тут нам заробыла:
И пыты и йисты
И на покути систы.

Хозяин разливает горелку в мыски, дружки ставят их на стол и подают большую чарку перезвянам, которые сами пьют без потчеванья. Мать готовит ужин, дружко приглашает перезвян к ужину и уходит в комору к молодым. Дружко:

— *А що вы, молодыи, выкупылы у боярына из корогвы платок?*

— *Ни ще.*

— *Э, дак дайте им за труд могорыч, кварту горилки й возмить свое.*

Молодые кличут в комору бояр, потчуют, целуются с ними, берут платок, а бояре уходят на досвитки с квартою горелки. Перезвяне, поужинавши, благодарят, садятся снова и принимаются за варенуху.

Молодые зовут своих отцов и матерей в комору, угощают их особенным ужином, целуют им руки. Когда эти посетители выйдут из коморы, тогда дружки зовут молодых в избу, а сами садятся за стол. Молодые входят, раскланиваются, благодарят дружков за труд и просят отдачи поясов, которыми были увязаны пирожки.

Дружки говорят: *«Дайте нам четыре рушники, которыи нам слидують, и пиввидра горилки за наш труд; дак мы почастуемо людей и поясы вам оддамо»*. Молодой вносит две пляшки горелки и подает дружкам; молодая подает им по 4 рушника. Дружко: *«Ще, молода, дай два рушныка й музыци, бо й той трудывсь»*. Она подает. Дружки снимают пояса, отдают их молодой, потчуют отца и мать горелкою; отец вносит свою пляшку горелки, подносит всем, прощаются и расходятся.

Вторник

Дружки и родные приходят в дом молодого, благодарят отцу за понедельник и говорят: *«Тату, учора попсував, а сьогодня поправ»*. Отец вносит горелку и потчует их великою чаркою; дружки, выпивши, идут в комору к молодым, берут коровай молодого, чтоб разделить его на родных; молодая стелет *«на вици»* два рушника, кладут на них коровай, вносят в хату, ставят на столе и просят благословения от отца, чтоб *«сей чесный хлиб на родычив роздать»*. Раздавши коровай, батько дает по бутылке горелки дружкам и они потчуют родных по обряду, как и в понедельник. Обнесши всех, по приглашению батька садятся за стол, подают завтрак, и снова батько частует всех великою чаркою, приговаривая перед каждым: *«Выбачайте!»* Тогда дружко и поддружий просят отца, мать молодых и всех родственников к себе; там обедают; потом крестные отцы, матери, старосты просят к себе, что продолжается до субботы. Молодые люди обоего пола, которые не ходят по «беседам», наряжаются в разные костюмы: польские, цыганские, жидовские и проч., ходят по селу с музыкою, собирают с дворов кур, ягнят, поросят, муку, рыбу, сало и сносят все это к батьку в дом, где потом его же и мать угощают ужинами. В субботу все идут к тестю и теще обедать, а к свекру и свекрови ужинать, чем и оканчивается свадьба, т. е. «весилье».

ПРОСТОНАРОДНАЯ КУХНЯ, ДЕСЕРТ И НАПИТКИ

КУХНЯ

БАБКА. Отбить яиц в чашку, растереть с коровьим маслом, положить соли и муки, развести сливками, смазать кастрюль коровьим маслом, налить туда раствор и поставить в печь, чтобы спеклось; должно наливать полкастрюли; коль скоро подымется вровне с кастрюльными краями, скорее вынимать, а не то опадет и не будет годиться. Кто желает бабку сладкую, тот пусть кладет сахар вместо соли.

БОРЩ. Капуста, буряки и мясо вкладываются в горшок, их затолкут хорошим свиным салом и зальют буряковым квасом; когда борщ вскипит, его солют и потом опять кладут сало с луком, а при подаче кладут сметану. Если же пост, то вместо мяса, сала и сметаны кладется рыба и конопляное масло с поджаренным луком.

БУЖАНИНА. Взяв задний свиной окорок с салом, но без кожи, нашпиговать его луком и чесноком, натереть солью и перцем, положить в кадку, налить его хлебным напиточным квасом, положить простой, а не аглицкой мяты, прибавить уксусу 1/4 кварты, дать вымокнуть сутки, вынуть, положить в большую кастрюль, накидать лаврового листа и стать жарить, закрывши кастрюль плотно, чтоб упарилась и чтоб под нею сделался красный сок. Подавать холодную.

БУХАНЦИ С КОВЬЯРОМ. Отваривают говядину с солью, а между тем учиниваются ржаные с гречневою мукою лепешки, и это подается вместе. Буханци не должны быть помазаны ничем.

БАБА-ШАРПАНИНА. Отварить тарань или чабак, вынуть его из бульону, обобрать кости, поломать кусочками, положить эти кусочки на сковороду, разболтать пшеничного теста на этом бульоне, как размазню, положить в тесто поджаренной олеи с луком, прилить этим кусочки рыбы, посыпать перцем, потом поставить в духовую печь и когда подымется — подавать.

БУБЛИКИ. Учинить пшеничное тесто, когда подойдет опара, месить круто на постном или скоромном масле, дать подойти тесту, катать тонко, дать форму кольца, присыпать маком или солью или чернушкой; потом обварить и посадить в печь.

БУРЯКИ. Отварить кислые или пресные буряки, просолить, изрезав прежде в кружки, поджарить в постном масле, прилить хреном с буряковым квасом или с уксусом и подавать.

ВАРЕНЫКИ; бывают с сыром, с *урдою*, т. е. маком, из которого выжато молоко, с ягодами: вишнями, земляникою, наконец, с мясом и называются тогда *гилуны*. Взять пшеничной или гречневой муки, замесить на воде густо, раскатать на столе качалкою, порезать на четвероугольники, лепить с вышесказанным фаршем; они станут треугольниками; варить в кипятке и когда готовы — подавать: те, что с сыром,— при сметане, что с урдою,— при постном масле, что с ягодами,— при меду, что с мясом,— при масле коровьем.

ВАРЕНЫЦИ — тесто, как предыдущее, но без фаршу.

ВЬЮНЫ С ХРЕНОМ. Зажарить в постном или скоромном масле вьюны, сложить их на блюдо; стереть хрену на терку, размешать хрен с маслом, солью и уксусом, прилить вьюны и подавать.

ГИЛУНЫ; см. вареники.

ГАЛУШКИ. Взять гречаной муки, подбить на воде довольно густо, кидать ложкою в кипящую посоленную воду, полчаса покипятить, положить постного или скоромного масла или сала свиного с луком и подавать.

ГАЛУШКИ В КВАСУ. Сделать из ржаной муки галушки; поставить бурякового квасу пополам с водою; положить поджаренного с постным маслом луку; вскипятить и класть галушки в этот квас.

ГОЛУБЦИ: пшенная каша, завернутая в листья капусты и поджаренная в постном масле. При подаче должно быть постное масло, поджаренное с луком.

ГРЕЧАНЫЕ ПАМПУХИ С ЧЕСНОКОМ. Взять гречишного теста, замесить, поставить на печь, чтоб подошло, выкатывать круглыми шариками, кидать в кипяток почти целый час, вынуть на сито, растереть в макитре чесноку с постным маслом, класть туда пампушки, присолить солью и подавать.

ГРЕЧАНЫКИ; взять гречишного теста; когда будет готово, сажать на капустный лист и в печку; растереть конопляного семени с солью и водой, смазывать гречаныки; и снова в печку, пока будут готовы.

ГАРБУЗЫ ВАРЕНЫЕ. Очистить тыкву, накрошить в горшок, налить водой, поставить в печь; когда сварится, класть пшено; когда готово — немного соли, маку или семени конопляного; а если не пост, так вместо маку и семени — молоко, масло и яйцы.

ГАРБУЗЫ ПЕЧЕНЫЕ; разрезать тыкву надвое и печь просто; подавать с маслом.

ГУРКИ СОЛЕНЫЕ изрезываются на тонкие куски и подаются с луком, тоже изрезанным в ломти, с квасом и с постным маслом.

ДРАГЛИ ИЗ СВИНЫХ НОГ. Подаются на заговенье перед Масленицею. Очистить свиные ноги, сварить в горшке с солью, растереть чесноку в макитре, смешать с бульоном, в котором варились ноги, и, смешав с ногами, разлив в мыски, застудить. Когда застынет, подавать. Называется *ножкове пущенье*.

ЗАТИРКА. Взять пшеничной муки, сколько нужно, замесить тесто очень круто, срубить его мелко, катать кусочки в руках в форму шариков, а чтоб их поравнять, подсевать на решето, класть в присоленный кипяток, когда сварится — подавать с маслом.

ЗУБЦИ. Обтолченный ячмень сварить прежде в воде, а потом два раза вскипятить его в молоке из конопляного семени.

ИНДЫК С ПОДЛИВОЮ. Индейку изжарить; под нею будет сок, положить в этот сок луку, чтоб он поджарился; поджарить особо муки с маслом, разводить это вышесказанным соком, положить туда сметаны и уксусу по вкусу; облить индейку и поставить в печь, чтоб напиталась, и подавать в соку.

КОВБАСЫ. Свиное мясо с салом порезать в куски, посыпать солью, перцем и набить этим кишки свиные же; опечь в простой печи, а перед подачею поджарить. *Кровяные* делают так: протирают кровь сквозь решето, нарезают сала мелкими кусочками, намачивают пшеничного хлеба в молоке; этот хлеб растереть и класть туда сало, кровь, соль, перец и яйцы, с белком и желтком разболтанные, потом наполнить этим кишки и варить, а перед подачею поджарить.

Печеночные: варят свиную печенку с салом; сваривши, толочь ее в ступке, протирать на решето, еще нарезать в кусочки сало и класть туда с перцем и солью яйцы по вкусу; все это набить в кишку и варить, перед подачею поджарить.

КИШКИ. Набить свиные кишки пшенною кашею, сделанною на молоке, а потом жарить с растопленном сале; такие же делаются с гречневыми крупами: обваривают крупы кипятком, кладут сало, набивают кишку и потом жарят в сале.

КЕНДЮХ, свиной желудок. Взяв грудины, где сало проросло мясом, изрезать в куски, просолить мелко изрубленным луком, солью, перцем и начинить кендюх, потом жарить и подавать холодный или горячий, как кто любит. Другой сорт: *кендюх вареный*. Взять сырую голову свиную, сварить, обобрать мясо от костей, срубить мелко, положить соли и перцу, начинить этим кендюх, зашить и варить в том бульоне, в котором кипела голова; потом вынуть и застудить.

КУТЬЯ, подается 24 декабря, 31 декабря и 5 января за ужином. Бывает ячменная, пшеничная и рисовая. Обтолочь ячмень или пшеницу и варить в воде. Подается с молоком: конопляным, маковым, миндальным — или разведеным медом, называемым *сыта*; в сыту набрасывают миндаль, грецкие и простые орехи. Против 1 января подают к кутье и сливки.

КНЫШИ. Учинить житного теста, замесить гречаною мукою; когда подойдет, выкатывать на стол; лепить кныши посредством ложки, обмакиваемой в растопленное свинное сало. Слепивши, сажать в печь, а потом вынувши, опять смазывать свиным салом.

КУЛИШ. Смыть круп или пшена в горшке, налить водой и сварить с постным или коровьим маслом или с свиным салом.

КИСИЛЬ. Взять овсяной муки, положить в горшок, развесть теплою водою; положить кислого теста, поставить на печь, чтобы подошло тесто, процедить на сито, наложить в горшок; варить, простудить и подавать с маковым или другим молоком или с медовою сытою.

КОРЖ. Замесить пресного пшеничного теста, раскатать его тонко и посадить в печку; смять маку в макитре с солью, покрошить корж в мак и подавать. Делают также *коржики*, замешивая на гусином жире, и едят сухие.

КАПУСТА С КОЛБАСОЮ. Шаткованная капуста поджаривается в сале и кладутся туда куски колбасы.

КАРТОФЕЛЬ С САЛОМ. Сварить и очистить картофель, изрезать в кружки, жарить в свином сале; нарезать свиного сала мелкими кусками, жарить сало с луком, смешать с картофелем и присыпать тертым пшеничным хлебом.

КАРТОФЕЛЬ С МАКОМ. Очистить и сварить картофель в соленой воде; слить воду прочь, тереть в макитре качалкою карто-

фель, пересыпать его толченым маком, сложить потом в макитру, поставить в печь, чтоб зажарился.

КАПУСТА СИЧЕНА. Рубить капусту и квасить.

КАПУСТА ШАТКОВАННАЯ. Режут мелко узкими полосками, солят, притрушивают чернушкою и складывают в бочки.

КУЛЫКИ. Взять гречаного теста, замесить и покатать длинными лепешками; сварить в воде с солью; сжарить постного масла с луком, положить в макитру или мыску лепешки, облить маслом с луком и, перемешав, подавать.

КРАШАНКИ. Вареные круто яйцы подаются на Светлый праздник окрашенными в красную краску — сандалом с квасцами.

КАША бывает пшенная, гречневая, овсяная, ячная и проч. и проч. Общее кушанье для русских, известное каждому.

КВАША. Взять ржаной муки, гречишной и солоду, положить в кадушку, размешать полукипяченою водою, дать полчаса или час посолодать; вскипятить сильно другую воду и разводить по вкусу, чтобы была жидкая или густая, кто как любит; поставить на печку в теплое место, чтоб приняла кислоту; тогда варить в горшке и, вскипятивши, подавать.

КОРОВАЙ — свадебный хлеб. Делается, как обыкновенная булка, но размер большой; потом накладывается вымятые из того же теста и спеченные так же, как и хлеб, шишечки, голуби, вензеля и проч. Знамениты короваи лубенские.

ЛЕМИШКА. Поджарить ситной или гречневой муки; поджарив, развести соленым кипятком; сложить в горшок, поставить в печь на один час; подавать до коровьего масла или до поджаренного постного с луком.

ЛЕМИШКА С КОНОПЛЯНЫМ СЕМЕНЕМ. Сделавши лемишку как обыкновенно, столочь семя и катать в семени лепешками, складывать в макитру, ставить в печь, чтоб зажарилась.

ЛОБОДЯНКА. Взять молодой лободы, искрошить и перемыть в холодной воде, поставить вариться; как будет готова, положить пшена, толченого свиного сала и ставить варить опять, чтоб загустела, как каша.

ЛОКШЫНА. Замесить пшеничного теста на яйцах, раскатив в тонкий пласт, изрезать узкими полосами и сварить в воде с маслом или в молоке.

МАКУХА. Выжимки маковые или конопляные, остающиеся от масла и молока, также из тыквенных семян.

МЕДОВЫЙ ШУЛЫК — то же, что и корж, только на меду сделанный.

ОСЕЛЕДЦИ — крымские и донские сельди мелкие и крупные, сильно соленые; очищают их, изрезывают и едят с уксусом и перцом.

ПАШКЕТЫ В КАХЛЯХ. Кахли — это печные изразцы; за неимением паштетных форм зажиточные крестьяне готовят это блюдо

в кахлях. замешивают пшеничное тесто с маслом и с молоком; обкладывают этим тестом кахлю, вымазавши ее прежде маслом, кладут гусиные почки, печенки, кусочки мяса, заливают толченою печенкою, закрывают его краями того же теста, ставят в печку пектись, пока будет готово.

ПУТРЯ. Варить ячменную кутью; выложить ее в ночовки, обсыпать житним солодом, перемешать хорошенько, сложить в кадушку, налить сладким квасом, поставить в теплое место на сутки.

ПЕЛЮСТКИ. Взять качан капусты, отварить, раскрыть листки и начинить мясным фаршем, сложить опять листки и сварить в воде. Вынув из воды на мыску, облить коровьим маслом.

ПЕЛЮСТКИ СОЛЕНЫЕ. Разрезать качан капусты начетверо, посолить и сложить в шаткованную капусту. Вынимая оттуда, подавать.

ПЕЧЕРЫЦИ. Это шампиньоны; жарят их на сковороде, как обыкновенно то делается с грибами.

ПАЛЯНЫЦИ; см. кныши. Все различие в форме; паляницы — плоски.

ПАЛЯНЫЧКИ ИЗ ОВЕЧЬЕГО СЫРУ. Взять овечьего молока, *заглягать* его, когда станет творогом, помешать, чтоб лучше становился, откинуть его в холстяную торбочку, чтоб сыворотка стекла, и дать так повисеть часа три; катать в величину, какую угодно, паланычки, сажать на железный лист и ставить в горячую печку на полчаса; вынуть, дать остыть; а при подаче поджаривать докрасна на сковороде в масле.

«Заглягать» — значит взять из маленького ягненка, который не ел еще травы, т. е. из сосуна, пузырь, из которого делают рубцы, что называется в Малороссии *гляги, глягушки*, положить его с вечера на завтра в сыровце, на другой день в ведро парного овечьего молока влить три ложки этого сыровцу, глягушку же оставить в сыровце. Молоко превратится в пресный сыр. Это значит *гляганый сыр*.

ПУНДЫК. Взять пшеничного кислого теста, покатать коржиками, поджарить луку с олеею, перекладывать на каждый коржик этого луку, а на лук коржик слоев в 15 или 20; поставить в печь, когда готов — вынуть, смазать маслом и подавать.

ПУНДЫК СКОРОМНЫЙ. Срезать лапши пшеничной, отварить ее на молоке или на воде, положить масла, яиц, сложить это в каменную макитру, поставить в печь; когда будет готов — подавать с маслом.

Точь-в-точь жидовки приготовляют так свой *гугель*.

ПОРЕБРЫНА. Поджарить с луком покрошенную поребрыну, налить буряковым квасом, варить и когда готова будет — подавать. Другой сорт: поджарить с луком и капустою и подавать жареную.

ПРЯЖЕНЯ. Набить яиц в чашку, разболтать, положить пшеничной муки, развесть молоком, жарить на сквороде, мешая ложкою.

Другое: яичница обыкновенная с кусками свиного сала. Третье: такая же с колбасою.

ПОЛОТКИ. Вынуть из гуся грудь, посолить солью. Возьмем пропорцию десять полотков: нужно фунт соли, лот мелкого перцу, лот селитры, лот лаврового листа, 4 лота толченого можжевельника; все эти припасы смешать, обсыпать полотки, сложить в кадку, нагнетить плотно; поставить на 12 дней; вынуть, обвернуть бумагою, повесить в дым на 8 суток, чтоб дым все это время курился; потом вывесить в сухом месте на сквозном ветре на сутки, чтоб обдуло дым.

ПЕРЕПИЧКА. Когда готово тесто для обыкновенного хлеба, то взять этого теста, расплескать его на столе, положить сала или масла на сковороду, подогреть и положить туда расплесканное тесто; потом печь с четверть часа; должна быть горячею подана на завтрак.

ПЛЕСКАНА. Сделать гречишную лемишку; потом истолочь и просеять конопляного семя на решето, катать с этим семенем лемишку, давая форму палянычек, и, обтаптывая крепко, складывать в макитру; потом поставить в печь, чтоб поджарились.

ПОТРУХИ В ЮЩЦИ. Гусиные лапки, крылья, печенки, почки, пупки сложить в кастрюль и варить; когда вскипит два раза, очистить, положить луку и крупных ячных круп, потом подавать.

ПАСКА. Хлеб кислый и сладкий, подающийся только на Светлый праздник. *СЛАДКАЯ ПАСКА*: взять кварту молока, вскипятить, положить фунт муки крупичатой в каменную чашку и разводить вскипяченным молоком, положить 1/8 фунта сахару, дать остыть, но не совсем холодно, а чтоб только можно было класть дрожжи; положить столовую винную рюмку дрожжей и поставить, чтоб подходило; когда будет готова, процедить сквозь сито — это будет опара. Отбить яичных желтков без белков и кадушку 50, положить мелко столченного сахару $1^1/_2$ фунта, тереть желтки с сахаром в макитре целый час, чтоб хорошо размешались, положить муки пшеничной 2 фунта и два столовых стакана (в 1/4 кварты) опары; бить тесто три часа, а если нужно, то и долее; поставить в теплое место, чтоб подошло; когда подойдет — месить на столе, положивши 1/8 фунта сливочного масла, и месить долго; положить в формы, сделанные из бумаги и вымазанные маслом, и поставить в печь — не холодную и не жаркую, а главное, просторную и высокую. Не имеющие сахару кладут мед, и это называется *паскою медовою*. *ПАСКА КИСЛАЯ* делается так же: только не кладут ни сахару, ни меду.

РЕДЬКА изрезывается в тонкие ломти, просоливается, подается прилитая самым лучшим конопляным маслом.

РУБЦИ. Берутся из барана рубцы, очищаются, вымываются чистою водою; ставят их варить, и когда будут готовы, вбросить в холодную воду. Между тем положить в кастрюль масла, крупичатой муки и поджарить, развести говяжьим бульоном, поставить кипеть, вынуть рубцы из холодной воды, искрошить наподобие лапши и вложить в соус, прибавить перцу, коровьего масла и петрушки зелени, кто любит ее, кипятить в соусе и, положив в соус, в котором подаваться будет на стол, поставить еще на полчаса в печку, присыпав тертым хлебом. Готовят так же и юшку, приготовив сперва рубцы, как выше сказано; еще бараньи кишечки набивают кашею и прибавляют к рубцам.

СЛАСТИОНЫ. Ставят сперва пшеничного теста, дают подойти; когда тесто готово — помочить руку водою, взять тесто в руку, щипать его кусками и бросать на сковороду в масло скоромное или постное, где и жарить докрасна.

СТОВПЦИ. Сделать жидкое гречневое кислое тесто; заставить его подойти; повымазывать кухлыки постным маслом, поналивать их тестом и поставить в печь, чтоб пеклось. Есть с постным маслом. *Кухлык* есть стаканчик глиняный с полудой, имеющий дно уже краев.

СМАЛЕЦ. Гусиный жир, употребляющийся в приправах, соусах, коржах и проч.

СОЛОМАХА. Взять гречишного пресного теста, разболтать довольно жидко; вскипятить воды в горшке, посолить ее, запустить тесто в воду во время кипения; еще вскипятить, помешивая, и положить масла постного или коровьего.

САЛО СВИНОЕ. Откормленную превосходно, и самое лучшее — хлебом, свинью заколоть в грудь под правую лопатку ножом костоломом; осмалить осторожно, чтоб кожа не потрескалась; для чего поливают свинью водою, накладывают на нее солому и зажигают, что повторяется несколько раз с теми же предосторожностями; тогда обдать ее водою холодною, прикрыть соломою, она вспотеет, отпарится, пригар от кожи отстанет; потом оскоблить кожу, она сделается чиста и совершенно бела. Опять обмыть чистою водою, перевернуть брюхом вверх и выпотрошить. Снять сало полосами, каждая полоса должна иметь 3 вершка ширины в длину всей свиньи; порезать эти полосы квадратными кусками в 3 вершка длины или даже 4. Взять внутренность этой свиньи, называемую *здор*, обтирать куски сала солью (на пуд сала нужно 7 фунтов соли), засыпать их ею и складывать в здор; наполнивши здор туго, зашить его ниткою, обвязать навкрест крепко тремя соломенными крутенями, поставить в корыто на сутки, а потом повесить на ветре или в сарае, только не в сыром месте; чрез месяц оно готово. Тогда это сало употребляется в борще, в юшке, в жареном картофеле, в колбасах и проч. Подается кусками на завтрак без всякого приготовления; также нарезывается со споду до кожи четвероугольными в 1/2 вершка квадратами, не трогая только кожи, зажаривается на сквороде и подается; это называется у нас «смажене сало».

СВЫНЯЧА ГОЛОВА ДО ХРИНУ. Очистить, вымыть и поста-

вить вариться свиную голову; натереть хрену, сжарить хрен с маслом, положить туда муки, развести немножко бульоном, положить сметаны и вскипятить с небольшим количеством соли, вынуть голову, отделить от нее нижнюю челюсть, облить хреновым соусом и подавать.

СВЫНЯЧА ПЕЧИНКА З ЧАСНЫКОМ. Отварить печенку, срезать сваренную в длинные тонкие куски, стереть чесноку с свиным салом; облить этим печенку, сложив ее прежде на сковороду. Присыпавши тертым пшеничным хлебом, поставить в печь, чтоб зажарилась.

САЛЬНЫК. Столочь печенку свиную, заварить гречневую кашу, смешать ее с печенкою; положить перцу и соли; влить туда топленого свиного сала; обложить кастрюль внутренним салом, т. е. *чецом*; положить туда печенку с кашею; закрыть внутренним салом, поставить в печь; когда изжарится — подавать.

СИЛЬ-КРЫМКА и СИЛЬ-БАХМУТКА. Первая соль предпочитается второй.

СЫР ГЛЯГАНЫЙ приготовляется коровий и овечий, как выше сказано. См. палянычки из овечьего сыру.

ТАРАНЬ отваривают в воде, вынимают на блюдо и подают с сырым изрезанным луком и уксусом.

ТАРАНЬ С МЕДОМ. Сварить тарань в воде, очистить, изрезать в куски, обвалять в муку, положить на сковороду, облить медом и поджарить.

ТАРАТУТА. Взять свежих буряков, очистить, изрезать в кружки и варить; когда сварятся — вынуть в каменную чашку, искрошить соленых огурцов в кружки, смешать с хреном, луком и постным маслом; потом налить все это в огуречный рассол, смешанный пол-напол с буряковым отваром, и поставить в холодное место на сутки, а чрез сутки подавать.

ТЕТЕРЯ. Взять гречишного теста, разболтать, как для блинов, вымыть пшена равное количество с мукою, варить в горшке, посолить и положить масла постного или скоромного, наконец, все это вместе вскипятить.

ТОВЧЕНЫКИ. Взять щуку, карася или какой другой рыбы свежей или просоленной, искрошить рыбное мясо, ножом отобрав кости, толочь в деревянной ступке, положить муки, соли, перцу и постного масла и бросить в воду-кипяток; вынув из кипятка, облить постным маслом и луком жареным.

ТОВЧЕНЫКИ СКОРОМНЫЕ: то же приготовление, но вместо рыбы — мясо, а вместо масла постного — скоромное.

УЗВАР подается вечером 24 декабря, 31 декабря и 5 января. Взять сухих груш, яблок, вишен, слив, изюму, винных ягод и рожков; обмыть и налить кипяченою водою; накрыть крышкою, поставить в печь до утра; поутру вынуть из печи, налить меду и поставить в холодное место, а вечером подавать.

ХРИН С КВАСОМ. Натереть хрену, растереть его с солью и постным маслом, развести буряковым квасом и есть с хлебом. Это блюдо подают в понедельник 1-ой недели Великого поста. Называется: «заправляться хрином».

ХОМЫ С КОНОПЛЯНЫМ СЕМЕНЕМ. Взять хорошего чистого гороху, сварить с солью, растереть в макитре, положить толченого и просеянного на решето конопляного семени, смешать хорошенько с горохом, покатать, как большие пампушки, сложить в мыску и поставить минут на десять в печь; есть горячие.

ЧАХОН и ЧАБАК. См. тарань. Приготовляется одинаково.

ЧЕРВЯЧКИ. Сварить гречневую кашу густо, протереть ее на мочалочное решето, она станет червячками; намочить в горячей воде маку, растереть качалкой в макитре, разведши холодной водой; процедить на сито и подавать этот мак к червячкам.

ШПУНДРА С БУРЯКАМИ. Взять свиной грудины, поджарить с луком на сковороде, положить муки, налить буряковым квасом, нарезать в виде шпека буряков вместе с грудиной, сложить в горшок и сварить.

ЮШКА. Это суп; делается с картофелем, с фасолью, с пастернаком, как обыкновенный суп, с салом или с постным маслом.[17]

ПРОСТОНАРОДНЫЙ МАЛОРОССИЙСКИЙ ДЕСЕРТ

Он состоит, как обыкновенно, из сырых и из запросто приготовленных фруктов; фрукты эти: груши, яблоки, вишни, черешни, сливы, крыжовник, смородина, земляника, полуницы, суницы, ежевика, дыни, кавуны, терн, бузиновые ягоды, калина, малина.

Лакомства несладкие: паслион, козельцы, маковки водяные, мак обыкновенный, семена подсолнечные и тыквенные, орехи лесные.

Лакомства покупные: пряники, медовые орехи, рожки.

Из фруктов делаются кисели.

БУЗИНОВЫЙ КИСИЛЬ: Взять ягод, начистить без корешков, высыпать в ночовки и перетереть в ночовках с мукою ржаною; сложить в горшок полно, налить кипящею водою, можно класть и не класть туда свежие груши с дерева; варить его часа полтора, а потом засунуть в печь часа на полтора, чтоб упрел. Есть его можно с медом и без меду.

ГРУШОВЫЙ, ЯБЛОЧНЫЙ, СЛИВНОЙ, ВИШНЕВЫЙ, ЗЕМЛЯНИЧНЫЙ и ЕЖЕВИЧНЫЙ КИСЕЛИ делаются одинаково: сварить фрукты, протереть на мочалочное решето, положить в этот мармелад муки пшеничной или картофельной, развести отваром, в котором кипел фрукт, и поставить, мешая лопаткой, пока вскипит.

КАЛИНОВЫЙ КИСИЛЬ делается, как и бузиновый, только обваливается мукою пшеничною; косточек не вынимать.

КАЛЫННЫК; т. е. хлеб с калиною. Взять теста, которое готовится на простой хлеб, начистить калины и смесить с тестом, чтоб ягод больше было, нежели теста; потом скатать, дав форму хлеба, поставить на печь, чтоб подошел; сажать в горячую печь, как хлеб.

Сверх того сушат просто, а иногда в меду все эти фрукты; тогда их употребляют сухими или в узварах.

ВАРЕНЫКИ С СУХИМИ ГРУШАМИ. Столочь в ступке сухих груш, размешать с медом; лепить вареники, как обыкновенно. См. вареники.

Все же эти фрукты и ягоды варятся в меду, как варенья; см. повыдло. Все медовые варенья называются повыдлами.

ПАСЛИОН. Из него едят ягоды.

КОЗЕЛЬЦЫ. Из них едят стебли.

ВОДЯНЫЕ МАКОВКИ. Из них — кашку цветка.

МАК, когда созреет, то вытрушивают головку и — прямо в рот.

СЕМЕНА ТЫКВЕННЫЕ И ПОДСОЛНЕЧНЫЕ. Это любимое девичье занятие — сидеть и «лузать симечко».

ПРЯНИКИ; имеют множество форм: петушками, двуглавыми орлами, кониками с позолотою и без позолоты и проч.

Вскипятить мед без очистки шуму, положить пшеничной муки в деревянные ночовки, размешать муку с медом (на 10 фунтов муки нужно 5 фунтов меду). Поставить в печь на ночь, накрывши чистым полотенцем; вынуть из печи и замесить; опять поставить в печь; когда сделается горячим, вынуть на стол и тереть в руках на столе, покуда простынет; тогда положить 4 лота поташу; с поташем перетереть так, чтоб сделался рыхлым, как губка; давать форму, выпечатывать печати, класть на железный с ножками лист и ставить в посредственно теплую печь. Это *пряники городские*.

Вскипятив мед без очистки шуму, положить муки ржаной 10 фунтов на 5 меду, размешать в ночвах и бить горячее тесто в руках, пока побелеет и сделается мягким; тогда сложить на стол, насадить ядрами простых орехов. Потом дать формы лепешек, сосулек, квадратов и проч., не накладывая печатей, ибо орехи тому помешают. Ставить в печь на железном листе на 1/4 часа; они будут за это время готовы. Это *пряники деревенские*.

МЕДОВЫЕ ОРЕХИ. Из городского пряничного теста нарезать в кубики величиною с орех и засушивать, чтоб были крепко сухи.

ПАСТИЛЫ:

ЯБЛОЧНАЯ. Взять 50 путыков, спечь их, протереть на сито и положить этот мармелад в деревяную кадочку; тереть его долго; положить $1^1/_2$ фунта меду и продолжать тереть; когда начнет пениться, тогда, сбивши 8 штук яичных белков, положить их туда же и бить их 5 часов; все это превратится в пену; тогда накладывать на тарелки и ставить на ночь в ту печь, которая топилась поутру.

Вынув их из тарелок деревянным ножом, верх их будет ровный, а сподка от съемки ножом будет неровна. Эту сподку намазывать мармеладом таким, как и вчера, но вновь сделанным; потом класть в печь на деревянных лестничках, на полотенцах вверх новым мармеладом опять до утра;

ПОСТНАЯ МЕДОВАЯ бывает без яиц;

САХАРНАЯ; вместо меду — сахар и яйцы нужно класть; впрочем, делается как первая;

СЛИВНАЯ СЫРАЯ; спечь столько штук слив, чтоб, протерши на решето, составилось 2 фунта мармеладу; сварить 2 фунта меду или 2 фунта сахару, распустив его в очень небольшом количестве воды, чтоб сироп был очень густ. Класть туда мармелад и мешать на огне; когда он станет тянуться за лопатой, значит готов. Смочить блюдо водою и выложить; когда застынет — есть. Но его долго нельзя держать: можно дней до семи, до десяти.

Таким образом делаются из всех фруктов.

Употребляются в десерт вместо ликеру фрукты из-под наливок и из варенухи.

МАКОВНЫКИ. Варят мед; снимают пену; кладут мак и варят, покуда сделается густ и крепок; смачивают водою стол, выливают это на стол и, когда застынет, режут на тонкие четвероугольные куски; иногда вкладывают в мед мак, вкидывают орехи лесные.

ОРИХИ СМАЖЕНИ. Насыпают орехи в горячую печь, вынув оттуда, вкидывают в холодную воду и, когда простынут, вынимают.

ПОВЫДЛО; бывает яблочное, грушовое, вишневое, бузиновое и вообще из ягод. Поставить на 1 фунт ягод 2 фунта меду, а если кислы ягоды очень, как, например, ежевика, то и $2^1/_2$ фунта; переварить мед, очистить от шуму, класть ягоды, варить, пока сгустеет; чем более варить — тем лучше, лишь бы не превратилось в леденец. А если будет мало варено, то заиграет и скиснет.

СЦИЛЬНЫКИ — мед в сотах; необходимое блюдо, которое в церкви освящают 6 августа и подают с яблоками, грушами, тогда же святыми и освященными.

ШИШЕЧКИ. Замесить пшеничного теста на одних яйцах; покатать червячками, срезать мелко сухариками, жарить в коровьем масле, откинуть на сито, чтоб стекло масло прочь; переварить меду без шуму и класть сухарики в мед; потом в меду варить до пропорции; вынув, составлять из них шишечки в виде еловых, пока они теплы, для чего иметь воду холодную для смочки рук; потом, когда простынут и затвердеют, подавать.

НАПИТКИ

Их должно разделить на следующие разряды:

1) *не имеющие спиртуозности:* сыровец, квасы, березовый сок, кленовый сок;

2) *имеющие спиртуозность:* брага, мед, пиво и наливки, а именно: вишневка, сливянка, терновка, дуливка, рябиновка;

3) *спиртовые*, или *водки:* пинна, третепробна, перегонна. Если они нехороши — их зовут в насмешку сывуха, мокруха чыкылдыха. Настойки: калганивка, ганусивка, шапранивка, бодянивка, перчикивка, кусака;

4) *приготовленные на огне:* варенуха, запиканка.

СЫРОВЕЦ. Взять из ржаных отрубей пресного теста, высушить. Вынув из печки, поломать в куски и положить в кадку; налить это кипятком так, чтоб поняло только хлеб; дать часов 6 солодать; размешать веслом, положить кислого теста из дежи, откуда хлебы пекут; оставить играть и закисать сутки. Тогда развесть холодной водой, как отстоится — пить.

КВАСЫ делаются из лесных груш и яблок; груши печь, а яблоки оставлять сырыми; класть в бочки с водою, груши — особенно от яблок. Квасы будут готовы: груши через два месяца, а яблоки через три; бочки должны стоять в погребу.

БЕРЕЗОВЫЙ СОК делается в апреле; просверливается дырка в березе глубины два вершка; вкладывается туда дудка из бузины; под дудку ставят ведро. Когда сберется бочка, тогда класть в сок вощины, поджаренный горох или горячий ржаной хлеб, ставить в амбаре; через полторы недели можно пить.

КЛЕНОВЫЙ СОК — делается так же, но в марте.

БРАГА ИЗ ПРОСЯНОГО СОЛОДА. Взять этого солоду, запарить густо кипятком; дать несколько часов, примерно 8, солодать. Развести холодною водою и процедить на сито; слить в бочонки, поставить в холодное место на сутки.

МЕД — делается, как и в России.

ПИВО — тоже. И то и другое — любимые напитки малороссиян; пивоварни в Малороссии издавна составляли богатство владельцев и называются — *броварни*.

НАЛИВКИ все одинаково делаются; а именно: накладывается сороковая бочка какими-нибудь фруктами, особенно вишнями, сливами, терновками, рябиной, грушами или яблоками. Поэтому она называется вишневкой, сливянкой и проч.; ягод должно быть на 30 ведер, а на десять ведер пустоты; тогда налить всю эту бочку сполна хорошею, 20—26 градусов, водкою. Чрез $1^1/_2$ месяца будет готова. Сливы предпочитаются лубенские и опошнянские.

МУСУЛЕС. Сточить какую-нибудь наливку, рассытить меду, взять на ведро воды 5 фунтов меду и налить те ягоды, с которых слита наливка; количество этой жидкости само себя покажет. Недели через две мусулес будет готов. Когда сыта наливается, она должна быть тепла.

НАСТОЙКИ делаются просто: в 20-градусную горелку кладут калган, анис и проч. Настойка по специи получает имя. Чтоб скорей настоялась, ставят в горячую печь.

КУСАКА настаивается перцем, имбирем, кардамоном и другими специями, но главная пропорция — перцу.

Делают настойку на молодом березовом листе — эту считают полезною для желудка; называется БЕРЕЗОВКА.

ЗАПИКАНКА. Имбирь, перец стручковый, корица, гвоздика, мушкат, кардамон, лимонная корка; всего этого вместе 4 фунта на ведро 20-градусной горелки; все это вливается в большой горшок, который закрывается хлебною коркою, обмазывается пресным тестом так, чтоб воздух не проходил; ставится в горячую печь на 12 часов; чтоб не сорвало крышки, накладывается кирпич на хлебную корку. Вынув из печки, дать совершенно остынуть, тогда откупорить и слить жидкость в штоф.

ВАРЕНУХА. Все припасы те, что для узвару (см. узвар); налить их горелкой, положить меду по своему вкусу и немножко стручкового перцу. Закупорить горшок, как при запеканке, и поставить на 12 часов в горячую печь. Вынув, употреблять. Горячая вкуснее, а потом и фрукты едят.

Друкується за: *Маркевич Н.*
Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. К., 1860.

* В. П. МИЛОРАДОВИЧ *

Житье-бытье лубенского крестьянина

ЖИЛЬЕ

Выбор места под хату. Обряды закладин, накладки потолка и входин. Приметы на новоселье. Надворные постройки. Наружная сторона хаты, внутреннее ее расположение: пороги, печь, углы, хатние приметы

Хозяин, заметив ранней весной место усадьбы, прежде всего оттаявшее и просохшее, на котором и впоследствии не бывает по утрам обильной росы, предназначает это место для хаты, если оно выдержит следующие испытания. По обозначении кольями размеров

будущей хаты выкапываются четыре ямки на месте предполагаемых сох и в каждую из них кладется по горсти в тридевять зерен жита вместе с кусками ржаного хлеба на три ночи подряд. Если утром горсти эти окажутся нетронутыми, то смело можно строить дом на том месте: он будет хороший, полный. Разгребенная же рожь указывает на будущую убыль: семьи — если тронута кучка на предполагаемом «полу» (месте ночлега семьи), скота — если тронута покутняя горсть, собаки — в углу у дверей и кошки — на печке *(«Силькись, бо не буде кота, хоч доставай, хоч ни!»)*. Советуют поэтому в первых двух случаях несколько передвинуть сохи на другое место. Одновременно с этим опытом хозяин и сам должен лечь на том же месте и прислушиваться. Хорошо, когда вблизи раздастся песня, когда же послышится плач, то нечего рассчитывать на счастие в новом доме. В частности, ржание лошади, мычание коровы, птичий крик считаются указанием, что такие животные будут хорошо плодиться в новом хозяйстве; поэтому невыгодно услышать собачий лай. Еще оставляют на ночь в предполагаемом месте стола жито, хлеб, соль. Если забежавшая собака съест хлеб, но оставит вещественные следы своего пребывания, то в новой хате будет довольство и прибыль. Вообще следы собаки, кота или коровы, замеченные на месте, отведенном под дом, очищенном и посыпанном песком, считаются хорошим предзнаменованием; отпечатки же конских копыт и людские ступни — дурным. Кроме того, при выборе места жилья ставят еще чарку с девятью ложками воды. Прибывающая за ночь, льющаяся через край вода предсказывает благополучие — *«вона ущербыться, як не буде фортуны ни на скотыну, ни на птыцю, ни на диты»*. Переворачивают также в новом доме сковороду, чаун или горшок и под него кладут овечью шерсть *(вовну)*. Если шерсть вспотеет, а на сковороде обнаружится роса, то хата будет сырою. Нельзя вновь строить хату на том месте, где уже однажды была жилая посторойка, без некоторого передвижения и изменения размера ее: *«не можна скапын занять у хату»;* нельзя и уменьшать бывшей постройки — уменьшится семья. На месте же сожженного молнией строения никогда уже не воздвигают нового.

Хозяин и хозяйка, которая при постройке хаты *«у первый голови»*, взвесив все приведенные обстоятельства, обращаются к мастерам,— обыкновенно к двум. Последние являются осмотреть вывезенный зимой и сложенный лес и подрядиться. *«Любить дерево,—* начинает переговоры хозяин,— *и кажить цину». «35 карбованців». «То дорого, берить 15». «Э, не хочемо робыть: попотесаты от стилькы!» «Подумайте, а я прибавлю. Хотилося, щоб вы зробылы: он зробылы Грыцьку, та так гарно — не дорожиться! Могорыч вам буде шодня — воно й то щось стоить». «Ни, якщо не так, то шукайте соби: хай вам люды роблять» «А, кепови хлопци, дорого хотять! Ну, уважте трохы, а я прыбавлю: нехай четвертна.*

Иды, молодыце, прынесы пивкварты та выпьем могорыч». «Та глядить мени, щоб хата не чадна»— требует баба.

Явясь на усадьбу исполнять заключенный таким образом договор, мастера прежде правят дерево, потом основывают хату на земле, кладут ощепины, стропила и прибивают по две жерди *(латы)*.Появление паутины на замках сложенной хаты считается благоприятным признаком. Потом хату опять разбирают, метят деревья топором, чтоб не смешать их при дальнейшей постройке, закапывают сохи в ямы, куда предварительно бросают несколько зерен жита и 1—2 копейки для богатого, счастливого житья, и затем хозяин назначает *«лехкий динь»* (по вильшанскому произношению) — не понедельник, субботу или дни св. мучеников — для закладин, *«закладать сволок»*. В назначенный день хозяйка выносит собравшимся мастерам, родичам и соседям водку, хлеб-соль и тотчас же развешивает на сволоке кожух шерстью вверх. Хозяин, отпивая по обычаю первым, произносит: *«Дай же, Господы, шоб нам благополушно прожыть у новому доми: мени и хазяйци и моему чадови: шоб мы диждалы поженыть и пооддавать и шоб Господь храныв и пожаром и худым случаем. И шоб вы, майстры, мени за гроши подякувалы, а я шоб вам за роботу»*. Мастер также пьет и отвечает: *«Господы, поможы и благословы! И пресвятая Богородыце, помолы свого Сына за сей дом, шоб Господь дав им благополушну жизнь. И святый ангол, молы пресвятую Богородыцю за сей дом»*. После этих пожеланий начинается поднятие и укладка сволока мастерами при содействии присутствующих. По народному верованию, мастер закладывает сволок непременно на чью-нибудь голову. Он делает это умышленно; например, недовольный хозяином, стучит трижды обухом в «голову» сволока (часть, обращаемую к покутю и образам) и говорит: *«Стукаю я сволок у голову, шоб стукало у голову хозяину, покы жызнь ёго симьи, и до свого вику шоб вин не дожыв!»*— или мимовольно, заслышав голос человека или животного, он закладывает на голову этого существа, и последнее недолговечно. Поэтому лучше молчать во время установки сволока. Даже простая небрежность мастера опасна: если он им ударит о дерево, то хата будет угарной. Под голову сволока кладется обыкновенно ладан в предупреждение грозовых ударов, а с противоположного *(глухого)* конца — кусочек хлеба с солью и мелкая монета для изобилия и овечья шерсть *(вовна)*— для сухости и теплоты. Когда сволок установлен, хозяин курит ладаном и кропит со всех сторон избу освященной водой, а мастера нарубливают на каждой угловой сохе по три креста, приговаривая: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа амннь!» Сверх третьего креста зарубливается топор носком в стену. Недоброжелательный мастер роняет топор и самую молитву читает наоборот *(навпакы)*: «Не во имя Отца» и т. д. Если в постройке участвуют четыре строителя, то каждый обязан нарубить кресты на особой сохе. К покутней сохе навсегда прибивается маленький деревянный крестик. На зарубленный в стену топор хозяин вешает каждому мастеру по дешевенькому платку, а платки, назначенные крестным отцу и матери — на сволок. Затем на последний усаживается мастер верхом, как на коня, и требует себе хлеб, соль, рушник и водку, говоря: *«А ну! Тепер я сив на сволок, давай мени, хазяине, чарок сорок!»* Хозяин подымается так же на сволок с квартой водки по правилу: *«сволок на хату, а кварта водкы у хату»*. Начинается угощенье.*«Пыйте, мастри, та й пыйте!»*— упрашивает хозяин. *«Спасыбы вам, дай Бог здоровья! Колы б нам Бог помиг кончыть без урону,»*— отвечают мастера. *«Не зробыть мени ничого худого, а я за вас буду Бога молыть». «Ну, лый! Дай же, Господы, фортуну! Щоб Господь хлиб родыв у поли на сю хату и шоб вона була суха и весела и шоб вы диждалы в сий хати дитей благословыть и за своими дитьми подаркы получыть!» «Спасыби! Дай Бог здоровья за добре слово. А ну, хазяйко, лизь и ты до нас»*. Хозяйка лезет и потчует: *«Будьмо здоровеньки, посылай, Господь, на благополучия, на здоровья, на многие лита!»* Мастерам, сидящим на сволоке, дают водку, сколько бы они ни пожелали, также и закуску, но недоброжелатель не станет закусывать. Обеденный стол на закладинах заключается в борще, локшине, пирогах, варениках со сметаной или яичнице с салом, вареных грушах. Гости подчиняются известным правилам: приходят с хлебом-солью непременно в двери строящейся избы, садятся, перекинув обе ноги через постланные доски. И опять хозяин, выпивая первый, провозглашает: *«Дай, Господы, мени з своею хазяйкою в сий хати жыть и дитей дружыть! Спасыби вам! Дай, Боже, здоровья, шо не забуваете мене!» «Дай, Боже,— отвечают гости,— щоб весело й гарно и в поли, и в доми, и в скотыни, и в дытыни! Шоб у поли хлиб родыв, а на сим двори шоб Господь скотыну плодыв. Щоб диждалы, кумасю, благословыть сынив, и невисток набралы и дочок пооддавалы!»* Выпив хозяйскую водку, гости складываются, посылают за водкой, пьют и веселятся до утра.

После закладин отважный хозяин еще раз может узнать грядущую судьбу. Для этого он должен поставить борону в новой хате, повесить на бороне хомут и, разведя небольшой огонь, смотреть сквозь борону. Если предстоит благополучие, то придет заливать огонь существо в шерсти, а если бедность, то придет голое и, выгнув бок, погреется у огня.

За окончанием деревянных частей хаты следует мазка ее, начинающаяся с потолка и соединенная с особым обрядом —«накладкою стели». День для этой первой мазки назначается такой же легкий, как и на закладины, не пасмурный, не дождливый, иначе постройка останется навсегда сырою, обыкновенно на второй или четвертой лунных фазах: *«На пидповним мисяци, або тоди, як повный мисяць з круга зверне»*. Перед началом хозяин курит ладаном и прилепляет зажженную страстную свечу к покутней сохе. Мазальницы *(мази)*, соседки и родички или поденщицы, душ 10—15, замесив глину

с навозом, иногда с мелкой соломой или житной и пшеничной половой, предлагают хозяйке: *«Ну, мамо, почынай!»* Хозяйка лезет с подругами на чердак, а хозяин подает туда первые вальки глины, мелкие деньги и рожь или смесь всех хлебов: ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и гречки. Хозяйка рассевает зерна на четыре угла и, приговаривая *«Господы, благословы!»*, кладет первые три валька глины с заложенными в них копейками в покутний угол, а потом вместе с мазями и в остальные углы. На чердаке появляется водка и закуска; бабы садятся в круг и пьют с пожеланиями: *«Дай, Боже, щоб дитей дружыть и в свити жыть!»* Смазав *(накыдав)* потолок, бабы слазят вниз и просят хозяина: *«Прылывай, хазяине, гарненько, шоб стина була гладенька та ривненька»*. Выпьют и принимаются мазать стены. Опять хозяйка кладет первый валек с мелкой монетой возле покутней сохи, а затем с мазями — и в другие углы, по три валька глины в каждый. В стены вмазывают еще клочки шерсти из кожушины для того, чтобы изба была богатая, теплая и сухая. Окончив хозяйскую водку, мази складываются, как на закладинах, и гуляют всю ночь.

Незадолго до входа в новую, оконченную избу, ее принято накуривать различными способами: ладаном и смирной с оттушенными на Благовещенье угольями или кусочками кожи *(шкураттям)*, сором *(смиттям)* и белою нехворощью, *«шоб холера не прыстала и шоб нечысти не було»*. В м. Снетине таким сором топят в печи и закрывают трубу, покуда не все еще перегорело, *«шоб хата вчадила, тоди людям буде хороше жыть, не будуть чадить»*. Вероятно, цель всех этих курений одна и та же: выдворить невыносимым угаром враждебных духов. Накануне входа вновь гадают о будущем, кладя хлеб-соль и жито, и утром замечают: целы ли они. Будущность представляется сомнительной, если хлеб оцарапан или пощипан, или тронуто жито. В с. Волчке и Бересточи относят еще на ночь в новую избу петуха и курицу или в самый день входин пускают их впереди людей. В других частях уезда пропускают таким же образом вперед собаку или кота. Обыкновения эти коренятся в народном убеждении о скорой смерти всякого существа, вошедшего первым в новую избу. *«Хто первый ввийде у хату: чы кит, чы собака, чы горобець, або сорока залетыть — тому вик недовгый»* *. Из вещей прежде всего вносят иконы и учиненную дижу, на которую кладут хлеб-соль и наблюдают за всходящим тестом, так как хороший всход обещает и жизнь хорошую. Потом вносят мебель и утварь; люди же перебираются позже. Советуют во избежание сглаза *(урокив)* входить в дом ночью. В с. Бересточи прежде все семейство лезло первый раз в хату через окно[1]. Отец семейства, входя в сопровождении членов семьи, иногда родичей и соседей, с хлебом и солью в руках, говорит: *«Дай же нам, Господы святый, добрый час*

* К объяснению обрядов закладин, настлания потолка и входин могут служить данные из общечеловеческого фольклора о цементировании построек живыми существами и их кровью. Так, римляне и персы закапывали живых людей под постройки. Пикты орошали свои постройки человеческой

у новый дом увийты, хлиб и силь унесты, щоб Господь послав нам у сим доми хлиба й соли и всего добра до конця вику, щоб Господь послав нам у пари жыть у сим доми, щоб нас Бог не розризныв. И колы б Господь сей дом храныв громом и грозою и потопом и велыкым клопотом!» Часто водворение в новой хате этим и оканчивается, не сопровождаясь по экономическим причинам ни освящением, ни пиром.

Переселившаяся семья первые три дня на новоселье, а отчасти и позже, наблюдает еще события, приметы и сны, также гадает о будущем одним из способов гадания девиц на рождественских праздниках. На пороге кладутся сапоги — один с житом, другой с куском кирпича *(печиною)*. Выберет хозяин первый — хорошо, к житью, выберет второй — плохо, *«буде пектысь»*. Еще впускают паука в новый горшок и, завязав, ставят посреди хаты. Если он совьет паутину вверху, *«на винцях»*, то дела пойдут успешно, а если паук бегает по дну горшка и паутины не вьет, то и удачи ни в чем не будет. Ночью прислушиваются с замиранием сердца, не будет ли стучать на покути птица или что-нибудь другое, так как такой стук предвещает недоброе, болезнь или смерть. Сны на новом месте, в особенности вещие, истолковываются местной онейромантикой следующим образом. Чистую воду увидеть во сне означает здоровье, мутную *(каламутну)* — болезнь. Из растений ячмень или жито, осо-

кровью. По словам легенд, стены Либенштейна, Копенгагена, Галле, Вортигерна, Скадара покоятся на живых существах. Св. Оран был зарыт живым под основание монастыря, и в 1463 г. при устройстве плотины в Ногате — нищий. В Азии и Африке и теперь при закладке зданий под них кладут преступников, невольников, детей. На Борнео при постройке дома в яму бросили невольницу, которую и раздавили столбом. В стенах зданий в Дании и Германии заделаны ягнята и петухи. По немецким повериям, в новый дом до входа нужно пустить собаку или петуха. В Германии убивали бродяг или детей для того, чтобы их души были покровителями постройки. Сиамский король назначил для той же цели человека. По преданию, при постройке Коромысловой башни в Нижнем Новгороде заложена в стену девица, раньше всех вышедшая за водой. В Румынии и Болгарии каменщики, смерив камышом тень прохожего, кладут камыш в стену, после чего прохожий должен умереть, а дух его покровительствует зданию. Греки орошают первый камень кровью барана. В Славонии закапывают под строение петуха и летучую мышь. В Сербии пред входом в новое здание туда впускают кошку, собаку или курицу. Во Франции, входя в новое жилище, режут цыпленка и по комнатам брызжут его кровью, веря, что дух жертвы поддерживает крепость и безопасность жилища. В Льеже до переселения в новый дом туда запирали кошку, покуда сдохнет от голода. Жить в таком доме считалось безопасным. В Харьковской губернии перед входом впускают в новую избу на ночь кошку, петуха или наседку с цыплятами. В Подольской губернии в новый дом на ночь пускают черных петуха и курицу, на другую—черных же кота и кошку. Там же, чтобы не умереть скоро, строят дом на чью-нибудь голову: собачью, кошачью, мышиную. То же убеждение и в Лубенском уезде. Итак, в описываемых обрядах сохранилось воспоминание о принесении человеческих жертв для укрепления здания, с постепенной заменой их жертвами животных (впуск животных, закладка шерсти), растительными (зерна ржи и других хлебов) и, наконец, денежными.

бенно большой стог, снятся к добру, но сбитое бурей жито предвещает, *«шо выляже симья»*; печеный хлеб — к печали; гречка же — к смерти. Лук во сне означает слезы, яблоки — радость. Из мира животных: кони, особенно худые, скверные клячи — снятся к болезни; быки в плуге — на счастие, удачу; больная, палая скотина — на убыль; поросная свинья — к удаче, а тощая — к смерти; собаки рвущие или кусающие змеи приснятся к вражде и ссорам; рыба означает, *«шо сусиды рыють»*. Мальчик снится перед удачей, девочка — перед хлопотами. Сны из мира неодушевленного означают: золотые и серебряные деньги — удачу, медные — несчастье:— *«будуть злыдни в тим доми або слезы»*. Пустая скрыня во сне предвещает смерть. Кроме того, всякая прибыль в течение первого года в семье или хозяйстве служит указанием и на дальнейшее благополучие, и наоборот: *«Як найдеться дытына, теля, лоша або ягня, то люды радиють, шо буде весело жыть; як же умре дытына або скотына сдохне, то обиждаються: «Господы! Твоя святая воля! Якый не хорошый случай перейшов в новому доми»*. Появление сверчков служит благоприятным предсказанием. *«Де цвиркун заведеться, там весела хата: воны, як парубкы, цвиринчять. Малисенькый, а так страшно трудыться! Вин цвиринчить на негоду»*,— замечают крестьянки.

Таким образом новая хата появляется среди других крестьянских построек. При всем разнообразии и прихотливости расположения последних существуют, однако же, некоторые общие черты крестьянских усадеб. Все они ограждены частью рвом с пышно разросшейся дерезой и несколькими вязами, берестами, ясенями или белой акацией над ним; частью плетнем *(тыном)* у ворот, обыкновенно одностворчатых, состоящих из нескольких продольных жердей *(воритныць)*, вделанных в столбики и скрепленных в косом направлении еще одною или двумя жердями *(пидстрилынами)*. Около ворот часто бывает *хвиртка* и всегда *перелаз*. Для утилизации плетня вдоль самой улицы располагается скотный сарайчик *(повитка)*. Прежде она строилась так, как описано у Чубинского, т. е. на двух сохах, сверх которых помещалась легкая балка *(трям)*. С нее спускались во все стороны жерди *(ключины)*, к которым прикреплялись легкие продольные жерди *(павзины)*, а к ним привязывалась солома кровли. Теперь повитки, лишенные средних сох и тряма, опираются только на тонкие боковые столбы *(прысишки)*, а крыша состоит из стропил *(крокв)*, как в избе. Если по размеру хозяйства необходима вторая повитка, то такая строится перпендикулярно к первой по меже, тоже для утилизации ограды. Эти постройки да еще саж на помосте с корытом, закрытым крышкой *(лядой)*, составляют небольшой скотный двор, отделенный от главного плетнем и называющийся поэтому загородой. У мелких хозяев такого особого скотного двора нет, и повитки выходят на *«дворьице, двир»*, посредине которого роется колодязь. Старинные журавли, состоявшие из сохи *(звида)* и жерди, с одного конца которой привешено ведро *(цебер)* для воды, а с другой тяжелая деревянная привеска *(собака)*, встречаются теперь преимущественно при колодцах степных хуторов и только изредка в селах, как остаток старины. На дворе, большею частью против хаты, строят рубленую квадратную *комору* с 3—4 засеками, или закромами, для хлеба, таким же способом, как рубленную избу (на дубовых, иногда диабазовых торчах, на подвалинах, со стенами, срубленными в замки). Прежде комору делали даже в одной связи с хатою и под одной кровлей; теперь же большая часть хозяйств обходится совсем без коморы; но и самое бедное хозяйство не может обойтись без клуни, возвышающейся обыкновенно поодаль от хаты за гумном *(током)*. Клуню делают больше круглой формы, чем четырехугольной. В основание ее ставят 4— 8 дубовых сох толщиной 7—8 четвертей. На них лежат по две срубленные в замки балки, образующие *стилець*, снизу подкрепляемый жердями в косом направлении *(пидстрилынами)*, а сверху — двумя перекрещивающимися посредине сволоками *(трямами)*. Части крыши, значительно возвышенной, так же устроены, как в хате, и носят те же технические названия *. обращаясь к последней **, следует прежде всего заметить, что не всякое дерево признается народом годным для постройки; исключается, например, все дерево, кроме глухого дуба (не роняющего листьев), срубленное на третьей лунной четверти, потому что такое дерево источит шашель и постройка завалится. В хату нельзя еще класть осокора: *«на ёму Спаса розпыналы»*,— объясняют старухи. Теперь принято строить избы более квадратной, чем удлиненной формы, и больших

* Вместо стропил только «припусныци».

** Малорусские технические названия строительного материала, предметов, относящихся к хате, и самой почвы под нею, во многом схожи с немецкими, хотя некоторые из них, как видно из приводимых ниже филологических указаний, могли зайти на Украйну помимо немцев. Одно-значущи на обоих языках следующие слова: балка — Balken, бантына — Band, глей (глинистый ил) — Klei; город (огород) — латинское hortus, славянское град, древненемецкое Garl, Garten, датское Gaard — все с первоначальным значением забора, изгороди; двери, двир — Thür, англ. door; дерево — санскритское dru, daru, греческое drys, ирландское darach, уэльское derw, английское tree, готское triu; дил (пол) — Diele — половица, доска; дома, дим — латинское domus, греческое domos (demein — строить), древне-индийское dhumas, английское dome; комора — итальянское camera, немецкое Kammer; коробка (у крыши) — Korb; крейда (мел для беления избы) — Kreide, лата — Latte (английское lath) — планка, latten — решетить; ляда — Laden, ставень; льох (погреб) — Loch — дыра, яма, нора; тын — немецкое Taun, английское town (город) — первоначальное значение ограда; слово это встречается и в былинах, отсюда возможно, что название древнейшего местного поселения Снетин происходит от древнеславянских *снятись* — собираться и *тын* — ограда и означает: огражденное место собраний. Затем самое слово хата встречается во многих языках: бактрийском — kata, сонскритском — kúta,cota, ирландском — cotta, английском — cottage, французском hutte.

размеров (13—18 аршин длины и 7—9 ширины), чем прежние, и ставить их всегда внутри двора, ближе к улице, боком жилой комнаты *(прычилком)* на юг *(на пивдня)* для того, чтобы солнце светило весь день в каждое из окон попеременно, *«шоб сонце обходыло кругом викон»*. Ни рубленых изб, ни землянок уже в лубенском уезде почти не строят, так что образчиком местной избы следует признать мазанку. Она основывается на нескольких дубовых сохах, четвертей 6—7 по углам, закапываемых в землю на глубину аршина с четвертью или на полтора. В сохи врубливаются жерди *(латы)*; к ним привязывается очерет соломой или лозой, ветками вишен или глода. по очерету избу мажут *(шпарують)* до года только *«рудою»* глиной, замазывая трещины и выравнивая стены, а по прошествии года *билують* особого рода беловатой глиной. Хозяйка и ее дочки исправляют стены избы после каждого ливня и, кроме того, белят снаружи трижды в течение года: к Светлому Празднику, Троице и Покрове, когда избу обставляют на зиму от холода соломой. Наружные *(синешни)* двери приделываются к *одвиркам*, закапываемым в землю мельче сох, всего лишь на три четверти аршина. Синешни двери делаются некоторыми мастерами ниже хатних: первые —2 арш. 6 вершк., вторые же на два вершка выше для того, чтобы в первые заходило меньше холоду, а во вторые удобнее было бы входить с соломой; ширина же дверей одинакова: 5 четвертей 2 вершка. Прибитая к одвиркам сторона дверей называется *глухый кинець*, противоположная, открывающаяся — *чуткый*. Запираются они деревянной заверткой или крючком и кое-где красятся охрой или какой-нибудь темной краской. О дверях есть, кажется, только такая примета: треск их предвещает выход хозяина на новоселье или смерть его. Окна, состоящие из рамы *(рамця)* и стекол *(шиб)*, вышиной в 1 арш. 5 вершк. и шириной в 14 вершк., прикрепляются к луткам и подлокотнику, выступающему внутрь избы вершка на полтора. Иногда к ним приделаны ставни *(виконныци)*, окрашенные в красный или зеленый цвета. Верхняя часть избы до крыши заключается в *ощипе*, т. е. в 3—5 брусьях, срубленных в замки. На 2—4-м брусе укладывается сволок в различных направлениях: до Лубен — больше продольно, в окрестностях города — и продольно, и поперечно, а за Лубнами — только поперечно. Во всяком случае, вся тяжесть верхней части избы ложится на сволок, который поэтому должен быть цельным и крепким: дубовым, кленовым, липовым, и только при недостатке леса — вербовым или осиковым. Избегают берестовых и вязовых сволоков, слишком чутких к сырости. Для крепости сволок более стесанной стороной кладется в бок и, проходя под потолком через всю избу, часто опирается на столб. Его мажут дегтем, *«шоб шашель не взяв до вику»*, или красят в красный, иногда темнозеленый цвета и сбоку вырезывают крест и время постройки избы. Сверх сволока кладут маленькие сволочки, скрепленные на краю балкой *(закрылиной)*, препятствующей падать

глине настланного потолка. Сверх сволока кладут шелевки *(терты-ци)*, а над ними очерет. Необходимо, чтобы сволочки с шелевками перекрещивались, образуя квадраты *(карты)*, как на шахматной доске: *«Тоди краса, як дамчаста стеля»*. Требование это тем уместнее, что, по местному обычаю, входящий в хату... должен смотреть вверх. *«Як хто увийде у хату та гляне уверх на образы, на стелю, то то к добру, а як уныз — нехороше у хати буде»*. Крыша *(покрив-ля)* * состоит из стропил *(кроков)* посредине и *нарижныкив* (по Чубинскому — *нарижныць)* на причилках. Для того, чтобы кроквы не разошлись, их связывают поперечными балками *(бантынами)*. К кроквам прибиваются деревянными гвоздями *(тиблями)* жерди *(латы)*, к которым подвязываются кульки соломы *(парки)*, если крыша кроется колосками вниз. Если кровля кроется корешками вверх, то кульки кладутся только по краям *(на стриху)* **. Кровля корешками вверх служит, говорят, до двадцати лет и новою горит на солнце золотыми иглами. Кровля парками, требующая меньше соломы и труда, служит вдвое меньше. Со временем всякая крыша темнеет и приобретает необыкновенно теплый коричневый тон, красноватый при известном освещении, рядом с зелеными пятнами наросшего мха. Наружная дверь ведет в темноватые сени, где обыкновенно помещается часть одежды, упряжь, утварь, иногда *киш* — плетеный ящик для хлеба. Здесь же стоит легкая лестница *(драбына)* ***, ведущая на чердак — *горыще*. Сюда же выходит просторный четырехугольный вывод *(дымарь)*, проводящий дым из печки вверх через трубу на крыше. Часть сеней отделяется под холодный чулан *(хыжу, хыжы́ну)* для помещения одежды и провизии. Против сеней устраивается другое, теплое отделение, *хатына* — убежище стариков от пыли, баб с их пряжей и детей. Большие избы заключают в себе еще особую парадную комнату *(кимнату, свитлыцю)*. В жилой избе прежде всего останавливает на себе внимание своим разнообразным значением порог. Между прочим на нем обнаруживается разница классического и малорусского свадебных обрядов, во многом столь сходных... [на Украине] молодая наступает на него, *«шоб було ии право»*. И впоследствии, ставши матерью, женщина должна прясть, сидя на пороге, и бросать эту пряжу через порог в ночвы, чтоб вылечить купанием в них больное дитя. Но в обыкновенное время к порогу приурочено много различных табу. Обыкновенно нельзя наступать на порог или стоять на

* Немецкое (оттуда польское и равобережное) Dach в Лубенском уезде употребляют только в сложной форме *пидташье* — навес на столбах под крышей.

** На стриху гадает таким образом молода: *«На Меланкы увечери, як щедрують, трычи смыка з стрихы солому. Як знайде зерно, то буде багата и щаслыва»*.

*** Продольные жерди драбыны называются штагами (немецкое Stag, Stange — жердь), поперечные — щаблями.

нем, особенно в грозу, нельзя также — как и у чехов — встречаться с кем-либо на пороге. Запрещается есть на пороге, иначе *«люды роты роззявлятымуть»*, и передавать или подавать что-либо через порог, особенно детей, даже их пеленки. Исключение из этого правила опять допускается только в пользу молодой: входя первый раз в дом мужа, она прежде передает иконы через порог, потом идет сама. Нельзя переливать воду, помои после белья *(змылкы)* и всякие помои вообще через порог и за порогом, *«бо нападе куряча слипота»*. Стоящему у порога не переходят дорогу с золой или помоями, *«бо в ёго усе переведеться на попил»*. Запрещается месть избу от порога, *«бо заметеш у хату злыдни**, *а як од полу почынать и до порога,— то то вымитать злыдни з хаты»*. Притом, если выметать хату от порога, то не будут сваты ходить. Нельзя месть сор *(смиття)* через порог, особенно беременной, потому что у нее будут трудные роды, а у дитяти частые рвоты и сухотка. Напротив, смиття нужно собирать перед порогом и выносить, не *пидрешитком* только, потому что не будут телицы телиться. О порог нельзя ударять и рубить что бы то ни было по следующим причинам: 1) *«одрубаеш видьму»*, т. е. дашь ей возможность расхаживать по дому; 2) *«одибйеш поганку од порога на себе, кажуть бо, шо лыхорадкы у порози жывуть; як рубать, то воны воздвыгнуться и на людей переходять»; 3) «як рубать до порога, то жабы ходытымуть у хату, а воны дурно не ввийдуть ни за шо в свити, а проты якого-небудь случаю: проты вмирущого»*. В последнем поверье отражается общечеловеческое предубеждение по отношению к жабам, признававшимся, например, в средневековой Европе более демонами, чем животными.

Крайний угол от дверей *(напичный)* весь занят печью, иногда составляющей четвертую часть маленькой хатки. Печь складывается из сырца и состоит из следующих частей: широкого переднего навеса — *кóмина*, соответствующего переду или устью у великорусов; *припечка* — выступа впереди топки, с боковым отверстием в стене *(верхом)* для прохода дыма в дымарь; из *челюстей* — навеса над припечком — и свода за ними, верхняя часть которого называется *пиднебенье*. Все место печи за припечком, на котором горит огонь и стоят горшки, носит название *черинá*. Выдающийся наружу край припечка называется *привалком*, досточка под ним — *сковородником*, а низ печи — *пидпичьем*. Особое отделение печи, согревающее комнату, называют *грубой*, пространство за ней к стене — *запичком*, а маленькие ниши — *закапелками* или *пичурками*. Наконец, широкое пространство поверх печи, на котором греется семья, лежат слабые и больные члены ее, сушится хлеб, называется *черинем**. Печь украшают клинчиками, кружками, крестиками и цветами, нарисованными синькой, жженой и обыкновенной охрой. Печь мажут одновременно с хатой пред Светлыми праздниками, *«к Верби або в Чистый четвер, як заведеться погань у хати: тараканы, блощыцы, стоногы»***; затем перед Зелеными *(Клечальными)* праздниками, *«миж Пречыстымы* (15 августа — 8 сентября), *щоб нечысти не було»*; пред Поминальницами (в октябре), пред Пущанням (14 ноября), пред Рождеством, кроме того — перед свадьбой и после похорон. Смазывая печь, наблюдают следующие правила: в новой хате оставляют до года часть печи небеленною; по пятницам, также когда есть в доме больные оспой или горячкой, не подмазывают печи (и не чистят трубу); не мажут комина и припечка, когда огонь горит в печи из опасения лишиться зрения; девки никогда не должны мазать печь ***: *«доля буде цилый вик печалыться»;* не заметают припечка веником а крылом, *«а то сор буде»*. В печи всегда должна быть горячая вода: *«Окрип треба держать у печи для того, шо идол з ангелом спорыть. «Я запалю!»* — *каже идол. «Я утушу окропом.» «Де воды возьмеш?» «У моеи хазяйкы у печи йе». «Як окрип йе, то ангол загляне у пич, промые очи, рукы помые и напьеться з кухля»*. Печь нужно держать закрытою заслонкою, *«шоб ворогы ротив не роззявлялы и шоб домовыкы не лазылы»*; а открыв ее и зажигая огонь, нужно перекрестить и сказать: *«Господы, благословы своим духом святым!»*— что необходимо для предохранения от домового, пребывающего большею частью в печи, хотя встречающегося и в других местах, как видно из следующих рассказов.

1. *«Як жинка пидпалюе в печи та не перехрестыть, так тоби смагне з печи, що й очи повыпикало б, як бы не берегтысь. Мов вымите печ. Палажка колысь так злякалась: повна хата дыму,— в печи хоч бы искра! То домовык, вин у всякый осели есть. Як спать лягаты, так же треба викна и двери хрестыть»* (от Е. Недилькиной, с. Литвяков).

2. *«Жинка росказувала: лежу я, укрылась. Дивка була на улыци. Увийшло шось у хату, жинка щыта, що то дивка и каже «и де ты так довго ходыла?» А воно не озывается. Маты знов пыта: «Чы то ты, Степанидо, чы ни? Воно мовчыть... колы сюрчыть у чавун. Вона догадалась, пытае: «Чы ты на худо, чы на добро?» А воно с хаты*

* Злыдни — маленькие неотвязчивые существа вроде немецких кобольдов, живут под печью; служат источником бедности. От них избавляются, затыкая их в рожок, бочку или колоду.

* У Левченка это место названо лежанкой.

** От блох смазывают чаще дил, рассыпая лепеху, полынь и закапывая хрен в пол; от клопов освобождаются известью (вапном).

*** На огне гадают следующим приемом. Когда девочка первый раз спрядет немного пряжи, то последнюю, намотав на клубок, кидают в печь. *«Як швыдко згорыть, то дивчына буде швыдко прясты»*.

бижыть та «ху!» Симья розийшлась, збиднила» (от Еф. Куприевой, д. Шек).

3. *«Жинка лягла спать, чоловик ии пишов з дому, и дивчата пишлы, и сын. Ий услухається, шо в хатыни ягня ревнуло. Вона встала, подумала: «де те ягня взялось у нас?» Колы се иде шось с хатыны у хату, лягло на неи та й душыть. Вона узяла, руки зняла и взялась за его. Колы воно у шерсты. Вона пыта его: «об чим ты мене душышь? Чы на добро, чы на худо?» Воно каже: «ху!» И хто ёго зна, де й дилось. Сын тий жинкы пишов у ссылку»* (от Ф. Матвиенковой, д. Шек).

4. *«Жинка лягла спать у хати. Стоить перед нею дидура така здорова и давыть за пальци. Жинка злякалась, крычыть: «Ты проты добра мене давышь?»—«Худо». Пишов з хаты, так двери стукнулы, чуть досок не побыв. Вона встала, помолылась Богу, накадыла ладаном. Через недилю диты померлы: одного дня двох, а на другый день одно. Звистку домовык прынис»* (от О. Верич, с. Ольшанки).

5. *«Жинка удосвита стала до печи, колы лежыть котюра на вси кочергы. Так вона злякалась, кынула кочергы и втекла назад. Де вин дився — незвисно»* (от А. Боярской, с. Литвяков).

6. *«У сели нашому чимсь домовык невблаготворен; не можна ночувать: цилисиньку ничь на хати мов возом йиздыть. Бувалы досвитки, так однаково. Хазяйка як сама останеться, то бере дыте и иде до сусида»* (от нее же).

7. *«Домовык йе у кажний осели, у котории пид припечком, у котории на хати. Одын чоловик чуе: стукотыть та й стукотыть на хати; пиду, думае, узнаю. Тилькы на драбыну ступыв, воно ему сыпнуло у вичи раз и вдруге. А вин протер очи и впять лизе, так воно ёго турнуло. Показалось чорне. Полылы водою — ожыв. Вин опять полиз, став пытать, а воно пхнуло у груды и сказало: «Ты ж мене не узнавай, я домовык»* (от П. Величкиной, с. Бересточи).

8. *«У одним сели був багатый чоловик. Вин знався з домовыком. А сын як оженывся, то сего ничого не знав. Батько вмер и маты вмерла, а сын построив соби нову хату и перебрався проты празныка. Жинка слуха: тужыть у хати старий. Вона чоловикови и каже: «Шо то в нас в старий хати тужыть?» То воны засвитылы свичку и подывылыся в хати — нема ничого, а выйшлы на двир — упять тужыть. Воны пишлы соби до церквы, прыйшлы з церквы, посидалы, пообидалы, потим пойихалы у гости до тестя. Не дуже успилы одйихать, колы хата горыть нова. То воны биглы, шоб хоть старои не дать загориться. Сталы добигать до двора — и стара занялась. И воны сталы плакать и жалиться людям: «чулы, шо тужыло в хати». Потим люды сталы казать: «То твий батько знався из домовыком, а як ты сего не знав, то не вмив попросыть его. Тоби б було взять хлиб и дрибок соли и попросыть у сю хату»* (от Е. Сизоненковой, м. Снетин).

Между печью и так называемым холодным *(напильным)* углом вдоль стены кладут несколько досок *(пил)* на высоте аршина с четвертью от «дола» до ночлега семьи. Сверху прибивают полку для женских вещей: шиток, мычок, веретен — и вешают жердь для одежды и пряжи *(пивмиткив)*. Сюда же привешивается и колыбель. В холодном углу сбрасывают верхнюю одежду, подушки и постель. Таким образом, этот угол следует считать отделением по преимуществу семейным. Следующий угол *(кут)*, расположенный меж двумя окнами — покутним *(застильним)* и боковым *(надвирним)*, называется *покутям*. Он соответствует красному, или святому, углу великоруссов. Покутя разубрано цветными бумажками. На нем *божнык* (великорусская божница). В средине его ставятся на особых досточках благословенные иконы отца и матери, потом старшего сына, далее к сволоку — младшего. Кроме того, на божнике необходимо иметь: *«Матерь Божу праворушну, шо дите державть на правий руци, або троерушну, Козельску Божу Матирь, Св. Тройцу, неопалыму купыну (од пожару); ище иконы: св. Мыколы (вин велыку сылу мае), Грыгория, велыкого побидоносця (вин звиром завидуе), Пантелеймона (дитячого зцилытеля), Антония и Феодосия (вид йих пишлы манастыри — ще не було понятия, як их строить), Параскоеи — од лыхорадкы»* и т. д. На покути же втыкают вишневую ветку, срезанную на праздник св. Екатерины для гадания о девичьей судьбе. По словам Г. Левченка, в Лубенском уезде покутя убирают бумажными цветами; обыкновение это сохраняется и до сих пор в подгородних селах по хатам, в которых есть дивчата. Эти бумажные цветы делают из зеленых, голубых, желтых бумажек в виде гвоздик, пионий или свадебного гильца. Кроме искусственных, на покути есть и естественные засушенные цветы и растения: барвинок (галицкое бервинок), васильки, гвоздики, глод *(«вин пахне, як воск або мед»)*, ласкавица, мята, нагидки, любысток, троянды, черемха, чорнобривци, шипшина. За образа затыкают еще ветки троицких деревец *(клечання)* и замечают: если они почернеют, то кто-нибудь в хате скоро умрет. Возле образов иногда ставят еще бутылки с освященной водой, а за ними прячут деньги и документы. У покутя стоит стол, имеющий, как у римлян и немцев, священное значение: *«стил на покути те ж, шо й престол»*. Он должен быть накрытым, и сверху должен лежать хлеб. Часто стол заменен *скрыней* *. Покутний угол вообще имеет парадное, праздничное и священное

---

* Покойный Гатцук полагал, что слово *скрыня* происходит от корня *кры* и не заимствовано малоруссами с чужого языка, но оно звучит одинаково с итальянским scrigno, означающим сундучок, ящик для ценностей и, по всем вероятиям, латинского корня (scriniolum, польское scrynka, французское ecrin). Скрыня — сундук особой, традиционной формы, в $1\frac{1}{2}$ арш. длины, 1 арш. ширины и $1\frac{1}{4}$ высоты. Она делается из вязового, грушевого, липового или осинового дерева, иногда окрашивается в красный, зеленый,

значение. Здесь же сосредоточены, как у древнего очага, остатки культа предков. В народных верованиях душа мертвого семьянина, оставив тело, пребывает от 3 до 40 дней на покути. На тризну по умершем собираются предки, и для них на лаве простилается кожух. Раньше умерший семьянин ведет за собою всю семью. Уменьшенные тени видны на покутней стене так отчетливо, что можно признать каждого: *«По стану всякого можно пизнать. Воны мелькають швыдко»*. Таким же образом появляются предки на Свят-вечер в кутье. Но для того, чтобы мертвецы и благодетельные духи пребывали невидимо в доме, необходимо соблюдение следующих правил приличия: в хате не должно курить, свистать, особенно же *«лыхословыть, черкать, казать чорных слив»* (т. е. не призывать чертей), как видно, между прочим, из следующих рассказов.

1. *«Жыв соби дид та баба удвох, не було в их дитей. Порадылысь соби на клечальных святках: «Знаеш шо, старый? Мы живемо на билому свити, дитей у нас немае, нихто нас не помынатыме, исправымо мы обид». Вин говорыть: «Можно. Учыны ты, бабо, дижу пшенычного та встанеш завтра та напечеш булок та пырогив». Вона встала, зготовыла, а вин прынис водкы и каже: «Ну, стара, ты хлиба понакладай, а я пиду поклычу сусид». Вона говорыть: «Иды, иды, старый!» Накурыла вона хату, свичу засвитыла та полыхословыла на кота: «Лыха годына тебе у хату унесла, зла лычыно!» А родытели, покойныки вже сыдилы — а то з-за стола! А хазяин зострив прохожого и просыть: «Прошу покорно до мене в хату». «Благодарю покорно». Знайшов прохожый, сив и говорыть: «Хорошо зделалы, так нехорошо зговорылы: хотилы своих родытелив помянуть, так нащо ж вы полыхословылы?» «Я не лыхословыла». «А нащо на кота полыхословыла? Тепер хоч вы склыкайте, хоч не склыкайте, бо ваши родытели сыдилы за столом, а тепер увийшлы. И я не хочу трапезувать: ся трапеза не благословенна». Выйшов, не знать, де й дивсь»* (от Наталки Кедевой, с. Литвяков).

2. *«Ишов прохожающый, упросывся панич до людей; а ти люды справлялы обид по сынови. И воны далы повечерять прохожающому, а на нич людцив изобралы. Поночувалы воны над кануном. Пивни заспивалы, людци пишлы додому. А воны: одна невистка дижу мисыть, друга борошно сие, а третя кынулась ножа шукать чыстыть картоплю. Не найде ножа. Началы спорыть одна на одну (а ниж упав за лаву). И потим воны налыхословылы. Той старець устав, перехрестывсь и пишов из хаты. А роботнык надвори спав, и старець ему говорыть: «Пиды скажы, що ниж за лавою, а ты, як зберуть воны людей, стань на покути и дывыся: як будуть люды увиходыть у хату и як будуть янголы на порози плакать, а той буде на покути реготить, и выходытымуть уси души и плакатымуть». Той роботнык усе бачыв и розказав хазяину и хазяйци»* (от П. Величкиной, с. Бересточи).

Хотя ангелы, как видно из настоящего рассказа, и пребывают временно в разных частях хаты, все же любимое их место — покутя. *«Ангел — де гарно в хати, благословенно,— на покути сыдыть, а де негарно, де раздор, там вин надвори. Як покурыть ладаном, та анголы радуються, об углы бьются, зазырають»*. Наконец, на покути садят новобрачных, восходящих родственников, кумовьев и почетных гостей. В противоположность покутю угол, находящийся у глухого конца дверей и сам поэтому носящий название глухого *(глухе покутя)*, имеет только хозяйственное значение. Здесь помещается посуда на полке *(полыци)*, ложки и ножи на полочке *(мыснику)*. И по отношению к посуде хозяйки хранят приметы и поверья и соблюдают известные правила. Например, хозяйка не должна оставлять на ночь ложек в горшке или мыске, как и у немцев и чехов, но должна перемыть и вдеть в особые отверстия в мысник, иначе *«буде нечыстый перебирать и торохтить, и диты не спатымуть»*. Перемывать ложки нужно осторожно: *«не цокотить, а то люды будуть балакать, а ворогы веселыться»*, не ронять из рук: *«як ложка пада з рук — на вмирущого»*. Впрочем, выпавшая утром из рук ложка предвещает гостью, а нож — гостя. Ножи также необходимо прятать на ночь и *«не вкупи, а порознь, по одному; сатана пидносыть их чоловику. Не можна ножа класты на викни — ангол не сяде»*. Горшки нужно также перемыть на ночь и спрятать в печь, а кружку *(кухоль)* перевернуть. Воду в кадушке следует накрыть, *«шоб сатана туды не ныныкував»*, или вбросить в нее соломинки, соединенные накрест. Узенькое пространство между дверями и печью называется *у кочергах или кочерыжником*, потому что занято кочергами и лопатами. Последние имеют особое предохранительное значение: их выбрасывают в грозу и град на двор, как у немцев настольник, а у сербов — ложку и миску. Кроме того, зажигают еще страстную свечу, крестят верх и порог. Затем, в предупреждение всяких вообще несчастий, необходимо крестить окна и двери хаты трижды: утром, зажигая огонь и на ночь.

коричневый и голубой цвета, всегда оковывается и всегда на колесцах, стоит 5—12 руб. Внутри ее приделывают маленькое узкое отделение — *прискрынок* для помещения мелочи и ценностей: наперстка, *заполочи* (красных и черных ниток), *голубця* (голубых), *намиста*, шелкового платка, легких платочков *(хусток)*, восковых свечей, денег и всяких документов: *«купчих, минчих, духивныць, векселив»*, тщательно сохраняемых обыкновенно крестьянами. К сожалению, впрочем, акты XVII и XVIII веков, вследствие распространения в народе понятия о давности, теперь уничтожаются. Таким образом, прискрынок действительно имеет значение сокровищницы. В скрыне сохраняется еще белье, полотно, запаски, легкая одежда. Ключ от скрыни хранится всегда у хозяйки, если же скрыня принадлежит дочери, то у последней. У стола и вдоль стен стоят еще скамьи *(лавы)* и скамейки *(ослоны)*: *«Скрыня або лавы лущять на вмирущого»*.

Новый год; зимние праздники и будни. Печение хлеба. Масляная, застольные присловья и триндолки. Великий пост. Приготовление кваши. Светлый праздник и праздничный стол. Весенние, летние и осенние мясницы и посты. Рождественские праздники, колядки и щедривки

Три зимние праздника выделяются в народных понятиях из ряда прочих:

Що первее свято — святее Рожество.
А другее свято — святый Васылий,
А третее свято — сам Иван Хрестытель.

Поэтому на Новый год существуют те же обыкновения, что и в другие указанные праздничные дни. Женщина не идет в эти дни рано утром за водой; сам хозяин должен первый принесть воду, подобно тому как у великоруссов, по местам, на Новый год старший мужчина приносит воду для обрядового приготовления каши. Затем уже идет хозяйка и, погружая ведра, приветствует реку или колодезь: *«Добрый день тоби, водо Уляно, а земле Тетяно! Поздравляю я тебе с сим праздныком, з Новым годом и Васыллям! Господы, благословы твоим духом святым и преспоры на всяке время»* (с. Волчок); *«Добрыдень тоби, колодязе Романе, а ты, водо Уляно, а ты, земле Тетяно! Прыйшла я до тебе воды браты и Господа Бога на помич прызываты. Як до тебе прыбувае вода из гир, из ярив, из жерел, щоб так до мене усе добро прыбувало»* (с. Губское); *»Добрыдень тоби, водо Уляно, а земле Тетяно, а колодязю Прокопе! А вы, зори-зоряныци! Вас на неби тры сестрыци: одна вечирня, одна полуничня, а одна свитова. Освищаете небо и землю и очыстить воду сюю»* (с. Литвяки).

На Новый год женщины не должны еще заходить в чужие хаты до выхода из церкви или по крайней мере до прихода посыпальников, иначе хозяев тех хат постигнут болезни и неудачи: *«Не буде фортуны никоторои»*. Во многих семьях хозяин до прихода *«посыпальныкив»* сам *«обсие свою господу»*, для чего, прийдя с утрени, берет в сенях приготовленную с вечера рукавицу со всяким зерном: житом, пшеницей, ячменем, просом, гречкой, овсом и коноплей, выходит в хату и, рассевая семена, говорит: *«На щастя, на здоровья, на нове лито! Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю. Здрастуйте! Из Новым годом, из Васыллям будьте здорови!»* Подошедшие посыпальники, выражая такие же пожелания, поют еще изредка старую посыпальную песню:

А в поле, поле
Сам Господь ходе;
Маты Мария
Йисты носыла,
Йисты носыла,
Бога просыла.

Ходыть Илия
На Васылля,
Носыть палию
Жытнюю.
Сюды махне,
Туды махне,
А за ным жыто
Кущамы росте!
— Дядько, шажок,
Титко, перижок!

Новый год разделяет еще одну особенность других годовых праздников: как хлеб и пироги, так и все кушанья должны быть приготовлены заранее, накануне, и только разогреты пред обедом, причем хозяйка, приготовляя кушанья, должна непременно положить по три кусочка мяса в каждое. Возвратясь из церкви, хозяин зажигает восковую свечу, кадит ладаном, и все семейство без исключения садится за общий стол, состоящий из борща со свиным мясом, редко куриным, и локшины с мясом же или молоком,— хотя в данной семье, по многочисленности членов ее или по преданиям, женщины по будням обедали не за общим столом, а отдельно на полу (досках у печи), и невестки прислуживали стоя *. Отпивая водки, хозяин произносит: *«Спасыби Богу, що диждалы Нового году уси жыви, здорови, благополучни. Дай, Бог, Новый год проводыть и Велыкодня диждать. Дай, Бог, щоб по сёму ґоду Господь хлиб уродыв. Царство небесне помершим, прыставшим душам, и родытелям хай легко згадается, а нам дай, Бог, на здоровья»*.

После обеда хозяин, как всегда, благодарит Бога установленной молитвой: *«Спасыби тоби, Боже, за хлиб за силь»*. Вскоре появляются переодетые парни и разыгрывают святочный фарс, изображающий ухаживанье старого волокиты *(машкара)* за молодицей или девушкой *(Меланкой)*. Местами за ними следует также чучело коня или козы. Меланку со свитой одаряют паляницами, колбасами и мелочью **.

---

* Молодые невестки во многих семьях местами едят еще стоя. У многих племен, между прочим у сербов, греков, армян, женщины не садятся за стол, а обедают отдельно от мужчин, как и у нас; у других за столом сидят только отец и мать, прочие члены семьи стоят или едят на полу.

** Как посыпание зернами, так и святочный фарс имеют, вероятно, отдаленную связь с классическими обыкновениями обхода римскими мальчиками, из которых один был в маске, домов в январские календы со святочными плясками и играми римских замаскированных мужчин и женщин и с ношением чучела с кобыльей головой у славян и немцев. Неизвестно, когда именно и каким путем зашел в Лубенский уезд указанный фарс; любопытно только, что итальянское слово maschera (арабское maskara — смех, греческое мабхарас), напоминая нашу машкару, имеет тот же двоякий смысл: как маски, так и замаскированного лица.

Накануне Крещения так же кто-нибудь из мужчин приносит воду с реки для приготовления вечери, которая непременно должна состоять в этот день из семи блюд *(страв):* рыбного борща, супа или галушек, жареной соленой, а не свежей, рыбы, капусты, гороха, кути и озвару. Все эти кушанья изготовляются не в обыкновенных больших горшках *(варильныках, золийныках)*, а в маленьких *(горщатах, стовбырочках)*. Хозяин сам ставит горшок с кутьей, обернутый рушником, на покутя в сено, приговаривая: *«Скилькы в сёму горошку кутенят, щоб стилькы я имив у своим хазяйстви телят, лошат, ягнят, поросят, гусят и утят»*. По возвращении кого-либо из членов семьи с освященной водой *(вечирнею)* хозяин, приветствуя семью словами: *«Добрывечир! Из постом будьте здорови!»* и перекрестившись, пьет сам и дает воды семье, а затем кропит жилье и везде на лутках и дверях пишет кресты, причем отведывает большого пирога с капустой, горохом или фасолей и говорит: *«Хреста впысну, пырога вкусну»*. Этим же пирогом начинают вечерю. На следующий день все постные остатки доедаются пред обедом, таким же, как на Новый год.

Как известно, гребень, подобно всем рабочим орудиям, выносится из избы в коморю на святки.[2] Обратный внос его в хату на так называемый рождественский, или риздвяный, день[3], т. е. первый такой же день, в какой было Рождество, сопровождается особым праздником «опровержения святок». *«Гребинь уводять для того, щоб святкы протяглысь»*.

На риздвяный день в чью-нибудь избу собираются соседки, разодетые в плахты и белые сорочки. Хозяйка вносит гребень в хату и ставит его на покутя. Жинки говорят: *«Спасыби, Господы, що диждалы празныкы проводыты! Господы, благословы нам сей гребинь окрасыты! Дай, Боже, щоб радисно прялося и щоб веселылося!* С этими пожеланиями женщины начинают наряжать гребень, как девицу: умотают его в плахту, красную или зеленую запаску, подвяжут червоным поясом. Верхушку *(зубья, пелюстки)* повяжут платком, увенчают калиной, васильками, барвинком, гарусом *(жычками)* и лентами. *«Стоить вин на покути, аж горыть, мов молода»*. Окончив убор гребня, женщины пьют и слегка закусывают, приговаривая: *«Будьмо здорови! Дай, Боже, щоб гребинь, увивши из сёго гребня, прялось и моталось, щоб и нытка не рвалась, щоб напрялы и поткалы и обилылы и пошылы и здорови поносылы»* (дер. Шек) или так: *«Будьмо здорови! Дай, Боже, на здоровья, на благополучия и нашим дитям и всему мырови хрещеному. Дай, Господы, вам, хазяечка, щоб на сёму гребиныку и прялось и хотилось и щоб не дрималось и нищо не болило. Щоб вам Господь послав спих, як у молодои людыны смих»* (с. Вовчок). Затем жинки с пением несут гребень в трактир и там его пропивают, т. е. оставляют *(заставляють)* шинкарю, а сами идут по хатам для сборов муки, сала, колбас,

огурцов, сметаны. Собрав эти припасы, женщины возвращаются за гребнем в шинок, говоря: *«Ходим выкупым, треба на чимсь прясты»*, берут в складчину водку и собираются опять в ту хату, где разбирался гребень, ставят его на покутя и гуляют всю ночь. Хозяйка оделяет собеседниц калиной и жычками. Первая съедается, вторыми перевязывают заболевшие руки, приговаривая: *«Як у сёго гребиныка не болять ни ёго руки, ни ёго зубы, то хай так и в нас нищо не болыть»*.

С риздвяным днем оканчиваются зимние праздники и настают будни с их будничными заботами, из которых первая — печение хлеба *, соединенное со следующими обрядовыми правилами. Нельзя печь хлеба против больших праздников, также против пятницы и недили. Если крайность заставит спечь, то приготовляется лишь ограниченное, необходимое для питания количество. *Не можна на недилю заводыть багато хлиба»*, иначе может постигнуть несчастие, как видно из следующих рассказов.

1. *«У недилю никому не можна багато хлиба пекты, тилькы скилькы пожыве, абы пойилы у недилю. У жинкы було багато дитей и стала вона напикать на жныва, прийихала с поля у суботу увечери та й учынила дижу. У недилю вранци встала вона, пишла до кумы сирныка позычать, колы прыйде — у печи в неи горыть. Вона пишла куми хвалыться, що в печи горыть, колы прыйде — вже й дижа замишана. Пишла вона впять до кумы хвалытся, вернулась — колы вже й покачано. Пишла вона впять до кумы, прыйшла, колы посаженый у пич хлиб; изнову вона йде до кумы, вертается, аж хлиб, повытяганый с печи, уже на лави, и дид сыдыть на покути и труна коло лавы стоить. Дид каже: «Напекла хлиба?» «Напекла, дидусю». «Пойиж сёгодни ёго». «Не пойим, порозношу по людях». «Ни, сама й пойиж». «Ни, не пойим». «Ну, надивай свое те, що на смерть, та лягай у труну». Вона пишла, вбралася, понадивала те, що на смерть, каже: «У мене дытына маленька на печи лежыть, возьму ии з собою». «Ни, тилькы попрощайся». Вона лягла у труну, дид закрыв труну и хто знае, де й дивсь. Люде йдуть з церквы, прыйшов ии чоловик додому, колы труна в хати. А вин излякався, став ии одкрывать, колы не одкрывается, вин став рубать, одпылювать — кров иде, крычыть жинка. Вин тоди повиз скризь по Киевах по*

* Первоначальной пищей человечества была каша, потом ячный хлеб в виде пресной лепешки; квасной же хлеб появился позже в Египте и затем через Грецию и Рим передан другим европейским народам, поэтому следующие малорусские пищевые названия сходны с восточными и классическими: каша, санскр. каш — тереть; кулиш — kullestis, род хлеба у египтян и евреев, греч. ku iç , лат. culeus, литовск. kuile — мыска; паляниця — греч. лаvoç ; хлиб — clibanites — хлеб, clibanus — хлебная печь; страва — санскр. tra — кормить; йисты, йим — санскр. diam, английск. to eat (выговаривается *ит*).

велыких, у Ерусалым повиз. Жинка та каже людям: «Кайтесь, люде добри, на мени, не печить хлиба у недилю, бо я це хлиб пекла и се мени так сталось — молиться Богу за мене гришну» (от Е. Пулькиной, с. Литвяков).

2. *«Пекла хазяйка в недилю паляныци. Тилькы що посажала в пич, выйшла, увийшла в хату, колы сыдыть жинка, каже: «Выймай уже хлиб из печи». Хазяйка каже: «Ще не спикся». «Уже спикся». Колы выняла, колы вже готове. Розломыла ту паляныцю та жинка, що вийшла, каже: «Прытулы до серця, чы буде пекты тебе?» Прытулыла та хазяйка соби до серця, потим зачала крычать: «О, пече, пече!» «А що,— каже та,— хорошо, як тоби пече? То так вы нас печете у недилю». Хлиб там и урис проты серця, не можна одирвать. И сталы ии по свитам водыть, сталы людей прохать: «Кайтеся,— каже вона людям,— на мени, не печить хлиба у недилю»* (от Орленковой, с. Тишок).

3. *«Вчынила жинка дижу проты недили и не вкынула соли, замисыла дижу и начала пекты. Испекла вона пятеро хлиба и повыбирала. И прыйшла дивка и взяла первый хлиб и розломыла той хлиб, розидрала и прыложыла жинци до грудей и начала вона крычать, а дивка спрашуе: «Зачим ты проты недили учыняла дижу? Чом же ты не посылала? Не годытся разовый* хлиб пекты, а покачай борошном паляныцямы». Жинка пыта: «Що ж вы таке йе?» «Я свята недилонька, и ты должна мене штыть и прыбирать и стать на колинкы и Богу помолыться». Стала та жинка на колина падать и просыть: «Свята недилонька, помылуй мене!» И та каже: «Я на тебе положение маю на диток, а щоб ты лежала у постели год цилый. Исказуй другим людям, щоб воны каялыся и щоб воны за мене Богу молылыся»* (от. П. Величкиной, с. Бересточи).

Не только нельзя печь хлеба в указанные дни, но нельзя в них также сеять борошно: *«На тим свити очи порошыть будуть»; «будеш на тим свити у пылу»*. Сея муку в обыкновенное время, нужно начертить рукою крест ** на ней и остерегаться, чтобы не стучать ночвами и не бить об них руками, иначе будет радоваться ведьма,— поверье, подобное встречающемуся в Харьковской губернии, где стук ложек доставляет удовольствие дьяволу, и заграничному: силезскому, чешскому, норвежскому, где стук пальцами или ножом по столу привлекает ведьм, дьявола и нужду *.

* Ржаной.

** Западноевропейские христиане чертят крест на муке, тесте н крестят лопату, сажая хлеб.

Просеянное борошно хозяйка сыпет в дижу. От последней также во многом зависит качество хлеба, согласно поговорке о дурно выпеченном хлебе: *«Чы дижа сдижылась, чы хазяйка сказылась»*. Уже при самой покупке этой важной утвари, имеющей вещее значение ** и стоящей обыкновенно на покути, нужно остерегаться, как бы не купить *дижа* вместо *дижи*, потому что *«як диж, то хлиба не йиж»*. Избегая ошибки, при покупке начинают считать с одной клепки: *дижа, диж*, и если на последнюю клепку выпадет опять *дижа*, то посуда годится, а если *диж* — нет. Купленную дижу намачивают на сутки водою летней температуры *(литеплом)* с гречневой соломой; кипятком же *(окропом)* можно только испортить *(запарить)* дижу. Неисправную дижу поправляют двояко: или опрокидывают и дно крестят ножом, а затем поливают окропом, или же ставят на порог с воткнутым в нее ножом ***

Вчиняют хлеб рано *«вдосвита, до схид сонця»* таким приемом. Дно дижи натирается солью, затем в нее кладется еще горсть соли, льется вода и бросается для брожения кусок закисшего теста *(рощыны)* или еще лучше размоченных сухарей из хлеба, спеченного с хмелем *(роскрышку)*. *«Без роскрышкы хлиб буде такый, як лемишка, а на роскрышци буде пухкый — не треба й дрожей»*,— поясняют хозяйки. В дижу прибавляют еще «литепла и борошна» и, закрыв дижу, ожидают результатов брожения *(як хлиб пидходыть угору)*. Когда тесто взойдет *(высходится)* и начнет оседать, хозяйка месит, пока оно не отстанет от дижи и от рук, и оставляет его еще всходить, после чего уже, помочив руки, катает хлебы до получения ими круглой формы. Кто катает хлеб к себе, *«у того симья буде при ёму, а хто од себе, од того и бог одвернется, и рид розийдется»*.

Покачанный хлеб не тотчас же садят в печь, а оставляют еще с полчаса на столе. Его нельзя считать в это время: *«Буде стилькы урону у хазяйстви, скилькы насчитаеш хлиба»*. Хлеб нужно садить по правую руку от себя, и первый скатанный хлеб, помеченный крестиком, первым же садить и в печь. Нельзя садить зараз на лопате по двое хлебов, ни свадебных шишек, потому что будут умирать по двое в семье. Хлеб печется обыкновенно часа полтора, затем хозяйка пробует, легок ли он, отходит ли мякоть. *«Тоди*

* У нас есть еще такие поверия: *«Як цокать ножем об стил, то ссор буде у хати»; «Як кывать ногою за столом, то то — скушение»*.

** Треск дижи предвещает смерть кого-либо в семье, а лопнувший на ней обруч — смерть хозяйки.

*** Если хлеб не удался, сел на скорину, то над кухаркой подсмеиваются: *«Дижа, дижа! Треба до тебе вихтя й ножа; та обмыты, та ладаном накадыты, та годи дижу вчыныты»*,— намекая на известный анекдот о нерадивой хозяйке, желавшей освятить дижу.

выймать хлиб, як постукать и гуде». Если два хлеба слились вместе, то их разламывают или над головою неговорящего ребенка для ускорения речи, или над головою девушки. Перевернувшийся в печи хлеб свидетельствует как о близкой смерти, так и о предстоящем несчастии. Например: *«Наложыла я пич и натопыла и выкачала. Взяла яма и выбылась, выпало печи и паляныця перевернулась. Через день сыну ногу машына обраныла»* (от С. Латенковой, хут. Тернавщины). Почти так же опасно нечаянно или нарочно обернуть хлеб *. Если под хлебом мокро, то ожидают дождя. Неудачный хлеб вызывает такие замечания: если недопечен, то говорят: *«закальця на тры пальця»,* об отставшей корке: *«хоч горобцив заганяй»,* а о трещине: *«мов плугом поорано».* Помеченный крестом хлеб разламывают надвое и кладут на покути или на покутнем окне для предков. *«Первый хлиб — помынкы, вин душам спасеня, пара з ёго доходыть до мертвых на той свит»; «пара як пиде з хлиба, то помершим».* Его потом отдают нищим. Не всякий, впрочем, хлеб угоден предкам: тот, на который дули, вынув из печи, или обтирали полой, запаской, суконкой, который, наконец, садили на капустный листок, не годится для поминок, что доказывается следующими рассказами.

1. *«Жинка готовытся помынать своих родных. Посажала у пич пыроги, а ти мертвы идуть за стил, сидають. А наймычя колыше дытя и выда их, а жинка их не бачыть та выбира з печи пыроги й кныши и обтыра запаскою. Стала обтырать запаскою и кладе на лаву. А старык из-за стола каже: «Ходим, диты, се не для нас готовытся». Идуть из-за стола, а хлопець крывенькый иде та зачепывсь за лопату та й упав. А наймыт коло колыскы засмиявсь. Жинка та пыта: «Чого ты смиешся?» «Хто у вас, титко, крывый умер?» «Хлопчык». «Я бачыв: оце воны за столом сыдилы та пишлы геть, а хлопчык зачепывсь за лопату та впав, а я тым засмиявсь». А вона: «Як же ты бачыв?» «За столом сыдилы, дид прыводыв. Воны кнышив ваших так дожыдалы, та то, що вы запаскою их обтыралы, так воны знялысь и пишлы». Вона заплакала та на другый день стала готовытся другим порядком. Годи запаскою обтырать — грих, а крыльцем»* (от Е. Куприевой, дер. Шек).

2. *«Наймыт був у дяка такый негришный, що все бачыв, николы не лаявся, николы не смиявся. Сив вин пид прыпичком; дячыха выбирала паляныци. Поки вона выбирала и ничим не втирала, то ии сим покийных сынив сыдилы за столом. А то вона як последню выняла паляныцю, та взяла та й обтерла попередныком та й дохнула, так сыны тоди с хаты, одын крывый попереду та й упав на порози, а ти попадалы уси на ёго, а той робитнык сыдыть та дывыться. Так вин и усмихнувся. Вона ёго и спрашуе: чого ты смиешся? А вин каже: «Та я так». «Ни, ты дурыш мене, ты щось знаеш. Прызнайся мени». «Да,— каже,— був у вас сын крывый?» «Був». «Як оце вы дыхнулы на паляныцю и обитерлы попередныком, так уси покийныкы началы тикать, попереду крывый; спиткнувсь та й упав на порози, а ти на ёго попадалы». «Хиба так не можна робыть?» «Не можна, грих»* (от Н. Кедевой, с. Литвяков).

* У валлонов обернутый хлеб привлекает дьявола в дом.

Приготовление кушаньев *(стравы)*, как и печение хлеба, соединено у крестьянок с различными поверьями и приметами. Начать с того, что варящая пищу хозяйка или кухарка, обязанная сама о себе позаботиться по пословице: *«Як кухарка з голоду вмре, то й пип не ховатыме»,*— тем не менее у печи должна стоять впроголодь, а если наестся сама, то семья останется голодной. Для того, чтобы выиграть время и топливо, хозяйка утром сразу приготовляет пищу на весь день, начиная борщом, который *«найздоровшый, усёму голова».* Она *лагодыть* его, т. е. крошит овощи, наливает в горшок бурякового квасу или сыровцу и солит, остерегаясь лихословить и вспоминать нечистого, иначе борщ не удастся и в нем скупаются демоны. Вкус борща зависит еще от других причин, от горшка: *«Як яке в ёго облыччя»,* но принятого в Харьковской губернии деления этой посуды на *горшок и горщыцю* в Лубенском уезде не наблюдается, и на вопрос о таком различии местные хозяйки, недоумевая, отвечали: *«Оце! Такого ще й не чулы».* Приготовив борщ, хозяйка зажигает солому в печи, крестит как печь, так и борщ, и, приговаривая *«Господы, благословы!»,* ставит последний на огонь. Когда борщ закипит три раза *, то хозяйка, попробовав его, отставляет горшок в сторону, обкладывает его жаром, сама же принимается толочь сало в *ковчанке (салотовци)* [5] и разминать макогоном пшено в макитре, пока оно не обратится в муку. Замечают: *«Як жинка мне пшоно та лыже макогин, то ии чоловик лысый буде»* **. Замяв борщ, т. е. вылив в него столченное сало и пшено, хозяйка отставляет горшок — борщ готов.

Но хотя борщ и главное кушанье, все же сам по себе он *удивець,* к нему нужен еще *прыварок* — каша. Приготовляя последнюю, хозяйка смывает прежде пшено холодной водой, потом горячей, солит, приливает воды и ставит в печь. Когда пшено начинает раздуваться (набухать), то *«каша сердытся, треба ии помишать, а когда пшено розбухло и каша згусла,— пора ии пидиймать,* т. е. переместить спод наверх и поставить в жар. Если горшок с кашей лопнет в печи,

* Три степени кипения воды передаются в Лубенском уезде такими выражениями: *«окрип намысто ныже»; «ударывся в ключи»; «перекыдается».*

** Также: *«Як хто надине мыску на голову жинци, шуткуючи, то чоловик облысие».*

7 1—1657

то умрет скоро варившая ту кашу хозяйка или невестка, а если только образуется пустое пространство в горшке, то умрет кто-нибудь в доме. Замечают еще: *«Горшкы с печи не можна обтырать суконкою або запаскою — покийни родытели розийдутся з хаты. Дивчыни и молодыци не можна горшка скребты ложкою — буде свекруха скребты голову»*. Вынув горшки с печи и разливая кушанья в мыски, женщина должна сказать: *«Господы, благословы»*,— иначе черти опять скупаются в ухе,— и затем отведать блюда для того, чтобы хорошо кормить грудью дитя *.

Пища распределяется в течение дня таким образом. В 7—8 часов бывает завтрак, состоящий из капусты, коржей [6], кулиша[7] или локшины с салом. В постный день сало сменяется или олеей, служащей приправой к огурцам, капусте, картофелю, или молоком из конопляного семени, которым приправляют ячную кутю[8], отваренный ячмень *(зубци)*, мятое пшено *(поливку)*, или конопляным семенем с гречневыми лепешками *(плескавкою)*. За обедом садятся с 11 часов и позже *(перед вечоры)*, если задержит молотьба или другое дело. Обед состоит из борща с салом и каши со смальцем, редко с молоком, а в постный день из борща же с фасолей, буряками с олеей или таранью и каши, иногда отваренных фасоли и гороха, вареников с картофелем, коржей с горохом, примазанных медом. На ужин довольствуются остатками от обеда или ухой *(юшкою)* и галушками.

За пищей также не обходится без присловьев и замечаний. Челядь, например, садясь обедать, приговаривает: *«Боже, благословы, щоб жонати не почалы»*. Если накрошено много хлеба или каша падает с ложки на землю, то замечают, что у хозяина будет много детей; об опрокинувшемся вине говорят: *«То на помынання, бо горилка сама добрийша вещ»*. Другие полагают, что опрокинутым вином ангел тушит пожары **. За обедом не принято много разговаривать или смеяться: *«Краще умовчать, а то скушение. Не годыться черкать над трапезою: нечыстый дух заходе у мыску»* ***. Но после неудачного или скудного обеда раздаются иронические похвалы кухарке или скупой хозяйке, не дающей, например, пирогов к борщу, а отделяющей их особо,— а таком роде: *«Спасыби Богу — найився ей-Богу, нагодувала Явдошка, перепавсь, як дошка. Найився, як бык, перепався, як смык. Борщу не йив, каши не бачыв, а мьяса зовсим не далы!»*

* Первоначально предварительное испробование блюд женой делалось, вероятно, для избежания отравы. У ашантиев жена пробует предлагаемую мужу пищу, а на Перечном Берегу и у макололо отпивает первая вина или пива — из боязни отравления.

** По римским поверьям, упавший со стола кусок предоставляется ларам, по древнехристианским — мертвецам.

*** По немецким поверьям, также не должно разговаривать, петь, бормотать, когда другой ест.

Вошедший к обеду посторонний должен приветствовать обедающих словами *«Хлиб-силь!»* Он считается всегда le bienvenu: *«Той, що нагодывсь на обид, то достойный, и той достойный, до которого нагодывсь. Як увийшов чужый, а мы обидаем, то як же вин буде нам у очи глядить, а мы йимо? Годыться и его прысогласыть. Просым Бога й тебе: сидай обидать»*. Собравшихся на праздник гостей хозяин приглашает к столу в такой форме: *«Бог благословыть, а хазяин велыть — кормиться, Господа! Прошу покорно, чым багат, тым и рад,— звыняйте»*. Затем, отведав водки и кушанья, *прыгоща гостей пыть и опорожнять мыскы: добирайте, чесна кумпания!*

Эти приемы гостеприимства — сколки общечеловеческих обыкновений — объясняются Габерландом в том смысле, что прием пищи — самый удобный момент для вхождения вместе с нею и разных чар в открытый рот, почему у многих народов избегают во время питания или всех вообще людей или по крайней мере опаснейших, особенно женщин, а вошедший случайно должен непременно отведать чего-нибудь, так как, разделяя трапезу, он уже не будет околдовывать ее из боязни повредить чарами самому себе. Из предосторожности же гость имеет право выждать, пока хозяин попробует пищу первым. Затем у многих народов умеренность гостей представляется обидной хозяину, а опьянение и объедение, напротив, честью. В Полинезии гости должны даже недоеденные остатки кушаньев уносить с собою. Притом остатки признаются жертвой дьяволу и ведьмам; поэтому везде в Африке и Америке необходимо, чтобы остатков от стола не было.

Кроме обыкновенных гостей, на мясницы являются еще и сваты и, подавая хлеб-соль, просят: *«Нате вам, тату, хлиб и силь, а нам дайте дочку»*. Сватов угощают и за могорычем приговаривают: *«Дай, Боже, щоб з сёго могорычу до бильшого; щоб сей попыть та ще купыть!»* На самом же весилли молодых приветствуют такою речью: *«Дай, Боже, нашим молодым на вик, на здоровье, а ворогам на безголовье. Посылай, Господы, нашим молодым счастя и вик довгый, и розум добрый. Щоб воны одно одного почыталы и рид свий не забувалы. Щоб диждалы всего добра и в поли, и в доли, щоб Господь хлиб родыв и скотыну плодыв!»*

Затем приветствуют отдельно каждого члена семьи: отца — *«Здрастуй, тату наш! Идемо до тебе на оченаш»*; молодую —*«Поздравляем тебе з червоною головою»*; молодого —*«А тебе з жинкою молодою»*; мать —*«А тебе, мамо, з блызнятамы»*.

Заговены, оканчивающие зимние мясницы, получили название «Нижкове пущання»— от захоложенных свиных ног (драглей) *. Теперь они не соединяются уже с таким изобилием, как во времена

* У Маркевича ошибочно сказано, будто бы не праздник, а самое блюдо называется «нижкове пущання».

Квитки [16], на какое изобилие намекает лишь местная сохранившаяся поговорка: *«Розсилась, як на Пущання»*. Теперь небольшие кружки распивают в этот день полкварты водки и больше с обычными пожеланиями: *«Дай, Боже, щоб сей день опроводыть, Святого посту диждать и Велыкодня. Спасыби Богу, що заговилы в добрим здоровьи, дай, Боже, розговиться благополучно»*.

Поедают блины *(млынци)* с салом или маслом, пироги с печенкой или сыром, свинину, курицу. Существенно только, чтобы в этот день к столу было мясо. Молодежь также сходится на досвитки, поставляя: девки — съестные припасы, парни — водку и музыку. Такое сборище называют *коржи; пекты коржи*.

И Масляная проходит без особой пышности. Бабы не прядут всю неделю; в понедельник они *наставляють масныцю* — т. е. пьют в складчину водку; пьют таким же образом, *як опровожають Масныцю*, на *«Масляне пущання»*. В столе преобладает молочное: блины, пироги с сыром, главное масляничное блюдо — вареники, молочная каша, молочный кисель. Выпивая, бабы приплясывают, поют *триндолки (трендычки)* и пьяницкие песни и приговаривают следующее:

«З масныцею поздоровляю, дай, Боже, щоб другои диждать».

«Дай, Господы, усёго луччого: у поли урожаю, у хати счастя».

«Дай же, Боже, щоб все гоже; що негоже — поправ, Боже!»

«Дай, Господы, благополушно, щоб не було ни холодно, ни душно».

«Казав старець по мызынный палець».

Недопившей говорят: *«На що ж вы мени на слёзы оставляете?»* Присутствующая вдова отзывается: *«Отий нещасний удовыци; сама на печи, ногы на полыци».*

«Пыйте бо, пыйте — у кого в руках, у того в устах».

«Дай, Боже, сю попыть та ще й купыть!»

1

Музыканты мои,
Вы заграйте мени,
Бо я бидна сырота
Веселого жывота.

2

Чарочка моя малесенькая!
Ни сучечка, ни пенечка.
Выпьемо, серденько,
До денечка.

3

Ой, выпьемо до дна —

Горилочка добра,
Выпый. выпый та й постав,
Щоб нас нихто не застав.

4

И чарка нова,
И горилку б пыла,—
Хылю. хылю — не тече,
Коло серця пече.

5

Пыйте, люды, горилочку,
А вы, гусы, воду,
Горе мени на чужыни
А без свого роду.

6

Ой, выпыймо, родыно,
Щоб нам жыто родыло,
И жытечко и овес,
Що зибрався рид увесь.

7

У нас на вгороди два кущыкы мняты,
Сбирается рид до роду: хоче погуляты;
У нас на вгороди два кущыка пору,
Сбирается рид до роду гуляты не впору;
У нас на вгороди два кущыка пыжма,
Сбирается рид до роду гулять серед тыжня:
У нас на вгороди зацвилы нагидкы,
Сбирается рид до роду напыться горилки;
У нас на вгороди зацвилы волошкы,
Сбирается рид до роду погулять хоть трошкы.

8

В понедилок празнык,
А в вивторок и так не робыты.
А в середу горилочку пыты,
А й у четвер похмылятыся,
А в пьятныцю поправлятыся,
А в суботу чашн мыты,
Увесь тыждень не робыты.

9

Ой, добра, добра чужа горилка,
Выпыймо, кумо, для понедилка.
Зложымось. кумо, шагив по сорок,
Выпыймо, кумо, ще й у вивторок.
Поженем, кумо, до череды
Да выпьемо, кумо, задля середы.
Помыймо, кумо, мыскы та ложкы
Та выпьемо, кумо, у четвер трошкы.
Продаймо, кумо, рябу ягныцю
Та выпьемо, кумо, ще й у пьятныцю.
Зложымо, кумо, усю роботу
Та выпьемо, кумо, ще й у суботу.

10

Ой, выпыймо, кумо, тут:
На тим свити не дадуть.
Хоч дадуть, не дадуть —
Так выпыймо, кумо, тут.
И выпыла й выхылыла,
Сама себе похвалыла,
Бо я панського роду —
Пью горилку, як воду.
Хылю, хылю — не тече,
Коло серденька пече.
На здоровьячко пылось,
По запасочци лылось,
Ще й по довгий поли
На здоровьячко мени.

11

Ой выпьемо, кумцю
Выпыймо по рюмци,
Бо як пидем на той свит —
Там и рюмок таких нит.

12

Я до тебе, кума моя, не гулять прыйшла,
Я до тебе, кума ж моя, работать прыйшла
Из дныщечком, гребеныщечком.
Напыймося горилочкы соби ныщечком.

13

Прыйшов кум до кумы
Конопелечок мнять.
Вин мняв, прымынав,
Намынаючы, казав:
— Кумко, голубко, кумко моя,
Хто б тоби намынав, якбы не я?
Прыйшов кум до кумы
Полотенечка ткать.
Вин ткав, натыкав,
Натыкаючы, казав:
— Кумко, голубко, кумко моя,
Хто б тоби выткав, якбы не я?

14

Буду пыты-пытушечкы,
Пропыла моточок из вытушечкы.
А ще за те я не заплатыла,
Що пропыла моточок из мотовыла.
У шыночок иду — оснивку несу,
А за мною дытынята несуть клубенята
Ой, пыймо, чоловиче, та пыймо,
Кобыльчыну пропыймо,
Нехай вона не гыгыче,

Чужои стрихы не смыче,
Нехай вона не гыгоче,
Головонькы не клопоче.

15

Та пропыв батько волыка,
А маты з станка коныка.
Ой, Боже мий! та не лаймося,
Та ходим додому та й порадьмося.
Та ще щось пропьем *
Та пропыв батько корову,
А маты прудку ворону...

Та пропыв батько подушкы,
А маты з горшком галушкы...

Та пропыв батько индыка,
А маты ходыть трендыка...

16

Щось у лиси гукае —
Петро батька шукае:
— Идить, тату, додому,
Пропье маты худобу
И качалку, и рубель,
И повисмо конопель,
И сиру лошыцю,
И сина копыцю,
И коныка-тупака,
И пивныка-спивака,
И юпку чорну,
И кожушанку нагольну.

17

Щось у лиси гукае —
Дочка батька шукае:
— Идить, тату, додому,
Пропье маты худобу
Из попамы, из дякамы,
С хорошымы козакамы.

18

Будем пыть, будем пыть — горилочка добра,
Будем спать, будем спать — аж до полудня.
А у мого мыленького аж тры ямы жыта,—
Колы б же я, Господы, та не була быта,—
В одний мак, в другий так, а у третий ничогисенько,
А я пью горилочку та й не боюсь никогисенько.
Одчыняй мени, муже, одчыняй своий коханци.
Не прыйшла я извечора та прыйшла уранци.
Ой, ты не поповыч, а я не попивна,
Не бый мене пьянои, побый на похмилля,
Бо як будеш пьяну быть, я не буду знаты,
А як побьеш на похмилля — буду памятаты.

---

* Припев повторяется за каждым двустишием, в самом конце: «Та вже ничого пропывать».

19

Ой, пый та не лый,
Любы жинку та не бый.
Буду пыть, буду лыть,
Буду любыть, буду й быть.

20

Чи я ж тоби не казала:
Не беры ж ты мене,
Бо я роду шаленого,
Не навчыш ты мене:
Бо я й роду шаленого,
А ты й не такого,
Пыла б же я горилочку.
А ты й не од того.

21

Ой, був та нема,
Пойихав на ричку,
Колы б ёго чорт узяв,
Одминыла б свичку.

22

Ой, був та нема,
Та вбыла кобыла;
Та не дав мени Бог,
Кого я любыла,
Та й дав мени Бог,
Кого я не знала,
Та й за той перебир,
Що перебирала.
Полюбыла коваля —
Та й недоля моя:
Я й думала — кучерявый,
Аж и чуба нема;
Хоть е трошкы.
Так не кучери:
Уже мени шолудывы
Надокучылы.

23

Спыть жинка и не чуе,
Що чоловик в шынк мандруе.
Нехай вона спыть:
Я тым часом одягнуся
Та й на вовну потягнуся.
Як горилкы я напьюся,
Биса-жинкы не боюся.

24

А хто горя не знае,
То хай мене спытае,
Бо я з горем обидала,
Так я ёго розвидала.

25

Горе нам, та не нам,
А нашим ворогам,
Воны тилькы знають,
Що нас осуждають.

26

Прыйшла смерть, прыйшла смерть
Од самого Бога.
Ой, де ии взять —
Гуляе небога.

На первой неделе Великого поста, в *«жыловый понедилок»* совсем не бывает обеда. Только и едят: редьку, хрен, *жиляныки* [11] (коржи), *щоб закрипыться, щоб жыловым буты»*. По местам мелкие хозяева, сговариваясь *о супряге* [12], т. е. кому с кем вместе орать, выпивают водки; попадаются также пьяницы, следующие старому обычаю полоскать в этот день зубы водкой, чтобы ничего скоромного во рту не оставалось *; большинство, однако, не пьет водки или весь пост, или покуда отговеется. В жыловый понедельник не принято работать, «щоб не пообрывало пальцив», а женщинам заходить в чужие избы.

Скудный постный стол разнообразится несколько квашей, приготовляемой таким способом. В макитру или чавун льют тепловатую воду, бросают туда же вишневого листу, горсть солода (муки из согревающего жита), горсть гречневой, две горсти ржаной муки, разводят смесь кипятком и мешают, прибавляют еще кипятку и солоду и ждут, пока кваша окиснет. Не всякому и не всегда удается кваша. Удачнее приготовляет ее женщина, *«у котрои довги пяты»*. *«Дивци совсим не можна робыть квашу, бо долю втопыть у квашу»; «Як увийде у хату хорошый чоловик, не удается кваша, а як увийде хто нечепурный — удается»*. Если приготовлять одновременно квашу и хлеб, что-нибудь одно не удастся. Нельзя делать квашу на первой неделе поста, а только на второй, нельзя также приготовлять ее по пятницам и воскресеньям, как видно из следующего: *«Наробыла жинка проты недили кваши и накрыла на лави скатертынкою, а сама спаты лягла и заснула. Колы чуе: леп, леп по стини ополоныком, аж грычи и сказало: «Йе квага, га логы нема!» Так жинка та встала, перехрестылась и зариклася довику робыть квашу проты недили»* (от П. Величкиной, с. Бересточи).

Изготовляя квашу, приговаривают:

«Сытыся, квашо, медыся, патокою берыся, добра вдавайся, медом полывайся!»

«Удавайся, кваша, солоденька, як медок, а кысленька, як вынце!»

---

* Откуда и самый понедельник этот называется *полоскозуб*.

«Тоби в церкви не бувать, святых тоби не выдать, тут тоби солодать».

«Солодысь, солодысь, щоб маленьки поросята напылысь».

«Ишов грек, нис меду глек та в нашу квашу. А ты, квашо, робыся и медыся, выном становыся и паням годыся».

«Ишов грек та нис меду й вына глек та спиткнувсь на пенёк, а в нашу квашу выно та медок. Солодысь и добрысь, а бильш окропу не сподивайсь».

«Ишов пасишнык з пасикы, нис улык на плечи з медом та выном, спиткнувсь на пенёк, а в нашу квашу выно та медок. И медыся, и солодыся, и нам знадобыся».

«Ишов чернець попид горою та нис кушын меду з собою; та спиткнувсь на пенёк та высыпав нам у квашу медок».

«Прийшов козак пид викно, щоб наша кваша була, як выно».

Не любящие кваши шутят: *«Прийшов козак* (або вынных) *з вынныци, щоб наша кваша була у помийныци».*

Ходыв вынных по вынныци,
Носыв квашу в помийныци.
Бигла кваша через вынныцю
Та впала в помийныцю.

На четвертой неделе Великого поста (на *Хрести*) пекутся пшеничные кресты с отметкой для каждого члена семьи. В средину этих крестов заделывают листья барвинка и нитки заполочи. Сотлевшие нитки, пожелтевший, почерневший листик барвинка предвещают скорую смерть владельцу креста, зеленый — долгую жизнь. Сеятелю также пекут особый крест с копейкой в средине. Обычай требует бросить эту монету в церкви в кошелек после посева пшеницы. Накануне Благовещенья приготовляется обед с рыбой и пирогами и съедается на самый этот праздник, на который многие совсем не топят. Последние три дня Страстной недели также не готовят обеда, довольствуясь хлебом, капустой, огурцами, а старые женщины, ничего не евшие весь пост по пятницам, воздерживаются и эти дни от пищи, *«Бо вже недалечко червоне яечко».*

Большая радость крестьянину дождаться прекрасного весеннего праздника. О счастливых, жизнерадостных людях выражаются даже: *«ходыть такый* (або така), *як на Велыкдень».* Но и приготовления к празднику, ложащиеся всею своею тяжестью на хозяйку, так же велики: *«Жинци найскрутнийше Велыкдень».* В самом деле, кроме забот о чистоте жилища и белья всей семьи, женщина должна почти без участия мужчин изготовить сложный пасхальный стол, состоящий из различного рода пшеничных хлебов, яиц, молочных и мясных блюд.

Для пасхи в Лубенском уезде предпочитается вообще озимая

голоколосая пшеница, так называемая *стрыжена, або гладенька,* перeродок сандомирки: *«з озимои пшеныци биле тисто, тягутише, а з ярои жовте».* Однако за невозможностью достать озимой пшеницы довольствуются *кущовкой* — ярой с продолговатым, белым зерном * Она представляет известные выгоды: *«з ярои пшеныци выще тисто буде, дужче вгору жене».* Пред праздником всякая пшеница должна быть очищена от ржи и ячменя и смыта; затем обыкновенным перемолом нельзя ограничиться, необходимо еще шеретовать пшеницу, что обходится дороже. Под шеретовкой понимают предварительное обдергивание, очищение пшеницы от шелухи посредством высоко поднятого камня. За обыкновенный помол отходит мельнику 12-я, а за помол с шеретовкой —10-я мера. Муку на пасху просевают на густое сито, *«щоб був пылок, пух»*; просеянная же сквозь редкое сито мука *(межиситка)* годна лишь для паляниц.

Однако одних таких внешних условий успешности приготовления пасок еще недостаточно, нужны, кроме того, и внутренние, заключающиеся в искусстве самой хозяйки, притом в гораздо большей степени, чем при обыкновенном печении хлеба. *«Не по муци, а по хозяйци. Котра тямуща, то зробыть из жытнего пшенычне, а котра не тямыть, та з пшенышнего жытне зробыть».* Иной бедняге выпадает на долю разве слабое утешение: *«Не вдалысь паскы та вдалысь паляныци».* Во избежание таких случайностей иногда подгородние хозяйки предпочитают покупать пасхи на базаре (25-70 коп.) вместо пасх собственного приготовления.

Большинство хозяек, начиная печь пасхи с четверга *«страшнои недили»*, надевают чистую рубашку и сыплют в макитру пшеничной муки и вскипяченной воды или молока. Такая жидкость называется опарой **. В остывшую опару вливают дрожжи *** и оставляют ее; хозяйка же принимается за цид, для чего, размяв качалкой пшеничные высевки, кладет и в них дрожжи и, процедив, добавляет воды и выливает в опару. В эту смесь хозяйка добавляет муки и дает подходить; месит и опять оставляет тесто бродить, а затем уже режет его накрест, приговаривая: *«Господы! Благословы своим духом святим и преспоры!»*— и выделывает пасхи по двум традиционным образцам: высоким, несколько расширенным кверху, столбиком, как и самая посуда-поставец, тазок, или обыкновенной круглой булкой. Сверх пасхи кладется крест из двух полос теста, перекрещивающих верхушку хлеба. На самом верху помещают маленькую шишку такой же формы, как и свадебная, или голубчика. Шишка прикрепляется к пасхе веточкой освященной вербы, а вокруг верши-

---

* Другой сорт ярой пшеницы — арнаутка — *к празныку не годыться, у ей чорна кожа, жовта мука».*

** В старину опара была известна далеко не всем. Многие хозяйки выливали в дижу горшок кулишу, столили и учиняли.

*** Дрожжи делаются из хмеля и ржаного теста. Брожение производят споры грибка cryptococcus fermentum.

ны еще кладут бахрому зубцами из тонкой полосы теста. В пасху втыкают изюм и сливы. Иногда кладут еше в средину пасхи яичницу или сыр, *«щоб паска була непорожня»*. Выражение это основано на искажении смысла слов пасхальной стихиры: «Пасха непорочная, Пасха великая». Но такая пасха ненадежна, может выйти глевкою, почему хозяйки признают за лучшее ограничиваться маслом.

Выделанные пасхи ставятся или на пол (доски) на подушку, застланную чистой простыней, или на стол, который не должно двигать: *«Там воны пидходять, наростають»*. Когда пасхи высходятся, хозяйка рассыпает горсть муки по черину, бросает другую в огонь и ждет, пока пламя стихнет; затем, очистив печь от посуды, обматывает пасхи чистыми тряпками и, проговорив: *«Господы, благословы! дух святый з намы»*, трижды крестит печь лопатой, ставит туда пасхи: высокие в поставцах, круглые на сковороде, потом закрывает *(загнитыть)* печь заслонкой. При этом иная хозяйка говорит: *«Паскы в пич, а вы, хлопци та дивчата, не сыдить та замиж идить. Паскы, выпикайтеся, а вы, замиж поспишайтеся!»* Другая машет лопатой во все углы хаты, приговаривая: *«Буду в пич паскы сажаты, а вы, тарканы, блощыци, стоногы, прич з моеи хаты! Тарканы, стоногы! Выходьте з свитлыци в темныцю»*. Затем хозяйка, подняв лопату вверх широким концом, восклицает: *«Пидходь, хлиб у печи, як сонечко в неби!»* Настает опасное время. Хозяйка бережет пасхи, *«як свою душу, щоб воны не засмалылысь, не порепалысь»*, так как дыра в средине пасхи предвещает смерть семьянина, а трещина — убыль в хозяйстве: *«щось трисне»*. Никто не должен стучать в это время, особенно дверью, или часто ходить мимо пасок. Крайне нежелательна в это время женщина с дурным взглядом. Одновременно с пасхами приготовляют обыкновенные булки и бухани, калачи — продолговатые, плетеные хлебы, стульни — свернутые коржи, пироги с мясом, печенкой и сыром; последние *«з очыма»*, т. е. сыр виден по краям; и еще особую просфору с отпечатком крестика, который носят на шее.

В состав праздничного стола входят окрашенные яйца в большом количестве, 50-300, так что иногда в хозяйстве остается лишь немного их для угощения гостей яичницей. В чистый четверг моют яйца, в пятницу их галунят, т. е. погружают в раствор квасцов, в субботу красят, вбрасывая в красную краску *(кирку)*, оранжевую *(жовтогарячу)* из лука, желтую, сделанную из смеси квасцов, гречневой половы и полевой нехворощи, зеленую — из весенней травы (рясту), особенно из голубых пролесков, и темную — в черный сандал (бразолию). Красный цвет любимый: *«Господь показав святыть червону крашанку, бо усяке радие червоному»*. Можно святить яйца, окрашенные и в другие цвета, кроме темного, *«бо нечыстый радуется»*.

Писанок * в Лубенском уезде уже почти не делают, да и прежде делали немного —*«дитям похизуватъся»*, способом, указанным в исследовании профессора Н. Ф. Сумцова **. На местных писанках встречались орнаменты: геометрический *(бесконешнык, зубцы, картата, ламане дерево-спираль, хрестыкова, гречкивочка*-андреевские крестики, *крывулечкамы)*; астральный *(зиркова)* и растительный *(выноград, рожа, слывкова, соснова, яблукова)*. Животного орнамента, вообще не принятого в Малороссии, не встречалось и на местных писанках; встречалась ли свастика ***, точно не известно: показания о ней противоречивы, а личные воспоминания неясны.

О писанках существует следующее поверье: *«Хоть цилый год вылежить пысанка и зовсим высохне, а на Велыкдень буде повна»*.

Главным мясным блюдом воскресного стола бывает свинина в виде жаркого, сала и колбас. Поросенки, очень вздорожавшие, редко теперь появляются на столе в противоположность пятидесятым годам, когда, напротив, они встречались везде.

И птицы, кроме голубей, не режут к Велыкодню; она уплачивает подать яйцами. *«Гришно курку ризать, що вона дае крашанкы. Вона яечко покрасыла»*.

Пред рассветом, когда заблаговестят к обедне, хозяин или взрослый сын идет к церкви со всеми предметами, подлежащими освящению: салом, колбасами, мясом, рыбой ****, маслом, сыром, пасхой, просфорой, куском хлеба *****, пшеном ******, маком *******, пшеницей, гречкой ********, перцем *********, хреном **********,

---

* О происхождении писанок приходилось слышать следующее замечание: *«Бог дав червону крашанку, а нечыстый каже: «Спышу ще й кращу» и выдумав пысанку»*.

** «Писанки» (Киев, 1891). В исследовании этом выяснено, что обыкновение красить яйца и одаривать ими известно было персам и римлянам; вернее, однако, допустить, что к восточным славянам оно дошло из Византии с христианством. В красный цвет красили яйца в воспоминание о крови, пролитой Спасителем и Предтечей; рисуются писанки при помощи воска и жестяных кисточек разным орнаментом.

*** Интересный символ плодородия, благословения, благоденствия.

**** Согласно легенде: *«Рыбу святять, бо Маты Божа зйила пивреберця рыбы и тоди прыйшла звистка: твий Сын воскрес — и рыба та ожыла»*.

***** Его дают есть больным людям и животным.

****** Прибавляют к корму цыплят.

******* Им осыпают корову в предупреждение порчи.

******** Едят в предупреждение слепоты.

********* Закапывают в местах произрастания осота, растения демонического происхождения для уничтожения его.

********** Едят при боли желудка.

солью *, квасцами **, ладаном ***, восковою свечой, шнурком или ленточкой *(стежкою)*.****

Обыкновенно вся семья идет в церковь, а хату запирают. Возвратясь из обедни *«с свяченым»*, хозяин первым входит в хату, говорит *«Христос воскрес!»*, курит ладаном и зажигает восковую свечу. Разговляются сначала просфорой, потом пасхой, крашанками и т. д. Отпивая водки, хозяин приговаривает: *«Христос воскрес! Желаем доброго здоровья, щоб Господь давав хорошу весну, дощи»*. Всю Светлую неделю не полагается поминать мертвых. Им оставляют только *тайну мылостыну*, т. е. пасху и крашанки в церкви. Пасха эта потом раздается нищим и странникам.

На первый день Светлого праздника принято посещать бабу и родителей. Входя, посетители христосуются с ними, поздравляют с праздниками и подают крашанки, булку, калачи, колбасу и водку. Праздничный стол обыкновенно съедается в три дня и заменяется потом обыкновенными скоромными обедами, по возможности с мясом и молоком; пасхи же стоят всю неделю день и ночь на столе. Остатки освященных кушаньев собирают в мыску и бросают на воду ***** [13].

Перед Дарной неделей опять красят яйца, имеющие особое поминальное значение: *«Из крашанки найкращи помынкы. У яечку сорок помынкив»;* также пекут булки и пироги. Три булки, несколько пирогов и крашанок идет на панихиду; затем после служения — обед: борщ, локшину, молочную кашу, сметану, кныши, пироги, узвар и водку — выносят на *гробкы*. Каждый садится у родных могил. Сначала кадят ладаном, потом пьют и закусывают, приглашая и прохожих разделить тризну. Попивая, приговаривают: *«Царство небесне, вишный покой прыставшим душам: всим родителям, сродныкам блызьким и далеким. Легко им лежать, пером землю держать. Посылай, Господы, им царство небесне и постав мылостыну малу за велыку перед душею»*.

Весною, после Светлого праздника, питание довольно скудно. На завтрак бывает хлеб с солью или остатки кислой капусты и огурцов, также пшенный или ячный кулиш *(кандер, дубовый)*. На обед — борщ с зеленью, хмелем, щавелем, крапивой, лободой и ботвой и каша с салом, молоком или олеей. На полдник, начинающийся с 23 апреля [14], дается только хлеб с зеленым луком, а на ужин уха или галушки.

---

* Засыпают бельма скоту.
** Подкуривают от испуга (переполоха).
*** Его зажигают на погосте *(цвинтаре)* при освящении пасхи.
**** Носят в предупреждение слепоты.
***** Вероятно, обыкновение это заимствовано, как и самая пасха, от евреев, у которых также не дозволяется оставлять никаких остатков от пасхи.

Мясо: курица или цыпленок — бывает только на Тройцу, когда родственники приходят в гости. В четверг на Зеленых святках, *«На Росавчын велыкдень»* матери, терявшие некрещеных детей *(росавок, русалок)*, угощают соседних ребятишек молочной кашей, пирогами или варениками, маленькими коржиками и разведенным медом *(кануном)*.

В первый понедельник Петровки [15] старейшие бабы, одевшись в плахты, собираются к хозяйке, у которой есть корова, говоря: *«Нум, наставлять петривку, щоб глечыкы не сбигалы»*. Посреди стола ставят они пустой кувшин *(глечык)*, венчают его венком из цветов, натыкают травами и подвязывают красной запаской. Потом складываются на водку *(гуртову)*, распивают ее, покусывая коржи и приговаривая: *«Дай, Боже, щоб наши коровы булы дийни, збирни, щоб глечыки не збигалы, щоб вершок хороше стояв»*, или: *«Щоб наши коровы на пашу ходылы и найидалысь и побагату молока носылы; щоб мы глекы налывалы, побагато вершка збиралы, щоб сыроваткою не пидходылы»*. Подгуляв, распевают петривку, лучше сказать, пародию на эти прелестные песни, в таком, например, роде:

Малая ничка петривочка,
Та не выспалась наша дивочка.
До череды гнала та й задримала,
На килочкы ногы позбывала.
Дывнии люде хуторяны,
Що воны сёму дыву дывувалы!
Ще я бачыла ще й дывнише:
Що рак-неборак цивкы суче,
А муха-горюха йисты варыть,
А комарь джыщыть, воду тащыть.

Петривка еще скуднее предыдущих мясниц, потому что прошлогодние запасы вышли, а новые еще не поспели. *«Як олии нема — шабаш»*. Даже борщ заменяют часто одним сыровцом, приготовляемым так: в кадушку *(дижку)* бросают сухари, особые хлебы из несеяной муки *(млынци)* или только муку и наливают кипятком, потом туда же прибавляют несколько ложек теста из дижи и ждут, покуда жидкость выбродится *(выграется)*; тогда сыровцом наставляют борщ всю весну и лето до созревания буряков и едят невареным с примесью лука и укропа *(холодець)*. Летние мясницы, наступающие после Петра и Павла, немногим лучше поста. *«Як у кого коровына, то не ввирытся, а як нема, то однаково, що пист»*.

Только с конца лета начинается улучшение в столе при помощи овощей и фруктов. К обеду вместо каши варится часто тыква, горох, фасоль, кукуруза. На полдник к хлебу прибавляют огурцы, сливы, дыни, арбузы, лесные груши — «Спасивка-ласивка». На Спаса (6 августа) освящают в церкви мед, груши и яблоки. Люди, терявшие детей, в память о них раздают фрукты чужим детям у самой церкви или дома. На обед в этот день бывает борщ с рыбой, пироги или вареники с фасолью или картофелем. Особенность обеденного стола

«на головосика» (29 августа, усекновение главы Иоанна Крестителя) заключается в том, что борщ в этот день заменяют супом для того, чтобы головки капусты видом своим не напоминали отрубленную голову. Нельзя также ничего резать в этот день: ни арбуза, ни хлеба, ни рубить капусту. По поверью, приведенному Маркевичем, на срубленной в этот день капусте видна кровь; а женщина, срубив головку капусты, увидела вместо нее голову своего ребенка. По одинаковым же основаниям великороссы не варят 29 августа щей. С 1 сентября, когда дни становятся короче, отменяется полдник. Народная память крестьян сел Волчка и Бересточи сохранила старую поговорку на этот случай: *«За Семена не бувае полудня: кобыла зайила в виеси полудень»*. В поговорке этой заключено воспоминание о хлебном духе, или божке, скрывающемся при конце жатвы в последней полосе или последнем снопе, особенно часто изображаемом во Франции в виде кобылы.

Около этого же времени хозяйки начинают квасить буряки для замены сыровца более вкусным буряковым квасом. Нельзя скребти буряков на третьей лунной четверти, вблизи мертвого тела и женщине в менструациях. Во всех этих случаях квас был бы горьким и буряки сгнили бы. Нужно квасить на первой четверти *(«як на остерби мисяць»)* таким приемом. Дижку, назначенную для буряков, следует накурить ладаном, на дно ее положить крестик из гречаной соломы и кусочек ржаного хлеба, потом очищенные *(поскребены)* буряки налить водой и накрыть кружком; потом снимают только пену. Нехороший признак, если буряки побелеют *(зминятся)*: *«Або хто буде болить, або вмре, або ж буде случай»*. Поправляют обесцвеченный квас, бросая в него первый спеченный, еще горячий хлеб и мешая лопатой трижды накрест. Позже, с Покровы, после нескольких морозов шаткуют капусту, иногда с помощью соседок. *«Як на другу кватырю поверне, тоди шаткувать капусту: вона хороша буде»*. Кадушку относят в погреб, там окуривают ладаном, застилают дно листьями капусты, потом хозяйка набивает туго порезанную капусту в кад и солит. Разом с капустой кладется перец, лавровый *(лаврив)* лист, яблоки, груши, изредка арбузы.

При помощи заготовленных таким образом запасов *Пылыпивка* проходит в пищевом отношении лучше других постов до самого Рождества. Кутю наставляют *непочатою* водою в новых горшках накануне Свят-вечера, потому что ячные зерна долго развариваются. *«Кутя кыпыть без путя»* *. Во время кипения девушки, а не женщины, должны мешать кутю ложкой. Тогда же наставляют и узвар. Ужин с рыбой и разными пирогами приготовляется на самый Свят-вечер. Сам хозяин ставит кутю и узвар на покутя в сено. Пред ужином он же курит ладаном и зажигает восковую свечу.

* О куте есть такое же поверие, как о каше: *«Як кутя верх выведе, то добре, а як западе — на вмируще»*.

Ужин начинают с нескольких зерен кути, потом хозяин, отпив водки, произносит: *«Дай, Боже, на вик, на здоровья, на благополучие. Легко згадается усим родным, де хто жывый повертается. Царство небесне батькам и матерям, дидам и бабам и всим родытелям»*. Часть ужина дети *(вечерныкы)* относят старшим родственникам, кумам, бабе; часть оставляют на ночь усопшим родичам. *«Як не положыть ничого, а одни тилькы мыскы, ложкы, то тарабанытыме усю нич»* *.

Рождественский обед состоит из борща и локшины со свининой **, как и все последующие обеды до Нового года. Это время оживляется хорами дивчат, распевающих следующие колядки и щедривки.

1

Пане господарю! Що на твоим двори
Тры столы стояло, тры кныгы лежало,
Тры свичи палало, тры святих сыдило.
Тры кныгы чыталы, трое свят казалы.
Що первое свято — святое Рожество.
А другее свято — святый Васылий,
А третее свято — сам Иван Хрестытель.
Святое Рожество нам радость прызнесло,
Святое Васылля на многое лито,
Иван Хрестытель воду освящае,
Воду освящае, людей очыщае.
Пане господарю! Ты не сам собою,
Не сам собою, з дитками, з женою.
З диткамы, женою, з усим своим родом.
Ой, радуйся, земле, свите, веселыся:
Сын Божий народывся!

2

Ой, у Ерусалымы рано задзвоныли —
Щедрый вечир, добрый вечир,
Добрим людям на здоровье - -
Що Дива Мария сына й уродыла,
Вона й уродыла та й не охрестыла.
Прыйихалы паны з чужои стороны
Та й сталы гадаты: яке ему имя даты?

* Жертвенное и поминальное значение кути доказывается прежде всего самим родом зерна, из которого она приготовляется,— ячменем, издавна употреблявшимся при религиозных церемониях; затем помещением кути на сене, подобно тому, как древнеиндейские жертвенные кушанья ставились на священную траву; сходными обыкновениями различных народов, напр. римлян, приносивших жертвы предкам во время календ, нон и ид каждого месяца и уделявших ларам часть трапезы, оставлением части рождественских блюд душам и духам во Франции, Богемии, Силезии и Сербии. Между прочим, по древнейшим египетским верованиям, мертвецы, лишенные жертвы, отнимают пищу насильно, а не находя ее, поедают грязь и нечистоты.

** Свинина у римлян была праздничным и поминальным кушаньем у греков — жертвенным в культе Деметры.

Далы ему имя святее Илля,
Матка сего имя та й не возлюбыла.
Далы ему имя пресвяте Васылля,
Матка за се имя поблагодарыла.

3

Жыдивськый край, жыдивщына,
Туды збиралася вся жыдова,
Радылы раду жыдивську:
Як нам Хреста уловыть,
А вловывшы, умертвыть?
Вапною умывалы.
Ожыною вытыралы,
А шепшыною пидперезалы,
Терновый винок на голову клалы,
На древо роспыналы,
Гвоздям рукы прыбывалы,
Анголы чаши пидстановлялы,
Хрыстовои крови в землю не пускалы.
Прыйшла к ему Божая Маты,
Божая Маты, Дива Мария:
— Ой, сыну мий и Боже мий!
Чы навикы ж ты помираеш?
— Маты моя, Дива Мария,
Я не навикы помираю,
За праведни души страсть прыймаю.
Прыняв Хрыстос мукы й раны
За праведни души хрыстияны.
Алилуй, алилуй! Господы помылуй!

4

Ой, вы, вечоры, ой, де ж вы булы?
Ой, де ж мы булы? — на Осиянськых горах.
Аминь, аминь, алылуя.
Ой, вы, вечоры, що ж вы робылы?
Що ж мы робылы? — кружа кружылы,
Кружа кружылы, церкву строилы.
Церкву строилы з тремя банямы,
З тремя банями, з тремя й гробамы.
Що в первом гроби Исус Хрыстос лежыть,
А в другим гроби — святый Мыколай,
А в третим гроби — Дива Мария,
Аминь, аминь, алылуя, Дива Мария!
Над Исусом Хрыстом свичи палають,
Над Мыколаем та й не згасають,
Над Мариею рожа процвила,
А с тии рожи та вылитав птах.
Не есть же то птах, ой, то Сын Божый!
Аминь, аминь, алылуя, Сын Божый!
Ой, то Сын Божый людей намножыв!
Аминь, аминь, алылуя, людей намножыв.

5

Добрывечир, пане господару!
Благословить Хрыста славыть.
Ой, янголы, арханголы!

На Святый вечир, Меланию.
Мелания пребагата,
Дай на церков срибла-злата.
Не жалила б удилыты.
Щоб було церков оббилыты,
И за отця, и за неньку,
И за себе, молоденьку.
Боронь, Боже, наше стадку,
Щоб не було вам упадку;
Як вы даcте нам удвое,
То Бог дасть вам аж утрое!

6

Ой, добрый вечир, пане хазяин!
Мы навидалы хорошого сына у тебе.
Соколе ясный, панычку красный, Мыколо!
Нема дома — десь у гетмана,
Десь у гетмана город городыть.
Загородыв тры городочкы:
Що первый город, що из царямы,
А другый город — из панамы,
А третий город — из мужыкамы.
Що из царямы — мед-выно пыты,
А из панамы — сады садыты,
А з мужыкамы — хлиба робыты.
Мы ж тебе, Мыколко, не поныжаем,
С празныком Рожеством поздоровляем.

7

У нашого пана та выросло древо:
Сребряне гилля, а золота кора.
Там пан хазяин ходыть, ружо заряжа,
Ружо заряжа, сокола стреля.
— Ой, не стреляй ты мене, пан хазяину!
То я тоби стану в велыкий прыгоди:
Як будеш женыться, то я твою мылу
Крылечкамы вкрыю,
Тебе молодого, коня вороного.

8

Поза садом, садом,
Садом-выиоградом
Дивка Мотрушка сад садыла,
Выном полывала ще й Бога прохала:
— Роды, Боже, яблучка й оришкы:
Яблучкамы пидкыдатысь,
Оришкамы осыпатысь.

9

Ой, мосту, мосту,
Калына в лысту.
Калыно моя!
Луженькы вода поняла.
А там стояла шынкивля нова,
Та там у неи тры козакы пье.

Що первый же пыв — коныка пропыв,
А другый же пыв — сидельце пропыв,
А третий же пыв — персньчок пропыв.
Перснычок узяла, сама надила,
Коныка взяла, братику дала,
Сидельце взяла, батеньку дала.

10

Ой, выйды, дядьку, шось тоби Бог дав —
Щедрый вечир, добрый вечир! —
Прывела корова полового быка,
Прывела вивця чорного барана.
Половым быком у Крым ходыты,
У Крым ходыты, силь возыты,
А чорним бараном вивци плодыты.—
Щедрый вечир, добрый вечир!

ОДЕЖДА

Женские заботы о наружности, лице и волосах.
Прическа и украшение девичьей головы: цветы, ленты, платки.
Женский головной убор: очипки.
Серьги, намисто.
Белье, женские сорочки, приметы о них.
Мытье и перемена белья.
Женская бумажная, шерстяная и меховая одежда.
Юбки, пояса и обувь.
Мужская стрижка, шапки, белье, одежда:
предохранение последней от порчи. Обувь

Предохраняя от климата, одежда в то же время подчеркивает, оттеняет, увеличивает красоту, особенно женскую. Заботы о наружности местной женщины выражаются в следующих обыкновениях, принятых частью и в других малорусских областях. На первый день Светлого праздника женщины моются водой, в которую положены окрашенное и обыкновенное, некрашеное яйцо, иногда также копейка, и растирают щеки этими яйцами *(крашанку покачае по пыци)* для сохранения свежести лица *. С тою же целью девицы, заслышав первый весенний гром, трут щеки красными вещами: поясом, запаской, плахтой, теми же красными вещами утираются, омыв лицо в речной воде, освященной на Крещенье. Для того, чтобы щеки были румяными, их трут так называемою *краскою*, т. е. цветочною пылью ржи. В предохранении лица от солнца и ветра его натирают тоненьким кусочком освященного на Светлый праздник сала, а от мороза — первым выпавшим снегом *. Перечисленных средств достаточно тем сельским красавицам, о которых говорят: «Вона *сыдыть, як не займется на ейи, и шкура гра*»; бледные женщины прибегают кроме того к искусственным средствам: натиранию шек перцем, цветами «павонии», смоченными каемками платков, фуксином [16], разведенным в пузырьках, пудрой *(пугрею)* даже вокруг Лубен. Брови иногда подводят сажей.

По народным представлениям, умываться можно и должно только по утрам. *«Як не вмыться уранци, то не можна ни на що дывыться и огонь не горитыме у печи, а як сонце зайде, тоди не можна умываться: видьма облыже пыку и краса зминыться, змарние»*. Быть может, это табу вечерних обмываний введено обычаем в предупреждение возможности увидеть на ночь свое изображение в воде, что также строго запрещено под опасением утратить красоту и увидать дьявола. *«Глупои ночи не можна дывыться у воду або в люстро: сатана буде вздриваться; вин выходыть, скущае. Тоди не на себе, а на нечистого дывляться»*. Только по субботам вечером и накануне годовых праздников девицы, смывая голову и шею, также волей-неволей обмывают и лицо. Мыть и чесать голову тоже не разрешается обычаем, [а именно]: по воскресеньям, понедельникам, средам и пятницам. *«У недилю дивци заплитаться грих, а як жинка росчисуется у недилю, то в ии чоловика не буде волос. Никому не можна мыться и росчисуваться у середу, бо в середы сорок дочок* [17] *и кожна высмыкне пасму або хоть и по волосыни, то обирвуть волосся, а то нужа заведется у голови. Дивкам и жинкам не можна росчисуваться у пьятныцю; дивчатам, пиддивочим* (подросткам) *и удовам можна. Жинци ще не годытся росчисуваться у той день, що винчалась»*. Таким образом, благоприятны убору женской головы лишь вторник, четверг и суббота, но и этими льготными днями пользуются преимущественно девицы, а женщины, обремененные детьми **, смывают голову только накануне важнейших праздников да по какому-нибудь случаю, например, после чистки труб. Смывают голову щелоком, «лугом», буряковым квасом или горячей водой, в которую кладут ветку освященной вербы, также какую-нибудь из следующих слизистых и душистых трав: полевые васильки, горыцвит (стародубку), калачыкы, копытьки (копытень или подорешник), пахнущие камфарой или валерианом, сорванные на Ивана Купала ***; Иван-да-Марью, латаття, которых корни обильны слизистым веществом, лопух, любысток (зорю), мяту, петрив батиг, полынь, ромашку, товстушку и чепчык (чебрец, душицю), выделяющий, как мята и другие губоцветные, душистое

* Тот же прием указан у Чубинского, Сумцова, Чернявской. По Номису же и Свидницкому, в воду для умывания бросают еще калину и кораллы.

* По Маркевичу, растирают еще щеки мартовским снегом и маленьким гусенком.

** *«Диты! Головка бидна заклопочена»* (или *у клопоти*),— объясняют молодицы, имеющие 2—3 ребят, пренебрежение своею внешностью.

*** По словарю Ф. К. Волкова указаны как приворотное зелье.

эфирное масло. Перечисленные травы прибавляют к воде для того, *«щоб голова не болила *, щоб волосся було плавке, щоб не скублось, щоб волос краще рис и коса була товста, хороша; а щоб лупа не заводылась, треба змывать голову сырым яйцем»*. Воду, в которой вымыта голова *(мытиль)*, не выносят из хаты до утра; только утром ее сливают в уединенное место: глухой конец ворот, узкие промежутки между строениями *(суткй)* или на плетень — для того, чтобы вступивший в «мытиль» нечаянно не набрался нечисти. Вымытую голову женщины расчесывают обыкновенно большой роговой гребенкой, а если волосы выходят или секутся, то гребнем, которым прядут. Этим же гребнем, внесенным в хату по окончании рождественских святок, чешут женщины голову, чтобы не клонило ко сну за работой. Расчесываясь, девица заплетает волосы, как в одну косу, в 3—6 прядей *(пасом)* у самой головы, увеличивая далее количество пасом до 24 **, чтобы коса казалась толще, так и в две меньшие коски, в 3 пасмы каждая, которые начинают плести возле уха и складывают или крестиком или вдоль головы вверх *«у простяж»*. Изредка встречаются и другие прически: например, шиньоны в Черевках; но при всякой прическе лоб девицы открыт, начесов á la viérge [18] нигде в Лубенском уезде не видел. Кончив плесть косу, девушка иной раз потянет ее за кончик и скажет: *«Росты коса од пояса до долу»* и прячет гребешок. Последний нельзя класть на дижу, стол или окно — ангел не сядет. Везде в Лубенском уезде для сохранения и улучшения волос принято на новолунье (на *молодыци*) ***, особенно в мае, подрезать кончик косы, *«щоб вона ривна була, як одрубана, а не кипчаста»*. Подстригать косу должен кто-нибудь из родственников: отец, крестный, брат, а не родственниц. Нельзя также подрезывать волос самой себе. Девице во время стрижки лучше стоять: *«Як пидризать сыдя, то й косы сыдитымуть»*. В противном случае девицу садят на прядь *(повисмо)* конoплей. Остатки подрезанных или вычесанных волос не должно оставлять на полу и выметать, так как если вихорь подхватит такие волосы или сорока на гнездо, то у женщины часто будет болеть голова; а топчущий женские волосы заболевает ревматизмом или ногтоедой (волосом). Кроме того, *«як кыдатымеш волосся попид ногы, то буде свекруха по тоби топтаться»*. Во избежание таких неприятных случайностей девушки закапывают остатки волос под вербой, выросшей из освященной ветки, так, чтобы никто не видел; чаще же бросают в огонь, как и остатки ногтей, а в предупреждение

* Перечисленными травами: копытками, любистком, мятой — моют голову и когда заболит.

** Такие мелкие завитки у нас называют *дрибушками*, а в Подольской губернии — *дрибницами*.

*** Лишь в виде исключения на полнолунии: *«На повним мисяци, щоб косы повни булы»*.

появления головной боли * приговаривают: *«Покы горитыме, покы голова болитыме. Як перестало волосся горить, хай перестае голова моя болить»* или: *«Скилькы горитыме, стилькы й болитыме»* **. Некоторым молодицам, пышные волосы которых не умещаются под очипком, также необходима стрижка, но обрезанные волосы нужно сплесть в косу и спрятать в скрыню до смерти: они кладутся вместе с женщиной в гроб. Женская прическа вообще так гладка, что волоса кажутся приклеенными к голове, обнаруживая ее часто красивую форму, для чего девушки иногда примазывают голову коровьим маслом, изредка и оливой, от которой, говорят, седеют волосы.

Естественным украшением прически служат как полевые, так и сорванные из своего цветника цветы, которыми дивчата *заквичуются, затыкаются*, между прочими: гайстры, гвоздики, жоржина, зирки, майоры, мак, нагидки, настурция, павония, розы и чорнобривци. По местным поверьям, девице нельзя передавать из головы подруге первый расцветший и сорванный с куста цветок, потому что коса у передавшей выйдет, а у принявшей станет гуще, да и голова у первой разболится. *«Не можна квитку з-за головы (що за головою) давать подрузи — голова болитыме»*; по Гринченку же, девушке вообще нельзя давать цветов из головы другим девицам — *перелюблять женыха*. Кроме естественных цветов, голову украшают еще искусственными, которые соединяют иногда в венок, называемый *круглою квиткою*. Искусственные цветы делают из воска или из цветного коленкора и носят по праздникам преимущественно в северной Лубенщине; в средней же такие цветы носит только невеста да старшая дружка. Здесь в с. Черевках, молодая отдает белые восковые подвенечные цветы в церковь, где они украшают образ Пресвятой Девы.

В косу вплетают еще тонкие ленточки *(косныкы)*: красные, оранжевые, голубые или зеленые, длиной в аршин, по 1—2 в будень и 7—10 на свадьбах и праздниках. В южных волостях: Великоселецкой, Оржицкой, Денисовской — косныки не в моде; о девице в косныках отзываются там так: *«Начипляла, мов помело ззаду або хвист; так, як сорока гнииздо намостыла»*. Широкие ленты носят также различно в разных местах Лубенского уезда. В северной части уезда девицы надевают летом на голову широкую красную

* Так как по другим малорусским повериям, волос сжигать нельзя — *«болитыме голова»* (Гринченко).

** Настоящий случай, сходный как с общечеловеческими обыкновениями кидать в огонь пищу, курения и другие предметы, между прочим первую спряденную учащейся прясть девочкой пряжу, так и с поджиганием кончиков волос: детям на Крещенье и новобрачным у белорусов — следует, кажется, истолковать как пережиток жертв огню, о почитании которого говорится в «Слове» Христолюбца: «и огневи молятся под овином» и намекается у Кирилла Туровского: «уже бо не нарекутся богом стихиа ни сонце, ни огнь».

ленту *(стричку, кушак)*, а сверх ее другую — галун *(галенку)*, упоминаемую еще Гоголем в «Вечере накануне Ивана Купала», так, чтобы из-под галенки виднелся край кушака. В средине уезда и на юге галенку заменяют узкой голубой или зеленой ленточкой *(стежкою)*, помещаемой также сверх кушака. Иногда прикалывают еще к волосам 1—3 банта из лент. По Слепороду, девушки и в церковь ходят без платков, с обнаженной головой, заплетенные в одну косу, с такой широкой лентой или бантом. Особенность наряда молодой, выделяющую ее из ряда подруг, составляют два цветка, собранные из красных лент, похожие на полный мак и приколотые по бокам платка; самая же группа местных дивчат, поджидавших молодую, изображена мною в очерке «На свадьбе у богача» так: «Подруги молодой столпились на улице и пели. Они принарядились к свадьбе. На гладко причесанные волосы надеты были широкие ленты или шелковые и черные шерстяные платки. Туго стянутые поясами талии охватывали разноцветные корсеты. Модные парчевые фартухи спускались на желтые сапоги. Веселые, загорелые дивчата перекидывались лукавыми замечаниями и улыбками, поджидая молодую. Пестрые костюмы, ленты, цветы, молодые глаза дивчат — все сверкало на майском солнце, и эта оживленная толпа в тесной улице под хатами напоминала мак на огороде — любимый образ малорусской поэзии». Из сказанного видно, что лубенцы разделяют общечеловеческое пристрастие к красному цвету, более поражающему центральную часть сетчатой оболочки, как и другие малороссияне, отождествляющие красное с красивым и сравнивающие его с сладким. Поэтому, например, о девице, вышедшей на улицу в голубых или зеленых лентах, говорят: *«Яка писна дивка вийшла гулять»*, так как только в Посту не надевают красного. Не принято также надевать цветов, лент, намиста на первые дни Рождества, Светлого праздника и св. Троицы. Рядятся на вторые дни этих праздников. Но, во всяком случае, наряд, имеющий, по мнению малоруссов, большое значение, согласное пословице *«Прыберы хоч пень, то покраща»*, не должен, однако, переходить известных границ яркости и пестроты, и о женщине, перешедшей эти границы, отзываются так *«Вырядылась, як болячка»*.

Как летом, так и зимой голова девушки охвачена черным с цветными каемками *(смужками)* платком; только в зной надевают вместо платка белые бумажные *хустки* с нашитым цветком, заменившие домашние холщевые платки, затканные бумагой *(заполочью)*. Черные платки разделяются, смотря по материалу и величине, на бумажные с зеленой и красной каймой, ценой в 25 коп.; *«кашемирови»*, с бахромой из плетеных кисточек *(кытыць)* — в 40 коп.; платки с стрижеными краями, в 50 коп.; полубумажные, полушерстяные, с зелеными каймами, в 50—60 коп.; *«тернови»* — шерстяные с бахромой, в 1 р. 20 коп., и *«ящыкови»*, шерстяные же с прочными *(нелипючымы)* каймами, в 90—1 р. 20 коп. Осенью

и зимой женщины сверх этих платков закрываются *(запынаются)* еще *«черкасовымы»*, серыми с цветными каймами, ценой в 40—90 коп., такими же, лучшего качества — *«валеными»*,— в 1—1 р. 20 коп., и клетчатыми *(картатыми)* — от 1 р. 20 коп. до 2 руб. В праздничные и торжественные дни женщины повязываются небольшими шелковыми платками одноцветными, отливающими разными цветами *(миненымы)*, дорогими, стоющими 2 руб. 50 коп. и до 5 руб. В счет платы летним срочным рабочим в Лубенском уезде входят непременно два платка *(подарки)*, почему у местных дивчат собирается 5—20 платков. Платок признается важнейшим украшением головы. Повязывая первый раз пред зеркалом новый платок, девица приговаривает: *«Оце красу з сёго платка зношу»*, а бросая изношенный — говорит: *«Зносыла красу»*. При всем различии платков повязка ими девичьей головы во всем уезде одинакова. Везде, кроме сел на северо-восточной границе, платок плотно охватывает голову в виде небольшой шапки, надвинутой на лоб одной — тремя складками — *губамы*. Темя закрыто характеристическим *клапоном* или *лыстком*, в котором и кроется отличие лубенских повязок от соседних лохвицких и миргородских, где темя открыто, а платок только обернут вокруг головы *(соняшныком, у кружкы, лысо)*.

Затем лубенская повязка различается местами только вышиной и шириной. В Волчковской волости девушки носят широкие низкие повязки, надвинутые на лоб *(салотовкы)*. Еще ниже и шире повязки с. Крутого Берега, напоминающие чалму. В Снетине повязки выше и остроконечнее. За Лубнами, в южных частях Лубенской и Великоселецкой волостей повязки высоки, с рожками. На самом юге, в степной Лубенщине девицы чаще совсем не повязывают головы, а закрывают ее только платком, как мещанки *(запынаются)*. Наблюдая девичью повязку, замечаешь, что она, согласуясь повсеместно с женскою, представляется лишь копией последней, а не наоборот, так как первоначально самое повязывание, покрывание головы — римское nubere flammeum — обозначало переход от девичества к положению женщины.

Женская же повязка всецело зависит от формы главного отличительного головного убора — *очипка*. Очипки вообще бывают двух образцов. Первый разделен посредине складкой *(перекладом)*, так что одна сторона возвышается над лбом, другая над затылком. Такую форму называют *«очипком з двома кыбалкамы»*. Она принята лишь на северо-восточной окраине уезда, по лохвицкой границе и для Лубенского уезда не характеристична. Лубенский очипок круглый, несколько конусообразный, с одной кибалкой и различается местами только вышиной и шириной. В м. Снетине очипки довольно высокие, в форме заступа, отчего и повязка платком поверх очипка приострена, сужена кверху. В Волчковской волости и кое-где за Лубнами очипки широкие, в виде гребня, так что головы выходят широкими, как макитры. Очипок надвинут на брови, волосы

на затылке *(мычка)* подобраны так, что их не видно. Вокруг Лубен очипки круглые, небольшие, повязка ровная, высокая, на лбу из-под очипка виднеются начесы, а мычка опущена низко на шею. В Черевковской волости очипки также круглые со сборами, платки повязываются сверх них также кругло, концы спрятаны, а прежде торчали в обе стороны, как роги; начесов нет, но мычка виднеется. К югу от Лубен в очипках возле ушей делаются вырезы, и такой очипок называют *«з ушкамы»*. Очипки везде прикрепляют к голове, скалывая сзади или иглой обыкновенной, или иглой без ушка *(протором)*; только в Лукомье очипок обвязывают сверху лентой. За Лубнами недавно появились новые головные уборы: *капоры* — невысокие шапочки вроде детской, составляющие переход от очипка к сборнику горожанок, вишневого цвета, сзади завязывающиеся лентой, повязка платка сверх них перекладом и так называемые *повязки*, нечто вроде сборника, низенькие, охватывающие темя, но очень раскрывающие начесы и мычку. У богачек они шелковые. Очипки же вообще делают из ситца, брильянтина, кумача, парчи и золотой парчи *(сухозолотни)*; набивают оческами конопли *(клоччям)*, подкладывают полотном и обшивают по краям коленкором или плисом. Они бывают разноцветные, но предпочитаются красные, как римское, flammeum,—*«Молодыця иде у червоному очипку, як макивка цвите»*. По Номису: *«Удова, що бажае удруге одружыться, надива червоный очипок у будень и в свято»*. Как известно, очипок молодой надевают в первую брачную ночь сваха, молодой, дружко или, во избежание сглаза, она сама *, причем «*косу ий ростепують, горилку на голову поляпають, тоди наложать очипок и кажуть: «Накладаю я тоби очипок, щоб ты ёго не скыдала и закону не теряла, и поздоровляю тебе велыкою головою и молодым чоловиком»; або й так: «Будь здорова з велыкою (червоною, билою) головою*». В течение года нельзя снимать платка, которым был обвязан очипок в первую брачную ночь,— *«свитыть очипком»*; снимать же самый очипок и ходить с обнаженной головой — *«свитыть волосом»* — малорусской женщине, как и римлянке никогда нельзя: *«сонце плаче»*.

Молодым женщинам до 30 лет и далее считается грехом не носить серег, поэтому уши девочек со второго года жизни прокалывают тонкими острыми проволочными сережками, которые и оставляются в ухе до заживления ранки. Затем медные серьги, в 3—5 коп., носят девочки, девушки же и молодицы надевают серьги из польского и обыкновенного серебра, изредка золотые, ценой 45 к.—3 руб. 50 к. По форме серьги делятся на *пьявочкы*, состоящие только из одного кольца; *уточкы* — из кольца с изображением утки; *метелыкы* — мотылька; *ягидкы* — из тонкого ободка с большим

* Сваха может *«и свит завьязать, и хворобу надать»*. От сглаза вообще женщина закалывает себе в сборы очипка иголку, а у умершей вынимают и ту иголку, которой был заколот очипок.

красным камушком *(вичком)* и *макивкы* — в виде цветка цинии с голубым или красным камушком посредине. К этим серьгам привешивают привески: *бовты*, или *телипоны* *. Серег у девиц немного: 1—2 пары, из них полезнее других серебряные: *«Як носыть срибни свячени серги, то не буде шуму у голови, буде легше на голову»*. Есть еще и другие замечания. В Пост не носят телипонов, а одни только колечки без камушков. Медные серьги без камушков же носят в трауре по отцу и матери. Мертвую девушку не хоронят в серебряных серьгах, *«бо ничого срибного не можна класты у труну»*. В первую брачную ночь молодая вынимает серьги из ушей **. Потеря серьги из уха во сне предвещает молодице смерть ее мужа.

Одновременно с головой девицы моют и шею: *«Щоб шийка була биленька»*. На шее девиц и молодых женщин виднеется разноцветное *намисто* до 25 нитей *(разкив)*, более или менее низко опущенное на грудь. Стародавние кораллы *(справжне, добре намысто)*, величиной в горошину, очень ценны, доступны только богатырям и распределяются матерью поровну между всеми дочерьми. В настоящее время под видом кораллов распространены искусные подделки, круглые, большей или меньшей величины, от 25 коп. до 1 руб. разок. К числу кораллов относится и так называемое *«колюче»*, или *«локшина»*, состоящее из маленьких изогнутых трубочек, ценой в 12 коп. разок ***. Кроме кораллов носят еще разноцветное стеклянное *(каминне)* намисто: *«биле, голубе, зелене, жовте* (цвета янтаря), *червоне, бурякове, вышневе, жучкы, гадюче* (черное)», в 2—8 коп. разок. Бусы *(дунепе)* вышли из употребления. Иногда намисто смешивают в таком порядке: разок белый, разок желтый, потом красный. Бывает и так, что на одну и ту же нить нанизаны разноцветные зерна *(намыстыны)*.

Мода на намисто не одинакова в уезде. В Снетинской и Тишковской волостях предпочитают белое, голубое, зеленое; в Волчковской — красное, а белого совсем не носят. Красному намисту приписывают особое значение. Женщина, страдающая падучей, должна поносить красное намисто, затем уронить его. На поднявшего переходит недуг. В Пост и в трауре не носят красного намиста, а молодая не должна надевать никакого — от венца до обрядового наложения очипка; в противном случае *«чоловик буде ревнывый и вона надива на слёзы — буде плакать»*. С умершей девушки также снимают намисто. Нередко и женщины после тридцати лет отказываются от него; некоторые, впрочем, носят и до сорока: *«як якый добре жыть, то довше носыть намысто»*. Дальнейшего ношения намиста не одобряют: *«отака стара, а прыбирается»*. К намисту

* От «бовтаться, телипаться» — болтаться.
** Тогда же всю ночь скрыня молодой должна стоять раскрытой.
*** Кораллы растирают в порошок и пьют при менопаузе.

привязывают сзади 1—3 цветных ленточки. Женщины всех возрастов носят еще на шее крестик на черном, красном или зеленом шнурке. Крестики бывают деревянные, ценой в 5 коп., стеклянные, белые и цветные, от 1 копейки, медные, в 3—5 коп., и серебряные, иногда эмалированные. Последние предохраняют от болезней: *«Як србный свяченый хрестык носыть на грудях, у груди легше буде»*. С мертвой женщины снимается серебряный крестик. Кроме этих обыкновенных уборов шеи, в одном только Лукомье завязывают еще ее черным платком. К украшениям принадлежат и перстни: гладкие медные, в 5—7 коп., и серебряные — в 10—12 коп., также с стеклышком *(вичком)* разных цветов. Только венчальное кольцо имеет значение. Его дают носить от ревматизма *(грызи)* рук и кладут в купель дитяти, страдающего сухоткой или желтухой *(жовтяныцямы)*.

Рубашку, главную часть белья *(платтяа)* в Лубенском уезде называют *сорочкой*; другое общеславянское название рубашки — *кошуля* — встречается лишь изредка в весильном ритуале. Так, дружко, предъявляя рубашку молодой гостям в свадебном доме, говорит: *«Благословить кушиль в хату унесты»*. На женскую сорочку идет выбеленная широкая тонкая посконь *(плоскинь)* [19], называемая по числу прядей *(пасом)*: *пятнадцяткою, дванадцяткою, десяткою*. Ее мерят женщине от подбородка до пят и отрезывают такой меры три полотнища *(полы)*, очень редко два с половиной *(пивтрети)*. Не всегда можно отрезать холст на рубашку. *«Не можна у понедилок одризувать на сорочку — ризачка* (дизентерия) *буде и сорочка та нападна буде (люды нападатымуть); не можна и у середу — буде вошыва и чоловик зависыться; як одризать у пьятныцю — колюча буде, тило чесатыметься, а в суботу — важка буде. И шыть сорочку не можна почынать у суботу, довго шытымеш. Як же почнеш, то треба й кончыть у суботу»*. Затем не запрещается шить рубашки по будням, кроме первых дней Великого и Петрова постов, тогда у шьющего *«пальци пообрыва»*.

Не всякая женщина в состоянии сшить сорочку. *«Таке уродытся, що подывыться, мов людына, а пошыть сорочкы не вмие. Йе таке, що й замиж иде, а ума в неи пошыть сорочкы нема. Нечысто пошые, мов кылым, на споди хочь смалы. Мережка — там сук, а там болячка. Нагрундзюе, мов лантух. Заборы таки нериени, мов позбирала родычей докупы»* *. Отрезанные полы сшивают вместе, прорывая посредине место для пазухи и оставляя прорехи для рукавов. Пазуха женской рубахи ничем не расшивается, а только зарубливается *(рубцюеться)*. Книзу полы расширяются. Подол рубашки *(пелена)* * заканчивается также рубцом, над которым делают узкую решетку *(прутык)*, вытягивая две нитки. Над прутиком кверху в расстоянии 5—10 *чисныць*, т. е. 15—30 ниток, которых по три в каждой чиснице, вышивается белыми нитками сетчатый узор — *мережка*, ** шириной в палец и до ладони. Богатырки м. Лукомья на своих тонких рубашках мережок не вышивают. Полы на самом верху сорочки собираются на две нитки в узенькие сборы и к ним пришивается узкий воротничок *(комир)* ***, который иногда прошивается *(занызуется)* несколькими белыми, красными или черными нитками. Потом вшиваются рукава цельные *(суцильни)* или чаще составные из разных частей: на плечах вшиваются особые вставки в виде трапеции — *уставкы, перечкы*. Рукав пришивается к этим вставкам или особыми сборками, которые называются различно: *головками, стовбчыками, червячками, пухлыками, до пухлив*, или гладко. Посредине уставки вышивают поперечный узор в 2—3 пальца ширины белью или красной и черной бумагой *(заполочью)* — *лыштву*. Каемка по краям лыштвы называется *обводкою*. От лыштвы вниз рукав расширяется до аршина и больше. Здесь располагается шитье в виде целых веток с цветами *(гилёк)* или только отдельных цветков *(квиток)*. В край рукава вставляется узенькая, в палец, как и воротник, полоска, занизанная красными или белыми крестиками,— *чохла*. Чохлы заменяют иногда оборкой — *манжетой*. Для того, чтоб рукав не жал и не препятствовал движениям, под мышкой вставляется особая вставка в виде ромба — *ластка*. Затем полы пришиваются к рукаву и прямо, и косо. В последнем случае края загибаются к спине, образуя треугольник *(куточок)*, выстеганный ободком. Женские будничные *(буденни)* сорочки из грубой поскони и *матирки* вышиваются белыми нитками *(гладью)*, а парадные *(святни)* из тонкой поскони, льна и коленкора — красной, черной, синей, в последнее время также и желтой бумагой, различными узорами, известными под такими названиями: *баранчыкови, баранцеви, барыльчасти, басы* (все квадраты), *безчысна* (крестики), *букеты* (цветы), *вербовый лыст, вылчасти* или *вырчасти* (вилки), *волови очи* (круги), *выноград* (зубцы), *гвоздыкови, голубячи* или *голубы* (кресты), *гребенчикови* (зубья), *журавка, зведенчаста* (сложная), *землювання, зиркы, ключева* (ромбы), *кнышевый выриз* (крестики), *коврынка, колинчаста* (спираль), *колыскова* (колесо), *кудрявка* или *кучерявка* (квадраты), *лилитка* (земляника), *овесец, овсянка*, иначе *паслен* (зубцы), *орлыкови, орлыны крыльця, перцив-*

---

* Над такими «швачкамы-невдахамы» подсмеиваются: *Що ты шьеш? — Шытку. Я дошыю ныткы, тоди буду пороть»*.

* Быть может, слово это латинского происхождения: pellis, pelles — лат. шкура, шерсть, мех; итал. pelle — кожа, pelo — шерсть, сукно. Если славяне получили рубашку от римлян, то этим объясняется и самое название *пелена*, так как римляне долго знали лишь шерстяную одежду, льняную узнали позже.

** Мрежа — славянское: сеть, невод.

*** Белорусское: ковнер. Может быть, от латинского collum — шея.

ка (мелкие вилки), *рак, ракови прутыкы* (ромбы), *рожа, свынячa стежка, слывкы* (овалы), *соловыны вичка* (черточки и крестики), *сосна* (ветки), *спюванный выриз* (сложный), *стовпыкы, хмаркы,* (клинья по обе стороны линии), *хмиль, хмелева квитка, хрестатый, човныковый, чорномазый* и *яблучковый*. Вышитых заполочью рубах у женщин немного, 3—5, остальные вышиты гладью; вообще всех рубах 5—25, ценой от 70 коп. до 2 руб. Пред тем, как надевать новую рубашку, выполняют следующие обыкновения: в каждый рукав кидают сверху рубашки нож трижды, *«щоб сорочка була мицна, як зализо»* *. Затем новую сорочку переводят еще через огонь на припечке для того, чтобы очистить и уничтожить последствия вихря, который мог крутить полотно во время беления. Тот же прием употребляют, надевая как сорочку, так и всякую одежду вообще, после мертвеца **. Новую сорочку нужно надеть немытою — будет прочнее.

Мытье белья также подчинено известным правилам. Кроме праздников и праздничных недель: рождественской, светлой и зеленой, нельзя еще золить, бучить белья восемь недель после Крещения и шесть недель после Светлого праздника, а только прать *(сухоперки)*. Нельзя также золить по понедельникам, средам, пятницам и субботам. Желающая золить по понедельникам должна, отзолив белье в так называемый «жылавый понедилок», т. е. первый день Великого поста, выпить три ложки золы, бегущей из под рубашек, а желающая заниматься тем же по средам — в среду на Фоминой неделе [20]; затем: *«Як у пьятныцю золыть, то треба тры ложкы золы пыть»*. Нарушившую эти запрещения, кроме несчастия вообще (напр.: «*Жинка* у пьятныцю золыла та й долю свою втопыла» ***,) ждут еще особые бедствия, как видно, между прочим, из следующего рассказа, записанного от козачки м. Лукомья Е. Норовой.

«На праву середу **** *золыла жинка полотно и дзолыла, сила спочывать на шаплыци; иде до неи дид у хату. «Що ты, каже,— дзолыла полотно?» Вона каже: «Одзолыла, дидусю». «Що ж ты желаеш соби прынять: чы худобу велыку, чы блызнята годувать?»* [22] *Вона говорыть: «Желаю блызнята годувать, бо я одынока, та хто в мене буде робыть?» Вин каже на тых блызнят: «А йдить,— каже,— в хату». Влизлы дви гадюки в хату, упьялыся одна в ту грудь, а друга — в другу навхрест и ссуть ии так, як дыты. Начала вона обрикаться, щоб ии Бог помылував, повезлы ии до знахарив, так нихто ничого, повезлы ии по монастырях молебень служыть. Служылы молебень — воны не дпадають. Вона просыть людей, плаче: «Кайтесь, люде добри, по мени». Потим того озвавсь священык у церкви: «Хто понедилкуе* [23] *изроду, той озывайтеся?» Озывается дивчына, що я понедилкую одроду. Ну, вин говорыть дивци: «Иды ж из неи гад брать». Та дивка боится. Вин ии прысоглаша: «Не бийсь, беры!» Дивка взяла их од неи одирвала обох. Тоди вона Богу помолылась».*

Самый процесс мытья такой. Белье намачивают сначала на сутки в бадье *(переризи, шаплыци)* с водой и куриным пометом *(курякамы)*. Когда начнется брожение — *«сорочкы сходять»*,— тогда их выкручивают и несут на речку прать. Относительно детского белья соблюдают следующие правила. *«Пелюшок* (пеленок) *не можна избывать и крутыть, а узять та здавыть. Не можна з пелюшкамы тии дытыны, що найшлась, иты до рички, треба мыть у ночвах* [24]. *Як сонце зайде, не перуть пелюшок. Усяку сорочку треба мыть налыце, а не навыворот; сорочку з дытыны до году николы не можна вывертать»*. После первого мытья на речке *(видмокив)* хозяйка намыливает воротник, чохлы, пазуху и мережку рубашек, также пятна, затем растилает белье, пересыпает его гречаной золой и туго набивает в большой улей без дна *(жлукто)*, приговаривая: *«Ишов четверг з билого свиту, нис виту* (цветок), *щоб платтявжовте, як мидь, а биле, як на води лебеди»* или: *«Золыся й билыся и инеем билыся! У жлукто, як вовк, а з жлукта, як шовк»*, или: *«Золыся й билыся, як лебеди на води»*, или так: *«Золысь и былысь и на чорных не дывысь, а на билых»*, или *«Нехай чуже сире, як вовк, а наше биле, як билок»*, или еще так: *«Цуцу, билко! Золыся й билыся и бильш не сподивайся»*. Произнося эти слова, женщина трижды плюет в жлукто: затем закрывает его чем-нибудь старым. По прошествии известного времени женщина еще присыпает золу и приливает нечетное число чаунов воды [25], покуда последняя не наполнит бадьи до краев *(по винця)*, тогда вытягивается из печи так называемая *булка*, т. е. раскаленный камень или железо *(зализко)* и кладется в жлукто, после чего последнее плотно укутывается рядднами и юбками, покуда остынет *. Потом хозяйка выкручивает белье

---

* Первоначально ножом думали, вероятно, ранить, устрашить и изгнать враждебного духа, засевшего в полотне, подобно тому как в вихорь бросают нож и верят, что на последнем окажется кровь раненого духа, также у валлонов держат у рта икающего человека острие ножа или киргизский знахарь машет на больного ножом, чтобы испугать духа болезни.

** Как в раньше сделанной заметке указано жертвенное значение бросания волос в огонь, так в настоящем случае видно предохраняющее и очищающее значение огня, в силу которого возле новорожденного ставят свечи и проносят его через огонь; также зажигают свечи на свадьбах и переводят молодых через огонь; затем зажигают свечи у мертвого тела, а инородцы, возвращаясь с похорон, прыгают через огонь. Сюда же относится римское lustratio [21] и прыгание чрез ивановские костры. В местностях, в которых не переводят новой рубашки через огонь, не шьют последних из полотна, покрученного вихрем,—*«тило крутытыме»*.

*** Любопытно, что романские народы, как и малоруссы, выражаются о несоблюдении пятницы двустишиями.

**** Преполовение.

* Таково же и беление полотна. Получив от ткача, его несут домой

и вторично (*«з золы»*) несет его на речку **. Выполоскав, крахмалит белье в процеженных *высивках* или пшенном кулише и развешивает для просушки. Нельзя развешивать рубашек против воскресенья. *«Як попереш, то сорочкы щоб не висылы проты недили, бо нечыстый имы радие и болизнь прыключается».*

Перемена белья, по народным воззрениям, также не всегда возможна. Нужно надевать белье однажды в неделю: в воскресенье утром. *«Як у недилю уранци надивать сорочку, до то для Бога, а удень — для людей, а вночи, по заходи сонця — для нечыстого. Малим же дитям до году годыться надивать сорочку билу у суботу — ростыме лучче».* Запрещена перемена белья по понедельникам: *«Як жинка надине сорочку у понедилок, то чоловик умре *** або буде цилый тыждень клопит у хати»* ****. Среди недели надевают чистое белье только в годовые праздники, к церкви, исповеди, причастию или по случаю родин, свадеб, похорон, званых обедов и т. д.

На сорочку во всякое время года надевают *керсетку*, короткую, немного более аршина одежду, черную, реже цветную, шерстяную или бумажную, открывающую всю шею и верх груди и плотно оватывающую талию. Воротничок *(комирець)* заменяют две узенькие полоски плиса; такие же полоски на груди. Самый большой вырез корсета на груди в м. Лукомье. Полы обложены *(облямовани)* плисом. Местные отличия корсетов заключаются у талии. В м. Лукомье и Снетине, вокруг Лубен и в северных волостях корсеты делаются с прямыми сборами *(фантами)* сзади, числом 5—7, торчащими колесом, особенно пышными в Лукомье. В других местах уезда фанты заменяются плоскими клиньями и складками *(до усив, пид дощечки, пид клепкы)*. Корсеты подбивают полотном. Они обходятся в 1—2 руб, носятся до 2 лет. Обыкновенный корсет всегда без рукавов *(з выкотами)*, корсет же с рукавами, сделанный «до усив», называют *кофтой*. Просторный, удлиненный до колен

закрытым, иначе у встретившейся беременной женщины *«дытына изсохне»*. Таким же порядком несут холст после Вознесения [26] первый раз на речку. После того золят в жлукте. Пока не отзолено полотно, его нельзя бить *праныком* [27]. Через два дня полотно моют и расстилают на воду. По утрам кладут на росу, днем развешивают на плетень ежедневно от 2 недель до месяца, покуда не убелится.

** По Чубинскому, девушка, правшая белье и замочившая при этом рубашку, будет иметь мужа-пьяницу, а у нас: *«Як у дивкы раз по раз мокро пид плечыма, буде то в неи муж пьяныця»*.

*** И наоборот: может умереть жена, если наденет муж.

**** По Гринченку: *«не буде ни в чим удачи»*. В предупреждение сглаза и испуга надевают сорочку задом наперед и навыворот. У нас, между прочим, от лихорадки надевают накануне большого праздника рубашку навыворот и задом наперед и, проносив таким образом весь праздничный день, бросают к вечеру эту рубашку на чердак

корсет с рукавами, черный или цветной, составит верхнюю одежду — *литнячку*. Рукава ее неширокие, обшиты внизу двумя полосками плиса, в с. Черевках — зубцами. Там же грудь расшита цветными или черными нитками, иногда до самого края. Сзади на талии нашивают полоску плиса с зеленым кантом. В остальном литнячка такого же фасона, как и корсеты: до фантив, до клепок и т. д. Они обходятся от 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 к., имеются у женщины в количестве 1—3 и носятся 1—2 года. Литнячка, подложенная ватой, составит верхний осенний костюм — *ватянку*. На груди ее — род узкого параллелограма, расшитого черными нитками, рукава — или с двумя черными, плисовыми полосками или с такими же обшлагами *(закаврашамы)*. Ватянка обходится 3—6 руб. и носится до 4 лет. Таким же фасоном шьется одежда, так называемая *юпка*. Она делается из толстого домашнего сукна длиною за колени, обшивается плисом, красным или зеленым сукном, на обшлагах зубчиками. Цвет сукна к северу от Лубен исключительно черный; на новой юбке с коричневым, на поношенной — с рыжим оттенком. Белые юбки изредка встречаются еще на северной границе уезда, гораздо же чаще на лохвицких и пирятинских женщинах. К югу от Лубен есть еще серые юбки. Обыкновенные юбки стоят 3—5 руб.; лучшие, *«ягнячого»* сукна — 6—9 руб.; носятся они долго, лет пять или более *. Женские шубы *(кожушанки)* делаются, как и юбки, с талией. Они бывают нагольными, ценой в 12 руб., дублеными, красноватого цвета, в 15 руб. и крытыми черным, серым полусукном, черкасином или ластиком, ценой в 10—20 руб. Воротники к ним приделываются из меха *(хутра)* черного или серого барашка, троякого образца: *закачисты* — откидные, *лежачи* — пелериной, нашитой на кожух,— *стоячи* — пальца в три шириной. Женский кожух во всем подобен мужскому: без талии, с большим откидным воротником, нагольный или крытый, в 10—12 руб. Случаев общего кожуха для мужа и жены теперь не встречается.

Женский стан обернут от талии вниз запасками: спереди *попередныцею*, сзади собственно запаской. Запаски, сотканные из шерсти хозяйками, красятся затем особыми, иногда наследственными мастерицами — *сыныльныцямы* — в черный с синим отливом цвет — калию **. Искусству окраски синильница учится с детства, *«покы ще не мылась»*. Если зрелая девушка или женщина вздумает впервые разводить калию, то может умереть сама или вызвать смерть мужа.

---

* Теперь совсем вышли из моды и попадаются только в складах у богатырок следующие старинные одежды: кунтуси, с отложным *(лежачым)* воротником, рукавами и двумя усиками сзади из парчи; короткие *байкови*, зеленые с красными хвостиками или кистями юбки с пелериной; длинные широкие халаты из голубой китайки, со сборами от воротника, делавшегося отложным, описанного у Арендаренка под именем *шушпана*, в сороковых годах.

** Кали — санкритское: черный.

8 I—1657

Развратнице нечего и браться за калию: могут отгнить пальцы. При окраске нужна сдержанность: *«на калию не можна лыхословыть»*. Она обидчива. Если, например, сторонний человек, услышав запах калии, разводимой водой, в которой мылась шерсть с серой, спросит: *«Що се за смрад?»*, то калия *«спротывыться и не пиде краска на запаску. Таку калию вылывають и заводять задруге»*. Выгоднее поэтому красить запаски, заперев двери. За окраску мастерица получает 10 коп. поштучной платы и сколько необходимо краски: *«скилькы напьется запаска»*. Цена пары запасок 1,5—2,5 руб., у женщины их 2—5 пар. Запаски носят только буднями, по праздникам их заменяют плахтами. Последние были прежде дорогими: основанными и затканными шелком, *«аж сялы»*; потом только затканными *(потыканымы)* шовком; затем стали шерстяные. Плахты бывают разноцветные: на красном или синем * фоне затканы белые, желтые, зеленые квадраты, четырехугольники и узоры под такими названиями: *дрибнечкы, зиркови, зиркы, зирочкы, картати* (клетчатые*), ковреви, коропова луска, лилиткови, лыштовкови, накладни, перцивки, рожеви, яблучкови*. Внизу плахты обшиваются бахромой *(грывою)*. За выделку прежде платилось 1 руб. 50 коп. и *«пивмитка пряжи»* (30 коп.), теперь же плахт более не выделывают; этот живописный убор отжил свой век. *«Тепер жинкы не хочут плахот и на хребет брать»*. Юбки *(спидныци)* вытеснили плахты и запаски отовсюду, особенно же с середины и с юга уезда. Спидницы делаются из бумазеи с черными цветами, вроде мебельного ситца, также шерстяные, поплиновые, ситцевые, ценой от 80 коп. до 2 руб., носятся до года; обшиваются 1—2 плисовыми полосками. Самые длинные — в Черевках, где ходят иногда и в обыкновенном платье с талией **. Фартухи встречаются в Лубенском уезде только вблизи города да в местечках. В Лукомье их называют немецкими *(нимськи)*. По селам они заменялись прежде красными или зелеными *кашмировымы* запасками, ценой в 40—50 коп., потом *парчовыми*, ценой в 1—2,5 руб., надевавшимися только по праздникам на плахты. Запаски держатся у талии красным широким поясом *** различных рисунков: *гречковым, качалочкамы, ключевым, слывкамы*; такие пояса называют *окатымы*; стоят они 50 коп. Кроме того носят еще узкие, дешевые, коп. в 25—30, пояса — *крайкы*, одного или нескольких цветов.

Женщины обуваются летом иногда в башмаки на высоких каблуках *(черевыкы)* из черной кожи, подкованные гвоздями или подковами, ценой от 1 руб. до 1 руб. 60 коп., а зимой в черные сапоги, цельные *(вытяжкы)* или сшитые *(прышвы)*, ценой в 3—4 руб. Подошвы подбиваются деревянными гвоздиками, а каблуки — железными или подковками. К северу от Лубен носят цветные сапоги или двух цветов: передки черные, а голенища желтые *(чорнобрывци, чорнохалявци)*, или одноцветные: зеленые, желтые *(жовтыици)*, красные *(червоныици)*, ценой 2,5—4 руб. Цветные сапоги непрочны и очень оберегаются. В ненастье женщина идет босая, а сапоги несет в руках. О разных суевериях, соединенных с сапогами, о гаданьях, напр., писалось мною раньше; следует еще добавить, что молодой пред отъездом к жениху бросают в сапоги зерна ржи, выдернутые из четырех углов крыши отцовского дома.

Мальчиков на пространстве всего Лубенского уезда стригут при голове, *гладко*. Так же стригутся и парни летом, а зимой оставляют волос пальца на три. Не идет коротко стричься тем парням, у которых, *«як на ижакови, стоить волосся»*. Им больше к лицу прическа *пид чуб*. Люди среднего возраста в лесном участке и старики во всем уезде стригутся *пид чуб, кружком*, т. е. кругло, ровно по всей голове, простригая больше на лбу, над бровями и сзади. Бород почти никто не бреет, а только подстригают. Подстричь бороду и волоса на голове, *прычепурыться* следует пред праздниками.

Голову крестьянина защищает от холода и непогоды барашковая шапка, круглая цилиндрическая или несколько суженная кверху, вышиной в 1/4 арш. У парней она выше и уже. Верх шапки у молодежи и щеголей из барашка, у пожилых — из овец *(перестриг)*, у детей — поддельные из плетенки, ценой в 35—50 к. Шапка подбивается черным, голубым или красным коленкором, иногда овчинным мехом. Общепринятый цвет шапки черный, редко серый. Большею частью шапки покупают готовыми на ярмарках у евреев за 1—4 руб., реже заказывают сельским портным, берущим за работу 20—50 коп. Шапки носят постоянно, прикрывая хусткой во время дождя, а в жатву, когда пригреет солнце, заменяя совсем хусткой. Картузы носят преимущественно летом, из черного нового или лицованного сукна, подбитые коленкором, ценой в 20—80 коп. Только в Денисовской волости сохранились еще летние шляпы — *брыли*, плетеные из соломы, в 9 соломин, вершков 6—7 вышины, поля в 3 вершка ширины. Брыли повязывают черной лентой. Вокруг Лубен носят старые фуражки разных ведомств и старые шляпы, покупаемые на базаре за 10—15 коп. Обычай запрещает как хозяину, так и гостю класть шапку на стол. Гость, придя на короткое время, должен держать шапку в руках, а надолго — положить ее на лаву или повесить на гвоздь.

Мужская сорочка отличается от описанной женской короткостью. Она кроится от бороды до колен так же, как и женская, в три полы. Уставки, рукава и ластки вшиваются. Воротник рубашек

* *Сынятки* — синие с желтым, самые дешевые.

** Прежде девочки до 15 лет не носили спидниц, а подпоясывались только у талии и ходили в одних рубашках.

*** Женщин северных волостей, носящих белые рубашки, черные спидницы и посредине пояса, называют соседки Миргородского уезда «чорногузами», а тем за ношение по будням плахт говорят при встрече: «Велыкдень».

различен по разным местам. К югу от Лубен носят узенькие, стоячие воротники, простроченные или вышитые белыми крестиками у пожилых людей. У молодежи комир, пазуха и чохлы расшиты красной и черной заполочью. Узоры мужской рубахи называются: *лучка, ретяжек, свыняча стежка, хрестыкы.* Молодежь к северу от Лубен приняла эту же моду. Не все, впрочем, любят расшитые цветной бумагой рубашки; некоторые избегают их, говоря: *«мов зарizаный чоловик».* Люди средних лет и пожилые в северной Лубенщине носят больше отложные *(заворочысти, заворотни)* воротники, иногда вышитые, как и чохлы, также белью. Сорочки застегиваются красной, зеленой лентой или обрывком материи. Сорочек у мужчины немного, 3—10, ценой от 50 коп. до 1 руб. За пошитье берется 20—30 коп., но больше шьют рубашки матери, сестры, жены. Особенно красивые рубашки вышивает в первое время брачной жизни молодая своему молодому.

У стариков, особенно у богатырей, сохранилось еще обыкновение носить широкие полотняные белые или выбойчатые шаровары *до очкурни*, стоящие 45—55 коп.; но люди среднего возраста и молодежь не довольствуются уже такими домашними штанами, а делают их из легких серых, клетчатых покупных *(крамних)* материй и серого двойного сукна, ценой в 1 р. 20—1 р. 60 коп. Прежде ношение штанов считалось признаком зрелости, как видно из следующих народных рассказов. *«У Хитцях був Сегеда. Ёго батько косыв, а маты послала ёго без штанив обидать несты батькови. Симнадцять лит ёму було од роду. Прынис батькови обидать. Батько пообидав, лиг оддыхать. А вин дывывсь, дывывсь, що коса лежыть батькова, да за косу, да начав косыть. Не вмив косыть, то де й землю ризав. Колы встав батько, аж вин не то покосыв, а й землю поризав. Прыйшов батько додому: «Шый,— каже,— стара, сынови штаны, бо траву косыв так, що й я не выкошу». Удруге погнав той Сегеда скот пасты без штанив. «Гоню,— каже,— бижыть собака и несе пидсвынка». Сегеда за ным услид и гнався версту. Собака та у лис. Сегеда за ным. Собака положыв кабана та держыть лапамы. Сегеда узяв пидсвынка, укынув у пелену, прынис додому, став казать батькови. Батько та маты сказалы: «То ты у вовка одняв»* (от крестьянина с. Хитцов И. Нагорянского).

«Теперь надивають из пьяты лит хлопцю штаны, а давниш воны до 15 лит и дальше ходылы без штанив. Йиде чоловик из снопамы, колы парубок выскочыв з огорода, де вин бигав, пидскочыв пид виз, взяв и перекынув. Батько каже: «Э, стара! Треба сынови штаны шыть, бо вже перекынув виз из снопамы» (от козака с. Литвяков С. Мартыщенка).

Сверх рубашки носят серый шерстяной или бумажной материи жилет, однобортный, с узеньким, стоячим воротничком, без выреза и с двумя карманами, обходящийся в 50—65 коп. После войны 1877—1878 гг. вошли в моду и несколько лет продержались особые

куртки *(кухвайки)* вроде жилета из шерстяной материи с рукавами из фланели, стоившие 1. р. 20—1 р. 30 коп. Сверх жилета носится черная * суконная или серая шерстяная *чумарка*, длиною до колен, однобортная, застегивающаяся на крючки, с талией. Карманы чумарки продольные, обшитые тесьмой. Чумарка обходится в 3—7 руб., подбитая ватой служит верхней одеждой. Чумарку, как и другие верхние одежды, мужчины подвязывают поясами: в северной части уезда синими, зелеными, красными, полосатыми, покупными, ценой 20—80 коп. К югу от Лубен сохранились еще домашние пояса — сетчатые *(ситкови)*, из крашеной и затем сплетенной палочками в 6—8 пасом шерсти. Такой пояс ценится 1—2 руб.

К числу верхних одежд принадлежит так называемая *юбка.* Прежде они делались из белого сукна, длиною до 2 аршин. Узенький стоячий воротник и клинья *(усы)* сзади у талии обшивались черными нитками; застегивалась юбка кожаными пуговками *(дидыкамы, гудзямы)*. Затем с 60-х годов прошлого века юбки изменились: вместо белого сукна появляется черное пред Лубнами, черное и серое за ними. Гудзи заменяются крючками, усы сборами. Юбки укорачиваются до 1,5 аршина. Воротник, грудь, обшлага обшиваются черной тесьмой к северу, зеленым сукном к югу от Лубен. Там обшлага обшиты зубчиками или в виде шеврона, и укороченную юбку называют *каптанком.* Осеннюю верхнюю одежду — *свыту* (иначе *сиряк, кобеняк, керею*) делают из черного, реже серого сукна в 4 полы с *кобкой* или *видлогой*, круглой, обрубленной черными нитками, заменяемой в последнее время широким отложным ямщицким воротником. Свита стоит 4—8 руб. Зимнюю одежду — *кожух* делают из 7—9 овчин, а обкладывают мехом ягнят *(смушком)*. Воротник кожуха стоячий, прямой или скошенный в 3—4 вершка ширины, заменяемый в последнее время отложным, как в шубе. Усы, на которые в старину нашивались три треугольника, обшитые черными нитками *(ластки)*, заменены теперь, как и в юбках, сборами, гудзи — крючками. Кожух лет 15 носят нагольным, затем, перебрав мех, кроят черным сукном или черкасином. Носят и дубленые кожухи. Кожухи обходятся в 8—15 руб. Их предохраняют от порчи в дороге, накрывая в дождливую или снежную погоду свитой или рядном, а измокший кожух по приезде домой складывают, туго перевязывают и прячут в темное холодное помещение до просушки. По народным понятиям, от сырости же и от пыли, особенно мучной, заводится в одежде моль. Последняя может завестись и от неправильного выветривания одежды на третьей лунной четверти. *«Як перетрушував футро на третий квадри, то миль укынется».* Моль заводится и тогда, когда овцы, из которых пошиты шубы, зарезаны на третьей четверти. Выветривать одежду нужно в известное время. *«На Русавчын велыкдень треба одежу сушыть,*

* Синий цвет одежд предпочитается цыганами.

щоб била миль не заводылась». Также пользуются событиями свадеб и похорон для предохранения одежд от моли. Молодая пред венцом должна взять в церковь чужую юбку или кожушанку — такую не тронет ни моль, ни мышь; и под голову мертвеца подкладывают кожух, чтоб моль не ела. К более действительным способам уничтожения моли принадлежат: помещение одежды в бочку или дижку, в которой квасились буряки; пересыпание одежд серой, мятой и табаком; также окуривание последним; еще зернами, которые посыпали мальчики-посыпальники, поздравляя с Новым годом, и смолой. Порча одежды крысой или мышью вдвойне неприятна, потому что, кроме убытка, предвещает еще смерть хозяину вещи. Как в этом случае, так и вообще всегда грешно зашивать дырявую одежду на человеке —*«розум зашьеш»*; в крайности нужно, по крайней мере, зашивая, держать нитку в зубах во время починки.

В большей части Лубенского уезда мужская обувь заключается в одних только сапогах *(чоботях)*. Чоботы делаются из юхты, иногда из тонкого ремня и *шкапыны* (лошадиной кожи), теперь на деревянных шпильках, а прежде сшивались дратвой *(до завити)* и *пид рант, рантови.* Голенища вышиной 3/4, шириной более 1/4 аршина; подошва сапог — из толстого ремня, каблуки подбиты гвоздями или подковами. Цена сапог —2—12 руб. Кроме сапог к югу от Лубен носят еще черевики, вроде женских, *постолы* — кожаные лапти, а в с. Хитцах, изредка в Калайденцах, *лычаки,* т. е. обыкновенные лапти из липовой и вязовой коры, которым приписывают следующее происхождение. *«Був чоловик бидный. Литнего времени ни во що обуться було. Пишов у лис, и вин босый був и якось сколов ногу соби. Сколов ногу, и дийты не можна; та взяв лыпы шматок и муцював, муцював: як бы ёго дийты додому. Явывсь до ёго незвисно якый чоловик, каже: «Що ты робыш?» «Уколов ногу, не можна дийты». «Постий, я тоби зроблю». И выплив ему лапоть и обучыв, як обуться, и научыв ёго, як плесты. Вбувся вин и недовго був, недовго здалось,— колы вин там був тры дни. Прыходыть чоловик у одному лычаку и хвалыться жинци. Жинка сказала: «Ты тры дни проходыв уже». И потим став той чоловик дома жыть, став ти лыка драть и плесты соби и людям. Сталы его хвалыть. От с чого лапти пишлы в Хитцях»* (от И. Нагорянского).

Оканчивая настоящей статьей первый отдел очерков быта лубенского крестьянина, посвященный его потребностям: защите от климата и пище, считаю нелишним заметить, что движение жизни со второй половины прошедшего века до наших дней выразилось по отношению к крестьянскому жилищу увеличением размера и светлости его и прибавкой особого теплого помещения — *хатыны,* но в ущерб качеству строительного материала. В пище не произошло никаких перемен, кроме сокращения пиров на праздниках и оскудения вообще. Напротив, одежда претерпела наиболее изменений. Движение моды выразилось здесь в утрате некоторых прежних

форм одежд, в укорочении переживших и замене белого сукна темным, домашних тканей — фабричными материями; также в появлении новых форм, но в ущерб добротности материй и живописности наряда.

ВОКРУГ ЖИЛЬЯ

Вблизи местной крестьянской хаты теснятся в прихотливом, иногда живописном беспорядке цветы, кусты, плодовые и дикие деревья, ульи, овощи, а поодаль разбросаны коноплянник, луг и поле, какие предметы и составят содержание настоящих хозяйственно-бытовых очерков.

1. ЦВЕТНИК

Расположение и назначение цветов; состав цветника

В расположении народного цветника нет никакого плана или системы. Сообразно условиям местности и прихоти дивчат, дочерей хозяина, на которых всецело лежат заботы о цветнике, цветы располагаются возле хаты, у покутнего окна, на особых кружках или на огородных грядках, или в саду. Часть цветов зимует в грунте под легким покровом из соломы и навоза; часть высевают сразу в грунт с раскрытием весны, когда снег стает; иные пересаживают в гряды из горшков, поставников, рассадников. Тогда же вынимают из погреба или из-под пола хаты и садят клубни георгины. Кусты бузины, калины, сирени и шиповника пересаживают из садов и лугов. *«Шепшину тры годы пересажують навесни: вона стане пышна и гарна; тоди ии звуть троянда».* По народному наблюдению, нельзя сеять и садить цветов на третьей лунной четверти: *«будуть шолудыви».* В Лубенском уезде, как и в других украинских местностях, разводят следующие цветы и кустарники, имеющие декоративное, символическое, приворотное, обрядовое, врачебное и пищевое значение.

Барвинок, среднеевропейский кустарник, судя по названиям: галицкому *бервинок* и итальянскому pervinca — мог перейти в Малороссию из Италии чрез Галицию. По Костомарову и Чубинскому, служит в малорусской поэзии символом девичества и брака. Девицы украшают им голову. Для того, чтобы он был *хрещатым,* побеги его собирают вместе и прикидают землей.

Боз, бузок имеет декоративное и лекарственное значение: настойку из сирени пьют от лихорадки.

Бузину, разводимую из-за ягод, служащих для приготовления пирожков и киселя *(бузинника)*; также из-за однолетних побегов, прикладываемых к рожистому воспалению.

Васильки, принадлежащие к губоцветным; распространившиеся из Южной Азии, где, по легенде, они выросли на месте закопанного креста Спасителя, по Европе, вероятно чрез Грецию, так как у романских, частью германских и славянских племен название их одинаково с греческим basilicon. Клались в гробницы еще галлами. У малоруссов, символизируя чистоту, приветливость, учтивость, сопровождают всю жизнь малорусса от детской купели до гроба. В Лубенском уезде их ставят за образа, кладут в гробы и делают из них кропило; также моют больную голову [28].

Васильки семейства амарантовых, в противоположность разнообразному значению предыдущих, украшают лишь гряды своими красными султанами.

Гайстры, также декоративное растение.

Гвоздику, иначе *шапкы, повняк, купчак* у подолян, служащую, кроме головного девичьего украшения, еще средством от желтухи.

Жоржыну, оржыну, соржыну, бывающую разных цветов: *жовтогаряча, червона, бурякова,* ею *затыкаются дивкы.*

Зиркы служат той же цели.

Калину, по Костомарову и Сумцову символизирующую красоту и девственность; любимый образ свадебных и других украинских песен. Часто калина получает эпитет *гирка*, от горечи ягод, запекаемых в хлеб *(калынянык)*. Кроме того ее кладут в купель в предупреждение желтухи и головной боли.

Канупер, называемый *калуфером* у Левченка, *кануфером* у Роговича и *конупиром* у Волкова,— душистое растение с зубчатыми листьями, посыпаемое в хатах в клечальную субботу, признается полезным от нарывов *(выразив)* на пальцях.

Клын, или край-дерево, рицина — украшает грядки.

Королив цвит.

Красоля, или настурция, с оранжевыми *(жовтогарячими)* цветами, и **кручени паничи** — все разводится для украшения.

Ласкавыцю, растение с белыми цветами, разводят как лекарственное.

Лилию жовту, или чоловичий вик — как декоративное растение.

Любысток (libitico, levistico в Италии). Вероятно, заимствованный оттуда малороссами, он признан приворотным зельем по созвучию с любовью. Так, девушки поят им парней, добиваясь любви последних. Он же признан оберегающим от русалок. Его семена и стебли, собранные на Зеленые праздники, потом засушенные, едят от различных желудочных страданий: *сояшныць, завин,* рвот, глистов. Им смывают еще больную голову и примешивают в купель родильницы и дитяти.

Майоры, майорики — *«имы затыкаются дивчата».*

Мак повный, махровый — по Костомарову, он представляется символом убранства и пышности. Не менее калины любим малорусской народной поэзией.

Мяту, разделяющуюся на *холодну*, более душистую, употребляемую снаружи при головной и зубной боли и внутрь при желудочной, и на *кучеряву*, которую кладут в хлебный квас.

Нагидки, у подолян *найдки,* **ноготки** — желтые цветы южноевропейского происхождения, которыми украшают голову дивчата, а, по Волкову, также моют ими голову.

Павонию *, служащую лучшим украшением головы. Цветы ее пьют при менопаузе.

Пиныкы, рожу, разводимых для украшения двора.

Розу — по Костомарову, символ красоты, ласки и веселости, девицы надевают на голову, а сухие лепестки пьют от грудных болезней.

Руту, известную еще римлянам как пряное и лекарственное растение, символизирующее у малороссов, по объяснению Костомарова, вместе с мятой, девственность и строгость нравов, пьют при менопаузе и желудочных судорогах.

Троянду, название которой сближено покойным Потебней с греческим τρίανταφυλλου, местную розу употребляют, как и всякую другую.

Чорнобрывци, бархатцы, родом из Мексики, служат украшением головы.

Царську боридку разводят как декоративное растение.

Шепшыну, шиповник пьют от кашля; из плодов ее девочки делают игрушечное намисто.

2. САД

Посадка дичков, прививка и окулировка; заботы о плодоношении

Местный сад, как и цветник, также садится без всякого плана, соответствуя следующему общему изображению сада Полтавской губернии, заключенному в циркуляре Полтавского сельскохозяйственного общества (12 декабря 1895 г. № 1374) сельским хозяевам. «Всем знакома печальная картина типичного сада в нашей губернии: сад не огорожен и не защищен от ветров; деревья размещены густо и посажены глубоко; штамбы и сучья поросли мохом и грибами, на которых гнездятся зародыши и личинки всевозможных вредных насекомых; на деревьях масса невырезанной суши; деревья не обмазаны, не окопаны и беспомощно ведут борьбу с гигантским бурьяном, заполняющим сад»... .

Посадка дичков производится крестьянами как весной с Благовещенья до половины апреля, так и осенью от Дмитра (26 октября), пока возможно. Причиною запоздания осенних посадок являются

* Pavonazzo — по-итальянски: фиолетовый цвет.

частью затянувшиеся осенние работы, препятствующие заняться садом, частью же народный предрассудок о выгоде поздних посадок, потому что дерево тогда спит. Так, например, верят, что на Спиридона (12 декабря) можно отрубить у глубоко уснувшего дерева ветку, заткнуть ее в землю и она будет расти. Лучше садить деревья на 2-й и 4-й лунных фазах в небольшие праздники, избегая дней, посвященных памяти св. великомучеников и dies feralis[29] *(кыртычни, веретычеськи дни)*. На 1-й четверти плодовое дерево охотно принимается, но *довго молодие*, т. е. остается в положении новобрачной, не принося плодов; на 3-й же четверти совсем нельзя садить деревьев. Посадки удаются тому из садящих, рука которого никогда не касалась мертвеца. Ямки для посадки делают круглые, узкие и глубокие, дерево поворачивают к солнцу той стороной, которой оно росло на прежнем месте *, и в ямку присыпают навоз и немного зерен, приговаривая: *«Я тебе годую хлибом, а ты мене своею овощью щоб накормыла»*. Года два-три спустя после посадки дичок облагораживают прививкой черенков *(ризок, ризочок)* в раскол или за кору. Последний способ предпочитают, потому что прививка в раскол реже удается. Он исключительно применим в том случае, когда щепят на толстом пне. Прежде щепили высоко — на аршин и более от земли, теперь щепят у корня. Самые розги срезывают с дерева в следующее время: на первой неделе Великого поста в «жиловый понедельник», на св. Евдокию, 1 марта, на Благовещенье, 24 марта, 1—3 апреля; срезанные позже необходимо тотчас прививать. Лучшими сроками прививки признаются: *«як тры дни молодыка марта та прыщепыть, то через тры годы буде родыть»*; *«як прыщепыть в провидный понедилок до церквы, то щепы будуть росты, як диты»*. Окулировка *(калировка)* производится на общем основании с 15 мая по 29 июня.

Нащепив деревья, крестьяне мало обращают на них внимания до наступления плодоношения, иногда окапывая их только весною, уничтожая волчки, но не разрежают кроны и вообще не заботятся об ее образовании. С появлением плодов на щепах начинают применять еще изредка, кое-где следующие древние меры, приемы и запрещения для сохранения и увеличения плодовитости деревьев. Прежде всего строго запрещается женщине в период менструаций, собирая плоды, лазить на дерево **, из опасения, что по общечеловеческому весьма распространенному убеждению, такое древо должно усохнуть. Уже Плиний Старший[31] утверждал, что от менструальных кровей растения опаляются, прививки и плоды сохнут. И теперь повсеместно запрещено женщине в эти периоды лазить на дерево, рвать плоды, ходить возле молодых деревьев. В Катании, например, во время менструаций и других кровоизлияний нельзя

* Этим приемам и лунным фазам помология[30] не придает значения.

** Кроме того, по Гринченку, нельзя еще лазить на дерево в чоботах.

дотрагиваться к деревьям, веткам и листьям. Затем, на Новый год, пред церковной службой, *до схид сонця* хозяин зажигает сор в саду, сметенный туда из хаты, и окуривает дерево, чтоб сад лучше родил. Такое же окуривание садов бывает у валлонов в день св. Мартина. Накануне Нового года, *на Меланкы*, хозяйка, *вчинив дижу*, надевает кожух и, захватив солому, оставшуюся после осмаленного кабана, идет в сад, где обвязывает скрученной соломой — *перевеслом* плодовые деревья, приговаривая: *«Оце я тебе пидперезала, шоб ты знала нащо!»* Иногда обвязка дерева производится хозяевами, причем: *«Чоловик замиряется сокырою на грушу або яблуню и каже: «Я тебе зрубаю!» Жинка отвича: «Не рубай, я ии пидвяжу, вона уродыть»*. Бывает и так: *«Чоловик каже дереву: «Я тебе зрубаю, як не будеш родыть». «Не губы мене з билого свита, я зроблю, шо тоби треба»*. После таких диалогов жена обвязывает дерево. В других местах и один хозяин ведет подобные разговоры с деревом: *«Здорова була, груша!»* И сам же отвечает: *«Здоров був!» «А чому ты груш не родыш? Я тебе изрубаю и порубаю!»* С этими словами он трижды ударяет топором или колком по дереву, приговаривая: *«Не рубай мене, а одягны и перевеслом сальным* пидпережы»*. Такие же обыкновения известны как в других украинских областях, так и за границей; напр., чехи понуждают деревья распускаться криком: «Распускайтесь, а то обдерем вас!» В трактате о земледелии Ибн-ал-Авала предлагается пугать деревья, не приносящие плодов, тихо ударяя их и угрожая срубить, если не будут родить. Основание описанных обращений к дереву заключается в первоначальном общечеловеческом взгляде на него как на существо, имеющее душу, подобную человеческой. Дикари дают пить дереву, женят его. На Моллукских островах, напр., когда гвоздичные деревья в цвету, то с ними обращаются, как с беременными женщинами: стараются не пугать, не встревожить их, не шумят около них.

3. ПАСЕКА **

Народные представления о пчеле и о внутреннем порядке улья. Устройство и укрепление пасеки. Выставка пчел весной, прикармливание, вывоз в степь, взяток. Роение. Отбор меда и воска. Сохранение пчел зимой. Болезни пчел, заговоры

* Т. е. тем, которым перевязывалось сало в свиной брюшине *(здоре)*. Иногда бесплодное дерево сверлят до серцевины, *«шоб витер заходыв»*.

** Материалом для настоящего очерка, кроме народных рассказов, послужила еще рукопись сороковых годов XIX в. козака с. Биевец Ефима Ступки, любезно сообщенная лубенским земским гласным Н. Е. Ступкой. В этой рукописи оказались приемы, наставления и заговоры, частью еще не встречавшиеся в печати. В действительности большая часть этих приемов уже оставлена.

Пользуясь произведениями труда пчелы, малороссиянин не остается к ней неблагодарным. В народных представлениях она признается почтенным насекомым; ее грешно убивать, она достойна погребения. *«Бжола робоча муха, трудящася, свята. Ии треба як чоловика: выкопать ямку и святою землею накрыть».*

В старой Малороссии кража меда и воска из пасеки считалась важным преступлением, как бы святотатством. Любя пчелу и издавна * занимаясь пчеловодством, малороссиянин делал некоторые наблюдения над ее жизнью. Так, он отметил главенство матки. *«Бжолы без маткы порядку не найдуть. Начне бжола мутыться, начне грать: гуде, свыщи становыть на труты. Потим рострате́ться сыла и улык спустие».* Поэтому обезматоченному улью тотчас дают постороннюю матку в очеретяной дудке. Вброшенную без такой предосторожности матку пчелы могут убить *(обсикты, зарызать)*. Поэтому некоторые опытные местные пасечники советуют в обезматоченный улей прикидать не одну только матку, а небольшой слабый рой. Народ знает также, что назначением матки является прокреация и, таким образом, сохранение вида. *«Плодна одна матка. Вона жыве посеред улья в гнизди. Выходыть з своимы караульными ** на проигру, и труты на пролёт летять. Гуляють воны, гуляють высоко; спаруются и падають, як клубок, из маткою. Потим ии ведуть караульни. Матка заклада сылу, черву ***, аж до августа. Маткы бувають: сирка, выдра, трутова, котра кладе тилькы трутникив. Вона найбильша, рудовата, род шмиля. Ии — унычтожать. Трутень у улыку для того, щоб плид був. На зиму их выгонять сами бжолы. Робоча бжола (сыла, причкы) бува жовта, котора бере обножкы **** з вербы, бува й сира, найгирша чорна — злодии и розбойныкы».*

Заводя пасеку, крестьянин выбирает удобное место для нее среди вишневого сада или рощи для того, чтобы рои могли садиться, обращенное склоном к югу вблизи облогов. Место ограждается низким хворостовым или чаще очеретяным тыном с форткой для входа, но пороги не везде есть. Ульи, выдолбленные из дерева *(дзуплянки)*, также новые, шелевочные расставляют на расстоянии 2—3 аршин один от другого, обращая их очками *(вичкамы)* к солнцу. Если под ульем заведутся муравьи, то землю из-под него выбирают и насыпают песок. В пасеке должен быть крест, особенно из дерева, разбитого молнией, для предохранения от порчи (урокив) с молитвой на нем: *«Господи Исусе Христе! Сыне Божий! Ты разрешил еси вся дела вражия и разогнал еси все потребы их неприязненныи, такожды ты, Господи, и мне помощник и защититель буди рабу Твоему и пасеки сей, в ней же хочу пчелы держать».* Кроме креста в пасеке непременно должна быть икона св. Зосимы и Савватия, покровителей пчел. *«Воны пасишныкы, з корзыною и намалевани. Изосым завидував нею спрежду и довику буде завидувать. Вин и тепер иде помиж бжолою и несе казаночок у руках и кормыть усю бжолу; вин варыть ий сыту».* К утверждению пасеки служили еще в старину следующие приемы с землей, камнем, челюстью, очеретиной, водой и оливой, основанные на уподоблении.

* Пчеловодство было любимым занятием древних славян.
** Ликторы, по Плинию.
*** Личинки.
**** Хлебина.

1. Приобретая пчел, нужно взять земли тремя пальцами и говорить: *«Святая земля, не тебе я беру, но единственно сии пчелы с пасики сей с медом, с воском и роями. Ибо я купил * за помощью Божию и молитвами Пр. владычицы Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых и небесных сил и безплотных и действием святого и преподобного отца нашего Зосима. Як тая земля ** святая родна и плодна есть и никто не может уректи ей, то никто же не мог бы помыслом своим злим зашкодыты, так бы и сии мои пчолы родны и плодни были и никто не мог бы их уректы».*

2. Выставляя пчел или открывая пасеку, неси в зубах в нее камушек и обойди трижды пасеку, потом закопай посреди и говори так: *«Як каминь сей твердый и студений, так затвердилы и зазяблилы уста тому человеку и жене, кто бы злую мысль имел гадаты на мою пасику и на мои пчелы, нехай той сам так стане».* Потом закопать камень под пасечным порогом.

3. Возьми челюсть и говори: *«Так як победил Гедеон войско мадианитское, як победил Самсон сильный щекою ослиею войско филистимлянское, як побидыв Давыд гордого Голиафа не сам собою, но Божиею помощью, так бы моя пчела раба Божого *** и матки их свидка и свидра победили тий пчели, которые бы имели прийти до моей пасики и имели побрати у моей пчелы мед».* Челюсть закопать под порогом пасеки.

4. Обходя трижды вокруг пасеки с мерой из очеретины, которою измеряли мертвеца, делая ему гроб, следует помянуть того мертвеца и затем говорить: *«Помяни, Господи, душу раба своего, преставившегося от нас, которому встать на суд Божий, на последний труд вострубиву архангелу Божию. И я беру сию меру для своей пасики и для моих пчел, чтоб от мене, раба Божого, не втикалы и чтобы приносили со всех сторон меда Господу Богу, мыру хрыстиянському на хвалу и мне, господареве вашому, на пожиток».*

5. Набрав в рот воды на молодыку и придя в пасеку, порскай на очка, приговаривая: *«Як я не мог никакого слова вымолвить, так бы*

* Или: мне подарованы.
** Произнося эти слова, следует стиснуть землю трижды. Как настоящее наставление, так и все последующие — из рукописи Ступки. Обращение ко Пр. Деве и св. Зосиме — в каждом заговоре в конце.
*** Следует имя хозяина.

злии люды не могли на пасику и на мене, раба Божия, ничего злого мыслите, говорыты и моих пчил урекаты».

6. Обойдя с освященной оливой три раза вокруг пасеки, говорить: *Як мыр хрыстиянськый не может обойтись без оливы, так бы рои за десять миль не моглы обойтысь без моеи пасики».*

Устроив и укрепив таким образом пасеку, хозяин ежегодно накануне Крещения, кропя двор, строения, загоны, должен также окропить пчелиный погреб и место пасеки. Затем выставляют пчел на «теплого Олексия» (17 марта), а если тогда холодно, то пасечник обязан все же предварить пчел о весне. На Благовещенье (25 марта) пасечник, открывая крышку *(ляду)* или дверь погреба трижды, приветствует пчел: «Христос воскрес!» На следующий день вынимаются пчелы из погреба и каждый улей окуривается освященными васильками и троицким *(клечальным)* листом в предупреждение гнильца. Ими же хозяин натирает ульи, чтобы последние нравились пчелам, и себя, чтобы пчелы не кусали. По Манжуре, пчел, выставляя из погреба, переносят чрез острую косу для того, чтобы они не давались чужой пчеле. Поставив ульи в пасеку на разостланную солому, пасечник, покурив ладаном, вновь кропит пасеку и ульи освященной водой и говорит: «Христос воскрес!» Выставленную пчелу подкармливают *(годують)* из корыта патокой, разведенной водою, которую следует черпать по течению, а не против него *(за водою)*, приговаривая: «*Як ся прыбува з гир, з джерил, из усих ярив, так бы прыбуло сылы в моий пасици*». Для очистки и подкрепления пчел в патоку прибавляют благовещенскую просфору, дарник, водку, а для того, чтобы пчела была сердитая и не давалась чужой, еще и перец. На Тройцу, в начале июня, пчел вывозят в степь на расцветающие травы, «*на тую ныву, на тую сылу, по густый мед, по солодку патоку*» — как выражается заговор. В июне же, в ночь на Ивана Купала пасечник закармливает *(загодовуе)* пчел, давая им мед с примесью горыцвита, костей из головы щуки и процеженного отвара муравьев *(комашни)*, взятых с кучей *(с усим гамузом)* и умерщвленных кипятком. Муравьи прибавляются в мед для того, чтобы пчела была злее и не поддавалась бы чужой. Кормя в эту ночь пчел, пасечник приговаривает: «*Годую тебе до Ивана, а писля Ивана зробы мене, як пана*». Далее пчелы не получают корма и довольствуются взятком, который, по народным наблюдениям, берут из следующих растений: акации белой и желтой, береста, блекоты, будяка, буркуна (донника), вербы, вяза, горыцвита (стародубки), гречки, дуба, жывокиста, калины, крушины, лозы, лыпы, осыкы, перекотыполя, просеренкив, рапсу, рожкив *(«з рога в жыти»)*, рыжию, свирипы (сурепы) и со всех цветущих садов. Главный взяток бывает с поздней гречихи и так велик, что мед не вмещается в одном улье, а приходится или поставить еще один улей сверху, или выкопать под ним ямку, которую пчелы и заносят. Этот последний способ называют: «*На пидкопу бджолы поставыть*».

Период роения, начавшись около Вознесения, продолжается за жнива. По народным рассказам, пчелы роятся следующим образом: «*Сыла поробыть матошныкы, а матка понакладае. На первого роя (первака) бува стара матка, а на другака и третяка уже 10—15 маток. Як пидийты до улыка, так воны кахотять, як утята. Бжола, сыла, потим их выгубля, а одну зоставляють. Вылетыть рий, крутыться-крутыться, грайе-грайе, потим сяде на дерево кимьяхом (комом)*». Тогда его стряхивают в поставленный на землю, или если рой сидел высоко, то в подставленный на жерди или привязанный к ветви улей с приклеенными внутри *(нажывленными)* * навощенными ячейками *(сцильныками)*, окропленными освященной водой или разведенным медом. «*Абы матка впала, а други прийдуть. Тоди перевернуть улык — и готово, або кладуть ёго на землю и завьязують. Новый рий берется за сцильнык, носыть мед, воск ** и сылу лупыть. Як же свий рий надума тикать, то осажують водою, и як чужый летыть, мандруе — то як судытся, то ёго можно осадыть водою, а як не судытся, то полетыть ще выще и зныкне*». Излишек роения пасечники останавливают, загоняя пчелу вниз улья, как при отборе меда, и вырезывая маточники.

Мед вынимают обыкновенно дважды: в августе к 1-му, 6-му, 15-му числам и в сентябре к 8-му, «*на Маковия, Спаса и миж пречыстыми*», выгоняя пчел на дно улья дымом серы, табака или мурухою, порхавкой, губкою или отбором, т. е. ставя сверх улья другой и выгоняя туда пчел стуком. Отогнав таким образом пчел, хозяин вырезывает резцом несколько сотов ***, оставляя необходимое для зимнего питания пчел количества меда, от 1/2 пуда до одного, обыкновенно помещающегося по очко. Местные пчеловоды говорят, что нужно оставлять на зимний корм пчел столько меда, сколько весит ржаной хлеб. В конце октября, часто «*на Параски*» (28 числа) или меж поминальными субботами [32], хозяин окропляет свои пчелы *вечирнею и иорданскою* освященными водами и, накурив погреб ладаном, складывает в него ульи на зимовлю, уничтожив предварительно старые слабые семьи дымом.

Таков, по народным рассказам и преданиям, ход крестьянской пасеки в здоровом состоянии, но у пчел бывают еще свои невзгоды и болезни. К первым принадлежит налет на пасеку посторонней пчелы. В таком случае подмазывают очка глиной, так, чтобы только одно насекомое могло влезть в улей зараз. С таким отдельным хищником население улья легко справляется. Затем принимают еще

---

* Приклеивают канифолью *(жывыцею)*.

** Воск находится внутри клеточек растения с хлорофиллом или в виде выделений, напр. сизого налета на сливах.

*** Обыкновенно в малорусском улье 5—9 сотов.

ульи с пчелами, заменяя их пустыми, в которые собирают чужую налетевшую пчелу и присоединяют ее к своему слабому улью. Наши пасечники заметили, что пчелы погибают иногда от тяжелого пищеварения: *«Як оберется дуже меду, то в улык уже не попаде, так пропадае»*; от птиц, пресмыкающихся, особых паразитов *(нужи)*, особенно от *мотылыци, метелыкив (клочня)*, которая будто бы захватывается с гречки вместе с росою самими же пчелами, *«потом метели вылупляться, а бжолы пропадуть»*. Мотилицы вырезают резцом и улей перечищают. Еще опаснее известный гнилец. Зараженную пчелу перегоняют в пустой улей и вывозят, а темный негодный воск уничтожают. От невзгод и болезней пчелу оберегают следующие заговоры и молитвы.

1. *«Господы святый, небесный! Спасы, сохраны и помылуй оцю святу, благословенну бжолу от скорби, болизни, напасты, побиждения и усякого напаждения».*

2. *«Як сёго вечора люде стари и молоди, багати и убоги радуются и веселятся, за столом сыдячи, так бы мои пчелы веселылысь и радувалысь, в поле идучы и до мене, раба Божого, мед несучы. Як сёго Святого вечора мир християнськый збирается и радуется, идучы до святой трапезы, багатый и убогый, малый и велыкый, сытый и пьяный смырни бувають, так бы мои пчелы повни и сыти и мырни булы Божиею сылою и всимы небеснымы сылами и действием святого Зосимы».*

3. *«Як Господь мылосердый свит пропысав и святое сонечко на облака воздал и также святого мисяця, пчелиного пастыря. Зори зоряныци, Божии помищныци! Мисяць Авраме, Божий громе!.. Став коло моей пасикы велыкый частокил, щоб чужая пчола не перейшла и моей пасикы не знесла. Господы мылосердый! Поможы мени своею сылою, Матер Божая, Зосим святый — своим помышлением. Хто вгадае небесну высоту, морськую глыботу, хто в мори писок перещытае, той мою пчолу возвышае».*

4. *«Вы, святи зори, зоряныци! Вы на неби жывете, як ридни сестрыци. Прыйдить и поможить моий пчоли и матци и моий пасици! Як я губы и зубы исципляю, так бы моя пчола губы и зубы на чужу пчолу исципляла и крипко мед свий держала».*

5. *«Святая Уляна весь узяток провидала, а тепер иды на тую ныву, на тую сылу, по густый мед, по солодку патоку. На вичка выбывайся, зубами отсикайся, ведмежымы сыламы отпирайся. А ты, камене, роспадыся, а ты, святое небо, растворыся. А ты, чужа пчола, отступыся! Я Господа благаю и чужую пчелу и сылу отвергаю. Як сей камынь угрызне, тоди мою пасику укусне...»*

6. *«Як побидыв Господь Бог и сыльный Самсон льва, а царь Давыд побидыв Голиафа, не сам собою, а святыми небесными сылами, каменем,— так бы моя пчола чужих пчол побывала, соби мед забирала сама собою и небесными сылами и дийством святого Зосыма».*

7. *«Я тебе, святая пчело, загодовляю и на слова прымовляю и даю вам, сим, всим крылам щучии зубы, вовче горло, ведмежу сылу побывать чужой капостныци и на всей области огнем и мечем. Та не йды на худии упадкы, та йды на хороши узяткы, по густи меды, по солодку патоку. Як рыба в мори буяла и в риках гуляла, так же и вы, мои пчолы, щоб полны, радосни и весели були, гуляли и гралы Божиею помощию и дийством святого Зосима. Аминь».*

8. *«Як Господь благословыв святому Юриеви звиром воюваты, так бы моя пчола чужих пасик воювала и мед соби забирала, а свий крипко держала сама собою и святыми небесными сылами и дийством святого Зосыма. Ты, Зосыме! Святый пасишныку! Старый ты, убогый! Ты пасишныкував и пчолы и матци помогав, так поможы моий пчоли, моий матци».*

9. *«Прылетилы до раба Божого Ефима и до его пасикы тры сорокы и забралы от его пасикы уси урокы; и полетилы воны и силы на лозы, а тинь на воды. Як сорока из лозы, а тинь из воды, так бы из моеи пасикы уси урокы: мужыцькы, жиноцькы, парубоцькы, дивоцькы, хлопячи и дивчачи, прымовлени, прыговорени, сонцеви и витряни, наглядени и витром навияни,— то я вас одшиптую и одмовляю, одсылаю на болота и на очерета, на густи лозы, де людськый глас не заходыть и пивень не спивае».*

10. *«Ишла пречыстая, пресвятая дива Богородыця, Матир Божа из Зосымом святым, архыстратыгом Мыхаилом, з Мыколаем чудотворцем, помощныком Божиим до пасикы пчол доглядаты и урокив одганяты од маткы-Улянкы, од пчолкы-землянкы, од крилець, от трыдесять суставець подуманих, погаданих, мужеских, женских, парубочих, дивчачих, хлопьячих; од земляних од витряних. И зустрив сам Исус Хрыстос: «Куды ты, пречыста Матер Божа, йдеш?» «Я йду до пасикы пчол доглядаты и урокив одганяты». «Вернитесь, Матир Божа, вернитесь, а вы, урокы, урочыща, идить соби на сухи лисы та на болота, де хрыстиянськый мыр не заходыть».*

11. *«Господы! Подхны своим духом и очысты мою пчолу и матку в моий пасици, раба Божого. Вы червы, червыци! Вас Господь небесный клыче из десяты — девьять, из девьяты — висим, из восьмы — сим, из симы — шисть, из шосты — пьять, из пьяты — чотыри, из чотырёх — тры, из трёх — два, из двох одного, из одного ни одного. Я одшиптую од сирои шерсты, од жовтои косты и од червонои кровы, розганяю их, розгубляю их по зеленим травам, по холодним води».*

ОГОРОД

Общие заметки о сборе, хранении и посеве огородных семян; воздействие отдельных овощей

Участие женщины в земледелии, вначале, по словам историков культуры, первостепенное, в настоящее время сохранилось с таким значением лишь в обработке огорода, лежащей всецело на хозяйке. С открытия весны, как только земля размерзлась, хозяйка выбирает мягкое, хорошо разрыхленное *(пухке)* местечко огорода и садит на нем высадки всех огородных растений, тщательно их поливает, очищает от сорных растений до сбора. Последний производится различно: или снимая с растения зрелые семена, или срывая и подвешивая под крышей против солнца для дозревания в мешочке самое растение, с которого потом отрушиваются семена. Собрав семена, хозяйка хранит их на сволоке, комине, вообще в сухом месте, унося из хаты пред смертью семьянина, так как семя, остающееся в хате во время чьей-нибудь смерти, теряет всхожесть. Хозяйка же с дочерьми копает грядки пред Светлым праздником и после него, делая последние узкими для того, чтобы удобнее было полоть, и возвышая их несколько над дорожками; и наблюдает, чтобы посев производился своевременно. Так, по народным замечаниям, нельзя ни сеять, ни садить никаких овощей на третьей лунной четверти: все будет гнить, идти в стебель *(стовбур)*, сохнуть, так что и семена не возвратятся, а лучше делать посев и посадку на второй четверти: *«покы мисяць у крузи. Як мисяць наповняется, так и в огороди наповняется. Як на неби повно, так и в огороди повно»*. Ничего еще не нужно садить в среду — тяжелый, несчастный день, в понедельник же можно только продолжать, а начинать нельзя. Женщины в менструациях должны воздержаться от посева и всех других работ на огороде по причинам, указанным выше при изложении народного садоводства. Не должно и есть на грядках — не только семян подсолнечника тыквы, предназначенных к посадке, но и поспевших семян, овощей и вообще никакой пищи, например хлеба, потому что огород будет уничтожен червями, муравьями и птицей. Смешав мелкие семена с землей, хозяйка сеет их вразброс, приговаривая: *«Господы, поможы! Колы б Бог родыв, щоб було мени й людям. Роды, Боже, на всякого долю, а як пиймаю — зниму лелю!»*

Кроме этих общих огородных правил, хозяйка должна еще иметь в виду особые о каждой отдельной овощи, начиная с лука *(цыбули)* и чеснока *(часныку)* — южных растений, зимующих однако в грунте: первый с легким прикрытием, второй без него, лишь бы не было гололедицы *(голоморозю)*. Но с осени садят лук в самом незначительном количестве, главная же посадка его, как и посев, производится ранней весной. Сажанку, иначе называемую *зубкой*,

садят с четвертой недели Поста *(Средохрестья)*, если только снег стаял; для сеянки же *(пичкурки)* хозяйки, смешав семена с землей на Евдоху (1 марта), также выбирают самое раннее время, *«покы ще жаб не чуть, покы не крюкають; покы жаба не закуе»*. Сеют вразброс, иногда приговаривая: *«Вроды, Боже, цыбулю, як мою дулю»*. Не советуют сеять на третьей лунной четверти, потому что *«цыбуля пиде в цебуль»*, т. е. вырастет только один стебель *(цибка)* без головки. Нельзя еще сеять: когда в печи топится и когда хозяйка сердита — в обоих случаях *цыбуля буде гирка»*. Следует при посеве остерегаться сглаза; так, если завистливая соседка, посматривая на засеваемую грядку, скажет: *«Не роды, цыбуля, на ноздрятий земли»*, то может случиться неурожай. Посеяв цибулю, грядку утаптывают *(плещуть)* различными способами: девушки катаются, толчутся или ездят по ней; часто уравнивают, прибивают просто лопаткой. Когда лук поднялся, его стараются примять катаньем для того, чтобы он шел больше в головки, а не в стебель. Сбор лука производится к концу лета, когда листья его *(пирья)* присыхают. На Покрову [33] сеянка должна переночевать на печи для того, чтобы была сладкою. От этого обыкновения произошло и название ее — *пичкурка*.

В народной культуре **капусты** — растения, заимствованного славянами, вероятно, от романских народов, различают два периода и сообразно тому два рода приемов: посев и пересадку. Если весна ранняя, то капусту, как и лук, сеют на четвертой неделе Великого поста *(Средохресний)* или позже — на пятой *(Похвальний)*. Таким ранним посевом достигают, по народным наблюдениям, следующих выгод: капуста будет большая *(рахманна)*, белая, твердая и не будет поедаться гусеницей. Если весна запоздает, то хозяйка, минуя Вербную неделю, производит посев в последние дни Страстной, особенно в субботу, когда, посадив пасхи в печь, берет горшок с семенами, смешанными с землей, и сеет сквозь решето в круглый оплетенный рассадник, снизу набитый навозом, а сверху землей, или в грунт. Посев в рассадник удобнее, потому что легче полить рассаду и прикрыть ее от утренников. Самый поздний посев бывает на Фоминой неделе в понедельник *(провидный)*. Посадку начинают тогда, когда растение образовало четыре листка, обыкновенно после Вознесения, с 25 мая *(на Ивана головатого)*, пред Тройцей и продолжают всю Петровку, избегая третьей лунной четверти и постных дней,— *«щоб гусинь не пойила та не погнылы головкы»*. Прием посадки такой: хозяйка, намочив рассадник водой, осторожно вынимает из земли рассаду, подщипывая кончики корней, и рассаживает в гряды, бросая промежутки лишь в полторы четверти между растениями; при этом хозяйка оборачивает горшок или черепок, накрывает его белым платком, кладет сверху камень и говорит: *«Дай же, Господы, щоб ся капуста така поросла, як я оцей горшок сюды унесла, щоб була била, яким я билым платком прыслала, щоб*

була тугая, як я сим каменем тугым прыклала», затем хозяйка перевязывает себе трижды платком голову, *«щоб капуста вьязалась»*. Иные хозяйки садят капусту без таких затей, приговаривая только: *«Вроды, Господы, капусту таку, як у мене голова»*. Первую неделю после посадки капусту поливают, пока примется, потом мотыжат *(сапують)*, а накануне Ивана Купала кладут на грядки капусты купальские венки для предохранения растения от вредных насекомых: гусени (белянки и ночницы), попельнухи (тли), блошки и капустянки (медведки). Кроме венков советуют еще предохранять растение от порчи этими насекомыми взбрызгиванием на рассвете гряд *юрською росою, маковиевською водою*, водой, настоянной три дня на рыбьих остатках: чешуе, желчи или на курином помете *(куряках)*. Для той же цели посыпают растения свиным пометом или золой, сохранившейся от рождественских праздников. Рубят капусту с Покровы, после нескольких морозов.

Вблизи Лубен возделывают стручковатый турецкий **перец**, родом из тропической Америки, таким образом, как капусту, т. е. сеют, когда снег сойдет с земли, потом рассаживают в гряды, поливают, покуда укоренится, а красные стрючки кладут в борщ и в соленые огурцы —*«будуть огирки, як каминець»*. В каждом старом огороде можно видеть беспорядочно разросшийся *крип* (укроп), восточного происхождения, также служащий приправой горячим и холодным кушаньям и огурцам. Неприхотливость укропа создала поверье, что будто бы он может быть разведен без семян. *«Як летыть ластивка та уперве ии побачыш, то кыдай жменю земли навхрест и прыговорюй: сию крип, щоб Бог родыв! — зародыть»* *. В новых огородах, однако, укроп рассевают по луку или бурякам. Другие зонтичные: **петрушка** и **морковь** *(морква)* — разводятся редко и в ограниченном количестве; первую бросают в борщ, вторую дают в сыром виде детям как лакомство.

Из бледной зелени местного огорода выделяются пунцовые и белые цветы **мака**. Судя по глубокой древности употребления этого растения, найденного в свайных постройках каменного века, можно предположить, что славянское его название, сходное с немецким Magsammen, дошло к малороссам от арийских предков. Малороссияне различают две разновидности мака: *зиркатый (зирчак, видюк, скакун)* — с коробочкой, из которой выскакивают семена, и *текун* — с закрытой семенной коробочкой. Еще различают обыкновенный *(шолудывый)* и махровый *(повный)*. Мак, как и предыдущие растения, требует возможно раннего посева: *«найранишый мак найкращый, головатый, нечервывый, его й мошка не посиче»*. Полагают даже возможным, высеяв мак по снегу, затем перекопать засеянное

* Из таких рассказов и выражений о вредных насекомых: *«воны заводятся из земли»* — выходит, что народ верит в теорию самозарождения в некоторых случаях.

место; во всяком случае нужно сделать посев на четвертой неделе Поста *(на Хрести)*, так как мак долго не всходит и не боится утренников. Мак нужно сеять утром, покуда еще ветер не разобрался, изо рта сеющей рядами или вразброс по бурякам и картофле, потом прикидать сором *(багном, сміттям)*. Иногда его рассаживают *«пид дощ»*. Первые расцветшие растения перевязываются гарусом *(жычками)*, и маковки с них оставляют на семена. Мак дает, по народным воззрениям, хороший сбор: 1) если в окрестности умер священник; 2) в сухие годы; 3) при неурожае на хлеб или плоды. Вероятно, во внимание к последнему условию неурожай мака не ощутителен. *«Мак сим год не родыв, а голоду не було»*. По Маркевичу, принято собирать мак 1 августа (на Маковия). В Лубенском уезде — около того же времени.

Буряки можно сеять и садить. Посев теперь заброшен, потому что народное мнение об этих способах возделывания буряков склонилось в пользу посадки. Сеяные буряки нужно прорывать, и половина растений напрасно погибает; сеяные неудобно полоть, кроме того они выходят удлиненными; саженые лучше разрастаются, выходят толще, короче, круглее. Как посев, так и посадка буряков одинаково запрещаются на Вербной неделе: *«буряки будуть гирьки, коростяви, ростымуть, як верба»*. По первой из указанных причин нельзя также сеять буряки по средам, по утрам и вечерам, когда дым выходит из трубы во время топки. Лучшее время посева и посадки буряков — средина дня четверга или пятницы; притом женщинам совсем нельзя сеять буряков: *«будуть гарягувати»*.

Итак, муж, вспахав часть огорода, назначенную для буряков, берет брусницу *(кушку)* — деревянную миску, употребляемую при косьбе, чаще большой кувшин с положенными туда семенами для того, чтобы буряки выросли больше, и сеет рядами. Посадка буряков лежит на обязанности женщины, которая надевает в это время красный пояс и приговаривает: *«Господы! Дай, щоб бурякы булы красни, як жар, и велыки поросли на любымийшый жаль»* или: *«Вроды, Боже, бурячкы, як у мене лыточкы»*. Садят буряки на расстоянии полуаршина меж рядами и одной четверти между отдельными растениями. Поверх них садят иногда подсолнечники, бросающие тень и потому полезные в сухое лето. Наблюдают еще, чтоб не полоть буряков по праздникам, небольшим даже, и на Зеленой неделе, в противном случае в буряковый квас упадет мышь или жаба. Сбор буряков производится одновременно с картофлей, после Покровы *.

* Из других корнеплодов: редька — разводится мало, хрен же берется из старых огородов.

Введение картофеля * в Лубенском уезде, как и повсеместно, по рассказам старожилов, не обошлось без некоторых «войн за просвещение». *«Як вывезено картоплю, так вона була сыня усередыни и люды не хотилы брать. Так прыневолювалы и сиклы и накыдалы по тры сотни. Купець закупыв та й вывиз. Паны посылалы своих садыть, а казна — казенцив. Як набралы тии картопли, так выслано чоловика: як ии садыть — з чужого краю. Казна выслала — таке, мов салдат. Ризалы картоплю на чотыри часты и садылы на пиваршына колесом. У наший земли вона переминылась: садылы сыню — стала жовта, смашна. Ии возылы в казну на смотрение. Вона перевелась, стала дрибна и кажный год дрибнийша. Сплюндровалы ту, а завелы другу. Була и сыня и довга, навезено. Давнийш не було сап, пололы руками, а обгорталы заступом»*. Разводили картофель и добровольно. *«Мий прадид десь достав и прывиз картоплю и дав баби. Вона взяла у горшечок и сховала пид полом у закапелок и дывыться и пыта: «Шо воно таке — мов яечка?» И дид не знае названия. Диждалы весны и посадылы, и выйшла картопля»* **. Этот старый сорт картофеля, по мнению старожилов, был лучше последующих: *«наська у пырогах, мов яйця, вона смачнниша»*. В новейших сортах находят следующие недостатки: скороспелка и бугайка водянисты, а американка волокниста. Картофель разводят теперь исключительно клубнями, наблюдая те же правила, что и при посадке буряков. Нельзя садить на Вербной неделе — *«буде така, як верба»*, на третьей четверти, по средам и субботам, потому что будет портиться (*«буде коростява»*). Садят картофель с промежутками в аршин и более между корнями; садящая приговаривает: *«Дай же, Господы, щоб було пид сим коренем картопелек, як на неби хмарок, шоб така ся картопля була рясна, як на неби хмара густа!»* Картофель сапуют и после Оноприя (12 июня) окучивают (*обгортають*). В этот же день окучивают хоть 1—2 корня. Для затенения картофеля садят по нему изредка подсолнечник.

Соняшнык садят после картофеля, в апреле, в субботу или в дни, в который были еврейские праздники (*«як жыды на кучкы сидалы»*) для предохранения от воробьев. Зависимость времени посадки от еврейских праздников объясняется старухами следующим образом. *«Затим горобци не будуть пыть соняшныка, шо жыд у суботу ничего не робыть. Горобець ось як до жыда доходыть. Як Спасытеля сховала Маты Божа у ясля, то горобець казав: жыв, жыв! А жыды понялы и найшлы. Спасытель сказав: «Хай горобець буде, як жыд». Так горобець проклятый, и тым вин у суботу ничого не займае»*. По

* Родина картофеля — Чили и Перу, откуда появился в Европе в XVI веке, в Италии под именем tartufi bianchi (в отличие от трюфлей — tartufo nero) или, по Григорьеву, tartufolli, откуда, вероятно, происходит как немецкое, так и малорусское картопля и бараболя.

** Разведение картофеля в Малороссии начато при императрице Екатерине II, с 1765 г.

другому варианту: *Як уродывся Спасытель, то Пылат хотив его стребыть, щоб не було, а жыды шукалы ёго скризь по яслях. То преославни кажуть, що ёго вже нема на свити, а горобци литають та щебечуть: жыв, жыв!»*

И дальнейшие приемы возделывания подсолнечника указывают на ту же заботливость предохранить растение от жадности воробьев. Садить подсолнечники нужно или до восхода солнца или после захода; особенно хорошо последнее, когда птица сядет на ночлег. *«Горобци вже не жырують тоди, не щебечуть, бо на шабаш пишлы, як жыды»*. Накапывать для посадки семян следует той палочкой, которой вычищают колбасы, когда моют последние. Семена окропляют освященной водой и кладут в большое решето (*пидсыток*), куда прибавляют кусочек сала. Решето избирается большое для того, чтобы и верхушка растения вышла большою (*головатою*); сало же кладут для отвода воробьев. С той же целью — *«щоб горобци одверталы»* — садящая надевает на себя очипок или кожух навыворот. При посадке молчит и не *«лущыть насиння»*, чтобы не привлечь внимания птиц. По Гринченку, лица, желающие урожая подсолнечника, не должны есть его семян на Светлый праздник. Для предохранения созревающих семян от воробьев советуют еще обсеять гряду тем житом, которое ставится в кувшине у мертвого тела. *«Нираз не возьмуть горобци лущыть — мов що закаже»*. Или: *«Як соняшныкы начнуть цвисты, треба взять гниздо з горобцями и зварыть з птыцямы, потим кропыть соняшныкы, то не будуть горобци пыть»*. Подсолнечник, убирая в августе, срезывают с частью стебля (*держака*) и вешают или кладут против солнца для того, чтобы он привял, потом через 2—7 дней выбивают семена.

Горох, одно из древнейших пищевых средств, почти не сеют в огородах по недостатку места. Посев его на поле также сокращен, потому что *«стало людно»*. Если посеять у дороги, *«то пастухы стрючкы позрывають, самый гуд зостанется»*; если же скрыть горох среди хлеба, то может случиться так, как в сказке Артемовского-Гулака хозяину, который потерял горох;

А за горохом в гурт и жыто, и пшеныцю,
Бо тилькы зо всёго соломы взяв копыцю.

По общемалорусскому замечанию, лучше всего сеять горох в Лазареву субботу [34] — даст хороший сбор. На месте сеют горох в разное время: в Страстной четверг и субботу, весь апрель и в начале мая, лишь бы посеять на рассвете и сняв с себя кожух — *«горох буде киплячый»*. Он будет «киплячый» и тогда, когда при посеве веет южный ветер, а если северный — горох не будет хорошо укипать. Он всходит чрез три дня после посева, улучшает, удобряет землю, собирается и молотится одновременно с хлебом.

Другое огородное мотыльковое растение — квасолю (*пасолю*) разводят посадкой в три зерна, *«сорочымы лапкамы»*, поздно, с

23 апреля и до Николая [35]. *«Вона найутлише зилля, боиться морозу»*. Убирают ее, как горох.

И американский маис, *(пшинку, кукургузу)* разводят поздно с половины апреля. Зерна намачивают в воде, изредка поливают жидким дегтем для того, чтобы птица не трогала, и обсаживают ими гряды не сплошь, так как при густой посадке будет бесплодною *(яловою)*, а вперемежку с другими растениями *(мишма)* — по три зерна в ямку, как фасоль. Выросший маис пасынкуют, т. е. сбрасывают *кашку, куныци, волоть*, потом початки *(качаны)* обламывают и едят отваренными.

К возделываемым позже овощам принадлежат и баштанные семейства тыквенных, которые разводят частью на огороде, частью в степи на баштанах в соединении с описанными выше огородными растениями: картофелем, фасолью и маисом.

Под огурцы подвозят в огород несколько возов земли с выгона и перемешивают ее с навозом. Кроме общего запрещения для всех овощей посадки на третьей четверти не советуют еще садить огурцов и на четвертой — *«тилькы на кинчыках буде вяз»*. Лучшее время посадки — первая четверть: *буде сама завязь, огирки будуть незбирни, рясни»*. Если Пасха поздно, то огурцы садят в Чистый четверг, также на Преполовение *(на праву середу)* —*«воны будуть прави»*; весь апрель до св. Георгия. Советуют садить их в то время дня, когда скот лежит: *«щоб рясно лежалы, як скот»*. Дивчата садят огурцы в зеленых лентах, в таком же намисте и в новых черевиках, больше кружками *(кубахами)*, чем рядами, полагая в ямку по 2—3 семени. Посаженные огурцы ограждают очеретом, чтобы куры не клевали. Найдя на дороге лапоть *(лычак)*, волочат его ногой и кидают на баштан, приговаривая: *«Якый я втяг лычак, таки шоб я зрывав огиркы»*. Для лучшей вязи поливают плети *(гуд, гудыну)* *«до схид сонця»* отваром пустоцвета или огирошныка, который разбрасывают также пучками по баштану — *«щоб огиркы рясно вьязалысь»* *. Для успеха баштана не следует ходить по нему мужчинам в сапогах, женщинам — в периодических очищениях.

Возделывание арбузов *(кавунив)* и дынь сходно с возделыванием огурцов, с тем различием, что первые садятся позже, промежутки между кубахами и рядами делаются шире, семена пред посадкой намачиваются: арбузов — в воде, дынь — иногда в молоке, *«шоб булы солодки»*. Садя арбузы, дивчата надевают красные ленты и спидницы, в карманы кладут конфекты. Рассказывают еще о следующих устарелых суевериях. Баштанник, набрав семян арбузов, идет на Светлых праздниках в церковь к заутрени и когда священник провозгласит: Христос Воскрес! — отвечает: *«Я баштанныk увесь, у мене насиння есть»*. Затем баштанник нагим бежит вокруг

* Привлекаемые огирошником шмели переносят цветень из мужского цветка огурцов в женские.

места, назначенного для баштана. Выполнение этих приемов обещает урожай.

Суеверие такого же рода наблюдают, возделывая тыквы *(гарбузы)*. *«Як иты на Страсть, то завьязують ныточку стилько раз, скилько раз дзвонють, и як садыть, то треба обвязать тиею ныточкою руку и так садыть. Скилькы задзвонылы, стилькы буде вьязу»*. Гарбузы лучше садить в базарный день, на Фоминой (Проводной) неделе в понедельник: *«шоб вязалысь на первому цвиту»*, и во вторник: *«Як посадыть гарбузы у вивторок, то на кажний гудени — гарбузив по сорок»*. Лучше садить гарбузы девкам или молодицам, *«шо ще дитей водять»*; *«а як стара посадыть, то гарбузы не вяжуться — одын гуд»*. Семена сохраняют в самом гарбузе и садят или из *ручки*, от плети у основания плода, или из решета, как подсолнечник, кубахами по 4—5 зерен, *«стромляють носкамы вгору»* в ямки, заготовленные заранее, в Страстную субботу. При посадке смотрят на небо: если есть тучки, то будет завязь и урожай. Еще одно случайное обстоятельство влияет на урожай: *«Як пип умре поблызу, то вродять гарбузы»*. Для усиления вязи существует еще такой прием: *«На купального Йвана треба перевязувать жычкамы, або ныткамы гудыну, шоб вяз був»*. Гарбузы *валашать*, т. е. режут удлиненные побеги *(батоги)*.

5. ПИДМЕТ

Посев, уборка, мочка конопли; лен, рыжей

Конопляник *(пидмет)* занимает по возможности низкую черноземную полоску огорода, левады или поля у дороги, среди ржи *(в жытах)*. С осени он только удобряется, весной пашется, и конопля сеется в только что отвернутую плугом и забороненную землю.

Посев конопли сообразно положению конопляника бывает двоякий. На более высоких местах коноплю сеют одновременно с огородом: на 5-й и 7-й неделях Великого поста (минуя Вербную) и в апреле. Замечают, что такие ранние *(огородни)* конопли дают лучший урожай волокна (пряжи), а поздние — семени, но первые часто подгорают. Затем по обычаю на шестой неделе после Светлого праздника, пред Вознесением, совсем не сеют конопель. *«На вшести не можна сиять конопель — будуть жорстки»*. Поздние конопли *(гречкови)* сеются в одно время с гречкой в мае и июне до 8 июля *(Прокипья)*, но лучшим временем позднего посева признается средина июня, около *Оноприя* (св. Онуфрия — 12-го). Лучший день для посева — среда *«на молодыци»* и ненастье. *«Як посиять конопли пид дощ, то будут рясни, а як у годыну — обридни»*. Пред посевом сеятель съедает несколько яиц, а скорлупу раскидывает по ниве — *«конопли будуть мняки, жовти, як воск»*; затем, скинув шапку

и проговорив: *«Роды, Боже, щоб була плоскониша»*, засевает густо, по мерке на каждые сто сажен, проходя вдоль удобренного *(жырного)* пидмета трижды, а вдоль *тощого* — дважды. После посева заборонивает конопли и яичную скорлупу. Взошедшие конопли охраняют от голубей и воробьев, вытягивающих ростки вместе с семенами, оградой из кольев, основанных валом с привязанными к нему в нескольких местах соломенными пугалами *(дидами)*. Действительнее, однако, личная охрана юного или престарелого семьянина, и часто можно видеть настоящего, а не изображенного только из соломы, деда, кричащего и машущего палкой на голубей. Когда конопли вырастут, их полют, выбрасывая сорные травы, особенно сурепу *(свирипу)*.

Затем, так как конопля двудомное растение, то и уборка ее разновременна. Мужское неделимое — посконь *(плоскинь)* выбирают чрез двенадцать недель после посева, причем часть растений неизбежно вытаптывается и погибает. Женское неделимое *(матирку)* собирают позже, когда зерно нальется и отвердеет, к Спасу и между Пречистыми (15 августа — 8 сентября). Собранные до Спаса конопли признаются лучшими для пряжи.

Выбрав конопли, их просушивают в горстях до двух недель на месте или в усадьбе, потом матирку обмолачивают и веют. При веянии легкое плоское семя, производящее посконь *(нужына)* отлетает, а круглое, тяжелое, производящее матирку *(вороне)*, остается и дает олею. Плоскинь и часть матирки намачивают с осени для отделения древесины *(кострыци)* от волокна *(прядена)* путем растворения водою клееватого камедисто-смоляного вещества, а другую часть матирки оставляют для весенней мочки, если осень сухая и негде мочить. Запрещается обычаем мочить конопли с весны до св. Николая (9 мая), а по другим, до Вознесенья, с осени — *«проты Пречыстои* (8 сентября) *и Здвыження* (14 сентября), *«бо буде утопленык из того роду; а як хто хоче мочыть, хай упустыть зализняку пид помист»*. Начиная мочить конопли, приговаривают *«У воду, як вовк, а з воды, як шовк»*, и вбивают две небольшие сваи *(килкы)*, кладут меж ними конопли в средину верхами, а корешками *(гузырямы)* наружу. Сверху на такой *помок* накладывают земли, которая своей тяжестью не дает разойтись коноплям. Такой помок называется *довгый*, а если конопли укреплены крестообразно вокруг одного только колка, то образуется круглый помок. Мочения по росам, принятого в великорусских губерниях, в Лубенщине нет. Плоскинь оставляют в воде на 4—7 дней, редко на 10, материнку же на 12—14. Излишне мокнувшие *(перемочени)* конопли дают клок, вал,[36] дергу, из которых делают *рядна* обыкновенные и толстые *(кодри, ковдри)*, служащие одеялами, скатерти, рушники. Из перемоченных конопель тонких ниток не будет; недомоченные — и совсем жесткие. *«Найкраще прядево из дрибнои, тонкои плоскони, шоб не лыкуватои»*. После мочки конопли сушат в горстках 1—1 $^{1}/_{2}$ недели, потом мнут на мялице *(терныци)* для удаления *кострыци* и пыли, далее разминают еще ногами или особой мялкой, мычут мычки и прядут. *«Ни коло чого нема заботливише, як коло сорочок»*.

Возделывание льна человечеством древнее возделывания конопли. Он найден в свайных постройках, в которых конопли не найдено. Его возделывали египтяне, евреи, греки и римляне; от последних растение вместе с своим названием дошло, по мнению Липперта, чрез Испанию, Галлию, Нидерланды к немцам и славянам. В Малороссии различают лен *скакун*, или *скачок*, с осыпающимися семенами, и *слипець*. Землю под лен, обыкновенно твердый облог, распахивают с осени неглубоко, на три вершка, а весною разбивают *(скородять)* в шесть борон. Сеют рано с Благовещенья, полагая по 1 $^{1}/_{2}$ пуда семян на десятину, не разбрасывая его широко на всю руку, а пропуская на три пальца; при чем иногда приговаривают: *«Не роды лён, а роды выхилён»* *. Засеяв поле, его волочат опять в шесть борон. Поднявшийся лен полют, выбрасывая сурепу и лободу. Выбирают его одновременно с плосконью, иногда на условии представления хозяину семени, а рабочим стеблей. Смолотив, лен мочат, сушат, разминают, как коноплю, и прядут из него нитки, а к югу от Лубен и холст. Возделыванье льна все более и более сокращается.

Из других масляничных растений разводят только рыжей — узкими полосками на сбойной земле вдоль дорог. Землю под рыжей не удобряют, а только пашут осенью или весной; сеют разом с яринами по 2 $^{1}/_{2}$ пуда семян на лучшей спасовской *рылли* и по два пуда на худшей; косят в одно время с житом, молотят и забивают олею.

6. СЕНОКОС

Название и состав сенокосов. Начало косовицы, обычаи, с ней соединенные: покосарщина и мытье ложек; гребовица. Рабочие песни

Травосеяние в Лубенском уезде не распространено. Большинство козаков и крестьян довольствуется естественными сенокосами: *левадами* — огражденными участками в селе и близ него, степными твердыми, мягкими *облогами* и *перелогами*, луговыми *помирками, луками и пиймами*. На этих сенокосах растут важнейшие кормовые травы, принадлежащие к семействам злаков и мотыльковых: тонкониг — на твердых облогах, пырий — на мягких; мышиный, или горобьячый горошок (вика), просто горошок (люцерна) и все виды клевера: огирошнык, волошки, ивась — на левадах и лугах, с другими более крупными, жесткими и кислыми травами. Все отношения крестьян к таким естественным сенокосам ограничиваются лишь

* Более рослый

надзором до косовицы, начинающейся за неделю до Петра и Павла [37] или с десятой после Пасхи пятницы и продолжающейся до начала июля.

Уборка сена, требующая сочетания сил, происходила в старину различно, смотря по тому, где имела место. В панских хозяйствах сено скашивало и убирало все наличное крепостное население. У более мелких и средних хозяев: казаков, государственных крестьян, вольноотпущенных — уборка сена производилась также общими силами: *толокой*, сохранявшейся до 60-х годов прошлого века. Каждый такой хозяин поочередно сзывал к себе косарей: душ десять и более, смотря по размеру сенокоса, *«на покосарщину»*, а хозяйка — их жен, *«косарок, кумив ложкы мыть»* утром в хату. Здесь хозяин, предлагая косарям водку и закуску: уху, пироги со сметаной, курицу, отпивал прежде сам, приговаривая: *«Дай, Боже, нам легко, весело сю траву знять!» «Посылай, Господы!»* — отвечают косари. *«Дякую Богу и вам, шо вы мене послухалы». «Як же вас не слухать, аже як мы идемо, то вы нас рятуете».*

Позавтракав, хозяин с косарями идут или едут на сенокос. Волы или лошади выпрягаются, косари отбивают косы, становятся в ряд, занимая каждый *ручку* в ширину на сажень, в длину до предела сенокоса, с лучшим косарем *(отаманом)* с одного края ряда и несколько отстающим хозяином — с другого. Видны мерные взмахи рук и белых рукавов рубашек косарей, блеск кос; слышен легкий шелест падающей травы.

Между тем хозяйка предлагает кумам обед: борщ постный с рыбой или скоромный с курицей, кашу, поросенка, шуляки [38] с медом; пьет водку сама и *частует* подруг, приговаривая: *«Будьмо, кумо, здоровенькы, дай же, Боже, шоб Господь помиг косарям косыть, а нам ложкы помыть!»* Женщины, выпивая, отвечают: *«Дай, Боже, шоб нашим косарям и трава легко лягала, и коса брала!»* Моя ложки, пьют много, пока не уснут на ряднах, иные женщины погружаются одетые в реку. Прежде местами косарки, разодетые празднично в плахты, червоные запаски, ленты, приносили косарям обед и водку, а на обратном пути через Сулу косари, шутя, опрокидывали лодку с женщинами на мелком месте, и измокшие кумы с хохотом и визгом выбирались на берег. Чаще, однако, сам хозяин варит обед косарям в казане: кулиш, галушки с салом или таранью. После обеда косари отдыхают час и более, хозяин их не будит, зная, что, принявшись за работу, они быстро наверстают потерянное *(«як шаркнуть!»)*. На полдник косарям дается мягкий пшеничный хлеб с салом или луком, а к вечеру, на ужин косари возвращаются в село, звеня косами,—*«грають на косах»*.

Для сбора высохшего сена к хозяину опять собираются в хату женщины, девки и несколько мужчин. Хозяйка дает им водки и завтрак, выпивая и приговаривая: *«Здорови будьмо! Дай Бог у годыну, в добрим здоровьи сино упорать, гребовыцю кончыть». «Дай Бог сей год убрать и на той диждать»*,— отвечают рабочие. *«Як сонечко пиднялось, роса опала»*, все идут на сенокос, где женщины и девки гребут сено, а мужчины складывают в копны.

Теперь описанные выше обыкновения, сопровождавшие косовицу, почти уничтожились и старая форма кооперации — толока — сменилась холодным личным наймом. Только и остались от старины следующие песни, распеваемые работницами на сенокосах, жниве и панских табачных плантациях.

1

Ой, раночку, раночку!
Заховайсь у ямочку,
Сонечко в траву,
Ты, вечоре, гу!

2

Ой, ранку, ранку,
Сховайся у ямку,
А ты, вечирок,
Напны холодок.

3

Ой, ты ранку, ранку,
Ховайся у ямку,
А ты, дню, холодню,
А ты, вечоре,— гу!

4

Пошлы, Боже, погоду,
З неба холодну воду
Хоть днив на чотыри,
Щоб мы й опочылы,
Хоть днив та й на пьять,
Щоб нам погулять,
Хоть днив та й на сим,
Погулять усим.

5

Ой, дай, Боже, дощ
На панове сино,
Щоб попелом сило
На панив овес,
Щоб погныв увесь!

6

Уже сонечко кружком, кружком.
Нам додому разком, разком —
Лужком, бережком,
Жовтеньким писком.

7

Ой, паночку наш!
Нам додому час.
И час, и пора
Нам до куреня,

И час, и давно,
А мы не йдемо —
Прыказу ждемо:
Наш пан прыкаже,
Тройку коней запряже,
Хлопцив пидпряже,
Дивчат повезе.

8

Уже сонце над дубком —
Нам додому холодком,
А мы не йдемо. прыказу ждемо.
Прыказу ждемо од пана свого,
Од пана свого кучерявого;
Покы наш пан прыкаже,
Пару коней запряже,
Сидай та й бижы,
Боже, поможы!

9

Уже сонце на лану,
Я додому полину,
Полинула б я,
Недоля моя!
Покы прыйде пан
Та й скаже нам;
Покы прыйде дид
Та й скаже: йдить.

10

Наш пан копытан
Не нашои виры,
Як учора вечерялы,
То й доси не йилы.

11

Шо в нашого прыгинчого *
Рябая кобыла,
Бодай тебе прыгоныла
Лыхая годына.

12

А в нашого прыгинчого
Рябый лошачок,
Шоб нашому прыгинчому
Сорок болячок.

13

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота
З вылами, з граблямы,
С чорными бровамы!

14

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота.

* Приказчика, табачника, вообще распорядителя.

Одчыняй, не бары,
Йидять комары!
Погреблы й поклалы
Та й не спочывалы.
Одчыняй, пане, хату,
Давай гребцям плату.

15

Одчыняй, пане, ворота,
Бо йде твоя робота,
Косари, гребци —
Добри молодци,
Одчыняй комирку
Та давай горилку.

16

У нас пани, як билочка,
Йесть у неи горилочка.
И сама не пье,
И нам не дае.
Та й налыла у рыночку,
Поставыла на прыпичку.
Муха летила
Та й пролыла.
Ото тоби за те, пани,
Шо нам не дала!

17

Наша пани нагидочка,
Йесть у неи горилочка;
И сама не пье,
И нам не дае.
Ой, дай, пани, дай
Горилочкы нам,
Бо як не дасы,
Бильше не просы!

18

У нас пани невелычка,
В червоних черевычках
Вышла проты нас
Выглядаты нас.
И вывела тры музыци,
А четвертый бас,
А пьятую сопилочку —
Та все задля нас!
Ой, грайте, вы, музыченькы,
Все ризвенько,
Ой, шоб нашим тютюнныцям
Веселенько!

19

Наша пани Хывря
Заризала пивня
И рукы помыла.
Сама чорнобрыва
Выйшла проты нас

Оглядаты нас.
Та вывела тры музыкы,
А четвертый бас.
Помийнычкы скокы в бокы,
Сыриточка в плач:
Як бы мени ридна маты,
То я б краще вас.

20

Наша пани Хивря
Заризала пивня,
Сама пожыла
И нам не дала.

21

Наша пани ризва —
Тры дни на пич лизла.
И смих и бида:
Пани молода,
Дитей череда.

22

Одчыняй, пане, ворота —
Иде твоя робота.
Сино позгрибалы,
Грабли поламалы.

23

Одчыняй, пане, комирочку,
Давай жинцям горилочку.
Уже й жыта дожалы
И серпы поламалы,
Жинци молоденькы,
Серпы золотенькы.
Наша пани дома,
Й вечеря готова.

24

Ой чии ж то женци:
Дивчата та хлопци
До нового двора йдуть,
Пана звеселяють?
У нашого пана двир новенькый,
Наш пан молоденькый:
У нашого пана
Голова кудрява,
Очи, як терночок,
Бровы, як шнурочок.
Вин кудрямы затрясе,
Горилочкы унесе.

7. ПОЛЕ

Предсказания урожая по состоянию погоды и по зернам. Условия урожайности. Время, неблагоприятное посеву. Выезд из дома сеятеля, неблагоприятные предзнаменования. Приемы посева вообще, посев отдельных ярин и озимей. Период жатвы, выгоды серпа, первая горсть, первый сноп, последняя полоска, последний сноп, венок, обжинщины

Народные малорусские предсказания грядущего урожая приурочены большею частью к Новому году, кануну его (Меланкам, Щедривкам) и к 1 марта, празднику св. Евдокии. По народным наблюдениям, если в новогоднюю ночь с вечера ярко сияют звезды *(зоряно)*, а с полночи появятся тучи, то будет урожай тех хлебов, откуда тучи: тучи с севера предвещают урожай озимей, с юга — ярин. Тихая погода в дни Меланок [39] и Нового года указывает на урожай гречихи, а оседающий на деревья иней как в эти дни, так и вообще по большим зимним праздникам, свидетельствует об общем урожае хлебов. Чтобы определить точнее, на какой именно хлеб будет урожай, не довольствуются одним только наблюдением инея, но производят следующий опыт: на очищенном месте двора или тока складывают горсти или насевают полоски всех родов хлебов и замечают, что тот хлеб будет урожайнее, на котором осядет больше инея. Такие же важные приметы приносит 1 марта: *«як Явдоха красна, то й весна красна»*. Хорошая погода в этот день предвещает урожай пшеницы пасмурная — гречки *(«и на бжолу добре»)*. Затем на урожай гречки есть несколько особых указаний: *«як на масныци* (Масляной) *у понедилок або вивторок иде сниг велыкый, лапчастый, густый, то буде рясна ранння гречка, як серед тыжня — то другой сийбы, а як сниг пиде на кинци тыжня — то пизня буде рясна»; «як идуть з Страсты и держать свичку, то як витер потупыть, то й гречку обибье витер; як же тыхо — буде гречка рясна, хороша»; «а то ще примичають, що як з весны багато блих, то гречка буде рясна»*. Кроме метеорологических наблюдений, угадывают еще будущий урожай по зернам. При посыпании зернами на Новый год мальчиками-поздравителями замечают; какого зерна попало больше на стол, на тот род хлеба предвидится урожай. В первую паляницу, которую пекут под Новый год, также в пшеничный крест, скачанный на четвертой неделе Великого поста, втыкают разнородные зерна, а когда хлеб спечется, рассматривают: какое зерно вышло наверх, такой род хлеба даст урожай.

Таковы общие, не зависящие от воли людей условия урожая, но и сам хозяин должен следовать известным правилам, если хочет, чтобы надежды на урожай оправдались. Он должен избегать посева на третьей лунной четверти, а обсеваться на других, особенно на второй; должен избегать Вербной недели, а если обстоятельства принуждают, то следует высеять по крайней мере один мешок на Похвальной неделе [40] и тогда можно безопасно продолжать на Вербной. Не следует начинать посевов в дни св. мучеников, как и всякого дела вообще, ни по понедельникам * (в том числе и

* По другим, *«можно начинать у понедилок, бо у понедилок свит зачынався»*. Понедельник и пятница неблагоприятны посевам у белорусов.

в Проводной) или четвергам, кроме Чистого * — *«укынуться червы»*. В субботу также не следовало бы начинать, но если уж начато, то нужно постараться и кончить в один день. Из сказанного следует, что лучшими, легчайшими днями для весенней пахоты и посева признаются вторник, среда и пятница.

Но если далеко не все хозяева разделяют указанные предрассудки, то все одинаково спешат с посевами, потому что, по народному взгляду, самые лучшие посевы — ранние: *«на раннёму женци жнуть, на пизнёму вивци бьють»; «лучше рилля ранняя... що на ранний женци жнуть, а пизнюю скотом бьють»*. Начинают посев даже с 17 марта *(теплого Олексия)*, нормальный же — к исходу марта, с Благовещения: *«тоди Бог благословыв»*. Не всегда, однако, ранний посев служит непременным залогом успеха, иногда и поздний посев удается лучше раннего при условии дождей в мае. И вообще народное земледелие не знает никаких аксиом. *«Усёго можно вывчыться, а хлиба не вывчысся, бо не дав Бог знать. Инший год раньше, а иншый пизнише лучше сиять — як яке полиття* **. *Бо не земля родыть, а лито; не похиття, а полиття»*.

Сеятелем может быть только мужчина, и важное первоначальное участие женщины в земледелии сохранилось, как выше приведено, лишь по отношению к огороду. Народ не дает точных объяснений причин такого устранения женщин от полевых посевов, ограничиваясь такими фразами: *«Жинци сиять пашни не подоба, не резон, не полагается. Якбы жинкам показано сиять, то и в вивтарь можна ходыть»*.

Сеятель *(сияльнык)* должен выехать на поле как можно раньше: *«як сонечко схвачуется, щоб ще не ходылы бабы, щоб дорогы не переходылы»*. Пред выездом сеятель, ударив три поклона у образов и окропив смесью освященных разновременно вод — *вечиришнеи, орданьскои и стритеннои*, особенно оберегающей от сглаза при дурной встрече,— волов, запряженных в воз, бороны, мешки с зерном, обращается сначала к волам со словами: *«Будьте сыти, як земля, а швыдки, як вода»;* кропит потом усадьбу, огород, крестится на четыре стороны и приговаривая: *«Господы! Поможы у Божу путь святого хлиба починать робыть!»* или: *«Благословы и поможы нам, Господы, у добру путь»*, выезжает со двора, сам себе отворив ворота. Лучше не выезжать, а отъехав — вернуться, потому что все равно дела не будет, а будет одна лишь ломка,— в следующих случаях: 1) если встретится женщина с дурным взглядом, *«нехороша на перехид»;* 2) женщина с пустыми ведрами; 3) если курица выскочит из-под лошадей; 4) кот или собака или заяц перебежит дорогу.

* Хлеб, посеянный в Чистый четверг, будет чистым и полнозерным. На Дону же нельзя сеять в Чистый четверг — растения уничтожат насекомые.

** Полиття — совокупность метеорологических условий в период прозябания и созревания хлеба.

Приехав на поле, сеятель распрягает волов или лошадей *(худобу)*, берет мешок *(торбу)* с меркой зерна через плечо и, положив на *рыллю* хлеб с солью, посыпает его зерном или просевает трижды крестообразно по пахоти, а затем, выдвигая правую ногу вперед, набирает в правую же руку полную горсть зерна и сеет его, распуская меж пальцами по направлению ветра вдоль поля *(гон)*, а при противном ветре — поперек. Рассевая семена, хозяин приговаривает: *«Господы, поможы! Дай, Господы, час добрый. Роды, Боже, на всякого долю — и на крывого и на слипого и на бачущого и на выдющого. Щоб було людям дать и продать»*. Или: *«Господы, поможы и роды, Боже, на всякого долю: на слипого и хромого. Не оставы, Господы, и мене»*. Или: *«Дай, Боже, в добрый час! Щоб Господь уродыв хлиб святый нам. Прыспоры нам, Господы, и поситы нас. Господы, роды, дай ударыться!»* Следует еще заметить, что сеятель, посевая, сбрасывает с себя кожух, а местами и сапоги, если погода позволяет *. Количество посевных семян на десятину, рассеваемых сеятелем, зависит от качеств земли и рода хлеба. Лучшая по качеству и обработке земля требует меньше семян. Затем: овес, просо и гречка не любят густого посева. Слишком густой хлеб похож на мох, дает больше соломы, редкий — колосистее. Вообще предпочитают средний и более густой посев. *«Дай нывци, то й нывка дасть. Як насып часто, то й на кин часто. Сий мене густо, то не буде пусто»* ** .

Постепенность посева ярин изредка определяют одновременно с приведенным выше гаданием на кресте таким образом: которое из зерен вышло при печении на поверхность, то и нужно раньше сеять. Повсеместно, однако, весенний посев начинают с древнейшего хлеба, известного человечеству — ячменя, который сеют на среднего качества земле: пшеничище и ржище. Пред посевом семена смывают и оставляют мокрыми на ночь, переточив на решето. От такой перечистки и мочки овсюг отойдет, а если и останется, то очень намокший, и не взойдет по крайней мере в том же году; ячмень же не боится мокроты и не замокает, как видно из пословицы, варьируемой в Лубенщине на разные лады: *«Топчы мене в кал, то буду пан»; «Скынь мене в кал, то вздягну в жупан»; «Сий мене в кал, я тебе вдину в жупан»; «Кыдай мене у кал, зроблю тебе, як пан»; «Укынь ячминь у кал, надине на тебе жупан»; «Сий ячминь у кал, одягнешся в жупан»*. Пред посевом ячменя кладут на ниву ячную паляницу

* Приемы севбы главным образом обусловлены удобством, хотя, возможно, что описанное обыкновение снимать одежду составляет пережиток римских и греческих приемов: пахать, сеять, жать голым, что вызывалось климатом и неудобством шерстяной одежды. Поэтому римляне, позже принявшие льняную одежду, дольше удержали и этот обычай.

** Иначе: *«Посий ридко — уродыть милко, а засий густо — уродыть пусто»*.

и потом рассевают $8^1/_2$—9 пуд. лучшего, крупного *(дориднего)* и 8 пуд. худшего зерна на десятину.

Затем сеют другое раннее растение — овес, единственный туземный злак, поведенный от диких европейских видов, потому, вероятно, неприхотливый, могущий расти на худшей земле, например на ячнище: *«вин не сердыться»*. Кроме обыкновенного, местного, сеют еще изредка французский белый, безостый, лучший на набор, и арабский, черный с голубоватой соломой, похожий на овсюг. Овса сеют мало, только для лошадей, кладут $8^1/_2$—9 пуд. на десятину.

В Лубенском уезде известно несколько разновидностей ярой пшеницы: *кущовка* — крупная, белая, с продолговатым, скоро высыпающимся зерном; *белогирка* — с более круглым зерном; *красногирка* — мягкая, *арнаутка (арновка)* — твердая; *червона* — с красноватым зерном; и *остыста* — цветом беловатая, с остями, как на ячмене, нелюбимая воробьями, почему ее можно сеять на левадах вблизи деревьев. Вообще пшеницу сеют на лучшей земле: *«присци, льнище, баштанище, ржище»* и на толоке, рано, согласно с пословицей *«На раннёму пшеныця, на пизнёму — метлыця»* сейчас после Благовещения; но она требует теплой, сухой *рилли*, так чтобы пыль шла из-под бороны, меньше поражаясь тогда зоною. В предупреждение зоны советуют избирать для посева пшеницы тот день, в какой после Нового года осаждался иней на деревьях, притом солнечный, и избегать как дней, в которые чистились трубы, так часов топки печей, когда дым идет вверх. Пшеницу приготовляют к посеву 1 марта, переточив во избежание зоны и бурьяна, а незадолго до посева смывают для уничтожения овсюга и кукиля. Затем сеятель, взяв крест, спеченный на четвертой неделе Поста [41], и, надев рубашку, в которой приобщался, отправляется на поле. Здесь кладет он крест и обсевает его трижды, потом засевает поле, забирая зерно не из отверстия мешка, а прорезая шов снизу (из *гузыря*), для того, чтобы пшеница была чистая, без зоны. Рассевается 7—8 пуд. на десятину. Что касается креста, то часть его зарывается сеющим в *риллю*, остальное съедается после третьей посеянной борозды или в конце посева. Иногда он искрашивается в кашу или в разведенный мед. Когда пшеница подымается, ее очищают от разных сорных трав: пирия, кукиля, кукилицы (однолетнего растения с большими душистыми белыми цветами), затем от гвоздичных и от березки (иначе павилики, рогатки) с желтоватыми цветами. Самым главным врагом пшеницы, уничтожающим много зерен, признается зона *. Кроме указанных выше предосторожностей от нее, в народе не советуют еще подмазывать избу накануне Рождества и смазывать на

———

* Зона, или головня, производится спорами разных видов грибка ustilago, разрастающихся в самом веществе пшеничного зерна, которое от того темнеет и наполняется черной или бурой тонкопорошистой массой. Ржавчина же — порошистые кучки бурого и желтого цветов на листьях и других частях растений — производится грибком из рода uredo.

току дегтем ремень *(капицу)*, которым соединяются части цепа — *бич* и *ципильно* — между собой.

Просо также издавна известно людям. У нас оно двух родов: комовое *(червоне)* — крупное с сжатой метелкой — и метельчатое с повислой метелкой *(жовте або биле)*. Посев его двоякий: ранний на вспаханной осенью земле, ржище (на *зябли*), вслед за ярой пшеницей (такое просо называется житкове); и поздний — на облоге весенней оранки (на *новорилли*), такое зовется *гречкове, у гречках*. О посеве последнего существуют следующие правила: *«Тоди саме просо сиять, як на гречку орють, перед Мыколою. Просо як не посиеш до Мыколы, то не сий николы»*. Действительно, просо, посеянное после св. Николая, весьма плохо. По Свидницкому, на Подоле просо сеют тогда, когда хрущи летают. Проса нельзя сеять в мокрую землю. Выорав весной землю, ожидают дня три с посевом: *«шоб мыший не вкынувся»*. Пред посевом ниву скородят в 4—5 следов, а на облоге — в 10 и укатывают катком; зерна пропускают сквозь колодку в колесе: *«не буде головни»*. С тою же целью сеют просо в той рубашке, в которой причащались, а чтобы воробьи не выпили — стараются посеять пред рассветом. Прежде сеявши, брали зерно двумя пальцами, теперь горстью. *«Просо сивке»*: его кладут на десятину до 3 пудов. Народная формула посева приведена у Манжуры: *«Сий просо ридко, де дитей черидка, сий просо густо, де дитей пусто»*. Замечают, что после посева проса можна обедать, а, по Чубинскому, и вечерять на дворе, а до того нельзя. В Лубенском уезде не ломают, не перепахивают посева для уничтожения сорных трав, а полют и выбрасывают следующие: блекоту, брыцю, лободу, мыший, свирипу и щырыцю. Небольшие нивки ограждают от птиц кольями и протянутым на них *валом* (толстыми нитями) и привязанными перьями.

Позже всех ярин сеют гречку, согласно известному правилу: *«До Мыколы не сий гречкы, не стрыжы овечкы»*. Ранний посев ее производят лишь с половины мая до средины июня, поздний — всю Петровку. Так как раннюю гречку *(майковку)* часто опаляет ветер, а позднюю обрывает ветер же и губит мороз, то лучшим временем посева признаются 12 и 13 июня (на *Оноприя* и *Кулынку*). На Троицкой неделе совсем нельзя сеять гречиху, выйдет один пустоцвет. Для посева избирается день, в который в первый раз после Нового года замечен был иней на деревьях; сеют перед рассветом и ночью. *«Тоди вдается така рясна гречка, що як глянь на неи — мов у мишку»*. Гречку сеют как в толоке на ржище и пшеничище, так и в степи на худшей *(вивсюговатий)* земле, *«бо вона пидновля землю»*. В лесном участке, вдоль Лохвицкой границы, в Тишковской волости и частях Лубенской (бывшей Ольшанской) и Тарандинцовской, в области наибольшего в уезде развития культуры гречки ею заменяют другие ярины и сеют во второй смене. Сеют обыкновенно недели через 2—3 после оранки, чтобы земля подгорела, полагая

лучшего зерна *(чорну, чола)* по 6—8 пуд., а худшего *(рыжухи* или *охвостья, рудяка)* по $4^1/_2$ пуда на десятину. Сеют иногда гречку пополам с просом, а по сборе подтачивают.

Из озимей раньше сеют рожь. В с. Мгаре для определения времени посева ржи засевали прежде 8 июля (на *Прокипья)* грядочку, которую разделяли на три части, обозначив ранний, средний и поздний посевы. Если на которой-нибудь из этих частей жито всходило гуще, то такой посев и следовало производить. Ранний посев начинают с первых чисел августа. Молодые хозяева признают его лучшим. Неудобство раннего посева — поедание ростков червями. Средний посев производится с половины августа до 1 сентября (св. Симеона). Старыми крестьянами он признается самым надежным. *«Як к Семену сиется,— то то настоящий хлиб. Тепер пишло раньше, а ранийший черва зйисть».* Последний посев — 14 сентября, хотя изредка сеют и позже. Лучшими числами для посева считают 3, 5, 27 августа и 14 сентября. Рожь сеют на толоке, гречкивке, иногда в степи на худшей *(висюговатий)* земле для очистки последней. Пред посевом кладут еще кое-где за Лубнами ржаной хлеб с солью на поле *; сеют в мокрую землю после дождя, так как в сухой земле зерно преет и уничтожается птицами, полагая 7—$7^1/_2$ пуд. мелкого зерна на худшей земле и 8 пуд. крупного на хорошей петровской *рилли.* Весной, около Тройцы из ржи выбрасывают будяки. В северо-восточной части уезда изредка сеют еще на толочной земле озимую пшеницу: старую, *гладеньку, стрыжену,* вероятно, переродок сандомирки, и *колючу,* новейшую остистую, белую. Главный посев — с половины августа до 8 сентября (меж Пречистыми), но лучший — до 29 августа *(Осикновения*[42]): *«вона добре урунеться и не так ии холода возьмуть».* Предел посева озимой пшеницы — 20 сентября *(Остапья).* Ее очень портит стоколос (по Роговичу, овсянка, костирь, костюльки). При посеве рассевают 8—9 пуд. на десятину. Площадь ее посева сокращается как за неимением годных земель, так и по ненадежности самого злака. *«Вона хлиб нижный, утлый, ридко удается, в голоморозь вымерза».*

Самое раннее начало жатвы, какое только запомнят местные старожилы, было в 1897 году. В корреспонденции моей в «Полтавские губернские ведомости» жатва эта изображалась так: «Июнь выдался в этом году особенный. Обыкновенно это лучший месяц в году: время синих ночей, соловьев, троянд, петривок. Народная поэзия печалится об окончании такого чудного времени:

———

* Может быть, в таких фактах содержится остаток жертв хлебному, полевому божку или земле, как у греков Деметре — божеству земли в период посева и жатвы. О ритуальном употреблении ржи, о гаданиях по зернам упоминалось мною неоднократно. Между прочим, молодой в понедельник бросают рожь и деньги за воротник сорочки, которые она кладет в четыре угла скрыни, не считая.

Ой, Петре, Петре, и ты, Иване!
Уже твоя петривочка мынае!..
Уже петривочка мынается,
Сызая зозуленька ховается...
Уже петривочци не буваты,
Сызий зозуленци не куваты...

Но июнь 1897 года был чисто деловым месяцем. Жатва началась с 22 июня, когда косили озими, с 22 июня принялись за ячмень, вдруг «зажегся» овес, начали косить и его, а с 1 июля поспела ярая пшеница. В начале июля виднелись в Лубенщине среди синеющих лесков и темных вкрапин конопли бледножелтые карты стерни и на ней редкие копы. Мелкие хозяева успели кончить жатву до Петра и Павла, т. е. ко времени, когда она едва начинается».

В обыкновенные годы к 29 июня спешили нажать лишь немного нового хлеба для освящения в церкви, начальным же праздником жатвы признается 8 июля *(Прокопья),* а предельным —15 августа *(Пречыста),* теперь — 1 сентября *(Семена)* и даже Покрова — прежде. Причина такого сокращения периода жатвы — почти повсеместная замена серпа косою. Мужчины жнут еще изредка в лесном участке, где меньше хлеба, женщины, особенно вдовы, чаще, сжиная высокую рожь; в большей же части уезда люди разучились жать, режут себе пальцы. А между тем народная оценка орудий жатвы склоняется в пользу серпа. Происхождение его сверхъестественно. Затем сжатый сноп красивее, ровней, прочнее и выгоднее. *«Вин гарный як калына, хороше на ёго и подывыться».* Колоски сжатого снопа все вместе, его и птица не возьмет, он не так гниет, на умолот лучше, дает вдвое зерна. С него больше и лучше околот. Кроме того, при жатве меньше истощается земля, так как оставляется большая стерня (в 1/4 аршина), задерживающая дольше снег на ниве. Но все эти выгоды серпа уничтожаются одним неудобством — крайне медленной уборкой хлеба, на что указывали и прежние, и новые исследователи. Изредка еще встречается в уезде и первобытный способ жатвы: срывание редкого, низкорослого хлеба руками.

Лучшими днями для начала жатвы признаются вторник и пятница. В эти дни следует приступить к жатве и нажать снопов 10—20. Приступ к жатве не сопровождается теперь праздником. Если поле далеко в степи, то семья выезжает туда с орудиями и пищей надолго. Посторонних жнецов хозяин, угостив водкой и проговорив: *«Благословы, Боже, щоб з сёго дня так щодня! Хай вам Бог помогае!»,* также ведет на поле. Прежде женщины одевались в плахты, завертывались намитками и с песнями шли на поле, а вечером всегда было угощение *(зажинщины).* Выйдя первый раз

на ниву *, женщина становится на колени, крестится и, взяв серп, говорит: *«Господы, поможы и дай час добрый, Господы, поможы нам у рукы взять оцей хлиб святый! Поможы мени, Маты Божа, царыця небесна, шоб мени жыто выжать и легенько й веселенько. Святытелю Мыколаю! Чудотворець, святу помищ давай и сохраняй од болизни, поки обижнусь»*. Первую горсть *(жменю)* сжатой ржи жница, окрутив трижды вокруг руки, затыкает себе за пояс и жнет так целый день в предупреждение боли поясницы, затем эта горсть хранится дома на сволоке или комине, чтобы безбедно и благополучно жилось: *«шоб було в осели»*, а при боли рук варят эту горсть в воде и моют руки. Следующие три горсти кладутся крестообразно в первый сноп. Сжав и связав первый сноп, женщина ставит его, приговаривая: *«Дай, Боже, щоб як нажалы одын снип, а з сёго снопа шоб сто кип, а з снопа четверык, а з копы сто пуд»* или так: *«Стой, снип на сто кип, що хип, то й снип, що колосок, то й мишок»*, сама же ложится на лежник *(обнижок)*, потягивается, расправляет члены, говоря: *«Шоб мени не заробыться, щоб хоч копу нажать, шоб поперек не болив»*. Кой-где приплясывают вокруг первого снопа и катаются по *стерни* (пожне), приговаривая: *«Нывка, нывка! Верны мою сылку, щоб и на той год була»* или: *«Нывка, нывка! Верны мою сылку! На нывку гноёк, а на мене, молоду, лоёк»*. Зерном первого снопа закармливают курей и обсевают ток для предохранения скирд от мышей. За третьим снопом жница опять садится, отдыхает, *«шоб не заробыться»*, съедает кусочек хлеба, после чего жнет до вечера с перерывами для принятия пищи. Пред вечером сжатые снопы складывают в полукопы: один (житний переломленный, яринный нет) кладут посредине, вокруг него помещают *навхрест* три раза по восемь снопов, один ряд над другим, сверх них еще четыре и на самом верху один. Этот верхний сноп называется *шапкой*. При окончании работ благодарят Бога: *«Спасыби Богу за помогу!»* А возвращаясь с первой жатвы, приговаривают: *«Одна гора, одна й вода, одни й люды. Нехай нашим женцям урокив не буде. Поставылы копкы та вдарымо гопкы: шоб булы й на завтра здорови»*.

В Лубенском уезде и до настоящего времени, убирая хлеб, оставляют на корню горсть хлебных колосьев, как *перевесло* на сноп, с правой стороны поля, на краю. Их завивают, т. е. скручивают от себя *(навпакы)* и оставляют в поле. Назначение этой горсти

---

* Начинают жать или косить всегда озими. Если ячмень поспеет одновременно с рожью *(«аж крычыть жать»)*, то его собирают по утрам, пока роса, так как сухого ячменя убирать нельзя, перепустить также нельзя: *«уклякне аж до земли, склякне»*; притом часть ячменя скашивают надзелень — *«кращи паляныци»*. Днем же продолжают уборку жита. Овес косят, *«як зажыгается, як почнуть верхни квитки билить»*. Советуют и его косить иадзелень, тогда он тяжелее, сытнее *(тримнише)* и дороже, коп. 5—10 на пуд. Потом жнут ярую пшеницу, раннее просо, позднее просо, а с Александра Невского (30 августа) гречки.

в народных представлениях различно, смотря по ближайшему предстоящему празднику и отчасти по роду хлеба. Так, жито оставляют: *«Спасови на бороду»*, также *«Петру, Прокопу, Гаврылу, Илькови и Пантелеймону (Палию) на бороду»*; затем ячмень оставляют *«Маковиеви на бороду, пшеныцю — Пречистий на одивання, гречку — Покрови на одивання и овес — царському коневи на грыву»*. То же обыкновение записано в Харьковской губернии, Волынской и Подольской, Киевской, Херсонской, в Белоруссии и Западной Европе. Специалисты же объясняют, что оставление бороды на поле лишь приурочено к именам святых, а на самом деле составляет дохристианское обыкновение предоставления растительному или полевому духу, покровителю жатвы и подателю плодородия, вроде Фавна или Сильвана, убежища в последнем снопе *. И в Лубенщине прежде также местами оставляли на поле последний сноп, равнозначущий, вероятно, последней горсти, чаще, однако, с ним поступали так, как в Западной Европе ** и Великороссии. Его увеличивали в размере против других снопов, подвязывали красной спидницей или платком, украшали полевыми цветами: васильками, сокирками, так что оставались видны одни колосья. Местами сверх снопа надевали венок из ржаных колосьев с полевыми цветами, и три женщины несли сноп с пением в день обжинщин хозяину, ставили на покуть, а потом этот последний сноп молотили прежде других и снимали с него пробу. Чаще, однако, таким венком увенчивалась красивая девушка, женщина, мальчик, а в с. Волчке венок заменяли

---

* Полевой божок повсеместно изображается народом в виде животного: зайца в Восточной Пруссии, собаки, суки во Франции, где последнюю жатву жнут с криком: tuez le chien [43], собаки в Тироле, козла, быка, кобылы во Фраиции и у нас *(«За Семена кобыла в вивси зйила полдень»)*. В последнем образе представляются и более важные земельные божества: Деметра в образе кобылы изнасилована Посейдоном в виде жеребца, Филира — Кроносом, Сарания — Вивасватом.

** Ввиду того, что малорусские обыкновения с последним снопом не были записаны этнографами, следовательно, и не могли быть сравнены с западноевропейскими, необходимо представить здесь несколько более подробную выписку. В Германии, говорит Гомм, последний сноп делается в форме животного: петуха, поросенка, зайца, волка, козла, коровы, или в него помещается деревянное изображение этих животных. В последнюю связку льна кладут живую жабу. В других местах Германии и в Дании последний сноп ближе к нашему, изображая мужскую или женскую куклу, с грубыми намеками на члены, одетую, иногда украшенную лентами и цветами. Кукла эта носит различные названия: жнивная леда (королева), девушка, зерновая кукла (kirn-dolly, kirn-baby) мать, бабушка, овсяная (пшеничная) невеста, старая потаскуха (whore) и т. д. Такую куклу помещают за обеденным столом, также возят по селу и отвозят в ригу, где иногда погружают в воду. Н. Ф. Сумцов приводит дожинки Пензенской и Симбирской губ., в которых последний сноп называют именинником и наряжают в сарафан и кокошник.

крестом, сделанным из соломы *. Принеся венок или крест хозяину, жнецы останавливаются у ворот. Хозяин выходит и приглашает: *«Прошу до мене на обжинщины»*. Садятся за стол, девушка в венке на покути. Хозяин угощает, приговаривая: *«Спасыби вам, що хлиб зибралы и винок у дом унеслы. Шоб я диждав ще вам сиять»*. *«Спасыби и вам,*— отвечают жнецы, выпивая водку,— *шо вы нас пустылы. Благодарить Бога мылосердного, шо мы благополушно дожалы. Дай Боже, хозяин, шоб ты посияв и на той год, а Бог уродыв и позерныв, а мы диждалы у тебе заробыть»*.

После обеда, состоящего из борща, вареников, молочной каши, *запродают хозяина*. Обычай этот выполняют в Лубенщине так. *«Хто ж нас знатыме, шо се мы обжалысь?* — говорят женцы; — *ходим прославымось». «Чим?» «Ходим у трахтыр. Хай люды подывлятся, як мы гарно з хозяином обиходылысь и рощыталысь»*. Женцы увенчивают хозяина или хозяйку и со словами: *«Як откупыш, так твий буде, а як не откупыш, то возьмемо винок додому та продамо, купым соби горилочкы»* — идут толпой в корчму, где хозяин выкупает венок, т. е. покупает кварту, после чего складываются и жнецы, а на другой день угощают хозяина у себя.

ХУДОБА

Поздней осенью, зимой и ранней весной на небольшом, чисто выметенном крестьянском дворе среднего порядочного хозяина собирается обыкновенно вся живая движимость *(худоба)*, которая в другое время года в разброде. У круглых плетеных ясел лошак бодро хватает соломинки, блестя живыми глазами, и дремлет кобыла; волы, корова или телка мирно жуют неприхотливую пищу. Из овчарни или особой загородки доносится блеяние овец, и кабан сердито приподымает крышку в саже, требуя корма. По двору летают голуби, прохаживаются утки, иногда гуси и всегда куры. В стороне петух сверкает ярким гребнем и золотыми перьями хвоста на солнце. Народное отношение к каждому из этих домашних животных, лишь в малой степени и отрывочно затронутое этнографией, составит предмет настоящих очерков.

* Венок — символ Солнца, подателя урожая — и крест известной формы, изображающий движения Солнца, следовательно, имеющий тоже символическое значение, приняты: первый почти во всей Малороссии и Белоруссии, и зернами с него засевают поле; второй — в Херсонской губернии и за границей в Бельгии, где колосья ржи предлагаются на деревянном кресте хозяину, а пшеницы — хозяйке. В Лубенском уезде есть следующее обыкновение: отец и мать последней дочери, выдаваемой замуж, во время брачного пира увенчиваются ржаными венками, в каком обыкновении значение венка ясно.

I. КОНИ

Понятие крестьянина о внешних и внутренних качествах лошади, о ее статьях и характере. Лошадь купленная и доморослая. Содержание и работа лошади. Болезни и врачевание

Обыкновенная местная крестьянская лошадь происходит от первоначальной среднеазиатской породы, распространившейся в давние времена дикими табунами по Средней и Восточной Европе, в том числе и по всей Малороссии, так что Владимир Мономах ловил диких коней возле Чернигова. Позже лошади сохранились в диком состоянии только в южных степях, в которых татары и запорожцы держали многочисленные полудикие табуны.

Древнейшее, преимущественно боевое, значение лошади сохранялось за нею и в героический, козацкий период малорусской истории, но затем козацкий конь — боевой товарищ, старый друг и собеседник, провожавший тело казака и дававший близким знать о его смерти,— отходит в область преданий старой поэзии, заменяясь в действительности рабочей лошаденкой. С отменой крепостного права происходит даже замеченное местной статистикой перемещение лошади от более зажиточной группы козаков, сохранивших еще волов, к крестьянам, работающим в большинстве случаев исключительно лошадьми. Ценя в лошади рабочую силу, крестьянин заботится преимущественно о крепости сложения; красота имеет в его представлении лишь второстепенное значение, как можно, между прочим, убедиться из следующего общего очерка требований, предъявляемых крестьянином к «доброму коню».

У хорошей лошади общий вид веселый, бодрый *(шустрый)*; у нее небольшая голова с несколько опущенным, а не приподнятым храпом *(горбоноса, горбатенька, а не кирпата)*. На языке не должно быть темных полос *(сход, смугив)*, потому что такая лошадь недолговечна: *«у сим лит здохне»*. Хорошо, если между костями нижней челюсти *(вылыцямы)* * вмещаются два пальца, так как такую лошадь легче откормить. Короткая шея, выражающая крепость лошади, предпочитается длинной, но она должна быть крутою, полукруглою *(хоботом)*, а не оленьей *(выкоченою)*. Густая длинная грива предпочитается также, как свидетельство крепости. Грудь у хорошего коня бывает широкою, толстою, *«бо вин персамы везе»*, да и весь он должен быть ширококостным *(костыстым)*, длинным, ровным, *«шоб корпус и крыж прави»*, но выпуклость *(горбына)* по направлению к крестцу одобряется: *«така коняка крипша»*, а вислозадость не считается важным недостатком. Но

*Названия частей лошадиного тела в Лубенщине сходны с великорусскими, кроме следующих: *щелепы, вылыци* — верхние и нижние челюсти, *перенисья, хряпы, шия, корпус, лопаты, перси, здуховыны (вздохи), пахвы, крыж.*

лошадь с дурным образованием ребер, плоскоребрая (*худоконна*) не годится; ребра должны быть крутыми, а расстояние между последним ребром и крестцом — небольшим, так, чтобы пах выходил круглым (*с запасом*), а не впалым. Лошадь с впалыми, большими пахами неспособна откармливаться, сытость же свидетельствует о здоровье лошади и повышает цену ее. Хорош толстый, курчавый хвост. Передние и задние ноги должны широко раздвигаться, особенно у колен,— «*то дебелый кинь*». Главное достоинство лошади — крепкие ноги; не годятся поэтому лошади с выдавшимися или вогнутыми коленями (*с козинцем*), на низких бабках. Лошади с мозолистыми наростами под бабками признаются крепкими, без них — слабыми (*млявыми*). Не одобряются полнокопытые и со сторчевыми копытами лошади. Быстро потеющую в поездке лошадь признают слабой.

Оценивая лошадь со стороны ее способности к труду, крестьянин придает масти второстепенное значение, практически важное лишь потому, что известному хозяину идут в руку только определенной масти лошади, другие — не поправляются, не полнеют, заставляя напрасно издерживаться на корм. Но при равенстве всех других условий крестьянин предпочитает вороных коней, воспеваемых во многих песнях, особенно свадебных. Караковая, гнедая, рыжая и буланая масти считаются средними по красоте; ниже поставлены: чалые, мышастые лошади и так называемые отмастки. Пегая (*рябая*) масть настолько нелюбима, что хозяин, предки которого ездили на пегих лошадях, навсегда получил фамилию Рябокинь. Между прочим, рябой заболевшей лошади затруднительно шептать, так как заговаривать можно лишь известную, определенную масть, а у пегой лошади две масти. Затем пегие кони реже идут в руку. Разные оттенки серой масти: *сыви, сывозализни, яблукови* — очень нравятся, особенно молодежи; зато белые кони, священные у древних персов, римлян, славян и германцев, изображавшиеся на щитах и знаменах владетельных фамилий и подводившиеся в виде дани сюзерену, совсем не ценятся в действительности, и единственное воспоминание о древнем значении белой масти выразилось лишь в том, что клады появляются в виде белого коня, да еще разве в том, что адъютант императрицы Екатерины II на таком коне объявил монастырским крестьянам освобождение от зависимости монастырю.

Не менее, если не более внешних качеств лошади, важны и ее внутренние, зоопсихологические свойства. Главное достоинство коня заключается в том, чтобы он был доброезжим: «*добрым, щирым, везючим*». Отклонение от этого основного достоинства в обе стороны равно нежелательно; не беда несколько ленивая (*ледаченька*) лошадь, ее трудно испортить, с окончательно же ленивой (*ледачою, прыгиршлывою*) — одно мученье. Лень и упрямство некоторых лошадей делает их неспособными к выездке. «*Йе така клята, шо не*

пиде у виз, и так вона ходыть по ярмарках, покы пропаде». Нехороши также и слишком горячие лошади: их легко запалить, возвращаясь с ярмарки или со свадьбы. Есть горячие, пока не обошлись. «*Йе така кобыла, шо як запрягать, то вона уся тремтыть, як на огни. И тоди роскрывай ворота, одскакуй, и вона як шелесне! Пробижыть гоны, оббиглась, охмолосталась и пишла гарно*». И боязливые (*хагапудлыви*) лошади часто носят, испугавшись мостов, груд камней, дерева, внезапного появления людей или животных, шороха и шума. К числу относительных достоинств лошади принадлежит ее способность запоминания, «памятливость». Такая лошадь помнит дорогу, не собьется и в метель, но она же заворачивает в каждый двор, в котором бывала, подвозит хозяина к трактиру, а проданная — убегает к прежнему владельцу. Без сомнения большинство зоопсихологических качеств узнается постепенно, при случае, и не может быть обнаружено во время покупки лошади на ярмарке.

Лошадь приобретается на ярмарке с соблюдением следующих торговых обычаев, остатков седой древности. Продавец запрашивает всегда от 5—14 руб. сверх действительной цены * лошади, покупщик долго торгуется, находя недостатки; сойдясь, оба снимают шапки и крестятся. Покупщик платит деньги и получает лошадь в недоуездке из полы в полу **. Взяв лошадь, он кружит ее трижды вокруг себя, а продавец стегает сзади, «*шоб не жалила за хазяином*». Затем покупщик берет с правой стороны горсть земли и трет спину лошади, приговаривая: «*Йиж гний, а беры на себе лий*». Потом наставляет полу и просит *талану: «А ну, свате, на талан, що Бог дав»*. Продавец должен бросить в полу 1—2 коп., которые покупщик спускает с полы на землю, перекрестив их и наблюдая, которой стороной они упали. Падение монеты лицевой стороной возбуждает восторг продавца и свидетелей сделки. «*Ну, ходим, свату, могорычу*»,— приглашает покупщик; ставит 1—2 чвертки и, распивая, спра-

* Цена средней крестьянской рабочей лошади долго держалась нормы, указанной у Чубинского.— 25—40 руб. или немного больше, с начала же XX в. удвоилась.

** К объяснению приводимых торговых обычаев могут послужить следующие общечеловеческие обыкновения. У персов, кельтов, германцев договоры о купле-продаже животных скреплялись рукобитьем, без чего нарушение договора не так строго преследовалось. Передача купленного из полы развилась из торговой тайны. Персы и мидяне, взявшись за руки и накрыв их из предосторожности полой, переговариваются условными знаками: вытянутый палец обозначает цифру 10, согнутый — 5, конец пальца — 1, кисть руки — 100, согнутая кисть — 1000. Продажа лошадей и быков у римлян совершалась торжественно в присутствии свидетелей (mancipatio). Бросание металлических знаков (jacta missilia) — чеков на предъявителя составляло traditio. В немецком обычном праве могорыч (Mittrinken) сначала для всего общества, потом для одних только контрагентов свидетельствовал о заключении договора. У мазуров остаток вина выливают через голову, чтоб купленное пошло впрок.

шивает продавца: *«Будь здоров, свату, скажы: чы годытся? — буду держать, а ни — продам». «Годытся, веды прямо додому».*

От купленной таким образом кобылы хозяин может ожидать со временем приплода, но о случке заботятся мало; только достаточные хозяева водят кобыл к казенным или панским жеребцам; кобылы мелких крестьян сами случаются с лошаками где-нибудь на выгоне. И обращение с жеребой кобылой самое незатейливое: только месяца за два до родов остерегаются, чтобы не напоить ее горячей; на воз, в который она впряжена, кладут не свыше 8—10 пуд. клади, но такие предосторожности не всегда соблюдаются, и кобыла иногда скидает, *«як обийится, потрудытся, впаде, або хто ии вдарыть»*.

Своевременные роды местной матки, за самыми редкими исключениями, происходят быстро и правильно, в какие-нибудь четверть часа. Плод выходит клинообразно; морда лошонка прижата к передним коленям, и весь перед покрыт пузырем, полным воды. Затрудненные, медленные роды бывают только при слабых потугах истощенных кобыл. Неправильные роды, когда лошонок выходит хвостом вместо головы, также не слишком опасны, только поперечное положение смертельно, но его почти никогда не бывает. Послед отходит также сам собой. Таким образом, в деле родов все решается благодетельной природой, не требуя никаких акушерских приемов со стороны крестьянина. Изредка только при трудных родах хозяин потягивает слегка лошонка за ноги или за хвост, остерегаясь тянуть за шею из боязни, чтобы впоследствии лошонок не мытился трудной формой под шеей, хотя коннозаводческая практика разрешает тянуть и за шею. Хозяину следует дернуть *(смыкнуть)* новорожденного за хвост, *«тоди воно вычыстыться (будет мытыться) задом»*. Затем хозяин, одинаково довольный, родился ли более выносливый конь или более пригодная в хозяйстве прибыльная кобылка, не обращает уже никакого внимания на лошонка; только редкие зажиточные хозяева наблюдают, чтобы лошонок кормился сеном с земли, а не с ясел, и таким образом лучше расправлялся *, а также дают ему немного овса для увеличения роста. По истечении года лошонка стригут, для того чтобы грива не была слишком мягкой и не сбивалась бы в *колтуны* под хомутом **. По второму году лошонок *(лоша)* получает название: *стрыжак, стрыгун, стрыга, стрыжчя*, а по третьему — *лошак* и *лошыця*. Впоследствии у мелких хозяев, обладающих одной лошадью, последняя носит общую видовую кличку: *кинь, коняка, кобыла, шкапа;* обладатели же нескольких лошадей для удобства дают им еще особые названия, заимствованные или от наружного вида, особых примет и масти лошади, напр.— *лысый, билоногый, кучерява, чубара, галка,* или от ее внутренних качеств: *горда, орлыця,* или от лица продавца и места продажи: *попок, цыган, вовчанка, самарка,* или наконец — от имен людей и человеческих отношений: *Васька, Машка, Параска, кума, баба.* С третьего года лошака холостят, для чего приглашается особый castratorius, коновал, получающий 50 коп. за операцию, производимую общеизвестным способом *. Образовавшуюся рану прижигают медным купоросом *(сыним каминцем)*.

С распространением лошади среди крестьян и более мелких козаков соединяется ухудшение ее содержания — как летнего, с 23 апреля до первого снега, так и зимнего, в остальное время года. Прежде весеннее и летнее содержание лошади в Лубенском уезде не представляло никаких затруднений. По окраинам уезда расстилались девственные степи, по рекам луга, в центре лес, одинаково открытые табунам, которые сгонялись сюда жителями по снятии сена и оставлялись до зимы под охраной жеребцов. Здесь сами лошади становились в круг с лошонками посредине для защиты от зверей. Отдельных запольных владений тогда не было; все земли были в сменах и подлежали общему севообороту, поэтому как толока, так и стерни предоставлялись также общему пользованию. По панской земле бродили козачьи лошади и наоборот. Только межевание, упорядочив земледелие, отозвалось невыгодно на скотоводстве. После размежевания многие земли отошли из общих смен в отрубные куски и толоки уменьшились, последствием чего было постепенное уничтожение общественных табунов, оставшихся в виде пережитка лишь в некоторых селах Засульской волости, в которых принимают на пастьбу лошадей с платежом 50—60 коп. и гарнца муки от головы. И землевладельцы, прежде охотно принимавшие лошадей по 3 руб. каждую, с развитием земледелия отказались от приема, предоставляя лишь в наем часть сенокосов по 5—12 руб. десятину, а затем не нашли выгодным и эти наймы, так что в настоящее время крестьянин должен выпасывать лошадь, как сам знает: на голой толоке и таком же выгоне, по рвам, межникам, вдоль проселочных и почтовых дорог, а на стернях и отавах — по особому договору. В зависимости от распашки степей изменился и зимний лошадиный корм. Место сена (кроме крупного, кислого лучного) занято ячной, овсяной соломой, остатками соломы из-под вымолоченного хлеба *(сбоинами)* и разными отбросами ячменя *(дертью)* и при веянии зерна *(половой)*. Полова, обваренная кипятком и обмешанная ячной мукой, представляется лучшим кормом для

* Для жеребят вредны высокие ясли, потому что от постоянного подымания головы вверх шея делается оленьей и получается выгиб спины.

** Восточное обыкновение: арабы стригут жеребят на восемнадцатом месяце. Под колтуном разумеется не болезнь, а просто грязные, спутанные волосы, которые трудно разобрать.

* Судя по обозначению у малороссов кастрации немецким термином *валашить* (walachen, Walach — мерин), можно допустить, что и самое обыкновение заимствовано от немцев. Оно не было известно ни древним грекам, ни арабам.

старых лошадей, которых особенно трудно укармливать со второй половины зимы. Овес дается лошадям редко, больше в дороге.

Работы лошадью можно разделить на общие и особенные. Первые, общие всему уезду, заключаются в обработке земли лошадьми, для чего два и больше хозяев соединяются вместе, спрягают своих коней и успевают вспахать десятину на пар и полдесятины на зябь. Боронят легкой бороной в одну лошадь. Из особых работ лошадью *грабарство* распространено в Засульской волости у Лубен, где грабарь доставкой песка, земли, льда вырабатывает 50—60 коп. в день, а разные формы извоза известны издавна в северо-восточном углу уезда — так, ломка диабаза, а прежде и алебастра в Исачках содействовала развитию извоза в окрестностях этого села. Доставкой камня и всякой клади местный извозчик *(фурщик)* вырабатывает 20—50 руб. в год (по расчету $1^1/_2$ коп. за 10 верст с пуда). Затем: крестьяне Волчковской волости перевозят 5—8 богомольцев на повозке с восточной границы уезда до парома у Писок возле Мгарского монастыря, зарабатывая таким образом 50 коп. на лошадь. К особым формам извоза принадлежат подряды извозчичьих артелей жителей с. Бересточи на доставки зерна, муки, каменного угля и товаров с залогом в 500 руб., остающимся в случае порчи товара и других неисправностей отправителям. Жители соседнего Волчка отправляются на все лето в южные губернии и доставками пшеницы на пристани зарабатывают 30—50 руб. на лошади. Рассчитано, что при трех лошадях две приносят по рублю в день дохода, а третья идет в «раскат», т. е. окупает содержание всех трех: издержки на сено, овес, деготь и т. п. Прежде же, когда выходило до 500 лошадей из уезда, хозяин вырабатывал 60—100 руб. на лошади. Прежде, бывало, фурман дает свои деньги купцу на покупку товара, а по доставке последнего получает и свои деньги, и плату за извоз. Железные дороги уничтожили извоз. *«Теперь тих фур нема, тепер мала фура»*,— говорят крестьяне.

Итак, беспорядочная случка, недостаток питания, ранняя работа служат причинами ослабления крестьянской лошади. К этим причинам следует еще присоединить и неумелое лечение. Одно уже частое бросание крови, по отзыву специалиста, «больше умерщвляет лошадей, чем все болезни, вместе взятые». Обыкновенные хозяева-крестьяне различают следующие болезни лошади, расположенные по органам, подверженным заболеванию. Бельмо на глазу, а также и воспаленный глаз лечат задуванием соли и сахара. *Насос* — опухоль неба — скалывают и натирают солью или кормят лошадь сухим ячменем (сбивают). *Волчьи зубы* выбивают. *Мыт* — катарральное состояние, развивающееся чаще весной, одновременно с линянием и ослаблением лошади и соединенное с истечением из ноздрей и опухолью желез *(залоз)*,— признается народом неизбежной болезнью: *«Кажный кинь залозуе або ноздрямы, або провалытся пид горлом»*. Мыт не лечат. *Сап*, повальная болезнь, обнаруживающаяся

язвами в ноздрях с истечением бледной, клейкой жидкости, справедливо признается народом неизлечимым. *«Дрянь иде носом, и кинь не прысне. Потим здохне»*. Обыкновенные опухоли, происходящие от разных причин, лечат квасцами, селитрой, роговою мазью, глиной и камфорой с буряковым квасом. И сибирская язва *(телий)* часто соединена с местными страданиями. *«Зробытся опух, гуля, як пиде усередыну до грудей — то коняка здохне. Черкають, обсикають ножем, покы пухле. Мажуть кислым молоком и глыною з уксусом»*. Затем лишаи и другие кожные поражения обмывают раствором соли, натирают солью с куриным пометом, а чесотку (коросту) — смесью дегтя, серки и гречаной золы. Что касается до страданий растительных органов, то поражение кашлем дыхательных путей приписывается крестьянами червям, гнездящимся в горле лошади, а лечится конопляным семенем, примешиваемым к корму; кашель же при удушьи, соединенный с затрудненным дыханием и прерывистым движением ребер *(запал)*, признается неизлечимым. Опаснейшим, иногда смертельным страданием пищеварительных органов признается *чемер* *, по народным наблюдениям, соответствующий *сояшницам* и *завинам* у людей, бывающий *витряным, водяным, найиздным*. Лошадь в чемере катается по земле, садится, хватается зубами за живот и очень потеет. Лошадь проводят, снаружи мажут живот дегтем, а внутрь дают пить рассол или яичный белок с водкой, водку с золой, также олею. Рвоту у лошади лечат буряковым квасом со спиртом внутрь или рассолом с олеей, также куриным яйцом, живот мажут дегтем. Окормленную лошадь проводят и также мажут дегтем. От запора дают внутрь олею с рассолом, от поноса — гарнец проса, от глистов — антимоний в корме. Запор мочи у лошади лечат смазыванием ей губ и рта овечьим калом. Затем в различных болезнях ног употребительны следующие приемы врачевания. Свихнутую в плече ногу потягивают, растирают потом водкой с олеей и кладут припарку из льняного семени. Растирают скипидаром и при губчатой опухоли колена, коленном грибе *(«як росте хрящ у колини»)*, и при ревматизме колена, «луковке» *(«як воно хрустыть»)*. И *опой* есть также ревматическое воспаление копыт и отек ног, поражающее разгоряченную, напоенную холодной водой лошадь. По народным понятиям: *«Опой йе такый, шо опух буде, нарве и провалытся, а йе и такый, шо напада кров»*. В предупреждение опоя приговаривают, напоовая коня: *«Пый, коню, воду, не бийся опою. Иван Хрестытель перехрестыв своею правою рукою, шоб не було опою»*. Есть еще и такое шептание против опоя: *«Господы, благословы нарожденый, благословеный скотыни воды дать. Од усти и до вершины ричок симдесят чотыри. Ой, пый, коню, пый сю воду, не орданьска вода, не бийсь опою»*. Опоенной лошади

* Колики от скопления газов в кишках. Нельзя давать кататься лошади, иначе может быть заворот кишки.

бросают кровь и ставят *заволоку*: *«поза шкурою протягають глычкою шворку»* *. Кроме того, павшую на ноги лошадь, как и в других случаях хромоты, ставят в холодную воду. Наконец, *мокрец* — воспаление путового состава преимущественно задних ног лошади, с отделением едкой жидкости *(«як пид бабкою слезыть»)* — лечат прикладыванием куриного помета *(курякив)* к больному месту.

2. ВОЛЫ

Признаки хорошего вола; сложение, масть, название волов. Покупка, содержание, работа волов. Лечение рогатого скота, заговоры

Вол, давний сотрудник человека, должен, по народным понятиям, отличаться следующими признаками силы и красоты. Он должен быть рослым, длинным, ровным *(«щоб маслак правый»)*, с полной шеей *(волыстый)*, с крепкой, выдавшейся холкой *(препором)*. Вол со слабой холкой *(без препору)* мало годен в работе: ярмо жмет шею, вол дерет голову вверх и хрипит; лишь до некоторой степени помогает в этом случае привеска тяжести мешка *(торбы)* с землей к ярму. Вол должен иметь хорошо развитой костный скелет: *«щоб був вязыстый, костыстый, круторебрый, густоребрый, щоб крыж був пьядь с корхом»* **, и длинный толстый хвост. Безхвостый *(куцый)* вол не только сам по себе ценится ниже, но и понижает еще цену своего парного товарища. Главным украшением волу служат крутые рога: лирой или полумесяцем: *«таки, як лушни»*. Козлиные *(козловати)* и горизонтальные *(мелати)* рога одинаково нелюбимы. Самыми красивыми мастями рогатого скота признаются различные оттенки серой: *сира, сыва, прыкросыва* (светлосерая) и *голуба* (стальная, железистая). Затем различают еще следующие одноцветные и разноцветные масти: *гниду, красну, рыжу, чорну, полову* (сливочного цвета), *лысу* (с белой полосой на морде), *пидласу* (с белыми пахами и брюхом), *перисту* (с белой спиной и черными боками), *муругу, муру, красномуру* и *чорномуру* (с пестросерым, переливчатым цветом шерсти), *зозулясту*, напоминающую кукушку, и *рябу*. Хотя красивейшими мастями и признаются серая, голубая, как выше сказано, отчасти рыжая, тем не менее хозяин при выборе скотины, руководится не одной красотой, как не одной крепостью, здоровьем животного; ему необходимо также знать, какая масть идет в руку, так как счастливцы, которым каждая масть *«у двир иде»*, редки. Хозяин узнает, какая именно масть ему ко двору не только из опыта, хозяйничая и перебирая животных разной шерсти, а также

---

* Заволокой называется искусственная язвина, сделанная для того, чтобы ввести тясму между кожей и мускулом. Она производит приток соков и нагноение. Применение ее почти уничтожилось.

** Т. е. 7 вершков в обе стороны, лучший кряж — в аршин ширины.

из наблюдений над своим домовым, как видно из следующих народных поверий.

1. *«Щоб побачыть домовыка, треба прынесты з Страсти додому свитло и в хату не иты, а на оселю злизты. Як покажеться у шерсты, то по тий шерсты купувать скот, а як покажеться, як дытына, голе або таке, як кит,— то нищо не йтыме в руку».*

2. *«Домовык йе в кожний осели. У нас що ни куплять: чы товаряку, чы коняку, то вона й погыбне. Чоловик навчыв батька: «Як пидете на Страсть, то лизте с страстною свичкою на горыще». Батько злизлы на хату, колы лежыть пид верхом. Батько думають: чы здоровкаться, чы мовчать? Не здоровкались, мовчкы подывылысь; половына чоловика, половына в шерсты. Шерсть рыжа, а ногы били и дух хороший. С того часу сталы батько купувать рыжу скотыну и мов полову, стала вона хороше держаться».*

Кроме наблюдений над домовыми, следует еще рассматривать пасху, освященную на первый день Светлого праздника и принесенную в дом. Какого цвета ворсинка или волоконце *(ость, роса)* окажется на ней, такой же масти должен хозяин покупать скотину.

Мастью же часто определяется и название вола: мурого вола называют *мурашкой*. Другие названия даются по форме рог: *рогай, рожко, козел, мелатый, турко* (у которого рога похожи на рога жука тура); по сходству с животными: *галка, горобец, заец* («сторожкий», пугливый), *индык, карась, кит, комар, курипей, курочка, огар, орел, пивень, сокил, соловей, цап, шпак* и *шулика*. Волов называют также по сходству с неодушевленными предметами: *качан, каюк* (лодка), *квитка, шпилька* (узкозадый); по внешним и внутренним качествам: *довгый, малюк, юрко, чемтук* (сытый), *красюк, ласько, мазур, орюня, спивак, страшко* и, наконец, по национальности, фамилии и ремеслу хозяев, от которых приобретены, напр.: *бандай, бондарь, бундыло, гончар* и *жидок*.

Как бы ни предпочитался хозяином доморослый скот, все же без покупки и промена волов обойтись никто не может. Обыкновенно хозяин держит хороших волов 5—10 лет, затем откармливает и продает, себе же покупает меньших, по пословице: *«сытого продам, ласого куплю»*. Цена волов растет постепенно, быстро возвышаясь лишь по временам. Пример внезапного удвоения цен представляется в самом начале XVIII в. До 1700 г. цена пары волов в Малороссии была 2 р. 50 к., с этого же года она возвысилась до 4—5 р.

В половине прошлого столетия пара волов в Лубенском уезде стоила 50—70 руб., а в семидесятых годах во всей Малороссии — 75—115 руб. С этого времени до самого конца прошедшего века цена слабо возвышалась и вдруг опять почти удвоилась в первые годы настоящего столетия, дойдя до 120—250 руб. за пару и до

500 руб. за лучших. Обыкновения при купле-продаже волов почти те же, что и при покупке лошадей. Сторговав волов, покупщик и продавец бьют друг друга по руке, крестятся, приговаривая: *«Господы, поможы! Дай, Боже, щоб я поблагодарыв тебе за волы, а ты мене за грошы»*. Продавец передает скотину с полы, а покупщик деньги и, проговорив: *Йиж гний, та беры на себе лий»*, посыпает вола навозом. *«Ну, выкынь мени талану»* (или *«на талан»* — на счастье),— просит покупщик. Продавец выбрасывает 2—3 коп. в запол покупщика, который машет полой и, выбросив деньги, трижды крестит их и рассматривает: если деньги упали орлом, то говорит: *«Ну, орлы будуть!»* По народной примете: *«Як грошы упадуть коронoю наверх, то волы будуть у пользи; та ще як волы накаляють — то то на талан»*. Необходимо также признание на торге продавцом «норовов» уступаемых волов, так как в случае признания последние могут оставить дурные норовы. Затем продавец, ударив волов, говорит: *«Прощайте! Идить до другого хазяина, а за мною не скучайте!»* Торг заканчивается могорычом: по чвертке с каждой стороны.

Хозяин должен отвесть для купленных таким образом волов лучшее пастбище: толоку или сенокос по расчету $1^1/_2$ десятины на двухпарный плуг, а не имея своей земли, помещает волов по необходимости в общественную череду, где последняя сохранилась, хотя пасть рабочий скот вместе с гулевым и коровами неудобно. Там же, где нет и общественной череды, хозяину предстоит нанять сенокос за деньги (15 руб. за десятину) или за отработок (убрать за десятину двойное количество посева). Зимой вол кормится соломой, преимущественно просяной, а к весне и в рабочую пору — сеном.

Быки приучаются к работе с трех лет, сначала в пустом возе, потом в *колишне* плуга при двух парах старых волов, *«абы носылы яремце, абы наламувалысь»*. Иногда сразу обнаруживается негодность быка к работе — лежащего в ярме, но одна только лень не признается особым недостатком. Лучший вол ставится в плуг справа и называется *борозенним*, левый — *пидручний* — может быть слабейшим. Вперед посылаются опытные волы, понимающие *«соб и цабе»* *.

Прежде, при старом неуклюжем римского образца плуге успевали напахать в день лишь 3/4 десятины на пар и 1/2 дес. на зябь, теперь, когда деревянный плуг почти повсеместно заменен новым, железным, пашут уже около десятины в день. Теперь чаще встречается смешанная упряжка из пары волов и пары лошадей.

---

* Из программы американского профессора H. Carrington Bolton «Terms used in talking to domestic animals» [11] видно, что наше малорусское восклицание *гей* и тождественное немецкое hei похоже на восклицания при управлении движениями животных и у других народов: get, dee, haw; у англичан: juh, gio, у американцев: gee, у французов: hue.

Народные представления о болезнях рогатого скота, их определение и лечение удобнее всего складываются в три отдела: 1) страдания органов чувств; 2) болезни внутренних растительных органов и 3) поранения и кожные страдания.

Обыкновенное воспаление глаз, случающееся большею частью от механических причин — толчков, ударов, пыли, излечивают, промывая глаза холодной водой. Известно, что запущенное воспаление глазного яблока, соединенное с язвинками, оставляет постоянное помутнение и даже бельмо. По народным же повериям, бельмо у скотины образуется в том случае, если хозяева ее вытирают вспотевшие окна по праздникам и воскресеньям. Бельмо лечат следующими средствами: задымают их чрез камыш, очищенный от пленок: солью обыкновенной и освященной, сахаром, *кришталем* (толченым стеклом); также прикладывают к больному глазу яичный желток и сок дождевых червей.

От бельм шепчут:

1. *«Господы, поможы мени, свята царыця небесна, стань мени на помочи первым разом и Божим часом сей день святый Господень вивторок; и вси святии, преподобни, богоносни, станьте мени на помочи рождений, благословений сирий коровоци, нашій Мотроноци од сёго горенька, од оции болизни, од бильма. Буде се бильмо наспане, буде воно й наслане; буде воно й з трудив, испытене, изийдене и водяне и витряне и прозирне и навияне и нанесене и подумане и погадане и помыслене и вранишне и вденишне и вечирне. Буде се бильмо и чоловиче и жиноче и парубоче и дивоче, и стритене и супротывне и задавнене, занехаяне, и будеш ты, бильмо, неотчаяне; а я се бильмо шепчу и вышиптую и выклыкаю и вызываю Божымы словамы, Божымы молытвамы и своимы сахарными устами од рожденои, благословенои сирои коровочкы, своеи Мотроночкы я се бильмо на дыкы степа, на дыкы болота высылаю, де люды не ходять, людьский глас не заходыть и сонце праведне не сходыть. Тоби, бильмо, в неи не стояты и ока не заступаты, сирои масты не сушыть, в голову ии не быть, чыстого серця не тошныть, жовтои косты не ломыть и по еи суставах не ходыть и червонои крови не нудыть. И ты, бильмо, соби изступы, изийды, як туман по долыни, мороз на калыни, силь на води, щука-рыба у води. И як воно все розийдется, так и ты, бильмо, изступы, изийды и посчезны, пропады!»*

2. *«Ишла Божая Маты через золотый мист, золотим ципочком пидпиралась. Оглянулась назад, бижыть тры собаки: одна сира, друга била, а третяя руда. Сира лызнула слёзы, руда крови, а била бильма»*.

3. *«Господы, поможы, и пресвятая Богородица, станьте в помочи! Ишов сам Исус Хрыстос срибным мостом, срибным и золотым ципком подпирався. За ным ишло тры хорты: одын билый, другый сирый, третий чорный. Билый бильмо изгоня, сирый слёзу утыра,*

чорный чоловичкы дае. Я шепчу, одшиптую од сирои шерсты, од жовтои косты. Бильмо, бильмыще, полуда, полудыще!»

4. *«Йихав Юрий, Мыколаив брат, на билому кони, держав сокола в руци, а за ным бигло тры хорты: одын чорный, другый рудый, третий билый. Сокил зорнув, чорный хорт сокола нагнав, рудый розирвав, а третий сирому волу бильмо злызав» *.*

5. *«Йихав святый Гурий на билому кони, и кинь спиткнувся. Стий, мий кинь добрый! Чого ты спотыкаесся, чого требуеш? Я требую, щоб се бильмо тут не було».*

6. *«Йихав билий цар на билим кони, на билим сидли в билий сорочци, в билий жилетци, в билих штанях, в билих и сапьянах. Я буду от бильма шептаты, Господа Бога прохаты. Мои слова, а Божа помоч».*

7. *«Йихав Воймен сывым конем, пид правым плечем сокола держав. Сокола впустыв и кров спустыв. За ным тры ведмеди йшло. Одын чорный, другый сывый, а третий билый. Чорный кров спустыв, а сывый полызав, а билый свит показав» **.*

Орган вкуса, язык, поражается иногда так называемым *курдюком*, под которым понимается трещина, ранка, произведенная остюком соломы. Курдюк сдирают ногтем до крови и натирают солью, потом смазывают синим купоросом, одним или пережженным с дегтем, табаком, чесноком, куриным или гусиным пометом. Эти же средства употребляются и при заболеваниях совершенно другого характера, заразном ящуре, называемом также иногда в Лубенском уезде *обрывом*, поражающем язык и губы животного особыми пузырьками, полными беловатой жидкости, и производящем иногда хромоту. Пузырьки *сколюють* шилом или большой иглой и смазывают синим камнем с указанными средствами и еще сельдями и серкой.

Опаснейшим страданием внутренних растительных органов, по народному мнению, признаются приливы крови *(«як кров напада, наляга»)*. Болезнь эта, бывающая от опоя скотины горячею, от ветра, сглаза *(урокив)*, также от того, что хозяева, не соблюдая праздников, стирают в праздничные дни лавы, выражается тем, что скотина невесела, ложится, уши ее отвисают и делаются холодными, она тяжело дышит, поводя боками и не отрыгает жвачки *(не ремыга)*. От крови лечат разными способами. Заливают больную скотину «четверговой» солью, положенной в Чистый четверг на окно и собранной на восходе, рассолом из-под сала или огуречным с олеей и яйцом. В глотку бросают десяток яиц в скорлупе и освященное сало, а рот смазывают дегтем; ноздри и уши задувают солью. Если эти средства не помогают, то прибегают к кровопусканию из шейной вены или отрезая кончик уха, *«як напада верхова кров»*. Некоторые хозяева, не разрешая этой опасной операции, могущей вызвать анемию мозга, советуют бросать кровь с хвоста. Если наляжет внутренняя *(степна)* кровь, то кровопускание производят из шейной вены, а если скотина захромала, то с ноги.

* Слизывают и трижды плюют в глаз.

** Пред произнесением этого заговора нужно перекреститься и раззевнуть.

Для отклонения одной из причин описываемой болезни — опоя — приговаривают пьющей воду скотине: *«Пыйте, волыкы, иорданську воду, не бийтесь опою. Сей день Божый — свята середа, будьте сыльни, здорови, як иорданська вода. Водыци напьеться, воно все й мынеться»*. В самой болезни шепчут и от *урокив*, главной ее причины, и от крови:

1. *«Уси святи, станьте мени в помочи од великои немочи, од урокив шептать, Господь буде, маты Божа, маты Хрыстова помагать. Мои слова, Божа помич. И вы, врокы, врочыща! Вы стритени, вы зйидени, вы й подумани, вы й погадани, вы й невымовчени, вы и сказани, вы й задавнени, вы й спротывнени, вы й спрозорени, вы й витряни, вы й водяни, вы й хлопьячи, вы й дивчачи, и оступиться од коровы нарожденои, од ии риг, од ии ниг, од ии очей, од ии коровьячих плечей, од ии хвоста, од коровьячого стану. И тут нам не стоять и не гулять и парусив не пускать, веселого серця не нудыть, чорнои крови не пыть, жовтои косты не ломыть. Идить соби на далеки миста, на глыбоки ямы, куды витер не завие и сонечко не загрие, де гора з горою не сходытся».*

2. *«Ишла Божая Маты, изостривсь Исус Хрыстос. «Куды ты йдеш, Божая Маты?» «Пиду до скотыны шептаты. Я буду шептаты, а Господь буде помагаты: од ёго очей, од ёго плечей, од ёго печинок, од щырого серця, од голосу и од волосу, од товарячого стану. Ссылаю вас на болота, на черета, де люде не ходять, де дзвоны не дзвонять, де пивнячый глас не заходыть. Щоб вы там гулялы, буялы, жовтои косты не ломалы, червонои кровы не пылы и в голову не былы и веселого серця не нудылы».*

3. *«Ишла Божа Маты, зострив Сус Хрыстос, став пытаты: «Куды ты йдеш, Божая Маты?» «Иду до скота шептаты. Од ёго косты, од рыжои масты и од ёго очей и од ёго плечей. Изсылаю вас на черета, на болота, де люды не ходять, де й дзвоны не дзвонять, де пивнячий глас не заходыть».*

4. *«У мори стоялы тры столы заслани, за нымы сыдило тры паны. Та не вмилы воны ни шыты, ни прясты, ни жовтей жовтыть, ни билей билыть, та вмилы воны урокы-урочыща одшиптувать и одмовлять и одганять од сирои шерсты: мужыцьки, жоноцьки, парубоцьки, дивоцьки, хлопячи, дивчачи, подумани, погадани, промовляни, прыговоряни, соньцови и витряни, наглядени и витром навивани,— то я вас одшиптую и одмовляю: идить соби на мхи и на очерета».*

5. *«Йихав Юрий, Мыколаив брат, на дванадцяты быках, дванадцяты жребьях и дванадцяты баранах до царыци Зосымовий на*

собрание. Як началы воны пыть та гулять, начала я од крови шептать, став Господь мылосердый помич давать. Туды я кров зсылаю, де скот не ремыгае и земли на роси не пахае; де дивка з парубком не стояла, косы не чесала. Куды християнський глас не заходыть, туды ся кров заходыть».

6. *«Бигло два браты рятуваты, крови замовляты нерождений корови од ии косты и од ии масты и од ии риг и од ии ниг, од коровьячого стану и од ии головы и довгого хвоста. И тут тоби не стояты и косты не ломыты, и коровы не нудыты, покорму не дбираты».*

7. *«Ишла дивка на камьяну гору; зустрила тры ричкы: одна камяная, одна писковая, а друга водяная, а третя кривавая. Пискова розсунулась, а водяна розлылась, а кривава по костях розийшлась. Од чернои масты, червонои крови».*

8. *«Я тебе одмовляю и я тебе одвертаю и я тебе замовляю: щоб ты тут не стояла и стачыны не забавляла».*

Среди страданий пищеварительных органов часто встречается у скота раздутость брюха *(«як скотына обидмется»)*, т. е. увеличение желудка, преимущественно рукава (rumen) от развивающихся во время пищеварения газов, случающееся от зеленого корма, смоченного дождем или обильной росой, особенно от клевера. Раздутие брюха, по народным наблюдениям, бывает и тогда еще, когда скотина наестся мокрых трав из семейств лютиковых и маревых, также *веха* * или росистой травы, по которой лазил тарантул. Лечат больной скот приемами внутрь рассола из-под огурцов, мятого конопляного семени, освященного сала, горсти смолы; горло и рот мажут дегтем. Скотину гоняют сколько возможно долее, а если она, ложась, вздохнет или, облизываясь, достает ноздрей, то надеются на выздоровление. Убивают также оборотом руки *(навыдли)* паука и оборотом же руки бьют больную скотину, приговаривая: *«Помылуй нас, Господы, и увесь твий мыр сохраны од усякои погыбели».* Наконец прокалывают вздох швайкой, взамен троакара.

Заболевшую обыкновенным поносом заливают спиртом с солью, мятым пшеном, растертой свадебной шишкой, скотским пометом, квасцами, кирпичом, распущенными в воде, осьминой или двумя дегтя, а хвост перевязывают весильным гарусом *(жычками)*.

От запора лечат рассолом, рассолом с олеей, олеей с мыльной водой, водкой с мылом, сыровцом с яйцом и дегтем и отваром *сокирок*.

Гораздо опаснее этих обыкновенных заболеваний желудочные колики, или резь *(перелогы)*, соответствующие конскому чемеру и сояшницам у людей. *«Як нападуть перелогы скотыну, то вона бьется, пада, качается, дрыга ногами. Воны бувають од крови, воды,*

---

* Иначе: бех, виха, вомига. Одно из ядовитейших растений, встречающееся у тихих вод.

з витру, з людей». Перелоги нападают и по особой причине: если скотина перейдет первая раньше даже, чем птица перелетит, то место, на котором каталось какое-либо животное, рождающееся слепым: собака, кот, заяц или волк. От перелогов дают внутрь льняное масло, вздохи мажут дегтем и больную скотину обвязывают штанами, также обводят ими трижды поперек животного от спины под животом; обводят и шапкой, а в селе Губском еще и котом таким образом. *«Сирого кота, абы б не билого, треба укынуть у мишок и перевернуть скотыни тричи кругом через спыну. Скотыни мынется, а кит не вдержыться. Той найдется, що ёго задушыть».*

От перелогов шепчут так:

1. *«Перелогы витряни и водяни, подумани, погадани, наслани! Я вас и вызываю, я вас и высылаю из ёго ниг, из ёго жовтои кости, из ёго червонои крови. Тоби тут не ходыты, косты не сушыты, червонои крови не ялыты. Пиды ты туды, де люде не ходять, де людський глас не заходе!»*

2. *«Перелогы, переложыщи! Витряни и огняни и прозирни. Вы испытени, вы изйиздени, вы истритени, вы й оступиться, вы й одкотиться од ёго костей, од ёго мастей, од ёго жыл, од ёго пажыл, од ёго восьмыдесяты* сустав *и од волового стану, од сирои мастыны, од нарожденои скотыны».*

3. *«Господы, поможы! Мыколаю, угодныче Божый, рыжий скотыни! Йихав Кузьма и Демьян на гнидому кони и одлычив трыдевять колив, и трыдевять колив положыв, и скоро ти перелогы перебыв. Розийдитеся вы, перелогы, як витер в степу, а туман на води».*

4. *«Перелогы, переложыщи! Я вас вызываю и выклыкаю од гнидои скотыны, я вас высылаю Иродови в ногы. Изойдить соби, изступить соби и посчезнить, пропадить у Ирода».*

5. *«Перелогы ходылы коло дорогы, а я ти перелогы на очерета, на болота, на попови ворота, а з поповых ворит — сатани в жывит».*

6. *«Сыдыть пип на покути, а дяк на лави, чорт на порози. Попови чачавыця, а дякови рукавыця, а чортови перелогы — в ёго велыки рогы. Вин болотом затрясе и перелогы понесе из билои масты, из жовтои косты, из семыдесяты суставив, з червонои крови».*

7. *«Иде пип, чытае, дяк замичае. Попови горщык, дякови каша, жыдови перелогы меж ногы».*

8. *«Йихало тры попы, а за ными тры чорты. Одын каже: «Я буду од перелогив шептать», а другый каже: «Я буду розгонять», а третий каже: «Я буду помогать». А я вас всих розжену и сам поможу».*

9. *«Перелогы, логы, логы ишлы на лозы, а з лиз десь узявся ченець, завьязав перелогам кинець».*

Разнородные поранения скота лечат следующим образом. Если вол сотрет себе шею дурно пригнатым ярмом или во время работы

под дождь, то рану замазывают молоком или свиным смальцем; оборванные копыта (*обирвани ратыци*) залечивают салом, зажаренным на горячем железе (*пидиску*), дегтем и роговой мазью; растрескавшиеся ноги (*подсед*) смазывают также растопленным салом. Порезную или колотую рану засыпают кое-где сушеной, стертой в порошок черепахой или так называемым *земляным духом* — растением, похожим на цикорий, всего чаще соком конопляного семени, сжаренного на углях в просверленном снизу горшке. Струящуюся из раны кровь стараются остановить такими шептаниями:

1. *«Мыр тоби, сира корова! Хата твоя, а воля моя. Аминь, аминь, аминь. Я тебе кров замовляю и заговоряю, щоб ты не цянула и не капнула без мого видома; що я тебе шептала, я тебе заговоряла Божымы словамы и молытвамы и своимы сахарными устамы».*

2. *«Ишла свята Пречыста з Киева и несла из рыз платочок рану затуляты и кров замовляты».*

3. *«Ишлы Божи старци по воду з золотыми видрами, золотымы коромыслами. Коромысла поламалысь, видра побылысь, а вода розлылась. А в нарожденои скотыны кров унялась».*

4. *«Ишла красна дивыця з камяною дийныцею до камянои коровы. Колы з камянои коровы молоко побижыть, то тоди из рожденного сирого вола и кров побижыть».*

5. *«Ишла дивка калынова через калыновый мист та й стала, у нарожденои благословенной сирои коровы кров перестала».*

6. *«Сияла дивка рожу, рожа не зийшла, и кров щоб у нарожденои рыжои коровы не пишла».*

7. *«Ишлы тры чоловикы из-за билои ричкы, лозу рубалы, лоза не зийшла, и кров щоб не пишла».*

8. *«Ишов баран через сынее море, оглянется — бижыть джерело. Скынув з себе руно и заткнув джерело».*

Запущенную рану, в которой зародились черви, очистив от последних, мажут дегтем или роговой мазью и шепчут так: *«Був соби молодожин та держав девьять жин, од девяты до восьмы, а од восьмы до сёмы, од сёмы до шесты, од шесты до пяты, од пяты до чотыри, од чотыри до тры, од тры до дви, од дви до однии, щоб не було в половои коровы червяка ни одного»* *

Животному, искусанному бешеной собакой, скалывают раскаленной иглой синие пузырьки под языком, так называемые *щенята* или *песики*, а внутрь дают: несколько *маек* (littaves catoria) в хлебе, смесь из 1/2 кв. спирта, 1/2 ф. селитры и 1/2 ф. квасцов в буряковом квасе через каждые четыре часа по полкварты на прием, и особенно *дрок*.

Рану, произведенную менее опасным укушением змеи, обводят

* *«Казать так, щоб выговорыть не оддыхаючи, тоди на правий пяти окрутнуться, землю з-пид пяты зирать и затоптать, де черевы».*

дегтем для того, чтобы опухоль не распространялась, и колют иглой, потом выдавливают и натирают солью; для утоления же жара мажут ранку кислым молоком или прикладывают к ней лягушку. От змей заговаривают следующим образом:

1. *Господы, поможы! Мыколай, святый угоднык Божий, и стань мени у помочи из усима святыми. В чыстим поли сынее море. У сыним мори стоить чорный явир, на явори соколове гниздо; в тому гнизди гадына Тетяна. Гадыно Тетяно! Зупыняй свои зросты, зупыняй их, выклыкай их: чорни, ряби, куци, слипи. Як не будеш зупыняты, буду тоби ризать зубы, губы й пагубы. И тут ядови не стояты, червонои крови не пыты, жовтои косты не ламыты, гнидои масты не знобыты. И розийдыся ты, пухле, як витер у степу, а туман на води».*

2. *«На мори, на Дунаи и на острови Кияни и там стояв дуб дупленатый, а в тому дуби гниздо, а в тому гнизди лежыть царыця Оленыця. Ты, царыце Оленыце! Закажы своёму вийську, старому и малому, крывому и слипому, щоб Господь на помич дава».*

3. *«У поли потик, а в тому потоци стоить дуб гилюватый и лыстоватый, а на тому дубови гниздо, а в тому гнизди сыдыть гадына, царыця полова, а до ии прыйшла ще й друга. Годи тоби, гадыно царыце, тут сыдиты, ходим на осиянську гору каминя глодаты. Не пидеш ты каминя глодаты — буде тоби пры рыпици хвист однадаты, а нарожденій корови, буйвалыци, семирижныци буде опух опадаты».*

4. *«У лиси пид деревом грушою гниздечко йе, а в тим гниздечку тры гадыны сыдыть: одна ряба, друга полова, третя чорна. Ряба не дуже зла и полова не дуже зла, и высыплются у неи зубы од ии зла»* *.

Разнородные формы накожных страданий: лишаи, случающиеся у скотины, взошедшей на место, на котором до того качалась лошадь, парши и коросту — лечат частью однообразными средствами: больное животное моют отваром табака, а затем лишаи затаптывают гречаной золой (*пазилками*) или золой ивы; коросту мажут дегтем с синим купоросом, серкой и куриным пометом.

* *«Застромыть ниж у землю и гладыть потим по опуху тим ножем».*

3. КОРОВА И ТЕЛЕНОК

Выбор коровы по наружному виду и качеству молока на ярмарке. Способы пастьбы и выгон скота на пастбище. Случка, предохранение коровы от порчи. Обращение с новорожденным теленком. Коровьи немочи: недостаток молока, молоко с кровью. Заговоры. Сохранение молока, доход от коровы

Хотя ценность коровы определяется преимущественно качеством молока, но и внешний вид ее имеет значение в глазах хозяев. Хозяйки предпочитают длинных, широких, округленных коров на низких ногах. Роги лучше крутые, в виде ухвата *(хваток)*, чем стоящие вперед или опущенные вниз. Хороша толстая шея: *«щоб корова була волыста* *, *ополыстенька»*; хвост должен быть длинным, с репицей до колен, толстой, слегка потрескавшейся, с перхотью *(лупою)*, а на конце хвоста должно быть утолщение вроде лука. Большое вымя не всегда свидетельствует о качестве молока, так что лучшей коровой признается не та, у которой большое вымя, а та, у которой толстые молочные жилы ** *(роднykы, крынычкы)* под животом, а под дойками должны быть углубления, в которые заходили бы три пальца. С такими требованиями обращаются хозяева к корове на ярмарке.

Продажную скотину гонят на ярмарку освященной вербой, для удачи же торга берут с собой талисман. *«Щоб була фортуна, як купувать и продавать скотыну, бгруть у ярмарок той чепець* (сорочку), *що як родытся дытына, то ёго сушать».* На ярмарке, покупая телицу, замечают, где у нее расположен завиток из волос — *вихорь*. Если на лбу между глазами, то она будет ежегодно с теленком, если вихорь выше или совсем отсутствует — то только через год *(перелиток)*. Безплодную корову *(коминнырю)* при покупке определить нельзя. Не следует покупать коровы *** с дырявым рогом, также с недостающим ребром или, все равно, с впадиной меж ребрами. После пропажи такой скотины сдыхает у хозяина еще 11 голов скота, и только двенадцатая задерживается. Не покупают и коровы, согнанной тростью и мочащейся во время торга,— будет редкомолокая. Молоко коровы при покупке тоже подвергают исследованию, брызгая на ладонь и растирая; молоко, сбивающееся в маслянистый комок *(мастке)*, указывает на хороший сбор, и такую корову покупают. Таким образом предохраняются от покупки *«молошнои середы або пятныци»*. Есть, однако, случаи, в которых никакие предосторожности не помогают; именно: если хозяйка, продающая корову, предварительно отберет у последней молоко тем или другим способом: напр., сдоив продажную корову на кусок хлеба, дает съесть его остающейся дома, причем, по народным поверьям, у остающейся молоко удваивается, а у продажной пропадает. Только знаток, как свидетельствует приводимый рассказ, может предохранить от убытка в подобном случае.

«Продае жинка корову на ярмарку, а чоловик купуе. Вин грошы выйма з-за пазухы, а другый у стороны стоить и дывытся на их; потим каже: «Не давай, чоловиче, грошей, покы вона тоби не оддасть того, що в неи в пазуси йе». А вона одмагается: «Що в мене в пазуси? У мене ничого нема в пазуси». А той чоловик каже: «Та выймай, выймай. Любыш грошы брать, так любы и молоко оддавать». Вона выняла з пазухы и оддала каламарчык [45]. *А потим той каже покупщыку: «О, тепер давай, чоловиче, грошы за ту корову, то ты йистымеш молоко».*

Гоня в двор купленную на ярмарке корову, нужно заставить ее переступить в воротах чрез разостланный красный пояс, на котором положен хлеб с солью, и затем дать съесть тот хлеб корове. Если съест, то пойдет в руку. Если у купленной коровы до года будет болезнь или другая случайность, то ее нужно непременно сбыть, но если подобная случайность будет по прошествии года, то корову перепродают иногда фиктивно в недрах семейства.

Купив корову, хозяйка прежде всего должна озаботиться о содержании ее, особенно летнем. Пастьба скота в Лубенском уезде организовывалась в разное время различно. Во владельческих селах при крепостном праве крестьянские коровы ходили по панской толоке в панском стаде бесплатно, пользуясь владельческим быком. По прекращении крепостного права паны некоторое время, до размежевания, держали еще стада и принимали скот по 15—25 коп. за голову с обязанностью пасти до Покровы. Пастух получал особо гарнец (10 фунтов) ржаной муки. Во многих селах была общественная череда *; пастух получал по 15 коп. от скотины и по пуду ржаной муки. Пастухи поочередно кормились по хозяевам, а на день получали от них припасы. Они отвечали только за испорченную или утраченную на пастьбе скотину, а за пригнанную в село не отвечали. В общественном стаде был и общинный бык содержащийся поочередно хозяевами или которым-нибудь одним за плату. В настоящее время в местах, где сохранились общественные череды на общественной или нанятой земле, платится пастуху 10—75 коп. от скотины и гарнец гречки и проса от двух скотин; в западной части уезда расплата с пастухом производится снопами: 20—30 снопов за пару волов. Вечеря — круговая *(чергова)*; кроме того дается пастуху на Светлый праздник булка или паляныця и две крашанки *«от честы»*. Переходною формой представляется наем несколькими хозяевами совместно общей толоки с очередным пастухом, под условием убрать владельцу тройное количество десятин посева по сравнению

---

* С толстым подшейком.

** Кровеносные сосуды, идущие от вымени к груди.

*** Средняя цена коровы, по Чубинскому,—36, теперь — 60 руб.

* Череда — очередь, от обыкновения пасти общее стадо поочередно каждым хозяином.

с нанятой землей. Наконец, последний способ летнего содержания скотины — отдельная пастьба каждым хозяином, под присмотром члена семьи, на выгоне, по дорогам, рвам и промежкам. Если и этот последний способ пастьбы не возможен, то приходится расстаться с коровой.

Пастьба начинается с Проводного понедельника или со св. Георгия и продолжается до снега. В Засульской волости долго сохранялся древний обычай при выгоне скота в первый раз на пастьбу перегонять его на воротах через огонь; в Тишковской волости на воротах кладут секиру, обращенную острием *(лезом)* против выходящей скотины. Затем обводят трижды передние ноги коровы красным женским поясом и расстилают этот пояс на воротах, *«щоб кров не нападала»*. Кроме того повсеместно в уезде скот окропляют освященной иорданской водой и ударяют его пред выгоном освященной вербой лозиной или осикой, которую потом затыкают в стриху, стену, глухой конец фортки хлева, в котором скот ночует, веря, что он не заночует в поле, не запасется, а возвратится на ночлег туда, где ветка. Хозяйка напутствует корову следующими словами: *«Гей, сира скотына, иды за густым молоком, за густою сметаною, де вчора ходыла! Що ты там згубыла, пиды знайды и додому прынесы»*. По возвращении с пастбища хозяйка крестит корову, приговаривая: *«Одверны, Господи, Грыгорий Побидоносець, од мого двора, од моеи скотыны нарожденнои сирои злу тварь»*. В первый раз пастух выгоняет скот без торбы и хлеба для того, чтобы скот лучше наедался.

В стаде случка коровы не вызывает никаких затруднений. Хозяйка, желающая, чтоб телица ее понесла, не должна только выносить сор *(смиття)* из хаты *пидрешитком*, иначе корова не будет телиться три года. Затем, осматривая корову, хозяйка замечает признак тельности: у тельной коровы шерсть на вздохах *(здуховинах)* зачесана вверх. Более затруднительна случка коровы мелким хозяевам, соединившимся для пастьбы скота, или *самопасам*. Им приходится наблюдать похотливость *(охоту)* коровы, продолжающуюся 24—36 часов, и вести корову к быку, который может быть занят в то время, корова же между тем потеряет охоту *(перебьется)*. Ведя корову к быку, некоторые хозяйки рядятся, как молодая, в плахту, запаску, шелковый платок, косник для того, чтобы люди засматривались на женщину, а не на корову, и не сглазили бы последнюю. Пред тем как ведут корову к быку, ее ударяют завязкой от мешка или колышком *(натычкою)* из плетня. За случку платят 50 коп.—1 руб. Возвращающуся от быка корову перегоняют пред входом в сарай через голую косу. Забеременевшую корову уединяют по возможности, не бьют по голове * и предохраняют от порчи разными способами. Прежде всего осматривают помещение коровы и, найдя в нем

* В предупреждение выкидышей, мертворожденных и уродов.

пучки *(верчикы)* сена или палочки *(лискови спычкы)*, подброшенные с целью испортить корову, сжигают их, а пепел развевают по ветру или перемешивают с землей. В глухом конце загороды забивают в землю осиновый кол из «клечання» или древко кочерги *(ожыво)*. Ведьма, желающая повредить корове, должна предварительно вырвать такой кол зубами; в стриху же или стену загороды закладывают сожженную на Свят-вечер головешку: *«видьми не можна прыступыть, та головешка осяе огнем, мов ии осыпле, и видьма острахнется»*. И самую корову не оставляют в покое. Ей вертят рог и забивают в него девять осиковых палочек величиной с иголку, часто из деревец, поставленных у хат на Зеленых праздниках. Стружки с ухватов, сажу с кочерег и кусочек кирпича *(печину)* ввязывают в хвост корове или туда же зашивают кусочек ладану. К корму примешивают крошки пасхи, дарнику и просфоры; наконец, корову подкуривают всякими остатками праздничного стола: пасхой, яйцами, крестовидной косточкой из головы поросенка, ладаном, смирной, стружками от хваток и лопат и ремезовым гнездом [46].

Самые роды крестьянской коровы проходят, как и у кобылы, большею частью правильно, и теленок появляется на свет передними ногами с лежащею на них головкою. При замедлении хозяин поталкивает корову в переносье, приговаривая: *«Господы, поможы се теля зродыть, як Бог велив»*. Новорожденного теленка окропляют освященной водой, приговаривая: *«Деркач на бик, щоб нихто тебе не врик»*. Его трижды переступают, говоря: *«Не знаю я, що ты таке: чы бык, чы телыця? Щоб тебе не зналы ни кров, ни врокы, ни перелогы»*. Затем очеркивают ножом корову и теленка, продолжая: *«Нихто зализа не буде кусаты и глодаты, нихто нарожденои коровы, буйвальщи, семирижныщи не буде врикаты»*. Теленка осыпают остатками освященного пасхального стола, особенно перцем и солью, и дают лизать корове *. Замечают, что из того теленка будет прок, который высосет первоначальное молоко *(молозыво)*. Когда на дворе холодно и теленка забирают в хату, то покрывают штанами или обертывают его мужской рубахой, *«щоб було кругле, матнысте, щоб ёго перелогы не нападалы»*. Внесши в избу, теленка постукивают слегка лбом о припичок, *«щоб було гладке»*, а в рот ему суют соломинку, *«щоб не перебирало паши»* **.

Не оставляют также без внимания коровы, особенно первый раз

* Ветеринары советуют посыпать теленка солью, если корова не хочет его лизать.

** На первых порах теленку оставляют половину удоя, потом одну дойку, а три хозяйке. Летом теленок пасется при матери с ежаком на морде или кормится травой в хлеву, осенью прикармливается хлебом, гречневой ухой, высевками и, по возможности, сеном; по прошествии года *«бузивком»* отдается на степь. Кастрируют двояко: вычищают *(перевертають)* или *«товкають, бьють жилы»*. В бугаи оставляется *«вязыстый, тяжолый, хвабрый, гарный»*. Такой же уход и за телкой.

родившей *(первитки)*. Стараются, чтоб она поела счистка, в котором есть полезные *масляночки*. Если не ест, то счисток нужно на месте зарыть в землю. *«Як первитка, так бережять, щоб видьма сцыстка або молозыва не зибрала; як збере, тоди корова не годытся»*. В предохранение от ведьм доют молозиво сквозь мужскую рубаху или молоко трижды из каждой дойки навкрест в пустое яйцо, закрывают скорлупой и зарывают потом в глухом конце загороды или на покути, приговаривая: *«Оце тоби, нечыста сыла, пытання, щоб моеи скотыны не зайидав»*. Также осыпают корову маком, собранным из первых трех расцветших маковок и освященным вместе с пасхой, приговаривая таким образом: *«Як нихто не можеть мачку позбирать, так нихто не можеть нарожденнои сирои коровкы урикать»; «Хто сей мак збиратыме, той мою скотыну зйидатыме»; «Хто оцей мак избере, то той у коровы и молоко одбере»*.

Пред началом доения в корм корове прибавляют освященных остатков пасхального стола и ее окропляют освященной водой, а если неспокойно стоит и дрыгает ногой, то подкуривают ладаном, смирной, также стружками из лопаты или сохи дымаря *(штаговыны)*. Ноги неспокойной коровы путают путом, снятым с мертвеца. При этом говорят: *«Маты Хрыстова на престоли стояла, Исуса прохала: «Сыну мий возлюбленный! Накажы злу лычыну за мою скотыну, за всяку шерстыну. Хай зла лычына исчезне и моеи скотыны не збавляе»; «Як выросте дуб на церкви уныз гиллям, уверх коринням. Хто буде ёго ломаты, той буде мою корову терзаты»*.

Так как главное назначение коровы в хозяйстве — доставление молока, то наибольшее число приемов и заговоров направлено к сохранению и увеличению последнего. С этою целью корову не гонят на водопой первые три дня, а поят водой, почерпнутой с особыми приемами. Хозяйка, идя за водой, замечает, нет ли на дорожке лежащих навкрест соломинок, а заметив, поднимает их и прячет, приговаривая: *«Господы, благословы иты до колодязя!»* Воду беруть из колодца *непочатого*, т. е. такого, из которого в то утро никто не брал еще воды, или из трех криниц, или из двух криниц и реки. Воду из последней нужно зачерпнуть против течения и сразу полное ведро, а не в несколько приемов. Принесенную воду хозяйка ставит так, чтоб корова не видела, потом поит, обмывает вымя и кряж, приговаривая: *«Мылосердия двери отверзы нам, Пресвятая Богородыця»*. Ведро принесенной воды ставят еще на ночь на восточном углу хаты [47] и затыкают в это ведро нож, а на рассвете поят той водой корову. Кроме воды, к увеличению количества молока служит еще и хлеб, различно употребляемый. Учиняя дижу, например, делают углубления в тесте и эти ямки наполняют непочатой водой; когда хлеб взойдет и вода окажется наверху, ее собирают и, омочив первый вынутый из печи хлеб, дают съесть корове; или, срезав корку первого хлеба и вбросив в кувшин, опускают и вытаскивают потом из колодца так, чтобы никто не видал. Ставят кувшин

на покути, потом становятся на пороге и, проговорив: *«Покорме, покорме! Де ты бував?» «На торгу». «Прыбувай до мене в четвергу»*,— кормят корову. Еще кормят корову найденными кусочками хлеба. Так, взяв теста из трех краев дижи и сделав балабухи [48], в средину которых помещают мелкие стружки с четырех концов дверей, дают съесть корове; или, сдоив молозиво и просеяв на густое сито муку, замешивают коржик, пекут на черине и кормят корову. Затем при недостатке молока поят корову желтым буркуном (донником), собирая который, приговаривают: *«Святый Оврам на се зилля орав, з усих дощив, з усих молний, з усих блыскавок росу сбирав и моий скотыни молочко прыбавляв»*.

К воде и колодцам обращены следующие заговоры:

1. *«Добрыдень тоби, водо Тетяно, а земля Уляно! Прыбувай з круч, из гир, полив, з лисив, из ростокив, из потокив, щоб так до моеи коровкы молоко прыбувало»*.

2. *«Добрыдень тоби, водо Олияно! Видкиль вода прыбува з усих слоив, з усих краив, з усёго кориння, з усёго насиння, хай у моеи скотыны и молоко так прыбува»*.

3. *«Добрыдень тоби, колодязь Иване, а вода Уляна! Даеш водыци из креминня, из каминня, из гир, из долын, из джерел, щоб так народжений сирий коровци Господь послав из жыл, из пажыл»*.

4. *«Здоров був, колодязь Авраме, и ты, водо Уляно! Прыбуваеть у тебе из ричок, из полуричок, из джерел, из слоив. Я прошу, щоб моий корови народжений, благословений прыбуло од Господа»*.

5. *«Добривечир, колодязь! Дай воды набраты. Я буду воду браты и буду хлиб упускаты. Земля Уляно, водо Тетяно! Тут тоби негоже стояты, иды до мене половий шерсты дийва прыбавляты. Матер Божа на олывьяний гори, на прыданський земли там Исуса Хрыста зродыла и с того колодязя воду брала и святою водою облывала, Мыколая-угодныка, скоропомошныка прохала: «Поможы мени на престол рызы пидняты и врожденний, благословений половий шерсты дийва прыбавляты»*.

6. *«Тры рички збигалось, тры зори скотылысь, тры янгола спустылысь, угору зори пидиймалы, збору прыбавлялы моий коровци»*.

Кроме количества молока очень важно также и качество его. Появление дурного, водянистого, кислого, синего молока, зависящее главным образом от дурного, кислого корма, одинаково приписывается народом порче и сглазу коровы, почему испортившееся молоко сдаивают в кувшины, смазанные освященным салом и окуренные ладаном, приговаривая: *«Станьте на помощь, вси святии, щоб таке, як було, таке й стало»*. Точно так же и появление крови в молоке при воспалении вымени, случающееся от удара, простуды и корма, признается народом порчей, а именно перевязкой дойки волоском. Впрочем, кровянистое молоко появляется и в том случае, когда

ласточка подлетит под корову. В первом случае необходимо отцепить волосок, заложив под него иголку, и в обоих случаях — окурить корову ладаном, внутрь дать осиновую сердцевину, а испорченное молоко, сдоив, отнести и вылить на воду со словами: «*Де таке взялося, хай туды и иде*», или закопать в землю — как в следующих народных рассказах.

1. «*Як спорчено мою корову, то дид узяв росколов осыновый килочок пополам и выняв серце и взяв ножыци. Проняв вин трычи попид выменем ножыцямы, тоди навкрест выстрыг волосся. Тоди вин положыв волосся и серце роздилыв надвое. Одно завьязав у бумажку и велив дать у хлиби, а друге — щоб до схид сонця положыла на покути и не дывылась до девьяты день. Як девять день вийшло, я пишла подывылась — нихтямы подряпано кругом, так не узяла*».

2. «*У Касьяновои коровы стало молоко з кровью. Вин з жинкою повелы ту корову на ярмарку продать. Прыходыть дид купувать: «Продай,— каже,— дядьку, сю корову». Жинка каже: «Купить, дидусю, корова дуже добра». А нащо ж ты продаеш, як вона добра?» «На те, що грошей треба». «Та не бреши, я бачу, нащо ты продаеш. А ты не пожалий, дидови купы пивкварты, то будеш йисты молоко». Ну, воны прызналысь тоди дидови, як им случылось, що стало молоко з кровью у коровы. Дид поробыв щось — незвисно, потим сказав: «Выведить ии за ярмарок, надойте два видра молока и закопайте у ямку. И прыйдете додому, то ще видро надойте и те закопайте, и тоди держить корову, поки держатыметься, нихто не спортыть*».

От кровянистого молока шепчут: «*Господы, благословы, Господы, поможы! Нарожденый сирий коровци, жовтои косты, золотои шерсты у помочи статы, сии прозиры исциляты, сии прозиры уничтожаты, и чоловичи, и жоночи, и дивчачи, и хлопьячи, и витровии, и сниговии, и ночнии, и полуночнии, и помысленни, и погадани, и состричени, и супротывнии, и застужени, и стружени, и спрацёвани небесными сыламы. Благословы ий, Господы, прекраты ий, Господы, сии болизни, пошлы ий, Господы, во здравие*».

Если на воспаленном вымени появились трещины, то их смазывают пеной парного молока, вершком сметаны или теплым бараньим жиром. При дальнейшем развитии болезни, осложненной появлением на вымени твердой опухоли *(нежитя)*, принимают следующие меры. Нагревают брус и, положив в мешок, давят вымя; также придавливают его первыми штанами, сшитыми мальчику-первенцу, сохраняющимися в числе других лекарств; или хозяйка, став правой ногой на топор, подымает вымя вверх своей исподницей, приговаривая: «*Тупор — тупорыщови и нежить — нежытыщеви*». Мелом, которым писались кресты на «голодную кутю», очеркивают вымя и ставят посредине его крест. Затем подкуривают больную корову

разными предметами: страстною свечой, бывшей три года в церкви на Страстях, «*смирным ладаном*», ремезовым гнездом, *вихтем*, которым мажут доливку, приговаривая: «*Ой ты, нежыть, нежытыще! Розийдыся, як туман по долыни*», и наконец, *устивкой* из сапога правой ноги, бывшей в сапоге на Рождество, Новый год и Крещение.

От нежитя шепчут:

1. «*Нежыть, нежытяка, из витру усувается, брусом спасается. Нежыть, нежытяка! Тут тоби не можна стоять! Брус-брусяка и нежыть-нежытяка! Брус-брусяка выганяе нежыть-нежытяку. Тут тоби не стояты, в вымья не шпыгаты и дийва не запираты! Од рыжои масты, червонои крови; нежыть-нежытяка, я тебе окружаю, я тебе брусом выганяю: тоби тут не стояты и вымья не затверждаты, пиды соби за дымами, за горячимы огнямы. Тебе видсиля выкурюется, выганяется, на сухе дерево изсылается*».

2. «*Нежыть, нежытыще! И я тебе вышиптую, вызываю и выклыкаю. И ты тут щоб не селывсь и не мистывсь, из прозору, из людей. И ты й подумала и ты й погадала, и грих тоби буде. Подумала й погадала и на скотыну ссылала*».

Для сохранения удоя мало одних мер предупреждения и лечения болезней коровы; нужны еще некоторые особые хозяйственные приемы для того, чтобы молоко не уменьшалось. Так, например: нельзя давать лизать молока кошке или суке, вероятно, из опасения, что под ними может скрываться ведьма, а пролитое молоко нужно поскорее затоптать землей. Человек в обмен за полученное молоко должен дать корове кусок хлеба с солью, но отломленного, а не отрезанного ножом — иначе «*урижется дийво*». Сдоив корову, нужно три раза приотворить хатнюю дверь и за третьим только разом взойти в хату с ведрами молока. Нельзя хвалиться обилием молока. Нельзя брать кувшин пальцами: *Не беры глечыка пучкамы, а беры всею долонею, то буде й сбир у долоню*». Нельзя скребти глечика ножом —«*урижется дийво*», а коснувшись кувшина нечаянно ножом, следует начертить крест на земле тем же ножом. Самое главное условие хорошего сбора заключается в чистоте глечиков. В Лубенском уезде их выпаривают стружками, житной соломой, крапивой, щебцем, глечкопаром (чистотелом), потом окуривают скорлупой освященного яйца, «*щоб бильш вершка було*». Удой продавать всего выгоднее в виде молока за 5—20 коп. кувшин, смотря по времени года и величине кувшина. Крестьянская корова дает 1—3 кувшина молока в сутки. Желая получить масло и сыр, хозяйка оставляет кувшины в погребе, «*щоб молоко застоялось*», затем собирает верхи в макитру и ставит в нежаркую печь, и потом сбивают масло в макитре качалкой. «*Буде соломы виз, а сахарю вкус. Буде масло, як скло, як кришталь*». Продают масло по 20 коп. фунт соленого

и 25—30 коп. свежего. С коровы собирают 10 фунтов масла в год. Весь низ кувшина идет на приготовление сыра. Его сначала оттапливают в печи, потом кладут под пресс или привешивают в мешочке *(ворочку)* для удаления сыворотки; продают соленый по 3 и свежий по 4 коп. фунт. Сыра дает корова до пуда в год.

4. ОВЦЫ

Наружный вид овец, доморослая и покупная овца. Кормление на пастбище, отара, первый выгон; кормление в хлеве. Доход от овцы, ее болезни

С уменьшением спроса на белые и серые сукна выводятся совсем почти и овцы этих мастей; теперь ватага местной крестьянской овцы *(бараны)* представляется кучей черных животных, в которой то здесь, то там мелькает белая овца, оставленная на пряжу из ее шерсти девичьих поясов. И баран должен быть черным. На племя оставляют лобатых с ветвистыми рогами и веселым взглядом баранов, рослых, широких, округленных, с густой, мягкой (не *лямцоватою*) шерстью; держат заводчиком недолго, не далее четырех лет. Такого же сложения должна быть и матка: рослой, широкой, длинной, на коротких ногах, не старше восьми лет.

В маленьких группах в 3—5 овец у бедняков и в средних в 10—12 не бывает большею частью своего барана, а овцы спариваются в отарах, в которых приходится два и более баранов на сотню маток *. Спаривание происходит естественным путем летом и осенью. Ярки котятся обыкновенно после двух лет или к исходу второго года. Ягница, родившая раньше, называется *нетка, нетчя,* и ягненок ее убивается, так как кормить своего ягненка нетка отказывается, не имея еще инстинкта материнства, вообще слабее развитого у овец, чем у других домашних животных. Самые роды обходятся почти всегда благополучно, разве у совсем худой, бессильной овцы приходится вытягивать *(рятувать)* ягненка. Новорожденного тотчас забирают в хату. Ранней весной с Чистого четверга и до Проводов принято валашить баранчиков; castratorius валашит натощак и получает два крупных яйца за подрезку каждого животного. Доморослые овцы предпочитаются покупным, но если нужно пополнить убыль или завесть вновь, то овец покупают на весенних ярмарках приемом, похожим на покупку лошадей и рогатого скота: с рукобитием, но без передачи проданного животного с полы. Бросают лишь копейку «талану» в полу продавца, откуда последний выбрасывает талан на землю. При покупке из кошары берут немного

* Баран обскакивает в день до десятка маток; правильно давать 40—70 маток барану, хотя дают и до 95.

соломы —*«купують из гниздом»*; вообще стараются покупать с восточной стороны *(з-пид сонця)*, а не с западной.

Пред выгоном овец на пастбище все ягнята должны быть обозначены каждым хозяином своим клеймом, состоящим из надреза, разреза прямого или бокового, выреза клином уха или из проколотой дырочки *(розризочкы, выщика, стрилки)* на правом или левом ухе. Пастьба мелкого скота не представляет еще никаких затруднений. Везде в уезде сохраняются общественные стада овец *(отары, ватаги)*. Само общество наставляет ответственных чабанов *(вивчарей)*, получающих за свой труд по 8—20 коп. от овцы и по гарнцу ржаной или гречневой муки от одной или нескольких овец или по пуду муки от десятка их *«Вечеря вивчарю — чергова»*. Пред самим выгоном дается пастуху *выгонщина,* состоящая из пшена, сала, паляницы и соли, а на Светлый праздник дается ему же булка и 2—3 яйца. Выгоняют на пастбище, состоящее из выгонов, толоки, жнивья, с раскрытием весны, избирая легкий день. Нельзя гнать пасть первый раз в понедельник, субботу или день св. мученика. Выходящую овцу кропят священной водой, а остаток последней выливают в глухой конец кошары; туда же закапывают и ладан, которым кадили на Новый год. На порог кладут красный пояс, сверх него секиру и через них перегоняют овец, ударяя каждую кропилом или руном и приговаривая: *«Од вовка втечы и рунце прынесы!»* Отгоняет первый раз овец непременно девочка. В селах хозяева разбирают ежедневно возвращающихся с пастбища овец, на хуторах все овцы загоняются на ночь в один загон. Если не досчитываются пропавшей на пастьбе овцы, то пастух должен представить доказательства, напр. кожу палой овцы. Пред Введеньем, 21 ноября, когда овцы совсем оставляют пастьбу и возвращаются на зимовлю домой, им три дня подряд дают в корме хрен с солью, *«шоб метельщя замирала»* и для того, чтобы они лучше усваивали зимний корм, состоящий из пшеничной, ржаной, гречаной соломы, половы и крупного лучного сена. На Иоанна Крестителя (7 января) дают овцам съесть того сена, которое подкладывалось на Свят-вечер накануне Рождества под горшки с кутьей и узваром и по которому предварительно катались девки и девочки для того, чтобы больше плодилось ягниц. Просяной и ячной соломы не дают овцам, а сохраняют крупному скоту. Корм задают овцам понемногу в узких яслях в кошаре, раз пять в день, так как овца перебирает и разбрасывает пищу; поят дважды в день. На ночь их перегоняют в хлев *(вивчинець)* и дают подстилку. Стены вивчинця, иногда и кошары, смазываются для того, чтобы овец не заметало снегом, так как они боятся мокроты больше холода.

При сравнительной дешевизне * овца представляется выгодней-

* В семидесятых годах прошлого века овца стоила 3 руб., а с ягненком — 5; теперь 5 р. овца, с ягненком — 7.

шим домашним животным, и разве беднейший крестьянин не имеет ее. Она дает хозяину шерсть, разные виды кож — *смушок, линтварь*, мясо, сало и молочные произведения. Овец стригут дважды в году: около 9 мая и в августе *(перестриги)*, если овцы сытые. Перед стрижкой ягнят, иногда и взрослых, моют в реке, давая потом обсохнуть сутки и более; стригут, связав ноги, положив на землю, и, начав простригать шерсть у брюха животного полосой, обходят его вокруг. Остригши, шерсть *(вовну*)* парят в теплой воде, но не в кипятке, чтобы не сбегалась,— потом полощут в холодной. Пуд шерсти стоит теперь 6—8 руб., руно — 1 р. 50 к., а фунт — 20 коп., шкура взрослого барана и овцы стоит 1—1 р. 50 к., перестриги 1—1 р. 20 к., шкура годового животного *(линтварь)* — 90 коп.— 1 руб., шкура двухнедельного ягненка *(смушок)*, годная на воротники и шапки,—1—2 руб., лучшего качества, вся в завитках *(горошком)* — 3—4 руб., овечья кожа без шерсти стоит 15—20 коп. Туша валаха целиком —1—3 руб., 1 ф. баранины — 5—8 коп., а туша ягненка — 10—25 коп., пуд перетопленного бараньего сала стоит 4—5 руб. Из молока приготовляют масло и сыр для себя, для продажи мешают с коровьим.

Крестьяне склонны иногда приписывать овечьи болезни тайным причинам, например несоблюдению хозяином праздничных дней, как в следующем случае. *«Батько на Махтея заходылысь молотыть, колы лежыть вивця и ногами молотыть, здохла — испразнылы овечку»*. Еще чаще болезни овец производятся темными силами: овца скрутилась от того, что съела *закрутку*, сделанную во ржи ведьмою; или овцы потому пожирают шерсть друг на друге, что сглажены ** *«Вона стане потягатся, упаде и сдохне»*. В начале болезни шепчут: *«Уроки, изийдить из народженнои, благословеннои билои вивци»*. По соображениям других крестьян, сглаза овец совсем не бывает, потому что овца, особенно стриженная, представляется предметом, мало возбуждающим зависть: *«малый взяток тому, хто дывытся»*. Но часто болезни, по народным понятиям, случаются и от естественных причин: ушибов, свойств пастбища и корма, простуды и заразы. В частности, бельмо случается у овцы от того, *«шо вона наштрекнется, або що вдарыть»*. Лечат его, засыпая солью, сахаром и, затягивая в противоположное больному глазу ухо нитку *(голубец)* до уничтожения последней. Пузыри, образовавшиеся во рту, мажут синим камнем и дегтем. Овцу часто нападает кашель от пыли и от простуды стриженой овцы на холодных дождях. Последний кашель лечат хреном с солью. От простуды же или опоя горячей

---

* Слово *вовна* сходно с немецким Wolle (англ. wool), как и вышеуказанное *валах*, главнейшие же названия: *вивця, ягня, ягныця* сходны с латинскими: ovis, agnis, agna, agnina (баранина). Так как овца — синоним тупости (ovis aurea — глупец), то, быть может, и слово баран происходит от baro — глупец, означающего еще сильный и страж.

** Бывает от недостатка корма и недостаточности в нем соли.

у овцы бывают приливы крови к внутренностям *(«кров напада»)*. *«Як нападе витрова кров, ударыть у голову и захолоне, уха побблятся холодни. Вивця похнюпытся, похылыть голову, не йисть. Вивчар ухо вриже и збыва паличкою мазку»*. Некоторые не решаются резать ухо: *«ухо вриж и потревожыш уси жылы»*; советуют лучше ударять ножом в лоб над глазной впадиной: *«кров зийде, и зараз вивця пасется»*. Пускают и с хвоста. Внутрь дают овце пить рассол с дегтем, мыльную воду с конопляным семенем, огуречным рассолом и корой свежей бузины.

Всего более поражаются брюшные органы овец на пастбище. Дело в том, что по самому устройству овцы: заостренной морде с острыми резцами нижней челюсти, тонкой ноге, затрудняющей ступание по болотистой почве,— этому животному удобны высокие, сухие пастбища, поэтому на солонцах овцы, напившись воды в лужах, получают воспаление желудка, а на лугах с молодой травой (клевером, сурепой) или на сочных озимях, покрытых каплями дождя или росой, *обдымаются*. *«Сбижыть на росу таку, де лазыв павук, або зийсть веху — и обидмется»*. В таком случае заболевшую овцу поят рассолом и не пускают на росы, иногда дают еще съесть кусочек освященного сала с хлебом. Обыкновенный понос большею частью ничем не лечат, не выпускают только больных животных на росы; от запора же дают внутрь рассол, мыльную воду, яйцо или сало. При задержке мочи дают пить отвар из *сокирок*. На пастбищах же преимущественно поражаются овцы разными паразитами, проникающими во внутренние органы, и накожными. В мозгу овец появляется особый червь этнозоон, от которого у них делается *вертун* и овцы крутятся в одну сторону. Хотя в ухо овцы и протягивают заволоку, а также вертят овцу в противоположную сторону, но, конечно, такими приемами, как и вообще способами народной ветеринарии, невозможно излечить *«кручену вивцю»*; ее прирезывают и едят, отбросив голову. Неизлечима и так называемая метелица, от заводящихся в печени животного —*«метелыкив»* — на самом деле печеночных двуроток. В предупреждение метелицы овцам дают весной вместе с кормом сухую рожь, редьку, хрен, корни *лепехи* (аир) и гречаную золу. Леп, коросту, шелуди и лишаи моют отваром табака, смазывают дегтем, скипидаром или керосином и засыпают гречневой золой, содержащей поташ.

5. СВИНЬИ

Наружный вид свиней. Случка. поросная свинья. Содержание свиней в стаде, хлеву и саже. Болезни свиньи. Убой

Народный взгляд на усовершенствованные породы свиней, распространяемые земством и разводимые землевладельцами, не успел

еще установиться. В народе все еще признают более прочной и дающей более вкусное сало и мясо старую местную породу свиней, происшедшую от диких предков, живших в Средней и Южной Европе. Из этой породы предпочитаются особи с толстой шеей, широкой, круглой спиной, боками и бедрами, на коротких ногах. *«Свыня або кабан треба, шоб булы таки, як лава *; з гостроспынного не буде сала»*. Светлые масти: *била, руда, перыста, ряба* — предпочитаются черной, потому что черная щетина, по народному замечанию, предопределяет и более темный цвет сала и мяса. Впрочем, выбирая свинью, хозяин должен сообразоваться и с тем обстоятельством, какая масть идет ему впрок.

Выдержав доморослую или покупную ** свинку до года и заметив беспокойное состояние животного, в котором оно *«не йисть, пиныть, гурчыть, на стину дерется»*, хозяин гонит ее случать с соседним боровом (*кнуром*) ***, уплачивая владельцу последнего 30—50 коп. за случку. В общественном стаде, где бывает по борову на 20—30 свиней ****, случка, конечно, бесплатна. Поросную свинью не бьют, особенно по брюху, не дают прелого корму, а недели за две до родов помещают отдельно. Роды проходят большею частью благополучно, кроме редких случаев, приписываемых сглазу (*«як хто нагляне»*); в таких случаях свинье помогают (*рятують*) бабы. Сейчас после родов свинье не дают лизать крови и съедать последа, так как она может потом съесть и поросят, а дают напиться воды. Через несколько дней свинью с поросятами выпускают на дорогу или выгон на спорыш, где свиньи пасутся под наблюдением младших членов семьи иногда и все лето.

Во многих селах сохранились еще во всем подобные отарам стада свиней (*свинитки, свинирки*). Они так же устраиваются обществом, как и отары; само общество ставит пастуха (*свинаря*), получающего за охрану стада 8—20 коп. с головы и гарнец муки от 1—3 свиней, по местам — *выгонщину:* паляницу, пшено, сало или яйца. Отгоняют черидку с раскрытием весны, на Светлых праздниках или Проводах, причем отгоняющий должен возвратиться тем же путем домой, чтоб и свиньи не блудили. Пасут до Покровы, Введения, вообще до первого снега. В лесном участке Лубенского уезда с Покровы пускают свиней в леса на желуди, от которых животные быстро поправляются.

---

* Скамья.

** Цена свиней, бывшая в 70-е годы прошлого века 3—7 р. за голову. в настоящее время доходит до 10—15 р. за кормленную свинью, 8 р. за пидсвынка (*«и не балакать»*) и 3 р. за поросенка (*«таке, як кошеня»*), 1 ф. сала — 20—25 к., мяса — 6—8 к., а пуд — 3 р. 20 к.

*** Название *кнур* сходно с немецким knurren — ворчать, knurrig — ворчливый, сердитый; вероятно, как и порося (лат. porcinus, porcellus), произошло из звукоподражания. Название *свинья* — с немецким и английским (swin).

**** Борову дают до 40 свиней.

Зимнее содержание животных, не предназначенных к убою, в обмазанных и обставленных на зиму хлевах (*свининцах*) заключается в разных половах, особенно гречневой, обмешанных ячной мукой и дертью, картофели, буряках и разных хозяйских остатках. Преимущественное внимание хозяев обращено на откармливаемых в саже на убой кабанов, закидываемых к разным срокам: в сентябре — к Рождеству, пред Покровой также, пред Рождеством — к Светлому празднику и пред Светлым праздником — на лето. Существенно только определить, на какой именно срок укармливается кабан, и в срок заколоть, иначе, по народным предрассудкам, он все равно сдохнет. Закидать (*затягать*) в саж лучше *«на молодыци — буде молода шкура и сало мякеньке, а як на старому мисяци, то буде застаркувата шкура, така, що не вкусыш, и сама тилькы шкура, сало не буде набираться. Можна закыдать и на пидповним мисяци»*.

Для первого кормления, учиняя дижу, проводят крест на тесте, приговаривая: *«Як ся дижа исходыть и хлиб росте, и так шоб на кабанови сало росло»*, и месят три хлебца (*балабухи*). В балабухи эти замешивают зерна ржи, взятые из первой копы в количестве тридевяти колосков, также шерсть, простриженную навкрест на лбу и вдоль спины кабана, надрубленный кончик хвоста, кусочек печеной глины (*печину*) и стружки, соструженные со всех четырех углов стола. Балабухи даются кабану самой хозяйкой, ничего еще не евшей (*нащесерце*), в воскресенье, после обедни, непременно с крышки дижи (*з вика*) — *«щоб йистивный був, як йимо хлиб з дижи, щоб и вин так йив»*. Вместо балабух на первый корм кабану дают тоже с вика кусок хлеба, тесто и по горсти разного зерна или сливают в миску по три ложки борща, каши и ухи и, прибавив хлеб, спеченный на непочатой воде, подают кабану опять-таки с вика, приговаривая: *«Йиж до ножа, шоб таке було сало, як панська дижа»*.

Основанием дальнейшего корма кабана становится ячмень в разных видах: сырой, молотый, скрошенный. Кормят еще смесью четырех хлебов: ячменя, ржи, гречи и проса; печеным хлебом в пойле, остатками от стола: сухарями, борщом, кашей, жмыхами (*макухами*), злоупотребление которыми дает маслянистое (*олийнг*) сало; кореньями: картофелем. свеклой; желудями, листьями подсолнечника, маревыми: лободами, живокистом (окопником) и куширом. Корм распределяется на четыре приема в сутки. В корыто кладут кирпич и поливают водой, потом мешают корм, вынув кирпич.

И вдруг все эти труды пропадают даром. Кабана тошнит, он ничего не ест, начинает худать, у него закисают глаза. Такие болезненные состояния в народе всего охотнее приписывают сглазу, и хозяйка, заметив взгляд соседки, устремленный на саж, должна приберечь животное, проговорив: *«Силь тоби та печына из твоимы*

очима». От сглаза *(прозора)* окропляют кабана *стритенною водою* [49], дают ему есть кулиш с освященным салом, *четвергову соль*; примешивают к полове *руду глину*, поят помоями или водой, в которые брошено раскаленное железо, также сыровцом. Кроме того, кабана ударяют по вздохам *(здуховынам)* трижды оборотом руки *(навыдли)*, которою убит тарантул, и надрубливают концы хвоста и ушей, иногда давая их съесть больному животному. К довольно частым заболеваниям свиней принадлежит жаба *(обклад)* — воспаление горла, осложненное опухолью желез и шеи *(заушныкив, заволок, залаз)*. От этой болезни нажимают шею животногоципом. У свиней *«бува болячка на лехкых и печинци, и воны стрюхнуть»*. На первых порах поят заболевших: губкой *(трутовиком)*, нарастающей на плодовых деревьях, и *нечуйвитром*, указанным от бешенства свиней. Глистов, развивающихся от кормления рожью и сырым картофелем, изгоняют конопляным и цинтварным семенем. Наружных паразитов уничтожают: при лепе, смывая мылом, отваром табака и засыпая гречаной золой; червей же выбрасывают, приговаривая: *«Била масть — од девяты до восьмы, од восьмы до симы...* (и т. д.) *од одного та не одного»* *. При этом нужно взять горсть земли из-под правой передней ноги животного и ею засыпать рану. Если свиньи подвержены частым заболеваниям и дохнут в саже или хлеву, то значит последние построены не на месте и их следует переместить.

Едва ли может быть в действительности случай своевременной, естественной смерти свиньи. Если животное и ускользнет от смертельной болезни, уничтожающей его преждевременно, все же ему не избежать насильственной смерти от руки *колия*. По народным понятиям, не всегда, не каждый и не при всяких условиях может колоть свиней. Нельзя их колоть ни на третьей лунной четверти, потому что будет непрочное, гнилое мясо и сало, ни по понедельникам, средам и пятницам, так как сало *«буде слызьке»*, ни до зимнего Николая,— будут черви в мясе. Колий должен иметь легкую, но твердую руку, опыт, сноровку. *«Вин стромля ниж пид праву передню ногу»* **. По одним, колий, убивая животное, должен сбросить с себя шапку и кожух для удобства, по другим же, когда он колет в кожухе, то сало будет тверже. Колий никогда не должен сдирать кож с палого скота или бить и убивать собак, котов, ворон и сорок, вообще животных, не употребляемых в пищу, иначе мясо убитой им свиньи будет гадким, безвкусным. Однажды колий на предложение

* Многие бабы не соглашаются шептать свиньям, *«тому що воны дывлятся у землю»*.

** По отзывам сведущих лиц, для прочности мяса и сала, а может быть и для вкуса, не безразлично, при каких условиях убито животное. Чем медленнее и мучительнее смерть, тем менее прочно мясо. Раздражение способствует образованию кислот в мышцах. Не безразлична также и разъемка туши.

отогнать собаку ответил: *«Я вдарыть ии вдарю, та душу свою запакую, не можна буде бильш колоть»*. Солят сало немытой *(дрибною)* солью.

6. ПТИЦА

Выбор петуха и кур на племя. Помещение наседки на яйца, высиживание цыплят. Индейки, голуби, гуси и утки

Крестьяне предпочитают кур местной породы, некогда, судя по названию, выведенных из Персии *. На племя выбирается молодой петух этой породы, так как старый тяжел для кур, энергичный, голосистый *(чустрийшый, бадёрнийшый, голоснийшый)*, с большим гребнем, длинными и густыми перьями хвоста **. *«Як рясный гребинь и хвист у пивня, то буде рясно яець и курчат»*. Куры светлых мастей, особенно желтоватых, хохлатые *(чубати, волохати)*, как более красивые и ноские, предпочитаются темным. *«Чорни кури дрибни, негарни»*. Выбирающий кур на развод не может, однако, ограничиться только своим вкусом, а должен еще принять в расчет, какая масть ему в руку. *«Кому йдуть били, глынясти, червони, а кому попельнасти, зозулясти»*. Покупающий кур на развод должен еще сообразоваться и с следующими обстоятельствами. Лучше покупать кур *«з запада сонця»* и против течения реки, так как все вообще купленное по течению *(з-за воды)* быстро уплывает. Лучше всего купить птицу, назначенную на убой *(з-пид ножа)*, например, из еврейской кучи. Приобретая птицу, нужно обращать внимание и на то, от кого приобретаешь: *«Як из якои рукы, из однией пидуть у дило, из другои — ни»*. Возможен и обман. Продавщицы куриц вырывают у последних перья из-под крыл, и такие куры бесплодны. Разводя кур, нельзя из них уступать ни одной, пока завод не установился прочно. Нельзя держать курицу, поющую петухом,— ей нужно отрубить голову или только хвост.

С полгода курочка начинает нестись, указанием чего служит покрасневши гребень и особый крик. *«Курка почына сокорить»*. Тогда ее по утрам ежедневно, кроме первых дней Светлого праздника, Рождества и Нового года, ощупывают. Часто и сама курица извещает о снесенном ею яйце уже другого рода криком. *«Вона кудкудаче, хвалытся яйцем»*. После чего ее выбрасывают на двор, приговаривая: *«Иды, тютю, на тичок, знесы копу яечок, сегодня з мишечком, завтра з яечком»*. Снесенные яйца дают высиживать

* Курка — персидское churu, churuh, churus.

** По великорусскому народному поверию, петух, лишенный больших перьев хвоста, становится слабей курицы. По местному, эти перья стараются вырывать ведьмы. Запевало *(почагун, почакун)* пищит еще в яйце, опасен демонам.

наседке, выражающей желание высиживать еще третьим криком *(квочке)*. Гнезда квочкам устраивают в хате под полом и лавами из старых сит и решет, в которых цел ободок *(обычайка)*. Эти гнезда намащивают соломой, прибавляя к ней того сена, которое подстилалось накануне Рождества под кутю и по которому предварительно катались девочки: *«щоб квочка сыдила, як кутя на покути, щоб не часто ходыла, а то и горшкы и викна побье в хати»*.

Все вообще обыкновения, поверья и предрассудки, окружающие помещение наседки на яйца, сводятся к трем подразделениям: 1) на какие яйца садят наседку; 2) в какое время и каким образом кладут яйца в гнездо *(пидсыпають)* и 3) когда садят на них наседку. Наседку садят на немытые, содержавшиеся в прохладе яйца, круглой формы * с внутренней выемкой *(гузкою)*, приходящейся снизу или сверху, но не сбоку яйца, потому что от таких яиц рождаются петушки, а не курочки, с густым кружочком, но не камешком посредине, и с толстой скорлупой *(товстокори)*; тонких, прозрачных яиц *(немицных)* нельзя класть под наседку, она их подавит, нельзя класть и с черными пятнышками на скорлупе *(шкалярущи)* — не вылупятся цыплята. Нельзя класть в гнездо яиц от курицы, несущейся без хозяйского петуха, также первого и последнего из снесенных яиц и яиц, снесенных по праздникам, особенно на *«Благовищання и Благовисныка»*. Высиженные из таких яиц цыплята будут калеками или предсказателями несчастия *(благовисни)*. Родившийся в с. Белозерках Херсонской губернии на Вербное воскресенье петух запел на следующий день, оказался драчуном, бросался на людей и признан дьяволом. Подсыпать яйца лучше в сумерки или рано, на рассвете, *«щоб не було ни сонця, ни мисяця»*. Подсыпает тот, от кого лучше идут цыплята, из шапки, а не голыми руками, все сразу в нечетном количестве: 9, 11, 15 или 17. Все присутствующие садятся, а если вблизи мальчик, то его, а то и взрослого, тянут *(скубут)* за уши, чуб и штаны, *«щоб куры булы ухати, чубати, волохати»*. Наседку садят на яйца на молодике: утром, если он всходит вечером, и к вечеру, если всходит по утрам; лучше садить вечером, когда овечьи ватаги идут с поля, *«щоб так курчята лупылысь, як вивци з горы котятся»*. Хорошо также садить квочку по базарным дням и воскресеньям, *«щоб курчата йшлы, як люды до церквы або на базар»*. Посаженные в четверг и пятницу наседки высидят больше курочек, особенно если садящий сам родился в четверг или пятницу; посаженные же во вторник и среду — петушков. В понедельник, субботу, дни св. мучеников и в некоторые февральные дни *(кыртычеськи, тытрыденни)* нельзя садить квочку. Лучшие дни для посадки те, которые посвящены памяти преподобных угодников. Во всяком случае все присутствующие при посадке в хате садятся. Квочка сидить на яйцах три недели, в какое время ее

* Из заостренных яиц рождаются петухи, из притупленных — куры.

предохраняют от сглаза, накрывая ситом, особенно если неспокойна, и кормят также хлебом, как и вообще курей *, остерегаясь давать пшеницу, от которой квочка захочет нестись, а не высиживать цыплят: *«почне сокорить»*. Через три недели цыплята пробивают скорлупу и выходят; тем, которые не могут сами выйти, приподымают скорлупу. Прежде их кормят одним освященным пшеном и просто пшеном, крошками хлеба, искрошенным яйцом-болтуном *(розбовтком)*, а потом просом. В первый раз выносят цыплят из хаты в постный день, окропив освященной водой или водой из *помыйныци* и ударяя деркачом [50], *«щоб шулики не хапалы»*.

Выносить цыплят в первый раз на двор должна непременно девушка с зажмуренными или завязанными платком глазами в закрытом сите или в пазухе рубахи, откуда выпускает цыплят через рукав рубахи, *«щоб сорокы воны не бачылы»*. Часть цыплят ранних *(мартюкив, мартенят)* ** и более поздних *(пидкопанок, пидкипьят)* *** оставляют на племя *(насиння)*, остальных продают по 8—15 коп. курченок; взрослая курица стоит 35—40, петух — 30 коп.

Об индейках, разведенных в Малороссии сравнительно недавно и доступных лишь самому ограниченному числу богатых или очень старательных, неусыпных хозяек, почти нет никаких народных заметок. Хозяйка, приобрев по случаю, рубля за полтора, самца и самку *(индыка* и *индычку)* или чаще достав яиц, не существующих в продаже, садит на яйца в первом случае индейку, во втором — наседку. Замечено, что индейка хорошо высиживает: *«Ии, мов барыню, треба знимать з гнизда, кормыть и поить»*. Через месяц появляются цыплята *(индычята)*, которых прикармливают: молочной кашей ****, крутыми яйцами, свежим сыром, луком, деревием, потом просом, пшеницей и т. п. Остерегаются выпускать на росы и дождь, *«бо индычята утли»*. Оставляют на племя больших индюшат. Цена кормленным индюку и индейке 2—3 руб.

Голуби, напротив, всего менее озабочивают хозяев. Для разведения их берут колья *(чопы)*, которыми сверлили лед под Крещенье на реке, и втыкают в крышу постройки, где думают заводить голубей; также *перетыку* из воза или голубиное перо. В предупреждение похищения перьев голубей нужно, зарезав, очищать *(скубты)* на чердаке и перья затыкать там же за жердь. Даже кости освященных голубей относят на голубятню. Для развода голубей, по устарелому, почти окончательно брошенному суеверию, на заутреню Светлого праздника нужно идти с голубями за пазухой и на возглас священника: «Христос воскрес!» ответить: *«У мени голубы есть»*.

* Т. е. ячменем, просом, гречкой.

** Мартовские цыплята лучшие, потому что пользуются всем летом для развития организма.

*** О них говорят: *«Скильки на поли кип, стильки буде яець и курчат»*.

**** Редко достающейся и крестьянскому ребенку.

Завесть голубей можно, купив 1—2 пары птенцов, так как старые всегда возвращаются на прежнее место; иногда, впрочем, голубки, прибившись к чужим голубям, остаются при них. На чердаке голубям устраивают гнезда из досок, старых ведер, намащивают соломой. Голубки высиживают два птенца *(голубьят, голубенят)*. Кормят голубей просом, ячменем, гречкой. Различают обыкновенных голубей, *вертунив*, вертящихся во время полета, и *туркутив* (турманов). *«Воны туркотять довго, гарни, так боятся ястреба, их треба дома кормыть»*. Цена пары голубенков 5—8 к., туркутов и вертунов 25—35 к.

Покупая гусей на племя, следует брать их, как и кур, против течения реки и наблюдать, чтобы продавщица не выдрала пуха из-под крыльев *(«не помамрала»)*. Гусь несется с конца февраля и, по народному наблюдению, *«снесе стильки яець, скильки недиль Мясоийда»*, яиц 8—15, на которые и садится. За месяц до посадки в избе тщательно чистят трубы *(трусять сажу)* иначе яйца почернеют и гусенки не вылупятся. В гнездо кладут сено, бывшее под кутьей, и солому, подброшенную во время полета диких гусей.

Сажая гусь, берут присутствующего мальчика за волосы, приговаривая: *«Щоб гусы булы ухати, волохати, бородати»*. Гусь сидит на яйцах около месяца. Не следует смотреть на только что вылупленных гусят; кормить их нужно три дня разваренным пшеном, когда же оперяются и скрещивают крылья *(выбывають колодочки)*, то ячменем. Вынося гусят первый раз в решете из хаты, им подстригают лобик и окуривают жженными перьями. На племя оставляют ранних гусынь и при них злого *(войного)* гусака, который оберегал бы их и не водил на чужие огороды. Излишних продают по 50—60 коп., а к Рождеству по 80 к. и по рублю.

Народный вкус признает красивейшими и лучшими утками глинистых — *«воны аж по земли лазять»*, а селезня — сизого. Приобретенных на племя уток следует чаще кормить гречкой, будут лучше нестись: *«як гречка, так и яечка»*. Гнездо утке устраивается так же, как курам и гусям, с прибавлением сена из-под кутьи и перьев, которые уронила утка, когда неслась. Уток нельзя садить на первые яйца, не будуть нестись. Садят тогда, когда утка стонет *(кахкоть)*. При недостатке уток их заменяют наседками. Утята выклевываются через месяц; их скорлупу и все вообще гнездо нужно тотчас же отнесть на реку, а самих утят подкармливать вареной гречкой и хлебными крошками. Первые девять дней никуда нельзя выпускать утят — *«утли, урикливи дуже»*, а по прошествии этого времени можно вынесть утят во дворе в сите, подкурив их страстной свечой, ладаном и пухом и окропив освященной водой. Кормить утят во дворе нужно в известном месте, приговаривая: *«Де не ходить, а сюды йдить»*; в предупреждение болезней * их *загодовують* шпанскими мухами, полагая 10 насекомых на большой горшок каши. Цена уток доходит осенью до 30 коп.

СЕМЬЯ

Хозяин и хозяйка, предметы их ведения и отношение их между собою. Престарелые хозяева. Сыновья, невестки, дочери. Искусственная семья. Семейные песни

Предки украинцев должны были пережить, как и другие народы, постепенно различные формы семьи, начиная с матриархальной, в основании которой лежит отношение матери к ребенку, а сущность заключается в установлении родства по матери, потому что в групповом браке отчество определенно и достоверно лишь в некоторых случаях, материнство же всегда очевидно. «La maternité,— говорит Жиро-Телон,— est toujours une donnée indiscutable et la seule; la paternité au contraire une simple fiction juridique» [51]. Доказательствами прохождения предками малороссиян матриархальной ступени семьи служат: указание летописи на отсутствие у некоторых славянских племен, напр. древлян, постоянных браков и брачного сожительства, каковое отсутствие при неизвестности, неопределенности отца вело к господству дяди по матери в семье. Другим доказательством матриархата является сохранившееся в брачном обряде преобладание роли матери и брата; также величание матери в народных песнях, иногда в ущерб отцу **.

К сменившему материнство патриархату привело частью размножение материнской семьи, прекратившее возможность родичам, разошедшимся на далекое расстояние, оказывать покровительство женщине и вынудившее последнюю вместе с детьми искать ближайшей опоры в муже; преимущественно же расширение хозяйства, обнявшего рабов и животных, покоренных и прирученных мужчиной как воином и охотником. Поэтому сущность патриархальной семьи выразится в преобладании отеческой власти над лицами и вещами, и самое слово familia означает собственность: поле, дом, деньги,

* В народе почти не различают болезней домашней птицы и не умеют их лечить, почему эта часть птицеводства не излагается в настоящем очерке.

** Напр., в погребальном плаче мать называется: *«моя правдонько, моя покровонько!»* А в поговорках о ней говорится: *«Матинка ридна лучче всего свиту, нема роду риднийшого над матиночкы. Що тато, то не мама»*. Тот же смысл имеет и записанная мною пословица: *«Батько дытяти, як бугай теляти»*. Но малорусский матриархат был древнейшей формой семьи, и утверждение Мак-Ленанна, а за ним Жиро-Телона и Ш. Летурно, что у запорожцев генеалогия шла по женской линии, особенно неправильно и странно, так как в Сечи никакой семьи не было и запорожцы приходили в Сечь отовсюду.

рабов, а не происхождение. «Ce que les romaines entendajent par familia,— говорит Жиро-Телон,— ne réveillant ni l'idée de generation, ni celle de parenté physique, et ne signifiait rien antre chose, que la propriété» [52] *.

Но если отдаленный матриархат оставил, как пояснено выше, довольно определенные следы в малорусской семье, то тем более глубокое влияние должен был оказать на нее патриархат. В самом деле патриархальное миросозерцание, вытекающее из экономического прогресса, отразилось и на малорусском народном воззрении на жизнь и на идеал жизни как на самобытную хозяйственную деятельность, представляющуюся малороссу не только средством, а как бы даже самой задачей существования. Многочисленные народные пословицы и изречения, разбросанные в сборниках Номиса и Чубинского, указывающие на предпочтение хозяйственной деятельности всякой другой; колядки, щедривки и другие песни, величающие хозяйство; самые слова: *хазяин, хазяйка, хазяйський сын, хазяйська дытына*, звучащие похвалой,— все свидетельствует об указанном народном идеале. Поэтому изучение местной крестьянской семьи удобнее начать с представителей: хозяина и хозяйки.

Первому принадлежит важнейшая, существеннейшая сторона хозяйства, заключающаяся прежде всего в сохранении порядка, т. е. совокупности приобретенных средств существования и в направлении ежедневной жизни, сообразно времени года и другим условиям. Хозяин должен с вечера нарядить каждого семьянина на определенную работу в поле, на усадьбе или послать на ярмарку, в лес и т. д. Но, кроме поддержки хозяйственного состояния, хозяину принадлежат также и заботы о постоянном и временном улучшении хозяйства: прикупка земли, устройство мельниц, олейниц и других построек, приобретение орудий производства, напр. железного плуга, веялки и т. п., подготовка кредита. Для осуществления таких задач хозяин, по народному понятию, должен обладать организаторскими способностями: собственным почином и самостоятельностью. Он не должен часто совещаться —*«позычать розуму»*; только в более важных случаях необходимо ему посоветоваться с семьей. Он должен

* В старинном словаре «Thesauri pol.-lat.-graeci» слово *фамилия* переведено на польский как czeladz, maiętność, dziedzictwo [53]. Итальянское famiglia означает также состав хозяйства, дома, домашних и прислугу.

быть трудолюбивым *, умелым, спокойным, дело делать без суетливости и хвастовства. «*У хорошого хазяина у городи чысто, хлиба чымало, худоба сыта. Другому пиде, що й нышо робыть, а в хазяйстви хороше. Другый товчется, товчется, а дила не выходить*». Риск и соединенные с ним предприятия не одобряются. «*Рысковытый — це гарно: чы поймае, чы ни? Бува так, що вдвое покынетый — це гарно: чы поймае, чы ни? Бува так, що вдвое покыне. Прасол иноди заробыть руб або два, а бильш доложыть. Ни одын не розжывся з прасольства. Прасолы — нехороши хазяины: не забожысь дурно, ничого не выгра и не одурыть чоловика. И чумакы не дуже гарни. Чого б же хазяин пойихав пид фуру, хыба в его нема дила? Найлучше, хто копается у земли*».

Таким образом, круг хозяйственной деятельности хозяина обнимает преимущественно поле и все то, что с ним прямо или косвенно связано. Как раньше описано, с Благовещенья начинаются яровые посевы. Обсеявшись, хозяин пашет огород, поправляет кровли, плетни и очищает усадьбу, вывозя навоз. Затем пашет на просо и позже на гречку. Начинаются летние работы: косовица и жатва, с промежутком для пахоты на пар. Убрав хлеб с поля, хозяин старается обмолотить его ранней осенью и пашет на зябь. Свозит огородные овощи, копается в саду и обставляет хату на зиму. Зимой же хозяин домолачивает остатки хлеба в клуне и возит его молотить; подряжается иногда на разные поставки; ухаживает за скотом; плетет ясли, подкладывает корм и очищает навоз. К весне подготовляет орудия производства. Занимаясь так существенно хлебопашеством и соединенным с ним скотоводством, хозяин должен распо-

* Здесь кстати будет привесть несколько пословиц и поговорок, записанных в Лубенском уезде, о богатстве, бедности и их причинах: *Нехай им завысть, а нам корысть; У кышени усёго багато, тильки батька нема; Багатый я? Багато дечого нема; Хома, Хома! Чого в тебе нема; У вас и вода з рыбою, а в нас и борщ писный; Таки злыдни, с чого потягты?; Злыдни просылысь на тры дни, а за тыждень не вырядыш; Ни трисне, ни лусне — нема хлиба й окрайця; Хлиба на брязку; Хлиба — що в души, а одежи — шо на хребти; Хто раньше встав, той и вдине* (так мало одежды); *Такый з тебе хазяин, як из жыда; Я й не коваль, та лучче б ухнали затесав; Ну й порается, товчется, мов дурень з ступою; Дурный пип, дурна его й рич; Казав бы Хома, так слив нема; Радуйтесь! Рак з неба спускается; Обицянка — дурному радисть; Дае, та з рук не пускае; Як дома пообидаеш, то й в гостях дадуть; Робить, йижте! Будете робыть, будете йисты!; Як получыш горе, буде й добро; Нажывы легко — пропаде, нажывы з горем — буде; Хто рано встае, тому Бог дае; Не тоди хортив кормыть, як иты на вловы, а попереду; Зроблю на мамай* (на авось); *За схоткы — охоткы; Поривняй, Господы, пизнего з ранним!; Спы — доспышся, робы — доробыцся, гуляй — догуляешся; Сон та очи наймыльнийши чоловику; Якбы хлиб та одежа, то сыды в хати та йиж лежа; Мгычка лоша зйила* (Чоловик не встав и не пишов до коней, шо мрячка, а вовкы лоша зйилы); *Чого ты так тыхо идеш, як лын по дну?* (в другом смысле: будь тихим); *Пуцци та гробци ведуть у старци* (издержки на родинах и похоронах разоряют); *Горилка свичи не поставыть, а звалыть; Пье ледащо, бо в его йе за що, а мы б и добре пылы так у нас ни за що.*

лагать и доходом от них, именно деньгами от излишка хлеба, половы, соломы, сена; также выгодой от продажи и перепродажи крупного и мелкого скота, приплода, щетины, шерсти и сукна,— какой доход хозяин издерживает на нужды семьи: платеж податей, наем земли и сенокоса, прокормление, одежду и обувь; также на праздничные, свадебные и т. п. угощения и на разные случайности. Одним словом, *вси платежи на ёго голови»*. В обременении этой ответственностью за все и кроется главное отличие хозяина от других членов семьи, даже и от хозяйки.

С древнейших времен на хозяйку возложено домоводство и домашние работы: поддержание огня, приготовление пищи, одежды, доение коров. В доме она труженица по преимуществу и справедливо уподоблена Ксенофонтом пчеле. Такие же обязанности и малорусской хозяйки: на ее руках дом, огород, корова, птицы, дети, *щоб було наварено, напечено и прыбрано»*. Вследствие одинаковости положения нашей женщине ставятся в заслугу те же качества, что и древней римлянке; она должна быть pudica, domiseda, lanifica [54]. *«Хороша хазяйка усёго глядыть, все робыть сама и замышля робитныцямы, копается у хазяйстви, дома сыдыть, пряде, сама шые, не дае людям, а ледача з осени прыдбае, а до весны розмарчыть на пивмиткы, на вышывкы, а то почуе случай: хрыстыны, та туды пиде, а птыци и свыни голодни* *. Хозяйка должна ранней весной обмазать хату, привести в порядок вокруг и внутри последней. Затем она, как описано в предыдущих очерках, моет к светлому празднику белье и приготовляет пасхальный стол. Одновременно она начинает посадку и посев на огороде, которым и занимается все лето: полет гряды, сапует, окучивает картофель; в поле прополет пшеницу и просо. В мае же стрижет овец, парит и моет шерсть. В Петровку до косовицы ткет и белит полотно. В жатву — жнет или вяжет за хозяином. Летом выбирает плосконь, потом матирку, намачивает их. До холодов она должна опять обмазать хату и повитки.

С наступлением коротких дней и бесконечных осенних и зимних ночей крестьянский будень располагается следующим образом. С петухами просыпается главная хозяйка: мать, свекруха. *«Вона руша, свитыть свитло и всих будыть. Як свекруха дуже стара, тоди*

---

* В Лубенском уезде записаны мною следующие замечания о дурных хозяйках: *Се така баба, шо пидсытком сонце ловыла; Була в мене баба — та така вдахи: як пекла паску, так така добра вдалася, у пич як сажала, то й на сажень тяглася, а як с печи выбирала, то й копанци добувала; Нащо мени корова, як я сама ворона; Хивря заризала пивня; Як сама в хати, не дасть рады кошеняти; За цилый день и кишци хвоста не завьяже; У еи в печи горыть, як жука смалыть; Комари повыгоняла, а мухы там зосталысь; Пишла по масло — в печи погасло; Ии тильки по смерть и посылать, бо нажыться можна; Топчеться на мисти, як мара; Галаса по хати, як курка з яйцем; Чы чула, мачула!; Ай, головка бидна, забула!; Пекла Кулына пырогы — и ворота в тисти; Обтепана, облепана, неакуратна, неоковырна; Нашыла — ни зиму, ни лито; Напряла — там сук, а там болячка.*

невистка». Женщины тотчас садятся прясть или шить; молодица вышивает рубашку мужу. Девушки-дочери еще прядут на досвитках. Затем невестка идет в погреб за картофлей и буряками, чистит овощи, растапливает печь и, нагрев помои, выносит их с другой женщиной свиньям и кормит птиц. Между тем возвращается молодежь, прежде парень, который и вносит топливо. Невестка с помощью свекрови приготовляет пищу. Позавтракав и прибрав в избе, женщины садятся шить или прясть до обеда, а мужчины, как сказано, молотят, подкладывают корм скоту, вывозят навоз. После обеда женщины опят прядут и шьют до ужина, приготовление которого также возлагается на невестку. Опять женщины кормят свиней и птиц. После ужина мужчины крутят конопли на веревки или принимаются чинить одежду, обувь, упряжь, женщины же садятся за гребень. Очеркнутым кругом занятий определяется и доход хозяйки, заключающийся в деньгах, вырученных от продажи птиц с их приплодом, молока и произведений из него, овощей и огородних семян, пряжи и сотканных из нее полотна, хусток, рушников, ряден, также сотканных из шерсти поясов и запасок. Часть этого дохода затрачивается на разные хозяйственные мелочи: горшки, соль, керосин, платки детям и т. д.

Так складывается в Лубенщине внешняя, хозяйственная сторона крестьянской семейной жизни, внутренняя же ее сторона — отношения мужа и жены часто бывают довольно хорошими, что зависит прежде всего от выработанного веками народного характера. Дело в том, что малорусский характер рассудочный, а не эмоциональный. В нем преобладает спокойствие, сдержанность, холодность, способность обдумать, взвесить известное положение. Суждения малоросса часто превышают его быт и образование. Скрытность и гордость заставляют подавлять семейные неприятности в самом зародыше, не допуская их распространяться, согласно пословице: *«Як лыхо — тушы тыхо»*. Семейное счастье во многом зависит и от достоинств малорусской женщины, по словам покойного П. А. Кулиша, более даровитой и порядочной, чем мужчина. И. С. Аксаков дает о ней следующий отзыв: «Природная грация, вкус к изящному, художественный склад мысли, утонченность, доведенная донельзя в области чувства,— равно присущи всем малороссиянкам и заслоняют недостаток образования». Малороссиянка равноправна, часто забирает главенство в доме. И местная женщина не лишена указанных качеств: она мила, приветлива, женственна, скромна, несколько мечтательна, любит напевать печальные песни. Бывают *«молодыци, як тыхе лито»*, покорные родителям мужа, не жалующиеся, не осуждающие, отклоняющие мужей от пьянства. *«Вона за весь вик „брешеш“ мени не сказала»*,— хвалился счастливый муж своей женой.

Но, конечно, ссоры мужа с женой всегда возможны, особенно на первых порах, пока супруги еще не привыкли друг к другу, не обтерпелись. Семейные несогласья вызываются различными причи-

нами: подстрекательством свекрови, непривычкой новобрачной к новой обстановке, неумением приготовлять пищу, недостатками мужа, сплетнями и ревностью, когда, например, на свадьбах развеселившийся муж моргнет на чужую молодицу или жена улыбается постороннему. Начинаясь легкой перебранкой, ссора доходит, разгораясь, до проклятий и побоев *.

Чоловик лысне черезсидельником раза два по плечах — и заведутся грызтысь. Вин як запаленый, то бье чим не попало: по голови, по спыни, суне и пид бик чоботом, тяга за косы, а жинка подряпа ему пыку. Бува, що й жинка попаде чоловика за чуба, бье по плечах, по голови кулаком, дума, що дужче дошкулыть. Ридко жинка коверсуе чоловиком, бильш того, що корыться. Жылы чоловик и жинка. Чоловик був малый, а жинка велыка. Так вин ии все бье, за вищо треба було. А потим булы в их гости, а вона й каже чоловикови: «Ну, чоловиче, ты мене все лыскаеш, дай я тебе хоч раз лысну за всю жизнь». «Погана ты дуже — лыскать». «Ну, вже ж,— каже,— як хоч, чоловиче, а раз лысну». Так вона его як лыснула долонею по щоци, так вин аж у сины вылетив. «Ну,— каже вона,— ты ж не думай, чоловиче, шо я буду старша тепер, а такы будь ты старшый: за вищо треба, то й бый, що не в порядок зроблю, то й лай». «Ни,— каже чоловик.— Бог з тобою, вже бильш тебе быть не буду».

Обыкновенно супружеские сцены разрешаются мирно: *«балакають, мов ничого не було». «А бувае: ввийде вин, обизвется, а вона мовчыть. Помовчыть сутки, а там обизвется. Другый выспытся, и тоди вже не згадуй».* Впрочем, случаются и временные разлуки. Чаще жена срывается внезапно и идет к родителям. По прошествии известного времени туда же является и муж, садится и долго молчит, а жена работает, как будто ничего не замечая. *«Чы я тебе не*

* Брань и проклятия, относясь к мелким словесным произведениям, также записываются этнографами. Вот некоторые образчики, слышанные и записанные мною от женщин, о которых выражаются: *«У еи аж губа торохтыть лаяться»: Собако!; Псюго!; Сукына дочко!; Стерво сибирне!; Падло!; Холера!; Мара, марюко!; Зла лычыно!; Ледацюго!; Волоцюго!; Неподибна чоловикови дороги перейты; Прычыннык!; Звиднык!; Каналюго!; Дзюнько!* (проститутка); *Злодюго!; Катюго!; Шыбенику!; Душегубко! Щоб ты туды пишов, куды людський глас не заходыть! На оборот свита!; Щоб тоби не було ни жыття, ни пуття, куды не повернешся!; Шоб вы собачою слыною пишлы!; Шоб ты не диждав!; Матери твоий хрин!; Купа чортив твоий матери!; Шоб ты не дийшла!; Хай тоби ногы всохнуть!; Як ты казала? Бодай же ты онимила!; Так ты чула? Бодай же ты оглухла!; Як ты бачыла? Хай очи тоби повылазять!; Шоб тебе лыха годына не мынула!; Трясьця тоби в душу (або в печинкы, в пуп)!; Хай тебе коло серця поповарыть!; Хай тебе за пуп попорве!; Бодай тоби дыхать не дало!; Шоб тебе покорчыло й посудомыло!; Шоб тебе таке взяло, шоб ты не диждав и свита!; Хай тебе побье те, шо в хмари гуде!; Шоб тебе руда глына вбыла та лыха годына та несвицький сором!; Шоб ты прахом рознався!; Шоб тебе татары вбылы!; Шоб тебе на лави вытягло!; Хай тебе на марах вынесуть!*

Следует еще заметить, что мужчины редко бранятся или проклинают, согласно поговорке: *«Хоч горшком звы, абы в пич не посунув».*

любыв? — говорит, надумавшись, муж.— *Чого ты пишла?» «Одчепысь! —* отвечает сердито жена. Опять долгое молчание. *«Хто мени сорочкы пратыме?» «Одчепысь».* Вдруг муж бросается к жене, хватает ее за косы и тянет домой.

Никогда почти муж и жена не разбегаются навсегда, *«як руди мыши»*; жена, погуляв год и больше, сама просится домой. Спорные вопросы, открывающиеся при временной разлуке, о детях и об имуществе, решаются частью самой силой вещей. Так, грудное дитя берет всегда с собою мать; большие же остаются при муже — как потому, что их некуда девать, так и по обычаю. *«Як покыне жинка, то нема указу забирать из собою дитей».* Имущество жены, точнее скрыня, оставшееся после ухода, во избежание растраты присуждается жене волостным судом, смотрящим на семейный разлад беспристрастно *.

Но со временем ссоры уменьшаются, муж и жена сживаются настолько, что утрата одного является большим несчастием для другого: теряется главная опора в старости. А между тем с летами положение отца делается все более и более тяжелым: ему неудобно выпустить имение из рук, пока он еще сколько-нибудь в силах работать, так как с передачей состояния теряется и значение в семье; сыновья же, напротив, стремятся поскорее захватить все в свои руки для ведения хозяйства согласно изменившимся условиям. Наладившиеся с женой отношения расстраиваются с другой стороны: начинается борьба с сыновьями, сопровождающаяся сценами, описанными в повести г. И. Левицкого: «Кайдашева симья». *«Дурню!» —* кричит отец. *«Вы, тату, дурнийши».* Дело доходит до побоев **. Если детей несколько, то отец, выбрав младшего или лучшего характером *(плохишого)* сына, у него доживает век. Но при наличных сыновьях отец никогда не поселяется у дочери: так как хотя нежная дочь и могла бы отнестись заботливее к отцу, чем невестка, приготовляя ему лучшую пищу и чистое белье, но, взятая с одною движимостью мужем, дочь сама в зависимости от последнего. Только если сыновей нет, отец доживает у которой-нибудь из дочерей, преимущественно у младшей. Иногда ему случается и переходить с места на место, от одного дитяти к другому, подобно Лиру. Избрав окончательно жилье, *дид*, пока еще в силах, помогает приютившим его, охраняет двор, огород и баштан, пасет скот и свиней, зимой крутит конопли, мотает пивмиткы. Окончательно устарев, наблюдает уже только за пасекой или мельницей да, прохаживаясь по двору с *ципочком*, дает советы по хозяйству, не всегда уже применимые. В холода сидит на печи и если *«кохается у*

* Муж очень редко оставляет жену: или убегая от домашних недостатков или, возненавидев ее, отыскивает любовницу.

** В Лубенщине, как и в других местах, сохранились рассказы об убийстве стариков, напр.: *«Стари дожывають до того, що их сажають на лубок и везуть на кругы, на гний и там покынуть»* [55].

внуках», то учит их правилам вежливости *, также *«Богу всякому хорошому: воскресному Богу, и помылованю, и оченашу»*. Почти таково же и положение *витчима* в семье. *«З йим зладнать можна; вин послуха, у его жалости бильш; ниж у мачухы»*.

Баба доживает века вместе с мужем, а оставшись вдовою, пребывает у сына. *«Маты безпечниша у сына, ниж у зятя»*. Юридическое ее положение, определяемое обычаем, выражается обыкновенно выделом 1/4 части состояния в пожизненное владение; выделяют, впрочем, и больше и меньше: 1/3 и 1/6 части, или ничего не выделяют, а лишь кормят **. Фактическое ее положение в семье также различно. В хороших семьях с матерью советуются: *«Шо, мамо, варыть? Куды йихать орать, косыть?»* Но чаще советами ее пренебрегают: *«Забувайте, мамо, старый закон* (обычай) *и не нагадуйте про старыну; тепер ии не прыймають. Як ие кусок хлиба, то йижте, мамо, нышком»*. Тем не менее бабой дорожат больше в семье, чем дидом, потому что она полезнее в хозяйстве. Весной она полет огород, щипает капусту, окучивает картофель. С наступлением горячей рабочей поры на бабу оставляется все хозяйство: она должна напоить теленка, свиней, птиц; наблюдать, чтобы они не потравили гряд; также накормить и присмотреть детей и сварить ужин возвратившимся с поля. Осенью баба помогает собирать овощи, перебирает картофель, отлагая крупную для пищи людям, а мелкую в корм свиньям и на посадку, квасит буряки и сечет капусту. Зимой мыкает мычку и прядет, если не боится пыли, и шьет в очках. Она поглощена заботами о внуках: делает им игрушки и куклы, учит обращению *(звычайности)*, нравственности, *(«угруща, щоб слухалы, никого не зачипалы, не кралы»)*, хранит мир в семье. Она же — источник старых обыкновений, примет, народных молитв и предсказаний.

Необходимым повсеместным следствием патриархата явилось предпочтение сына дочери, так как первый продолжал отцовский род и традиции предков, а вторая, отходя в чужую семью, поддерживает эту последнюю, а не отеческую. [...] В Лубенщине о сыне выражаются так: *«Як сын родытся, то й углы в доми веселяться, а як дочка, то й углы смутятся»*, или так: *«Сын родыться на хазяйство, а дочка на злыдни»*. И здесь известен рассказ крестьянина о трояком расхо-

* Местные приветствия таковы: утром — *«Добрыдень»*, днем — *«Боже, поможы; помага-би; з постом; прыкончением посту; з недилею; з празныком будьте здорови!»* Но работающего в праздник нельзя поздравить с праздником, а следует сказать, как и в будень: *«Боже, поможы»*. Иногда разнообразят приветствия: *«Здрастуйте вам! А чы ради вы нам? А хоч ради, хоч не ради, то спасыби вам»*.

** Юридическое положение мачехи такое же: она получает 1/3, 1/4 часть состояния до выхода замуж или пожизненно. Иногда отец завещает, чтобы дети не выгоняли мачехи: предосторожность не лишняя, так как мачеха и в народных пословицах, и на самом деле представляется в непривлекательных чертах.

довании годового урожая: об уплате старого долга прокормлением отца, о даче в заем — прокармливание сына, и о бросании за окно — кормление дочери. Поэтому бабка называет новорожденного сына *богданом*, какого эпитета к дочери не прилагают; иногда даже последнюю презрительно называют *шерепой*.

Первое время, до поступления в школу, мальчик воспринимает начала нравственности от отца, матери и, как сказано выше, от восходящих родичей. Порядочный отец относится к детям с наружною строгостью и холодностью, *«думкою жалие»*, иногда и постегает за дело. Мать более заботится о чистоте, здоровье детей, но зато вносит в отношение к ним много нервности, например, позволяя себе проклинать их, оправдываясь тем, что *«маты у Бога брехуха, Бог ии не слуха»*. Она позволяет себе также скрывать от мужа проступки детей для поддержания семейной тишины. В крестьянском быту дети рано начинают приносить пользу. Уже в 8—9 лет мальчик пасет какую-нибудь коровенку, а с 10-ти лет он уже настоящий пастух небольшого стада, получающий 10—12 руб. в год или одежду на эту сумму. С 12—15 лет мальчик нанимается в *погонычи* рублей за 20 в год на хозяйской одежде, а в 16—18 он считается полурабочим, способным на все полевые работы: пахать, гресть сено, возить и подавать снопы, кроме косьбы. Полурабочий получает 30—40 руб. в год на хозяйской одежде. Настоящий рабочий, парень около 20 лет, получает 45—55 руб. в год. Кроме годовых наймов, в Лубенщине распространены еще срочные, летние, как местные, с 25 марта до 21 ноября *(с Благовищення* до *Веденя*, реже до *Пущання)*, с уменьшением рублей на десять указанных годовых цен, так и сторонние наймы. Эти последние давно известны в Полтавской губернии, «в которой урожай не может занять всех рук». Из Лубенского уезда выходило еще в сороковых годах прошлого века до 3000 рабочих на заработки в южные губернии.

Прежде, бывало, отдельные кружки *заробитчан*, душ 8—10, собирались в избу в сопровождении родственников. Последние *«гладили дорогу»*, т. е. распивали водку с пожеланиями: *«Дай, Боже, хорошого лита, урожаю! Прощайте, дай, Боже, шоб диждать»*. Затем заробитчане шли пешком, сбросив вещи на нанятую подводу. За селом родственники опять «гладили дорогу». Возвращение заробитчан также соединялось прежде с небольшим угощением; *«ногы мылы, пузыри гоилы»*. Отхожие промыслы выгоднее местных наймов в двух отношениях: увеличением заработка рублей на десять и более в урожайный год и сокращением срока найма месяца на два. Но где бы ни пришлось работать парню, на месте или в южных губерниях *(на Таврии)*, все равно его заработок отдается отцу и идет в пользу всей семьи; отец обязан только одевать, обувать сына и выдавать ему немного денег на парубоцкие расходы: вход в парубоцкую громаду *(«як вкупается в парубкы, в челядь»)*, на

складки и т. п.* И для женитьбы от парня не требуется никакой особой экономической подготовки; лишь бы был венчальный костюм.

Брак происходит по семейному соглашению; парень указывает на девку, но родители могут и не согласиться. Нередко мать вмешивается в выбор сына и расстраивает все дело. Родители желают, чтобы выбор сына пал на девушку приблизительно одинакового положения, чтобы *богатырь* не женился на бедной, козак на бывшей крепостной *(ременний)* **. Взвешивается и вопрос о приданом; имеющим, например, землю интересно, чтоб молодая пригнала скот. Раздор невестки с свекровью, столь распространенный, бывает не всегда и начинается не сразу. На первых порах невестку знакомят с домашними обыкновениями и порядком работ в доме. Бывает, что невестка обмолвится: *«У нас не так, у нас краще»*. Но со временем — реже тотчас, как в семье Кайдашей — на невестку стараются взвалить всю домашнюю работу: она варит, печет, прибирает. Одним словом — она настоящая рабочая сила. *Зовыця тильки роскошуе»*.

Причины такого обременения невестки работами различны. Обыкновенно ко времени женитьбы старшего сына мать успевает уже пожить, родить несколько детей и вдоволь наработаться, помощь ей необходима, и потому она старается передать большинство работ невестке; так как дочь, которой почти ничего не предстоит получить из общего достатка, сторонится и от усилий, создающих этот достаток, невестка же скоро сделается главной хозяйкой и передаст все состояние детям. Возможно, что на приниженное положение невестки в доме влияют и отдаленные воспоминания о патриархате с сопровождавшими эту ступень развития семьи умычкой и покупкой жен. Во многих семьях, например, невестка не садится за общий стол иногда до 7 лет, а ест стоя. Как бы то ни было, но в излишнем обременении невестки работами заключается одна из главных причин семейных неудовольствий. Невестка слушает, слушает, да наконец и возразит: *«Робить вы, мамо, соби, а я соби робытыму»*. Затем, хотя невестка и является главной рабочей силой

* Жизнь местной молодежи делается все менее и менее поэтической, и напрасный труд искать в действительности тех романтических сцен, которые встречаются не только у Гоголя, но и у позднейших писателей... Теперь парень выкликает дивчыну свистом, ударами палкой по воротам, кричит подругам: *«Скажить Оксани, шоб выйшла, а то ногы поперебываю!»* Дивчатам *прыкладають* прозвища: *крыворота, клышонога*. Парень без церемонии говорить девушке: *«Твоя маты крычыть, шо я тебе визьму, а я не визьму: хиба ты мени волив прыгониш? Ганчирок твоих мени не треба»*. *«Чы в тебе уже все ие?»* — спрашивает парень девушку. *«Ни, нема ще кожушанкы»*. *«Ну, посыдь же, дивко, посправляй соби все, тоди, може, тебе якый дурень и визьме»*.

** От слова: временно-обязанная, в шутку — *ременем обвязана*, откуда сокращенное *ремина*. Вообще стараются выбирать жену *«по своему пирьи»*, шоб *«якый йихав, таку й виз»*.

семьи, но распоряжается всем свекровь, и невестка должна спрашивать у последней о всякой мелочи, а отсюда зарождается новая причина вражды: борьба за власть в доме вообще и за влияние над мужем в частности. Положение невесток в семье улучшается, если их несколько, потому что в таком случае они могут приготовлять пищу поочередно, а зимой шить и прясть для себя, мужа и детей. Старшей невестке оказывается обыкновенно несколько большее уважение как дольше работавшей на общую пользу *(на гурт)*, впрочем, *«покы вона не огыдне»* *.

С размножением семьи положение невестки и ее мужа становится все более и более невыгодным. *«Докы мною замышлятымуть,*— рассуждает она,— *на якый конець я буду робыть на всих, здоровья терятыму? У мене свои диты, мени треба робыть на их»*. В такие же условия поставлен и муж ее, старший сын семьи; и его труд в большей части идет на гурт. *«У старшого сына дурна сыла»*,— говорит народ. В самом деле, если он, не нанимаясь на сторону, работает дома, то для получения хоть некоторой личной выгоды должен утаивать некоторый процент при извозе, продаже хлеба и скота, порученных отцом, на ярмарке в свою пользу или даже тайно продавать часть хлеба в удобное для того время, например в молотьбу. Если неотделенный сын нанимается на сторону **, то заработная плата, кроме затрат на свою одежду и обувь да на подарки (платок, материя на корсет, сапоги) жене и детям, отдается почти вся отцу и идет на нужды семьи. Мало того, у старшего сына могут быть дети-подростки и ему не расчет употреблять их труд также на гурт. Рано или поздно семейное положение старшего сына разрешается отделением.

В другие условия поставлен меньший сын. Отделенный от отца большим промежутком лет, он дольше подчиняется patria potestas [56], дольше пребывает в послушании отцу и имеет меньше возможности к столкновениям. Оттого-то, по народному воззрению, *«меньшый сын кращий, ёго найжальнийше»*. Кроме того, он до конца жизни работает на всю остающуюся семью, пропитывает и хоронит родителей. На таком преимущественном и более продолжительном участии в семейном производстве и умножении достояния основывается

* Следует прибавить, что невестка-солдатка редко остается в доме свекра; большею частью она переходит жить к отцу или нанимается чаще всего кухаркой с обязанностью изготовлять пищу душ на двадцать. Кухарка получает 35—40 руб. с подарками (платками, сапогами и т. д.) на хозяйской одежде в год и ту же сумму в летний срок, но на своей одежде.

** В годовой наем мужчина становится за 60—70 руб., на летние работы на сроки: от Благовещенья до Введения или местами от Евдокии или Алексея до Пущання — за 40—50 руб., в зиму — до 20, помесячно зимний наем — 5—6 руб., на винокурне — 10—12 руб. Поденно: в косовицу 30—75 коп., а в жатву, на которой мужчина может накосить 5—6 коп в день, он зарабатывает 40—80 коп., даже до 1 руб. Поденная плата молотнику — 40—60 коп.

титул младшего сына на предпочтительную долю в наследовании у малороссиян, как и у других народов.

Разделение семейного имущества носит различный характер. Г. Барыков в своем исследовании «Обычаи наследования у государственных крестьян Южнорусского края» признает коренным обычаем Полтавской губернии устройство отцом сыновей при жизни выделением им части имения. Руководясь этим обычаем, лубенский крестьянин делит свое имение по числу сыновей на равные части, оставляя такую же лишнюю часть и для себя, а затем, когда наступит пора выделить старшего сына, то вся семья общими усилиями и на общие средства принимается строить ему хату, покупая дерево, нанимая мастера и мазальниц — по раньше изложенным правилам об устройстве новых жилищ. Одновременно строятся и надворные постройки. По окончании жилья происходит обряд выдела таким образом: отец берет иконы, а мать хлеб-соль, принесенные в новую хату, и, благословляя сына, говорят: *«На тоби хлиб и силь на нове хазяйство. Дай, Боже, шоб и в тебе було стильки хлиба, як у нас у гурти. Робы, небоже, то й Бог поможе! Дай, Боже, шоб ваша хата була на все здорова й багата! Шоб вы хлиб-силь малы и людям давалы, и батька й матери шоб не забувалы!»* После благословения сын угощает родителей и собравшихся соседей водкой. Отец, отпивая, говорит: *«Дай, Боже, тоби здоровья у новий хати! Шоб ты жыв и всёго добра нажыв».* Родители заявляют соседям: *«Глядить, мы их не обижаем: хлибом, силью, худобою надиляем».* Соседи также пьют с пожеланиями: *«Дай же, Боже, шоб всёго було полно и довольно».* Так в большинстве случаев производится выдел сына (*«як батько одризня»*), но иногда первый отходит самовольно (*«кыдае батька»*), забирая лишь личное имущество да женино приданое; но обычай выдела настолько укоренен в народном быту, что даже и в случае самовольного ухода сына — в собственном смысле отдела — волостной суд обязывает отца выделить сыну некоторую часть состояния.

Если таким образом малорусская семья начинает разъединяться еще при жизни родителей, то тем более, потеряв с их смертью и последнюю связь, семья должна распасться, *розризныться* неминуемо. Основной причиной разделов является желание всякого хозяина и особенно каждой хозяйки устроить жизнь отдельно, особняком, по своему вкусу и образцу, на полной своей воле, согласно пословице: *«Чоловик та жинка — найлучша спилка»* — короче сказать, инстинкт индивидуализма *. Иногда к этой главной причине

* Вследствие господства индивидуализма в Лубенщине преобладают малые семьи, в 4—5 душ, над средними, в 6—7, не говоря уже о больших. Отсюда вытекают: раздробление семейной собственности, ослабление рабочих сил и инвентаря, слабое развитие кооперации и общественных чувств. *«Народ ненавысный. Колы б так захылыться, щоб одно дного й не бачыло»*,— говорят крестьяне.

раздела присоединяются побочные, чисто фактические: обилие хозяек, не могущих помириться у печи за горшками, многочисленность детей, так что негде повернуться в хате, ссоры женщин и детей между собой и т. д. Нет никакой особой обстановки разделов. Делятся иногда и сами соучастники общей собственности. На родине покойного М. Т. Симонова, в Зароге, например, *«старшый брат дилыть на части, а меньшый яку схотив, ту и брав».* Но этот обычай местный, в других местах Лубенщины неизвестный. Вообще добрых разделов мало; чаще они сопровождаются такими ссорами и драками, что вызывают вмешательство посторонних лиц: соседей, стариков, волостных судей. Разделу подлежит движимость, усадьба и поле; между прочим, делится поровну между братьями и та излишняя часть поля, которая, как указано выше, оставлялась отцом пожизненно для своего пропитания. Но луг, сенокос, лес может оставаться и в общей собственности. Иногда и сад остается в общей собственности, а фруктами делятся ежегодно. Так что единственно прочной нормой местного обычного права является предоставление старой батьковской хаты и огорода *(дворыща)* младшему сыну.

Юридическое положение дочери в отцовской семье иное, чем сына. Дочь самой силой вещей предназначена к образованию новой семьи, к продолжению чужого рода будущего мужа, и пребывание ее у отца только временное. Отрешение дочери от родового очага было первым актом брачного обряда у древних; оттого в Индии, Греции и Риме дочери не наследуют... Те же нормы обычного права о наследовании дочерей известны и в Малороссии. И здесь дочери при наличности сыновей не наследуют в отцовском недвижимом имении и инвентаре. Эти правила наследования указаны еще в «Русской правде» и в Псковской судной грамоте. Но действительное положение дочери в семье представляется совсем в другом свете, чем правовое. Если отцу более желателен сын как помощник, то матери по той же причине желательнее дочь. *«Шо с тих лобьякив * за польза?* — рассуждает мать.— *Дочка и прястыме, и пошые, и выпере сорочку». «Шоб була помитуха й помазуха, прачка й швачка»* — таковы пожелания баб новорожденной девочке. Кроме большей способности к домашней работе, девочка еще послушнее, ласковее, спокойнее, почему родители балуют ее больше; мать больше заботится о ней, чем о сыне.

Девочка раньше мальчика начинает работать. Крошка 5—6 лет уже колышет колыбель, а в 7 таскает ребенка на руках. С этих же лет она учится шить и прясть, причем первый спряденный клубок пряжи бросают в огонь или в сор —*«сороци на гниздо»*. С 7—10 лет девочка пасет гусей, свиней, овец, иногда корову, а нанявшись на сторону пастушкой, зарабатывает до 5 руб. в лето. С 14—16 лет

* Лоб больше, чем у девочки.

большинство дивчат поступают на летние работы в срок с 17 или 26 марта по 21 ноября за 15—18 руб. и платок; с 17— лет плата увеличивается до 25 руб., а старшим девушкам плата доходит до 28—35 руб. и два платка или материи на корсет. Хотя спрос на рабочие руки существует и на месте, по наследованной от прежних времен мрачной пословице *«Була б шия, а ярмо буде»*, но многие девки предпочитают южные заработки, на которых всегда нужны вязальщицы к жатвенным машинам *(жачкам)* и где срок найма короче, а цена выше: с 9 мая по 1 октября — 30—40 руб. Взрослая девушка, поступающая в экономию только на жатву, получает за один июль 11—12 руб. Поденная же заработная плата колеблется между 20 и 50 коп. Наем на всю зиму ценится в половину против летнего, помесячно 3—4 руб. Наконец, в годовой наем девушка становится за 30—40 руб. на хозяйской одежде. Часто годовая наймичка берет часть платы одеждой, а сиротки, о которых некому позаботиться, выговаривают себе вместо всего годового платежа одежду по такому, например, расчету: кожушанку на 5—7 фант ценой в 10—15 руб., суконную верхнюю одежду (юбку) в 6—8 руб., ваточник — 5 руб., запаски — 2—3 руб., *поворозки* (узкий пояс) в полтинник, рубашку в 1 руб. и сапоги в 4 руб. Нет никакого общего правила об израсходовании девичьих заработков. Иногда до половины их затрачивается на безотлагательные нужды семьи. Чаще заработанные деньги хотя и передаются девушкой отцу, но истрачиваются на ее же одежду и обувь. Наконец, все деньги остаютя у девушки, а она платит лишь за зимовлю 5 руб. родителям, если не нанимается и на зиму.

Редко девушка совсем никуда не нанимается на лето, а помогает матери в летних работах; в свободное же время сидит в саду, шьет и вышивает. Но такие непринужденные работы самые желательные девушке; *«строки»* даются нелегко, как доказывают, между прочим, следующие девичьи *(дивоцьки, строкивськи)* песни о гореваньи в наймах.

1

Ой, матинко паво!
Тепер я пропала!
Ой, матинко ридна!
Тепер я невирна.
Ой, тоди я вирна буду,
Як строку добуду.

2

Ой, матинко вышня!
Чы я в тебе лышня,
Шо ты мене в срок наняла,
А я й непрывышна?
Чы я в тебе, моя маты,
Платкы поносыла,
Шо ты в мене в срок наняла.

Шоб я голосыла?
Чы я в тебе, моя маты,
Пшеныци не жала,
Шо ты мене в срок паняла,
Шо я й не бажала?

3

Чы я в тебе, ненько,
Весь хлиб перейила.
Шо ты мене вырядыла,
Куды не хотила?
Чы я в тебе, ненько,
Спидныци порвала,
Шо ты мене вырядыла,
Шоб я й горювала?
Думаете, ненько,
Що я тут не плачу?
За дрибнымы слизонькамы
И свита не бачу.
Думаете, ненько,
Шо я тут паную?
Прыйды, ненько, подывыся,
Як я тут горюю.
Шо у людей дочок по пьять
Та вси дома сыдять,
А я в тебе одна,
Та й та в наймы пишла;
Шо у людей дочок по сим
Та им счастя усим,
А я й у вас одна,
Та й тий счастя нема.

4

Тече ричка з поля,
А другая з моря,
Та выкупы, ненько моя,
Мене з сёго горя.
Тече ричка з поля,
Та водыця тепла,
Та выкупы, ненько моя,
Мене з сёго пекла.

5

Ой, высоко, высоко
Клын-дерево од воды.
Ой, далеко, далеко
Отець-маты од дытяты.
А хоть воны далеко,
Та згадають легенько.
Тоди мене згадають,
Як обидать сидають.
Ой, десь наша дытына,
Як у степу былына,
Ой, десь наше дытятко,
Як на мори утятко.

6

Згадай мене, моя маты.
Дома спиваючь,
А я тебе изгадаю,
В строку строкаючы.
Згадай мене, моя маты,
Удосвита вставшы,
А я тебе изгадаю,
Ище й не лягавшы.
Згадай мене, моя маты,
Обидаты сившы,
А я тебе изгадаю,
Не пывшы, не йившы.
Згадай мене, моя маты,
До церквы идучы,
А я тебе изгадаю,
В строку горюючы.

7

Згадай мене, ненько,
В недилю раненько,
Як дивчата йдуть до церквы,
Заплитаются дрибненько.
Згадай мене, ненько,
У недилю вранци,
А я тебе, изгадаю
У сороци дранци.
Згадай мене, ненько,
На хатним порози,
А я тебе изгадаю
В степу пры дорози.
Згадай мене, ненько,
Та й над пырогамы,
А я тебе ненько,
Та й над сухарямы.
Згадай мене, ненько,
Сившы обидавшы,
А я тебе изгадаю,
Не пывшы, не йившы.
Згадай мене, моя ненько,
Ложечкы помывшы,
А я вас же изгадаю,
Слизонькамы вмывшы.

8

Сёгодня субота,
А завтра недиля,
А у мене, ненько моя,
Сорочка не била.
Згадай мене, ненько,
В недилоньку вранци,
А я вас же изгадаю
У сороци в дранци.
Згадай мене, ненько,
До церковци йдучы,

А я вас же изгадаю,
В строку горюючи.

9

Як пиду я у строк, ненько,
То, може, пролежу.
Дайте, ненько, подруженькам
Проносыть одежу.
— Ой, лучше ж я, дытя мое,
По тыну роскыну,
Аниж мени прыбыраты
Чужую дытыну.
Ой, лучше ж я, дытя мое,
По тыну розвишу,
Бо чужою дытыною
Серця не потишу.

10

Соловейку маленькый!
В тебе голос тоненькый.
Защебечыш ты мени,
Шо я в чужий сторони,
Нема роду пры мени.
Нема роду, ни родця,
Ни матуси, ни отця.
Хоть бы була родына,
Хоть маленька дытына,
Вона б мене провела,
Слизонькамы облыла.

По достижении девушкой 18 лет двери отцовской хаты *одчыняются* и являются сваты. В настоящее время воля девушки при выборе мужа имеет решающее значение; в случае несогласия родителей девушка убегает тайно и все же выходит замуж *своим трыбом* *. В таком случае она рискует не получить приданого.

Приданое, заменяющее в малороссийском народном быту наследование дочери в отцовском имении **, указывает и до сих пор своим составом на происхождение свое из свадебного дара жениха, так как оно заключается только в движимости, белье, одежде, постели, мелком и крупном скоте. Невеста должна быть приодета с ног до головы и иметь: 2 шелковых праздничных платка по 3 р. 50 коп. каждый, не менее 10 бумажных и шерстяных, в среднем по 1 руб. каждый; 2 очипка по 40 коп.; 35 рубашек по 1 руб. 50 коп. каждую да кусков 10 холста в 25 локтей кусок на сумму до 30 руб. всего; 4 корсета по 2 руб. каждый; 3 ватянки и 3 суконных юбки, по 5 р. каждую; 2 кофты по 2 руб.; 2 кожушанки (иногда 4) по 10—15 руб. каждую; 5 спидниц по 3 руб. в среднем; 2 запаски по 1 р. 50 коп.; 6 поясов по 50 коп.; 3 пары черных и 1 цветную сапог

* Trieb, нем.: склонность, влечение, побег.

** Не только отец, но и братья, даже дяди, выдав девушку замуж и снабдив приданым, могут затем уклониться от выдачи ей земли из *батькивщыны* или *дидызны*. Только *матерызна* принадлежит дочерям [57].

по средней цене 3 руб. Кроме одежды и обуви, в состав приданого входит убранство комнаты: не менее 3 рушников по 2 руб. каждый; 3 скатерти по 1 р. 50 к.; иногда ковер *(килым)* ценой в 2 руб.; постель: 4 подушки по 1 р. 50 коп. каждая и 10 ряден по 80 коп. в среднем рядно; изредка лижнык, стоящий 3—6 руб.; и сундук *(скрыня)*, ценой в среднем 7 руб. Из животных даются в приданое 2—3 овцы, телица, корова, редко кобыла и еще реже пара волов: «*Свий виз, волы и батиг*». Следует еще заметить, что приданое никогда не облекается в письменную форму и в случае смерти бездетной женщины возвращается ее родителям за вычетом издержек похорон.

В одном только случае, как объяснено выше, при отсутствии сыновей дочь получает не только движимость в виде приданого, но и недвижимое имение отца и вообще все хозяйство. В этом случае положение мужа ее бывает различным. Большею частью оно такое же, как если бы муж ввел жену в свой дом. Когда родители жены стары, он распоряжается всем, как настоящий хозяин. *«Вин и побье жинку за дило, не дывытся на те, що прыймак»* [58]. Вся разница только в том, что раздраженная жена крикнет на него: *«прыймачыще!»* Реже встречается преобладание жены над мужем-прыймаком. *«Вона потрипуе, крутыть им; николы ёму, биднoму, и вгору глянуть»*. О таких прыймаках говорят: *«пишов замиж»*. Затем: отношение прыймака к тестю и теще близко к отношениям невестки к родителям мужа, как видно, между прочим, из следующей народной песни:

Матинко наша! Дороге насиннячко!
Де тебе взяты, де тебе й посияты?
— Посий, доненько, в свитлыци на скамныци.
Де збираются братикы та сестрыци.
Братикы йдуть, як голубонькы гудуть,
А сестрыци йдуть, як зозуленькы кують.
Братикы радятся, як матир поховаты,
А сестрыци радятся, як матир оплакаты.
А невисткы радятся, як добричко забраты,
А зяти радятся, як худибку заняты.

Но каково бы ни было отношение зятя к родителям жены, все же положение последних нельзя и сравнить с людьми совсем бездетными и безродными. За такими стариками некому присмотреть, докормить, похоронить и наследовать их имение. С необыкновенной прелестью выражено положение бездетных стариков в «Наймичке» Шевченка.

Хто ж их старисть прывитае,
За дытыну стане?
Хто заплаче, поховае,
Хто душу спомяне?

Единственным выходом из такого тяжелого положения представляется усыновление стороннего ребенка *(годованыка)* или

взрослого *(прыймака)*. Усыновление не сопровождается никаким особым обрядом. О годованыке составляется общественный приговор, и он вносится в семейный список; взрослый приймак заключает с принявшими его *(прыймами)* письменный или словесный договор или живет без договора, обеспечивая себя векселями. Но из таких искусственных семей мало выходит проку: *«чуже не буде своим»*. Прыймак, а также и бездетный зять по смерти жены, проработав иногда лучшие годы жизни чужим людям, выгонялись затем этими последними без всякого вознаграждения. Особенно невыгодным становилось положение прыймака при отсутствии или неточности договора, т. е. в большинстве случаев. Разбирая подобные случаи, бывшие мировые судьи должны были применять — за отсутствием прямого указания в законе — общее положение права: «Jure naturae aequum est, neminem cum detrimento alterius et injuria fieri locupletiorem» [59], принятое и гражданским кассационным департаментом Сената, и присуждали прыймаку вознаграждение за его труд, как работнику. А если прыймак, заручившись векселем, овладевал имением и пускал стариков по миру, то мировые судьи выслушивали свидетелей и не взирая на акты укрепления присуждали старикам жить на своем пепелище, получая содержание от выгнавшего.

Для лучшей характеристики семьи прилагаются следующие местные семейные песни, расположенные в таком порядке: колебания молодежи при выборе пары; сожаления молодой о девичьей воле; столкновение ее с роднею мужа; свидание с матерью и жалобы ей; преобладание жены, разгул ее и измена; нелюбовь и неверность мужа; разлука, смерть и убийство.

1

Якбы мени батько та ридная маты,
То я б оженывся, хоч я й небагатый.
Якбы мени срибло та все тии гроши,
То я й оженывся, хоч я й нехорошый.
Та й сам я не знаю, яку жинку браты?
Визьму я убогу — ничим зодягаты,
А визьму багату — буде докоряты,
Визьму я хорошу — будуть улюбляться,
Визьму я погану — стыдно й показаться.

2

Ой, якбы я, молодая, биду знала,
Не йшла б замиж молодою та й гуляла.
Росчесала б русу косу по волосу,
Познавала б лышенько по голосу.
Чы я тоби, мий мыленькый, не казала,
Чы я твого щырого серця не втишала.
Ой, не ходы, мий мыленькый, до ворот
Та й не слухай, мий мыленькый, поговор,
Бо я ции поговоры давно знаю.
Як покочу серебряный перстень по кровати:

Хоч, котыся, серебряный перстень, а хоч, не котыся.
Хоч, женыся, мий мыленькый, а хоч, не женыся.

3

Якбы ж я була знала
Таке свое безталання,
Не пишла б я замиж
На такее горювання.
Якбы ж я була знала
Таку свою несчасну долю,
Сыдила б я у батька
Дивчыною молодою.
Як я ж у батенька була,
Так, як роженька, цвила,
А тепер же я стала,
Як рыбочка, вьяла,
Уси нужды знаты стала.

4

Плыве човен, воды повен
Проты воды тыхо.
Не иды, дивко, за удивця,
Буде тоби лыхо.
Що й удовець — не молодець,
Вин жартив не знае,
Що вин твое биле лыце
З своим поривняе.
Ривняй, ривняй, сучый сыну,
Колы довелося,
Колы мени молоденький
На лыхо пишлося.

5

Упав снижок на обнижок
Та й став водыцею.
Лучче було дивчыною,
Чым молодыцею.
Що жинкою, що дивкою,
Кажуть люде,— ривно.
Чорты його батька вбылы! —
Гуляты не вильно.
Що у батенька крути горы —
Гуляты доволи,
А у свекорка усе ривно —
Гуляты невильно.
Що у батенька заганяты,
Питы погуляты,
А в свекорка вытопыты
Да й спаты лягаты.

6

А мий батенько слип,
Завьязав мени свит,
В мене маты-зоря
Рано замиж оддала
На чужу сторону
У велыку симью.

А велыка симья
Та й обидать сида,
А мене молоду
Посылають по воду.
Я по воду иду,
Як голубка, гуду,
А з водою иду — спотыкаюся,
Дрибненькымы слизонькамы умываюся,
Шытым билым рукавцем утыраюся.
Пид виконце прыйшла — прыслухаюся:
Щось у хати стугоныть,
Маты сына учыть:
— Ой, ты, сыночку мий!
Ты, дытыно моя!
Чом ты жинкы не бьеш,
Нащо жалуеш?
— Нащо, маты, жинку быть?
Треба з нею вик изжыть.
И не быйте ии и не лайте ии,
Вона ище молоденька,
Научайте ии,
Як не треба ии — одсылайте ии.

7

Та не куй, зузуле, в диброви,
Та не збуды мене, молодои!
Бо избудять мене раньше тебе
Та пошлють же мене дальше тебе:
«Уставай, невистко, неробитныце,
До нашого роду непрывитныце
И в нашому дому некукибныце!»
Невисточка встала, послухала,
Взяла видеречка, постукала
Та й упять головку укутала.
Що свекорко каже: воды пишла,
А свекруха каже: спаты лягла;
Що свекорко каже: избудымо,
А свекруха каже: изгубымо.
А диверко каже: грих нам буде,
А зовыця каже: друга буде.
Що диверко каже: не такая,
А зовыця каже: молодая!
Що диверко каже: не до мысли,
А зовыця каже: у намысти.
Диверко каже: не до любовы,
А зовыця каже: чорнии бровы!

8

Ой не куй, зузуле, та й у диброви,
Бо не збудыш мене, молодои!
Та и збудять мене раньше тебе;
У мене свекорко не батенько,
А свекруха та не матинка.
У мене диверкы не братикы,
У мене зовыци не сестрыци;
Не пускають мене на вечорныци.
Загадують мени дило робыты:

На крутую гору каминь котыты,
А с крутои горы воду носыты.
На гарячый каминь воду лыты.

9

Не куй, зозуле, над водою,
Не збуды невисткы молодои,
Бо есть у неи старшии вид тебе —
Збудять ии раньше тебе.
Ходыть свекруха по городу,
Будыть свою невисточку:
«Уставай, невисточко, коханочко,
Прынесы воды на вмываннячко,
Прынесы рушнычок на втыраннячко».
Ой, невистка устала, послухала,
Взяла голивоньку, укутала.
«Уставай, невистко, неробитныце!
Та до моёго дила не кукибныце
Та до мого серця не прыхыльныце».

10

Наши вивци на крутий гирци,
Спыть наша невистка у комирци;
А коровы вже в диброви,
Спыть наша невистка в комори;
А свыни в долыни,
Спыть наша невистка на перыни.
Пишов диверко невисткы будыть:
«Уставай, невистко, неробитныця,
До нашого роду непрывитныця!»
Невистка встала, послухала,
У видеречка постукала,
Ряденцем головку укутала.

11

Вставай, невистко! Подий коровы,
Подий ти коровы, шо од батька нагнала,
Повыгонь овечхы, шо маты надавала.
Уже ж ти коровы та й у диброви,
Молода невистка спыть у комори.
Та й уже ж ти вивци на крутий гирци,
Молода невистка спыть у комирци.
«Та й ой годи ж, маты, тоби сим докоряты:
Я твого сына не сыловала браты,
Я з твоим сыном по саду не ходыла,
Я твого сына вирненько не любыла.

12

Ой, на гори бурякы,
А в долыни свекла.
Колы б мени, Господы,
От батька до свекра.
Колы б мени, Господы,
Свекрухы диждать,
Заставыла б стару суку
Халяндра скакать.
Скакай, скакай, стара суко,

На курячий нижци,
А щоб знала, як годыты
Молодий невистци.
Ой, якбы ты, стара суко,
Не раз угодыла,
Та я б тоби постиль билу
Щодня перебыла:
Качалочку в головочку,
А рубель у бокы,
Соломкою прытрусыла,
Кочергою вкрыла.
Лежы, лежы, стара суко,
Бодай ты не встала,
Щоб моеи головонькы
Та й не клопотала!

13

Свекорко лыхый та й побыв, побыв,
Та й пишов меж мыр
Та й хвалыться, выхваляеться,
Що добре, добре чуже дытя быть:
Ани лается, ни змагается,
Куды ни пошлю — та й справляется,
А мылый стоит, оправдается:
Добре, таточку, чуже дытя быть,
Що ни лается, ни змагается,
До билых ручок прыклоняется.

14

Ой, буду я недилонькы ждаты
Та пиду до роду гуляты.
Ай, у мене рид багатый
Та буде часто частуваты,
А я буду повну выпываты
Та буду свого роду прохаты:
Ой, роду, мий родочку!
Пускай мене рано до домочку,
Бо в мене тры биды в хати:
Перва бида — дытына малая,
А друга бида — свекруха лыхая,
А третя бида — мылый ревнывый.
Ой, пидийду я стыха пид виконце
Та послухаю, що свекруха робыть.
Свекруха вечеряты варыть,
А свекорко дубыночку парыть:
Парыть дубыну та на мою билу спыну.
А мылый дытыну колыше,
А колышучы, важенько дыше.
Ой, ну люли, дытыно малая,
Нехай гуля маты молодая,
Ай, ну люли, дытыно в колысци,
Нехай гуля маты в намысти,
Нехай гуля та й нагуляется,
С своим родом та навыдается,
А в роду весилля мынеться,
То тоди все спомянется.
А колы б була се словечко знала,

То було б з родом довше гуляла.

15

Пыйте, люде, горилочку,
А я буду воду.
Горе мени на чужыни
Та без свого роду.
Що мий рид пье та гуляе
Та й мене згадае:
Десь нашои несчасныци
Шо й до нас немае.
А чы вона платье пере,
А чы хату маже,
Шо не прыйде, не прыйде,
Ником не накаже.

16

У недилю рано сыне море грало.
Вырядыла маты дочку
В чужу стороночку
Меж чужие люде.
— Ой, хто ж тебе, дытя мое,
Там жалиты буде?
— Жалитымуть, ненько моя,
Все чужии люды.
Робытыму й годытыму —
Добре й мени буде.
— Колы ж тебе, дытя мое,
В гости сподиваться?
— Сподивайтесь, ненько моя,
Тоди мене в гости,
Як наросте й у свитлыци
Травка на помости.
Росла, росла травка
Та стала хылыться,
Ждала, ждала маты дочкы
Та стала журыться.
Росла, росла травка
Та й у кудри вьется,
Що матуся за дочкою,
Як орлыця, бьется.
Росла, росла травка,
Стала посыхаты,
Ждала, ждала маты дочкы,
Стала помираты.

17

Ой, матинко, вышенько!
Яке мени лышенько.
Ой, матинко, туполе!
Як мени тут горе.
Пиду в поле блукаты,
Отця-ненькы шукаты.
Пишла в поле — не найшла,
Заплакала та й пишла.
Найшла в поли былыну,
Матусыну могылу.

До могылы прыпала,
Отця-неньку згадала.
Сыра земле, розступысь,
Ты, матинко, пидведысь!
Ой, куды ты, доню, йшла,
Шо ты мене тут знайшла?
Чы хмаркою, чы дощем,
Чы тыхою водою?
Жывы, доню, з бидою,
Жывы, доню, як жывеш,
Вже ж ты мене не зведеш,
Матинкою не назвеш.
Иды, доню, не гайся,
Из свекорком не лайся.
Иды, доню, не барысь,
З свекрухою не бранысь,
Бо свекруха старенька,
Як матинка ридненька.

18

Хожу, блужу, блукаю,
Матусенькы шукаю.
Ой, шукала, не найшла,
Заплакала та й пишла.
Найшла в поли долыну,
Матусыну могылу.
До могылы прыпала
Матусеньку згадала:
Устань, нене, до мене,
Горе жыты без тебе!
— Ой, не встану, не пиду,
Головонькы не зведу:
Насыпано землыци
На карии очыци.
Жывы, доню, як Бог дав,
Колы мене Бог прыняв.

19

Ой, гаю мий, гаю,
Густый, непроглядный.
Чом на тебе, гаю,
Ще й витру немае?
И витру немае,
И гилья не колыше,
Що брат до сестрыци
Часты лысты пыше.
Сестро моя, сестро,
Сестро дорогая,
Чы прывыкла, сестро,
На чужыни сама?
Чы прывыкла, а чы не прывыкла,
Треба прывыкаты,
На чужий стороныци
Нигде ненькы взяты —
Ни купыты, ани заслужыты.
Треба рубля даты
Малярив наняты.

Малярыкы гожи
Та й забралы гроши,
Не так мою неньку
Та й намалювалы:
Змалювалы очи,
Змалювалы бровы,
А не змалювалы
Тыхои розмовы.
Говорю до неньки,
Ненька не говорыть.
— Ненько ж моя, ненько!
Пора говорыты.
Порадь мене, ненько,
Як у свити жыты:
Чы мени ходыты,
Чы мени блукаты?
Чы обняты головоньку —
В мори потопаты?

20

Ой, давно вже, давно я в ненькы була,
Та не так же давно — уже тры года.
Уже ж моя стежка терном заросла:
Ой, терном же, терном ще й шепшыною,
Де я походыла ще й дивчыною.
Ой, терном же, терном, матерынкою,
Де я походыла из матинкою.
А як исхочу, терен потопчу,
Червону калыну в пучкы повьяжу,
До своеи неньки в гости полыну
Та й сяду я, впаду у неньки в саду,
У неньки в садочку край выноградy,
Чы не выйде рано по воду.
Выйшла моя ненька ранийше усих,
Набрала видерце повнише усих,
Говорыла речи до своих сусид:
«Сусиды, голубочкы, слухайте мене:
Шось у моим саду пташка куе?
То ж не пташечка, то ж комашечка,
То ж моя дочка Евдонечка-горювальнычка!»

21

Жыла в батька не год, не два,
Не згадала добра,
Ни добра, ни роскоши,
Ни прежнёго горя.
Як пиду я у садочок,
Зирву я цвиточок,
Зирву цвиток, зивью винок
Та й пущу на воду.
Плывы, плывы, з рожи квитка,
Аж до мого роду.
Плывла, плывла з рожи квитка
Та й стала кружыться,
Ждала, ждала маты дочкы
Та й стала журыться.
— Ой, чого ты, дочко моя,
Така стара стала?
Чы ты сынив поженыла,
Чы дочок потдавала?
— А я сынив не женыла,
Дочок не 'ддавала.
Изсушыла, изйялыла
Невирна дружына,
Кажуть люде ще й говорять:
Сырота линыва.

22

Уродыла мене маты
На Святу недилю,
Удилыла гирку долю —
Ничого не вдию.
Доленьку такую —
Посылае жыто жаты
На нывку чужую,
Меж чужии люде:
Иды ж, доню, робы, доню,—
Добре тоби буде.
— Ой, роблю ж я, моя маты,
Робота не мыла,
Кажуть люде на сыроту:
Сырота линыва.
И роблю ж я, моя маты,
Робота ни за шо,
Кажуть люде на сыроту:
Сырота ледащо.
Чы ты ж мене, маты,
У руты купала,
Купаючы, проклынала,
Щоб доли не мала?
— Купала ж я доню
В червоний калыни,
Дарувала счастя, долю
Я своий дытыни.
Купала ж я доню
В кучерявий мьяти,
Дарувала счастя, долю
Своему дытяти.

23

Чы я в тебе, моя маты,
Робыть не хотила,
Що ты мене туды 'ддала,
Куды не хотила?
Чы я в тебе, моя маты,
Пшеныци не жала,
Що ты ж мене туды 'ддала,
Куды не бажала?
Та й не 'ддала ж мене маты,
Не 'ддала, втопыла,
Так, як тую коноплыну
В води намочыла.
Ой, завьяжы мени, маты,
Чорным платком очи,

Веды ж мене до риченькы
Темненькои ночи
Та й утопы головоньку,
Щоб и не зрынала
Та щоб же я, молодая,
Гореньки не знала...

24

Чоловиче мий, дружыно моя!
Завив ты мене, де роду нема,
Де роду нема, чужа родына.
Никуды пиьы поговорыты,
Тоскы, печали роздилыты.
— Жинко моя, йе в тебе кума;
Пиды до кумы та й поговоры,
Тоскы, печали куми вдилы.
— Ходыла, говорыла,
Тоскы, печали й не роздилыла.
Соловеечку, ты малесенькый,
Та не щебечы, садом летячы,
Та не отрусы раннёи росы.
Нехай отрусыть матинка моя,
До мене йдучы, мене одвицаючы.
Як я жыву, як я й горюю,
А люде кажуть, що я паную.
Диточкы мои, горенько мени,
З вамы жывучы и хлиб купуючы.

25

Росцвилась червона калына над крыныцею.
Горе мени, моя матинко, жить с пьяныцею.
Шо пьяныця — не робитныця: де день, там и ничку пье,
Ой, як прыйде з шынку додому, мене, молодую, бье.
Одчыню я новую кватырку, моя матинка йде,
Пытается малых диток: чы дома пьяныця йе?
— Потыхеньку та помаленьку, моя матинко, йды,
Спыть пьяныця у рублений комори, гляды ёго не збуды.
— Та нехай же спыть горькая пьяныця, щоб здоров не встав,
Шоб твоеи бидной головкы та й не клопотав.
— Не проклынай, моя маты, тоби з ным не жыть.
Як умре мий горькая пьяныця, пиду з диткамы служыть.
Ой, есть маты блызькии сусиды, шо горилкы не пьють,
А до мого горького пьяныци всёго доброго йдуть.

26

— Чоловиче, що ты робыш,
Що ты щодня пьяный ходыш?
Та все гулькы та прогулькы,
В тебе к смерти нема думкы.
— А я смерти не боюся:
Я од смерти одкуплюся,
Я гостямы обсажуся,
Визьму кварту, другу жарту,
Чарку в рукы та й до столу.
Багач чарку налывае,
А смерть двери одчыняе,
Багач другу налывае,

Смерть до столу прыступае.
Оступиться, добри люде,
Що той багач казать буде?
— Смерте ж моя, ридна маты,
Не пора мени вмираты:
Мои лита молодии,
В мене диточкы малии.
Бижы ж, душа, аж до неба,
Бо там давно тебе треба.
Пишла душа аж до неба,
А там души вже не треба.
Рада б душа завернуться,
Так никуды розмынуться.

27

Чужии жинкы конопелькы беруть,
А моя чепурушка и не дума.
Вона треться, вона мнеться,
Вона дума, що мынеться.
Ой, щоб тебе, доле, та бодай тебе, доле,
Як ты мене уродыла на безсчасную долю,
На велыкее горе чепурушку я взяв.

28

Ой, на гори корыто, корыто,
Повне воды налыто, налыто.
Ой, там ворон воду пыв,
Вин не выпыв — сколотыв.
Парень дивци говорыв:
— Не йды, дивко, за вдивця,
Та за мене, молодця.
Ты вдовцеви не вгодыш,
Боршу, кашы не зварыш.
— Я вдивцеви угожу,
Билу постиль постилю.
Шо в голови каминня,
А й у бокы ременя,
А й у ногы кропывы.
Каминь буде шумиты,
Ремiнь буде репиты,
А крапыва жалыты.
Як прыйшов же чоловик,
Як прыйшов же та мий муж:
Вары, жинко, борщ.
Я й по синях сторч, сторч,
Я й по хати сторч, сторч,
Будто я варю борщ.
А я борщу не варыла,
Чоловика одурыла,
Далеби вдурыла.
Як прыйшов же чоловик,
Як прыйшов же та мий муж:
Вары, жинко, кашу.
Я й по синях плясю, пляшу,
Я й по хати пляшу, пляшу,
Будто я варю кашу.
А я кашы не варыла,

Чоловика обдурыла,
Далеби обдурыла.
Як прыйшов же чоловик,
Як прыйшов же та мий муж:
Вары, жинко, ракы.
Я й по хати ракы, ракы
И по синях ракы, ракы,
Будто я варю ракы,
А я ракив не варыла,
Чоловика обдурыла,
Далеби обдурыла.

29

Я по хати чукы, чукы,
Я по синях чукы, чукы,
Я ж думала — варю щукы.
А я щукы не варыла,
Чоловика одурыла,
Далеби одурыла
Ей-же-Богу, одурыла.
Я по хати раком, раком,
Я й по синях раком, раком,
Я ж думала — варю ракы.
А я ракив не варыла,
Чоловика одурыла.
Я по хати торох, торох,
Я й по синях торох, торох,
Я думала — варю горох.
Я гороху не варыла,
Чоловика одурыла.

30

Молодии молодыци! Чы таки в вас чоловикы, як у мене?
А й у мене мужычыще,
Не пускае на юлыцю, на игрыще.
А я ёму наробыла,
В полывяному горшку борщу наварыла,
А ще к тому та й прыспала,
Сама пишла на юлыцю погуляла.
Я недовго барылася,
Як свитова зирочка, схватылася.
Иде мылый и стричае:
Де ж ты була, пробувала?
— У кошари худобонькы доглядала,
Що сирая телушечка отелылась,
А билая ягнушечка окотылась.
Пийшов мылый доглядаты;
Аж немае ни теляты, ни ягняты.

31

Як пойихав мий мыленькый у поле ораты,
А я, млада, младехонька — у корчму гуляты.
Як прыйихав мий мыленькый из поля з орання,
А я, млада, младехонька — з корчмы гуляння.
— Мыла ж моя, мыла, не скажу ничого,
Ой, дай мени попойисты, чы немае чого?
— Ой, йе в мене капуста, та сим день кыпила,

А не будеш ии йисты: вона засмердила.
А хоч будеш ии йисты, так разом зо мною,
Як поскачеш гайдука та й передо мною.
Дурный мужычыще узявся в бочыще:
Гыля, гыля, жона моя! Якый дурачыще.
— Ой, не знаеш, куме, що куми робыты,
Ой, запряжы у борону та запряжы в рало:
Гыля, гыля, жона моя, не йиж хлиба даром.

32

Сусидонькы-голубочкы,
Зийдемося докупочкы,
Напыймося горилочкы.
Напылась я, аж не встою,
Так боюся йты додому,
Так боюся чоловика,
Щоб не вмалыв мени вика.
Хиба ж пиду до Дунаю
Та з Дунаем розмовляю:
— Ой, Дунаю ж, Дунаечку!
Прыймы мою головочку,
А вы, щукы, йижте рукы,
А вы, сомы, йижте ногы.
Жовте тило обмыется,
Прыйде мылый, подывыться,
Пишов мылый до Дунаю
Та з Дунаем розмовляе:
— Ой, Дунае, Дунаечко!
Верны ж мою хазяечку.
Я четверо диток маю,
А пьятее сповываю,
А пьятее в повыточку
Заклопоче головочку.

33

Я на тебе, мий мыленькый,
Гомоню, гомоню,
И робыты важенько
Не велю, не велю.
Тилько мени насий, наоры
И мучыци намелы,
Воды мени прынесы,
Дижу мени замисы,
Дров мени нарубай,
Горилочкы роздыбай.
Тоди сядеш на покути
Та й нижечкы пидобгай.
А я буду частувать,
Ще по повний выпывать
За здоровье мое,
Що ты жалуеш мене.

34

Иды, иды, старесенькый,
У луг по калыну,
Як не пидеш по калыну —
Далеби покыну!

Пишов старый, бородатый
Калыну ламаты,
А я свого бондарыка
Упустыла в хату.
Сыдыть бондар за столом,
Варенькы лупыть,
Молодая молодыця
Били рукы ломыть.
Сыдыть бондар за столом
Рюмкы выпывае,
Молодая молодыця
Слёзы утырае.
Иды, иды, моя дочко,
Батька выглядаты,
Як итыме с калыною,
Дасы мени знаты.
Пишла дочка, забарылась,
Батька узивала:
Гуляй, гуляй, моя маты,
Ще батька немае.
Одсуну я кватырочку —
Калына бурие.
Ох, мий мылый бондарыку,
Де я тебе дину?
Иды, иды, старесенькый,
Меду колупаты,
А я свого бондарыка
Выпустыла з хаты.
Иды, иды, бондарыку,
Темными лугамы,
Хто зустрине, роспытае —
Ходыв за воламы.

35

Ой, побыла лыхая годына,
Що у мене невирна дружына,
Що сам иде у тик молотыты,
Мене бере соломы носыты.
Вин молотыть, я перебираю,
Биле лычко слёзами вмываю.
Що сам иде у поле ораты,
Мене бере волив поганяты.
Я погоню, вин за плугом ходыть,
Петривный день, а вин не говорыть.
Ой, буду я волыкы гоныты:
Чы не буде мылый говорыты.
Ой, гей, волы, аж до водопою;
Заговорыть мий мылый зо мною.
Из-за горы витрець повивае,
А мыленькый мылои пытае:
— Де ты, мыла, де ты барылася,
Чы по своим жыттю журылася?
— Ой, як мени, мылый, не журыться,
Що я роблю, мое й не годыться,
А ще з мене ледащо смиется.

36

Ой, пиду я понад лугом,
А там мылый оре плугом.
Оре мылый та й гукае,
Сири волы поганяе.
Як понесу ёму йисты,
Чы не звелыть мени систы.
Мий мылый найивсь, напывсь,
Коло кружка покотывсь
Ще й на рыллю похылывсь.
— Ой, що, мылый, ты думаеш,
Що до мене не говорыш?
— Я думаю та гадаю:
Нехорошу жинку маю.
— Якый тоби дидько вынен,
Що хороший, чорнобрывый,
А я руда вродылася,
Чорнявому судылася?
Хоть не тоби, та другому,
Та все-таки чорнявому.
Не вылизлы тоби очи,
Сватав мене опивночи.
Було б тоби сватать удень,
Роспытавшысь старых людей,
А в нас люде — не татары —
Воны б тоби розказалы.

37

Сама хату поставыла,
Сама й высыпала,
Сама Грыця полюбыла,
Сама й высватала.
Пидпалыла в печи дрова,
Сама по воду пишла.
Добигаю до Дунаю,
Сколотылася вода.
А я стала, прыстояла,
Покы встоялась вода.
Замахнула, чеберкнула
Та набрала та й пишла.
Дохожу я до двора.
Стоить кум и кума
И ще й кумова жона,
Насмихается з меня:
Ой чия ж то, кумо, хата
Вытопляется сама?
Стоит борщ у печи —
Ударывся у ключи,
А курыця по синечках,
Кудкудахтаючы.
Кукурику, кудкуда —
Пишла замиж не туда.
Пишла раз не гаразд,
Не пидманеш в другый раз.
Далысь мени назнакы
Чоловичи кулакы.
Кулакамы по бокам,
Долонямы по щокам.

38

Горе, горе, горюваннячко мое,
Потеряла я здоровьячко свое,
За ледачым чоловиком жывучы,
Ледачому чоловику годячы.
Як пиду я до сусидоньки огню,
Чы не найду мыленького у слиду.
Сусидонька мени огню не дала,
Взяла мене за ворота повела.
— Иды, иды, сусидонька, без огню,
Та не ловы чоловика у слиду.
Як оглянусь, аж мий мыленькый иде,
Чужу мылу та за рученьку веде,
А на мене та й нагаечку несе
Ще до мене й гиркии слова гадае:
— Постий, постий, моя мыленька, мене,
Бо перечув худу славу на тебе,
Що ночують бурлаченькы у тебе.
— Трасця, мылый, вороженькам у жывит,
Що й у мене стороженька край ворит.
— Стороженька, моя мыла, уснула,
Ты, молода, на улыцю махнула.

39

Ой, горе, горе, що далека украина,
А ще гирше — як невирная дружына.
Вона мене изсушыла, изъялыла,
Вона мене з билых нижок извалыла.
Ой, сяду я край виконця прясты
Та пущу я волоконце в виконце
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я ж думала, що то сонце сходыть,
Аж то мылый по рыночку ходыть,
В правий руци коныченька водыть,
В ливий руци чорну шляпу носыть,
Чужу мылу за рученьку водыть,
Чужу мылу цилуе й мылуе,
А на свою мылу нагайку готуе.
Чужу мылу цилував бы, мылував,
Свою мылу росшатав бы, розметав,
А росшатавшы, ще й в чорныченькы отдав.

40

Ой, горе, горе, що чужая украина,
А ще гирше — як невирная дружына.
Ой, як сяду я край виконечка прясты
Та пущу я волоконце у виконце,
Та подывлюсь, чы не сходыть сонце.
Я ж думала, що сонечко сходыть,
Аж то мий мылый та по рыночку ходыть;
Чужий мылий черевычкы надивае,
А на мене усе скоса поглядае.
Чужа мыла и любиша, и мылиша,
Чужа мыла и на лыченьку билийша;
Чужу мылу и цилуе, и мылуе,
А на мене все нагаечку готуе.

Я думала, що нагаечка с паперу,
Колы вона из проклятого ременю;
Я думала, що нагаечка шутка,
Як ударыв, то розсилася шкурка.

41

Орав мылый тры дни ще й тры годыны
Та й выорав мий мыленький на тры квасолыны.
Послав мене мий мыленький квасоли садыты,
А сам пишов у шыночок горилочку пыты.
Посадыла я квасолю та й иду додому,
Заглянула у шыночок — пье мылый з кумою.
— Чы вже ж тоби, кумо моя, нема дома дила,
Що ты з моим чоловиком в шыночку засила?
— Хоч е кумо мени дило, то я й поробыла,
А я твого чоловика давно полюбыла.
Годи тоби, моя мыла, сёго говорыты,
Та иды ж ты, моя мыла, вечерять варыты.
Як прыйшла додому, пидпалыла дрова,
Сюды-туды повернулась — вечеря готова.
У недилю рано ще й сонце не сходыть,
А мий мылый из кумою вечерять прыходыть.
— Жинко ж, моя любко, продымай же мисце,
Щоб було де нам з кумою вечеряты систы.
— Ой, щоб же ты, кумо моя, сёго не дождала,
Щоб я тоби в своий хати мисце продымала.
Насыпала борщу, каши ще й поклала ложкы,
Одвернулась до порога, заплакала трошкы.
— Вары мени, моя мыла, пшенычни галушкы
Та й постелы нам з кумою билии подушкы.
— Ой, щоб же ты, кума моя, сёго не дождала,
Щоб я тоби в своий хати постиль слала.
Та й послала билу постиль, положыла спаты,
Сама пишла в полыцию, дала панам знаты.
— Паны мои, генералы, волить мою волю
Та розведить чоловика з ридною кумою!
Паны мои, генералы воленьку волылы:
Взялы мого чоловика в кайданы забылы.
У недилю ранесенько у вси дзвоны дзвонять,
Уже ж мого чоловика у кайданах водять.
Нехай дзвонять, нехай дзвонять — ще й будуть дзвоныты,
Нехай водять, нехай водять — ще й будуть водыты.
— Жинка моя, любко, волы мою волю —
Роскуй мене из кайданив — буду жыть с тобою.
Жинка ж, моя любка, воленьку волыла:
Роскувала из кайданив, головку втопыла.

42

Запойилы соловейкы с пивночи вночи,
— Куды ты, мий мыленькый, выражаешся вночи?
— Выряжаюсь, моя мыла, у велыку дорогу.
— Переночуй, мий мыленькый, хоч ничку зо мною.
— Ой, рад бы я, моя мыла, ще й чотыри ночувать,
Так боюся, моя мыла, шоб походу не втерять.
— Ой, не бийся, мый мыленькый, бо я рано устаю,
А я тебе, мий мыленькый, ще й ранише збужу.
Ой, уставай, мий мыленькый, уже годи тоби спать,

Уже твои кони воронии посидлани стоять.
Уже твои слугы молодии понаряжени сыдять,
Та йидь же ты, мий мыленькый, товаришыв доганять.
А я пиду, молодая, на тыхый Дунай гулять
И с тыхого Дунаечка сири гусы выганять.
Гиля, гиля, сири гусы, аж на быстру рику —
Завьязала свит головоньци — не розвьяжу й довику.
Уже ж тии сири гусы проты воды поплывлы,
Уже мене молодую у чужый край повезлы.
Як же тим сирим гусям проты воды плывучы,
Ой, так мени, молодий, на чужыни жывучы.

43

Из-за горы хмарка наступае,
С тии хмары дощык накрапае,
Мылый мылу покынуты мае.
— От почим ты, мыла, замичаеш,
Що я тебе покынуты маю?
— По том я, мылый, замичаю,
Що ты рано встаеш, а пизно лягаеш,
Зеленого сина коню пидкыдаеш
И жовтенького вивса пидсыпаеш.
Яром, мий мыленькый, яром
Переросла дориженька чаром.
— А й у мене конычењко чалый:
Перескочыть поганыи чары.
— Нызом, мий мыленькый, нызом
Переросла дориженька хмызом.
— А й у мене коньк вороненький:
Перескочыть хмызок зелененький.
Ой, ревнула корова в порога,
Оставайся, мылая, здорова.
Ой, ревнула корова с телятком,
Оставайся, мылая, с дытятком.
Ой, ревнула корова рябая,
Оставайся, мыла, молодая.
Ой, ревнула корова, с череды йдучы,
Оставайся, мыла, горюючы.

44

Оженывсь удовець, оженывсь молодець
Та взяв соби жинку не хазяечку —
Ни до любовы, ни до розмовы,
Ни до хыстоньки, ни до мыслоньки.
Як пойихав старычок на ярмарочок
Та купыв мылый корабель новый;
Заплатыв мылый руб с полтыною,
Посадыв мылу из дытыною,
Зопхнув же ии з бережечка
Та не дав же ий веселечка,
Ни веселечка, свого сердечка.
Корабель плыве, аж вода реве,
А мыла сыдыть, як свича горыть,
А дытя плаче, як ворин кряче,
А мылый стоить, як папир билый.
Та пишов же вин та додомочку

Та обняв свою та головочку:
Та вернысь, мыла, та додомочку,
Що никому спекты, ни зварыты,
Ни напрясты, ни помыты,
Ни до мене говорыты.
— Не вернусь, муже, бо побыв дуже,
Та побыв рублем ще й качалкою,
Называв не хазяйкою,
Що ты брав мене за хазяечку,
Пощытав мене ты за наймычку.

45

Наступыла чорна хмара и темная нич,
Полетила голубонька од голуба прич.
Ой, не схотив голубонько диток годуваты
Та полетив голубкы шукаты.
Та полетив голубонько полямы
Та зустринувся из буйнымы витрамы.
— Ой, вы, витры буйнесеньки, ой, де вы бувалы,
Чы не бачылы голубоньки помиж голубамы:
Сама сыза, сызокрыла, лычко, як калына?
— Сыдыть твоя голубонька меж трема орлами,
Умывается дрибнымы слёзамы,
Утыра лычко шытымы рукавамы.
Ударывся голубонько об нижкы крыльцямы:
— Дитки мои манисеньки, пропав же я з вамы!
— Ой, таточку ж наш, таточку, не журыся намы!
Издиймемось на крылечка та й полетым из вамы.
Котории бильшенькии, знялысь, полетилы,
А маленьки зосталыся та й посыротилы.
Нема цвиту билийшого, як над макивочку,
Нема роду риднийшого, та як матиночка.

46

Ой, устану я раненько
Та й умыюся биленько
Та й сяду я край виконця
Проты ясного сонця
Выглядаты чорноморця.
Чорноморець иде, иде
И семеро коней веде,
На восьмому, вороному,
Я думала, що додому.
А вин йиде до Дунаю,
До быстрого краю.
Став вин кони напуваты,
Стала вода прыбуваты,
Черноморець потопаты.
— Рятуй мене, моя мыла,
Колы вирно любыла.
— Якбы човен та весельце,
Рятувала б тебе, серце.
Плывы, мылый, за водою —
Зосталася я вдовою.
Плывы, мылый, купочкамы —
Зосталася з диточкамы.

47

Из-за горы витер вие, повивае,
Дощык иде, накрапае,
Роса росу росыть,
Сестра брата просыть:
Оддай мене, брате, в чужую деревню,
В чужую деревню, велыку семью.
Де багато дила, туды б я летила
Да я б тее дило усе поробыла.
Свекрови, свекруси дилом угодыла
Ще й до тебе, брате, у гости ходыла.
Жде братик недилю, жде братик другую,
На третю недилю став коня сидлаты,
Став коня сидлаты, до сестры выизжаты.
А сестра не пышна, за ворота выйшла:
— Здоров, здоров, брате, вже я нездорова,
Вже сёма недиля, як я заболила,
Четверта недиля, як хлиба не йила.
Ой, сидлай же, брате, коня вороного
Та йидь же ты, брате, до торгу нового
Та купуй же, брате, тры свичи восковых.
Перву зажыгае — сестрыця вмирае,
Другу зажыгае — брат сестру вбирае,
Третю зажыгае — брат сестру ховае:
— Оце тоби, сестро, чужая деревня,
Чужая деревня, велыка симья.
Велыка симья ще й багато дила,
Що ты того дила та й не поробыла,
Свекрови й свекруси та й не угодыла,
До братика в гости та й не прыходыла.

48

Та що вчора из вечора,
Ще й пивни не пилы,
Прыйшов пысарь до вдивонькы,
Ще й люды не чулы.
— Удивонько-голубонько,
Одчыняй хату й сины,
А щоб же нас вороженькы
Обох не засилы.
— Не одчыню, пысаренку,
Скарай свою жинку,
Возьмы косы у рученьку,
Головку меж нижкы,
Та й бый жинку, пысаренко,
З вечера до ранку.
Як пишов же пысаренко
Своей жинкы быты,
Стала вона молодая
Пысаря просыты:
— Не бый мене, пысаренку,
Ще я молодая,
Аще к тому, пысаренку,
Дытына малая.
— Я к дытыни няньку найму,
Тебе, суко, убью,
А за себе, молодого,
Удивоньку визьму.
Та як почав пысаренко
Свою жинку быты,
Та пишов же пысаренко
Билых ручок мыты,
А сам пишов до сусиды
Сусиды просыты:
— Сусидонькы-голубонькы,
Накажите тещи,
Нехай прыйде ридна маты
Дочкы убираты.
Як пидийшла ридна маты,
Стала край виконця —
Лежыть ии ридна дочка
Лычком проты сонця.
Як пидийшла ридна маты
Стыха пид дверечка —
Лежыть ии ридна дочка,
Не мовыть словечка.
— Ой, чим же ты, моя доню,
Кого завгорчыла,
Що ты свое пидвирьячко
Кровью скривавыла?
— Ой, никому, моя маты,
Я не завгорчыла,
Тикы через ту каналью
Смерть заполучыла!
Та вже ж тую молодую
Несуть хороныты,
Та вже ж того пысаренка
Ведуть розтрелыты.
Уже ж по тий молодои
Уси дзвоны дзвонять,
Уже ж того пысаренка
У зализи водять.
— Прощай, прощай, моя жинка,
И ты, нова хата!
Колы б же ты, удивонька,
Була роспроклята!

Друкується за: Киев. Старина. 1902. № 4, 6, 10; 1903. № 2, 3, 7—8; 1904. № 5, 6.

* П. В. ИВАНОВ *
Народные рассказы о Доле

> З щастя та з горя зкувалась доля;
> Я свою планиду знаю;
> Яке Бог уродыв, таке треба жаты;
> Всяк свого щастя коваль.
>
> *(Малорусские пословицы)*

Слово «доля» вызывает у малоросса разные представления, а потому и ответы на вопрос: что такое доля? — получаются различные в зависимости от того, какой из образов при этом слове возникает пред умственным взором вопрошаемого.

Строго ограничиваясь находящимися у нас по настоящему вопросу материалами, мы попытаемся на основании их наметить все понятия, входящие в состав народного представления о *Доле*, располагая по возможности и самые материалы в том порядке, какой нам кажется наиболее соответствующим предполагаемому последовательному ходу возникновения и усвоения народом этих поэтических образов судьбы, не всегда ясно очерченных.

I. ПРИРОЖДЕННАЯ ДОЛЯ. ДОЛЯ — ДУША ПРЕДКОВ. Прежде всего Доля понимается не как простое олицетворение отвлеченного понятия, а считается душою предков, умерших родителей или вообще близких людей, составляя таким образом отражение древнего культа предков, покровителей семейного очага. Остаток прежних жертвоприношений умершим и бывших при этом гаданий мы видим теперь в народном обычае оставлять после ужина, особливо под большие праздники, часть кушаньев для Доли. Говорят: *«Ны годитця горшкив и ложок писля вечери мыты, а то Доли ничого буде йисты»*. Поэтому хотя иные хозяйки и перемывают с вечера посуду, в которой готовился ужин, но зато откладывают в особый горшочек три ложки кушаньев, кладут и ложку [1]. Старухи учат (сл. Араповка *): *«З стола крыхты всигда змитай пид стил, щоб Доля их поила. На нич не прыбырай всего хлиба з стола: остав хоть кусочок Доли на вечерю». «Ныприминно треба на Голодный свят-вечер в горшкови оставляты Доли три ложки кутьи того, що той вечер Доли прыходять вечеряты, даже и ти, шо далеко живуть»* (Купянск).

Под Крещение по окончании ужина все кладут свои ложки в миску от кутьи, а сверху положат *кныш* или хлеб. Ночью приходит Доля и переворачивает ложку того, кто в текущем году умрет.

По народным верованиям, души (иные говорят — Доли) умерших родных присутствуют на поминальных обедах, сидя в то время на полочке между иконами; они посещают людские жилища и в другое время. Поэтому, напр., не должно выметать сору из хаты через порог, так как можно при этом запылить души умерших родителей, входящих в ту минуту в хату.

Души умерших, Доли их не есть прозрачные только существа. Нет, они вполне реальны: они говорят, пьют и едят; их можно не только видеть, но и осязать. Ночь — излюбленная пора для их посещений. Всего чаще являются души умерших матерей к своим оставшимся сиротами детям, чтобы *доглядаты* их.

Умерла одна вдова; после нее осталось трое сирот. Близких родных у них не было: некому было ухаживать за ними. Но тем не менее соседи видят, что сироты по воскресным дням всегда чисто одеты, умыты, причесаны, в чистых сорочках. Стали спрашивать детей: *«Хто це догляда вас?» «Мате наша ходе до нас по ночах. Прыйде, головки нам помые, розчеше, били сорочки надине». Люды*

---

* Стаття написана на матеріалах Куп'янського повіту.— *Ред.*

пидглядилы — так воно и е: доля умерший жинки ходыла доглядаты своих детей» (Купянск).

Впрочем, многие из рассказчиков признают, что Доля умирает вместе с человеком, но некоторые утверждают, что Доли умерших людей живут в их могилах. Нередко Доля умершего сидит на могиле его, а также посещает его родных, особенно перед каким-нибудь несчастием. Можно и самому вызвать из могилы Долю кого-либо из своих умерших родственников, стоит только навкрест перепрыгнуть через могилу — Доля и явится (сл. Тарасовка). Но делать это рискованно потому что вместо счастливой Доли, помогающей вызвавшему ее, можно вызвать несчастливую Долю, *Недолю*, которая принесет с собою несчастие.

В наших народных рассказах о мертвецах они называются *мертвяками, опырякими*, или упырями, смертями, душами умерших и, наконец, *долями* их. Последнее название дается реже других и притом дается лишь дедам, бабкам, свекрам, свекровьям, мужьям, женам и всего чаще матерям. В нашем собрании рассказов о явлениях мертвецов нет ни одного случая, в котором бы название «Доля» дано было тестю, теще, отцу, брату, сестре или кому-либо из дальних родственников и знакомых. Такое строгое разграничение мертвецов в приложении к ним названия Доли кажется нам не случайным, а вытекающим из взгляда народа на связь и зависимость судьбы человека от известных лишь своего или чужого рода членов. Конечно, судьба человека прежде всего определяется актом рождения: Доля человека является даром его матери. Достаточно самого беглого знакомства с народными песнями, чтобы тотчас увидеть, что в них мать выводится подательницею Доли, в них часто выражается мысль, что от матери зависело дать или не дать своим детям красоту, счастье, Долю.

Выступала чорна хмара, а другая сыня:
Та спородыла та старая маты хорошого сына
Та й не дала ему, ему, молодому
Ни щастя, ни доли;
Та тилько ж дала ему, молодому,
Биле лычко, чорни бровы.
Та вже ж тии чорни бровы
Запысалы у салдаты.
Та було б тоби, старая маты,
Своих брив не даваты;
Та було б тоби, старая маты,
Щастя-долю даты.
«Та купы ж мини, та стара маты,
Коня вороного».
Коньк вороненький, парень молоденький.
Та осидлавши та шапочку знявши,
Та нызько поклонывся:
«Вы прощайте, отец и ненька,
И ты, жена молоденька,
И вы, близки сосидочкы:

Може я с кым побранывся;
Та не вспомынайте худыми словами,
Та щоб я не журывся;
Та вспомынайте добрымы словамы.
Та щоб я веселывся.
Та прылывайте та суху дороженьку,
Та щоб вона не курылась;
Та розважайте та мою неньку,
Та щоб вона не журылась.
Та прылывайте сухую дороженьку,
Щоб пылом не впала;
Та розважайте та тою мыленькую,
Щоб с лыченька не спала».

О прирожденной Доле скажем ниже, а теперь снова обратимся к Долям — душам умерших предков: дедов, бабок, свекров и свекровей. По народным о них рассказам, в них обнаруживаются свойства злобных или капризных существ, напоминающих отчасти домового. Они бывают довольны, когда находят свои любимые кушанья и, наоборот, сердятся и выражают всячески, даже побоями, свое неудовольствие, если пищи для них мало или совсем не приготовлено. Страх и боязнь их гнева служат главнейшими побуждениями к принесению им жертв. Чтобы избавиться от посещений этих прожорливых Долей, нужно поймать их. Раз пойманные, они исчезают навсегда: бессилие их обнаружено, страх рассеялся, а вместе с ним уничтожается и главное побуждение к жертвам.

Одно время, что положат у нас на столе, а Доля ночью и заберет, и заберет, говорит рассказчица. Вот и стали все класть на полицу. Отец уехал на ярмарок, а в эту ночь мать и слышит, что Доля ищет чего-то везде: по столу, по лавкам, по окнам. Ночь была лунная — видно было старика, старающегося отыскать что-либо съестное, а в этом старике мать признала покойника: это был отец отца. Мать встала да и поймала Долю деда: пойманная начала просить: «Пусти меня, я уже не буду у вас больше брать, а к вам буду еще носить». И с той поры Доля ничего у нас не брала. К этому рассказчица прибавила: чтобы Доля что-нибудь в дом носила или по крайней мере сама не брала из дому, нужно ее поймать (сл. Двуречная).

Жила богатая вдова с взрослым женатым сыном. Была она хорошая строгая хозяйка; сына и невестку держала, как говорится, в ежовых руковицах: всем распоряжалась сама, а они только исполняли ее приказания. Умирая, призвала старуха свою невестку и говорит ей: *«Слухай, дочко, шо я тоби скажу! Хоть я и умру, а все ж буду приходыты до вас щодня, так ты оставляй мини вечерю».* Умерла старуха; ее как следует похоронили. И стала Доля свекрухи каждую ночь приходить ужинать. Придет, все приготовленное поест и уйдет. Раз как-то ничего не осталось от ужина. Ночью приходит свекровь, видит на столе, кроме хлеба, нет ничего; полезла в печь — и там ничего. *«Бач, и йсты ничого!«* — ворчит старуха, уплетая бывший на столе хлеб. Потом подошла к невестке и говорит:

«Гляды, щоб завтра мини усёго богато було, а то ты знатымеш мене!» На утро невестка призналась своему мужу, что к ним по ночам ходит Доля его матери. Тот отправился к приятелю посоветоваться, что делать. Приятель дал ему совет: или поймать мать, если у него хватит смелости, или попросить священника отслужить на ее могиле «заклятый» молебен. Избегая огласки, сын решился поймать Долю матери. Около полуночи входит в хату старуха и направляется к столу. *«А чого це вы, мамо, ходыте до нас?* — спросил ее сын, схватив за руку,— *Ще довго будете вы ходыты, жинку лякаты?» «Пусты, сыну, бильш не буду до вас ходыты»*,— сказала Доля, вырвалась из рук и исчезла (сл. Гусинка).

Доля умершей жены напоминает своею доброжелательностию Долю матери: она помогает своему мужу-вдовцу или своим появлением предуведомляет об ожидающей его беде; а Доля умершего мужа имеет характер Доли деда или кровожадного упыря.

«Жив беля нас, якраз двир с двором, чоловик Фома Гробовык. Жив вин гарно, можно сказать, при усяком продовольствии. Навалылось на ёго ны с того, ны с сего горе та бида. Сказано — пишла бида за бидою. Держав вин землю за десять душ, десять надилив, а семьи було у ёго: вин з жинкою та два сыны нежонати. Пидошлы плохи года: хлиб не уродыв. У людей плохо, а у Фомы, ныначе Божьим попущением, ничогисенько на поли ныма: то погорило, то градом побыло — усяка бида над его нивою звалылась бильш, чим у других. Потим ёго скотинка поздыхала, а тут и жинка вмерла. Умерла восены, зараз писля Покровы, уже воны дещо и помолотылы, бо нема що багато и молотыты було. Загорював наш Фома. По хазяйству бида: год плохий выдавсь, скотына подохла, купыв бы,— ще гроши у его булы: карбованцив двисти,— опасно, ще хвороба по слободи на скотыни ходыла. Вин и думае: хлиб убралы, обийдемсь и без скотыны до весны; корм продам (а було ще стогив два сина), на ти гроши найму плугив на пашню на той рик, а весною, Бог дасть, купымо скотыну. У коморях та в амбарах хлиба у нёго було ще запасено с старых годив, значе и тут бида невелыка. Главна бида: плохо без хозяйки. Подумав, подумав — и загадав сына женыть старшого, а було ему 20 лит; не хотив допреж ёго женыты, покы вин одбуде солдатчину, а зараз треба хозяйку. Порадывсь с сыном, и пойихалы у Дубинивку свататься: там, бачыты, хлопцю дивчина прыйшлася до норову; батько и не перечив: «У Дубиновци будем браты, так и у Дубиновци». Заперлы хату и пойихалы уси трое: батько с женыхом, старостив забрали и хлопця меньшого взялы; часом стари загуляють, шоб було кому худобы доглянуть. Женых пойихав того, шоб зразу дило завершить; вин знав, шо дивку виддадуть, так разом и до батюшки, та шоб на тий же недили и свадьбу справить, бо до заговинья оставалось днив шисть, а им не хотилось без хозяйки Пилипивку и Риздво проводить. Пойихалы, засваталы дивку; заразом и сватанье справилы. Було то у недилю,

а шоб у пьятныцю и винчаться. Перед свитом йидуть воны додому. Сталы в Тарасивку выиздить, глядь — шось горыть; полымя з их краю выдно. А воны жилы по тим боци. На пужар звонють; народ бижить. Воны тож своих коней прыпустылы. Прыбиглы, а вже хата их сгорила, комори занялысь! Народ бига, туше — та шо вже зробыш? У хати гроши у скрини булы — сгорилы; в амбарах хлиб — горив, а шо осталось, то продымылось: самим йисты за нужу. Вивци булы в сараи — сгорилы. Фома як соскоче с воза, так и упав на землю и заголосыв. Ну шо ж тут робыть? Затушилы, розийшлысь люды; остався Фома с своими хлопцями. Радылысь, радылысь и надумалы: склалы батькови хатку з тих дубкив, шо от пужарю осталысь; собралы хлиб, шо не догорив, и оставыли батька самого зиму зимоваты, горюваты, а самы пишлы и нанялысь у экономию. Уже про свадьбу и казаты ничого, бо дивку бралы бидну, и самы осталысь в одних сорочках, и за винчанье платыть грошей нема. Батько дивчины и сам бачив, шо яка тут свадьба; хлопцю, колы б не нанявсь, так торбу на плечи та по мыру иты. Казалы бабы помеж собою, шо и загорилось у доми через хлопця: вин, бач, любыв и думав сватать дубинивську дивку, а женыхавсь тут с одною поблизю; вона почула, шо вин пойихав свататься, та с сердця и пидпалы хату. Бог знае, чы так воно, чы не так, а, бач, похоже. Перезимував наш Фома с горем, с бидою, а на весну прышлось дуже плохо. Ну, кой-як перебывсь — сыны помогалы,— а там нанявсь и вин пшыныцю берегты край дороги — важкой работы робыть мочи у нёго не було, хворый був: зйило ёго за зиму горе. Сив вин раз вночи на краю дороги биля пшыныци и сыдыть: бачив, шо на краю недалеко на толоци гурты ночують, так шоб у пшыныцю не загналы. Саме у пивнич пидходе до Фомы жинка, билым рушныком голова повьязана, и сама жовта, як воскова. Пидошла та й каже: «Пиды у себе на огороди пид вербою порийся, там в глечику гроши найдеш; твоя жинка заховала». Фома злякався, а все ж спытав: «Ты ж это?» «Я — Доля твоий жинки». С тым словом и пропала. На другий день Фома пишов увечери, порывсь пид вербою и найшов глечик, а у ёму пивтораста цилковых грошей. Помолывсь Фома Богу, узяв ти гроши, та сыны заробылы, и поставылы воны соби нову хату, купылы волив. И хлопець оженывся на тий дивчине, шо засватав, и гарно по сю пору живуть. А Фома вже вмер, царство ему небесне!» (сл. Тарасовка).

«У одного чоловика вмерла жинка, и с той поры шось стало по хати вночи ходыты. Раз вин прокинувсь, бо почув, шо хтось ходе, и пытае: «Шо ты таке?» А воно на отвит: «Твоий жинки Доля». Вин и спытай: «Чы на добро, чы на худо?» Воно тилько хукнуло и счезло. Скоро корова здохла у того чоловика, а воно перестало до ёго ходыты» (там же).

В понятии о *прирожденной Доле* смешиваются два главных течения: одно берет свое начало из идеи о материальной связи

ребенка с матерью, а другое исходит из христианской идеи о Высшем промысле, определяющем судьбу каждого человека. И по той и по другой Доля получает характер неизбежности, неотвратимости; она сужена, записана в Книгу судеб; от нее не уйдешь, не уедешь: она роковая.

Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю — де ии дину?
Пиды ты, нещасна Доле, та у поли загубыся,
А за мною, молодою, та не волочися!
«Хоть я пиду, нещасна Доля, в поли загублюся,
А як прыйдеш пшенычeньки жаты, я за тебе и вчиплюся».
Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю — де ии дину?
Пиды ж ты, нещасна Доле, в мори утопыся,
А за мною, молодою, та не волочися!
«Хоть я пиду, нещасна Доля, в мори утоплюся,
А ты прыйдеш рано по водыцю, я за тебе и вчиплюся».
Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини нещасну Долю — де ии дину?
Пиды ж ты, нещасна Доле, у лузи заблудыся,
А за мною, молодою, та не волочися!
«Хоть я пиду, нещасна Доля, у лузи заблудюся,
А ты прыйдеш калыны ломаты, я за тебе и вчиплюся».

Та же мысль о бессилии человека в борьбе со своей *долей-судьбой* картинно выражена и в следующей песне, записанной в хуторе Малиевом:

Породыла мене маты на святу ныдилю,
Дала мини гирку Долю — де я ии дину?
Повызу я гирку Долю в ярмарок продаваты.
Тыпер люды не глупии, ны йдуть гирку Долю купуваты.
Нихто Доли ны купуе, нихто й ны пытае,
Тико пройде мымо мене, а Долю й нымае.
Извалю я гирку Долю из воза додолу,
Сама поспишненько пиду я додому.
Я ж думала, моя ненько, шо в лиси гукае,
А то ж моя гирка Доля мене впьять шукае.
Я ж думала, моя ненько, шо в поли си огыла,
А то ж моя гирка Доля мене й спырыдыла.

Итак, Доли нельзя *«ни продаты, ни проминяты»*; от нее не скроешься; она везде найдет тебя: *«вона здыба и в чистим поли»*. Во всех народных песнях и сказаниях о Доле она олицетворяется почти исключительно в образе горькой доли, горя, лиха, беды и вообще недоли; в образе же счастливой доли она выводится весьма редко, да и то лишь, чтобы показать, что *«щастя переходя жыве»*. Притом счастье — скромно; оно любит уединение, как бы боится заявлять о себе, чтобы не возбудить зависти; горе же редко молчаливо. Оно, напротив того, любит говорить о своих страданиях, раскрывать свои язвы; требует сочувствия, жалуется, ропщет, клянет свою судьбу. В этих жалобах на свой несчастный жребий слышится иногда отголосок верования во влияние звезд на судьбу человека:

«выдно, пид такою планидою родывся»; *«знать, така вже моя планида»*.

Мы позволим себе привести здесь небольшое соображение об одном из возможных источников такого верования в связь судьбы человека с небесными светилами. Крестьяне-малороссы называют звезды *(зирки)* то душами людей, то ангелами и говорят, что одновременно с рождением ребенка родится и звезда его на небе, а когда человек умрет, то в то же время и звезда его падает с неба, тухнет. Не странно ли такое понятие? Если мы обратимся к библейским сказаниям, то приведенное суждение малороссов не покажется нам уже странным, потому что и в ветхозаветных и в новозаветных книгах мы найдем места, в которых ангелы названы звездами. Затем у малороссийских церковных проповедников конца 17-го века высказывается иногда то же самое мнение относительно звезд-ангелов, со ссылками на первых христианских учителей. Мало того: звезда не только ангел, то иногда на ней бывает ясно написана или изображена судьба того, кому она принадлежит. Возьмем, напр., проповеди И. Галятовского [2] на Воздвиженье честного креста. Здесь сказано, что когда Христос родился в Вифлееме, то в тот час появилась на небе *(«на поветру»)* звезда, которая путеводила волхвов, и на той звезде было *«дитятко малое з крестом»* для того, чтобы показать, что родившийся умрет на кресте.

Переходим к ответам крестьян на вопросы: что такое Доля, когда и кем она дается человеку?

«Доля — це свий ангел, который над всяким чоловиком. Если чоловик прогнивляеть свого ангела, то тому чоловику нема вже никогда спокою: ангел вид нёго удаляется и плачет. Есть люды таки, шо самы скверно роблять, а Долю лають: не Доля винна, а своя воля; недаром есть така писенька про Долю» (сл. Ново-Николаевка).

«Як народылся чоловик на свит, то зараз до Бога являются ангелы и пытаются его, яку Долю даваты рожденному. Бог тоди й вылыть им даты Долю або Недолю. Кожному чоловикови дается по одной Доли. Доля чи Недоля похожи на тых людей, якым воны дани. Доля отлычается от Недоли тым, шо наряжына в гарне платье, а Недоля носе старе и порване платье та ше й обрывком пидпырезана, вырытенамы пообтыкана, а мотовылом пидпырается, як иде» (хут. Малиев).

Каждому человеку при его рождении Бог дает по одной Доле или Недоле, но не у всякого человека Доля живет вместе с ним от самого рождения: большинство людей должно искать свою Долю. Доля, по понятию крестьян, есть некий дух, который может принимать на себя образ то человека, то какого-нибудь животного. И вот, когда Доля является в образе человека, тогда и можно отличить *щаслыву* Долю от *нещаслывой, гиркой*. Счастливая Доля — человек

красивый, одетый в богатую одежду, несчастливая — человек безобразный, имеющий вид грязного оборванного нищего (сл. Араповка).

«Як рождаеця на свит человик, то вмисти с ным рождаеця и ёго Доля. У кожного человика есть по одний Доли, и от як чоловик попада житы на свою дорогу, узнае, чым ему нужно занимаця, то й буде житы гарно, во всём ёму буде помогаты его Доля; а як же не попаде чоловик, чым заняця, то тоди Доля бросае ёго, а уходе куда-ныбудь, чаще всёго блукае по лису. Ото як батько або маты проклынуть за шо-нибудь своих детей, то тоди ни у одного из ихних дитей не буде Доли, потому шо Доля навсегда покидает людей проклынаемых. Для того, шоб побачиты чужу Долю (а ии побачыты, як кажуть, нетрудно), нужно тилько узнаты зарани, де родылась дытына яка-ныбудь, все равно: хоть хлопыць, хоть и дивчына. Як тилко почуеш, шо родылась, нужно дождаты вечера, питы до тии хаты, де родывся младенець и заглянуты в предпичне викно, и в то-то викно непримінно побачыш его Долю. Там тоби выдно буде, як вин буде житы: чы хорошо, чы плохо; в чому б ёму вызло, а в чому ни, и даже побачыш, яка ёго буде смерть. Можно даже побачыты в те саме викно Долю новорожденного и за день до ёго рождения. Из родных младенця никому не удасця побачыты Доли, а можно ии побачыты тилко постороннему и тилко тому, якый ишов с тою цилью, щоб побачыты чужу Долю, и щоб никому ни-за що не говорыты до самои смерти новорожденного» (сл. Калинова).

Доля есть у каждого человека, и дается она ему Богом при рождении; она всегда имеет вид того человека, которому принадлежит. Христос с апостолами Петром и Павлом ходил по земле. Пришли они в одно селение. Господь, зная, что в ту ночь там должно было родиться трое детей, послал ап. Петра послушать под окнами тех хат, в которых ожидалось скорое появление на свет ребенка, чтобы узнать судьбу этих детей. Петр исполнил приказание Господа и, возвратившись, сообщил, что в одной хате он увидел озеро и слышал шум и крик многих людей. На это Господь сказал, что родившееся в той хате дитя утонет. Во второй хате Петр видел огонь, а около огня много людей «моташается» и слышны вопли. Господь сказал: этот ребенок сгорит на пожаре. В третьей хате Петр видел что-то вроде качелей: висят веревки и на них кто-то качается. «А этому ребенку,— сказал Господь,— предстоит виселица» (Купянск).

Не послужил ли настоящий апокриф основой для вышесказанного поверья о том, что можно узнать Долю новорожденного, посмотреть лишь для этого в предпечное окно?

II. ДОЛЯ-АНГЕЛ. Когда младенец еще находится в утробе матери, то его ангел-хранитель питает его и учит всему, что он должен знать для своей земной жизни. В момент выхода младенца из утробы матери на свет ангел ударяет пальцем по верхней губе младенца, отчего образуется на ней на всю жизнь углубленная

дорожка, а младенец в ту же минуту забывает все сообщенное ему ангелом. Потом в дальнейшей жизни человека все сообщенные ему ангелом сведения постепенно восстановляются в памяти его, если человек будет упражняться в размышлениях и самонаблюдениях. И тогда из такого человека выходит разумный, великий муж; в противном же случае, если человек ведет рассеянную жизнь и плохо припоминает ангельское учение, то и бывает малоспособный и с большими нравственными недостатками (сл. Кабанья).

«Доля и Недоля даетця чоловику, як родытця, матерью и нароком. Як родытця дытына, маты опереже еи хрестом трычи и каже: «Даю тоби Щастья-Долю!», а баба-повитуха чита молитвы. И уси, хто знае, шо дытына найшлась, должны помолытьця и благословлять еи Долею.

Недоля такы-опьять даетця матерью и нароком. Бува, шо маты роды дытыну в кручини, в якимсь гори, та як найдеця дытына, вона и скаже: «Народылось, ты, небого, на мою голову. Гирка твоя Доля, ныщасна дытына! Я мыкаюсь, ото и тоби буде. Мабуть не побачиш ты Щастья-Доли, як я не бачу!» Або шось таке подобне маты скаже с печали та с кручины,— бувають таки случаи, ото вже та дытына не бачытымыть Щастья-Доли. Бува хтось по злоби або й ненароком скаже лихе слово, як дытына найдеця, ото вже той небогой щастья и на бачить. Для того и треба, шоб нароком жинка рожала, шоб мало хто и знав. Як жинка мучиця родами, а хто прыйде в хату, ны треба отказуваты, нехай ввийде и Богу молыця. А як прыйде в ту пору чого прохать в позычкы або так зачым, не треба выпускать з хаты и ничого давать не можно и не видказувать, а нехай жде, покы жинци шо Бог дасть, а то Долю виддаш. Для того-то жинки ридко по хатах и рожають, а то зараз, бач, багато старины та дидовских звычаев не тремають, роблять по-новому: куцерок, бач, клычуть,— гарно воно, гарно, та не дуже!

Кожному чоловикови даеця одна Доля на щастя, та не кожный её сразу получа. Инший смалу нападе на свою Долю, тому смалу с тих и щастя иде, а иншому Доля даетця, а вин еи не баче, возьмеця за другу: ему и нема щастья, покы вин не сдыба свою Долю. Бува, шо весь вик промаеця и не побаче своеи Доли, а живе иншою, чужою Долею або Недолею. Своя тут же сбоку, а вин еи не баче. Недаром стари люды кажуть: «Всяк свого щастья коваль». Так инший бидуе, бидуе та й знайде свою Долю и заживе щасливо. Доля любе, шоб еи шанувалы, шоб чоловик трудывсь и займавсь тым, чому вона служе» (сл. Тарасовка).

Что нужно сделать, чтобы увидеть свою Долю? Является ли она всегда в одном и том же виде или же она может изменять свой образ?

Чтобы увидеть свою Долю, надо после обеда на Рождество взять ту ложку, которой за обедом ели, и выйти с нею за ворота — там и увидишь Долю; она пройдет по улице и отзовется к тебе, назвав по

имени. Доля всегда является в одном и том же виде: в виде двойника того человека, которому она принадлежит (Купянск).

В старину в полночь под Новый год ходили на перекресток дорог слушать Доли. Раз собрались четыре человека и пошли слушать Доли. Пришли туда, где две дороги перекрещивались, и стали навкрест по концам дорог. Вдруг пред каждым из них явилась его Доля и говорит, кому чем придется заниматься. Одному сказала: ты будешь чумаковать; другому: ты будешь купцом; третьему: ты будешь хлеборобом, а четвертому: ты будешь разбойником. И действительно, каждому пришлось заниматься тем, что было ему предсказано его Долей (Купянск).

«На Велыкдень як повбидаешь и зараз выйдеш на вулыцю, то й побачыш свою Долю. Як буде вона наряжына в красное платья, то значыть — щаслыва Доля, а як же з сумкою, то Недоля, то и сам тоди ны вмынуеш йты з сумкою. А то ще Доля може явыця до чоловика, як вин поступе по цёму правылу. Наварыты каши в нывылыкому горщечку, поныcты на сырыдохресну дорогу [3] и поставыты, а самому куды-ныбудь треба одийты сажень на пьять и сыдиты дожидаты. Доля сама прыйде до кашы и шо-ныбудь, а вже зробе: як поисть усю кашу, то — Недоля, а як пырыкыне ту кашу, то то — Доля щаслыва и багата: ны хоче й каши исты.

Доля и Недоля являюця в разных выдах цилый год, тико на Велыкдень воны являюця в тому выди, якый чоловик. Ото раз дивка на Велыкдень посли обида выйшла на вулыцю и побачыла там другу дивку, точнисенько як сама, з сумкою за плычымы. И шо ж? Чырыз год у тии дивки батько й маты померлы, а вона осталась сама и пишла с тых пир по людях з сумкою» (хут. Малиев).

Чтобы увидеть свою Долю, надо на Голодный свят-вечер (крещенский сочельник), *«як люды идуть з церквы с свяченою водою, взяты пириг* [4], *выйты за ворота и стояты, покы вси люды пройдуть. Послидня йтиме твоя Доля»*. Делают еше и так: на Светлый праздник, когда уже все придут из церкви, желающий увидеть свою Долю берет *свячену крашанку»* и идет за ворота. И вот, когда все бывшие в церкви люди разойдутся по домам и на улице никого не станет видно, тут-то появится Доля и пройдет мимо ворот. Она является человеку в различных видах: в виде мужчины, женщины или в образе какого-нибудь животного; притом Доля в виде мужчины является только женщинам и, наоборот, в виде женщины только мужчинам. *«Жила в городи у одного купця робитныця. На Велыкдень, як выйшлы люды з церквы, купець поклыкав ии до себе в горныци, дав ий свячену крашанку та й каже: «Пиды стань за ворoтьмы и дывысь, хто мымо тебе пройде». Пишла вона, дывыця, а мымо йде старець, та обирванный, обирванный, и просе мылостыны. Вона злякалась и побигла в горныци, а купець и пыта: «Ну шо, кого бачыла?» «Та бачыла,— каже,— обирваного старця». «Чого ж ты не отдала ему крашанкы? То твоя Доля. Оце ж слухай: тепер ты живеш по роботныцях, а на старости прыйдеця тоби мылостыны просыты»* (сл. Араповка).

«В страшный четверг, як прыйдеш от страстей, не заходя в хату, з страшною свичкою полизь на горище, там побачиш Долю; вона и скаже, чим займатьця, шоб щастье було: чи торговлею, чи хлиборобством — в чом буде тоби рука. А то на Велыкдень питы в поле ночью, и як зазвонють к заутрени, так хтось до тебе прыйде, а ты и спытай: «Де моя Доля?» Воно и скаже, де найты Долю. Зараз туды иды, шо на дорози взрыш, то и буде твоя Доля. Вздрыш жинку стару, дивчыну и пытай, в чом тоби щастье. А найдеш яку вещ, беры и бережи: буде тоби щастья, покы ту вещ берехтымеш.

Доля може являтьця в разных видах. Чоловику трудящому, работящому в будний день показуется в буденной одежи, а в праздник — в гарной одежи наряжена. А лядащому чоловику и в будни, и в праздник — оборвана, кальна [5], *нечесана, смутна, а в праздник туже та плаче. Влитку Доля показуется в одном виду, а восены чи зимою — у другим.*

Перед якою причиною, чы нещастьем, чы смертью родычей опьять-таки инший вид у Доли. До одний жинки доля усе ходыла жинкою, а то прыйшла медведем та й сказала, шо у неи батько скоро умре. Так и прыйшлось. Ще Доля образ инший прыймае на перемину житья. Хозяйствуе чоловик, и усе у нёго гарно, щаслыво йде, гляды, вздрив Долю в иншом образи, як бачыв до той поры, то вже роскинь головою, подумай чы спытай у старых, шо про то знають, чы к добру то, чы к худу. Може, треба шо инше в хозяйстви зробыть, шо продать чы шо купыть, або хату перестроить, а то и зовсим другим дилом занятьця. Вже так не мынетця. Разно показуетця Доля: купцю — красивою дивчиною; хлиборобцю — жирными волами; здоровым чорным мужиком — работящему, и голым, кальным чоловиком — лядащему; чорною жинкою, старою жинкою, кобылою, медведем, кишкою, дохлою собакою, мышою, гадюкою, яйцем, обидцем, гришмы. А Недоля показуетця голым мужиком, кальною нечесаною жинкою, кишкою чорною, зайцем, совою, птыцею с здоровыми крылами. Доля и сама прыходе до чоловика перед щастьем, прибылью, а Недоля — перед бидою. До одного чоловика являлась Недоля ночью. Як вин заснеть, вона прыйде и так его прыдаве, шо ёму нияк дохнуть; вин прокинетця — воно зараз пропада и ничого нема. Ось и душе его шонич. Раз як надушило ёго, а вин ухватыв то, шо ёго душе, обидвома рукамы та й закрычав на жинку, шоб свитыла. Поки жинка свитыла, воно вырвалось и крикнуло: я — твоя Доля. С того часу захворала у ёго жинка и вмерла скоро» (сл. Тарасовка).

Человеку иногда слышится, что его называют по имени, зовут его, а между тем в действительности оказывается, никто не звал его. Такое всем знакомое явление крестьяне приписывают Доле, говорят, что это Доля человека зовет своего хозяина, извещая его о грозя-

щем ему несчастии или смерти. В сл. Кабаньей советуют, когда Доля зовет, а особливо когда она зовет со двора в окно, не откликаться ей, молчать или же сказать: *«Убырайся ты к лыхий годыни», «чортовой матери!»*, тогда, мол, Доля тотчас уйдет и зов ее останется без последствий. Если же откликнуться на зов Доли, то ожидай в течение года какой-либо беды, а то и смерти.

III. ДОЛЯ — ДУША ЧЕЛОВЕКА ИЛИ ДВОЙНИК ЕГО. Вера в предчувствие сильна в народе. Кажущаяся иногда беспричинной тоска, гнетущая человека, смутное ожидание какой-то беды, упадок духа, соединенный с упадком сил,— такое душевное состояние крестьяне объясняют словами: *«Чуе шось душа, та мени не каже», «Душа шось вищуе».*

По другим, слово «душа» заменяется в этом случае словом «Доля» —*«Доля шось чуе», «Доля шось вищуе».* Но душа только томится, только волнуется в предвидении несчастия, Доля же яснее предупреждает своего хозяина об ожидающей его беде: она громко тоскует, плачет, причитывает, а не то и сама зовет его туда, где должно исполниться предопределенное, или же показывается в виде двойника и говорит об имеющем быть или о случившемся уже несчастии.

Жил в слободе Кабаньей один зажиточный крестьянин. Он был человек трудолюбивый, честный и всеми уважаемый. Был он счастлив и в семейной жизни. Жена его была прекрасная хозяйка; он любил ее и пользовался взаимной любовью. Прошло несколько лет такой мирной семейной счастливой жизни. Но вот крестьянин начал понемногу запивать — чем дальше, тем больше. Конец обыкновенный: пропил все свое состояние и стал горемыкой-бедняком. С довольством исчезло и семейное счастие. Жена ежедневно проклинает свою горькую участь, корит мужа за его беспутное поведение. Словом, прежняя тихая семейная жизнь рушилась, начались ссоры, драки и голодуха. Крестьянин допился до того, что у него зародилось желание покончить с собою. Когда он принял такое решение, жена его стала ежедневно слышать, что под кроватью мужа кто-то все поет по ночам: *«Ой, Боже ж мий, Боже! Якый я удався: як брив через ричку, та и не вмывався».* Пение сопровождалось плачем. В одно утро нашли этого крестьянина повесившимся — пение с тех пор прекратилось. Это Доля оплакивала жизнь его и близкую кончину.

Рядом с ветряной мельницей на горе было глубокое глинище, откуда крестьянки брали глину. Раз пришла сюда за глиной одна женщина; набрала глины, вылезла из ямы, как вдруг слышит позади себя из глинища голос Доли: *«Прийдеш ты до мене сёгодня вночи».* Женщина невольно оглянулась назад и ответила: приду. Пришедши домой, она никому не сказала о том, что Доля звала ее, а только заявила, что глины оказывается мало, и перед вечером вторично отправилась к глинищу. Когда она туда подходила, то слышно было,

что в глинище кто-то тужит: *«Казала: прийду, та й доси ныма».* Так тужила Доля, это слышал и мельник, поэтому, увидевши, что подошедшая к глинищу женщина полезла туда, схватил, желая спасти ее от верной смерти, веревку, поспешил к обрыву, накинул сверху на женщину петлю и стал тащить ее из ямы; но оказалось, что этой-то веревкою он и задушил женщину (сл. Двуречная).

«Був у нас в слободи чоловик гарный, розумный, и хоть не дуже богатый, а заможненький, та Бог покарав его сыном. Старшый сын выйшов такый пьяныця, такый мотыга, шо й не довыды Господы. Вин и оженыв его, взяв гарну дивку, красыву, хорошого роду — думав, може сын тепер удержитця. Де вам — ще гирш! Пье, жинку бье, з дурными людьми знаетця. Батько за ным ни дня, ни ночи покою не мае: боитця, шо вин ще лыха наживе. Ось воно и прыйшлось. Десь-то Юхим (так, бач, сына звалы) гуляв на постоялом с товариством на Масляни, и там загуляв з нымы произжий прикащик. Виз вин хозяину грошей чимало и перед вечером пьяный пойихав одным конем в саночках сам, а вже ростополь началась. Выйихав той прикащик та й заснув дорогою; кинь ёго виз, виз и прывиз в хутир, шо на дорози случивсь, и став та и простояв досвита. В свити люды побачилы, разбудылы того прикащика; вин насылу до памьяты прыйшов, думалы, шо вмре, тилько ничого, отходылы кой-як. Прыйшов до памьяты — до грошей, а грошей нема. Тут началы розыск и Юхима сталы шукать: вин то ж гуляв тоди с тым прикащиком. Прыйихалы до батька Юхима заарыстуваты, а Юхима нема. Тилько на заговинья, на пист, так у обид прыходе вин додому. Батько ёму и каже: «Догулявсь, такый-ся-кый, пропасты на тебе нема: иды з моеи хаты — ты мини не сын!» Посварылысь, и прогнав ёго батько. А вже на льду вода пишла, переходу не було, а Юхим з дому пишов пьяный та ще и сердытый. Повечерялы, полягалы спаты, уси сумни — жинка Юхимова и маты плачуть. Батько лиг и заснув. Спав — ны спав, прокынувсь, бо почув, шо хтось клыче: «Батю, батю, простить мене!» Пиднявсь, а Юхим у билом серпанку[6] *стоить на дверях, кланяеця и пидходе: весь мокрый, вода з него хлющем тече. Батько перекрестывсь, встав, а воно ничого нема. Тилько лиг — опьять клыче: «Батю, батю, простить мене!» Пиднявсь старый, перекрестывсь — опьять нема никого. И так тричи. Встав, засвитыв — нема никого. Выйшов надвир: темно, дождь иде, и ниде никого не чуть. Так вин усю нич и не спав. А Юхима шукалы, шукалы и не найшлы; аж весною его тило вода вынесла. Юхим як пишов з хаты, батьком выгнаный, в слободи ёму тож сказалы: «Ховайсь, бида: тебе шукають — тюрьма тоби!» И подавсь вин геть увечери через ричку, був пьяный и потонув. Та, бач, як потопав, так ёго двойнык батькови являвсь. А батько бидный так зажурывсь, шо годив два ще промаяв та и вмер. Дуже жалкував, шо прогнав Юхима тоди з хаты: «Може,— каже,— вин бы як посидив у острози, опамьятувавсь и був бы чоловик, а то загубыв я ёго*

душу!» Славный, душевный був чоловик, покийный батько Юхима» (сл. Тарасовка).

Вообще в народном понятии о Доле и в соответствующих тому образных представлениях Доля является иною, существом если и не тождественным с душею, то во всяком случае близко родственным ей, что и выражается заменою одного слова другим, особливо в языке песен. Напр., в общеизвестной малорусской рекрутской песне вместо того, чтобы сказать: *«Предчувствует моя душа, что не быть мне дома»*, говорится: *«Ой, зачула моя Доля, шо ны буты мини дома»*. В народных рассказах о двойниках смешение понятий и представлений о душе и Доле выступает так же ярко, как и в народных песнях, и указывает на более древние глубокие основы замечаемого ныне сродства Доли с душею.

«Давно це, дитки, було (говорил седой старик)*, ще тоди, як мий батько живый був, та ходыв вин у обози та казенщину возыв та справляв* (это было в перве годы военных поселений)*, а маты сама дома хозяйствувала, а я ще маненький хлопчик був, тилько шо на ноги пиднявся, чи було мини годив сим. А був моторный, дешо знав и по хозяйству с матерью справлявсь; а памяткий був и понятливый, так одно слово: сим с оком! Де шо почую, я в толк беру, и уже скилки рокив пройшло, а бильш старыну помню, ниж то, шо зараз робытця. Важко матери було: диток нас чимало, уси маненьки, а вона одна; бьетця вона, сердешна, цилый день, а ввечери и вдосвита треба прясты. Вона пряде, пряде увечери, та як уморитця, бросе и куделю, и веретено и ляже на пич одпочинуть, а свитло горыть. Як зараз прыходе жинка, точь-у-точь як маты, сида и пряде або прыбырае у хати. Як маты лежить, вона робе, як маты схватытця до неи — ныма никого. И ны тилько маты, а и я, и сусида, шо маты клыкала подывытця, бачилы ту жинку. Була у нас у слободи стара бабуся, маты и пишла до неи спытать, шо то за прычина, до чого то. Так та бабуся сказала: «Ничого, дочко, то твоя Доля-двойнык тоби пособля: дуже ты багато робыш. Не думай о тим, а як побачиш — не займай и ны гляды. Поки вона мовчить — ничого, а як шо тоби скаже, то сама узнаеш, чи на добро, чи на худу». Ось так и угадала бабуся. Скилько разив маты бачила ту жинку и робыла, як бабуся прыказувала; а раз батька дома ны було, а матери чогось затужилось, затосковалось. Пряла вона звечора, пряла та не смогла, заплакала и лягла на пич. Мы, уси диты, то ж давно полягалы; меньши спалы, а я прокынувсь, бачу — маты лежить на печи, плаче, а жинка так, як мате, пряде, и тож у неи слёзы из очей по пыци бижать. Дали мате не стерпила, вскоче с печи та до тии жинки, а жинка мерщи з хаты, а маты за нею. Трохе сгодя маты як вбижить назад у хату, як упаде головою на стил та й заголосыла во весь голос: «Головонька ж моя бидна! Дитки мои — сиротки несчасни, шо ж я буду з вами робиты? Як нам житы?» Я злякавсь, та с печи та до матери. «Мамо, мамо, шо там таке?!» А мате обхватыла*

мою голову руками, заголосыла та й каже: «Нещасна наша доля! Мабуть, ваш батько вмер: як я выйшла з хаты за тою жинкою, а вона обернулась и каже: вже твий чоловик вмер, и потянулась, як медвидь, за угол хаты». Тут и заголосылы мы с мамою удвох. Аж так воно и прыйшлось. У ныдилю вернулысь наши дядьки, шо з моим батьком казенну фуру гонялы, и прыгналы батьковых волив, а батьку на дорози заховалы. Так от с того часу, мабудь, годив 80 пройшло, а як зараз я то бачу, як воно було. А бильш ничого ны бачив сам и от людей не чув, шоб була ще кому така прычына» (сл. Тарасовка).

Мать моя, бывши еще молодою, всего второго или третьего года по замужеству, раз в летнее время, проснувшись в ранний досвиток, увидела, что ее свекровь уже встала, оделась и месит тесто на просфоры (они были просвирнями). Матери показалось совестно, что старуха-свекровь встала прежде нее, а она, молодая, еще в постели,— поспешно схватилась, накинула на себя платье и вышла коров доить. Уже занималась заря. Подоивши коров, растопила печку, прибрала в хате и отогнала к череде коров. Возвращается домой, отворила дверь и видит, что свекровь лежит себе преспокойно на постели и сладко спит. Услышав же стук дверей, свекровь открыла глаза, быстро поднялась с постели и с аханьем бросилась к тесту, которое давно уже следовало подбить, а то оно должно было уже перестоять и теперь на просфоры не годиться более. И говорит свекровь моей матери: *«Чого ты мене не збудыла? Пропало тепер тисто!» «Та шо вы, матушка говорите?! Я ж бачила, шо вы и одиты стоялы коло ёго, и мисылы; я коло вас и пройшла мимо, ще й на столи свичка горила»*. Посмотрели тесто: оно и не тронуто. Посчитали — пропащее тесто, а дело было пред каким-то большим праздником: много было учинито. Погоревали, но делать нечего, другого теста нет; кое-как покачали просфоры, на листы да и в печь — уж какие будут. И что же? Вышли такие удачные просфоры, что еще никогда таких хороших у них и не бывало. Многие тогда утверждали, что это Доля старухи-свекрови месила тесто, что ее-то в образе свекрови и видела моя мать (сл. Ново-Екатеринославль).

«Одний жинци Олени случилось так, шо Доля еи стала до неи ходыты. Пряла Олена пизно увечери та так и бросыла пряжу, прялку и гребень з мычкою. Як входе жинка, сила на гребень и пряде. Попрялась, тоди достала мотовыло, смотала пряжу, опьять надила на мисто мотовыло — и пропала. Так багато разив Оленци то бачилось. «Шо воно ходе?» — поклыкала Олена свою ридну матирь до себе. Повечерялы, полягалы спаты. Маты заснула, а Оленка не спыть, бачить — ходе та жинка по хати. Походыла, походыла и сила на полу; Оленка встала и сила беля неи, а вона, як неначе спросонку, потягнулась та й пропала. А то раз Оленка вдень мазала хату; стала на печи мазаты, а та жинка сыдыть на печи у куточку. Оленка злякалась та геть з хаты, та до сусид. Прыйшлы сусиды, а там вже

никого нема. А то ще раз так було: мяла Оленка прядево в синях, ввийшла в хату, а Доля сыдыть коло викна. Оленка так прывыкла до тии жинки — Доли, шо и не лякалась еи, а вона ничого Оленци и не казала николы. Тож и друга наша жинка бачила свою Долю. Раз мазала вона в печи та и не домазала, чи за глиною, чи так чогось вылизла из печи. Затим полизла вдруге, а там уже сидыть якась жинка, точнисинько як вона сама, и домазуе. Хозяйка злякалась, як крыкне, та назад. Пидождавше трохе, опьять до печи, а вже никого нема. Вымазала в печи, полизла на пич, шоб и там помазаты, глядь, а там у куточку таж жинка маже; хозяйка вже осмилылась та до неи, а еи як не бувало» (сл. Тарасовка).

«Одна баба ходыла в монастырь молыця Богу, и сила вона коло колодезя закусыты. До неи прыйшла якась старуха и сила соби коло неи. Та баба закусыла и стала пыты воду, старуха тож стала пыты; баба стала йты, старуха соби за нею; баба стала хрыстыця, старуха й соби. Баба и каже старухи: «Чого ты прывьязла до мене?» «Того, шо я твоя ныщасна Доля»,— сказала старуха и стала нывыдыма» (хут. Малиев).

Брак — дело судьбы, оттуда понятие о суженом, о суженой. Отсюда же, вероятно, ведет свое начало и представление о том, что Доля женщины является в виде мужчины, а Доля мужчины имеет образ женщины, и вообще с идеей судьбы связывается мысль о Высшем промысле. Следующий рассказ может служить к этому иллюстрацией.

«Ходылы по земли Бог та святый Петро. Идуть воны мымо груши, а пид тиею грушою лежить чоловик, рот роззявыв: дожида, поке ему груша в рот упаде. Пишлы воны дальши, дывлятця — дивка жито жне, та вже ж так прыязно жне, шо й не розгынаетця. Св. Петро й каже: «Бач, Господы, гарно и подывыця на оцю дивку, шо вона так прыязно робе». А Бог и каже: «А замитыв ты, св. Петро, отого чоловика, шо пид грушою лежить,— то ии Доля».—«За що ж,— каже,— Господы, так?» «А ты ж бачив,— каже Бог,— шо тому линь и руку пидняты, шоб биля себе грушу взяты; а ся, бачиш, он як прыязно робе; от вона побиля себе й ёго прогодуе» (сл. Араповка).

«Жила одна дячиха-вдова. Пид Саввы (5 декабря) *пизно вечером вернулась вона з олийныци додому, а жила вона одна в хати. Засвитыла вона каганець, дывыця — аж коло столу стоить чоловик в обирваним дячкивским кавтани и держе в руках шапку й руковыци полатани. Дуже злякалась бидна дячиха: хата в неи була замкнута, виткиль же взявся сей чоловик? А вин стоить та й пытае: «Чи багацько олии набыла?» Обисмилылась трохе дячиха и пыта его: «Шо ты таке за чоловик? Чы ты за моею худобою прыйшов чи за моею душою?» «Ни,— каже,— я не за твоею худобою прыйшов и не за твоею душою: я — твоя Доля». Поляпав ии долонею по плечи та хто й зна, де й дився. Мисяцив через два прыйизжа ту дячиху*

свататы одын дяк. Вона як глянула на нёго, та так и ахнула: це той самый чоловик, що прыходыв до неи уночи пид Саввы; в тим же порваним кавтани и та ж полатана шапка в руках» (там же).

В любви вся радость, все горе жизни, вся поэзия ее. Жизнь без любви — жизнь без счастья, без Доли. И вот, парень и девушка ищут своей Доли в образе суженой или суженого. Ищут, но не всегда находят:

Зеленый дубочек на яр похилывся,—
Молодый чумаче, чого зажурывся?
Чи волы присталы, чи з дороги збывся?
«Волы не прысталы, з дорогы не збывся:
Того зажурывся, без Доли вродывся.
Пиду в чисте поле, пошукаю Доли».
Та й не найшов Доли: найшов сыне море.
На сынему мори стоять рыболовы.
«Ой вы, рыболовци — добрии молодци!
Закыньте вы сити по сынёму морю
Та пиймайте Долю парню молодому!»
Не пиймалы Доли та пиймалы щуку,
Та пиймалы щуку парню на разлуку.
«Щука-рыба грае: соби пару мае,
Мини, молодому, парочки немае.
Тилько мини й пары, що очици карн,
Тилько й до любови, шо чернии бровы.
Чорни бровы маю та не оженюся:
Пиду до риченьки, з горя утоплюся».
«Ой, не ходы, серце, бо душу загубыш;
Ходим повинчаемось, колы вирно любыш!»
Пишов чумак яром, дивка долыною;
Порис чумак терном — дивка калыною.

В варианте этой песни, записанном в сл. Тарасовке, девка названа прямо Долею, а вместе с тем яснее выражена и идея несудьбы, недоли: казак говорит:

«Пиду до риченьки, з жалю утоплюся».
Ой, по тим боци моря обызвалась Доля:
«Не топысь, козаче, бо душу загубыш;
Ходим повинчаймось, колы вирно любыш!»
Пишли виньчатыся — нема попа дома:
«Чи твое несчастье, чи моя недоля.
Запрягай, козаче, коня вороного,
Пойидемо виньчатця до попа чужого».
Йихалы мы поле, йихалы другое,
На третье поле сталы повертатця —
Став кинь спотыкатця.
«Не йидьмо, козаче, не будем виньчатця».
Пишов козак яром, дивка долыною;
Зацвив козак маком, дивка — калыною.

Видит девушка своих бывших подруг замужем, а ей не судилось еще «одружиться»; те сидят парочками, а ей приходится одной искать свою Долю. Годы проходят, а суженого нет, то — вина ее Доли. Доля забыла ее, расхаживает по гостям, а девушка сохнет без друга, чахнет и плачется на свою Долю.

Из-за горы витыр вие,
А доля з гостей иде.
«Де ж ты, Доле, була, шо мене забула?
Чи ты Доле, в лиси забарылась?
Чи ты, Доле, в поли опизнылась?»
«В лиси я не барылась,
В поли не пизнылась:
На рыночку була, горилочку пыла».
Як пиду я помиж гироньками —
Сидять люды все пароньками;
А як тыпер я молода —
Мини доли й парочки ныма.
Тико мини й пары, шо очици кари;
Тико й до любови, шо чорни бровы;
Тико й отрадоньки, шо чорни бривоньки.
Як пиду я по пидгирью —
Плачуть люды по биздилью;
А я, молода, горько плачу,
Свои лита марно трачу.
По другому любому чоловику
Плачте, очи, хоть до вику;
А як плакаты по якому —
Не вылю й тыпер и николы никому.

Разлучена девушка со своим милым — рассталась со своим счастьем, со своей Долей, доходит до отчаяния, но еще теплится в сердце надежда: и ходит девушка по полю, кличет и ищет свою Долю:

Пасла дивка лыбыди на зелений лободи —
Гей, Доле ж моя, Доле! — на зелений лободи.
На зелений на трави, на шелкови мурави —
Гей, Доле ж моя, Доле! — на шелкови мурави.
Напаслыся лыбыди, полытилы до воды —
Гей, Доле ж моя, Доле! — полытилы до воды.
«Доле ж моя нещаслыва, чом ты ж мене ны втопыла?
Чом ты ж мене ны втопыла — навик з мылым розлучыла»?
Гей, Доле ж моя, Доле! — навик з мылым розлучыла.
Ходе дивка по полю та й пытае про Долю —
Гей, Доле ж моя, Доле! — та й пытае про Долю.

Такое обращение к своей Доле и искание ее составляет один из излюбленных малорусскими песнями мотивов. Укажем на общеизвестную, варьируемую на разные лады: *«Де ж ты бродыш, моя Доле? не доклычусь я тебе...»*

Или вот еще одна в том же роде песня:

Як выйду я на круту гору,
Та й гляну по сыню морю —
Эй, Доле моя!
Де ж ты водою, Доле, заплывла?
Плыве човын и выселычко,
Сыдыть батько, мое сердычко —
Эй, Доле моя!
Де ж ты водою, Доле, заплывла?
Постий, човын, ны плывы,
Я з батьком поговорю —

Эй, Доле моя!
Де ж ты водою, Доле, заплывла?
«Ой, рад бы я с тобою говорыть,
Так бо повын човын воды набижить».
Эй, Доле моя!
Де ж ты водою, Доле, заплывла?

Доля хотя уплывает иногда с водою и скрывается за морями, по словам песен, однако не оставляет без ответа упреков, когда ставится в вину ей то, что неизбежно вытекает из личной необузданной воли самого обвинителя. Здесь, по взгляду народа на судьбу, Недоля — горькая Доля — выступает со свойствами вменяемости, заслуженности. Народ говорит: *«Робы, небоже, то й Бог поможе»*, говорит, что каждый человек своими делами кует себе счастье: *«Всяк свого щастя коваль»*. Это признание за своей волей важного значения в деле устроения личного счастия указывает нам, между прочим, на одну глубокую черту в характере малоросса, именно на то, что идея фатализма не заглушила у народа идеи личной ответственности, вытекающей из сознания малороссом значения в практической жизни той свободной воли, какая характеризуется словами: я хочу.

Широкое распространение в Малороссии нижеследующей песни и множество ее вариантов говорят в пользу высказанного замечания.

Та йшов козак (чумак) з Дону, та з Дону додому,
Та й сив над водою, та й сив над водою.
Та й дывыця в воду та й на свою вроду,
Проклынае свою Долю:
«Доле ж моя, Доле, чом ты не такая,
Чом ты не такая, як Доля чужая?
Шо люды й не роблять, та хороше ходять,
А я й зробляю, та в себе не маю».
Обизвалась Доля по тим боци Дона (моря):
«Козаче-бурлаче, дурный разум маеш,
За що Долю лаеш, за що проклынаиш?
Та не вынна тому Доля,
А все вынна своя воля:
Бо що зробляеш, та й те пропываеш,
Та що загорюеш, та й те прогайнуеш».

А в слободе Петропавловке к этому добавляется:

Пропыв козак постил та й суныця за стил;
Пропыв козак волоки та й взявся у боки;
Пропыв козак онучи та й спива идучи:
«Грайте, музыканты, од села до села,
Щоб моя головонька була весела».

Таким образом, в народных песнях намечается иногда идея Доли личной, действующей самостоятельно, которую приходится искать или заслуживать. В народных сказках о Доле такая примесь элементов личной заслуги к идее судьбы, предопределения составляет нередко основной их мотив. Однако мотив о заслуженности счастливой Доли почти постоянно переплетается с идеею прирожденной, роковой Доли. Крестьяне говорят: *«Богатого Доля у поли гуляе,*

колоски сбырае, а бидного Доля за морем блукае», или: *«Чом ему не пыть, колы ёго Доля не спыть», «Гирке житье, гирка Доля,— шо робыты: Божа воля», «Не родысь богатый, а родысь щаслывый», «Бог дасть Долю и в чистим полю»*. Такая пестрая смесь представлений в одном и том же понятии о Доле раскрывает пред нами различные течения, разновременно вошедшие в состав этого понятия, но не вполне слившиеся и сохраняющие отчасти свою древнюю окраску. Пользуясь ею, мы можем выделить в понятии о Доле три главные идеи: идею прирожденности, идею предопределения и идею случая. А так как эти идеи не слились в одно определенное представление, то в некоторых из народных о Доле рассказах мы и находим указания или по крайней мере намеки на существование у каждого человека одновременно нескольких, двух-трех, Долей, хотя в известное время они могут при нем и не находиться. В наших материалах мы не имеем данных, на основании которых было бы возможно строго разграничить олицетворения Доли по трем принятым нами категориям, но в виде простой догадки, обоснованной, впрочем, на одной свадебной песне, в которой предлагается невесте вопрос: чья доля лучше: материнская, отцовская или Божия? — где, значит, признается у невесты три Доли, мы позволим себе высказать предположение, что, допуская, что каждому человеку дается по три Доли, мы можем рассматривать их как соответственные образы трех вышесказанных идей, а именно: Доля материнская будет в таком случае соответствовать идее прирожденности, таланта; Доля отцовская — идее случайного счастия, фортуны, а Доля Божия — идее присужденности, роковой судьбы. Вступив раз на широкий путь гипотетических соображений, нетрудно дойти до заключения, что возникновение у наших малороссов верования, впрочем, теперь почти исчезнувшего, в существование у каждого человека трех Долей могло произойти не только традиционным путем от времен классической древности или международных сношений с юго-западными славянами, но и самостоятельно зародиться под влиянием языка, прибегающего к образным выражениям для обозначения смутных представлений, неустановившихся понятий или для объяснения неизвестных причин общеизвестных явлений. Непонятное и таинственное вызывает творчество фантазии и, получив образ, становится уже в ряд известных, как бы вполне определенных представлений.

Жизнь каждого человека изображает запутанное сплетение случайного с неизбежно-роковым. Черты того и другого особенно ярко выступают в трех главнейших жизненных актах: рождении, браке и смерти. Эти три акта, обнимающие в своей совокупности всю жизнь и обусловливающие большею частию все ее содержание, должны были вызвать в человеческом уме вопросы о силах, управляющих жизненными явлениями вообще и, в частности, судьбою каждого отдельного лица. Ответом на подобные запросы и служат

парки, девы судьбы, судицы, рожаницы, а также и малорусские Доли, так как местные крестьяне ничего не знают и не слышали ни о каких парках, судицах или рожаницах, а Долю знают хорошо [7]. Правда, на прямой вопрос: кем дается человеку Доля? — немедленно получается ответ: Богом; но обыкновенно при дальнейших об этом предмете беседах обнаруживается, что мать и отец каждый со своей стороны также одаряет своих детей Долею; мало того, даже и посторонние лица, случайно присутствовавшие при рождении ребенка, могут наделить его Долею или по крайней мере могут повлиять на его судьбу. Говоря же о том, что у человека всего одна Доля, нередко прибавляют, что она дается каждому на три *талана*, и если кто попадет на свой талан, то у того все и идет хорошо, по пословице: *«Гроши идуть на гроши, хлиб — на хлиб, а злыдни — на злыдни»*. Доля и сама иногда указывает человеку, чем ему следует заняться, в чем ему будет удача, но чаще человек должен сам найти свою Долю и заставить ее на себя работать.

В подтверждение такого взгляда народа на Долю приводим собранные нами в Купянском уезде сказки о Доле.

1. *«Жив соби чоловик, и чим вин вже ни занимався, все нияк не мог разжиться. От раз входе вин в свою хату облягома* (когда все уже улеглись спать), *а слидом за ным шось входе. Хозяин и пытае: «Хто тут такий?» Воно не озывается. Вин засвитыв, хотив ёго захрестуваты: чого ты, мол, шляешься ночною порою. Хотив его добре попобыты, а воно ёму и каже: «Не бийся! Я тоби ничого не здилаю, я тоби совит принесла». «А шо ты таке» «Та я твоя Доля: я тоби совит принесла». «Який совит?» «От послухай, шо я буду тоби казаты: заниматься тоби бджолами, це — твий талан. Ты не бийся, занимайся тым, шо я тоби кажу: будеш ты приодитый и приобутый и мене приодинишь; будешь тилько Бога хвалиты та людей пытаты, будеть тоби и хорошо, и мини. Занимайся от одного Бога, а тыми послушками, шо от других услышишь, не занимайся — не в пользу буде». Чоловик послухав совита своий Доли, завив соби пасику и розбагатив»* (Купянск).

2. *«Одын чоловик йихав на ярмарок и догнав на дорози старыка, идущого тож на ярмарок. Той чоловик и каже старыку: «Сидай, брат, на виз — я тебе пидвызу». Старык сив. Йихалы воны ны бильш, як сим мынут, а волы вже и прысталы — ны вызуть. Старык тоди злиз з воза и сказав: «Твои волы скверни, тиж мышинята: йидь скориш на ярмарок и проминяй их там; ты выминяешь, я знаю, луччих волив». Той чоловик тоди и пыта его: «Почому ты знаеш, шо я выминяю луччих волив?» «А потому шо твоя Доля щаслива тепер при тоби,— я твоя Доля!» — сказав старык, и хто й зна, де дився. Той чоловик прыихав на ярмарок и зараз выминяв там луччих волив, та ще й з додачею»* (хут. Малиев).

3. *«Давно це було, ще я малый був, а мий батько чумакував. Раз и взяв вин и мене с собою у дорогу,— мабудь, то була моя перва*

дорога: скилько мени тоди годив було — забув уже, а яка в дорози з нами причина була — гарно помню. Ну, йихалы мы и раз сталы ночуваты в стыпу. Съихалы трохи з дороги, поставилы возы, повыпрягалы волив; кой-хто пишов з волами, шоб напасты до вечери. Малось и мени иты, а батько и каже: «Не ходы, Даныло, зостанься, нехай Мытро попасе волив!» (а Мытро — то мий старший брат). Зоставсь я биля обозу и став роскладаты огныще: кашу варыты. Нависыв казанок, а сам став ще кой-що готовыты — то пшоно, то сало. Прыходють уси дядьки, посидалы и сталы люльки накладаты та закурюваты. Хто сидив, а хто й лыжав биля огныща. Каша кипыть, а я ии мишаю, а дядьки одно — курять, мовчать. Колы це зразу як прылытыть якась-то птыця велыка та чорна, так як закрутытця, як е над дядьком Охримом, як закрутытця, як крыкне хто зна яким матом. Крыкнула триче та так зразу наче скризь землю провалылась. Уси, хто ту птыцю бачив, дуже злякалысь, аж неначе мороз за спину полиз, и всим моторошно стало. От мий батько перехрестывсь та й каже: «Що це, Боже мий, наче и лису блызко нема, и стогив ниде не выдно, та ще ночнои добы: де вона взялась! Та вона це не дурно, це щось тоби буде, Охриме, це твоя Доля або Недоля, бо вона кой-колы ни-ни та й провида чоловика. Бо я вже немало прожив на билому свити, богато чув, шо люды гомонять, а дещо и сам бачив» (мий батько старший усих був у обози). Як сказав це батько, так уси носы и повисилы, а я ще дужче злякався. Баче батько, що вси задумалысь, та й каже опьять: «Колы хочете, так я роскажу вам, як одному чоловикови Доля являлась». Тут уси: «Роскажи, дядьку, роскажи». Батько и начав: «У тий слободи, де я прежде жив, був один чоловик, Грицьком его звалы, був вин бидный и такый сердешный, що с самого малку не знав Щастя-Доли. Батько ёго с матерью рано повмыралы, и зостався вин сыротою мыкать свое горе на билому свити. Як тилько зипьявся на ноги — и пишов по городах ходыты. И ходыв вин так, аж поки дойшов до возрасту лит, тоди вже кой-як с горем та с бидою оженывся такы та й зажив соби начеб и ничого, так пиды ж ты... Жинка попалась ему работяща и доброи души; уже и диток зо трое було и хозяйствичко хоть маненьке — колы на тоби!.. Захворала ёго жинка, полежала, полежала, а дали и вмерла. Загорював наш Грицько: не дасть вин своий голови толку. До людей пишов бы житы: ни на кого диток бросыты. Став бы все сам робыты, та своих диток соглядаты та горюваты. Вдень по людях робе, а ввечери прыйде додому, дитям хлиба прынесе, погодуе и спаты положе. Сам ляже спаты, та не дуже ему спытьця, усе думае-гадае, як ёму свий вик коротаты одынокому та ще з дитками. Подума соби, подума та й скаже: «Не бачив я Доли сроду, не бачиму, выдно, и до гробу!» Почула десь, выдно, ёго Доля, що вин так каже, и прыйшла до ёго так, що вин и не вздрив, де вона взялась. На самисенький Велыкдень, як зазвоныли к служби, люды

пишлы до церквы паскы святыты, и наш Грицько пишов, понис и вин манесеньку пасочку, шо заробыв у богатого сусида. Прыйшов вин з церквы, а диты крычать: «Скорий, тату, паски давай!» Спыныв Грицько та й каже: «Пидождить, дитки, я сходю до сусида попрохаты багатья та засвитю свичку, помолымось Богу, а потим того и пасочку йисты будемо: а то у нас крысала нема» (сирнычкив тоди ще не було, а огонь добувалы з крысала). Пишов вин до сусида, а там ёму не далы огню та ище началы смиятьця, шо на такый празнык ходе по дворах. Видтиля по ряду пишов вин у други хаты... и так усюды его выпроводылы, и скильки вин не ходыв, ни с чим зоставсь: багатья ниде не добув. От вин и дума соби: пиду я на той бик через лукы, там бидниши люды живуть, знають, як воно нема, так ти скорий дадуть. Так и пишов. Колы це тильки зийшов на лукы, аж гульк! Щось таке огныще роскладa, як е биля тии дорожки, що ему иты, и выдно, що ворочается шось. Глянув Грицько, израдувавсь: пиду, каже, у тых людей попросю багатья, може и дадуть. Пидходе ближче и баче — сыдить якыйсь старый дид, сивый та горбатый, сира на ёму свытка, лыком пидперезанный, без шапки, а биля ёго лежить сумочка, як у странныка. Прыйшов Грицько до ёго: «Христом воскрес! Чоловиче добрый, дай мини огню!» А вин каже: «Можно, можно». «Шо ж це ты, дидусю, пыйдеш у слободу розговляться?» «Як погасне огонь, тоди пиду, а тепер держи за полу, я тоби насыплю багатья». А Грицько и каже: «У мене тилько одна свыта и е, та й та сгорыть». «Держи»,— каже дид. Пидставыв Грицько заполу, а дид и всыпав ему тры жмени жару и прыказав: «Иды швыдче додому, ще колысь згадаеш мене добрым словом». «Спасиби»,— сказав Грицько та й поспиша скориш додому, а сам рад, шо добув, чого ёму треба було. Дойшов до своий хаты, оглянувсь назад, а там уже ничого не выдно — ни дида, ни огныща. Увийшов в хату, высыпав багатье на припичок, засвитыв свичку, прилипыв до образив, помолывсь и сив паску йисты з своими дитками, шо так довго ёго ждалы. Потим зирк Грицько на припичок, а там замисть багатья лыжить куча червонцив. Як побачив то Грицько — и обомлив од радощив — и очам своим не вире. Перехрестывсь Грицько, взяв у руки одын червонець, а вин так и засияв, и ны взглянеш на его. Тоди Грицько ударыв перед иконами тры поклона и прыбрав у скрыню ти гроши. Зажив Грицько багато и прывольно, и хто ны спыта, усим росказуе про свое Щастя-Долю. Выстроив соби нову хату, оженывся, и лучше его никто не жив по всий слободи. Хто ж то ёго наградыв, як ны ёго Доля? От як бува ще на билому свити!» Закончив батько свою историю. Росказав вин, бач, ии для того, шоб Охрима розважить, бо дуже вин засмутывсь. Поки батько гомоныв, каша затым зварылась, волив тож попригонялы, и силы уси вечеряты.

Переночувалы и на другый день ранелько рушилы опьять у дорогу, а Охрим усю дорогу сумный та й невеселый був. Колы так

пройихалы верст 100, а ёго вил занедужав, а на другый день и здох. Сложилысь уси ватагою и купылы у ярмарку на дороги ему вола та кой-як дойихалы додому. А наш Охрим, як вола купылы, неначе повеселив, дума: бида мынулась, то перед тым и птыця крычала, та не по ёго вышло! Тилько шо въихалы в слободу, а тут иде зустрич знакомый чоловик. «Здоров, Потапе!» «Здоров». «Чи наши уси живи-здорови?» «Та вси, слава Богу, тилько на тий ныдили у пьятныцю Охримову матырь заховалы, вмерла, не дождалась сына». Тут наш Охрим як обниме свою головоньку, як заголосе: «Та моя ж ты долынька, та моя ж нещасна! Нема ж моий неньки, та нема ж риднои! Недаром же надо мною крутылась черна птыця; то ж не птыця, то моя долинька, то ж моя нещасна!»

Оце вам и усе, шо я знаю про Долю. Може ще де що случалось, то вже старый я став; шо знав, то забувать став: ни с ким старыну свою згадуваты — уси товарищи повмыралы, та, мабуть, скоро и за мною черга буде» (сл. Тарасовка).

4. *«Одын чоловик пизно вечером гнав волив з поля додому и побачив дытыну на берегу рики и спрашуе ии: «Чого ты, дытыно, тут ходыш?» «Тебе шукаю»,— отвитыла дытына и стала нывидымою. Той чоловик як прыгнав додому волив, ввийшов в хату и баче, шо жинка его лыжить мертва на лави. Ото, значить, Доля звищала чоловика: вона, бач, звищае, як яке-небудь горе случилось або ще случиця»* (хут. Малиев).

5. Жили два брата, богатый и бедный. Богатый пьет да гуляет, а добра у него не убывает; бедный же за работой с раннего утра до позднего вечера убивается да едва с куска на кус перебивается. Скосил бедный свою ниву,— поставил всего три копны пшеницы, посмотрел на участок богатого брата, а там копны с конца в конец стоят. Остался бедный брат у своих трех копен ночевать, чтобы и тех кто-нибудь ночью не свез. Проснулася в полночь, видит: какая-то женщина собирает на его десятине упавшие на землю колосья хлеба и относит к копнам его брата. Подкрался к ней, схватил ее и спрашивает: *«Шо ты таке е? Шо ты це робыш?» «Я братова Доля, це я ему служу». «Эге,— говорит бедный брат,— чом ёму не пыть, як ёго Доля не спыть; а люды, бач, кажуть: хто робе, той и мае. Чого ж воно так, шо я бьюсь и роблю, а все то пополныш, а того вже нема?» «А ты хиба не знаеш — чого,— говорит братова Доля,— ты сходы в отакий-то трактыр, там будуть музыканты ризаты, там и твоя Доля гуляе. Так ты возьмы добру байбару, поки бый, поки бый, поки заклянется, шо вже не буду бильш так дилаты, не буду гуляты: тоди ты ии и пусты».* Бедный отпустил на свободу Долю своего богатого брата, а сам утром пошел в указанный трактир и там увидел свою Долю: музыканты играют, а она отплясывает. Недолго думая, схватил ее за косу и ну катать нагайкою. Учит да приговаривает: *«Не росточай мого хозяйства, не росточай, а собирай, не гуляй, а робы!»* Учил он ее, хорошо учил,

пока она не стала проситься и клясться: *«Поки жива буду на свити, не буду гуляты, все буду робыты та старатьця хозяинови на прыбыль».* Стал с тех пор бедный брат поправляться, стал с каждым годом богатеть и наконец сделался богачом на всю слободу, потому что теперь Доля его неусыпно на него работала (Купянск).

6. *«Жило два брата у роздили. Одын був богатий, а другий бидный. Бидный у богатого на поли заробляв хлиб, и брат дав ёму таку волю: свою часть косы и забырай додому, а мою там, на ниви, складай. От бидный и став у богатого красты хлиб снопами, укладав их всередыну своих кип та баче: шо сам украде, оглядыця, аж ёго вже нема. Шо за прышта? Задумав вин упиймать того, хто воно перекрада. Став засидаты уночи и побачив одну жинку, котора собирала по ныви колоски. От вона сбырала, сбырала, а потим прыйшла до ёго кип и начала вытягаты украдени у богатого брата снопы. От бидный и пыта ии: «Хто ты така есть?» «Я Доля твого брата,— каже ёму вона,— а твоя гладка, не хоче робыты. Якшо хочеш ты ии побачить, так пиды в средний шинок, вона там лыжатыме за дверьмы, спатыме. Ты возьмы пивкварты горилки и збуды ии». Прыходе бидный в шинок, взяв пивкварты, глянув за двери — так и е: якась жинка спыть. Вин ии збудыв, а Доля (то була вона) и сказала: «Хтось спасений найшовся, що направыв тебе до мене! Ну, быры ж, лышинь, четверть горилки та пидем додому». «Нема гроший, а шинкар не повире». «Тепер повире»,— каже Доля. Узялы воны четверть, а потим и самы уже открылы поганенький шинок и началы торгувать. Народ так сыльно начав товпытьця в цей шинок, шо опустилы уси ти тры шинка. И так через год, черед два, а може и бильше цей чоловик из бидного зробывся богатым.*

Старшого богатого брата жинка дывитця, шо меньчий здорово забогатив, и давай уговарюваты свого чоловика: давай и мы перейдемо в город житы. Дывысь, як меньчий брат забогатив и хлиба не робыть, а в нас хиба грошей не стане шинок в городе открыты! Узяв старший и перейшов в город; перестав хлиб робыты, а начав шинкуваты. Став шинкуваты, став прожываты. У богатого богати друзья, прыятели, кумы, сусиды и прочи же богати люды и йдуть и йдуть до ёго в гости, а вин же их поштуе; до бидного ж идуть бидни: прыйде, на пьятак выпье та с тым и пиде, хоть бы ще попросыв набор, так вин не повире. И так дожився старший брат, шо став заробляты у меньчого, которий був уперед бидным. Бидному у всякому доми Доля его пособляла» (сл. Кругляковка).

7. *«Жив одын молодый бизродный парубок. Був вин чоловик и не лыдачий робыты, та не було ёму щастя ни в чому, и все ходыв вин по роботныках. От одын раз нанявся вин до одного богатого чоловика косыты хлиб. Косылы цилый день, повечерялы и полягалы спаты. Вночи прокынувся парубок, дывыця, а по ныви ходе дивка, вся в билому, а сама така красавыця, шо вин и зроду такои не бачив. Ходе вона, збыра колосья и запыха в копы; вин ии и пытае: «Шо ты*

таке е, шо ты збыраеш колосья та не береш соби, а в копы запыхаешь?» «Я,— каже,— Доля оцего чоловика». «А де ж моя Доля? От я ныначе и роблю так, як други люды, а все в мене нема ничого». «Э,— каже,— твоя Доля в городи у купця в лавци. От пиды та наймысь до ёго — все хозяйство ёго тоби достанетця». Пишов той парубок в город, нанявся в дворныки до того купця, шо ему Доля сказала. Купцеви вин пслюбывся, бо був чоловик робочий, и вин заставыв ёго в лавци торгуваты, а дали, годив через скилко, оддав за ёго и свою дочку, а вона одна тилко в ёго и була, так ёму и досталось все купцове хозяйство» (сл. Араповка).

8. *«Жило соби два брата: одын из ных був багатый, а другый бидный. Обыдва воны занимались хлибопашством; бидный засивав не бильше однии десятыны, а багатый засивав цили дысятки дысятын. У бидного жодный год урожай був плохий, як вин ны трудывся — ничого не подие, у багатого ж був урожай жодный год хороший. Бидный брат став завидуваты багатому, шо вин с каждым часом все багатие та багатие, а вин сам все бидние. От бидный и дума: може, мий брат знае, колы сияты и як нужно хлиб сияты, того в ёго и е жодный год хлиб; а я, як ныщасный, не знаю добре, колы б лучче посияты и як ёго посияты, шоб уродыла хоть одна дысятына та так, як у мого брата, то стану за ным слидыты. От вин и став слидыты: як выихав ёго брат в поле сияты, а вин и соби выихав, шоб и свою дысятыну засияты и в той день, що и брат засива. Багатый сияв, а бидный усе дывывся, як вин роскыдае зерно. Багатый як засияв свои ныви, заприг волы и зараз же поихав додому, тоди и бидный взяв и засияв свою дысятыну так, як засивав свою ёго брат. Окончив сивбу, выйшов на край своеи нывы и сив, шоб отдыхнуты та й иты додому. Сив та й задумався... Глядь на свою ныву, аж там, по ёго ныви, бигае утка. Вона як будто шо-то возьме на ёго ныви, перебежить на братову ныву, та там и бросе. Вин дывывсь, дывывся, а вона все одно робе: носе з ёго нывы на братову; тыхенько пидкрався, пидлиз по борозни до того миста, де бига утка, и, як тилкы вона хотила перебигты з ёго нывы на братову, вин ии цап та й пиймав и пыта ии: «Що ты робыш?» Вона отвича: «Я с твоеи нывы собыраю зерно та переносю на ныву твого старшого брата, шоб у ёго уродыв хлиб гарный». Вин ии и каже: «Ба, яка ты добра: у мене послидне отнимаеш та все отдаеш моему братови, у ёго и так багато и хлиба, и худобы, и всякои всячины, а у мене немае ничого — хиба ты цего не знаеш? Ты що таке е?» «Я,— говорыть,— Доля твого брата». Вона сказала ци слова, вструпыхнулась та й хотила выриватьця из ёго рук, а вин удержав, не пустыв ии и каже: «Не пустю, скажи мини, есть ли у мене Доля, де вона, и як ии можно побачиты, тоди отпустю тебе». Вона ёму и каже: «Есть и у тебе Доля, та вона не хоче тоби помогаты у сим дили, шо ты занимаешься хлибопашством, а якбы ты занявся чим-ныбудь другим, то, може, и вона пособляла бы тоби. Ты знаеш такий-то лис, як знаешь, так иды у той лис и там у таким-то мисти найдыш поляну, на тий-то полявыни и лежить твоя Доля. Ты возьмы, як будыш туды иты, зриж трыдевять дубчиков-однолиткив и, як прыйдеш на полявыну, побачиш свою Долю, то бый ии тымы дубчиками до тии поры, поки вона не озветьця тоби, а як тилко вона заговоре, то ты и брось ии быты: вона тоби скаже, чим занятьця, и буде помогаты тоби». Як окончила утка свою рич, бидный взяв и пустыв из рук ии, братову Долю, а вона побигла в поле та й скрылась. На другий день вин пишов у той лис, куды ёму казала братова Доля иты; сризав там трыдевять дубчикив-однолиток и пишов шукаты по лису тий полявыны, на який должна лежать ёго Доля. Найшов ту полявыну, а на ний посередыни лежить жинка стара-стара, лежить, не двыжитця и вся сверху мохом заросла. Вин пидийшов до неи и начав ии быты дубцями. Быв довго, довго быв, вона все мовчить, не двыгаетця, лежить; наконець схватылась и каже: «За що ты мене бьеш?» «Та як тебе не быты,— говорыть вин,— колы ты тут все лежиш, не йдеш до мене и не помогаеш мини. Ты знаеш, шо я цилый вик мучусь: братова Доля помога братови, а ты лежма лежиш». А вона и каже ёму: «Як хочеш, щоб я тоби помогала, то иды до свого брата, займы у его грошей, хоть рублив десять, и займысь торговлею, тоди тилко я до тебе прыйду и буду помогаты тоби; а як не послухаеш мене и не зробыш так, як я кажу, то я буду тут лежаты и не пиду из цёго лису, покы ты и вмреш». Послухав вин ии, вернувся додому, зараз пишов до брата, заняв у ёго грошей десять рублив, накупыв разного мелочного товару и занявся торговлею. И стала ему помогаты его Доля, и ему так повезло в торговли, шо вин годив через тры-чотыре став житы багаче и лучче свого старшого брата»* (сл. Калинова).

9. *«Жив одын чоловик багатый, а его сусида був бидный. Багатый косыв у поли хлиб; скосыв килко там десятын, та як це було пид недилю, то вин и оставыв снопы несложени и поихав додому, а сусида его бидный був на своим поли биля его десятыны. Уночи баче бидняга — по ныви багатого шось ходе, наче жинка, собырае колосья и стромляе у снопы. Пишов вин и сив пид копами, а та жинка пидишла до того миста, вин и ухватыв ии та й пытае: «Шо ты таке е?» «Доля»,— отвича ёму жинка. «А колы ты Доля, так ты довжна знаты, яка моя Доля и де вона». «Э, вона у лиси пид дубом. Пиды ии проберы добре, чого вона тоби не робе». Чоловик той взяв батиг и пишов у лис; там вин и найшов свою Долю, вона пид дубом сидила. Утяг вин ии батигом гарненько та й каже: «Скажи, шо б я робыв, шоб був багатый,— не скажеш, буду быты!» Вона дала ему грошей и сказала: «На, возьмы оци гроши та купы яець и квочку и пидсып, а як выведутця курчата, забагатиим». Вин так и зробыв. Як вывились курчата, дешо ему стало братьця, прямо шо ны начне робыть, так и горыть в руках, так и спие. Таке щастя во всим ёму пишло, шо в одын рик купыв волив и кабак открыв, став горилкою торгуваты и забагатив»* (сл. Тарасовка).

В г. Купянске известен вариант этого рассказа. Бедняк, узнав от пойманной им Доли своего богатого соседа, что его Доля в лесу, идет туда, находит ее в виде голой женщины в дупле дуба, получает от нее 100 рублей с приказанием купить за эти деньги на базаре гусыню. Покупает мужик у мальчика за 100 р. гусыню, и она начинает нести ему еженедельно по одному яйцу, но не простому, а золотому. Бывший бедняк стал богачом.

10. *«Жив одын чоловик убого; бросыв вин жинку дома, а сам подавсь на Дин зароблять грошей. Заробыв багато чи небагато — не знаю, тилько далеко дуже от дому зайшов, а як вертавсь назад, поки додому дойшов, уси гроши дорогою чи прохарчив, чи прогуляв, а дило так выйшло, шо прыйшлось без грошей додому вертатьця. Иде и дуже журытця, як вин без грошей прыйде, чим буде жинку годуваты, шо, небого, жде ёго, не дождетця. Иде, глядь назад, а за ным кишка бижить; прогнав ии, оглянувсь, а вона опьять за ным бижить. Вин ии и вдарыв, а вона ему и каже: «Нашо ты мене гоныш? Лучче перекинь ты мене наохрест через могылу та й положи у сумку: я твоя Доля». Вин так и зробыв. Прыйшов додому и прынис ту кишку, а жинка горюе, шо грошей нема, а ёму й байдуже. «Пидожды, жинко,— каже,— поживем, узнаем, може и гроши знайдутця!» Пожилы, пожилы и сталы багатить; дедали усе бильш та бильш: як Бог у викно усе им подае. Але ж жинци та кишка як поперек горла стала, вздрить ии не може: зараз пыхае, бье. А раз так осерчала, шо як кине у неи каминюкою, неначе и не дуже велыкою, а кишка так и лапки протягнула и здохла. Здохла кишка и усе щастя неначе з собою унысла. Пишло усе на прорву, пишло и забиднялы воны опьять хуже, чим уперве булы. Отак жинки усе сварятця, шо мужики худобу пропывають та не зберегають хозяйства, а и меж ными таки е, шо со злосты лыхо роблять и соби и другому»* (сл. Тарасовка).

11. *«Жилы соби два брата и булы воны обыдва убоги. Потим одын начав багатить и забагатив. От раз бидный прыйшов до багатого та й каже: «Чого ты, братуха, забагатив?» «Того я забагатив, шо у мене Доля уночи робе»,— отвитыв ёму багатый брат. От бидный брат и пишов ночью на свою ныву и лиг пид копами. Дывытця, идуть два мужика: одын мужик голый, а другий наряженый у хорошу одежу. Ось той мужик, шо у хороший одежи, пишов на ныву брата и начав сбирать колосься и зносыть до кип, а той чоловик, шо голый, прыйшов на ныву убогого брата та й лиг пид копы спаты. От бидный и дознав, шо то и есть их Доля, тилько братова Доля наряжена и ночью робыть, а его Доля — гола и спыть пид копами. Тоди вин и сам начав робыть по ночах, и ёму начала пособлять его Доля, тилько не в таким виду, як вин ии уперед бачив, а в других видах. Раз вин ночью носе снопы и бачить; гадюка набрала колоскив и таще то ж до кип, а вин думав, шо вона их таще соби в нору або що, и став ии быты, а вона ёму и каже чоловичьим голосом: «Не бый мене: я — твоя Доля, я тоби помогаю». А дали вона ему роскозала, шо робыть, шоб забагатить. «Пиды,— каже,— по полю, там ты найдеш яйце, не бый его, а несы додому та там и розибьеш». Так и зробылось. Пишов вин по полю, найшов яйце перепеляче, понис додому та й не доглядив: розбыв яйце, а видтиль выйшов табун коней и гурт скотыны. Погнав вин их усих додому, а назустрич ему мыша бижыть, а вин хотив ии убыть,— вона и каже: «Не бый мене, я тоби велыку службу сослужу!» Не тронув вин мышу, пустыв ии, а вона убигаюче и каже ёму: «На дорози найдыш ты обидець* (перстень), *возьмы ёго; у ёму буде виконечко, роскрый его, видтиль выйде дванадцять молодцив, и воны зроблять для твоеи скотыны сарай». Убигла мыш, а вин погнал свою худобу; дывытця, колы так и е: на дорози шось блыска, нагнувсь, пидняв: обидець с виконцем. Заховав вин ёго и подавсь мерщи с худобою додому. Прыгнав усе додому, вынув обидець, открыв виконечко, а видтиль явылось дванадцять молодцив и вночи сбудовалы ему сарай и загороду. И став вин багатый-пребагатый чоловик. Ось вам сказка дуй-дук, а мени грошей сундук»* (там же).

12. *«Ишов раз чоловик сдалеку та уморывся, сив на могили коло дороги видпочинуть, сида та й каже: «Ох-хо-хо!» А Ох-хо-хо выйшло из могилы и пыта: «Кого тоби треба?» А чоловик той, выдно, не рябкого був десятку, дав отвит: «Мини треба щасливои Доли, шоб я не ходыв, як тепер, пишки, а издыв на конях». А их могилы ему голос каже: «Я — Доля, тильки я — Доля гирка, нещаслыва, а пиды на другу могилу, шо отут рядом с моею, там Доля щаслыва, а я — Недоля». Послухав, перейшов на другу могилу, сив и каже: «Ох-хо-хо!» А воно выйшло из могилы и пытаетця: «Шо тоби, чоловиче, треба?» «Щаслывои Доли мини треба». А воно каже: «Перейды наохрест могилу и получиш щаслыву Долю и то, шо хочеш». Вин так и зробыв. Перейшов наохрест могилу, получив щаслыву Долю, розбагатив и став йздыть на конях. Моий казци и конець, слава Богу, а царю винець»* (там же).

13. *«У одний жинки був сын одын-одынешенек та и той хворый. И повела его мате по всих монастырях спытаты у монахив и у людей, яка, мол, Доля у мого сына. Монахи не знають, а люды не кажуть. Де ны водыла, де ны ходыла, нихто ничого не каже. Повела вона его в Иерусалым. И там ничого не сказалы. Пишлы воны назад. Ишлы, ишлы и силы биля дороги на могили. Ось мать сила та й плаче: «Яка я нещасна, проходыла скильке, и нихто мини не скаже, яка Доля сынка!» А сына ии зовуть Трохим. Мате плакала, плакала, пидняла голову та й каже сыну: «Дывысь, Трошо, шо то стоить?» Вин оглянувсь, аж стоить кобыла чорна-чорна. Трохим пидийшов до тии кобылы, а вона каже ему чоловичьим голосом: «Сидай на мене, так мы знайдем Долю у купальни Выхвезди: там чоловику Доля щаслыва даетця». А Трохим одержим був горячкою; сив вин на кобылу, вона раз скакнула и стала у самои купальни.*

Улиз Трохим у колодизь, окунувсь, вылиз, сив на кобылу, вона опьять раз скакнула, и вин очутывсь коло своий матери, що на могили биля дороги оставалась, а кобыла хто й зна, де й дилась. Троша став здоровый, неначе николы и горячки у ёго не было, и каже вин матери: «Мамо, скильке мы з вами пише ны ходылы, а ны щастя, ны здоровья не нашлы, а на кобыли раз скакнув — и Долю и здоровье найшов» (там же).

14. *«Було це давно, ще до Сусового рождения, як люды жылы по сим и по висим сот лит. Обиднив одын манастырь и так обиднив, що монахы и затворныкы поросходылысь, кому куды здумалось. От одын монах став в слободи попом, а чырыз скилько-то лит случылось его товарышу-пустынныку буты в тий слободи у церкви. Стоить вин соби та молыця, а пип ходы с кадылом. Надийшов проты затворныка, узнав ёго и кивнув ёму головою (звисно: на служби ны до розговору). Той тоже поклонывся та й думаи: «Бач, цей ось пануе, а я скытаюсь по пустыни и прыстановыща ны знаю. Яка в свити правда! Кому Доля, кому дви, а кому ни одний». Кончилось служение, пип пидходы до пустынныка, розговорывся, а дали и просе его в отцевский куринь хлиба-соли откушаты. Прыйшлы воны. От батюшка и кажы: «Пожалуйты, матушка, шо Господь послав, гостя прыняты». «И раднишa б, та ничого,— одвичаи матушка,— окроме крашеных яечок». (А це було в Страшну пьятныцю.) «Рады такого гостя Бог благословыть»,— каже батюшка и вылив податы. Батюшка призвав благословение Боже и просы монаха-пустынныка откушаты. И сам взяв яечко, розбыв, очыстыв и пополам розризав; пырыхрыстывся и став употребляты. Монах-затворнык и соби взяв другу половынку бутто йисты. Тут батюшци треба було куды-то одлучыця, може нащот якого другого угощения, а той монах мирщий ту половынку в рукав, взяв друге яечко, розбыв, шкаралупкы потер, помняв и положыв на стил коло себе (значыця, це вин одвод робыв, будто йив), а дали ище заховав в карман два яечка циленьких. Оце, бач, вин опьять лукавство сотворыв. Тут входы батюшка и опьять просы кушаты. Той дякуе: «Благодарю покорно, я вже доволен: вы соби туды-сюды, а я одно дило знаю». Встае, благодарыть и, попрощавшысь, пишов соби своею дорогою. От на Велыкдень уранци пидходе той монах до села; це дывиця — йдуть уже люды (може, хуторяны) з церквы с паскамы. Вин и здумав, що и в нёго есть чым розговиця; сив на могыли и выняв яечко та и прорик: «Отыпер я знаю, що Бог благословыть, а то лобырь ба колы наперся!» Та чок, цок яечко об яечко, а воно пых! — лукавый так и выскочыв з яечка. «Ба!» — тут прорик ему янгольский голос; —«Ты лукавство сотворыв, ты чоловика осудыв и чорта на свит пустыв»* (сл. Преображенная).

15. *«Жив чоловик умеренного положения; дали-подали розбогатив настояще. Було в ёго чого йисты, пыть и в чому ходыть; в обчестви его почиталы за первого чоловика почотного, так як бы*

тепер нашого Савченка або що. Розжився вин до того, шо стало у ёго пар з дванадьцять рабочих волив, и вздумалось ему пидты на Дин, на волни степа. Уклався вин на вси дванадьцять пар то одежи, то хлиба, то разную посуду, то кой-чого другого понакладував — ледве волы тянуть. Позапырав усе: хату, венбари, ворота и пойихав, а йихаты треба було через два мосты. Переихавши первый мист, здумав, що забув у хати на столи самого доброго замка. Вернувся, одимкнув хату, увийшов туда, глянув, аж за столом сыдыть дви дивки: роспущени косы, зляглы воны на стил и сылно плачуть. Вин и пытаетця: «Шо вы за люды, як сюды ввийшлы и чого плачете?» «А як нам не плакаты: мы твои Доли, а остаемось тепер голодни и холодни через те, шо ты нас бросаеш. Чим хиба тоби тут худо житы? Хиба мы тоби тут не робылы? Чи ты тут був голодний, чи холодний, чи ходыты в тебе ни в чим було, чи тебе обчество не почитало, шо ты нас бросаеш? Там тоби того не буде, хиба забереш и нас с собою». «Ни, мини вас не треба». Узяв замок и пишов с хаты, а Доли идуть за ным, плачуть и кажуть: «Возьмы-таки и нас с собою!» А вин сказав: «Цур вам, пек!» Доли ёму и кажуть: «Де ж нам дитьця?» «Идить соби пид мист!» Пишлы воны пид мист, а чоловик пойихав. Зараз первои ночи у ёго одна пара волив украдена, а вин на други склав и те, шо виз тыми воламы. На другу нич издох их тых волив одын через те, шо обважив их, а вин знов на всих розиклав — и таки поихав дали, не вернувсь. Дойихавсь до того, шо прыйихав на мисто на одний пари. И так вин дорогою растеряв усю худобу: шо подохло, шо покрадено, а, прийихавши на мисто, на перву нич издох ище и од пары одын вил. Тоди став мужик плакаты. Плакав, плакав... кругом чужи люды: нихто ему не пособля. Продав вин и последнёго свого вола, наняв жинци кватырю, а сам пишов у работныки и до смерти жив у работныках. Тут вин здумав: шоб було тых Доль забраты — воно б було усе горазд. Шо ж, жинко, будеш робыты — треба терпить!

Кажуть, як отець отдиля свого жонатого сына, так Бог дае або дви Доли, колы вин багатый, або одну на всю семью, колы вин бидный. Воно, бач, ничого, хоч и одна Доля на семью, та тико треба умиючи з нею обходытьця, шоб вона не втыкла, шоб жила при семьи, тоди и с одниею Долею щаслыво житымеш» (сл. Кругляковка).

16. *«Жив одын багатый чоловик, такый, шо вмив узнаваты, у кого есть Доля при ёму, а в кого нема. Було в его два сына; от вин и баче, шо в меншого сына есть Доля, а в старшого нема. Хотив було вин ёго з дому прогнаты, шоб найшов свою Долю, а дали й дума: ни, оженю его, може, хоть жинку возьму за ёго щаслыву. Оженыв, баче — и жинка без Доли. Ну, дума, пидожду, поке в ных диты родятця, може, хоть диты будуть щаслыви. Родывся в ных одын сын, родывся и другый — ни, нема щаслывого. Взяв вин и прогнав их усих из дому. Забралы воны по дытыни и йдуть соби,*

а назустрич им цуцыня, та таке худе та погане. От чоловик и каже: «Возьмим, жинко, оце цуцыня, може, и ёго, бидного, прогналы з двора, так як и нас с тобою батько прогнав». Взялы воны те цуцыня и пишлы дальше. Прыйшлы в одну слободу, сталы в ний житы; и годив через скилко розбагатилы: було в ных багацко и скотыны, и овець, и всякои худобы. Почув батько, шо ёго старший сын розбагатив, и прыйшов до его узнаты, хто тепер у ёго стае щаслывый. Подывывся на сына, на невистку, на их дитей: ни, нещаслыви вси; прыгналы овець, скотыну — нема й миж ными Доли. Дывытця: бижить за скотыною собака, отож и була Доля. Став батько завидуваты сынови и задумав у ёго Долю отняты та й каже: «Де ты, сынку, взяв оцю собаку?» «А це,— каже,— як вы, тату, мене выгналы, а я йшов од вас, так найшов ии на дорози цуцынятком та й узяв соби». «Убый же, сыну, оцю собаку, а то вид неи буде тоби велыке нещастя». А сын и каже: «Жаль мини, тату, вбываты ии: вона мини береже скотыну лучче пастуха!» «А ты все-таки послухай мене, вбый: я тоби зла не жалаю». Убив сын собаку, а вил пидийшов та й лызнув ии крови — Доля й перейшла в того вола. Батько побачив та й каже: «Зариж, сыну, оцёго вола, зготов обид та помьянем твою матир; а серце з ёго нехай в горщатци особо зварять, та нихто ёго не йжты». Заризав сын вола, зготовылы обид, поклыкалы людей и посадылы за стил обидаты. Горща з вареным серцем стояло на прыпичку. Прыбиглы з вулыци сыновы диты, дывлятця: шось стоить на прыпичку в горщати; воны взялы ложки и началы з того горщаты юшечку хлебаты: Доля и перейшла в ных. Розийшлысь люды; дид дывытця на своих онукив и баче, шо в ных уже е Доля, тоди вин и каже сынови: «Ну, сынку, согришив було я перед Богом: хотив у тебе Долю отняты, та ни, Бог не допустыв. Ото шо найшов ты цуцыня, як я тебе прогнав з дому, то була твоя Доля. Я звелив тоби убыты собаку, а вил лызнув крови, и Доля перейшла в ёго; я звелив тоби зарizаты того вола, зварыты особо ёго серце и хотив сам его зъисты, шоб отняты-таки в тебе Долю, а твои дитки вперед мене попоилы юшечки, и Доля перейшла в ных. Живы ж, сынку, з оцымы дитьмы и ты будеш щаслывый!» И пишов батько додому» (сл. Араповка).

Друкується за: Сб. Харьк. Ист.-филол. общества. 1892. Т. 4.

* В. П. МИЛОРАДОВИЧ *

Малорусские народные поверья и рассказы о пятнице

Празднование пятницы, введенное в тексте эпистолии о неделе будто бы упавшей с неба, заключалось у всех христианских народов в воздержании от работ, удовольствий, развлечений и скоромной пищи под угрозой различных несчастий за неисполнение этих предписаний.

По западноевропейским народным понятиям, пятница — несчастный день, поэтому в пятницу не предпринимают ничего важного.

Из домашних работ запрещена в этот день пряжа,— у непослушной пряхи сгорает прялка, а саму ее уносит ветер; запрещено также мыть белье, мыться, чесаться, убирать волосы, прихорашиваться и наряжаться. Те же действия запрещены и малороссиянам. Так, *У пьятныцю добри люды не прядуть. Господы, не побый плоскони, а побый матирку, щоб не прялы в пьятинку».* В Харьковской губернии по пятницам бабы не прядут. *«Тий жинци, шо пряде у пьятныцю, пробывають горло клоччям*[1] *на тим свити, а на сим конопли не будуть родыть и горобци их пытымуть».* Запрещаются также по пятницам всякие предшествующие пряже работы над коноплей. *«Не можно типать, терты, мняты конопель, мычок мыкать. Як типать конопли, то лыхорадка типатыме. У пьятныцю коноплямы не трусыть, щоб очей не запорошыть. И пьятныця плачется дуже: мы ий очи порошым».*[2] Нельзя еще стирать белья и золить.[3] В песне, исполнявшейся Остапом Вересаем, пятница приказывает людям: *«У пьятныцю плаття не золите».* Следующие домашние работы не разрешаются также по пятницам: нельзя лазить в печь, чистить труб *(трусыть сажу)*, выбирать золу, мазать печь и припечок и печь хлебов; особенно строго запрещено приготовлять квашу. *«Жинка мазала проты Страсной пьятныци у груби, та взялась за голову, та пишла по хутору гола, спива веснянкы. Тры дни проходыла и померла. А як жинка наробыть кваши проты пьятныци, то прыйде шось уночи та набере у брыль кваши та тоди: «Гоп, чук — наши! брыль у кваши», або каже: «Йила б я квагу, так логы нема,— лыне по хати и стины повлёпуе».* Женщинам нельзя чесаться в пятницу. *«Жинка як родыть, то просыть пьятинку: порятуй мене. «Постий,— каже пьятныця,— помажу, позмываю, росчешусь стилькы раз, скилькы ты чесалася, прыберусь и тоди до тебе на помич прыйду»;* нельзя еще петь, смеяться, развлекаться с гостями: *«Де ты, дивко, свою долю у пьятенку проспивала? Ты свою долю у недилю проснидала, а в пьятныцю проспивала. Спивання в пьятныцю, а снидання в недилю николы не мынеться. Хто в пьятныцю засмиеться, той в недилю буде плакать. Хороши гости, та в пьятныцю втрапылысь».*

По западноевропейским верованиям, за пряхами наблюдают особые существа: у немцев Берта,[4] у итальянцев Бефана[5], которые поощряют прилежных, наказывают ленивых, запоздавшей пряхе накидывают пустые веретена с приказанием обмотать к сроку. В Тироле, Перхте[6], Стампе[7] или Ганге оставляют кушанье в ночь на Богоявление. В Богемии остатки кушанья также оставляются с четверга на пятницу. В разных департаментах Франции феи приходят к пряхам, едят, шумят, ласкают детей. В Перигоре[8], Бретани и Нормандии им накрывают также стол и оставляют кушанье на ночь. У литовцев в четверг против пятницы по ночам появляется Лаума[9] и уносит пряжу. На Украйне надзор над соблюдением пятниц возложен на самую же пятницу,— сложный образ, иногда

смешиваемый со св. Прасковией, обезглавленной при Диоклетиане, иногда являющийся особым фантастическим существом. Как к святой, к ней обращены заговоры и молитвы с названием *матинка*, хотя бывает и наоборот, что матери придается эпитет *пьятинка*. Напр., в похоронной причети: *«Моя й матинко, моя й пьятинко!»*

Мы булы в Бога,
Молылыся Богу,
Святий пьятинци,
Марусыний матинци.

Как фантастическое существо, она отождествляется иногда со смертью, кумой, старухой, сдирает кожу с пряхи или корчит ей пальцы; чаще, однако, является *гарною дивчыною*, накидывающей пряхе 20—100 веретен прясть.[10] «Многие видели,— говорит Маркевич,— как св. пьятынка ходила по селам, исколотая иголками, иссверленная веретенами — это виноваты швейки и пряхи». В Стародубском полку в церковном ходе водили под видом пятницы женщину, а в 1831 г. пятница, явясь к городничему, просила запретить работы в означенный день. Наконец, в глухих селах и хуторах Лубенского уезда сохранилось еще воспоминание — порою и самый факт — кормления пятницы. Старые хозяйки с четверга на пятницу застилали, бывало, стол, клали на него хлеб-соль, немного ухи или каши в горшке, накрытом миской, ложку для пятницы; под праздник же св. Прасковьи, 28 октября *(на Параскы)* и в ночь на Страстную пятницу эта пища заменялась разведенным медом *(сытою, кануном)*.

Прилагаемые народные рассказы, записанные мною в Лубенском уезде, послужат к дальнейшему выяснению изложенных представлений о пятнице.

1. *«Пишов чоловик мий на Таврию, а мене покынув, и так же гирко покынув: хлиба ни кусочка, соли ни дрибочки и двое дитей. И я плачу: «С чим ты мене кыдаеш? Як мени прожываты?» А вин каже: «Жывы як знаеш». Я заплакала, Богу молылась, лягла спаты. Пизни ляганы вже. И мени учулось — иде кутком дивка, спива. А я из хаты выскочыла, хотила узнать. Выбигла з синей, на перелаз ступыла, упала и там и заснула. И прыйшла перед мене билява хороша дивка и в билому усёму и спрашуе: «Чого ты гирко плачеш?» А я й кажу: «Гирко мени жыть, ничым диток кормыть, шо я ниде не стану жать из двома дитьмы». «Почим же ты выскочыла сюды из своеи господы?» А я й кажу: «Я хотила вас узнать». «Чого ж ты бигла узнать? Ну, я на твоих диток оглядаюсь. Дывысь: я пьятныця, и кажи ты людям, щоб воны каялысь, мычок не мыкалы и конопель не мнялы, не прялы и сажи не трусылы и щоб ты бильше не выходыла, а як выйдеш, то хоть год болитымеш, хоть зразу помреш, своих диток покыдаеш». «Як же мени диток воспытать?» «Пиды в свое село до ридного батька, и чоловик оддае десятыну жыта за*

снип и буде пьятый снип и од копы день одроблять» (от крестьянки с. Берестючи Прасковьи Величкиной).

2. *«Одын чоловик йихав у ярмарок; дывытся, колы бижыть за ним гола дивка. Вин воламы йихав: озирнувся, злякався, поганя волы, а вона гука: «Пидожды, чоловиче, пидожды!» А вин тика. А вона вже нагоныть ёго, недалеко, каже: «Бог з тобою, чоловиче, я не шо-небудь таке, я пьятынка!» Бачыть вин, що не втече, пидождав. Вона его нагнала, вин накынув ии рядном. Сила вона на вози. А в ейи на грудях нагрузылось кострыци та клоччя, мов прытулено. Вин пытае: «Що ж то таке у вас на грудях?» А вона каже: «Оце ж то, що котори люди мнуть та прядуть у пьятныцю, так воно сида мени на серце. Я не помагаю тим людям, котори не чтять пьятинкы святои ни в поли, ни в доми, ни в пути-дорози. Не спасаю того чоловика, который мене не спаса, а который спаса мене, так спасаю и я ёго, не даю ёму погыбнуть, ёго мылую и прыхраняю. А ты як пойдеш додому, то прыкажы жинци и дочкам, щоб воны до девьятого поколиння штылы пьятныцю, то буду у помич»* (от Параски Лысенковой, м. Снетина).

3. *«Ишов чоловик степом, колы иде полунычка: дивка роспатлана, у глыни, у кострыци, подряпана, и кров на ии бижыть. Вин став ии роспытувать: «Що ты таке?» Вона каже: «Я полунычка, пьятныця: що мене деруть, по моий голови мажуть у пьятныцю. Тилькы мени легше стане, як дивка косу росчеше». Просыла та дивка чоловика, щоб ничого не робылы в пьятныцю, бо мени, каже, важко жыть на свити»* (от Оксаны Комлыковой, с. Литвяков).

4. *«Прясты не можно ни в пьятныцю, ни проты пьятныци — не показано. Проты пьятныци пряды, то бува и прывыденция. Пьятныцю не побачыш, а тилькы прывыденцию. Каже женщына из Вовчка: «Сыжу я, пряду проты пьятныци до пизнёго времени. Прыйшло щось и каже: «Прядеш?» «Пряду». «На ж и мои починкы». Так я й узяла ти починкы, думаю: се ж мени шось на смих зробыло. Так як устала у пьятныцю, так мов гниздо пороблено з тиеи пряжи». А одний жинци ось що случылось: пряла вона проты пьятныци и не одирвала нытки от гребеня, колы опивночи хтось пряде на ии прядци. Вона встала и пытае: «Що ты таке?» «Пьятныця. Щоб ты и проты пьятныци и у пьятныцю пряла и у себе не мала!» Зареклась та женщына бильш прясты»* (от крестьянки с. Литвяков Ганны Кириченковой).

5. *«Сила жинка прясты по мисяцю проты пьятныци и пряде вона. Ось округ хаты обийшло, пыта: «Шо ты робыш?» «Пряду». «Ну, на ж тоби двенадцять веретен; покы я округ хаты трычи обийду, щоб ты понапрядала почынкы и щоб ты мени их выдала». Вона на те веретено лычко стулыть, а на друге волоконце змота, а трете ныточку выведе; то це возьме на те лычко змота та й выкыне в викно, а на те волоконце та впять выкыне, и вона вси ти двенадцятеро веретен позамотувала шыйкы; и та третий раз уже добига, и жинка вже двенадцятеро веретен выкынула. Вона добигла до викна, в викно цокнула, а жинка каже: «Вже дило сполныла». Та ти вередена схватыла: «Дывысь,— каже,— як я ци веретена розрываю. Догадлыва ты, скоро зробыла дило. От так бы я и тебе розирвала, колы б ты дила не сповныла. Молысь Богу, лягай спать та бильш так не робы, не пряды проты пьятныци»* (от Прасковьи Величкиной).

6. *«Пряла женщына проты пьятныци. Прыйшла пид викно дивка, пьятныця, пыта: «Прядеш?» «Пряду». «Одчыны мени викно». А вона й одчыныла. И та дивка вкынула ий кулык — пьятдесят веретен, каже: «Щоб ты позапрядала уси си веретена досвита». Так та жинка усе нытку выведе и выкыне за викно, выведе и выкыне за викно, и позапрядала уси ти веретена. Тоди таке, мов птыця, трахнуло в викно, розбыло викно, каже: «Догадалась, що робыть». Так та жинка перелякалась и год цилый лежала»* (от крестьянки м. Снетина Усти Косенковой).

7. *«Сила женщына прясты проты пьятныцы и так, що пряла скоро до пивночи. Колы ось пидходыть дивка пид викно, одсунула викно, поздоровкалась до жинкы: «Прядеш ты?» «Пряду». «Ну, на тоби си сорок веретен и позапрядай, щоб досвита воны повни булы, покы я повернусь из другого мисця. И щоб як напряла, то й за викно выкынула». Догадалась та жинка, був у еи пивлиток* [11]*, надила вона на витушку* [12]*, давай мотать на ти веретена; шо намотае, то й выкыне. Позамотувала ти веретена, повыкыдала их за викно, встала з гребиня, давай Богу молыться. Ось вона — та пьятныця — пид викно пидходыть; жинка вже Богу домолюеться. «Ну, догадлыва ж ты, бильше б не пряла не то проты пьятныци, а николы!» Жинка стала просытыся в неи: «Просты ж мене, свята пьятныце, я не буду вже прясты проты пьятныци, и дитям заказыватыму и не буду робыть у пьятныцю»* (от Катерины Норовой, м. Лукомья).

8. *«Женщина сила й пряде по мисяцю. Пидийшла пьятныця пид викно: «Добривечир!» «Здорова». «Що ты робыш?» «Пряду». «Лягай спать, молодыце добра, не пряды». А вона байдуже. Колы це одчыня двери, иде в хату; взяла ту молодыцю за косы, почала мнять: оце щоб знала, як прясты проты пьятныци!»* (от Палажки Одокиенковой, м. Снетина).

9. *«Пряла свекруха проты пьятныци пизно звечора. Напряла починок, пасом дви хороших, и посукнула, и впало веретено додолу. Вона нахылылась брать те веретено; не вхватыла веретена, загрузло веретено поз костку и миж костку у гомилку по саму пряжу: легеньку четверть. Вытяглы, вона зомлила и пролежала цилу зиму писля того, и зареклась из тих пор проты пьятныци прясты»* (от Ф. Матвиенковой, д. Шек).

10. *«Булы мы дивкамы, ходылы на досвиткы до Мыччыхы. Проты Ганны-зачаття, проты пьятныци отпрядалы досвиткы. Отпрялы, зморылысь, полягалы спать. Слухаем ноччю: досвичана маты балака*

громко, а до неи дви жинки увийшло: Ганна и Пьятныця. Одна ногу задрала, каже: «Дай руку, я тоби печать прыложу, шо ты проты пьятныци робыш». «А-я не робыла». «Так тоби робылы». Мы поляка́лысь, дывымось с-пид рядна. Колы ии чоловик прыйшов, каже: «Одчыны». «Не одчыню,— каже досвичана маты,— бо злякалась». Узяло погасылося свитло, и де воно й дилось. А чоловик перелиз через хату» (от С. Литенковой, хут. Тернавщины).

11. *«Тры невистки в чоловика, и одна невистка год цилый болила и обрикалася ничего не робыть у пьятныцю, все ривно як у недилю. А ти дви смиются с тии, що вона не робыть ничого. Одна пишла воды носыты, а друга стала мычок мыкать, а третя, та, що обрикалась, на печи сила. Измыкала та, друга невистка, циле повисьмо, стала в неи голова болить, вона й заснула, а та пьять раз прынесла воды. Прыйшла дивка, сама пьятныця, и на пич заглянула и каже тий, що не робыть ничого: «Ты не скажеш никому ничого?» «Ни». «Дывысь, шо я буду робыть, и прыказуй другим, щоб не робылы». Взяла голову тий жинци, шо повисьмо конопель змыкала, росколола голову и череп изняла и ту кострыцю тий у голову чысто всю высыпала, шовком изшыла и сцилыла голову, як була. Та дивка пишла с хаты, а жинка кынулась и стала братыся за голову: болыть голова. А та невистка, що ничого не робыла, усмихнулась. «Чого ты смиешся? Се ты мене наврочыла, шо я багато мычок намыкала. Ты, святоха-Евдоха, сыдыш на печи, ничого не робыш». И вона занедужала, а та молодыця все смиется, а не каже. Уже й до дохторив ии — нихто не помога, и вона год цилый болила, и потим от уже ий помирать. А тий, що не робыла, снытся: «Скажи тий больний, нехай вона обрикае и нехай вона пьятнадцять пьятныць исписныка и пьять молебнив найме у пьяты церквах, так тоди вона оздоровие». И вона стала говорыты тий больний. Та не поняла виры и такы дила не сполня. Тоди ий самий пьятныця прыснылась и каже: «А ты знаеш, шо в твоий голови йе?» «Не знаю». «А хоч, щоб узнать?» «А хочу». «Як не хоч дила сполнять, то помреш, покынеш дитей». «Исполню дило». Та каже: «Сякны на дил». Вона стала сякать, стала кострыця выпадать. «Дывысь, що в твоий голови». Вона навклолишкы, давай писныкать и молебствовать, и упять пьятныця сон наслала и прыйшла, узяла голову, роспорола, вымыла и вычыстыла и сцилыла, а ту кострычку в купку — и та жинка кынулась, лупнула очима, глянула: перед нею уся та кострыця лежыть, шо вона з мычок намыкала. Пьятныця каже: «Бильш так не будеш робыть?» Вона зареклась»* (от крестьянки с. Бересточи Прасковьи Величкиной).

12. *«За золиння було так, шо одна жинка наклала сорочок у жлукто и начала окропы лыть, и набигло вже у ямку. Дытынка ходыть така, годов пьять дивчынка, и воно вмочыло руку по ликоть у ту золу и ручку спекло навикы и померло с того на другый день»* (от Ф. Матвиенковой).

13. *«Золыла проты пьятныци одна женщына. Увечери одзолыла, колы уночи жлукто те перевернене, мов по хати тупотыть, тупотыть, и взяло те жлукто перекынуло. Пидвелась та жинка, каже: «Боюсь, боюсь, не знаю, де б я й дилась». Узяло ти сорочкы, вынязо з жлукта, ляпа тымы сорочками. Колы воно як гримне з хаты двермы и каже: «Ото шоб ты проты пьятныци бильш не золыла»* (от крестьянки дер. Шек Химки Куприевой).

14. *«Ишла дивка, шо в пич лазыла проты пьятныци, на досвиткы и перестрила незнакому дивку; косы у неи роспущени, наперед лежать сюды. И каже ий та чужа дивка: «Моя сестрычко, моя родыночко! Зверны мени з дорогы, бо мени так важко, так тяжко тоби звертать». Так вона, покы звертала чужий дивци,— куды не повернется, та и дивка проты неи. Так вона промовыла: «Тисно тоби, не розмынешся. Отак мени трудно та тисно, шо вы мене не храныте й не почытаете». Звернула тоди та дивка, тилькы налякала, а ся вернулась додому, уже на досвиткы не пишла»* (от козачки с. Волчка Хомулиной).

15. *«Полизла жинка у пич, начала сажу трусыть. Попервам ий увыдилося, будьто увийшла дивка, каже: «Невже тоби время не буде, шо ты начала у такый день отаке дило робыть?» Так тий жинци, шо в печи була, услухалось. Вона не вирыть, дума: «Се мени вслухается так, буду я такы свое дило робыть, колы вмазалась, буду кинчать». И кончыла ту пич, як слидуе буть. Запорошыла будьто око; тоди запорошыла, як скыдала с себе. Стала вона нездужать, болие на все, и очи болить сталы дуже. Сталы ий уже розказувать други: «Ты помолысь Богу и святои Пьятынкы попросы, щоб вона тебе помылувала». Вона стала молытыся Богу и святу Пьятынку спомынать. И ослобоныв Бог ии, и очи переcталы болить»* (от Федосьи Матвиенковой, дер. Шек).

16. *«Як полизла жинка у пич у пьятныцю проты суботы, потрусыла сажу. Увийшло шось у хату, не одчиняло дверей, и начало ии душыть. И душыло ии до смерты так, шо стала вона просытыся: «Шо воно йе за прычта? шо ж воно таке мени случылось?» Так пьятныця, та, шо душыла, сказала: «Ты получаеш прычту сюю за твои дила, шоб вы не трусылы сажы у пьятныцю, не ришалы моеи жизни» (от А. Боярской, с. Литвяков).*

17. *«Була женщына одынока, хто зна де хазяин був, а дитей двое. Полизла вона у пич мазать и сажы трусыть. Колы вылизла з печи, а одна дытына влиплена, в сажу вмазана сыдыть на полу. Так вона зразу стала молытыся: «Господы мылостывый! свята Пьятинко! очысть мое чадо. Покы жыва в свити, не лазытыму в пич, и десятому заказыватыму у пьятныцю лизты в пич». Колы де взявся метелык по хати и загасыв свитло. Чую — лёпается на полу. Колы засвичу — сыдыть дытына така, як маеть буть, чыста»* (от Усти Косенковой).

18. *«Прыйшла жинка з панщыны проты Страстной пьятныци та наробыла кваши, каже: «Сяду, пивмитка допряду, а то заходе*

празнык». Сила и пряде коло викна. Колы воно на печи гука: «От як наши: голова в кваши!» Так вона покынула прясты та за каганець. Колы засвитыла, колы шапка чоловича на лави в кваши. И нема никого, а шапка в кваши. Так вона ту шапку вытягла и обтерла, взяла лягла, колы на лави пряде. Так вона засвитыла та стала на колина Богу молытыся, так воно хто зна де й дилось. Стала вона, мов тороплена» (от Мотри Кривенковой, с. Литвяков).

19. *«Робыла жинка кваши, берегла пьятныци: шоб проты пьятныци не робыть. А потим хтось ий сказав: «Можно робыть, так тилькы накрыть квашу покрышкою и на покрыщци хрестык положыть». Вона так и робыла, а потом забула — не накрыла и хрестыка не положыла. И така вона чепурна була, що як ляже спать, очипок з неи спаде. От пьятныця взяла уночи той очипок коло неи и вмочыла в квашу и скризь стины облипыла. Жинка злякалась и бильш проты пьятныци не робыла»* (от Хотыны Полиянковой, с. Литвяков).

20. *«Булы соби чоловик и жинка, и маты у их була. Колы спыть маты на полу, а та молодыця на пич полизла. Колы се каже маты: «Засвиты, Марто, мене шось душыть и душыть та скубе». Колы та молодыця чуе — двери ляпнуло, одчынило и обизвалось у синях: «Не поможе твоий свекруси, нихто не поможе; не впросыте, диты, Бога, бо прогриша вона дуже, чешется у пьятныцю, хоч яка найважниша пьятныця»* (от Усти Косенковой).

21. *«Хорошым людям не можна чесаться проты пьятныци. Почала жинка чесаться ночью проты пьятныци, зачало ий увыжаться, що з волосся сыплется огонь, искры. Ну, вона злякалась, прыостановыла чесаться; стало ий моторошно, стала вона бояться и зарикаться: «Не буду чесаться у святу пьятинку». Голова стала дуже болиты, то вона стала Богу молытыся и святий Пьятинци — оздоровила»* (от Федосьи Матвиенковой, дер. Шек).

Друкується за: Киев. Старина. 1902. № 5.

* В. М. Гнатюк *

Останки передхристиянського релігійного світогляду наших предків

I

Наші давні предки були з огляду на віру пантеїсти. Вони вірили, що ввесь світ, небо, повітря й уся земля заповнені богами та що вся природа жива, повна всякого дива, а в ній усе думає й говорить нарівні з людьми та богами. На чолі світу стояли боги, що всім кермували; за ними тягнувся цілий ряд нижчих божеств та демонів, які старшим богам стояли до послуги; на кінці стояли люди,

обдаровані надприродною силою, які могли не лише конкурувати з демонами та спорити з ними, але навіть примушували сповняти їх волю, коли сього вимагали обставини.

Правда, до нас не доховалися письменні пам'ятки з тих давніх часів, що потверджували б вповні наш погляд, подавали б характеристики богів, демонів та богочоловіків — такою назвою можна б охрестити людей із надприродною силою — та описували б їх культ із такими подробицями, як се має місце, прим., у старинних греків, але з деяких повідриваних згадок у пізніших літературних пам'ятках, з аналогії до релігійних систем інших індоєвропейських народів, а в першій мірі найближчих нам греків, вкінці з численно перехованих вірувань і обрядів до наших часів між простим народом, можемо відтворити собі доволі повний образ первісного релігійного світогляду наших предків.

Про вищих богів довідуємося дещо вже з літопису. В договорі Олега з греками згадується, що русини клялися своїми богами, Перуном і Волосом. В оповіданні про початок панування Володимира Великого говориться: «И нача княжити Володимер в Кіеве и постави кумиры на холму вне двора теремнаго: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат, и Хорса, Дажьбога, и Стрибога, и Симаргла, и Мокошь. Жряху им, наричуще я богы, привожаху сыны свои и дщери, и жряху бесом, оскверняху землю требами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холм от». В Іпатієвськім літописі згадується «про солнце царь, сынъ Сварогов, еже есть Дажьбог». Коли Сімаргл (ідентифікований з Семігераклем) і Мокош відоймуться до демонів, якими вони були, як се видно ще з інших жерел, то повище названі всі головні боги.

Що наші предки поклонялися силам природи, як і більшість індоєвропейських народів, на те маємо письменні вказівки. В «Хождении Богородицы по мукам» говориться: «Они же все богы прозваша, слънце и месяць, земли и воду, звери и гады». А в Густинськім літописі маємо виразний натяк на культ дерев, рік і джерел: «Иные кладезем, езером, рощевиям жертву приношаху». Як довго така віра удержувалася — не вважаючи на офіціальне заведення християнства, видно хоч би з такого факту, що ще в XVI ст. новгородський архієпископ Макарій говорить про москалів, що вони «обычая держахуся от древних прародителей»: «суть же скверные молбища их лесъ и камение, и реки, и блата, источники и горы, и холмы, солнце, и месяць и звезды, и озера, и просто рещи всей твари поклоняхуся ако богу и чтяху и жертву приношаху бесем». Розуміється, що і в нас не було інакше, і ще в XVIII ст. можна подибати виступи поодиноких осіб проти таков давної «безбожності».

Вже з повищої літописної згадки бачимо, що богам ставлено статуї (кумири), як пізніше християнським святим. Чи ставлено і храми, про це нема згадки, але судячи по аналогії і знаючи, що у балтійських слов'ян були храми, яких описи перехованися, можемо припускати, що вони були і в нас, бо ж неможлива попросту річ, щоб усі церемонії відбувалися без огляду на пору року та погоду під голим небом. Як статуї, так, очевидно, і храми, будували виключно з дерева, і тим можна пояснити, чому так грунтовно пропали, що в пізніших літературних пам'ятках не лишалося їх описів. А що з давніх богослужень та церемоній і молитов, належних богам, не лишилося також письменних пам'яток, се можна пояснити загальною неграмотністю у тих часах. Тоді лише монахи знали письмо, але їм не випадало займатися такими «безбожними» речами і списувати їх. Отак-то з бігом часів згинула пам'ять про давню релігію наших предків, а лишилися тільки останки між простим народом у численних його віруваннях, обрядах, зашептуваннях, оповіданнях та піснях. Певна річ, що й ті останки не доховалися в первісній чистоті; з бігом часу мусили вони підлягати постороннім впливам; одно забувалося, друге ставало незрозумілим і заступалося відповіднішим новотвором; порівнюючі студії зможуть, одначе, виказати чужі впливи, коли для них назбирається стільки відповідних матеріалів, до чого тепер іде все більше.

На тім довгім протязі часу, що нас ділить від приняття християнства, мусили почасти позатиратися навіть різниці між дохованими до нас демонічними істотами, так що треба добре орієнтуватися в матеріалі, щоб не помішати прикмет одних демонів із прикметами других. Під впливом християнства затиралися поволі різниці між чортом, домовиком, водяником, болотяником, пасічником, скарбником і т. д.; усе те була «нечиста сила» і як така зводилася під один знаменник чорта. Та все-таки у призбиранім матеріалі можна повіднаходити й різниці між тими поодинокими духами і на їх основі відтворити постаті. Те саме можна сказати, прим., про мавки, богині, русалки або про персоніфікації хвороб. Багато старинних обрядів і демонічних постатей християнство не тикало, лише заступало їх аналогічними своїми. Так, очевидно, заступив Ілія — Перуна, Юрій або Николай — Весела, Різдво — сатурналії, Великдень — святкування весни, Зелені свята — русалії, Іван Купало і т. д.

Я поставив собі за задачу відтворити образ демонічних постатей на підставі матеріалів, записаних з уст народу, але не вдаватися при тім у ніякі інтерпретації, пояснювання та здогади, яких повно у мітологів, та з яких досі мало що устоялось. Найвірніший образ вийде тоді, коли буде чисто описаний, і я сього тримався.

Не згадую ніде про сотворення світу. Сотворення чоловіка, загробне життя, про тих християнських святих, що заступили з часом демонів і сповняють їх функції, бо я не подаю повної системи української мітології, в якій їх не можна би поминати, а лише характеристики демонів, які можуть увійти до такої системи. Поминаю при тім також такі істоти, про які знаємо, що вони є, але не маємо доволі даних для того, щоб їх схарактеризувати, прим., залізна баба (що сидить у кукурузі і що нею страшать дітей),

житний дід (що сидить у житі), баба яга, що виступає у казках, манія, що нападає людей, мара, горе, зоря (зірниця), місяці (прим., марець), дуга (веселиця), смоки, що приходять у казках, рахмади, що були, мабуть, також демонічними істотами, домашній вуж (відомий з байки Хмельницького), який правдоподібно лишився з культу вужа, і т. д. Теперішній брак матеріалів для сих істот не можна одначе вважати за незмінний, бо дальші пошукування в сім напрямі можуть увінчатися добрими успіхами, треба лиш за них узятися.

Бібліографічні вказівки подаю лише найважніші. Хто хоче мати їх повніше, той знайде їх у дуже гарній праці д-ра Ганушa Махаля: «Nakres slovanskeho bajeslovi» (Прага, 1891), яка досі є єдиним добрим підручником слов'янської мітології. Дещо можна знайти також у книжці Ал. Фамінцина: «Божества древних славян» (С.-Петербург, 1884), яка, одначе, стоїть дуже далеко за попередньою. Багатий матеріал зібраний у перестарілій тепер праці А. Афанасьєва «Поэтические воззрения славян на природу» (Москва, 1866—69, три томи). У нас мало займалися дослідами передхристиянського світогляду наших предків, а найважніша проба на сім полі — Івана Нечуя-Левицького «Світогляд українського народу. Ескіз української мітології» (Львів, 1876), опертий на праці А. Афанасьєва, тому й давно перестарілий. Короткий огляд української мітології з багатими бібліографічними вказівками подає М. Грушевський в III розд. I т. «Історії України-Руси», де говорить про релігійний світогляд українців.

На кінці мушу ще завважити, що українська мітологія не є в цілості оригінальним витвором нашого народу, лише спільним добром усіх слов'ян, хоч поодинокі епізоди та подробиці є й оригінальні. Виказувати, що саме оригінальне, а що спільне, лежить уже поза обсягом моєї статті і належить до окремої студії, тим більше, що й слов'янська мітологія не зовсім оригінальна в цілості і має багато спільного з мітологією інших європейських народів.

Перейду тепер до характеристики поодиноких демонів.

Чорт (біс, диявол, дідько, щезник, він, той, злий, сатана)

Образ чорта потерпів сильно під християнським впливом і переважно затратив свої первісні прикмети. Наскільки вони лишилися, постараюся їх тут зібрати в одну цілість.

Чорт був уже перед сотворенням світу, коли панував загальний хаос і Бог уносився понад водами. Тоді побачив його Бог у піні, зацікавився ним і, довідавшись, що він чорт, узяв його з собою. За іншим варіантом, чорт сидів у скелі, де бог відкрив його і взяв до себе за найстаршого ангела. Світ почав творити вже разом із чортом.

Самому чортові нудилося, одначе, тому він забажав мати товариство. Бог порадив йому вмочити палець у воді і стріпнути позад себе, внаслідок чого дістане товариша. Чорт умочив, одначе, всю руку і як почав нею тріпати, то наробилося стільки чортів, що з них постало дванадцять хорів. За спонукою чорта вони збунтувалися проти Бога, а Бог за кару скинув їх із неба. Вони летіли до землі повних 40 діб, коли ж Бог сказав «амінь» — де котрий з них був, там і остався: у воді — водяник, у лісі — лісовик, у болоті — болотяник, на полі — польовик і т. д. Таким чином, усі духи, що на землі, взяли свій початок від чорта. Під християнським впливом почала затиратися різниця між поодинокими духами, і їх усіх почали назвати нечистою силою або чортом. Через те дуже трудно повідна-ходити різниці між поодинокими духами в останках тих вірувань, які дійшли до наших часів.

Походження чортів не кінчиться, одначе, сотворенням їх на початку світу. Вони походять також один від другого. Вони родяться так, як люди, женяться (деякі люди бували навіть на чортовім весіллі), але не вмирають.

Чорти постають також із тих дітей, що вмирають нехрещені. Можуть постати, одначе, і з дорослої людини. Один жид перебрався був за страха, щоб налякати хлопців, і став навіки чортом. Одна мачуха прокляла була пасерба, і він став чортом, вліз у молодицю і мордував її. Коли, нарешті, закопається живого лилика в муравлище і він полежить там дев'ять днів, то з нього зробиться чорт.

Як же виглядають чорти? Їх представляють собі дуже різнородно.

Чорта представляють собі як чорного чоловіка з крючковатим носом, із двома рогами і з кігтями на руках, ліктях, колінах і ногах. Чорт має собачу морду, загнений хвіст, кігті на руках і ногах, а роги закриває щільно круглим капелюхом із широкими крисами. Убирається в коротеньку куртку і вузькі панталони.

Чорта представляють собі у постаті чоловіка невисокого росту, чорного; ноги в нього собачі або курячі, хвіст короткий, морда широка, ніс довгий, очі, як розжарені вуглики, волосся чорне, довге й шорстке, руки довгі, з довгими кігтями, роги баранячі або козячі, одіж на нім німецька, капелюх високий.

Дідько має оброслу тварь, ні вусів, ні бороди не видко, лише очі червоні. Ніс має такий, як пес, а в зубах люлька з довгим цибухом аж до землі. Рука у дідька дуже тоненька, а долоня така мала, як у пса; і зараз пальці зачинаються. А пальці залізні, і палицю залізну носить. На пальцях нема нігтів, лише так, якби втяв. На голові має шапку з чотирма кутиками, гранчасту, от таке як дошина: *«тай тота шьипка роги му укриває. Бо яку християнин має голову, таку си купує шьипку — а «він» уже мусит собі таку. Єден такий був, що не вірив; то єго поставили там, де дідько сидит — а він уснув. Та й прийшов до нього дідько у червоні шапочці, цілий у червонім, лише тварь чорна, а гудзики від самої обшивки аж до ніг».*

Чорт не має п'ят, лише лаби. Чорт виглядає, як свиня з малими ріжками і рудою шерстю.

Раз чорти справляли гульки, а дівчата підглянули їх. Вони були завбільшки, як трилітні хлопчики, мали червоні колпачки на головах, червоні жупанчики, писані панчішки і чорні лякерки. З-під колпачків видніли маленькі ріжки, а з-під жупанчиків теліпалися короткі хвостики.

Чорт являється як чоловік чорної краски, з лиличими крилами та ріжками на голові; може, одначе, свою постать зміняти до вподоби — *«переверже сі в усєку тварь, крім одного пса»*, бо пес дуже щирий, найщиріший у світі.

Чорти родяться так, як люди, і їх діти виглядають, як людські, лише розуму такого не мають. Дуже часто чорти підмінюють своїх дітей на людські. До своїх поліжниць беруть чорти баби-акушерки, які відбирають діти і дістають за те нагороду. Раз привіз чорт акушерку до своєї жінки, що лежала в постаті ропухи, і акушерка відбирала в неї діти-жабенята. В нагороду дістала черепки, що перемінилися дома в золото, а крім того, повипускала ще душі, що мучилися в поприкриваних горшках.

Чорти самі не вмирають, є одначе, таке зілля, що коли його звариться і відваром покропиться чорта, то він спалиться. До того треба, одначе, знавця. Найбільше нищить їх, одначе, грім, і вони його найгірше бояться. Чуючи грім, чорт пищить і перебігає з місця на місце.

Чорт любить нарешті пробувати і в такім місці, де ніхто не сподівав би ся: в самім чоловіці. Він ускакує в чоловіка ротом і мучить його, поки не доведе до смерті. В одну жидівку вскочив був чорт із яйцем, яке вона з'їла, і мучив її, але рабин вигнав його крізь мізильний палець, і з пальця лише кров пішла. В одну молодицю вскочив знов був разом із блином, який вона їла, а яким потрактувала її братова. Він мучив її довго, говорив із неї, а коли один знахар прогнав його, то вона не була вже таки при собі і раз, перучи білля, втопилася.

Велику частину оповідань про «нечисту силу» займають оповідання про страхів. Що таке страх, сього не означується ніде виразно, але на запит дістається від оповідача відповідь, що лише «біда» страшить, а під бідою розуміється чорт. Тому відділ оповідань про страхів не творить властиво самостійної групи, лише мусить причислитися до оповідань про чортів. Страхи очевидно з'являються вночі, в найрізнородніших видах (людей, звірят і неодушевлених предметів — так само, як чорти) і серед найрізнородніших обставин, лякають боязливих людей та не раз спричинюють їх смерть. Страха можна позбутися через молитву, виголошування різних формулок, кроплення свяченою водою та ударом на відліть: *«Силов Божов, молитвов можна всьо побивати, нима сє чьо бояти»*.

Домовик (хованець, вихованок, годованець, щасливець)

Домовики — се домашні духи. Вони постали з тих крапель, що чорт, замочивши палець у воду, стріпував позад себе. Вони сидять по хатах, і при запаленій страсній свічці їх можна бачити. У багача домовик у шерсти, у бідака лежить голий.

Коли женщина поронить умисно дитину, особливо так, що ніхто не знає, то з тої дитини стане по 7 літах домовик.

При певних обставинах може і зі старого чоловіка зробитися домовик, але тоді правдивий домовик виступає в ролі злого духа.

Домовика можна собі купити, бо їх продають по деяких містах у пляшках або в решеті, в якім вони сидять гей котики. Той, що його купує, мусить вирікатися Христа й Богородиці, топтати хрест і плювати на нього та мусить підписатися кров'ю з мізильного пальця. Хто не вміє ним командувати, може дуже легко згинути. Домовики бувають від багатства, довгого життя й гонорів.

Можна також виховати собі домовика. Треба тільки взяти зносок, прив'язати під ліву пахву і носити дев'ять діб. У тім часі не можна ні митися, ні дивитися на образи, ні хреститися, ні молитися. Зі зноска по 9 днях вилізе малий домовик (варіант: вилізе курятко, а з нього зробиться домовик). Його належить висадити зараз на піл і годувати несоленими стравами. Домовик сприяє газді, пильнує всього, помагає в роботах, дає, чого газда захоче, через що він багатіє, але по смерти бере собі його душу. Коли хто подасть йому солену страву, він злоститься і шпурляє посудою, а коли се повторюється, зриває дах і забирається, беручи з собою й щастя газди. Домовика можна вбити, коли хто вдарить його на відліть, але як удариться його опісля звичайним буком по голові, він воскресне.

Домовик виглядає як маленький хлопчик, у червоних портках, у рогатій шапці, з люлькою в зубах. Ноги має такі, як у цапа. Деколи прибирає постать маленького, бородатого жидка. Домовики сидять собі за столом і курять люльки, як ковалі, або ходять у постатях панів по подвір'ю з люльками на довгих цибухах, а деколи й гуляють. Часом показується домовик як пастушок у вереті, з батогом. Він кормить ночами худобу, жене до води і заганяє назад до стайні.

Домовик може показуватися також у неозначеній ближче постаті, або у постаті різних звірят, прим., корови, барана, теляти, щура, пса, кота, голубця, сидить, як сова, на комині і блискає очима, як кіт, перекидається курятем або пташком і ходить по причілку. Найбільше розповсюджений погляд, що домовик подібний до кота або пса. Якої він масти, такої масти треба держати худобу, бо йнакше вона не буде вестися, лише буде нидіти і гинути. Як домовик не злюбить коня, то їздить на нім по ночах, доки не заїздить. Щоб сього уникнути, треба тримати в стайні козла, тоді домовик їздить на козлі, а коневі дає спокій.

Коли хто хоче побачити домовика, мусить вистояти на страстях три роки з запаленою свічкою і принести її додому так, аби не згасла, потім має обійти з нею хату і вилізти на під: домовик лежить у кутику, і тоді побачиться, якої він масти; такої масти повинна бути й худобина.

Лісовик

Лісовики й лісовки, або пастушки до звірів, жиють по лісах. Се дикі люди, і в них дикі звірі є тим самим, що у звичайних людей худоба. Олені, серни, зайці — то їх худоба, а медведі, вовки і рисі — то їх пси й коти. Вони пасуть свою звірину і пильнують, аби їй не сталося що зле. Лісовки (дівчата) пильнують ліпше, ніж хлопці, так, як і в людей. Лісовиків можна бачити по колибах першої ночі, як заберуться газди з полонин; тоді закватировуються вони туди зі своєю худобою. Лісовики називаються і кличуться такими іменами, як люди. Господарять, як люди, і плодяться, як люди, та мають молоді. Два стрільці на ловах, почувши плач дитини, пішли за голосом і знайшли дитину в колисці на галузі. Заколисали її люфою пушки, дитина вснула, а за хвилю прийшла мати з дійницею від коров та в нагороду дозволила їм убити одного бика (оленя). Один чоловік украв був білля в лісовки, коли вона влізла в воду, і тим примусив її повінчатися з ним, причім уперед її вихрестив.

Одна жінка йшла лісом і побачила дуб, обмотаний канатом, а під ним старого сивого діда без шапки, що почав кликати її до себе. Вона здогадалася, що се лісовик, і втекла. А знов один підпилий мужик ішов лісом і висвистував. Лісовик покривлявся йому і йшов за ним аж на подвір'я та зі злості вибив йому вікна.

Лісовики люблять сидіти в лісах по пустих хатах. Вони співають і свищуть, але їх голосу чоловік не годен удати. Лісовики являються людям у виді звірів (прим., медведя) або людей і то знайомих, зваблюють їх із собою і дусять. Коли чоловік почне дуже верещати, то випускають його.

Лісовий чорт — той, що сидить у лісі. Він боїться чоловіка. Хто його не боїться, то він тому являється. Одна баба бачила, що він у чоботах і чорнім сурдуті. Сидить, звичайно, на пеньку, б'є молотком клянки з дерева і свище. Як їде лісом чоловік, то він нараз здійме з нього шапку, або постягає колеса та й водить чоловіка цілу ніч по лісі.

У вовків єсть пастир — полісун. Він гонить їх, як овець. Де война, то він туди й турить їх на прокорм. Він увечері як свисне пугою, то й чути. Він великий і похожий на чоловіка; без його ярмарку ніколи не буде, він на все ціну зводить.

Лісун такий, як чоловік, тільки в його нема тіні. Усе має тінь, а він ні. В нього й жінка є, і діти бувають свої.

Часом лісунка краде чужі діти.

Лісовики — це нечисті духи. Лісовик веде чоловіка вночі по лісі так, що той чоловік ніяк не знайде дороги і не виберється з лісу, аж поки треті півні заспівають. Лісовик цілу ніч гукає в лісі, но людям не треба відгукуватися, а то він зараз і прийде до того, хто відгукується. Лісовик білий, як сніг. Він може приймати на себе різні постаті і показуватися вовком, лисом, псом. Останнього дня перед Великим постом біжить вихром по снігу, а деколи показується у полі свічкою.

Мисливі роблять із ним умову і записуються йому, відрікшися Бога. Тоді він наганяє їм усяку дичину. Коли мисливі вибираються на вовків, він сам стає вовком, збирає цілу тічню і веде на мисливих, а ті вже б'ють, котрого виберуть.

Лісовик — се чорт. Він увесь порослий шерстю, а на ногах має копита. Він нападає на жінок у лісі, заводить до себе і жиє з ними. У людей краде новородків або таких дітей, що їх родичі проклинають. Його можна побачити вночі перед Іваном Купалом; він сидить тоді на дереві, кричить і хохочеться, тішиться того дня. Як дух, може показуватися у всяких видах: чоловіка, козла, ягняти, мавпи, сіна, огнистого змія і ін.

Лісовика заступив пізніше в його функціях св. Юрій, як се видно з оповідання «Лісун годує вовків» (*Б. Грінченко.* «Із уст народа», 16).

Одна казка зачинається такими словами: «Жив у лісі такий бог лісовий, і було три брати. Пішов один брат до того бога найматися» пасти бичка. Лісовик убиває двох братів, бо не додержують угоди, а третьому дає багато грошей.

Чугайстер (чугайстрин, лісовий чоловік)

Чугайстер виглядає, як чоловік, але такий високий, як смерека, в білім одязі. До людей відноситься приязно, балакає з ними, гріється при ватрі, а лише бігає по лісах та поїдає лісовиці (нявки).

Чугайстер — се заклятий чоловік. Він ходить лісами, блукаючи, і ніхто його не вб'є, ані не з'їсть, бо так йому «пороблено». Одежі не носить ніякої, а шкіра його покрита буйним волоссям. Сповняє страшну функцію смерті нявок, бо вбиває їх і їсть; їх м'ясо служить йому все за поживу. Зариється в листя і так чатує на нявку. Коли вона надійде, вхопить її, розідре надвоє і їсть. Коли люди розложать у лісі огонь, приходить до них і смажить зловлену нявку на рожні. Чоловікові не робить зла, хіба просить чемно у танець, а відтанцювавши своє, відпускає. Деколи обороняє навіть людей від шкоди.

Невідомий іншим слов'янам.

Водяник

Водняк подібний до чоловіка, але має дуже великий хвіст і крила. Як рибаки розкладають на березі вогонь, він виходить з води грітися. Риба втікає перед ним, і тоді добре її ловити, бо сама набігає в сіті. Сидить у ріках та керницях і може показуватися людям у різних видах: чоловіка, дитини, козла, пса, кота, качура, риби. Любить робити збитки п'яним і заводить їх у болота. Псує греблі, ломить у млинах колеса, коли недобрий, а як люди наближаються тоді до його царства, прим., купаються або роблять щось на березі, то лякає їх і то так, що вони відлежують довго переляк. Поводиться, одначе, й мирно з людьми.

Водяник старшує над русалками. Риби — то його худоба. Часом перекидається він сам у рибу, прим., сома, і дає себе зловити в сіть, але звичайно не дозволяє себе нести додому, або коли його занесуть, то навіть розвалює хату. Може заборонити ловити рибу, де йому не подобається, або й сам наганяє її в сіти, коли рибак обіцяє йому щось. Може зі злості трутити в воду, особливо коли хто легковажить його, але любить і пожартувати, прим., викидає човен із рибаком на берег так далеко, що той не годен зсунути його в воду, а другої ночі стягає сам човен у воду і ще й наповняє його рибою. Деколи просить рибаків, щоб дали йому покурити, і сам викресує огонь із якогось хабазя. Водяники женяться з дівчатами, що втопляться, і плодять з ними дітей, а до поліжниць прикликають сільські акушерки. Часом приходять навіть у гості зі своїми жінками до їх батьків. Перед Йорданом витягають дітей на беріг, аби їх не попекла свячена вода.

Водяник виглядає, як риба, але може показуватися й чоловіком, особливо дідусем із довгою бородою. Деколи розгонює рибакам рибу; щоб його задобрити, рибаки кидають йому «грудкову сіль»; він лиже сіль, а вони ловлять рибу, скільки хочуть.

Дехто думає, що водяники постають із тих топельників, котрих тіла не знайдено і не поховано. Їх душі приходять у виді білого пса до тіла щоночі і виють на березі, а потім скачуть у воду, стогнуть, свищуть і кричать.

Мельники і рибаки уміють усе придобрюватися водяникам, кидаючи їм у воду новонароджених мертвих дітей і падлину; мельники кидають їм також у дарі в воду хліб, а рибаки варену рибу.

Водяник знаний й іншим слов'янам.

Блуд

Блуд перекидається звичайно в птаха, летить і манить чоловіка все далі за собою, аж поки не заведе його до якого багна; там робить з ним, що хоче. Коли йдуть товариші, тоді блуд обзивається

за другого і веде першого все далі й далі, аж заведе в яку западню. Не раз тручає чоловіка в воду.

Блуд не дає пізнати чоловікові місця, на якім той заблудив, і водить його навіть на малім просторі, прим., на пасовиську, довкола скирти, по столі, під селом, довкола бзини, по городі, а навіть на печі. Показує також чоловікові кілька доріг нараз, аби не знав, куди йти.

Блуд може показуватися в різних видах чоловікові і водити його аж до змучення, а не раз і знущатися над ним. Так, у постаті женщини водить блуд чоловіка до півночі, а по півночі заводить його у рів і там так побиває, що чоловік умирає на другий день. Показується також у постаті пані, кози, пташків, пса, кота, чоловіка, копиці сіна, світла. Світло мигає в однім місці, а коли чоловік підійде до нього, переноситься на друге місце. Воно заводить чоловіка на болота, на води, в ліси, а в зимі як зажене куди, то чоловік замерзне.

Щоб позбутися блуду, треба собі пригадати, в який день припадав Св. вечір і які страви тоді давали, або хто стояв по правім боці того, що заблудив, коли він причащався. Добре також перевернути на собі сорочку. Можна також зігнутися, подивитися поміж ноги і сказати: «Мені туди дорога!» Тоді блуд відчепиться. Проти блуду добре знати день уродин і хрестин. Хто їде волами, повинен поскидати з них усяке мотуззя і зараз спам'ятається. Первака блуд не чіпається ніколи.

Блуд знаний усім слов'янам.

Богині (лісниці, мамуни)

Богині — се злобні невісти, з зимним, нечутким серцем. Ростом бувають високі, але мізерні, бліді, з розчіхраним волоссям, з обвислими грудьми, які закидають аж на плечі. Одягнені звичайно і підперезані зіллям суходільником. Жиють у печерах та неприступних місцях. Своїх дітей люблять ночами підкидати поліжницям (підміни), а їхні забирати собі. Биттям тих відмін можна примусити богині, що віддадуть людську дитину, а свою заберуть. Бездітні богині бігають по полях і лісах, танцюють та плещуть в долоні. Як здиблються з людьми, то старших заскобочують, а з молодих вибирають собі дівчата на дружки, а парубків на любасів. Для оборони перед ними треба носити часник, або тройзілля, або якийсь металевий предмет.

Лісниці прибирають усе постать тої дівчини або молодиці, з якою парубок кохається. Лісна приходить тоді, коли парубкові присниться дев'ять раз його коханка, а він про се нікому не скаже. Як раз учепиться, то дуже тяжко її позбутися. Коли лісниця полюбиться з вівчарем, то його вівці ходять, куди хочуть, пастися та й усе прийдуть до нього самі, і ніколи не вчіпиться їх медвідь. Коли хто

лісниці не злюбиться, вона псує такому всю роботу в бутинах чи на полонині, розганяє статок та випускає з кошари.

Лісниці танцюють на своїм ігровищі і співають:

Не мий ногу ногою,
Не пий воду рукою.
Якби не лук. чосник
И не оделен зіле,
Мати би сина
На світ не сплодила.

Лісниці піддурюють та викликають до себе парубків так, що говорять, сміються і співають голосом коханки. Кличуть їх навіть по імені; хто відізветься, до того вони зараз пристають, і вже йому трудно їх відкараскатися.

Лісниці не терплять казок, тому хто хоче, щоби вони не мали над ним сили, повинен оповідати казки.

Є чоловічі і жіночі мамуни. Вони манять до себе чоловіків десь у безвість та уводять жінок. Через мамуни є між людьми багато блудства.

Богині — то жінки дідьків. Вони мають волосся по пояс, а груди такі довгі, що закидають їх аж на плечі. Один чоловік був зловив богиню і привів додому. Вона була від дитини, бо мала молоко в грудях. Була в нього цілий тиждень, але все сумувала, плакала і їла дуже мало. По тижневі випустив її.

Богині радо зближаються до людей, а коли ті кладуть огонь, приходять грітися. Часом підсідають на віз, коли мужик їде лісом, але вони такі тяжкі, що коням дуже трудно їх тягнути. Не раз зваблюють до себе мужчин, що працюють по лісах, а тужать за полишеними дома жінками, і вже не випускають їх від себе. Бували випадки, що богині вихрещувалися і виходили заміж за парубків. Своїх дітей люблять дуже підмінювати за людські.

В інших слов'ян (чехів, словаків, словінців) знані сі істоти під назвою диких людий.

Мавки (нявки, бісиці)

Мавки жиють по лісах і з'являються людям як молоді, гарні дівчата. Заманивши когось до себе своєю красою, розмовляють з ним, кокетують, а потім заскобочують на смерть.

Мавки жиють у гірських печерах, коморах, що мають перед собою широкі краєвиди. Їх світлиці вистелені і обвішані килимами. Вони сидять і прядуть крадений лен, тчуть і з вибіленого полотна шиють одяги. Як розтають сніги, мавки бігають горами й долинами і засаджують на них цвіти. Коли все зазеленіє і розцвітеться, вони рвуть квітки, затикують коси і забавляються або купаються по

потоках та озерах. Найчастіше, одначе, виводять танці на ігровищах, а навіть виправляють оргії, особливо на Купала.

Мавки бувають високого росту, лице мають округле, а довгі коси спускають на плечі і затикують цвітами. Одяг їх тонкий, прозорий, спадає недбало по утлім тілі. Їх бистрих, блискучих очей не гріє людська душа, а нутро їх отворене (се не загальне вірування). З мужеського боку відповідають їм дідки. Мавки не злобні; вони щонайбільше зваблюють хлопців до себе на танці, але коли їх хто пострашить, вони втікають.

Нявки виглядають спереду як дівчата, а ззаду тіло отворене і видно утробу. Вони сходяться на розігри в тиждень по Зелених святах на верхах гір і гуляють там та граються. Якби недалеко від них спав тоді хто, а нетвердо, то бачив би їх крізь сон. Але вони взяли би його з собою, якби не мав при собі часнику або оделяну. Танцюючи, приспівують звичайно:

Єк би ни лук, чиснок, ни одилен зілє,
Мати синка породила, ми би єго взєли.

Нявки — се чудово гарні хлопці й дівчата, які лиш тим різняться від людей, що тулів їх від сторони плечей цілком отворений так, що видно і утробу, і серце, і келюхи. Вони жиють громадно. Похапавшися за руки, стають у колесо і танцюють дуже швидко (фуфелов идут), при чім приспівують. Танцюють також парами, але се не кожний може бачити і не в кожну пору. До танцю пригрaє їм чорт на дудці (козі). На тім місці, де раз перетанцюють, трави не буде по вік. Такі місця звуться ігровищами. На зиму ховаються кудись, але від часу до часу виходять зі своїх криївок, а стрільці подибують не раз їх сліди на снігу, подібні до дитинячого. Часом заманюють людей і заводять їх у безвість. Тоді треба лише скинути сорочку, перевернути навиворіт і таким чином відкараскатися від нявки. Нявки можуть ссати людину, і то не лише женщину, але й мужчину й дитину. Така людина марніє, сохне, а вкінці умирає. Один парубок був заманив нявку до себе і оженився з нею, але вона при першій відповідній нагоді втекла.

В інших слов'ян відомі як лісові панни. Також як majky, nejky, navjaky, navje.

Русалки

Русалки — се дівчата, що потопилися в часі купелі. Вони жиють на дні ріки в чудових хрусталевих палатах. Як місяць зійде вночі, вони виходять на берег і співають чарівні пісні, а хто лиш зачує, підходить ближче. Тоді русалки заскобочують його до смерти.

Русалки — се водні красавиці. Вони виходять ночами на береги озер, рік, потоків голі, в вінках із осоки або галузок, сідають на

траву і чешуть коси або виводять танці. Деколи ховаються в корчах, а коли дівчата виходять досвіта по воду, випадають несподівано і питають: «Полин чи петрушка?» Як дістануть відповідь «полин», утікають, як «петрушка», заскобочують дівчину і затягають у воду.

Русалки виглядають, як маленькі діти. Вони скачуть одна проти другої, плещуть руками та співають:

Не мий ноги об ногу,
Не сій муки над діжу.
Ух, ух, солом'яний дух, дух!
Мене мати уродила,
Нехрещене положила.

Коли побачуть кого, переміняються зараз у великих дівчат і женуть за ним, щоби заскоботати на смерть. Вони не дають рибакам ловити риби та проганяють людей також із іншої роботи, як її роблять поблизу них, і лякають не лише женщин, але й мужчин, так що перелякані віддають їм навіть своїх дітей, а не раз з переляку вмирають. В лісі гойдаються на деревах, ухопившись за гілля руками. Ходять звичайно голі, з довгими розпущеними косами, а очі в них зелені, як у жаб.

Русалки маленькі, як ляльки, бігають по траві, викрикують та в долоні плещуть. Можуть прибирати також інші постаті, прим., щура.

Один парубок купався перед Клечальною неділею, коли нараз побачив при другім березі у воді незвичайно гарну голу дівку, що сміялася та плескала в долоні. Догадавшись, що се певно русалка, вискочив з води і побіг додому, полишивши навіть одяг на березі.

Русалки можуть перекидатися в вивірки, щурі і в жаби, що сідають на кладочках, де женщини перуть білля. Вони діляться на дві части: русалки з іменем і без імені. Ті діти, що мати сама дає ім'я, хоч живому, хоч неживому, називаються іменними, а ті, що мати не дасть імені, називаються безіменними. Всі сі діти живуть у воді, поки аж збереться їх сорок сороків; тоді ті, що з іменем, ідуть на небо, а без імені остаються у воді аж до Страшного суду. Як вони живуть у воді, то іменні б'ють безіменних і приговорюють: «У вас батько проклятий, у вас мати проклята! Вони вас родили, а імені не дали». Русалки з іменем подібні до маленьких дівчаток, без імені — також дівчата, але страшні, безволосі. На свій празник, 10 травня, вилазять з води, бігають по полю, лякають людей, а як кого зловлять, заскобочують на смерть. Скоботати можуть лиш доки не загримить, опісля вже ні. В переддень Купала розкладають іменні русалки огонь коло ріки і скачуть через нього, а безіменні вибігають із води, хапають попіл з іскрами, посипають голови, щоби росло волосся, і знов скачуть у воду. Коли котра загубить іскру, а чоловік надійде на те місце і настолочить так, що вона пристане до ноги, то русалка з'являється у такого чоловіка і кричить під вікном: «Віддай моє». Ходить до того часу, поки весняний грім не загримить.

Іншим слов'янам знані під назвою водяних дівчат і русалок.

II

Душа

У народу нема ясного погляду на те, звідки береться душа: одні думають, що душа бере початок від матері немовляти і в той час входить у тільце, коли немовля перший раз порушиться; другі думають, що душа походить від Бога, але де ті душі перебувають, що мають прийти на сей світ, се нікому не відоме.

Нема також ясного погляду на місце перебування душі в людськім тілі. Одні думають, що душа сидить у голові або в ямці під шиєю, інші — що в крові, грудях, у животі, печінці, горлі або під правою пахвою. Коли чоловік умирає, тоді душа покидає тіло. Вона виходить крізь тім'я, яке тоді отвирається, і якби хто тримав руку на тімені, то чув би, як душа йде; по виході душі тіменеві кості замикаються знов. Може виходити душа також ротом у виді пари, а як чоловіка вішають, то виходить куди інде.

Вигляд душі може бути різнородний. Звичайно представляють собі душу як маленького чоловічка з чистим та прозорим тілом або як дитину з крильми. Може появлятися, одначе, в різних видах, прим., білого ягняти, золотої птички, пчоли, мухи або пари.

Душа зв'язана тісно з чоловіком; вона живиться так, як чоловік, але не стравами, лише парою, що йде з них, росте разом із чоловіком, відчуває горяч і зимно, біль і радість, терпить і тішиться і т. д. По смерті чоловіка затримує свій давній вигляд і жиє далі так, як за його життя. Може, одначе, за гріхи прибирати інший вигляд, зглядно переходити в різні звірі, прим., пса, безрогу, муху, осу (яка провина, така покута); коли чоловік курить люльку в неділю до служби Божої, то його душа перейде в кінську голову і буде у млаці покутувати; як плював при курінні, то й буде душа слинити. За нечистоту переходить душа у безрогу або шкапу. Коли в першу, то добре, бо швидко спокутується; свиня пожиє з чотири роки, її заріжуть і душа свобідна; у шкапі ж мусить довго бідувати.

За життя чоловіка душа тримається його постійно. Покидає його лише у сні. Коли чоловік спить, а йому сниться, що він перебуває десь далеко від свого місця, то його душа дійсно є там, а тіло лежить на тім місці, де чоловік ліг спати. У «непростих» людей, прим., відьом, душа відлучується від тіла також у сні і йде на «герц». Через се коли би тіло відьми в часі сну обернув головою туди, де воно лежало ногами, душа, вернувши з «герцу», не могла би втрапити до тіла, і відьма не встала б та не пробудилася б, доки тіла не привернено б до попереднього положення.

Коли чоловік умирає, душа вилітає з нього (найчастіше в виді мухи), але раз у раз вертає та питає: «Тіло, тіло, що ти робило?» В часі похорону супроводжує тіло на цвинтар, і як його закопують, душа плаче й питає: «Йой, а я де буду?» А хрест, що закопують на

могилі, відповідає: «Не бійсь, я з тобою». По похороні прилітає душа до хати і вечеряє. Потому навідується до дому в ті дні, коли її поминають. Поза тим душа не показується ніколи, хіба що покутує на землі за якісь гріхи.

По смерти чоловіка перебувають щасливі душі десь далеко у домі, що збудував Соломон, і моляться там день і ніч Богу. Туди впускають їх без усякої перешкоди, але назад не випускають, аби нікому не розповідали, що там діється. Інші думають, що душі перебувають у домі Давида, що стоїть на землі, окружений довкола морем.

Щасливим душам поводиться дуже добре. Вони сидять за столами, накритими білими обрусами. Перед кожною душею стоять найрізнородніші страви й напитки та запалена свічка. Душі їдять і п'ють, але ні страв, ні напитків не зменшується, тому що вони їдять і п'ють не самі страви й напитки, лише пару, що йде з них. Душі грішників мучаться в аді і голодують, бо їх кормлять там лише золою; стає їм легше лиш тоді, коли на сім світі їх поминають. У пеклі мучаться душі вічно, безконечно.

Мерці

По народному віруванню, зі смертю чоловіка не кінчиться його існування, лише зміняється стан існування; чоловік, як дух, жиє далі таким самим життям, як на сім світі, але, крім людських прикмет, прибирає ще прикмети духа, переходить, отже, у ряд вищих істот. Як такий, може він прибирати, як усі духи, різні вигляди: може показуватися живим людям у своїй постаті з часів життя або у постаті трупа, як був прибраний на катафалку; може перекинутися в живу істоту, напр., у кота, або у мертвий предмет, напр., простирадло, з якого перекидається у хлопа, високого, як дерево, а потім у свічку.

Мерці можуть ходити по сім світі з різних причин. Мерлець ходить, приміром, бо його земля не приймає, тому що за життя не обходив ніколи з процесією довкола церкви. Жінка ходить тому, що їй не вложили до рук свічки, коли вмирала. Чоловік ходить, домагаючись відправи богослуження. Мерлець не дає живим спокою доти, доки його не відпоминали. Дідо сниться внукові кожної ночі доти, доки той не дав на проскомідію кілька разів і на панахиду. Коли загалом людини не відпоминають, як вона умре, то Бог завертає її на сей світ, аби тут була доти, доки не заслужить собі на поминки. Одна дівка мусила так по смерти служити цілий рік у господаря. Один мерлець їздить по смерти на сивім коні до корчми напиватися, інший напивається так само в шинку. Часом приходить мерлець лиш на те, аби закурити собі люльку.

Найчастіше, одначе, причиною приходу мерців буває жура за

полишену родину і знайомих, привязання до них та любов. Мати приходить не раз плекати малу дитину, поки не знайдеться спосіб обійтися без неї; мати чеше дітей, годує, дає білі сорочки; варить, кормить, миє. Померший батько приходить колисати дитину; робить усякі роботи; радить донці, як і що має робити; подає нумери, на які треба ставити на лотерею, діти сповняють бажання і виграють гроші. Чоловік дораджує жінці, як має газдувати; накриває її у сні, аби відкрита не змерзла; приходить до жінки, гримає у стіл і лізе на ліжко; приходить до жінки ночувати, але вона виривається від нього; приходить ночувати, але жінка тримає на колінах малу дитину і він не годен нічого вдіяти; один мерлець ходить три роки до жінки, спить з нею і має з нею двоє дітей; жінка має від мерця дитину, але вона зараз по народженню розливається смолою; одна жінка ходить два роки в тяжі від померлого чоловіка і вмирає. Померший товариш приходить до живого на весілля, а навіть мерлець фірман ходить по смерти до своїх коней.

Буває й таке, що мерці ходять, аби помститися за щось на живих. Один мерлець обертає парубкові ноги й голову передом у зад за те, що той його вдарив. Померший боржник б'є свого вірителя за те, що той не давав йому по смерти спокою і вспоминався навіть у небіжчика за гроші. Жінка приходить по смерти душити чоловіка за те, що за її життя збиткувався над нею. Мерці мстяться також за те, як хто як-небудь зачіпає їх. Один парубок попадає в частинну паралізу за те, що зачіпив умерлу бабу. Дівчина здіймає з мерця жартом шапку (або сорочку), а він її за те розриває. Мерлець відриває живому товаришеві руки й ноги за те, що той зважився принести його мертвого на вечорниці.

Дуже радо мерці виправляють живим різні збитки. Наносять щоночі повний ганок каміння, а живі мусять рано виносити. Стягають чобіт із парубка, запаскуджують верету, заїжджують коні, лякають коні. Мерлець скидає зі стрихи сіно, отвирає двері і випускає коні зі стайні, вкидає коня до студні. Мерлець спускає худобу, скидає кури з бантів, мішає молочене збіжжя докупи. Сипле огнем, перевертає скриню, гасить лампу. Перелякує дівчат так, що вони з переляку вмирають.

Буває не раз також, що мерці допускаються на живих простого насильства. І так, мерлець заскобочує жінку на смерть, хоч вона його нічим не зачіпала, задушує жінку, прийшовши до неї, вимотує кишки з жінки, стріляє і б'є чоловіка, задушує корову за те, що жінка відсувала горнець спідницею. Нищить щоночі урядження костьолу. Забирає з собою насилу живу дівчину.

Дуже часто полишають мерці на знак свого побуту між живими якісь сліди, видні для кожного. Мати, що приходить до дитини, б'є об стіл рукою і випалює на нім долоню з пальцями; інший мерлець лишає так само випалений відтиск долоні; один мерлець випалює долоню на стіні, інший загинає дошку так, що рука відбивається.

Один мерлець кладе знов на знак свого побуту мисочку з ложкою між сина й невістку.

Плакати за мерцями не годиться, бо вони мусять збирати виплакані сльози в начиння (збанок або цебер) і носити з собою, куди йдуть, що не належить у них до приємності.

Є такі дні, в яких устають усі мерці з гробів і сходяться до церкви на богослуження. До таких днів належать страсті. Тоді мерлець священик править службу Божу, сповідає інших мерців і причащає; так само збираються мерці на Всіх святих, у задушні дні, на поклони. Деінде вірять, що всі мерці збираються в церкві в чистий понеділок, на Великдень і на Святий вечір. Пхатися в такий день кудись, де можна би зіткнутися з мерцями, дуже небезпечно, бо хочби як чоловік сховався, вони зачують по запаху присутність його і умертвлять або розірвуть на кавалки.

Коли мерці стають докучливі живим, тоді не остається останнім нічого іншого, як шукати способів, при помочі яких можна б відвідин мерців раз на все позбутися. Для того можна засвітити світло і поставити під горнець. Коли мерлець прийде, треба горнець піднести; при світлі побачиться мерця і від тої хвилі він перестане ходити. Для певності треба світити таку свічку, що була 12 разів коло паски. Коли кинеться на мерця подушку на відліть, він також перестане ходити. Можна мерця зловити також на свячений пояс і прив'язати, а потому прикликати попа, аби покропив його, тоді більш не покажеться. Коли відкопається мерця і насиплеться до гробу маку, з тим, що поки його не порахує, не сміє ходити, то тим позбудеться його також.

Щоб позбутися раз на все мерця, добре робити щось таке, що його здивувало б, коли ж він висловить своє здивування, живий повинен висловити своє по причині його приходу. Один мерлець дивувався, що його жінка відсувала окропи до золеня рукавами від сорочки; коли ж вона здивувалася, що він приходить і дивиться на те, він щез і більше не показався. Одна жінка вдавала, що віддається, і се здивувало мерця, то він перестав ходити. Один мерлець дивувався, коли йому сказали, що брат сестру бере, а його жінка йде на те весілля, і щез на все; так само донька дивується, що мама йде на весілля брата з сестрою, по чім щезає. Один мерлець дивувався, коли його жінка вбирала одіж навиворіть, а вона дивувалася з його приходу, від чого він зараз щез.

Найпевніший спосіб на те, аби мерлець не ходив,— пробити його осиковим колом, що й не раз люди роблять.

Покутники

Покутники — се такі небіжчики, що по причині гріхів, яких допустилися на сім світі, не можуть на другім світі мати спокою,

доки або самі їх не загладять, або хтось із їх рідні чи знайомих. До того часу вони тиняються по сім світі і терплять різні прикрості, відповідно до величини їх злого вчинку. Найліпше ілюструють се приклади.

Дитина покутує за те, що як ссала, вдарила маму по груди, а мама не покарала її. Визволює її той, що наквестував на 30 служб і казав їх правити у 30 церквах та на кожній був присутній.

Чоловік покутує за те, що оженився з кумою, наслідком чого земля не хоче його приймати до себе. Інший чоловік покутує тому, що вмер несповіданий, і домагається, щоби хто висповідався за нього. Скупар покутує за своє скупарство, а чоловік, що лишив легат на богослуження, покутує доти, доки жінка не виплатила легату. Жінка не має ніде спокійного пристановища, доки за неї не наймають богослуження. Богач покутує за те, що брав усе від бідного нюхати табаку, а сам не купував ніколи. Успокоюється аж тоді, коли його син дав бідному воли за винюхану табаку.

Навіть попи, хоч слуги Господні, мусять не раз покутувати по смерти на сім світі. Один піп покутує за те, що казав поховати себе у брудній сорочці. Коли йому дали чисту сорочку, перестав появлятися. Інший покутує тому, що взяв гроші на служби, а не відправив усіх. Ще інший мусить уперед порозділювати наскладані гроші на добрі діла, і аж тоді перестає ходити.

Час покути неозначений, і майже все залежить від складу обставин.

Потопельники

Потопельники — се ті небіжчики, що втопилися вмисно або припадково.

Кожний потопельник має право ходити на сім світі сім літ. До нього не можна ні говорити, ні його зачіпати, ані кидати чим-небудь. Коли потопельник побачить чоловіка, зараз регочеться. Виглядає ввесь білий. Кожного нового місяця показується на тім місці, де втопився. За чоловіком має право бігти лиш так далеко від берега, як далеко розливається вода в повінь.

Потопельник виглядає, як звичайний чоловік, лише чорний, як вуголь, та має дуже довгий волос.

Потопельники купаються по ночах у тій воді, в якій втопилися. Люблять, одначе, зближатися й до людей та робити їм збитки. Одна потопельничка ходить неподалеки людей і заводить через те, що вже по смерти чоловік ударив її в лице. Інша пускає сплав із помсти, що сплавники відтручували її цвайкою від сплава. Потопельник хоче затягнути парубка в воду і втопити; обхоплює чоловіка водою і везеться на фірі; не дає рибакові ловити риби; рибак зі злости виривае потопельникові жменю бороди. Іншим разом потопельник

дає себе зловити рибакові замість риби, але той перелякується, нидіє наслідком того і вмирає.

Потопельник перевертає човен із двома людьми й пускає з водою за те, що один ударив його веслом. По якімсь часі показується на тім місці весілля; музика грає, а придани співають.

Потопельники манять не раз людей до води, щоб і вони втопилися. Один потопельник ходить цілий рік до жінки і мучить її.

Потопельники можуть показуватися людям у різних постатях. Один потопельник плине по воді у виді кудлатого хлопа і то так замашисто, що аж вода розскакується по берегах. Появляється також у постаті однорічної дитини. Звичайно переміняється в коня і ходить по ночі. Як кого перейде і понюхає, той умре. Часом вискакує з води, як лошачок, або з'являється в виді кроводиля та гориля.

Потопельників не ховають на цвинтарі, бо через те міг би град повбивати засіви.

Повісельники

Повісельники, як і потопельники, мають право ходити по смерти сім літ та лякати людей. Коли хто повіситься, можна зараз пізнати, бо настає велика буря.

Повісельники можуть ходити в людській постаті або іншій. Так, повісельниця ходить по лісі розплетена і на переміну то співає, то плаче. Повісельник у виді мужчини натягає руки до парубка. Повісельник з'являється, одначе, також у виді хорта, індика, а навіть жердки, що йде.

Що повісельники продовжують земське життя на тім світі, видно з того, що один з них жениться і запрошує на весілля свого живого товариша, який дійсно іде туди і вертає здоровий назад. Весілля відбувається так само, як у живих людей.

Коли хто хоче позбутися повісельника, аби не появлявся більше, повинен його вдарити на відліть, як усяку нечисту силу. Коли найметься по нім богослужіння, то також перестане ходити. Найліпше, одначе, посіяти від дому до гробу повісельника мак; він зможе аж тоді з'явитися, як мак визбирає, але се неможливо йому зробити, бо серед робити запіє когут, і він провалиться під землю.

Опирі

Опирі можуть бути двоякі: родимі і роблені. Родимого опира легко пізнати, бо він має інакші полові органи, наслідком чого є безплідний і бездітний, а надто на лиці все червоний. Має також малий хвостик, а на хвості чотири волоски. Опир має дві душі, тому

хоч умре, може ходити по світі, бо лиш одна душа його покидає, а друга лишається при нім. Над клубом, під коліном або над задом має гулю; під тією гулею є дірка, і туди виходить душа опира.

Коли би хто малу дитину помастив кров'ю з чоловіка, що ліг спати, не помолившись, то з дитини став би роблений опир.

Опирі мають право ходити по смерти сім літ. Не раз ходять вони з музикою, співають і плескають в долоні та скачуть. Якби хто вийшов о дванадцятій годині вночі на границю, то побачив би їх.

Коли опир умре, настає велика злива. По смерти лежить він у гробі звичайно долілиць. Може лежати й горілиць, але тоді скопує звичайно з себе накривало в долину, лежить червоний і попід руку дивиться на людей. Деколи курить навіть люльку у гробі.

Опир виходить із гробу, ходить по селі і потинає людей, до яких має право. Коли чоловік пчихне, а йому не скаже ніхто «На здоровлє!», то такого опир може потяти. Худобини опир не потинає, бо до неї не має сили. Прикладів діяльності опирів можна навести багато. Опир потинає, приміром, рідню і сусідів, дівчину, висисає кров із молодят, так що вони умирають, викликає навіть помір у селі.

Опир ходить пішки і їздить на коні, показується у виді двох хлопчиків і звірят. У виді пса вискакує чоловікові на плечі і каже себе нести; у виді чорного пса лежить на постелі і поїдає хліб, що його подає ґаздиня; з'являється у виді собак, що жруться між собою, у виді білих псів, у виді кота.

Коли хто хоче позбутися опира, щоб не ходив та не потинав людей, то повинен обнести його довкола села чи міста три рази, а він перестане ходити. Можна також пробити його крізь груди осиковим колом. Найліпше, одначе, викопати, порубати на кусники і забити осиковий кіл у голову. Тоді напевно перестане раз на все ходити.

Вовкулаки (вовколаби, вовкуни)

Вовкулаки бувають двоякі: вроджені — і тоді вони періодично переміняються у вовків, як прийде на се пора, і бігають з ними — і зачаровані; в останнім випадку бігають вони вовками, доки хтось не пізнає їх, що вони не правдиві вовки, та не відчарує.

Вовкулаком стає той, хто вродиться в таку планету. Коли вагітна жінка побачить вовка або з'їсть м'ясо звірини, яку роздер вовк, то породить вовкуна. Також коли чоловік спить із жінкою проти святої неділі і тоді почнеться хлопець, буде вовкулаком. Вовкулаки мають під пахвою таку ямку, в котрій сходяться кінці шкіри. Через ту ямку вивертається шкіра і чоловік входить до середини, а на верха виходить вовк, коли прийде на се пора. Буває так, що вовкун є місяць чоловіком, а місяць вовком.

Коли чоловік забуде за Бога, відьма виводить його на гору, застромлює в землю ніж і каже йому перекинутися через нього три рази; тоді чоловік обростає волоссям і стає вовкулаком. Коли зачарований вовкулак пробуде три роки вовком, а опісля приверне йому хтось давню постать, то другий раз не можна вже його зробити вовкулаком.

Вовкулак знаходить собі товаришів вовків і жиє разом з ними одним життям. Вовкулак потинає звичайно вівці, а часом і чоловіка Без Божого дозволу він не сміє нічого тикати. Коли вовкулаків збереться більше, то вони жруться між собою.

Зачарованому вовкулакові можна привернути давній вигляд, коли переведеться його через хомут. Добре також стягнути шкіру з нього разом із шерстю або перекусити на нім шнурок, коли є. Можна також сказати йому: «Перекинься три рази через голову!» — а він послухає і стане чоловіком, або вдарити його по голові три рази перевеслом.

Відьми (чарівниці)

Відьми є також двоякі — родимі і вчені. Коли вагітна жінка варить страву на Св. вечір, а до горшка впаде кусник вугля і вона його з'їсть, то породить — відповідно до полу — відьму або опира Коли в кого є 7 дівчат, а хлопець не переложить, то одна з них відьма. Родиму відьму легко пізнати, бо вона має хвіст, який у сні висувається, а при збудженні ховається. У дитини сей хвіст голий, у старшої відьми оброслий. Родима відьма не має також зросту на половім органі. Учена відьма набирає відомостей або від іншої ученої, або від родимої відьми, або впрост від чорта. Родима відьма може пошкодити, але потрафить кожної хвилі направити шкоду і відробити зроблене; учена відьма робить усе шкоду і не відкликує її. Відьма боїться знахарки, яку вважає вищою від себе, але й знахарка не радо входить у колізію з відьмою.

Відьми бояться дуже псів ярчуків, які можуть їх розшарпати, тому де лиш подиблять молодих ярчуків, іще слабих, силкуються їх нищити. Тому ярчуків треба старанно берегти, а найліпше ховати їх до такої пивниці, що в однім дні викопана і накрита осиковою бороною, яка має бути також того дня зроблена. В борону належить забити дев'ять зубків і дев'ятий залити воском. Коли відьма прийде по ярчука, зачне числити зубки, але не зможе докінчити і все буде зачинати наново, аж доки когут не запіє, по чім уже не годна взяти ярчука. Ярчука нелегко виховати, бо він походить аж із дев'ятого покоління від дев'ятої суки, які все убивається по ощенінню, а лишається тільки на розплодок молоду сучку.

Відьми діляться на фахи, і котра займається одним фахом, звичайно, не мішається до другого. Відповідно до того є відьми від

корів, овець, кіз, свиней, гусей, риби, гадин, пчіл, грибів, бараболь, яєць, ужевок, дощу, посухи, морозу, від «усякої біди».

Коли хто хоче побачити відьму, то повинен узяти поліно, в якім випав сук, і дивитися крізь нього. Так само коли тешуть труну, а з дошки відпаде тріска з суком і сук вилетить, то хто подивиться крізь ту дірку, побачить відьму.

Можна ще побачити відьму і крізь осикову борону, так, що в один день зроблена і тесана.

Хто знає способи, яких є немало, може прикликати відьму до себе. Для того треба ось чого: взяти кусень сирого полотна, заткнути в нього дев'ять шпильок і варити, а відьма прибіжить зараз просити чого-небудь. Налити на сковороду молока, вкинути в нього три рази по дев'ять голок і всунути в піч, а відьма зараз прибіжить. Розігріти кінську підкову в печі і поставити на поріг, а відьма прибіжить зараз, бо її пече. Зловити пструга і на живого доїти корову; скоро молоко обіллє його, відьма прибіжить до хати, а коли кинеться того пструга на огонь, корова відьми тріснє. Відкладати кожного понеділка в Великий піст одно поліно з дров, що йдуть до печі, а досвіта на Великдень запалити ними. Відьма прибіжить зараз і буде просити огню. Те саме можна робити через Петрівку, а на Петра розпалити огонь. Взяти долото, обійти з ним три рази довкола колиски малої дитини, вимовляючи певну формулу, опісля заткнути долото в колиску дитині в ногах, а відьма прибіжить.

Відьму можна пізнати і не прикликаючи її до себе, коли хто знає способи, яких також є багато. У відьми на лиці є всякий цвіт, і білий, і червоний, і по тім відразу годен її пізнати. Коли на Великдень обходять довкола церкви з процесією, відьма не йде з нею ніколи. Треба, отже, уважати, котра жінка не йде, та певно відьма. Коли на Великдень по обході процесії довкола церкви входять до середини, треба стати з боку і приглядатися; відьми йдуть на самім останку і цілують замок, що легко завважати. Коли парубок заложить кашкет на голову дашком назад, а в руках із пальців поробить дулі та одну руку заложить у кишеню, а другу в пазуху і переходить попри відьму, та зачинає злоститися, і по тім її пізнати. Коли відьму обернути нового четверга опівночі у сні головою туди, де лежали ноги, вона не зможе пробудитися, доки її не відвернеться назад, бо душа, яка тоді виходить із неї, не годна трапити в тіло.

Загалом нема ніякої царини в сільськім житті, до якої відьма не могла би втиркнутися і наробити шкоди. Та хоч вона робить на сім світі, що хоче, то на другім мусить за все відпокутувати, бо там її тіло рвуть на кавалки.

Відьми мають свої сойми, на які злітаються звідусюди в стало означені дні, звичайно першого тижня кожного нового місяця або на великі свята, як Юрія та Дмитра, і там складають справоздання зі своєї діяльности перед чортами й набирають нових практик. Крім

того, вони бавляться там, гуляють, відбувають оргії. Хто несвідомий попав би на те місце, відьми потягли б його.

Коли відьми умирають, то смерть їх буває дуже тяжка. Відьма реве бичим голосом, а очі набігають, як яйця. Відьма при смерти реве, вивалює язик, блює кров'ю і то різаною. Як змучиться, просить зірвати стелину, щоб швидше вмерла: «Узяли, зірвали стелину, то вона стала ревіти, як на реговищі скот. Люди повтікали з хати геть усі, поки вмерла». При тім розноситься такий сморід, що тяжко навернутися до хати, а нести на кладовище її можна лише з тяжким трудом.

Друкується за: *Гнатюк В. М.* Вибрані статті про народну творчість // Зап. Наук. товариства ім. Шевченка. Нью-Йорк, 1981. Т. 201.

* В. П. МИЛОРАДОВИЧ *
Заметки о малорусской демонологии

МЕРТВЕЦЫ

Общение умерших с действительным миром. Ограничение этого общения известным временем и известным кругом лиц. Боязнь мертвецов, обереги от них. Вред, ими приносимый. Питание мертвецов, отношение их к семье и имуществу

На заре человеческих обществ человек, не понимая значения смерти и не различая ее от временных бесчувственных состояний: обморока, сна, столбняка, старается пробудить мертвое тело укола-

ми, побоями, упреками, усиленными призываниями, откуда впоследствии развивается похоронная причеть, также предложением трупу пищи или даже насильственным введением ее в рот, откуда получает начало общечеловеческий обычай оставления пищи и напитков в гробах мертвецов, пиры и жертвоприношения с предполагаемым их участием. Кроме пищи, человек окружает еще своих покойников и другими предметами их жизненной обстановки, зарывая вместе с ними их одежды, оружие, животных, женщин и рабов. Таким образом, по народным верованиям, мертвецы, продолжая существовать в материальном более или менее измененном виде, находятся в постоянном и тесном общении с своими близкими и вообще с миром действительности. Только впоследствии посещение мертвецов ограничивается известным временем года и известными категориями лиц.

По малорусским народным представлениям, мертвецы сходятся в церковь в Чистый понедельник *(Мертвецькый велыкдень)* [1], как видно, между прочим, из следующего народного рассказа, записанного мною в с. Литвяках Лубенского уезда от Наталии Кедевой. *«Чоловик йив вареныкы з вечора на Масляне пущання и задержав сыра у роти до двананадцяты часив. Выйшов з хаты, свитыцця у церкви. Пиду подывлюсь, шо таке? Пишов, колы собралысь мертвякы у церкви и просять его: удилы нам того, шо в тебе йе. Вин острахнувсь, каже: «Тут я вам не дам. Пойдем на кладовыще, я вас там роздилю». Повив йих на кладовыще, каже: «Сидайте у лавы, мали до малых, велыки до велыких». Покы вин йих сажав, пивень заспивав, воны по мистах пишлы».*

Затем мертвецы появляются и на самый Светлый праздник. *«На одиянии* (деяниях), *як дочытающця до Хреста, задзвонять на утреню, обходять удосвита из процесиею. Идуть тричи и церкву замкнуть замком. Тоди мертвякы в церкви, а як батюшка чыта на рундуци* [2] *або дзвиници молытву, тоди воны выходять из церкви, отдаляются»* (от козачки с. Литвяков Марии Кривоносовой). Вообще, по народным верованиям, все мертвецы воскресают на Светлый праздник, бывают в церкви и, невидимо, в хатах родных до Проводного понедельника, который потому и называется проводным.[3] В Лубенском уезде им оставляют пасху. Мертвецы присутствуют у родных также накануне Рождества и на поминках. К числу мертвецов, посещающих этот свет независимо от праздничных и поминальных дней, принадлежат: упыри, т. е. отвергнутые церковью колдуны, еретики, богоотступники, вовкулаки, самоубийцы. Так, девица, изменившая веру, вставала по ночам из могилы и горько плакала. Не находят покоя в могиле и дети, проклятые родителями; девушка, проклятая ими, останавливала по ночам прохожих, а запорожцы должны были всю зиму кормить мертвого поповича, проклятого еще до рождения матерью. *«Родытели, що проклялы дитей, ходять до свыней из дитьмы и лыжуть корыто. Ходять и ти, которых не*

помынають». По народному рассказу, записанному мною в Лубенском уезде, мертвая девка служила по смерти наймычкою год для того, чтобы заслужить поминальный обед, какой рассказ сходен с сообщением известного гуманиста Меланхтона о девице, пребывавшей по смерти два года в обществе людей, бывавшей и в гостях, евшей мало. Отдельная ветвь сказок о блуждающих мертвецах — параллели гоголевскому «Вию», изображающие столкновение мертвой ведьмы с отчитывающим ее парнем в церкви. Они встречаются как во всех значительных сборниках: Афанасьева, Манжуры, Иванова, Гринченка, так и в отдельных статьях.

Вероятно, нежелательность посещений именно этой категории вредных мертвецов и вызывала обереги от них. С целью узнать, не посещает ли мертвец известное жилище, перуанцы посыпают пол мукой, а племя го, жители Филиппинских островов и малороссияне — золой. Затем дом, посещаемый мертвецом, осыпают и окуривают зернами снопа, поставленного на покути накануне Рождества. На окно кладут кусочек железа. Североамериканские индейцы расставляют вокруг жилища сети, чтобы поймать душу покойника, а в Харьковской губернии в предупреждение появления мертвецов хату обматывают валом, который спряла двенадцатилетняя девочка. Негры не допускают в деревню злые души, преграждая путь колючими ветками; в Малороссии же набрасывают ветки на могилы самоубийц из боязни духов. Анторы приваливают душу камнем, черемисы прибивают ее гвоздями или колом. В Черниговской губернии во время холеры одного покойника положили ниц для того, чтоб он не возвратился, другому хотели сковать руки.

Самое верное средство — пробитие мертвеца осиновым колом — употреблялось прежде между прочим и в Англии. В Волынской губернии крышу гроба делают из осины.

Во многих рассказах Лубенского уезда меры укрощения еще не похороненных мертвецов весьма реальны: их привязывают к скамье канатами или веревками, а гроб оковывают стальными обручами. Вот кратчайший рассказ в таком роде, представляющийся как бы основой других подобных. *«Стоить хатка и свитыцця в ий. Два чоловика йихало, воны опизнылысь, зайихалы, колы никого нема, тилько одын мертвяк на лави. На столи водка и хлиб лежыть. Силы воны, повечерялы. Одын каже: «Я боюсь», другый: «А я ни! Я знаю що робыть». Узяв ременны вижкы, привьязав ёго мертвого до лавы. Опивночи мертвяк як узяв трощыцця, лаву потрощыв, упав з лавою додолу, так не розвязавсь»* (от Агриппины Кириченской, с. Литвяков). Изложенные меры предосторожности от мертвецов принимаются вследствие разнообразного вреда, приносимого последними, главным образом высасывания ими крови у спящих, по общечеловеческому верованию. Полинезийцы, например, верят, что души умерших пожирают ночью сердце и внутренности людей; ментиры также верят, что мертвецы выходят из могил и сосут кровь людей. То же

верование в Малороссии. Мертвые ведьмы пьют кровь из детей. *«Котора жинка не перехрестыть дитей, викон, дверей, колыскы, то мертвяк ходыть по хатах, из мызынця кров ссе. От того дытына нежыва»* (Н. Кедева). Кроме сосания крови, упыри, по народным рассказам и преданиям, производят и другие насилия на людьми. Бетсрот, как повествует Эйбриджская сага, выходил из могилы, избивал стада и пастухов и выгонял жителей из кантона, почему труп его сожжен. Мертвецы нападают целыми толпами на село, как в Полоцке в 1092 г., и сражаются.

В многих народных рассказах, записанных в Лубенском уезде, мертвецы стараются уничтожить стерегущих их. Так, женщина спаслась от смерти только тем, что развлекала мертвеца, рассказывала ему, как приготовляют конопли для рубашки. По другому варианту, таким же образом спасается женщина от своей мертвой сестры. Кума, стерегшая умершую куму, также едва спаслась от покойной. Племянник три ночи подряд принужден был бороться с умершим дядей. Парень, которого могила не была запечатана, ночью гонялся за девками; падая, они ломали себе руки и ноги. В 1700 г. дух крестьянина на острове Миконе, выходя из могилы, производил в домах беспорядки и задувал огни, а по народному рассказу Лубенского уезда, мертвая женщина разбрасывала мебель, утварь и посуду. Затем, по народным верованиям, упырь может накликать чуму на село и вызвать засуху. В 1898 г. в с. Варваровке Константиноградского уезда общество крестьян, состоявшее из мужчины и нескольких женщин в возрасте 22—47 лет, во время засухи ночью обливали могилу повесившегося крестьянина, вынув крест для того, чтобы вода скорее дошла до самоубийцы и вызвала дождь.

Вышеупомянутое народное верование о материальном загробном существовании мертвых, создав обычай оставлять для них пищу и напитки в гробах, создало и рассказы о появлении мертвецов по ночам за пищей. Для угощения их нужен обильный стол, так как они обладают сверхъестественным аппетитом. Напр., в одном рассказе Лубенского уезда мертвец выпивает 2 ведра водки и съедает 8 ведер пищи. Таков же аппетит мертвецов в сказках у Афанасьева и Манжуры. [...]

Из древнего же общечеловеческого обыкновения хоронить жен с умершими мужьями,— о чем и до сих пор вспоминает малороссиянка, оплакивая мужа: *«Ой, прыймы ж мене до себе у сыру землю. Ой, прыймай, прыгортай мене до себе! Иды попид горою та й беры мене с собою!»* — вытекают многочисленные сказки и рассказы о посещении покойными мужьями своих вдов, особенно если последние по ним тоскуют. Вот один из таких рассказов. *«Бабын зять пишов у москали* [4] *и там умер. Дочка не бачыла чоловика и як его ховалы. Вона каже: «Якбы я, мамо, побачыла, якый вин, москаль?» От вин уночи прыходыть до неи, а маты кудысь пишла. Одчыныв*

хату и пыта: «Чы хочеш мене побачыть коло себе?» Вона злякалась; а в неи дытына маленька була, от вона ту дытынку схопыла та й сила. Вин дойшов тилькы до половыны хаты, до сволока, и каже: «Ну, спасена твоя душа, шо ангола взяла у рукы, а то б ты знала, як хотить, щоб я прыйшов до тебе!» Пишов витром з хаты, поодчиняв двери й сины» (от Катерины Норовой, м. Лукомье).

По белорусским поверьям, мертвецы приходят к вдовам помогать в работе, но при этом убивают их. Неудивительно поэтому, что в рассказе, приведенном [у] Гринченка, жена, чтоб избавиться от посещений и ухаживанья мертвого мужа, накинула на него узду и сказала: тпру! Эти загробные посещения тем опаснее, что нередко дьяволы, пользуясь печалью вдов, являются к ним по ночам в образе покойного мужа. Подобно тому, как женатых хоронили с женами для удовлетворения инстинкта прокреации, холостых женили за гробом для той же цели. Так комментировал, по крайней мере, Котляревский известие арабского путешественника Ибн-Фадлана [5] о похоронах русского купца, которого сожгли с девушкой, пред тем удавленной. Быть может, отдаленным отголоском этого обыкновения является известная народная песня о девице, просящей похоронить ее с умершим любимым козаком. Из того же источника произошли и народные сказки о мертвеце, разъезжающем на коне с живой невестой при сиянии месяца, как в бюргеровой «Леноре» [...] И материнский инстинкт также, по народному мнению, переживает смерть, и рассказы о матери, приходящей к оставленным детям, многочисленны и повсеместны. Например, в гасконской сказке мертвая мать приходит каждую ночь кормить, чесать, менять белье своему дитяти. Такого же содержания сказки у Чубинского. Не так благосклонна мать к взрослым детям, часто в раздражении она гонится за дочерью и готова ее растерзать.

Гораздо реже встречаются рассказы о загробных сношениях отца с дочерью, притом только по делам имущества и хозяйства, которыми хозяева продолжают интересоваться и за гробом; они дают советы и распоряжаются. Мертвый хозяин навещает пасеку. Мертвецы — строгие заимодавцы. Один мертвец 30 лет посещал должника, покуда тот не положил на могилу должных денег. Нашедший клад должен был отнесть обратно деньги, так как мертвый дид того требовал. Не менее строго преследуют мертвецы и за взятые у них вещи. Покойник ударил сторожа за то, что последний укрылся сукном для мертвых. Другой требовал от солдата везде свои сапоги, пока тот ему не отдал. В рассказе под заглавием «Кубук», записанном мною в Лубенском уезде, девка сорвала с мертвеца клобук [6], потом должна была отдать его мертвецу, который тут же растерзал ее. Подобные сказки с заменой клобука саваном [7] и рубашкой встречаются и Афанасьева и у Чубинского — с заменой кубука *«ковпачком»*.[8] Чуткость мертвецов к праву собственности доходит до мелочности. *«Мертвяк умер, копалы яму на ёго, а баба пишла,*

набрала глыны та змазала дил. Мертвяка заховалы. Прыйшов вин уночи пид викно, каже: «Подай мою землю!» «Так немае, я вымазала всю на дил». «Де хоч беры, а давай. То не тоби дано земли, а мени, так не займай». У йеи осталось трохы глыны, вона однесла и высыпала ему на гриб. Вин опять прыходыть увечори: «Подавай мою землю, ты не всю ии однесла». Вона взяла на другый день позструговала и однесла, и вин бильш не прыходыв до неи» (от козачки с. Мойсеевки Хорольского уезда М. Руденковой).

[...] Таким образом, приведенное краткое изложение содержания малорусских народных сказок и рассказов доказывает, что в них, как и в погребальных обрядах, сохранились древнейшие общечеловеческие представления и верования о загробном существовании, подобном почти во всем действительной жизни. Мертвецы в них живут и действуют как живые люди, с теми же силами, желаниями, чувствами и потребностями, что и при жизни, лишь несколько видоизмененными и преувеличенными. Эти представления особенно важны при изучении демонологии, так как блуждающий мертвец есть основной, первоначальный тип сверхъестественного демонического существа, по которому народное воображение построило и все остальные.

РУСАЛКИ

Отличие русалок от классических и романских сирен. Предание о Мелюзине и сказки о женах-змеях. Единство природы русалки. Русалки-утопленницы. Русалки — некрещеные дети, их загробное существование и наружность

Изучая рассказы и поверья о малорусских русалках, необходимо отделить от них классические и романские предания о сходных женских существах — сиренах: полуженщинах-полурыбах, привлекавших и губивших путников очаровательным пением [9], так как эти поверья отразились на Украине весьма слабо, только в замечании, что песни слагают морские люди. Кроме этого краткого указания, не существует ни в этнографических сборниках, ни, по-видимому, в устах народа ни одной сказки, в которой встречалось бы существо со всеми перечисленными особенностями сирен, взятыми вместе, а встречаются лишь изредка некоторые отдельные их признаки. Например, в одной сказке, записанной на днях в Лубенском уезде, девица, заточенная в стену, покрыта рыбьей чешуей, что составляет особенность сирен. [...] Но этим наружным признаком и оканчивается сходство заточенной девицы с сиреной. Так и британская сирена, белая, с золотистыми волосами и рыбьим хвостом, напоминает малорусских русалок разве своим детским возрастом и больше ничем.

Почти то же следует сказать о романе французской феи Мелюзины, полуженщины-полузмеи, вышедшей замуж за графа Раймунда

де Пуатье, давшей ему десять сыновей, но исчезнувшей по обнаружении двойственности ее природы; рассказ этот через Германию и земли западных славян прошел в Правобережную Украину и отразился здесь только в названии мелюзинами певиц — полуженщин-полурыб. Но если роман о Мелюзине не имеет ничего общего с поверьями о русалках, то по своему основному мотиву он представляет некоторое сходство со сказками о девице и жене — змеях, являющихся, как и Мелюзина, до поры до времени, т. е. до указания на их змеиную природу, существами благодетельными. Так, в сказке, некогда записанной мною в Лубенском уезде, вокруг шеи сонного мальчика обвилась змея, превратившаяся в царевну из окаменелого царства. Она помогала потом всю жизнь своему любимцу, между прочим подарив рубашку из змеиной силы. Более подробный и лучший вариант этой сказки приведен у Чубинского. В сборнике же Афанасьева «Русские народные сказки» змея-девица входит лишь эпизодически в две сказки о волшебном кольце. В первом варианте девица, окруженная огнем и спасенная крестьянином, обращается в змею, во втором наоборот — змея на костре после спасения обращается в девицу.

Еще ближе к главному мотиву преданий о Мелюзине другая сказка, также записанная в Лубенском уезде. В ней парень поджег копну, где скрывалась змея. Змея, вылезши, обратилась в девицу, вышла замуж за парня и жила с ним до тех пор, пока он не назвал ее гадиной. С этой минуты она удаляется навсегда, дети обращаются: сын в соловья, дочь в жабу. Первая половина сказки у Чубинского такая же: змея обращается под венцом в женщину, живет с мужем и удаляется от него навсегда после упоминания о ее змеиной природе.

Таким образом, русалки отличаются от всех перечисленных фантастических существ тем, что в природе их нет ничего двойственного. Они, по Соловьеву, Афанасьеву и Кавелину,— души умерших молодых женщин, девиц и детей. Русалки — утонувшие девицы или девицы, умершие на Зеленых праздниках. Русалки, девушки и женщины-утопленницы делаются женами водяных. По белорусским поверьям, русалки — также утопленницы-женщины; они щекочут людей, поймавшись, служат человеку до года и выполняют разные работы; питаются паром. Но такое представление о русалках как о взрослых девушках и женщинах, встречается только в искусственной поэзии, в литературе и живописи; народу же, по крайней мере в Центральной Малороссии, оно совершенно чуждо. Здесь нет никаких сказок, песен, поверий или обрядов о таких русалках. Народ знает только русалок-детей. Они мертворожденные, приспанные матерями, вообще некрещеные дети. К русалкам принадлежат и дети, убитые матерями при рождении. По поверьям Подольской губернии, *потерча* или *поторача* [10], превращается только по прошествии семи лет в *русалку-мавку*, или *малку*.

Пребывание русалок за гробом изображается народом в таких красках: «*Русавкам на тим свити темно. Ии душечка так лита, як птыця по дереву, ий прыстановыща нема. И плачеться вона на свою матир, шо маты ии не зберегла. У четвер на клечальных святках Бог избира до миста, тоди им трошкы выдненько, а то им усе темно*». Таким образом, русалки появляются на свет только на Зеленых святках, что подтверждается и печатными материалами. Неделя до Троицына дня называлась в России XII в. русальною. Русалки могут являться на свет только в день св. Духа и Троицын. Девки и женщины запасаются *зорей* или *любыстком*, чтобы их не защекотали русалки. *Русальчын, Мавский велыкдень* бывает в четверг на Зеленой неделе. В этот день не работают, чтобы не обидеть русалок, и всю неделю не купаются в одиночку. На Русальчын велыкдень женщины, терявшие некрещеных детей, собирают детей с околотка [11] или каких попадется и угощают их варениками, паляницами, пирожками, бубликами. На Русальной неделе в Белоруссии девки, качаясь на ветвях, зазывают русалок. Детей не пускают купаться. Русальчын велыкдень называют еще «*сухый четвер, так як тоди тилько росавкы просыхають, а то усе им мокро*».

В эти только дни и можно сделать наблюдения над управлением русалками, местами их пребывания, наружностью, их превращениями. Управляет русалками особая старшая, или игуменья, а по другим поверьям — дид, или святой. Под таким надзором или и без него русалки пасутся, как гуси, на островах, болотах, полях и лесах. Они встречаются в копцах [12], но не могут переходить меж. Чаще всего они бывают у воды: здесь они купаются, бегают, кричат, как кошки. Любят больше стоячую воду и мелкие, небыстрые речки, «*шоб не занесла вода*». Русалки представляются смеющимися, хлопающими в ладоши детьми, кричащими: «*Гуп! а де вы?*», а также поющими. Тело у них голубоватое, синеватое или темное. «*Голи скризь, з осокы косы*». Часто одеты в красном. Изредка появляются они в виде кошек, лягушек или мелкими животными из породы грызунов. «*Род крысы, хвист длинный, уха вгору, на лапах по пьяты пальчыкив, йе нёхти. Собака не займала*». К Русальчыному велыкодню относятся и следующие рассказы: «*Йшов дид на охоту, переходыв болото. Русалкы угналысь за дидом. Вин добиг до дуба, излиз, а воны й соби дерутся та хихочуть. Дид выстрелыв, воны тоди одбиглы од дуба у копанку та й купаються; и купалысь до дванадцяты часив. Плыгають и кажуть: «Ух, ух! соломьяный дух». Маленьки диты, швыдки, сыненьки або голубеньки*» (от Д. Бугаевой, с. Литвяков).

«*Спивають и такои:*

Не бый нога об ногу,
Не сии борошна на дижу,

Ух, ух! Мене маты нехрещену вродыла,
На камени садыла».

(от А. Гетмановой, м. Снетина)

«*Пишлы дивчата на поле рвать квиток на Русальчын велыкдень. Прыйшла одна до балкы, колы плыгають диткы-манюни. А вона помахала на другу нышком. Як прыбигла та друга та в крык, та в голос, та давай тикать. Прыбиглы додому, заболилы и вмерлы*» (от Е. Павликовой, с. Литвяков).

«*Ишла жинка у село, колы выходять чотыры росалки, маленьки, у червоних сорочках, в лодони плещуть:*

Мене маты вродыла
Та в хрест не вводыла.

Узяла жинка соломыну и усих перехрестыла» (от Н. Кедевой, с. Литвяков).

Подобный случай передается в овернской сказке: «На рассвете дети в белом окружили проезжего и требовали у него крещения.

Из всего сказаного следует, что русалки, не имея в природе своей ничего стихийного и двойственного, составляют лишь разновидность мертвецов.

ЧЕРТИ

Первоначальное происхождение, дальнейшее размножение, наружность, превращения. Умственные способности, изобретения и договоры, жилища и собственность, охрана кладов. Разновидности чертей: домовые, лешие, водяные и огненные змеи

Хотя произнесение имени *чорта* считается неприличным в Малороссии и произносится крестьянами всегда с предварительным извинением, тем не менее как в печатных этнографических материалах, так и в устах народа у чорта очень много названий. Во-первых, его называют, между прочим, *сатана, бис, той, рябый*. Во-вторых, он известен еще под именами *сатанаила, сатанюка, идола, извира, фиона, ирода, змия, демона, дявола, дябела, чортяки, чорного, проклятого, лукавого, нечыстого, нечыстои сылы, несвидомого духа, куцого*. Первоначальное происхождение фантастического существа, известного под такими названиями, можно проследить в наше время, приняв в соображение следующие данные. У австралийских дикарей души умерших, лишенных погребения, обращаются в ингов — духов, похожих на людей, но с длинными острыми ушами и хвостами. По новозеландским понятиям, души умерших идут в леса, становятся злыми духами и вредят даже своим близким. Китайцы, индокитайцы и индийцы боятся душ непогребенных, прокаженных, чумных, умерших насильственною смертью и от родов. Бывали случаи самоубийств и убийств с целью мстить врагам по

смерти в качестве злого-духа. У классических народов также души, лишенные погребения, делались злыми духами — ларами. У малороссиян утопленники, тела которых не преданы земле, обращаются в водяных. В чертей же обращаются и дети, убитые матерями при рождении. Подобные факты дали основание утверждать специалистам, что тень умершего — первичный тип сверхъестественного существа — духи-души, генеалогия которых со временем утратилась, и что понятие о человеческой душе послужило типом, по которому складывались понятия и о прочих духовных существах.

Впоследствии размножение нечистых происходит трояким путем: захватом детей, браком с женщинами и между собой. Черти захватывают проклятых матерью детей; могут они хватать и не проклятых в виде вихря, как видно из следующего народного рассказа, записанного в с. Литвяках от Н. Кедевой. *«На поли жылы чоловик та жинка, а выхорь схватывсь, по долу котывся, як ухопыть дытыну — та вгору. Бижать ти люды, крычать: «Рятуйте, рятуйте! Выхор дытыну вхопыв». Давай воны пашнею махать навхрест. Нечыстый той як з пивверсты нис дытыну, потим ныже, ныже. Спустыв. У тыждень померло».*

Черти подменивают также детей на своих подкидышей *(одминкив)*, которыми признаются дети, страдающие английской болезнью. Лютер, признав мальчика в Дессау таким подкидышем, советовал его бросить в реку. В предупреждение подобных подменов почти повсеместно возле роженицы ставят горящую свечу. Что касается до сношений с женщинами, то черти являются к девицам в виде парней, между прочим и для того, чтобы жениться. В народном рассказе, записанном мною в Лубенском уезде, девка, только спотокнувшись и упавши, заметила, что жених ее чорт, и отказала ему.[13] Во многих народных рассказах Лубенского уезда чорт также является к неутешной вдове под видом покойного мужа. Например: *«Чоловик з жинкою жылы хороше, потим вин умер. Скучала вона за ным, каже: «Колы б же вин прыйшов до мене!» Наварыла вечерять и сила, та знову: «Колы б мени, Господы, Васыль прыйшов». Колы гука: —«Мария, одчыны!» Одчыныла вона,— колы Васыль. Посидалы воны вдвох вечерять. Буду я ж, каже, до тебе ходыть, буду й тишыть, и буду тебе любыть. Послалы постиль и полягалы спать. И вин до неи ходыв так, шо недиль до двох, и вона зробылась гладка,— так вин ии втишыв. Стала вона куми своий хвалытыся: «Кумо! До мене чоловик ходыть». Кума пыта: «Якый?» «Мий Васыль». «Э, ни, кумо, то не Васыль». «А шо ж воно таке?» «А ты з ным удвох вечеряеш?» «Вечеряю». «Навары вечерять и вриж ему скибку хлиба и соли, а ложкы не вмочай в страву. Та впусты ложку додолу пид стил и тоди побачыш, яки в его ногы». Зробыла вона так та як глянула, а в его ногы у вовни. Вона злякалась, а вин пыта: «Чого ты мене лякаешся? Тепер холодно, я грошей ниде не зароблю; то я полиз на хату, та узяв кожух, та пошыв соби кожушанни чоботы,— того в мене и ногы такы страшни тоби, а ты не бийся мене, стелы постиль та лягай спать зо мною. Так воны ту ничь переспалы. Вона наутро пишла до кумы опять, каже: «Эге, кумасю, правда ваша, бо, каже, ногы в вовни ще й хвист ззаду». А кума каже: «Тепер ты, кумо, вечерять не вары, а возьмы свое благословенье*[14]*, та як прыйде, то ты его перехрестыш та швыдко тикатымеш до мене. Прыйшов вин до неи, ще й сонце не зайшло. Вона й перехрестыла его своим благословением та й тикае прямо до кумы. Вин за нею в погонь. А кума вже одчыныла двери синешни и хатни. Вона мерщий в сины вскочила, а кума зачыныла двери»* (от крестьянки с. Литвяков Е. Пулькиной).

Подобные рассказы встречаются еще в сборниках Афанасьева, Иванова. Наши народные рассказы не дают никаких подробностей о связи дьяволов с женщинами, по согласным же показаниям ведьм всех стран Западной Европы, проявления нежности дьявола холодные, ледяные. Тем не менее от дьявола рождаются дети. Так, в 1743 г. в Киеве была убита бабами несчастная новорожденная девочка, как «бесище». Что в народе существует и представление о размножении чертей посредством браков в их среде, доказывается поверьями о том, что метель и вихорь — бесовские свадьбы, и о рождении чертенят, о принятии последних сельскою повитухою, получающею за то полотно, которое не убывает, покуда не будет развернут весь кусок; также многими вариантами сказки о чертовой матери, изображаемой обыкновенной малорусской *бабусей*, чуждой, как вообще вся женская половина, нечистой силы, каких бы то ни было демонических свойств. Вот как рисует, например, пятигорская, лубенского уезда, сказка *чортову матир*: когда женщина, посланная сыном к нечистой матери, вошла в хату, *там у горныци сыдила баба, хозяйка и спытала: «Зачим ты прыйшла?» Та поздоровкалась, дае ий гостынець, паляныцю и каже: «Послав мене сын до чортовои матери, так я й прыйшла»; хозяйка ии прыгостыла добре, як слидуе, и выпровадыла ии и дала булку»*. В литвяковской, Лубенского уезда, сказке свидание с нечистою матерью изображается почти так же. Посланный к ней *«пидийшов пид викно и каже: «Хозяйка! Пустить на ничь». Выйшла баба, одчыныла двери и каже: «Куды тебе Бог несе?» «Послав мене брат к нечыстий матери». Увийшов в хату, перехрестывсь. Баба каже: «Хай Бог помогае»*. Другого посланного *чортова маты* ласково называет *«сынку»* и дает ему хорошие советы. У немецкого чорта есть еще бабушка; о таковой малороссам ничего не известно. Черти не только рождаются и живут, но и умирают. Их едят волки, стреляют охотники, в том числе знаменитый Семен Палий[15] застрелил однажды чорта. Их убивает молния и сжигает солнце. Не одной только слабостью своей природы схож украинский чорт с древних пастушеских и сельским богом Паном, а и наружностью: рогами, козлиными ногами в шерсти, хвостом. Пальцы у чорта кривые. Эта наружность часто изменяется, смотря по

обстоятельствам, из прихоти и по необходимости. Часто является он в виде барашка, белого барашка, овцы, барана. У французских крестьян чорт также появляется белым ягненком, который может опрокинуть в воду подошедшего неосторожно, или черным, хромым. Сжалившись, крестьянин берет последнего на плечо и несет. Ягненок делается тяжелее и тяжелее, вдруг с хохотом объявляет, что он дьявол, и убегает *. Кроме того, чорт превращается еще в козленка и коня **, в каком виде представляли его и малорусские писатели Гоголь и Стороженко, а также в белую собаку, черного петуха, белого петуха, ворона.

Чорт превращается во всевозможные человеческие образы: грудного ребенка, как видно из следующего народного рассказа: *«Сыдила жинка з дытыною з вечора, а чоловик спав. Колы чуе, щось шумыть; гуде, мов йиде. Пидийихав та и гука: «Одчыны, молодыце!» А вона злякалась, впустыла дытыну з рук та й мовчыть, побилила. А воно за викном: «Одчыны нам хоч дытыну перепновыть». Колы це дытына за викном не своим гласом: «Кова, кова!» Молодыця тоди на чоловика:« Демыде, Демыде!» Схватывсь вин до викна, а воно як загуло, а дытына: «Кова, кова!»* (от крестьянки м. Снетина Харитины Олийныковой).

В народных же рассказах Лубенского уезда чорт часто является в виде мальчика с большими сверкающими глазами, также *«хлопця такого, як орап»*. В таком же виде встречается он в сборниках сказок Рудченка и Афанасьева. Часто встречается дьявол и в виде парня, ухаживающего за дивчатамы, напр., в следующих народных рассказах.

1. *«До однией дивкы четыри годы ходыв парубок. Потим вин пойихав на поле, а вона не знала, що вин пойихав. Выйшла вечером гулять и догуляла до пивночи. Нема женыха. Пишла у клуню спать. Лягла, лежыть и дума: чы прыйде, чы ни? Прыходыть, сило на полу, насиння луза из запилу.[16] Потим як поросне лушпыны, аж луна по клуни пишла. Вона говорыть: «Се ты?» Мовчыть. Лежыть вона ни жыва, ни мертва. Потим схватылося, в долони заплескало и хто й зна, де й дилось».*

2. *«Ходылы на досвиткы дивкы, и в однии женых був. Полягалы спать, не диждалы того женыха, и так, що вже вси поснулы. Прыходыть щось пид викно и стукае. Дивка почула, думала, що то ии женых, пишла одчынять. Дойшла до викна, колы стоить щось чорне выще викна. Вона дума: чы вин, чы не вин? Пишла, двери одчыныла и пустыла його. И думае: оце ж вин увийде у хату. Жде, жде — немае. Що ж се, думае, мов пид викном не вин стояв? Острах ии взяв, давай будыть дивчат: «Ходим шукать, що воно таке?»*

* Сравни также «Бежин Луг» Тургенева.

** По народному поверию, встречающемуся у Чубинского, лошадь — раз навсегда превратившийся чорт.

И передывылысь — и нема нічого» (от крестьянки м. Снетина Пелагеи Одокиенковой).

Прикидывается нечистый и соседом крестьянина, как в следующем рассказе. *«Покийный Савка йихав з ярмолку ниччю. Стрича його мужык и каже: «Здрастуйте! Пидвезить мене». Савци показуется, мов сусида: «Сидайте,— каже,— пидвезу». Сив той на виз. Так важко стало коняци везты, шо й не пидвезе. Прыйихалы додому; встав Савка, товариша нема — дився, хто й зна де. Шукае Савка, каже: я с товарышом йихав. «Да Бог с тобою, де той товарыш? — каже жинка.— Поклыкать товариша вечерять!» Шукалы, шукалы, не нашлы. Повечеряв Савка, лиг спать — на вози шось ныщыть, потим стогне. Иззыва вин посемейство — не чуть. Та мабуть, так из тыждень Савци було: все прысоглаша: сидайте коло мене, вечеряйте! А то забуваеться, бижыть. Пока не освятылы хаты; аж тоди нечыстый годи, одсахнувсь. Нечыстый подарыв Савци накожни»* (от. Н. Кедевой, с. Литвяков). В другом народном рассказе Лубенского уезда чорт в виде товарища крестьянина, шедшего жать очерет, завел того далеко в болото. Чорт, служащий работником у хозяев,— любимая тема народных рассказов. Здесь производит он чудеса: в одно мгновение скашивает целые поля пшеницы, перевозит и вымолачивает заразом скирды. В сказках Афанасьева он служит рабочим у горшечника. Он отслуживает у бедняка за похищенный последний кусок хлеба. Та же тема переработана Манжурой в сочинении «Як чорт шматочок хлиба одслужував». Она же введена в нравоучительную комедию графа Л. Н. Толстого «Первый винокур».

Иногда чорт появляется еще в сказках священником, панычом, паном, сходно с западноевропейскими представлениями — кавалером с огненным пером.

Таковы внешние особенности малорусского дьявола; качества же его ума представляются народному воображению в следующих чертах. В большинстве рассказов чорт изображается глупцом; его проводит наймит, бьет мирошник, бьет и обманывает баба. Чорт в состоянии отгадать, на чем едет крестьянин, въезжающий на поле верхом на жене. Чорт вообще подчиняется бабе. Она мучит, бьет, щипает чертей, стрижет, обварив голову кипятком, больно бреет. Сказки о недогадливости чорта известны в славянском, немецком фольклоре и у валлонов, где чорт получает при испольной работе на свою долю листья моркови, солому, как и в сказках Рудченка. На основании таких данных и малорусские писатели сделали невыгодное заключение об умственных способностях чертей: Иващенко говорит, что чорт вообще не очень страшен, является простаком и попадает в сети. Горленко также объясняет, что черти в малорусских сказках изображаются в виде куцых в комическом виде. Чубинский замечает, что чорт скорее комическое, чем грозное существо. Богданович в «Заметках о Полтавской губернии», называет

его шутом. Почти такого же мнения был и покойный Костомаров. Чорт — сомнительный изобретатель и техник. Его изобретения както не закончены. Он сделал воз, но не мог догадаться, как его вывезть из мастерской. Он же изобрел мельницу, но не мог ее достроить. В другом виде, впрочем, представляет последнее изобретение народный рассказ, записанный в с. Хитцах Лубенского уезда: *«Зробыв хозяин млын зовсим и молоть став, так тилькы сыдыть, и миркы жменею насыпа пид камень. Прыходыть до ёго чорт: «Здоров!» «Здоров». «Шо ты робыш?» «Мелю, насыпаю зерно». «Шо ты мени дасы, як я так зроблю, шо само зерно бигтыме?» «Шо ты схочеш?» «Я схочу, шо як насыпать у мирку, та шо розсыплется, то мое». «Ни, я так не обищаю, а то ты нарошне пидчепыш; а то, шо хазяин украде або мирошнык». И так вин зробыв ему киш и корычче, и стало падать зерно пид камин»* (от И. Нагорянского).

Этот рассказ вводит нас в мало разработанную народным воображением сферу договоров с дьяволом. Известно только, что условие заключается на перекрестке кровью из мизинца контрагента. Такой прием употреблялся обвиняемыми: Ильей Човпилой, «записавшимся кровью своею князю бесовскому и всем бесом на службу с душею и телом на тридесять лет», и Иваном Роботой, отступившим от Бога и предавшим себя демону. При всей краткости малорусских сведений о договоре с чертями, заметно, однако, что здесь дьявол представляется далеко не тем блестящим юристом, знатоком теории договоров ... каким он является на Западе. Напротив, у нас юридические способности дьявола признаются посредственными, что видно, между прочим, из грациозного рассказа, записанного от Н. Кедевой, с. Литвяков.

«Жыве чоловик бидненько, надумав: пиду десь грошей чы не розжывусь. Иде лисом, а проты ёго дид: «Здоров, чоловиче!» —«Здоров».—«Куды ты идеш?» «Пиду, чы не дасть хто грошей».—«Еге! Иды й я дам. В тебе жинка хороша?» «Хороша». «И диты йе?» «Йе». Я тоби дам грошей, а ты ж мени дасы матир из дитьмы?» «Оддам». «У вивторок прыйдеш за гришмы». Пишов той чоловик у вивторок за гришмы. Выходыть до ёго ирод: «Ну, иды,— каже,— мишок наставляй». Узяв насыпав: «Ну,— каже,— несы; а я прыйду до тебе у середу ввечери за матирью и за дитьмы». Чоловик прынис грошы додому и не хвалыться жинци, що буде. Просяться до ёго у середу два старци на нич. Вин и каже: «Я б пустыв вас, люды добри, так не пущу.» «Чому не пустыш?» «Я так бидно жыв и ходыв грошей шукать, та дав мени ирод, а я пообищав матир з дитьмы оддать, так сёгодня прыйде увечери». Старци кажуть: «Ничого, хоть и прыйде, мы не боимось». Колы се, так як часив у дванадцять, иде и пид викно каже: «Здоров був, одын!» А старець и каже: «Удвох добре говорыть, а втрех молотыть, а четверо колис — то буде виз, а пьятого колеса не треба до воза»,— а тоди чоловикови: «Йе в тебе квочка з курчатамы? Возьмы вловы та выкынь ёму». Чоловик той узяв уловыв и выкынув ему квочку — матирь з дитьмы. А ирод и зговорыв: «Ну, щастя твое, шо так изробыв: и деньгы пожыв, и жинка дома зосталась».

Более изобретательности обнаруживает дьявол в распространении зла, как видно из следующих устных и печатных источников: чорт, научив человека музыке, при этом калечит его; крадет деньги у скупца, который вешается; сжигает пасечника в курене; отуманивает человека так, что тот режет жену вместо овцы. Черти, явясь на досвитки под видом парней, отрезывают головы девушкам и вешают за косы на колья.

Особенно замысловата сказка, записанная в с. Хитцах от И. Нагорянского: *«Був бидный парень и зачав свататься. Не посватавсь; иде дорогою, зострича его нечыстый дух: «де ты був?» — пытае. «Свататься ходыв, и давно сватаюсь и нияк не посватаюсь через то, що я бидный, нема у мене ничого». Нечыстый каже: «Я тоби совит дам, тилькы послухай мене. Пиды ты в город и наймы соби хату, и до тебе щоб нихто не ходыв, опрочи я ходытыму; и сим год не стрыжысь, сим год не вмывайся, сим год нихти не зризуй, а я буду до тебе ходыть, деньгы износыть. И зажывеш соби грошей много. Будеш ты людей рятувать тимы гришмы — позычать. Прыйде до тебе генерал позычать гроши по несчастью, що вин вызычыв з казны денег и казна ёго хоче цинувать, и ты ему зговорыш: вызычыть-вызычу, а ты мени дочку оддаш замиж. А в генерала тры дочкы, и вин скаже: не могу так, треба распытаться дочкы. Так и було, як казав нечыстый. Пишов генерал, спытав старшои дочкы: желаеш замиж за такого то выйты? «Не хочу!» Сейчас голову долой! Середульша сказала: «Я пиду, хоч вин некрасывый, я вас пожалию». Пишов генерал, говорыть: «Оддам дочку, тилько не старшу; середульша охотыться. «Для мене, все ривно, хоч и найменьшу»,— каже парень. И вызычив грошей. «Ну, голубчык,— каже генерал,— прыбувай, когда ты схочеш, оддам дочку». Явывся до того парня чорт: «Ну, тепер я тоби дам друге наставление: иды до цюрюльныка, хай тоби бороду побрые, хай тоби волоса подстрыже, хай нихти позризуе. Пиды у лавкы и купы соби саму найдорогшу одежу и надинь на себе усе убрання». Прыбрався вин, тоди пишов до генерала дочкы сватать, и на середульший батько благословыв винчаться. И тоди уже старша из своеи досады пишла та повисылася. Прыходять воны з винчання, и нихто не бачыв, а молодому ввыдився той самый, що наставление давав. «Наставыв,— каже,— тебе хазяином и хорошу жену тоби дав, а соби другую узяв, старшую дочку генеральську. И с тим розийдимося!»*

Чертям приписывается изобретение водки и табака.

Местная легенда передает следующее о происхождении табака: *«Нечыстый хоть кого искушае, и в церкви, як служение йде, так и вин йе. Вин тилькы тоди выходыть, як херувым поють. Батюшкы сказалы почавишувать на всих викнах во имя Господне, шоб вин не*

мог никуды выскочыть из Божого храма. Так вин, як сталы херувым спивать, хотив выскочыть, так не мог. До дверей прыбиг — не можна, у викно плыгнув — упав, заревив и убывсь. «Хай лежыть,— кажуть батюшкы,— покы служение отойде». Тоди ёго взялы, вынеслы и думают: що ему робыть, закопать? Спалыть ёго, щоб не було ёго й памяты. Насходылысь туды паны дывыться. Спалылы ёго, и нема з ёго попелу, а тилькы, де вин перегорив, симена сталы. Паны радяться: що ж воно за симена? Одын помищык забрав и посияв дома, щоб подывытысь, що буде из тих сименов. Выоралы велыку грядку таку, засеменылы, посиялы. Поросла трава, изийшлысь паны уси до миста, дывляться — поросла якась травка, а хто ёго зна, к чому вона прыходытся? Ось йиде чужый пан до йих: «Здрастуйте, господа, шо вы тут ходыте?» «Удывляемось, шо вона за травка». «Вона очень хороша, людям пользуе. Ии курыть кажному чоловику хороше, робыться полегкисть». Россказав той чужый пан, що коло табаку робыть, як и пасынкувать.[17]*. И тоди попрощавсь и каже своему кучерови: «Не журысь, брате, наша фамылия не пропала, не пишла нивощо, скризь будуть потреблять». То був нечыстый»* (от казачки с. Литвяков Д. Бугаевой). По другому местному рассказу, черти отвлекают шедшего в церковь крестьянина в лес и здесь дарят ему трубку и научают курить. Чорт поднес также табак пустыннику; захватил и унес дитя, понюхавшее табак. Чорт развел и сорные травы: осот, папоротник, кукиль и др.

Излюбленными жилищами чертей, кроме ада, признаются: болото, камыш, бузинный куст, сухая верба, вода, входя в которую, приговаривают: *«Чорток, чорток, не ламай кисток, ты з воды, а я в воду»*. Здесь он, однако, не может находиться постоянно. *«Як на голодный Свят-вечир*[18] *на Иордани*[19] *святять воду, чорты выходять из воды. Маты казалы, щоб ни валу, ни ганчирок, ничого не було тоди на двори. Кажуть, нибыто вин ховаеться у вал або в ганчирку»* (от крестьянки с. Литвяков Е. Павликовой). Лубенская веснянка также признает болото жилищем дьявола: *«А сей буде у болоти меж чортамы старшый»*. Чорт пребывает еще в глубоких оврагах, корчмах, сараях, пустых полуразрушенных зданиях, мельницах. По лубенскому поверью, *«на всякому млыни йе чорт. Витер маленькый и вси млыны стоять, а одын росходыться так, шо ничого не можна зробыть. И крыло одибье, и пальци повыбывае, покы чорт не награеться»* (от И. Нагорянского, с. Хитцов). Кроме таких излюбленных жилищ, черти удерживают еще иногда право собственности над известными местами, как видно из следующих рассказов, записанных от казачек с. Литвяков Дарии и Лукерии Бугаевых.

«Старый орав по весни писля Велыкодня, а я з дытыною дома була да зовыця. Богу помолылысь, викна похрестылы и полягалы. Лежымо, я поколыхую дытыну в колысочци ногою, колы як загурчыть на хати двичи, так просто так, як що возом пройихало, а на полу и глына од стели поодпадала... и не чуть. Колы слухаем — у хижи стука, мов майструе сокырою. Та дивчына лежыть та каже: «Що нам тепер робыть: чы тикать, чы крычать?» Бильш часа мы лежалы, а воно майструе. Трошки одийшлы, повставалы, посидалы, ну тикать у двери — що Бог дасть! Колы воно як трисне у двери, я думала, що смерть; а мы за дытыну, та на пил у викно. Выскочыла попереду дивчына у викно, подала я ий дытыну, колы як упаде горщык из полыци додолу, и мы упять полякалысь, там и попадалы биля викна. Господы, се злодий, нам хоть бы з душамы утекты! Побиглы у сарайчык, там угори покладени дошкы, изсадыла я туды дивчыну и дытыну подала, а сама не злизу — высоко. Выйшла з сарайчыка, подывлюся пиду, що воны забралы. Не можна до хаты дийты — страшно. «Сыды ж ты, Марье, а я буду тикать». Утекла до дядыны, через тыны плыгала, гукаю: «Дядынко, одчынить!» Вона одчыныла, помитыла, пыта: «Чого ты, Бог з тобою? Иды в хату». Увийшла я в хату, засунула дядына двери, засвитыла. Стала я розсказувать. «Боюсь,— каже дядына»,— и я». Сыдила я часив два. «Ходим, обдывымось». Финарь засвитылы. Обийшлы кругом хату, нема ниде ничого. Одсунулы двери, вийшлы в сины, драбына в синях стояла. Колы воно взяло драбыну ту, поставыло пид двери пид шпугу[20] *и пидперло так, шо нема средства вырвать драбыны: так поставыло мицно. Очепылысь утрех, не вырвем. Сказалы батьку, а вин и каже: «То вас лякав домовык». А дядына и каже: «Накады ладоном у хати».*

«Половына нашои старои хаты була не на хорошому мисти. Було як не скинь колыскы додолу, то вона по всий хати гайдаса, а то на хати щось гуркоче, двери пидпира драбыною. Маты сталы казать, шоб нову строилы хату, бо не можна жыть: бояться. Батько выстроилы другу хату, и перешлы жыть, а ту стару наняв чоловик. От лиг вин на печи спать, колы на полу танцюють и грають. Дывыться — люды, тилько чорни и хвосты ззаду. Одни танцюють, а други грають. На другу нич чоловик той лиг на полу. Пишов вин на двир; иде з-на-двору, не найде дверей — усе вовна. Пидняв руки угору, не найшов стины, а лапнув за пыку, за страшну, бородату. Так воно кынуло того чоловика об землю, выбыло руку и ногу». Для избежания подобных столкновений везде в Малороссии при выборе места под избу насыпают рожь в четырех углах предположенной постройки, и если рожь тронута, лучше не строиться: *«будуть чорты товктысь»*. Изредка, впрочем, удается крестьянину и уживаться с чортом в одной хате.

Черти, по народным поверьям, владеют не только обозначенными частями земной поверхности, но и ее недрами, где оберегают заклятые клады.

Близкая связь чертей с кладами видна между прочим из того факта, что как те, так и другие превращаются в одинаковых животных. Так, в народных рассказах Лубенского уезда клад открылся запряженным экипажем, *«кони ротамы зивалы, гралы»*, а в ночь под

Рождество вороной конь переходил дорогу детям, шедшим в церковь. То же и в двух следующих снетинских преданиях: 1) *«У Снитына на Велыкдень ишов чоловик и бачыв лёх угори одчыненный, и свитло горыть, и у лёху билый кинь стоить коло дверей. Пиднявсь витер, щось хряп, хряп — и все засунулось згоры, не знать и дверей. И тепер за горою есть мов ривець»* (от Н. Ивахненка). 2) *«У Снитыни одкрывався лёх. У тому лёху був дид, сывый кинь и собака. Туды ходылы с процесиею, так не вийдуть: свичи тухлы»*. Клад в виде коня встречается и в печатных источниках: у Иванова, Гринченка, Арендаренка. Затем клад появляется в виде быка, белого барана, козла, козы, свиньи, собаки, кошки, петуха и курицы (у них же). Клад часто появляется и в виде старика — у белорусов белуна, живущего во ржи. Кто утрет ему нос, получает золото из торбы.

В народную демонологию входят также домовые, лешие, водяные и огненные змеи. О первых в средине Малороссии не сохранилось никаких поверий, за исключением только того, что домовой показывается в Страстной четверг на чердаке. В Харьковской же губернии домовой бывает видимым еще под Рождество, Новый год, Светлый праздник, иногда и в другое время. Появляется он то человеком в шерсти или стариком, то бараном, собакой, козлом. Характер домового двойствен: в глуши он хранит еще черты предка — принимает участие в делах и работе хозяина, дает ему советы, хранит обычаи и благопристойность, не позволяет, напр., женщинам спать нагими, обрывает волосы женщинам, ходящим с непокрытой головой, но не входит в связь с ними. В других случаях домовой ничем не отличается от дьявола. В сборнике Манжуры домовой любезничает на чердаке с бабой и лазит в окно к дивчине под видом парня. Затем и поверья о лешем в Малороссии не могли достичь того развития, что на севере, уже по недостатку леса. Здесь он сохраняет еще иногда наружные признаки сильвана и сатира, но большею частью ничем не отличается от обыкновенного дьявола, превращаясь в тех же животных и занимаясь тем же: кражей новорожденных и проклятых детей, покупкой душ, похищением женщин и связью с ними. В Малороссии сбившийся с дороги путник верит, что над ним шутил леший. Водяной также признается в настоящее время обыкновенным демоном, живущим в воде. Чаще всего он превращается в рыбу и человека, хотя может появляться по временам и теми же животными, что и другие черти. В народных рассказах Иванова водяного вытягивают из воды на крючках. В народном же рассказе Лубенского уезда водяной, пойманный сетью, ударил по лицу рыбака хвостом и убежал потом из хаты с большим шумом. Водяной, превратившись в человека, сначала мирно беседует с рыбаком, курит трубку, потом вдруг опрокидывает и выбрасывает на берег челнок, пытаясь утопить собеседника. В рассказах Иванова

водяной также опрокидывает лодки, портит мельницы и рвет плотины.

Повсеместно в Малороссии сохранились еще воспоминания о жертвах водяным. В Харьковской губернии для умилостивления водяных им подносят соль, хлеб, вареную рыбу, павших лошадей и мертворожденных детей. Пчеловоды для успеха пасеки топили первый рой в жертву водяному или домовому. По снетинскому поверью, *«як водяни чорты гребли рвуть, то воны сердються, що нема им прыходу ниякого, так треба им коня вкынуты в воду в зброи, або хоч и из возом»* (от К. Приходькиной).

О жертвах же говорят и следующие рассказы Лубенского уезда. *«Був соби чоловик и в ёго була дивка. Йиздыв рыбы ловыть, и хто не пойиде — нема, а в ёго повен човен. Ну, до того дийшлося, що явылыся нечысти ёму на лыцо и кажуть: «Ты не сам ловыш, а мы тоби наганяем. Шо ты нам за те дасы?» А вин каже: «Шо ж я вам дам, як у мене ничого нема?» И вин саме насеред ямы. Воны кажуть: «Як ты нам ничого не обищаеш, мы тебе утопым». Так вин сказав: «Есть у мене дочка Марына, берить ии». Ось прыйихав додому и хвалыться. Баба каже: «Хай тебе самого возьмуть, як Марыну оддавать!» Через время пойихав вин з Марыною по дрова. Ось йидуть з дровамы, вин сив на саны наверх дров. И де взялося тры квака*[21] и кажуть: «Ты нам пообищав Марыну, а баба твоя не повелила». Ось покы прывезла додому та дивка, а ёго й духу нема» (от Г. Нагорянского, с. Хитцов).

«Найшла маты соби дытыну, и стало воно плакать, а маты каже: «шоб тебе чорты взялы!» Стала та дивчына росты. Росте, росте, як з воды иде. И стала вже дивка така, шо сталы люды сватать. Посваталы ии люды, и то вже таке до винця иты. Пишлы воны; идуть од винця и сталы через греблю иты, и молода в жовтых чоботях. И вмазала молода чобит, каже: «Тепер же вы идить помаленьку, а я чобит обмыю». Вона тилькы стала чобит обмывать, взяла в воду упала. Тут зробылы крык, шо втопылась молода. Сталы люды ии шукать, вытягать. Потим ии не нашлы. А той молодый оставсь вдовцем. Так ии почалы помынать, шо вона умерша. И так може й год, може й два не було звисткы ниякои. Потим у сусиды найшлася дытына у жинкы. Прыйшов вин просыть тии молодои маты: «Ходим, бабусю, до нас». Вона пишла, побула, свое дило зробыла, вернулась додому и лягла спаты. Колы шось пид викно стука и гука: «Бабусю, одчыныть! Ходимте до нас». «Я у вас вже була». «Ходим, пожалуста, ще». Вона вбралась, пишла. Вин ии вив, вив, узяв та вкынув у воду. Колы там у води такый дом хороший и дочка ии ридна, та, що втопылась, там сыдыть, каже: «Спасыби вам, мамусю, шо прыйшлы до мене, одвидалы». Побувала стара у своий дочкы, потим пыта: «Колы ж вы мене, диты, одведете додому?» А вин каже: «Колы прывив, тоди й одведу». Диждалы вечора, вин ии взяв и понис додому. «Ну,— каже стара,— прыходь-

те, прошу покорно, и до мене в гости». «Спасыби, що клычете, прыйдем». Диждалы великодних свят, посходылыся до матери уси тры дочкы и уси тры зяти. Гостювалы воны вдень як слидуе буть, а то вже вечир, и допылыся воны до того, що той нечыстый пишов поверх столу танцювать. А ти старши сестры зробылы з соломыны хрестык та ёму ззаду встромылы за комир. Так вин там так и лопнув. Ёго молода плаче: «Нащо вы мене осыротылы? Тепер же мени ни до вас, ни до их. Лучче б мене не клыкалы» (от крестьянки с. Литвяков Е. Пулькиной).

В Малороссии сохранилось гораздо более поверий и рассказов об огненных змеях, чем о других фантастических существах, кроме, конечно, чертей, что объясняется постоянной поддержкой этих поверий световыми явлениями, о которых очевидцы передают следующее. *«Я ще дивкою бачыла змия. Идемо з подругамы з улыци додому, то вин летыть з-за Сулы, такый, мов жменя конопель»* (Литвяки). *«Летив вин, як вязка соломы, я упала ныць»* (Пески). *«Я на вику чотыры раза бачыв змия: первый раз стояло нас на юлыци шисть парубкив. Колы, де й вин узявсь, летив клубком и обсыпав нас искрамы. Полетив на провалля. Другый раз ишов я сам на юлыци, спиваю. Вин мов з Чумакова двора на Марьин сад полетив. Летив нызько, такый, як мих ковальский. Третий раз нас двое и дви дивчат гулялы. Летив вин высоко з Якымовои левады. Род днища, роспарусывсь, и искры мали. Четвертый раз я волы пас. Летив вин тоди найвыще з Снитына на Стинку. Мов угору та вныз, як горобець»* (Снетин). *«Бачыв змия; як сорока, и стать, як сорока. Нос довгый. Искрыть дуже наперед и назад. Зайшов за хмару»* (Лазирки). *«Двичи бачыла змия: голова — клубок, а дали мотовыло. Згынается, як гадына. Нызько летив, искрыв»* (Пятигорцы). *«Летило таке, як заступ. Упало, мов дижа»* (Войниха). *«Сыдила я на поли, и поз мене загуло, неначе човен, так як сонце зийшло. Вин не вглядив»* (Пески). *«Дивкою двичи бачыла змия. Голова велыка, як дижа. Довге, страшне, сидало на выгони»* (Литвяки). *«Змий летив такый, як коромысло, и вгору и вныз огонь розсыпа, сажня чотыри вышыны, и полетив вдовж села. Пид жывотом мов червоне, крыламы маше, огонь сыпле»* (Хитцы). *«Летыть коромысло довге, род чоловика, пыкы не выдно, так и осяе»* (Хитцы). *«Летыть, так и осяе оселю. Довгый, так як чоловик, роспарусытся, так з ёго огонь и креще»* (Литвяки). *«Посидалы мы на юлыци, колы змий летыть та аж прызираетсяи. Бильш аршына удовш. Парусы таки, мов у коня хвист»* (Снетин.). *«Йихав я у Снитын на Мызиновку. Змий сив на ярмо. Голова и все у ёго аж осияло, булы миста по ёму и чорни. Быкы*

---

* Настоящая утопленница, став женой водяного, не приобретает никаких демонических свойств русалки и русалкою народом не признается и не называется.

жахнулысь, бигты, я вдержав их, перехрестывсь, а вин знявсь и полетив» (Литвяки).

Такие и подобные указания давно уже дали основание науке предположить, что в огненном змее олицетворяются народом блуждающие огни, воздушные метеоры, падающие звезды и молния. Огненный змей представляется идущей девушке, изредка молодице, каким-нибудь ярким, заманчивым или ценным предметом, лежащим на дороге: иголкой, мотком красной заполочи, лентой, кораллами, шелковым платком, красным женским поясом, червоной запаской, серебряными или золотыми перстнями, червонцами, весьма редко рыбкой, как в следующем поэтическом рассказе, записанном от казачки с. Литвяков Д. Бугаевой.

«Заспивав вечиришний пивень, а дивци здалось, що вже досвичаный. Схопылась вона, убралась: «Пиду вже я, мамо». Маты спыня: «Не иды, бо ще рано.» «Проведить мене хоть тришечкы; я пиду у строк». Маты ии вывела з улечкы: «Иды, дочко, не бийся, тилькы хрестысь». Вона соби иде, иде; увийшла так як верст дви, колы це перед нею як и посыплются зори, так ии стане аж у вичи жовто, не выдко куды йты. Вона злякалась; пидийшла так из гоны, колы лежыть плитка серебряна, велыка, побильше ложкы. Стане дивка переходыть колию, то й плитка перескочыть и впаде. То дивка та перейде впять у ту колию, и плитка впять перескоче и ляпне. А дивка вже так излякалась, сама соби каже: «Господы мылостывый! Мени маты казала — хрестысь, а я й забулась». Стала хреститься. Так вин тоди огнем як заискрывсь. Як заступ зробывсь из тии плиткы, рванув бурею, каже: «Догадлыва!» А вона впала и лежала досвита; прыйшла утром, уже робочи снидалы. Лежала тыждень, схвачувалась. Вылывалы переполох: вылывалась така рыба из парусамы, як вин пидкыдавсь та искрыв перед нею».

Девушка взявшая предмет, в который превращался змей, должна ожидать ночью посещения последнего. Афанасьев таким образом рисует это посещение: змей, пролетев по небу пламенной полосой, рассыпается искрами над знакомой избой и через трубу является к девице или одинокой молодице неотразимым красавцем. После него девица сохнет. Новосельский даже называет змея «plugawy zwodziciel kobiet».[22] Но, занимаясь почти исключительно преследованием женщин, змей не вступает с ними в связь, а только кохается и сосет у них грудь. Отделаться от него трудно. В одной из сказок, собранных Манжурой, муж взял крылья змея, летавшего к жене, но средство это опасное; по устному рассказу, в подобном случае змей, принужденный бежать, зажег избу. Даже испытанный способ возбудить отвращение в змее не всегда спасителен, как видно из следующих народных рассказов.

«Йшла дивка з ярмарку, платок лежыть червоный шовковый поперек дорогы. Дивка зрадила, вхопыла в пазуху, не перехрестыла з радосты. Прынесла додому та в скрыню положыла, а ввечери

прыйшла маты, дивка та й здумала: покажу я матери ту найду, шо найшла. Одчыныла скрыню, колы лежыть паныч на всю скрыню. А вона тоди дума: «Чы мени сказать, чы мовчать? Покыну я скрыню то вин пиде». И мовчыть до вечора. Ввечери посыдилы, полягалы спать. Так як опивночи иде той паныч до неи и ляга коло неи. Дивка пыта: «Що ты таке?» «Паныч». «Чого ж ты ноччю ходыш?» «Я тебе люблю и буду я до тебе ходыть и багато грошей дам». Бере ливу грудь и ссе. И так вин долежыть, покы ему треба, и пиде. Нихто его не чуе. Подывылась вона вдень у скрыню — нема. «Ну, може вин вже й не буде ходыть». Мовчыть, никому не каже. На другый вечир упять вин иде. Вона ему каже: «Чого такы ты до мене ходыш? Хыба панычеви просту любыть?» «Я тоби цилый мишок грошей прынесу». Мовчыть вона — ничого. Ляга вин, бере ливу грудь и ссе. Два мисяця ходыв и прынис ий мишок грошей и поставыв у скрыню. Ии маты пыта: «Чого ты така жовта стала?» Вона й дума: чы мени матери прызнаться, чы ни? «Кажы, прызнавайсь, чого ты жовта, ты чымсь больна?» «Ни, мамуся, я ничым не больна, а до мене паныч ходыть». «Шо вин тоби робыть?» «Груды ссе, мамо». Узяла маты прыдавыла ий груды, колы кров. «А, дочко, вин кров твою ссе. Я вже догадалась, шо се за паныч до тебе ходыть. Чом ты давно не кажеш?» «А що ж ёму тепер, мамо, зробыть?» «Якось прыдумаем, щось робыть. Возьмы, дочко, наробы кукол велыкых багато, повбирай у плахты, платкамы позавьязуй и поставляй их по лавах и на викнах посажай, и на столы настав пляшок, чарок и хлиба наклады, в печи пидпалы; сядь на порози, двери одчыны и чешысь, а в пелену насып симья — и косу чешы, и симья йиж. Як прылетыть вин и буде тебе пытать, то ты скажеш, шо в хати весилля, шо ты замиж идеш, а як спыта: шо йисы? скажеш: нужу. Так та дивка зробыла. Ось вин бижыть: «Здрастуй! Шо в тебе в хати?» «Весилля». «Оце й ты чешешся?» «Эге». «А йисы що?» «Нужу». «Хиба ж такы можна нужу йисты?» «А хиба можно сатани до хрыстиянына ходыть?» Так вин бурею пишов и крышу зирвав, и бильш ёго не було» (от Д. Бугаевой).

«Ишлы дивкы на велыкодних праздниках, и одна наглядила срибный перстень на дорози и сховала его у пазуху. Прыйшла додому, стала шукать у пазуси — нема. Вечором прылита до неи змий, вона й говорыть: «Чого ты до мене? Я зовсим не знаю, шо ты таке». А вин одвича: «А як ты мене знайшла, зрадила и прыголубыла». «Я найшла не тебе, а перстень». «Ни, то був я». Нияк вона од его не одкараскалась, став вин до неи литать; начав ии грудь ссать, и вона писля того похудла и така зробылась, шо неспособна по свиту ходыть. Ии парубок став говорыть: «Чого ты така худа стала?» «Найшла, лыхо, перстень, а то не перстень, то я найшла соби змия». «Сядь ты коло викна, як мисящно буде, и чешы соби волос, а у пелену симья насып и йиж». Ось змий прылита до неи; як побачыв, шо вона нужу йисть, як здвынувся, осмалыв ий волос и сказав: «Ты не моя, а я не твий» (от крестьянина с. Хитцов И. Нагорянского).

«Жылы чоловик та жинка, и в их була дивка красыва. Та й иде вона до воды из видрамы, колы лежыть намысто справжне, вона взяла ёго й не перехрестыла. Ночуе вона надвори в клуни, колы летыть таке, як коромысло, та й спустылося. Вона дывытся у дирочку, колы воно спустылося, мов зиркы скакають. Перекынувсь, став такый красывый пан; як струснув за двери, так воны й одчынылысь. Вин до неи та й давай груды ссать. Та все до неи лита та доссав, шо вона вже, як соломына, стала жовта. Сталы батько й маты казать: «Шо ий таке?» Вона не прызнается. А то стала в хати спать, а вин прылетыть та вверх, та все кров ссе. И прысовитувалы люды: наберы симья у черепочкы и на тим плечи постав черепочок, и на тим. И роспусты свои волоса и чешысь и йиж симья. Ну, вона так и зробыла. Прылетив змий, перекынувсь паном, каже: «Шо ты робыш?» «Чешуся». «А йисы шо?» «Нужу». «Хыба ж такы хрыстиянська вира нужу йисть?» «Хыба ж такы нечыста сыла хрыстиянську кров пье?» Так вин перекынувся та крыламы як ударыв ии, так вона злякалась та й умерла» (от Х. Олийныковой, м. Снетина).

Приведенные данные о чертях и их разновидностях приводят к убеждению, что в основании всех демонических существ, созданных народной фантазией, заключается человек с его инстинктами, страстями и деятельностью. Главная особенность этих существ — способность к превращениям — доступна также и людям: ведьмам и вовкулакам.

Друкується за: Киев. Старина. 1899. № 8, 9.

* П. В. ИВАНОВ *

Народные рассказы о ведьмах и упырях

Предлагаемые рассказы о ведьмах и упырях получены нами разновременно в течение последних 14 лет большею частию от учителей и учительниц сельских училищ Купянского уезда, за исключением немногих рассказов, записанных нами и другими лицами в городе Купянске.

В изложении и в правописании мы строго держались рукописей и только относительно пунктуации и изображения двугласного звука *йи* позволили себе внести некоторое однообразие. Так, в начале слов

и слогов вместо слога *йи* употребляется *и* с соединенными острым и кратким знаками вверху над ним везде, где звук *и* должен произноситься так, как он обыкновенно произносится в словах: *их, мои*, напр., *йсты, зайхаты.* Живой народный язык в своих говорах не вмещается в принятые грамматические формы. В нем сохранились следы церковного языка; город и школа, соседство и сожительство великороссов, суд и отхожие промыслы, новые условия гражданственности вообще — обогатили его и новыми понятиями, и новыми словами, но вместе с тем внесли в него новые элементы, так сказать, брожения. Поэтому, исключив даже индивидуальные особенности рассказчиков, мы все же найдем в местных говорах признаки всех сказанных влияний, сообщающих языку рассказчиков неустойчивость в звуковом и в формальном отношениях. Чем и объясняется встречаемое в наших рассказах колебание звукового состава слов и их флексий.

Из приведенных ниже рассказов выходит, что, по мнению местных крестьян-малороссов, существует два вида ведьм, имеющих своих представителей между мужчинами и женщинами: ведьмы и ведьмачи прирожденные и ведьмы и ведьмачи ученые. Первым таинственная сила ведовства дается от природы, вторые приобретают ее или от первых путем учения, или получают ее от чертей взамен своей души. Первые в своих отношениях к обыкновенным людям проявляют некоторые черты доброжелательства, помогая одним в болезнях или защищая других от злокозненных нападений своих злобных сестер — ученых ведьм. По такому характеру деятельности прирожденных ведьм и ведьмачей часто смешивают со знахарками и знахарями, от которых они, однако, существенно отличаются способностию к превращениям, каковой способности ни знахарки, ни знахари не имеют. Притом природные ведьмачи *(ведьмуны, ведьмаки)* являются начальниками всех ведьм и ведьмачей ученых своего околотка и называются упырями *(опырякaми)*. Хотя, впрочем, последнее название чаще относят к блуждающим по ночам мертвецам, но при ближайших распросах оказывается, что эти мертвецы-кровопийцы большею частию были при жизни ведьмачами или по крайней мере большими грешниками, находились в сношениях с чертями. Ученые ведьмы и ведьмачи зловреднее природных; на их-то счет и должно быть отнесено большинство сказаний о разного рода кознях и напастях, причиняемых ведьмами сельскому люду.

Чудесная способность к превращениям, ночные полеты, уменье, как говорит народ, морочить, отводить глáза, страшный дар господства над самой природой, отдающий в распоряжение ведьм и ведьмачей грозу, дождь, град, бурю и засуху,— качества эти ставят ведьм и ведьмачей в глазах народа в один ряд с колдуньями и волшебницами, колдунами и волшебниками, так что по нашим рассказам нельзя указать каких-либо постоянных отличительных между ними признаков. Наконец, посмертная деятельность, оставле-

ние могил для ночных посещений жилищ и нападения на живых людей, преимущественно же на детей, с целью высасывания из них крови, пожирания или умерщвления их представляет ведьм-упырей близко родственными по деятельности, почти тождественными с разными кровожадными существами — олицетворением смертоносной язвы или просто смерти.

Таким образом, широкий размах народной фантазии захватил в представлении о природных и ученых ведьмах и ведьмачах оба великие начала жизни: начало добра и начало зла в их вечно длящейся борьбе, и олицетворяет идеи дуализма [1] в исстари излюбленных образах, умея и в скромной обстановке сельского быта отыскать следы их борьбы. Причем хотя светлое начало обрисовывается слабее и бледнее, чем противоположное ему темное, выступающее обыкновенно резче и ярче, однако и в этих дико звучащих для современного слуха отголосках старинных верований мы находим в основе вечную идеальную правду: торжество света над тьмою везде, где рассказ не ограничивается сообщением одного какого-либо эпизода борьбы, а передает весь ее ход.

Для правильности суждения о выступающем в сообщаемых здесь рассказах мировоззрении народа следует не упускать из виду сложности жизненных условий, при кажущейся простоте их, и помнить о том, что на образование у народа определенного взгляда на известные реальные или фантастические явления, кроме традиционных поверий, оказывают свое превалирующее влияние и современные религиозные представления, в чем кажущаяся иногда двойственность взгляда и находит себе объяснение.

Наметив в общих чертах характер ведьм и ведьмачей-упырей по данным из предлагаемых рассказов, мы решаемся прибавить еще несколько слов для указания, на основании тех же данных, условий, поддерживающих, по нашему мнению, существование этих сказаний, при заметном уже скептическом отношении части теперешней крестьянской молодежи к старинным поверьям вообще и, в частности, к рассказам о ведьмах. Но спешим оговориться, что главная цель нашего труда заключается не в исследовании сложных вопросов о ведовстве и не в подробном изучении материала, представляемого настоящими рассказами, а в сохранении последнего и отчасти в простой группировке его для облегчения работы над ним тому, кто пожелал бы воспользоваться этим материалом для научных обобщений.

Большинство наших рассказов передает случаи из жизни ведьм, упоминая лишь иногда о том, что и ведьмачи-упыри делают или способны делать то же, что и ведьмы. Так, между многими десятками рассказов о явлениях ведьм в разных видах находится всего один рассказ о посещении крестьянского пира ведьмачем-упырем в виде мотылька (см. хут. Егоровка). Затем, повествуя о похождениях ведьм, рассказы останавливаются преимущественно на вредной

деятельности ведьм ученых, отмечая лишь, что прирожденные ведьмы являются часто в роли учительниц, но что, несмотря на свои большие знания и свою большую опытность, ведьмы-учительницы меньше причиняют людям зла, чем их вольные ученицы. Сверх того, из тех же рассказов видно, что прирожденные ведьмы сделанное ими самими или учеными ведьмами зло спешат, при первой о том просьбе, исправить. Мало того: там же мы находим, что природные ведьмы пугают крестьянскую молодежь иногда даже с благою целью удержать ее от предосудительных поступков и неприличного поведения. Так, напр., старики-крестьяне восстают против гульбищ молодежи под праздники, и ведьмы разделяют, по-видимому, этот взгляд стариков, потому что ведьмы, как уверяют старухи, пугают собравшихся под праздник на улицу парубков и дивчат, чтобы они не нарушали своими песнями и весельем тишины, приличествующей святости наступающего праздника. Хотя такое строгое отношение ведьм к нарушителям церковных уставов и идет, казалось бы, вразрез с их собственным поведением на шабашах, бывающих обыкновенно под самые большие христианские праздники, но в этом случае мы охотно присоединяемся к той молодежи, которая верит на слово своим многоопытным старушкам. А вот и рассказ одной девушки о подобном случае: *«Раз в субботу пишла я на хутор с подругою перед вечером туды, де хлопци и дивчата собираютьця на улыцю. Идымо полем, балакаимо. Бачымо — на нас шось биле бижыть. Мы злякались и сталы на мисти, а воно так, шагив на пьять, не добигло до нас, то ж стало; постояло и не знать, де дилось. А мы насылу добиглы до хутора. Тут на краю була хатка, бабуся там жыла, так вона нам сказала, що то видьма нас лякала, що грих пид недилю пизднo на улыцю ходыты»* (хут. Малиев).

Старики также не любят, чтобы девушки одни ходили в церковь, особливо к заутрени. И в этом случае у стариков всегда найдется соответствующий цели рассказ, напр., о том, как ведьмы принимают иногда на себя образ подруги девушки, являясь в виде двойника ее. Такие рассказы повторяются матерями, чтобы отбить у дочерей охоту самим, без стариков, ходить в церковь или, вернее сказать, к церкви, так как большинство крестьянской молодежи во время богослужения находится не в церкви, а около нее. Помещаем здесь рассказ о таком явлении двойника, записанный в г. Купянске.

«В субботу увечери подруга подрузи и каже: «Приходь до мене, сестра, завтра удосвита та й пидимо до церкви». А друга й каже: «Гарно, сестро, прийду». Ото воны попрощалыся и пишлы: та додому и друга додому. От там, де жила та дивка, що клыкала, силы повечеряли, помолились Богу и полягалы спаты. Да тилько заснулы первый сон, слухают, аж воно стукае пид викно. Матер встала та й пытае: «Хто там?» — та будыть свою дивку: «Мы вчора зговорились до церквы иты! — так и каже пид викном». А маты ий и каже: «Та ще, моя дытыночка, рано, ще й не звоныли». «Де там: уже давно

перезвоныли». От воны засвитыли огонь и пустыли еи в хату. От та дивка встала и начала убираться до церкви. И так ныначе вона чого боитьця и не хочиця ий до церкви иты та вже не смие сказать подрузи, що ий не хочиця. Ну ото вона надила нову сорочку, спидныцю нову, полизла на пич достала онучи. А та подруга сыдыть на лави, а пид тыею лавою стоялы чоботы тии дивки, то вона и нагнулась за чобитьмы, та як глянеть на подружены ноги, а воны в шерсти, так як у видмедя. Вона вже ны жива ны мертва, та дивка. От вона вбралася, от и пишли. Та подруга иде вперед из хаты и выйшла из синей надвир. а ця иззаду за нею, та й в синях остановилась та й каже: «Ой, сестричко, я забула платка». Як хлопне дверьми та й засунула. А та тоди и крычить ий в двери: «Щастье твое, шо ты так от мене ухитрылась! Бо я не подруга твоя, а сама видьма. Я б тебе научила, як до церкви склыкатысь дивкам!» От тоди дивка вошла в хату, а вона, видьма, те ж саме и в викно торохтыть. А батько и маты кажуть: «Шо то ты до церкви ны пишла». «Та це, мамо, не подруга прыйшла, а видьма». Ото вона, та дивка, раздяглася, знов поляглы спаты, уже и заснулы, так аж тоди зачалы до утрени звоныты. Воны повстовалы, засвитылы лампадку и свички, роспустылы ладану и постановылысь Богу молитьця, шо их дочку Бог спас. Ото воны помолылысь Богу и ждалы, ждалы тии дивки, подруги дочки,— нымае. Та вже прибигла удень та й пытае: «Чы ты, сестричко, ны ходыла до церкви?» «Ни, сестричко; а ты до мене приходыла?» «Ни, ридненька, я не приходыла: я спытала, а мене и не пустылы, кажуть: лучше пидем до обидни». А ця и розсказала, шо ий було. Подруга й каже: «Ты не думай, сестричко, на мене, я не приходыла — мене не пустылы».

Полеты ведьм на шабаш рассматриваются народом как акт обязанности, возлагаемой на ведьм званием их, а потому нимало не мешают простому люду обращаться в случае нужды за помощью к этим вещим старухам и доверчиво относиться к их словам и советам.

Вот какой случай был, говорят, лет 40 тому назад в г. Купянске. Одна женщина пришла к своей соседке, старухе, слывшей ведьмою, вечером под Пасху, когда ведьмы обыкновенно летают на шабаш. Начали звонить в церквах, старуха стала одеваться; соседка спрашивает ее: *«До церкви одягаетесь, бабусю?» «Ни, моя дочко, не до церкви, а треба лититы». «Куды, бабусю?» «Луче и не пытай, треба хоч — ны хоч, а треба». «А вы б, бабусю, пишлы до церквы, Богу помолылысь,— так вам ничого и не вдиють». «Ни, мое серце, не можно: не полечу, сами являтьця, сами являтьця, озьмуть мене и горе буде мини! треба лититы». «А можно мини поглядиты, як вы, бабусю, политите?» «Чом ны можно — можно».* Вышли в сени; старуха стала *пид бовдур*[2] и вдруг, как дым, вылетела из трубы.

В народных рассказах о ведьмах иногда смешивают благодетельных ведьм и упырей со знахарками и знахарями по роду деятельности их или по находящимся у них принадлежностям. Напр., у знахарок и знахарей, занимающихся ворожбою, особенно важное значение придается из карт пиковой шестерке. Ту же карту непременно имеют и все ведьмы (сл. Калинова), так как она помогает им не только в решении вопросов о будущем, но и в их превращениях. Чтобы карта получила такие необыкновенные качества, для этого, идя на Светлый праздник в церковь, ведьма берет в карман шестерку пик и стоит с нею во время богослужения. Когда священник, выйдя из алтаря с крестом в руках, обратясь к прихожанам, скажет: «Христос воскресе», а все находящиеся в церкви люди ответят ему: «Воистину воскресе», ведьма в это время тихо произносит: *«У мене в кармани карта е»*. И так повторяет она эти слова каждый раз в ответ на слова священника: «Христос воскресе». Через такое кощунство шестерка пик приобретает таинственную силу, впрочем, в точности рассказчикам неизвестную.

Вещее знание дает природным ведьмам и упырям, как равно и знахаркам и знахарям, силу предупреждать и уничтожать все адские ковы злобных ведьм. Это мы видим, напр., в рассказе о дочери купца — *ярытнице*,[3] где спасительницею молодого человека является бабушка его, которая, впрочем, не названа ведьмою, но мы должны по ходу дела признать ее таковой. В подтверждение своего заключения ссылаемся на рассказ о дочери купца и дьячке, приведенный у Чубинского, где избавительницей дьячка от молодой ведьмы является старая ведьма. По иным рассказам в роли покровителей, защитников и спасителей людей от козней ада выступают то знахари, то ведьмачи-упыри, то старые колдуны, то христианские святые и даже сам Бог. Так в наших рассказах дядя-знахарь помогает своему племяннику-портному избавиться от молодой ярытницы; чумак-знахарь защищает новобрачных от старой ведьмы; старый колдун возвращает человеку, превращенному своей злой женой в воробья, прежний его человеческий образ и представляет ему средства к исправлению жены. Для сличения указываем на рассказ у Драгоманова «Видьма та видьмач», на сказку у Рудченка «Упырь и Миколай» и на рассказ у Манжуры «Видьма». В последних двух сказаниях покровителями и спасителями являются не знахари, а св. Николай и сам Бог. Такое замещение сказочных благодетельных личностей лицами христианского культа не представляет ничего выходящего из ряда обычных приемов в произведениях народного слова: в любом из сборников народных сказок можно указать несколько примеров перехода сказки в легенду и, наоборот, легенды в сказку.

Способность ведьм к превращениям, по народным рассказам, безгранична. Ведьма может принять вид иглы и копны сена, мухи и лошади, медленно ползущего бревна и быстро несущегося вихря. Чем же и как объясняют крестьяне такую удивительную способность ведьм? Большинство видит в этом искусстве уменье ведьм, при

помощи нечистой силы, отводить глаза, морочить, меньшинство признает, что подвергается превращениям не тело ведьмы, а душа ее, что тело ее остается дома бездыханным в то время, когда блуждающая душа меняет свой образ, являясь людям в разных видах. Переворотил, напр., солдат тело ведьмы, ушедшей на промысел, головою туда, где лежали ноги, и возвратившаяся с ночных похождений душа ее начинает ходить и летать вокруг да около *«то куркою, то гускою, то мухою, то пчелою»*, чтобы как-нибудь попасть в свою телесную оболочку, однако не может войти в нее, пока тело не было приведено в положение то, в каком его оставила душа, когда ушла странствовать (см. сл. Тарасовка). Большинство же рассказчиков в опровержение заключения о превращениях одной души ссылается на общепризнанные случаи и всем, мол, известные факты, когда вместо пойманной и отпущенной с обрубленными лапами собаки, подкованной лошади, поднятой на дороге и воткнутой с ниткой в стену иглы оказывается не дух бестелесный, а телесная, чувствующая боль женщина-ведьма с отрубленными на руках пальцами или с подковами на руках и ногах, или с продетой в уши ниткой. Разъяснение подобного противоречия во взглядах крестьян на самую типичную сторону, характеризующую полудемоническую натуру ведьм, выходит по своей сложности за пределы нашей задачи и наших средств, но тем не менее заслуживает серьезного исследования.

В самом деле, разве не интересно уже и то одно, что, по народным рассказам, черт и его слуги оказываются в конце концов посрамленными, несмотря на все сверхъестественные силы, находящиеся в распоряжении их? Возьмем наших ведьм: кто только не колотит их, не потешается над ними?! и казак, и солдат, и чумак, и кузнец на правах знахарей всячески глумятся и издеваются над ведьмами. Каждый мальчик-первенец может избить ведьму первой попавшейся ему под руку палкой, да и каждый человек, вооружась осиновым колом или притыкой из плетня, получает власть над ведьмой и смело может наносить ей удары, а храбрецу — так тому не нужно против ведьм никаких талисманов: бей ее только наотмашь да хватай за волоса левою рукой, а затем таскай ее вволю: не посмеет и пискнуть, а не то что сопротивляться. А что народ везде умеет бить, об этом нечего и распространяться.

Лет 30 тому назад показывали нам в г. Купянске старуху с совершенно обезображенным шрамами лицом и говорили, что она ведьма, а пострадала при следующих обстоятельствах. Поздно вечером вез крестьянин по Колонтаевской улице на мельницу рожь в мешках, видит — бежит за санями большущая крыса да старается вспрыгнуть на мешки. Сколько не отгонял ее мужик от саней, не мог прогнать, так вместе с крысой и доехал до мельницы. Рассказал здесь *мирошнику* о чудной крысе, а тот ему и говорит: «Знаю я, что это за крыса! Надоела она мне хуже горькой редьки. Постой, не

будет больше таскаться сюда». Взял да и поймал эту крысу. Внес ее в сукновальню, [4] бросил в ступу и приказал ударить пестом три раза, а потом выбросить за греблю. Наутро нашли около гребли женщину, всю окровавленную, со страшно изуродованным лицом и перебитой рукой. Так поступает народ с ведьмами, попавшимися к нему в руки; тут и таинственная сила чародейства оказывается несостоятельной.

Чтобы изловить ведьму, выдаивающую коров, заседают для этого обыкновенно за бороною; причем засевший или поймает ведьму, или просидит до утра в своей засаде, загипнотизированный словами ведьмы. В первом случае он зачисляется общественным голосом в разряд знахарей, хотя пойманная им ведьма оказывается чаще всего какой-нибудь бедной вдовой или соседкой-солдаткой. Во втором случае, конечно, виноват сам ловивший: не спросясь броду — не суйся в воду, не зная подходящих заклинаний, нечего было и храбриться.

Мы допускаем возможность гипнотического внушения как со стороны лиц, ворующих по ночам у коров молоко, так и со стороны лиц, разыгрывающих роль знахаря. Некоторые из стариков-солдат, служивших еще в бывших военных поселениях, признавались нам в том, что им не раз в течение своей службы приходилось выдаивать чужих коров, изображая из себя ведьмача. А что и в наше время во всякой слободе найдется женщина, и не одна, промышляющая воровством молока,— против этого трудно спорить. Но если, с одной стороны, воровство молока составляет реальную основу рассказов о ведьмах и ведьмачах, то, с другой,— где же лежит неиссякаемый источник сказаний о явлениях этих духочеловеков в разных видах? Настроенное традиционными рассказами воображение человека, находящегося в возбужденном состоянии,— а в таком состоянии, без сомнения, и находится каждый из крестьян, засевший ловить ведьму,— легко переходит в галлюцинацию; во-вторых, хвастовство лиц, слывущих знахарями и приписывающих себе подвиги древних полубогов и сказочных героев в современной, соответствующей обстоятельствам обстановке, и, наконец, рассказы бабушек и дедушек, наивные, но не всегда бесхитростные,— вот те ключи, конечно не все, которые изобильно питают своими мутными водами широкую реку народных суеверий.

Что душа человека сохраняет и по смерти его свой телесный образ — это есть общераспространенное верование; но что она есть существо материальное, в таком верований народа мы видим остаток архаического воззрения на природу человека, воззрения, находящего себе достаточную пищу в разных поучительных легендарных сказаниях. По этим сказаниям выходит, что душа обладает всеми физическими свойствами материального существа, так как она говорит, ест, пьет, чувствует боль ударов и сама может наносить их другим. И если, по словам древнего поэта, к Одиссею слетались тени умерших, чтобы напиться крови зарезанных им баранов, а он своим

мечом удерживал эти тени на приличном расстоянии от ямы с кровью, то и существующее ныне в народе поверье о том, что наши умершие ведьмы и упыри лакомы до крови, не представляет ничего поразительного, равно как и вера в охранительную силу железа. Все это не более как известные формы переживания, памятники древнего умственного состояния народа, характеризующие отчасти и нынешнее мировоззрение его.

* * *

Ведьма — это женщина, доящая по ночам чужих коров и портящая их. Таков общий ответ крестьян на вопрос: что такое ведьма? Одни называют ее при этом волоцюгой, потому что она везде волочится, таскается по ночам; другие — *нечистью*, потому что она знается с нечистою силою и делает нечистые дела; третьи — *поганью* или *поганкою*, потому что все ведьмы отличаются, по словам крестьян, натурой страстной, все они чувственны, похотливы; называют ведьму *лыхою лычыною*, потому что она способна принимать разные образы и в таком виде делать людям различные пакости; и, наконец, называют ее просто *видьмою, видюгою, видьмачкою*, то как одаренную способностию узнавать сокровенное, тайное для простых смертных, то как подругу *видьмача, опырякы*, то есть главного начальника над ведьмами.

Пожилые ведьмы имеют определенные характерные черты, по которым их легко отличить среди других старух; молодых же ведьм трудно по одному внешнему их виду или по наружности их узнать между другими обыкновенными женщинами; только страстность натуры, влюбчивость, выражающаяся в открытом ухаживании за молодыми парнями, выдает их. Таких отличающихся похотливостью молодых ведьм называют также *еретницами* или *ярытницямы*, причем им обыкновенно вместе с тем придается характер волшебниц, чаровниц.

Вот как описывает, со слов крестьянки, наружность ведьмы учитель начального училища в сл. Кабаньей П. М. Марусов: пожилая женщина, чаще старуха, высокая, тонкая, худая, костлявая, несколько сгорбленная, растрепанные или выбившиеся из-под платка волоса, большие, с сердитым выражением глаза, желтые или серые, косой из-под насупленных бровей взгляд, всегда вбок, а никогда прямо в глаза другому человеку; в зрачках «мальчики» головою вниз (сл. Араповка); рот широкий, губы тонкие, подбородок выдавшийся вперед, руки длинные. Таков портрет старой ведьмы, нарисованный крестьянкой. Затем у прирожденной, «родимой» ведьмы всегда есть небольшой подвижной хвост и черная вдоль спины полоска волос — *«чорна стежка»* от затылка до пояса.

Для того же, чтобы вполне убедиться, что слывущая за ведьму

женщина есть действительно настоящая ведьма, для этого рекомендуются следующие приемы и средства.

1. Проходя мимо группы женщин, стоит только сложить «дулю» и положить ту руку себе под мышку, то если между собравшимися женщинами будет ведьма, она непременно начнет браниться. Этот прием оказывается особенно действительным, если употребить его на Светлый праздник. *«Як идеш по юлыци на самый Вылыкдынь, то возьмы дулю стулы и пид плыче положы и тым плычем повырнысь до баб, де воны сыдять, бысидують,— та из баб, яка видьма, буде ругаты тебе и скаже: «На чортового батька ото мини дули даеш? — виднысы своему батькови!»* Другие говорят, что нужно сложить не одну, а две дули, и положить правую дулю под левую мышку, а левую — под правую,— в результате брань ведьмы (сл. Араповка).

2. Достаточно, проходя по той улице, где живет ведьма, плюнуть назад, чтобы она тотчас же выскочила из своего двора на улицу.

3. Полить теплым, свежим из-под коровы молоком сор на дворе,— ведьма немедленно прибежит на то место, потому что иначе *«вона так нудытымытся, шо хвора зробытця»* (сл. Ново-Николаевка).

4. Налить на сковороду молока той коровы, которую доит или которую испортила ведьма, и поставить сковороду на огонь,— ведьма тотчас явится, потому что по мере того, как будет согреваться на сковороде молоко, будет постепенно вместе с тем усиливаться у ведьмы внутренний жар (сл. Калинова). Войдя в хату, ведьма или ведьмач будет усиленно просить *позычыть* ей чего-нибудь, но на эти просьбы не следует обращать ни малейшего внимания; тогда она станет убедительно просить вынуть из печи сковороду, не мучить ее,— скажет, что у нее внутри так горит и кипит, как кипит на сковороде молоко. Тогда делай с ведьмой что хочешь: она поклянется никогда больше не заглядывать в загороду, где коровы, и вылечить испорченную. Другие (сл. Кабанья) советуют вылить вскипяченное на сковороде молоко под порог, ведьма немедленно появится на пороге и скажет: *«Нашо вы мучыте худобу?»*

5. В течение Великого поста бросай каждое воскресенье, начиная с Сыропуста,[5] по одной палочке на печь за комин, а на Светлый праздник, пришедши из церкви, собери все семь палочек, брошенных на печь, и зажги их на припечке,— ведьма явится просить огня (сл. Ново-Николаевка).

6. Если пожелаешь, чтобы к тебе пришла ведьма, возьми в рот сырой вареник, ложась спать, продержи его не вынимая целую ночь во рту, и тогда наутро придет к тебе ведьма и будет сидеть у тебя до тех пор, пока не дашь ты ей куска хлеба (г. Купянск).

7. На заговены пред Великим постом надо выдолбить из вареника сыр и положить его за щеку и переночевать с ним, а утром вынуть и завязать его в пояс. Потом в течение поста побывать с тем сыром в церкви 12 раз и, наконец, пойти, имея его в поясе, под

Пасху к заутрени. При обхождении вокруг церкви ведьма подойдет и будет просить сыру (сл. Тарасовка). Или (г. Купянск) в это время, при звоне во все колокола, войти в колокольню с тем сыром во рту и смотреть оттуда на народ, можно увидеть тогда всех местных ведьм: бабы с доенкой на голове, бабы с доенкой в руках, собаки с доенкой в зубах будут проходить мимо вместе с торжественной процессией вокруг церкви, и там же среди народной толпы будут двигаться копны сена, идти кошки, свиньи, катиться колеса, белые клубки,— короче сказать, ведьмы явятся в тех видах, какие принимают они на себя во время своих ночных похождений.

«Одын солдат, шоб узнаты стике видьм в тим сыли, де вин жыв, здилав так: взяв на остатним тыждни Масляныци вечером замисыв велыкый вареник з жытнои мукы и злипыв ёго с сыром и поставыв его варыты. Зварыный варенык салдат переломыв надвое, хлиб из вареныка зараз зъйв, а сыр взяв положыв в рот й держав его в роти до другого дня. На другий день ще досвита вынув из рота сыр, завьязав в платок и повисыв на гвиздку, и як в церкву йшов пид Свитле Христово Воскресенье, то й сыр взяв с собою. Тике шо вин ввийшов в церкву, як до ёго пидходе стара жинка и говоре: «Слухай, мылый салдатык, отдай мини то, шо ты держыш!» Салдат ии и спрашуе: а шо я держу? А видьма отвичае: «То, шо ты держав сегоднышню ничь в зубах». И при сых словах подае ему цилый кошелёк грошей за сыр. Пидишло ще шисть видьм, и вси началы здорово прохаты ёго уважыты ихний просьби: отдать им сыр. Но салдат рышывся отдать его тико за шапку-невыдымку. Видьмы согласылысь на просьбу салдата, и старша из ных зараз здилалась кишкою и побигла за шапкою. Через никоторе времья явилась опять и подала салдату шапку-невыдымку, за которую и получыла сыр. С того часу той салдат здорово розбогатив» (г. Купянск).

8. Вместо сыру можно взять в рот, идя в церковь на Страсти, узелок маку — ведьма подойдет и будет просить выбросить его изо рта.

9. Или *«видьму можно взнаты пид Вылыкдень: як стануть дочитуватьця до Хрыста,— кожна видьма поспиша ухватытьця за дужку дверей. Дывысь, яка ухватылась, то й видьма»* (сл. Колодежная).

10. Если корова испорчена весною пред Пасхой, то хозяйке испорченной коровы следует только приготовить квашу и поставить ее варить на Велыкдень, чтобы к ней явилась ведьма, испортившая корову. Ведьма войдет в хату и тотчас спросит: *«Шо ты, кума, варыш?»* (сл. Кабанья).

11. Чтобы узнать между женщинами ведьму, нужно спрятать на Троицу тот колышек, которым делают в земле дыры для *клечанья*, а на Пасху принести его в церковь и, когда люди будут выходить из церкви, выставить из рукава конец колышка. Насколько выдвинешь кончик колышка, настолько и ведьма высунет язык изо рта и будет с высунутым языком осматриваться кругом, стоя у дверей. Впрочем,

что у нее высунутый язык, этого никто, кроме держащего колышек, не будет видеть.

12. Если подозреваешь какую-нибудь женщину, что она ведьма, то, увидев ее входящую в хату, обрызни перед нею на порог иорданской первой непочатой воды или напиши на пороге крест, то, если эта женщина действительно ведьма, она ни за что не переступит через порог и не войдет в хату. *«Була у мене сусидка, ии запримитылы, неначе вона видьма. Хлопци ии в праву середу биля колодця облылы водою, як воду освящалы. Ввечери дощ пишов, а вночи у тых хлопцив пыкы хтось перекаляв не знать чым — не пры вас будь сказано. А вона у мене сыто брала в позычкы; я и стережу, колы вона его мини прынесе, думаю, сама за ным не пиду. Як побачыла, шо вона нысе сыто, зараз на порози хрест крейдою и написала, та не посыредени, а так, биля пьяткы. Сусидка двери видчиныла та порогу й не перешагне и каже: «Возьмить, спасиби вам, сыто!» А я ий кажу: «Зайды в хату, положы сама на столи». Вона як бросе сыто насеред хаты, а сама и побигла и бильш до мене не прыходыла»* (сл. Тарасовка).

13. *«Як узяты на Ивана Купала лыпову хворостыну и гнаты ею в череду корову, то видьма пидийде и буде прохаты цю хворостыну»* (сл. Колодежная). В г. Купянске говорят, что выгонять коров и скот вообще ни в каком случае не должно липовой хворостиной, а всегда следует употреблять для этого ясеневую, потому что от первой коровы худеют, становятся ободранными, а от второй — гладкими, жирными.

14. Женщина, пришедшая под Ивана Купала к костру просить огня,— ведьма.

Ведьмы не участвуют в крестных ходах на воду, особенно на Крещение; вообще не любят воды; во время дождя бывают больны; купаются в реке лишь тогда, когда при солнце идет дождь; отказываются от кумовства, а если ведьма согласится быть восприемницей, то или сама во время крещения ребенка заболеет, или ребенок, чаще же последний при погружении его в воду умирает на руках священника.

Различают ведьм прирожденных, *родымых* и ведьм ученых, *робленых*. Первые-то и имеют хвост и черную *смугу* вдоль спины от затылка до пояса; у робленых же нет ни хвоста, ни смуги. Родимые ведьмы считаются выше, важнее робленых потому, что они могут не только причинять вред, но и исправлять его, будет ли он сделан ими самими или другими, безразлично; между тем как ученая ведьма может натворить много пакостей, но не в силах поправить раз сделанного зла. Говорят: *«Родыма робе урону меньше, а знае больше»*.

Передают за достоверное, что в сл. Кабаньей и в наше время можно еще услышать, когда поссорившиеся женщины начнут бра-

питься такие слова: *«Мовчи! ты роблена видьма, а я рождена: я важница вид тебе, я бильше тебе знаю!»*

Откуда же и как робленая ведьма приобретает свое ведовство?

Робленые ведьмы учатся своему искусству у родимых ведьм, у ведьмачей, иначе опыряк, атаманов над ведьмами, и, наконец, непосредственно у самих чертей. При изучении таинственной науки ведовства употребляют обыкновенно, по общепринятому мнению, какую-то мазь, которая сообщает лицу, помаравшему у себя известную часть тела его, способность летать; переворачиваются через натянутые веревки или воткнутый в землю нож, вообще же отрекаются от Христа и вступают в сношения и в договоры с чертями, что и выражается прежде всего поруганием, осквернением своего креста или иконы и хлеба: эти действия совершаются обыкновенно ночью на средокрестной дороге или на берегу реки, или на лотоках у мельницы, то есть в тех местах, где, по народному верованию, преимущественно обитают черти.

«Видьмы вчаться у старых родымых видём, одна у однии. Як иде жинка вчиться видьмуваты, то вона знима з себе хрест и кладе в чобит пид подошву,— це и значить, що вона од Хрыста видступе» (сл. Колодежная).

Женщина, желающая сделаться ведьмой, должна взять икону Божией Матери, которой она была благословлена родителями при выходе замуж, пойти с нею в темную ночь под водяную мельницу и там, положив икону на землю, потоптать ее ногами. При этом надо почитать три раза «Отче наш» наоборот: начиная «от лукавого» и кончая словом «отче». Когда все это будет проделано, баба при помощи нечистой силы становится ведьмой и может делаться по своему желанию то собакой, то кошкой, то копной и т. д. Или, чтобы сделаться ведьмой, надо на голом току перекинуться три раза через нож, поставленный вверх острием. При этом говорят какие-то слова, известные старым ведьмам, составляющие их секрет и передаваемые той бабе, которая учится ведьмовать. Впрочем, этот секрет передается обыкновенно также перед смертию близкому лицу, желающему приобрести знания старой ведьмы. Во всяком случае ведьма умывает свою ученицу каким-то наваром, и та летит в трубу и возвращается назад уже ведьмой. Образование, однако, заканчивается не здесь, а в Киеве на Лысой горе,[6] куда ведьмы летают под большие праздники на совет с главными упырями и с нечистой силой, после чего бывают там игры и пляски, как то собственными своими глазами видел солдат, стоявший на квартире у вдовы, которая была ведьма. Раз ночью, когда он уже лежал в постели, притворившись спящим, стали сходиться в хату бабы, то были *роблыны* ведьмы, а хозяйка его была ведьма *рождена*. Она наготовила какой-то мази и поставила на припечку. Когда собрались все местные ведьмы, то стали подходить одна за другой к припечку и мазать этой мазью у себя под мышками: как только какая помажет, так тотчас и полетит в трубу. Солдат лежит да смотрит, а когда все бабы улетели, встал да прямо к припечку и недолго думая взял да и себе помазал под мышками. И не почувствовал, как что-то вынесло его в трубу, понесло по воздуху и как он очутился на Лысой горе, где была и хозяйка его с своими подругами. Хозяйка оглянулась, увидела солдата, бросилась к нему: *«Чого ты сюды забрався?* — прошипела она,— *хто тебе просыв?»* Потом подала ему лошадь и велела скорее садиться и уезжать, но дорогой не говорить лошади ни «но», ни «тпру». Солдат немедленно сел на коня и поворотил назад домой, но дорогой думает: что я за дурак буду, что не скажу ни «но», ни «тпру», да и крикнул на коня: но! В ту же минуту полетел вниз и упал в такой густой непроходимый темный лес, что из него не видно было ни луны, ни звезд, ни неба. Едва на четвертый день добрел солдат домой на свою квартиру (сл. Кабанья).

Ведьма ночью, когда все домашние уснут, садится на лопату, которой сажают хлебы в печь, вылетает на ней в трубу и летит в Киев на Лысую гору, куда собираются все ведьмы и черти на так называемый шабаш. Шабаш бывает под большие праздники, в особенности же *«пид Велыкдень и Здвиження»;* начинается он, *«як люды обиснуть»* и продолжается *«до первых пивнив»*. Известно, что все ведьмы и черти стараются до первых пивнив убраться домой восвояси, иначе им уже не придется попасть туда до следующей ночи. На шабаше происходит пляска, черти любезничают с ведьмами, но бывают ли там между ними и плотские отношения — неизвестно. Рассказывают, что как-то к одной женщине-ведьме зашел переночевать солдат. Это было «пид Здвиження». Около полуночи хозяйка воткнула в землю нож, перекинулась через него и улетела на лопате в трубу. Солдат не спал и все это видел. Вставши, он и себе перекинулся, как и ведьма, через нож и, сев на помело, умчался вслед за хозяйкой в трубу и полетел в Киев на Лысую гору. Этот-то солдат и видел, что делают на шабаше ведьмы, черти и прочая нечисть, и пересказал другим (сл. Араповка).

«Была у нас в селе одна женщина по фамилии Ланцюжиха. Она захотела сделаться ведьмой, пошла к реке и просидела на берегу до полуночи. В полночь вышел к ней из реки сатана и спрашивает ее: «Чего ты сидишь здесь?» Она отвечает ему: «Сделай меня ведьмой». Сатана и говорит: «Я сделаю тебя ведьмой, если ты согласишься каждый месяц танцовать со мною». Ланцюжиха согласилась танцовать с сатаною один раз в месяц на гульбище, и он сделал ее ведьмой. Все люди скоро узнали, что она ведьма. А у нее была взрослая дочь и все стали говорить, что и дочь ведьма, но один казак не поверил словам людей взял да и женился на ней. Живут молодые ладно; но вот казак стал замечать, что жена его каждый месяц бывает больна. Что за причина? Раз ночью слышит он, что жена положила ему что-то под голову и сама встала и вышла в сени; посмотрел — три узелка. Взял он и тотчас выбросил их в окно.

Подбежала собака, обнюхала их, прилегла да сейчас же и заснула. Вот так штука! Подумал казак и притворился спящим, чтобы подсмотреть и узнать, что будет делать его жена. Видит: входит жена, а следом за нею ведьмы. Собралось их много, полная хата; выкопали они из-под порога горшок, в котором была мазь, составленная, как после открыла казаку жена, из собачьей кости, кошачьего мозга и человечьей крови. Ведьмы начали мазать себя этой мазью, приговаривая: «Лети, лети на Лысую гору», и потом все повылетали в трубу. Тогда казак встал и стал себя мазать, говоря также: «лети, лети»,— полетел и он. Не долетая до середины гульбища, остановился с краю, где были в сажнях дрова; притаился за дровами и высматривает оттуда. Видит: жена его отплясывает с сатаною, а тот сатана с буйволовыми рогами и с львиным хвостом. Не стерпел казак такого позору, как крикнет: «Ах ты, проклятый сатана! Ты зачем это с моею женою пляшешь?» Крикнул да и сам испугался, спрятался за дрова, а сатана, услышав крик, бросил танцовать и побежал искать того, кто кричал. Но жена казака предупредила сатану, подвела к мужу большого белого коня и сказала: скорей садись и поезжай домой, а не то беда, дорогой все покрикивай: но! Возвратился казак домой, привязал своего коня к стрехе хаты, а сам поднял два выброшенных им узелка, снова лег в постель, положил их себе под голову и тотчас заснул. Утром вышел казак из хаты посмотреть своего коня, а там вместо коня стоит большая белая палка. Стал казак бранить свою жену, а та ему в ответ: «Я не виновата: это дело моей матери; ты сам видишь, что мне нелегко танцовать с сатаною» (г. Купянск).

По словам одной старухи, ведьмой делаются таким образом. Околела, например, лошадь или корова, выволокли ее на выгон. Женщина, желающая стать ведьмой, узнав об этом, выходит в темную ночь на то место, где брошено околевшее животное, становится перед трупом и смотрит на него пристально, в каком-то забытье. Простояв в таком состоянии несколько минут, быстро бросается к трупу животного, пробивает в боку его дыру и влазит внутрь его. Полежит там несколько времени и вылазит оттуда, но уже в другую сторону, через другой бок. Выходит из трупа настоящая ученая ведьма, вполне усвоившая науку превращений, получившая способность принимать желаемый вид, то есть способность превращаться в собаку, кошку, копну, клубок и т. п. С этого времени она и начинает свои ночные похождения: ходит доить коров, отчего они портятся; других же коров она заедает, отчего они совсем пропадают; летает в Киев на собрания, совершая полет туда и обратно в одну ночь, мстит тем, кто ее обидит: сделается, например, клубком и бьет того человека в грудь, а ее самое спроста не ударишь. Говорят, что ее можно ударить только куском старой оси, да и то бить не ее, а бей наотмашь по ее тени, тогда попадешь (сл. Гусинка).

Когда какая-нибудь женщина захочет научиться ведовству, то идет к известной природной ведьме, сняв с себя предварительно крест; та мажет ей осиковой корой под руками и заставляет перевернуться через веревки, которые у нее через всю хату протянуты. Тотчас она превращается в сороку и затем вместе с хозяйкой-учительницей летят в Киев на Лысую гору для посвящения во все тайны ведовства.

«Зашел к одной женщине сторонний прохожий человек и попросился переночевать; хозяйка пустила его в хату. Вошел, видит: пол чисто смазан желтой глиной, а через всю хату протянуты веревки. Он и спрашивает: «На что это у тебя, хозяюшка, столько веревок?» Она ему ответила, что берет мыть чужое белье, так вешает его сушить на этих веревках. А дело-то было совсем не так: хозяйка была старшая на селе ведьма, и к ней по ночам сходились молодые совершенствоваться в своем искусстве. Прохожий полез на печь спать, лег на печи и видит: сошлось в хату несколько женщин и начали делать то же, что и хозяйка. А та помазала себе под плечами осиновой корою, перевернулась через веревку, сделалась сорокой да в трубу. Прочие женщины проделали то же, что хозяйка, и вылетели все сороками в трубу. Через несколько часов все ведьмы возвратились назад и стали говорить между собою о том, что каждая из них успела сделать: «Я корову сдоила»,— сказала одна. «А я — кошку»,— похвалилась другая. «А я — собаку»,— перебила их третья. Так каждая из молодых ведьм хвалилась своими успехами пред старой ведьмой, их учительницей» (сл. Тарасовка).

Вот еще один общеизвестный прием сделаться ведьмой. Ночью на Ивана Купала снять с себя крест, взять икону, хлеб и нож, пойти к реке и положить на самый край берега у воды икону и хлеб. Потом проткнуть хлеб ножом, перевернуться на тот нож и «накалять» на икону. Тогда получишь способность принимать по желанию разные виды. Приводим рассказ крестьянки о том, как она хотела ведьмой сделаться.

«Попустыв Господь гриха: захотелось мини видьмой зробыця. А я чула, що треба пид Ивана Купала скынуты с себе хрест и з вечера Богу не молыця, а опивночи взяты хлибыну, ниж и яку-ныбудь икону и питы на ричку, де воткнуты ниж с берегу в воду, покласты биля нёго на березі хлибыну и икону, статы ногамы на икону, а рукамы взятыся за них та й напоганыты на святу икону. Ото тоди явятця видьмы и навчать, як и що робыты. Я так и зробыла. Пид Купала зняла с себе хрест, Богу ны молылась, а як перви пивни заспивалы, пишла на ричку, взяла с собою хлибыну, ниж и икону. И иты до ричкы мини було ны страшно, тилько неначе шось мене вперед товкало, а назад оглянутыся ны смила. Прыйшла до берегу и вже хотила ногамы статы на святу икону, и третий пивень и заспивав. Тут мене Бог и спас: я чула, як гришна душа, як третий пивень заспивав, покаялась Богу, и Бог ии прыняв,— да так

мини стало страшно, так страшно, що и з миста не можу тронуця. И вже ны знаю, як я начала молытвы чытаты, як перехрыстылася, як пидняла икону — хлибыну та ниж покынула — та як побижу додому! А воно за мною гуде та неначе мокрымы тряпкамы по пыци хлюще та бье. Шисть ныдиль писля того лыхоманка мене трусыла и тилько покынула, як я батюсци посповидала та вин мене запрычастыв. Цур ему з ёго поганью проклятою! И тепер ще жахаюся» (хут. Нижний Соленый).

«Видьма и видьмач добувають свое видёмство наукою, е и таки, шо и от прыроды, та ридко. Наука ця преподаетця самым старшым видьмачем — опырякою: як хто хоче научыця видьмуваты, то упеpед объяве опыряци, вин тоди и научыть або прыкаже другий видьми, шоб учыла. А учыть вона от як: назбырае та видьма соби подруг-видём, и поставлять ти видьмы сырыд хаты ночвы з молоком и начнуть там купаця. Як покупаютця вси в молоци у ночвах и той, що вчитця, тоди йдуть из хаты и сидають на лыпову кору, а та кора й нысе видём учащагося угору, та так высоко, шо аж за хмары. И лытять воны до самого Кыева, а тоди выртаютця назад. Як прылытять додому, то у двери ны йдуть, а лизуть у трубу, а из трубы и в хату та в ночвы и обмыютця, шо запачкалось у труби. Ото раз учащийся полита з нымы, а тоди и сам умитыме видьмуваты» (хут. Малиев).

«Усе одно шо видьма, шо видьмач: воны мають одын прызнак и однакову сылу, а над нымы есть саме старшый, ёго называють опырякою, вин — ны вченый, а родымый; ему уси видьмы и видьмачы повынуютця и по ёго прыказу поступають скризь. Вин, видьмач, прыказуе, у кого доить коров, а в кого ны нада. Ото воны и знають свого атамана-опыряку. Вин завидуе тымы видьмамы, у яки слободи вин сам жыве, и воны у опырякы учатця видьмуваты» (сл. Ново-Николаевка).

Тот же взгляд на упыря как на главного учителя и начальника ведьм и ведьмачей мы находим и в нижеследующем рассказе, изложенном учителем начального училища в сл. Калиновой Д. Пеликовым со слов местной крестьянки.

Некоторые говорят, что ведьмами делаются одни только женщины, но большинство местных малороссов признает, что и мужчин тоже очень много поступает в ведьмачи. Вот что передавала мне одна здешняя старуха. Лет 30 тому назад один из дальних родственников ее жил в городе. Не знал он никакого мастерства и не занимался ничем положительно, но жил очень, очень богато, так, что ближние соседи завидовали его богатству и всячески старались узнать, откуда оно лилось к нему; но как они ни ухитрялись открыть источники его доходов, все было напрасно. Знали, что у него была изба в две комнаты через сени, что в одной комнате жил он сам и никого в нее не пускал, особенно после солнечного заката, а в другой жил работник с работницей. Больше людей у него не было, так как он был человек не семейный. Работнику его было лет под

сорок; был он очень усердный, трудолюбивый человек и обладал при том необыкновенной силой; хозяин уважал его и платил ему хорошее жалованье, но все же скрывал и от него свои занятия. Таким образом, тайна для соседей была также тайной и для домочадцев. Но это обстоятельство только еще сильнее возбуждало любопытство у последних. Работник и работница прежде всего обратили внимание на то обстоятельство, что хозяин их, кто бы ни приглашал его к себе в гости, всегда обещался быть вечером и никак не ранее 10 часов; днем же, бывало, ни за что и ни к кому не поедет в гости. А также заметили, что когда наступит час ехать в гости, то неизвестно откуда подъезжает к крыльцу карета парою вороных рысаков, и лошадьми правит разодетый кучер. Как только явится у крыльца эта карета, хозяин ни одной минуты не остается в комнате, чем бы ни был он в то время занят, все бросает и сейчас же выбегает, садится в карету и едет. Гостит он всегда не более часу и возвращается домой на тех же лошадях. Было замечено и то, что лошади, карета и кучер сейчас же исчезают, как только хозяин выйдет из кареты. Кроме того, работник обратил внимание на шум по ночам в комнате хозяина и несколько раз пытался узнать, отчего происходит этот шум. Но первые попытки были безуспешны, потому что в то время, когда в комнате хозяина слышался шум, окна и двери в той комнате, где жил работник с работницей, всегда бывали снаружи заперты, а окна закрыты сверх того ставнями. Но работник тем сильнее и упорнее старался открыть тайну хозяина. Вот раз случай поблагоприятствовал ему в этом. Хозяин лег днем отдохнуть да и заснул, а дверь в свою комнату забыл запереть, что он обыкновенно делывал прежде. Работник не упустил случая проникнуть тайком в комнату хозяина, пробрался туда так осторожно, что и работница того не заметила; залез на печь и прикрылся лежавшим там разным платьем и так пролежал там до полуночи, не слыша ничего особенного. В самую полночь отворилась дверь и в комнату хозяина вошло человек тридцать гостей: тут были старики и старухи, мужчины и женщины средних лет, парни и девки, и у каждого из них было по ведру в руках. Как только все они вошли в комнату, то сейчас же по команде хозяина выстроились в ряды, по одну сторону стали мужчины, по другую — женщины. Прежде всего хозяин спросил мужчин: «А что, господа, ставни в комнате работника закрыты и дверь заперта?» Стоявший крайним из мужчин отвечал: все сделано как следует, не беспокойся! После того хозяин обратился ко всем: «Теперь кладите каждый на стол следуемую мне часть из того, что в прошедшую ночь заработано вами». Большая часть мужчин и несколько женщин подошли к столу и начали класть на него или же бросать деньги; оставшиеся на местах заявили, что для них прошедшая ночь была неудачная, а некоторые прибавили, что они едва не поплатились своей шкурой. Окончив сбор денег, хозяин заявил своим подчиненным, что сегодня предстоит им путешествие на

Лысую гору, куда сегодня должны собраться ведьмы и ведьмачи со своими начальниками со всего света, а потому, добавил он, кто из вас плохо знает свое дело, тот пусть идет в огород к колодцу: я там доучу. Сказавши это, он вышел из комнаты; два парня и три девки последовали за ним. Остальные поставили свои ведра в сенях, затем возвратились в комнату и повели беседу о предстоящем им полете со своим начальником, которого они называли опырякою, на Лысую гору. Чрез полчаса возвратился опыряка со своими учениками в комнату и сказал бывшим в ней, что уже пора лететь. Далее идет обычный полет подсматривавшего лица на коне, который, как это всегда случается в подобного рода рассказах, оказывается палкой. В заключение учитель Пелихов прибавляет, что, по словам старухи, все сказанное ею не выдумка, но что все это она сама слышала от того работника, который жил у ее родственника и летал вслед за ним на белом коне, как и другие участвовавшие в том полете лица, ведьмачи и ведьмы, в то время как их предводитель-опыряка мчался впереди их на вороном коне.

По другим сообщениям (сл. Кабанья) ведьмы летают в Киев не на лошадях, а на своих учителях-упырях, у которых они не только учатся, но и живут в плотской связи с ними, и садятся на упыря не по одной, а все прицепляются к нему и мчатся по воздуху целой группой.

Кто посмелее, тот обращается за наукой ведовства непосредственно к чертям, хотя в таком случае учение обходится несравненно дороже, чем учение у упырей,— ведь упырь все-таки человек, а то черт. Однако рассказчицы не передают подробностей учения у чертей.

«Жинка як задумае зробытця видьмою, пиде пид чию-небудь корову, надое молока, зробе сыр, сваре варенивив, а тоди и йде з нымы в поле. Найде там крыныцю и отдасть вареныкы лукавым, а воны ий дадуть водкы. А дали вона, шо уже ий не буде, як вытерпе все, то й буде видьмою» (сл. Ново-Николаевка).

Так как ведьмам приходится и при жизни и по смерти много терпеть, то лица, желающие посвятить себя ведовству, прежде приема их в цех ведьм обыкновенно подвергаются йскусу.

«Жыло в хутори дви кумы; одна з ных була видьма. Захотилось и другий вывчыця колдовству. Раз прыходе вона до кумы-видьмы и каже: «Кума, а кума, научы мене колдовству». «Ты не вытерпыш,— отвича видьма.— Пиды зараз додому и подывысь, шо у тебе в скрыни». Вона зараз пишла подывылась, а там хто й зна скилько напыткив и наидкив. Вона то того вкусе, то того хлебне. Тоди закрыла скрыню и пишла до видьмы. Видьма й пыта: «Шо там у тебе було?» «Багацько напыткив и наидкив». «А ну пиды тепер подывысь, шо там е». Вона пишла, подывылась, а там вмисто напыткив та наидкив лежать ии сорочкы та рушныкы понадкусовани. Прыходе до видьмы й каже: там мои сорочкы и рушныкы понадкусювани. «Ось бач, я ж тоби казала, шо ты не вывчишся колдоваты: ты вже и жалиеш!» Тоди кума видьмына пожалилась чоловикови свому на видьму, а той пишов и задушыв ии. Отак научыла кума куму видьмуваты!» (сл. Кабанья).

Из многих присланных нам более или менее однообразных рассказов о полетах разных лиц, чаще всего солдат, вслед за ведьмами, приведем еще один, записанный словами рассказчика.

«Ишов одын салдат на побывку додому и завырнув в одно сыло ночувать; ввийшов в крайню хату и став прохатьця. «Шо ж, голубчыку,— кажы хозяйка,— я ны слова б тоби, та в мены сегодня будуть гости, а хата одна, так тоби й спокою ны буды». «Да ничего, старуха,— просыця салдат,— я з дорогы наморывся, так мисту рад». Та пустыла, дала ему скорише повычерять, а вин лиг спаты. Спав вин чы ны спав, чы можы так прытаився,— це так як опивночи — цок! — ввийшла в хату одна баба, дали друга, третя и собралось их з дюжыну. Це ны прости гости, дума и соби салдат, дуже пиздни, и став дывыця, шо дальше буды. От воны посидилы, потим трохы пырыгодя одна кажы: «Пора, сестро!», и вси повставалы. Хозяйка взяла ниж, уткнула его коло печи в землю, и давай через ёго одна за другою пырыкыдацця. Пырыкынытця оце та й пыхны, все й пыхны в трубу. От загула и послидня. Салдат, ныдовго думавшы, взяв и соби пырыкынувся и тым же слидом ахнув. Лытыть вин, начы бурею ёго нысе, через лиса, болота... и опынывсь вин аж у Кыиви, в якомусь бенкети, а видьмы уже там. От тико салдата опустыло, як пидходе до ёго та видьма, у которои вин остановывся ночуваты и пидводы ёму билого коня та й кажы: «А ты, добродию, такы ны втерпив?! Ну, колы хочыш на свити жыты, так сидай на оцёго коня та убырайсь видциль мирщий, покы ны замитылы, а то тоби ны жывотиты». Вин скочыв на коня и полытив. «Лыты ж,— кажы видьма, — та ны оглядайся!» Салдат опять ны вытырпив — оглянувся — и ту ж мынуту пырыстав лытиты, очутывся на зымли, а вмисто коня пид ным оказалась била палка. Писля того салдат як начав иты додому, то йшов, ишов та й ны дойшов до сроку и вырнувсь назад в свий полк» (сл. Преображенная).

Из вышеприведенных рассказов вытекает, что ведьмы владеют волшебной силой оборотничества; они умеют, как говорят крестьяне, отводить глáза. Мы уже знаем, что ведьмы на Лысую гору летают иногда в виде сороки. Теперь проследим по народным рассказам в каких видах, образах совершают свои ночные подвиги ведьмы, отправляясь доить коров или мстить своим врагам. За исключением единственного рассказа о превращении ведьм, отправившихся доить коров, в змей, во всех остальных собранных нами рассказах говорится, что ведьмы ходят доить коров или в своем естественном виде, только простоволосые и в одной сорочке, или в виде собаки, сохраняя при этом человеческое лицо.

«В одном большом селе жило 12 ведьм; к одной из них зашел на

15 1—1657

ночлег странник. Она не отказала ему, и он лег спать. Проснувшись около полуночи, видит, что в хату вошло 11 баб и начали советоваться с хозяйкою о том, куда отправиться доить коров. Когда вопрос этот был решен, все умылись какой-то водой, поделались змеями и полетели в трубу. Тогда странник встал, взял топор, потом умылся также той водой и тотчас стал змеем. Полетел вслед за ведьмами, догнал и всех их изрубил» (сл. Кабанья).

«К одному крестьянину повадилась ведьма коров доить. Долго терпел крестьянин, но наконец решился поймать ведьму. Пошел в загороду, где были коровы, забился в темный угол, сидит ждет. В самую полночь является ведьма в белой рубахе, с распущенными волосами, с волосяным мешком и начинает доить у него коров одну за другой. Крестьянин и видит и слышит — да не может ни двинуться, ни закричать, как будто окаменел. Ведьма преспокойно передоила всех коров, потом подходит к хозяину и говорит: сидишь, Иване? Сижу, отвечает тот бессознательно, как бы во сне. «*На ж тоби грычаныка, та й сыды!*» С этими словами она сунула ему что-то в руки, а сама удалилась. Между тем жена крестьянина ждет его,— прождавши до зари, идет в кошару и видит, что ее муж сидит в угле со сложенными на груди руками, из которых виднеется кусок коровьего навоза. На мужике, как говорится, лица нет; с места сдвинуться невмочь и заговорить не в силах, парализован и только. Жена в голос, собрались соседи, стали шутить и смеяться над бедным мужиком; тогда он как бы очнулся, плюнул да скорее в хату. И долго потом без страха не мог вспомнить об этой ночи. Крестьяне верят, что ведьма не будет доить коров, если во дворе держать петуха и собаку *мартынят*, то есть таких, которые появились на свет в марте месяце» (г. Купянск).

Другие говорят, что для защиты двора от ведьмы следует держать особых собак, так называемых *ярчуков*. Этих собак достать трудно; нужно поступить так: когда в первый раз ощенится сука и первого щенка выведет тоже суку, то его нужно беречь, пока от него появятся щенки, и если первый щенок тоже будет сука, то и ее беречь, пока ощенится. Тогда первый щенок от этой третьего поколения суки, будет ли он кобель или сука, и есть ярчук. Когда ярчук вырастет, то он может кусать ведьм, чего обыкновенные собаки не смеют делать; многие из них даже не лают на ведьм. Ярчук не только лает, но может даже и загрызть ведьму, почему последняя старается задушить его, пока он еще мал. Поэтому-то ярчука следует тщательно оберегать от ведьмы, чтобы она не убила его, пока он щенок. В хате не спрячешь, так как ведьмы являются для этого и в хату, а нужно выкопать во дворе яму, посадить туда щенка и накрыть яму бороною, тогда уж ни одна ведьма не посмеет его тронуть, потому что она боится бороны. Вот потому-то, чтобы подстеречь и изловить ведьму, ходящую доить корову, садятся за бороною, вооружившись *прытыкою*, и тогда уже ведьма ничего не может *«поробыты тому чоловикови»* (сл. Араповка).

«Унадылась до одного чоловика видьма корову доиты. Оце вин и задумав ии пийматы. Ёму хтось наказав, шо як сядыш у загороди за бороною, то вона тебе не побаче. Вин так и зробыв. Сив за бороною и сыдыть. Вона прыйшла та зараз взяла гарячий кизяк та й положила ему за пазуху та й каже: «На тоби гостынец та й сыды до свита тут!», а сама корову подоила та й пишла соби, а вин просыдив до самого свиту с гостынцем за пазухой. Це, бачите, як уже сидаты, так треба знаты таку молытву — прочытав та й сив; а як не знаеш, так шкода сидаты» (хут. Малиев).

«Шел солдат в отпуск и остановился на ночлег у одной бедной вдовы. У нее была коровка, да и та в последнее время стала болеть: давать молоко с кровью. Старуха призывала знахарок, и те, посмотрев корову, сказали, что ее доит ведьма. Солдат попросил у старухи чего-нибудь повечерять; она подала ему молока. Солдат взглянул на молоко, тотчас же узнал, что оно сдоено после ведьмы, да и говорит хозяйке: «Хочешь, бабка, я поймаю ведьму?» *«Поймай, голубчику, поймай лыху лычину!»* Солдат пошел спать на двор и лег посередине двора на повозке. Спал ли он, не спал — видит: идут во двор две женщины в одних сорочках; подошли прямо к нему, взялись за повозку и повезли было ее из двора в реку. «Тпру!» — крикнул солдат, и повозка остановилась в воротах; ведьмы с оглоблями в руках так и застыли на месте и стояли там до самого утра, пока солдат не встал и не отпустил их» (г. Купянск).

При доении портят коров почти исключительно ученые ведьмы, родимые же вообще редко причиняют зло людям. Что касается приобретения нужного им молока, то они могут легко получить его от коровы, овцы, кошки или лошади, не уходя для этого даже из дому. Когда родимой ведьме нужно молока, берет она посуду и идет к себе в сарай, подходит к рассохе, что поддерживает сволок, вынимает из рассохи колышек — молоко и начинает течь из дырки в рассохе. Знай подставляй посуду, а молоко не перестает течь, пока колышек не будет снова вложен в дыру. У иных ведьм такая рассоха с просверленной в ней дыркой, заткнутой колышком, стоит просто в хате, поддерживая сволок. Правда, и при подобном способе доения у коров молока остается мало, иногда его совсем не оказывается, но все же корова не портится, не болеет. К родимым ведьмам обращаются иногда даже за помощью, как к знахаркам и лекаркам: они охотно помогают в болезнях и в несчастьях; возвращают жене любовь мужа, привораживают парня к девице, хотя, с другой стороны, расстраивают согласие между мужем и женой, ссорят жениха с невестой или, если на свадьбе прогневят, оскорбят их, то они могут жестоко отомстить за нанесенное им оскорбление: не только испортить молодых, но и весь поезд свадебный обратить в волков, сделать вовкулаками. Впрочем, по мнению большинства рассказчиц,

такие зловредные действия более приличны ученым, чем родимым ведьмам.

Верующие в существование ведьм крестьяне прибегают к разным исстари известным средствам для охраны коров от ведьм, при недействительности этих средств обращаются к местным знахарям и держат у себя в дворе, между прочим, собаку-ярчука.

«Пойихав я раз в Лыман Узюмского въйзду до свого брата в гости. Прыйихав, посыдилы трохе, погомонилы, а дали брат и каже: «От, брате, мини горе: як тоби звисно, у мене е собака-ярчук, така собака, шо й видьмы ии боятця, и вовкы: у неи вовчи зубы. Так от, як ця сучка ощеныця, то видьма визьме вночи та й подаве цуцынят. Шо мини й робыты — я й сам не знаю». «А ось шо,— я кажу ёму,— як будуть цуцынята, то ты скажы мини, так я ии зараз изведу». «Та ни»,— каже брат.— «Вирно,— кажу,— шо зведу». Тико це мы перебалакалы, аж ось входе ёго жинка знадвору та й каже: «А наша ярчучка, чоловиче, ощенылась». «Ага,— кажу я,— тепер я покажу, як з нею управлятьця». Дождалы мы вечера, узяв я голый быч з цыпа, пишов до клуни, сив у таке мисце, шоб ии можно було ударяты навидли (наотмашь), *як вона выйде з клуни. Ось чую: крычать цуцынята. Ну, думаю, ось я ж тоби дам, проклята видьма, цуцынят! Тико я це передумав, дывлюсь — иде з клуни здоровюща била собака. Я як двыну ии со всёго маху навидли бычем по морди, так вона и перекынулась. Тоди взялы мы з братом цю собаку, отволочылы в садок и бросылы, а коло неи положылы быч. Уранци пишлы мы подывытысь на неи — вона як щезла: ныма. Колы чуем — у сусида вмерла баба: не горила, не болила, звечера була здорова, а вранци бачуть — лежить мертва».* Этот крестьянин, по словам учителя П. Марусова, вполне убежден и всех уверяет, что он действительно убил ведьму (сл. Кабанья).

«Попрохала я,— говорила старуха,— *у одний барыни цуцыня, та й сама не знала, шо воно ярчук, и колы б воно выросло, то було б таке зле, шоб и близько к двору нашому не допускало видьму. Гостювала я в дочкы дви ныдили, потим пришла додому и пытаю у сына: «Чы ты кормыв пуцыня?» А вин одвичае: «Ни, ще сёгодня, мамо, не кормыв». Колы я узнала, аж моя собака уже другый день голодуе. Прынывола я сына питы выпустыты из конюшни пуцыня и даты ему исты. Тике шо вин отворыв двери конюшни, як из неи выхватытця така сылна буря, шо так и збыла с ниг сына и откынула его далыченько вид конюшни. Сын мий здорово злякався, вбиг скоренько в хату та й говоре: «Маменько, а маменько, бачылы, як мене турнула буря?» Я скорыш пийшла туды и бросылась дывитьця на цуцыня, и шо ж? Лыжыть бидна моя собачка потрощына на дрибны кускы. Тоди я и увирылась, шо буря — це була видьма. Цей случай я розсказувала многым людям, котори мини говорылы, шо видьма здорово не любе отого ярчука, так шо вона всякымы мирамы стараетця ёго стрыбыты. Для того, шоб видьма не стрыбыла ёго, треба ёго держаты в погриби пид осыковою бороною»* (сл. Гусинка).

«Рассказывала мне мать моя, что когда она была маленькой девочкой, ведьма была у них раз во дворе. Была у нас, говорила мать, молодая собака первый раз со щенками. А ведьма боится первого щенка, который называется ярчуком, так как у него есть такой зуб, которым он может задавить и ведьму. Вот ведьма обратилась в козу и прибежала к нам во двор, вбежала в сарай, где была сука со щенками, схватила одного щенка и ну душить его. Сука бросилась на козу и начала отбивать своего щенка, а коза-ведьма бьет ее копытами. Мы услышали визг собаки, прибежали в сарай, а ведьма обратилась клубком да и покатилась со двора. Когда наш ярчук вырос, ведьма снова прибежала к нам во двор, но уже в виде большой собаки; ярчук бросился на нее. Они схватились и начали грызть одна другую, и наша собака задавила ведьму. Поутру мы узнали, что в нашей слободе умерла старуха, которую все называли ведьмой» (сл. Сеньков).

Когда ведьма идет доить корову, то превращается чаще всего в собаку; подойдя к корове, принимает вид женщины, а кончив доить, снова делается собакой, берет в зубы подойницу и отправляется домой. Иногда, являясь в виде собаки доить корову, ведьма сохраняет при собачьем туловище свое человеческое лицо; конечно, тогда легко узнать женщину-ведьму.

«У мене було,— рассказывала крестьянка Дроботова,— *шисть коров; я щоранку ходыла их доиты досвиту. Раз устала, ще було дуже рано, дай, кажу соби, ляжу надвори, трохе полежу, поке повиднища. Лежу, чую; хтось дое мою сиру корову. Я мерщий пидтюпцем побигла до загороды. Колы туды зирк, аж там била собака дое корову. Колы вглядилась, а то моя сусидка Фекла. Я с переляку як крыкну: «Шо ты робыш, Фекло?!» Тоди вона взяла в зубы дийницю и полизла через тын до дому. Узнала я ии того, шо вона хоть и була собака, а морда в неи була жиноцька»* (сл. Кабанья).

«Одна жинка запримитыла, що у неи хтось коров доить уночи. Пишла вона звечера и пидсила пид коморою биля загороды. Сыдила до пивночи, не спала и бачить — бижить била здорова собака и дийныцю в зубах нысе. Зривнялась с нею, пидхватыла лапою свижу коровью гноину, як влипе — так и заплющыла очи тий баби, и не може та баба з миста рушитьця. И зоря занялась, и череду сталы выгонять, а вона все не пиднимытьця, поке хтось мымо гнав корову та й каже: «А ты доси сыдыш? Пиды пыку обмый!» Тоди вона пиднялась, а корова здоина» (сл. Тарасовка).

«Друга жинка,— продолжала рассказчица,— *то ж стала примичать, шо хтось до ии коров ночью навидуитця. Стала пытать у людей, як видьму зловить, еи и навчилы: «Возьмы,— кажуть,— осыковый килочек, сядь у загороди и стружы. Як вздрыш, шо до коров*

хто пидсида, того й смило ловы». Вона так и зробыла. Пишла, сила у загороды и струже осыновый килочек. Як гаразд стимнило, шось ии и обзыва: «А ты сыдышь и стружыш?» «Сидю и стружу»,— одвича вона. «Ну и стружы!» И тилько. И нич мынула, и сонце взийшло, а жинка та сыдыть и не може з миста пиднятьця, аж покы почула за плетнем обзыва: «А ты доси стружешь? Годи, вставай!» Пиднялась, пишла до коров, а коровы здоины, а хто доив — не бачыла».

«Одна жинка вечером пишла у загороду доить свою корову и бачыть: сыдыть собака пид коровою и дое, та як гляне на хазяйку, так на ти жинци так и подралось волосся на голови: отатарила и ны знае, шо робыты от страху, там и окамьянила. А та видьма дое та й дое, надоила молока стико ий треба, та тико через тын — стрыб. Помынай, як звалы! А та жинка — хазяйка, шо ишла доить корову, стояла усю нич на одному мисти и ны може з миста зойты. Отак-то видьма зробыла» (хут. Малиев).

«Жыло дви бабы; одний було шисдысят лит, а другий було симдысят, и у кожний бабы було по корови. Старша старуха була видьма и щоночи брала с собою казанок и бигала до сусидок доиты коров. От одын раз в пивнич видьма стука в окошко своий хаты и просе меньшу бабу одчиныты ий двери. Ця старушка розсердылась на видьму, шо вона кожду нич перебыва ий сон, ухватыла здорову палку, видчиныла двери и почала ще впотьмах быты собаку-видьму палкою та приговарюваты: «Не ходы, стара собака, доиты чужых коров!» И была до тых пир, покы вона опьять зробылась жинкою и стала прохаты у меньший бабы прощения: «Просты мене, свахо, тепер я бильше ныколы не буду ходыты по ночам». На другий день встала меньша старуха и пишла доиты свою корову. Подоивше ии, прогнала в поле, а сама пишла до сусидкы шыты. Як вечером прыйшла от сусидки додому, ии встритыла внучка та й каже: «Бабушко, на шо це ваша сваха чесала довго в синях праву косу и шось шептала, а потим полизла в погриб, достала одын глечик наш молока и им обмыла вымья наший коровы? Я здорово злякалась (оказывается, что меньшая из двух старух была сама рассказчица) *и побигла в загороду, де лежала моя корова. Бачу: корова страшно мучитця, вымья у неи страшно роспухло. Я зараз позвала ворожок, воны, слава Богу, выличыли мою корову»* (сл. Гусинка).

Ведьма принимает вид собаки, впрочем, не только тогда, когда идет доить коров, но нередко и тогда, когда она хочет или испугать кого-нибудь, или отомстить вообще кому-нибудь из своих врагов, хотя при этом, как увидим ниже, она сама часто очень жестоко платится за свои выходки и проступки. Нужно еще сказать, что ведьма при встрече с упырем, знахарем и с людьми, знающими известные заклинания, тотчас принимает сама свой природный вид, в каком бы образе она в это время ни была, не дожидаясь произнесения слов заклинания, потому что во время произнесения их она

испытывает сильнейшие страдания и притом никакого вреда знающему человеку сделать не может.

Случается, что поймают бабу на месте преступления, при доении чужой коровы; тогда, несмотря на все уверения лица, поймавшего женщину с поличным, что изловленная им баба простая воровка и что никаких заклятий ему не известно, большинство крестьянок останется тем не менее при убеждении, что поймавший воровку молока сам тоже не простой смертный, а знахарь, и что он не хочет только или не может сознаться в этом. Подобный случай вызывает почти всегда уважение со стороны крестьян к лицу, поймавшему, по их мнению, ведьму, и часто служит началом будущей славы этого лица как знахаря и поэтому источником будущих его доходов.

«Була я ще невыличкою дивчинкою и пишла раз ночью со своим старшим братом в сосидский сад красты яблок. Нарвавши повну заполу здоровых и чырвоных яблок, я перелизла через тын и без оглядкы пустылась бигты додому. Аж ось на дорози встрила мене жовта собачонка и стала кусаты ногы мини та й каже: «Нашо ты рвала у мене в садку яблокы?» Я так перелякалась, шо насылу добигла в хату и с тий ночи тры ныдили здорово хворала и тришкы не вмерла. Собачка була видьма — хозяйка сада, де я крала яблокы» (сл. Гусинка).

«Була я,— рассказывает та же старуха,— *на свадьби, де чула от одныи жинкы таке. «Вышла я,— казала та жинка,— вранци надвир за дровамы; пишла в хлив, набрала дров и йду. Як выскоче из дров здорова та кудлата собака, та як выхвате у мене велыку дровыняку, та як зачне быты мене, та так здорово, шо я упала и не своим матом просыла помощы. Як почулы мий крык, выскочилы з хаты, а собакы-видьмы ныма й слиду».*

Рассказ старика-солдата: *«Да, а шо вы думаете? Видьма — це така лыха лычына, що як на кого рябкого навратыця, так и смерть прыключаеця. Мини на вику самому була прышта з нею, положым, и ны раз; ну та мыне така погань обходы, потому зна, що на мини вже ны поиды, хоть колы там и наткнетця, так тико озовеся, то вона ото геть и подасть ныгы. А то случылось раз, ще я тико прыйшов из службы, а преже, звисно ж, служба була довга. Вырнувсь я додому, колы в мени ни роду, ни родыни: диточок, яки булы, Бог прыняв, и жинка померла; жыныться б то, бач, та яка там уже жынытьба, як ны кола, ны двора и сам пид литамы,— остався я так скытатьця. Занимався я портняжеством, и, ото було, шью де, там и ночую соби, а в случаи ныма работы, так у мени була кватыря. От раз моий хазяйци Бог дав сына, а хазяина, як на те, ны було дома. Случылось це ночью, и на ранок, бач, бы то кумив зваты. Шо ж ёго робыты? Дома ны пыжмукы ныма, и позычить для такого случаю ни у кого. «Мабуть,— ку,— наберу я мишок пшиныци та повызу до млына, ще досвита, Бог дасть, змелытця». А витыр був добрый. Набрав мишок, положыв на санчата и повиз самотужкы. Пидйизжаю до млына,*

слухаю — бряжчыть. «О, слава Богу,— думаю,— якраз поспив пид чергу». Ввийшов я и став просыты мырошныка: так и так, ку, пожалуста, уважиты. Той ны слова, засыпав, и воно духа выпало. Вызу той мишок обратно,— це мои санчата зразу — тыць! и оважчалы. Я гульк назад, а у мены така собацюга лыясыть на мишку, шо й на санчатах ны помистыця. «Э,— думаю,— це ны просто собака», та до неи: «Геть, поганька!» А вона лыжить, тико очыма воды. Я опьять озвався. Лыжить — ни ворухнетця. «Ну-ну,— ку,— ны на такого напала: будышь каяця!» И ны став з нею бильш змогатьця — пойхав. Въйзжаю в двир, вона, погань, такы лыжыть. Я, ничого ны говоря, прыйшов до неи, взяв ии ливою рукою навидли та до дровыняки и поодрубував ий передни лапы. «А шо,— ку,— нагрила мыне? Тепер покоряйся й сама!» Та й пустыв геть. На другий день мини-такы кортыть дознать, кого я так попоштував. А там на одну жинку пидсикувалы, шо вона видьма, а я пишов до неи будто полотно купуваты. От там с симьею слово по слову, а дали й пытаю: «А де ваша маты?» — та зирк на пич. Колы так: сыдыть вона на пичи у самому кутку, и рукы ганчиркамы пообвязувани. «Шо то у вас?» «Та це,— ка,— пальци пообрывало». Я тико покывав головою та ку: «Страмныця ты, страмныця, було б ни зачыпаты!» И пишов геть з хаты» (сл. Преображенная).

«У одного чоловика була мать видьма. От вона раз сняла з неба зирку и зробылась собакою. Той чоловик выйшов ночью надвир и баче — чужа звирына по двору ходе. Вин на неи почав крычаты: «Пишла, пишла, поганко!» А вона стоить соби, наче не чуе! Вин як схвате сокиру та як трахне — так ий и одрубав лапу. На другый день лыжыть его мате та квохче на печи без руки» (сл. Ново-Николаевка).

«Иде парубок уночи по вулыци, а его мате зробылась собакою и перебига ему дорогу. Вин догадався, шо це видьма, и не знав, шо его мате, піймав ии и потянув додому. Дома взяв одрубав ий лапы передни и задни. Уранци встае: «Ой, лышечко!» Мате лежыть на лави без рук и ниг» (сл. Кабанья).

«У одного священника была кобыла с жеребенком; работник хорошо ухаживал и смотрел за нею; между тем замечает, что лошадь с каждым днем все худеет да худеет, и у жеребеночка кости да кожа. «Что за причина? — думает работник,— кормлю досыта, пою вовремя, чищу, убираю — все как следует, а лошади худеют?! Не ходит ли ведьма доить нашу кобылу? Дай-ка засяду». И засел. Около полуночи является ведьма; подошла к кобыле и начала ее доить. Работник тихо подкрался к ней справа: «Так вот кто мою кобылу доит!» — и схватил левою рукою ведьму за волоса; она сделалась собакой, но работник не выпустил ее, а вывел из конюшни и отрубил ей передние лапы. На другой день по слободе прошел слух, что у одной женщины, слывшей ведьмой, отрублены на руках пальцы» (сл. Ново-Глухов).

«Ехал человек ночью со снопами около яру, видит: бежит к нему беленькая собачка, он и ударь ее кнутом. Она как гавкнет, да так толсто, да под волов. Волы в сторону, воз набок. Человек очутился под снопами с переломленной рукой, а собачка неизвестно где делась» (сл. Ново-Глухов).

«Возвращается поздно вечером женщина домой и видит — сидит на углу большая белая собака. Когда женщина поравнялась с ней, она сердито взглянула на женщину, загарчала и пошла за нею. Женщина обернулась назад и говорит: «Куда ты, поганко, идешь? Ступай своей дорогой!» Собака не отступает. Женщина бежать, вскочила во двор и кричит: «Вернись, вернись, поганко!» Собака за нею во двор; женщина скорее в сени и заперла дверь. Собака подбежала к сеням да и говорит: «Ну, счастье твое, что заперлась, а то ты б знала меня!» (там же).

«Зробылася собакою видьма и пишла в загороду чужых коров доиты, еи и вдарылы там по нози. На другый день пишла ця видьма на ричку, а у еи рука завьязана. Ну и пытають у еи бабы, чого рука завьязана, а вона и каже: «Це била пьявка вчера укусыла». Це, бач, палка вдарыла» (сл. Колодяжная).

«До барыни, шо тепер жыве в Купянци, ходыла ии же любымка коров доиты. Ця любымка и була видьма. От дое вона та й дое коров, а барыня и пыта роботныць: «Чево это так мало малака доете?» А ий кажуть, шо еи любымка ходе по ночах доиты. Вона не вире. От раз скотар баче — собака прыйшла и дое коров. Вин зараз піймав ии и вуха поодризував. На другий день приходе любымка до барыни, вуха пидвьязани, голова замотана; барыня пыта, чом вона не розвьязуетця,— вона одмогаетця, що вуха болять. Тут горнышна давай прохаты еи раскрытьця. Колы воны платок долой, а у еи ухив ныма» (там же).

«Шел мой дядя с кем-то из своих знакомых поздно вечером, смотрит — идет большая белая собака, а у дяди был топор. Они взяли да и отрубили ухо этой собаке. Утром зашли дядя к соседке, о которой люди говорили, что она ведьма; смотрят — она сидит на печке, ухо у нее завязано. Дядя и спрашивают: «Что это у тебя?» Она отвечает: не знаю, отчего-то заболело у меня ухо. Но дядя подсмотрели, что у ней ухо было отрублено» (г. Купянск).

«В одном селе появилась ведьма. Как ни старался народ отогнать ее от своего села, все было напрасно. Напрасно ходили крестным ходом, напрасно читали разные заклинания — ничто не помогает. За несколько времени до появления ведьмы в этом селе поссорились две женщины-соседки: одна богатая, а другая бедная; поссорились и разошлись страшными врагами, а до того были большие приятельницы. Немного времени спустя после ссоры одна из этих женщин, именно бедная, ушла из села на заработки да с тех пор без вести и пропала. Жители села предполагали, что явившаяся ведьма есть не кто иной, как та самая бедная женщина, и что она возвратилась

на родину с тем, чтобы отомстить своему врагу — соседке. И действительно, у этой последней стали пропадать коровы. Сперва сдохла одна, потом другая, третья — пропали все до последней; не осталось не только коров, но и телят. И богатая соседка ведьмы мало-помалу стала самою бедною женщиною в селе. Разорив свою бывшую приятельницу, ведьма обратила свою зловредную деятельность и на других богатых односельчан: у всех стал падать скот. Тогда народ назначил большую денежную награду тому, кто поймает ведьму и представит ее обществу. Охотников явилось много: но никто из них не мог схватить ее, потому что она при приближении такого человека с яростью бросалась к нему, выставив страшные когти,— она всегда имела вид какого-нибудь хищного зверя,— и вместе с тем грозила обратить в вовкулаку каждого, кто дотронется до нее. Но выискался наконец один знающий кузнец. С наступлением ночи он отправился искать ведьму; скоро нашел ее в виде белой собаки, ходящей вокруг сарая, в котором была корова. Проговорив какие-то слова, кузнец смело схватил собаку за шиворот, и она сейчас же стала женщиной и начала упрашивать его отпустить ее, обещая дать ему порядочную сумму денег, но только не теперь, а через сорок дней. Кузнец не согласился: частию, может быть, потому, что не был уверен в том, что ведьма не обманет его, частию и оттого, что не хотел потерять славы знахаря, а с нею и денег, назначенных за поимку ведьмы. Поэтому он приковал ведьму к железному столбу в кузнице и затем пошел объявить начальству о поимке ведьмы. Наутро собрался в кузнице народ, и в прикованной к столбу женщине все узнали ту, на которую и падало общее подозрение. Ее немедленно убили, труп ее вбросили в глубокую яму, засыпали землей и землю разровняли; стеречь же могилу в течение сорока дней наняли особого сторожа. Теперь то место и дорога к нему заросли крапивой, колючим кустарником и сорной травой, так что нельзя найти и следа могилы» (г. Купянск).

Ведьма-собака не может, по словам местных крестьян, никого укусить, а только испугать. Если же ведьма пожелает нанести кому-нибудь побои, хорошенько поколотить, *«шоб не забув до новик виныкив»*, тогда она принимает вид клубка, свиньи или кошки. Горе тогда навлекшему на себя гнев ведьмы человеку, если у него не найдется знающего заступника или если он не обратится с просьбой о защите к начальнику ведьм — упырю.

«Посёрылысь на вечерныцах парубок з дивкою. Дивка и похваляется: «Ну, сякый-такый, будыш же ты помниты!» А в неи мать була видьма. От раз иде той парубок пиздно вечера на вечерныци,— це шось як дасть ему сзаду пид ногы. Вин тико — брязь! Навзнак. Пиднявся, дывыця,— ныма никого, тико клубок кочаитця по дорози. Вин до ёго, а клубок геть. Парубок бросыв ганятьця та тико шо поверныця иты, а клубок опьять ёго як цвёхны, як цвёхны пид ногы, то той все так и гепны изо всых чотырёх. И так упостолыв биднолого чоловика, шо вин ледве жывый до первои хаты добрався. Ну, дума, це дурна штука, и став разсказуваты людям о своий прывыденции, а хтось и каже: «Це ныпрыминно якась видьма злобу на тебы имии. Ты б було хватав той клубок ливою рукою, та ны голою, а в ливий поли». На другый раз, скоро после чы ны скоро, опьять иде той парубок на вечерныци; от де ны взялась собака, та так и суныця ёму пид ногы. Вин, ны довго думавшы, руку в полу та хвать ии навидли — вона хоть бы трипнулась: як ныжыва стала. «А, попалась, голубко! Постой же, я тебе проучу, бильш ны будеш людей лякаты!» Взвалыв ии на плечи и понис на вечерныци. Дивка, котора була в серцях с парубком, як тико побачила собаку, зараз же и взнала свою матырь та скориш додому, а тий уже, сердешний видьми, наклалы, стико влизло, а дали й передни лапы поодрубували. Так вона, кажуть, писля того николы и на мыр ны являлась, а дочка ии так и осталась дивкою: нихто ии й ны сватав» (сл. Преображенная).

«Други люды, бач, смиютьця, а як я сама бачыла, так нехай крые Маты Божа! Уперве це було, ще я дивкою була, не тут, а у батька. У мене була подруга, а ии маты — видьма, як схоче, так навыду пырыкыныться. Я з иншымы дивчатамы та й полайся з тою, з видьмыною дочкою, а стара почула та й кажы: «Пидождить, я вже вам зроблю!» Писля того в ныдилю зибралысь мы, чимало дивчат и хлопцив, на юлыцю, вона и пырыкыныься в свыню, та така здорова, страшна, та як ахне на нас,— мы вси розбиглысь та в хату за пориг и перескочылы, а одын, бач, хлопець ны успив. Вона ёго догнала, як звале та й ну топтаты. Зтоптала ему усю спыну и пыку, и выду ны зоставыла — та й побигла. Той хлопець дви ныдили прогаявсь хворый: уси косточки болилы. А вона, бач, та баба-видьма ще нахваляетця: нехай ны чепляють мою дочку! Удруге то було, я вже бабою була, тут, на Солений. Та оця ж моя сосидка, вона ж видьмуе, та, бач, и полайся з покийным моим з свекром. С того часу щоранок, що прыйду коров доиты, а воны уже подояни; я й думаю: потривай, погань, я вже тебе схапаю! Схапала ... дуже молода була. Настала нич, я пишла та й сила пид коморою биля загороды. Так як опивночи дывлюсь — бижыть била собака и дийныцю в зубах держе, пидбигла до мене, взвызнула та пидняла свижу коровьячу гноину та як плющне мени в вичи и в выд: весь перед захлюскала гнием, и я як зкаминила: вона и коров здоила и пишла, а я все сижу — просыдила на одним мисти до свита. А як розвыднилось, тоди пишла в хату, а та баба прыходе та ще смиетця: «Чы спиймала видьму?» А втрете оце в торик було — була мини прычына! Ихалы пид вечер з Малиивкы нас четверо: тры мужыкы та я, два воза воламы, скрызь дорога борознамы. Дывымось — бижыть над дорогою по борознах стара сука, а одын и каже: ото, братцы, видьма! — та й крыкнув ий: «Бижы, бижы, така-сяка, ич, опизнылась!» Бач, насмиявсь. Вона обырнулась,— тилько на волив глянула, як злякаютця волы, обыдви пари, як брикнуть та з дороги по борознам. Биглы, биглы, видьмы

вже, бач, и не видно, а нашы волыкы усе дракуютця. Довго попосиялысь мы з нымы, покы воны до памяты прыйшлы. Люды калякають багато, а я кажу, шо сама бачыла, а чого ны бачыла, то не скажу» (хут. Нижний Соленый).

«Поссорились две соседки; одна из них и говорит: «Будешь ты меня помнить!» Как-то раз вечером идет вторая из гостей домой, смотрит — катится по дороге клубок да прямо ей под ноги, она оттолкнула его да скорее в ворота и захлопнула их. «Счастье твое, что успела уйти, а то б помнила меня!» — раздался голос из-за ворот» (сл. Ново-Глухов).

«Идет человек с осиновой палкой в руке ночью домой, видит — катится мимо него большой клубок. Человек как ударит по нем палкой — из клубка так и брызнула кровь, и он исчез» (там же).

«Иноди видьма клубком оказуитця. Раз одын чоловик ишов пизного вечыра, а видьма котыця клубком та як дасть ёму пид ногы, так той так и гепнув на спыну. Вин тикы поднявсь, а вона ёго опьять та опьять. Та так ёго выцьвохувала, шо вин тико-тико жывый додому добрався» (сл. Преображенная).

«Видьма — це така дрянь, що против ночы и згадоваты шкода, а то, чого доброго, прыйде тварюка та й задаве. Мини була сторыя. Идымо ми с товарышом так уже вечером, а треба вам сказаты, шо вин полаявся на вечерныцях с одною дивчыною, а про ту дивчыну усе казалы, шо вона видьма. Так оце мы йдымо, балакаемо. Дывымось — бижыть сучка, така, каторжна, здорова, била, каплауха; а я и кажу товарышу: «Дывысь, шо воно таке за собака?» «А я не знаю», — каже. Ну, вона пробигла, нычого не зробыла, тико так ловко подывылась на товарыша, шо аж у мене волосся дубом стало. А дали дывымось: шось спереду крутыця и бижыть прямо на нас. Раздывылась, а то выхор, а в тим выхри клубок. Як опырыще цей клубок мого товарыща по спыни, вин так — ырк — и урижыця об землю — и в другий и в третий раз, а мене и не займа. Так вин писля того трохы душу Богови не отдав. Так така-то сторыя! На другий день погнав я волы до колодезя напоаты, и вона, та дивчына, выйшла воду браты та й смиецця — каже: «Шо вам було, дядичку, учора?» А я кажу: шо ж, нычого. «Э, не прызнаваетесь! Нехай скаже спасиби вам — вы добрый чоловик,— а то ёму не так маялось зробыты: вин бы у мене литав отым бы выхрем, та вы не отходыте от ёго, и ёго нельзя самого взяты» (хут. Малиев).

«Одын парынь поссорывся с жинкою-видьмою; вона и задумала ёму за то отомстыты. От раз йшов пизно вечером той парынь из работы, як це де взявся здоровый клубок, прямо ёму и бьетця пид ногы. И так здорово ёго быв, шо вин все падав, бигши додому. Добився додому, тут пивни як заспивають, а той клубок хто й зна, де дився. Парынь упав якраз на порози и зробывся прямо як мертвый; тут вийшла ёго мате та й пыта: чого це ты, сыну? — а вин так перелякався, що нычого й не каже. Так тоди вже писли бабы и кажуть

«Бач, це видьма хотила щоб ёго убыты». А вин такы долго тоди прохварав, а потим, того, ёго бабкы вылычыли» (сл. Ново-Осинова).

«Одын чоловик пизно вечером йшов на бакшу ночувать и нис на плечах мишок с хлибом и пшоном. Вдруг як загуде коло ниг у того чоловика, вин глядь, а воно клубок котыця по дорози. Вин тоди и дума: «Оце кстати клубок найшовсь, озьму его на бакшу и употреблю на загороду, шоб птыця на бакшу не литала». Узяв той клубок и положив у свий мишок и йде дали. Пырыгодя як грызне ёго шось за шыю; вин мишок на землю, а з мишка выскочила кишка та хто й зна, де дилась» (хут. Егоровка).

Превращаясь в клубок, ведьма часто попадает в весьма неприятное положение, как это видно из следующих рассказов.

— «У нас у хутори, як я ще була маненька, коровы началы портыться. Одын дид и каже: «Це щось ныдобре, це видьма порте. Я вам посовитую пидстырычты ии». Вечером один чоловик и сив в загороду, де ёго ны було выдно. Дывиця: собака одчиныла ворота и сила пид корову. Тико вона хотила доиты, а чоловик як схвате ии за хвист та й держе. Глядь, а собакы як ны бувало: перед ным лыжав клубок, а вин держав ёго за нытку. Взяв той чоловик та й привязав ёго до тыну, а сам пишов в хату та лиг спаты. Наутро вин встав и созвав сусидив и повив их в загороду. Дывлятьця — там стоить гола жинка, привязана косамы до тыну, и ии узналы; то була вдова; жила вона на краю хутора. Мужыкы ии одлупылы добре та й пустылы. С тых пор коровы пересталы портытьця» (хут. Нижний Соленый).

«Шов по дорози мужык и баче — поперед ёго котыця клубок и прямо пид ёго. Мужык, ны довго думавше, взяв той клубок и понис додому. Дома ж взяв и прывисыв до жертки. На другый день дывыця, а намисто клубка высыть баба догори ногами» (сл. Ново-Николаевка).

«Иде мужик, дывыця — з горы клубок котыця, вин взяв ёго, принис додому, застромыв в ёго палычку и повисыв. Колы на другый день дывыця, а замись клубка высыть баба, а в вухах у еи та сама палычка, що вин у клубок стромляв. Колы до тии бабы, а то сама, що в слободи видьмою звалы» (сл. Колодежная).

«У одних людей доила ведьма корову; пошли они до знахаря, просят их горю пособить, посулили ему за это кусок полотна. Знахарь пришел вечером, нашел в загороде в плетне дырку и сел около нее. Как стемнело, видит — лезет в дырку что-то, он и схватил, а оно и обратилось в клубок. Знахарь отнес этот клубок к себе домой и прибил его к стене гвоздем. Наутро смотрит — висит не клубок, а женщина, за губу прибитая. Стала она просить знахаря отпустить ее и пообещала никогда уже не ходить доить чужих коров, а ему предложила три куска полотна. Он отпустил ведьму и получил от нее три куска полотна да и от хозяев коровы еще один кусок» (сл. Тарасовка).

Крестьяне говорят, что ночью в поле или даже на выгоне ни собака, ни свинья, ни кошка никогда не бросится на человека; там в эти часы бросаются и нападают на людей лишь одни ведьмы, принявши вид какого-нибудь из животных.

«Темного вечера восыны ишов батько мий на каравул до церкви, а воно кално, кално було. Це шось як заляпотыть та пид ногы — пид ногы батькови, а батько и бье палкою, де воно ляпотыть, та не попаде ёго. Як це воно одстало та через тын тилько — шургук та свинею: хрю, хрю, хрю... Тилько чуты, пошлякатило. Отож видьма и була свинею» (сл. Колодежная).

«В зимний вечер парубок йшов из вечерныць додому, а назустрич ёму бижыть свыня и хрюка. Той парубок иде соби та й иде, а та свыня начала ёго за нолы смыкаты зубамы. Той парубок що хоче ии ударыты та все ны попаде. Так вин водывся з нею усю дорогу, покы до дому прыйшов, та начав крычаты: калавур! Выбиглы ёго домашни и обороныли от тии свыни. Вин раз посёрывся из однието жинкою, а та жинка видьма була и сказала ёму: «Постой же ты, сучий сын, я ж тоби згадаю!» Ото вона ёму и згадала: перелякала ёго до смерты. Вин ныдовго и жыв на билому свити — умер от переляку в скором времени. Отак-то з видьмою спорыты! А лучше их ны займай, особынно молодых видём, потому що воны нымилостыви и сырдытиши от старых видём» (хут. Малиев).

«Одын мужык — ёго звалы Матвий — посёрывся с однието бабою, а вона, кажуть люды, була видьма. Раз нич була темна така, що хоть глаз колы, так ничого не видно, и йшов цей, бач, Матвий додому. Як це де ны взялась здорова та била свыня, та сердыта, та як насконе на ёго: покусала ёму ногы и жылы поперегрызала так, що вин упав на землю, а вона ёго все кудовче та кудовче — кудовчыла довго. Як тут к свиту уже дило стало; пивни заспивалы, а вона тоди и побигла геть вид нёго. Матвий так-сяк дойшов до своеи хаты та як захворав та через тыждынь и вмер. Так ище як вин був жывый, так бабы все, бач, казалы, що це ёго видьма перелякала» (сл. Ново-Осинова).

«Шел мужик поздно вечером домой; откуда ни возьмись — большая белая свинья, да прямо ему под ноги. Мужик был сильный, ударом ноги отбросил свинью в сторону, смотрит: уже не свинья, а клубок катится за ним. Мужик испугался и побежал скорей домой. Клубок катился за ним до самых ворот» (сл. Ново-Глухов).

«Идет по улице поздно вечером домой парень, старший сын у отца, а кругом парня бегает свинья: то спереди, то сзади хрюкает, пробежит сбоку, но не цепляет. Так провожала она парня до дверей хаты, тогда и говорит: «Счастье твое, что ты первый у отца, а то б помнил меня!» (там же).

«Унадилась ведьма к мужику коров доить; засел он в загороде; около полуночи видит — свинья идет; вошла в загороду и говорит: «Ты сидишь?» «Сижу». *«Бодай же ты сыдив до третих пивнив!»* Сама сделалась бабой, сдоила коров и ушла, а мужик сидел на том же месте, пока не запели третьи петухи» (там же).

«На краю слободы жила вдова; у нее был сын парень. Он почти никогда не ночевал дома, а все на вечерницах да на улицах. Мать часто бранила его за это; но он не обращал внимания ни на просьбы ее, ни на брань. Раз стоят на улице поздно вечером девицы с парнями и в числе их сын вдовы; вдруг в толпу их врывается белая свинья. Все бросились было бежать, но сын вдовы крикнул: *«Чого изলякались? Быйте, хватайте ии!»* Схватили свинью, повалили на землю и, отрубив ей на передних ногах копытца, пустили. Возвратившись утром домой, сын застал свою мать больной, стонущей, с обвязанными руками. Она стала бранить сына, а он ей в ответ: *«Хиба я знав, що це вы булы свынею»* (там же).

«Ишов чоловик из Буцковки в Чернещину, глядь — бижыть свыня до ёго и почала ёго штовхаты в пяту. Вин остановывся и каже: «Иды, поганко, геть; я иду своею дорогою, а ты ступай по своий!» Вона и побигла вид ёго» (сл. Ново-Николаевка).

«Одын солдат жынывся на дивки, у которои мате була видьма и кожну нич ходыла до сусид доиты коров. Салдат цей був здорово злый и ныдобрый, вин часто ругав тещу. Вона, разсердывшыся на нёго, зробылась раз кишкою и ничью, як вин выртався от товарыша, вскочыла ёму на плечи и, царапавше, говорыла: «Тепер ты будыш помныты, вражий сын, до новых виныкив, як мене трогаты!» Проказав ци слова, видьма зробылась свынею и начала так здорово турляты ёго, що збыла з ниг. Так вона промучыла бидного салдата до самои пивночи. С пырыпугу цей салдат захворав и пролыжав в больныци тры ныдили» (сл. Гусинка).

«Иде раз дид по улыци — це де ны возьмысь: кишка, третця вона до дида та й третця. Ударыв дид ту кишку, а вона як у воду впала, хто й зна, де и дилась. Це що стане иты дид — спиткнетця та й упаде и упаде. А як дийшов до тии хаты, де та саме видьма жыла,— не пиде та й не пиде ногамы. Насылу, насылу додому дийшов» (сл. Колодежная).

«У чоловика в двори бигала уночи кишка; бига, та все хазяину пид ногы, все пид ногы. Тырпив, тырпив вин, а дали взяв и одрубав ий хвист. На другый день цей чоловик пишов до видьмы, а у еи рукы ныма, вин и пытае: «Де твоя рука?» А вона каже: уночи приходыв до мене якыйсь дид и одрубав. «О, бабо, брешыш, брешыш! Я, жинко, вчора хвист у кишкы одрубав, а тоби, бач, вин був рукою. Отож не видьмуй!» (там же).

«Одын чоловик лиг спаты, ночью внызапно пробудывся од сна и видить: лизе кишка в окошко. Влизла вона в хату и стала ходыты по лавках та й найшла на лави кушин з молоком. Стала та кишка хлебаты молоко з того кушина, а той чоловик потыхеньку встав с постели, пидийшов до лавкы и хвать ту кишку за хвист, а вона як грызоне ёго за руку. Вин, ныдовго думавше, узяв ии за нижкы та як

начав ии тарохкаты об стину головою, аж луна йде по хати. Був, быв, убыв та й выволик на дорогу. Лыжала вона там усю нич, а як стало свитаты, ожыла та тико загула додому. А той чоловик аж об полы бьетця, шо ниг ны поодрубував,— якбы вин ногы поодрубував, то вона б лыжала тоди до самого пивдня на одному мисти. Колы хто пиймає видьму, то ногы або уха одризуе, то тоди вси и знатымуть, яка видьма була поймана» (хут. Егоровка).

Как в виде клубка, так равно и в виде колеса ведьма не всегда успешно достигает своей цели; чаще случается, что она попадает в страдательное положение, и вместо того чтобы наказать своих врагов, сама бывает жестоко наказана.

«Ишов одын салдат позного вечера, слуха — шось торахтыть сзаду, вин думав, шо хто йиде, извырнув з дорогы, колы вона шумыть прямо на ёго; вин гульк — котыця колысо. Служывый, похоже, був ны из торопкых: схватыв те колысо ливою рукою, а дали зняв з себе пояс, зануздав его и поволик на конюшню, там прычыпыв ёму до бантыны.[7] *Ураньци салдат дывыця, а воно высыть ны колысо, а жинка, изогнута в кильце»* (сл. Преображенная).

«Шел человек ночью домой, слышит: катится колесо да прямо на него. Не успел он отскочить в сторону, как оно налетело, сшибло его с ног, перекатилось через него и покатилось дальше» (сл. Ново-Глухов).

«Раз парубкы йшлы пиздно вечером по юлыци и спивалы писни. Дывляця на горку, а з тии горкы котыця колысо и прямо на тых парубкив. «Шо тут робыты?» — закрычалы воны уси. А те колысо прыкотылось до их та огнем так и осыпало усих; а дали як заскрыгоче, як сорока, тоди заскавучало, як собака. А между тымы парубкамы був такый хлопыць, шо первый у батька и у матери, та як начне вин те колысо лупыты палкою, аж палка потрощылась. А те колысо як лыпесне геть, та тики и бачылы ёго. Як хто первый у батька и в матыри, то тии людыны бояця уси видьмы, потому шо та людына може попасты палкою видьму; а як хто сыредний або меньчый, то той ничого ны подилает видьми, а вона ёго може и злякаты до смерты, и набытьця. Видьму можно ударыть хоть кому серцевиною из вербы» (хут. Егоровка).

Чтобы ведьмы не нападали, советуют ходить с палкою из клечанья, которым украшают на Тройцу хату; ведьмы боятся этой палки и обходят того человека, у которого в руках такая палка. Ведьма лишается своей волшебной силы, если ее ударить наотмашь голым бичом от цепа, или ударить по ее тени осиновым колом, или же тем колышком, «прытыкою», которым удлиняют короткие в плетне колья, дотачивают их. Вообще же *«як видьму быты, так усе треба казаты: раз, раз, раз; ны кажы двичи, трычи або ще як-нибудь,— ны вбьеш».*

«Раз пишлы дви дивчыны в лис по ягоды, нарвалы ягид и идуть додому. Дывлюця — по дорози йде повозка саме без коней; воны

посидалы на неи и прыихалы додому. Вийшлы в хату и кажуть батькови, шо воны прыйихалы на повозци. Вийшов батько, подывыся и узнав, шо то ёго жинка, узяв батиг и давай ии полосоваты. Жинка-видьма розсердылась, зробылась собакою и розирвала свого чоловика. Дивчата пишлы подывытьця, що там батько так довго робе, колы бачуть, а вин лыжыть розирваный. Мате поробылась колесом, покотылась з двору та й хто й зна, де дилась» (сл. Кабанья).

Являясь людям гороховой копной или копной сена, ведьма тоже не всегда может удачно окончить свои дела, потому что и в таком виде ей нередко случается столкнуться со знающим человеком, а тогда, конечно, ей приходится расплачиваться за грехи всех своих подруг.

«Окончив покос на лугу, косари расположились вокруг огня ужинать. Смотрят: сунется к берегу озера копна сена, ссунулась на воду и поплыла на другую сторону озера, там всползла на берег и в темноте исчезла» (г. Купянск).

«У Сонивци мужик взяв другу жинку, вона була видьма. Раз мужик йде до церквы, а видьма ёго и просе, щоб взяв и ии с собою, мужик ны захотив. От йде той мужик с товарыством позаду всих; товарыство благополучно пройихало, а ёго виз тилько брык: пырыкынувся. Ото на дорози ёго жинка з сердця копыцею зробылася, а вин и ны спостыгився, як зъйхав на еи и пырыкынувся. А тоди, глядь, копыци ны стало, хто й зна, де дилась» (сл. Колодяжная).

«Одын чоловик йшов из свайбы додому; дило було вечером, и вин був пьяный. Иде соби и спивае писни, а назустрич ёму повзе копыця гороху та прямо на ёго. Вин став ту копыцю обходыты, а вона так на ёго и повзе, так ёго и душе. Вин тоди начав крычаты калавур. Збигся народ до ёго — и ныма ничого коло того пьяного чоловика» (хут. Егоровка).

«Поссорились сосед с соседкой. «Будешь ты помнить меня!» — сказала соседка. Вскоре после того случилось этому человеку возвращаться домой поздно ночью. Идет он посередине улицы, видит: движется прямо на него копна сена, свалила и ну душить его. Он стал кричать караул; выскочили к нему на помощь соседи, а копны как не было» (сл. Ново-Глухов).

«Видьма — це така лыха лычына, що як на кого вражду мае, так ото хоть и ны дыржы коровы, бо вона ии вже спорте. До наших сусид вона як унадылась, от собакы щоночи валують та й валують, а я соби на уми: ну, пидожды ж ты, негодна тварь, я ны с такых, щоб тебе боявсь! У мене, бач, ще батько був по цый части дока та й мене кой-чому навчыв, того мене всяка така погань обходе. Дождавше ночи, я и сив у себе пид тынком. Це так як люды обиснулы, собакы як пиднимуть гвалт, наче кого за полы водять,— я тико хотив пидняця, колы вона прямо коло мене суне гороховыною, значиця, гороховою копыцею. «Чого ты, мара свитова, тут

собак дражнеш?». Та за нею. Вона як зашумыть та в двир до сусид, а дали на пиддашки[8]*; а сусиды спалы в синях, и двери булы одчыныти, воны — хлоп та й засунылы сины. Вона тоди чырыз тыны та в садках десь и заховалась. На ранок, бач, и пройшла чутка об цию прышти. Скоро — ныскоро на нашим плану собралась вулыця. От одна баба и проязычыла, що отакый-то, бач, на мене вказуе, впиймав видьму таку-то. А в нас на неи-то подскувалы. Дошло до тии, а вона в росправу с жалобою — бач, як ии порочыты?! Тянуть мене туды. «Шо ж,— ку*[9]*,— ловыты я ловыв. а ны казав яку; я й не впиймав. а, ны вловывшы, звисно, ии ны взнаеш». Прывели ту, котора пустыла цю ясу. «Та я, ны я,— не знаю». А дали вдвох уже як щипылыся, так та вже видьми як почала доказуваты: «Ты, лыха лычына, и ны страмылася бы! Як ты отакого-то нывистку доброму навчыла, шо та чырыз тебе свого чоловика умыртвыла. Вона, добри люды, каже вже судьям: отаку-то молодыцю навчыла, щоб вона наварыла з ключикамы борщу та нагодувала свекра и свекруху. Та забула ключи выняты, а свекруха сыпе борщу,— це наче в горшку шось забряжчало: та мыску на стил, а сама опять до горшка,— глядь, а там ключи. «Що це таке?» — пытае свыкруха. Нывистка ни сяк, ни так — та й прызналась. Ти ж, що ны йлы, осталысь живи, а сын и ны туды-то, найився та вскоросты ж вин и вмер. От, бач, що ци видьмы роблять, а в наший слободи их багацько, я их всих знаю»* (сл. Преображенная).

«Жыв соби чоловик; жинка ёго була видьма, а дитей у ных не було. Раз прыйшло до неи дви бабы; повмывалысь воны, збилылысь-то зильем и поробылысь — одна собакою, друга копыцею, а третя деревом дубом, и пишлы доить коров. Потим того прыходять додому, чоловик засвитыв свитло, запер двери на замок и тоди давай лупить собаку веревкою. Быв, быв, аж покы вона стала жинкою. Тоди сокырою перерубав дубка, а копыцю сина поризав на сичку. Уранци встае, а в нёго одна жинка лыжить надвое разрублына, а друга на куски поризана» (сл. Кабанья).

«Зробылась видьма копыцею сина и посунулась по дорози. Прысунулась до коровы и стала ии доиты, а корова побачила, шо коло неи сино, стала его йсты. Як здоила корову, то посунулась додому. Уранци всталы диты и бачуть, що у матери вырвано волосья на голови,— ото его корова позъйдала. Корова дожыла до ранку та й здохла. Хозяйка тии коровы пишла до видьмы и баче, шо та варе кашу до молока. Вона и пытаеця: «Де ж ты взяла молока, у тебе ж нема коровы?». «Та я соби купыла». «Купыла?! Купыла у нашои коровы, шо тепер здохла». Тоди хозяйка прыйшла додому и здрала з коровы шкуру, розризала живит и найшла там волосся з цилои головы» (там же).

Выходит, что ведьма отводит, как выражаются крестьяне, глаза не только людям, но и животным. Следующий рассказ служит дальнейшим подтверждением этого взгляда.

«Одын раз видьма зробылась собакою и пишла доиты корову. Прышла до коровы, доила ии, доила, аж поке та не стала даваты молока; тоди видьма зробылась тылям, прысцяла корову, и вона стала даваты знов молоко, а видьма впьять стала ии доиты. Як надоила повну дийныцю, то взяла з неи трохе молока и позамазувала корови дийки. Уранци пишла хазяйка доиты корову, аж вона не доетця. Сяк-так трохе здоила, а воно й то червоне. Тоди вона ввийшла в хату, затопила пичку и стала на сковороди прягты це молоко и лыты ёго пид пориг. Аж ось прыбигла баба и заглядае в пичку, де пряжеця молоко. Хазяйка стала просыты ии, шоб вона справыла корову. Видьма пишла справыла, и корова стала доитьця» (сл. Кабанья).

«У одной женщины была взрослая дочь, собой некрасивая, и один из знакомых парней часто дразнил ее. Долго терпела девушка, наконец пожаловалась на парня своей матери, а мать-то ее была ведьма. «Я ему покажу, как обижать мою дочь»,— сказала она. Раз тот парень с товарищем пас на лугу волов ночью, и нужно было ему сходить зачем-то домой. Луг был сухой; но не прошел парень и половины луга, как видит впереди себя болото, с каждым шагом вперед ноги все глубже уходят в грязь. Попробовал идти в сторону — и там вода и купины; повернул назад — кругом болото. Бился он, бился — не выбьется из болота, ну кричать, звать товарища на помощь. Долго кричал он, пока тот услышал и, подходя к нему, спрашивает его: что случилось? чего кричишь? «Да разве не видишь, что я никак не выберусь из болота». «Где там болото? Ты стоишь на сухом месте, как и я». Оглянулся парень: действительно, кругом сухо, даже трава сухая. Так вот как наказала ведьма парня за насмешки над дочерью» (сл. Ново-Глухов).

Уже на основании вышеприведенных рассказов позволительно сделать вывод, что, по взгляду крестьян, способность к превращениям у ведьм неограниченна, что ведьмы могут принимать на себя вид не только разных животных, но и разных предметов. Настоящий вывод находит дальнейшее подтверждение в следующих рассказах.

«Шел один человек с работы домой. На дворе была темная ночь. Вдруг он во что-то запутался на дороге и упал на землю. Оказалось, что на дороге лежал новый полушубок. Обрадовался человек такой находке, взял его под мышку и пошел домой. Пришедши к себе, повесил найденный полушубок на вешалку. И что же? Наутро оказалось, что на вешалке вместо полушубка висит женщина-ведьма» (г. Купянск).

«Рано поутру вышел хозяин из хаты взглянуть на скот и увидел под одной коровой ведьму. Бросился он к ней, но она исчезла. Подошел он к корове поближе и нашел там большую иголку; взял он эту иголку, принес в хату, затянул в ушко нитку и повесил на крючок. Утром видит — на крючке висит баба, за уши привязанная. Мужик снял бабу, набил ей в руки и ноги гвоздей, а потом отпустил

домой. С тех пор ведьма перестала ходить к его коровам» (г. Купянск).

«Одна жинка вечером шукала своих тылят. Уже й смеркло, а тылят ны найшла. Нич була свитла од мисяця. Ходыли та жинка коло дорогы, дывыця — шось блыщыть на дорози; вона пидойшла, а воно — голка лыжыть; жинка и взяла ии. Прыйшла додому, глянула на ту голку, а вона ворушыця. Жинка начала будыты свого чоловика, шоб и вин подывывся на ту голку, а як збудыла свого мужа, то иголки вже ны було: двери самы одчынылысь, и вона переробылась на мыш и выскочыла из хаты» (хут. Малиев).

«Иде жинка по вулыци, дывыця — на дорози лежить голка; вона нагнулась, трычи перекрыстыла ии, взяла и пишла додому. Увечери сила та жинка шыты ею, потим того замотала ии в полотно и положыла на лави. Уранци встала, а на лавци вмисто голкы лежить гола жинка в полотни, и нытка протянута в ухы» (сл. Кабанья).

«Иде жинка по вулыци и баче — суныця по дорози голка; вона ии пидняла и пишла дальше. Назустрич иде ии кума. «Здорово, кума?» «Здорово». «Куды йдеш?» «Та иду купыты соби голку». «Купы в мени — я знайшла на дорози». «Продай. Шо даты?» «Копийку». «На». Прынесла додому кума голку, положыла на лавци, а з голкы зробылась баба» (там же).

«Ехал человек по дороге верхом, а навстречу ему катится клубок и ударил коня его в ногу; конь сейчас стал хромать на ту ногу, а человек взял тот клубок, привез домой и наткнул его на кол. Прошло немного времени, пока убрал лошадь, взглянул и видит, что вместо клубка висит женщина. Взял он ее в хату и говорит: «Ну, голубушка, теперь попалась, уж я тебя спалю!» И вбросил ее в горящую печь, но только хотел придавить ее там, как она превратилась в ворону и сама вылетела из печи и вынесла из нее весь огонь. Мужик успел, однако, схватить ворону и понес ее в поле, распял и хотел расстрелять. Только прицелился — нет вороны; идет к тому месту, а там игла лежит. Взял он иглу, принес домой и воткнул ее в стену. Но она недолго там торчала: сделалась мухой и вылетела из хаты так, что и мужик этого не заметил» (сл. Тарасовка).

«Жыв соби чоловик та жинка; а та жинка ёго була видьма. Видьмувала вона так, шо и чоловик ии ны знав, шо вона видьма. От одын раз чоловик проснувся од сна, глядь — жинкы ымае на постели. Дило було уночи, саме сырыд ночи. Вин тоди засвитив лампу и начав шукаты свою жинку. Шукав, шукав — ны найшов; вдруг самы двери одчынылысь и влытила в хату муха и начала литаты по хати: аж гуде, а той чоловик и ны спускае з очей тии мухы. Та якось задывывся в другу сторону, а з тии мухы стала его жинка, а вин як уздрив ии, то так жахнувся, шо изо страху умер чырыз дви ныдили и пять день» (хут. Малиев).

«Ишов солдат з службы додому и впросывсь ночувать до одной

жинки в хату, а та жинка була видьма. Вночи вона пишла коров доить. Пишла тилько душа ии, а тило осталось и лежить як мертве. Солдат побачив, шо воно мертве лыжить, взяв и перевырнув тило головою туды, де ногы, а ногамы туда, де голова лежала. Враньци вырнулась душа видьмы и не може в тило войты: пидходе разнымы видамы — и куркою, и гускою, и мухою, и бжолою — ныяк в тило не попаде. Пролежало так до обид; в обид солдат узяв и перевернув тило так, як душа его покынула, зараз душа и ввийшла: ожила жинка, важко-преважко здохнула, а солдат сказав: «Добигалась!» Ничого видьма ёму не отвитыла» (сл. Тарасовка).

«Раз вечером парубкы йшлы на вечерныци и побачылы на дорози дошку, аршын зо тры довжыны, а шырына тико одын аршын. Ото воны узялы ии та й понyслы на вечерныци, дорогою й гомонять: оце буде з чого робыты балалайкы. Прыйшлы ти хлопци на вечерныци и ту дошку унyслы у хату та й положылы сырыд хаты. А та дошка зараз зробылась собакой та тико стриб — выскочыла у викно — и помынай як звалы» (хут. Малиев).

«Одна видьма зробылась яблуком и котыця по дорози, а хлопець пидняв ёго та й зъйв. Увечери прыйшов додому, повечеряв и лиг спаты. До пивночи спав тыхенько, а як заспивалы пивни, то у ёго стало в животи шось ворушытьця. Досвита ёму пузо роздуло, як барыло, а потим лопнуло и видтиля вылизла баба» (сл. Кабанья).

«Одын чоловик поспорыв из жинкою днем, а та жинка и сказала тому чоловикови: «помны, сучий сын, я ж тоби!..» — тым и кончилось. А як настав вечыр, то той чоловик пишов до свого сусиды позычаты грошый, та тико выйшов из свого двору, на ёго набигла видьма витром — аж трохы ны впав. Пройшло часа два, и на того чоловика напалась хвороба — пропасныця, и вин через ныдилю умер. Отак-то видём займаты! А лучше им нада уважаты и ладнаты з ными, шоб воны тоби ниякого зла ны робылы. А як поспорыш з видьмою, то мырщий иды до их начальныка — опырякы и просы его, шоб вин тебе помылував и шоб прыказав тий видьми, з якою ты поспорыв, шоб вона ны займала тебе. От як опыряка прыкаже видьми шо-ныбудь, то вона ёго послуха, хоть ныхай як вона буде с тобою сырдыта: видьмы по ёго прыказу поступають» (хут. Егоровка).

«Одын чоловик виз дубы, и треба их через паром перевезты, а вин був знахур. Грошей у нёго не было за перевоз заплатыты, вин и каже хозяину перевоза: «Перевызить мини дубкы, а я за то скризь дуба пролизу». Хозяин дыву давcя, захотив побачыть, як вин то зробе. Поладылы, перевезлы дубкы. Знахур отвив очи перевощику и полиз по дубках, а им здаетця, шо вин скризь дуба лиз. А тут пидъйзжа видьма и закрычала: «Чему вы дывуитесь? Вин лизе по дубках, а не в середыну». Знахар осерчав на видьму и закрычав: «Подывысь, у тебе кони подохлы!» И справди, усы бачуть — кони дохли лежать. Видьма стала просыть знахура, щоб простыв; стала

ёму кланятьця. Вин послав ии додому, и сам прыйшов до неи и каже: «Бач, яка розумна! Хотила мене пидвысты, а сама здобрувала, и кони подохлы. А скильки бачыв, як ты бигала за своими дилами; вздривав, як ты несла молоко од чужых коров, я не мишав тоби, а знаеш, замовыв бы так, шо вдруге ни пишла б. Ну, иды вже, возьмы своих коней, та бильш так не робы!» А видьма пытае: «Якых коней? У мене була пара, и ти подохли». «Пиды заберы их». Пишла, а кони жыви, стоять запряжени» (сл. Тарасовка).

Знахари, в особенности упыри, иногда показывают свою власть над ведьмами, заставляя их являться в разных видах или же наказывают ведьм, когда те решаются вступить в борьбу с ними.

«Идет ночью по слободе мужик-упырь и видит собаку. Взглянув на нее, он сразу узнал, что то была не простая собака, а известная ему ведьма. Остановился и обращается к ней со словами: «Славная собачка, славная собачка! А если б ты да сделалась свинушкой!» Собака сейчас же по разговору узнала своего собрата — начальника — и обратилась в свинью. Упырь говорит: «Славная свинка, славная свинка! А если б ты да сделалась телушкой!» Свинья сделалась телушкой. Тогда упырь приказал ей сделаться жеребенком. Ведьма превратилась в жеребенка, упырь взял и отвел его к кузнице и попросил кузнеца подковать приведенного жеребенка на все четыре ноги. Когда жеребенок был подкован, упырь отпустил его. Утром в слободе многие узнали об этом и приходили посмотреть на подкованную женщину-ведьму» (г. Купянск).

«Ехали чумаки с рыбой, а ведьма хотела украсть у них рыбы, сделалась собакой и пошла между возами. Ведьма была еще молода и не вполне сведуща, а между чумаками был знахарь. Он заметил ведьму, взял железный шкворень, спрятался за воз и, когда ведьма поднялась, чтобы взять с воза рыбы, ударил ее шкворнем. Ведьма хотела было превратиться чем-нибудь другим; но и это ей не удалось сделать, потому что знахарь тотчас так ее заговорил, что она стала бессильной и неспособной к превращениям. Собрались прочие чумаки и стали бить собаку; ее избили так, что она едва дышала. Тогда знахарь обратил ее опять в женщину, и так как она была до того избита, что не могла идти, то чумаки отнесли ее в ее хату и там бросили едва живую. Кончается эта ведьма и так страшно мучится, что все присутствовавшие в испуге убегают из хаты. Узнав об этом, приходит ее подруга и просит просверлить поверх дверей насквозь дыру. И как только это сделали, ведьма в ту же минуту умерла, и на всю хату пошел смрад» (сл. Тарасовка).

«Оралы орачы у поли, и корова там була. Ведьма и захотила ии здоить и ходы коло воза в разных выдах: то собакою, то коровою, то кишкой. Орачы побачылы, шо воно все пидходе то тым, то другым, и догадались, шо то видьма, и сталы пидстерегать. А вона перекинулась кобылою та й иде; воны ии и поймалы та взялы и пидкувалы, а тоди и пустылы. Прыйздять до дому, а им и кажуть, шо чудо проявилось: сусидка ходе пидкована, на руках и на ногах пидковы. Воны ничого ны сказалы, а пишлы до неи. Видьма стала прохаты, шоб ии простылы, стала клятьця и дала зарок бильше не видьмувать. Орачы простылы и роскувалы ии» (там же).

«Поздно вечером вышли из шинка рекруты с дядькой своим, старым унтером, идут по Ахтырской улице и поют. Смотрят: навстречу им ползет копна сена и загородила им дорогу. Испугались рекруты, песня оборвалась, бежать бы, да стыдно дядьки, а он пошатывается да посмеивается только. «Что, струсили, ребята? Ничего, не бойтесь: мы и не таких видывали! А вот выдерните-ка из копны по жменьке сенца»,— сказал старый унтер своим струсившим было племяшам. Те двинулись храбро к копне, только что за сено, а перед ними уже стоит белая лошадь. Снова оторопели рекруты. «Тпру!» — крикнул унтер и приказал им взять и отвести лошадь к кузнецу. Вызвали кузнеца да и подковали лошадь на все четыре ноги. Подкованная лошадь оказалась, как это в подобных рассказах всегда случается, женщиной» (г. Купянск).

«Видьма зробылась кобылою и пишла гулять по вулыци. Мужыкы ии впиймалы, пидкувалы на чотыры ногы и пустылы. На другый день чують: баба пидкована на рукы и ногы» (сл. Кабанья).

«Шел в город молодой крестьянский парень; застигла его в дороге ночь; он и зашел на постоялый двор переночевать, а хозяйкой там была старуха. Она охотно приняла парня, и он расположился спать в сарае, потому что время было летнее. Вдруг слышит он: заскрипела дверь — и видит: входит в сарай безобразная старуха, подходит к нему, протягивая руки, как бы желая обнять его. Парень отворотился от нее к стене, но тотчас почувствовал у себя на плечах старуху, которая вынесла его затем в поле и начала ездить на нем по полю. Парню кое-как удалось вывернуться из-под старухи и самому сесть верхом на старую ведьму. Он долго ездил на ней, пока, наконец, она в изнеможении упала. Тогда парень, избив ведьму до полусмерти, бросил ее среди поля, а сам отправился в город» (г. Купянск).

«Полюбылысь парынь з дивкою и собиралысь, як водытця, побраця. Цоп — восьны того парубка забралы в солдаты и погналы кудысь далеко; а дивчына ёго так и осталась. От в городи тим, чы станицы, чы де там вин служыв одна дивка опьять возьмы и влюбысь в ёго и до того влюбысь, шо хоть пытлю на шею. Вже вона шо, ны шо — так ни, вин до неи просто ныяк, стало быть, домашнеи ще ны забув. Томылась та дивка, томылась, а дали нывмочь ий стало и прызналась своий матери: так и так, ка, жысть свою рышу. А маты ии була видьма. Звисно, матыри жаль своеи дытыны, вона и здумала прычарувать до дочки того солдата. Зробыця, було, ось якою ны такою разкрасавыцею и явыця до ёго уночи, начне коло его лыстыця, прыпадаты и так ёго щоночи измучы, шо вин на ранок встае, як вялый. Довго вин тырпив, мовчав, наконець того выбывая

из мочы и став жалыться гундырю: так и так, дядя, говорить: просто ныззя жыть, шо за красавиця — и сам не знаю, ну только спокою мини не дает. А гундыряка той, похоже, був дока по цым частям. «Вот,— говорить,— ны знаешь што, это ведьма; хошь, поменяемся местами, так я ее проучу!» Той, звисно, зо всым удовольствием. На другу нич гундырь лиг на постели солдата и заховав пид подушки вуздечку. От являиця опьять видьма, вин зараз — кыдь на неи вуздечку та: тпру! — вона вдруг зробылась кобылою. Той тоди сив на неи верхы и давай ии ганяты. Ганяв, ганяв, аж пока мыло на ний впало, а дали посадыв ще й солдата. И так уходылы сердешну, шо вона ледве на ногах держалась. Потим повылы ии в кузню, пидкувалы ии на вси чотыри и опьять началы кататьця. На зори гундырь зняв с кобылы вуздечку, вдарыв нею ии по спини, и вона опьять зробылась бабою. Ледве жива потынялась видьма додому, побрязкуючы пидковамы, зализла на пич та й плаче; дочка тож плаче, и ны знають, як горю своему пособыть, а дали рышылысь просыть тож гундыря, шоб вин положыв гнив на мылость. Вин повив ии в кузню и розкував» (сл. Преображенная).

«У одного сельского писаря не было детей, а имел он у себя племянника, которого любил, как родного сына. Племянник был портной. Он познакомился с купеческой дочкой, и они провели два года в любви, а на третьем поссорились. Портной спал летом на дворе под сараем и ложился спать всегда поздно. Раз только что он улегся на своем обычном месте, подходит к нему молодая кобылица и начинает пожирать крышу сарая над его постелью. Ночные посещения этой кобылицы вредно подействовали на здоровье молодого человека. Он стал худеть, сохнуть, дядя и спрашивает его: «Скажи мне, Петя, чем ты болен?» Тот отвечал: «Я ничем не болен, но чувствую с того времени, как поссорился с одной девушкой, такую тоску, что когда ночью прибегает ко мне молодая кобылица и начинает жрать с сарая крышу, то я чувствую такую боль, будто она вырывает у меня в это время из груди мое сердце». Словом, он открыл своему дяде все свои тайны. Да дядя его и сам знал все это хорошо, еще лучше его самого, потому что он ведь недаром слыл в слободе за знахаря. Выслушав племянника, дядя посоветовал ему разыскать место, где бабы трут коноплю, насбирать там *термити* и сплести из нее *оброт*.[10] Тогда лечь на свое обычное под сараем место и ожидать прихода кобылицы. А когда она придет и станет жрать крышу на сарае, схватить ее правою рукою за гриву, а левой накинуть на нее оброт; затем сесть на нее, окрутиться на месте один раз кругом и потом пустить ее. После этого она никогда уже не будет являться по ночам мучить тебя. Так окончил дядя свой совет. Племянник исполнил все по совету дяди. Кобылица попалась в оброт и покорно стояла под рукою; он сел на нее, окрутнулся раз на месте, и ему показалось так хорошо, что даже вообразилось, что он объехал весь свет. Тогда он окрутнулся другой раз и третий, а тогда

и думает: что мне с нею делать? И вздумал подковать ее. Поехал до кузнеца и просит его подковать кобылу. Кузнец сперва не соглашался подковывать в ночное время, думая, что эта кобылица может быть ворованная, но когда ему предложено было три карбованца, он согласился. На дворе между тем светало, и кузнец, вышедши из хаты, тотчас узнал племянника своего сельского писаря и спросил: «Где вы взяли, Петр Самойлович, лошадь, и что вас принуждает теперь ковать ее?» Портной просил скорее подковать, говоря: после узнаете. Подковавши кобылицу, снова сел на нее и поскакал быстрее птицы домой, там слез, снял оброт и, отпуская, проговорил: «Ну, теперь ты не будешь больше ко мне ходить и сердце мое сушить!» Лег спать и проспал до утра благополучно. На другой или на третий день узнают, что дочь купца лежит больна, что она подкована, а через несколько дней — что она умерла и что, умирая, она просила своего отца, чтобы по ее смерти на могиле ее сидел три ночи племянник сельского писаря, бывший друг ее. Отец обещал беспрекословно исполнить ее просьбу и просил Петра Самойловича просидеть на могиле ее три ночи. Этот опять обратился за советом к своему дяде. Дядя сказал ему, что просьба умершей должна быть исполнена, но вместе с тем посоветовал ему достать петуха, взять его с собой на кладбище, сесть на могиле за крестом и, когда явится какое-либо видение, придавить петуха, чтобы он закричал. После крика петуха все исчезнет. Племянник поступил по совету дяди, достал петуха, пошел и сел на могиле купеческой дочери за крестом — дожидает, что будет. В полночь вдруг раскрывается могила и оттуда вылазит купеческая дочь. Вылезла, осмотрелась и начала свистать, кричать. На ее свист и крик появляются разные чудовища и ждут ее приказаний. Она приказывает одним тотчас поставить кузницу, другим — развести огонь и наковать подковы, третьих посылает в известное место под сарай взять и привести на кладбище портного. А он сидит ни жив, ни мертв за крестом, а потому они не видят его. Отправились посланные, искали, искали его в указанном месте — не нашли; побежала она сама к нему в дом, но скоро возвратилась назад и бежит прямо к нему за крест. Видя беду, портной придавил петуха, петух закричал, и все в одно мгновение исчезло. То же повторилось на вторую и на третью ночь — портной во время успевал заставить петуха крикнуть и остался невредим, отделавшись одним страхом. И так намерение ярытницы подковать своего прежнего друга не осуществилось, потому что дядя его сам был из волшебников и совет его спас молодого человека» (г. Купянск).

«Жила себи старуха, а у неи був онучек. Ходыв вин на ярмарок, там купцивна побачить ёго, шо вин иде на ярмарок, та выбижить на вулыцю та й каже: «Молодець, молодець, якбы ты мии жеребець, я б на тоби йздыла, йздыла!» Це вин иде на ярмарок, вона ёму так каже; из ярмарку иде, вона ему так же каже, а вин и не зна, шо ий

отвичаты. Та пришов додому та й хвалытся своий бабущи: «Бабушко, як я шов на ярмарок мымо купцивого двора, а купцивна выбижить, ёго дочка, та й каже мини: «Молодець, якбы ты мий жеребець, я б на тоби йздыла, йздыла!», а я не знаю, що ий и казаты». «А ты, сынку, як пидеш на ярмарок, так скажи ий: «Дивица, дивица, якбы ты мая кобылица, я на тоби йздыв, йздыв!» От вин пишов на ярмарок, вона й выбигла та й ёму каже: «Молодець, молодець, якбы ты мий жеребець, я б на тоби йздыла, йздыла!» А вин тоди ий и каже: «Дивица, дивица, якбы ты моя кобылица, я б на тоби йздыв, йздыв!» Их! вона так и схватылась кобылицею; вин сив на неи верхом та й пойхав у чистое поле. Уже вин на неи йздыв, йздыв и по лисах, и по ярах, и по буграх, та так ии выйздыв, шо з неи мыло впало, и повернув додому. Прийхав до двору до ии — вона упала коло ворит и переробылась на дивку и здохла. Той хлопець прыйшов додому, а там вышла горнышна за ворота — аж лежить ихня панянка вмерша; ны зна нихто, шо з нею случилось. Та й узялы ии в комнату, нарядылы та й положилы на столи. А вона була ярытница и батько ии ярытнык, и взнав вин, шо то бабушкин внук ии зайздыв, и прыйшов до ёго наняты его читаты над дочкою у церкви цилу нич. Ну, вин сперва не соглашався, не хотив идты, а бабушка ёму и каже: «Иды, сыну, помолысь Богу та й иды». Ото тоди вин, той онучок, и каже батькови ярытныци: «А скилькы вы мини дасте, шо я буду читаты?» «50 рублив». «Ни, за 50 не хочу, як сто дасте, тоди пиду». «Ничого с тобою робыты, на и сто, тилько иды». И пишов соби купець додому. Ну, дождалысь воны вечера, и той убирается, внук, ты читаты над купцивною, а бабушка ёму и каже: «Ну, гляды, сынок, читай та не оглядайся никуды и поставь иззади себе Матер Божу». От вин убрався и пишов. Прыйшов у церкву, изняв со стины икону Матер Божу и поставыв иззади себе, взяв псалтыр, став у ниг купцивны и читае. От вин там читав, ничого ёму ны показуется, як опивночи вдруг пиднимается крышка з гроба и встае купцивна. Устала, як засмиялась, руками сплеснула и каже: «Вставайте, мои друзья-приятели, шукайте мово неприятеля!» Як зашумилы з-пид полу мертвеци, та багато, багато, и почалы бигаты по церкви. Шукалы, шукалы — и не найдуть ныяк. Тут пивни: кукуреку, так ти вси мертвеци и зашумилы пид пил, а купцивна так и вдарылась посередыни церкви и стала нежива. Той тоди хлопець бросыв читаты, узяв купцивну, положив у гроб, накрыв серпанком и крышкою и опьять став читаты. Уже розвыдняется, приходе купець: «Ну, шо, читаеш?» «Читаю»,— отвичае хлопець. А купець тилько и сказав: угу!, вычяв сто рублив, отдав ёму та й каже: «Прыходы на другу нич читаты». «Як даст пивтораста рублив, так прыйду». «Ничого с тобою робиты, дам, тилько прыходь». Ну и пишлы з церквы, а церков зачинылы. Ото той пришов онучек додому, а бабушка и пытается: «Як там тоби, сынок, було?» «Та ничого ще, бабушко: уставала купцивна, бигала по церкви, багато

мертвецив з-пид полу вылазыло, бигалы, шукалы мене и не нашлы. Та казав купець, шоб прыходыв йще на другу нич». «Ничого, сынок, иды; тилько тепер, як пидеш, так поставиш сзаду себе святу Покрову, та й опьять все читай — ны дывысь назад, шо б тоби ны було, не оглядайся — читай». Ото дождалы воны вечера, и пишов вин читаты. Прыйшов у церкву, изняв с стины Покрову, поставыв сзаду себе, взяв псалтыр и став читаты. От вин читав, читав до пивночи, и встае опьять купцивна. Устала, як засмиется, захлопала рукамы: «Уставайте, мои друзья-приятели, шукайте мого неприятеля!» Так и зашумилы з-пид полу мертвеци. Як нашлы ёго, началы коло ёго спиваты, грають, у палочки бьють, шоб вин глянув на ных, и рукамы его достают — не достанут. А вин все чита, все чита. От пивни заспивалы, мертвеци так и зашумилы пид пил, и купцивна вдарылась посередыни церквы. Вин бросив читаты, взяв купцивну, положив у труну, накрыв серпанком и крышкою и опьять став читаты. Дочитався до утра, прыходе батько ии и каже: «Ну, шо, читаеш, малый?» «Читаю». Вин опьять тилько и сказав цёму: «Ну, прыходь, брат, и на третью нич читаты». «Дасте триста рублив, та й прыйду». «Ничого с тобой робыть, дам, тилько прыходь». Тоди вынув гроши за цю нич, отдав та й ще приказуе: «Ты ж прыходь, брат, не обманы!» «Харашо, ни, будьты покойни, прыйду». Ото и пишлы воны з церквы. Прыйшов той хлопець додому; там пытается ёго бабушка: «Як тоби, сыночек, там було?» Вин ий разсказав все, як було. «Ище казав, шоб прыходыв на третью нич». «Ничого, сынок, молысь Богу та й иды. Тепер, як пидеш, так обставышся кругом Спасытелямы». Прыйшов вин у церкву, обставывся кругом Спасытелями, взяв псалтыр и почав читаты. Тилько смеркло, вона уже и встае. Устала, засмиялась, захлопала рукамы: «Уставайте, мои друзья-приятели, шукайте мого неприятеля!» Так и зашумилы з-пид полу мертвеци, та й вси в серпанках, и почалы коло ёго крутыться, скакаты, доставаты ёго рукамы — не достануть. Танцюють перед ным, смиются, шоб вин глянув, тоди б воны ёго розирвалы. А вин такы все чита та чита, не дывытся на ных Ото воны доставалы, доставалы ёго, ничого не зроблять — не достанут, та й побиглы уси з церквы на смиття шукаты щепок тых, шо с обох краив пидпалыны, и найшлы. Прыйшлы в церкву и началы пидкопуваты тымы горилымы щепкамы доску, де вин стояв, шоб его зворухнуты з миста. Та вже от-от пиднимут. А ёго бабущи так усю нич не спытся, та ще й бачыла вона, що бигалы мертвеци по смиттю. Ото встала вона, одяглася та скориш пид сидало, та за пивня, та пивня пид мышку, та й побигла до церквы. Прибигла до дверей, та як придаве пивня рукою, а вин: кукурику — та трычи. Так ти мертвеци так пид пил и зашумилы, а купцивна серед церквы ожарылась и зробылась нежыва. Вин ии узяв, положыв у труну, накрыв серпанком, зверху ще крышкою и став читаты. Тут трохы перегодя сталы питухи спиваты, вин тоди сам соби и каже: слава тоби, Господы! Ото вин там читав, читав

и дочиталсія, стало, слава Богу, свитаты. Воно ще рано, а купець вже й прыйшов и каже: «А шо, читаеш?» Той хлопець ему в отвит: читаю. Пишов той купець по церкви та й каже: «Моя дочка була ярытныця, а цей ще похлеще моеи дочкы». От тут вин отдав ему 300 рублив: хлопець взяв гроши и пишов додому. Прыйшов, и пытается в ёго бабушка: «Шо, сынок, як тоби там було?» «Я думав, бабушка, шо це моя смерть прыйшла, аж воно, слава Богу, заспивалы питухи, так воно все счезло». А ёму и каже бабушка: «Це я, сынок, прыходыла тоби пидсобляты; так мини всю нич не спится та й не спится, як гляну я у викно, аж бигають по улици мертвеци; я скории схватылася та за пивня, та до церкви, та як придавлю питуха, а вин: кукурику». «Спасиби вам, бабушко, шо спаслы мене вид смерты!» Ту купцивну заховалы, а той хлопець ожинывся, и сталы соби житы-поживаты» (г. Купянск).

Ведьмы могут, как мы уже знаем, являться в различных образах, но сила ведовства или волшебства их этим не исчерпывается, они могут превращать и других людей в животных, могут производить засуху, рассеивая или замыкая для этого дождевые тучи.

«Видьмы и волшебныкы портять людей; воны поробятся вовкамы и почнуть шлятца скризь. Де побачуть огонь в хати, то идуть и сидають пид викно, та так пыльно дывляця, шо аж жаль их. Одын чоловик пиймав вовкулака та як здавыв ёго, а на ёму и лопнула шкура вовчача, и став вин такым чоловиком, як и був» (сл. Ново-Николаевка).

«Чула я, шо в одним сели була свадьба у богатого мужика, и в цим сели жила видьма стара, котора за то, шо ии ны позвалы на свадьбу, зробыла так, шо на другий день описля свадьбы жыных, нывиста, батько и мате ии обернулысь вовкамы и утыклы в лис. Як хто зробе чоловика вовкулакою, то цей вовкулака и жыве в лису до тых пир, пока на нём не перегние пояс. А если хто ранше замане ёго в сины и сам перерве на нём пояс, то и тоди вовкулака зробытся опьять чоловиком» (сл. Гусиновка).

Вообще свадебный поезд должен остерегаться ведьм; ввиду этого крестьяне приглашают в дружки обыкновенно знающего человека, а то ведьма может не только испортить, но и весь поезд обратить в волков, сделать всех вовкулаками. Была раз свадьба и взяли дружком знахаря. Когда сыграли свадьбу и повезли молодую в дом молодого, то дружко остался дома. Навстречу поезду вышла ведьма и сделала так, что кони в поезде сразу подохли. Побежали за дружком; он сейчас же узнал, чье это дело; что-то поворожил над конями, и они ожили и повезли молодых домой, а у ведьмы в то же время вырос во рту рог, так что она не могла закрыть рта и оставалась с разинутым ртом до тех пор, пока по окончании свадьбы не пришел к ней дружко. Пришедши к ней, он сказал: «Ты умеешь людям зло делать, а отделывать не можешь, так смотри у меня!

Чтоб это было в последний раз!» И сделал так, что рога во рту у нее не стало (сл. Тарасовка).

«Остановылысь чумакы коло слободы волив попасты; их так душ десять, и меж нымы есть одын такый, шо все з него смиюця, все ёго дураком узывають, а вин, сказано, смырный, ничого им не одказуе, ляже соби пид виз, либонь и на чуе. Оце ти товарышы на нич разив десять устануть навидаця до волив, а вин соби спыть. А як оце рушыты, ти ж и колеса пидмажуть, и налыгачы дёгтем змажуть, шоб не рвались, а вин цёго ничого не робе, а як оце пойдуть, то, гляды, у того налыгач порвавсь, а у того вись зогорилась, а у дурня налыгачы цили, и из колес дёготь аж льеться. А все воно оце вид чого? Вид того, шо вин од усякои усячины знав. Оце ж воны и тепер остановылысь пасты; ти ж силы обидаты, а вин лиг под виз та й спыть. Оце воны обидают, дывлюця: шось за человик иде, пидходе: «Здрастуйте, добри люды!» «Здрастуй, шо скажыш?» «Та я прыйшов спытаты вас, чы не пиде якый-ныбудь з вас до мене старостою: я дочку выдаю замиж. Та такый, шоб умив одвесты ту лыху годыну, шо у нас коится. Одна жинка та недобре мае на мого зятя, та оце уже так поробыла, шо у нас конына упала, так я оце и боюсь, шоб чого ещё хужого не було. Як есть меж вами такый, будте ласкови, не одкажить мини, шо хочите, бирить!» А чумакы смиюця та й кажуть ёму: пиды попросы нашого знахаря, вин там пид возом лежыть, як кабан, отой так зна! Воны, бач, смиюця над дурнем, а той чоловик повирыв та й пишов до ёго просыты. Вин и каже: «Як дасыш двадцять пьять цилковых, так пиду». «Шо знаеш, беры, тико ходим, человиче добрый!» Пиднявсь, пишов, а ти з ёго смиюця. Прыходять на свадьбу. В хати людей багато, и меж людьмы на прымости сыдыть одна баба стара, стара та беззуба, а волосся аж пожовтило, та була б тоби гидка, та й краю ий нема. Як побачыла вона нашого дурня, як пидскоче на прымости, як закрычыть: «Чого ты прийшов? Чого тоби треба?» А вин и каже: «Кому оце ты приготовыла? — показуе на дохлу коныну,— пиды ж сама ии погрызы!» Як выбиже та баба на улыцю, як пидбижыть до коныны и ну ии тягаты зубамы — грызты. Там же на свадьби булы ии сыны, так воны началы ёго просыты, шоб вин сжалывся над нею та отробыв, а то им стыдно. Так вин сжалывся, а то б довго грызла б вона. Поихалы молоди винчаться, перевинчалысь и йдуть видтиля. Як дывлюця — бижыть бугай та прямо на молодых. Тут уси полякалысь, що це опьять та баба-видьма. Дурень зскочыв з повозкы и каже, шоб воны йихалы додому скориш, а сам ударывся об землю и зробывся видмедем и пишов прямо на бугая. Бугай як розгоныця та й посадыв видмедя на спину; видмедь як узявся за шкуру биля хвоста, так усю и вывернув аж на голову, а потим того повалыв бугая на землю та й загрыз» (хут. Малиев).

В народных рассказах, где речь идет о борьбе между представителями двух начал — добра и зла, в конце почти всегда победа

остается на стороне представителя добра. Такой характер наших народных сказаний с особенною ясностию выступает в следующем сказочном рассказе, записанном, как был, в сл. Ново-Екатеринославле крестьянином И. П. Рудичем.

«Був соби чоловик та жинка; у ных була одным-одна дочка Парася. Воны булы богачи на всю слободу, оприч хлиборобства торгувалы лавочкою. Случылось, шо батько й маты Парашины померлы и вона осталась круглою сыротою. А в тий слободи був парубок безродний, жыв уже по городах в робытныках. Одын раз прыйшов вин у лавку до Параси купуваты кой-чего. Вона так изразу и вризалась у ёго и стала пидмовляты, шоб вин ожынывся на ний и управляв усиею худобою, як по домашнему хозяйству, так и по лавци. Парубок — Панько — цёму ище й рад був: як по городах ему тягаться, ны мавшы ни хаткы, ни паниматкы, так луче буты хозяином, та й ще й лавошныком, на всём готовому. От вин перебалакав, согласылысь зийтысь. Перевинчалысь, згралы свадьбу и жывуть та пожывають та худобу нажывають.

Жывуть год, и другий, и третий — все б гарно, та одно тилькы торбувало Панька: чего такы его жинка ничого не йисть: за вси тры годы вона з ным умысти не снидала, ни обидала, ни вечеряла,— яка тому прычына, нияк ны розгада.

Одын раз вин и пытае жинкы: «Парасю, чого такы ты зо мною не сидаишь йисты? От четвертый год, як побралысь, я ище не бачив, шо ты йсыш?» Вона з ласкою сказала: «Мий голуб сывенький, ты об мини не торбуйся; я як готовлю страву, то сего-того покуштую та й найимся. Хиба мини багато треба». Ну и ничого, то усе и пройшло. Панько бачы, шо жинка правды ему не сказала, и ему не полегшало, а однаково мучыло, така думка, шо вона ему невирна жинка. И став назирци пидглядаты за нею, чы ны побачы, шо такы вона йисть и шо робыть без его. Скоро такый случай прыставывся, шо вин сам побачыв, шо вона йисть.

Раз, поснидавшы, вин пишов у лавку та взяв и вернувся назад в викно. Дывыця: а его жинка перекынулась собакою и йисть чоловиче мертве тило, достала из-пид полу; у его так волося вгору и стало дыбом, и зробылось моторошно. Вин перехрыстывся и пишов у лавку. Дождавшы обидней поры, Панько прыйшов обидаты и каже жинци: «Так ты, Парасю, правду мини кажыш! Тепер ничому тоби не повирю: я сегодня бачыв, шо ты йсыш, як у тебе серце наляга отаке робыты!» Жинка не дала ему всего высказаты, закрычала: «Ах ты, прыблудна собака, прыйшов на все мое й ще мини и указуеш, пидглядаеш, шо жинка робыть, будь же ты собакою, а не чоловиком!» Пры цых словах ударыла его жализным прутыком, и вин, бидный, сичас же зробывся собакою и выбиг из хаты.

Бижыть вин и думае, шо тепер ему робыты: це вже вин не чоловик, а собака, значыть, мыж людьмы не жыты, и побиг у поле. На поли натрапыв гайдарив [12] *з отарою овець и став вин коло их*

отыраця: оце як воны, гайдари, прыляжуть отпочыты, то собака-Панько овець заверта, береже. Гайдари дывлюця, шо до их прыблудывся собака не з плохых, сталы ии шануваты и кормыты, а собака старалась уже прыслужыця им за те, що годують, и совсим прывыкла до собачои жысты и дила.

Раз прийхав до ватары хозяин-купець; гайдари не схваляця прыблудною собакою; як вона стала у их, так вовкивня и не прыблыжаеця усю ничь, як колокол гавка, и оббиг кругом ватару, и воны тепер нащот звиряк без опаскы. Хозяин прыказав им годуваты ий в дозвал, шоб вона не збрыла, и пойихав додому.

Ныдиль через дви писля того, як купець йздыв до ватары на степ, у тому городи, де вин жыве, розвылось такых ворив, шо страсть прямо так и граблять,— ничого не поробляты: ни сторожи не вбырыжуть, ни польщейски не половлять ворив, не знають шо й подияты. А воры ище пидкынулы запыску цему купцеви, шо у его ватара, де собака прыблудылась, шо на таку-то ничь обикрадуть усе в лавци, а сторожу ныхай хоть прыставля, а хоть и совсим оставы, бо нияка сторожа не вбырыже.

Купець прочытав таку запыску, зажурывся и став думаты, як бы цю быду отвесты, та й здумав про собаку, шо прыблудылась до его гайдарив, и сичас пойихав за нею. Приихав до гайдарив, розсказав, у чим дило и прыказав налыгаты собаку. Ии налыгалы, и купець повив у город, а гайдарям обищав подарыты сто рублив, якшо собака убырыже его худобу от ворив.

Пид назначену в записци ничь собаку пустылы до лавкы; вона зализла пид помист и лягла. Так як к пивночи явылысь воры, забралы в лавци весь товар до ныточкы, а товару було дуже багато — тысяч на сто: усе платкы, сукна, кытайка, [13] *демекытон,* [14] *парчи золоти и серебряни, кумач и все-все чисто загранышне, дороге. А собака хоть бы раз гавкнула, даже и дух прытаила, шоб не чулы, шо вона лежыть пид помостом лавки; тилькы слуха, шо воры роблять и гомонять. Тикы выбралы и повкладалы товар у гарбы и поихалы од лавкы, а собака потыхеньку подаль пишла за нымы назирци, шоб выслидыты их похоронкы* [15]*.*

На другий день уранци купець выйшов подывыця, чы все вцилило у лавци. Ох, лыхо! Двери вси поотчыняти, а в лавци забрано до шерстыны. Вин у полыцию за соцькими и пятысоцькими, с плачем просыть их мырщи помогты ему, може, ище пиймають ворив. Полыция зараз явилась, а собакы совсим ныма коло лавкы, думалы, шо и собаку убылы. Дывлюца, аж вона бижыть видкилясь. Прибигла до лавкы, взяла самого старшого полыцейского за полы и тягныть геть от лавкы. Вин дывыця, шо собака не отстае и тикы ны скажы, пишов за нею, а за ным и вся громада.

Вывела она их за город, прывела их в густый, велыкый лис, на зелену поляну. Стала гребты землю лапамы, прорыла так як на пив аршына — шось зблестило мидне, дывлюця: аж воно мидна доска

ляда[16] з стальным кильцем. Полыцейски прыготовылысь з прыпасом на случай обороны от ворив, пиднялы ляду за кильце, там була камена драбына в землю ступнив на двадцать. Выйшлы вси у выхид, де нашлы здорову хату убрану, посередыни на стели высив фынарь, и в хати сыдив одын чоловик, выдно, для сторожи. Чоловик цей зараз прызнався, шо их шайка из дванадцяти чоловик, и вси городски, а кралы воны с помичью заговорив и отводылы очи так, шо як тикы заговорять и одвыдуть очи, так ничого не страшно. У тий хати в одний стини булы двери. Отчынылы ти двери, аж там була комора и битком набыта всякымы товарами, усе те, шо кралы, там було поховано.

Полыцейски весь товар поросприділялы, кому слидуи хозяинам, а ворив усих переловылы, повъязалы и передалы суду. Гайдареви ж за собаку подорылы хозяин сто рублив та горожане трыста рублив за те, шо их товары понаходылысь и воры высвидчыни.

Про цей случай об усему опысалы аж у газетах, так шо скризь узналы про цю собаку, як вона вынюхала ворив.

У царя в тим царстви тож случылось велыке несчастя. Вин из царыцею прожыв до старости лит, не було у их дитей, шо дуже их змущало, так як не було наслидныка на прыстол по их смерты. Воны с докукою молылы Бога, шоб послав им дытя. Бог измылосердывся над нымы, послухав их усердной молытвы и послав им на старости лит утиху. Царыця родыла двух близнят хлопчыкив, такых бойкых и як каплы воды схожи одын на одного. Царь цему далеби обрадывся, задав гулькы у дворци на цилу недилю: багацько грошей бидным людям роздарыв, уси недоимкы с подушного простыв и багато другого добра зробыв. Та тилькы ныдовго царь веселывся.

Прошло девять мисяцев писля родын царевычив; в одну ныч прылетив чародий-колдун, украв одного старшенького царевыча, а на меньченького оставыв запыску, шо як пидросте ище за тры мисяци, то и его украдыть. Царь и царыця зажурылысь так, шо мало йилы и спалы, усе плакалы об своих дитках, та ныльзя ничого поробыть. От сталы воны думаты й гадаты, як бы останне дытя уберегты, и ныяк не прыдумають, як от такои быды откараскаця.

Одын раз цар з тоскы став перечытуваты газеты и напав на ту газету, де була опысана та собака, шо ворив попутала и нашла вси их похоронкы. Вин трохы очнувся от горя и сичас напысав прыказ у той город, шоб купець той прыставыв ему того гайдаря з собакою.

Бумага царська не забарылась дойты до того города, и купець сичас же отправыв гайдаря з собакою до царя, куды вин скоро и явывся. Цар прыказав ему строго берегты из своею собакою царевича, шоб не вкрав его чародий-колдун. Гайдар волею-неволею принужден був покорыця прыказу и воли царя и заняв сторожу над царевичем. Кожный день собака на ныч лягала коло колыскы царевыча.

Пройшов одын день благополушно, и другый, и неділя, ну и ничого. Ныдиль через тры уходять няньки уранци до царевыча, а его ныма в люльци совсим, з одиалами и подушкамы, и собакы ныма, а тилькы по хати скризь клочкы собачои шерсты, сирои и чорнои. Сира шерсть из гайдаровой собакы, де ж узялась чорна шерсть? Не зналы, шо й подумать, положылысь, шо, мабуть, той чародий иззив и собаку.

Царь с царыцею так убыти булы цим, шо й не думалы пережыты. Та недовго воны горювалы, тилкы повернулысь выходыты из дитскои хаты, гульк... а собака их вылазы из-пид кровати, в лапах держы царевыча, прынысла и дала царю. Вона над нымы пидшутыла: заховалась було пид кровать — шо з их выйды.

У цю нич чародий прылытив до царевыча собакою чорною, здоровенною и тилкы хотив ухватыты царевыча из колыскы и несты, а тут як схватыла его собака гайдарська, шо берегла царевыча, як давай кудовчыты, порвала на кускы всю шерсть, из мясом вырывала. Ото од того и чорна шерсть була скризь по хати. Чародий насылу вырвався од неи и полетив додому ни с чым. А ця собака и заховалась писля того з царевычем пид кровать.

Царь с царицею, побачывшы свое дытя циле и невредыме, не зналы, як и дякуваты гайдареви и собаци. Гайдаря щедро надилылы казною, а собаци далы волю таку, шоб ий нихто не смив тронуты; шо вона не робытымы, и жытымы де схочы, и скризь у кого явыця, шоб не выганялы, а ище кормылы, и пожалувалы ии чыном копытана, наложылы ии галуны офыцерски и прычыпылы до шыи похвальный лыст из золотои бумагы.

Пишла тепер жыты наша собака; е шо йисты й пыты, и хороше походыты. Вона оце пиды на базар, де добра смытана у бабив в глечыках, поперекыда, повыйда, и нихто ий ничого не можыть зробыты, так як вона благородна и заслужена и избавлена от всякых наказаний.

От жыла, жыла вона в стольшному городи, и здумалось ий провидать жинку и похвастать своими заслугами. А можы, вона тепер уже змылуиця над ным и отробыть упять его чоловиком; потому хоть и гарна ий жысть тепер настала, та все ж собака,— надоила уже собача жысть. Як задумано, так и зроблыно. Побигла вона до жинкы в родыму слободу. Прибиг и лашыця до жинкы, а вона ему и каже з серцем: «А, так ты, собака, уже панства заслужыв, будь же ты, скурвый сыну, горобцем». Пры цих словах ударыла его прутыком; вин став горобцем и полетив геть.

Летыв вин, бидный, и думае: тепер я совсим пропав, куды его диця! Тоди я був собакою та ще й заслуженою; нихто мини не смив ничого подияты, що схотив, те й робыв, а сичас шо робытыму в слободи? Литаты — мали диты убъють або кишка впийма та ззъисть; в поли шулика або орел убъють и зайдять. Ну, там шо буды, полетю у лис.

И полетив у лис. Тилькы долетив до лису, де не взявся кобець,

схватыв его в когти и уже збырався закусыты; як налита на кобця яструб, згриб его и став трощиты, вин тут и впустыв горобця. Горобець не скоро очнувся с переляку. Дывыця — на ему пирьячко все перемяте, голова булыть, звисно, був у руках, ну та кой-як зибрався з сыламы и полетив дальше в лис. Ему уже и исты хочыця, так як третий день горобцем, а в его и рискы в роти не було. Став вин приглядаця, чы ны побачы корму. Дывыця: на полянци розсыпано гороху и пшеныци. Вин опустывся и став проворно клюваты. Найився дозвал, хотив летиты дальше, аж тикы став пиднимаця летиты — шось не пуска нижкы; дывыця: а вин заплутався нижками в сильце и уже до его пидходыть хлопчык. Прыйшов, узяв, выплутав горобця из сильця, прывъязав ыточкою за одну нижку и понис у лис; там в страшний гущини стояла хатка на курячых нижках, сопляком пидоперта.

Унис хлопчык горобчыка в хатку; у тий на полу лежав старый, старый дид и дуже, дуже стогныть. Вин показав дедушци горобчика и кажы: «Дедуска, дывысь, якого я горобцыка въевыв». Горобець дывыця по хати и дума: не дай Бог, де ны визьмыця кишка, схватыть и мини уже не жывотиты. Дид подывывся на горобця и кажы: «А гожаго ты горобчыка пиймав, цего горобчыка я уже давно бажаю, це горобчык не простый, подай мини его в руки!»

Хлопчык подав ему; вин узяв, вырвав три пырынки из головкы, бросыв его додолу и сказав: «Будь ты по-прежнему хрещеною людыною!» Горобець упав додолу и став чоловиком. И як тики рад був вин, шо став упять чоловиком, кланяеця дидови, шо одробыв его, и пытае его, шо воно за чоловик такый. Дид отвитыв: «Ох, сынок, я той самый проклятый чародий, шо у царя украв сына. Оце той и царевич хлопчык. Багацько я зробыв зла за свий вик, та спасыби тоби, шо хоть напрыконци вику трохы мене провчыв. Оце писля твоих рук и досы хвораю и бильше уже не встину, умру. Ото собака чорна, шо хотила у царя и другого сына украсты, а ты не допустыв, так я самый. Тепер, сыну, моя одна до тебы просьба — поховай мене, як умру; оцю детыну достав до его батька царя. Як изробыш усе це, так за твои труда будыш усе знаты, як и я. Та тилкы не робы, сыну, никому зла, так як я робыв и твоя жинка».

Як кончив дид свою прозьбу, то зараз уже и вмер. Воны з хлопчыком его поховалы, а потим того ударылысь об землю: зробылысь голубамы такымы гарнымы, шо ни здумать ни згадать, тилкы в казоци сказать, знялысь, залопотилы крыльями и политилы до батюшки-царя.

Довго чы недовго летилы воны, и от долетилы в столышный город той, литають коло дворця кругом. Царь и вся свыта побачылы пару голубив такых, шо николы им не приходылось бачыты, гарных. Царь прыказав поодчиняты викна, понасыпать зерна, шоб як-небудь заманугы их у дворець. А голубам того й треба. Тилкы поотчинялы викна, воны сичас и влетилы у викна, ударылысь об доливку и сталы людьмы.

Царь дывыця, шо голубы уже влетилы, велив позачынять викна, а сам убиг з царыцею и прислугою у палаты до дорогых голубив. Яке им показалось дыво, шо вмисто пары голубив воны нашлы в палатах двох незнакомых людей: лит 25 чоловика и годив пяты хлопчика. Сталы пытаця, шо воно за люды, видкиля и чого и як прыбулы. Зрослый чоловик сказав в отвит, шо вин есть той самый собака, шо бериг у его царського велычества сына, а хлопчык есть ридный сын его велычества, и все розсказав, шо було, од начала и до кинця.

Царь з царыцею не зналы, шо й робыть з радости, шо вернувся их пропавший сын. Звисно, саме перве служылы скризь по всему царству благодарни молебни, потим гулянья, а чоловика того, шо прыставыв царевича, наградыв землею, крестянами и чыном граха.

Пишов тепер жить грах у счасти, купайця як сыр у масли. Усего в него вдозвил, тилкы одного недостача: жинкы нема пры нему, а другу имиты вин буявся, шоб упьять Бог не накарав чым-небудь. От вин и надумав пойхаты за нею. Прейзжаи в ту слободу, прыйшов до неи, поздоровкався. А вона упять-таки и доси не схамынулась, як закрычыть ему: «Так ты уже грахом, будь же ище жеребцем!», ударыла его прутыком. Та тикы на цей раз з чоловиком ничого не зробылось, так як и вин уже знав колдовства ище побильше неи. Вин засмиявся, выхватыв у неи прутык и кажы: «Ах, ты ж бездушна, я хотив, шоб и ты вмисти зо мною пороскушувала, а ты й досы не забула свого зла. Так як мини ище писля собаки и горобця буты жеребцем, будь же луче сама кобылою, попробуй, як воно чы гарно». Ударыв ии прутыком, от чего вона зараз же стала кобылою. Вин накынув на неи обротку, повив и подарыв одному бидному чоловикови и прыказав, шоб вин усе нею орав, а йисты и отдыхаты не давав. Той чоловик подякував за подарунок, заприг у соху и давай ораты. Кобыла так землю и верны, в день десятын по десять выорюи. Так шо той чоловик поорався одно лито и став богач на всю слободу.

От грах став упять скучаты за жинкою, ему стало ии жалко, и задумав вернуты. Вин як отдава ии бидняку, так ище приказував: «Гляды, хто ны казатыме тоби «Боже поможы», так не кажы спасыби, а мовчы». От скилкы раз вин ны захожувався пидходыты до его з словамы «Боже поможы», так ничого не рече. А то одын раз мужык орав усю нич, а грах слидыв его назырци. От на раний зори мужык и задримав, тут грах и каже: «Здоров, Боже поможи!» Вин зпросонку забув и блякнув: спасыби. «Шо ты робыш, мужычок?» — сказав грах. «А хиба тоби повылазыло — орю». «Чым ты ореш?» «А же бачиш, чым — кобылою». «А подывысь!» Глянув мужык, аж жинка стоить запряжена у соси; вин з переляку од неи и побиг додому.

Тоди грах пидийшов блыже до жинкы и пытае: «А шо, гарно ораты?» Вона пуць ему в ногы, як заголосы: «Братику-соколыку, просты! Тепер не буду бильш злобы маты, буду тебе шануваты, ногы твои мытыму и воду ту пытыму». Грах з нею прымырывся, повив на кватырю, а на другый день тут усе спродалы и уйихалы в подарыне од царя урочыще. Тепер живуть воны и хлиб жують. Оце недавно уже одного старшого сына Мытра ожынылы. На свадьби и я був, горилку и выно пыв, по бороди текло, а в роти совсим не було».

Что ведьмы могут снимать с неба звезды и прятать их у себя в хате или при своих полетах на шабаш сметать с неба звезды своим помелом, отчего мы и видим иногда массу падающих звезд,— все это издавна известно всем малороссам, но более или менее обстоятельных об этой стороне деятельности ведьм рассказов нам лично не пришлось слышать, да и в числе доставленных нам о ведьмах материалов нашлось только одно небольшое следующее сообщение.

«Жила соби одна жинка в Старовировци, вона, бач, була видьма, а до неи ходыла одна дивка учытысь ткаты. А ця видьма була така, шо знимала з неба зирочкы. От вона зняла одну зирочку и посадыла ии в глечик и поставыла пид покуть, а дивци приказала, шоб вона его не розвязувала. Видьма кудысь пишла, а дивка не втерпила — розвязала глечик,— зирочка выскочыла и хто й зна, де дилась. Було ж тоди дивци вид видьмы!» (сл. Ново-Николаевка).

Хотя во время засухи можно часто слышать, правда, в виде шутки, слова: *«Пора вже купаты видьму»*, а при хождении по полям с хоругвями и служении молебней у колодцев с целью испрошения дождя не обходится без того, чтобы участвующие в процессии женщины не были облиты водой; впрочем, обливают водой не одних женщин, но вместе с ними и церковнослужителей, а кое-где даже и священников, но о случаях серьезного купания с этою целью женщин, слывущих ведьмами, в Купянском уезде мы не слышали. Так что рассказы о том, что ведьмы разгоняют тучи, замыкают дождь и насылают засуху, представляют теперь лишь слабые, точнее сказать, исчезающие отголоски широко распространенного прежде верования в стихийную силу ведьм. И теперь можно еще услышать, что ведьма при приближении дождевой тучи становится на четвереньки и, оборотясь спиной к туче, поднимает свое платье и подражает ветру и грозе, через что, мол, туча удаляется (сл. Нижняя Дуванка). А не то, еще проще, возьмет превратит тучу в лягушку, посадит ее в кувшин; небо и останется чистым, безоблачным все время, пока лягушка-туча сидит у ведьмы в кувшине. Но подобного рода рассказы вызывают теперь среди слушателей-крестьян не чувства злобы против ведьм, а только одни шутки.

Однажды, во время продолжительной засухи, когда все рекомендуемые старинным обычаем средства для привлечения дождя были уже испробованы и оказались недействительными, порешили крестьяне сделать обыск в хате одной старухи, слывшей ведьмою, чтобы удостовериться, не она ли похитила с неба тучи. И что же оказалось? Под покутью в кувшине сидит громадная зеленая лягушка. Лишь только вынесли из хаты на двор этот кувшин и выпустили из него лягушку, как тотчас на безоблачном до того небе появилась туча, послышались отдаленные раскаты грома, а вслед за тем и дождь полил на сожженную зноем землю. Лягушка была дождевая туча, спрятанная ведьмою в кувшин (г. Купянск). Говорят, что ведьмы посылают на землю засуху иногда и другим способом. Возьмут и свяжут у всех местных петухов по два перешка под правым крылом, а вместе с тем свяжется и дождь в тучах. Поэтому во время засух следует поискать у всех петухов под правым крылом, не найдется ли там связанных перьев, и если такие перья найдутся, то их должно развязать или же, еще лучше, просто совсем вырвать (там же).

Находятся ли ведьмы в непосредственных сношениях с чертями и не выражаются ли эти сношения также плотской связью с ними? Большинство рассказчиков и рассказчиц отрицает плотскую связь ведьм с нечистыми духами, хотя все утверждают, что ведьмы находятся в близких сношениях с последними. При этом некоторые присовокупляют, что, отрекшись от Бога и продав свою душу диаволу, ведьма живет уже без души. Свою христианскую душу она до смерти прячет или под тем корытом, в котором дается корм свиньям, или под дубовой колодой, на которой рубят дрова, живет же нечистым духом, который входит в нее взамен души и сообщает ей способность к превращениям.

«Видьма оставляе свою душу дома, а сама лытыть у Кыев, там е якась видьмовска церква, там замисть душы в неи всыляетця нечиста сыла. Тоди вона ходе и коров дое, и скризь лита, и зирочки з неба хвата. И Бог им (видьмам) *терпе до поры, а затим, як время прыйде, так воны не умыраютъ, а так з тилом своим скризь тартары и загудыть. Така була у нас видьма Олена, так сквозь землю и провалылась, хто й зна, де вона дилась. А то ще була одна видьма, так та пид старисть пишла у Кыев каятьця. Стала к городу пидходыть, побачыла святи церквы и зачала в землю входыть: шаг ступе — по щиколодку вгрузне, другий — по колино, и так провалылась по шыю, тоди й каже товарышкам: «Бижить, поклычте попа — буду каятьця». Прыйшов пип, вона ему покаялась, як вона видьмовала. Пип ии перехрыстыв трычи, вона й провалылась, аж загуло»* (сл. Тарасовка).

«Нычисти знаютця с видьмами и прыходять до них вночи, чорни, с красными языками, в брылях, и видьмы их угощають усячиною, а чортяки их научають и кажуть им, де и шо можно зробыть. Раз хлопци йшлы з вечерныць опивночи и побачилы у одний жинки в хати з трубы выхватыло полымья, неначе пужарь, а то нечистый литав до неи и жив з нею, и тепер лытив з трубы огненным змием. Як воно лита до видьмы, то ничого, живуть соби, и вона здорова,

и нычого ий ны робытця; а як стане литаты до простои жинки, то та стане жовта и умре» (там же). К некоторым бабам летают по ночам змеи. Это — нечистый дух, который принимает вид огненного змея и при полете рассыпает вокруг себя на большое пространство искры; является он в хату через трубу. Между бабой и змеем, посещающим ее, плотского сообщения не бывает; он только «кохается» с нею и сосет у нее грудь, отчего эта баба обыкновенно имеет болезненный вид (сл. Кабанья).

По общепринятому мнению, ведьмы пред смертию долго и сильно страдают. Чтобы узнать, отчего ведьма перед смертию страшно мучится, надо взять хомут, стать у хатнего порога и посмотреть сквозь хомут на умирающую,— увидишь, что она со всех сторон окружена бесами, которые и мучат ее. Дабы избавить ведьму от продолжительной предсмертной агонии, надо прорубить над нею потолок и вынуть из него один из сволочков или же положить ей под голову нож, тогда она сейчас умрет (сл. Кабанья).

Когда ведьма умирает, то страшно мучится и так стонет и корчится, что при виде страданий ее ни у кого не хватит духа оставаться в хате. Она до тех пор не умрет, пока не просверлят дыры в потолке или в стене над дверью. После смерти распространяется от трупа страшный смрад, и труп в тот же день разлагается (сл. Тарасовка).

«Видьма як умира, то скаучить, як собака, а ынчий раз нявчить, як кишка. Ото вона буде умыраты так днив пьять, колы у потолку дыру ны продыруть або корыто догоры дном ны пырывернуть. А як дыру у потолку продыруть або корыто до горы дном пырывернуть, то тоди вона скориш умре» (хут. Егоровка).

Погребают женщин, слывших ведьмами, по обыкновенному христианскому обряду, как и прочих умерших естественною смертию крестьянок, но иногда хоронят их поздно вечером. Это бывает тогда, когда родственники умершей, боясь посещений ее из могилы, просят священника прочитать над нею *заклятни молитвы*, а потому желают, чтобы было поменьше народа при исполнении этого обряда. Рассказывают о следующем случае. После погребения одной ведьмы присутствовавший на похоронах народ был приглашен в ее хату на поминальный обед. Хата была большая, и в ней царил полумрак: горела одна лампада перед иконами. И вот, когда обед окончился и народ стал выходить из-за стола, *божныця* со всеми стоявшими на ней иконами вдруг упала на стол. Одна из бывших в хате женщин видела, как неизвестно откуда взявшаяся черная кошка прыгнула на божницу, отчего эта последняя и упала (сл. Араповка).

Если ведьма перед смертию говорит домашним, что она будет ходить к ним и после смерти, то, чтобы избавиться от этих ужасных посещений, ее прибивают к гробу колом из *клечальной осыкы* или по крайней мере осиновым колком прибивают крышку к гробу.

Иные говорят, что одни родимые ведьмы могут вставать из

могил, а вредная деятельность ученых ведьм со смертию их вполне прекращается; другие же утверждают, что все ведьмы и после смерти могут являться в разных видах, хотя вообще умершие ведьмы оставляют свои могилы реже, чем упыри.

«У простого чоловика, кроме души, ныма ниякого духа, а у видьм, упырякив и вовкулакив е дух, так шо воны и писля смерти можуть ходыты скризь» (сл. Ново-Николаевка).

«Одна видьма, як умырала, сказала свому мужу: «Ты ж гляды — ны жынысь! Я буду ходыты до тебе кожнои ночи и пратыму сорочкы твоим дитям». Ото вона умерла, и закопалы ии у землю, а як нич наступе, то вона й ходе додому и шые сорочкы дитям, пыре, качае и все робе; а як тико пивни закукурикають, то вона тоди и бижыть у свою могилу. Це и сусиды тии видьмы бачылы, як вона ходыла ничью додому хозяйствуваты» (хут. Егоровка).

Ходят умершие ведьмы с длинным *серпанком*; он так и волочится по земле; ходят они детей грызть, пить из них кровь, а также хватать тех детей, которые воруют до Спаса [17] из чужих садов яблоки. Чтоб ведьма перестала выходить из могилы, приглашают священника отслужить заклятый над могилой молебен, откапывают труп, переворачивают его лицом вниз и вбивают в затылок осиновый кол (сл. Тарасовка).

Та из умерших ведьма, которая после смерти не была прибита колом и заклята, встает каждую ночь из могилы и ходит домой, но теперь она уже не может изменять своего вида и не ходит доить коров, а ходит в свою хату только *вечеряты*. Войдя в хату, она будит кого-нибудь из домашних и заставляет его давать ей вечерю и, если он чем-либо не угодит ей, жестоко бьет его. Ведьма будит и заставляет себе прислуживать всегда одного и того же из домашних, оставляя других в покое, а когда прислуживающее ей лицо умирает, она перестает ходить. Рассказывают, напр., что одна ведьма *ходила вечеряты до свого чоловика*, когда же он умер, то она в полночь подошла под окно своей хаты и принялась плакать, причитывая: *«Мий борщ, мий горячий! Тепер я пропаду, не ївши, тепер я уже й не ходытыму!» «И не ходы,*— отозвался из хаты старший сын,— *а то я тебе вбью!» «Не прыйду»,*— сказала ведьма и исчезла. С тех пор она больше не являлась. Чтобы умершая ведьма не могла войти в хату и требовать себе вечерю, надо обмотать хату *валом*, который напряла двенадцатилетняя девочка. Так, одна умершая ведьма каждую ночь являлась к своей невестке, и этой последней подобные ночные посещения умершей свекрови не были, конечно, приятны. Однажды к этой злополучной невестке зашел ночевать солдат. Он видел все, что делала ночью ведьма, и наутро сказал хозяйке: «Что ты дашь мне, если я отучу твою гостью таскаться к тебе по ночам?» Бедная женщина обрадовалась предложению солдата и готова была Бог знает чем отблагодарить его, только бы избавил он ее от напасти. Тогда солдат велел

хозяйке достать клубок валу, напряденного 12-летней девочкой, и обмотать этим валом хату снаружи. После того как хату обмотали валом, ведьма три ночи подряд являлась к хате; подойдет, бывало, к ней, но войти не может, а только ходит кругом хаты да бормочет: *«Бодай его побила лиха годына! Яка воно собака позачиняла и позамыкала? Не найдеш ни дверей, ни викон. Тепер уже, мабуть, не прийдется повечеряты»* (сл. Араповка).

«У одного чоловика умерла жинка-ярытниця, а у их була дочка. От той чоловик й живе с своею дочкою, а ночью ходе до их ярытныця. Воны ий прыготовлялы кожнои ночи кушанье: борщ з гавядыною, жаркое, водку и пр., а вона усе и поидае, та ще все мало ий було. От раз до их прывелы постояльця-солдата, шоб вин у их пырыночував, а дочка тии ярытныци и сказала тому солдату: «У мене маты покийныця — ярытныця, така шо з того свита ходе до нас кожнои ночи. Вона як прыйде цю нич, то вам и миста мало тут буде». Той солдат сказав: «Ну, ладно, я ии улучю таке, шо вона ны буде сюды шляця!» Як смеркло, солдат став коло порога и стоить: жде тии ярытныци. Вдруг являеця та ярытныця и каже тому солдату: «Ага, це и тебе я прыбыру!» Тико вона це проказала, солдат ухватыв свою саблю и обрубав ярытныци голову. Як розвыднилось на другый день, аж з неи стала собака. Солдат узяв ту собаку й спалыв и попил пырывияв. Посли вже и ны ходыла та ярытныця додому» (хут. Егоровка).

«Одна жинка умерла, ии заховалы. От вона и стала по ночах додому ходыты. Раз прыйшла, та покы помыла дитей, пообчисувала, понадивала сорочкы, та й пробарылась. Тико выйшла в сины, шоб иты вже в яму, а пивни як закукурикають — вона так и упала на мисти; а чоловик ии взяв та й заховав в чулан. Дивчына их маненька бачыла це все та пишла до сусид и розсказала. Сусиды тоди созвалы людей, пишлы и найшлы у чулани ту жинку. Тоди понысли ии на кладовыще, положылы в яму и прыбылы осыковым килком» (сл. Преображенная).

«Жило одно семейство, состоявшее только из мужа, жены и маленького, еще грудного ребенка. Как-то раз ночью слышат они, что на дворе как будто воет. Хозяин поднялся с постели, хотел выйти на двор прогнать, как он думал, собаку, но не успел он встать, видит — отворяется дверь и в хату входит женщина в белом, волосы распущены, вся посинела, и бросается прямо к люльке, где лежало дитя. Припала к ребенку, прокусила ему горло и начала высасывать кровь. Отец ребенка бросился к ней, чтобы схватить ее; но она сама вскочила к нему на спину и начала бить его. Тогда он выбежал с нею на двор и там исчез в темноте. Говорят, что на другой день нашли около ворот только ведро с водою да кучку пеплу» (г. Купянск).

«У одного бедного крестьянина была жена и маленькие дети. Жена заболела и умерла. Пошел он к священнику и просит похоронить жену, а деньги за похороны просит обождать, так как у него в то время денег не было ни гроша; но священник не согласился без денег хоронить. Пошел мужик на кладбище яму для жены копать. Копает, а сам все думает, где денег взять. Выкопал яму да там же выкопал и деньги. взял и понес их священнику; тот и спрашивает: «Откуда взял деньги?» «На кладбище у смерти»,— сказал мужик. «Ладно»,— сказал священник и велел наутро готовиться к похоронам. Сидит мужик над женою, горюет, дети спят; вдруг о полуночи является к нему смерть. Подошла к нему и требует: «Отдай мои деньги, отдай сейчас, а не то я тебя съем!» «Ешь, рви тело, а денег у меня нет, попу отдал»,— сказал он. Смерть схватила мужика и понесла на кладбище к яме и там начала грызть его. Тотчас сбежалось к ней много других смертей, и все набросились на мужика и ну грызть его. А дома в это время проснулись дети его; смотрят — нет отца, пошли искать его. Приходят на кладбище и видят, что отца их грызут смерти. Дети в испуге закричали, а смерти похватали их и поели» (сл. Преображенная).

В народе еще крепко держится поверье, что в известных случаях умершие могут оставлять свои могилы и являться живым людям. Чаще всего это, мол, случается, когда сильно тоскуют по умершем. Так, напр., матери являются своим тоскующим детям, жены мужьям, женихи невестам, невесты женихам. Но существует особый разряд мертвецов — это выходящие по ночам из могил и шляющиеся по хатам с целью пожрать, а жрут они не одни кушанья, но и людей, преимущественно же детей, которых или совсем пожирают, или выпивают из них только кровь. Таких кровожадных мертвецов называют упырями или ярытныками мужчин, а женщин — ярытныцями или же просто смертью. Хотя, с другой стороны, относительно ведьм говорят, что они после смерти редко выходят из могил, а если и являются в свои хаты, то это случается исключительно тогда, когда у них остаются маленькие дети-сироты, вот к ним-то и ходят их матери ведьмы, когда бедные сиротки остаются без призору, чтобы накануне праздника обмыть их, причесать и надеть на них чистое белье.

Говорят, что между крестьянами также много ведьмачей (ведьмунов, упырей), как между крестьянками ведьм; рассказчики и рассказчицы тем не менее весьма мало сообщают данных о деятельности их при жизни, но зато передают массу более или менее однообразных сказаний о похождениях упырей после смерти. Упырь при жизни считается старшим над ведьмами; они его боятся. Он только взглянет на женщину — и сейчас узнает, если она ведьма. Мало того, ему известно, где какая из ведьм бывает и что делает, и если ведьма сдоит и спортит корову, то стоит ему только взглянуть на коров и на загороду, чтобы безошибочно указать, куда входила ведьма, через какое место вышла, какую корову сдоила и какие у нее дойки испортила.

В слободе Тарасовке в последние годы перевелись и ведьмы и упыры; зато в Нижней Дуванке и теперь всем известны ведьма и упырь. К этому последнему часто обращаются в случаях порчи коров ведьмою за помощию, и он заговаривает ведьм и лечит испорченных коров. В этом занятии он находит средства к жизни, и оно составляет единственное ремесло этого человека. Вот что рассказывает об этом упыре крестьянин, который недавно обращался к нему с просьбою полечить заболевших коров: *«Було у нас чотыри коровы; отылылысь воны вси на одний ныдили, тылята гарни, як одно. Ныдили через дви сталы коровы смутни, пересталы давать молоко, захворалы. Иду я в сумерки с току, бижыть до загороды здорова собака, жовта, хвист опустыла; я злякавсь, чи ны скажена, духом побиг, взяв однорог. Прыбигаю — ныма, и нихто не бачыв. А на другый день вси коровы попорчени. Я пойхав, прывиз опыря. Як вийшов у загороду, подывывсь и каже: «Була видьма; осюды влизла, сюды вылизла». И показав якраз там, де я бачыв жовту суку. Сказав, на яку дийку яка корова спорчена, и не бравсь за дийки, а тилько хвист потянув та лопатки пощупав. И пийшов у хату, каже, шо ще рано личить. У хати мы его приняли як слид, накормылы, горилки вин выпыв, тоди й каже: «Пора, ходим!» Пийшов, шось пошептав. И так три вечерних зори прыйздыв. Кожный раз его мы угощалы, горилкой поштувалы, карбованец грошей далы да копыцю сина. Сказав, шо через три дня коровы будуть здорови, а воно ничого и не пособыло. Пийшов я знов до него, кажу, шо коровы хвори, молока не дають, вымья роспухло. А вин отвитыв: «Чудно, чого воно не пособыло; усим пособляется, всюде мене клычуть». Я просыв, шоб вин ще прыйшов,— отказавсь: «Ни, не пособыло в первый раз, бильш не можу: не пособыть». А всюды беруть его; вин так и сыдыть у кабаци, видтиль его и беруть по людях. А як вздрить видьму, зараз и каже: «Купы горилки, суча дочка, а то скажу, де сю нич була». Та зараз его и поштуе, николы не одказуе. А я коров своих на ярмарку продав и гарно продав, хоть тым, може, опырь помог»* (сл. Тарасовка).

Рассказ ямщика: «Лет 15 тому назад, когда я был еще парнем, сошелся я с одною девкою. Красивая такая, высокая, лицо полное, румяное, глазами так и ест, но зато характер... уже не приведи Бог, чуть что не по ней, так сразу вся и вспыхнет. Ну, любились мы с нею года два. Вижу, дело неподходящее: не пара, значит, она мне. Вот поссорились мы как-то с нею, разбранились. Я и бросил ее. А мать этой девки была вдова и слыла у нас в слободе ведьмой. Иду я это раз на вечерницы. Уже смеркло. Вдруг слышу — сзади что-то шумит. Не успел я оглянуться, как оно меня под ноги — раз! Я так и поточился, но не упал. Гляжу, а то здоровенный клубок. Ну, думаю, дело плохо, подавай Бог ноги, да наутек. Я бежу, а клубок за мною. Вскачил я в сени, захлопнул дверь, а сердце у меня так ходуном и ходит, едва на ногах держусь. А снадвору голос: «Ушел,

сучий сын, в другой раз не уйдешь!» Выбежали хлопцы на двор, а там никого нет. Что теперь делать? А у нас в слободе жил отставной солдат; все называли его упырем. Ну и посоветывали мне обратиться к этому самому солдату. Взял я на другой день полкварты, хлеб и полтину денег и пошел к нему. Прихожу: так-то и так, помогите, говорю, ведьма пообещалась жизни решить. Поставил на стол полкварты, положил хлеб и деньги, кланяюсь, прошу. «Знаю,— говорит,— не бойся, ничего она тебе не сделает. Иди домой, а там сам увидишь и услышишь, что будет». Проходит неделя, ничего не слышно. В понедельник рано утром копаюсь это я у себя на дворе и вдруг слышу на улице шум. Бабы кричат: ведьма, ведьма! Где? Как? Бегу, вижу — бабы побросали своих коров, что гнали в череду, бегут на другой конец улицы, туда, где жил солдат, и там около его двора уже куча народу, и я себе туда. Все смотрят через плетень, глянул и я и вижу — посередине загороды сидит на корточках вдова в одной сорочке, распатлана, перед нею дойница, а она над нею руками перебирает, доит, все доит не переставая. Вышел из хаты солдат и сказал: «Ты до сих пор доишь? Довольно. Пошла, паганка, домой!» Скоро после того вдова с дочкой оставили нашу слободу, а я женился, стал хозяином да и дохазяйничался, что пришлось поступить в ямщики» (сл. Волоско-Балаклейка).

«Вупыряка родымый, его зараз можно взнаты: як очи быстри и у лица оказуцця краска, так ото вин самый. Колысь давно, ще як вси люды булы стрыжени (время военных поселений), *я був поганеньким хозяином: мав волыкив, коровок и все, як слидует буть. Раз бабы сталы жалицця, що коровы ны дають молока; я и став щоночи пидглядаты, хто прыйде коров доиты. От вночи я как прыйшов до кошары, глядь, а сиренький бычок лыжыть пид коровою. Я хамиль, хамиль — та за свидетелем, шоб потим люды поняли виры. Прывив сусиду, поставыв коло кошары та й кажу: «Ну, гляды ж: що б ны скакало на тебе, хоч жаба, хоч змия — хватай, ны бийся: це вупыряка, а пры мини вин тоби ничого ны подии». А сам у хвиртку, а вона рып. Бычок як схватицця та через тын, а сусида сущиль схопыв его. Колы я глядь, вин солдатом вже зробывся; мы звьязалы его. На другый день прыходе зводный с такым ныдобором, що быда: як смилы мы солдата дыржаты?! Мы ему з жалобою. Солдат и прызнався, що вин самый був коло коровы. Тоди зводный и каже: «Ну, просы ж мужыка, а то тоби вишня служба». А я кажу: «Ничого мини ны треба, тико скажы, куды ты входыв, чы в ворота, чы в хвиртку?» Мини, бач, хотилось выविрыты, чы такы правда тому, що мене батько вчыв: як зарыеш на воротях кошары навхрест осыковый килок и зубок з бороны, так нияка лыха лычына в неи ны ввийде. «Э ни,— каже,— в тебе в хвиртку ныззя». «А куды ж ты?» «Через тын в тим мисти, де кошара прычалюецця до хливця». Э, подумав я, нывчим мини батько прыказував завсыда кругли загороды робыты!»* (сл. Преображенная).

«У одного чоловика був пыр вечером; там було багато его родычив и друзей. Вси воны началы спиваты, вдруг сама хворточка в окни отворылась и влытив у хату мытелык, а на столи була чарка з водкою. Той мытелык и став питы водку. Як напывся водкы и став пищаты: спиваты писни, гости уси полякалысь. Зараз той мытелык — хлоп одного гостя в лоб своими крыльцямы, и став нывыдымый той мытелык. Це був, бач, ны мытелык, а видьмун — родыч тому хозяину, у якого був пыр, а вин его и ны поклыкав на пыр. Звисно, той видьмач росердывсь и полякав усих за те, шо его ны поклыкалы на той пыр» (хут. Егоровка).

«Йихав ганчарь з горшкамы и остановывся на поляни ночуваты. Шкапа пасеця, а вин лежыть и не спыть. От так як опивночи дывыця — розступаиця земля коло его. Земля розступылась, и наверх земли выступыла труна; из труны вылиз чоловик, знявся и полытив. Ганчарь узяв крышку из труны, обчертыв нею кругом горшкив та й лиг на ний. Так як перед тым, що заспивають трети пивни, прылитае той чоловик, назад лиг у труну, а крышкы ныма и не прычиняиця. Вин устав и кажы: «Ганчарь, мий дорогый торговець, отдай крышку!» Ганчарь отвича: не отдам, хиба скажыш, де ты був, куды литав и хто ты такый — чы мертвый, чы жывый чоловик. Вин сперва було замявся, а потим и кажы: «Я есть мертвець, старыный, прывелыкы ярытнык, а литав на одну свадьбу поробыты молодым, щоб поснулы на посади. Так ты возьмы у моий труни у головах ниж, обриж ным из чотырех краив крыжмы тии, шо труна всередыни оббыта, по кусочку, и як найдыш тых молодых в такий-то слободи та пидкурыш их крыжмою циею, воны проснуця и тоби будыть дана там прывелыка награда. Та скорий давай крышку, а то мини не время!» Ганчарь обризав чотырех краив крыжмы, отдав крышку. Ярытнык тоди лиг в труну и аж загуркотив в яму. Земля упьять изишлась, и як будто ничого не було. Сичас заспивалы трети пивни. Ганчарь як напас шкапу, раненько встав и пойихав у ту слободу, де молоди поснулы. Прыйзжае в ту слободу, коло того двора народу выдымо-невыдымо. Вин будто и ны зна, чого такого мыру коло тии хаты, и пытае: «Шо це тут робыця?» Ему росказалы, шо так и так пороблыно: чы ны можыш ты одробыты, мы тоби дамо велыки подаркы. «Та хто й зна, подывлюся». Ввийшов вин у хату, дывыця: молоди як сыдили на посади, так и поснулы, и их нияк не розбудять. Узяв вин накурыв их крыжмою, воны сичас же усталы, як и не було того. Ганчарь взяв подаркы и пойихав соби. На другу нич упьять став вин у поли ночуваты, в другому мисти. Являеця упьять той ярытнык и каже: «Здрастуй, ганчарь, мий дорогый торговець! Ну шо, був ты у тых молодых и одробыв их?» «Одробыв». «От шо, мий дорогый торговець,— каже ярытнык,— як ты йиздыш з горшкамы, а грошей все не маеш, хочыш, я тебе научу ярытныком буты, так ты що задумаеш, те и зробыш?» Ганчарь отвича: «Та я сорок лит возю ци горшкы, у мени велыке симейство, и так тикы, тикы пропытание. Так, пожалуста, навчы, шоб мини не йиздыты уже з цымы горшкамы». Ярытнык навчыв его усему прымусу, и вин на другый день пойихав додому. Як прыихав додому, а в сусид свальба. Его и не поклыкалы на свальбу, а вин поробыв так, шо молоди и вся свальба розбиглась вовкамы, поробылысь вовкулакамы. У ихний слободи був охотнык такый, шо ловыв звир у поли так: вырыта глыбока яма, прыкрыта хворостцем риденько, а над нею на палци шо-небудь повисыть — або курку або гуску — и звиряка як тикы станы доставаты их, так и провалыця в яму. На другый день чуть свит до того охотныка прыйшов старый дид-знахур и сказав ему: «Гляды, як пидыш до ямы и як попадуця вовкы, так не бый изразу, а додывляйся, як е на якому поясок, так розвяжы его, бо то не вовкы, а люды». Охотнык пишов до ямы, а в ний попалось аж девять вовкив; став прыдывляця, аж воны уси в поясках. Порозвязував поясків, вси сталы людьмы. Це була та сама свальба: молодый, молода и вся челядь, як пойизд йихав девять чоловик, так уси и побиглы вовкулакамы. Охотнык прывив их додому; его сталы угощаты за те, що одробыв им вовкулакив, а вин сказав: «Це не мене одного поштуйте, а поштуйте и дида-знахаря, Грыцька Пайдуна: вин мене научыв; якбы не вин, я б их побыв». Поклыкалы знахуря того, угощають его усым: тикы птычого молока ныма ему. Сталы упьять выряжаты пойизд, тикы тронулы из двору, кориный кинь пид молодымы и упав, и ныжывый. Знахур Пайдун и каже: «Не трогайте его! А ож дывиця, як прыйды той самый, шо поробыв вас вовкамы, и буде йисты коня». Так и случылось: прыйшов сусид ганчарь и став йисты коня, прямо зубамы рве кускамы мьясо и йисть. Тоди запряглы другого коня и пойихалы, а ганчаря посли роскaзнылы» (сл. Ново-Екатеринославль).

«Одын раз горчешнык ночував коло кладовыща. Вин там выприг свою кобылу, кормыв ии и варыв кашу. Зварыв вин кашу и сив вечеряты, дывыця: прямо на его пленда мертвець-ярытнык, такый, шо тико устав из могилы. Прыйшов вин до горчешныка та й каже: «Давай мини вечеряты: я йисть хочу!» Той горчешнык дав ему кашы. Ото вин пойив усю кашу и сказав горчешныкови: «Ходим тепер до мене у гости!» — и тягне его у могилу. Той мертвець хотив задушыты горчешныка, а вин вырвавсь од его рук и ушел. На другый день, тико розвыднылось, горчешнык пишов у росправу и объявыв о случывшемся. Староста выйшов с сотскимы на кладовыще, и откопалы того ярытныка, шо прыходыв до горчешныка, и замитылы, шо вин ны так лыжыть, як его клалы. Староста узяв клынець дубовый и топор, клынець поставыв на потылыцю ярытныкови, а топором ударыв по тому дубовому клыньци, так и ввигнав увесь клынець у потылыцю, аж кров брызнула з того ярытныка. Посли цего удара в потылыцю той ярытнык бильш ны ходыв по земли лякаты и душыты людей» (хут. Егоровка).

«Расположились чумаки ночевать около кладбища и стали варить

кашу. Когда каша была готова и чумаки уселись вечерять, мимо них пробежал от кладбища к кабаку какой-то человек, и тотчас у них каша оказалась с кровью. Что за чудо? Смотрят: возвращается тот человек из кабака назад, подошол к ним, поздоровался. Они приглашают его вечерять и рассказали, что у них случилось с кашей. «Я знаю»,— сказал он им и сел в круг. Смотрят: каша как каша — крови нет; все стали есть ее. Когда поели кашу, этот человек начал приглашать чумаков к себе в гости. Чумаки, зная, что он был в кабаке, подумали, что он хочет дома угостить их водкой, согласились и пошли с ним. Доходят до могилы, в ней дыра, а тот человек как схватит одного из них за полу и ну тащить за собою в дыру; чумак за нож да и отрезал себе полу. Тогда чумаки бегом пустились в деревню и рассказали там все, что с ними случилось. Собрались крестьяне, пошли на кладбище к могиле упыря, откопали гроб, увидели, что мертвец лежит лицом вниз. Тогда взяли осиновый кол и вбили ему в спину, потом яму снова засыпали землею и землю разровняли» (г. Купянск).

«Упыри встають из могил, по ночах ходят в разных выдах, кров пьють з дитей, з дивок, с жинкамы живуть, а то и в трубу змием лита, а то и чоловиком являетця. От як було у нас в Дубиновци. Дуже ладно, по любови жив чоловик с жинкою, и жилы воны так рок, а може й два. Писля того вин пийшов на заработки на Дон, и не хотилось ему идты, та батько послав. Жинка затоскувала: ни пье, ни йисть, робыты не може, так Михайло перед очами и стоить. Раз вночи явывсь до неи Михайло, ну живый-живисинький, став ии уговарювать, шоб не тоскувала: «Не тужы, не плач, я до тебе всяку нич прыходытыму, грошы, гостыньци носытыму, тильки батькови не кажы про мене, шо я хожу, и никому не кажы, шо мы бачымся!» Повисилила баба, мовчить, никому ничого не каже, тилько стала жовта та суха, страшна, як мертвець з гроба, и мочи у неи не стало. Поняла тоди вона, шо то за Мыхайло до неи ходе, та вже ничого не пособе. Стала казать батькови: пийшлы до церквы, служылы молебень, святылы над нею воду — ничого не пособляетця. Так скоро вона и вмерла — настоящого Мыхайлу не дождалась» (сл. Тарасовка).

«Жылы колысь чоловик та жинка, а чоловик той був ярытнык, вин возьмы та й умры. От та жинка й зажурылась и кожного дня туже за ным. Вин и явывся ий. Вона була у поли — тоди саме булы жныва — а як настав вечер, то вона прыйшла додому и начала варыты варенықы. Наварыла вона вареныкив, сила вечеряты та й згадала свого мужа и заплакала. Вдруг як одчыняця самы двери, синешни и хатни, а та жинка и дывыця, ны знае, шо й робыты, а воно прямо у хату суныця труна, в труни лыжыть ии чоловик та устае з труны и каже: «А ты такы мене й ны забуваеш: усе плачыш за мною?» Тико вин це проказав, и хто й зна, де й дився» (хут. Егоровка).

«Був случай такый: любылысь парень та дивчина, и якраз перед свадьбою невиста вмерла. Парень як плакав за нею, Боже милостывый, як плакав, и начав копать ход от своий хаты до гробкив. И стала его невиста до него через той ход в его хату ходыты. С тий поры повеселив парень, тилько став жовтый та худый. И вин як куды уходе с хаты, запера свою хатыну на замок, шоб нихто до его не вийшов и ии не побачив. Раз и пидглядилы, що вона сыдыть у его в хати, дожидае его, а вин десь забарывсь, а, може, й хлопци зговорылысь та й задержалы его; вин, бач, завсегда поспишавсь в свою хату, и ничим его не можно було затрымать. А тут вин ны прыйшов, питухи заспивалы, и вона зосталась у хати и упала ниц и опять стала мертва. Позвалы трех священников, воны приказалы розрыть могилу — розрылы и вси побачилы: труна пуста, и из неи маненька дирочка в землю, куды вона и ходыла. Тоди понеслы ии знов ховать и сталы молебни закляти править и забылы ий осыновый кол в потылыцю, аж вин в рот пройшов, а зарывла вона, як гром загримив, так що аж земля затряслась. Та як зарывла и проговорыла: «Зъилы вы тепер мене!» А жених опять зитоскував страшно и писля чотырех недиль умер. И багато було такых сторий: як сылно хто тоскуе по мертвому, то вин и явитця» (сл. Тарасовка).

«Було два чумака-сусида; одного звать Гаврыло, а другого Макар. Воны ходылы у дорогу, Гаврыло возьмы захворай та й умры. А перед смертью просыв Макара, шоб его поховалы край дорогы, и як колы буде йихаты мымо, так шоб зайихав до его на могылу. Случылось, шо оставшийся товарыш опьять йихав тою дорогою и остановывся ночувати в поли недалеко од могилы. Вспомныв про товарыша и попросыв меншого свого брата побуты коло возив, а сам пишов на могылу. Уже давно смеркло, настала нич. Прыйшов Макар до могылы, сив та й каже: «Эх, якбы мини та мий товарыш явывся!» А могыла так зразу и здвыгнулась, и выходе той самый товарыш его Гаврыло. Поздоровкалысь. Макар дуже орябив, а мертвець ему и каже: «Не бийся! Я той самый, с кым ты ходыв у дорогу и кого ты клыкав. А ходим, лишень, у шинок». Пишлы в село, а там скризь було темно, тико в одний хати огонь. Довго пробулы воны у шинку, а мертвець и каже: «Ну, ходим, брат, а то мини пора на мисто». Идуть назад мымо тий хаты, де огонь, Макар и пытае Гаврыла: «Чого у ций хати огонь горыть?» «А того, шо там е дивка-красавыця; я ии заморыв». «Як же ты ии заморыв?» «А так, шо вона совсим умерла». «Чы ии можно воскресыты?» «Чым не можно, можно, та як, хто зна». «А як именно?» «Та як: у цим сыли е дид, звать его Корний; у его есть корова чорна, як вугольця, а худа так, шо осталысь тикы кисткы та кожа. Так пиды ты до того дида Корния та й купы ту корову; шо вин запросе за корову, то й давай без торгу. Тоди треби звалыты ии, разризаты у неи брюхо и выняты жовч, помазаты тією жолчью пидошвы, протыв серця и пид ложечкою у мертвой дивки, то вона сама устане жива». Выслухавше все, Макар спросыв:

«А шо тоби робыты, шоб ты не ходыв?» «Э,— отвитыв мертвый,— зо мною багато клопит! Треба из 12 церков зносыты святосты та другу яму выкопаты, новый гроб треба, та шоб шисть попив наново похороны отправылы та осыковый килок у могилу забылы: тоди я вже и не встану». Стало свитаты, товарыши й распростылысь. Макар наутро пишов до мужика, де умерла дивка. Вошедше в дом, поздоровкався и сказав: «Эх, людына молода, тилько б жить!» Мате дивки заплакала, а вин и спрашуе: «А шо отдалы б вы ии за мене, якбы вона ожила?» Воны говорять: отдалы б. «А де тут напротыв вас жыве дид Корний?» Воны ему указалы, вин и пишов туды. Прийшов и каже: «Диду, у тебе есть чорна корова?» «Есть». «А скильки за ню хочышь?» «Давай двадцять пьять». Макар вынув гроши и подае ему. «Шо ты, Бог с тобою! Вона и десяты не стое,— закрычав дид,— це я пошутыв». Но Макар сказав: я не выноват, шо ты так запросыв; положыв гроши на стил, выйшов из хаты, заняв корову и погнав, де умерла дивка. Прыгнавше, распоров брюхо живьем, выняв жовч, помазав ею у дивки пидошвы, протыв серця и пид ложечкою; дивка зараз очнулась, встала и стала говорить. Тоди Макар пишов до священныка и говорыть: «Вы помныте, батюшка, чумака Гаврыла, шо ховалы коло дорогы?» «Помню». «Ну вин ходе по ночах. Хотимте, его откопаем; вин дивку задушив, а я ии воскресыв. А батюшка и каже: вин и у мене вивци подушыв, да и люди много жалиются. И прыказав, шоб у колокол звоныли. Собралысь люды, зробылы таку самотоху: бигають туды та сюды, а батюшка прыказуе, кому браты хругы, кому заступ, кому лопату, а одному велив взять осыковый килок. Пишлы на могылу, де похованый чумак. Прышедше, смотрять — у могылы дирка, так уси рукамы и сплыснулы: оце й воно! Откопалы — мертвый лыжыть ниц у гроби. Зробылы другый гроб, выкопалы другу ямку; начав батюшка заклынаты его, а мертвець и каже: «Ну, щастья твое, товариш Макаре, шо я не знав, шо ты мини невирный,— я б тебе поучыв!» Закопалы его и забылы в могылу осыковый килок» (г. Купянск).

«В одном селе жило два кума-ведьмача; один из них умер и был по общепринятому порядку похоронен, как обыкновенно хоронят крестьян. Чрез несколько дней после похорон оставшийся в живых ведьмач вспомнил о своем умершем куме и сказал: дай пойду проведаю кума. Сказано — сделано. Пришедши на кладбище, он отыскал могилу кума, наклонился над нею и крикнул в отверстие, которое было в могиле: «Здоров, кум!» «Здоров!» — отвечал ему из могилы голос. «Я тебя, кум, пришел проведать». «Спасибо, кум!» Долго переговаривались они; между тем наступили сумерки, стемнело, в хатах зажглись огни. Выходит из могилы умерший ведьмач и предлагает своему куму отправиться вместе в деревню, как только обоснут люди. Долго ходили они по деревне, отыскивая такую хату, где бы окна не были на ночь осенены крестным знамением. Наконец нашлась хата, хозяйка которой забыла перед сном перекрестить окна, в эту хату они и вошли. Мертвый пошел в кладовую, принес оттуда хлеба и меду, сели за стол и поужинали. Все хозяева хаты спали крепким сном и, конечно, не видели и не слышали того, что делается у них в хате. Между тем упырь заметил, что в люльке лежит грудной ребенок, поэтому, когда, поужинав, они вышли из хаты и прошли улицу до конца, он сказал своему товарищу: *«Эх, куме, шо мы наробылы: мы забулы в хати свитло загасыты! Побудь тут, а я пиду погасю»*. Воротился мертвец в хату, а живой, догадываясь, зачем он воротился, и себе пошел вслед за ним, подошел к окну и видит: кум наклонился над колыбелью и сосет из младенца кровь. Потом вышел мертвец из хаты, подошел к куму и сказал: *«Тут завтра буде обид, так и ты прыходь на цей обид. А тепер, куме, одвыды до могылы мене». «Ни, куме, я не хочу йты туды с тобою». «Чого?» «Боюся». «Не бийся, куме, я для тебе не злодий. Ходим, брате, ты взяв мене з гроба, ты й одвыды»*. Делать нечего: пришлось живому куму идти с мертвым до могилы. Пришли к могиле, мертвый и говорит: *«Ходим вже зо мною в могылу: мини все буде веселыш!»* Схватил кума за полу и тянет в могилу; но кум был настороже; отполосовал ножом часть полы, а тут запели петухи и кум скрылся в могилу. Тогда живой кум побежал в деревню и рассказал все, что в эту ночь с ним случилось. Пошли на кладбище, разрыли могилу, видят, что мертвый лежит лицом ниц, взяли осиновый кол и забили ему в затылок. Когда вбивали кол, мертвец проговорил: *«Эх, куме, куме! Не дав ты мини на свити пожыты!»* (сл. Кабанья).

Из этого рассказа видно, что, по мнению некоторых крестьян, упырь, ходя по ночам, заходит только в те хаты, в которых на ночь перед сном не крестят окон, и там ужинает, а если найдет ребенка, то высасывает у него кровь, отчего ребенок и умирает. Чтобы оградить свой дом от посещения разною шляющеюся по ночам нечистью, крестьяне перед сном всегда крестят в хате двери и окна. Но один старик, видя, что дочь его, собираясь спать, стала обходить и крестить все двери и окна, сказал ей: *«Дочко, хоть одно викно остав некрещеным». «Чого так, тату?» «Того, дочко, шо як ты крестыш викна, то выгоныш чертив из хаты, но знай, шо всих зараз не выгонеш, хоч одын зостанеця. Як ты вси викна перехрестыш, то ему никуды буде вылититы, и начне вин у ночи буяныты: того товкне, того кусне, а того щипне; а як хош одно викно останетця нехрещеным, то вин туды й вылете»* (сл. Кабанья).

В г. Купянске говорят, что необходимо на ночь крестить все отверстия в хате, чтобы ночью не проникла в нее через них нечистая сила; а для того, чтобы не осталось в хате ни одного черта на ночь, следует крестить по порядку окна и двери, а в заключение перекрестить и печное отверстие, в которое и вылетают черти, почему-либо замешкавшиеся в хате и не успевшие своевременно вылететь в окно.

Друкується за: Сб. Харьк. Ист.-филол. общества. 1891. Т. 3.

* П. С. ЕФИМЕНКО *

Упыри
(Из истории народных верований)

Цель настоящей заметки — сообщить читателю некоторые исторические сведения об упырях, т. е. такие сведения, которые относятся к известному времени и месту и даже к определенному лицу. Но, разумеется, в этом случае нельзя обойтись без указания на общие представления народа об упырях.

Афанасьев, обобщив народные верования малороссов и белорусов в упырей, пришел к тому выводу, что упыри — это злобные,

блуждающие мертвецы, которые при жизни своей были колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубийцы, опойцы, еретики, богоотступники и проклятые родителями. Несмотря на то, что приведенное определение очень широкое, оно, однако, не охватывает всего содержания, заключающегося в понятии *упырь*. Нужно, следовательно, обратиться к самим народным воззрениям.

По одним представлениям нашего народа, упырь есть ублюдок от чорта или вовкулака и ведьмы. Отсюда и поговорка: *«упырь и непевный усим видьмам родич кревный»*. Но он живет, как обыкновенный человек, отличающийся лишь злостью. По другому верованию, упыри имеют только образ человеческий, а в сущности они настоящие черти. Есть и такое верование, что упыри — это трупы ведьм, колдунов и других людей, в которых после их смерти поместились черти и приводят их в движение. Упырем, впрочем, может сделаться всякий человек, если только его овеет степной ветер. По внешнему виду упырь в одних местах ничем не отличается от обыкновенного человека, в других местах его представляют человеком с очень румяным лицом. На правой стороне Днепра есть еще особый вид упырей. Упырями там называют детей с большой головой, с длинными руками и ногами, словом, страдающих размягчением костей, или английской болезнью. Такие уроды *«без костей»* носят название *одмины* (по-великорусски обменищ, или седун), потому что их подбрасывает людям нечистая сила взамен выкраденных человеческих младенцев. В Проскуровском уезде Подольской губернии народ знает деление упырей на две категории — живых и мертвых. Отличительные признаки мертвеца-упыря те, что у него лицо красное, лежит он в гробу навзничь и никогда не разлагается; у живого лицо тоже красное, хотя бы он был и старик, и кроме того чрезвычайно крепкое телосложение. Эта крепость телосложения необходима ему потому, что, по местному верованию, ему приходится таскать на своей спине мертвого упыря; последний без первого не может быть вреден, так как он не может ходить.

По общераспространенному верованию малороссов, упыри-мертвецы днем покоятся в могилах, будто живые, с красным или, лучше, окровавленным лицом. Ночью встают из гробов и бродят по свету. При этом они летают по воздуху или вылазят на могильные кресты, производят шум, пугают путников, гоняясь за ними. Но более страшны они тем, что, входя в дома, бросаются на сонных людей, в особенности на младенцев, и высасывают у них кровь, причиняя этим смерть. Хождение их по свету продолжается, как и остальной нечисти, до тех пор, пока не запоют петухи. Чуму и другие эпидемические болезни, также засуху, неурожаи и другие общественные бедствия тоже приписывают упырям и упырицам. Упырь-одмина, кажется, не вредит людям, тем более что он вовсе не ходит, а лишь может сидеть или лежать на одном месте. Он приносит даже пользу,

потому что, отличаясь предведением будущего, занимается предсказыванием того, что должно случиться с людьми. Такой упырь, собственно говоря, никогда не умирает; когда его похоронят, он появляется в другом месте и начинает вновь предсказывать будущее.

Избавлялись от упырей, выходивших из могил, тем, что откапывали их трупы и пробивали грудь осиновым колом. Но это средство не всегда помогало. Тогда считали необходимым прибегнуть к более радикальному средству — сжечь труп упыря. А если за упыря признавали живого человека, то он должен был погибнуть на костре. И действительно, в старину у нас, как и на Западе, во время засух и мора сожигали на огне упырей и ведьм. Для того, чтобы окончательно лишить упыря возможности вредить людям, перед сожжением его прибегали к разным символическим действиям: завязывали ему глаза, забивали глотку землей и т. п.

После сообщения народных верований об упырях, укажем на отдельные лица, которых народ признавал за упырей.

По словам Голенбиовского, при короле польском Станиславе Августе был упырь в Белоруссии. Был и на Полесье в Лосицах упырь Курейко, которого назвали так потому, что он пел по-петушиному. Курейко повесился на подволоке в 1824 году; по смерти, как и при жизни, каждый вторник пел, свистал и плясал.

В с. Новоселках, пишет Новосельский в книге, изданной в 1857 году, лет сорок тому назад родился мальчик без кости; голову имел большую, как взрослый человек, ноги длинные, подобные тычинам, а лицо и глаза очень умные. Подросши, он не мог ходить, а всегда сидел в мерке, обложенный подушками. На седьмом году начал предсказывать. Предсказывал только поутру; кто приезжал днем, должен был ожидать до следующего дня и только поутру получал ответ на свой вопрос. Ясновидение его открылось таким образом. Отец мальчика имел пасеку, которую стерег дед. Однажды перед рассветом мальчик начал звать отца и будить его, чтобы тот как можно скорее отправлялся на пасеку, иначе воры убьют деда и покрадут мед. Отец не поверил, повернулся на другой бок и хотел заснуть, но сын снова стал кричать ему, чтобы как можно скорее бежал, потому что непременно убьют деда. Наконец отец послушался, пошел, пришел на пасеку и там действительно застал двух воров, которые выбирали мед из ульев, а в стороне увидел связанным своего старого отца. С того времени начали верить в предсказания мальчика-калеки; вскоре весть о нем распространилась по всей окрестности: на поле за селом всегда стояло множество повозок и возов тех людей, которые приезжали за предсказаниями к ясновидящему. На десятом году жизни своей он умер. Говорят старые люди, что он не умер: только тело его похоронили, а он где-то далеко снова появился и предсказывал. При этом Новосельский замечает, что в 1852 году в Подольской губернии такой самый калека без кости, Ивась, предсказывал будущее, как об этом было

сообщено в корреспонденции Адама Плуга в «Газете Варшавской» [...]

Может быть, в основании настоящего народного рассказа нет никакого реального факта. Но вот действительный случай, из более далекого прошлого.

Летом 1727 года киевский полковник Антон Танский прислал в Малороссийскую генеральную войсковую канцелярию крестьянина Семена Калениченка вместе с его показанием, в котором тот признал себя за упыря и вместе с тем заявлял, что в некоторых местах Малороссии вскоре будет эпидемия на людях.

Кажется, что все вышеуказанные упыри принадлежат к разряду незлобных, ясновидящих. Но вот факты, относящиеся к известным в истории личностям. Этих упырей можно назвать антисоциальными упырями.

О том самом Антоне Михайловиче Танском, который представлял упыря Семена Калениченка в войсковую генеральную канцелярию, сложилась следующая легенда.

Танский богат был деньгами и землями. Первые он получил в виде приданого за женой, дочерью Палия, вторые получил в виде дара от Петра I, а еще более награбил от бедных казаков и посполитых. Тем не менее имя его часто поминалось между строителями и благотворителями храмов. Однажды он подарил целое барило червонцев монахам Афонской горы, пришедшим просить подаяния на свои обители и избравшим его дом местом складки всего собранного ими по Украине. Но зависть и скупость одолели его, и он решился воспользоваться всем напрошенным добром. Слугам своим он велел утопить монахов в Днепре, а сокровища их принести к себе. Спасшийся один из монахов рассказал о случившемся своему архимандриту, который и прибыл в Украйну с целью уговорить Танского возвратить заграбленное. Но Танский от всего отперся. Тогда архимандрит наложил на него клятву: «за то, что Антон Танский погубил невинные души, утаил церковные деньги, земля не примет его; добро его, приобретенное неправдою, исчезнет, яко воск от лица огня, перейдет к чужим людям, и род его изведется». *«Поховали его сыны,*— продолжает легенда,— *ще не вспилы и добром подилытысь, як щось страшне почало диятысь. Тильки що зайде сонце и трохи прытемние, як из домовины вылазить старый полковник: борода по пояс, очи палають пекельным огнем, з рота поломья сыпле, права рука на серци, в ливий пернач держить, и ходить вин, поки пивни не заспивають, а тоди застогне, так що чуб угору лизе,— и знов лагодиця в домовину. Думали — гадали сыны, що им робити, бачуть, що правду казав пророк игумен. Позвали печерского архимандрита, роскопали могилу, аж лежить старый Танський, неначе живый, тильки борода одросла и кигти повыростали. Узяли сыны осиковый кил и пробили Танського наскризь, а архимандрит прочитав молитву и положив заклятте, щоб*

не выходив бильш из домовины. И тепер стари люде показують ту могилу, да прокляв Танського игумен; да часом опивночи щось страшно, страшно стогне пид землею, неначе терпить несказанну муку».

Еще с большей несомненностью утверждается факт об упырстве генерального обозного Василия Бурковского, бывшего ранее черниговским полковником. Это тот Бурковский, известный богач, которому кн. Голицын предлагал гетманство, после устранения Самойловича, за 10 000 рублей, и который по скупости отказал боярину. Как известно, Мазепа вымолил у скупого богача взаймы эту сумму и купил себе гетманство. Бурковский, по семейному преданию, сообщаемому Маркевичем, был не только скупой, но и злой человек. Он ел скоромное в страстную пятницу, таскал к себе дочерей и жен своих крестьян, самих крестьян тиранил: одевал их в медвежьи меха и травил меделянами. Он умер в Чернигове и был похоронен в Троицком монастыре. На другой день после похорон его видели едущим на шестерке вороных коней по Красному мосту, что на речке Стрижне. Кучер, форейтор, лакеи и три собеседника в карете были черти. Распространилась молва, упыря прокляли, и он с поездом провалился в Стрижень. Пошли, открыли гроб и нашли в нем упыря красно-синим, с открытыми глазами; его пробили осиновым колом. Все это происшествие было изображено масляными красками на стене Троицкого собора, и только в первом десятилетии нынешнего столетия закрашена легенда об упыре.

В числе актов, заимствованных из Киевского центрального архива и напечатанных в исследовании В. Б. Антоновича о колдовстве, помещен один, в котором передается такой случай сожжения упыря.

Во время эпидемии в 1738 году жители села Гуменец обходили ночью в церковной процессии вокруг села, чтобы избавиться от болезни. Встретив шляхтича Матковского, который в это время ходил по полям с уздой и отыскивал своих лошадей, гуменчане жестоко избили его, приняв за упыря, виновника мора. На другой день жестоко мучили и сожгли на костре. Замечательно, что в числе лиц, принимавших участие в деле, были не только крестьяне, но и шляхтичи, также местный священник и дьячок. Когда громада колебалась, можно ли жечь Матковского, один из шляхтичей поощрял громадян, говоря: «сжгите скорей, я дам сто злотых: хочет он нас и детей наших погубить, так лучше пускай сам пропадает». А священник выражался: «Я до души, а вы до тела, сжгите как можно скорей». Пред сожжением Матковскому замазывали рот свежим навозом, а глаза завязывали большой тряпкой, обмоченной в деготь.

Так же поступил народ во время чумы 1770 года в м. Ярмолинцах Подольской губернии с захожим из Турции Иосифом Маронитом. Маронит был иностранец, несколько лет занимавшийся лечением, впрочем, очень удачно. Прежде, нежели сжечь, его опустили в бочку с дегтем.

Все изложенное приводит к тому заключению, что в старину верование в упырей не носило одного отвлеченного характера; народ не довольствовался тем, что вообще признавал существование на свете упырей. Нет, он стремился приурочивать свои представления к известным, действительно существовавшим личностям. В особенности в моменты крупных общественных бедствий, мора, голода и т. п. воображение народа болезненно настраивалось и отыскивало виновников этих бедствий (упырей) в своей среде. В упыри обыкновенно зачислялись люди, чем-либо отличавшиеся от прочих, например, калеки, знахари, умершие «не своей смертью», также люди, отличавшиеся хищным и злостным нравом. Впрочем, в минуты общественных бедствий всякому легко было попасть в упыри, все зависело от случайности. Причинами, поддерживавшими настоящее верование, как и многие однородные, кроме невежества и общего склада миросозерцания, были: болезненные галлюцинации и иллюзии чувств (например, видели упыря, выходящего из могилы, где похоронено такое-то лицо); открытие людей, заживо погребенных, лежавших во гробу ниц, с изодранной одеждой, искусанными руками, окровавленным лицом и т. п.; собственное сознание в упырстве подозреваемых лиц, сознание, вынужденное пытками и истязаниями или просто произнесенное в состоянии помешательства. Самые факты обвинения тех или иных лиц в упырстве и публичное сожжение их должны были сильно поражать воображение масс и далеко распространять настоящее верование. Социальные причины, имевшие место у нас в прошлом столетии, также должны были поддерживать веру в упырей. Это именно существование целой категории лиц, которые стремились всеми неправдами захватить чужие земли и обратить крестьян и казаков в свою собственность. Те из указанных лиц зачислялись в упыри, которые отличались особенной свирепостью по отношению к крестьянам и казакам.

Голенбиовский в книге «Lud polsky» говорит, что в Польше в старину верили в существование упырей люди всех сословий; только сочинение Богомольца «Diabel w swojej postaci» и более широкое просвещение уничтожило этот предрассудок, не искоренившийся в народе и доселе. Тоже самое было и у нас в Украйне: в прошлом столетии вера в упырей была присуща не только простому народу, мелкому панству, сельскому духовенству, но и лицам, занимавшим высокие посты в местном управлении, как, например, малороссийским полковникам. Впрочем, надобно сказать, что и тогда уже встречались у нас люди настолько просвещенные, что относились вполне скептически к этому верованию. В подтверждение приводим промеморию Малороссийской войсковой генеральной канцелярии в Малороссийскую коллегию от 19 июля 1727 года по делу Семена Калениченка.

«Сего 1717 году, июля 15 дня, полковник киевский Антоний Танский прислал в войсковую енеральную канцелярию человека Семена Каленниченка и при оном его допрос, в котором допросе показал себе быть упиром, и якобы в городе Глухове и в Лохвици, прийдучой Спасовки сего 1727 году, меет быть моровое поветре. Пре то з войсковой енеральной канцелярии оный Калениченко и подлинный его допрос при сем в малороссийскую коллегию посылается. А по усмотрению упира оного разсудила войсковая енеральная канцелярия его быть несостоятельнаго ума, и потому оние его слова от него показани знатно по некотором в уме помешательству. О чом коллегия малороссийская да благоволит ведать».

Друкується за: Киев. Старина. 1883. № 6.

* П. В. ИВАНОВ *

Кое-что о вовкулаках и по поводу их

Вопросы о происхождении мифических представлений, об основаниях для научного толкования мифов не могут входить в задачу настоящей заметки, цель которой гораздо проще: привести несколько легендарных сказаний, циркулирующих в народе, в подтверждение положения, что поэтические предания старины глубокой и ныне имеют для народа часто реальный смысл и даже экономическое значение в обыденной жизни крестьян.

Обряды, обычаи, предания встречают человека при рождении, сопровождают его на жизненном пути, не оставляют даже у гроба. Они составляют наследство предков, в котором скоплено все умственное богатство их и в котором коренятся все национальные особенности потомков. Среди такого-то наследия арийского периода выделяется верование в превращения, в оборотничество, нашедшее себе полное выражение не только в сказках о превращениях героев, но и в современных сказаниях о ведьмах и вовкулаках.

Оставляя в стороне рассказы о ведьмах, как более известные и частию нашедшие уже себе место в сборниках Афанасьева, Чубинского, Драгоманова, мы остановим наше внимание на не менее распространенных в народе сказаниях о вовкулаках. Подобных рассказов в печати существует немного, да и из того, что стало уже известным, не всегда можно вывести определенное представление об этих оборотнях, черты которых собиратели народных поверий смешивают иногда с некоторыми чертами, характеризующими упырей или вампиров.

Афанасьев указывает, что на Украине различают вовкулаков двух родов: это или колдуны, принимающие звериный образ, или простые люди, превращенные чарами колдовства в волков. Колдуны рыщут волками обыкновенно по ночам, днем же снова принимают человеческие формы. Превращенные из простых людей вовкулаки — более страждущие, чем зловредные существа; они живут в берлогах, рыскают по лесам, воют по-волчьи, но сохраняют человеческий смысл. Средства, употребляемые колдунами и ведьмами для превращения людей в *животненные* образы, сходятся с теми, силою которых они сами становятся оборотнями. По народному поверью, колдуны или ведьмы, желая кого-либо превратить в волка, набрасывают на него звериную шкуру и нашептывают при этом волшебные слова. Чтобы превратить свадебный поезд в стаю волков, колдун берет столько ремней и мочал, сколько в поезде лиц, нашептывает над ремнями и мочалами заклятия, а потом подпоясывает ими по одиночке поезжан; подпоясанные тотчас становятся вовкулаками. Иногда, говорят, колдун кладет скрученный пояс под порог избы: кто переступит чрез этот пояс, тот и превращается в волка. Сами колдуны и ведьмы, желая преобразиться в зверей, набрасывают на себя кольцо из мочалы или кувыркаются чрез обручи. Само собою разумеется, что главная сила тут в нашептывании, в волшебных словах. Переступившие чрез заколдованный пояс и ставшие вследствие этого оборотнями не прежде могут получить прежний человеческий образ, как когда чародейский пояс протрется и лопнет. Есть, впрочем, и другой способ, которым во всякое время можно возвратить оборотню человеческий вид: нужно, чтобы кто-нибудь надел на него снятый с себя пояс, но предварительно навязал на этом поясе узлы, а при навязывании каждый раз говорил: «Господи, помилуй!» Говорят, будто бы при этом и звериная шкура, если она была наложена, спадет, и пред избавителем явится человек.

Указанные сейчас способы превращения людей в волков принадлежат к простейшим и не всегда приводят к желаемой цели. Не всякий же допустит набросить на себя звериную шкуру, не всякий даст подпоясать себя наговоренным ремнем. Гораздо труднее бороться с чарами, производимыми заочно, с помощью какого-нибудь зелья. В одной песне народной так говорится о действии чар:

— Ой, мамо, мамо, що ж мини робити:
Не став козак любити.
— Бижи, донько, до гаю,
Шукай зилья розмаю.—
Ще до гаю не дойшла,
Розмай-зилячко нашла.
Полоскала на ричци,
А мочила в горильци.
Полоскала у броду,
Настояла на меду,
Приставила до жару.
Кипи, зилья, до жалю.
А ще коринь не вкипив,
Козак уже прилетив.
— Чого ж ты прилетив,
Коли любить не схотив?
— Як же мини не литати,
Коли вмиеш чаровати.

Против чар можно действовать только чарами или заговорами; как во всяких других случаях, так в особенности в случае превращения кого-либо в волка заговоры в устах умелого знахаря способны не только уничтожить, но и предотвратить действие чар. В последнем случае они носят название *оберегов* или оберегательных.

В литературе заговоров мне известно только шесть свадебных оберегов, приведенных у Забелина. В Купянском уезде Харьковской губернии мне удалось записать еще несколько оберегов, которые и привожу здесь. Народ так верит в силу этих заговоров, что не считает нужным, чтобы они произносились знахарем: их может прочесть и всякий исполняющий на свадьбе роль дружка, если только знаком с текстом их. Вот эти заговоры, оберегающие молодых от превращения в волков.

1. *«Стану я на чавуннее дно, закрыюся securityзализным небом, замкну я по тридевять замкив, по тридевять полузамкив та вкину я ключи в океан-море. Хто може з океана воду выпить и это може писки вызбирать, той може и раба Божого* (имя новобрачного) *ззисти. Не знайдется ни с панских, ни з попивских дитей...»*

К этому, так сказать, специальному заговору прибавляют слова из заговоров, употребляемых при нашептывании в болезнях: *«Тут тоби не бувати, кости не ламати, крови не пити, серця не тошнити: пиды соби с нутра живота, и з жил, з пажил, з ногтив, з пазног-*

тив,— пиди соби на пущ, де солнце не сходе, де христианский глас не заходе» (записано в сл. Нижней Дуванке Купянского уезда).

2. *«Запрягаю я кони-ведмеди, ужакою загнуздую, гадюкою поганяю, од себе жило одвертаю. А хто все це поисть, той хрещених раб Божих: архитрыклына, молодого князя и молоду княгиню и весь поизд поисть».*

Это читает *дружко,* запрягая лошадей, чтобы ехать за невестой.

3. *«Миж трёма дорогами, миж трёма ланами лежить чоловик Ныкин без рук, без ниг, без очей, без ричей, без плечей. Як той чоловик, Ныкин, ничым не владие, так на хрещеному рабу Божому архитрыклыну* (имя дружка) *и на молодому князю* (имя жениха) *и на молодий княгини* (имя невесты) *и на его поизду нихто ничого не завладие. Во вики виков. Аминь»* (сл. Преображенная Купянского уезда).

Таковы заговоры, употребляемые для предотвращения молодых и поезжан от обращения в волков; но раз, по неопытности дружка или по другой причине, несчастие случилось и весь поезд побежал волками, требуются другие средства и другие знающие люди.

«Як побачиш багацько вовкив и в якого-небудь билу смугу через плече,— говорил мне один из таких,— бери икону, воскову свичку, хлиб и иди назустрич, а пидийшовши близенько, простелы рушник, постав икону, засвиты свичку и положи хлиб, та так, як на аршин од рушника до вовкив, встроми ниж, та й кажи: «Просимо (имя дружка) *до хлиба до соли и до святои иконы. Одверни тебе, Господи, и очисти твое тило святыми молитвами и своими духами!» Тоди дружко пидойде до ножа, та нюх-нюх и перекинеця через нёго, а за ним и вси, и зараз поробляця людьми»* (сл. Преображенная).

Козак или солдат может в силу своего звания возвратить вовкулакам человеческий вид. В Старобельском уезде мне рассказывали следующее предание.

В одной из станиц на Дону проживал богатый старый козак с дочерью, красавицей Машей, сын же отправился на войну. В красавицу Машу влюбился безобразный Фомка, сын ведьмы, и стал свататься за нее. Старый козак выгнал из хаты ведьму, явившуюся к нему за ответом на предложение сына. «Постой же, старый хрыч, не видать тебе твоей Машки замужем!»— вскричала взбешенная отказом ведьма. С того дня все коровы старого козака стали давать вместо молока кровь. Призвана была знахарка, что следует пошептала, поделала — коровы стали давать молоко, но за исключением одного дня в неделю, именно того, в который они были испорчены ведьмой; тогда у них по-прежнему появлялась кровь. Прошло несколько недель. Маша была сговорена за сына сотника. Все шло благополучно. Но вот когда жених и невеста стояли под венцом, в это самое время заметили старую ведьму, копающуюся на средокрестной дороге. По окончании венчания сказали об этом дружку, но он не обратил на предостережения никакого внимания. Окруженные богатым поездом, сияющие счастием, едут молодые из церкви. Но лишь только передние колеса повозки молодых коснулись перекрестка, молодой князь и молодая княгиня внезапно превращаются в волков и на глазах оцепеневшего поезда убегают в лес. Сверкнула ведьма глазами и убежала, а на перекрестке оказался нож, воткнутый в землю острием вверх.

Затужил старый козак, слег в постель и послал за сыном. Приехал молодой козак в отпуск и, разузнав обо всем обстоятельно, засел на ночь в загороде под тот день, когда коровы давали вместо молока кровь. В полночь явилась старая ведьма. Схватив ее за седые волосы, он одним ударом нагайки отбил ей нос, а потом начал учащать удары, требуя от ведьмы, чтобы она открыла ему секрет, как возвратить его сестре и зятю их прежний вид. «Ну,— говорит ведьма,— умел ты поймать меня и удержать, дай же теперь мне слово, что ты не убьешь меня, когда я открою тебе тайну». Козак дал слово. Тогда ведьма подала ему клок своих седых волос и сказала, чтобы он зарядил ружье и забил заряд этими волосами. Затем указала станицу, около которой бегали вовкулаками его сестра и зять, прибавив, что, найдя их там, он должен выстрелить в них и что при звуке выстрела они опять станут людьми. Действительно, слова ведьмы оправдались. Молодой козак сдержал слово, не тронул ведьмы, но станичники сожгли ее вместе с ее домом.

В народе циркулирует масса поражающих воображение слушателя рассказов о вовкулаках и в частности о том, чем они питаются, что едят. Приведу более характерные из них.

Возвращаются два брата с поля домой. *«А що, Грицько, дуже боишся ты вовкив?»*— спрашивает старший брат меньшего. *«Не знаю,*— отвечает тот,— *я их зроду не бачив». «А от побачиш»,*— говорит старший брат. И тотчас ушел за находившуюся у дороги могилу. Там вынул из кармана два ножа, воткнул их в землю и перекувырнулся между ними через голову. Не успел Грицько и «почухаться», как из-за могилы показался большущий серый волк. Испугался Грицько и бросился за могилу в ту сторону, куда ушел его брат, но вместо брата увидел там два торчавшие из земли ножа. Он быстро выдернул их и стремглав пустился домой, а за ним бежал волк с жалобным воем, в котором он не мог узнать голоса брата. Не раз пытался несчастный вовкулака пробраться домой, но блестящие зубы с бешенством бросавшихся на него псов обращали его в бегство. Хуторяне часто потом встречали в окрестностях тощего, исхудалого волка, с слезящимися глазами, пристально устремленными на огонек в том месте, где готовилась вечеря для косарей.

Раз ночью страшный лай собак на дворе разбудил Грицька. Он вышел из хаты; смотрит — собаки неистово бросаются на забившегося в угол кошары волка. За Грицьком вышел и отец. Последний сразу догадался, что то за волк. Быстро подошел он к нему, схватил его за шиворот и сильно встряхнул. Шкура на волке треснула, и из

нее вылез старший брат Грицька. Когда все поуспокоились и бывший вовкулака, сидя за столом в хате, утолил свой голод, то на вопрос матери: *«Сыночку-голубчику, що ж ты ив, як вовкулакою був?»* отвечал: *«Облизував на деревьях ти миста, за котори люди брались руками,— тим тилько и жив».*

Другие рассказы о жизни вовкулак добавляют, что они не едят падали, но подбирают куски и крошки хлеба, оставляемые пастушками, а иногда даже воруют у последних сумки с хлебом.

Один мальчик передавал мне, что года два тому назад к товарищам его пастухам, пасшим скот вблизи леса, приезжал верховой с ружьем за плечами. Расспросив их о том, не видали ли они волка, он дал им кусок «свяченого» хлеба и просил их, чтобы они, когда увидят волка, не пугались, а дали бы ему этого хлеба и, когда он начнет есть, разорвали бы на нем зеленый пояс, который у него под шерстью. «Это,— говорил он,— не волк, а вовкулака — жених, превращенный в волка».

Люди взрослые с полной верой рассказывали, что несколько лет назад в Волчанском уезде видели одного русского из Воронежской губернии, сопровождаемого волком. На вопросы удивлявшихся этому хохлов, он уверял их, что это не волк, а оборотень-жених. Когда еще более удивленные таким ответом хохлы спрашивали хитроумного москаля, зачем же он не возвратит вовкулаке прежнего его человеческого вида, то находчивый москаль озадачил их таким ответом: «Сделай его человеком, придется кормить, а до дому еще далеко, волком же добежит и без корму».

Некоторые из рассказов о вовкулаках приводят к заключению, что превращение в волка бывает не только невольное, но и совершенно добровольное; в последнем случае оно составляет развлечение молодых парней. Вот один такой рассказ, записанный мною.

«Шли два товариши; один, знаете, такий, що всяку всячину знав, а другий такий, як оце и мы, гришни. От це той, що знае усе, и каже: «Давай, брат, вовкулаками поперекидаемся та полякаем дивчат». «Давай». Ну, вин сам перекинувся и товарища перекинув, и пишлы дивчат лякать. Писля того, як полякали, пишлы до вербы, откидаются. Той же, що зна усе, откинувся и зробився опьять чоловиком, а другий откидавсь, откидавсь, та й не откинувся,— так вовкулакою и побиг у поле, и кажну нич оце и приходе до своеи хаты та и дывитця в викно, що в хати робитця. И так вин доходив до самисенького Риздва. Як есть на голодну кутю прыйшов до хаты и дывитця в викно, а в хати батько й мати и браты сидают вечерять. Мати кладе ложки та й каже: «Оце, тоби, старый, а оце тоби, сынок». А вовкулака пид викном: «ау»! Це, бач, не скаже: «А мини»— та «ау!» Тут уси полякались, повыбигали, застукали того вовка, почали его бить. Брат як ударе его по спыни, а вин и зробився чоловиком та й каже: «Постой, не бийся: я твий брат!» Взяли его у хату, роздивились — аж вин справди брат».

Превращенные другими посредством чар или заклятий в волков во всех слышанных мною рассказах представляются несчастными, заслуживающими полного сострадания существами; превращающиеся добровольно, особливо колдуны и ведьмы, не испытывают от того никаких страданий, пользуются только этим превращением с выгодою для своих целей; рыская волками по ночам, к рассвету они снова принимают человеческий вид.

Верование в оборотничество, в существование вовкулак составляет один из архаических остатков мифологической стадии человеческой мысли, крепко сохраняющейся в той общественной группе, которая служит верной хранительницей вообще легендарной поэзии древнего человечества, но с сообщением ей местного колорита, местных красок.

Что же способствует сохранению, живучести этих сказочных преданий в народе? Что сообщает вид правдоподобия этим невероятным, глупым россказням? Общий склад народного мировоззрения, личная выгода некоторых и те печальные, хотя довольно редкие случаи умопомешательства, когда в расстроенном уме больного рождается представление о том, что превращение в волка действительно совершается или совершилось уже над его собственной личностью, что он, больной, стал волком. Сюда же следует отнести случаи полного идиотизма, соединенного с немотою и припадками болезни св. Витта. Года два тому назад в одном из южнорусских монастырей нам пришлось увидеть одного из подобных несчастных субъектов, пробегавшего на четвереньках мимо толпы крестившихся при виде его богомольцев, из среды которых доносились до нас восклицания: «Господи, спаси и помилуй!» вместе со словами: «перевертень! перевертень!» Действительно, жалкое создание, почти лишенное человеческого образа, производило на зрителей самое удручающее впечатление. Оно то каталось по земле, издавая какое-то рычание, то, схватившись, продолжало бег свой на четвереньках. Не удивительно, что появление его тотчас же вызвало в толпе представление об оборотне, перевертне.

К числу лиц, заинтересованных поддержанием в простом народе верования в превращения людей, мы относим также не только тех, что слывут знахарями, колдунами, но и конокрадов, а равно занимающихся кражею скота. Они-то и есть те разъезжающие по утрам около хуторов всадники, рассказы о встречах с которыми нам приходилось неоднократно слышать, и которые, будто бы ища убежавших волками жениха и невесты с целью возвратить им прежний человеческий их вид, на самом деле высматривают, где бы украсть коня или вола. Но, будучи захвачены врасплох, эти хищники, пользуясь наивной верой крестьян, несут им всякую всячину для отвода только глаз.

Друкується за: Киев. Старина. 1886. № 6.

И. Я. ФРАНКО
Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г.

I

Рассказы об упырях, помещенные на страницах «Киевской Старины», освежили в моей памяти множество рассказов, слышанных мною еще в детстве, об ужасном событии, которое случилось в моем родном селе Нагуевичах Дрогобычского уезда в Галиции [1] в памятном 1831 году. Рассказы эти, которые когда-то производили потрясающее действие на мое детское воображение и заставляли меня при всяком малейшем шорохе вскрикивать и даже падать в обморок, живут и до сих пор, как это читатель увидит из помещаемых ниже

записок г-жи Ольги Франко [2], писанных летом 1889 г. Дело касается сожжения нескольких человек, заподозренных громадою в том, что они упыри и были причиной свирепствовавшей в то время холеры.

Вера в упырей в нашем Подгорье до сих пор очень жива и распространена. По народному поверью, упыри и упырицы бывают двоякого рода: *родыми* и *пороблени*. Родимые считаются более опасными; кто и как превращает обыкновенных людей в упырей — мне не удалось узнать. Приметы, по которым узнают упырей, весьма разнообразны. Обыкновенно у них лицо красное и глаза чрезвычайно яркие и блестящие — это оттого, что они сосут чужую кровь.

Г-жа О. Франко записала от Марии Гаврылыковой следующую любопытную примету: *«Упырь як спыть, то все на лави, пид викном, але не так, як други люде. Вин усе лягае головою до дверей, а ногами до образив — по тим его и пизнаты можно. Якбы хто в сни перевернув его так, що голову положыв бы туды, де булы ноги, а ноги — туды, де була голова, то вин уже не встане з лавы, а буде так лежаты хоть бы й мисяць, покы его знов не обернуты так, як уперед лежав. Упырь може и в худобыну обернутыся. То раз у ясеныцького* (Ясеныцья Сольная — село, соседнее с Нагуевичами) *попа була слуга — пек бы ий — упырыця, и якусь соби злисть пиймыла на пастуха та не мала як до него прыступыты. Аж раз той пастух жене худобу, аж бачыть: якась безрога суне на него, крычить та все наганяеся, щоб укусыты. Вин на неи крычыть — ба, не помагае. Вин еи прогонює — ба, суне безрога та й суне. Тогди вин як ухопыв бучок, як почне тоту безрогу быты, так быв, так быв, що тота ледво ногы поволокла та й щезла десь межы плотамы* [3]. *Прыходыть вин вечером додому, дывыться до пекарни, а служныця лежыть на лави головою до порога, та така збыта, таки сынци попид очыма, по руках, по ногах, що не дай Господы. «Ага! — погадав вин соби.— От яка ты! Чекай же!» Та й немного мыслячи взяв та й обернув еи головою до образив, а потим пишов до попа та й каже: «Егомость, щось наша Марыська слаба, побыта така та й не встае». Пишов пип до пекарни — правда е. Зачинае вин термосыты еи, будыты — де там, ани суды Боже! Отже лежала так цилый день не встаючы, покы той слуга не обернув еи знов так, як зразу лежала,— тогди вона збудылася».*

Упыри могут вредить людям и скоту не только по смерти, но и при жизни. Ночью они могут улетать в отдаленные места, конечно, не телом, но душой, и делать там пакости, тело же их остается на месте со всеми признаками жизни, и потому упырей называют тоже *двоодушныками*, т. е. людьми, имеющими две души. Вредят они не всегда по своей собственной воле, но по указаниям или по крайней мере с соизволения своих старшин — *старших упырив*. Самые старшие упыри в нашей окрестности были, по народному преданию, в с. Бусовищи Самборского округа. Лет 15 назад я записал от моей

покойной матери следующий рассказ о самом старшем упыре из Бусовищ: «*Повидають, що от тут на Медвижи* (село, смежное с Нагуевичами) *заслаб був раз чоловик — перший богач у сели. Крычыть та й крычыть, вьеся з болю, а що его болыть — не може сказаты. Що воны его до дохторив, до ворожбытив возылы; що людей перепытувалы, що ему раду давалы, яку хто радыв,— ничого не помагае. Аж дали нараяв хтось: «Идить,— каже,— до Бусовыщ, до того й того господаря, у него е слипый отець, як вам той не поможе, то вже нихто не поможе». А у того богача два сыны булы, парубки вже доросли. Зираз запряглы, поихалы. Прыизджають до хаты. «Слава Исусу Хрысту!» А той слипый из-за печи: «Ага, справыв вас мий ворог тяжкый до мене! Ну-ну, прыгадию я ему тогу прыслугу». Ти аж одебелилы, дывляться: а вин сыдыть на печи слипый, сывый, а на лыци такий червоный, як кат. Зачалы воны до него: «Будьте ласкавы, титусю, змылуйтеся! мы вам уже...» Та де тоби, той им и говорыты не дае. «Идить соби вид мене, я не хочу через вас у биду впадаты! Вы гадаете, що я все можу, а то е й сылнийши вид мене, а з тым, що до вашого таты вчепывся, вже раз мав прыгоду, бачыте, и очы через него стратыв, а тепер, як другый раз з ным задеруся, то певно знаю, що смерть моя буде». Ти бидни хлопци не знають уже, що робыты, а дали гадають: «Все одно: нажене то нажене». Зачалы его ще дужше просыты; пообицялы пару волив, котри соби схоче выбраты. Прышов и сын того слипого, також за ными слово промовыв: «Ну, ну, татуню, не перечтеся! Вы,— каже,— дасте ему раду». Потроха, потроха, якось того слипого упросылы. «Йидьте ж,— каже,— тепер соби додому, а на нови мисяце прыизджайте». Добре, прыихалы на нови мисяце, прогостылыся там до ночы, а пид нич слипый зибрався на фиру* [4] *та й идуть. «Везить же мене,— каже,— на граныцю вашого села, до того а того кипця!» А той копець геть-геть вид дорогы, на толоци, пид самым лисом. Прыихалы до кипця — питьма, хоть око выймы,— сталы. Мий слипый скочыв з воза, як хлопець, та й бух — пластом на землю. «Стийте ж вы тут,— каже,— а як крыкну на вас, то прыходить до мене. А рыскали* (заступы) *маете з собою?» «Маемо». Прытулыв вин лыце до землы, нюх-нюх, як той пес, та й полиз дали. Лиз-лиз, нюхав-нюхав, аж дали крыкнув: «Сюда!» Хлопци прыбиглы з лихтарнямы. «Копайте тут!» Взяли копаты, а той слипый, як пес, обома рукамы землю розграбуе та аж зубамы скрегоче. Десь так за годыну докопалыся до костей. «Ага, ось вин!»— крыкнув слипый та й як почне над тымы кистьмы щось шептаты, як почне крычаты, нибы сварытыся, то парубкы мало зо страху не повмыралы. Так крычав аж до сходу сонця. «Ну,— каже до парубкив,— тепер засыпте яму назад, уже вин никому шкодыты не буде, але й я никому бильше не поможу. Везить мене додому». Завезлы его — до трох днив вин и помер. А тата свого засталы дома здорового. Сын того слипого з Бусовыщ прыйшов и щонайлипшу пару волив узяв*».

Всего легче узнать упыря после смерти. Когда его *нарядять на лави*, он лежит точно живой, с краской на лице, не смыкая глаз, хотя их у него закрывают по нескольку раз и даже прикладывают *галаганами* т. е. большими медными монетами. Мне рассказывали, что старый дьяк нагуевский Варенычка, читая однажды Псалтырь при таком покойнике ночью, когда никого не было в избе, кроме него и трупа, увидел, как покойник начал медленно шевелить рукой, комкать и стягивать полотно, которым был накрыт, и, наконец, поднимать голову. Но Варенычка не оробел и, грозно прикрикнув на него: «*А не будеш ты тыхо лежать, поганыне!*» — ударил его Псалтырью по голове, после чего покойник улегся и более не вставал. Иногда у такого покойника в самый день похорон, через два дня после смерти, начинает из носа и уст идти запекшаяся черная кровь. Таких покойников в прежнее время не хоронили на освященном кладбище, а погребали *на граныце* вместе с самоубийцами. Упырь очень не любит лежать в освященной земле, и поэтому, когда его несут на кладбище, делает разные пакости. Обыкновенно в то время бывает буря, ветер, слякоть или метель; ветер ломает древка церковных хоругвей, носильщики, несущие гроб на *марах* [5], внезапно заболевают или падают, так что гроб падает в грязь, и даже случается, что крышка сваливается и покойник выпадает тоже в грязь. О таком покойнике говорят: «*От поганын, танцюе по смерти!*» В могиле упырь лежит точно живой, а ночью выходит и *потынае людей або худобу*. Что собственно значит это «потынанне», с точностью определить не могу. Бойки прилегающих к Нагуевичам Самборского и Турчанского округов различают несколько видов «потынання»: «*втне лекше, втне тяжше, а втне й смертельно*». В Нагуевичах об этих различиях я не слыхал. Из некоторых рассказов можно догадываться, что упыри высасывают кровь у людей, но самое слово «потынаты» или «втынаты», которым обозначают зловредное действие упырей, равно как и то обстоятельство, что их в 1831 г. да и после могли считать виновниками холеры, заставляет догадываться, что народ, кроме высасывания крови, приписывает упырям еще какое-то действие, более внезапное, какое-нибудь поражение сердца или другое повреждение внутренних органов.

В одной корреспонденции из с. Завадки Турчанского округа, где рассказывалось о действиях местного *ворожбыта* Левицкого, приведены были указываемые этим ворожбитом следующие лечебные средства против «потынання» упырей: когда «втяв лекше», следует взять земли с могилы упыря, развести ее водой, умыть больного и дать ему напиться этой воды; если «втяв тяжше», нужно разрыть могилу, наскубать из трупа волос и подкурить ими больного; когда же «втяв смертельно», необходимо обернуть упыря в гробу, оскубать у него все волосы и кроме того изрубить труп в куски. В корреспонденции далее рассказано было о профанации мертвеца, произведенной по этому рецепту, и о начатом по этому поводу

судебном следствии. Подобных случаев профанации мертвецов ежегодно случается по нескольку — неоспоримое доказательство того, что вера в упырей сильно распространена среди населения [6].

О ночном хождении упырей в Нагуевичах существует множество рассказов, и редко вы встретите мужика постарше, который бы ни разу не видал на своем веку какого-нибудь «ходящего» покойника. Чтобы предохранить себя от посещений упыря, жильцы той хаты, в которую он *впронадытся,* должны осыпать свое хозяйство *святовечирным хруставцем,* т. е. маком-самосейкой, который в сочельник лежал на столе, где ужинали. Через круг этого «хруставця» упырь не посмеет переступить и будет несколько ночей с ужасным воем и стоном ходить кругом да около, пока совсем не уйдет.

Чтобы сделать упыря совершенно безвредным, нужно разрыть его могилу, открыть гроб, отрубить мертвецу голову и положить ее у него между ног, тело же обернуть грудью вниз и прибить к земле осиновым колом. Мне рассказывали, что в Нагуевичах когда-то разрыли могилу такого упыря и, открывши гроб, нашли мертвеца, который лежал на боку и курил трубку. Обыкновенно труп упыря оказывается неразложившимся, с отросшими волосами и ногтями.

Что упыри могут вредить не только людям, но и скоту, в этом, кроме нижеследующего рассказа, убеждает нас одно место из пастырского послания буковинского православного епископа Даниила от декабря 1790 г., направленного против верования в упырей. Вот что пишет благочестивый епископ по этому поводу: «С великим жалением уразумели (мы), яко обретаются между вами таковии люде безумнии и слабии в вере христианской, а найпаче совсем отвращенни от праваго ума и истины, которий своим невежеством дерзают разсуждать и говорить, яко телеса некоторых людей мертвых имеют силу умертвлять скоты ваши, которим телесам и имя выдумали, си есть нарекли их «видмы» или «опире», о чем мы весьма трепещем, что до таковаго падения веры и познания истини достигли християне нашея и еще во упрамстве пребивают и истиннаго научения Священного писания не послушают, но внимают басням и стезям развратительным». Следует поучение о теле человеческом как Божьем создании, после чего говорится далее: «По смерти человека душа идет во дворы, определенния от Бога, и тело, положше в землю безнечувственно, остает такожде до воскресения мертвых, то потом как утерпляют скоти ваша? Как не срамно? Как смеют таковии говорить и оставатися в своем дурачестве, си есть разсуждать, яко мертвии суть видмы или просто рещи опире и в нощи исходят от гробов и умертвляют скоти вашия».

II

Ужасная эпидемия — холера, которая постигла всю Европу в 1831 и 1832 гг., не преминула навестить и Галицию. По правительственным исчислениям, холера в это время появилась в 3608 местностях с населением в 3 143 235 человек, из которых заболело 25 774, а умерло 96 081. Местностей, которых не коснулась эпидемия, было 2807 с 1 307 940 жителями. По этим же исчислениям, самый больший процент заболевших холерой был в округах Стрыйском и Самборском, где заболело 12 % всех жителей, между тем как число заболевших во всей Галиции составляло 6 % всех жителей. Процент смертности был еще более значительный: во всей Галиции средним числом на 100 заболевших холерой умирало 38, во Львове 52, в округе Тарновском 46, в Стрыйском и Самборском, кажется, тоже не менее 40.

Не удивительно поэтому, что такое страшное бедствие, постигшее наш народ, должно было глубоко потрясти все его моральное существо и моментально пробудить к жизни разные темные силы, дремлющие, но не исчезнувшие в глубине души народной. Суеверный страх перед упырями, бесспорно, принадлежал к таким темным силам, и вот в самый разгар эпидемии страх этот доводит народ до ужасной расправы — сожжения нескольких человек.

Об этом факте мы встретили в печати только одно упоминание, находящееся в записках иеромонаха Илии-Эмилиана Коссака, василианина, напечатанных в «Слове» (1880 г., № 106). И.-Э. Коссак происходил из мещанской семьи города Дрогобыча, отстоящего верст на 10 от Нагуевич, и летом 1831 г. возвращался из Вены, где только что кончил курс богословия. Вот его рассказ, в котором я позволил себе только исправить язык.

«Выезжая из Нагуевич, большого казенного села, я увидел большое пожарище, покрытое пеплом. Желая узнать причину этого необыкновенного явления, я спросил человека, отворявшего мне ворота вблизи его хаты, что значит такое громадное пожарище среди села на выгоне. На это он совершенно хладнокровно ответил мне:

— *Туткы упырив палылы.*

— *Яких упырив?* — спрашиваю.

— *А що людей пидтыналы.*

— *Колы?*

— *А в холеру.*

Услышав это, я еще раз взглянул на пожарище. Мороз подрал у меня по коже, но не показывая вида, говорю ему далее:

— *Що вы, чоловиче, кажете? Чи то може буты?*

— *А таки було.*

— *Та як вы моглы пизнаты, хто упыр?*

— *А був тут у сели,* — рассказывает с наивным суеверием человек, — *такый хлопець; той ходыв вид хаты до хаты та по волоссю на грудях пизнавав упырив. Тых зараз бралы и тут на пастивнику терновым огнем палылы.*

Дальше я расспрашивал, не запрещал ли им кто-нибудь этого богомерзкого дела, старшина или священник?

— *Та ни,*— отвечал мужик,— *пип сам помер на холеру* (это был о. Витошинский), *а вийт хоть бы був и хотив забороныты, то громада була бы не послухала.*

— *А тым, що пидпалювалы,*— спрашиваю,— *ничого за то не було?*

— *Та якбы не було? Зараз зъихала з Самбора комысия та килькадесять хлопив забрала до криминалу, бо ж то немало людей и то добрых господарив на стосах попалылы.*

Поблагодарив его за пропуск, я пустился дальше в путь, размышляя с неизреченным ужасом о том, что я узнал. В ближайшем селе — Ясенице Сольной я опять расспрашивал встречного человека о том, что слышно, не сожигали ли и у них упырей.

— *Аякже,*— ответил тот,— *палылы, та тильки не у нас, а по другых селах, от в Нагуевичах, Тустановичах и иншых.*

Между прочим узнал я от него, что мужики из Нагуевич хотели еще сжечь и *«найстаршого упыря»,* о котором им рассказывал мальчик, что *«вин дуже червоный и живе в Дрогобычи в монастыри»,* но никак не могли его захватить.

Погруженный в печальные мысли о несчастном суеверии народа, я уже поздно ночью приехал в Дрогобыч и направился ночевать в василианский монастырь. Монастырская дверь была еще не закрыта и я застал о. ректора Качановского еще занятым вечернею молитвою. Он искренно обрадовался мне и принял меня очень радушно как своего прежнего ученика из «немецких» школ. Я немедленно рассказал ему про все виденное и слышанное по пути, и он со слезами на глазах подтвердил мне, что все это, к сожалению, действительная правда и что этим «найстаршим упырем» был не кто другой, как он сам, и что он, зная наверно, на какую смерть осудила его темнота мужиков, долгое время не мог ни на шаг выйти из стен монастыря».

Рассказ этот, несмотря на кажущуюся его обстоятельность и на некоторые ценные подробности, касательно нагуевичского погрома не совсем верен. Нужно заметить, что покойный Коссак писал его почти 20 лет спустя после самого события и включил его в составленную им «Летопись Креховского монастыря» во время своего игуменства в этом монастыре. О самом погроме уже в 1831 г. он знал только понаслышке, а то, что он говорит о виденном будто бы им пожарище «среди села на выгоне», мы должны считать не более как дешевой декорацией. Утверждаю положительно, что если И.-Э. Коссак в 1831 г. ехал через Нагуевичи так, как он рассказывает, т. е. «краевой дорогой» из Перемышля в Дрогобыч, да так, что из Нагуевич поехал в Ясеницу, то пожарища, где жгли упырей, он от громадских ворот или вообще ниоткуда не мог видеть. Пожарище это действительно находилось на выгоне, прозываемом «Селом», но

совершенно пустом и расположенном не среди села, а за селом, между тем как дорога в Ясеницу поворачивает на юг, не доезжая по крайней мере полверсты до конца села. Это бы еще, конечно, ничего не значило, но важнее следующее обстоятельство. Упырей жгли в одном углу выгона, прозываемом «Базарыще», лежащем на легкой покатости довольно широкого холма; дорога в Ясеницу тянется тоже по покатости этого холма, но с противоположной стороны, так что, проезжая этой дорогой, «Базарыща» ниоткуда видеть нельзя. Что И.-Э. Коссак собственными глазами не видел «Базарыща», в том убеждает меня еще и то, что он говорит о «кострах», между тем как в данном случае только об одном костре и может быть речь. В чем еще не полон его рассказ, читатель увидит из нижеследующего рассказа, записанного г-жой Ольгой Франко из уст очевидцев ужасного происшествия, стариков Артыма Лялюка и кузнеца Сеня (Семена) Буцяка, рассказа, пополненного кое-где моими собственными воспоминаниями и записками.

Вот сводный рассказ Сеня Буцяка:

«То як була, най ся преч каже, холера, то першый умер пип на тоту слабисть. Але люде ще не зналы, що то за слабисть, та й поховалы его на цвынтари. Гей, так десь за тыждень, як зачнуть мерты люде! То зразу мерло по пятеро, шестеро, а дали по десятеро, по двадцятеро, а доходыло до того, що й по пятьдесят умерцив на день в сели було. Страх такый на людей упав, що не суды Боже! Церковь замкнулы, без попа й без дяка ховають — обкопалы от тут на Базарыщи мисце та й там зикопують, и по два, по тры або й по бильше в одну яму кладуть.

Слухайте ж, що ся за прыгода стала! Десь там в горишним кинци села бавылыся диты, як то звычайно диты, говорять меже собою о тим самим, що й стари. А еден хлопець-семилиток, Гаврыло назывався, каже до ных:

— *А знаете, вид чого ти люде мруть?*

— *Ну, вид чого? — диты пытають.*

— *Вид упырив. То воны людей потынають.*

— *Ба, а ты выдкы то знаешь?*

— *Бо я й сам упыр. Я сам свого тату й маму потяв. И знаете, ничыя мни кров не була така солодка, як их.*

Розбиглыся диты по хатах, повидають одно татови, друге мами, що Гаврыло так и так говорыть. Зараз люде до Гаврыла.

— *Правду ты, хлопче, кажеш?*

— *Правду.*

— *А миг бы ты пизнаты, хто упыр?*

— *Можу.*

— *Ну, добре, памятай же, завтра будеш пизнаваты.*

На другый день була неделя. В церкви було набоженство — що другый тыждень правыв пип з сусидного села. Зибралася вся грома-

да — и третой части в церквы не помистылося, пид церквою стоялы, покы пип не скинчыв видправы та не поихав додому.

Тямлю як ныни, в тим роци дуже ж то грыбы булы вродылы, то так уродылы, що, бувало, выйдеш за в лис та й зараз набереш мишок грыбив. Отже ж тои недили я пас у лиси худобу. Женемо на полудне додому, кождый пастух мих грыбив несе, самых шапочек,— аж дывымося: иде старый Бурянныk, чоловик такый був, от тут жыв недалеко церквы, иде з лиса, також грыбы несе. Приходымо в село, а там присяжни, десятныки бигають поможе хаты, всих до церквы клычуть, старе й мале зараз мае йты. Щось там будуть голосыты — кажуть. Дывымося, а Бурянныk як нис мишок з грыбамы, так и пустыв его серед дорогы, а сам став блидый, як стина.

— Що вам, диду? — пытаю его.

— Ой, сыноньку,— каже,— чую, що смерть моя буде.

— Пек, пек, оссына! — кажу,— що вы за смерть загадуете? От ходим до церквы, почуемо, що там будуть голосыты.

Бурянныk тилько рукою махнув та й пишов ни живый, ни вмерлый. Позаганялы мы худобу та й соби побиглы. Дывымось, а коло церквы на цвинтари всих людей поставылы рядамы, оден узяв на рукы того хлопца — Гаврыла та й носыть его поперед ти ряды.

— Пизнавай,— кажуть,— котри упыри.

— От той упыр, от той упыр, от той упыр,— каже Гаврыло. Симох чоловикив показав. И нашого Бурянныка також. Зараз их узялы на бик. Обийшлы вси ряды — бильше нема.

— А по чим же их пизнаты, що воны упыри? — пытають люде Гаврыла.

— По тим пизнаты, що кождый мае сыривцеве полотно перевязане попид колино.

Зараз кинулыся до ных, зревидувалы,— акурат так е, у кождого сыре полотно попид колино перевязане. Зараз их звязалы, варту до ных приставылы.

— А нема бильше упырив? — пытають ще Гаврыла.

— Е ще, але не до людей, а до коней, до худобы, до овець.

— Ну,— кажуть люде,— до тых нам байдуже. А от сим що маемо робыты?

— Ничого вы им не зробыте,— каже Гаврыло,— докы жыви, то все вам будуть шкодыты.

Зачалы люде радыты, що ту зробыты з тымы упырями, и врадылы их спалыты на огни. А Гаврыло каже:

— Ничого им ваш огонь не зашкодыть. Тилько терновый та ялывцёвый огонь може им допечы, а иншый ни.

А ну зараз наказалы, хто там був, уси мають иты на Базарыще и кождый мае несты хоть одну тернину. Де яке терне було в плотах, у корчах — все повытягалы та повыломлювалы — купу наклалы таку, як хата. Привелы упырив.

— Прызнавайтеся! — кажуть,— чы вы людей потынаете?

— Ни,— кажуть ти,— люде добры, майте Бога в серци, мы ничого не вынни.

Взялы воны насамперед Вольчака — першый богач був у горишним конци села, скувалы ему рукы й ногы зализнымы путамы, що коней путають, прысылылы до ных ланцюх довгый та й бух его в терновый огонь, а два хлопы тягнуть ланцюхом через огныще на другый бик. Перебиг вин раз, знов ему кажуть:

— Признавайся!

— Люде добры, пустить мене,— каже Вольчак,— я упыр, але я не сюда належу.

— А куды ж ты належышь? — пытають.

*— Мени прызначено до Фульштына * ,— каже вин.*

— А хто ж тебе там прызначыв?

— Наш старшый. Але его ту нема, вин далеко.

— Де вин?

— У Дрогобычи.

Знов зачав просытыся, щобы его пустылы, вже був дуже обпечений, але воны не слухалы.

— Ты,— кажуть,— там потынаеш, а твои кумпаны у нас потынають, а нам усе одна бида. Так волыш ты згынуты, колы тамтых не можемо достаты в свои рукы.

И пхнулы его другый раз у огонь, и знов ланцюхом тягнуть. Вин биг, щобы чымборше выхопытыся на другый бик, але на середыни огню зашпотався та й упав у саму грань. Бильше вже не миг встаты. Так его за ланцюх перетяглы через огонь аж до краю, а потому ще раз, и видложылы на бик лишь дрибку жывого. Отже, що вы на то скажете? Здавалося, що все тило перегорило, ничого не було выдно, лиш одну рану, а выходывся, выдужав, ще потому бильше як сим лит прожыв!

*Розковалы Вольчака, взялыся до другого упыря — Ступаком прозывався. Той, як тилько его пхнулы в огонь, так и впав, и такым его перетяглы на другый бик огныща,— вже був небожчик. Тогды воны до третего, Панька Саляка. Вин був лиш у подягачци ** , без гуни, бо була велыка спека. Скынулы з него подягачку и вергли на огонь — вона зараз займылася.*

— Прызнавайся,— кажуть,— чы ты упыр, чы ни?

— Ни, люде добры, не упыр.

Знялы з него чоботы, сорочку и також пометалы в огонь, и знов ему кажуть:

— Прызнайся, бо и ты так будеш горыты, як твое шматье.

---

* Фульштын, или Фельштын,— небольшой городок в нескольких милях от Самбора, а от Нагуевич верстах в 40.

** Подягачкой называют старую свитку, покрытую сверху белым полотном.

— Люде добры,— каже вин,— Бог мою душу выдыть! я не упыр! А хочете, щобым горив, то най вам и так буде!

Пидыймыв руки до неба та й сам кынувся в огонь, лыцем у саму грань, так що видразу тило на нем збиглося. А потому ще сам на другый бик обернувся. Перетяглы его через огонь и бильше вже не тягалы, так и положылы коло тамтых двох.

Взялыся до четвертого, Ныколы Саляка, бач, брат був Панькови. Перевелы его раз босого через огонь, а вин тогды каже:

— Бийтеся Бога, громадо, не печить мене! Я упыр, але я так зроблю, що бильше нихто в сели не буде слабуваты.

А був там Левицькый, шляхтыч з Горы * *, на его фудаменти потому Гайгель засив, а тепер шляхтыч Дыдынськый сыдыть. То той Левицькый каже:*

— Добре, у мене тепер донька хвора. Пиды та зробы так, щобы була здорова, то ничого тоби не буде.

— Добре,— каже Саляк.

Взялы его пид пахы килька хлопив довкола него та й повелы его пастивныком. А вин нараз як не вырвався вид ных, як не зачне втикаты, оттуды Тростовачкою до Родычова **. *Люде за ным, оден навить на коня скочыв,— там десь кони паслыся,— але де тому край! А вин бижыть, а ту з опеченых ниг мясо кусныкамы рвеся, аж вышше него ти кусныкы летять, кровю слиды значыть,— а таки добиг до Родычова и сховався. Як вин там, бидный, ратувався того дня, Бог его знае. Пообвывав соби раны якымысь лопухамы, потому вже й жынка до него навидувалася, и мы, пастухы, ему исты носылы... Але щось за дви недили не смив до села показуватыся, все по лиси ходыв. А потому вернувся додому, выгоився и жыв десь донедавна.*

Як Саляк утик, зараз люде до Бурянныка взялыся, снеклы его и ще двох, не тямлю вже, як называлыся, бо то, выдыте, не ныни ся дияло. Кождого по тры разы перетяглы через огонь, а потому поклалы от тут на Базарыщу. Вольчака жинка зараз узяла додому, давала ему раду. А ти решта лежалы там щось по дви добы та все лыш стыналы та пыщалы. Жинкы носылы им з дому молоко та залывалы их, так як дитей, аж покы не померлы. Потим их на тим самим мисци й позакопувалы, де котрый умер».

Воспоминания Артыма Лялюка об этом ужасном происшествии менее ярки и пластичны, но он рассказывает, что некоторые из обожженных упырей промучились еще более двух недель, прежде чем умереть. О Гавриле, который был причиною всего случившегося, Артым говорит, что тот после этого происшествия жил еще долгое время, женился и имел детей, из которых одна девушка во время

* Горой называется небольшая (9 хат) слобода, или приселок Нагуевич.

** Название леса.

холеры 1873 г. на некоторое время опять была героиней дня, о чем я и расскажу как очевидец в конце настоящей заметки.

О сожигании упырей в других селах у меня нет никаких известий, кроме Ясеницы Сольной, о которой я в 1880 г. записал следующий рассказ из уст крестьянина Павла Кульчицкого, который хотя не был очевидцем происшествия, но слышал рассказы о нем от стариков.

«То в першу холеру як зачалы люде дуже мерты, чують ясенычане, що в Нагуевичах объявывся такый хлопець, що упырив пизнае. Поихалы, прывезлы его, склыкалы громаду — пизнавай! Щось вин пять чы шисть пизнав: то, каже, упыри! Зараз их повязалы, розложылы терновый огонь, таку купу наклалы, як хату. Ти люде кленуть дух-тило, що воны невинни, божаться, плачуть.

— А пощож вы, сяки-таки, сыривцеве полотно пид колином носыте? — питають их.

— Та мы на жадни чари,— говорять ти,— нам так казалы люде, що хто буде носыты сыре полотно пид колином, того ся слабисть не чепыть.

А той хлопець говорыть:

— Не вирьте им! Воны то носять на знак, щобы их чужосильни упыри пизналы.

А тогди, кажуть, велыкий страх ударыв був на людей. Всиляка погань по селах волочилася. Небижык тато оповидав мени: «Власне,— каже,— булы жныва. Жинка з дитьмы пишла в поле до роботы, а я сам був дома, мав зварыты обид и вынесты им та й ще хлиб спечы. Ще я хлиба не сажав у пич, а тилько пидпалку * *за грань кынув, аж чую, щось пид викном шкробоче. Обертаюся, а то велычезный билый пес у викно зазырае. Я весь застыв, и хоть день був, пидполудне сонце стояло, а чую, що мени волосье на голови вгору иде. Николы я в сели такого пса не выдив. А вин стоить та все в викно зазырае, дали вступывся и почав до дверей шкроботаты. Взяв я отворыв двери, вин увийшов до хаты — ну такый вам, як лошак, завелыкий, лыш очыма блыскае. Оглянувся по хати, а дали сперся переднимы лапамы на прыпичок просто огню, нибы гритыся хоче, а все на тоту пидпалку позырае. Выняв я пидпалку з печы, розломыв ее начетверо, поставыв на викно, щобы выстыла, а той пес усе за нею очыма пасе. Выстыла пидпалка, взяв я одну четвертыну, кынув ему, вин лыш раз хавкнув — иззив; кынув я ему другу — ззив, кынув третю — ззив, кынув четверту — вин уже тои не ив, а тилько взяв у нысок та й до дверей — пишов. И так мени тогди якось легко стало на души, як колы бымся на свит народыв. Отже, дав Бог, в нашiй хати нихто на тоту слабисть не вмер, ани хорував».*

Отже, не слухалы люде, що ти упыри говорылы, а взялы одного та й кынулы в огонь — там вин и душу дав. Хотилы вже до другого

* Пидпалка — корж из кислого теста.

братыся, аж ту пип надийшов. Старый Чайковський у нас тогди попом був — не пип, а отець у громади. Дуже вси его любылы. Прыбиг та до людей:

— Що вы робыте? Та чы маете вы Бога в серци?

Зараз тых порозтручував, що упырив стереглы, упырив самых порозвязував: «тикайте!»— каже. Люде почалы до него ставытыся, а вин рукы розхрестыв:

— Нате мя! — каже.— Хочете палыты, то насамперед мене спалить!

Мусылы люде розыйтыся, лыш той оден погыб».

Но возвратимся опять к рассказу Сеня Буцяка. На вопрос, умирали ли еще люди и после сожжения упырей, он отвечал:

«Ще й як умыралы. Килька день потому було по 45, по 50 мерців у сели. Але потому якось пересталы. А за килька днив прыихала з Самбора комысия, арештувалы вийта и всих тых, що давалы прывид, та й повезлы их до Самбора. Отже щось довго их не було. Казалы, що мають их усих тратыты, але прыихав бискуп з Перемышля та й так им выробыв, що их позасужувалы на 12 недиль».

О суде над виновными в этом деле у меня есть еще следующий рассказ, слышанный мною от нескольких нагуевицких стариков:

«Зразу хотилы их судыты на смерть, але хтось им порадыв, щобы сказалы перед судом, що то не воны перши таку кару выгадалы, але що за давних часив усе такый суд бував. Зачалы паны шукаты в давних паперах, чы то правда? Шукалы, шукалы — не моглы найты. Аж дали дойшлы до такых старых паперив, що вже зовсим булы збутнилы, так що як узяты карту в пальци, то вона и розлиталася, то мусылы карту за картою ножем перевертаты. И в тых паперах вычыталы, що справди за давних часив так судылы. И то им помогло».

Артым Лялюк рассказывает о том господине, который посоветовал мужикам сослаться на древний обычай сожигания колдунов, следующий сказочный эпизод, вероятно, приплетенный сюда совсем некстати из какой-нибудь бродячей новеллы.

«А як позабыралы тых людей до Самбора, то их роды (родня) *верглыся туды-сюды за адукатамы, щобы их боронылы. Грошей зложылы щось дуже велыку суму, але жаден адукат не хотив им ничого порадыты. Аж дали допыталыся до якогось старого чоловичка.*

— Що,— каже,— люде добры, я бы вам порадыв, але то дуже небезпечна рич. Мусыте мени заплатыты и купыты доброго коня, бо я мушу геть утикаты з Самбора.

Зложылы воны ему грошы, купылы коня. Взяв вин его и казав пидкуваты навыворот, так щобы пидковы булы грыфамы наперед, а шпонамы назад. Тогди каже тым людям:

— Идите ж тепер до суду и скажить панам, най пошукають у старых паперах, як то давно упырив судылы.

Пишлы воны до суду та й сказалы. А там зараз до ных:

— А хто вас на того нарадыв?

— Той и той,— кажуть.

Та вже их там дальше не слухалы, тилько послалы за тым чоловиком, щобы его зловыты. Але той уже був далеко. То воны на вси дорогы повысылалы гинцив на конях, щобы его зловыты. А то була осинь, слиды по болоти выдно. Та що, слиды все до миста ведуть, а з миста нема. Так воны й вернулыся, а тым людям его рада дуже велыко помогла».

Последний рассказ ярче всего показывает, что факт сожжения упырей в 1831 г. глубоко затронул фантазию народную, которая не преминула сгруппировать вокруг него разные сказочные подробности. Сколько таких подробностей есть и в вышеприведенных рассказах Буцяка и других, это возможно будет оценить только тогда, когда будут приведены в известность подлинные акты судебного разбирательства по этому делу.

Я окончу эти заметки рассказом о последней холере 1873 года. Лето этого года я провел среди мужиков в тех же самых Нагуевичах. Холера свирепствовала в селе две или три недели; сразу умирало по нескольку человек, но было два или три дня таких, когда умирало по 15—18 человек. В самый разгар эпидемии случилось следующее. Девушка-сирота по имени Зоська, кажется, дочь или какая-то ближайшая родственница Гаврила, известного из предыдущих рассказов, вдруг как будто сошла с ума. Она сбросила с себя все платье и в одной рубашке пошла бродить по полям. Пора была горячая, жнецы работали в поле при уборке жита. Наталкиваясь на людей, Зоська начинала ломать руки над головой и отчаянным голосом кричать:

— Ай-ай-ай! Ай-ай-ай!

Особенно вечером крик этот, как будто от нестерпимой боли, раздавался далеко и наполнял все село ужасом. Несколько вечеров сряду я слышал этот крик, но Зоськи самой не видал. В село она заходила только ночью; свет, падавший из окон, манил ее к себе, и она, подкравшись неслышно, становилась под окном и, прижав к стеклу свое бледное, даже позеленевшее лицо, смотрела в избу. Не нужно добавлять, что это ужасное лицо, смотрящее сквозь окно в такую пору, наводило ужас на тех, кто был в избе, и в нескольких случаях в таких избах люди заболевали холерой или даже умирали. Иногда, бродя по полям, Зоська наталкивалась на верхнее платье, юбки и платки, которые оставляли возле снопов жницы, работавшие на солнечном припеке. Она надевала на себя эти вещи и начинала с визгом плясать в них по полю; в одном или двух случаях женщины, которым принадлежали вещи, тут же на месте заболели холерой, а одна, кажется, умерла прежде чем ее принесли в село. Не

удивительно после этого, что Зоська стала пугалом всей деревни. Все уверяли, что она *«упырыця»*, что она *«потынае»*, а некоторые даже начали поговаривать шопотом о том, что не худо бы ее схватить и проучить так же, как учили их отцы упырей на «терновим огни». К счастью, Зоська через несколько дней пошла бродить по другим селам, ее видели в Медвеже, Броннице, Мокрянах, Ступнице, и повсюду ее ужасный вой производил потрясающее впечатление. Как и чем она кормилась все это время, я не знаю, потому что в людские жилища она совсем не входила; рассказывали, что она иногда забирала и поедала пищу, какую ей удавалось найти в поле у жнецов. Когда и как она возвратилась домой — я тоже не знаю. Когда эпидемия уже приходила к концу, я заболел и пролежал несколько недель без памяти. После моего выздоровления мне сказали, что Зоська уже дома и работает по-прежнему, здорова и, что всего интереснее, о том, что делалось с нею во время холеры, ничего не помнит. Так ли это — я не могу утверждать положительно, потому что с ней самой никогда не говорил. Но она жива и до сих пор.

Друкується за: Киев. Старина. 1890. № 4.

* В. Я. Дашкевич *

До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу

Думка про поділ у народному світогляді померлих тварин на природно вмерлих і померлих незвичайною смертю, яка має важливе значення для питання про близькість уявлень за тварин і людей, є нова: нещодавно лише грунтовно порушено питання про такий поділ мерців-людей — я розумію поважну працю проф. Д. К. Зеленіна «Очерки русской мифологии, вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки» (Пг., 1916), що досі залишається основною

в цій царині. На твердженнях цієї розвідки ми й базуватимемось у визначенні поняття «заложний» [1].

Перше ніж перейти до здійснення свого завдання — розгляду уявлень про заложних тварин, дозволимо собі коротко спинитись на терміні «заложний» та змісті цього виразу.

«Многие народы земного шара...— каже проф. Зеленін [2],—«строго различают в своих поверьях *два разряда умерших* людей. К первому разряду относятся... умершие от старости предки; это покойники, почитаемые и уважаемые, много раз в году «поминаемые». Совсем иное представляет собою второй разряд покойников, т. наз. *мертвяки,* или *заложные.* Это — люди, умершие прежде срока своей естественной смерти, скончавшиеся... *скоропостижною* несчастною или *насильственною смертью...* К ним же относятся и «наложившие на себя руки» самоубийцы — удавленники, утопившиеся и т. п., равно как и опойцы... а также лица, проклятые своими родителями, равно как и пропавшие без вести...*

Это покойники нечистые, недостойные уважения и обычного поминовения, а часто даже вредные и опасные. Все они доживают за гробом свой, положенный им при рождении, век... Они часто показываются живым людям и при этом почти всегда вредят им. Дело в том, что все заложные покойники находятся в полном распоряжении у нечистой силы...»

Цих вказівок, гадаємо, досить, щоб з'ясувати основну суть поняття «заложний мрець». Про різні риси життя мерців після їхньої неприродної смерті говоритимемо далі — кожного разу при нагоді.

Термін «заложний» ми приймаємо тут для зручнішого означення, так само, як і проф. Зеленін, що заводить у літературу цей вираз, уживаний зовсім не на цілій великоросійській території, умовно поширюючи його взагалі для всієї російської «мітології». Ми тут приймаємо його подвійно умовно: по-перше, заводячи в українську мову цей невідомий їй вираз, зважаючи на відсутність у ній відповідного означення; по-друге, цю назву, що стосується до людей, прикладаємо до тварин.

Взагалі, за сучасними уявленнями українського народу, заложними стає небагато видів умерлих тварин. Надто помітно обмеженість кількості, так би мовити, категорій заложних тварин — до якої, безперечно, спричинився вплив часу (аналогічно з часом відбувається послаблення уявлень і про заложних мерців-людей [3]),— якщо порівняти їх з людьми: до заложних людських мерців належать усі, хто помер неприродною смертю; в прикладанні до тварин можна було б за аналогією припустити, що заложними

---

* Поминаємо ще один важливий пункт в означенні поняття «заложний мрець», який не має значення для досліду уявлень про тварин: «И все умершие колдуны, ведьмы, упыри и т. п., т. е. все люди, близко знавшиеся с нечистой силой...»

стають, наприклад, такі види цих померлих істот, як тварини, що їх забили люди, ті, що загинули від інших тварин, а також з голоду, з холоду, стихійного лиха чи інших причин, які йдуть від природи, з якоїсь хвороби, нещасливих випадків тощо. Тимчасом в оповіданнях про тварин, що в них можна вбачати заложних, ми не знайдемо більшості з зазначених випадків смерті: заложними стають лише деякі з тих тварин, що їх забили люди, і при цьому треба відзначити, що навіть померлі однаковою смертю не в усіх випадках після своєї загибелі бувають в однаковому стані; ті ж, що загинули від інших тварин, від якихось нещасливих пригод та інших причин передчасної смерті, не визначаються нічим. Але і з тварин, що їх забивають люди, також далеко не всіх можна мати за заложних: так, з певністю можна сказати, що заложними не стають тварини, забиті на їжу людям і взагалі для людського спожитку. Загалом, на наш погляд, можна встановити, що до заложних тварин можуть належати, по-перше, ті, що їх забито без мети спожити на людську користь — для забави, гульні, і, по-друге, різні категорії забитих тварин, зв'язані з заховуванням у землі скарбів. Розглянемо окремо кожний з цих видів.

* * *

У селі Радогощі Лугинського району на Коростенщині (колишнього Овруцького повіту Волинської губернії) нам пощастило записати таке оповідання.

В цьому селі є урочище Козел. Таку назву воно дістало, як кажуть старі мешканці, через те, що там якийсь чоловік з іншого села забив колись козла. І от одного разу з радогоським селянином Давидом Бондаренком сталася тут така пригода (наводимо текст оповідання, записаного в Радогощі 26 червня 1925 р. від М. Бенедися):

«Раз Дави́д і шче дво́йе хло́пциw на́ших пугна́l и па́сти ко́ні в гуро́чишче Кузе́л — тут йе таке́ на грани́це лье́су гуро́чишче. Приве́lи вуни́ ко́ні й засну́lи, а Дави́д lижи́т — ни спит. Lижи́т вун, куlи́ це йак стаw ме́сьац йак сиридньа́ — ди́витца — нима́ ко́ний. Lижа́lи вуни́ ни шчи́лко; чу́йе це Дави́д — шос шиlипути́т міз йіми: ду́майе — воwк, до wко́цайут. Куlи́ ди́витца — таки́ краси́ві кузе́л стуйі́т, прихо́дит, завура́чивайітца, ньу́хайе так йего́. Дави́д собе́ ду́майе: Стой, йа тибе́ за́ра зlапа́йу. Бире́ вун йего́ за но́гу — куlи́ нуга́ зрубиlас така́ то́нка йак го́лка; wзьаw вун гисну́w та й счез.

Пуwставá/i хлóпци — дúwльатца — нимá кузлá, смейýтца з Давúда. Стой, дýмайе, до то ни кузéл, то уд ничúстуго, хай собé íде» *.

Найперше, що тут можна бачити, є тісний зв'язок тварини, про яку мова йде, з нечистою силою: це відзначено і в самому оповіданні, і про це ж свідчать її дії — напр., зникнення таким неприродним способом. Уявлення про демонічне значення козла взагалі дуже поширені, й зокрема в світогляді українського народу. Однак у даному випадку причин такого зв'язку з нечистим тварини, що про неї говориться, слід шукати в іншому уявленні, а саме — тут ми маємо заложну істоту. До такого висновку можуть спонукувати ось які підстави: тварина ця загинула передчасною насильницькою, отже, *неприродною* смертю; через це вона і з'являється в цій місцевості — заложні істоти бувають прикріплені до місця своєї загибелі (див.: *Зеленін.* «Очерки», § 7, с. 11: «Где бы заложные не жили, но они всегда сохраняют самую тесную *связь с местом своей смерти* и с местом своей могилы»). Далі, козел пасеться — заложні ж живуть тим самим життям і мають такі самі потреби, що й живі, заложні «сохраняют по смерти и свой нрав *и все свои жизненные... потребности* и особенно — способность к передвижению» (§ 1, с. 2).

Заложні ж, як ми знаємо, перебувають у розпорядженні нечистої сили або навіть можуть робитися представниками її; після цього зрозумілим стає зв'язок козла з нечистою силою, уявленням про який в інших випадках, за інших обставин можна було б шукати інакшого витлумачення.

Треба проте сказати, що подібні записи переказів про тварин, з яких можна було б робити аналогічні висновки, цікаві для нашої теми, дуже рідкі, і це пояснюється, може, ще й тим, що тут потрібно буває прослідкувати й з'ясувати всі попередні обставини, які можна поставити в зв'язок з оповіданням: як бачимо, лише сукупність усіх обставин та подій, зв'язаних з даним місцем, що відбулися попереду, дає змогу робити цікаві для питання, яке розглядається тут, висновки, і це зіставлення попередніх подій надає іншого значення фактам, що про них говорить оповідання.

Проф. М. О. Маслов у згаданій своїй доповіді, спиняючись на питанні про тварин — заложних, наводить цьому з античного письменства, власне, один приклад — се вірш «Culex» (приписуваний іноді Віргілієві), де говориться, як чабан одного разу заснув і його хотіла вкусити змія; бачачи те, комар, що був при цьому, вкусив чабана, щоб збудити його й тим врятувати. Чабан прокинувсь і уник смерті завдяки комарові, але коли комар його вкусив, він вдарив

* З технічних причин запис довелося навести в дуже недосконалій транскрипції: наприклад, не пощастило відзначити ступінь вузькості голосних, схильність одних звуків до інших, різні ступені палаталізації, різні відтінки *й*, нескладові *і* та *у* й інш.; w — *у* нескладове, l — «середнє» *л*.

його й забив. Комар уночі з'являється чабанові, докоряє йому й, між іншим, оповідає про царство тіней. Тут також маємо заложну істоту з забитих * .

У тій-таки доповіді проф. Маслов висловив гадку, що сліди уявлень про тварин — заложних можна бачити в загальновідомій казці про відрубану ведмедячу лапу. В зв'язку з цим зазначимо, що коли вдаватися до казкового матеріалу, то може цікаво буде згадати тут також дуже поширену казку про кобилячу голову, що приходить у лісі до кожної з дочок діда та баби. Між іншим, М. С. Грушевський каже з приводу цієї казки, що тут маємо паралель до кістяка Кощея, поза Україною мало відому. В кожному разі казка про кобилячу голову цікава тим, що в ній маємо приклад можливості активно діяти після смерті. Певна річ, не можна забувати демонічного й інших значень, зв'язаних з конем, зокрема з конячою головою, але цікаво те, що тут природно припустити, що істота, голова якої з'являється в лісі, належала до неприродно померлих передчасною смертю. Казка про конячу голову тим цікавіша, що у російських варіантах кобилячу голову заступає людська, яка зникає (розсипається) по третіх півнях,— мотив, звичайний в оповіданнях про мерців і взагалі нечисту силу. В інших варіантах казки про дідову та бабину дочку маємо цілих тварин ** — наприклад, ведмедя. В українському фольклорі коняча голова, як нижче побачимо, з'являється, щоправда, рідше — між іншим, в оповіданнях про скарби, що взагалі мають важливе значення для з'ясування уявлень про заложних тварин.

По деяких місцях поза Україною в сусідніх з нею народів збереглися ще (принаймні, недавно ще існували й були зафіксовані) дуже красномовні звичаї влаштовувати поминки по тваринах. Такі поминки справляються, наприклад, у білорусів по псах багатиря Боя: там певного часу щороку — цей час припадає на поминки заложних людей — після поминального обіду під стіл *** ставлять їжу спеціально для цих псів і закликають їх.

Треба, однак, зауважити, що акад. В. Ф. Міллер тлумачить переказ, що на ньому грунтується звичай улаштовувати поминки псів, з погляду мітології: на його думку, в Боєві та його псах треба вбачати якесь давнє божество, подібне, наприклад, до індійського

* Цей приклад цінний тим, що тут маємо тварину скривджену, невдоволену,— важлива, хоч і не завжди обов'язкова риса заложних, які активно діють після смерті.

** Про те, що частинам тіла й надто голові надається значення як цілій істоті, див. хоча б: *Вітольд Клінгер.* «Животное в античном и современном суеверии» (К., 1911); на с. 117—118 говориться саме про конячу голову. Пор. також сказане нижче про «зарок» у скарбі — на місці, де покладено голову тварини, потім з'являється ціла тварина.

*** Цікаво зазначити, що аналогічний звичай ставити обід під стіл маємо подекуди в поминках заложних *людей* — їм також на поминках їжу ставиться не на столі, де обідають живі, а під ним.

Ями (що його, як і Боя, супроводжують *два* пси) та інших. Ніяк не можна тут ще, крім того, спускати з уваги пережитків тотемізму, тим більше, що в Білорусії, як відзначалось у відповідних розвідках (наприклад, відомих дослідах Н. М. Нікольського), збереглися відгомони тотемістичних поглядів, зв'язаних саме з псом.

На Україні не відомо аналогічних обрядів, і взагалі в українського народу яких то б не було святкувань на честь тварин збереглося аж надто мало (наприклад, свято «шуляка», або «шуліка», майже на наших очах зникло трохи не зовсім), так само як і уявлення про заложних тварин тут блідіші.

Більше є записів про другу категорію тварин, які можуть нас тут цікавити,— тих, що їхня смерть зв'язана з заховуванням скарбів.

В оповіданнях про скарби та їхнє здобування взагалі тварини фігурують як живі, по-перше, як охоронці, що так чи інакше стережуть скарби, коли їх не можна здобути, і, по-друге, у вигляді тварин скарб з'являється на поверхні землі (виходить на тому місці, де його закопано, або навіть приходить до того, кому його судилося здобути).

Щодо перших — тварин, які стережуть скарби,— то в записаних переказах про них звичайно не дається вказівок про те, що це за істоти та чому вони діють, як живі. Про другу категорію тварин — тих, що у вигляді їх з'являється сам скарб *,—є кілька тлумачень. Спинимося спочатку на перших.

Одні з таких переказів розповідають про тварин, що перебувають під землею коло самого скарбу; про них говоритимемо далі, а зараз розглянемо оповідання про істот, в яких більше є підстав вбачати заложних,— це різні тварини, що не дають копати скарби, з'являючись на поверхні землі й перешкоджаючи людям узяти закопане та лякаючи їх. Так, у різних місцях серед інших перешкод до здобуття скарбу виникали й такі: на могилі з скарбом або коло неї з'являвся кінь, що розганяв людей; вовки, що вили або без шуму клацали зубами; ведмідь, що інколи ще й реве; квочка, що лізе в очі; козеня, що скаче на шию; подекуди зазначається, що скарби стережуть леви, й інш.

Звідкіля певні тварини зв'язані з скарбами? В записаних оповіданнях про скарби за це здебільшого не згадується безпосередньо; але подекуди знаходимо уривчасті вказівки щодо цього. Так, у Новицького зазначається, що в Медвідь-могилі, де з'являється ведмідь, закопано гроші, заховані у ведмедячу шкуру, зроблену з міді. Це досить неймовірний випадок — як видно, тут сталася плутанина: за переказами, гроші ховали в шкурах звірів, отже й ведмедя; оповідання ж про мідь, як матеріал до посуду на гроші,

* Не можна не зазначити тут, що деякі дослідники вважають, що в уявленні про появу скарбу у вигляді тварини треба вбачати злиття уявлення про тварину — охоронця скарбу — з самим скарбом.

в цьому випадку могло виникнути під впливом поширених переказів про те, що скарби ховали в мідяних чавунах, барилах, гарматах та інш. Можливо, що з сумішки оповідань про заховування скарбів у шкурах, з одного боку, і в мідяному посуді, з другого, й міг постати переказ про мідяну шкуру. Закопування скарбів у шкурах тварин (коней, биків, корів, кіз та козлів, баранів та інш.) в народних оповіданнях про скарби ставиться в зв'язок з фігуруванням у них тварин, хоча, щоправда, цим пояснюється інше явище — з'явлення скарбів у вигляді різних тварин; однак, не кажучи вже про те, що взагалі в переказах про скарби через стертість та плутаність їх дуже часто занадто тяжко буває з'ясувати природу, а тим більше, зрозуміло, походження причини того чи іншого явища, і тут у багатьох випадках доводиться давати місце висновкам, зробленим на підставі часто лише цілком посередніх даних,— нагадаємо наведене вище твердження, що уявлення про тварин, які стережуть скарби, з одного боку, і про сам скарб — з другого, тісно зв'язані між собою.

Отже, гадаємо, що відшукуючи пояснення явищу, яке ми зараз розглядаємо,— наявності різних тварин — охоронців скарбу, що з'являються при здобуванні цього останнього,— не буде неприродно припустити, що причину цьому в деяких випадках можна вбачати в закопуванні скарбу в шкурі цих тварин. Є перекази про те, що з скарбами заховували шкури вовків та левів; і про тих і інших ми згадували, говорячи про тварин, що стережуть скарби.

Про всіх цих істот ми згадуємо, говорячи про заложних тварин, лише зважаючи на те, що тут маємо вказівки на заховування скарбів в їхній шкурі,— обставина, яка й за народними уявленнями становить причину появи тварин у скарбах і без якої можливі були б інші тлумачення цього явища: як далі побачимо, скарби часто стереже й володіє ними нечиста сила у вигляді тварин; цих тварин, однак, було б ризиковано розглядати як заложних. Про те ж, як багато зв'язано, напр., з ведмедем, уявлень, що їх можна пояснити з погляду демонічного значення, якого надається йому, занадто добре відомо. Ми ж згадуємо в цьому місці за ведмедя як тварину заложну лише тому, що, як сказано, в оповіданні про його шкуру можна припустити, що тут є шкура натуральна.

Проте це пояснення — користування шкурою при заховуванні грошей та коштовного добра — можна прикладати не завжди: ми вже згадували, говорячи про тварин, що перешкоджають брати скарб, за квочку; так само в оповіданнях про появу скарбів у вигляді живих істот зазначається, що такими істотами бувають не тільки тварини, а й птахи. В цих випадках треба мати на увазі ще й інший спосіб, що ним тварини зв'язуються з скарбами.

Досить часто, коли клали скарби, то забивали при цьому якихось тварин або птахів і закопували з скарбом їх або їхні голови з тим, щоб цей скарб дався лише тоді, коли над ним пропаде або ж коли при здобуванні його буде покладена така сама кількість і тих самих

забитих тварин (або їхніх голів); про останню умову — тварин повинен покласти той, хто хоче здобути скарб,— згадується частіше. Цей звичай класти на скарби забитих тварин, чи переважно їхні голови, надто відомий у Великоросії, де він зветься «зароком», але зустрічається також і на Україні. Тут маємо вимогу, що її треба задовольнити, щоб скарб дався людині; як відомо, при заховуванні скарбів взагалі ставляться різні умови, що лише після їхнього виконання можна стати власником захованого.

Поруч цього зароку-умови треба згадати звичай замордовувати на смерть тварин — найчастіше барана — над заклятим скарбом, щоб і з тим, хто спробує здобути цей останній, сталося те саме.

Говорячи про забивання тварин для зароку, ми наближаємось до іншого, зв'язаного з скарбами уявлення про тварин, за яке тут принагідно вже згадувалося і яке треба спеціально розглянути, говорячи про заложних істот: ми маємо на увазі появу та знайдення скарбів у вигляді різних тварин — живих, а іноді й здохлих. Пояснень цьому в самих записах переказів про скарби знаходимо дуже мало: в «Народных рассказах о кладах» П. Іванова, напр., говориться: «Як вийде строк, тоді вони (скарби) і являються: який свічкою, який медведем, який жереб'ям. А почому їми являються — цього не докажу».

Проте деякі безпосередні вказівки тут все ж знаходимо: там-таки, в «Нар. рассказах», зазначається, що поява скарбів у певному вигляді залежить від того: 1) як їм призначено з'явитись у заклятті, виголошеному при заховуванні їх; 2) чи не заховано з скарбом шкури якоїсь тварини — причина, що нею ми пробували пояснювати й інше явище — існування тварин-охоронців, і 3) чи не закопано з скарбом голів тварин або птахів — тобто в зв'язку з зароком.

Такі тлумачення можна почути в народі. Вони, отже, крім першого, що його тут не до речі буде розглядати, загалом за причину розглянутого явища мають те, що з скарбом заховано частини забитих тварин.

Не спинятимемося докладно ще на одному уявленні про зв'язок з скарбами тварин — ці останні є душі людей, що стережуть свої скарби,— оскільки це уявлення має до нашої теми лише цілком побіжне відношення.

В зв'язку з зазначеним звичаєм класти з скарбами голови забитих тварин цікаво згадати появу скарбу серед інших виглядів в образі саме голови коня.

З приводу цього ж таки звичаю цікаво згадати, що в деяких оповіданнях говориться, як з скарбом іноді доводиться знаходити останки тварин: приміром, в оповіданні, поданому в Грінченка («Из уст народа»), де один чоловік, розповідаючи іншим про місце скарбу, каже, що з скарбом повинен лежати пес. Коли почали копати, то справді знайшли тут кістки пса.

На додаток наведемо тут ще кілька оповідань про зв'язаних

з скарбом тварин, в яких, однак, немає всіх підстав убачати заложних: ми маємо на увазі тих тварин — охоронців скарбів, які перебувають під землею коло самого скарбу. Аналогічних переказів багато відомо про людей; не спиняючись на них, зазначимо, що в цих людях-охоронцях є дані бачити заложних. Ось деякі з переказів про таких тварин.

У Новицького («Запорожские и гайдамацкие клады») говориться, що коло грошей під землею є жеребець, прив'язаний на ланцюгу,— останнє, між іншим, зустрічаємо в оповіданнях про людей під землею коло скарбу — вони також часто бувають прикуті ланцюгом. Цей жеребець ірже в могилі. Після здобуття скарбу він повинен бути випущений; про те, що відбувається з тваринами після того, як скарб узято, не говориться.

В «Народных рассказах о кладах» П. Іванова оповідається про один підвал з скарбом, що в ньому є прив'язаний на ланцюгу пес, який, коли доторкнутись «ключ-зіллям» до чопу, що на ньому його прив'язано, «провалюється в тартарари, бо то не собака, а сам нечистий прив'язаний стереже скарб. От тоді тільки й можна забрати все з підвала». Про псів є, між іншим, у Драгоманова («Малорусские народные предания и рассказы») — скарб стережуть кілька псів, прив'язаних до засік з грішми.

Нечистий, за народними оповіданнями, стереже скарби й у вигляді людини — серед оповідань про людей-сторожів, напр., у Новицького, говориться, що скарб стереже *лукавий*.

Те, що ми бачимо в цих оповіданнях, може викликати порівняння тварин — підземних охоронців скарбів з такими самими охоронцями — людьми. В цих же останніх, як згадувано, в багатьох випадках безперечно маємо заложних істот. Спільність між охоронцями-тваринами й людьми в наведених переказах можна бачити навіть у часткових рисах (напр., і ті й ті прикуті ланцюгами). Однак, хоч якими спокусливими здавалися б такі порівняння — тварин з заложними людьми,— було б ризиковано спустити з ока ті дані, що їх можна підшукати для пояснення такої ролі цих тварин в інших джерелах. Так, у переказах про скарби не раз зустрічаємо вказівки про те, що скарби в багатьох випадках переходять взагалі до влади нечистого, який і стереже їх, і тут охорона скарбів, що її виконують заложні люди (як представники нечистої сили), є лише один з випадків охорони скарбів нечистою силою; є чимало й інших способів цієї охорони — скарби може стерегти сам нечистий у різних виглядах, серед них і у вигляді людини (про що вже говорилося) та тварин. В «Трудах» Чубинського безпосередньо зазначено, що нечиста сила, до володіння якої переходять скарби, буває у вигляді кота, козла, пса (останнє, між іншим, цікаво в зв'язку з записами, наведеними вище, надто з «Народных рассказов» — про пса-нечистого, що провалюється в пекло).

Ще довідливіший приклад тому, як для з'ясування генези повір'їв

про істот, що стережуть скарби під землею, слід звертатись до іншого роду уявлень про цих тварин, які зв'язані з нечистим, маємо в «Трудах» Чубинського, де розповідається, що на скарбі був чорний півень-чорт, який, між іншим, сказав винести з підземелля святі речі —Євангеліє та хрест, що були з скарбом.

В оповіданнях про всіх цих тварин ми ніде не знаходимо будь-яких фактів, що давали б безпосередні підстави вважати їх за заложних.

У переказах про людей, що перебувають коло скарбів під землею, знаходимо подекуди вказівки на те, як вони там опинились: з українських записів згадаємо, напр., статтю того ж Я. П. Новицького «С берегов Днепра», де про одного такого охоронця говориться, що він був заклятий на сто років. Кажучи про закляття живих істот за переказами про скарби, цікаво навести оповідання, вміщене в книжці того самого автора «Запорожские и гайдамацкие клады»: тут на острові, де лежить скарб, з'являється — вже на поверхні землі — козеня, що не дає перейти через острів чоловікові, який має з собою Євангеліє. Острів цей був заклятий через те, що на ньому заховано заклятий скарб. Тут, однак, також не маємо даних, щоб пояснювати дії тварини, про яку зараз говорилося,— безперечно, зв'язані з волею нечистої сили,— тим, що це істота заложна, ігноруючи інші уявлення про демонічне значення цієї тварини, з яких простіше було б вивести пояснення її поведінці.

Так само про тварину-— охоронця скарбу, яка перебуває на землі, подано цікаве оповідання ще в «Народных рассказах»; це переказ про вороного коня, що стереже скарб (починаючи від того самого дня, коли закопано цей останній), пасучись поблизу місця, де його заховано; при намаганні людей викопати скарб кінь розганяє їх, страшенно іржучи та гремлячи. Аналогічний переказ відомий і в інших сучасних народів *. Спинятись на різних значеннях, що їх мають у народному світогляді всі згадані зараз тварини, з погляду яких (значень) можна було б пояснити викладені погляди про цих тварин — охоронців скарбів, наведені тут у зв'язку з уявленнями про заложних істот,— було б не до речі в цій роботі, що ставить собі інше завдання. Як працю, де найдокладніше поки розглянуто такі погляди на тварин і де заразом з'ясовується взагалі відношення різних тварин до скарбів, можна відзначити згадувану вже книжку В. Клінгера «Животное в античном и современном суеверии», хоча деякі твердження цієї роботи, як відомо, тепер уже потребують перегляду, а поданий у ній фактичний матеріал — доповнення.

До наших часів, природно, не дійшло зв'язаних з поглядами про заложних тварин безпосередніх відгомонів у народному світогляді

* У Клінгера згадано, між іншим, французьке повір'я про диких жеребців, що стережуть закляті скарби й при наближенні людини теж зчиняють страшенний шум.

уявлень про тварин-жертв, а також тих, що їх ховали разом з умерлими їхніми власниками. Щодо останніх, то тут, за браком безпосередніх підстав, можна ще, здавалося б, пробувати шукати якихось даних, як взяти до уваги ті уривчасті й побічні факти, які можна знайти в різних джерелах, *зіставивши їх разом.* Проте і таких підстав, зрозуміло, можна знайти дуже мало, і вони занадто невиразні, а до того явища, що мають тут місце, можна легко й з більшою певністю тлумачити і в інший спосіб. Так, у згаданій книжці Новицького говориться, що коли ховали багатирів, які жили колись на світі, то разом з ними ховали й коней, «бо вірно жили». Тут не зазначається, чи забивали коней при цьому, але інакше, природно, тяжко припустити. І от, у тому-таки записі розповідається, що чумаки, їдучи одного разу повз багатиреву могилу, бачили, як з неї «вискочив дикий жеребець і рже. Побачив чумаків та як подався, як подався — мов та птиця. Добіг до лісу, став на диби й подався уп'ять поверх лісу... Де пробіг — там слід: скрізь поламав верхи на дубах. Це він, кажуть, одвідував могилу свого багатиря». Це оповідання подано разом з вказівкою про похорон вкупі людей і коней; однак тут не говориться про те, щоб кінь був забитий, і, крім того, якщо б це була тварина заложна, то природно було б припустити, що вона мала б бути зв'язана з місцем цієї могили, чого ми тут не бачимо.

У той самий час звертаємо увагу на інше зв'язане спеціально з багатирськими кіньми уявлення, що збереглось у світогляді українського народу, яке може допомогти підшукати ймовірніше пояснення тому, що зараз говорилося про коня в книжці Новицького: це повір'я, що багатирські коні взагалі можуть робити різні зовсім не властиві звичайним коням дії (вони здобувають науку в св. Юрія) і, між іншим, перестрибати всі перешкоди *. В переказах про появу скарбів подекуди зазначається, що скарб з'являється у вигляді коня і їздця разом (напр., хоча б та сама книжка Новицького). Тут цікаво, з одного боку, те, що за народними переказами подекуди разом з власником клали все його майно, яке й ставало скарбом — серед нього й коней, з другого ж боку,— в деяких випадках скарб з'являється у вигляді його власника, а також, як уже відомо, і захованих з ним (скарбом) тварин. Взявши до уваги ці обставини, зіставивши їх докупи, можна було б серед інших пояснень появи

* Напр.: «Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурою». З інших записів оповідань про багатирських коней цікаво згадати подане в Драгоманова («Малор. нар. пред. и расск.») оповідання, де, між іншим, зазначається, що ці коні бувають крилаті,— мотив, що його варто було б спеціально дослідити. З переказів про незвичайних коней, зв'язаних з пізнішими часами, можна згадати оповідання, наведене в Еварницького («По следам запорожцев». СПб., 1898),— про коня, що опівночі виходить з Сіркової могили.

скарбу в такому вигляді висловити здогад про ховання разом з людиною і тварини — коня.

Цікаво порівняти також переказ, вміщений в «Очерках народного быта» М. Ф. Сумцова, про те, як з могили вночі з'являється вершник на коневі й їздить до ранку.

Між іншим, може виникнути запитання, чому заложними стають лише тварини, що їх забивають люди, а через що, наприклад, до них не належать ті, які загинули від інших тварин. Дещо до пояснення цього, може, дали б уявлення про те, що хижакам буває призначено від природи їсти інших тварин: можна вказати, скажімо, досить поширені перекази про суд св. Юрія, що розподіляє серед вовків, кому що їсти. В інших варіантах замість св. Юрія згадується лісуна (полісуна) і, що дуже цікаво, навіть бога. Так само на таку передвизначеність, призначеність від бога, може, слід було б звернути увагу, з'ясовуючи питання, чому тварини, забиті для їжі людям, також не стають заложними й не переходять до влади нечистої сили.

* * *

Дозволимо собі резюмувати все викладене тут.

1. Насамперед, які є докази тому, що справді в народних уявленнях існують взагалі заложні тварини? Це істоти, передчасно вмерлі неприродною смертю. Вони з'являються на землі після своєї загибелі, причому подекуди продовжують жити звичайним життям, скрізь маючи найтісніший зв'язок з місцем своєї смерті чи могили. Зв'язок тварин, що про них тут говорилося, з нечистою силою, якщо взяти до уваги сказане зараз, являє ще один довід тому, що ці істоти є заложні. Хоч у народному світогляді дуже поширені уявлення про демонічне значення їх, джерел яких, відомо, треба вишукувати в зовсім інших поглядах,— однак, якщо визнати, що в розглянутих тут випадках ми маємо заложних істот, то цей момент — зв'язок їх з нечистою силою — набере іншого значення: як уже згадувано, одну з важливих рис заложних являє саме зв'язок їх з нечистою силою.

2. Де бачимо сліди уявлень про заложних тварин? Уявлення про тварин заложних тепер дуже звужені й невиразні. Загалом є підстави бачити заложних лише в деяких неприродно померлих тваринах, що їх забивають люди, це: 1) забиті не для спожитку, а даремно, без користі; 2) забиті в зв'язку з заховуванням скарбів: а) ті, що в їхній шкурі закопано скарб, і б) забиті та замордовані на заклятих скарбах з тим, щоб і при здобутті їх (скарбів) було зроблено те ж саме, або щоб так терпів той, хто спробував би взяти те, що не повинне перейти людям.

Цей зв'язок тварин з скарбами давно вже звернув на себе увагу, і вже давно вишукувано пояснення цьому явищу. Але нас цікавить

такий зв'язок у світогляді українського народу через те, що *до нього спричиняється смерть тварин;* вказівки на це, що найважливіше, маємо в *народних тлумаченнях* цього зв'язку. Факт можливості такого тлумачення в народних поняттях не можна поминути, кажучи про уявлення за заложних тварин, і існування в народі такого пояснення спонукало нас притягти тут оповідання про тварин у скарбах, хоч нам відомі тлумачення, що існують у науці (в значній частині вони до того ж перестаріли), які шукають першоджерел поглядів про відношення тварин до скарбів на іншому грунті.

Щодо тварин, похованих з людьми, то про них не збереглось якихось більш-менш певних даних.

Взагалі ж треба підкреслити, що матеріалу до досліду в царині, яку ми пробували тут розглядати, є дуже мало, і він часто буває занадто невиразний; тому тут не раз доводиться припускати апріорні висновки. Ця ж обмеженість у кількості даних змушує спеціально докладно спинятись на дрібних, здавалося б, фактах, розглядати часткові випадки. Така потреба вдаватися до уривчастих окремих вказівок, природно, не могла не відбитись на співрозмірності різних пунктів роботи і, як звичайно в подібних випадках, спричинилася до певної плутаності її; це й примусило нас дати наприкінці окремо resume викладеного.

Ми дозволяли собі подекуди наводити приклади, де мали істот, що хоч і наближались якимись ознаками до заложних, однак їх ризиковано було б визнати за таких; у цих випадках ми намагалися виразно підкреслювати потребу обережності в міркуваннях про таких тварин. Взагалі тут, у новій царині, ми насамперед силкувалися формулювати всі твердження як найобережніше, по змозі скрізь намагаючись не спускати з уваги інших можливих пояснень розглядуваних явищ.

Повторюємо, ми в цій роботі не йдемо далі від розвитку окремих пунктів доповіді проф. Маслова, що з її повним викладом нам пощастило ознайомитися. Підкреслюємо ще раз, що ми ставили собі завданням лише постановку питання, тобто добір фактів до питання в межах, визначених дослідом згаданого вченого; через те ми здебільшого не відхиляємося від описового характеру своєї розвідки.

Зауважимо наприкінці, що до виступу з роботою з нової галузі нас підбадьорувала ще та обставина, що, як нам пощастило довідатись, думку про існування в народних поглядах уявлень про заложних тварин підтримував такий компетентний дослідник найближчої до об'єкту нашого розгляду царини народного світогляду, як проф. Д. К. Зеленін, хоча він ще не виступав з приводу цього питання в літературі.

Друкується за: *Дашкевич В. Я.*
До питання про заложних тварин
в уявленнях українського народу
(З поля вивчення народного світогляду). Х., 1927.

Д. М. ЩЕРБАКІВСЬКИЙ

Сторінка з української демонології /Вірування про холеру/

Влітку 1910-го холерного року подорожував я по Північній Волині і Пінщині. Цікавлячись питаннями не етнографічними, а мистецькими й археологічними, власне тим, який характер мала церковна українська архітектура на пограниччі з північними сусідами України, я почав об'їздити той куточок, де сходяться докупи три губернії — Волинська, Мінська і Гродненська, й переїхавши з Ковельського повіту на Волині до Пінщини, надибав дуже цікавий

архаїчний тип церков *. При огляді однієї з церков цього типу в м. Сутче на Пінщині мені довелося бути свідком дуже рідкого обряду обперізування церкви намітками [1], обряду, який мав на меті оберегти людей від холери; пощастило його сфотографувати, а також познайомитись із деякими місцевими селянськими забобонами про холеру. Оповідання про це з додатком деяких паралелів з українського фолькльору і являється змістом цієї статті.

Ще по дорозі в м. Сутче мій візник розповів мені, як саме в цих краях повстала холера: *«Кажуть, що перед холєрою їхав чоловік возом; аж дивиться — йде якась пані, а ноги у неї товарячі* (роздвоєні копита), *і проситься, щоб її підвіз. Той дозволив. Сіла пані на віз та й розказує, що це вона покинула село Двірець, бо там співають колядних пісень і Бога хвалять, а тепер простує до села Ляхівки* (Мозирського повіту). *Чоловік зрозумів тоді, що то за пані, спинив скоріше коні, зняв колесо і почав лагодити кілок. Тоді холєра (а то вона була, тільки вигляд мала пані) зобачила, що чоловік зрозумів, хто вона, та й каже: «Я бачу, що ти навмисне спинив коні і здійняв колесо». Тоді чоловік скоріше наклав колесо та по конях і втік від неї». Розповів візник і про інший погляд місцевих людей на холеру: «Кажуть, наприклад, що одна жінка сон бачила: холєра — ніби пані, і дві дочки у неї; дочки на людей понос кривавий насилають, а сама холєра насилає корчі і сліпоту».*

При в'їзді в містечко ми спитали бабу, що йшла назустріч, де живе батюшка і як проїхати до церкви. Баба сказала, що піп оце тепер на похоронах, і розповіла про місцеві події: *«Зараз у нас у містечку велика пошість — холєра — щодня вмирає кілька людей. Понаїздили дохтурі, студенти, вапном мастять, але яка з того поміч. Піп казав скластись і купити образ Матері Божої «холерної», да коли то воно буде, а люди мруть. Он сьогодні пятьох ховають ураз. Баби порадились і зараз біля церкви самі холєру виганяють».* «Як то виганяють?» *«Да так виганяють — церкву обперізують».* Як я не розпитував, як саме вони обперізують церкву, баба мені більш нічого не відповіла, і ми поїхали до церкви.

Церква старенька, збудована в XVII в., оббита гонтом, трьохбанна. На цвинтарі біля церкви гурт старих бабів, молодиць і дівчат набрали багато наміток, якими в цій місцевості пов'язується кожна баба і молодиця (намітки тут білі полотняні мають вигляд недовгого рушника), позшивали їх короткими кінцями одну до одної і цим довжелезним повоєм двічі обперезали всю церкву знадвору, а кінці втягнули всередину церкви і протягнули вузенькою доріжкою через усю церкву до царських врат і престола.

Чи робили баби, окрім обперізування, ще щось, чи проказували під час цього ритуалу якусь замову, я не знаю, не чув, бо всю свою

* В кількох селах у цьому районі збереглись церкви трьохбанні з надбудованою над бабинцем дзвіницею і стелею в усіх трьох зрубах.

увагу звернув на те, щоб сфотографувати їх. Але ледве я встиг зробити декілька знимків, як мій візник сіпнув мене: *«Пане, киньте да їдьмо скоріш, а то ще баби подумають, що ви на них холеру посилаєте»*. Справді, купка бабів, що стояла недалеко біля нашого візка, підозріло й вороже дивилась на мій апарат на високих треногах, прикритий великою чорною хусткою, і на мої маніпуляції. Візник мав рацію; стало жалко зроблених знимків і апарата. Прийшлося припинити роботу, скластись і од'їхати від церкви.

Кілька годин пізніше я знов приїхав до церкви: похорони вже одбулися, церква була замкнена, і біля неї нікого не було. Імпровізований пояс із наміток був знятий і пішов на користь церковного причту. На жаль, місцевий священик нічого не додав до того, що я бачив біля церкви.

Під час цієї ж таки холери було зроблено запис про холеру в селі Шпичинцях Сквирського повіту на Київщині зо слів семидесятилітнього діда Клима. Ось це оповідання.

«Я два рази бачив холєру. Це ще було за панщини; мені було років із дев'ять. Пішли ми вдвох із другим хлопцем — Іваном Рудзевичем у панський садок вирізати пужално[2]*. Прогортуємо кущі — аж сидить у рові пані гарна, повновида, але сива, в чорній сукні і лице завішане, одягнена, як черниця. Покивала вона на нас пальцем, а ми навтеки. На другий день ми знов пішли в садок вже не за пужалном, а навмисне, щоб подивитись на пані-холєру, бо тоді велика холєра була. Влізли ми в рів, а вона виглядає з хмелю, та гарна, але стара, коси білі, як сніг, встає до нас. Я навтеки, а Іван Рудзевич схопив цеглину та кинув їй у груди і став тікати. Я не оглядався; тільки чути було, як сукня пані шелестить за нами. Потім каже Іван: «Глядіть моїх волів, а я піду додому». А через годину він умер, на холєру — дзвонили. Тоді така холєра була, що батюшка по 5—6 мерців щодня з селиська провадив. А Микита Вовк на другий день бачив цю пані-холєру в тім же рові та й казав: «Це Іван умер учора, а Клим сьогодня вмре, а я завтра». Але ми обидва ще й досі живі. Пані за ним бігла поза током аж мало не до ставу, то він уже аж коло церкви обходив, коли йшов додому.*

Років через три, або й шість пішов я за село до волів: мені вже було літ із 15. Була друга холєра. Дивлюсь: на дорозі якийсь мішок, я думав, що то Грицько Шпіль Шевчук украв пашню, ніс, та як побачив мене, то втік, а мішок покинув. Я до того мішка, коли дивлюсь, а то щось таке, як губа (гриб), *зморшка — піна росте, фиркне, неначе крила розпустить: росте, а далі більш виросло, таке вище від мене. Я закам'янів, в воно вже на груди до мене мало не сперлось і фирка і росте; нічого я не бачив, ні очей, нічого — таке щось, як піна, росло. А собаки мої тільки поставали навкруги та хвости позадирали, як на скийці. Я помаленьку одійшов, то зараз на другий день почалася холєра з невістки Терпицького Наумця. Прийшла вона з панщини, повечеряла й зараз посиніла і вмерла, а за нею*

пішли страшенно вмирати по всіх вулицях. Мало не половину села висмалило: ховали за ліском без домовини по скілька душ в одну могилу».

Як відомо, азіатська холера з'явилася була в Європі тільки на початку XIX століття, а на Україні вперше в 1831 році[3]. Тому народні оповідання і повір'я, що зв'язані з холерою, інтересні як новотвір народний, утворений майже на очах сучасної науки. Простому народові прийшлось раптом з'ясувати собі це нове страшне з'явище — дати відповідь на питання, що таке холера, звідкіля вона береться, як від неї оберегтись?

Народ уже мав цілком сталий світогляд, в грунті своєму антропоморфічний; народна українська демонологія мала десятки готових образів нечистої сили, духів-людей, міфічних істот і т. ін. і досить велику свого роду аптеку всяких магічних ліків і оберегів від них. І от, силкуючись з'ясувати собі це нове з'явище, народ бере з своєї демонології готові старі шаблони і додає до них тільки деякі нові риси, але робить це з якоюсь непевністю, несталістю: помітна надзвичайна різноманітність поглядів на те, що саме уявляє собою ця пошесть і як від неї оберегтись. Виходить щось подібне до того, як не досить досвідчений лікар, здибавшись з мало відомими йому симптомами хворості, вагається поставити певний діагноз і в боротьбі з такою хворістю переходить від одного діагнозу до другого і від одного ліку до другого.

Звичайно, людську слабість чи пошесть, наприклад, пропасницю, чуму, український народ уявляє собі переважно в образі жінки.

Тим часом холера вважається йому то простоволосою жінкою, то чоловіком, то великим білим псом або хортом: то народ думає, що цю смерть насилають упирі. *«То дауно..,*— кажуть гуцули,— *було много тих великих опиріу. То як була тота холєра, то они так нарід стинали, то ти голоуні опирі»*. Представлення про холеру мають зв'язок не тільки з упирями, але й з відьмами: адже й відьма любить перекидатись білим псом, насилає град, хмари, засуху, нищить людей.

Нарешті думають, що народ мре в холеру через те, що злії люди кидають отруту в криниці і струмочки. Ясно, що ми тут маємо діло з демонологією ще не виробленою, яка не викришталізувалась остаточно і не набрала сталих форм.

Проте все-таки можна сказати, що український народ найчастіше уявляє собі холеру в образі жінки, навіть пані. Є оповідання про пана, який мав жінку-холеру — гарну панну.

Наведені нами вище оповідання про холеру, записані на Волині й Сквирщині, також свідчать про невиробленість демонології цієї пошесті. Кожний з двох оповідачів дає дві різні відповіді на питання, що таке холера. Особливо інтересне друге оповідання з села Шпичинець на Київщині. Тут в оповіданні діда Клима холера має вигляд якоїсь оригінальної фантастичної істоти: *«Щось таке, як губа,*

зморшка — піна росте, фиркне, неначе крила розпустить; росте, а далі — більше, виросло вище від мене».

Обидва шпичинецькі оповідання цікаві тим, що показують, як саме виникають народні повір'я і забобони; в них ще багацько індивідуальних рис і мало типових, мало традицій; вони ще не виробились у шаблон; це, власне, не повір'я, а тільки ембріон повір'я.

Сутчанські оповідання більш оброблені, більш традиційні.

Перше з них особливо типове. Головна його схема — селянин підвозить жінку-холеру і від неї ж дізнається, як позбавитись від пошесті — здибається не тільки в українських, але, наприклад, і в німецьких оповіданнях про чуму (Грімм).

Щодо слов'ян, то вони пошесть звичайно собі уявляють в образі жінки, яка роз'їжджає візком, або примушує чоловіка носити її на собі.

Ця загальнослов'янська уява про пошесть перенесена в сутчанськім оповіданні на холеру і навіть топографічно прикріплена до даної місцевості. З українських варіантів перше сутчанське оповідання найбільш подібне до оповідання про те, як чоловік відвернув від села холеру, записаного в селі Пужниках Бучацького повіту в Галичині. Як і в нашому оповіданні, так і в бучацькому, чоловік їде возом і наганяє холеру; холера має вигляд жінки; вона просить чоловіка підвезти її, потім чоловік спиняє воза, щоб її збутись. Але сутчанське оповідання вносить деякі інтересні деталі: наприклад, коли в бучацькому варіанті холера уявляє собою щось неподібне до людини, хоч і має взагалі вигляд жінки, то в сутчанськім оповіданні вона має вигляд пані, тільки з *«товарячими ногами»*.

Ця остання деталь нагадує невеличке оповідання, записане в селі Ваньковцях Проскурівського повіту і видане Драгомановим: коли в селі гинула худоба, то на тім місці, куди зволікали здохлятину, з'являвся нечистий, *«по-панськи вбраний... курив люльку, і ноги були з ратицями»*. Ці «товарячі ноги», або ноги з ратицями, як бачимо, робляться сталою прикметою зовнішнього вигляду пошесті.

В бучацькому оповіданні *«чоловік виймає з воза шворінь, щоб холєра впала, але цього було не досить: холєра тільки тоді втекла, коли зачула спів колядкових пісень»*. В сутчанському оповіданні чоловік здіймає колесо, лагодить кілок, і цього досить було, щоб утекти від холери. Тут цілком ясно підкреслено відворотне значення осі і кілка. Чарівну силу осі знають і інші місцевості України. В Куп'янському повіті на Харківщині думають, що оберегтись від відьми можна, вдаривши її тільки кілком *«старої оси»*, і то треба бити не саму відьму, а тінь відьми навідліг.

А. І. Чепа вже в 1776 році згадує, що Україні, щоб забезпечити обістя і поля від нападу вовків і птахів, обносять навкруги поля борозне колесо плуга. Щоб очарувати летівшого в повітрі москаля, дід схопив старе колесо, обциркльовав його ломакою, і москаль спустився на колесо.

На Воронежчині є таке оповідання про чуму: *«Селянин вертався з млина і згубив кілок. Трохи пошукав, бачить — ломачка, подібна до кілка; він нею заткнув вісь. Трохи проїхав — колесо почало страшенно рипіти і нарешті злетіло з воси. Кілка знов не стало. Тут селянин і дізнався, що то була чума»*. Всі ці вказівки свідчать про чарівне відворотне значення осі, колеса й кілка.

В обох варіантах єсть також пряма вказівка і на другий відворотний засіб проти холери, це «колядкові пісні». В обох варіантах холера боїться колядкових пісень і мусить від них утікати. По сутчанському варіантові, вона залишила село Двірець, як сама каже, тому, що там *«тепер співають колядкових пісень і Бога хвалять»*, а в бучацькому варіанті досить наївно розповіла, що буде в селі, *«аж поки не заколядують»*. Скориставшись із цього необережного признання, хлоп біжить у село, радить людям, *«хай ідуть по хатах колядувати»*, і коли холера почула, як люди заколядували, то чоловік *«не видів, де сьи она поділа»*.

Віра в силу колядок і щедрівок проти пошесті і нечистої сили відома всій Україні. Під час сильної холери вдови і дівчата, вбравшись по-празничному, ходять по селу й щедрують, як перед Новим роком, а на «защедровані» гроші справляють молебень і ставлять свічку.

На погляд гуцулів, колядки — це один з головних народних обрядів, на яких світ держиться. Коли скінчаться вогники (Юрия), писанки і колядники, *«тогди буде конець світа, тогди спусти Ірода з ланця»*, кажуть гуцули.

Тому й Ірод (найстарший чорт) питає перед Великоднем у юдів, які ходять по світі: *«Чи ходять писанчарі* (парубки) *за писанками, кукуцарі за кукуцами* (хліб житній) *і колядники з колядою?»* Як ті йому відповідять, що ще ходять, то він каже: *«Ой, не зараз світ згине»*. Взагалі на Україні колядники перше, ніж колядувати, питають хазяїна: *«Чи позволите, пане господарю, заколядувати, сей дом звеселити, Ірода засмутити?»*

В другому досить короткому сутчанському оповіданні про сон, який бачила жінка, що холера — це ніби пані, і дві дочки її на людей понос кривавий насилають, а сама холера насилає корчі і сліпоту, можна помітити вплив народних уявлень про пропасницю. Тут ми бачимо ті самі ідеї родства і множественості, які характерні і для пропасниці. Пропасниці, як відомо, вважаються дочками царя Ірода, їх багато: 7, 74, 77, 9, 99, 12, 25 і т. ін. І як в основі множественості пропасниць лежить численність симптомів цієї болесті (зрівняй назви пропасниці: *трясця, корчій, жарка, огневиця, пухлія, знобія, желтія, дремлія)*, так і тут — різноманітність симптомів холери, можливо, дала думку наділити її двома дочками. Правда, можливе й інше пояснення цього повір'я. Афанасьєв приводить дуже близькі

до нашого воронезькі оповідання про трьох сестер-холер і ставить їх у зв'язок з сербськими трьома сестрами-кугами (чума) і новогрецьким оповіданням про трьох страшних жон (морова язва), цілком аналогічним старогрецькому сказанню про трьох сестер (парки). Не одкидаючи можливості бачити в нашому повір'ї про матір і дві дочки-холери античні переживання, все ж підкреслюю присутність у ньому симптомів слабості, які споріднюють її з повір'ями про пропасницю.

Тепер перейдемо до розгляду обперізування церкви повоєм з наміток.

Та сама різноманітність, яку ми бачили в поглядах селян на холеру, існує також і в поглядах їх на те, як від неї позбавитись. В селі Подосах на Київщині Бердичівського повіту під час першої холери (в 1831 році), коли люди слабіли десятками і в день іноді вмирало по 8 чоловік, перелякані селяни то святили воду на чотирьох коловоротах, то примушували бабів оббігати без одежі навкруги села, то нарешті пробили осиковими кілками померлого паламаря з покійною жінкою, яких вважали опирями, одрубали їм голови й спалили, бо селянин Мазуренко сказав, що люди мерли від опирів. Під час тої ж холери в 1831 році в Галичині деякі священики, щоб відвернути пошесть від своїх селищ, обійшли з процесією свої парафії та веліли закопати осикові хрести в чотирьох місцях поза селом. В Червоній Русі під час засух і холери палили опирів і відьом на терновім огні. Один священик наказав, крім цього, оборати село. В інших місцях, щоб не пустити холеру в село, перегороджують дорогу в село заставом (дошка з шлюзу від млина). Бачили ми, що народ думає, ніби холери можна позбутись колядковими піснями і що вона боїться осі. З тою ж метою баби в містечку Сутче обперезали церкву намітками.

Відомий етнограф Дм. Зеленін, аналізуючи аналогічні обряди обперізування церкви полотном, споріднює їх з білоруським звичаєм ткати так звані «обиденні» (зіткані на протязі одного дня) рушники. Під час людського помору або пошесті на худобу в Білорусії сходяться баби з цілого села і тчуть на протязі одного дня «обиденний рушник». Зіткавши, вішають його на коловороті через дорогу, щоб не пустити пошесть до села, переганяють через нього худобу (коли гине скотина), проводять під ним людей, коли мруть люди, обносять його навкруги села і вішають на хресті або на образі в церкві. Обмотування полотна навкруги церкви являється, на думку Зеленіна, лише варіантом звичаю офірування «обиденних» рушників на церкву [4].

Обряд обперізування церкви полотном рідко трапляється — його занотовано лише в двох місцях — і сам по собі дуже цікавий, тому я спинюсь над ним більш докладно.

Перш за все я дозволю собі не погодитися з думкою М. Зеленіна, що цей обряд являється лише варіантом звичаю ткати «обиденні»

рушники і офірувати їх на церкву. Правда, зв'язок з останнім єсть, але цим зв'язком все-таки не все можна пояснити. Наприклад, коли полотно лише офіра на церкву, то для чого баби не просто принесли свої намітки до церкви, а зв'язали їх у довгий повій? Далі, коли ці намітки повішані для того, щоб проводити під ними людей, як і під «обиденними» рушниками, то для цього досить було перепнути одну або декілька наміток над дверима в церкві, а не обперізувати ними всю церкву двічі. Мені здається, що зрозуміти цей обряд можна лише зрівнявши його з іншими оберегами від пошесті, а саме з магічними колами. На мою думку, обперізування намітками церкви і є типове магічне коло, яке у різних формах народна магія вживає звичайно проти нечистої сили, пошесті, звіра, кузки і т. ін.

Чарівне коло роблять так: місце, де находиться чоловік, або взагалі те, що треба оберегти, обводять навколо і таким чином утворюють ніби якусь чарівну стіну, яка ізолює це місце від доступу ворога, робить його невидимим і перешкоджає вступ до нього. Чарівні кола цього типу дуже розповсюджені по Україні і вживаються селянами не тільки в надзвичайних випадках, але й у буденному житті.

Ці кола бувають різної великості: коли чоловік боронить себе самого, обводить себе навколо, «скільки хватить». Коли обводять обістя, поле або село, то, звичайно, й коло буває такої великості, як ці останні.

В тій чи інакшій мірі від великості кола залежить і те, чим і як його роблять.

Іноді буває досить накреслити чарівне коло паличкою на землі чи зробити його ступнями (обійти місце навкруги), чи навіть провести його тільки в думці. В цім випадку вся сила чару лежить в замові, яка слідує за чаром; тільки завдяки тій замові коло, проведене в думці, може оборонити чоловіка або його обістя. *«Коло нашого двору,*— говориться в одній замові,— *камінна гора, осиковий кіл, огненна вода; що лихьи иде на гору, сі уб'є, на кіл сі проб'є, у ріці згорить. Обійде та казочка докола нашого дворочка й сьиде собі на воротьих у червоних чоботьих з огненним мечем — що добре — пускає, що лихьи — стинає».*Іноді можна зробити чарівне коло, навіть не маючи його в думці. Один чоловік, щоб спастись від баби-опириці, розказує їй байку, і коли баба хотіла до нього доступити, *«дивить сі, а то остріг коло него, що не може до него приступити. То та байка, що він сказав, то стала коло него острогом».* В цьому випадку чоловік не тільки не робив ніяких чарів, але й замови не знав; він тільки зрозумів, що баба боїться байки, і тому, що він обіцяв бабі байки не говорити, то став верзти якусь нісенітницю, і цього було досить, щоб ця нісенітниця —*«байка стала коло него острогом».*Ми тут маємо діло з типовим чарівним колом, уявленим тільки з слів байки [5].

Але, звичайно, однієї замови буває мало, і чарівник мусить силу

замови зміцнити ще чимсь, найчастіше відворотною силою тієї речі, якою робиться коло, чи того матеріалу, з якого ця річ робиться.

Щоб захистити свою хату від усього злого або худобу від звіра, чи город або поле від черви та горобців, хазяїн робить чарівне коло звичайним обходом — тричі обходить хату, подвір'я, город або поле, але не просто, а з «свяченим» (коли це буває на Великдень) — чи з хлібом, іноді з хлібом першим, який виймає хазяйка з печі, чи навпаки з хлібом-«забудькою», який хазяйка забуде в печі (останній вважають особливо помічним проти горобців) [6]. До того цей обхід роблять на Різдво, на Водохреща або на Великдень. У гуцулів на Свят-вечір господар бере кістки, що лишаються після рибної страви під час святої вечері, і обтикує ними свої межі — робить ніби щось подібне на острогу. Іноді під час цього святвечірнього обходу господар, окрім хліба, бере веретено і сокиру і промовляє: *«Й як не вижу тайної вечери, так абих не видів через цілий рік звірів межи маржиною»*. Відворотне значення цього обходу тут цілком ясно [7].

В Дрогобицькому повіті євреї під час холерної пошесті крали хрест, палили його і вугіллям з нього обводили свої хати. Іноді розбераються зовсім і об'їздять хату, поля і сіножаті голими верхи на помелі, коцюбі чи на люшні, яку найдено на дорозі. Це роблять, щоб захиститись від гадюк, кузок, цвіркунів, блощиць. Також голими оббігають місце пожежі, щоб далі не горіло. Коли хотять дістати цвіт папороті, то її обходять задом тричі з свічкою пасківною. З свічкою страсною, херувимським ладаном і дарником торішнім роблять також коло, коли хотять викопати гроші.

На Україні колись, як закладали село, оборювали його, запрягши в плуг бика й корову від одної матки; за плугом ішов парубок, а поганяла волів дівчина — брат і сестра, це — щоб рід був міцний. В пізніші часи це оборювання робилося тільки під час людського мору чи пошесті на худобу; кажуть, що в селі Новоселках Київського повіту дідичка звеліла під час великої пошесті оборати село маленьким плугом, в який запрягли півня.

Трудно встановити будь-яку сталу залежність між формою і способом виконання чарівного кола та його метою, адже цілком однаково розбераються і голими оббігають місцевість, яку треба захистити і від кузки, і від пожежі, і від пошесті.

Можна тільки сказати, що особливо старанно роблять це чарівне коло, коли хотять захиститись від мерця, відьми, опиря або нечистої сили: просять священика, щоб він зробив коло пером, або обписуються свяченим роговим ножем, взагалі стараються зміцнити його чарівною силою тих предметів, які вживають для цього. На Волині в Дубенському повіті навкруги того місця, де повинен спати чоловік, щоб захистити його від нечистої сили, роблять коло свяченою крейдою, на цьому колі кладуть кілька кіс так, щоб вони лягли навкруги ліжка: крім того, на подушку кладуть сокиру, серп і ніж, і коли кладуть ці предмети, то читають «Да воскресне Бог». З цього

боку особливо інтересні повні драматизму оповідання типу гоголівського «Вія», де парубкові, який заїздив відьму, приходиться три ночі читати над нею Псалтир і боротись з нечистою силою. Тут нечиста сила являється персонально, з нею чоловік вступає в боротьбу, і під час цієї боротьби й видно, в чім саме полягає сила магічного оберега. Напади нечистої сили щоночі збільшуються, і парубок мусить вживати кожної ночі інших, більш сильних засобів. У відомому оповіданні, записаному в Куп'янську на Харківщині, хлопець заїздив крамарівну; коли йому випало читати над нею в церкві Псалтир, він у першу ніч, щоб оберегти себе, ставить позаду себе образ Божої Матері, на другу ніч —«святу Покрову», а на третю обставився кругом «Спасителями». В другім випадку чоловікові, який убив відьму, кум радить: достань же ти на сю ніч негодного каменя, що з млина (з коша), та піди до попа і попроси, щоб він увів тебе у вівтар, поставив на камені та обвів кругом тебе хрестом тричі: тоді стань на камені навколішки, покрийся сковородою і стій цілу ніч у церкві.

В оповіданні з Вінницького повіту на Поділлі дяк, якому довелось читати над відьмою, в першу ніч обвився свяченим роговим ножем; на другу ніч закрив труну, в якій лежала відьма, ліг на неї і обняв труну руками. Скільки відьма не вставала — не могла встати, її підвласні *«на його й вогонь сипали, і воду лили, і гарячим залізом пекли, і різали його, а як запіли кури, вони й порозбігалися. На третю ніч дяк мусів утекти у вівтар, сховався у шафу, де висять ризи, накрився чорними ризами і замкнувся зсередини»*.

Виникає питання, як саме помагає це чарівне коло.

В оповіданнях про нього помітно два моменти: з одного боку, обводячи чоловіка колом, хотять зробити чоловіка невидимим, зробити так, щоб нечиста сила не знайшла його: а з другого боку, не дають нечистій силі доступитись до чоловіка, взяти його, коли вже вона його забачила.

В наведеному вище куп'янському оповіданні мертва крамарівна-«яритниця» встає з труни, б'є в долоні і каже: *«Вставайте, мої друзя-приятелі, шукайте мого неприятеля»*. І хоча хлопець, якого вона шукає, стоїть серед церкви перед самою труною, де вона лежить, ні вона, ні мерці, яких понаходило повна церква, не бачать його і не можуть його знайти — його закриває образ Божої Матері. На другу ніч вони знайшли хлопця, але не могли взяти: *«почали коло його співати, грають, у палочки б'ють, щоб він глянув на них, і руками його достають і не достануть»*.

В другому подібному ж оповіданні типу гоголівського «Вія» парубок, щоб сховатись від відьом, сідає на сковороді в печі, і вони його не знайшли. На другу ніч його знайшла київська відьма: *«ось він, кае: так у лоб чуть не пхнула, та нельзя його, кае, узять»*. На третю ніч батько порадив парубкові: *«Гляди ж, як прийдеш читать, так стіки руки хватить, опиши круг себе круг та постав хрест*

і розіпнись на йому». Прийшов він, все зробив, як йому сказано, й чита. От опівночі налетіло їх сила, ще більш. *«Упьять за його, вже що-що не робили, давали примір — от його заколять або стопчуть. Мордувались, мордувались, а тут півень — ку-ку-ріку! вони і згинули»*.

В обох оповіданнях чарівним колом обводиться парубок тільки в третю ніч, найстрашнішу; в перші дві ночі його захищають образи (в першому оповіданні) і сковорода (в другому), яким в такому разі і належить ця роль — бути «шапкою-невидимкою». Але можливо, що ці оповідання уявляють собою тільки пізніші, попсовані різними вставками редакції більш ранніх оповідань, і в цих ранніх оповіданнях, можливо, парубок користується колом і в перші ночі.

В вищенаведеному оповіданні про чоловіка, який заховався від відьми у вівтар, чоловік сів на камінь і прикрився сковородою — навкруги нього батюшка тричі обвів хрестом. Тоді відьма звернулась на дно морське до видючого каменю, щоб той сказав, куди чоловік заховався, і камінь відповів так: *«Чоловік той стоїть на каменній горі під залізним небом, котрого й у світі нема»*, і, скільки відьми не шукали, чоловіка не знайшли. В цьому випадку чоловік був обведений тричі хрестом, але зробило його невидимим не це потрійне коло, а камінь і сковорода, які імітували камінну гору і залізне небо і ввели, таким чином, нечисту силу в помилку.

Підбираючи більш близькі аналогії до обряду обперізування церкви намітками, треба сказати, що на Україні їх немає, тим часом як Білорусь має цілком тотожні.

В селі Великих Рожанах Слуцького повіту на Мінщині в 70-х роках минулого століття занотовано факт, цілком подібний до сутчанського. Тоді була холера: зійшлися баби і дівчата з усього села, заготовили пряжу, заснували й зіткали полотно великої довжини і обперезали ним церкву тричі. Це була жертва богу, як думає д. Сержпутовський, що описав цей обряд *. Майже всі деталі тут ті самі, що й у сутчанському обряді: мета обперізування — оберег від холери, учасники — баби з усього села, форма магічного кола — пояс навкруги церкви, матеріал, з якого зроблено пояс,— полотно. Однаково навіть в обох обрядах полотно принесено в дар церкві. Різниця тут тільки в тому, що в м. Сутче баби оперезали церкву не цільним полотном, а зшитими докупи намітками. Чи були це старі намітки, чи їх зіткано вночі напередодні — невідомо.

З українських оповідань найбільш близьким до сутчанського і найбільш важливим до його розуміння є харківське оповідання про те, як люди оборонились від мертвої відьми. Мерла відьма почала ходити до хати вечеряти: тоді люди обмотали хату «валом», який

* Цілком подібний обряд занесено білорусами і до мордви. В ніч на Успеніє щороку в деяких мордовських селах жінки збираються, зшивають полотно в одну довгу пасму і в глупу ніч обтягують цею пасмою церкву накруги два-три рази.

напряла дванадцятилітня дівчина [8]. Прийшла відьма, *«ходить кругом хати і бубонить: «Бодай його побила лиха година, яка воно собака позачиняла й позамикала? Не найдеш ні дверей, ні вікон. Тепер уже, мабуть, не прийдеться повечеряти»*. Мета обперізування хати тут цілком аналогічна з обперізуванням церкви в м. Сутче, тільки замість холери тут фігурує відьма.

Харківське оповідання інтересне, бо свідчить, що український погляд на значення обперізування являється відмінним від великоруського і білоруського. Дм. Зеленін на підставі великоруського і білоруського матеріалу зазначає два мотиви обперізування полотном і вживання «обиденних рушників»: а) полотно, на думку народну, одлякує пошесть; б) полотно забирає в себе заразу, очищає.

В харківському оповіданні обперізування валом має інше значення: тут вал не одлякує, а скриває од відьминих очей вхід у хату, робить його невидимим. Відьма ходить кругом хати й говорить: *«Яка воно собака позачиняла й позамикала? Не найдеш ні дверей, ні вікон»*. Відьма тут не те що не може пройти дверима чи вікном, вона не може найти їх, не бачить їх. Вал грає тут як раз таку роль «шапки-невидимки», яку в вищенаведених нами українських оповіданнях типу «Вія» відігравав камінь, сковорода, образ Божої Матері або хрест * Щодо питання: чому обперезали тільки церкву, а не все містечко, адже треба було спасти від холери мешканців усього містечка, і коли, наприклад, бороняться від пошесті оборюванням чи обходом, то обходять чи оборюють усе село,— то треба сказати, що трудно набрати стільки наміток, щоб обперезати все село; по-друге, можливо, що ми тут маємо діло з заміною цілого частиною, адже в церкві бувають люди з усього села й тому оберіг церкви міг замінити собою оберіг усього села, й обперізування робилось у неділю ранком під час служби, коли могло бути багато людей.

Я вже зауважив, що мені не пощастило записати деталі обряду обперізування церкви в м. Сутче, довідатись, що саме робилося біля церкви під час цього обряду. Про останнє можна лише робити гіпотези на підставі порівняння з аналогічними фактами.

В селі Рожанах, де в 70-х роках минулого століття, як ми бачимо, під час дизентерії селяни цілком так, як і в м. Сутчому, обперезали церкву, занотовано ще такі деталі: в той самий день перед вечором кілька дужих чоловіків поклали на порозі в церкві брусок сухого ясенового дерева і почали поперемінно терти його другим бруском. Коли дерево зайнялось, то вогонь рознесли по хатах, а на кінцях села день і ніч горіло багаття. Ранком і ввечері

* Чоловік ховається за хрест від чортів, і вони його не бачать. В одному оповіданні з Черкащини черниця радить парубкові, щоб захиститись від відьми, стати за хрестом, зробленим з осики, на могилу відьми; височина хреста повинна була бути така, як парубок, а перехрестя довжини такої, як руки парубка. Коли парубок став за цим хрестом, відьма його не побачила.

щодня хазяїни обкурювали товар свяченим зіллям і сушеним хорковим м'ясом, а добутий святий вогонь[9] підтримується в с. Рожанах і зараз.

Цікаво, що цим самим архаїчним способом теж біля церкви добували святий вогонь під час оборювання села на Полтавщині в с. Костянтинівці Костянтиноградського повіту в початку XIX ст., щоб позбавитись від пошесті.

Наведемо оповідання про це, записане проф. В. Г. Ляскоронським зі слів 90-літнього мешканця м. Пирятина Гр. Фед. Пушкова. Воно досить повно малює також картину оборювання села, бо це, як ми бачили, являється одним з головних оберегів від холери.

«Якось літом, коли в с. Костянтинівці була пошість, пізно вечером зібрались жінки в одно місце, поскидали з себе одежу і голими впряглися в рало і почали оборювати село. Їх вів чоловік, а сами вони провадили борозну замість волів. Решта жінок, що не були впряжені в рало, озброїлися нагостреними косами і під час цього оборювання мали убивати всяку живу істоту, яка здибається по дорозі: коня, корову, овечку і навіть чоловіка, тому що думали, що пошесть, щоби втікти, може перекинутись у живу істоту. Вогні в усьому селі було погашено, і ніхто не смів не тільки запалювати вогню в печі, але навіть і курити люльку. Коли борозну було обведено навкруги села, жінки поодягали одежу і зійшлись до церкви, де ждали їх чоловіки й священик, які теж не мали вогню. Тоді чоловіки почали терти дерево об дерево, добули вогонь, запалили ним свічки в церкві, одправили молебін і лише після цього дозволено було брати новий вогонь і розносити по хатах».

Це діялось приблизно в 1818—19 роках, коли оповідачу і свідку цих подій було 8—10 років. Він жив тоді в цьому ж таки селі у своєї бубуні, жінки місцевого священика, яка заборонила йому виходити з дому під час цього оборювання. Світло у священика в хаті було теж погашене, було темно, всі сиділи тихо й не балакали, це ще збільшувало строгість заборони. Ця процесія проходила через самий город священика, і через зачинені двері було добре чути брязкіт кіс, ніби ними били одну об одну. Цілком можливо, що вживання обрядового вогню в тій або іншій формі мало місце і під час обперізування сутчанської церкви.

Зводячи докупи те, що сказано вище про обнерізування сутчанської церкви намітками, ми можемо сказати, що це обперізування являє собою типове чарівне коло, зроблене для того, щоб оберегти мешканців м. Сутче від холери, що взагалі ці чарівні кола в різних формах: обведення, обходу, оббігання, оборювання — дуже розповсюджені по Україні, але ця власне форма оберега — обперізування церкви намітками — утворена під впливом білоруським. Це вплив цілком зрозумілий, бо м. Сутче стоїть на самім кордоні України й Білорусі.

Щодо функцій полотна як оберега, то можна сказати, що окрім

очищення людей від пошесті й одлякування останньої, полотно вживалося на Україні як спосіб зробити чоловіка невидимим для пошесті й нечистої сили і тим його оберегти від неї.

Цілком ясно, що питання, які зачеплено в цій замітці, можуть бути остаточно вирішені тільки при освітленні їх широким порівнянням з даними світового фольклору. Мета ж нашої замітки — тільки дати декілька нових подробиць до відомих фактів і, підібравши деякі паралелі, показати, до якої групи фактів занести ці подробиці.

Друкується за: Наук. зб. іст. секції ВУАН
за рік 1924. К., 1925. Т. XIX.

* Х. П. Ящуржинский *

О превращениях в малорусских сказках

Вера народа в превращения относится к тому отдаленному первобытному времени, когда он видел в камне, дереве, животном превращенного человека. На этой ступени развития самосознания человек еще не отделял себя от неодушевленных предметов и полагал, что если дерево грозно шумит, то это значит, что оно ведет грозную речь, что вихрь кружится и даже речь говорит, что камень, имеющий человекообразную форму, скрывает в себе человека и может опять превратиться в живое существо, и т. п.

Если неодушевленную природу человек на первых ступенях своей сознательной жизни воспринимал как живую, одухотворенную, то тем естественнее ему было видеть в медведе, волке, собаке, орле, сороке и др. превращенных людей. В эпоху зарождения религиозных понятий, когда человек делал только первые шаги на пути к составлению мировоззрения, вся природа представлялась ему живою, олицетворенною в буквальном смысле, т. е. каждый, даже неодушевленный, предмет в его воображении жил и чувствовал, как человек, потому что представлял собою превращенного человека. Довольно живые следы такого воззрения можно наблюдать в сказках, которые свидетельствуют, что вера в превращения не утратилась в народе и доселе: и в настоящее время передаются рассказы о превращении черта, ведьмы в различные образы.

Превращения как остаток мифического мировоззрения существуют в нашей сказочной поэзии, если можно так выразиться, в форме статики и динамики. Некоторые виды деревьев, камней и зверей понимаются как превращенные навсегда люди, другие же существа, по большей части мифические, способны по желанию принимать различные образы, а равно и снова получать свой первоначальный вид.

Обладают силою производить превращения прежде всего мифические существа, каким является в одной сказке *водяной дед*, превращающий двух царевичей в камни. Сказка передает, что царевич пошел искать чудесный *палац* вдовы-царицы. *«Иде та й иде, иде та й иде, аж прыходыть до мора. «Ну,— думае соби,— тут трохи седу та спочину и пополудную». Розложив вин над берегом свои торбы, накраяв попаньський хлиба, намазав зверху досыть маслом, сив и исть. Колы тута зараз выходыть из мора дид старый-старый, аж мохом порис, та такый билый-билый, як молоко; а борода аж блещить, як сниг на морози. Подходыть той дид до царевича да й каже: «Дав бы ты, сыночку, и мини кавалок хлиба». «Е,— каже,— де ж я тоби возьму? Ты ж бачиш, що я й сам небагато маю». Той дид посварився на того царевича пальцем, так вин зараз и став каменем и лежить над морем».*

Таким же образом водяной дед и второго брата превращает в камень и только по просьбе третьего брата-дурня возвращает им снова человеческий образ.

Нечто подобное, но уже составленное под влиянием христианских понятий, видим в другом рассказе. Идет человек *позывать витра*. *«Иде та й иде та й иде, аж дывытця: стоить дид на дорози, да такый старый да сывый, як молоко (а то був Бог в чоловичому образи)».* Далее говорится, что этого же человека снова встретил *«дид, да такый же то сывый и такый сывый, як молоко, да вже не той, що тоди вин стрив (а й це був Бог, тылько другый образ прыняв)».* *Дид* дает человеку *матузочок* и говорит: *«Бижы в корчи.*

Там лежить два попы: накинь на них цей матузочок и скажи: «тпру!» Он так и сделал. *«Тоди з тих попив таки здоровы волы поставалы».*

Под тем же влиянием христианских понятий образовались все представления о превращениях, приписываемых Господу, или Господу Иисусу Христу, так, напр., Господь превратил мельника в *медведя.* Господь проходил мимо мельницы, мельник оделся в вывороченный кожух, влез под мост и закричал, словно медведь, а Господь и сказал: *«Щоб ты ревив так, покы свита сонця».* С тех пор начали водиться медведи.

Господу приписывается превращение женщины в *зозулю* (кукушку). Женщина убила своего мужа и была осуждена Богом не иметь пары и скитаться по лесам.

Аист — также превращенный Богом человек. Об этом превращении народное предание говорит следующее: *«Бусол (чорногуз) с чоловика. Бог весь гад у мишок зибрав и дае чоловикови: «На цей мишок,— каже Бог до чоловика,— однесеш на море и вкинь ёго в воду. Оно як нестымеш, то не розвязуй и не дывысь у мишок; неси соби, щоб и не знав ты, що там е». Иде той чоловик з михом до мора,— кортыть: тра подывытысь. «Як то можна, буду несты на соби и шоб я не знав, шо я несу. Чого там боятысь? Загляну!» Роспустыв того миха,— гад и полиз, и полиз з нёго. А Бог и каже тому чоловикови: «Не хтив мене слухаты, пустыв ты гад по всих усюдах,— йды ж та збирай»... Оттоди и став той чоловик буслом».* По другому, более новому, преданию аист произошел из служанки Пресвятой Девы. Служанка должна была отнести рубаху Св. Девы к морю и не смотреть в нее; служанка посмотрела и увидела там гадов. Тогда Пресвятая Дева сказала: «Когда ты такая, то будь черногузом и ешь этих гадов». С тех пор и по это время черногузы ходят и собирают всевозможных гадов.

Спасителю приписываются следующие превращения: *кукушка и чайка.* Эти птицы произошли от девушек. Эти девушки вздумали попугать Спасителя, но Спаситель сказал, чтобы одна кукала, а другая кишкала, *«покы свита сонця».* Тем же мотивом вызвано и превращение *собаки.* Собака есть оборотень дитяти. Когда Спаситель ходил по земле, то в одной деревне мальчик особенно преследовал его, бегая за ним и лая, подобно собаке. Спаситель проклял его за это и обратил в собаку.

За неуважение к Светлому Христову Воскресению богатый человек, одевшийся пышно и не пошедший в церковь по просьбе жены, лежавшей в постели, превращен вместе с женою в *павлину* и *паву.*

Под сильным влиянием христианских преданий сложился и рассказ о превращении *свиньи.* Народ говорит, что во время земной жизни Спасителя однажды жиды накрыли жидовку *ночвами* и спросили его: «если ты Бог, то отгадай, что спрятано под ночвами?» Спаситель, как Бог, знал, что под ночвами жидовка, но в

наказание испытующим его ответил: «Под ночвами свинья». И из жидовки действительно сделалась свинья. Теперь свинью называют жидовской теткой, и жиды не едят свиного мяса, как своего тела. Подобный же мотив лежит в основе превращения *крота,* но к этому мотиву присоединилось еще воздействие на народную фантазию так называемой народной этимологии. Название крота (по-малорусски *крит*) послужило к созданию целой легенды о превращении. Эта легенда следующая: богач вздумал сделаться мудрее самого Бога; для этого он покрыл сына своего и спросил Бога: «Угадай, что тут покрыто?» Господь отвечал ему: «Накрыт крот». Богач открыл и увидел, что его сын действительно сделался кротом.

Темная сила, или черт, также способен производить превращения. Несомненно, что черт в христианскую эпоху заменил собою какое-нибудь мифическое существо. На основании сказок можно предполагать, что под ним скрывается подземный дух. Он появляется из могилы, как бы из подземного царства, и сказка не называет его чертом, а дает ему название Оха. Обстоятельства, при которых появляется *Ох, або чорт,* таковы, что роднят его с Плутоном. Обстоятельства эти следующие. Старик ведет сына в наймы; они увидели при дороге могилу, подошли. *«Старый сидае и здыхнув: «Ох!» Колы из могылы выскакуе нечыста сыла в образи чоловичому и пытае: «Нащо ты, чоловиче, мене требував?» «Ни,— каже той,— мыни тебе зовсим не треба». «Як же ж не треба, колы ты клыкав мене, «Ох!» казав, а я Охом звуся».* Этому Оху старик отдает в услужение сына, а тот превращает его в *пивныка, селешка,* голубя. Далее из сказки видно, что сын сам научается искусству превращений и оборачивается вихрем и конем. По другим вариантам той же сказки, Ох превращает своего слугу в ястреба, жеребца *(огира),* орла. Слуга сам получает возможность превращаться зайцем, ястребом, шуляком, плотвою, окунем, перстнем, горошиною, маком. Равно и Ох в различных превращенных видах (дедом, шпаком, пивныком, щукою) преследует своего слугу.

Черт вообще, по народному поверию, может превращаться в различных животных. Подтверждение этого взгляда видим в рассказе о превращении лошади: лошадь — это превращенный дьявол. Так как дьявол может превращаться во всякое животное, то и превратился когда-то в лошадь, но Господь так его благословил, что он уже навеки остался лошадью. Павлины — оборотни чертей, которые в ночь под Благовещение стали наряжаться в различные цветы, но пропели петухи, и они остались в наряде павлинов. Черту в особенности приписываются самые разнообразные виды превращений; так что масса превращений, которые в мифическую эпоху составляли атрибут различных божеств, теперь сочетаются с образом черта. Вот более частые образы его превращений: в баранчика, овечку, козленочка, красивую женщину, богача, *паныча* и, наконец, в существо

с козлиной бородой и рогами — образ, напоминающий несколько Пана.

Наравне с существами мифическими и вообще высшею силою превращения могут совершать волшебники, чернокнижники, ведьмы, которые в древнюю эпоху были не что иное, как кудесники, служители различных божеств, наделенные от них волшебною силою. Так, волшебнику приписывается превращение целого царства в камень: *«А це каменне мисто було колысь царство; але цар его зазнався з волшебником, и вин так поробыв, що мисто стало каменем, а дочка гадюкою, и вказав: «Як найдеться яка праведна душа, що тебе спокутуе, то ты знову будеш людыною, а царство — царством».* Чернокнижник сам превращается в птицу огненную, и его дочери тоже наделены способностью превращений. Название *чернокнижник* указывает на такого человека, который читает черную книгу, так называемую *черную магию.* Есть сказка, в которой и самой этой книге приписывается способность производить превращения. *«У мене есть така кныга,*— говорит царевна,— *що як прочитаешь ии, то зараз зробысься, чим захочеш: чы звиром, то й звиром, чы птыцею, то й птыцею».* Волшебнице также приписывается способность производить превращения. Она превращает царевну Оленку в утку: *«От та робитныця-волшебныця* (у змея) *поробыла Оленци так, що та перекынулась вуткою, полетила у змиев садок и сила на озирце та й плава по нёму — золота пирьинка, срибна пирьинка на ний, сама золотоголова».* То же свойство приписывается *пани,* с атрибутами каннибализма: она ест мертвых. Эта *пани* превратила своего мужа в пса. Другая *пани* умилосердилась над ним, ударила его *прутиком* и снова сделала его человеком; потом дала ему этот прутик и сказала: *«Иды до дому и спытай слуг, чы паня спыть; як спыть, то удар ии прутыком, вона зробыться кобылою».*

Ведьмы играют большую роль в превращениях; они могут принимать самые разнообразные виды. В одной сказке ведьма является в виде кобылы: *«От раз пасе дурень у поли свого коня, колы бачыть — ходыть кобыла и з нею десять коней. А то була видьма — вона хотила стратыть розумных братив».* По народным рассказам ведьма принимает преимущественно следующие образы: кошки, *котыка,* собаки, сучки, коня, волка, свиньи, лягушки. В следующем рассказе знахарка для превращения дает палочку, нечто вроде чудодейственного жезла, способного производить превращения. Любовница царевича, желая извести его жену, получает от знахарки эту чудодейственную палочку, которою стала бить царевну: *«Перекинулась вона мышою, котом, собакою, вовком, всякою-всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, аж покы не перекынулась гускою и не полетила».* Мы уже встречались с подобным явлением, что ударом *прутика* производились превращения; вероятно, в некотором родстве с этим стоят превращения, производимые ударами прутьев. Сказка передает о жене пана, превращенной

мачехою в щуку. Пан узнал об этом, велел забросить сеть, поймал щуку. Потом *«велив наризаты ризок и давай ии сикты. Вже вона, сердешна, перекыдалась, перекыдалась и жабою, й гадюкою, й зозулею, вин усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою».* В другом варианте этот прием объясняется более естественно. Царь узнает, что его дочь превращена бабой в *вуточку.* Царь велел ее поймать. Она крикнула: *«Ох, тату, тату, пусты мене на воду». «Стали радыты царськи совитныкы, що треба ии быты дубцями, щоб спало пирья; былы ии поты, покы пирья спало и покы вона стала така, як и спершу була».* Более новый прием видим в сказке, где за превращение баба берет *десять карбованцив: «Баба пошептала, почепыла ий на шыю червону стенжку, стала вона кишкою, собакою, навпосли жинкою стала».*

Лекарство служит также средством производить превращения. Царевна говорит казаку: *«Я тоби дам такого ликарства, що ты ёго як напьешся, то чим захочеш, тым и станеш: чы птыцею, чы конем, чы деревом, чим захочеш».* Вследствие этого лекарства казак получил возможность превратиться в коня, в явор, в *качура* и опять в человека.

Клятва, которой в мифическую эпоху придавалось чрезвычайно важное значение, также имеет силу производить превращения. В одном предании говорится, что мать зашла к скупой дочери, которая ела курицу. На вопрос матери, что она ест, та отвечала: черепаху. *«Тоди маты ии и закляла, щоб вона сама черепахою стала; то так вона й доси».* Проклятие отца превращает дочь в кукушку. Дочь проговорила к своему любовнику: «Ах ты, моя зозулька» (кукушка). Отец княжны услышал это и в гневе на нее проговорил: «Будь же ты и сама кукушка». Княжна тотчас же и превратилась в кукушку.

Весьма поэтичен рассказ о превращении *тополи,* которому содержание дала народная этимология. Название *тополя* сочеталось со смыслом фразы: *то поле,* т. е. вот пóлет. В тополю обращена матерью дочь по следующему поводу. Мать послала свою дочь полоть лен. Потом мать, желая видеть ее работу, пошла к ней и, увидевши ее праздною, сказала: *«Ото поле!* (вот как полет) *бодай же ты, доню, полола в чуди та в дыви».* Испугавшись этих роковых слов, девушка сказала: *«Я то полю, то стою»,* как бы так говоря: я тополею стаю (делаюсь); и вдруг при этих словах, на глазах матери, «к чуду и дыву» ее дочь-девушка стала вырастать в стройный красивый тополь. Так и не выполола дочь льну и не пришла домой навеки. Мать стала плакать по ней, приговаривая: *«Дочко ж моя, тополя моя!»*

Вообще слову, как и заклятию, в первобытное время приписывалась возможность осуществляться в действительности, чему подтверждением служит сказочный мотив о превращении голубя. Муж

в радости бежит к жене и говорит: *«Голубко моя!». А вона — порх — и вылетила голубкою в викно».*

Слово во времена мифические имело более вещественное значение, чем в настоящее время; первобытный человек не отделял названия предмета от самого предмета; поэтому за названием предмета следовал самый предмет с обязательной силой. Такая вера в материализацию слова не утеряна и до настоящего времени. На этом основана вера в заговоры, вера в то, что всякое благожелание и всякое проклятие сбывается. Полагают, что если мать произнесет такое проклятие: *«А щоб ты дубом став, а щоб ты каминем став, а щоб тебе лыхе взяло!»*, то такое проклятие непременно исполняется. Этим и объясняют происхождение различных камней, имеющих человекообразную форму; так, подле села Березной (Литинский уезд) есть два камня, о происхождении которых существует следующая легенда. Однажды мать вышла с сыном и дочерью в поле рожь жать. Во время работы дети ленились и очень часто стояли праздно, о чем-то между собою разговаривая. Мать до того на них рассердилась, что начала их проклинать и между прочим сказала: *«А щоб вы каменямы поставалы»*. Проклятие ее сейчас же исполнилось: дети ее действительно окаменели.

Происхождение цветка, известного под названием «братки» (vioia tricolor), также приписывается высказанному желанию и немедленному исполнению. Брат и сестра долго странствовали и когда сошлись, то не узнали друг друга. Между тем сестра понравилась брату, и они обвенчались. После узнали, что они — брат и сестра. Им стало стыдно, и брат сказал сестре: «Ну, сестра, пойдем в поле, посеемся: ты будешь цвесть лиловым цветом, а я желтым». Мотив подобного превращения, очевидно, позднейший, и основанием для него послужила форма цветка.

Превращения в русской сказочной поэзии существуют такие, в которых несомненны самые древние, первобытные черты, с другой стороны, встречается и полное забвение мифического мотива, и в схему превращений вставляется любое явление, в особенности желательное по условиям нашего современного быта, как, например, превращение старика, баранчика в *гроши* и др.

Обожание и почитание змей, а равно и формы их превращений относятся к глубокой древности. Сказки определенно и ясно говорят о превращении змеи в девицу или змея в царевича; затем есть большой отдел сказок, где говорится о змеях трехглавых, шестиглавых и двенадцатиглавых; но в последних сказках смысл превращений только в редких случаях выступает. В большинстве случаев здесь змей есть выражение темной мифической силы.

Превращение змеи в девицу обставлено некоторыми мифическими подробностями; так, хлопец-сирота работает у хозяина за то, чтоб ему посеяли *мирку жита*; но лишь сжали и сложили в копы, как гром сжег все жито. Хлопец служит второй год на тех же условиях.

Во время жатвы ему снится, что гром снова ударит в копы, но он пусть возьмет вилы и разбрасывает снопы. Он так и сделал. *«Колы це из поломья як вылизе гадюка, та така здорова, як той рубель, що снопы утягують, та й учепылась ему через плечи, як москаль чипляе муныцю»*. Хлопец в тревоге хочет оторвать ее, но ничего не может сделать. Хозяин дает ему следующий совет: *«Ну подерж, сыну, Бог нас держить на свити, держи ты и ии»*. Теперь хозяину приснился вещий сон, чтоб повенчать их. Как только хлопец в церкви стал на *рушнык*, *«вона так и впала на землю, перекынулась дивкою и держыть рушнык в руках, щоб то уже, бачыте, рукы звязать. От, пип повинчав их як слид»*.

Раз муж пожелал отправиться в дорогу; жена ему наказывает, чтоб он не ругал *гадючину матир*. Муж при возвращении увидел, что жито стоит на корню, и в сердцах произнес: *«От, гадюча ии матир, дидько б ии взяв з ии гадюкою,— ще й доси не выжала жыта»*. Как услыхала это жена, рассердилась и оставила мужа навсегда. По другому варианту той же сказки жена снова превращается в гадину.

С огнем, или *багаттям*, имеет связь превращение ужа в царевича. Иван, сын бедных деда и бабы, пошел просить хлеба; разложил он в лесу огонь, как вдруг слышит, что-то кричит под огнем: *«Не печы мене, не печы мене!»* Он взял палочку, разгреб огонь и нашел большого ужа. *«Несы мене до царя,— каже уж,— тоби буде велыка плата за те, що ты мене занесеш до царя»*. Когда ужа внесли в покой царский, он стал *панычом*.

Сказка о превращении змия в царевича передает, как один пан имел трех дочерей; когда он отправляется *у дорогу*, старшие дочери просят дорогих гостинцев, а младшая — *квитку хорошу*. Отец принужден был снять со столба *квитку*, но за нее змий потребовал к себе меньшую дочь. Она отправляется в чудесный *палац* змия, в котором находит все, чего ни пожелает. Она два раза отпрашивается у змия к родителям и оба раза позамешкалась. Возвращается — змея нет. *«Пишла вона до сажалки да так плаче, так плаче. Аж там змия качаетця. «Риж мени,— каже,— на мени шкуру». Вона довго не хотила, а потим проризала. Вышов з теи шкуры царевич хорошы, прехорошы. Поцыловався зараз з нею, оженывся»*. Эта сказка очень близко напоминает великорусскую сказку «Аленький цветочек», переработанную С. Аксаковым.

В одной сказке, где спутано несколько мотивов, змий превращается в птаха, а потом в человека: *«Знов стрепенувсь и став змием, паном став у чоловичому стани, у польскому»*. Подобное же превращение замечается и в сказке «Оленка, Ивашечко та змий», где змий оборачивается молодцем или же сначала делается птицей: *«був горобцем, став молодцем»*. Жены змея о 12-ти головах также обладают способностью превращаться; они прилетают сороками и говорят, что одна обратится в *криницу*, от которой поразрывает

богатырей, другая сделается садом, третья — рукавицами, четвертая — *хмарою*.

Некоторую аналогию с превращением змеи имеет превращение жабы. Идет парубок через мост, на котором, говорят, что его лихо возьмет; на мосту к нему вскочила жаба, и когда он прошел мост, то она превратилась в царевну. Другой распространенный сказочный мотив о превращении жабы в панну основан на выборе тремя братьями или тремя царевичами себе невест. Первый бросил свою *рушныцю*, и ее нашла королевна, вторую рушныцю нашла дочь купца, а третий — дурень — бросил рушныцю в болото, и ее нашла жаба, которая потом *«скынула з себе жабьячу шкуру и стала такою гарною панною, що не здумать, не згадать, тилько доброму молодцу в казци сказаты»*. По другому варианту той же сказки она превращается в панну *у злотом волоссю*. Жаба несколько раз повторяет свои превращения, пока муж не подстерег и не бросил в огонь жабью шкуру. Жена заплакала и сказала, что ей оставалось еще шесть дней просидеть в жабьей шкуре, а теперь она от него уйдет навсегда и уходит в монастырь, а затем в *Золотые горы*, где муж ее впоследствии находит. Сказки о превращениях царевны-лягушки и царевны-змеи очень распространены и в великорусской народной поэзии. Существуют малорусские сказки о превращениях жабы, где она является темной силой. Однажды баба-повитуха пошла в лес за дровами, видит —*«повзе жаба, да така ж то товста та здоровенна — недужна була»*. Баба помогла ей перелезть через палочку, а вечером приезжает за бабой карета и привозит ее в богатый дом; оказывается, что жаба — это *чортица*, у которой надо было принять ребенка.

Целый особый отдел превращений в сказочной поэзии представляют птицы, каковы, напр., три орлицы, три утки, 12 уток, 12 голубок, которые превращаются в девиц. Три орлицы — это три сестрицы; *стрилець — красный молодець* хочет застрелить старшую, но она отпрашивается у него, обещая стать ему *в пригоди*; то же обещает и средняя, а младшая обещает стать его женой. Действительно, она *стрепенулась* и *«стала така панна, що ни в казци сказать, ни пером написать»*. Обе другие орлицы также превращаются в девиц.

Очень распространенный мотив о превращении двенадцати уток в девиц состоит в следующем. Идет добрый молодец и приходит к морю; сюда прилетают 12 уток; пораздевались, сделались все красными девицами и пошли купаться. Молодец схватил платье двенадцатой и спрятался за куст. Она вышла из воды и спрашивает: кто здесь есть? Если стар человек, то будет мой отец, если средний, то будет брат, если *«млад чоловик — будь мини вирна дружина! А вин зараз выйшов з-пид куща та й виддае одежу. А вона зрадила — так зрадила, що й не сказаты, бо перед нею став такий козак, що кращого и в свити не знайты»*.

Оказывается, что утки — это служанки *морского дидуся*, который три раза заставляет молодца выбирать свою суженую из 12 одинаковых девиц, и каждый раз по предварительному уговору с суженою он ее выбирает. Тогда наконец *«заручылы их и отгулялы весилле. Дидусь навалыв ёму золота та срибла цилых дванадцять караблив, и поплыла молода пара до батька та до неньки»*. Сходные черты имеет сказка «Про персыцького царевича», в которой говорится о семи дочерях *чернокнижныка* (чародея), которые прилетали к озеру купаться,— царевич спрятал платье младшей дочери и потом на ней женился после исполнения разных мифических задач. В этой сказке способ превращений несколько затемнен: здесь только говорится, что дочери чародея летали, но какой образ птиц принимали, об этом не сказано; о нем можно судить по аналогии с другими сказками.

Три *качечки* прилетают купаться, *«аж то не качечки, а тры царевны»*. Хлопец берет веночек старшей, и та без веночка не может лететь и делается его женой. Тип превращений 12 уток почти тождественно выдержан и в сказке о превращении 12 голубок. Царевич получает в лесу указание от бабы, что к *ставку «прылитае дванадцять голубок купатыся: одынадцять виддаваных, а идна ни; котра невиддавана, та буде з самого заду скидаты крыла, а ты визьмы та й сховай»*. Голубка обращается в девицу и после исполнения царевичем задач, указанных отцом чародеем, задач вроде того, чтобы в одну ночь была посеяна пшеница и испечена из нее булка, или чтобы в одну ночь выстроен был *палац*, делается его женою. О превращении жены в голубку по одному слову мужа, произнесшего в радости: «голубко моя!», было уже сказано. Подобный же, очевидно, позднейший смысл придается и превращению ласточки. По народному сказанию, это муж и жена. *«Чоловик шось ризав та покаляв рукы у кров, а вона до ёго и прыйшла та так биля его и вьеться. От вин взяв ии пид бороду: «ластивко,— каже,— моя» та й поцилував, та вдвох и полетилы ластивкамы; от-то у неи и, знать, пид горлом красненьке»*. Новейший факт — изображение орла на государственном гербе — также вставлен в схему превращения. Народ говорит, что орлы из царей, и потому даже теперь орлы вырезаны на царских печатях.

Существует довольно распространенный отдел сказок, где волшебница или мачеха делает так, что жена царя превращается в утку, в птицу, в щуку. Царевна Оленка превращена в уточку. Оленка была женой змия; работница-волшебница, чтобы занять ее место, превратила ее в утку — *«золота пирьинка, срибна пирьинка на ний, сама золотоголова»*. Брат ее сделан был баранчиком; он прибегает к озеру и поет: *«Сестрычко Оленко, прыплынь, прыплынь до бережечка, братик плаче, исты хоче»*. Когда она прилетает плакать к своим умершим деткам, царь-отец велел схватить ее; потом *«былы ии поты, покы пирья спало и покы вона стала така, як и спершу була»*. Дочь бабы превращает свою сводную сестру в птицу, и та прилетает

кормить свое дитя. Муж ее схватил, *«вдарыв по ний трычи прутыком, и вона стала жинкою»*.Даже умершая мать превращается в кукушку. У одного человека умерла жена, и он женился на молодой; было у него пятеро детей, и мачеха так возненавидела их, что порезала их и спрятала в *комору* под помост. *«Перва жинка прылетыть зозулею да сяде на покути на колочку да й куе: «Куку, диты, куку, лебедята, горе гореваты, де чужая маты поризала, порубала, пид мист поховала... Ох, мои диточкы!»* Мачеха превращает свою падчерицу в щуку. Лакей из жалости носит к ней дитя кормить. Пан, ее муж, увидел это, велел забросить сеть и поймать ее. *«Пан велив нpropризаты ризок и давай ии сикты. Вже вона, сердешна, перекыдалась, перекыдалась, и жабою, й гадюкою, й зозулею, вин усе сиче; дали вже взяла й перекынулась жинкою»*. Эта сказка вводит нас в ту область мифического воззрения, по которому один и тот же предмет мог принимать многоразличные образы. Сила, которая дает возможность принимать различные образы, сохраняется, по народному поверью, еще и в настоящее время; ею теперь обладают темные существа — ведьма и черт.

Такие многоразличные превращения одного и того же существа выступают в сказке «Про царевича жинку, що зроблено гускою». Любовница царевича получает от бабы ленту и палочку, которой бьет царевну, и та *«перекынулась мышою, котом, собакою, вовком, всякою-всякою звириною перекыдалась, а та все бье... Поты была, поты была, аж покы не перекынулась гускою и не полетила»*. В другой сказке богатырь Сучченко добывает царевну, но она оборачивается щукой и бросается в воду,— богатырь Вернывода уничтожает воду и схватывает ее, тогда она оборачивается белкой и бросается на дуб,— богатырь Верныдуб выворотил все дубы и поймал ее,— она оборачивается мышью и прячется в нору (на горе),— богатырь Верныгора переворотил гору и наконец добыл ее. Тромсын (приемыш трех: Бога, св. Петра и Павла) получает способность превращений. Пошел он добывать царевну, *«через биле поле скынувся голубком та перелетив; через густый лис скынувся медведем та перешов; через сыне море скынувся окунцем та переплыв; у дом влетив мушкою; а до царевны пидошов комашкою, перекынувся чоловиком и став и стоить»*. Тром-сын на вопрос царевны, как он к ней пришел, снова принимает все те образы, в которые он превращался. О том, каким образом *Ох, або чорт*, принимает различные образы и как он превращает своих слуг, было уже сказано.

К таким же многоразличным превращениям относится цикл сказок, где герои принимают даже сложные образы, так, например, героиня делается стадом овец, а герой пастухом или же пасекой и пасечником. Сказки этого рода построены по следующей схеме: царевич спасает от змия царевну,— змий бросается в погоню; тогда они превращаются в различные предметы до тех пор, пока змий не лопнет. Более типичною сказкою для объяснения подобного рода

превращений служит сказка «Цар-змий». Купец посылает своего приказчика к царю-змию достать от него три пера; приказчик находит у змия похищенную им царевну, и вместе с нею они решают спастись. Царевна говорит, что у нее есть такая книга, *«що як прочитаеш ии, то зараз зробысься чим захочеш: чы звиром, то й звиром, чы птыцею, то й птыцею»*. Поделались они птицами и полетели, а змей за ними в погоню. Царевна говорит: сделаюсь я человеком и послушаю, не гудет ли земля; она слышит — гудет земля от погони, и говорит: *«зроблюсь же я пасикою, а ты старым пасичником; а як вин спытае, чы не бачыв ты такой-то й такои, то кажы, що бачыв тоди, як був ще молодым»*. Змей возвратился *до палацу*, а они поделались птицами и снова полетели,— снова погоня. Они сделались *дидом и бабою*. Змей снова был обманут и опять пустился в погоню. Царевна говорит: *«робысь ты скориш морем, а я зроблюсь качкою. А ось и змий прылитае, да такий же злый, що аж пина з рота котыться. Як побачив вин ту качку, так зараз и пизнав, що то не качка, а царивна, та й хтив вин ии зловыты. Що кинеться на ню, то вона и пурне; не може нияк ии змий зловыты. Вин тоди почав воду пыты, щоб выпыты все море; пыв-пыв, поты пыв, покы аж не луснув»*. Они делаются людьми и снова еще принимают образ птиц. Сказка «Про персыцького царевича» представляет вариант предыдущей. Здесь царевич спасается от чародея, у которого похищает себе в жены его младшую дочь при помощи таких же сложных образов. Они делаются голубем и голубкою, *каплыцею и дидом*, стадом овец и пастухом, она стала морем, а он рыбкой. Чародей распалился и разгневался до того, что захотел море выпить; он пил до тех пор, пока не сгинул; а они снова сделались голубем и голубкой и улетели.

Превращения приписываются некоторым из мифических существ низшего разряда, которые в представлении народа сохранились до настоящего времени, каковы: *вовкулак, упырь, мавки;* а также народная фантазия большею способностью превращений наделила *черта*, который, по-видимому, совпал с личностью *дьявола*, заимствованного из христианского вероучения, сохраняя, впрочем, в себе довольно ясные атрибуты низших языческих божеств, как-то: Пана, Сильвана, сатира.

Вовкулаком называется человек, который наделен способностью превращаться в волка; такая способность дается за грехи тех родителей, которые пред праздниками или постами имели плотские сношения или же работали в праздники. В вовкулака обращаются только на время, но никто из волка не может сделаться человеком, потому что это дается в наказание от Бога. О превращении вовкулака народ говорит: *«Вовкулак ходыть у лис до настоящих вовкив и там воны бигають, щоб поймать що-небудь и зъисты. Свитом вовкулак иде додому и перед селом знов перекидается в чоловика, а жинка ёго вже знае, ничого вже ёму й не каже»*. Вовкулак

представляется человеком понурым, и если он делается волком, то только давит, но не ест овец. В некоторых местностях (Киевская губерния) вовкулак и *упырь* в представлении народа отождествляются, и им приписываются те же самые злобные свойства.

Мавки, или *лоскотницы*,— это превращенные черти. Они принимают вид молодых красивых девушек, завлекают встречных и щекочут их до смерти. По другому воззрению, мавки — это украденные дьяволом дети. Почти везде в Малороссии мавки отождествляются с *русалками*, в которых превращаются девушки-утопленницы и утонувшие дети.

Морськи люды — это те воины фараона, которых потопило море; с тех пор они и превратились в морских людей, приняв форму в нижней части тела рыбью, а верхняя осталась человеческою. «Морськи люды» сочиняют песни и перекладывают их на ноты. Интересен рассказ о *морских женщинах*. Они отличаются необыкновенною красотою и увлекательным голосом. Им-то и приписывают произведение всех известных в народе песен и сказок. Верят, что женщины эти подплывают к кораблям и начинают петь, и если по неопытности плывущих на корабле их не отгонят пушечными выстрелами, то они до того успевают увлечь слух, что все на корабле засыпают, и тогда «морськи люды» опрокидывают корабль. Очевидно, мы здесь имеем дело с заимствованием греческого предания о сладкогласном пении сирен.

Черт способен принимать самые разнообразные виды: то он является в виде пана, одетого по-немецки, во фраке, то в виде черного человека с когтями, хвостом и рогами, в виде козленка, кота, собаки и др. Видевший чертей замечает у них рога на голове, тщательно закрываемые круглою шляпой с широкими полями, собачью морду, хвост крючком, когти на руках и ногах. Одежда их: коротенькая курточка, узкие панталоны. Черт любит иногда принимать на себя вид заблудившегося козленка; он является проезжему и так жалобно блеет, что путник берет его к себе в повозку и, лаская, говорит: *«Козочка, козочка»*, а он повторяет: *«Козочка, козочка»*. Путник в испуге бросает его на землю, после чего мнимый козленок исчезает. Черт не всегда приносит людям несчастье; он часто дает им деньги, а следовательно и благосостояние. Черт является человеку в виде козленка, который рассыпается деньгами. После того как бедный человек закопал *злыдни*, он вдруг слышит, что-то кричит *на горищи: «Изсады, изсады!»* Человек взял бичовку, полез — видит *козиня з рижкамы (а то був чортяка, не при хати згадуючи)*. Только что хотел он *изсадыть, а гроши так и посыпались у сини*. Черт является в виде *хорта* (борзой собаки). Полевой сторож увидел белого хорта, дал ему хлеба; потом этот *полёвый* послан был с письмом; возвращаясь, он зашел на хутор, где его хозяин принял гостеприимно, а потом спросил: помнишь ли ты меня, как ты меня накормил хлебом? Тут только полевый догадался,

что это был черт. Черт является в виде кота подле креста, на границе, где хоронят тех, которые вешаются. Когда хотели ударить кота, то он сделался, как верста. Черт является в виде клубка, который ночью катится пред человеком, и когда тот решился ударить его, то «не знать, где девалось».

Любимым местопребыванием черта считается мост, который часто вода вырывает; народ говорит, что его рвет *нечыста сыла*. Под мостом черт часто принимает образ дитяти. Одно такое дитя человек взял из-под моста; кони его рвутся; он смотрит: *а то уже не дитя — чоловик;* он ударил его *на вийя*, и только ветер сорвался... *«и каже: ну догадався, що зробыты зо мною!»* Черти в виде детей бегают перед лошадьми; эти дети тут же превращаются в белых хортов. Когда человек выстрелил в них из ружья, то они только засмеялись и спрятались под мост. В сказке «Про бидного чоловика и чорта» передается, что человек может обратиться в *чорта*. Один бедняк, который имел много детей, а не имел на что соли купить, чтоб посолить борщ, пообещал черту дитя, если тот даст ему денег. Черт, услышав это, *«прыносыть ему казанок, три-чотыри гарци грошей»* и говорит, что дитяти ему не надо, а необходимо только выполнить следующее условие: один раз в месяц, *що новои субботы*, приносить *несолоный корж ярои пшеныци и чорного пивня* (нечто вроде жертвы), деньги же можно отдать после с процентом. Когда через пять-шесть лет вздумал этот человек отдать деньги, то оказалось, что доброго черта убил бичом *фурман*, а явился другой черт, его товарищ, который сказал ему следующее: *«Спасыби тоби, що таки справни. За коржы и пивни спасыби; а гроши беры соби — воны твои. Якбы той був живый, то вин бы также не отбирав бы, и через то не одбирав бы, то був твий брат ридный. Бо твоя мама стеряла дытыну, и от з той дытыны вырис той. Вин бачыв, що ты такый бидный шов через лис и плакав. От вин и пожалував тебе и дав тоби грошей. Иды ими хозяюй»*. Черт превращается в черного петуха. Крестьянин с женой, возвращаясь с ярмарки, нашел черного петуха, привез его домой и посадил на печь, но не слыша пения, посмотрел туда и увидел пред петухом кучи золота и серебра. Крестьянин догадался, какой это был петух, и бросил его с моста в воду. Мгновенно взбушевала река и поднялся сильный ветер. На печи же вместо денег оказалась смола. Черт является в виде *паныча*, в виде *пана*. В одном народном предании говорится, что на том месте, где было *стерво* (падаль), выходил черт, *по-паньски вбраный*, ходил взад и вперед, курил *люльку, и ногы були з ратыцямы*. В этом последнем случае образ черта своим даже внешним видом напоминает классического пана. Черти, по народному поверью, принимают образ тех предметов, о которых мечтают люди. Молодым распутным людям являются в образе красивых молодых женщин; сребролюбцам — в образе богача-человека, раздающего свои сокровища всем

желающим. О многообразных видах, какие принимает *Ох, або чорт*, было уже сказано.

Доселе мы рассматривали превращения человека или человекообразного мифического существа в животное или неодушевленный предмет; теперь мы перейдем к особого рода превращениям, таким, где волос, палочка, напр., превращаются в коня, кости быка — в собак, в яблоню, щетка, гребенка — в лес, горы. Во всех этих превращениях мы видим, что названные предметы достаются от необыкновенных существ, от чародеев или, наконец, от чудесных животных, так что все эти превращения, очевидно, производятся силою существ мифических.

О превращении волос в коней сказка передает таким образом. Отец, умирая, завещал трем сынам своим приходить ночевать на могилу. На первую ночь старший, разумный сын не пошел, а пошел самый младший — дурень,— отец привязал ему волосинку за левое ухо; на вторую и третью ночь повторилась та же история, и дурень услышал о том, что их царевна объявила, что выйдет за того замуж, кто достанет ее на стеклянной горе. Дурень *присмалил* волосинку, и явился конь, на котором он, впрочем, не доскакал; тогда присмалил волосинку — и явился второй конь, с которым повторилась та же неудача, и только на третьем коне достал он царевну. При помощи этого чудесного коня он повоевал врагов царя и исполнил несколько чудесных задач: добыл семь кабанов морских, семь коров морских и семь кобыл морских.

В другой сказке сам конь дает Ивану три волосинки с наказом присмалить их, тогда он явится. Появление коня здесь, очевидно, основывается на необыкновенном чутье, которое, по народному представлению, сохраняется между предметом и частью, отделенною от этого предмета. Яснее указывает на превращение палочки в коня сказка «Про дурня Терешка». Старый дед завещал, чтобы три сына его ходили каждую ночь на его могилу и *чыталы молытвы по кныжци*. Старшие два сына исполнили эту обязанность очень небрежно, и только третий — дурень — исполнил как следует. В награду дает им отец три палочки, которые обращаются в коней; палочки старших братьев были худшие кони, а с помощью своего коня дурень добывает себе *панночку*. Ведьма на Лысой горе дает своему мужу коня, который оказался потом *дручком;* муж вышвырнул его, но дручок снова превратился в коня. Отголосок этого поверья можно отчасти видеть в детских играх, когда мальчики ездят на палочках, воображая их конями.

Существует отдел превращений, где брошенная щетка, гребенка, *рушнык* превращаются в лес, горы, реку. По большей части эти предметы получаются от волшебницы или от чудесных животных, и потому превращение их совершается высшею силою. Вот как в сказке «Про стрильця» говорится о подобных превращениях. Сын стрельца спасается от змеи при помощи младшей дочери змея,

которая его полюбила; он садится на нее, как на коня; *«вона крыла роспьяла и летыть»*. Вот змей нагоняет их, она велит бросить щетку, и стала пуща такая, что змей еле мог пробиться; во второй раз, когда змей настиг, дочь велит бросить гребенку, и стали горы; снова змей приблизился, тогда бросают иголку и шпильку — и образуются леса, горы, скалы. В других сказках с подобными превращениями такие вещи, как гребенку, хустку, дает чудесный вол, бычок. В сказке про царевича Ивана и царивну Марусю говорится, что царские дети спасались от змеи при помощи вола. Когда змей настиг их, вол и говорит: *«Е, Иван Иванович, руський царевич, вже мени трохы прыпика: заглянь мени у праве вухо та выйми гребиночку маеву та махны навхрест, то так терен и зробытся»*. Этим они задержали змея, а когда добежали до моря, то вол и говорит: *«Заглянь мени у праве вухо та выймы хустку; махны навхрест через море, то мы по води перейдем»*. В варианте этой сказки мы видим характерное видоизменение. Царевича и царевну спасает *«бычок поганый да кошлатый, що гидко на его й глянуть»*. Это сказочный прием, который такому незамечательному существу и приписывает именно чудесные свойства. И действительно, бычок *«понис их, да так скоро, так скоро, що й витер не дожене,— так скоро»*. Проснулся змей, пустился в погоню и стал бросать за ними огнем,— бычок и спрашивает: *«А що, диткы, чы пече?» «Пече,— кажуть,— та ще й дуже». «Влизь,— каже бычок,— в ливе ухо, а в праве вылизь, выймы збрую на себе й на мене»*. Он так и сделал, но и через сбрую стало печь; тогда бычок велел царевичу влезть в левое ухо и вылезть в правое и вынуть оттуда гребенку. Царевич *«махнув тым гребенцем назад, и став лис такый густый та здоровый, що не проихать его, ни пишки пройты: так дерево коло дерева й поросло, да все таке ж то претовсте, що й учотырьох не обыймеш. Летыть той змий; долетив до лису — палыть, ломыть, трощыть,— таке лихо пиднялось в тым лиси, що аж земля реве»*. Когда змей опять стал жечь огнем, царевич вынул из уха *«биленькый платочок, махнув назад — и стало море таке велыке, таке велыке, що й коньця ниде не выдно; да такыи хвыли пиднялысь на тому мори престрашенны, да так лютують да бьють об берег, що страшно на их и глянуть»*. Быку здесь приписывается перенесение на себе и спасение детей от змея; может быть, здесь отразилось то значение, какое приписывается быку в арийской, а особенно в ассирийской и египетской (Апис) мифологии. Эта же сказка содержит в себе еще одно оригинальное мифическое представление, по которому как бы из головы быка вынимаются задуманные и осуществленные чудесные вещи.

Кости, голова, рога, сердце чудесного быка, коровы превращаются в собак, в яблоню, в явор. В упомянутой уже сказке: «Иван Иванович, руськый царевич, его сестра и змий» бычок после спасения от змия царевича и царевны говорит им: *«Ну, дитки, чы вас до батька одвезты, чы, може, вы тут останетесь?» «Да мы вже,— ка-*

жуть,— останемся там, де вы будете; уже будем разом з вамы жыть до коньця вику». «Я вже,— каже бычок,— не хочу жыть на свити; зарижте мене, мьясо поижте, а косткы в стриху заткнить, то выросте из моих косток чуйко и буйко. Воны вам станут в велыкый пригоди». «Як же мы вас зарижемо? Вы нас од смерты обороныли, а мы от-це вас будем ризать?!» (Замечательна здесь та форма вежливости, в которой даже царские дети обращаются к бычку.) Бычка зарезали, и из костей его действительно выросли две большие и сильные собаки — *чуйко и буйко,* которые исполняли большую и трудную службу для Ивана-царевича. В варианте этой сказки вол, спасший царских детей, велит им себя зарезать, рога свои положить под стреху, тогда *«вашои хатки,—* говорит он,— *ни вогонь не спале, ни грим, и буде з мене два собаки: чуйко и бачко — побаче».* Эти собаки точно так же оказались чудесными.

В других аналогичных сказках голова коровы или быка превращается в чудесную яблоню. Дочь деда, преследуемая мачехой, спасается тем, что влезает корове в правое ухо и вылезает в левое и вынимает оттуда требуемое полотно. Наконец, корову подстерегли и зарезали. По совету коровы дедова дочь попросила себе голову коровы и закопала ее в воротах. *«Прыйшла, гляне — аж там росте яблунька, та ще ж яка! Золотый на ний лысточок, а лысточок срибный. Вона любуеться на ту яблуньку, а пташкы спивають: соловьи, зозули, райськи птыци — та так и вкрылы яблуньку».* Яблоки на ней выросли — одно золотое, а другое серебряное. Ехал мимо пан, увидел чудесную яблоню и хотел сорвать яблок, но никто не мог сорвать их, только дедова дочь. Пан сделал ей предложение, *«узяв ии за руку и посадыв биля себе в карети. Воны поихали, и яблунька пишла за ными».* В сходной сказке вол, во всем помогавший дедовой дочке, перед своей смертью советует ей найти в его кишках камешек и посадить его подле ворот. Из этого камешка выросла чудесная яблонька с золотыми и серебряными яблоками. По другому варианту, дедова дочь должна найти в кишках два зерна — одно золотое, а другое серебряное, или два камешка — один золотой, а другой серебряный, из которых вырастают две яблони. Интересен в этом роде следующий ряд превращений. Козак, получив способность превращений, делается белым жеребцом, поступает на службу к чернокнижнику, чтобы отомстить последнему. Жена чародея узнала коня и заставила убить его; но конь попросил дивчину, чтобы она один его волос воткнула среди двора, и вырос из него явор. Но и явор узнали и велели срубить и сжечь. Дивчина об этом сказала явору. *«Явор одказуе ий: не журысь, дивчынко, я не пропаду, тилько выломы из мене гиллячку и пусты на воду, то я все-таки жив буду!»* Из ветки потом сделался *качур,* который и убил чародея. Эта сказка делает для нас вполне ясным происхождение олицетворений: конь, явор обладают способностью говорить, потому что это превращенный человек.

Сказки знакомят нас еще с превращениями такого рода, когда человек, искупавшийся в кипящем молоке или кипящей воде, делается моложе, красивее. В сказке передается, что бедный парубок после ряда неудач женится на панне, которая оказалась сестрою Солнца. Пан, которому понравилась молодая жена, хочет согнать этого человека со свету и приказывает ему с этою целью исполнить трудные задачи, которые тот и исполняет при помощи своей жены и Солнца. Наконец, пан велел ему искупаться в кипятке. *«Нагрилы котел з водою, той ускочив и выскочив ще хорошчим. Пан з ёго дядьком и соби ускочылы та й зварылысь».* В другой сказке по приказу пана сирота добывает морскую девицу, которой любуется солнце. Она *«велила подоить коровы и молоко зварыла в таким велыким котли, що можно плавать чоловикови, та й каже Ивану: «Скупайся в цёму молоци, що кыпыть». Иван скочыв, унырнув тры разы и выскочив такый гарный, як квиточка. От вона до свого пана старого и каже: «Ты б, голубчику, покупався ще: дывысь, як Иван помолодшав, и ты будеш такый гарный». Пан як ускочив, так и кисткы его розсыпались; а Иван оженывся с тею панною, що з мора вин достав. Жывуть и хлиб жують».* Обычен также прием, когда морской конь, помогавший дураку во всем, советует ему не купаться до тех пор, пока он три раза не прыснет. Вот подходят к нагретому котлу, *«а тут уже кинь стоить. Прыхнув той кинь раз, прыхнув другый раз, як третий раз прыхнув, той скынув з себе сорочку и скочив в котел, покупавсь там и вылиз. Побачив пан, що той ще кращчий вылиз из молока, як був, да и каже: «Нагрийте,— каже,— молока; я ще покупаюсь».* Понятно, когда он вскочил, то только косточки *заторохкотилы.* Может быть, в основании этого воззрения лежит мифическо-юридический образ суда Божия или испытания посредством огня и воды, когда осужденный выскакивал из воды оправданным, обновленным.

На мифическом воззрении основаны также превращения старика-деда, козленка, горящих угольев в деньги, в кучу серебра, в червонцы. По народному преданию, *«лисовы люды»* — седые засморканные старики превращаются в кучу серебра. Одна девушка, вышедши осенью в лес, нашла под деревом лесного старика скорчившегося. Заметив, что он дрожит и крепко засмаркался, она из сострадания обтерла ему нос своим передником, и старик рассыпался перед нею кучей серебра. Золото в мифическую эпоху служило символом небесного огня, поэтому понятно превращение огня в золото. По народному поверью, золото горит огнем в день Пасхи. В сказке огонь, взятый в день Пасхи, превращается в золото. Не имея чем засветить в день Пасхи, бедняк увидел на пригорке огонь и пошел *позычать огня.* Пришел — видит деда (Бога) и просит у него огня. *«Държы, сыну, прыпил: я тоби насыплю жару»,— сказал дид. «Прогорыть пола, дидусю!» «Та ни, сыну, не прогорыть, държы прыпил: я тоби насыплю; да гляды несы да не заглядуй в прыпил,*

аж покы не прыйдеш до господы». От той чоловик загорнув той жар у полу и пойшов додому. Колы дывытця — в хати аж то не огонь, а червонци». Тот же самый смысл лежит и в превращении угольев в червонцы. Дед *(щастя)* посоветовал купеческому сыну жениться на жидовской наймычке, обещая, что она будет счастливая. Когда ей дали денег для закупки товару, то она купила *«хуру уголля; прывезла, а вин* (муж) *побачив та думае соби: «Дурне дурным! Брехав той дид, що вона щаслыва». Колы пиде на другый день брать на чай уголле — аж там сами червинци. Вин тоди думае соби: правда, що дид казав».* У чертей и в заколдованных местах червонцы всегда обращаются в уголья и наоборот; поэтому козак в каменном царстве не берет золота, а уголья, которые обращаются в *гроши*.

Животные, в особенности те, которые имеют некоторое соотношение с чертом, превращаются в гроши. Бедняк, который потерял последнее *борошно* по причине ветра, идет *позывать* (жаловаться) ветер. Встречает его дед (Бог), входит в его положение, дает ему козу и говорит: *«Як треба тоби буде грошей, то тилько скажы: «Коза-коза, розсыпся!» То з неи так гроши и посыплятця, да самисеньки чырвонци».* В другом варианте дид дает баранчика, который рассыпался золотом. О том, что черт, превратившийся в *козиня*, рассыпался грошами, было уже сказано. Превращение черта в гроши и особенно обладание последними есть излюбленный мотив народного представления. В одной сказке черт желает купить коня; ему сказали цену,— *«той выняв гроши из мишка, саме золото, й дае ёму и не счытае, бо звисно, у нечыстои сылы есть до биса грошей».* В том взгляде, что преимущественно дьявол обладает угольями, обращающимися в червонцы, которыми искушает бедного человека, сказалось несомненно влияние позднейшего христианского воззрения.

Следы превращений, хотя и менее ясные, можно видеть в олицетворениях, богатейшем отделе народной поэзии. Мы уже встречали такое явление, что *явор* говорит и представляется, как человек, потому что это действительно превращенный человек. Точно так же кукушка, голуби, медведь, жаба, черешня, яблоня говорят, потому что это превращенные люди или же из членов тела человеческого, как из семени, выросшие существа, которые сохраняют вместе с тем свойства человеческие. Такое свойство имеет черешня, выросшая на могиле убитого брата. Пан, который ехал мимо, сделал из черешины дудочку, *«иде соби и грае, а та дудочка говорыть:*

«Не грай, паноньку, не грай,
Мого серденька не торкай.
Мене браты забылы,
Ножа в серденько вбылы,
Черепочком очи накрылы,
Черешыну за крыжа уткнулы
И песочком засыпалы».

Отец, мать и братья играли, и дудочка им прямо указала виновников преступления. Свойством говорить обладает и яблоня, выросшая из отрубленного пальца сына; любуются этим деревом родители и удивляются: *«Хто б не вырвав яблучко — кров бижить з дерева та все щось прыспивуе: «Обмана, обмана, батеньку-змию!»* Брат, обращенный в баранчика, ходит на берег к сестре, обращенной в утку, и поет:

«Сестричко Оленко, приплынь, приплынь
До бережечка
Братик плаче, исты хоче».

О кукушке (превращенной женщине), которая пела над убитыми детьми песню, было уже сказано. Следующая песня, которую поют голуби, очень поэтично приноровлена к их воркованью. Голуби взяли Марусю, понесли ее через море, *«та ще несуть та и спивають:*

«Жыла-була в дида
Дочка Марусенька.
Бурку-ку!
Прилетило к ний
Два голубоньки.
Бурку-ку!
Взяли ии с кроватию —
Бурку-ку!
Несуть ии с кроватию —
Бурку-ку!»

В сказках весьма часто встречается, что не только животные, но и неодушевленные предметы говорят. В сказке «Довгомуд» мы наглядно видим, как эти предметы принимают человекообразные формы. У одного хозяина *довгомуд* выносил всю репу. (Интересно, как представляет себе народ это существо: *«Довгомуд — це колысь таки люде булы: чоловик не чоловик, вовк не вовк: рукы у него булы таки, як и в чоловика, а тило усе в волосси, а на голови шапка — хто ии зна, якои масты».)* Против этого довгомуда идет потерпевший человек. *«Иде, иде — лежыть на дорози довбня. «Здоров!»* — говорит довбня. *«Здоров». «Куды идеш?» «Довгомуда быты». «Визьмы й мене!» «Иды». И пишлы. Идуть-идуть — ведмидь зострився».* Медведь точно так же просится в товарищи, затем волк, потом *лычко здрыпане*, наконец, желудь попросился, и его приняли. Сказка в заключение о них говорит: *«Оце вже стало их шисть чоловика, и пришлы воны вси до довгомудовои хаты».* Интересен также разговор неодушевленных предметов, как-то: кочерги, *рогача*, топора и долота. Эти предметы как бы заставляет принять олицетворенную форму злой дух. Сказка, относящаяся сюда, передает, что царь, возвращаясь со смотра, почувствовал жажду и подошел к болоту напиться, где его и присосало. Он получил свободу только тогда, когда пообещал отдать черту то, чего дома он еще не знает. Оказалось, что в его отсутствие жена родила сына и дочь. Чтобы не отдавать детей, царь и царица решили спрятать их под полом. Через

год является *нечыста сыла* и требует обещанного; ему объявляют, что он получит тогда, когда сам найдет. *«От злый пойшов до кочерги и пытае: «Кочерга, кочерга, скажы, де мий подарунок дився?»* Кочерга отвечает: *«Не знаю я. Я тилько знаю, як из печы выгребты попел, чы там огонь, да як добра кухарка, то на нич мене пид пич положыть, а як ни, то я от так, як бачыш, стою у кочергах по цилых сутках».* С подобным вопросом обращается змей к *рогачу* и *сокире*, но те отказались указать место сохранения царских детей. Тогда змей с необыкновенной лаской обращается к долоту: *«Долото, долото, скажи мини, де мий подарунок. Я тебе буду в повази держать, озолочу твою голову, николы й обух не доторкнеться до твоеи головы; а як не скажеш, то день и нич будуть тебе по голови быть обухом». «Добре,— каже долото,— скажу тоби, де ты можеш найты свий подарунок; возьмы мене, понесы в комнаты и кыдай в кожный хати: де застромлюсь у помист, то в тией и шукай под помостом».* Долото этим способом вызвалось сослужить службу змею.

В такой первобытной свежести существует масса олицетворений в народной поэзии, но они, сравнительно с превращениями, должны быть отнесены к другой, более поздней эпохе народного мировоззрения.

Друкується за: Киев. Старина. 1891. № 3, 4.

ДОДАТКИ

ПРИМІТКИ

Т. Р. Рыльский

К изучению украинского народного мировоззрения

[1] Йдеться про завиваний, закручений, сплутаний чи зв'язаний вузлом жмуток стеблин незжатого хліба. Наявність на незжатому полі «закрутки» («закрутня»), за народними уявленнями, розцінювалось як поганий знак, як присутність і дія «нечистої сили». І навпаки, після того, як поле було зжате, на межі лишали «закрутку» для зібрання в ній «нечистої сили», щоб ця сила жила там і не шкодила людям.

[2] Господарське приміщення або окрема споруда для утримання свійських тварин. В повітці також зберігалися сільськогосподарський реманент та різне майно.

[3] Астролог — той, хто, за народними уявленнями, знає минуле, пояснює сучасне та пророкує майбутнє на підставі розташування й руху зірок на небі, може визначати термін дії людських недугів та ін.

[4] Обмолочені, зв'язані та обтрушені від уламків снопи жита або пшениці, що використовувались для покриття солом'яного даху.

[5] Уподоблення будь-чого до людини або перенесення властивих людині фізичних і психічних ознак на тварин, явища природи, предмети, а також уособлення Бога в образі людини.

[6] Йдеться про заборону заміжній жінці ходити з відкритим волоссям, з не покритою (очіпком, хусткою, наміткою чи іншим головним убором) головою. Очіпок — стародавнє головне вбрання заміжньої жінки у формі зшитої з матерії (льону, полотна, ситцю, парчі, оксамиту) невеликої шапочки, під яку ховалось заплетене в коси або скручене у вузол волосся і яка щільно облягала голову. Очіпок кроївся переважно з одного полотнища матерії, часто з поздовжнім розрізом ззаду, який зав'язували бантом чи зашнуровували стрічкою. «Розчіпчити» — зняти з жінки очіпок.

[7] На Київщині, Поділлі та на Лівобережній Україні Чистий

четвер звався ще Навським великоднем. За народними віруваннями, Бог тричі на рік відпускає мерців з «того світу»: перший раз — у Чистий четвер, другий — коли квітнуть жита, і третій раз — на Спаса. На Навський великдень мерці відправляють своє богослужіння і каються у гріхах. У цей день вони агресивні: як побачать чоловіка, то душать до смерті. Щоб запобігти цьому, треба обмиватися водою, бо «мерці мокрого бояться».

8 Православне весняне свято, що припадає на середину між Паскою і Трійцею. В цей день перепливали річку, щоб судорога не зводила ноги.

9 Свята, що тривали протягом тижня після Великодня. Великдень — християнське весняне свято присвячене воскресінню Христа.

10 Підвій — за народними уявленнями хвороба від вітру, коли «підвіяв вітер». Пристріт — хвороба, викликана чиїмсь злим поглядом; її лікують замовлянням або нашіптуванням.

11 Боковий або верхній брус рами дверей.

12 Святий Дух — за християнським ученням третя іпостась божественної Трійці, що дорівнюється і Богу-Отцю, і Богу-Сину. Втілення Христа від Пресвятої Богородиці відбулося силою та діянням Святого Духа, завдяки йому відбулось і освячення Церкви як містичного «христового тіла». Святий Дух перебуває скрізь, пронизує все буття і знаходиться в Христовій церкві до кінця світу. Відтворюють його у вигляді птаха, найчастіше голуба.

Бог-Отець — одна з трьох іпостасей божественної Трійці. Він предвічно породив Сина і предвічно же сотворив із себе Духа Святого: «і сії три суть єдино». Він є першим символом віри: «Вірую в єдиного Бога-Отця, Вседержителя, творця неба і землі і всього видимого і невидимого». Побачити Бога неможливо, оскільки він є найчистішим духом, але він може з'являтися перед людиною у символічній, образній формі.

Бог-Син (Ісус Христос) — друга іпостась Трійці. Предвічно Христос народжений батьком, у часі — земною жінкою — Пресвятою Дівою Марією. За Євангелієм, прийняв хрещення у водах Іордану від Іоанна Хрестителя (Предтечі). Мандруючи з учнями, творив чудеса в ім'я нової віри, проповідував любов до ближнього як найвищу заповідь, основу християнської етики. Помер мученицькою смертю на хресті, спокутуючи гріхи, які сотворило людство починаючи з перволюдини Адама. На третій день після смерті воскрес і після 40 днів земного життя вознісся на небеса і возз'єднався з двома іншими іпостасями — Святим Духом і Богом-Отцем.

13 Ангели — у біблійній символіці надприродні істоти, посланці, вісники Бога; зображуються звичайно у вигляді юнаків з крилами. Архангел — один із чинів ангельської ієрархії, яка була розроблена візантійським теологом Діонісієм Ареопагітом. Давні легенди говорять про сімох архангелів, з яких найбільш знаними є Михаїл (Архістратиг), Гавриїл (приніс Марії благовість про народження

Христа) і Рафаїл (цілитель). Зустрічаються також інші імена — Уриїл, Селафіїл, Ієгудіїл, Варахіїл, Ієреміїл. Херувим — надприродна шестикрила істота з очима по всьому тілі, один з найвищих чинів у ангельській ієрархії. Зустрічається в образі вродливого юнака, дитини або дитячої голівки з крилами.

14 Послідовники штундизму — вчення релігійної секти, що виникла в Росії в середині XIX ст.

15 Йдеться про те, що народ хотів би бачити Матір Божу одягненою в селянське, а не в панське вбрання. Свита — старовинний довгополий верхній одяг, пошитий з грубого домотканого сірого сукна. На початку XX ст. свита була ознакою бідності. Жупан — старовинний верхній чоловічий і жіночий одяг, переважно синього кольору, з дорогих привозних тканин, оздоблений хутром та позументом. Був поширений серед заможного козацтва та польської шляхти, а на початку XX ст.— серед українських міщан.

16 Трансформовані народом назви цих канонізованих церковних обрядів та порядку їх виконання вказують на деяку їхню трансформацію в свідомості простих людей. Православна церква взяла на себе освячення всіх найважливіших подій в житті людини, починаючи від народження і кінчаючи смертю, особливими ритуальними діями, щоб християни через них одержували благодаті Божі, повчалися, вдосконалювалися. За церковним каноном їх назви та порядок такі: хрещення, миропомазання, причащання, покаяння, шлюб, єлеосвячення, священство.

17 Християнське свято народження Христа, що відзначається православною церквою 25 грудня за ст. ст.

18 Обрядова їжа у вигляді каші з ячмінних або пшеничних зерен, уживана з солодкою підливою напередодні Різдва («багата кутя») чи Водохреці («голодна кутя»).

19 Мається на увазі обжинковий сніп жита або пшениці, що восени ставився під образи в хаті на знак побажань сімейного добробуту, багатства, врожаю на майбутній рік.

20 Старовинні обрядові пісні во славу Різдвяного свята.

21 Старовинні українські обрядові новорічні пісні, що виконуються 31 грудня та 1 січня на Щедрий вечір.

22 Будівля для зберігання снопів, сіна, полови, а також для молотьби, віяння тощо.

23 «Четьї-Мінеї» — збірник житій святих.

24 Чиншовик — особисто вільний безземельний селянин-орендар, який платив так званий чинш за користування державними або поміщицькими землями у вигляді натурального або грошового податку.

25 Жінка польського походження і переважно католицького віросповідання.

Т. В. Космина,
кандидат історичних наук

19 1 1657

Н. А. Маркевич

Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян

[1] В основі календарної обрядовості лежить народний календар — своєрідний орієнтир ритуальної поведінки людей у межах річного, сезонного, тижневого та добового циклів життя. Він пристосований насамперед до ритму сільськогосподарських робіт, проте не обмежується цим, а відтворює погляди людей на навколишній світ, грунтуючись, зокрема, на їхніх астрономічних знаннях: черговості фаз Місяця, положення Сонця тощо.

У народі при визначенні певних сільськогосподарських робіт завжди орієнтувалися (та й тепер нерідко орієнтуються) на день весняного рівнодення як на початок року, хоча офіційно дата Нового року на протязі століть кілька разів змінювалася. Не дивлячись, однак, на певну уніфікацію систем літочислення, повного їх узгодження досягти не вдалося. Окремі розбіжності залишалися як між офіційними системами, так і між державним та народним календарем. Останній залишався відносно незалежним від офіційного та релігійного календаря, оскільки базувався на зовсім іншій основі. Дохристиянськими, аграрно-виробничими за своїм змістом залишаються назви місяців народного календаря українців: березень — час підготовки майбутньої ниви, квітень — пора цвітіння фруктових дерев, травень — час вільного випасу худоби, червень — пора бджільництва тощо.

В основі і структурі народного календаря лежали практичність і специфіка сільськогосподарського виробництва. Весь рік залежно від характеру виробництва поділявся на дві частини: зимову (її початок припадав на день зимового сонцестояння — коляду) і літню (день літнього сонцестояння — Купалу); дні поділялися на буденні і святкові. Розрізняли ще великі свята (на них не можна було нічого робити) та малі (можна було поратися лише біля хати). Існували й інші системи поділу днів: чоловічі — жіночі, пісні — скоромні, перші — останні. Кожному дню, тижню і місяцю відповідали певні прикмети, застереження та забобони. Понеділок, наприклад, вважався тяжким днем, тому не рекомендувалося починати великі справи; чоловікам краще братися за «чоловічу» роботу у вівторок, жінкам — за «жіночу» у середу тощо. Не можна було працювати і у перший післясвятковий день. Взагалі ж святковий день починався напередодні з моменту заходу сонця.

[2] Колядування — одна з головних частин календарної обрядовості зимового циклу. Колись виконувалося протягом Святок, а починаючи з кінця XIX ст.— на Різдво та Новий рік. У різних районах України колядувати починали в різні дні: на більшості території — в перші дні Різдва (26, 27 грудня), на Поліссі та у Карпатах — на Святий вечір (24 грудня). Закінчувалося колядування скрізь по Україні напередодні Нового року щедруванням, а іноді й посіванням у післяноворічні дні. Смисл колядувань полягав у тому, щоб поздоровити напередодні Нового року всіх знайомих, побажати їм здоров'я, щастя та великого врожаю.

Колись величально-поздоровчим словам надавалося магічне значення: люди вірили в те, що усе сказане збудеться. Тому колядники, поздоровляючи людей, ідеалізували їх самих та їхнє майбутнє життя: описувався повний дім та багатий двір, у дворі безліч худоби, господарі у шовковому вбранні, сам господар — Місяць, господиня — Сонце, діти — зірочки. Закінчувалися колядки закляттям на урожай: «Сійся, родися, жито, пшениця, жито, пшениця, всяка пашниця...»

Обряд колядування має загальнослов'янське поширення, але він побутує також і серед молдаван, румунів та інших народів. Проте чи не найбільшого розвитку він набув на Україні. Українські колядки відрізняються і за формою, і за організацією, і за змістом та тривалістю. Спеціальна підготовка до колядування — це основне, що відрізняло його від російських колядок («виноградья»), білоруських («колед») та колядок інших народів.

Власне, колядки на Україні були однією з форм громадської організації молоді, яка мала чітку структуру й функції. Серед цієї громади обирали «отамана», або «березу»,— людину з організаторськими здібностями. Він мав й певні атрибути влади: ритуальний посох або дзвінок. З парубків веселої вдачі обирали «міхоношу», котрий збирав у мішок усе, що давали колядникам. До складу громади входили також заспівувач, трембітар, скрипаль та кілька танцюристів. Колядники обов'язково розучували свої ролі, речитативні формули, пісні. Вони, як правило, ходили з різдвяною зіркою, з вертепом (див. далі). Обов'язково грали ритуальні сцени: «Коза», «Маланка», «Козак», «Лікар», «Циган» для кожної родини. Поздоровлення ж адресувалося не сім'ї в цілому, як це прийнято у росіян, а окремо господарю, господині, сину, дочці.

[3] Вертеп — один із видів фольклорного театру, що мав значне поширення серед багатьох народів. В українців він відомий під назвами вертеп, яселки, бетлегем (від Віфлеєма — місця народження Христа), райок; у росіян — петрушка; білорусів — батлейка, остлейка, яселка, вяртеп; поляків — шопка; чехів та словаків — бетлем.

Концепція західного походження українського вертепу, декларована М. Маркевичем, знайшла серйозне обгрунтування у працях І. Франка, котрий вважав, що вертеп виник з поєднання релігійної різдвяної драми і світської лялькової гри. А таке поєднання, на його думку, могло статися тільки на Заході, звідки вертеп перейшов до Польщі, у Південно-Західну Росію, а далі поширився по всій Росії. Подібну думку поділяли багато вчених. Сучасні ж дослідники, як правило, не підтримують цю концепцію, як, до речі, й інші її варіанти.

Про світське й оригінальне походження українського вертепу

свідчать, зокрема, його компоненти: одяг ляльок та самих колядників (він обов'язково був позначений національними рисами); музика (вона побудована виключно на народно-пісенному й танцювальному матеріалі); архітектура вертепу (традиційні будиночки, генетично близькі до східнослов'янських); персонажі ляльок (багато з них — Купало, Марена, Коляда, Русалка, Ярило, Кострубонько — відомі ще з дохристиянських часів).

Народний вертеп генетично пов'язаний з давніми традиціями мистецтва скоморохів та колядників, що були характерними для культури Київської Русі. Ці традиції були пізніше запозичені і шкільним театром, який виник наприкінці XVI — у першій половині XVII ст., і церковним вертепом, витоки якого сягають XVII — XVIII ст. Давньослов'янські джерела українського вертепу багато в чому прояснюють його етнічну специфіку — переважне побутування у вигляді колядок і рядження. Вони, як і колись, найчастіше виконувалися на новорічні свята, що мали аграрно-магічну спрямованість. В епоху Київської Русі персонажі аграрно-календарних ігрищ виконували передусім магічні дії — заклинання богів на багатий врожай. Тим-то і пояснюється маскування скоморохів (ряджених). Але пізніше, у XVIII — XIX ст., первісне обрядове значення маскування призабулося, рядження ж традиційно залишилося як певна розвага.

[4] Зустріч весни на Україні відзначалася особливим розмаїттям обрядів, основною складовою яких були весняні пісні: веснянки та гаївки (гаїлки, ягівки). У білорусів вони мали назву «гукання весни», що найбільш точно розкриває основне їх призначення — кликати весну, закликати «на жито, на плод, людям на здоров'є».

Тривалість цих обрядів в українців (також як і у білорусів та деякою мірою росіян) досить велика: в найдавніші часи вони починалися у відповідності із давньослов'янським календарем, 1 березня, пізніше, з утвердженням християнства, приурочувалися до дня св. Євдокії (Явдохи) або Благовіщення (25 березня за ст. ст.) і тривали до Зелених свят (Трійці) серед українців та до Петрівських заговін — у білорусів.

Починалися веснянки з виготовлення обрядового хліба («жайворонків»), з яким діти вдосвіта виходили кликати весну. Клечальна магія присутня і в інших обрядових діях: ушануванні берези, закопуванні у землю горщика з кашею, водінні хороводів («де хоровод ходить, там жито родить»). Найбільш повно вона розкривалася у веснянках, що їх співали дівчата.

Аграрно-магічна спрямованість веснянок та гаївок очевидна хоча б тому, що вони супроводжували всі основні фази підготовки врожаю. Тому вони включали цілу серію обрядів, що виконувалися через певні проміжки часу. В їх числі — качання на ниві, щоб швидше росли посіви; семик, коли дівчата йшли у діброву завивати березу та заплітати вінки; Зелені свята. Кульмінацією ставала

зустріч свята Івана Купала, яке, власне, вже відкривало цикл літніх аграрно-магічних свят.

Усі веснянкові свята та обряди були дівочими, принаймні хлопці могли брати в деяких з них участь лише на завершальній фазі. З послабленням магічних функцій обрядів порушувався й статевий принцип розподілу їх учасників; зустріч весни все більше перетворювалася на молодіжні забави та гуляння з піснями, іграми й танцями. Саме в такому вигляді вони починають нині відроджуватися на Україні.

[5] Поняття «парубок» для традиційного суспільства означало не просто певний віковий стан людини чоловічої статі: воно відображало її статус у складній соціально-демографічній ієрархії. На Україні майже до XX ст. існувала така соціально-вікова ієрархічна структура. Серед хлопців: до 10 років — «хлопець» (йому доручалося пасти гусей та телят); від 10 до 12 — «хлопчище» (він уже допомагає батькові); від 13 до 16 — «підпарубок» (працював нарівні з батьком); за 16 років — «парубок», або, за карпатською термінологією, «легінь» (міг працювати самостійно). Серед дівчат: до 10 років — «дівча»; від 10 до 13 — «дівчина»; від 13 до 16— «дівчище»; за 16 — «дівка».

Всі етапи соціалізації, які проходила молодь, становили своєрідну систему щаблів трудового виховання та оволодіння життєвим досвідом. Кожний наступний щабель розширював права дітей, і все ж лише останній був особливим, пов'язаним із вступом до молодіжної громади — парубоцької чи дівочої. З цього часу хлопець діставав право створювати сім'ю, займатися будь-якою роботою, вільно розпоряджатися заробленими грошима, брати участь у сімейних радах, а за певних умов — і в сільському сході.

На Україні існував усталений обряд посвячення молоді у зрілий стан. Один із важливих його моментів — пострижения чи заплетення волосся. Парубків особливим чином підстригали, випробували їхні трудові здібності та самостійність; дівкам заплітали коси. Отже, молодь набувала певних символічних відзнак і відповідного до себе ставлення з боку громади.

[6] Вечорниці — традиційна форма дошлюбного спілкування молоді на Україні. Аналогічні російським «посиделкам», білоруським «вечаринам», болгарським «седянкам», польським «поседам», чеським «прядкам», сербо-лужицьким «пшезам». Вони влаштовувалися у вільний від роботи час, як правило, взимку, коли завершені основні польові роботи (від М'ясоїда до Масляни).

На більшій частині України молодіжна громада збирала вечорниці як у святкові та недільні, так і в будні дні; в деяких західних районах, де сильні позиції мала церква, вечорниці влаштовували тільки в будні (адже у неділю молодь мала бути у церкві); серед старообрядців, навпаки, вечорниці проводили лише на свята та у неділю. Крім звичайних вечорниць, були поширені й такі, що

стосувались окремих свят: Пилипівців (на них вчили колядок), Посту (розучували релігійних віршів), Петрівців та Спасівки (вчили обрядових пісень). Поряд з ними побутувало велике розмаїття й інших форм молодіжного спілкування: досвітки, вулиці, забави, музики, ігрища, оденки тощо. Не всі вони призначалися тільки для розваг, оскільки інколи мали виробниче спрямування, але кожна з них включала й розважальні елементи.

[7] Цілющі властивості рослин, описані М. Маркевичем,— це лише одна з їхніх характеристик, так би мовити, утилітарного плану. В дійсності ж рослини для простого селянина становили значну сферу духовного життя, бо з ними були пов'язані світоглядні уявлення, повір'я та вірування, вони складали також невід'ємний компонент будь-якого обряду. Віра в їхню магічну силу надавала особливого сенсу селянському побуту, підсилюючи, до речі, цілющість самих лікарських рослин.

Витоки цієї віри сягають того періоду язичництва, коли існував культ рослин. Їхня охоронна спрямованість закріплювалася ритуалом освячення в церкві та обрядовими діями. Щоб забезпечити молодим щасливе подружнє життя, використовували барвінок, калину, колоски жита, волошки. Ними прикрашали весільне дерево — гільце, з барвінку плели вінки для молодої, а молодому робили букетик і прикріплювали до сорочки. Весільна обрядовість українців включала цілий цикл барвінкових обрядів: збирання, плетення вінків, уквітчання наречених.

Як обереговий засіб в народі використовували вербу, мак, осику, папороть, часник. Освячена на Вербну неділю верба, за народними уявленнями, мала захистити людей і тварин від хвороби. Тому її клали у воду в обряді першої купелі, нею виганяли на Юріїв день худобу на перше пасовисько, обкурювали хворих від лихоманки. Гілочка верби завжди була в селянській оселі, бо перепиняла дорогу «нечистій силі». Такі ж властивості мав і мак-«видюк». Зокрема, на Маковія (1 серпня за ст. ст.) ним обсипали корів, щоб не відібрало молоко. Від посягань відьом та упирів оберігала осика.

Але чи не найбільше повір'їв та легенд пов'язано з папороттю, яка нібито розквітає в ніч на Івана Купала. Той, хто зірве цю чарівну квітку, набуває неабиякої сили — вміння розуміти мову тварин та птахів, зцілювати хворих, угадувати долю людей, знаходити скарби. Але зілля папороті полюбляє і «нечиста сила», тому там, де росте папороть, водяться чорти та відьми. Щоб позбутися їх, треба знищити папороть. Побутував своєрідний звичай «бити папороть» — її били навхрест палицею, а потім це місце освячували.

Нарешті, рослини виконували й роль певних поетичних символів, котрими було просякнуте усе життя людини: гіркий полин символізував нещасливу долю, яра рута — дівування, кучерява м'ята — дівочу цноту, квітучий мак — красу («гарна дівка, як маківка»), зелений дуб — довголіття та міцність шлюбного союзу

(«дарую два дубочки, щоб жили в парі, як голубочки»), струнка тополя — кохання.

[8] Народна медицина грунтувалася, як відомо, на емпіричному досвіді людей, зокрема на спостереженні за життям рослин, що давало можливість визначати час їх збирання. Але оскільки емпірична практика все ж недосконала, вона доповнювалась повір'ями та легендами, набуваючи вигляду ритуального елемента в раціональних діях.

Збирачі лікувальних трав не приступали до діла, не виконавши «зільницького» обряду. Він відбувався напередодні «Зільника» — дня Симона Зілота (10 травня) в середовищі лише жінок. Перед тим як йти по траву, жінки колективно готували сніданок, який забирали з собою. Виходили до схід сонця, коли роса ще не впала, і обов'язково потай від чужого ока. Вірили, що лише за таких умов зібрані трави набудуть чарівної сили. Збираючи, промовляли магічні заклинання: «Зілот Симон оре, а Спаситель сіє, нехай приймається, а я зілля нарву, хай помагається».

По закінченні збирання обирали поміж себе удову, яку називали Симоном. Удома їй влаштовували купелю із зібраних трав, повторюючи цю процедуру для кожної з учасниць. Ця процедура супроводжувалася виконанням «зільницьких» пісень. Обряд завершувала колективна трапеза.

[9] Основним видом лікування простого люду у XIX ст. була народна медицина, коріння якої сягає сивої давнини. Ще за часів Київської Русі позитивний досвід з народної медицини фіксувався «травниками» — зводами описів різних трав та їхніх лікувальних властивостей. Одну з перших спроб узагальнити набутий народний досвід зробила Євпраксія — онука Володимира Мономаха — у своєму трактаті «Мазі».

Наскільки розвиненою була народна медицина на Україні, говорить той факт, що стародавній Київ вів інтенсивну торгівлю з хозарами ліками рослинного походження. Приблизно у той же час на київських базарах з'явилися «зільницькі» ряди. Щоб упорядкувати лікарсько-аптекарську справу, наприкінці XVI ст. був створений Аптекарський приказ, при якому запроваджувалась посада травника — фахівця з народної медицини, знавця лікувальних трав. Починаючи з XVII ст. створюються перші аптеки та аптекарські городи й сади. Перший на Україні такий сад був закладений у Києві наприкінці XVIII ст. на схилах Андріївської гори, перша ж аптека з'явилась на початку XVII ст.

Проте незважаючи на створення державної основи для розвитку лікарсько-аптекарської справи, основним її осередком залишалася народна медицина, яка в свою чергу досягла значного розвитку і виступала основою наукової медицини. Досить розвиненою була і система народного лікування, що включала кілька структур. Однією з них були масові народні знання. Більшість людей були обізнані

з основними лікарськими рослинами, майже кожна господиня висаджувала на своєму подвір'ї нагідки, руту, любисток, конвалії, лілеї, з яких робили відвари, настойки, мазі.

У кожному селі були люди, котрі спеціально займалися лікуванням. Існувало кілька категорій народних лікарів: баба-повитуха, костоправ, лікарка, знахарка, примівник, баїльник, котрі, як правило, спеціалізувалися на певній галузі лікування; хоча, скажімо, примівник та баїльник могли лікувати багато хвороб (переважно силою слова), а знахар узагалі мав «найуніверсальніші» знання.

Найкращі знахарі тримали у своїй «аптеці» понад 250 лікарських рослин: при захворюванні шлунково-кишкового тракту вживали полин, м'яту, лопух, золототисячник; нирок та сечового міхура — польовий хвощ, подорожник; при легеневих недугах — алтей, чебрець, дивину; як ранозагоюючі засоби вживали свіже листя деревію, спори плауна, спиртовий настій березових бруньок, при серцево-судинних захворюваннях — валеріану, конвалію, пустирник.

Застосування лікарських рослин, як правило, допомагало хворим людям; коли ж хвороби не піддавалися лікуванню, знахарі нерідко вдавались до магії, заклинань та заговорів.

10 Бабу, що приймала роди та хрестила дитину, в різних районах України називали по-різному. На Середній Наддніпрянщині — це переважно «породільна баба» та «баба-пупорізка»; на Сіверщині — «баба», «бабушка», «бабка»; на Слобідській Україні — «баба пупова», «баба, що пупи в'яже»; на Поділлі — «баба бранка», «бранна баба»; у Карпатах — «баба повитуха».

Повитуха користувалася загальною повагою односельців як людина, обізнана з народною медициною. До неї ставились і з певним містичним побоюванням, адже вона застосовувала і магічні прийоми. Люди вірили, що її дії не тільки здатні допомогти породіллі та дитині, а й можуть вплинути на їхню подальшу долю.

Приймання родів повитуха починала з того, що освячувала водою оселю, де знаходилася породілля, обкурювала її зіллям, одкривала всі замки, розв'язувала усі вузли та відчиняла двері, «щоб дитина легше йшла на світ». Коли роди були важкими, баба застосовувала масаж, робила породіллі фізичні вправи та давала деякі відвари. Прийнявши роди, вона здійснювала гігієнічну і водночас ритуальну дію — відсікала пуповину. Згідно з існуючим повір'ям, хлопчику відтинали пупа на сокирі («щоб господарем та майстром був»), дівчинці — на гребені («щоб доброю пряхою була»). Якщо породілля хотіла ще мати дітей, повитуха перев'язувала пуповину прядивом з конопель, коли одних лише хлопців — підкладала сокиру, коли дівчат — куделю.

Особливе значення після родів надавалося першій купелі, над якою чаклувала баба-повитуха. Готуючи купелю, вона додавала до неї «свяченого зілля»; у купелю дівчинки клала меду, квітів та трохи молока («щоб була гарною»), а у купелю хлопчика — корінь дев'ясила («щоб сильним був»). Кожен, хто приходив до хати під час цього ритуалу, мав кинути у купіль монету «на щастя».

Скупану дитину баба обсушувала біля палаючої печі, що символізувало прилучення новонародженого до домашнього вогнища та роду. Потім давала свячену воду матері, кропила хату, обкурювала себе, породіллю та дитину і вже після цього передавала дитину матері. Всі були впевнені, що тим самим повитуха захистила дитину від злих духів, і тому відчували себе зобов'язаними перед нею.

11 Українське весілля — своєрідне дійство, що супроводжувалося іграми, музикою, танцями, співами, набуваючи характеру народного свята.

Весільна обрядовість — це складне соціально-культурне явище, що включає і народну мораль, і звичаєве право, і етичні норми, і світоглядні уявлення, що формувалися протягом століть. Ці нашарування простежуються в різних компонентах весілля. Найдавніші з них — обряд «весільного походу» та «перейма» — свідчення архаїчних форм шлюбу умиканням (викраданням), характерним для доби Київської Русі; обряд шлюбного договору, «викуп коси» та штраф «за безчестя» — відгомін давнього звичаю укладати шлюб на основі купівлі-продажу.

З часів матріархату у весільній обрядовості збереглася провідна роль матері: в обрядах зустрічі та виряджання молодих, вбирання дочки-нареченої, посаду молодих, покриття молодої переміткою.

Традиційність весілля виявляється й у його структурі, яка з давніх-давен включає три основні цикли: передвесільний, власне весілля і післявесільний. Передвесільний — це сватання, умовини, оглядини, заручини; власне весілля — дівич-вечір, бгання короваю, запросини, посад молодих, дарування, розплітання коси та покривання, розподіл короваю, перевезення посагу, перезва; післявесільний — хлібини, свашини та гостини.

Весільна обрядовість на Україні досить розмаїта, хоча у своїй основі має загальнонаціональні риси. Найбільш характерні такі її варіанти: середньонаддніпрянський, поліський, карпатський, південноукраїнський. Основні міжваріантні відмінності виявляються як у структурі обрядів, так і в їх назвах. Наприклад, у центральних районах України домовляння про укладання шлюбу мало чотири етапи: допити, рушники, оглядини та заручини; на Поліссі їх уже три: сватання, переглядини й заручини; у Карпатах — лише старости і слово; в південних районах України домовляння взагалі обмежувалось переважно одним сватанням.

Регіональна своєрідність простежується і в характері проведення передвесільних, власне весільних та післявесільних обрядів.

Так, у центральних районах України надзвичайно розвиненими були коровайний обряд, уквітчання гільця, княжий стіл, що відбувався у молодого, покривання молодої, молотьба весільного снопа, биття каші, рядження; на Поліссі — «мале весілля», пироги, зави-

вання молодої, перезва; у Карпатах — синхронність проведення весілля в домі молодого і в домі молодої, проголошення «прощі» — колективне напучування молодих, дружківський танець, митвини — обрядове вмивання молодих; на Півдні України — роздільний посад молодих, скривання (пов'язування хусткою) молодої тощо.

Відмінності у весільній обрядовості викликані своєрідністю соціально-економічних умов, специфікою конфесійної та етнічної ситуації окремих земель України, що свого часу входили до складу різних держав. Внаслідок на Середній Наддніпрянщині зберігся класичний для України весільний обряд, хоча і з певним російським компонентом; на Поліссі він позначений деякою архаїчністю з домішками білоруських рис; в Карпатах у суто українську основу вкраплені польські та угорські елементи, на Наддністрянщині — романські та тюркські; на Півдні України в умовах національної строкатості населення та порівняно раннього розвитку капіталістичних відносин традиційна українська весільна обрядовість спрощувалася за змістом і структурою.

[12] Сватання — перший і найважливіший елемент в структурі весільної обрядовості — більшістю дослідників, у тому числі й М. Маркевичем, описувалося в класичному варіанті — як сватання парубка до дівчини. Новітні ж наукові розвідки виявили і нетрадиційне сватання. Воно починалося незвично: «Прийміть мене, мамо, я ваша невістка». Так два століття тому згідно з існуючими звичаями дівчина могла сватати до хлопця.

Серед українців сватання дівчини до хлопця не суперечило традиційним шлюбним ритуалам, і в цьому вони становили певний виняток серед інших народів, котрі облишили цей звичай ще у пізньому середньовіччі. Цьому сприяли об'єктивні умови, зокрема тривала боротьба, яку український народ вів з численними поневолювачами. Чоловіки надовго йшли з рідної домівки, і сім'ю доводилося очолювати жінкам. З огляду на це зростали їхні права у родині, у тому числі пріоритет у сватанні. Не даремно значного поширення набув тоді вислів «взяти замуж» замість пізнішого «піти заміж». Дівчина могла пропонувати хлопцеві руку, обирати майбутнього чоловіка, навіть не заручаючись його згодою. Причому їй дуже рідко відмовляли, бо, згідно з усталеними поглядами, це могло накликати нещастя. Натомість нелюбому хлопцеві, котрий сватався, дівчина завжди могла «подарувати гарбуза».

Проте у міру того як зростала роль чоловіка у суспільній сфері, такі звичаї поступово забувалися. І вже в кінці XIX ст. ініціатива у сватанні цілком перейшла до парубків.

[13] Українське весілля починалося з приготування весільного хліба, насамперед короваю. Ця традиція сягає часів Київської Русі, коли жодна трапеза не обходилася без короваю та сиру. Термін «коровай» має великий ареал побутування, проте тільки на Україні

він означав певний тип весільного хліба, який символізував багатство, добробут та щастя молодої сім'ї.

У народі вважали, що кожна людина може мати коровай лише один раз за життя, тому, коли одружувалась удова, коровай не випікали. Весілля ж без короваю вважали вечіркою, а не весіллям,— воно мовби не мало юридичної сили. Правову чинність воно набувало саме через ритуалізацію короваю та іншого весільного хліба. Адже коровай виконував функцію матеріалізованого бога-предка. Через це в коровайних обрядах багато магічних дій, повір'їв і вірувань. Щоб наречені жили дружно, коровайниці бгали коровай гуртом; щоб молоді прожили увесь вік у парі, запрошували парне число коровайниць і лише тих, котрі щасливі у шлюбі. Спекти коровай потрібно було гарно: тріснутий означав розлучення, а скривлений — лиху вдачу. В найдавніші часи коровай випікали вдома у молодого представники обох родин, що символізувало їхнє поріднення. Свояцтво в давнину цінувалося не менше, ніж кровна спорідненість.

Коровай, безумовно, був вінцем усього весілля. Проте, крім короваю (на Прикарпатті він має назву «доля»), у весільній обрядовості помітне місце займали й інші види весільного хліба: хлібне гільце (теремок, дивень, дівування, ріжки), калач (лежень, покраса, пара, велика весільна шишка, полюбовник), хлібчина (шишка, калачик, борона, гуска, голубка, качка, верч). Кожен з них мав своє призначення: з хлібом ходили сватати, з печивом запрошували весільних гостей, хлібом-сіллю благословляли молодих, короваєм обдаровували весільних гостей, хлібом обмінювалися батьки наречених, коровайцем освячували ложе молодих.

[14] Гільце (вільце) в народній свідомості ототожнювалось з прощанням із дівоцтвом та парубоцтвом. Тому численні обряди, пов'язані з гільцем, включали обов'язковий збір молоді: на вінкоплетіння, дівич-вечір, на прощальний вечір. Гільце супроводжувало і всі весільні дійства, по закінченні ж весілля молода роздавала гілочки весільного деревця всім дівчатам, щоб виходили заміж. На Полтавщині було прийнято після весілля йти з гільцем на досвітки, що було демонстрацією цнотливості нареченої.

Матеріал для гільця залежав як від природних умов, так і регіональної звичаєвості. Найпоширеніші на Україні вишневі, ялинкові та соснові гільця. В гірських районах в основному побутувало смерекове гільце, у лісостеповій зоні — соснове та вишневе, в степовій гільце робили з тіста, прикрашаючи його м'ятою та ягодами калини.

Відповідно до матеріалу для гільця та обрядів, пов'язаних з його уквітчанням, існувала велика варіантність назв весільного деревця. В центральних районах України воно мало назву гільце (вільце): на Дніпропетровщині — дівування; на Волинському Поліссі — теренце,

йолка, шишка; на Західному Поділлі — різка, сосонка; на Прикарпатті — райське деревце або тривольцеве галуззя.

[15] Розплітання коси («завивання») та покривання голови молодої наміткою — найдраматичніший момент весілля, що символізував перехід нареченої у новий для неї стан жіноцтва та стверджував утворення сім'ї. Для традиційного українського весілля характерно було, коли розплітання коси та покривання голови молодої виконувала мати. У найдавніші ж часи цей обряд робив батько молодого або сам молодий. Це може свідчити, як зазначав відомий вчений М. Ковалевський, і про підлегле, залежне, навіть принизливе становище жінки в сім'ї.

Таке виконання обряду на Україні майже зникає на рубежі XVII — XVIII ст. у зв'язку із зростанням ролі жінки в родині та підвищенням її сімейного авторитету. Але як пережиток цей обряд ще на початку XX ст. зустрічався на Поділлі, Волині, у гірських районах Закарпаття.

[16] Комора — архаїчний обряд весільного циклу, що відтворював мораль чистоти міжстатевих взаємин. Ці взаємини просякали всю систему звичаєвості, включаючи знайомство молоді, залицяння, заручини і набираючи найбільш концентрованого вигляду в даному обряді.

Згідно із народною мораллю проводжання дівчини додому дозволялось лише тоді, коли парубок обирав її для шлюбу, тобто після освідчення в коханні. В разі її згоди він мусив питати дозволу в її батьків і тільки після цього одержував право проводжати дівчину.

Звичаєве право українців засуджувало свободу статевих взаємин. Недодержання певних норм зустрічало осуд з боку громади та родичів, який особливо суворо виявлявся при порушенні дівочої честі. Таких дівчат навіть били шнурами від дзвонів, намоченених перед тим в соляній ропі. В Українських Карпатах, наприклад, ще на початку XX ст. можна було спостерігати суворий звичай «на горло» — фізичної розправи за перелюбство дівчат та парубків.

Особливо ж негативно сприймалося народження позашлюбної дитини, оскільки неслава падала не лише на дівчину, її матір та родину, а й на усе село. Вважалось, що за цей гріх його мешканці будуть покарані неврожаєм або мором. Отже, село намагалось позбавитись дівчини та її дитини.

Такі норми моралі були досить поширеними на Україні до XVIII ст. Але згодом, як зазначав І. Франко, «погляди народу на вади дівочого серця стали більш прихильними». Справа в тому, що, як правило, спостерігався збіг любовних і шлюбних прагнень молоді: залицяння майже завжди було орієнтоване на укладання шлюбу. Відтак той, хто обрав собі суджену, сам мав оберігати її честь. За цим, до речі, й суворо слідкувала громада.

Ось така мораль і відбилася у весільному обряді комори. Оскільки ж її норми не скрізь по Україні були однаковими, різними

були й обрядові дійства. В центральних районах, наприклад, де егалітаризація (вирівнювання) шлюбно-сімейних взаємин була більш відчутною, демонстрація цнотливості нареченої мала скоріше символічний характер: молодій на знак її вірності чіпляли до головного убору червону квітку, весільним гостям подавали підфарбовану горілку.

Архаїчним довгий час залишався обряд комори на Поліссі, зокрема Волинському. Там випробування на цнотливість проходили обоє молодих. Після шлюбної ночі їх зустрічала мати, ставлячи перед ними діжу з хлібом. Якщо наречені вважали себе «чесними», вони мусили вклонитися діжі й доторкнутися до неї правою ногою. В разі «нечесності» когось з молодих влаштовували висміювання їхніх батьків: на них одягали солом'яні хомути, били посуд в їхньому домі, співали «сороміцьких» пісень. На Середній Наддніпрянщині в такому разі обходилися вивішуванням на комині спеціального знака.

Демонстрацією відповідної атрибутики обмежувалися і на Закарпатті. Але найчастіше там і цього не робили, підкреслюючи тим самим свободу поглядів на статеві взаємини молоді. Разом з тим саме в Карпатському регіоні майже до XX ст. зберігалися найдавніші східнослов'янські звичаї шлюбної ночі, зокрема такий, коли молодим стелили постіль у клуні на житніх необмолочених снопах, а в узголов'ї клали паристий короваєць. Взагалі за давньослов'янськими звичаями вважалося, що хліб освячує шлюбні узи. Тому молодим, що відправлялися до комори, обов'язково давали короваєць.

[17] У поданому нарисі про простонародну кухню М. Маркевич обмежується, власне, описом асортименту та деякої технології страв і напоїв українців, зовсім не торкаючись такого важливого аспекту, як їх органічне входження до обрядової системи. Адже важко назвати в українській кухні таку страву або напій, які не були б пов'язані з тим чи іншим обрядом чи ритуалом, певними обмеженнями й заборонами або які не стали б місцевим, етнічним чи національним символом.

Символізація кухні пояснюється передусім тим, що вона виражає певні моральні підвалини, а також певні переваги. Не випадково у трудящому середовищі найважливішим символом вважається хліб — вінець всієї праці. У цьому плані символіка хліба інтеретнічна, тобто прийнятна для всіх народів, зокрема землеробської культури. Але оскільки символіка базується на певних перевагах (а вони в різних групах населення, як і на різних етапах розвитку суспільства, неоднакові), то й символіка здатна набувати етнічного, конфесійного чи політичного забарвлення.

Хліб-сіль — загальнослов'янський символ гостинності, але він стає українським за відповідного оформлення: коли хліб подається на рушнику, коли він має вигляд короваю і коли його вручення

супроводжується українським «Ласкаво просимо». Якщо в цій схемі трансформується хоча б один ланцюжок, змінюється й тип символіки. Так, зміна форми хліба з короваю на калач означає, що йдеться про символіку не східних, а західних слов'ян; зміна технології виготовлення тіста з кислого на прісне — це ознака не православних, а католиків; зміна способу прикрашання хліба веде до зміни змісту обрядовості.

Ще більшого значення символічність страв набуває в обрядовій їжі: коровай та весільне печиво символізували щастя молодих та об'єднання родів, діжа з хлібом — прилучення до нового роду, «бабина каша» на родинах та коливо на похованні — об'єднання родичів. Багато традиційних страв були символами певних свят: кутя символізувала початок різдвяних свят, паска — Великодня, калита — св. Андрія.

Певну знаковість мала й повсякденна їжа. При цьому важливим було те, у якому порядку подавалися страви, у якому сполученні і коли саме. Скажімо, холодний борщ готували тільки у буденні дні, а червоний — як у буденні, так і недільні та святкові. Причому у святкові дні його варили на м'ясній основі, а у буденні засмажували салом. Обов'язковою стравою червоний борщ був під час Різдва, весілля, хрестин, поминок. На Поліссі й Волині борщем завершували обрядову трапезу. В інших регіонах України знаком завершення обіду була каша.

До речі, каша — одна з найуніверсальніших страв: вона вживалася і як повсякденна їжа, і як святкова, і як обрядова. Наприклад, на Середній Наддніпрянщині весілля закінчувалося «биттям каші»: горщик з кашею розбивали, пригощаючи нею всіх присутніх. Як символ щасливого одруження обряд з кашею побутував на молодіжних іграх, як символ плодючості — в родильних звичаях. Вживання каші було характерне і для обрядів календарного циклу, що пов'язане, за думкою О. Потебні, з вшануванням богині дощу, для якої, власне, і готувалася ця каша.

Окрасою недільного столу були переважно вареники, а на різних торжествах та церемоніях (весіллі, хрестинах, храмових святах) вони були обов'язковою стравою; їх готували також для толоки й обжинок. Вареники приносили на сніданок молодій на другий день весілля та на родини, коли провідували породіллю. Вважалося, що без вареників, як і без млинців та налисників, не могла обійтися Масляна.

Отже, страви української кухні не обмежувалися прагматичними функціями (хоча за своїми смаковими якостями вони досягали високих зразків), а становили суцільний ритуалізований шар народної культури, і нерідко були знаком етикету та норм моралі.

А. П. Пономарьов,
доктор історичних наук

В. П. Милорадович

Житье-бытье лубенского крестьянина

[1] У міфопоетичній традиції вікно виступає як нерегламентований вхід у внутрішній простір житла, зокрема для «нечистої сили». В даному випадку ми бачимо феномен «антиповедінки», який забезпечує оберегові властивості вікна.

[2] Заборона залишати у внутрішньому житловому просторі на Святки (від Різдва до другого Святого вечора) ткацьке приладдя, особливо гребінь, веретено, днище, прядку, була досить стійкою. Вважалось, що її додержання оберігає худобу від хвороб, людину — від гадюк («Як не бачитимеш веретена на Святках, то не бачитимеш гаду літом»).

[3] Різдвяний день — наступний за днем Іоанна Хрестителя (8 січня за ст. ст.). Вважався перехідним від свят до буднів. У цей день ще утримувались від виконання господарських робіт. Але хаті надавали буденного вигляду, доїдали святкові страви тощо.

[4] Шматок старої тканини для миття і чищення переважно посуду.

[5] Мається на увазі, очевидно, ковганка — дерев'яна ступка для товчення сала.

[6] Коржі робили тоді, коли до наступної випічки не вистачало хліба. Пісне пшеничне (рідше житнє) тісто замішували на сироватці, молоці або воді, тонко розкачували, кидали на сковороду і саджали у піч. Їли замість хліба, готували і як окрему страву: з ряжанкою, медом, маком або салом.

[7] Куліш — одна з найбільш розповсюджених українських страв. Змите пшоно або крупу (гречану, кукурудзяну) заливали водою, розварювали та затовкували чи засмажували салом з цибулею, в Піст — олією. Для смаку іноді додавали одну-дві картоплини, сушену тараню або шматок м'яса.

[8] Ячна кутя подавалась на «багатий» та «голодний» Свят-вечір, а також на Новий рік переважно на Лівобережній Україні; на Правобережній кутю робили тільки з пшениці. В Росії (Костромська губ.) ячну кутю готували на Івана Купала: дівчата збирались «товкти в ступі ячмінь», на другий день з нього варили кашу, яку називали кутею; їли ввечері із коров'ячим маслом.

[9] Тут: жаданим гостем (фр.).

[10] Йдеться про Григорія Федоровича Квітку-Основ'яненка (1778—1843) — видатного українського письменника і драматурга. Його твори можуть слугувати достовірним джерелом етнографічних сюжетів: утоплення відьом («Конотопська відьма»); сватання («Сватання на Гончарівці»); похорон незаміжньої дівчини («Маруся»); різдвяні повір'я, обряди, ігри («Панна Сотникова»); а також відомостей про народний одяг, чаклунство, клади, ігри, забави тощо.

[11] Коржі-жиляники готували в перший понеділок Великого посту. Їх замішували на воді, а пекли без олії, тому їх важко було жувати, звідки й назва — «жиляники», яка перейшла й на сам понеділок — «жиляний» або «жилавий». Їли коржі з редькою, хріном, примовляючи: «щоб жилавим бути».

[12] Старовинна форма спільної праці української сільської бідноти, за якою кілька дворів об'єднують робочу худобу й реманент для виконання сільськогосподарських робіт.

[13] Звичай кидати на воду залишки святкового великоднього обіду був повсюдно відомим на Україні. Існував також звичай пускати на воду першу шкаралупу свяченого яйця: «вона попливе до рахманів» — міфічних людей, які живуть далеко за морем та відправляють Паску в день Преполовення П'ятидесятниці — «праву середу» (середа четвертого тижня після Паски, половина терміну від Паски до Трійці), яку називають також «Рахманський великдень».

[14] 23 квітня за ст. ст.— день св. Георгія Побідоносця, «Юріїв день». Цього дня влаштовували хресний хід на посіви, де служили молебень, а також виганяли худобу на «юріїву росу».

[15] Петрівка — Петрівський піст. Термін часто використовувався як хрононім поруч із іншими — Пилипівка, Спасівка тощо.

[16] Яскраво-червона анілінова фарба, названа так за схожість із забарвленням квіток фуксії.

[17] В українській фольклорній традиції існує прив'язка непарних днів тижня — середи, п'ятниці, неділі — до антропоморфних персонажів, пов'язаних із жіночими домашніми роботами, відповідно — Середи, П'ятниці, Неділі. Серед персоніфікованих днів домінує П'ятниця. В текстах неодноразово зустрічається згадка про Середу як жінку, яка має потребу в пряжі для своїх дочок. Кількість їх варіюється.

[18] По-дівочому (фр.).

[19] Плоскінь («дерганка» — Полісся, «білі» — Закарпаття, «замашка» — Подніпров'я) — чоловічі стебла коноплі. Їх вибирали у серпні на два тижні раніше жіночих («сімянка» — Полісся; «зелені» — Закарпаття, «матірка», «прядиво» — Подніпров'я). Плоскінне полотно було тоншим та білішим.

[20] Тобто через тиждень після Паски.

[21] Очищення через жертвоприношення (лат.).

[22] Сюжет про те, що жінка мусить годувати двох близнят-вужів у покарання за порушення заборони виконувати певні види домашніх робіт (здебільшого прядіння й зоління) в табуйовані для цього заняття дні (середу, п'ятницю, свята), фіксується в різних регіонах України.

[23] Звичай, за яким заміжні жінки по понеділках не працювали та дотримувались суворого посту.

[24] Довгаста посудина з розширеними догори стінками для домашнього вжитку: виготовлення тіста, прання білизни, купання.

[25] Кількості чавунів із окропом, які виливали в жлукто для зоління полотна, надавалось магічного значення. Майже повсюдно називали цифри 7, 9, 11, 13 тощо. Хоча в деяких селах зустрічалось твердження, що чавунів треба тільки «до пари».

[26] Двунадесяте перехідне церковне свято. Відзначається на 40-й день Великодня, коли, за церковною легендою, воскреслий Ісус Христос вознісся на небо.

[27] Дерев'яний гладенький валок для вибивання білизни під час прання.

[28] Васильки («васúльки», «зільє Василья») — запашна лікувальна трава. В українському фольклорі — символ святості, чистоти, привітності та чемності. Селяни завжди старались розводити їх в городах та садах. Васильки святили в церкві на Маковія (1 серпня за ст. ст.) та Великого Спаса (6 серпня). Зберігали їх звичайно в хаті, за іконами. На Трійцю з них плели вінки, які вивішувалися на стіні, в день Воздвиження Хреста Господнього (14 вересня) прикрашали ними хрести. Васильки застосовувались в поховальній обрядовості: їх клали у труну, кропили ними лаву, на якій лежав померлий, а також яму на кладовищі. Іноді виступали атрибутом весільної обрядовості: мати кропила ними молодих. Народна етимологія стійко виводить назву рослини від імені Василя. Крім зазначеного В. Милорадовичем варіанту — також від Василія Блаженного, тіло якого було знайдено на кладовищі в цих квітах; Василія Великого, який любив їх; хлопчика Василька, який перетворився на цю рослину. До речі, М. Маркевич у своїй праці «Обычаи, поверья...» ототожнює васильки з волошками.

[29] Нещасливі дні (лат.)

[30] Галузь науки, що вивчає сорти плодових та ягідних культур.

[31] Пліній Старший, Гай Пліній Секунд — римський письменник, учений і державний діяч. Автор праць з природознавства, історії, військової справи, філології.

[32] Поминальні суботи («поминальниці») — звичайно суботи напередодні великих постів, Масляної, а також після Різдва, Паски, напередодні або після Трійці.

[33] Свято Покрова Пресвятої Богородиці (1 жовтня за ст. ст.). У цей день дівчата, які бажають вийти заміж, моляться: «Святая Покривочка, покрий мені головоньку — хоч ганчіркою, аби не зосталась дівкою».

[34] Субота на шостому, «вербному» тижні Великого посту. Ті, що постилися, їли рибу і масло. Якщо в цей день було холодно, примовляли: «Прийшов вербич — два кожуха тербич».

[35] Тобто до 9 травня за ст. ст.

[36] Товсті нитки з клоччя.

[37] Йдеться про свято св. Петра та св. Павла (29 червня за ст. ст.). Після нього починався Піст, коли молочних страв вживати не дозволялось. У цей день пекли сирні булочки — «мандрики»

Існувала приказка: «Зозуля мандрикою вдавилась», оскільки саме в цей час припинялось зозулине кування.

[38] Шулики, або шуляки — коржі, які звичайно готували на свято Маковія. Тісто робили пісним і прісним («Із води та муки пече баба пироги»). Обливали розведеним водою медом, «варенням» (вареними й товченими сухими грушами) або конопляним молоком.

[39] Меланка — за церковним календарем день св. Меланії (13 січня за ст. ст.). На Україні (наддністрянські землі Галичини, Поділля, а також епізодично Київщина, Полтавщина) «меланкою» називали і новорічне рядження.

[40] Третій від кінця тиждень Великого посту.

[41] Різновид печива у формі хреста. Випікали його в середу на четвертому тижні Великого посту, що називався «середохресним».

[42] Мається на увазі велике церковне свято Усікновення глави Іоанна Предтечі — 29 серпня за ст. ст.

[43] Вбити собаку (фр.).

[44] «Терміни, що вживалися при звертанні до свійських тварин» (англ.).

[45] Невелика пляшка.

[46] Ремез — один із небагатьох видів синиць, який будує гніздо. Ремезове гніздо звичайно шукали на деревах, що стояли над водою, або в очереті. Вважали, що його магічні властивості посилюються, якщо в ньому буде два невеликих отвори. Гніздо звичайно святили на Паску та тримали в хаті як оберіг. Ним підкурювали хворих, особливо на пропасницю, людей, а також худобу. В веснянках співали: «Ой, ти, ремезе, ремезоньку, та не вій гнізда на ледоньку, бо ся ледонько буде розбивати, твоє гніздонько буде потопати; вій сі гніздонько на явороньку...»

[47] Йдеться про так званий «червоний кут» («покуть»), який завжди знаходився по діагоналі від печі. Ритуально найцінніша частина внутрішнього простору хати, своєрідна вісь орієнтації житла, один кінець якої вказував на схід (на «світло», «божий» бік), а другий — відповідно на захід (темряву). Саме на покуті розміщувалися речі, що мали особливу цінність — образи, молитовні книги, хрест, свічки, свячена вода, верба тощо. Покуть тісно пов'язана з численними обрядовими діями.

[48] Варені кульки кислого пшеничного або гречаного тіста. Звичайно їх вживали з олією, цибулею й часником.

[49] Стрітенна вода — від свята Стрітення Господнього (2 лютого за ст. ст.), коли «зима з літом зустрічається». В цей день у церкві святять воду, яка вважається помічною.

[50] Стертий віник.

[51] Материнство — це завжди єдина та незаперечна данність, а батьківство, навпаки,— проста юридична фікція (фр.).

[52] Те, що римляни розуміли під словом «familia», не відображало

ні ідеї покоління, ні ідеї фізичної спорідненості і не означало нічого іншого, як «володіння» (фр.).

[53] Челядь, маєток, дідизна (польськ.).

[54] Повинна бути соромливою, домовитою, вміти прясти (лат.).

[55] Автор, очевидно, спирається на повідомлення П. Литвинової-Бартош «Как сажали в старину людей старых на лубок» (Киев. Старина. 1885. № 6). Згадка про цей давній звичай була зафіксована дослідницею в с. Землянка Глухівського повіту Чернігівської губернії в 20-х роках XIX ст. від майже столітньої селянки Марфи Губарихи: «Людей старых, не подававших надежды на жизнь, бывших в тягость себе и другим, вывозили в зимнюю пору в глухое место и спускали в глубокий овраг, а чтобы при опускании они не могли разбиться или же задержаться на скате, их сажали на лубок, на котором, как на санях, они доходили до дна оврага». Зазначимо, що це повідомлення і особливо посилання на нього в Енциклопедичному словникові Ф. Брокгауза та І. Ефрона у статті «Убийство детей и стариков» було сприйнято на Україні з великою недовірою, а деякими — і як наклеп на український народ. З'явилися спроби його спростування, автори яких виходили з того, що нешанобливе ставлення до батьків на Україні завжди вважалось найтяжчим гріхом. І все ж слід зважати на те, що даний сюжет був зафіксований в регіоні, для якого характерна особливо стійка збереженість архаїчних традицій. До того ж є припущення, що названий район у стародавні часи входив до території, заселеної племенами сіверян, які здійснювали подібні ритуали. Архаїчний ритуал насильницької смерті старих людей як стадіальна форма розвитку людського суспільства фіксується у багатьох етносів. Даремно шукати у ньому сліди варварства: ставлення деяких старих людей до смерті і дотепер — не трагедія, а лише переселення до іншого світу.

[56] Батьківському праву (лат.).

[57] Жінка під час поділу майна не мала права на одержання спадщини не тільки на землю, а й на рухоме майно, і цілком залежала від батька, чоловіка, братів. Але жінці належало її придане, яким, крім неї, ніхто не міг розпоряджатися. По можливості до нього включали і земельний наділ («материзну»). Вона не входила в загальнородинне майно, не ділилася між членами сім'ї, а передавалась спадково і тільки по жіночій лінії. Материзна становила одну з національних особливостей внутрісімейних майнових відносин українського селянства.

[58] У центральних губерніях України приймака могли вважати ніби усиновленим і прирівнювати в майнових правах до інших членів родини. На Волині, а також Півдні України приймака довгий час вважали чужим, і якщо він мав залишити сім'ю, з ним розраховувались, як з найманим робітником. Але після 10 років співжиття він все ж здобував право на одержання певної частки сімейного майна.

[59] «Відповідно до природного права ніхто не повинен багатіти за рахунок кривди чи збитків іншого» (лат.).

П. В. Иванов

Народные рассказы о Доле

[1] На противагу зазначеному сюжетові наведемо повір'я, за яким залишеною на столі зайвою ложкою їстимуть «злидні», вони ж можуть нею, як драбиною, потрапити до миски із стравою, якщо ложку залишити на краю посуду.

[2] Іоаникій Галятовський (?—1688) — видатний український письменник-полеміст і публіцист. Навчався в Києво-Могилянській колегії, після закінчення прийняв чернецтво на Волині, деякий час перебував в Куп'ятицькому монастирі, згодом повернувся до Києва, викладав у колегії. 1659 року був призначений її ректором. Того ж року в друкарні Києво-Печерської лаври було опубліковано збірку його проповідей під назвою «Ключ розуміння». П. Іванов посилається на доповнення до «Ключа» — «Казаня, приданыи до книги, «Ключ розумения» названои», видане у 1660 р. До складу «Казаня» входили трактат «Наука коротка, албо Способ зложеня казаня» і «казаня», що можуть бути проголошені на неділі та свята. «Ключ розуміння» нещодавно був опублікований у серії «Пам'ятки української мови» (Київ, 1985).

[3] Роздоріжжя.

[4] До святкової, особливо різдвяної, вечері обов'язковими були пироги. Їх пекли або смажили здебільшого з маком, відвареними сушеними сливами; а також (на Лівобережжі) з квасолею, горохом, гречаною кашею. Пироги на святковому столі відігравали символічну роль, уособлюючи майбутнє багатство.

[5] Брудна.

[6] Головний убір заміжньої жінки з легкої прозорої тканини.

[7] Цей ряд, поданий автором, можна було б продовжити. Жінки-пряхи, прядильниці Долі представлені в таких індоєвропейських традиціях, як давньогрецька (мойри Клото, Атропос, Лахесис), давньоісландська (норни), хеттська (умілі ткалі). Всіх їх об'єднує спільна функція — вони виступають творцями «нитки життя», «нитки людської долі». Показово, що в українській мові терміни «доля» етимологічно співпадають («Доля виряджає людську долю»).

В. П. Милорадович

Малорусские народные поверья и рассказы о пятнице

[1] Клочча — грубе волокно, що лишається на гребені (щітці) під час вичісування льону або конопель. Звичайно використовувалось для виготовлення ряден, мішків.

[2] Під час тіпання волокна, тобто витрушування з нього костриці («термітті», «паздір'я») виділялося багато пороху. До того ж костриця, обламана на терниці, являла собою дрібні, тверді та гострі частки, тому застереження типу «очей не запорошити» було цілком зрозумілим і мало утилітарний характер. Але в ньому міститься і глибинний семантичний шар. Це відбилось у формулах — мотивуваннях заборони на відповідні види робіт: «запорошити очі померлим предкам», «покійникам» і нарешті — самій П'ятниці. Іноді і сама заборона (наприклад, прясти у п'ятницю) безпосередньо пов'язувалась із «темнотою» її дітей. Семантика названих сюжетів базується на опозиції «світ живих — світ мертвих»; «свій — чужий».

[3] Зоління — вибілювання полотна. У жлукто — видовбану дерев'яну колоду без дна — вкладали сувої полотна, попередньо пересипані попелом із соняшника, березової або дубової кори, картоплиння, кукурудзяних качанів тощо, та заливали окропом; але частіше в жлукто із полотном одразу заливали гарячий луг. Зоління вважалось актом особливо відповідальним та небезпечним, оскільки мало магічне навантаження: тут виступали елементи — носії високого семіотичного статусу: попіл («землю сотворив Бог із попелу»), вода, вогонь, вогнище (піч, багаття) та ін.

[4] Берта — (Перхта, фрау Холлє, нім. Holda) — різдвяний персонаж німецької нижчої міфології. Це старуха-відьма, яка в новорічну ніч проноситься по небі на чолі сонму привидів та злих духів (або, навпаки,— добра жінка, яка розносить подарунки). Карає невмілих, лінивих прях.

[5] Бефана — (італ. Befana, Befania; від Epifania — Богоявлення) — міфологічний персонаж італійської нижчої міфології. З 1 по 6 січня (свято Богоявлення) вештається по землі в образі страхітливої баби. Іноді вважається доброю, приносить подарунки дітям. За народними уявленнями, Бефана — відьма. На її честь виконують пісні-колядки (бефанати).

[6] Перхт — ймовірно Перт — область у Шотландії.

[7] Стамп — ймовірно о. Стампалія (Греція).

[8] Перигор — ймовірно Перигьо — адміністративний центр у Франції.

[9] Лаума, Лауме — у східнобалтійській міфології богиня землі, пізніше — злий дух, відьма, яка літає по небі. По ночах може душити сплячих, підміняти дітей, у прях ховає кінець нитки. За латиськими ж віруваннями, Лаума доброзичлива до людей.

[10] Досить розповсюджений фольклорний сюжет: в покарання за порушення заборони прясти в табуйовані для цього заняття дні антропоморфна істота (П'ятниця, Середа, Варвара тощо) передає порушниці (звичайно, кидає у вікно чи комин) певну кількість веретен (7, 9, 12, 20, 27, 40, 50, 60, «решето веретен» тощо). Єдиний порятунок від смерті — швидко намотати на шийки всіх веретен хоч трохи ниток — так, щоб не видно було дерева, і передати їх назад.

[11] Мається на увазі півміток — міра прядива.

[12] Прилад, на обертальне перехрестя якого накладають міток (півміток) пряжі, щоб перемотати нитки в клубок.

О. О. Боряк,
кандидат історичних наук

В. П. Милорадович

Заметки о малорусской демонологии

[1] Тут, ймовірно, мова йде не про понеділок, а про Чистий четвер, або Навський великдень, Мертвецький великдень. Хоча слід зауважити, що лише на Херсонщині, а не всій Україні Мертвецький великдень припадав не на Чистий четвер, а на Жилавий понеділок.

Останній тиждень перед Великоднем називається білим, або чистим. На цьому тижні віруючі люди дотримуються посту, як і на першому тижні Великого посту.

Найважливішим днем цього тижня є четвер, який має назви чистого, світлого, великого, страсного або живного. Чистий четвер — це день весняного очищення: чистили в стайнях, коморах, на подвір'ї, в хатах, у саду, на городі («щоб очистити землю від морозу, зими, смерті і всякої нечисті»). До схід сонця купались в річці, стригли дітей («щоб волосся не лізло і щоб голова не боліла»), готували сіль для Великодня. Ввечері в церкві відправлялось богослужіння, так звані Страсті. Страсну свічку люди намагались донести з церкви запаленою до хати. Для цього робили спеціальні ліхтарі з паперу або скла. В хаті полум'ям страсної свічки викопчували охоронні хрести на сволоку («щоб лиха нечисть хату минала», «щоб грім та блискавка не впали на хату»), на воротях (щоб на двір не забіг «поганий собака») тощо.

Як сказано, на Херсонщині Мертвецький великдень припадає на Жилавий понеділок. У цей день заборонялось вживати гарячих страв. Холодним обідом служили коржі-жиляники: Жилавий понеділок — це перший день Великого посту (з 13 лютого по 1 квітня за ст. ст.). Пісну страву необхідно було обов'язково запивати горілкою, щоб «прополоскати зуби після Масляної», тобто щоб не залишилося у роті нічого скоромного (недарма цей понеділок ще називали «полоскозуб»). Оскільки господині обіду не варили і їхні горщики залишалися чистими, цей понеділок мав ще одну назву — чистий. За народними прикметами, «як у Чистий понеділок погода ясна, то й пшениця уродить рясна».

[2] Рундук — те саме, що й ганок, піддашшя, галерея, тобто простір при хаті, захищений спуском або виносом даху від атмосферних опадів, сонячних променів.

[3] Проводний понеділок — перший день післявеликодного тижня, що починався з 10 квітня за ст. ст. Протягом цього тижня за традицією поминали померлих на могилах, звідки тиждень мав назву Проводи.

[4] Тобто у солдати.

[5] Ібн Фадлан (Ахмед ібн Аббас) — арабський мандрівник і письменник першої половини X ст. Як секретар посольства багдадського халіфа у 921— 922 рр. здійснив подорож через Бухару і Хорезм до Булгарії. У його книзі — звіті про подорож —є, зокрема, докладні відомості про русів. Аналіз праці Ібн Фадлана дав український історик А. П. Ковалівський.

[6] Клобук — високий циліндричної форми головний убір із покривалом, який носять православні ченці.

[7] Саван — поховальне вбрання з білої тканини мішкоподібної форми або у формі довгої сорочки.

[8] Ковпачок — головний убір, накривка конусоподібної, овальної чи іншої форми.

[9] Сирена — у грецькій міфології морська німфа, жінка з риб'ячим хвостом або птах з жіночою головою, що своїм співом зваблює мореплавців у смертельно небезпечні місця.

[10] Потерча — дитина, що вмерла нехрещеною, а також загублена, чужа дитина, приблуда.

[11] Околоток — район міста або частина села, підвідомчі поліцейському наглядачеві.

[12] Копець — насипаний або викопаний межовий знак.

[13] Йдеться про народні уявлення, за якими чорт пізнається по ногах, порослих шерстю, та козячих копитах.

[14] Мається на увазі взяти свою ікону, образ, яким було дано благословіння батьків на шлюб.

[15] Палій Семен Пилипович (справжнє прізвище Гурко) — білоцерківський (фастівський) полковник. У 1702—1704 рр. очолив народне повстання проти польсько-шляхетських загарбників. За намовою Івана Мазепи у 1704 р. Палія було заарештовано і на чотири роки заслано до Сибіру. Палій брав участь у Полтавській битві 1709 р. Помер у січні 1710 р., похований у Межигірському монастирі.

[16] Запілок — місце на печі, що знаходилось далі від «полу» — спального місця, що влаштовувалось у вигляді настелених дерев'яних дощок, піднятих на стовпчиках над глиняною долівкою.

[17] Тобто доглядати, краще вирощувати стебла — видаляти бічні пагони — «пасинки».

[18] «Голодний Свят-вечір» («голодна кутя», «другий Свят-вечір») припадає на переддень Водохрещі (Йордані). Увесь день люди постують. Вдень біля церкви святять воду. На цій воді господиня або старша донька (на Західному Поділлі) увечері замішує кілька ложок борошна. Цим рідким тістом малюють охоронні хрести на всіх стінах хати, в сінях, коморі, стайні та інших господарських будівлях — «від нечистої сили».

В інших районах України більш поширеним був звичай, за яким господар кропилом, зробленим з сухих васильків і вмоченим у святу воду, кропив так само все в хаті та інших місцях. Молодший же син слідом за батьком на окроплених місцях малював хрести, відкусюючи при цьому по шматочку від ритуальних пирогів. Кропиться також худоба, крім свиней та курей. Як засяє вечірня зоря, подаються лише пісні страви.

По вечері переважно діти «проганяли кутю»: вибігали з хати і макогонами чи дрючками били знадвору у причілковий кут, примовляючи:

Тікай, кутя, із покутя,
А узвар — іди на базар,
Паляниці, лишайтеся на полиці,
А дідух — на теплий дух,
Щоб покинути кожух.

Як стемніє, з хати виносили обжинковий сніп — дідух, несли його на вигін чи в садок і спалювали: пускали «на теплий дух». Ця символічна дія була пов'язана із закликанням весни і відповідним спаленням зими — «щоб покинути кожух». Попіл з дідуха розсипали по городі — «щоб огірки родили». Після вечері всі клали свої ложки в одну миску, а зверху хлібину — «щоб хліб родився». Кутю, яка залишилась після вечері, виносили курям —«щоб добре плодилися». Дівчата в цей вечір ворожили: збирали ложки зі столу і йшли на поріг тарабанити ложками — «де пес забреше, туди заміж піду!»

[19] Йордань, або Водохреща — одне з центральних зимових календарних свят українського народу. Поєднує в собі як дохристиянські, так і християнські ознаки. Відправляється 6 січня за ст. ст., оскільки, за церковним догматом, саме в цей день Христос прийняв хрещення від Іоанна у водах Іордану.

За тиждень до Йордана парубоча громада села рубала на річці ополонку, випилювала з льоду великий хрест, ставила його над ополонкою, обливши попередньо буряковим квасом. Біля хреста будували престол і обставляли його запаленими свічками. Перед престолом із гілок хвойних дерев робили арку — «царські врата».

Після ранкового богослужіння весь народ з церкви йде на річку. При цьому кожен несе посуд для води, а в деяких районах Правобережжя та в Карпатах переважно жінки та дівчата несуть святити «трійці» — три свічки, зв'язані з пучками червоної калини та засушеними квітами. Під час короткої відправи священика їх запалюють від свічок, що горять на престолі. Священик освячує воду в річці, занурюючи в ополонку дерев'яний церковний хрест. Потому всі набирають освячену воду, а «трійці» гасять в ополонці. Йорданській воді приписували чудодійні та лікувальні властивості.

Вважалось також, що в той момент, як священик занурює хрест у воду, «нечиста сила» вистрибує з річки і залишається на березі до того часу, поки якась жінка не прийде прати білизну, бо лише разом із брудною білизною всі чорти, що досі мерзли на морозі, могли знов упірнути у воду. Тому жінкам не дозволялось принаймні ще тиждень прати в річці. Проте дівчата, щоб мати красиві рожеві личка, бігали до річки вмиватись в «йорданській воді».

[20] Шпуга — дерев'яна або залізна планка, що скріплює дошки дверей.

[21] Квак — жаба чоловічої статі.

[22] Плюгавий звабник жінок (польськ.).

П. В. Иванов

Народные рассказы о ведьмах и упырях

[1] Дуалізм — принцип філософського пояснення сутності світу, який виходить з визначення наявності в ньому двох першоначал (субстанцій) — духу і матерії, ідеального і матеріального. Протилежністю дуалізму є монізм. У даному контексті мова йде про двоїстість проявів людської діяльності, про добрі та злі вчинки, боротьбу добра і зла.

[2] Бовдур — димар у хаті, у сінях чи на хаті. Тут мається на увазі розширена основа димаря, яка знаходилась у сінях.

[3] Яритниця, єретниця — молода відьма, схильна до любовних забав. Яритниця — можливо від «яритися» — виявляти зло, лють. Єретниця — можливо від «єресі», тобто жінка, яка відступилася від панівної віри.

[4] Сукновальня — споруда, де встановлено обладнання для ручної або механізованої праці по виготовленню (валянню) сукна — щільної тканини з вовняного або напіввовняного прядива, на лицевій поверхні якої утворюється застил, що закриває переплетення ниток.

[5] Сиропуст, або Пущання — останній тиждень перед Великим постом, коли забороняється вживати молочну їжу. На сиропусний тиждень (заговени) припадає багато прикмет. Кажуть: «Яка негода на сиропусну неділю, така й на Великдень буде», «Як сонце сходить рано, то й весна рання буде». Увечері старі люди ходили до рідних і знайомих просити прошення за кривди чи гріхи, заподіяні ними на протязі року. Відвідували й кладовище, аби здобути прощення у померлих родичів.

[6] Лиса гора — історична місцевість у Печерському районі Києва, на південний захід від Видубичів. Назва пов'язана із старовинними легендами про шабаші відьом і перевертнів на цій горі. Простягається на правому березі річки Либеді поблизу місця її впадіння у Дніпро.

[7] Бантина — поперечна балка між кроквами — несучою конструкцією покриття даху.

[8] Піддашок, піддашшя — покрівля на стовпах або інших опорах для захисту від сонця та негоди. На піддашші проводились різні прихатні роботи.

[9] «Ку» — кажу (діалект.).

[10] Оброть — вуздечка без вудил для прив'язування коня.

[11] Серпанок — легка прозора лляна тканина.

[12] Гайдарити (від «гайдар» — вівчар) — пасти овець.

[13] Китайка — густа, переважно синя чи червона, шовкова тканина, яку завозили з Китаю; пізніше — бавовняна тканина, яку виробляли в Росії.

[14] Йдеться про демікотон — густу бавовняну тканину, що використовувалась у XIX ст.

[15] Похоронки — тут: схованки.

[16] Ляда — рухома покришка, дверцята, що прикривають отвір в середину чого-небудь.

[17] Спас — назва кожного з трьох церковних свят, що відзначаються православною церквою з 1 по 15 вересня за ст. ст.

И. Я. Франко

Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г.

[1] Галичина — історична територія, що включала частину західноукраїнських і польських земель, які з кінця XVIII ст. перебували під владою монархії Габсбургів. Галичина охоплювала територію теперішніх Івано-Франківської, Львівської та Тернопільської (а до 1848 р.— і Чернівецької) областей України, Белзського, Жешувського, Кросновського, Тарнувського, Новосондецького, Перемишльського і частини Краківського воєводств Польщі. Загарбавши під час першого поділу Польщі (1722) ці землі, Австрія штучно об'єднала їх в одну провінцію — «Королівство Галичини і Лодомерії», яка складалася із Східної Галичини, населеної українцями, і Західної Галичини, населеної поляками. У 1920 р. на території Східної Галичини було утворено Галицьку Соціалістичну Радянську Республіку (існувала до 23 жовтня цього ж року). В 1939 році Галичину в складі Західної України було включено до складу УРСР.

С. Нагуєвичі Дрогобицького повіту — тепер с. Івана Франка Львівської області. Тут 27 серпня 1856 р. народився Іван Якович Франко.

[2] Франко Ольга Федорівна (1864—1941) — дружина І. Я. Франка (дівоче прізвище Хоружинська), українська громадська діячка, видавець журналу «Житє і Слово».

[3] Плоти — огорожа з дерева.

[4] На фіру — на воза.

[5] Мари — носилки для перенесення мерців, робились з гілок чи дерев'яних дрючків.

[6] Етнографічна група українського народу, яка проживає на території Східної Галичини (самоназва — русини).

В. Я. Дашкевич

До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу

[1] Ця праця являє собою скорочений виклад доповіді автора, прочитаної на засіданні етнологічно-краєзнавчої секції Харківської кафедри історії української культури.

Попередньо на зборах секції була зачитана доповідь професора М. О. Маслова на тему «Заложні мерці в античному світі». М. О. Маслов зазначив, що в античному світогляді, так само як і в фольклорі слов'янських народів, можна знайти сліди уявлень про те, що «заложними» бувають не тільки люди, а й тварини. Саме це твердження і стало для В. Я. Дашкевича приводом до складання його роботи. Відповідно до висунутих у доповіді М. Маслова тез В. Я. Дашкевич запропонував цілий ряд фактів з поля українського фольклору, що мають до них пряме відношення. При цьому В. Я. Дашкевич мав на меті підготувати грунт для наступного дослідження народних уявлень та забобонів, що стосуються «культу мертвих».

[2] Усі цитати взято із праці Д. К. Зеленіна «Очерки русской мифологии». Наводить їх автор російською мовою, щоб уникнути відхилень від оригіналу, які були б неминучі при перекладі.

[3] Приклади цьому автор подав у своєму дослідженні «Нариси есхатологічних уявлень українського народу», яке не було надруковане. Місце знаходження рукопису невідоме.

Т. В. Косміна

Д. М. Щербаківський

Сторінка з української демонології (Вірування про холеру)

[1] Намітка — добре вибілене полотно завдовжки 3—5 м і завширшки 40 см, виготовлене із найтоншої лляної нитки. Була складовою частиною традиційного поліського одягу — нею поверх очіпка заміжні жінки пов'язували голову. Мала різноманітну обрядову символіку та функції. Намітка, призначена до весілля чи родин, оздоблювалась вишивкою, мережкою, торочками. Намітка, призначена для похорон, вишивалась нескладним геометричним орнаментом або кінці її затинали кольоровими нитками. В даному випадку йдеться про обрядове використання білого неоздобленого полотна.

[2] Пужално — рукояття батога (пуги).

3 Ці дані потребують уточнення. На Україні перший спалах холери було зареєстровано у вересні 1830 р. Але часті випадки смерті «від поносу» фіксувалися в метричних книгах починаючи вже з червня. До кінця цього ж року епідемія вразила населення Київської, Полтавської та Подільської губерній. Усього протягом XIX ст. від холери померло близько 2 млн чоловік.

4 Ритуальне ткання «обиденного» полотна не було суто білоруським явищем. Воно зафіксоване і на Україні: на Поліссі, епізодично — на Поділлі, Закарпатті.

5 В українській фольклорній традиції існують так звані операційні тексти. Вони фіксуються в казках, бувальщинах та замовляннях як специфічний оберіг від демонологічних істот і тому мають риси сакральності. Під час їх безперервного промовляння звичайно описуються всі стадії певної господарської роботи. При тому передбачається навмисне розтягування слів та фраз, повторення, вставлення зайвих слів: «треба багато робити: орать, орать, сіять, сіять, волочить, волочить...»; «коноплі сію, полю, беру, мочу, дергаю, чешу...» тощо. Вважається, що під час промовляння цього тексту демони не можуть зашкодити людині — вони не витримають довгої розповіді і героєві пощастить таким чином затягти час і «протриматись» до півнів.

6 «Забутний» хліб також зберігали на випадок появи мишей на току, його клали під стіг («щоб миші забули»), розтирали на порох та обсипали посіви конопель, соняшника або обходили з ним кругом поля, клали на тому місці, звідки починали обхід і, не озираючись, швидко поверталися додому. Але такий хліб не давали дівчатам — «щоб до них свати не забули прийти».

7 Дане повідомлення — свідчення оберегових функцій веретена та сокири. В їх обрядовому використанні мало значення і те, що ці атрибути разом із хлібом всебічно репрезентували буття людини (їжа — одяг — місце помешкання).

8 Вал, який напряла дванадцятирічна дівчина,— це прояв особливого, сакрального ставлення до першої нитки, випряденої дівчинкою в своєму житті. Таку нитку одразу спалювали, кидали «сороці на гніздо» або у гній. В деяких селах їй приписували «помічні» та оберегові, зокрема од відьом, властивості.

9 Святий вогонь — «живий» або «Божий» вогонь. На Україні добування такого вогню шляхом сильного тертя двох сухих шматків деревини тривалий час зберігалося в Галичині. Це робилося під час вигону худоби на полонину. В деяких місцевостях України та Росії зафіксоване використання «живого» вогню під час епідемій та епізоотій — ним запалювали свічки в церквах, потім їх розносили по хатах, обкурювали худобу. Відомо також застосування «живого» вогню для розпалювання купальських вогнищ.

О. О. Боряк

БІОГРАФІЧНІ ВІДОМОСТІ ПРО АВТОРІВ

Т. Р. РИЛЬСЬКИЙ

Тадей Розеславович Рильський (1841—1902) — просвітитель, громадський та культурний діяч, батько відомого поета Максима Рильського. Народився в сім'ї заможного землевласника в с. Ставище на Київщині. У 1862 р. закінчив Київський університет. На період студентських років припадає початок активної суспільно-громадської діяльності Тадея Рильського. Саме тоді формуються його демократично-просвітительські погляди, починається науково-публіцистична діяльність.

Уже в молоді роки Рильський відчув історичну несправедливість у зверхньому ставленні правобережного польського панства до корінного українського населення, у намаганні розглядати землі Правобережжя як провінцію польської корони. Саме ця патріотична ідея зумовила його зречення католицької віри і прийняття ним християнства, намагання вивчити культуру і побут населення рідного краю, а в подальшому вона зазвучала і у його творах.

У першій своїй публікації — «С правого берега Днепра» (журнал «Основа», 1861, № 2) Т. Рильський, виступаючи під псевдонімом Т. Чорний, так окреслив її мету: «принести пользу изучающим общественное и этнографическое положение Южного края». В цій же статті він полемізує з українською школою «польських романтиків», які лише милуються Україною «як землею красивих дівчат, русалок та молодикуватих ніжно відданих Польщі козаків».

Царський уряд не могли не бентежити демократичні погляди братів Рильських, їхнє спілкування з селянами, вбрання в народний одяг, спільна праця на полі і особливо «революційно-комуністичний характер розмов». За Рильськими був встановлений негласний нагляд. Шеф жандармерії князь Долгоруков, доповідаючи цареві про справу братів Рильських, просив санкції на їх заслання до Казані, де в російському оточенні їхню громадсько-патріотичну діяльність можна буде нейтралізувати, позбавивши їх безпосередніх контактів з селянами та відірвавши від громадського руху на Україні.

Мабуть, відчувши за собою нагляд, Т. Рильський продовжував друкуватися під псевдонімом. У наступній своїй розвідці — «Несколько слов о дворянах правого берега Днепра» він так писав про себе та своїх однодумців: «Эти люди... изучая местную прошедшую жизнь и современные ее потребности, пришли к сознанию своей национальной солидарности с местным украинским населением и считают интересы его самыми близкими своими

интересами. Предмета для своей собственной деятельности они ищут в просвещении народа и его собственных началах, в развитии его общественной жизни».

Виголосивши таку своєрідну програму діяльності патріотично настроєної молоді, Рильський здійснює її протягом усього свого життя. Починаючи з 1862 р. він друкується українською мовою.

Разом із прогресивною студентською молоддю Рильський відкрито став виступати за визнання Правобережжя українською землею. Для польських поміщиків це було справжньою зрадою їхніх станових інтересів. Ймовірно, що саме з доносів польських поміщиків і була сформована в жандармерії «справа братів Рильських».

У подальшому Рильський активно співпрацює в організації української ліберальної інтелігенції «Стара громада», до якої він увійшов разом з учасниками гуртка «хлопоманів», зокрема своїм побратимом-однодумцем — згодом відомим вченим і громадським діячем В. Б. Антоновичем. У роботі «Громади» активну участь брав і М. П. Драгоманов. Царський уряд переслідував громадівців за їхні «сепаратистські» погляди, за випуск літератури українською мовою, а після прийняття сумнозвісного Емського указу 1876 р. заборонив їхню діяльність.

У 80-х роках поміркована частина громадівців об'єдналась навколо літературно-історичного журналу «Киевская Старина». Тут Рильський друкує свої наукові розвідки про український побут, звичаєве право, економічні стосунки, народні звичаї, світоглядні народні уявлення тощо. У «Записках Наукового товариства ім. Шевченка» він опублікував спогади сучасника про Коліївщину.

У своєму будинку в с. Романівці Т. Рильський створив народну школу, де вчителював близько 20 років. Тоді ж він видав ряд популярних брошур для народного читання. Суспільну та наукову діяльність Т. Рильського високо оцінював Іван Франко.

На жаль, у радянський час ім'я полум'яного поборника національного самоствердження українського народу, його вільного незалежного розвитку повністю було вилучено з культурного процесу і нині майже не знане не лише широкою громадськістю, а й науковцями. Наведені тут далеко не повні біографічні дані про нього публікуються вперше.

Наукова розвідка Т. Р. Рильського «К изучению украинского народного мировоззрения» містить, крім надзвичайно цікавих наукових спостережень і узагальнень автора, багатий фольклорний матеріал, професійно зібраний автором, який також становить незаперечну історичну цінність.

Т. В. Косміна

М. А. МАРКЕВИЧ

Микола Андрійович Маркевич (1804—1860) — історик, етнограф, письменник. Доля цієї людини, як і доля його творчої спадщини, досить драматична; дані про нього не тільки суперечливі, але й недостатньо відомі.

Майже досьогодні ми згадуємо це ім'я в основному у зв'язку з такими працями, як «Украинские мелодии» та «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян». Це дійсно визначні праці, проте вони — лише частина величезного наукового і літературного доробку Маркевича. Більш того: не можна по-справжньому оцінити ці фольклорно-етнографічні твори, не звертаючись до його історичних розвідок, колекції історичних документів, особистого архіву, листування, нарешті, до особливостей його життя. Лише знаючи все це, можна визначити його справжнє місце в історії суспільного руху, у розвиткові історичної, етнографічної та інших наук, до яких він був причетний.

Оцінка наукових пошуків Маркевича і досі залишається неповною. У цьому повинні як недостатність вивчення його спадщини, так і головним чином усталена версія про консерватизм цього дослідника.

Щоб зрозуміти цей феномен, звернімося до життєвого шляху Маркевича. А він такий. Провчившись певний час у приватному пансіоні Білецького-Носенка, що в Лапинцях Прилуцького повіту, він продовжує свою освіту у відомому на той час Петербурзькому Благородному пансіоні при Головному педагогічному інституті (з 1819 р.— університет), а після його закінчення чотири роки служить в армії. У цей період у Маркевича склалися тісні зв'язки з багатьма відомими у майбутньому літераторами, вченими, композиторами, громадськими діячами, декабристами: С. Соболевським, Л. Пушкіним, М. Глинкою, В. Кюхельбекером, К. Рилєєвим, П. Пестелем, С. Волконським, В. Давидовим, О. Пушкіним, І. Котляревським, Г. Квіткою-Основ'яненком, Є. Гребінкою, пізніше — з Т. Шевченком.

На початку 1824 р. Маркевич іде у відставку і повертається на Україну, де все своє життя (за винятком 1829—1830 рр., коли він перебував у Москві) проживає безвиїзно. Його виїзди мали локальний характер, лише у межах України, і пов'язані були із збиранням фольклорно-етнографічного й статистичного матеріалу. Отже, за способом життя він належав до тих людей, котрі, за словами О. Герцена, відмовившись від державної служби, самі управляють своїми маєтками та займаються наукою, літературою. Це було ядро людей освічених, які не дуже лояльно ставилися до державного режиму і були добре обізнані з інтелектуальним рухом в Європі.

Певна ізольованість Маркевича звужувала його можливості друкуватися в столичних видавництвах. Крім того, його праці неохоче публікували через радикальність історичного мислення автора, що особливо виявлялось в його оцінці українського козацтва, в якому він бачив справжніх борців за народну волю, в його поглядах на національно-визвольну боротьбу українського народу, яку він вважав справедливою.

Така спрямованість наукових досліджень Маркевича призвела до блокування його рукописів царською цензурою та офіціозними виданнями типу «Библиотеки для чтения» О. Сенковського, «Москвитянина» М. Погодіна. По суті тільки видавництво О. Бодянського «Чтения в Обществе истории и древностей российских» публікувало деякі праці Маркевича, але після закриття цього видавництва таких можливостей у нього майже не стало. Пізніше, коли Маркевич потрапляє в становище неблагонадійного (після арешту М. Гулака та Т. Шевченка у справі Кирило-Мефодіївського товариства), він, власне, й не друкувався.

Характерною ілюстрацією може бути доля «Словаря Российского государства», в якому Маркевич виклав свої прогресивні погляди на різні події суспільно-історичного життя, в тому числі на народні повстання, позитивно оцінюючи визвольну боротьбу та її ватажків. На початку 30-х років ця 10-томна праця була закінчена і почалася 30-річна боротьба за її видання. Листи Маркевича зафіксували окремі етапи цієї боротьби: його звертання до В. Жуковського, до міністра народної освіти, до Імператорської Академії наук і, нарешті, до Миколи І. Проте «Словарь» так і не був опублікований. Не побачила світ і більшість інших праць Маркевича, а ті, що вийшли раніше, нерідко піддавалися суворій критиці.

Ця критика, колись започаткована О. Сенковським, продовжувалася і в наступні часи: спочатку її підхопив М. Костомаров, у пореформений час — П. Куліш, ще пізніше — М. Грушевський. Упереджене ставлення до спадщини Маркевича як суцільно консервативної до недавнього часу було характерне і для радянської історіографії, котра за старою схемою відносила Маркевича до дворянсько-націоналістичних дослідників.

Стримана, а часто й негативна оцінка історико-етнографічної спадщини Маркевича не випадкова: позиція дослідника щодо історичного розвитку України та її національного відродження значно відрізнялася від офіційної

точки зору. Її захисники виступали насамперед за ідею цілісності Російської держави і, природно, заперечували право на самостійність окремих її земель, у тому числі України. М. Карамзін, наприклад, оцінював приєднання України до Росії як остаточне завершення «збирання руських земель», розпочате Іваном Калитою.

У своїй «Истории Малороссии» Маркевич по суті вперше спростовує імперські погляди на історичний розвиток окремих народів, обстоюючи право українців на самовизначення. Із цього погляду позиція Маркевича здається надзвичайно актуальною. Власне, так воно і є, коли взяти до уваги схожість етнонаціональних ситуацій: і тоді, коли творив Маркевич, і сьогодні.

Зосереджуючись на питаннях національно-визвольної боротьби українського народу, Маркевич аналізував такі специфічні форми державності, як гетьманство, козацтво, досліджував культуру й побут простих селян. На противагу Сенковському, Бантиш-Каменському, Метлинському та іншим історикам, котрі називали національний рух на Україні бунтом, козацтво — «різноплеменною потолоччю», а українців — «холопами», Маркевич обгрунтовує правомірність визвольної боротьби й правомірність козацтва як однієї з форм організації цієї боротьби. Більш за те, дослідження козацького устрою вчений прямо пов'язував із проблемами тодішнього суспільного життя.

Спрямованість на злободенні суспільні проблеми, об'єктивність висвітлення історії — ці основні риси праць Маркевича були вперше відзначені в українській історіографії М. Марченком. Слідом за ним й інші дослідники почали відходити від усталених поглядів на Маркевича. По-новому його творчість оцінив, наприклад, Є. Шабліовський, охарактеризувавши Маркевича як представника прогресивного романтизму. Для такого висновку у нього, безумовно, є всі підстави, бо дійсно: дослідження Маркевича пройняті ідеями волелюбності, пробудження патріотичних почуттів, протесту проти будь-якого гноблення.

Прогресивні риси творчості Маркевича ще рельєфніше відтіняють суперечливість його наукових пошуків, певну непослідовність та нечіткість ідеологічних позицій. Останнє, як визначала одна з найсерйозніших дослідників творчості Маркевича Є. Косачевська, виявилося передусім в ідеалізації історичного минулого України, зокрема козацтва, нерозумінні соціальної природи класів і станів, перебільшенні значення емпіричного матеріалу, передусім народних спогадів та легенд.

Але дійсно непересічний внесок зробив Маркевич у вивчення культури й побуту українського народу, або, як говорив сам автор, «внутрішнього життя малоросіян». Ця робота супроводжувала дослідника все його творче життя, реалізуючись у численних статтях та наукових розвідках. Про свій задум створити узагальнюючу працю про духовне життя народу Маркевич писав ще у 30-ті роки у листі до В. Жуковського: «Ми з народними обрядами й повір'ями проживемо життям малоросійським з усіма примхами, забобонами, повір'ями, звичаями, іграми, що перейшли до нас від предків наших».

Початком цієї роботи були «Украинские народные напевы», у яких, за словами М. Добролюбова, «горить любов до Батьківщини, блище слава минулих подвигів». Саме через яскраво виражену в цій праці ідею співчуття національно-визвольній боротьбі українського народу вона з великими труднощами була лише частково надрукована спочатку у «Петербургских ведомостях», пізніше (без підпису автора) в альманаху «Рада», а потім (за підписом Андрій Маркевич) у додатку до «Записок о Южной Руси».

Одночасно з аналізом пісенної творчості українців Маркевич збирає великий етнографічно-статистичний матеріал в архівах, судах, медичних і статистичних установах Київської, Полтавської, Чернігівської губерній. На його основі він підготував окремі нариси побуту українського народу, українського вертепу, народного весілля, традиційної їжі, ласощів, напоїв, календарних обрядів, повір'їв. Усе це, за задумом Маркевича, мало увійти до великого збірника «Внутренняя жизнь Малороссии от 1600 года до нашего времени». Проте намір цей не був здійснений: трохи не завершивши праці, М. А. Маркевич помер. Видати підготовлені ним матеріали взявся І. Давиденко, який опублікував лише ті нариси, які збереглися в архіві Маркевича, а саме про звичаї, повір'я, кухню й напої малоросіян. Під такою назвою ця робота і побачила світ. Інші підготовлені вченим рукописи опинилися в різних приватних колекціях, зокрема А. Лазаревського, П. Лукашевича та ін.

Останнім часом встановлено, що деякі рукописні книги та документальні матеріали Маркевич незадовго до смерті продав Лукашевичу, нащадки якого передали їх частину до Румянцевського музею. Тепер вони, за даними Є. Косачевської, зберігаються в Державній бібліотеці СРСР ім. В. І. Леніна. Частина матеріалів Маркевича поступила до рукописного відділу бібліотеки АН України, але багато його рукописних праць та листів втрачені. Серед них — записка про устрій військових поселень Київської і Подільської губерній, доповідна імператору Миколі I про стан юриспруденції в Росії, звернення до поляків та багато інших.

Пошуки цих матеріалів тривають. Їх відновлення важливе не тільки у пізнавальному плані, але й для більш чіткого визначення ролі М. А. Маркевича у суспільному і культурному розвитку Росії та України. А ця роль безперечно велика.

А. П. Пономарьов

В. П. МИЛОРАДОВИЧ

Василь Петрович Милорадович (1846—1911) — дослідник народного побуту населення Полтавщини. Народився в с. Токарях (тепер Лохвицького району Полтавської області) в маєтку діда по матері, поміщика І. В. Карпинського-Кравцова. Після закінчення в 1869 р. юридичного факультету Харківського университету, отримавши ступінь кандидата юридичних наук, деякий час працював помічником присяжного повіреного у Полтавському окружному суді, а у 1875 р. був обраний головою з'їзду мирових суддів. Милорадович був також членом ревізійної та інших повітових комісій, санітарним попечителем у м. Луком'є. За його власними словами, він завжди «поглощен был действительной жизнью». Праця в суді дала можливість Милорадовичу бачити життя народу зсередини, зрозуміти та полюбити його. Великий вплив справили на нього «Записки о Южной Руси» та «Чорна рада» П. Куліша. Милорадович був також ревним читачем першого українського суспільно-політичного та літературного журналу «Основа», де друкувалися твори Т. Шевченка, Марка Вовчка, Л. Глібова та інших письменників, а також цінні матеріали з історії, етнографії, фольклору, української літератури. Захоплювався він і думами славетного народного кобзаря Остапа Вересая.

В. П. Милорадович закінчив свою трудову діяльність у 1890 р. Виходячи у відставку, він отримав від своїх колег почесну адресу, в якій, зокрема, вказувалось: «за справедливое, доброе, истинно человеколюбивое отношение к тяжущимся». Тепер він нарешті зміг цілком присвятити себе улюбленій справі — вивченню та популяризації народної культури рідного краю.

Полтавщина, а точніше Лубенщина, стала об'єктом досліджень Милорадовича в силу життєвих обставин. Але годі було й шукати більш благодатного з етнографічного погляду краю. Це був один з найменших за територією, центральний за розташуванням повіт Полтавської губернії, здавна заселений українцями. До того ж на той час тут не було великих поселень, здебільшого — невеликі села, слободи, хутори. Відносна їх віддаленість від великих

20 1—1657

промислових центрів сприяла певній консервації давнього укладу селянського життя, окремих рис матеріальної та духовної культури. Тому не дивно, що цей край привертав увагу багатьох істориків — О. М. Лазаревського, В. Г. Ляскоронського, М. І. Костомарова, етнографів-аматорів — В. Горленка, О. Русова, М. Арендаренка та ін.

Перша публікація В. Милорадовича з'явилася у «Киевской Старине». Це були «Свадебные песни в Лубенском уезде Полтавской губернии» — 269 пісень із докладною «паспортизацією» та коротким описом весільної обрядовості, зробленим у чіткій послідовності всього ритуалу, із фіксацією мовних особливостей говірок. Наступні розвідки були присвячені робітничим («строківським», «табашнім») пісням місцевих селян-заробітчан та рекрутським пісням. Його публікації із кожним роком урізноманітнювалися за тематикою, збагачувалися змістовно. Милорадович став постійним дописувачем «Киевской Старины», «Сборника Харьковского Историко-филологического общества», «Літературно-наукового вісника», газет «Полтавские губернские ведомости», «Одесские новости», «Днепровская волна» тощо.

Поруч із традиційними для нього дослідженнями («Снетинская старина», «Лесная Лубенщина», «Средняя Лубенщина») з'являються праці, в яких автор починає залучати широкий порівняльний матеріал («Заметки по поводу Валлонского и Сицилийского сборников по фольклору», «Народная медицина в Лубенском уезде Полтавской губернии» та ін.). Їх поява засвідчила, що всі ці роки Милорадович наполегливо займався самоосвітою. Ретельна фіксація етнографічного матеріалу та дбайливе, майже дослівне його викладення накладались на глибоке знання доступної для дослідника фахової літератури. Слід сказати, що нестача останньої в умовах невеликого повітового містечка, якими були на той час Лубни, була найболючішим для Милорадовича питанням.

З розгортанням етнографічних студій у Милорадовича часом не вистачало коштів на передплату всіх необхідних для роботи видань. Знаючи М. Ф. Сумцова, тодішнього голову Історико-філологічного товариства при Харківському університеті, як людину, що багато робить для допомоги місцевим краєзнавцям, він писав до нього: «Позвольте обратиться еще к Вам, причем я боюсь злоупотребить Вашей добротой и любезностью, с покорнейшей просьбой — не может ли Харьковское Историко-филологическое общество прислать мне временно для прочтения книги». Серед таких видань Милорадович, зокрема, називає розвідки П. В. Іванова («Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру», «Народные поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате»), самого М. Ф. Сумцова («Хлеб в обрядах и песнях») тощо. М. Ф. Сумцов постійно стежив за науковими студіями етнографа-аматора, всіляко підтримував його, заохочував до продовження досліджень, допомагав у публікації матеріалів.

Досить ознайомитися із бібліографією більшості досліджень Милорадовича, щоб пересвідчитись у настійному прагненні автора вийти за рамки провінційності. Свої спостереження та міркування він намагався співставляти із відповідними висновками Г. Спенсера, Е. Тейлора, а також залучати праці О. Веселовського, М. Костомарова, П. Куліша, І. Срезневського, етнографічні матеріали Ф. Вовка, Б. Грінченка, В. Даля, І. Манжури, М. Сумцова, П. Чубинського тощо. При аналізі фольклорно-етнографічної основи творів М. В. Гоголя «Вій» та «Зачароване місце» Милорадович торкається і теоретичних проблем, зокрема літературних взаємин («К вопросу об источниках «Вия»).

Характерні роздуми Милорадовича щодо проблем української мови: «Следует возвратиться к языку классиков: Шевченка, Стороженка, основавшись на среднемалорусском языке (Лубенского, Лохвицкого уездов), отбросив западные, северные и южные наречия... Вероятно, разбросанности сил и недостаткам языка следует приписать неуспех новейшей малорусской

литературы. Скажу о себе: я ждал ее с жадностью, но уже первые номера газет разочаровали вполне. Не только ужасный язык... но и самый строй мысли, построение речи не малорусское». Сам дослідник завжди намагався чітко фіксувати місцеві мовні особливості в кожному із поселень, розуміючи їх не тільки філологічне, а й історичне значення.

В ході дослідницької роботи формувалось і коло особистих зацікавлень етнографа. Серед них — розробка питань народної демонології як важливого ланцюга архаїчної слов'янської духовної культури. Демонологія знаходила відображення у фольклорі — казках, піснях, переказах; народній обрядовості — сімейній (родинна, весільна та поховальна), календарній (зокрема різдвяній, купальській), в народних уявленнях — космогонічних, метеорологічних, народно-медицинських тощо; у забобонах, оберегах, всіляких «охоронних» діях. Саме ці сюжети були предметом дослідження Милорадовича. Був у нього і ряд праць, спеціально присвячених даній тематиці: «Заметки о малорусской демонологии», «Украинская ведьма», «Малорусские народные поверья и рассказы о пятнице», «Украинские тайные знания и чары» та ін. Їх безперечна наукова цінність полягає в уважній, скрупульозній фіксації етнографічного матеріалу. Це опис персоніфікованих антропоморфних (П'ятниця, Середа, Неділя) та демонологічних (відьми, упирі, вовкулаки, русалки тощо) істот, опис відповідних норм поведінки людей, зокрема регламентацій повсякденного життя селянства, заборон на виконання певних видів робіт в буденні та святкові дні, можливих способів покарання за здійснене порушення тощо. Без цього доробку лубенського етнографа вивчення народного світогляду було би далеко не повним.

Активність Милорадовича у галузі збирацької роботи була відзначена Російським географічним товариством. У січні 1899 р. він був нагороджений срібною медаллю за збірку із 246 казок та оповідань, записаних у Лубенському повіті. Але незважаючи на це збірка була видана лише у 1912 і перевидана у наступному році. Ця робота отримала схвальний відгук відомого етнографа Д. К. Зеленіна. У 1908 р. фундаментальну працю Милорадовича «Житье-бытье лубенского крестьянина» разом із іншими було висунуто на здобуття премії ім. М. В. Гоголя Російської Академії наук.

Але шлях етнографа не був простим. Вивчення та популяризація побуту українського селянства були справою небезпечною. Деякі його збірки («Вечерничные и любовные песни Лубенского уезда Полтавской губернии» та ін.) були заборонені цензурою і так і не дійшли до читача.

Є відомості, що помер В. П. Милорадович у 1911 р. Результати його 20-річного «аматорського» дослідження народного побуту, його внесок у розвиток української етнографії дійсно вражаючі. Лишається лише пожалкувати, що праці цього визначного етнографа і дотепер розпорошені по періодичних виданнях.

Без перебільшення найфундаментальнішою у творчому доробку Милорадовича є праця «Житье-бытье лубенского крестьянина». Це не просто грунтовний опис матеріального побуту населення Лубенщини, його звичаєвості та обрядовості, як це могло б здатися. В центрі уваги дослідника — світ уявлень та розумінь українського селянства кінця XIX — початку XX ст. Опора на власні фольклорно-етнографічні спостереження та залучення порівняльного матеріалу надають праці Милорадовича справді енциклопедичного характеру.

Окремо слід наголосити на особливостях джерельної бази дослідження. Вона налічує близько 150 праць, серед них біля двох десятків іноземних. Знайомство із використаною Милорадовичем літературою дозволяє виявити забуті, а часом і невідомі сучасному етнографові джерела, доносить до нас особливості творчої лабораторії лубенського етнографа, засвідчує досить високий рівень тодішнього розвитку краєзнавства, фольклору та етнографії на Україні в цілому.

Разом із тим у цій праці найбільш чітко виступає характерна для автора

риса — відсутність чіткої методики опрацювання величезного емпіричного матеріалу. В цьому плані треба визнати влучним спостереження Сумцова: Милорадович — «местный этнограф, непосредственно черпающий материал из народных уст». Описуючи побут селянства, Милорадович-романтик частіше бере гору над Милорадовичем-дослідником. Але менш за все хотілось би із сьогоднішнього дня дорікати за це авторові.

Внаслідок багаторічної сумлінної роботи В. П. Милорадовича до нас дійшов майже повний етнографічний опис не одного села, як це було переважно прийнято на той час, а цілого повіту. Цілісність, оригінальність відомостей про матеріальний та культурний побут українців Полтавщини, насиченість фольклорними матеріалами, точність записів, скрупульозна передача мовних особливостей — все це надає працям В. П. Милорадовича неминущу цінність. До того ж багато з того, що зафіксував допитливий етнограф, за довгі десятиліття було безповоротно втрачено. «Житье-бытье лубенского крестьянина» — лише невеличке віконце в той давній світ.

П. В. ІВАНОВ

Петро Васильович Іванов (1837—1931) — етнограф-аматор, невтомний ентузіаст збирання та збереження старожитностей духовної та матеріальної культури населення його рідної Слобожанщини.

Біографічні дані про П. В. Іванова скупі. Відомо, що він народився в м. Чугуєві. Навчався в Харківській губернській гімназії. Після її закінчення служив у Кримському піхотному полку на Кавказі. З 1862 р. був вчителем та доглядачем повітового училища в м. Куп'янську, а з 1877 р.— інспектором народних училищ. У 1884 р. за станом здоров'я був вимушений піти у відставку.

Діяльність Іванова на терені краєзнавства почалася 1870 р., коли його обрали членом Товариства дослідників природи при Харківському університеті. В «Трудах» товариства було надруковано перші розвідки П. В. Іванова про різні види комах в околицях Куп'янська. Поглиблене, систематичне вивчення ним етнографії та фольклору Куп'янщини припадає на початок 80-х років. Розгортанню збирацької роботи сприяло і те, що Іванову вдалось залучити до неї своїх колег — сільських вчителів. Всі подальші роки вони складали кістяк його кореспондентської мережі. Безперечною заслугою Іванова було визначення тематики збирацької роботи, складання запитальників та анкет, розробка методики опитування. Так, в одному з листів до М. Ф. Сумцова він робить такий висновок щодо складання програм-запитальників: «чем шире, обширнее и сложнее программы — тем скуднее и ограниченнее получаемый материал». Щодо методики збирання матеріалу, то він вважав за доцільне використовувати принципи, прийняті у природознавчих науках: «Что делают ботаник и зоолог при ознакомлении с флорой и фауной какой-нибудь местности, то же должен делать собиратель поверий, преданий, сказок, песен и т. д. Как первые, ботаник и зоолог, составляют перечни видов растений и животных, описания местных разновидностей и их новых видов, так точно следует, по моему мнению, поступать и собирателям словесных произведений».

Перша етнографічна розвідка Іванова «Вірша на Рождество Христово» була надрукована в «Киевской Старине» (1882, № 11). Через три роки з'явилась добірка етнографічних записів «Знахарство, шептанье и заговоры в Старобельском и Купянском уездах Харьковской губернии». На цей час вже визначилася основна мета етнографа — згрупувати й почати публікувати зведення оригінального фольклорно-етнографічного матеріалу, який би збирався колективними зусиллями кореспондентів в межах одного повіту. Зазначимо, що від серйозної реалізації цієї мети Іванов завжди свідомо утримувався, вважаючи, що для цього потрібна спеціальна фахова підготов-

ка. Мрія скласти великий «Купянский сборник материалов по этнографии. От колыбели до могилы», який репрезентував би всі сторони духовного життя українського селянина (народный календар, весільну та поховальну обрядовість, ігри, пісні, казки), стала справою його життя. Але одразу виникли труднощі: давалися взнаки фінансові перепони, тому матеріал доводилось публікувати по частинах, не дотримуючись бажаної послідовності, до того ж в різних періодичних виданнях, зокрема «Этнографическом обозрении», «Харьковском сборнике», «Киевской Старине», «Сборнике Харьковского Историко-филологического общества» тощо. Тому в більшості публікацій повторювався підзаголовок великого зібрання: «Материалы для характеристики миросозерцания крестьянского населения Купянского уезда».

Іванов був «складним» автором для видавців. До зібраного матеріалу він ставився із благоговінням, надзвичайно цінуючи в ньому кожне слово, і тому завжди рішуче відмовлявся від будь-якого втручання в текст. Він, зокрема, писав: «...сокращать что-либо или выбрасывать из него я считаю невозможным, потому что это не соответствовало бы намеченной мною цели — собрать и издать как можно больше этнографических материалов. В этом отношении я придерживаюсь того взгляда, что всякое исследование должно обнимать возможно большую группу явлений, исчерпывать, если то достижимо, их все...» Безумовне значення мало і те, що дослідник приділяв велику увагу особливостям говірок Харківської губернії та намагався передати їх у своїх записах. Через століття ми можемо повною мірою оцінити, наскільки важливі для прийдешніх етнографів вибагливість та сумлінність їхнього попередника у фіксації та викладенні емпіричного матеріалу.

Збирацькі інтереси Іванова зосереджувались навколо тієї галузі народознавства, яка торкалась саме духовної культури. Слід сказати, що підвищений інтерес до духовного життя народу був загальною тенденцією розвитку етнографічної науки наприкінці XIX ст. Але розвідки Іванова, крім вже зазначеної регіональної специфіки, відзначалися ще й винятковістю сюжетів. Зокрема це стосується добору матеріалу щодо персонажів «нечистої сили»: вовкулаків («Кое-что о вовкулаках и по поводу их»; «Вовкулаки»), відьом, упирів, домовиків, водяників та русалок («Народные рассказы о ведьмах и упырях»; «Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках») тощо. У сукупності ці статті становлять найрідкіснішу збірку українського демонологічного фольклору — наскільки розповсюдженого, настільки ж недостатньо зафіксованого та описаного, особливо в регіоні Східної України.

В коло зацікавлень дослідника, яке ним самим окреслювалось як «народні уявлення та вірування, що відносяться до зовнішнього світу», включалися також сюжети, повз які до того часу проходила переважна більшість дослідників. Це стосується, зокрема, народних звичаїв, обрядів та вірувань, що пов'язані з «малоруською» хатою, комплексу вірувань про дні тижня, детального опису родильної обрядовості та дитячого фольклору, поглядів на людську душу тощо. Жодне з сучасних досліджень духовної культури українців просто не може не залучати цих матеріалів.

Слід зазначити, що Харківське Історико-філологічне товариство у 1907 р. все ж здійснило публікацію книги П. В. Іванова «Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии». Це стало можливим завдяки невеликій сумі грошей, яка була відписана Іванову його братом. Через кілька років до редакції «Этнографического обозрения» Іванов надіслав новий матеріал — збірник казок Куп'янського повіту (246 казок та 157 варіантів до них), проте за браком коштів видання не було здійснене.

У статті «Народные рассказы о Доле» П. В. Іванов відійшов від своїх традиційних методів роботи — «давати тільки те, що я споглядаю, бачу, чую...» — і зробив спробу, спираючись на наявний фактичний матеріал, певним чином узагальнити і головне — класифікувати різноманітні відомості про Долю, записані в Куп'янському повіті Харківської губернії.

У слов'янській міфології Доля була втіленням щастя, вдачі, які дарують-

ся людям божеством. Існує припущення, що саме слово «Бог» мало первісне значення — «Доля». Поруч із доброю долею як персоніфікацією щастя в міфологічних, а пізніше і фольклорних текстах виступає її антипод — Недоля, Лихо, Біда, Злидні.

Починаючи з другої половини XIX ст. ці персонажі викликали значний інтерес у дослідників, з'явилась література, присвячена цій проблемі (наприклад: *Потебня А. А.* «О доле и сродных с нею существах»; *Веселовский А. Н.* «Разыскания в области русского духовного стиха»; *Боровиковский А.* «Женская доля по малороссийским песням. Очерк из малороссийской поэзии»; *Веселовский А.* «Несколько новых данных к народным представлениям о Доле»; *Сумцов Н. Ф.* «Дополнение к статьям о Доле и Недоле»; *Довнар-Запольский М.* «Женская доля в песнях пинчуков»; *Васильев М. К.* «Антропоморфические представления в верованиях украинского народа» тощо).

У своїй розвідці Іванов виділяє три основних погляди народу на Долю. Слід зазначити, що такий його підхід викликав деякі заперечення сучасників щодо розмежування двох семантичних полів: «Доля — душа предків» і «Доля — душа людини». Але кожний, хто знайомився з цим дослідженням, був у захопленні від архаїчності зразків, надзвичайної яскравості етнографічних подробиць, зафіксованих автором. Особливо це стосується мотиву про те, як можна побачити Долю, підкорити її, а також сюжетів про перевертність Долі, про Долю-ангела тощо. Відомості, що містяться в статті П. В. Іванова, і досі лишаються важливими науковими фактами.

Остання за часом публікація П. В. Іванова з'явилася в 1913 р. В останні два десятиліття свого життя він втратив зір, його мучили хвороби, не вистачало грошей. Допомоги з боку наукових установ він так і не отримав. І як наслідок забуття — багате зібрання фольклорних матеріалів етнографа вчасно не було передане на державне зберігання. Відомо лише, що друга частина рукописного збірника «От колыбели до могилы» — «Сказки» — зберігається в архіві Інституту етнографії АН СРСР. Цей рукопис, як і надрукована свого часу спадщина невтомного збирача фольклору, ще чекають на своїх дослідників і публікаторів.

О. О. Боряк

В. М. ГНАТЮК

Володимир Михайлович Гнатюк (1871—1926) — фольклорист, етнограф, громадсько-політичний діяч. Народився у с. Велесневі (тепер Монастирського району Тернопільської області) у багатодітній селянській родині. 1898 року закінчив філологічний факультет Львівського університету. На запрошення М. С. Грушевського стає секретарем Наукового товариства ім. Шевченка у Львові, яке той очолював, трохи згодом — секретарем новоутвореної Етнографічної комісії товариства (голова комісії — І. Франко, заступник голови — Ф. Вовк). Цю посаду Гнатюк обіймав аж до 1913 р., коли його було обрано головою Етнографічної комісії. У 1899 р. він стає дійсним членом філологічної секції НТШ, а пізніше — її секретарем. Одночасно працює редактором «Літературно-наукового вісника» товариства, в якому публікує близько 50 своїх праць, понад 600 рецензій, оглядів, заміток.

З ініціативи Гнатюка 1898 року була заснована Українсько-руська видавнича спілка (згодом перейменована на Українську видавничу спілку), яка приділяла велику увагу популяризації наукової літератури. У 1900 р. вчений стає відповідальним редактором «Етнографічного збірника». 1902 року обирається членом Російської Академії наук у Петербурзі, згодом — членом Чехословацького етнографічного товариства у Празі.

У 1918 р. заходами уряду Української Народної Республіки було засновано Українську Академію наук і Гнатюка запропоновано у перші її академіки. Однак лише 1924 року його обрали позаштатним академіком на кафедру народної словесності з тим, що після переїзду до Києва він стане штатним академіком. Але за станом здоров'я вчений вже не зміг цього зробити.

В. М. Гнатюк похований на Личаківському кладовищі у Львові. Багато років він покоївся під скромною мармуровою плитою з досить лаконічним написом: «Володимир Гнатюк, етнограф». 1971 року цей надгробок було замінено монументальним пам'ятником з кам'яним бюстом.

В. М. Гнатюк — найвизначніший для свого часу дослідник української народної культури, а в цілому ряді питань і досі неперевершений авторитет. Його талант виявився у різних ділянках: він був прекрасним збирачем фольклору, видавцем унікальних корпусів української народної творчості та етнографії, автором грунтовних теоретичних праць. Протягом трьох десятиріч він фактично визначав напрям розвитку фольклористики й етнографії на Західній Україні. Саме він вивів ці галузі з стадії аматорства і поставив їх на міцний грунт, показавши, таким чином, належне місце українського фольклору в загальносвітовому контексті.

Інтерес Гнатюка до народних звичаїв та вірувань і, зокрема, до народної демонології та міфологічних уявлень був тісно пов'язаний із його науковим методом — комплексним вивченням традиційної духовної культури українського народу. Ці аспекти народної культури ще з студентських років привернули увагу дослідника. Ще навчаючись в університеті, він прорецензував дві праці відомого чеського етнографа і фольклориста Ф. Ржегоша, високо оцінивши його ставлення до української фольклорної традиції та наголосивши на впровадженні подібних студій на Україні. Фольклорно-етнографічний матеріал, пов'язаний із демонічно-міфологічними уявленнями українців Карпат (русинів Закарпаття, галичан, бойків та гуцулів), у подальшому стає основою фундаментальних праць самого В. Гнатюка.

1904 року вчений започаткував багатотомне видання збірників текстів народних демонологічних оповідань та переказів. Перший том цих текстів («Знадоби до галицько-руської демонології») і другий («Знадоби до української демонології») побачили світ на сторінках «Етнографічного вісника». Якщо перший том обмежується матеріалами, зібраними на Галичині, то другий включає також матеріали із Східної України (збірки М. Дикарєва, П. Тарасевського, Д. Щербаківського).

Цінність матеріалів з демонології, як писав Гнатюк, полягала не лише в тому, «що їх зібрано відповідно дуже мало, але й з тої причини, що в них міститься багато елементів, властивих лише нашому народові, а не перебраних із загальнолюдської скарбниці фольклорної, як се є, наприклад, із казками. Розуміється, що тими словами я не хочу приписувати сим матеріалам цілковитої оригінальності; звертаю лиш на них більшу увагу, якої вони заслуговують вповні».

Гнатюкові видання, як писав Ф. Колесса, «обставлені солідним науковим апаратом, словарцями діалектологічної лексики, вказівками на паралелі з української й інших літератур та попередніми вступними розвідками, що розглядають різні галузі усної словесності у зв'язку з досягненням дотеперішніх дослідів про звіриний епос, українську демонологію, коломийки,— є з кожного погляду дуже цінним вкладом в українську фольклористику». Багатий змістом двотомник Гнатюка, власне, став корпусом українських демонологічних вірувань. Разом з тим він звернув увагу на необхідність подальшого зібрання пам'яток усної традиції українського народу.

В період між виходом у світ першого та другого томів (1908 р.) Гнатюк видав збірку А. Онищука «Матеріали до гуцульської демонології». Трьома роками раніше він переклав з російської та видав працю В. Антоновича «Чари на Україні». Таким чином, можна вважати, що серіал текстів народних демонологічних оповідань та переказів, зібраних та підготовлених до

друку В. Гнатюком, складається з кількох томів і містить понад 1500 текстів, в переважній більшості представлених уперше.

Другому тому «Знадобів» передує вступна стаття В. Гнатюка «Останки передхристиянського світогляду наших предків», яка друкується в нашому виданні. Провідну особливість міфологічних уявлень автор убачає в уособленні сил природи, що було зумовлено пантеїзмом первісних людей. Міфологія, що була їхньою релігією, яка пронизувала їхні світоглядні уявлення про природу, стосунки з нею людини, визначалась дослідником і в своїх реліктових формах, що дійшли до наших часів. Своєю оцінкою міфологічних уявлень українців як наївно-матеріалістичних поглядів на взаємодію людини з природними стихійними силами В. Гнатюк зробив значний внесок у теорію народної демонології, уможливив перспективність вивчення цієї ділянки духовної спадщини народу, яка, на жаль, довгі роки після цього була повністю вилученою з контексту української культури.

П. С. ЄФИМЕНКО

Петро Савич Єфименко (1835—1908) — дослідник у галузі етнографії, правознавства, статистики. Народився у м. Великий Токмак Бердянського повіту Таврійської губернії (тепер м. Токмак Запорізької області). Закінчивши Катеринославську гімназію, продовжив освіту у Харківському та Московському університетах. Активний учасник Харківсько-Київського таємного товариства народницького напряму. Свою службову кар'єру П. Єфименко почав як засланець — у Красноуфімському (Пермська губернія) повітовому суді, згодом перейшов до Онезького (Архангельська губернія) земського суду, потім — у Холмогорське поліцейське управління. Пізніше отримав місце секретаря Архангельського статистичного комітету.

Не дивлячись на те, що постійна зміна місця проживання в малих містечках створювала великі незручності для наукової праці, природний глибокий розум П. Єфименка, його жагуче бажання зрозуміти народне життя зробили із скромного чиновника видатного дослідника — спочатку Північної, згодом Південної Росії.

Лише за шість років (1865—1871) Єфименко надрукував в «Архангельских губернских ведомостях» 115 статей з історії, етнографії, звичаєвого права, економічного побуту місцевого населення. Особливо значним є його «Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии». Московське Товариство любителів природознавства, антропології та етнографії видало два великих томи зібраних Єфименком «Материалов по этнографии русского населения Архангельской губернии». Його праці із звичаєвого права російської Півночі фактично були першими у вітчизняній науковій літературі.

Але, як писав сучасник Єфименка, «за походженням, і по характеру, і за смаками Петро Савич — людина півдня, і лише повернувшись знов на південь, у Воронеж, Самару, Чернігів і накінець до Харкова, він відчув себе у своїй тарілці». Тут дослідник, незважаючи на стан свого здоров'я, яке дедалі гіршало, продовжує плідно працювати. У 1874 р. він видає «Сборник малороссийских заклинаний». Значну увагу Єфименко приділяє статистиці (у Самарі та Харкові він був секретарем статистичного комітету, в Чернігові брав участь у роботах по земській статистиці, в Харкові очолював статистичне відділення повітової земської управи). Декілька років Єфименко видавав «Харківський Календар», де відкрив відділ наукових статей, зокрема з етнографії краю. Разом із своєю дружиною — істориком Олександрою Яківною Єфименко — він брав активну участь в організації краєзнавчого історичного гуртка, в роботі Історико-філологічного товариства при Харківському університеті.

1907 року подружжя Єфименків переїхало до Петербурга, де Петро Савич продовжував тяжко хворіти. Наступного року він помер.

П. С. Єфименко був природженим етнографом, якому притаманні величезна працелюбність, широкий науковий кругозір. Його праці містять детальні описи досліджуваних предметів, включають оригінальні зібрані автором достеменні польові матеріали.

Бажання дослідника збагатити знання сучасників про народні світоглядні уявлення, зокрема про таких персонажів української демонології, як упирі, викликало появу розвідки П. Єфименка «Упыри (Из истории народных верований)», що подається в нашому виданні. На конкретному матеріалі народних оповідей та історичних джерел автор показує варіанти проявів надприродної сили упирів у різних районах України, характеризує їхні ознаки, описує засоби знешкодження небезпечних для сільської громади вчинків цих істот тощо.

І. Я. ФРАНКО

Іван Якович Франко (1856—1916) — письменник, учений, громадський діяч, що зробив непересічний внесок у різноманітні галузі української культури.

Оскільки біографія Франка загальновідома, вважаємо за доцільне зупинитися на тих аспектах його діяльності, що пов'язані з етнографією та фольклористикою.

Ще у початкових класах школи у дванадцятирічному віці Франко почав записувати пісні, займатися збиранням етнографічних матеріалів. Пізніше, як писав Ф. Колесса, «відбулася дуже важна переміна в світогляді студентства, а передовсім І. Франка, під впливом М. Драгоманова, що після царського указу 1876 року, яким було заборонено друкувати в Росії українською мовою книжки навіть белетристичного змісту, виїхав за границю і не пропускав ніякої нагоди, щоби на наукових конгресах і в пресі піднести грімкий протест проти поневолення українського слова в Росії». Листи Драгоманова, звернені до академічної молоді, справляли на неї глибоке враження. Їдучи через Львів на еміграцію, він найближче зійшовся з Миколою Павликом, з яким приятелював Франко. Під впливом Драгоманова сформувались демократичні прагнення майбутнього письменника, його погляди на проблеми народності, мови, літературної творчості.

Теми своїх перших оповідань Франко бере безпосередньо з народного життя, у прозі та поезії сміливо звертається до суспільних тем. Друкуватися Франко почав з гімназичних років у львівському журналі «Друг». На сторінках цього журналу у започаткованій ним рубриці «Из уст народа» вийшла низка етнографічних розвідок, зокрема «Діти в українських піснях та повірках». Там же Франко почав друкувати оповіді з життя та побуту робітників-нафтовиків, у передмові до яких висловив думку про необхідність зміни «теперішнього суспільного устрою». 1877 року редакція журналу та сам Франко були арештовані.

Після звільнення Франко відчув на собі весь тягар присвоєного йому австро-угорською владою тавра «арештанта» і однодумця забороненого в Галичині М. Драгоманова. Видавництва відмовлялись приймати до друку його твори, навіть близькі знайомі ставились до нього з підозрою. Але майбутній Каменяр не занепадає духом і розгортає плідну працю на ниві зібрання, вивчення та популяризації зразків української народної культури.

Восени 1883 р. з почину Франка при студентському Академічному братстві у Львові було засновано етнографічно-статистичний гурток, що поставив собі метою систематичне збирання етнографічних матеріалів і зокрема виготовлення «по можности нової етнографічної бібліографії» з критичними примітками. Наступного року в журналі «Зоря» Франко публікує

розвідку «Останки первісного світогляду в руських і польських загадках народних», в якій робить висновок про те, що ці витвори народного світогляду є «міжнародним добром», випливом анімістичних поглядів на природу, а коріння їх сягає міфології різних народів.

Значущість Франка для українського народознавства, як писав Ф. Колесса у своїй «Історії української етнографії», полягає в тому, що «ідучи за почином і наказом Драгоманова, він умів зв'язати досліди з ділянки української фольклористики з загальним поступом європейської науки; в тому значенні він був піонером на галицькому грунті, та йдучи рука об руку з М. Грушевським і Хв. Вовком, надав напрям виданням Етнографічної комісії НТШ («Етнографічний збірник» та «Матеріали до української етнології»), в тому напрямку пішли й окремі студії з ділянки української етнографії й фольклористики, які що раз то частіше почали появлятися в «Записках» та в інших органах НТШ».

З 1895 по 1897 р. Франко видає літературно-науковий журнал «Житє і Слово», в якому належне місце відводить українському фольклору, етнографічним та релігіознавчим розвідкам. Наукові інтереси Франка обіймали широкий спектр української народної словесності: пісні, оповідання, приповідки, казки, анекдоти, забобони тощо.

Стаття «Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г.» вперше надрукована в журналі «Киевская Старина» 1890 року і підписана псевдонімом Мирон.

В. Я. ДАШКЕВИЧ

Всеволод Якович Дашкевич (1907—?) — вчений-етнограф і фольклорист. Народився в м. Овручі. 1926 року закінчив Харківський інститут народної освіти. Його висока професійна ерудиція, знання багатьох мов (німецької, французької, англійської, грецької, латинської, італійської, угорської, румунської, сербської, болгарської, чеської, польської, арабської, іспанської, татарської та литовської), новаторський підхід до розробки оригінальних тем етнографії та фольклористики, публіцистичний дар журналіста — усе це свого часу глибоко шанувалося сучасниками. У лютому 1945 р. йому було присвоєне звання члена-кореспондента АН УРСР.

Наукову діяльність В. Я. Дашкевич розпочав у Харкові — тодішній столиці молодої Радянської України. Саме на період після закінчення інституту припадає одна з перших його наукових розвідок з етнографії — «До питання про заложних тварин в уявленнях українського народу (З поля вивчення народного світогляду)». Фольклорно-етнографічні студії лягли в основу і кандидатської дисертації Дашкевича «До питання про фольклор в художній творчості Гоголя», яку він блискуче захистив 1942 року в Ленінградському університеті. Всесвітньовідомий російський фольклорист В. Я. Пропп високо оцінив цю працю, наголосивши на надзвичайній ерудиції автора і визнавши, що його дослідження являє собою перше повне зібрання даних про фольклорні елементи у творах М. Гоголя, яке одночасно відкрило й нові джерела гоголівського фольклоризму.

Безумовно, В. Я. Дашкевич був найбільш видатним українським етнографом пожовтневого періоду. Його авторський доробок налічує понад 100 друкованих праць з етнографії, фольклористики та діалектології, ряд рукописних творів, а також численні (понад 50) статті в газетах та журналах. Більшість цих праць має значну наукову цінність і свідчить як про талант автора, так і про його здібність шукати нові шляхи в науці, окреслювати нові важливі проблеми.

Про широчінь наукових інтересів Дашкевича свідчить тематика його основних робіт: «Досвід реставрації елементів половецького епосу», «Псевдосхідні сюжети у світовому фольклорі»; «Огляд української етнографії» (перший досвід систематичного курсу української етнографії, в якому ряд тем розроблено вперше); «Народна медицина на Україні» (велика робота, яка базується на зібраних автором матеріалах під час багаторічних польових досліджень і понині лишається унікальною); «Історія науки у Давній Русі» (перша спроба за допомогою новітніх фольклорно-етнографічних матеріалів реставрувати давні народні знання); «З взаємостосунків давньої писемності до фольклору»; «Історія української етнографії» та ін.

Дашкевич був єдиним з українських радянських етнографів, який плідно працював над такими темами, як народна етика та звичаєве право. Йому належить перша в радянській фольклористиці спроба дослідити народнопісенний творчий процес шляхом повторних записів тих самих осіб у часовому діапазоні 20—30 років («Пожовтневі зміни в пісенних текстах»). Йому ж належить пріоритет у поглибленому дослідженні міського фольклору («З досліджень над географією пісні»). Заслуговують на увагу лінгвістичні студії Дашкевича («З досліджень над географією мовних явищ в межах одного села»).

Не можна пройти повз такі праці вченого, як «Бібліографічний покажчик літератури з української етнографії», «Історія етнографії населення неслов'янського походження, що живе на Україні», «Огляд української етнографії й антропології», «З джерел до етнографії Західної України», «Порадник етнографа», «Українська народна ветеринарія», «Народні знання слов'ян», «Східне слов'янство як одне з вогнищ світової культури», «До вивчення народних знань», «До вивчення народної ветеринарії» та багато інших.

Протягом своєї діяльності в АН УРСР (1944—1948 рр.) Дашкевич неодноразово виступав з проблемними науковими доповідями на сесіях академії. Серед них слід назвати: «До питання про вплив Київської Русі на культуру інших народів», «Патріотичні мотиви у творчості народів СРСР» та ін.

Творчі успіхи В. Я. Дашкевича, його високий вчений статус не давали спокою чиновникам від науки. Всевладдя таких діячів, як П. Д. Павлій, який виконував обов'язки директора Інституту мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР, де Дашкевич працював з 1948 р. на посаді завідуючого відділом етнографії, не знало меж. Отож, за неявку на роботу протягом декількох днів член-кореспондент АН УРСР В. Я. Дашкевич був звільнений. Українська Радянська Енциклопедія скромно повідомляє: з 1948 р. В. Я. Дашкевич працював у пресі. І посьогодні невідома точна дата його смерті.

У рукописному відділі ІМФЕ зберігаються деякі з рукописних праць В. Я. Дашкевича, які чекають на своїх дослідників. Публікація його першої наукової розвідки та наведені вперше короткі біографічні відомості є першою спробою повернути з небуття ім'я вченого, яке повинне зайняти належне місце в історії української науки.

Т. В. Косміна

Д. М. ЩЕРБАКІВСЬКИЙ

Данило Михайлович Щербаківський (1877—1927) — археолог, етнограф, мистецтвознавець, музейний працівник, організатор і вихователь наукових кадрів, людина, безмежно віддана рідній культурі.

Д. М. Щербаківський народився в с. Шпичинцях Сквирського повіту на Київщині в сім'ї священика. Родинна атмосфера була заповнена інтересами освіти та культури. Батько його добре володів пером, про що свідчить його стаття «Детский эдем до вкушения от древа познания добра и зла (Из

детского мира деревенского мальчика)», надрукована в «Киевской Старине» у 1894—1895 рр. Разом із старшим братом (майбутнім професором Українського університету в Празі) Данило рано проявив здібності до науки. Середню освіту він одержав у Києві, закінчивши гімназію із золотою медаллю. У цей час він жив у своїх родичів — сім'ї помічника секретаря правління Київської духовної академії — і тому мав можливість вільно користуватися академічною бібліотекою. При читанні книг (а цікавився він переважно історичною літературою і вивчив, зокрема, 29 томів «Истории России с древнейших времен» В. Соловйова) він завжди робив виписки, вів хронологію історичних подій — понад 23 тис. дат, більшість яких він держав у своїй пам'яті. Ще у гімназичні роки Щербаківський захопився народними піснями і в рідному селі записав їх декілька сотень.

По закінченні гімназії 1897 року Щербаківський вступив до історично-філологічного факультету Київського університету. Своєю зацікавленістю історією України та археологією він завдячував професорові В. Б. Антоновичу. Після університету Щербаківський почав готуватися до аспірантури, одночасно працюючи учителем приватної гімназії в Києві. У цей час він захоплюється вивченням минулого Волині, зокрема історією Луцького князівства. Інтерес до археології зумовив участь Д. М. Щербаківського у роботі підготовчого комітету по організації XIII Археологічного з'їзду в Катеринославі. За дорученням комітету він влітку 1904 р. разом із братом проводив розкопки поблизу слободи Серезліївки Єлисаветградського повіту. Щоденник цих розкопок був видрукований на сторінках «Археологической летописи России» (1905, № 1—2). Згодом під впливом М. Т. Біляшівського — директора Київського міського музею старожитностей і мистецтва — Щербаківський захопився вивченням українського народного мистецтва, народного побуту.

Посада вчителя не звільняла від військової служби, а російсько-японська війна продовжила строк перебування Щербаківського у війську, де він був гарматним офіцером. Під час служби на Кавказі Данило Михайлович відмовився стріляти по «бунтівниках» і дивом уник трибуналу. Перебуваючи під наглядом поліції, він продовжував активно збирати для Київського музею цінні експонати, фотографувати пам'ятки народного мистецтва та побуту.

Звільнившись із військової служби у 1906 р., Щербаківський не зміг повернутися до Києва — попечитель учбового округу призначив його на посаду вчителя чоловічої та жіночої гімназій в Умані. Тут Данило Михайлович перебував чотири роки, але зацікавлень своїх не залишав, разом із учнями продовжуючи експедиційні дослідження. Його зусиллями при гімназії було створено гурток дослідників місцевої старовини, а згодом і музей, що пізніше перетворився на міський. Із учасників гуртка вийшов П. Курінний — згодом директор Уманського музею, співробітник Української Академії наук.

Після переїзду до Києва з 1910 р. Щербаківський очолював історико-побутовий відділ та відділ народного мистецтва Київського художньо-промислового та наукового музею (таку назву тоді носив музей, створений М. Біляшівським у 1904 р.; з 1919 — Перший державний музей, з 1924 по 1936 — Всеукраїнський історичний музей ім. Т. Г. Шевченка; тепер — Український музей образотворчого мистецтва та Історичний музей України). На той час він містив чималу колекцію пам'яток старовинного українського народного мистецтва, яка поповнювалась за активною участю Щербаківського. Так, тільки в 1906 р. на Полтавщині ним було зібрано 230 килимів, а також інші зразки декоративно-прикладного мистецтва. Експедиційні маршрути вченого пролягли ледь не через всю Україну. Йому вдалось об'їхати і чимало країн Європи. Із Берліна, Нюрнберга, Мюнхена, Дрездена, Праги, Верони, Відня, Венеції, Кракова він привозить цінні експонати, що стають основою фондів загальнонаціонального музею України. Дослідник доклав також значних зусиль до створення краєзнавчого музею у Полтаві,

розвитку багатьох відділів Всеукраїнського історичного музею ім. Т. Г. Шевченка у Києві, до влаштування 1911 року в цьому музеї першої на Україні публічної Шевченківської виставки до 50-х роковин смерті Кобзаря.

Перша світова війна відірвала Щербаківського від улюбленої справи — у 1914—1917 рр. йому довелось бути на австрійському фронті. Але й звідти йому вдавалось надсилати до музею придбані на власні кошти численні пам'ятки народного мистецтва. Він змальовував і зафотографовував історичні реліквії в Галичині, Карпатах, на Буковині. Усі ці матеріали дали змогу Щербаківському згодом підготувати в Київському музеї виставку мистецтва Галичини, а також написати спеціальне дослідження — «Буковинські і галицькі церкви, надгробки і придорожні хрести, фігури і каплиці».

Слід сказати, що експедиційні та експозиційні клопоти залишали Щербаківському надто мало часу для наукових студій. Ерудований мистецтвознавець та етнограф, він написав і надрукував досить-таки мало, виходячи з того, скільки він міг би дати історії нашої культури. Його публікації (а їх понад 60) у різних часописах («Киевская Старина», «Археологическая летопись», «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца», «Україна», «Життя й революція», «Українське мистецтво» та ін.) вражають широтою авторських зацікавлень. Це проблеми археології, історії, музеєзнавства (зокрема охорони та збереження пам'яток), архітектури, народного образотворчого та декоративно-прикладного мистецтва (зокрема історії українського портрета, килимарства та золотарства), музикознавства. Чимало цінних матеріалів було зібрано Щербаківським у царині етнографії, проте лише незначну частину цього набутку він встиг використати у своїх друкованих працях. І все ж таки те, що було ним підготовлене та опубліковане, вражає грунтовністю викладу, ерудицією автора, новизною спостережень та узагальнень. Безумовно, вчений поступово підходив до створення капітальної праці з української культури.

Людина енциклопедичних знань, Щербаківський щедро ділився своїми знаннями та досвідом, викладаючи в Архітектурному інституті, Українській академії мистецтв, Київському художньому інституті, Українському археологічному інституті. Данило Михайлович стояв біля витоків Кабінету антропології та етнології ім. Ф. Вовка, Етнографічного товариства. Свою багату книгозбірню вчений подарував Всеукраїнському археологічному комітетові, заступником голови якого він був. Щербаківський — ініціатор багатьох наукових видань, виставок, товариств, установ та музейних експозицій. 1914 року він намагався створити у музеї, де працював, друковане видання — «Известия отдела старого Киева при Киевском городском музее». У 1921 р. завдяки його клопотанням було видано «Збірник секції мистецтв Українського наукового товариства» та у 1925 р.— «Записки Етнографічного товариства». У 1926 р. у Києво-Печерській лаврі було утворене музейне містечко. Щербаківський був тісно пов'язаний з ним як член наукової ради реставраційної майстерні та член редакційної колегії збірника «Український музей».

Сучасників вражала надзвичайна працьовитість Данила Михайловича, відданість своїй справі, людяність, щирість, скромність. Можливо, саме через останнє повною мірою і вчасно не було оцінене те, що зробив учений на ниві української культури.

Д. М. Щербаківський пішов із життя у 1927 р. Він сам обрав собі смерть у дніпрових водах, не витримавши нестерпних умов роботи, що склалися в музеї. До початку масового цілеспрямованого знищення української інтелігенції лишалося декілька років. Ім'я талановитого вченого стало одним із перших у цьому трагічному списку. Його могила на території Києво-Печерської лаври десятиліттями була забутою та покинутою...

Розвідка Д. М. Щербаківського «Сторінка з української демонології. (Вірування про холеру)» на сьогодні є бібліографічною рідкістю. Вона

помітно вирізняється із решти його наукових робіт, які мали переважно мистецтвознавчий характер. Із залученням широкого порівняльного матеріалу, зафіксованого в різних регіонах України та Білорусії, а також власних польових спостережень автор дає детальний опис давніх ритуалів, обрядових дій та атрибутів, які нині цілком втрачені. Майже через 70 років доробок Д. М. Щербаківського в галузі етнографії повертається широкому загалові.

О. О. Боряк

Х. П. ЯЩУРЖИНСЬКИЙ

Хрисанф Петрович Ящуржинський (1852—?) — етнограф, археолог та педагог. Вчився у Київському та Варшавському університетах на слов'яно-російському відділенні історико-філологічного факультету. В Одеському інституті ім. Миколи I та в жіночій гімназії викладав російську мову.

Активна творча діяльність Ящуржинського припадає на кінець XIX ст., коли прогресивною інтелігенцією володіли ідея народності та романтичне захоплення творами усної народної словесності. У легендарних та містичних елементах обрядового фольклору, історичних та баладових піснях, демонологічних оповідях, обрядах та повір'ях шукались останки давніх релігійних уявлень, джерельні витоки традиційних форм національної культури, досліджувались їхні міграційні шляхи на основі історико-порівняльних методів.

Серед наукових дисциплін, які виникли на основі цих ідей, провідна роль належала порівняльному мовознавству, яке вбачало спільним мовним архетипом індоєвропейську прамову. Спираючись на порівняльну методику, тодішня фольклористика та етнографія головну увагу приділяли вивченню та відтворенню культурних форм давньої передісторичної доби.

Як справедливо наголошував Ф. Колесса, «романтизм давав вільний простір для фантазії й почування, наслідком чого в деяких відтінках романтизму зазначується помітний нахил до містицизму та вияв релігійного почування, туга за кращим світом. Тому ж і в національній культурі відчувано з особливою пильністю елементи релігійних виображень, і фольклористика того часу звертала пильну увагу на останки давніх релігійних уявлень в народних віруваннях і в усній словесності, на давні релігійні міфи».

Порівняльне мовознавство, історія мови, історія права, міфологія, фольклористика, етнографія намагались дати уявлення про історичний розвиток народів у різних ділянках суспільного життя і культури, а методика порівняльного аналізу сприяла виявленню спільних джерел та національних особливостей культури кожного з досліджуваних народів.

Одна з перших фольклорно-етнографічних розвідок Ящуржинського з'явилась у 1880 р. в журналі «Русский филологический вестник» — «Лирические малорусские песни по преимуществу свадебные сравнительно с великорусскими». Автор докладно спиняється на символіці весільних обрядів і пісень, виводить символічні уявлення народу з доби анімізму.

У журналі «Киевская Старина» у 80—90-ті роки Ящуржинський вмістив цілу низку нарисів та статей, які представляють погляди автора на проблеми української народності, обрядової поезії та вірувань, містять нові етнографічні матеріали: «Колядки», «Колядки религиозно-апокрифического содержания», «Культ хлеба в малорусских колядках» та ін. Автор підкреслює відгомін старовинного культу хліба і хліборобства у різдвяних і новорічних обрядах (кутя, ворожіння про урожай, посипання зерном), у колядкових мотивах (про орання, сівбу, жнива), в участі святих у господарських роботах і колядкових побажаннях. У розвідці «Весенние хороводы, игры и песни» він розкриває символіку птахів в українській народній поезії, головним чином у веснянках. Витоки ритуалу освячення квітів учений вбачає у передхристиянському обряді жертвоприношення («Народный праздник св. мучеников Маккавеев»). У цій публікації автор подає цілющі властивості маку, моркви, любистку, кропу, м'яти, полину, рути та інших рослин. Дівочі ворожіння у селах і містах на вечір Андрія він описує в статті «Гадания накануне Андрея Первозванного». Цікаві паралелі у весільному та поховальному обрядах наводить Ящуржинський у розвідці «Малорусские причитания над умершим». У попередній своїй статті на цю ж тему — «Останки языческих обрядов, сохранившихся в малорусских погребениях» — він зосереджує увагу на архаїчних формах ритуалу, його подібності до весільного обряду — у випадках поховання дівчини. Досліджував Ящуржинський і сімейну обрядовість («Поверья и обрядности родин и крестин»). Цікавими є відомості вченого про ставлення народу до такого соціального лиха, як пияцтво («Народные песни про мужей-пьяниц»).

На особливу увагу заслуговує наукова розвідка Х. П. Ящуржинського «О превращениях в малорусских сказках» — про залишки міфологічного світогляду українців, що представлені у цих пам'ятках народної словесності. Автор вважає казкові метаморфози залишками міфологічного ставлення наших предків до оточуючої природи, наводить перелік різних форм казкових перетворень — перемін. Сліди метаморфоз добачає Ящуржинський також в уособленнях, персоніфікаціях, що у великій кількості дає нам українська народна казка.

Г. В. Косміна

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ, ВИКОРИСТАНОЇ АВТОРАМИ *

Антонович В. Б. Колдовство: Документы. Процессы. Исследования. СПб., 1877

Арендаренко Н. Записки о Полтавской губернии, составленные... в 1846 г., в трех частях. Полтава, 1848.

Афанасьев А. Ведун и ведьма // Комета. М., 1851.

Афанасьев А. Народные русские сказки. М., 1855—1863. Вып. I — VIII.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифологическими сказаниями других родственных народов. М., 1865—1869. Т. 1—3.

Бакай Н. Городничий и св. Пятница // Киев. Старина. 1885. № 12.

Беньковский И. Народные обычаи и обряды, приуроченные к Спасу // Киев. Старина. 1895. № 7—9.

Беньковский И. Народный взгляд на «нечистую» женщину // Киев. Старина. 1899. № 6.

Беньковский И. Осина в верованиях и понятиях народа на

---

* Оскільки більшість авторів користувалися приблизно одним колом джерел, а бібліографічні посилання традиційно подавали скорочено та з численними повтореннями, вважаємо за доцільне представити зведений перелік, складений за сучасними нормами, який охоплює науковий апарат праць, що публікуються. По можливості розкриті всі основні видання історичного, етнографічного, фольклорного, загальнокультурологічного характеру, за винятком робіт, вміщених у нашому виданні, та окремих непрофільних публікацій. На жаль, не всі авторські посилання вдалося розшифрувати; особливо це стосується іншомовних, а також деяких інших раритетних друків. Перелік доповнений окремою бібліографією української народної демонології. — *Прим. упор.*

Волыни: Поверья и суеверья, относящиеся к охоте // Киев. Старина. 1898. № 7—8.

Беньковский И. Поверья, обычаи, обряды, суеверия и приметы, приуроченные к «Риздвяным святам». // Киев. Старина. 1896. № 1.

Богданович А. В. Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава, 1877.

Боржковский В. Лирники // Киев. Старина. 1889. № 9.

Булашев Г. О. Украинский народ в своих легендах и религиозных воззрениях и верованиях: Вып. 1. Космогонические украинские народные воззрения и верования. К., 1909.

Буслаев Ф. И. Славянские сказки // Б-ка для чтения. 1860. Т. III.

Буслаев Ф. И. Судьба женщины в народных книгах // Б-ка для чтения. 1864. Т. III.

Василенко В. И. Земледелие по украинским народным воззрениям. Полтава, 1893.

Васильев М. К. К легендам о голоде, холере и войне: Антропологические представления в верованиях украинского народа // Этногр. обозрение. 1890. № 1, 2—3, 4.

Веселовский А. Н. Опыты по истории развития христианской легенды // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1876. № 4.

Вишневский Д. «Дитя не человеческого подобия, но бесовского» (Из акушерской практики прошлого века) // Киев. Старина. 1885. № 5.

Волков Ф. К. Отличительные черты южнорусской орнаментики // Труды III Археол. съезда. К., 1878. Т. II.

Волков Ф. К. Список растений с народными названиями, доставленных М. Ф. Семеренком // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. К., 1873. Т. I.

Гнатюк В. М. Знадоби до галицько-руської демонології // Етногр. зб. Львів, 1903. Т. XV.

Гнатюк В. М. Знадоби до української демонології // Етногр. зб. 1912. Т. XXXIII — XXXIV, вип. I — II.

Головацкий Я. Ф. О костюме или народном убранстве русинов или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии // Отеч. зап. 1867. Т. 175. № 11, 12.

Григорьев В. Руководство к ботанике. М., 1864.

Гринченко Б. Д. Из уст народа: Малорусские рассказы, сказки и проч. Чернигов, 1901.

Гринченко Б. Д. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседней с ней губерниях. Чернигов, 1895—1899. Вып. 1—3.

Гулак-Артемовский О. Народні українські пісні з голосом. К., 1883.

Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1880.

Дикарев М. А. Заметки по истории народной ботаники // Этногр. обозрение. 1899.
Дикарев М. Малорусское слово «паляниця» и греческое πελανos // Киев. Старина. 1899. № 10.
Драгоманов М. Малороссийские народные предания и рассказы. К., 1876.
Ефименко П. Подозрение, возведенное на проезжающих, в отравлении воды во время холеры 1848 г. // Киев. Старина. 1883. № 6.
Ефименко П. Сборник малорусских заклинаний. М., 1874.
Зеленин Д. К. «Обыденные» полотенца и «обыденные» храмы (Русские народные обычаи) // Живая Старина. Спб., 1911. Вып. 1.
Иванов П. Знахарство, шептание и заговоры в Старобельском и Купянском уездах Харьковской губ. // Киев. Старина. 1885. № 12.
Иванов П. Краткий очерк воззрений крестьянского населения Купянского уезда Харьковской губернии на душу и на загробную жизнь, составленный по словам стариков и старух. М., 1887.
Иванов П. Народные рассказы о домовых, леших, водяных и русалках // Сб. Харьк. Ист.-филол. об-ва. 1893. Т. 5, вып. 1.
Иванов П. Народные рассказы о кладах // Харьк. сб. 1890. Вып. IV.
Иващенко П. С. Религиозная культура южнорусского народа в его пословицах // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. 1874. Т. II.
Иващенко П. С. Приложение к сообщению о кобзарях Павле Братице и Прокопе Дубе // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. 1875. Т. II (за 1874 г.).
Из народных рассказов о велетнях и пятнице // Киев. Старина. 1885. № 9.
Каминский В. К народной демонологии // Киев. Старина. 1906. № 5—6.
Каруновский В. П. Статистическое описание Лубенского округа Полтавской губернии // Полт. губ. ведомости. 1890. № 43—46. 47—53, 55—60, 62—67.
Кистяковский А. К истории верования о продаже души черту (Дела Генерального Малороссийского войскового суда) // Киев. Старина. 1882. № 7.
Ковалевский М. Очерк происхождения семьи и собственности. СПб., 1895.
Комаров М. Нова збірка народних малоруських приказів, прислів'їв, помовок і загадок і замовлянь. Одеса, 1890.
Конощенко А. Українські пісні (з нотами). Одеса, 1900.
Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. Х., 1843.
Кошович К. Живой упырь в борьбе с умершими упырями // Киев. Старина. 1884. № 1.

Кравченко Д. Из народных рассказов о проклятых детях // Киев. Старина. 1889. № 9.
Кулиш П. А. История воссоединения Руси. СПб., 1874. Т. I — II.
Кулишер М. П. Из истории цехов у нас и в Европе // Вестн. Европы. 1888. № 8.
Лазаревский А. Описание Старой Малороссии. Прилуцкий полк // Киев. Старина. 1901. № 7—8.
Левицкий О. Взгляд на ремесло палача в старой Малороссии // Киев. Старина. 1889. № 12.
Левицкий О. Старинные воззрения на самоубийство и отголосок их в народных обычаях Южной Руси // Киев. Старина. 1891. № 12.
Левченко М. М. Несколько данных о жилище и пище южнорусов // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. 1875. Т. II (за 1874 г).
Летурно Ш. Социология, основанная на этнографии. СПб., 1895—1898. Вып. 1—3.
Летурно Ш. Эволюция рабства у различных человеческих рас // Мир Божий. 1897. № 6.
Липперт Ю. История культуры. СПб., 1895.
Максимович М. А. Дни и месяцы украинского селянина // Собр. соч.: В 3 т. К., 1877. Т. 2.
Малинка А. Апокрифы, записанные в Волынской губернии... // Юбил. сб. в честь Вс. Ф. Миллера. М., 1900.
Малинка А. Рассказы о ведьмах // Киев. Старина. 1894. № 3.
Малороссийские суеверия, коим мало кто верил, собранные в 1776 г. (Рукопись А. И. Чепы) // Киев. Старина. 1892. № 1.
Манжура И. И. Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях // Сб. Харьк. Ист.-филол. об-ва. 1890. Т. 2, вып. 2.
Миллер В. Ф. Всемирная сказка в культурно-историческом освещении // Рус. Мысль. 1893. № 12.
Милорадович В. К вопросу об источниках «Вия» // Киев. Старина. 1896. № 9.
Милорадович В. П. Казки та оповідання, записані в Лубенщині. Полтава, 1913.
Милорадович В. П. Лесная Лубенщина. К., 1900.
Милорадович В. П. Народная медицина в Лубенском уезде Полтавской губернии // Киев. Старина. 1900. № 1, 2, 3, 5, 7—8.
Милорадович В. П. Народные обряды и песни Лубенского уезда Полтавской губернии // Сб. Харьк. Ист.-филол. общества. 1897. № 10.
Милорадович В. П. На свадьбе у богача // По морю и суше. Одесса, 1895. № 18.
Милорадович В. П. Прощание рекрута и рекрутские песни в Лубенском уезде Полтавской губернии // Киев. Старина. 1897. № 7—8

Милорадович В. П. Рабочие песни Лубенского уезда Полтавской губернии, собранные в 1890—1893 гг. К., 1895.
Милорадович В. П. Рождественные святки в северной части Лубенского уезда. Полтава, 1893.
Милорадович В. П. Свадебные песни в Лубенском уезде Полтавской губернии. К., 1890.
Милорадович В. П. Снетинская старина // Киев. Старина. 1897. № 9, 10.
Милорадович В. П. Украинская ведьма // Киев. Старина. 1901. № 2.
Милорадович В. П. Украинские тайные знания и чары // Сб. Харьк. Ист.-филол. об-ва. 1909. Т. 18.
Милорадович В. П. Этнографические элементы в повести Гоголя «Заколдованное место» // Киев. Старина. 1897. № 9.
Мюллер М. Наука о языке: Новый ряд чтений. Воронеж, 1868—1870. Вып. 1—2.
Невірова К. Мотиви української демонольогії в «Вечерах» та «Миргороде» Гоголя // Зап. Укр. наук. т-ва. 1909. Кн. V.
Нечуй-Левицький І. Світогляд українського народу. Ескіз української міфології. Львів, 1876.
Новицкий Я. П. Употребление табаку по народным поверьям // Киев. Старина. 1888. № 4.
Онищук А. Матеріали до гуцульської демонольогії, записані у с. Зелениці Надвірнянського повіту // Матеріали до українсько-руської етнольогії. Львів, 1909. Т. XI, ч. 2.
Охримович В. Значение малорусских свадебных обрядов и песен в истории развития семьи // Этногр. обозрение. 1891. № 4; 1892. № 4.
Потебня А. А. Малорусские домашние лечебники XVIII в. // Киев. Старина. 1890. № 1 (Приложение).
Потебня А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен. Варшава, 1883—1887. Т. 1 — II.
Пыпин А. Н. Древний период русской литературы и образованности // Вестн. Европы. 1875. № 11.
Редько А. Нечистая сила в судьбах женщины-матери // Этногр. обозрение. 1899. № 1—2.
Рудченко И. Я. Народные южно-русские сказки. К., 1870.
Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., Т. 1, кн. 1—4; 1849. Т. 2, кн. 5—8.
Свидницкий А. (Патриченко). Великдень у подолян // Основа. 1861. Т. IV, № 10, 11—12.
Симонов М. Т. (Номис М.). Різдвяні святки // Основа. 1861. № 1, 5, 6.
Симонов М. Т. (Номис М.). Українські приказки, прислів'я і таке інше. СПб., 1864.
Скубак М. Одежда крестьян сл. Араповки Купянского уезда, приметы и поверья, относящиеся к ней и к материалам, из которых она сделана // Харьк. сборник. 1890. Кн. 4.

Спенсер Г. Основания социологии. СПб., 1876—1877. Т. 1—2.
Срезневский И. Н. Исследования о языческом богослужении древних славян // Финск. вестник. 1847. Т. 21. № 9.
Сумцов Н. Ф. Заяц в народной словесности // Этногр. обозрение. 1891. № 3.
Сумцов Н. Ф. Культурные переживания // Киев. Старина. 1889. № 1, 2, 4, 5—6, 7, 8, 9, 10, 11, 12; 1890. № 1, 2, 4, 5, 6, 7, 10.
Сумцов Н. Ф. Малорусские сказки по сборникам Колберга и Мошинской // Этногр. обозрение. 1894. Т. XXII, № 3.
Сумцов Н. Ф. Писанки. К., 1891.
Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах // Сб. Харьк. Ист.-филол. об-ва. 1899. Т. 11.
Сумцов Н. Ф. Хлеб в обрядах и песнях. Х., 1885.
Сумцов Н. Ф. Этнографические заметки // Этногр. обозрение. 1889. № 3.
Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. I — VII.
Тэйлор Э. Б. Первобытная культура: Исследования развития мифологии, философии, религии, искусства и обычаев. СПб., 1872—1873. Т. 1—2.
Фюстель де-Куланж. Древнее общество: Обзор культа права и учреждений Греции и Рима. СПб., 1867—1868. Вып. 1—3.
Хетчинсон. Очерки доисторического мира // Мир Божий. 1897. № 9.
Чубинский П. П. Инвентарь крестьянского хозяйства // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. 1875. Т. II (за 1874 г.).
Чубинский П. П. Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край... СПб., 1872—1878. Т. I—7.
Шамбинаго С. К. Древнерусское жилище по былинам // Юбил. сб. в честь Вс. Ф. Миллера. М., 1900.
Шашков С. С. Очерк истории русской женщины. СПб., 1871.
Шейковский К. Быт подолян. К., 1859—1860. Т. 1, вып. 1—2.
Шейн П. В. Белорусские песни, собранные П. В. Шейном // Зап. Юго-Зап. отд. РГО. 1873. Т. V.
Шухевич В. Гуцульщина. Львів, 1899—1908. Ч. 1—5.
Щ. В. Пища и питье крестьян-малоруссов, с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами // Этногр. обозрение. 1899. № 1—3.
Я. Ш. Убийство упыря в Киевщине во время чумы 1770 г. // Киев. Старина. 1890. № 2.
Ястребов В. Н. Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уезде Херсонской губернии. Одесса, 1894.

БІБЛІОГРАФІЯ УКРАЇНСЬКОЇ НАРОДНОЇ ДЕМОНОЛОГІЇ*

Афанасьев А. Н. Вовкулак (поверье) // Одес. вестн. 1853. № 63, 64.

Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию. СПб., 1861. Ч. 1—2.

Барвинский В. К вопросу об упырях // Вестн. Харьк. Ист.-филол. об-ва. 1914. Вып. 5.

Беньковский Ив. Мак в народной демонологии Волыни // Киев. Старина. 1906. № 4.

Беньковский И. Рассказ о вовкулаках // Киев. Старина. 1894. № 12.

Беньковский И. «Як сатана збирав закони по землі» (Из народных уст) // Киев. Старина. 1906. № 9.

Берс А. А. Естественная история черта (его рождение, жизнь и смерть). СПб., 1907.

Биберштейн Г. Народные предания в Подолии (Граф Мотыка). Каменец-Подольский, 1881.

Білий В. До звичаю кидати гілки на могили «заложних» мерців // Етногр. вісн. 1926. Кн. 3.

Білило Ц. (Мордовець Данило). Під небом України // Зоря. 1893. № 2, 4, 6, 7, 8.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб, 1801. Т. 1—2.

Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Т. 1—2.

Вагилевич И. Гуцулы, обитатели восточной отрасли Карпатских гор // Пантеон. 1855. Т. XXI, кн. 5.

Васильев М. К. Песенные мотивы о превращениях // Этногр. обозрение. 1890. № 6.

Васильев М. К. Украинские легенды и верования, связанные с именами некоторых святых // Этногр. обозрение. 1895. № 4.

Веселовский А. Несколько новых данных к народным представлениям о Доле // Этногр. обозрение. 1891. Кн. IX, № 2.

Воззрения древнерусского народа на ангелов и злых духов // Руководство для сельских пастырей. К., 1867. № 1.

Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Пг., 1916. Т. II.

* Включає основну вітчизняну літературу з української демонології, що була опублікована протягом XIX ст.—20-х років XX ст.— у період найбільш інтенсивного дослідження цієї проблематики на Україні. При складанні використаний довідник О. Андрієвського «Бібліографія літератури з українського фольклору» (К., 1930), що протягом кількох десятиліть перебував на спецзберіганні. До переліку не увійшли праці, подані вище у зведеному списку джерел.— *Прим. упор.*

Г. М. Ведьмы (Очерк из жизни Полесья) // Неделя (Львов). 1875. № 46.

Гнатюк В. Етнографічні матеріали з Угорської Русі // Етногр. зб. Львів, 1900. Т. IX.

Гнатюк В. Купанє й паленє відьм у Галичині // Матеріали з українсько-руської етнольогії. Львів, 1912. Т. XV.

Головацкий Я. Ф. Очерк старославянского баснословия или мифологии. Львов, 1860.

Грузинский А. Е. Урожай и холера // Этногр. обозрение. 1892. № 2—3.

Грушевська К. З примітивного господарства: кілька зауважень про засоби жіночої господарчої магії у зв'язку з найстарішими формами жіночого господарства // Первісне громадянство та його пережитки на Україні. Б. м., 1927. Вип. 1—3.

Грушевский М. Суеверная встреча праздника Пасхи у южнорусских простолюдинов // Руководство для сельских пастырей. К., 1862. № 18.

Гуляницкий. А. Домовые и лешие как предмет народного суеверия // Полт. епарх. ведомости. 1868. № 24.

Дело 1727 г. об упыре // Киевлянин. 1875. № 30.

Десятин Г. Песиголовці (Демонологічний обрис) // Рада. 1883. Ч. 1.

Дикарєв М. Посмертні писання... з поля фольклору і мітольогії // Зб. філол. секції НТШ. Львів, 1903. Т. VI.

Дмитрюков А. Дополнение к очеркам демонологии малороссиян // Маяк. 1842. Кн. XII.

Дмитрюков А. Очерк демонологии малороссиян // Москвитянин. 1865. Т. XII, кн. 25.

Долинский С. Этнографические заметки о свадебных обрядах, собранные в м. Загниткове Ольгопольского уезда // Под. епарх. ведомости. 1887. № 40, 41, 42, 43.

Ефименко П. Казка про кравця і вовка й Казка про козла і барана // Черн. губ. ведомости. 1860. № 21.

Ефименко П. Суд над ведьмами // Киев. Старина. 1883. № 11.

Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Руси // Етногр. зб. 1896. Т. 2.

Жизнь и творчество крестьян Харьковской губернии: Очерки по этнографии края. Х., 1898. Т. 1.

Здерковский И. О русалках // Зоря Галицька. 1851. № 99, 100.

Зеленин Д. К вопросу о русалках (Культ покойников, умерших неестественною смертию, у русских и финнов). СПб., 1912.

Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Вып. 1: Умершие неестественной смертью и русалки. Пг., 1916.

Иванов П. Вовкулаки (Материалы для характеристики мировоззрения крестьян-малороссов) // Юбил. сб. в честь Вс. Ф. Миллера. М., 1900.

Иванов П. В. Дни недели (К малорусской этнографии). Х., 1905.

Иванов П. Из области малорусских народных легенд // Этногр. обозрение. 1892. № 2—3.

Иванов П. Народные поверья, приметы, пословицы и загадки, относящиеся к малорусской хате // Харьк. сб. 1889. Вып. 3.

Иванов П. Народные представления и верования, относящиеся к внешнему миру // Харьк. сб. 1888. Вып. 2.

Иванова А., Марусов П. Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии. Слобода Кабанье // Харьк. сб. 1893. Т. VII.

Из народных рассказов в Новороссии // Киев. Старина. 1885. № 10

Исаевич С. Н. Еще рассказец о вовкулаках и чаровниках // Киев. Старина. 1883. № 12.

Із української демонології (про мавок, русалок) // Воронеж губ. ведомости. 1850. № 16.

Ілінський Г. Українське химорода — чари // Україна. 1914. Кн. III.

Кареев Н. Мифологические этюды // Филол. зап. Воронеж, 1873. № 2.

Кибальчич Т. В. Сообщение о русалках и погребальных обычаях по представлению южнорусского народа // Известия РГО. 1876. № 12.

К-ий С. Нарис історії віри в чорта // Житє і Слово (Львів). 1896. Кн. III, IV.

Клингер В. Животное в античном и современном суеверии. К., 1911.

Кобринська Н. Відьма (по народним казкам і оповіданням). Львів, 1894.

Колесса Ф. Людові вірування на Підгір'ю в с. Ходовичах Стрийського повіту // Етногр. зб. Львів, 1896. Т. V.

Королевський Ф. Кирографічні вірування в Жидачівському повіті // Дєло (Львів). 1901. № 126.

Коропчевский П. Открытые тайны народных поверий // Полт. губ. ведомости. 1844. № 20.

Костомаров Н. И. О мифологическом значении Горя-Злосчастия // Современник. 1856. № 10.

Костомаров Н. И. Славянская мифология (Извлечение из лекций, читанных в университете св. Владимира во второй половине 1846 г.). К., 1847.

Кравченко В. Г. Звичаї в селі Забрідді та по деяких інших, недалеких від цього села місцевостях Житомирського повіту на Волині: Етногр. матеріали. Житомир, 1920.

Кравченко В. Г. Этнографические материалы, собранные в Волынской и соседних с ней губерниях // Труды Общ. исслед. Волыни. Житомир, 1911. Т. V; 1914. Т. XII.

Краснокутский С. А. Народные поверья в Малороссии: со слов сельской бабки // Киев. епарх. ведомости. 1880. № 26, 30, 37, 38.

Кудринский Ф. Божий час (Из недавнего прошлого) // Киев. Старина. 1892. № 12.

Лебедев А. О борьбе духовных властей в бывшей епархии Белгородской с суевериями // Киев. Старина. 1890. № 1.

Левицкий А. Старинные воззрения на самоубийство и отголосок их в народных обычаях Южной Руси // Киев. Старина. 1891. № 12.

Левицький А. Світогляд українського народу: Ескіз української міфології. Львів, 1877.

Лепкій Д. Дещо про вовкулаків // Зоря. 1885. № 20.

Лепкій Д. Народні повірки про вітер // Зоря. 1882. № 23.

Лепкій Д. П. Хованець, або бог-домовык // Зоря. 1883. № 7.

Лепкій Д. Чорт; Домашнє житє нашого люду в деяких его верованиях; Обряды хрещеня малых детей на Руси та деяки верования і забобони людови; Лицари та розбійники в деяких людових казках та верованиях // Зоря. 1887. № 3, 6—8, 18, 19, 20.

Лепкій Д. Як-то дівчата приворожують женихов; З вероваия нашого люду: перелесник, манія, мара; Про народні забобони, уроки, перестрах, блуд або ман, обійнык // Зоря. 1884. № 1, 5, 13—15, 23.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

Малинка А. Н. Сборник материалов по малорусскому фольклору (Черниговская, Волынская, Полтавская и некоторые другие губернии). Чернигов, 1902.

Малорусская демонология // Православн. вестн. 1900. № 239.

Манжура И. И. К легендам о летающих змеях // Этногр. обозрение. 1892. № 2—3.

Мендельсон Н. М. К поверьям о св. Касьяне // Этногр. обозрение. 1897. № 1.

Мердер А. Мелочи из архивов Юго-Западного края // Киев. Старина. 1900. № 1—3, 7—8.

Метлинский А. Южный Русский Зборник. К., 1848.

Народная вера в домового // Под. епарх. ведомости, 1884. № 12.

Народні повір'я про дніпровських русалок // Одес. альманах. 1831. № 12.

Народное воззрение на холеру // Киевлянин. 1873. № 129.

Народные верования о русалках и связь этих верований с церковной службой православной церкви в субботу перед Пятидесятницей и учением церкви о травах и цветах, приносимых в церковь в день Пятидесятницы // Киев. губ. ведомости. 1885. № 18.

Народные поверья о св. мученице Параскеве, нареченной Пятницей // Екатериносл. епарх. ведомости. 1884. № 19.

Немирович-Данченко В. Народы России. Малороссы // Нива. 1874. № 29.

Никифоровский П. Я. Простонародные приметы и поверья, суе-

верные обряды и обычаи, легенды и сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.

Новицкий Я. Духовный мир в представлении малорусского народа. Екатеринослав, 1912.

О поверьях, предрассудках и разных обычаях жителей некоторых селений Бердянского уезда. Симферополь, 1863.

Об упыре с хвостом, влиянии его на бездождие и меры борьбы с ним // Москва. 1867. № 98.

Об упырях // Киевлянин. 1865. № 87.

Оглоблин Н. Очерки из быта Украины конца XVIII ст. Сожжение ведьмы // Киев. Старина. 1887. № 5.

Ом-ский А. Из народных поверий о черте // Киев. Старина. 1883. № 11.

Отыскивание ведьмы в с. Борках Киевского уезда // Киевлянин. 1870. № 51.

Пастернак Я. Звичаї та вірування в с. Зіболках Жовківського повіту // Матеріали до етнології й антропології. Львів, 1929. Т. XXI — XXII.

Перетц В. Декілька етнографічних даних з старих рукописів // Україна. 1914. Кн. І.

Петров В. Вірування в віхор і чорна хвороба // Етногр. вісн. 1927. Кн. 3.

Поверья малороссийские (Волколак. Упырь. Ведьма) // Слово. (Львов). 1880. № 82, 83.

Порфирьев И. Я. О почитании среды и пятницы в древнем русском народе // Православн. собеседник. 1859. № 1.

Потебня А. А. О доле и сродных с нею существах. М., 1867.

Разрытие могил самоубийц, обливание их водою и пронзание колом или утопление трупа как средство от засухи // Киевлянин. 1872. № 78, 82.

Ревякин П. Из народных уст: Вовкулаки // Основа. 1861. № XI — XII.

Рклицкий С. Борьба духовной власти с культом русалок и Купала на Украине в конце XVIII века // Укр. журн. Х., 1913. № 9.

Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915.

Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1841—1849. Т. 1—2.

Сементовский А. М. Очерки малороссийской демонологии // Киев. губ. ведомости. 1845. № 13, 15, 16.

Снегирев И. Русальная неделя // Вестн. Европы. 1827. № 8.

Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837—1839. Вып. I — IV.

Сонни А. Горе и доля в народной сказке // Университет. известия. К., 1906. № 10.

Срезневский И. И. Взгляд на памятники украинской народной словесности // Уч. зап. Моск. ун-та. 1834. Ч. VI, № 4.

Срезневский И. И. Славянская мифология, или О богослужении русском в язычестве // Укр. вестн. Х., 1817. Ч. 6, № 4.

Стороженко О. З народних уст: Се така баба, що чорт їй на махових вилах чоботи оддавав // Основа. 1861. № 9.

Стороженко О. З народних уст: Скарб. Жонатий чорт // Основа. 1861. № 11—12.

Стороженко О. Відьми: З побуту Полісся // Правда (Львів). 1876. № 2.

Стороженко О. Закоханий чорт // Основа. 1861. № 2.

Суеверные обряды простонародья Западного края // Киев. губ. ведомости. 1876. № 23.

Сумцов Н. Ф. Дополнение к статьям о Доле и Недоле // Этногр. обозрение. 1892. № 4.

Сумцов Н. Ф. Колдуны, ведьмы и упыри. Х., 1891.

Сумцов Н. Ф. Личные обереги от сглаза. Х., 1896.

Сумцов Н. Ф. Песни и сказки о живом мертвеце. К., 1894.

Сумцов Н. Ф. Пожелания и проклятия (преимущественно малорусские). Х., 1896.

Тихорский Н. Судьба (малороссийское предание) // Маяк. 1842. Т. VI, кн. XII.

Трусевич И. Предания, поверья, пословицы и песни жителей Полесья: клады и могилы, похороны и поминки, черти, знахари, ведьмы и русалки, зилле, праздничные обряды, поверья и предрассудки // Киевлянин. 1865. № 20, 51, 52, 57, 65—71, 107, 108, 109, 111, 113, 120.

Тулуб П. А. Суеверие и преступление (Из воспоминаний мирового судьи) // Ист. вестн. СПб., 1901. № 3.

Убийство в XVIII в. священника с Войтовки по подозрению, что он упырь // Киевлянин. 1868. № 145.

Франко І. Я. Вій, Шолудивий Буняка і Юда Іскаріотський // Україна. 1907. № 1.

Франко І. Я. Людові вірування на Підгір'ю // Етногр. зб. Львів, 1898. Т. IV.

Франко І. Я. Слово про збурене пекла: Українська пасійна драма. Львів, 1908.

Целевич Ю. П. Вовкулаки // Дело (Львів). 1891. № 238.

Цыбульский С. Всенародное купанье ведьм в озере (от засухи) и судебная от того волокита // Киев. Старина. 1885. № 11.

Червинский А. К вопросу о суеверном почитании народом пятницы // Земск. сб. Черниг. губ. 1900. № 4, 9.

Яворский Ю. Домовик в галицко-русских верованиях; Галицко-русские поверья об опырях; Из галицко-русских народных сказаний и суеверий; Галицко-русские поверья о дикой бабе; Из сборника

галицко-русских сказок, собранных для предполагаемого сборного издания Географического общества // Живая старина. 1897. Вып. 1.

Яворский Ю. А. Omne vivum ex ovo: К истории сказаний и поверий о яйце. К., 1909.

ЗМІСТ

Зав. редакцією *С. В. Головко*
Оформлення художника *Ю. В. Бойченка*
Художній редактор *О. Г. Григір*
Технічний редактор *Є. Г. Рубльов*
Коректори *А. В. Бородавко, Л. Ф. Іванова, Т. А. Лукашина*

Здано до набору 06.05.91. Підп. до друку 17.09.92.
Формат 84×108/32. Папір газ. Гарн. Тип Таймс. Вис. друк
Ум. друк. арк. 33,6. Ум. фарб.-відб. 33,6. Обл.-вид. арк. 40,42.
Вид. № 3118. Зам. № 2—2614.

Видавництво «Либідь» при Київському університеті,
252001 Київ, Хрещатик, 10

Головне підприємство республіканського виробничого об'єднання «Поліграфкнига», 252057 Київ, вул. Довженка, 3

Видання виготовлене на автоматизованій системі «DIS» та фотоскладальному комплексі «Каскад»

У45 **Українці:** народні вірування, повір'я, демонологія / Упор., прим. та біогр. нариси А. П. Пономарьова, Т. В. Косміної, О. О. Боряк; Вст. ст. А. П. Пономарьова; Іл. В. І. Гордієнка.— 2-е вид.— К.: Либідь, 1991.— 640 с.; іл. («Пам'ятки історичної думки України»)
ISBN 5-325-00371-2.

Збірка знайомить із класичними зразками української етнографічної спадщини, які довгий час були вилучені з нашого духовного життя. Перед читачем постає дивовижний і захоплюючий світ уявлень наших предків, їхні звичаї, вірування, забобони тощо. Книга має науково-довідковий апарат, ілюстрації.

Для викладачів, науковців, студентів, усіх, хто цікавиться вітчизняною історією та етнографією.

У $\frac{0505000000-136}{224-92}$ БЗ-24-2-92

ББК 63.5(2Ук)